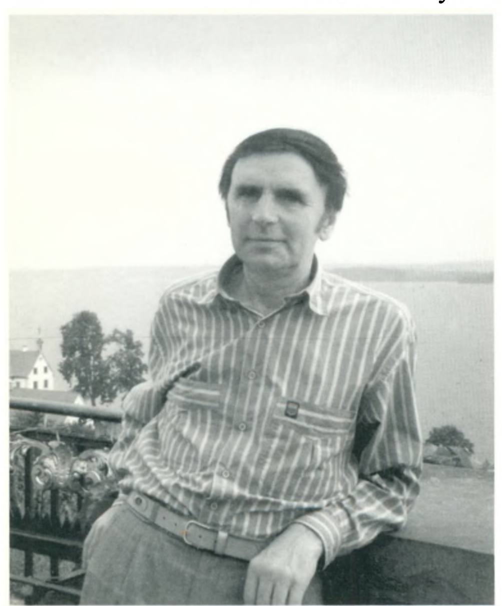
А. А. Зализняк

«РУССКОЕ ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ИЗБРАННЫХ РАБОТ ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

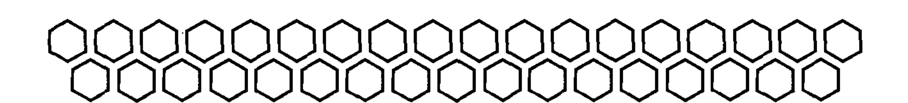
ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Андрей Анатольевич Зализняк родился в 1935 г. Лингвист, специалист в области современной и исторической грамматики русского языка, сравнительного и общего языкознания. Действительный член РАН, профессор. Работает в Институте славяноведения РАН. Параллельно с работой в Академии наук более двух десятилетий преподавал на филологическом факультете МГУ. Преподавал также в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа и Женевы; выступал с лекциями в ряде университетов Италии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, Швеции и Англии. С 1982 г. участвует в работе Новгородской археологической экспедиции и посвящает основное внимание изучению новгородских берестяных грамот.



Основные книги: Русское именное словоизменение (1967), Грамматический словарь русского языка (1-е изд. 1977), Грамматический очерк санскрита (в составе «Санскритско-русского словаря» В. А. Кочергиной, 1-е изд. 1978), От праславянской акцентуации к русской (1985), «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник (1990), Древненовгородский диалект (1995), Новгородские грамоты на бересте (в соавторстве с В. Л. Яниным) — тома VIII (1986), IX (1993), X (2000).

STUDIA PHILOLOGICA



А. А. Зализняк

✦

«РУССКОЕ ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»

С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ИЗБРАННЫХ РАБОТ
ПО СОВРЕМЕННОМУ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ
И ОБЩЕМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

ББК 81.2Рус-2
З 22

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-04-16106

Зализняк А. А.

З 22 «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. — М.: Языки славянской культуры, 2002. – I–VIII, 752 с. – (Studia philologica).

ISBN 5-94457-066-0

Сборник представляет собой переиздание книги «Русское именное словоизменение», дополненное значительным количеством менее крупных работ по современной русской грамматике и общему языкознанию, написанных в течение последних десятилетий.

81.2Рус-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Со времени выхода в свет «Русского именного словоизменения» прошло 35 лет. При такой временнóй дистанции становится нереальной (и едва ли оправданной) задача нового редактирования текста в свете того, что произошло за это время в лингвистике. Поэтому мы предпочли ограничиться в настоящем издании лишь исправлением замеченных опечаток. Определенное представление о том, что сохранилось за это время в сфере рассматриваемых в книге проблем и что изменилось, даст читателю публикуемая в этом же томе статья С. А. Крылова.

К «Русскому именному словоизменению» примыкает по тематике ряд других работ, посвященных морфологии и акцентологии современного русского языка, которые тоже переиздаются в составе настоящего тома. Кроме того, в том включены работы разных лет по общелингвистической проблематике.

Май 2002 г.

А. А. ЗАЛИЗНЯК

РУССКОЕ ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

Книга содержит исчерпывающую классификацию типов склонения имен (существительных, прилагательных, причастий, числительных, местоимений) в современном русском литературном языке и правила образования всех словоформ любого склоняемого русского слова. Содержащееся в монографии описание системы русского именного словоизменения имеет большое значение, с одной стороны, для таких практических задач, как обучение русскому языку и разработка автоматического синтеза русского текста, с другой стороны, для общей теории словоизменения и для типологического изучения славянских языков.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. Н. ТОПОРОВ

ВВЕДЕНИЕ

§ 0.1. Термин «словоизменение» может употребляться в двух смыслах — частном и общем. В частном смысле словоизменением данного слова называется его парадигма, т. е. совокупность всех его словоформ [1]. В общем смысле словоизменением данного языка называется соответствие, при котором каждому слову отвечает его парадигма (т. е. его частное словоизменение).

Настоящая книга представляет собой описание именного словоизменения современного русского литературного языка. Под именным словоизменением понимается та часть словоизменения, которая охватывает так называемые имена, т. е. слова, традиционно относимые к числу имен существительных, имен прилагательных (сюда же включаются причастия), имен числительных и местоимений [2]. Описание сведено здесь к решению следующей практической задачи: произвести классификацию некоторой точно определенной (притом достаточно большой) совокупности русских именных парадигм и дать основанные на этой классификации правила синтеза именных парадигм, т. е. правила, позволяющие

---

[1] Более точно о парадигме см. § 1.8. Относительно наиболее общих лингвистических терминов (слово, словоформа, существительное, прилагательное, глагол, словосочетание, синтаксическая связь и т. п.) укажем следующее. Здесь и во всех других случаях, где наша цель состоит лишь в том, чтобы по возможности понятно указать, что именно имеется в виду, мы будем употреблять эти термины без каких-либо пояснений, опираясь непосредственно на лингвистическую традицию. В дальнейшем изложении некоторые из этих терминов будут уточнены. Без пояснений в книге используется также несколько математических терминов: алгоритм, множество, теоретико-множественная сумма, разбиение на классы, матрица. Их определения можно найти, например, в следующих работах: определение термина «алгоритм» — в статье В. А. Успенского «Алгоритм» (см.: «Философская энциклопедия», т. I. М., 1960); определения остальных терминов — в приложении к книге П. С. Александрова «Введение в теорию групп» (М., 1954) или в книге Дж. Кемени, Дж. Снелла, Дж. Томпсона «Введение в конечную математику» (М., 1963).

[2] Именное словоизменение (как в общем, так и в частном смысле) называют также склонением (так же, как глагольное словоизменение — спряжением). Однако «склонение» часто понимают и в более узком смысле — только как изменение имен по падежам.

построить, в соответствии с существующей литературной нормой, парадигму любого русского имени (из взятой совокупности). Этот раздел русской морфологии изучается уже давно; ему посвящена обширная научная литература. Тем не менее сформулированная выше практическая задача в полном объеме не разрешена.

Непосредственным объектом исследования являются парадигмы всех имен, содержащихся хотя бы в одном из следующих двух словарей: Бильф., АО. Таких имен около 55 000; в дальнейшем мы называем эту совокупность слов «исходным материалом» [3]. Объем исходного материала достаточно велик для того, чтобы выявились все или почти все возможные типы русских именных парадигм, а также для того, чтобы построенные на его основе правила были практически полезны (т. е. давали лишь незначительный процент ошибок) и за его пределами. В то же время строгое ограничение исследуемого материала дает возможность точно проверить полноту классификации и эффективность любого предлагаемого правила. При изучении отдельных проблем могут быть рассмотрены также те или иные группы слов, не входящие в исходный материал; однако в классификации и правилах синтеза этот дополнительный материал не учитывается.

Всякое описание давно изучаемого объекта, если оно претендует на полноту, неизбежно должно включать значительное количество уже известных фактов, уже встречавшихся трактовок и т. д. Вообще говоря, в таких случаях были бы желательны исторические справки. Однако здесь «история вопроса» так велика, что она должна составить предмет отдельного исследования, едва ли не большего объема, чем само описание. В задачи настоящей работы такое исследование не входило. Имеющиеся в тексте библиографические указания не являются исчерпывающими [4].

Синтез и классификация

§ 0.2. Описание некоторой совокупности языковых объектов с помощью правил, позволяющих синтезировать (или «породить») эту совокупность из некоторых более простых объектов, уже давно успешно применяется в языкознании; поэтому нет необходимости специально обосновывать законность и эффективность

---

[3] Объем исходного материала определен здесь несколько огрубленно; подробнее см. § 4.1.

[4] Специально отметим несколько работ, посвященных русскому именному словоизменению, влияние которых наиболее сильно сказалось в настоящей книге: N. Durnovo. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. «Revue des études slaves», t. II. Paris, 1922; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945; Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением. «American contributions to the IV-th International congress of slavicists». 's-Gravenhage, 1958.

такого приема описания [5]. Более сложный вопрос представляет собой соотношение между синтезом и классификацией. Рассмотрим его несколько подробнее.

Приступая к решению задачи синтеза, исследователь непременно уже каким-то образом знает всю описываемую совокупность объектов, т. е. будущий результат процедуры синтеза. Например, он умеет построить парадигму любого слова (если речь идет о синтезе парадигм), грамматически правильную фразу с любым заданным смыслом (если речь идет о синтезе фраз) и т. д. Это знание может быть несколько неопределенным, не сформулированным строго, но оно непременно есть; в противном случае исследователь не мог бы построить никакой практически полезной процедуры синтеза. На основе этого знания исследователь прежде всего выделяет существенные признаки, по которым один объект из описываемой совокупности отличается от другого, т. е. производит некоторую классификацию этой совокупности объектов. Выделенные таким образом признаки включаются в состав исходных сведений для синтеза. Если признаки выделены достаточно удачно, сама процедура синтеза оказывается легко осуществимой.

Таким образом, классификация является необходимой предварительной ступенью для синтеза. Она может выступать в неявной форме, но без нее сколько-нибудь разумный синтез невозможен. Так, например, при синтезе парадигм у русских существительных на ь обычно используется дополнительная информация о роде существительного; эта особенность синтеза в действительности определяется тем, что на одном из этапов предшествующей классификации парадигм было обнаружено существование двух типов парадигм с И. ед. на ь (соответственно *день* и *тень*).

---

[5] Отметим лишь, что задача синтеза некоторой совокупности языковых объектов (назовем ее A), вообще говоря, может пониматься двояко: 1) требуется построить правила, которые порождают все члены совокупности A и не порождают объектов, не принадлежащих A; 2) требуется построить правила, позволяющие для любого члена некоторой другой совокупности B найти (в частности, построить) соответствующий ей объект из A. Разница, таким образом, здесь в том, что в первом случае объекты из совокупности A рассматриваются сами по себе, а во втором случае — как функция от некоторых других единиц. Примеры задач первого рода: дать правила порождения полного списка морфем, полного списка словоформ, полного списка словосочетаний, полного списка грамматически правильных фраз данного языка. Примеры задач второго рода: дать правила, позволяющие каждому заданному значению (или комбинации значений) сопоставить выражающую это значение морфему или морфемы (соответственно — словоформу, словосочетание, фразу). Наиболее естественным средством решения задач первого рода являются исчисления, задач второго рода — алгоритмы. Заметим также, что термины «порождение» и «синтез», по-видимому, было бы естественно разграничить, закрепив первый за решением задач первого рода, второй — за решением задач второго рода. Как видно из § 0.1, в настоящей работе под синтезом именных парадигм понимается задача второго рода: дать правила, которые позволяют для каждого имени построить его парадигму.

Возможна, правда, точка зрения, согласно которой классификацию, лежащую в основе синтеза, не нужно формулировать явно и рассматривать как самостоятельную часть описания: при необходимости она может быть усмотрена из самих правил синтеза. Однако такая точка зрения, обычно применяемая, например, при составлении алгоритмов машинной обработки текстов (т. е. при так называемом общении человека с машиной), оказывается неприемлемой, когда речь идет о лингвистическом описании, предназначенном для людей. Дело прежде всего в том, что извлечение классификации из правил синтеза представляет собой весьма нелегкую операцию, которая может к тому же давать неоднозначный результат. Между тем классификация несомненно представляет собой более удобную форму передачи информации о языке от одного человека к другому, чем правила синтеза, по крайней мере когда речь идет о морфологии (именно поэтому традиционные описания морфологии по своей логической структуре обычно приближаются к классификации). Кроме того, в алгоритмах синтеза, которые опираются лишь на неявную классификацию, всегда возможны ошибки, связанные с неполнотой этой предварительной классификации. Наконец, существенно то, что классификация необходима не только для синтеза, но и для ряда других задач; в частности, классификация парадигм необходима для построения различных аналитических процедур, для составления учебников, словарей, справочных пособий и т. д. По указанным причинам классификация именных парадигм дана в настоящем описании в явной форме и при этом отделена от правил синтеза.

Различительные признаки и их значения. Типы классификации

§ 0.3. Сравнивая между собой какие-либо объекты, мы можем установить, например, что они различаются по цвету, по форме и т. д. Цвет (вообще), форму (вообще) и т. п. абстрактные характеристики мы можем назвать в этом случае различительными признаками сравниваемых объектов, а конкретные цвета (например, белый, зеленый и т. д.) или конкретные формы (например, кубическую, шаровую и т. д.), свойственные данным объектам, — значениями этих различительных признаков. Мы будем говорить, например, что некоторый предмет имеет значение «белый» различительного признака «цвет» (или, что то же самое, различительный признак «цвет» принимает у данного предмета значение «белый»). Другие примеры: различительный признак «род» принимает у слова *дом* значение «мужской»; различительный признак «глухость—звонкость» принимает у фонемы /б/ значение «звонкость». Следует учитывать, что в обиходной, а также и в научной практике слово «признак» (и даже «различительный признак») часто применяется также к тому, что выше на-

звано значением различительного признака (например, говорят: «признак белизны», «фонема /б/ имеет признак звонкости» и т. п.). Во избежание возникающей при этом двусмысленности мы будем в дальнейшем строго придерживаться описанного выше словоупотребления, четко разграничивая различительный признак и его значения.

Всякая классификация некоторой совокупности объектов построена на учете тех или иных различительных признаков этих объектов. При этом возможны следующие два случая: 1) каждый различительный признак, используемый в классификации, принимает какое-то из своих значений у каждого классифицируемого объекта; 2) имеется хотя бы один различительный признак, по которому характеризуются не все объекты, а только их часть. Условимся называть классификацию в первом случае универсальной, во втором — древовидной. Универсальная классификация позволяет при необходимости получать разбиение всей рассматриваемой совокупности объектов на классы по любому различительному признаку или по любой группе признаков. Древовидная классификация такой возможности не дает. Она образуется чаще всего в результате последовательных делений следующего типа: вся рассматриваемая совокупность объектов делится по некоторому признаку A, например на классы a_1 и a_2 (для простоты здесь можно считать, что все признаки бинарны, что в действительности необязательно); далее класс a_1 делится по признаку B на подклассы b_1 и b_2, а класс a_2 делится по признаку C на подклассы c_1 и c_2, и т. д. (Отсюда выбор самого термина «древовидный»). Примером древовидной классификации может служить традиционное деление звуковых единиц на гласные и согласные, с последующим делением гласных, например, по степеням подъема, а согласных по месту образования и т. д. Примером универсальной классификации может служить классификация фонем с помощью различительных признаков, предложенных Р. Якобсоном (при условии, что значение «ни плюс ни минус» признается особым, третьим значением всякого признака).

С чисто технической точки зрения универсальный тип классификации имеет определенные преимущества перед древовидным. Прежде всего он позволяет представить результаты классификации в более обозримом и компактном виде. В частности, можно непосредственно установить степень и существо различия между любыми двумя классифицируемыми объектами: это видно из того, сколько и какие именно различительные признаки принимают у этих объектов разные значения. Универсальный тип классификации позволяет также упростить и унифицировать формулировку самых разнообразных правил (в особенности правил синтеза); например, без каких-либо ограничений могут применяться стандартные формулы типа: «проверить, какое значение принимает у рассматриваемого объекта такой-то различительный

признак»; «если рассматриваемый объект имеет такое-то значение определенного различительного признака, то . . .» и т. п.

Более существенна, однако, другая особенность универсальных классификаций, а именно то, что во многих случаях такая классификация позволяет глубже проникнуть в природу рассматриваемой совокупности объектов. В самом деле, первоначальное наблюдение как правило приводит к древовидной классификации наблюдаемых объектов: разделив объекты на классы по самому важному признаку (или признакам), наблюдатель обычно не сразу обнаруживает черты сходства во внутренней организации этих классов (поскольку это сходство замаскировано слишком большим материальным различием между объектами разных классов). Такие черты сходства, если они действительно имеются, открываются при последующем более глубоком изучении; соответственно первоначальная древовидная классификация в той или иной степени изменяется в сторону универсального типа. Так, например, универсальная система фонологических различительных признаков Р. Якобсона преодолела «барьер», разделявший гласные и согласные.

Разумеется, далеко не всякая универсальная классификация обладает такого рода внутренними преимуществами перед древовидной. Дело в том, что любую древовидную классификацию можно превратить в универсальную одними лишь внешними, чисто механическими приемами, никак не меняя конечного разбиения объектов на классы. Для этого достаточно ввести для каждого признака, встречающегося во взятой древовидной классификации, некоторое дополнительное значение (назвав его, например, «нулевым») и приписать его всем объектам, которые ранее вообще не характеризовались по данному признаку. (С формальной точки зрения, можно воспользоваться для этой цели даже одним из уже имеющихся значений данного признака.) Кроме того, можно объявить единым признаком любые два признака, выступающие в разных ветвях исходной древовидной классификации (не заботясь о том, есть ли между этими признаками реальное сходство) [6]. Таким образом, переход от древовидной классификации к универсальной может включать в себя как операции, позволяющие адекватнее отобразить природу изучаемого объекта, так и чисто внешние изменения формулировок, способствующие лишь стандартизации описания. Первые можно назвать «содержательной универсализацией», вторые — «механической универсализацией».

В существующих описаниях русской морфологии встречается только древовидный тип классификации. В настоящей работе

---

[6] Существуют столь же механические способы превращения любой универсальной классификации в древовидную (здесь нет необходимости их рассматривать).

ввиду описанных выше преимуществ принята классификация универсального типа. Некоторые из ее отличий от существующих древовидных классификаций достигнуты за счет «содержательной универсализации». Там, где другой возможности не представлялось, применена «механическая универсализация».

Описываемая форма языка

§ 0.4. В настоящей работе предполагается, что внешняя сторона любой словоформы представлена в письменной форме [7], а именно, записана по правилам действующей орфографии (за исключением случаев, где специально оговорено применение какой-то иной записи). При этом из разных вариантов орфографической записи выбран тот, в котором: 1) обозначается место ударения; 2) буква *ё* нигде не заменяется буквой *е*. Этот вариант записи мы будем ниже называть акцентуированной орфографической записью. В частности, в акцентуированной орфографической записи внешняя сторона словоформ предстает в начальный момент классификации парадигм; эта же запись является конечным результатом работы правил синтеза.

Наряду с акцентуированной орфографической записью, в некоторых разделах книги используется особая вспомогательная запись. Она является производной от акцентуированной орфографической записи (т. е. получается из последней по определенным правилам преобразования) и рассматривается лишь как технический прием, упрощающий некоторые разделы классификации и некоторые этапы синтеза. (Подробнее о роли вспомогательной записи см. § 6.35—6.36.)

Орфографическая запись отличается от прочих видов письменной записи прежде всего тем, что она общепринята. Именно она является нормальной формой фиксации уже созданных и создаваемых ныне русских текстов. Она же (обычно в своем акцентуированном варианте) применяется и в подавляющем большинстве существующих описаний русского языка, в частности во всех словарях. Все прочие виды записи — в частности, фонетическая, фонологическая, морфонологическая транскрипции — существуют не столько в реализованном виде (т. е. в виде записанных соответствующим образом русских текстов), сколько в виде правил,

---

[7] Подчеркнем специально, что под противопоставлением письменной и устной форм языка здесь подразумевается только различие между записанным и звучащим текстом, а отнюдь не совокупность различий стилистического характера, отличающих тексты, существующие преимущественно в письменной форме (художественная литература, в особенности проза, научная литература, деловые бумаги и т. д.), от текстов, существующих преимущественно в устной форме (разговорных). Это второе различие иногда также называют противопоставлением письменной и устной форм языка.

позволяющих производить такие тексты. Нет и словарей, построенных на какой-либо из этих транскрипций. Правила записи языковых единиц с помощью фонетической, фонологической или морфонологической транскрипции теоретически могут быть независимы от орфографии, т. е. исходить непосредственно из звучания. Однако во всяком практическом изложении этих правил явно или неявно предполагается, что известен также орфографический вид рассматриваемых единиц; тем самым эти правила хотя бы частично предстают в виде «пересчета» от орфографической записи.

Существенно также то, что ввиду своей социальной значимости орфографическая запись имеет сравнительно четкую и общеобязательную регламентацию. Что же касается транскрипций разного рода, то здесь, как известно, нет полного единства; поэтому лингвист, пользующийся транскрипцией, обычно вынужден уточнять те или иные особенности используемой им системы транскрипции или даже полностью излагать эту систему.

В настоящей работе в качестве основного источника сведений о том, каковы словоформы рассматриваемых слов, используются словари (подробнее об этом см. § 4.2). Иначе говоря, классификации подвергается не результат собственных наблюдений автора, а материал, собранный усилиями многих лексикографов и грамматистов. Ввиду сказанного выше очевидно, что необходимо либо рассматривать этот материал непосредственно в той записи, которая применяется в словарях (т. е. в акцентуированной орфографической), либо, если предпочтительна какая-то иная запись, дать строгие правила перехода к этой новой записи от акцентуированной орфографической. Понятно, однако, что даже и в последнем случае в качестве исходной, первичной записи словоформ фактически выступает акцентуированная орфографическая, а переход к другой записи естественно рассматривать уже как начальный этап описания (ср. выше о вспомогательной записи). Таким образом, выбор акцентуированной орфографической записи обусловлен прежде всего существующей лексикографической и грамматической традицией.

Сама эта традиция, однако, имеет под собой глубокие основания. Дело в том, что для практики непосредственную ценность представляют только две формы существования языковых единиц: устная и обычная (т. е. неакцентуированная) орфографическая. В самом деле, всякую словоформу или иную языковую единицу необходимо, во-первых, уметь правильно произнести, во-вторых, уметь общепринятым образом записать. В русском языке ни одна из указанных форм не может быть выведена из другой непосредственно, без привлечения значительного количества дополнительной информации. В то же время из акцентуированной орфографической записи языковых единиц можно с помощью сравнительно простых правил получить как обычную

орфографическую запись, так и устную форму этих единиц [8]. Таким образом, акцентуированная орфографическая запись удовлетворяет сразу обеим указанным выше практическим потребностям. Именно это и делает целесообразным использование ее в словарях и грамматиках.

Вспомогательные указания

§ 0.5. В работе используется следующая классификация букв русского алфавита: 1) гласные буквы (сокращенно просто «гласные»): *а, е, ё, и, о, у, ы, э, ю, я*; 2) согласные буквы (сокращенно просто «согласные»): *б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ* (четыре из них: *ж, ш, ч, щ* — называются «шипящими») [9]; 3) *ь*; 4) *ъ*. Как особая буква русского алфавита (помещающаяся в самом его конце) рассматривается также дефис [10].

В последующем изложении может быть использован термин «слог». Ему придается следующее значение: слог — это часть словоформы, содержащая ровно одну гласную и произвольное количество других букв. Для целей настоящей работы такого определения достаточно, поскольку во всех случаях, где будет применяться понятие слога, будет существенно лишь то, сколько слогов со-

---

[8] Для перехода от акцентуированной орфографической записи к неакцентуированной достаточно снять знаки ударения. Переход к устной форме совершается по правилам, которые в практике преподавания называются «правилами чтения». Наиболее полным сводом таких правил для современного русского языка является работа Р. И. Аванесова «Сведения о произношении и ударении», включенная в АО (стр. 664—708).

[9] Мы используем для единиц графического уровня названия «гласные», «согласные», также «шипящие» и т. д., относящиеся по своей природе к единицам фонетического уровня. В работе, где единицы фонетического уровня не рассматриваются, это не приведет ни к каким недоразумениям. Единственное неудобство состоит в том, что такое словоупотребление внешне перекликается с донаучным неразличением буквы и звука; мы полагаем, однако, что на современном уровне развития языкознания это уже не опасно.

[10] Исключение составляет случай, когда дефис ставится, в соответствии с традицией, перед отдельно выписанным окончанием, например: «окончание *-ами*» (с формальной точки зрения этот случай опознается по тому, что дефис стоит в начале выписанной буквенной цепочки). Здесь дефис не считается самостоятельной буквой и, следовательно, не входит в состав цепочки, образующей окончание.

Отметим, кроме того, что особой буквой русского алфавита должен считаться также апостроф: он содержится в некоторых иностранных собственных именах, например *Жанна д'Арк, д'Обиньé, О'Кóннор*. Однако в наш исходный материал ни одно слово, содержащее апостроф, не входит. Это обстоятельство существенно для § 6.26 и 6.39, где апостроф использован как вспомогательный символ с иной функцией. (Для того, чтобы правила этих параграфов давали верный результат также для слов с апострофом, необходимо либо использовать там в качестве вспомогательного какой-нибудь другой символ, либо дополнить эти параграфы правилами, предусматривающими какое-то преобразование обычного, «орфографического», апострофа.)

ставляет заданная буквенная цепочка, а этот вопрос на основании данного определения решается однозначно. В частности, мы будем различать «слоговые» (т. е. образующие хотя бы один слог) и «неслоговые» (т. е. не образующие самостоятельного слога, иначе говоря, не содержащие гласной) буквенные цепочки; так, например, словоформа *ка́мень* имеет слоговую (а именно, двусложную) основу *камен* и неслоговое окончание *ь*.

В соответствии с § 0.4 предполагается, что в каждой словоформе, рассматриваемой в настоящей работе, над одной из гласных стоит знак главного ударения (ʹ)[11]. (В дальнейшем главное ударение называется просто ударением.) Мы будем говорить об этой гласной, что на нее падает ударение; то же самое может быть сказано и о слоге, содержащем эту гласную. Таким образом, формулировка «ударение падает на такой-то по счету слог» равносильна формулировке «ударение падает на такую-то по счету гласную».

Практически, однако, приводя словоформы или фразы в тексте книги, мы будем как правило опускать знаки ударения в следующих случаях: 1) если приводится целая фраза или словосочетание (т. е. любой связный текст, состоящий из двух или более словоформ), например: *вижу этого юношу*, *белая стена* (вместо *ви́жу э́того ю́ношу*, *бе́лая стена́*); 2) в словоформах, где ударение падает на *ё* и во всех односложных словоформах (даже если они приводятся изолированно)[12], например: *тётя*, *трёхрублёвый*, *дом*, *нуль* (вместо *тё́тя*, *трёхрублё́вый*, *до́м*, *ну́ль*)[13]. Таким образом, следует различать, с одной стороны, тот вид словоформ, который является объектом нашего изучения (т. е. акцентуированную орфографическую запись), с другой — способ цитирования этих словоформ в тексте книги.

Необходимо специально подчеркнуть, что буква со знаком ударения не рассматривается как особая буква; так, например, считается, что словоформы *за́мок* и *замо́к* имеют одинаковый буквенный состав. В дальнейшем везде, где специально не оговорено обратное, под одинаковостью двух морфологических элементов (основ, окончаний и т. п.) будет пониматься именно одинаковость их буквенного состава; поэтому допустима, например, такая формулировка: «основы словоформ *го́ловы* и *голо́в* одинаковы, но имеют разное место ударения».

---

[11] Следует учитывать, что в наше рассмотрение не входят словоформы служебных слов (например, *в*, *и*, *на*, *для*). В работе не рассматриваются также случаи полной утраты ударения некоторыми именными словоформами в связи с переходом ударения на предлог (например, *за́ голову*, *по́д ноги*, *по́ полу*, *на́ пять*); см. § 4.2.

[12] В словоформах, содержащих более одного *ё*, ударение всегда падает на последнее из них. Таким образом, знаки ударения, опущенные в соответствии с пунктом 2, восстанавливаются однозначно.

[13] Разумеется, везде, где это почему-либо существенно, знак ударения может быть сохранен, например: *не знаю числа́* (ср. *не знаю чи́сла*).

Как известно, помимо главного ударения, в русском языке существует также второстепенное ударение (обозначается знаком ˋ); оно характеризует начальный компонент (или начальные компоненты) многих составных слов, например: *ра̀диопереда́ча*, *элѐктроприбо́р*, *элѐктромаши̇̀ностроéние*. Однако в отличие от главного ударения оно не является средством словоизменения, т. е. средством, способным противопоставить одни словоформы какой-либо парадигмы другим. Поэтому второстепенное ударение в настоящем описании вообще не учитывается [14] и его знак в словоформах не ставится.

Мы будем называть **и с х о д н о й** ту словоформу слова, которой это слово представлено в словарях (некоторые уточнения см. в § 3.2 и 3.4). Исходная словоформа обычно выступает в качестве названия самого слова, например: *дом*, *бе́лый*, *я*.

Выражение «слова на *x*» (где *x* — некоторая буквенная цепочка) ниже везде означает: «слова, исходная словоформа которых оканчивается на *x*». Точно так же выражение «слова с основой на *x*» означает: «слова, у которых основа исходной словоформы оканчивается на *x*». Цепочка *x* может иметь на одной из своих букв знак ударения. Это значит, что имеются в виду только исходные словоформы с указанным положением ударения; например, «слова на *ня́*» — это *лыжня́*, *ступня́*, *пятерня́* и т. д. (но не *пе́сня*, *ба́рышня*). Если при цепочке *x* дано уточнение «безударное», имеются в виду только исходные словоформы, где ударение за пределами конечного *x*; например, «слова на безударное *ня*» — это *пе́сня*, *ба́рышня* и т. д. Если же цепочка *x* не имеет ни знака ударения, ни указания «безударное», это значит, что положение ударения в исходной словоформе безразлично; так, например, «слова на *ня*» — это *лыжня́*, *ступня́*, *пятерня́*, *пе́сня*, *ба́рышня* и т. д.

Списки слов как правило даются либо в обычном алфавитном порядке, либо в том порядке (не имеющем общепринятого названия), который используется в так называемых обратных словарях, например в Бильф. Второй из этих порядков мы будем ниже называть «обратным алфавитным» (это несколько неопределенное название следует считать просто условным; оно выбрано потому, что более корректные названия слишком громоздки). Только в обратном алфавитном порядке даются списки слов, представленные в виде нескольких столбцов.

Строение книги

§ 0.6. В настоящей книге автор исходит из вполне определенного представления о том, какова парадигма каждого из 55 000 русских имен, образующих исходный материал (т. е. каковы

[14] Косвенным образом оно учитывается, правда, в некоторых особых случаях, рассматриваемых в § 6.26.

встречающиеся в данной парадигме грамматические значения и каковы отвечающие им словоформы). С точки зрения автора, это представление в некотором точно не определяемом смысле соответствует реальным фактам русского языка. Несколько упрощая истинное положение вещей, можно сказать, что единственная обязательная задача книги — строго изложить это представление, а любые другие задачи носят лишь попутный и факультативный характер. Специально подчеркнем, что в книге ни в какой мере не ставится задача (к тому же невыполнимая) доказать, что данное представление о парадигмах русских имен является единственно возможным или даже наилучшим. Любые разделы книги, которые могут быть истолкованы как попытки такого рода, следует рассматривать лишь как изложение мотивов, которыми руководствовался автор.

На способ решения указанной задачи накладываются, однако, некоторые дополнительные требования, которые признаются естественными для любой лингвистической работы, хотя и с трудом поддаются формулировке. Так, указанную задачу, вообще говоря, можно было бы решить «прямолинейно» — просто составить таблицу следующего вида (содержащую 55 000 строк):

Слово	Парадигма
«три»	И. *три*, Р. *трёх*, Д. *трём*, ...
«город»	И. ед. *гброд*, Р. ед. *гброда*, ...
«новый»	И. ед. муж. *нбвый*, И. ед. жен. *нбвая*, ...
и т. д.	

Однако такое решение, даже если не принимать во внимание его чрезмерную громоздкость, явно неудовлетворительно для лингвиста, поскольку оно не вскрывает никаких закономерностей, управляющих строением парадигм, или, как говорят, не имеет никакой «объяснительной силы» [15]. Чтобы удовлетворить содержательным требованиям такого рода, указанная основная задача решается построением более сложных, но в то же время более общих правил синтеза (т. е. таких, которые обрабатывают целые классы слов, а не индивидуальные слова). Эти правила позволяют построить парадигму любого имени на основании его исходной словоформы и некоторого ограниченного количества дополнительных сведений. Правила синтеза вырабатываются на основе предварительной классификации парадигм (иначе говоря, клас-

[15] Внешним признаком неудовлетворительности такого решения можно считать, в частности, то, что оно совершенно не позволяет «предсказать» парадигмы слов, не входящих в исходный материал (не говоря уже о вновь образуемых словах). Недостатком по существу является то, что оно, по-видимому, решительно не соответствует той форме, в которой информация о парадигмах слов содержится в сознании носителей языка.

сификации строк описанной выше воображаемой таблицы). В соответствии с § 0.2, в книге излагаются как сами эти правила, так и лежащая в их основе классификация парадигм.

Все изложение мыслится как подчиненное решению указанной основной задачи и развивается следующим образом. В гл. 1 формулируется система исходных понятий, важнейшими из которых являются понятия словоформы, грамматической категории и парадигмы. В гл. 2 приводятся содержательные мотивы для признания у русских имен тех или иных грамматических категорий. В гл. 3 парадигмы классифицируются с точки зрения того, по каким грамматическим категориям противопоставляются принадлежащие этим парадигмам словоформы. Гл. 4 носит вспомогательный характер: в ней уточняется объем исходного материала и принципы его обработки. Изложение этих принципов опирается на гл. 3; в свою очередь на гл. 4 опираются гл. 5 и 6. В гл. 5 вводится понятие эквивалентности парадигм, служащее формальным аналогом расплывчатого понятия «склоняться так же, как». В гл. 6 вводится система различительных признаков парадигм, позволяющая завершить классификацию парадигм, начатую еще в гл. 3. Парадигмы классифицируются здесь по их внешней стороне (т. е. по внешней стороне принадлежащих им словоформ). Наконец, в гл. 7 изложение завершается формулировкой правил синтеза.

Содержание книги естественным образом распадается на две части — первую, посвященную грамматическим противопоставлениям в именных парадигмах (гл. 1—3), и вторую, посвященную внешнему выражению этих противопоставлений (гл. 4—7).

Текст работы может быть разделен на основной и дополнительный: к основному тексту относится все то, что с формальной точки зрения необходимо для полноты классификации или эффективности правил синтеза; дополнительный текст включает содержательные пояснения и прочие факультативные сведения. К дополнительному тексту относится гл. 2 (целиком), а в остальных главах — рубрики, обозначенные как з а м е ч а н и я, п о я с н е н и я или к о м м е н т а р и и; остальной текст является основным. Специально отметим, что к основному тексту относятся рубрики, обозначенные как п р и м е ч а н и я: содержащиеся в них сведения являются обязательной составной частью соответствующих правил (или иных текстов); без них правила неполны.

Независимо от предыдущего деления текст членится на две части, набранные соответственно крупным и мелким шрифтом. В первую из них входят разделы, посвященные проблемам принципиального характера; во вторую — более конкретные разделы (в частности, тексты большинства правил, списки слов, описание формальных процедур и т. п.), а также описание различных второстепенных деталей. Такое разделение позволяет хотя бы отчасти

воспрепятствовать тому слишком тесному объединению содержательных идей с алгоритмической техникой, которое часто затрудняет чтение формальных описаний языка.

Работая над этой книгой, автор пользовался советами и непосредственной помощью И. А. Мельчука, Е. В. Падучевой и В. А. Успенского. В книге учтены критические замечания Р. И. Аванесова, Ю. Д. Апресяна, В. В. Виноградова, Н. А. Еськовой и П. С. Кузнецова. Указатель слов составлен А. К. Поливановой. Названным лицам автор приносит глубокую благодарность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ В РУССКИХ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМАХ

Глава первая

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1.1. Всякий языковой текст есть двусторонний объект: он имеет внешнюю сторону («выражение») и внутреннюю сторону («содержание»). В соответствии с § 0. 4 мы исходим ниже из того, что внешняя сторона любого рассматриваемого русского текста представлена в письменной (а именно, акцентуированной орфографической) форме, т. е. в виде последовательности букв и пробелов.

Различные смыслы слова «слово»: сегмент, словоформа, лексема

§ 1.2. Едва ли не в любой лингвистической работе встречается слово «слово». К сожалению, оно неоднозначно. В обычном, неспециальном языке оно может употребляться по меньшей мере в пяти различных смыслах:

1—2. Слово как единица внешней стороны текста. Пример такого словоупотребления: *Во фразе «три его три минуты» слово «три» встречается дважды.* В этом значении мы будем употреблять термин с е г м е н т. Поскольку мы исходим из письменной формы текста, под сегментом будет пониматься любая цепочка букв от пробела до пробела с проставленным знаком ударения.

Следует различать к о н к р е т н ы й сегмент — элемент внешней стороны некоторого конкретного текста (занимающий в ней определенное место) и а б с т р а к т н ы й сегмент — понятие, возникающее в силу так называемой абстракции отождествления (т. е. абстракции, позволяющей нам говорить о двух одинаковых объектах как об одном и том же объекте) [1]. Так, в приведенном выше примере слово «слово» означает абстрактный сегмент (поскольку первая и третья единица внешней стороны текста рассматриваются как одна и та же единица). Ср. другой пример: *Во фразе «три его три минуты» первые три слова трехбуквенные, а последнее — шестибуквенное.* Здесь «слово» означает конкретный сегмент. При этом можно сказать, что первый и третий конкретные

---

[1] См. об этом: А. А. М а р к о в. Теория алгорифмов. М.—Л., 1954 (или то же: «Труды Математич. ин-та им. В. А. Стеклова АН СССР», т. 42), стр. 7—9, 12—15.

сегменты во фразе *три его три минуты* одинаковы и являются представителями одного и того же абстрактного сегмента [2], а первый и второй конкретные сегменты в этой фразе неодинаковы и являются представителями разных абстрактных сегментов.

3—4. Слово как двусторонняя единица текста (т. е. как единица, обладающая и выражением и содержанием). В этом значении мы будем употреблять термин с л о в о ф о р м а. Как и в случае сегментов, следует различать конкретные и абстрактные словоформы. Вот пример, когда «слово» означает конкретную словоформу: *Во фразе «мчатся тучи, вьются тучи» четыре слова, из которых первое и третье — глаголы в настоящем времени, а второе и четвертое — существительные во множественном числе*. Вторая и четвертая конкретные словоформы во фразе *мчатся тучи, вьются тучи* одинаковы [3] и служат представителями одной и той же абстрактной словоформы, а первая и третья словоформы фразы *три его три минуты* неодинаковы (поскольку имеют — при одинаковой внешней стороне — различные внутренние стороны) и потому суть представители разных абстрактных словоформ. Приведем пример, в котором «слово» означает абстрактную словоформу: *Слово «брал» и слово «брали» переводятся на английский язык одним и тем же словом «took»*. Словоформы (абстрактные и конкретные) мы будем называть иначе с и н т а г м а т и ч е с к и м и с л о в а м и (абстрактными и конкретными).

5. Слово как единица словаря, т. е. как двусторонняя внетекстовая единица языка, возникающая на основе анализа всех текстов данного языка. Ср. следующий пример: *«Брал» и «брали» — одно и то же слово русского языка*. Такое понимание слова «слово» воплощается в термине л е к с е м а. Вместо этого термина мы будем употреблять также — в качестве равнозначного — термин п а р а д и г м а т и ч е с к о е с л о в о.

Внешней стороной абстрактной словоформы служит некоторый абстрактный сегмент (за исключением особых случаев, см. сноски 30 и 61 в гл. 2). Две абстрактные словоформы, у которых совпадают как внешние, так и внутренние стороны, являются в действительности одной и той же словоформой. Две абстрактные словоформы, имеющие одну и ту же внешнюю, но различные внутренние стороны, называются о м о н и м и ч н ы м и друг другу. Таковы словоформы *три* (глагол) и *три* (числительное) в приведенном выше примере или словоформы

[2] Конкретные сегменты считаются одинаковыми, если они состоят из одинаковых и одинаково расположенных букв и имеют одинаково расположенный знак ударения.

[3] Внешней стороной конкретной словоформы служит конкретный сегмент (в исключительных случаях — комбинация конкретных сегментов или часть конкретного сегмента; см. сноски 30 и 61 в гл. 2). Две конкретные словоформы считаются одинаковыми, если они имеют одну и ту же внутреннюю сторону и одинаковые внешние стороны.

шоссé (И. ед.) и *шоссé* (Р. мн.) во фразах *вот наше шоссе* и *построили много хороших шоссе.*

Так же, как внешняя сторона текста распадается на следующие друг за другом сегменты, так сам текст как двусторонний объект распадается на следующие друг за другом словоформы. При этом конкретный текст распадается на конкретные словоформы, а абстрактный — на абстрактные.

В отличие от сегментов и словоформ, лексемы не разделяются на конкретные и абстрактные. Все они суть абстрактные объекты. При помощи понятия «собственно номинативное значение», о котором см. ниже (§ 1.5), лексему можно определить как результат отождествления (на основе абстракции отождествления) всех абстрактных словоформ, связанных друг с другом отношением «иметь одно и то же собственно номинативное значение» (все эти словоформы объявляются таким образом в некотором новом смысле «одинаковыми» и представителями той лексемы, которая получается путем их отождествления).

Примечание. При современном состоянии наших знаний о языке только внешняя сторона текста поддается достаточно строгому описанию. Поэтому все, что сказано выше о двусторонних единицах, может претендовать не более чем на роль пояснений, имеющих целью создать у читателя, насколько это возможно, единое с автором понимание некоторых основных терминов.

После того, как понятия разграничены и снабжены соответствующими терминами, можно позволить себе, в целях сокращения, некоторые терминологические вольности. Разумеется, такие вольности допустимы лишь в тех случаях, когда первоначальная «полная» терминология может быть легко восстановлена. Перечислим основные случаи «терминологических сокращений».

1. Прежде всего мы будем как правило опускать прилагательное «абстрактный»[4] в словосочетаниях «абстрактный сегмент», «абстрактная словоформа» и т. п.

2. Точно так же мы почти всегда будем опускать прилагательное «парадигматический» в словосочетании «парадигматическое слово». Таким образом «слово» (без уточнений) будет означать лексему.

3. Когда говорят, например: а) «словоформа *корóву*», б) «лексема *нóвый*» (=«слово *нóвый*»), — то имеются в виду, конечно, не сами сегменты *корóву* или *нóвый*, а определенные словоформа и лексема. Точный смысл этих словосочетаний таков: а) словоформа, внешней стороной которой является сегмент *корóву*; б) лексема, одним из представителей которой (а именно, так называемой исходной словоформой, см. § 0.5) является словоформа, внешней стороной которой является сегмент *нóвый*. Ясно, однако, что такая «полная» терминология непригодна для прак-

---

[4] Ср.: А. А. Марков. Указ. соч., стр. 9.

тического использования из-за своей громоздкости. Поэтому приходится прибегать к метонимии и употреблять для обозначения словоформ и лексем соответствующие им сегменты [5].

4. Точно так же, метонимическим является следующее весьма распространенное словоупотребление: «словоформа *водá* делится на основу *вод* и окончание *á*»; «в словоформе *водá* ударение стоит на окончании»; «словоформа *водá* состоит из четырех букв» и т. п. Очевидно, что в подобных случаях под словоформой понимается фактически лишь ее внешняя сторона (а в последнем примере даже внешняя сторона минус знак ударения). Такое словоупотребление весьма удобно и практически никогда не ведет к реальной двусмысленности. Поэтому оно широко применяется и в настоящей книге (особенно во второй ее части).

Элементы значения

§ 1.3. Внутренняя часть каждой словоформы может быть разделена на отдельные части — элементы значения. Формального определения термину «элемент значения» не дается. Поясним на примере, что имеется здесь в виду. Рассмотрим словоформу *дóмиком*. Ее внутреннюю сторону можно расчленить на ряд элементов значения. А именно, эта словоформа:

1) означает вообще предмет;

2) означает нечто неодушевленное;

3) означает предмет определенного вида;

4) означает нечто маленькое;

5) информирует о том, что имеется в виду один предмет (а не несколько);

6) допускает, например, словосочетания *белым домиком*, *любуюсь домиком*, *перед домиком* и не допускает *хорошо домиком* (иначе говоря, принадлежит к классу словоформ с синтаксическими функциями существительного);

7) допускает, например, словосочетания *белым домиком* или *домиком, который стоит на горе*, и не допускает *белой домиком* или *домиком, которое стоит на горе* (т. е. относится к мужскому роду);

8) допускает, например, словосочетание *домиком, который я построил*, и не допускает *домиком, которого я построил* (этот элемент значения можно назвать «синтаксической неодушевленностью»);

9) допускает, например, словосочетание *белым домиком* и не допускает *белыми домиком* (этот элемент значения можно назвать «синтаксическим ед. числом»);

---

[5] Разумеется, если сегмент еще не определяет словоформу или лексему однозначно, в их обозначение должны входить какие-то дополнительные указания, например: «словоформа *нóчи* (Д. ед.)», «лексема *лук* (оружие)».

10) допускает, например, словосочетания *любуюсь домиком, доволен домиком, стою перед домиком* и не допускает *стою в домиком, лишился домиком* (этот элемент значения можно условно назвать «подчиненным Т. падежом»);

11) допускает, например, словосочетание *белым домиком* и не допускает *белому домиком* (этот элемент значения можно условно назвать «подчиняющим Т. падежом»).

Важно подчеркнуть, однако, что выделение тех или иных элементов значения существенно зависит от выбранного способа описания и поэтому не полностью избавлено от произвола. Так, выделение элементов значения в приведенном примере соответствует принятому в настоящей книге способу описания русского именного словоизменения. Для других целей может потребоваться и несколько иное выделение; в частности, некоторые иэ выделенных элементов значения (например, элемент 3) можно расчленить; самостоятельными элементами значения могут быть признаны также некоторые более тонкие синтаксические свойства данной словоформы.

Всякий элемент значения входит в некоторый ряд однородных с ним (и противопоставленных ему) элементов. Так, элемент значения «единичность» (№ 5) входит в ряд «единичность—множественность», элемент значения «мужской род» (№ 7) — в ряд, состоящий из родов, и т. п. Формального определения понятию однородности не дается.

Для всякой словоформы должно соблюдаться следующее основное требование: ее внутренняя сторона не может содержать двух или более однородных элементов значения.

Номинативные и синтаксические элементы значения

§ 1.4. Элементы значения всякой словоформы могут быть отнесены к одному из двух классов — классу номинативных элементов или классу синтаксических элементов. Номинативные элементы образуют в своей совокупности номинативное значение словоформы, а синтаксические элементы — ее синтаксическое значение. Так, в приведенном выше анализе словоформы *до́миком* номинативными являются элементы 1—5, а синтаксическими — элементы 6—11.

Формального определения номинативных и синтаксических элементов не дается. На неформальном уровне укажем, что здесь имеется в виду то противопоставление, которое называют также противопоставлением несинтаксического и синтаксического или противопоставлением лексического и синтаксического [6]. Разли-

[6] См.: И. А. Мельчук. О некоторых типах языковых значений. — В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева,

чие между этими двумя типами значений можно в наиболее общей форме передать так: номинативное значение непосредственно отражает («называет») внеязыковую действительность (предметы, события, признаки, отношения и т. д.); синтаксическое значение отражает лишь способность словоформы вступать при построении фразы в определенные типы синтаксической связи с определенными классами словоформ [7].

Грамматические и неграмматические элементы значения

§ 1.5. Независимо от предшествующего деления элементов значения на номинативные и синтаксические, их можно разделить по другому основанию на следующие два класса: грамматические элементы и неграмматические элементы. Грамматические элементы значения словоформы образуют в своей совокупности грамматическое значение этой словоформы, а неграмматические — ее неграмматическое значение. В примере, приведенном в § 1.3, грамматическими являются элементы 5—11, а неграмматическими — элементы 1—4.

Формального определения грамматических и неграмматических элементов не дается. На неформальном уровне укажем, что практически мы исходим в этом вопросе из следующих представлений. Грамматическими могут быть как синтаксические, так и номинативные элементы значения. Чтобы элемент значения был признан грамматическим, он должен прежде всего удовлетворять

Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., Изд-во МГУ, 1961.

[7] Неверно было бы считать, что синтаксические элементы значения словоформ вообще не участвуют в отражении внеязыковой действительности. Так, например, атрибутивная синтаксическая связь между словоформами *бéлый* и *дом* в словосочетании *белый дом* отражает внеязыковое отношение между домом и белизной (а именно то, что свойство белизны принадлежит дому). Однако здесь означающим для внеязыкового отношения принадлежности является нечто, что существует именно в словосочетании *белый дом* и не может быть просто разложено на две части, принадлежащие соответственно словоформам *бéлый* и *дом*. Таким образом, синтаксические элементы значения словоформ участвуют в отражении действительности лишь в качестве средства построения означающих другого уровня (ср. фонемы как средство построения морфем). В связи с этим следует признать обоснованным взгляд, согласно которому сам термин «значение» не должен применяться к синтаксическим элементам внутренней стороны словоформ (поскольку эти элементы сами по себе ничего не обозначают); см.: Е. В. Падучева. Об алгоритме анализа английского языка (для перевода через язык-посредник). «Лингвистические исследования по машинному переводу». М., Изд-во ВИНИТИ, 1961, стр. 213. — Однако такой подход создает терминологические неудобства; поэтому мы и далее будем использовать традиционный термин «синтаксическое значение», несмотря на его неточность.

требованию о б я з а т е л ь н о с т и[8], которое состоит в следующем. Ряд однородных элементов значения считается обязательным для некоторого класса словоформ, если в любой словоформе этого класса содержится какой-нибудь из членов данного ряда. Элемент значения считается обязательным для некоторой словоформы, если его ряд обязателен для класса словоформ, в который она входит. Поскольку, однако, одна и та же словоформа может входить в разные классы словоформ, обязательность или необязательность некоторого элемента значения для одной и той же словоформы, вообще говоря, зависит от того, какой класс словоформ рассматривается нами как выделенный. Если принять в качестве выделенного класса совокупность всех словоформ русских существительных, то, например, для словоформы *волчицам* обязательными следует признать, в частности, синтаксический элемент «женский род» и номинативный элемент «множественность» (поскольку всякая словоформа русского существительного относится к какому-то роду[9] и имеет значение либо одного предмета, либо нескольких); напротив, номинативный элемент «женский пол» для этой словоформы не обязателен (не всякое русское существительное означает либо самца, либо самку).

З а м е ч а н и е. Когда речь идет о номинативных элементах значения, вопрос об их обязательности часто бывает нелегко решить. Прежде всего, трудно отличить так называемый немаркированный член противопоставления от отсутствия самого противопоставления (например, единичность от отсутствия указаний о количестве предметов). В лингвистической практике решение такого вопроса связывается с характером внешнего выражения рассматриваемых элементарных значений — прежде всего с наличием или отсутствием соответствующих морфологических показателей (морфем), а также с тем, насколько последовательно эти показатели используются. Правда, указанная выше трудность может сохраниться и на морфологическом уровне, где она предстает как проблема различия между так называемым нулевым показателем и отсутствием какого бы то ни было показателя. Здесь, однако, мы эти вопросы не рассматриваем, поскольку предполагается, что все элементы значения всех словоформ уже каким-то образом выделены.

Соблюдение требования обязательности достаточно для признания грамматическим синтаксического элемента значения. Для номинативного элемента значения, кроме того, необходимо соблюдение требования р е г у л я р н о с т и, которое состоит в следующем. Ряд однородных номинативных элементов значения считается регулярным для некоторого класса словоформ, если все словоформы этого класса (или по крайней мере подавляющее их большинство) можно разбить на группы, такие что в каждую

[8] О грамматическом как обязательном см.: И. А. М е л ь ч у к. Указ. соч., стр. 34; R. J a k o b s o n. Boas'view of grammatical meaning. «American anthropologist», 1959, v. 61, № 5, p. 2 (Memoir № 89).

[9] Это, а также некоторые другие утверждения настоящего и следующего параграфов, представляются на первый взгляд неверными из-за существования так называемых pluralia tantum (*щипцы*, *сани* и т. п.). Однако это лишь кажущиеся исключения, как будет видно из анализа, данного в гл. 2.

входит столько словоформ, сколько номинативных элементов содержит данный ряд, и внутренняя сторона этих словоформ различается только номинативными элементами из данного ряда. Номинативный элемент значения считается регулярным для словоформы, если его ряд регулярен для класса словоформ, в который она входит. Разумеется, регулярность, как и обязательность, зависит от принятого выделения класса словоформ. Если рассматривать, как и выше, класс, состоящий из всех словоформ русских существительных, то, например, номинативный элемент «множественность» будет признан регулярным для словоформы *волчйцам* (поскольку практически для любой словоформы существительного можно построить словоформу противоположного числа); напротив, номинативный элемент «одушевленность» нерегулярен для этой словоформы (поскольку для словоформы существительного обычно нельзя построить словоформу, отличающуюся от нее только по признаку одушевленности—неодушевленности).

Неграмматические номинативные элементы значения словоформ мы будем называть собственно номинативными. В примере, приведенном в § 1.3, это элементы 1—4. Совокупность собственно номинативных элементов значения словоформы образует ее собственно номинативное значение. Заметим, что для дальнейшего нам не потребуется членение собственно номинативного значения на отдельные элементы: нас будет интересовать лишь вопрос о том, совпадают ли собственно номинативные значения двух словоформ или нет (практическое решение этого вопроса указано в § 1.7).

Граммемы и грамматические категории

§ 1.6. Два элемента значения могут оказаться связанными таким образом, что в любой словоформе они либо оба присутствуют, либо оба отсутствуют. Такие элементы будем называть сопряженными друг с другом. Так, для широкого класса словоформ сопряжены между собой элементы 1 и 6, 2 и 8, 5 и 9, 10 и 11 из примера, приведенного в § 1.3.

Некоторые ряды однородных элементов находятся друг с другом во взаимно-однозначном соответствии, так что каждый элемент одного ряда сопряжен с соответствующим элементом другого ряда. В таком соответствии находятся, например, такие ряды:

1) ряд «семантическая одушевленность—семантическая неодушевленность» и ряд «синтаксическая одушевленность—синтаксическая неодушевленность»;

2) ряд «единичность—множественность» и ряд «синтаксическое ед. число—синтаксическое мн. число»;

3) ряд «подчиненных» падежей и ряд «подчиняющих» падежей.

Особый интерес для нас будут представлять параллельные ряды однородных грамматических элементов (таковы, например, ряд «единичность—множественность» и ряд «синтаксическое ед. число—синтаксическое мн. число»). Члены каждого из этих рядов естественно объединяются с сопряженными с ними членами параллельного ряда в пары сопряженных элементов. Эти пары оказываются однородными друг другу в том смысле, что будут порознь однородны их составные части.

Введем теперь важное для дальнейшего понятие граммемы[10]. Граммемой мы будем называть всякий отдельный грамматический элемент значения, для которого не нашлось сопряженного с ним грамматического же элемента, а также всякую пару сопряженных между собой грамматических элементов.

Совокупность всех однородных между собой граммем называется грамматической категорией. Примеры грамматических категорий: число (как обозначение совокупности граммем «ед. число» и «мн. число»), падеж, род и т. д.

Замечание. Как известно, термину «грамматическая категория» в разных лингвистических работах придается разный смысл. Основное расхождение состоит в том, что в одних работах грамматическими категориями называются лингвистические объекты типа «мужской род», «ед. число» и т. д., т. е. то, что мы назвали выше граммемами, а в других — лингвистические объекты типа «род», «число» и т. д. (В некоторых работах этот термин применяется к объектам обоего рода.) В данной работе допускается только словоупотребление второго типа.

Основная зависимость, связывающая грамматические значения словоформ и грамматические категории, состоит в том, что грамматическое значение словоформы может содержать не более одной граммемы одной и той же грамматической категории. (Это — следствие из сформулированного в конце § 1.3 требования о невозможности двух однородных элементов в одной словоформе.) Так, например, в грамматическое значение словоформы не могут одновременно входить граммемы «Д. падеж» и «П. падеж», «ед. число» и «мн. число» и т. п.

Лексема

§ 1.7. Как уже указано в § 1.2, понятие лексемы образуется путем применения абстракции отождествления к списку всех словоформ с одним и тем же собственно номинативным значением.

Практически мы будем решать вопрос о границах лексемы (или, что то же самое, вопрос о тождестве или нетождестве соб-

[10] Относительно термина «граммема» см.: K. Pike. Grammemic theory. «General linguistics», 1957, v. 2, стр. 2; Он же. On tagmemes nées grammemes. — IJAL, 1958, v. 24, p. 4; Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Санскрит. М., 1960; З. М. Волоцкая и Т. Н. Молошная. О некоторых понятиях морфологии. «Исследования по структурной типологии». М., 1963.

ственно номинативных значений двух произвольных словоформ) в соответствии с лексикографической традицией, а именно, мы будем считать, что каждая словарная статья словаря-источника отражает самостоятельную лексему и притом ровно одну [11]. Иначе говоря, собственно номинативные значения двух словоформ признаются тождественными в том и только в том случае, когда эти словоформы относятся к одной и той же словарной статье словаря-источника (предполагается, что мы умеем опознавать, скажем, словоформу *волчи́цам* как относящуюся к словарной статье «волчица»). Поэтому, например, мы считаем, что словоформы *ла́йка* (собака) и *ла́йка* (сорт кожи) имеют различные собственно номинативные значения (и уже потому сами различны), тогда как сегменту *пионе́р* соответствует только одна словоформа (собственно номинативное значение которой включает одновременно и смысл 'первооткрыватель' и смысл 'член пионерской организации').

Общее для всех словоформ данной лексемы собственно номинативное значение называется з н а ч е н и е м л е к с е м ы.

П р и м е ч а н и е. Поскольку «слово» (без уточнения) означает у нас лексему, словосочетание «значение слова» должно пониматься как значение лексемы. Однако традиционное понимание этого словосочетания несколько иное: значением слова называют каждый из допускаемых им нетождественных, хотя и близких смыслов (и поэтому слово, имеющее много смыслов, называется многозначным); так, одним значением слова *пионе́р* является 'первооткрыватель', другим — 'член пионерской организации' и т. д. К сожалению, избежать этого традиционного словоупотребления во многих случаях почти невозможно. Таким образом, в настоящей книге словосочетание «значение слова» может быть употреблено как в первом, так и во втором смысле; нужный смысл должен устанавливаться из контекста.

Две различные лексемы называются о м о н и м и ч н ы м и друг другу, если их словоформы соответственно (т. е. при совпадающих грамматических значениях) омонимичны. Омонимичными будут, например, лексемы *прока́за* (шалость) и *прока́за* (болезнь), *фо́кус* (трюк) и *фо́кус* (в оптике).

Для наглядности лексему можно представлять себе просто в виде списка ее словоформ. В недвусмысленных случаях (а именно, когда отсутствует омонимия лексем) можно представлять себе лексему еще более наглядно — в виде списка сегментов, выражающих словоформы этой лексемы. В таком списке можно не повторять совпадающие сегменты. Тогда, например, лексеме «мысль» будет соответствовать список: *мысль*, *мы́сли*, *мы́слью*, *мы́слей*, *мы́слям*, *мы́слями*, *мы́слях*. Каждый сегмент, встречающийся в подобном списке (т. е. являющийся внешней стороной одной из словоформ рассматриваемой лексемы) мы будем называть с е г м е н т о м д а н н о й л е к с е м ы.

[11] О словарях-источниках см. § 4.2. Некоторые поправки к сформулированному здесь общему принципу вытекают из § 4.1 (см., в частности, стр. 105, пункт 1 и примеч. к нему).

Две словоформы, принадлежащие к одной лексеме и имеющие одинаковое грамматическое значение, называются вариантами друг друга. Например, вариантами друг друга являются словоформы *ка́ртой* и *ка́ртою*, *мо́ста* и *моста́*, *тра́кторы* и *трактора́*. При построении текста наличие словоформ-вариантов может быть использовано, например, в метрических целях; нередко за словоформами-вариантами закрепляются разные стилистические оттенки (ср., например, *то́кари* и *токаря́*). Специально отметим, что в соответствии с изложенным выше практическим решением о границах лексемы вариантами друг друга формально признаются также словоформы *ли́стья* и *листы́*, *зу́бы* и *зу́бья*, *тормоза́* и *то́рмозы* и т. п. (где внешние различия соответствуют различию смыслов, ср. *листья дерева* и *листы бумаги*, *зубы волка* и *зубья бороны*, *тормоза автомобиля* и *тормозы экономического развития*).

Мы будем говорить про грамматическое значение любой словоформы некоторой лексемы, что оно представлено у этой лексемы. Набор всех представленных у некоторой лексемы грамматических значений никогда не включает всех вообще возможных грамматических значений. Однако отсутствие какого-либо из них в этом наборе может носить различный характер. Так, например, у лексемы *стена́* не представлено грамматического значения «И. ед. муж. рода», и его отсутствие рассматривается как нормальное. Напротив, то, что у лексемы *не́кого* не представлено грамматического значения «И. падеж», естественно считать отклонением от нормы, своего рода лакуной. Таким образом, положение таково, как если бы для каждой лексемы существовал свой «ожидаемый» набор грамматических значений, который может совпадать или не совпадать с представленным у нее набором. Набор представленных у некоторой лексемы грамматических значений, который не совпадает с «ожидаемым» набором грамматических значений, мы будем называть дефектным; про грамматические значения, входящие в «ожидаемый» набор грамматических значений, но не входящие в представленный у данной лексемы набор, мы будем говорить, что они дополнительно приписаны этой лексеме. Формального определения дефектности не дается.

В настоящей работе принимается следующее допущение: предполагается, что про всякую лексему известно, является ли набор представленных у нее грамматических значений дефектным, и если да, то какие именно грамматические значения дополнительно приписываются данной лексеме. У каких именно лексем набор представленных грамматических значений признается в настоящей работе дефектным, указано в § 3.4.

Парадигма

§ 1.8. Совокупность всех грамматических значений, представленных у некоторой лексемы или дополнительно приписанных ей, с указанием для каждого из них, какая словоформа (или словоформы) этой лексемы имеет данное грамматическое значение, называется **парадигмой** данной лексемы. Таким образом, парадигма ставит в соответствие друг другу грамматические значения и словоформы. При этом обычно грамматическому значению соответствует ровно одна словоформа. Несколько словоформ соответствуют одному грамматическому значению, только если они являются вариантами друг друга. Наконец, некоторым грамматическим значениям (а именно, всем дополнительно приписанным) не соответствует никакой словоформы. В дальнейшем мы будем часто пользоваться следующим образным представлением парадигмы: парадигма есть набор клеток, каждая из которых имеет в качестве названия некоторое грамматическое значение и содержит одну словоформу (нормальный случай) или несколько словоформ (являющихся вариантами друг друга) или ничего не содержит (так называемая **пустая клетка**). (В § 1.10 будет дано некоторое уточнение к этому способу представления парадигмы.) Кроме того, используя равнозначность терминов «лексема» и «(парадигматическое) слово», мы будем в дальнейшем говорить: «парадигма данного слова», «парадигма слова *волк*» и т. п., а также сокращенно — «парадигма *волк*» и т. п. Сокращение последнего типа позволяет также вообще пользоваться термином «парадигма» без уточнения в родительном падеже (т. е. в значении «парадигма некоторого слова») [12].

Мы будем говорить как о грамматических значениях, представленных у некоторой лексемы, так и о грамматических значениях, приписанных ей, что они **представлены** в парадигме этой лексемы. Парадигму, имеющую хотя бы одну пустую клетку, мы будем называть **дефектной**. (Понятно, что дефектными являются парадигмы лексем с дефектным набором представленных грамматических значений.)

Замечание. В лингвистической практике допускается выделение собственно номинативного и грамматического значения не только у отдельных словоформ, но и у словосочетаний. При этом может быть признано, что собственно номинативное значение некоторого словосочетания совпадает с собственно номинативным значением одной из словоформ, входящих в это словосочетание. Такие словосочетания обычно называются «аналитическими формами» той лексемы, которая характеризуется данным собственно номинативным значением. Если прибавить к парадигме такой лексемы дополнительные клетки, содержащие все аналитические формы этой лексемы и имеющие в качестве названий грамматические значения этих аналитических форм, мы

[12] Заметим, что в связи с этим в некоторых контекстах термины «парадигма» и «слово» («лексема») оказываются практически равнозначными.

получим так называемую расширенную парадигму этой лексемы. При изучении русского словоизменения понятие расширенной парадигмы необходимо прежде всего для описания глагола. При описании имени (в тех пределах, которые выбраны в настоящей работе) это понятие не используется.

Словоизменительные и классифицирующие грамматические категории

§ 1.9. Мы будем говорить, что грамматическая категория является словоизменительной для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается не менее двух разных граммем этой грамматической категории. Мы будем говорить, что грамматическая категория является классифицирующей[13] для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается ровно одна граммема этой грамматической категории[14].

Примеры словоизменительных грамматических категорий: падеж и число у слова *волк*; род, число и падеж у слова *нóвый*. Пример классифицирующей грамматической категории: род у слова *волк*.

Из данных выше определений вытекает, в частности, следующее. Любые две словоформы одной парадигмы, не являющиеся вариантами друг друга, противопоставлены по одной или нескольким словоизменительным грамматическим категориям. В то же время никакие две словоформы одной парадигмы не противопоставлены по классифицирующей грамматической категории. Таким образом, граммемы словоизменительных грамматических категорий характеризуют отдельные словоформы парадигмы,

---

[13] Термин «классифицирующая» следует рассматривать как сокращение от «словоклассифицирующая»; именно противопоставление «словоизменительная — словоклассифицирующая» ясно показывает идею, определившую такой, а не иной выбор терминов.

[14] Такое разделение грамматических категорий восходит к Ф. Ф. Фортунатову (Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. — Избр. труды, т. 1. М., 1956, стр. 155) и в той или иной форме фигурирует в большинстве трудов по русской грамматике. Наиболее последовательно вопрос о типах грамматических категорий разработан А. И. Смирницким (см.: А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема тождества слова). «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1954, т. 4; Он же. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматического строя». М., 1955; Он же. Морфология английского языка. М., 1959). Он обычно называет первый тип категорий грамматическими (или собственно грамматическими) категориями, а второй тип — лексико-грамматическими. Такое употребление терминов, однако, неудобно, потому что не остается обобщающего термина для категорий обоего типа. В настоящей работе взяты (с незначительным изменением) более удобные, с нашей точки зрения, варианты этих терминов, использованные А. И. Смирницким в книге «Древнеанглийский язык» (М., 1955, стр. 213).

противопоставляя их другим словоформам той же парадигмы. Граммема классифицирующей грамматической категории, напротив, характеризует парадигму в целом, противопоставляя ее другим парадигмам.

Словоизменительное грамматическое значение (грамматическая форма)

§ **1.10.** Во многих случаях приходится рассматривать отдельно ту часть грамматического значения словоформы, которая состоит только из граммем словоизменительных грамматических категорий. Мы будем называть ее с л о в о и з м е н и т е л ь н ы м г р а м м а т и ч е с к и м з н а ч е н и е м словоформы. Например, словоизменительное грамматическое значение словоформы *волкáм* — «Д. мн.». Словоизменительное грамматическое значение может быть названо также г р а м м а т и ч е с к о й ф о р м о й; в таком использовании этого не всегда одинаково понимаемого термина [15] мы следуем за А. И. Смирницким [16]. Следует учитывать, однако, что этот термин предполагает несколько иное словоупотребление: так, можно сказать, что словоформа *волкáм* имеет словоизменительное грамматическое значение «Д. мн.» или что слово *волк* стоит в данном случае в грамматической форме «Д. мн.». В более общей форме: словоформа слова A, имеющая словоизменительное грамматическое значение x, — это то же самое, что слово A в грамматической форме x.

Обратимся теперь вновь к представлению парадигмы в виде набора клеток, предложенному в § 1.8. В качестве названий клеток выступают грамматические значения словоформ. Как видно из сказанного выше, эти грамматические значения различаются между собой только граммемами словоизменительных грамматических категорий; граммема классифицирующей грамматической категории, если она вообще есть, — одна и та же в каждом грамматическом значении. Отсюда следует, что в названии отдельной клетки

---

[15] Шире распространено понимание грамматической формы как выражения грамматического значения (не только словоизменительного) внешними средствами; иногда грамматической формой называют само грамматическое значение. Очень часто грамматическими формами называют словоформы. Для целей настоящей работы нет необходимости специально рассматривать все эти расхождения; см. по этому вопросу, в частности: Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в. Указ. соч., стр. 155—159; А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956 (изд. 1 — 1914 г.); Н. Н. Д у р н о в о. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.—Пг., 1924, статья «Форма (грамматическая)»; Г. О. В и н о к у р. Форма слова и части речи в русском языке. — Избр. работы по русскому языку. М., 1959; В. В. В и н о г р а д о в. О формах слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. III, вып. 1; М. В. П а н о в. О грамматической форме. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», 1959, т. 73, вып. 6; П. С. К у з н е ц о в. О принципах изучения грамматики. М., 1961.

[16] А. И. С м и р н и ц к и й. К вопросу о слове, стр. 18.

парадигмы незачем сохранять граммемы классифицирующих грамматических категорий: их нужно «вынести за скобки» и признать характеристикой парадигмы в целом. Таким образом, в дальнейшем, пользуясь представлением парадигмы в виде набора клеток, мы будем считать, что названием отдельной клетки служит только словоизменительное грамматическое значение (=грамматическая форма), а граммемы классифицирующих грамматических категорий приписаны парадигме в целом.

З а м е ч а н и е. Очевидно, что часть внутренней стороны, остающаяся после вычета грамматической формы, у всех словоформ парадигмы совпадает. Поэтому ее можно тоже «вынести за скобки» из всех клеток парадигмы. Поскольку, однако, грамматическая форма образует название клетки, отпадает необходимость помещать в клетках двусторонние объекты (словоформы): достаточно считать, что в клетках находятся просто сегменты. Такое представление парадигмы наиболее наглядно; оно не используется в дальнейшем лишь по терминологическим соображениям (а именно, потому, что мы стремимся не употреблять без крайней необходимости непривычный термин «сегмент»).

Грамматический разряд слов

§ 1.11. Набор словоизменительных грамматических значений (=грамматических форм), представленных в парадигме некоторого слова, называется п а р а д и г м а т и ч е с к о й с х е м о й этого слова [17]. Парадигматическая схема слова в точности совпадает с совокупностью названий всех клеток его парадигмы. Парадигматическая схема может мыслиться и как самостоятельный объект, в отвлечении от конкретных парадигм.

Совокупность всех слов, имеющих одинаковую парадигматическую схему, называется г р а м м а т и ч е с к и м р а з р я д о м с л о в [18]. Очевидно, что грамматическая категория, являющаяся словоизменительной для некоторого слова, является таковою и для всего грамматического разряда слов, в который это слово входит.

Вообще говоря, в каждом грамматическом разряде слов могли бы быть представлены свои грамматические категории, не совпадающие с грамматическими категориями других разрядов слов. Обычно, однако, грамматические категории русских имен описываются иначе: например, грамматическая категория падежа признается у всех разрядов имен. В связи с этим мы будем различать так называемые частные и обобщенные грамматические категории. Ч а с т н а я грамматическая категория — это грамматическая категория в определенном грамматическом разряде

---

[17] Термин А. И. Смирницкого (А. И. С м и р н и ц к и й. Лексическое и грамматическое в слове, стр. 32).

[18] См.: Р. И. А в а н е с о в и В. Н. С и д о р о в. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945, стр. 83; А. И. С м и р н и ц к и й. Лексическое и грамматическое в слове, стр. 32.

слов. Обобщенная грамматическая категория — это совокупность частных грамматических категорий, имеющих в определенном описании одинаковое название. Такое терминологическое разграничение необходимо прежде всего потому, что, как мы увидим далее (§ 2.21), совпадение названий у разных частных грамматических категорий не есть нечто, с необходимостью вытекающее из фактов языка, а должно рассматриваться (по крайней мере, в части случаев) как результат применения определенных принципов описания. Иначе говоря, одноименные (в существующих описаниях) частные грамматические категории могли бы рассматриваться и как разные категории.

Отметим также следующее. Выделение словоизменительных и классификационных грамматических категорий не есть классификация обобщенных грамматических категорий (поскольку деление каждый раз производится с точки зрения отдельной парадигмы, или, что в данном случае равносильно, отдельного грамматического разряда слов). Для частных же грамматических категорий это разделение является классификацией.

Глава вторая

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ РУССКИХ ИМЕН

§ 2. 1. Как вытекает из § 0.6, при классификации именных парадигм предполагаются известными, в частности, все встречающиеся у русских имен грамматические категории, состав граммем каждой грамматической категории, грамматический разряд каждого слова и набор граммем каждой отдельной словоформы. Практически это значит, что в последующем конкретном описании мы исходим из некоторого вполне определенного решения каждого из этих вопросов, например из определенного числа и состава падежей и т. д.

Мы вынуждены считать все эти решения с формальной точки зрения известными заранее лишь потому, что нам неизвестен (по крайней мере в общем случае) способ их формального обоснования. В действительности выбор решений, конечно, не является произвольным: по неформальным мотивам именно эти решения представляются автору наиболее естественными.

Разумеется, само заявление о том, что приняты те или иные допущения, еще не дает читателю никаких сведений о характере конкретных решений, которые стоят за этими допущениями. Поэтому необходимо в какой-то форме эти решения изложить. Этому и посвящена настоящая глава. Последовательно рассматривая в этой главе грамматические категории, представленные в русских именных парадигмах, мы ставим своей целью прежде всего указать принимаемый нами состав граммем каждой грамматической категории, а также дать читателю представление о том, каким образом мы соотносим эти граммемы с сегментами русских лексем. Всякий дополнительный разбор является, вообще говоря, факультативным. Он проводится преимущественно в тех случаях, когда в качестве обоснования принятого решения предлагается некоторая процедура, обладающая большей или меньшей степенью формальной строгости. Дополнительные комментарии даются также в случае существенных отступлений от традиционных решений. Из сказанного понятно, что одним грамматическим категориям в нашем разборе может быть уделено значительно больше внимания, чем другим. Таким образом, настоящая глава не претендует на всесторонний и систематический анализ каждой грамматической категории; напомним также, что в соот-

ветствии с § 0.6 вся она формально является факультативной частью книги.

В настоящей главе мы будем делить все имена на: 1) предметные слова, которые в свою очередь делятся на существительные и местоимения-существительные[1]; 2) слова-атрибуты, которые делятся на прилагательные и (непорядковые) числительные. Предполагается, что мы умеем выделять среди всех слов имена и относить любое имя к одному из указанных четырех классов. Практически мы будем иметь здесь в виду именно те классы слов, которые традиционно обозначаются указанными названиями (при этом, однако, причастия и порядковые числительные относятся к прилагательным, и, таким образом, класс числительных не включает у нас слов *пе́рвый*, *деся́тый* и т. д.).

Здесь имеется, однако, серьезная логическая трудность. Принимая указанное разделение имен как заранее известное, мы занимаемся ниже выделением грамматических категорий внутри каждого класса. Между тем, как хорошо известно, само это разделение фактически опирается сразу на несколько признаков слова (семантических, морфологических и синтаксических), т. е., в частности, уже как-то учитывает наличие определенных грамматических категорий в каждом из классов. Иначе говоря, изображая это разделение как первичное, а выделение грамматических категорий как вторичное, мы идем на сознательное упрощение. В действительности в процессе познания поиск наиболее адекватного разделения слов на классы и наиболее адекватного набора грамматических категорий внутри классов идет одновременно, причем критерием успеха служит только адекватность полученной общей картины. Поскольку, однако, построить таким же способом и само изложение крайне трудно, принимается указанное выше упрощение. При этом, чтобы избежать формальных противоречий, мы будем условно считать, что все указанное выше разделение имен является чисто семантическим: так, предметные слова — это те, которые обозначают «предмет» (в широком понимании, включающем также понятия типа *сон*, *ра́дость*, *белизна́* и т. п.), слова-атрибуты — те, которые обозначают «признак» и т. д.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ПРЕДМЕТНЫХ СЛОВ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

§ 2.2. Грамматическая категория падежа является важнейшей грамматической категорией склонения. Она представлена во всех именных парадигмах. Сам термин «склонение» в узком

[1] Мы предпочли не использовать более привычного термина «местоименные существительные», поскольку при указанном разделении эта группа не включается в число существительных.

понимании означает именно изменение по падежам. Грамматическая категория падежа является словоизменительной для всех именных парадигм [2].

Граммемы падежа у предметных слов представляют собой пары синтаксических элементов значения. Один из членов каждой такой пары («подчиненный» падеж) отражает способность соответствующей словоформы выступать в качестве подчиненной при определенном классе глаголов или иных слов [3]. Другой член пары («подчиняющий» падеж) отражает определенное синтаксическое требование, налагаемое на форму подчиненного слова-атрибута. Ниже рассматриваются только «подчиненные» падежи; относительно «подчиняющих» падежей см. § 2.14.

В современных описаниях русского языка наиболее распространена 6-падежная система: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный. В то же время давно и достаточно широко известна также 8-падежная схема, включающая, кроме перечисленных выше падежей, еще так называемый 2-й родительный (или количественно-отделительный, или партитив) и так называемый 2-й предложный (или местный). Ввиду этого расхождения рассмотрим несколько подробнее вопрос о выделении падежей.

Попытаемся выявить логические основания для выделения общепризнанных падежей и затем установить, требуют ли выявленные критерии признания дополнительных падежей. Ограничимся вначале вопросом о падежах имен существительных. Мы будем предполагать, что среди всех сегментов каким-то образом выделены сегменты существительных (иначе — субстантивные сегменты). Условимся считать допустимым выражение «значение сегмента», понимая под ним совокупность значений всех словоформ, внешней стороной которых является данный сегмент. Соответственно, выражение «сегмент x может означать предмет N» понимается так: существует словоформа с внешней стороной x, которая означает предмет N. Так, любой субстантивный сегмент, например *стена́, до́мом, столо́в*, может означать некоторый предмет [4].

---

[2] Это верно даже для парадигм, где реально представлена словоформа только одного падежа (например, *не́кто*), поскольку в силу § 3.4 любая такая парадигма признается дефектной, т. е. имеющей пустые клетки для всех остальных падежей.

[3] Представление о «подчиненном» падеже естественно распространить и на именительный падеж, хотя соответствующие словоформы обычно считаются ничему не подчиненными (заметим, впрочем, что в современных синтаксических описаниях широко распространен взгляд, согласно которому подлежащее подчинено сказуемому)..

[4] Слово «может» необходимо потому, что некоторые субстантивные сегменты, например *разде́л, разде́ла, бу́ры*, допускают в то же время и иные, непредметные значения.

Описываемая ниже (в § 2.3—2.4) процедура представляет собой по существу лишь некоторое видоизменение логической конструкции, предложенной В. А. Успенским [5].

§ 2.3. Для описываемой процедуры требуется прежде всего допущение, согласно которому про любую последовательность сегментов считается известным, составляет ли она грамматически правильную фразу (т. е. является ли она внешней стороной некоторого русского текста).

Как известно, границы грамматической правильности могут пониматься различно. Так, например, возможны разные мнения в оценке грамматической правильности таких фраз, как *отдыхал книгу* (ср. *отдыхал неделю*), *кричит окном* (ср. *кричит петухом*) и т. п. С одной стороны, возможен «широкий» взгляд на грамматическую правильность, который на неформальном уровне можно охарактеризовать примерно так: считается, что если какой-либо предмет может находиться в определенном отношении к некоторому действию (или другому предмету), то и всякий другой предмет может находиться в том же отношении к этому действию (или предмету). При таком взгляде фразы *отдыхал книгу*, *кричит окном* грамматически правильны именно в силу аналогии с заведомо правильными фразами типа *отдыхал неделю*, *кричит петухом* [6]. С другой стороны, возможен более «узкий» взгляд, при котором грамматическая правильность ставится в более тесную зависимость от значений слов, например, признается грамматически существенным деление существительных на могущие и не могущие выражать отрезок времени (ср. соответственно *недéля* и *кни́га*) и т. п. Описываемая здесь процедура допускает любой из этих взглядов; ниже будут учитываться оба.

Назовем к о н т е к с т о м совокупность конечного числа сегментов и одного многоточия, расставленных в определенном порядке [7]. Фразу, полученную из контекста A подстановкой сегмента m на место многоточия, будем обозначать Am. Будем говорить, что контекст A д о п у с к а е т сегмент m, если Am — грамматически правильная фраза.

Далее, как и в процедуре В. А. Успенского, потребуются неопределяемые понятия «предмет» и «состояние» (некоторого предмета). Мы будем говорить, что субстантивный сегмент n, выступая в контексте A (который его допускает), может обозначать предмет N. Например, сегмент *пáлку* в контексте «*я рисую . . .*» (т. е. во фразе *я рисую палку*) может обозначать предмет «палка». Может показаться излишним употребление в таких формулировках слова «может». Однако это не так: например, сегмент *супрýгу* в контексте «*я рисую . . .*» может обозначать предмет «супруга», но это не единственная возможность, поскольку при другом понимании фразы *я рисую супругу* этот же сегмент будет обозначать предмет «супруг».

В соответствии с реальным смыслом противопоставления чисел у существительных, разные числа считаются обозначениями разных предметов; так, сегмент *сады́* обозначает иной предмет, нежели сегмент *сад* (а именно совокупность нескольких садов). В вопросе о том, тождественны ли значения таких сегментов, как *бегемóт* и *гиппопотáм*, *вертолёт* и *геликóптéр*, *плоскогóрье* и *платó* и т. п., могут быть разные мнения; однако конечный результат излага-

[5] В. А. У с п е н с к и й. К определению падежа по А. Н. Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», вып. 5. М., 1957 (работа развивает некоторые устные высказывания А. Н. Колмогорова).

[6] Ср.: Н. Х о м с к и й. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. 2. М., 1957, стр. 417; И. И. Р е в з и н. Некоторые вопросы теории моделей языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 8.

[7] В указанной работе В. А. Успенского это понятие называется «набором слов с пропуском», в работе Р. Л. Добрушина «Математические методы в лингвистике» («Математическое просвещение», вып. 6. М., 1961) — «фразой с многоточием».

емого построения от решения этого вопроса не зависит. Практически мы будем исходить ниже из того, что один и тот же предмет могут обозначать только такие сегменты, которые являются внешней стороной словоформ одного и того же существительного, относящихся к одному и тому же числу.

Мы будем использовать также такие формулировки: фраза *An* может выражать тот факт, что предмет *N* находится в состоянии *S*. Например, фраза *я рисую палку* может выражать тот факт, что предмет «палка» находится в состоянии рисуемого объекта. Фраза *я рисую палкой* может выражать тот факт, что предмет «палка» находится в состояиии орудия рисования. Здесь, как и в предшествующем случае, слово «может» необходимо, поскольку, например, фраза *я рисую пенсне* может выражать как то, что предмет «пенсне» находится в состоянии рисуемого объекта, так и то, что он находится в состоянии орудия рисования.

Таким образом, с помощью каждого контекста может быть выражен некоторый набор разных состояний предметов (в частном случае — одно состояние). Состояние, выражаемое с помощью некоторого контекста, можно назвать состоянием в узком смысле слова. Например, контекст «*я рисую* . . .» позволяет выразить следующие состояния в узком смысле: 1) состояние рисуемого объекта, 2) состояние орудия рисования, 3) состояние предмета, для которого происходит рисование. Вообще говоря, два состояния в узком смысле, выражаемые с помощью разных контекстов, могут, по-видимому, оказаться одинаковыми. Так, например, два состояния в узком смысле, выражаемые соответственно с помощью контекстов «. . . *строится рабочими*» (во фразе *дом строится рабочими*) и «*рабочие строят* . . .» (во фразе *рабочие строят дом*), по-видимому, следует признать одинаковыми. Совокупность всех одинаковых состояний в узком смысле слова можно назвать состоянием в широком смысле слова [8]. В нашей процедуре, однако, нигде не потребуется отождествлять состояния в узком смысле слова, выражаемые с помощью разных контекстов; иначе говоря, вообще не потребуется само понятие состояния в широком смысле слова. Таким образом, ниже слово «состояние» без уточнения будет обозначать состояние в узком смысле слова.

В некоторых случаях оказывается затруднительно определить, имеем ли мы дело с одинаковыми состояниями или с различными; ср., например, фразы: *я не брал книгу* и *я не брал книги*, *я бросил в него камень* и *я бросил в него камнем*, *такова цена слов* и *такова цена словам* и т. п. Конечный результат описываемой процедуры не зависит от того, какое решение принять в этих случаях. Для того, чтобы процедура носила максимально общий характер, мы будем исходить далее из того, что в приведенных примерах выражаемые состояния соответственно одинаковы.

Сказанное выше можно кратко сформулировать, таким образом, в виде следующего суммарного допущения: предполагается, что про любой субстантивный сегмент нам известно, может ли он в контексте *A* обозначать предмет *N*, находящийся в состоянии *S*. Так, например, сегмент *супру́гу* в контексте «*я рисую* . . .» может обозначать предмет «супруга» в состоянии рисуемого объекта или предмет «супруг» в состоянии предмета, для которого рисуют; однако он не может обозначать, например, предмет «супруг» в состоянии рисуемого объекта.

Примем также следующее вспомогательное допущение: варианты предлога (*о*, *об* и *обо*, *к* и *ко*, *в* и *во* и т. п.) условно признаются одним и тем же сегментом.

§ 2.4. Построим таблицу следующего устройства. Выпишем сверху по горизонтали полный список предметов. Выпишем слева по вертикали полный список всех возможных контекстов [9], а для каждого контекста, в свою

---

[8] В указанной работе В. А. Успенского понятию состояния в широком смысле соответствует термин «состояние», понятию состояния в узком смысле слова — термин «согласованная пара» (контекст — состояние).

[9] Чтобы число контекстов было конечным, можно условиться брать только контексты, не превышающие определенной длины.

очередь — полный список всех состояний в узком смысле слова, выражаемых с помощью этого контекста. Таким образом, каждый столбец таблицы соответствует определенному предмету, каждая строка — определенному состоянию в узком смысле слова [10].

Возьмем некоторую клетку таблицы; эта клетка соответствует, во-первых, некоторому предмету N, во-вторых, некоторому контексту A и более узко — некоторому состоянию (в узком смысле слова) S. Впишем в эту клетку все сегменты, которые в контексте A могут обозначать предмет N, находящийся в состоянии S. Обработаем таким способом последовательно все клетки таблицы. В результате в большинстве клеток таблицы окажется по одному сегменту; однако часть клеток может остаться пустой; с другой стороны, в некоторых клетках может оказаться более одного сегмента. Полученная таблица будет иметь, таким образом, общий вид, показанный на стр. 41.

Над построенной таким способом таблицей производятся следующие операции:

1. Все одинаковые между собой строки «склеиваются» в одну строку (или, что то же самое, во всякой совокупности одинаковых строк вычеркиваются все строки, кроме одной).

2. Вычеркивается всякая неполная (т. е. имеющая хотя бы одну пустую клетку) строка, совпадающая с некоторой другой строкой таблицы в своей непустой части.

3. Вычеркивается всякая строка x, для которой найдутся некоторые другие строки таблицы y, z, . . ., w, такие, что всякая клетка из строки x содержит теоретико-множественную сумму содержимого клеток того же столбца из строк y, z, . . ., w.

Назовем всякую строку, оставшуюся в таблице после всех этих операций, однопадежным рядом. Как показывает проверка с помощью мысленного эксперимента, каждый однопадежный ряд представляет собой не что иное, как совокупность всех сегментов, которые выражают словоформы, имеющие общую (одну и ту же для всех словоформ) граммему некоторого конкретного падежа. Этому однопадежному ряду сегментов однозначно соответствует ряд словоформ, имеющих эту общую граммему падежа. Каждый однопадежный ряд однозначно соответствует некоторому падежу и наоборот.

Рассмотрим в качестве примера приведенный фрагмент таблицы. Указанные выше операции дали бы в применении к нему следующий результат: 1) 2-я и 6-я строки «склеиваются»; 2) 4-я строка вычеркивается, поскольку она «вкладывается» в 1-ю; 3) 7-я строка вычеркивается, поскольку она разложима на сумму 1-й и 5-й. Остаются, таким образом, строки 1-я, 2-я, 3-я и 5-я, которые очевидным образом соответствуют винительному, творительному, дательному и родительному (точнее, как мы увидим ниже, 2-му родительному) падежам.

Припишем теперь каждому сегменту столько разных падежных значений, во сколько однопадежных рядов он входит. Это значит, что каждый сегмент служит внешней стороной по крайней мере стольких словоформ, во сколько однопадежных рядов он входит (если обнаруживается, кроме того, омонимия лексем или омонимия разных чисел, таких словоформ оказывается больше).

Чтобы определить падежное значение, которое должно быть приписано некоторому сегменту n в конкретном контексте A (иначе говоря, чтобы узнать, какую словоформу выражает сегмент n в этом контексте), нужно: 1) найти строку таблицы, соответствующую контексту A и состоянию, которое может выражаться с помощью сегмента n в данном контексте; если таких состояний несколько, нужно найти все соответствующие строки; 2) установить для каждой найденной строки, с какими однопадежными рядами она совпадает

[10] Разумеется, практически построить такую таблицу немыслимо, поскольку она слишком велика. Для нас существенно здесь лишь то, что эта задача в принципе осуществима и что конечные результаты обработки такой таблицы можно предсказать с большой вероятностью на основании мысленного эксперимента.

Общий вид таблицы, используемой для установления однопадежных рядов

Контекст	Состояние	Предмет					
		«палка»	«палки»	«супруг»	«супруга»	«пенсне» (одно)	и т. д.
«я рисую . . .»	рисуемый предмет	*пáлку*	*пáлки*	*супрýга*	*супрýгу*	*пенснé*	. . .
	орудие рисования	*пáлкой* *пáлкою*	*пáлками*	*супрýгом*	*супрýгой* *супрýгою*	*пенснé*	. . .
	«адресат» рисования	*пáлке*	*пáлкам*	*супрýгу*	*супрýге*	*пенснé*	. . .
«я рисую свою . . .»	рисуемый предмет	*пáлку*	—	—	*супрýгу*	—	. . .
«у меня нет . . .»	отсутствующий предмет	*пáлки*	*пáлок*	*супрýга*	*супрýги*	*пенснé*	. . .
«я доволен . . .»	предмет, вызывающий удовольствие	*пáлкой* *пáлкою*	*пáлками*	*супрýгом*	*супрýгой* *супрýгою*	*пенснé*	. . .
«я не узнал . . .»	объект неузнавания	*пáлку* *пáлки*	*пáлки* *пáлок*	*супрýга*	*супрýгу* *супрýги*	*пенснé*	. . .
и т. д.		. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .

в своей непустой части. Сегменту n в контексте A приписываются падежные значения, соответствующие каждому однопадежному ряду, в который «вкладывается» хотя бы одна из найденных строк [11].

Нетрудно обнаружить, что предложенная процедура опирается на следующее существенное свойство всех восьми признаваемых в русской грамматике падежей: для любого из них найдется контекст, который допускает (даже при «узком» взгляде на грамматическую правильность) все словоформы, содержащие граммему этого падежа. Например, для именительного падежа в качестве такого контекста может выступать контекст «*у меня есть* . . .», для винительного — «*я говорю про* . . .» и т. д. Действительно, если бы какой-нибудь традиционно выделяемый падеж не обладал этим свойством, в результате нашей процедуры он обязательно распался бы на два или несколько падежей. Из сказанного вытекает, в частности, то, что разница между «широким» и «узким» взглядами на грамматическую правильность (если она не выходит за пределы действительных разногласий между лингвистами) не повлияет на результат предложенной процедуры.

Колебания в оценке одинаковости или неодинаковости состояний, выражаемых разными словоформами в одном и том же контексте, сами по себе также не могут изменить конечного результата. Правда, теоретически мыслим случай, когда очень «широкое» понимание одинаковости состояний, выражаемых разными словоформами, в соединении с очень «узким» пониманием грамматической правильности может привести к выделению «паразитических» падежей; однако в пределах реально мыслимых разногласий по обоим этим вопросам такого примера построить не удается [12].

Шесть основных падежей

§ 2.5. В результате описанной процедуры выделяются прежде всего все шесть общепризнанных падежей. Им соответствуют следующие однопадежные ряды (для каждого ряда указан некоторый контекст, допускающий весь этот ряд; для удобства взяты контексты, могущие выражать только одно состояние, поэтому состояние не указывается):

Падеж	Контекст	Однопадежный ряд
И.	«*у меня есть*...»	*шкаф*, *чай*, *бык*, *жена́*, *печь*, *ведро́*, *пальто́*, *быки́*, *ёедра* и т. д.
Р.	«*у* ... *есть недостаток*»	*шка́фа*, *ча́я*, *быка́*, *жены́*, *пе́чи*, *ведра́*, *пальто́*, *быко́в*, *вёдер* и т. д.

[11] Таким образом, в принципе определение падежного значения сегмента в конкретном контексте может дать неоднозначный результат. Это произойдет в случае действительной двусмысленности, например: *он объявил это решение коллегии* (сегмент *колле́гии* здесь двусмыслен).

[12] Отметим отличия предложенной процедуры выделения падежей от процедуры В. А. Успенского. Расхождение по существу состоит, по-видимому, только в том, что настоящая процедура не допускает однопадежных рядов, разложимых на теоретико-множественную сумму других однопадежных рядов. Благодаря этому не выделяется особого падежа после переходного глагола с отрицанием («*не вижу*. . .») и других подобных «составных» падежей, которые должны появиться в результате процедуры В. А. Успенского. Отличается также строение собственно формальной части процедуры; предлагаемая выше процедура не требует того, чтобы особым допущением устранялись прилагательные и прочие слова-атрибуты; не используются также понятия непосредственной и абсолютной эквивалентности.

Падеж	Контекст	Однопадежный ряд
Д.	*«обращаюсь к ...»*	*шкáфу, чáю, быкý, женé, пéчи, ведрý, пальтó, быкáм, вёдрам* и т. д.
В.	*«говорю про ...»*	*шкаф, чай, быкá, женý, печь, ведрó, пальтó, быкóв, вёдра* и т. д.
Т.	*«я доволен ...»*	*шкáфом, чáем, быкóм, женóй* и *женóю, пéчью, ведрóм, пальтó, быкáми* и т. д.
П.	*«я говорю о ...»*	*шкáфе, чáе, быкé, женé, пéчи, ведрé, пальтó, быкáх, вёдрах* и т. д.

2-й предложный (местный) падеж

§ 2.6. Рассмотрим теперь оставшиеся падежи из 8-падежной схемы. В результате описанной процедуры наряду с другими однопадежными рядами выделяется также однопадежный ряд, соответствующий 2-му предложному (местному) падежу:

$П_2$	*«они находятся в ...»*	*шкафý, чаю́* и *чáе, быкé, женé, печи́, ведрé, пальтó, быкáх, вёдрах* и т. д.

В самом деле, эта строка не «вкладывается» ни в какую отличную от нее строку и не разлагается на сумму каких-либо других строк, не «вкладывающихся» в нее (хотя бы потому, что сегменты *шкафý, чаю́, печи́* и т. п. в других однопадежных рядах не встречаются).

2-й предложный падеж выступает только после предлогов *в* и *на*, в словосочетаниях, имеющих местное (локативное) значение.

Замечание. Для некоторых слов АО указывает разные сегменты в соединении с предлогами *в* и *на*, например: *в свéте*, но *на светý*; *в смóтре*, но *на смотрý*; *в медý* и *в мёде*, но *на медý*; *в клею́* и *в клéе*, но *на клею́*; *в спиртý* и *в спи́рте*, но *на спиртý*; *в двери́*, но *на двери́* и *на двéри*. Если считать, что эти указания имеют грамматическую силу (т. е. что их нарушение ведет к потере фразой грамматической правильности), то необходимо признать на основании этих фактов существование не одного, а двух местных падежей: 1) инессива — (*в*) *столé*, (*в*) *бокý*, (*в*) *свéте*; 2) суперессива — (*на*) *столé*, (*на*) *бокý*, (*на*) *светý*. В действительности, однако, эти указания АО явно не имеют требуемой грамматической силы. Более того, по крайней мере в части случаев они просто являются результатом смешения значений предложного и местного падежей. Дело в том, что сегменты на *-е*, приводимые наряду с сегментами на *-у*, в ряде случаев относятся не к местному падежу (контексты *«нахожусь в ...»*, *«сижу на ...»* и т. п.), а к предложному, который тоже может сочетаться с предлогами *в* и *на* (ср. контексты *«я заинтересован в ...»*, *«я знаю толк в ...»*, *«настаиваю на ...»*, *«останавливаю свой выбор на ...»* и т. п.[13]). Поскольку большинство слов приведенного выше списка обычно

[13] См., в частности: Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм). «American contributions to the IV-th International congress of slavicists». 's-Gravenhage, 1958.

сочетается либо только с предлогом *в*, либо только с предлогом *на* (ср., например, *в аду́*, *в бою́*, *в тиши́* и *на берегу́*, *на смотру́*, *на мели́*), попытки соединить то же слово с другим предлогом из этой пары часто приводят к сегментам на *-е* (*в бе́реге*, *в смо́тре*, *на а́де*), которые в действительности могут встретиться только в контекстах предложного, а не местного падежа. Заметим, что специальный анализ отмечаемых в АО колебаний между сегментами на *-е* и сегментами на *-у*, вероятно, показал бы, что часть этих колебаний является мнимой (т. е. что в некоторых случаях эти сегменты относятся к разным падежам).

2-й родительный (количественно-отделительный) падеж

§ 2.7. Сложнее положение со 2-м родительным (количественно-отделительным) падежом [14]. Дело в том, что во фразах типа *дай мне чай* и *дай мне чаю*, быть может, речь идет о разных предметах [15]. Здесь возможны, таким образом, две точки зрения: 1) сегменты *чай* и *ча́ю* обозначают в приведенных фразах один и тот же предмет, находящийся в разных отношениях к действию передачи: в первом случае это действие распространяется на весь предмет, а во втором только на его часть (иначе говоря, мы имеем здесь дело с разными состояниями одного и того же предмета); 2) сегменты *чай* и *ча́ю* обозначают здесь разные предметы, находящиеся в одинаковом состоянии (сегмент *чай* обозначает чай вообще или определенную его порцию, например стакан или пачку, сегмент *ча́ю* обозначает неопределенное количество чаю, некоторую часть имеющегося чая). В зависимости от выбора точки зрения конечный результат процедуры выделения падежей оказывается здесь различным.

Рассмотрим следствия из первой точки зрения (заметим, что именно эта точка зрения практически использовалась в предшествующем изложении). При этой точке зрения необходимо признать существование особого 2-го родительного падежа, которому соответствует следующий однопадежный ряд:

$Р_2$ *«у меня нет . . .»* *шка́фа*, *ча́ю* и *ча́я*, *са́хару* и *са́хара*, *быка́*, *жены́*, *пе́чи*, *ведра́*, *пальто́*, *быко́в*, *вёдер* и т. д.

Нетрудно проверить, что эта строка действительно удовлетворяет требованиям, предъявляемым к однопадежному ряду. В самом деле, ее можно представить как сумму двух членов строки, соответствующей родительному падежу, и некоторого остатка, состоящего из сегментов типа *ча́ю*, *са́хару*, *мёду*, *све́ту*, *шу́му* и т. д.; однако этот остаток не встречается в виде самостоятельной строки (кроме строк типа *«у меня нет . . .»* он встречается только в строках, соответствующих дательному падежу; но сумма строк дательного и родительного падежей больше, чем строка 2-го родительного).

Заметим, что 2-й родительный, в отличие от других падежей 1) не имеет сегментов, относящихся только к нему одному (всякая словоформа 2-го родительного омонимична либо словоформе родительного, либо словоформе да-

---

[14] См. также: N. Durnovo. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. «Revue des études slaves», 1924, v. IV; N. S. Trubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache. — TCLP, 1934, v. 5, № 2; В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947; Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением.

[15] См.: В. А. Успенский. Указ. соч., стр. 17.

тельного падежа); 2) 2-й родительный находится в таком отношении с родительным, что вместо любой словоформы $Р_2$, не омонимичной словоформе Р., всегда можно употребить, без изменения смысла, словоформу, омонимичную словоформе Р. (так, вместо *у меня нет чаю* всегда можно сказать *у меня нет чая*). Таким образом, с точки зрения внешнего выражения 2-й родительный менее самостоятелен, чем остальные падежи.

Рассмотрим следствия из второй точки зрения. Поскольку «чай вообще» и «некоторое количество чаю» и тому подобные пары рассматриваются как разные предметы, им должны соответствовать разные столбцы. Можно ожидать, что 2-й родительный в этом случае вообще исчезнет; в самом деле, например, во фразах *даю чай* и *даю чаю* мы имеем теперь дело с названиями разных предметов, стоящими в одном и том же падеже (винительном); точно так же в словосочетаниях типа *недостаток чая* (качественный) и *недостаток чаю* (количественный) [16] мы имеем дело с одним и тем же падежом (родительным) от названий разных предметов. Оказывается, однако, что в действительности число падежей в этом случае не уменьшится, а даже увеличится. Дело в том, что не всякий контекст, допускающий словоформы винительного падежа, и не всякий контекст, допускающий словоформы родительного падежа, допускает в то же время сегменты типа *чáю*, *сáхару*, *воды́*, *молокá*, *пирогóв*. Примерами контекстов, не допускающих указанный ряд сегментов, могут служить: для винительного — «*я говорю про . . .*», для родительного — «*у . . . есть недостаток*». Из сказанного следует, что вторая точка зрения приводит к признанию не только 2-го родительного, но еще и 2-го винительного падежа. Это легко видеть из приводимой ниже таблицы (указанные в таблице контексты выражают только одно состояние предмета, поэтому названия состояний опущены):

Контекст	Предмет				
	«чай вообще»	«часть чаю»	«вода вообще»	«часть воды»	и т. д.
«у меня есть . . .»	*чай*	*чай*	*водá*	*водá*	. . .
«у меня нет . . .»	*чáя*	*чáю* *чáя*	*воды́*	*воды́*	. . .
«у . . . есть недостаток»	*чáя*	*чáя*	*воды́*	*воды́*	. . .
«дай мне . . .»	*чай*	*чáю* *чáя*	*вóду*	*воды́*	. . .
«говорю про . . .»	*чай*	*чай*	*вóду*	*вóду*	. . .
«я доволен . . .»	*чáем*	*чáем*	*водóй* *водóю*	*водóй* *водóю*	. . .
и т. д.	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .

[16] Пример взят из работы: Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением, стр. 22.

Нетрудно убедиться, что предложенная выше процедура приведет здесь к признанию каждой из выписанных шести строк особым однопадежным рядом.

Какую из двух изложенных точек зрения следует предпочесть? Вторая точка зрения, по-видимому, точнее отражает рассматриваемые смысловые соотношения; в самом деле, различие между предметом вообще и некоторой его частью в принципе сходно с различием чисел и потому могло бы трактоваться аналогично числу. Однако эта точка зрения приводит к весьма неэкономному строению парадигмы: приходится признать омонимию между обозначением всего предмета и его части во всех падежах, кроме 2-го родительного и 2-го винительного; в то же время общее число падежей от этого не уменьшается, а возрастает. Первая точка зрения, напротив, приводит к более простому строению парадигмы. Заметим, что в грамматиках языков с развитым партитивом (например, финского, эстонского) фактически применяется именно первая точка зрения. В настоящей работе также принимается первая точка зрения; соответственно выделяется один дополнительный падеж, связанный с выражением частичности, — 2-й родительный.

Счетная форма

§ 2.8. Проверка показывает, что список однопадежных рядов, получаемых описанной выше процедурой, не ограничивается указанными 8 рядами. Рассмотрим, например, контекст *«вот три . . .»*. Он допускает следующий ряд сегментов *ряда́*, *следа́*, *часа́*, *шага́*, *шара́*, *са́да*, *солда́та*, *жены́*, *но́чи*, *окна́*, *пальто́*, *часовы́х*, *сказу́емых*, *столо́вых* и *столо́вые*, *мастерски́х* и *мастерски́е* и т. д. При помещении этих сегментов в таблицу возникает некоторая трудность: неясно, какой предмет обозначают субстантивные сегменты в словосочетаниях типа *три солдата*, *три часовых*, *три ресторана*, *три столовых* — «солдат» или «солдаты», «часовой» или «часовые» и т. д. Решать этот вопрос можно по-разному [17]; по-видимому, однако, естественно требовать, чтобы во всех приведенных примерах он был решен в одном и том же смысле. В самом деле, трудно допустить, что, например, в словосочетаниях *три*

[17] По-видимому, проще считать, что в каждом из этих случаев субстантивный сегмент обозначает совокупность нескольких соответствующих предметов (т. е. выражает словоформу с граммемой «множественное число»). С типологической точки зрения такое решение поддерживается, в частности, фактами большого числа индоевропейских языков, где при сочетании с числительным существительное стоит во мн. числе (ср. лат. tres milites, англ. three soldiers и т. д.). Однако допустимо и иное истолкование, согласно которому значение множественности заключено в этих случаях только в числительном, а существительное лишь называет вид считаемых предметов. С типологической точки зрения такое решение находит поддержку в фактах, например, финно-угорских или тюркских языков: ср. венг. három katona 'три солдата' (katona — И. ед.), эст. kolm soldatit (soldatit — партитив ед. ч.).

ресторана и *три столовых* сегмент *ресторáна* обозначает один ресторан, а сегмент *столóвых* — несколько столовых [18]. При любом однозначном решении данного вопроса строка, соответствующая контексту «*вот три...*», окажется неполной: в половине столбцов останутся пустые клетки. Несмотря на это, полученная строка не «вкладывается» ни в какую строку, отличную от нее (хотя бы потому, что она содержит сегменты *рядá*, *следá*, *часá*, *шагá*, *шарá*, не входящие в другие однопадежные ряды); она не разлагается также на сумму каких-либо других строк, не «вкладывающихся» в нее, и, следовательно, составляет особый однопадежный ряд.

З а м е ч а н и е. Представляет особый интерес вопрос о том, насколько изменилось бы положение, если бы вместо уникальных сегментов *рядá, следá, часá, шагá, шарá* в контексте «*вот три ...*» выступали сегменты с ударением на основе. Оказывается, что особый однопадежный ряд выделится даже и в этом случае. В самом деле, рассматриваемая строка содержит, помимо сегментов, входящих в однопадежный ряд родительного падежа (например, *солдáта, жены́, часовы́х, столóвых*), также и некоторые другие (например, *столóвые, мастерскúе*). Более того, даже если бы сегментов типа *столóвые, мастерскúе* в этой строке не было, все равно она «вкладывалась» бы в строку родительного падежа только при соглашении (уже отвергнутом выше), что в подобных контекстах сегменты типа *солдáта, ресторáна* обозначают один предмет, а сегменты типа *часовы́х, столóвых* — несколько. Таким образом, выделение особого однопадежного ряда не зависит в данном случае от существования пяти перечисленных выше сегментов форм с особым ударением. Этот вывод важен потому, что в противном случае, возможно, оказалось бы целесообразнее отнести словосочетание *два* (*три, четыре*) *рядá* (*следá, часá, шагá, шарá*) к ограниченному списку словосочетаний, которые характеризуются аномальным (т. е. не представленным нигде более) ударением и потому не учитываются в грамматическом описании (см. § 4.2).

Принятая выше процедура выделения падежей обязывает нас признать, таким образом, существование 9-го падежа [19]. Этот падеж выступает в соединении с сегментами *два*, *две*, *óба*, *óбе*, *полторá*, *полторы́*, *три*, *четы́ре*.

Этот падеж отличается, однако, от остальных восьми той существенной особенностью, что он возможен лишь для половины названий предметов. Если рассматривать целые лексемы (включающие словоформы обоих чисел), то эта уникальная особенность 9-го падежа выглядит как отсутствие внутри него противопоставления по числу (тогда как в каждом из первых 8 падежей различаются словоформы разных чисел, ср. *солдáт* и *солдáты*, *солдáтом* и *солдáтами* и т. д.). Из-за этой особенности мы будем далее рассматривать 9-й падеж не совсем так, как остальные; в частности, связанное с ним словоупотребление будет отличаться от обычного.

---

[18] Отметим, кстати, что определение стоит в подобных случаях в одной и той же форме: ср. *три больших ресторана* и *три больших столовых* (см. также: В. В. В и н о г р а д о в. Указ. соч., стр. 295).

[19] Отметим, что В. В. Виноградов, который вообще называет рассматриваемую грамматическую форму счетной формой, в одном месте называет ее счетным падежом (указ. соч., стр. 304).

Граммему «9-й падеж» мы будем называть в дальнейшем счетной формой [20], а всякую словоформу с такой граммемой — счетной словоформой. Так, например, грамматическую форму «9-й падеж муж. рода» мы будем называть счетной формой муж. рода и т. д. Вопрос о том, следует ли отнести счетные словоформы к какому-либо грамматическому числу, и если да, то к какому именно, носит по существу лишь формальный характер. Условимся считать, что все счетные словоформы относятся к множественному числу. Для краткости, однако, мы не будем упоминать граммему числа в грамматическом значении счетных словоформ; например, словоформу *ряда́* мы будем называть просто счетной словоформой (а не счетной словоформой множ. числа), а ее словоизменительное грамматическое значение — просто счетной формой.

Замечание. В принципе можно предложить и другую интерпретацию счетной формы, а именно: в И. мн. (а также в В. мн., если он совпадает с И. мн.) противопоставляются две формы: «свободная» и «связанная»; «связанная» форма употребляется с числительными *два*, *о́ба*, *три*, *четы́ре*, *полтора́*, «свободная» — во всех остальных случаях. «Связанная» форма И. мн. — это и есть счетная форма. Такая трактовка позволит считать, что сочетания перечисленных числительных с существительным с синтаксической точки зрения устроены одинаково в именительном и в косвенных падежах, а именно, существительное всегда является подчиняющим членом словосочетания, а числительное согласуется с ним в падеже (*два стола* — И. падеж, *двум столам* — Д. падеж), роде (ср. *два стола* и *две стены́*) и одушевленности (ср. *вижу два стола* и *вижу двух врачей*). С типологической точки зрения это положение сходно с противопоставлением так называемых состояний (или «статусов») имени в семитских языках: «свободную» форму И. мн. можно сопоставить с так называемым независимым состоянием, «связанную» — с сопряженным состоянием. Аналогия усиливается в данном случае наличием так называемого взаимного (или двойного) управления. Так, например, в арабском словосочетании kitābu lmudarrisi 'книга учителя' родительный падеж второго слова определяется его связью с первым словом, а сопряженное состояние первого слова — его связью со вторым. Сходным образом, например, в сочетаниях *два стола*, *обе стены́*, *полтора ведра́* род числительного определяется родом существительного, а падеж существительного (или, в соответствии с предложенной здесь новой трактовкой, — выбор «связанной» формы И. мн. у существительного) определяется его связью с данным числительным.

Заметим, наконец, что мыслимо и еще одно истолкование рассматриваемых фактов, а именно: помимо ед. и мн. чисел признается существование особого «ограниченного» числа, обозначающего ограниченную множественность (от полутора до четырех). Субстантивным сегментам в словосочетаниях типа *три ряда́* (*солда́та*, *стены́*, *ведра́*, *часовы́х*, *столо́вых*) приписывается грамматическое значение «И. падеж ограниченного числа». В косвенных падежах (кроме В. у неодушевленных) признается омонимия ограниченного и множественного чисел. При таком истолковании, как и при предыдущем, синтаксическая структура словосочетаний *два стола* и *двум столам* оказывается одинаковой. В типологическом плане «ограниченное число» можно было бы сопоставить с такими явлениями, как так называемое множественное число малого количества (plurale paucitatis) в арабском языке, обозначающее от трех до десяти предметов (ср., например, 'ašhurun 'несколько месяцев' и šuhūrun 'много месяцев' от šahrun 'месяц').

---

[20] См.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 302.

Вопрос о существовании других падежей

§ 2.9. По-видимому, и некоторые другие строки нашей таблицы могут оказаться при определенных условиях однопадежными рядами. Рассмотрим контекст «*я жду . . .*». По данным существующих грамматик и словарей глагол *ждать* допускает дополнение как в винительном, так и в родительном падеже. Хронологически более ранняя ситуация состояла в том, что эти два падежа выражали здесь разные отношения между глаголом и существительным: В. падеж обозначал определенный предмет, а Р. падеж — неопределенный; ср. *я жду письмо* (определенное) и *я жду письма* (какого-нибудь). Однако в современном языке заметна эволюция в следующих двух направлениях: 1) смысловое различие между Р. и В. падежами при этом глаголе стирается, так, например, между *я жду самолёта* и *я жду самолёт*, по-видимому, уже не чувствуется различия по определенности—неопределенности; 2) из двух падежных форм, возможных при этом глаголе, предпочитается одна, но у разных групп существительных разная (у одушевленных обычно винительный, у неодушевленных обычно родительный; у некоторых неодушевленных употребляются оба). Так, обычно говорят: *жду мать*, *сестру*, *девочку*, *старосту*; *начала*, *конца*, *результата*, *ночи*, *следующего месяца*, *развязки*, *ответа*; *поезда* и *поезд*, *трамвая* и *трамвай*, *книгу* и *книги*, *письма* и *письмо* и т. д. Фразы типа *я жду результат*, *я жду конец* воспринимаются по меньшей мере как стилистически неряшливые, а такие фразы, как *я жду матери*, *я жду учительницы*, находятся, по-видимому, за гранью грамматической правильности. Такое же управление, как *ждать*, имеют производные глаголы *прожда́ть*, *подожда́ть*, *поджида́ть*, *ожида́ть*; в разговорной речи к этому типу управления тяготеют также глаголы *боя́ться*, *слу́шаться* (ср. разг. *он боится свою мать* [21], *слушайся учительницу*), в меньшей степени — глаголы *остерега́ться*, *опаса́ться*.

Если признать описанную эволюцию завершившейся, мы получим особый однопадежный ряд: *я жду мать*, *сестру*, *брата*, *поезд и поезда*, *конца*, *результата* и т. д. (ср. ряд для винительного падежа: *я говорю про мать*, *сестру*, *поезд*, *результат* и ряд для родительного падежа: *таково свойство матери*, *сестры*, *поезда*, *результата*). Соответствующий падеж можно было бы назвать «ждательным». Есть все основания полагать, что со временем «ждательный» падеж полностью оформится и укрепится в системе русских падежей (вероятно, к управлению «ждательным» падежом перейдут, помимо названных выше, также такие глаголы, как *избега́ть*, *чужда́ться*, *ослу́шаться* и т. п.). Поскольку, однако,

---

[21] Ср. также у М. Цветаевой: *Я. . . не люблю свинью. . . Я — боюсь свинью!. .* (слова Андрея Белого детям).

в настоящее время его формирование еще не закончено (в частности, не полностью стерто смысловое различие между Р. и В. падежами при этих глаголах), мы не будем рассматривать его в последующем описании как самостоятельный падеж.

Другой не вполне ясный случай представляют собой словосочетания типа *выбрать в депутаты*, *принять в члены*, *пойти в лётчики* и т. д. Этот тип словосочетаний в современном языке никак нельзя отнести к фразеологизмам. В самом деле, в качестве второго члена такого словосочетания может выступать любое одушевленное существительное в форме множ. числа (чаще всего это название лица по профессии или социальному положению), а в качестве первого члена — любой глагол, обозначающий переход или перевод в новое качество (чаще всего — в новое социальное состояние). Перечислим основные из этих глаголов: 1) *пойти́*, *пройти́*, *перейти́*, *вы́йти*, *проле́зть*, *пробра́ться*, *проскочи́ть*, *вы́лезть*, *вы́браться*, *вы́скочить*, *вы́двинуться*, *записа́ться*, *завербова́ться*, *переквалифици́роваться*, *проси́ться*, *ме́тить*, *гото́виться*; 2) *взять*, *приня́ть*, *забра́ть*, *вы́брать*, *избра́ть*, *вы́двинуть*, *провести́*, *протащи́ть*, *вы́вести*, *вы́тащить*, *перевести́*, *произвести́*, *записа́ть*, *завербова́ть*, *замани́ть*, *разжа́ловать*, *пусти́ть*, *отпусти́ть*, *звать*, *гото́вить*, *про́чить*; 3) *идти́*, *пойти́*, *прийти́*, *ходи́ть* (в гости); 4) *игра́ть* (в солдаты, в казаки-разбойники и т. д.).

Эти сло́восочетания можно трактовать одним из следующих четырех способов.

1. Субстантивная словоформа, выступающая в таких словосочетаниях, например словоформа *солда́ты* в словосочетании *пошёл в солдаты*, признается обозначающей тот же предмет, что, например, в словосочетании *идут солдаты*; соответственно, эта словоформа признается принадлежащей лексеме «солдат».

Вариант 1а. Признаются тождественными смысловые отношения между глаголом и существительным в таких словосочетаниях, как *пошёл в солдаты* и *пошёл в армию*, *записался в казаки* и *записался в казачество*, *вышел в начальники* и *вышел в начальство* (иначе говоря, признается одинаковое состояние соответствующих предметов). Это отношение можно назвать отношением включения в некоторый коллектив. Из двух посылок, принимаемых в варианте 1а, с необходимостью вытекает признание особого падежа — «включительного», поскольку контексту «*он пошёл в . . .*» соответствует в этом случае особый однопадежный ряд: *армию*, *казачество*, *начальство*, *солдаты*, *лётчики*, *инженеры* и т. д. (ср. ряд для винительного падежа: *я говорю про армию*, *казачество*, *солдат*, *лётчиков* и т. д.) [22].

---

[22] Фактически такова точка зрения В. А. Богородицкого (В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М., 1935, стр. 115).

Вариант 1б. Тождество смысловых отношений в словосочетаниях *пошёл в солдаты* и *пошёл в армию* отрицается. Отношение между глаголом и существительным в словосочетании *пошёл в солдаты* рассматривается как отношение превращения (=стал солдатом, превратился в солдата). Из таких посылок вытекает, что в словосочетаниях типа *пошёл в солдаты* существительное стоит в именительном падеже. В самом деле, строка, соответствующая в этом случае контексту «*пошёл в . . .*» (а именно: *солдаты, лётчики, инженеры* и т. д.), «вкладывается» только в однопадежный ряд именительного падежа. Мы приходим, таким образом, в этом случае к выводу о том, что именительный падеж может употребляться в русском языке и после предлога (а именно, после предлога *в*)[23].

2. Субстантивные словоформы в сочетаниях *пошёл в солдаты* и *идут солдаты* не признаются обозначающими один и тот же предмет; соответственно, признаются две разные лексемы: 1) «солдат» (множ. число *солда́ты* — в значении расчлененной совокупности солдат); 2) «солдаты», т. е. нерасчлененная совокупность сóлдат (по своему морфологическому типу это слово группы pluralia tantum [24]; как и прочие обозначения нерасчлененных коллективов, например *толпа́, отря́д, а́рмия*, оно должно быть отнесено к числу неодушевленных) [25].

Вариант 2а. Признается «включительное» значение рассматриваемых словосочетаний (см. выше). В этом случае никаких новых падежей не выделится; будет признано, что существительное в этих словосочетаниях стоит просто в винительном падеже.

Вариант 2б. Признается «превратительное» значение рассматриваемых словосочетаний (см. выше). В этом случае новых падежей также не выделится, но падеж существительного в этих словосочетаниях останется неопределенным: винительный или именительный (ср. выше § 2.4).

Неудобство решений типа 2 состоит в том, что выделяемая при этом лексема «солдаты» имеет весьма ограниченную сочетаемость. Так, можно сказать, имея в виду указанное выше лексическое значение: *служит в солдатах, вернулся из солдат* и т. п., однако весьма сомнительны словосочетания вроде *говорю про сол-*

[23] Другой случай употребления И. падежа после предлога составляют, по-видимому, сочетания типа *по шесть рублей, по два человека, по шестеро человек*; ср. *вижу двух человек, шестерых человек* (см.: «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 53).

[24] Ср.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 162 (где существительные в словосочетаниях *играть в кошки-мышки, в дурачки, в Акулины* и т. п. рассматриваются как pluralia tantum).

[25] Именно эту точку зрения фактически принимает В. Н. Сидоров (Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики современного русского литературного языка. М., 1945, стр. 121): «. . .в этих оборотах названия лиц употреблены в отвлеченном значении должности или звания, и потому они, как и другие отвлеченные существительные, образуют вин. пад. по образцу неодушевленных существительных».

даты. Не принимая окончательного решения по данному вопросу, мы не будем тем не менее рассматривать «включительный» падеж в последующем описании.

Вполне возможно, что внимательный анализ фактов позволит обнаружить и другие подобные явления в системе русского склонения, могущие привести к формированию новых падежей [26].

Падежи у местоимений-существительных. Увеличение числа падежей

§ 2.10. Включим теперь в рассмотрение также так называемые местоимения-существительные (см. § 2.1). В принципе с ними можно поступать так же, как с обычными существительными; так, соответствующие сегменты можно просто включить в однопадежные ряды, уже выделенные для обычных существительных, и соответственным образом приписать им падежные значения. С большей частью местоименных существительных эту операцию удается провести без затруднений, например: *я* — И. падеж, *кем* — Т. падеж, *нас* — Р., $Р_2$, П. и $П_2$ падежи. Отличие от существительных состоит здесь только в отсутствии счетной формы: в литературном языке ни одна из словоформ этих слов не сочетается с словоформами слов *два*, *óба*, *три*, *четы́ре* [27].

Лишь для одной группы таких слов результат оказывается неожиданным. Речь идет прежде всего о местоимениях *он*, *онá*, *онó*, *они́*. В отличие от других склоняемых слов, они обнаруживают во всех падежах, кроме именительного и обоих предложных, по два сегмента, которые нельзя заменить друг на друга без утраты грамматической правильности. Так, например, родительному падежу существительных соответствуют здесь сегменты *егó* и *негó*, *её* и *неё*, *их* и *них*. Как известно, сегменты с начальным *н* употребляются в словосочетаниях с предлогом, сегменты без *н* — в прочих случаях [28]. Назовем сегменты первой группы п р и п р е д л о ж н ы м и, сегменты второй группы — с а м о с т о я т е л ь н ы м и. Противопоставление этих двух сегментов представлено также (правда, с более своеобразным внешним выражением) у местоимений-существительных *нéкого*, *нéчего*, *никтó*, *ничтó* [29]. Припредложные сегменты в отличие от самостоятельных

---

[26] См., в частности, § 4.2, вопрос о словосочетаниях типа *по пятисóт*.

[27] Сочетания типа *два меня*, *три себя*, допустимые в разговорной речи, по-видимому, следует считать нелитературными (см.: В. В. В и н о г р а д о в. Указ. соч., стр. 303). Сочетания типа *двое нас* не означают удвоенного содержания понятия «мы».

[28] Правило распределения сформулировано несколько упрощенно; подробнее см.: Б. И. Б л а ж е в. К вопросу об употреблении личного местоимения 3-го лица с начальным *н*. «Русский язык в школе», 1962, № 2.

[29] Заметим, что, кроме того, оно представлено также у трех прилагательных аналогичного строения, а именно, *никакóй*, *никотóрый*, *ничéй*.

являются здесь «разорванными»: ср., например, *не завидую никому* и *не обращаюсь ни к кому* [30].

Из сказанного следует, что если рассматривать всю совокупность существительных и местоимений-существительных, то в результате описанной выше процедуры выделяется не девять, а значительно большее число однопадежных рядов. Так, например, с одной стороны, выделяется однопадежный ряд, соответствующий контексту «*он завидует . . .*», а именно: *врачу́*, *жене́*, *шкафа́м*, . . ., *мне*, *вам*, *ему́*, *ей*, *им*; с другой стороны — однопадежный ряд, соответствующий контексту «*он обращается к . . .*», а именно: *врачу́*, *жене́*, *шкафа́м*, . . ., *мне*, *вам*, *нему́*, *ней*, *ним*. Первый из них можно назвать однопадежным рядом дательного самостоятельного, а второй — однопадежным рядом дательного припредложного.

Перечислим выделенные таким образом падежи:

1) И. (самостоятельный),
2) Р. самостоятельный,
3) Р. припредложный,
4) $Р_2$ самостоятельный,
5) $Р_2$ припредложный,
6) Д. самостоятельный,
7) Д. припредложный,
8) В. самостоятельный,
9) В. припредложный,
10) Т. самостоятельный,
11) Т. припредложный,
12) П. (припредложный),
13) $П_2$ (припредложный),
14) счетная форма (самостоятельная).

Как можно видеть из этого списка, нерасщепленными остались только И., П. и $П_2$ падежи и счетная форма. Причины этого вполне понятны: И. падеж и счетная форма не употребляются с предлогами [31], а предложные падежи не употребляются без предлогов.

Вообще говоря, этот список из 14 падежей можно было бы представить как результат взаимного наложения двух отдельных категорий: категории падежа и категории самостоятельности—припредложности. В этом случае запись типа «Р. припредложный» нужно было бы рассматривать как совокупность двух разных граммем. Такой подход в принципе правомерен; однако по формальным соображениям (а именно потому, что это привело бы к признанию ряда пустых клеток, например для именительного

[30] Признавая в качестве особых словоформ «разорванные» единицы типа *ни. . . кому́*, мы следуем русской грамматической традиции (ср. АГ, § 659). Мы будем записывать такие единицы, вставляя в место разрыва двойной знак пробела, например: *ни # # кому́*, *не́ # # чем*. Здесь же отметим, что по аналогии со словами *никто́*, *ничто́* и т. п. в настоящей книге в качестве особого слова рассматривается также *друг дру́га*. В самом деле, первая морфема ведет себя здесь точно так же, как, например, *ни* в *никто́*, ср. *не видят никого* и *видят друг друга*, *ни у кого* и *друг у друга*, *ни с кем* и *друг с другом* и т. д. Разница здесь лишь в том, что для *друг друга* орфография требует раздельного написания даже при отсутствии предлога. Учитывая это различие, мы будем считать, что все словоформы данного слова имеют основу *друг # # друг*.

[31] Мы отвлекаемся здесь от возможности отнести к И. падежу субстантивные сегменты в сочетаниях типа *пошёл в солдаты* (см. § 2.9, вопрос об этих сочетаниях, вариант 1б).

припредложного) все же предпочтительно считать, что мы имеем здесь дело с единой категорией падежа. Тем не менее, для практических целей удобно такое словоупотребление, при котором падежи имеют двучленное обозначение и все припредложные падежи объединяются под названием припредложных форм. Таким образом, например, вместо выражения «Д. припредложный ед. числа» в дальнейшем может употребляться также выражение «припредложная форма Д. ед.», а словоформа с таким грамматическим значением может быть названа припредложной словоформой Д. ед.

Условимся, кроме того, в последующем изложении опускать в названии любого падежа уточнение «самостоятельный», а в названии предложных падежей — уточнение «припредложный». Таким образом, обозначения И., Р., $Р_2$, Д., В., Т., П., $П_2$ понимаются соответственно, как И. самостоятельный, Р. самостоятельный, $Р_2$ самостоятельный, Д. самостоятельный, В. самостоятельный, Т. самостоятельный, П. припредложный, $П_2$ припредложный.

В связи с выделением перечисленных 14 однопадежных рядов возникает вопрос о том, следует ли приписывать 14 падежей всем именам или только именам, имеющим противопоставление самостоятельных и припредложных словоформ. В принципе следует считать желательным установление единой системы падежей для всех склоняемых частей речи. Тем не менее, практика лингвистического описания знает немало случаев, когда во избежание неоправданно громоздких конструкций местоимениям приписывается иная падежная система, нежели существительным; так делается обычно, например, в английской, французской, испанской, итальянской грамматиках. Однако в русском языке положение несколько сложнее, чем, например, в английском языке, где противопоставлена, с одной стороны, падежная система всех существительных, с другой — падежная система местоимений. В рассматриваемом случае линия раздела проходит более своеобразно: особые припредложные словоформы имеются лишь у части местоимений-существительных и, кроме того, у трех прилагательных (*никако́й*, *нико́торый*, *ниче́й*); поэтому здесь признание особой падежной системы у слов с противопоставлением самостоятельных и припредложных словоформ привело бы к весьма неестественному разделению имен на грамматические разряды; например, перечисленные три прилагательных образовали бы самостоятельный разряд. В разные грамматические разряды попали бы также местоимения *я* и *он*.

Ввиду указанных формальных трудностей мы принимаем следующее практическое решение. Формально все имена признаются имеющими единую 14-падежную систему. Однако при последующем описании внешнего строения словоформ (во второй части книги) используется следующий прием. В основном разделе описания от каждой парадигмы рассматривается лишь часть падежей (а именно, И., Р., Д., В., Т., П.); все прочие падежи рассматри-

ваются в небольшом дополнительном разделе. Для подавляющего большинства имен описание словоформ оставшихся падежей сводится к указаниям о том, словоформам каких основных падежей они омонимичны. Лишь для небольшого числа имен (например, *он*, *никтó*, *никакóй*) эти указания носят более сложный характер. Таким образом, принятое здесь формальное решение не ведет к появлению громоздких парадигм в практической части описания.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Число у существительных (кроме singularia и pluralia tantum)

§ 2.11. Рассмотрим вначале вопрос о числе у существительных. При этом временно исключим из рассмотрения так называемые существительные без мн. числа (singularia tantum) и существительные без ед. числа (pluralia tantum). Для словоформ остающейся после этого совокупности существительных номинативные элементы «единичность» и «множественность» очевидным образом являются обязательными и регулярными [32] (ср. § 1.5) и, следовательно, должны быть признаны грамматическими. Таким образом, для данного класса слов признается существование грамматической категории числа, граммемами которой являются ед. число и мн. число. В принципе каждая из этих граммем может состоять либо только из номинативного элемента, либо включать в себя также и другой грамматический элемент. Как мы увидим ниже (§ 2.14), имеет место именно последний случай, поскольку у грамматической категории числа есть и синтаксическая сторона. Здесь, однако, мы будем рассматривать только номинативную ее сторону.

Из признания числа грамматической категорией (для рассматриваемого класса словоформ) вытекает, что словоформы, различающиеся только граммемами числа (например, *волк* и *вóлки*, *стенá* и *стéны*, *окнó* и *óкна*, *столóвая* и *столóвые*), имеют одинаковое собственно номинативное значение, т. е. входят в одну лексему. Иначе говоря, грамматическая категория числа является для соответствующих лексем (*волк*, *стенá*, *окнó*, *столóвая*) словоизменительной. Поскольку singularia и pluralia tantum (т. е. существительные, представленные, с традиционной точки зрения, словоформами только одного числа) из рассмотрения исключены, очевидно, что грамматическая категория числа является словоизменительной не только для лексем, приведенных выше в ка-

---

[32] Не соответствуют требованию регулярности только счетные словоформы: они не входят в противопоставление по числу (см. § 2.8). Это не меняет, однако, сделанного вывода, поскольку в соответствии с § 1.5 критерий регулярности в принципе допускает наличие некоторого числа отклонений

честве примеров, но для всех лексем рассматриваемой здесь совокупности.

Принимаемый здесь взгляд, согласно которому у существительных словоформы разных чисел входят в одну лексему, является наиболее распространенным. Существует, однако, и другая точка зрения на число существительных, при которой оно рассматривается как классифицирующая грамматическая категория (или, в иных терминах — как категория словообразования) [33]. В основе такой точки зрения лежит другой взгляд на границу словоизменения и словообразования: словоизменительными признаются только синтаксические грамматические категории [34] (т. е. такие, у которых граммемы состоят исключительно из синтаксических элементов); к словоформам одной лексемы предъявляется требование полного тождества номинативных значений. (Заметим, кстати, что именно такое тождество играло существенную роль выше в процедуре выделения падежей.) Эта точка зрения привлекательна своей простотой. Однако при последовательном осуществлении она приводит к такому выделению лексем, которое существенно расходится с практикой лингвистического описания и с языковой интуицией. При таком взгляде необходимо, по-видимому, признать разными лексемами не только разные числа существительных, но и разные времена глаголов [35].

Этот вопрос сходен с вопросом об определении многих других лингвистических понятий, например (синтагматического) слова или предложения. Так, ценность того или иного определения слова зависит от того, насколько оно соответствует существующей практике словоделения (например, при письме), основанной на каких-то неформальных, интуитивных представлениях. Если это соответствие оказывается слишком приблизительным, определение отвергается как практически бесполезное (в лучшем случае оно может сохраниться в качестве определения объекта, отличного от слова, но тоже полезного для практики), а конкретные описания языка опираются, как и раньше, на неформальное представление о слове. Существует также некоторое неформальное представление о том, что такое отдельное парадигматическое слово (хотя оно и менее интуитивно очевидно, чем представление о синтагматическом слове). Попытки лингвистов дать определение лексемы следует рассматривать именно как стремление раскрыть сущность этого неформального представления. Гипотеза о том, что граница парадигматического слова (лексемы) совпадает с границей между синтаксическими и несинтаксическими (номинативными) значениями, является своего рода первым приближением к решению этого вопроса. Это приближение обладает значительными достоинствами, однако в части случаев (время глагола, число существительных) оно явно расходится с нашими интуитивными представлениями о границах лексемы, отраженными в многочисленных конкретных описаниях [36]. В этих условиях за данной гипотезой можно признать самостоятель-

---

[33] Это взгляд восходит к Ф. Ф. Фортунатову; он проводится также его последователями Д. Н. Ушаковым, Н. Н. Дурново, М. Н. Петерсоном; из более поздних работ см., в частности: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 70; П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики. М., 1961, стр. 45.

[34] См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 31.

[35] Ср. классификации Д. Н. Ушакова (Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. М., 1929) и М. Н. Петерсона (М. Н. Петерсон. Русский язык. М.—Л., 1925).

[36] По существу как констатацию такого расхождения можно рассматривать следующие слова В. Н. Сидорова (Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 70): «Также в качестве форм словообразования и, сле-

ную ценность, однако, как и в прочих подобных случаях, нельзя требовать, чтобы наше интуитивное представление о границах лексемы изменилось в соответствии с нею. Иначе говоря, естественно продолжать поиски лучшего приближения к такому определению; в качестве попытки такого рода и следует рассматривать примененную выше логическую схему, использующую критерии обязательности и регулярности [37].

Число у singularia и pluralia tantum

§ 2.12. Обратимся теперь к тем существительным, которые были временно исключены из рассмотрения, — к так называемым singularia tantum и pluralia tantum. В большинстве существующих описаний эти две группы слов трактуются как вполне аналогичные друг другу, а именно, как группы существительных, «употребляющихся только в одном числе». Однако несложный анализ показывает, что между этими двумя группами слов в действительности нет параллелизма. В этом вопросе необходимо лишь четко различать внутреннюю (смысловую) и внешнюю стороны словоформ; прежде всего следует различать: а) значение единичности (соответственно множественности) или, как мы будем ниже говорить, единственного (множественного) числа; б) внешние признаки единственного (множественного) числа, т. е. такие же окончания, такая же акцентуация и т. д., что у единственного (множественного) числа существительных, имеющих оба числа.

У singularia tantum обычно употребляются только словоформы со значением и внешними признаками ед. числа. Эта особенность непосредственно связана с основным значением этих слов: в человеческой практике обычно не возникает потребности в обозначении нескольких объектов, называемых по отдельности «лай», или «гордость», или «медь» и т. п. Однако, если такая потребность все же возникнет (а это в принципе всегда возможно), то недостающие словоформы со значением и внешними признаками мн. числа без труда [38] будут построены: *ла́и*, *го́рдости*, *ме́ди*

довательно, особых слов следует рассматривать и формы числа существительных (*стол—столы́*), поскольку различия между ними заключаются в реальных значениях, а не в выражаемых ими отношениях. Однако, благодаря смысловой близости этих слов, их обычно помещают среди форм словоизменения».

[37] Некоторые дополнительные аргументы в пользу объединения словоформ разных чисел в одну лексему см. в § 2.16.

[38] Затруднения возникают лишь в тех немногих случаях, когда в языке оказывается слишком мало слов, которые могли бы послужить образцами для образования мн. числа по аналогии, или когда наиболее естественная словоформа мн. числа уже «занята» другим значением. Так, например, неясно, как образовать мн. число от слова *молоко́* (*молока́?*, *молоки́?*, *моло́ка?*, *моло́ки?*), поскольку трудно найти подходящий готовый образец. Использованию словоформы *моло́ки* (которая по своему строению, по-видимому, может считаться предпочтительной) отчасти препятствует, кроме того, существование особой лексемы «моло́ки». Отметим, что в картотеке словарного сектора Ленинградского отделения Ин-та языкознания зафиксированы словоформы *моло́ки*, *моло́ка* и *молоки́*; в работе А. И. Сумкиной «Деривационная корреляция существительных в формах множественного числа» («Развитие грам-

и т. д.[39] Таким образом, отсутствие у singularia tantum словоформ со значением и внешними признаками мн. числа не абсолютно: его следует понимать лишь в том смысле, что в общей совокупности русских текстов такие словоформы встретятся очень редко или вообще не встретятся. Иначе говоря, singularia tantum — это слова с потенциально полной парадигмой, из которой нормально употребляется только половина словоформ[40].

Совсем иначе обстоит дело с pluralia tantum. Рассмотрим вначале наиболее важную группу pluralia tantum — слова, которые обозначают неодушевленные предметы, поддающиеся счету, например: *сáни*, *нóжницы*, *ворóта*, *сýтки* (далее сокращенно: «слова типа *сáни*»). Как известно, эти слова могут обозначать и один, и несколько соответствующих предметов: ср. *одни сани* и *многие сани*, *ворота нашего дома* и *ворота всех домов* и т. д. Таким образом, слова типа *сани* имеют только словоформы с внешними признаками мн. числа, но каждая из этих словоформ имеет не только значение мн. числа, но также и значение ед. числа. Именно поэтому словоформы типа **нóжница*, **ворóто* не встречаются никогда (в отличие от словоформ типа *лáи*, *мéди*); в самом деле, значения, для передачи которых эти словоформы могли бы быть построены, уже передаются в языке словоформами типа *нóжницы*, *ворóта*. Различие между двумя возможными значениями словоформ с внешней стороной *сáни*, *нóжницы*, *ворóта* и т. д. точно такое же, как между значениями словоформ *стол* и *столы́*, *окнó* и *óкна* и т. д. На фоне подавляющего большинства русских существительных, у которых это различие значений выражается внешне, отсутствие такого выражения у словоформ

матики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 231) приведен также пример из М. А. Шолохова: *Нету времени молоки распивать.*

[39] Обычно мн. число таких существительных обозначает разные виды (сорта, варианты) соответствующего объекта. Это связано с особенностями основного значения таких слов. Значение слов типа *дом*, *стол*, *волк* и т. п. включает не только качественную, но и количественную характеристику объекта; напротив, для слов, обозначающих вещество, качество, деятельность, состояние и т. д., существенна только качественная определенность, а количественная мера безразлична. Так, стол в одной комнате и стол в другой комнате — это уже «столы», а не «стол», а чай в одном стакане и чай в другом стакане — это все равно «чай», ср. также: *лай многих собак*, *храбрость этих людей* и т. д. Множественное число в русском языке может обозначать совокупность как одинаковых, так и различных объектов; например, словоформа *домá* может обозначать как несколько одинаковых, так и несколько различных домов. Для слов же типа *чай*, *хрáбрость*, *лай* и т. п. первая возможность отпадает и остается только вторая: обозначение нескольких разных объектов, каждый из которых в отдельности называется «чай», «храбрость», «лай» и т. п. Таким образом, значение, которое имеет мн. число в словоформах *чаи́*, *мéди* и т. п., есть лишь обусловленный вариант его «обычного» значения (выступающего в словоформах *столы́*, *вóлки* и т. д.). См. также: А. И. Сумкина. Указ. соч., стр. 231.

[40] Этот взгляд последовательно проведен, в частности, в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики современного русского языка» (см. стр. 90—91).

типа *са́ни*, в соответствии с обычной лингвистической практикой, должно быть признано омонимией чисел [41]. Иначе говоря, например, сегмент *са́ни* является внешней стороной двух словоформ: *са́ни* (ед. число) и *са́ни* (мн. число) [42].

Итак, и singularia tantum, и pluralia tantum типа *са́ни* представляют собой существительные с парадигмой, включающей оба числа. При этом, однако, они отличаются от «обычных» существительных (типа *стол*) по совершенно разным признакам. Слово типа *лай* отличается от слова *стол* только тем, что у него крайне редко употребляются словоформы мн. числа. Напротив, у слова *са́ни* достаточно часто употребляются как словоформы ед. числа, так и словоформы мн. числа; отличие от слова *стол* здесь только в том, что в каждом падеже эти две словоформы омонимичны.

Из сказанного следует, в частности, что оба использованных выше традиционных термина (singulare tantum, буквально «только единственное», и plurale tantum, буквально «только множественное») по меньшей мере неточны; они нехороши также тем, что создают иллюзию параллелизма там, где его в действительности нет. Тем не менее, они, как и многие другие традиционные термины, обладают тем достоинством, что сразу ассоциируются с вполне определенными группами слов (для которых нелегко найти новые названия, одновременно краткие и точные). Поэтому условимся «забыть» о буквальном смысле этих латинских терминов и будем употреблять их далее, приписав им следующий смысл: singularia tantum — существительные, у которых словоформы мн. числа обычно не употребляются; pluralia tantum — существительные, у которых в каждом падеже словоформы разных чисел омонимичны.

Нам осталось теперь рассмотреть слова, традиционно называемые pluralia tantum, но не входящие в число слов типа *са́ни*.

У небольшой группы слов, обозначающих лиц, например *девча́та*, *ребя́та*, *де́тки*, *дети́шки*, действительно отсутствуют словоформы ед. числа (т. е. все наличные словоформы всегда имеют значение мн. числа) [43]. Эти слова признаются словами с дефектной парадигмой [44]. Несколько обособленно стоят слова

---

[41] Косвенным доводом в пользу такой трактовки являются также факты других языков. Как известно, pluralia tantum есть во многих языках, однако по своему составу pluralia tantum разных языков не соответствуют друг другу: ср. *са́ни* и англ. *sledge*, франц. *traîneau*; *часы́* и англ. *watch*, *clock*, франц. *montre*, *horloge* и т. д. При установлении межъязыковых соответствий мы получим, таким образом, типичную картину омонимии: *table* — *стол*, *tables* — *столы́*; *sledge* — *са́ни*, *sledges* — *са́ни*.

[42] От омонимии падежей мы здесь для упрощения отвлекаемся.

[43] Список таких слов см. в § 3.4, пункт 6. К этой группе примыкает также существительное со словоформами *сот*, *стам*, *ста́ми*, *стах*, выступающее, например, в сочетаниях *несколько сот человек*, *с несколькими стами рублей* и т. п.

[44] Заметим, что в соответствии со сказанным выше, термин pluralia tantum не будет в дальнейшем применяться к этим словам (хотя парадоксальным образом только они и соответствуют буквальному смыслу этого термина).

бе́лые и *чёрные* (как названия сторон, например, в шахматах); см. о них в § 2.18.

Остальные слова рассматриваемой группы (назовем их условно «слова типа *черни́ла*») представляют собой обозначения веществ (например, *черни́ла*, *сли́вки*, *щи*, *помо́и*), действий или состояний (например, *сбо́ры*, *хло́поты*, *нелады́*, *побо́и*) или собирательные обозначения (например, *всхо́ды*, *фина́нсы*, *джу́нгли*). Легко заметить, что это как раз те семантические группы, к которым относятся singularia tantum (ср. например: *хво́рост*, *се́но*, *мы́ло*, *медь*, *бара́нина*; *лай*, *смех*, *беготня́*, *тоска́*, *мытьё*, *хвастовство́*; *листва́*, *мошкара́*, *тряпьё*, *зверьё*). Иначе говоря, по своему значению слова типа *черни́ла* так же отличаются от слов типа *са́ни*, как singularia tantum (например, *лай*, *медь*) от «обычных» существительных (например, *стол*). Аналогичны также различия в сочетаемости с другими словами; так, например, и «обычные» существительные, и слова типа *са́ни* легко сочетаются с числительными (например, *два стола*, *десять столов*, *двое саней*, *десять саней*); напротив, слова типа *черни́ла*, как и singularia tantum типа *лай*, *медь*, обычно не сочетаются с числительными. Все сказанное приводит к следующему естественному выводу: слова типа *черни́ла* обладают одновременно свойствами pluralia tantum и singularia tantum (в указанном выше новом смысле этих терминов) [45]; иначе говоря, это существительные с двучисловой парадигмой, у которых: 1) в каждом падеже словоформы разных чисел омонимичны; 2) обычно употребляются только словоформы ед. числа. Заметим, что, как и прочие singularia tantum, слова типа *черни́ла* могут при особой необходимости выступать во мн. числе (по смыслу); например, словоформа *черни́ла* может обозначать и несколько сортов чернил (ср. *мыла́*, *масла́*, *не́фти* и т. п.).

Замечания

Существует также довольно большая группа слов, не относящихся к числу pluralia tantum, но внешне сходных с ними, в частности, в том, что они представлены в словарях словоформами с внешними признаками мн. числа (некоторые из таких слов одними словарями трактуются как обычные существительные, другими — как pluralia tantum). Это слова, употребляющиеся преимущественно во мн. числе, например: *гренки́*, *инициа́лы*, *медикаме́нты*, *экиво́ки*; *бу́кли*, *катако́мбы*, *мириа́ды*, *шпа́лы*; *стропи́ла*, *жва́ла*; сюда относятся также некоторые названия лиц, например: *близнецы́*, *хами́ты*, *хаза́ры*. Заметим, что именно эти слова (а не слова типа *са́ни*) являются истинными аналогами singularia tantum.

Во многих случаях словоформы pluralia tantum оказываются омонимичными словоформам мн. числа других существительных; ср., например, *часы́* (plurale tantum) и *часы́* (мн. число слова *час*). Эту омонимию удобно показать, например, с помощью английских переводов:

ед. число	*час* «hour»	*часы́*$_2$ «watch»
мн. число	*часы́*$_1$ «hours»	*часы́*$_3$ «watches»

[45] Таким образом, можно сказать, что слова типа *черни́ла* — это singularia tantum среди pluralia tantum (или наоборот).

Ср. также *очки́—очко́*, *счёты—счет*, *сбо́ры—сбор*, *чёрви—червь*, *гря́зи—грязь* и мн. др. Такие слова обычно составляют в словарях разные статьи. Однако случаев подобной омонимии на самом деле много больше, чем отмечено в словарях. Совершенно такое же соотношение следует признать, например, между словами *сапо́г* и *сапоги́*, *чуло́к* и *чулки́*, *рука́* и *ру́ки* и во многих других случаях, когда два предмета (реже несколько предметов) образуют единство, отличающееся от своих компонентов не только количественно, но и качественно. В самом деле, например, «сапоги» (в значении «пара сапог») — это уже особый предмет, а не просто два сапога (два наугад взятых сапога могут оказаться, например, разного размера или на одну ногу, и тогда они уже не образуют пары сапог, т. е. одного экземпляра определенного вида обуви). Таким образом, имеются:

	лексема «сапог»	лексема «сапоги»
ед. число	*сапо́г*	*сапоги́*$_2$ (пара сапог)
мн. число	*сапоги́*$_1$ (разрозненные, например, одни левые)	*сапоги́*$_3$ (несколько пар сапог)[46].

В некоторых случаях из тройки омонимичных словоформ типа *сапоги́* реально почти всегда встречается только одна — ед. число слова группы pluralia tantum, таковы, например, словоформы *небеса́*, *кружева́*.

В последующем морфологическом описании, однако, во избежание неопределенности в числе и составе рассматриваемых лексем, мы вводим в рассмотрение лишь минимальное число таких «дополнительных» pluralia tantum, а именно: *брыли́*, *войска́*, *во́лосы*, *кружева́*, *небеса́*, *потроха́*. В прочих случаях в качестве pluralia tantum рассматриваются только слова, которые признаются таковыми в словарях.

Вопрос о числе у местоимений-существительных

§ 2.13. Часть словоформ, принадлежащих местоимениям-существительным, образуют подобно субстантивным словоформам смысловые пары, противопоставленные по признаку единичности—множественности; ср. *он—они́*, *она́—они́*, *оно́—они́*. Сходное (хотя далеко не тождественное) отношение выступает в парах *я—мы*, *ты—вы*. Другая часть словоформ не образует таких пар; таковы, в частности, *что*, *кто* (и производные от них), *себя́*. В смысловом отношении словоформы последней группы неоднородны. Так, например, словоформа *не́кто* определенно имеет значение единичности; ряд других имеет не вполне определенное числовое значение, хотя тяготеет к значению единичности (*что*, *всё*, *ничто́*, *не́что*); наконец, словоформа *себя́* явно может иметь как значение единичности (ср. *самого себя*), так и значение множественности (ср. *самих себя*); в несколько меньшей степени такая двойственность свойственна также слову *кто*[47].

---

[46] Обычным средством избежать подобной омонимии, когда она становится нежелательной, является использование слова *па́ра*: *две пары туфель*, *сапог*, *рук*. При этом слово *па́ра* утрачивает свое основное значение и выступает в качестве полувспомогательного счетного слова с обобщенным значением «единица счета» (подобно словам *шту́ка*, *челове́к* и т. п.); это видно из сочетаний типа *пять пар часов*, значащих то же самое, что, например, *пять штук часов*.

[47] На эту двойственность значения слов *себя* и *кто* автору указал В. В. Виноградов.

Рассмотрим свойства номинативных элементов «единичность» и «множественность» у словоформ рассматриваемого класса (т. е. класса, состоящего из всех словоформ местоимений-существительных). Эти элементы очевидным образом не регулярны и, возможно, даже не обязательны (если считать, что у словоформ типа *что*, *всё*, *ничто́*, *не́что* не представлен ни один из них); следовательно, они не являются грамматическими. Отсюда ясно, что либо у местоимений-существительных вообще нет грамматической категории числа, либо, если она есть, ее граммемы имеют иную природу, чем граммемы числа у существительных, а именно, они не содержат номинативных элементов. (О том, как решается этот вопрос, см. § 2.20.)

Из вывода о неграмматическом характере номинативных элементов «единичность» и «множественность» у местоимений-существительных следует, что, например, словоформы *я* и *мы*, *ты* и *вы*, *он* и *они́* имеют разные собственно номинативные значения, т. е. относятся к разным лексемам. Таким образом, лексемы местоимений-существительных не имеют противопоставления по числу внутри парадигмы [48].

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ СОГЛАСОВАТЕЛЬНОГО КЛАССА (=КАТЕГОРИЯ РОДА+КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ—НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ)

Понятие согласования

§ 2.14. Для дальнейшего изложения необходимо принять одно дополнительное допущение. Как известно, один из общепринятых способов отображения внутренней структуры грамматически правильной фразы состоит в том, что входящие в эту фразу синтагматические слова (=словоформы, см. § 1.2) признаются связанными между собой так называемыми синтаксическими связями. Синтаксическая связь между двумя синтагматическими словами может быть непосредственной, т. е. связывать эти два слова без участия какого-либо третьего слова, или опосредствованной, т. е. такой, которая проходит через одно или более слово-посредник (причем любые два соседних члена образовавшейся цепочки синтагматических слов связаны непосредственной синтаксической связью). На изображение структуры грамматически правильной фразы накладывается ряд обязательных требований. То из них, которое существенно для последующего изложения, можно сформулировать так: во всякой грамматически правильной фразе любые два синтагмати-

---

[48] Относительно числа у слов *себя́* и *кто* см. § 2.20.

ческих слова могут быть связаны только одной синтаксической связью (непосредственной или опосредствованной) [49].

Примечание. Вообще говоря, одна и та же грамматически правильная фраза может допускать несколько разных способов расстановки синтаксических связей, удовлетворяющих налагаемым требованиям. (Это бывает в случае реальной двусмысленности фразы.) Поэтому практически необходимо иметь дело не с фразой как таковой, а с парой «фраза+определенная расстановка в ней синтаксических связей». Так, сформулированное выше требование относится именно к такой паре (в применении к фразе как таковой оно может и не соблюдаться). В дальнейшем, если не оговорено обратное, мы будем, говоря о синтаксических связях в грамматически правильной фразе, подразумевать под грамматически правильной фразой именно такую пару («сама фраза+определенная расстановка синтаксических связей»).

Другая существенная особенность отображения структуры фразы с помощью синтаксических связей состоит в следующем: считается, что непосредственные синтаксические связи могут быть качественно различными. Иначе говоря, про два синтагматических слова можно сказать не только то, что они связаны непосредственной синтаксической связью, но и то, что это связь определенного типа.

Теперь мы можем сформулировать требуемое допущение: предполагается, что про любые две пары синтагматических слов некоторых грамматически правильных фраз (в частности, одной и той же фразы) можно сказать, связаны ли члены этих пар одинаковой синтаксической связью.

Способ практического использования этого допущения можно показать, к сожалению, только с помощью примеров. Так, мы будем практически исходить из того, что, например, в каждой из приводимых ниже серий грамматически правильных фраз выделенные пары синтагматических слов связаны одинаковой синтаксической связью: а) *вот мой дом*; *вот удобные стулья*; *стоит хорошая погода*; *вижу чёрную собаку*; *говорю со своими приятелями*; б) *этот дом мой*; *эти стулья — удобные*; *эта река — быстрая*; в) *вот один из моих стульев*; *вот одна из тех книг*; *вот лучшее из его сочинений*. Напротив, например, во фразах *вот мой дом* и *вот дом моего друга* выделенные пары слов признаются связанными разными синтаксическими связями. Этот пример показывает, в частности, что мы будем исходить в настоящей работе из «узкого» понимания тождества синтаксических связей, включающего не только тож-

[49] Считается, что во фразе могут быть синтагматические слова, наличие или отсутствие которых не влияет на ее внутреннюю структуру; это обращения, вводные слова и т. п. Если предположить, что все такие синтагматические слова каким-то способом удалены из фразы, то указанные выше требования можно усилить, а именно: после удаления всех вводных слов в любой грамматически правильной фразе любые два синтагматические слова должны быть связаны некоторой синтаксической связью (непосредственной или опосредствованной) и притом только одной.

дество соответствующих семантических отношений, но и интуитивную одинаковость внешнего выражения рассматриваемой синтаксической связи.

Всякую синтаксическую связь, тождественную связи между синтагматическими словами *мой* и *дом* во фразе *вот мой дом*, мы будем называть атрибутивной. Пользуясь традиционными грамматическими терминами, можно сказать, что атрибутивная связь — это связь между существительным и прилагательным, выступающим в качестве определения к этому существительному.

Практически нам придется иметь дело только с такими синтаксическими связями, которые связывают предметное слово и слово-атрибут (см. § 2.1). Поэтому дальнейшие определения рассчитаны только на этот класс синтаксических связей [50].

Мы будем говорить, что словоформа *n* предметного слова *N* требует при определенной синтаксической связи словоформу *a* слова-атрибута *A*, если возможна грамматически правильная фраза, в которой *n* и *a* связаны данной синтаксической связью. Так, например, словоформа И. ед. *дом* требует при атрибутивной связи словоформу И. ед. муж. *бéлый* слова-атрибута *бéлый*. Практически возможна также такая ситуация, где известен сегмент, выражающий требуемую словоформу слова *A*, но еще неизвестно грамматическое значение этой словоформы. Поэтому мы будем прилагать понятие «требования» не только к словоформам слов-атрибутов, но и к выражающим их сегментам, т. е. будем говорить: «словоформа *n* требует сегмент *a*». Например, словоформа И. ед. *дом* требует при атрибутивной связи сегмент *бéлый* слова *бéлый*; словоформа И. ед. *стенá* требует сегмент *бéлая* (того же слова), словоформа В. ед. *стéну* — сегмент *бéлую*; словоформа Т. ед. *вéщью* требует одновременно два сегмента слова *бéлый*: *бéлой* и *бéлою*.

Мы будем говорить, что в языке имеется согласование (вообще), если найдутся две словоформы некоторых предметных слов (в частности, одного и того же предметного слова), которые требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов [51] хотя бы одного слова-атрибута. Так, в русском языке есть согласование, поскольку, например, словоформы *дом*, *стенá*, *стéну*, *вéщью* требуют при атрибутивной связи разных сегментов прилагательного *бéлый* (см. выше).

Введем еще несколько определений:

1) в языке есть словоизменительное согласование, если найдутся две словоформы одного и того же предметного слова, которые требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов хотя бы одного слова-атрибута;

[50] Это обстоятельство дает возможность, в частности, не использовать понятие направления синтаксической связи (иначе говоря, понятие подчинения).

[51] Обычно каждая такая совокупность состоит всего из одного сегмента.

2) в языке есть внесловоизменительное согласование, если найдутся два предметных слова, которые, будучи взяты в одной и той же грамматической форме, требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов хотя бы одного слова-атрибута;

3) в языке есть согласование по некоторой частной грамматической категории, если найдутся две словоформы некоторых предметных слов (в частности, одного и того же предметного слова), грамматическое значение которых различается только граммемами данной грамматической категории и которые требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов хотя бы одного слова-атрибута.

В русском языке имеется как словоизменительное, так и внесловоизменительное согласование, ср.: 1) *белый дом* и *белыми домами*; 2) *белый дом* и *белая стена*. В русском языке есть также согласование по всем рассмотренным выше грамматическим категориям — падежу (у существительных и местоимений-существительных) и числу (у существительных): ср., например, *белому дому* и *белым домом*, *ему самому́* и *его самого́* (различие только в падеже), *белому дому* и *белым домам* (различие только в числе).

Наличие согласования по некоторой частной грамматической категории означает, что при построении фразы эта категория должна учитываться в числе факторов, определяющих выбор нужной словоформы подчиненного слова, т. е. в числе синтаксических факторов. Таким образом, независимо от того, какова первоначальная природа данной частной грамматической категории, в силу согласования эта категория получает также синтаксическую сторону. «Приказ» о выборе определенной словоформы подчиненного слова образует синтаксический элемент значения соответствующей словоформы предметного слова. В случае числа (у существительных) этот элемент оказывается сопряженным с номинативным элементом («единичность» или «множественность»), в случае падежа (у всех предметных слов) — с другим синтаксическим элементом (а именно, с одним из «подчиненных» падежей, т. е. падежей, определяемых связью данной предметной словоформы с глаголом или иным подчиняющим словом, ср. § 1.3). Рассматриваемый синтаксический элемент обязателен (поскольку каждая словоформа предметного слова требует вполне определенного падежа и числа подчиненного слова-атрибута) и, следовательно, является грамматическим. Таким образом, каждая граммема числа (у существительных) оказывается состоящей из номинативного и синтаксического элементов, а каждая граммема падежа (у любого предметного слова) — из двух синтаксических элементов («подчиненного» падежа и «подчиняющего» падежа).

В особом положении оказываются элементы «синтаксическое ед. число» и «синтаксическое мн. число» у местоимений-существительных: они здесь не сопряжены ни с какими другими грам-

матическими элементами (поскольку соответствующие номинативные элементы здесь не являются грамматическими, см. § 2.13). Этот вопрос рассматривается в § 2.20.

Замечание. Следует учитывать, что возможность объединить рассматриваемые пары элементов в единые граммемы, вообще говоря, зависит от принятого способа описания. В самом деле, например, два разных «подчиненных» падежа — П. и $П_2$ — всегда требуют одной и той же словоформы слова-атрибута. Если признать, что этим двум «подчиненным» падежам соответствует лишь один «подчиняющий» падеж (что вполне допустимо), то мы бы уже не получили единой грамматической категории падежа. Точно так же, если признать, что в словоформах *сáни* (с номинативным элементом «единичность») и *сáни* (с номинативным элементом «множественность») разным номинативным элементам соответствует один и тот же синтаксический элемент («синтаксическое мн. число»), то уже не было бы единой грамматической категории числа.

Согласовательные классы

§ 2.15. Рассмотрим вопрос о внесловоизменительном согласовании у существительных. При этом, как и в § 2.11, временно исключим из рассмотрения singularia и pluralia tantum.

Представим себе ряд, который включает все сегменты всех имеющихся в языке слов-атрибутов, требуемые некоторой словоформой некоторого существительного при атрибутивной связи. Так, например, словоформе И. ед. *вещь* соответствует ряд сегментов: *нóвая*, *э́та*, *моя́*, . . .; словоформе Т. ед. *вéщью* — ряд сегментов: *нóвой* и *нóвою*, *э́той* и *э́тою*, *моéй* и *моéю*, . . . Таким образом, если парадигматическая схема существительных состоит из m грамматических форм, то каждому существительному будет соответствовать набор из m таких рядов. Очевидно, что если в языке имеется внесловоизменительное согласование, то не все такие наборы окажутся одинаковыми, т. е. найдется по крайней мере два набора, различных между собой. Все существительные делятся на классы в зависимости от того, какой из этих наборов им соответствует. Эти классы можно назвать «классами по согласованию» или «согласовательными классами».

Таким образом, можно предложить следующее определение (I): согласовательным классом называется такая совокупность существительных, что любые два ее члена, будучи взяты в любой грамматической форме (но одной и той же для обоих), при атрибутивной связи требуют одной и той же совокупности сегментов любого слова-атрибута.

В большинстве языков, имеющих роды, например в латыни, немецком, литовском и т. д., согласовательные классы соответствуют родам, т. е. каждый согласовательный класс равен совокупности существительных определенного рода. На первый взгляд такое же положение и в русском языке. Например, в таблицах склонения прилагательных обычно различается три набора форм — соответственно числу родов. Однако простейшее наблюдение над выбором словоформы слова-атрибута при винительном падеже

существительного показывает, что в действительности число согласовательных классов в русском языке по крайней мере вдвое больше, чем число родов, поскольку каждый род содержит «одушевленный» и «неодушевленный» согласовательные классы [52]. Чтобы убедиться в существовании шести различных согласовательных классов существительных, достаточно рассмотреть выбор словоформ какого-нибудь прилагательного (например, *бéлый*) при И. ед. и В. мн. разных существительных:

	Согласовательные классы					
	1 (*дом*)	2 (*слон*)	3 (*стенá*)	4 (*козá*)	5 (*окнó*)	6 (*чудóвище*)
И. ед.	*бéлый*	*бéлый*	*бéлая*	*бéлая*	*бéлое*	*бéлое*
В. мн.	*бéлые*	*бéлых*	*бéлые*	*бéлых*	*бéлые*	*бéлых*

Особый вопрос составляют так называемые существительные общего рода (*сиротá*, *калéка* и т. п.). Они совмещают синтаксические свойства слов согласовательных классов 2 и 4, ср. *этот сирота* и *эта сирота* и т. п. Разумеется, если, следуя лексикографической традиции, рассматривать каждое из таких существительных как единую лексему (собственно номинативное значение которой вообще не содержит элемента, уточняющего пол), то они выделятся в особый согласовательный класс. Согласовательный класс такого типа мы будем условно называть «скрещенным» [53]. Можно, однако, трактовать такие существительные и иначе, а именно, представлять каждое из них как пару омонимичных лексем, например: *сиротá* $_1$ (лексема согласовательного класса 2, содержащая номинативный элемент «мужской пол») и *сиротá* $_2$ (лексема согласовательного класса 4, содержащая номинативный элемент «женский пол»). При такой трактовке новых согласовательных классов не появится.

Различие между этими двумя трактовками проявляется в основном при синтезе текста, описывающего заданную ситуацию (=при

[52] Значение этого факта для родовой системы русского существительного было показано уже в 1924 г. в работе Н. Н. Дурново (N. Durnovo. La catégorie du genre en russe moderne. «Revue des études slaves», 1924, IV), которая, к сожалению, почти не оставила следа в академической и школьной традиции. Н. Н. Дурново различает четыре рода в ед. числе: мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний, и два рода во мн. числе: одушевленный и неодушевленный. Этот взгляд основан на предпосылке, что, например, *волк* и *вóлки* — это разные слова (т. е. на предпосылке, противоположной той, которая принята в настоящей работе). Подробнее об этом см. § 2.16.

[53] Существуют, по-видимому, и другие «скрещенные» согласовательные классы: например, слово *шимпанзé* совмещает свойства согласовательных классов 2, 4 и 6.

синтезе текста с заданным смыслом). Пусть требуется, например, построить некоторое сообщение о девочке-сироте. При первой из указанных трактовок словосочетание типа *эта сирота* возникает так: а) исходя из описываемой ситуации, выбирается нужное существительное — *сиротá* («скрещенного» согласовательного класса), а также нужное слово-атрибут — *э́тот*; ввиду особенности слова *сиротá* пол описываемого лица на данном уровне никак не отражается (далее по правилам, от которых мы здесь для простоты отвлекаемся, выбираются нужные число и падеж взятого существительного, скажем, И. ед.); б) по синтаксическим правилам получаем две допустимых словоформы слова-атрибута — *э́тот* и *э́та*; в) для разрешения неоднозначности вновь обращаемся к описываемой ситуации, а именно, учитываем пол рассматриваемого лица и осуществляем так называемое «семантическое согласование» — выбираем нужную из двух словоформ (*э́та*). При второй из указанных трактовок эта процедура выглядит проще: а) в соответствии с ситуацией выбирается существительное *сиротá* $_2$ (4-го согласовательного класса), а также слово-атрибут *э́тот*; б) по обычным синтаксическим правилам выбирается нужная словоформа слова-атрибута — *э́та*. Иначе говоря, процедура здесь такая же, как для словосочетаний типа *эта учительница*.

В то же время для морфологического описания между двумя трактовками слов типа *сиротá* нет существенного различия. В самом деле, для предметных слов разница сводится лишь к формальному вопросу о числе лексем (одна лексема *сиротá* или несколько омонимичных лексем *сиротá* $_1$, *сиротá* $_2$ и т. д.); очевидно, однако, что с собственно морфологической точки зрения совокупность омонимичных лексем равносильна единой лексеме. Правда, различия в числе согласовательных классов предметных слов, вообще говоря, могут сказаться на парадигматической схеме слов-атрибутов и тем самым повлиять на морфологическое описание; однако, как мы увидим ниже (§ 2.21), «скрещенные» согласовательные классы, в отличие от обычных, в парадигматической схеме слов-атрибутов самостоятельного отражения не находят.

Практически мы исходим во второй части книги (т. е. в собственно морфологическом описании) из традиционной трактовки; в частности, при различных подсчетах каждое слово типа *сиротá* учитывается только один раз. В то же время мы можем позволить себе в настоящей главе ради простоты исходить из второй трактовки и, следовательно, игнорировать существование скрещенных согласовательных классов (поскольку, как мы видели, различие между двумя трактовками существенно только для синтаксического, но не для морфологического описания).

З а м е ч а н и е. В современной разговорной речи проявляется отчетливая тенденция к употреблению глагола (реже прилагательного) в женском роде при словах типа *врач*, *дирéктор*, *инженéр*, если они обозначают жен-

щину. На косвенные падежи, однако, эта тенденция почти не распространяется. Если признать это явление уже узаконенным для современного языка, мы столкнемся здесь с аналогичной проблемой: либо 1) мы признаем существование единой лексемы *врач* — тогда подобные слова выделяются в особый согласовательный класс, отличный даже от согласовательного класса слов общего рода (поскольку можно сказать *этого сироту* и *эту сироту*, но нельзя сказать *эту врача*), либо 2) мы признаем омонимию между $врач_1$ (слово согласовательного класса 2) и $врач_2$ (слово согласовательного класса 4, не имеющее косвенных падежей ед. числа). Поскольку, однако, речь здесь идет о явлении, которое еще не узаконено окончательно в литературном языке, мы вообще не будем его далее учитывать.

Установленное расхождение между согласовательными классами и родами ставит перед нами проблему терминологического характера: оно обязывает либо 1) назвать и в русском языке, подобно латыни, немецкому и т. д., согласовательные классы родами (как это делает, например, Н. Н. Дурново [54]), т. е. признать существование шести родов, либо 2) сохранить для русского языка традиционное употребление слова «род», но при этом признать, что русский род с типологической точки зрения отличен, например, от латинского. Мы выбираем второе — прежде всего для того, чтобы не вступать в противоречие с устойчивой традицией. Таким образом, на данном этапе изложения можно понимать под родами пары согласовательных классов (1 и 2 — мужской род, 3 и 4 — женский род, 5 и 6 — средний род). С другой стороны, мы будем различать «неодушевленные» (1, 3, 5) и «одушевленные» (2, 4, 6) согласовательные классы.

§ 2.16. Назовем согласовательной связью любую синтаксическую связь (непосредственную или опосредствованную другими словами) между существительным и словом-атрибутом, при которой выбор сегмента слова-атрибута зависит от выбора существительного и (или) от грамматической формы, в которой оно стоит. Типичным примером согласовательной связи является, конечно, атрибутивная связь; сюда же относится большинство вариантов так называемой предикативной связи. Существует, однако, и ряд других, менее распространенных типов согласовательной связи, в частности: 1) связь через предлог *из*: ср. *один из домов* и *одна из стен*; 2) связь через глагол определенного типа: ср. *это дело считают безнадёжным* и *эту затею считают безнадёжной*; 3) связь (обычно опосредствованная) со словом *котóрый* в придаточном предложении: ср. *дом, в котором . . .* и *книга, в которой . . .*; 4) связь с некоторыми числительными (*два, óба, полторá; двóе, трóе* и т. д.): ср. *два дóма* и *две стены́*.

Уже из приведенных примеров ясно, что данное выше определение согласовательного класса слишком узко, поскольку оно

[54] См.: N. Durnovo. La catégorie du genre en russe moderne; Н. Н. Дурново. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.—Пг., 1924 (статья «Род».)

опирается только на атрибутивную связь, т. е. лишь на один (самый распространенный) тип согласовательной связи, тогда как в действительности объективное деление существительных на согласовательные классы проявляется не только в этом, но и в других типах согласовательной связи. Теперь мы можем предложить следующее более общее определение (II): согласовательным классом называется такая совокупность существительных, что любые два ее члена, будучи взяты в любой грамматической форме (но одной и той же для обоих), при согласовательной связи требуют одной и той же совокупности сегментов любого слова-атрибута.

Таким образом, теперь для одного и того же термина («согласовательный класс существительных») предложено два разных определения, которые, вообще говоря, не равносильны. Чтобы различить объекты, называемые этим термином при определении I и при определении II, можно говорить соответственно о «согласовательных классах, выделяемых по атрибутивной связи» и о «согласовательных классах, выделяемых по согласовательной связи». В дальнейшем под согласовательными классами (без уточнения) понимаются согласовательные классы, выделяемые по согласовательной связи (т. е. в соответствии с определением II) [55].

Обобщение первоначального определения согласовательного класса в принципе может привести к увеличению числа согласовательных классов. С этой точки зрения представляют особый интерес сочетания существительных с так называемыми собирательными числительными *двóе*, *трóе*, *чéтверо* и т. д. Как указывает АГ (§ 720), эти числительные употребляются (наряду с обычными *два*, *три*, *четы́ре* и т. д.) со словами мужского и общего рода, обозначающими лиц, и со словом среднего рода *лицо*; так, можно сказать *два врача* и *двое врачей*, *два лица* и *двое лиц*, но нельзя сказать *двое волков*, *двое животных*. Если признать это указание строгим грамматическим правилом, то согласовательный класс 2, выделенный по атрибутивной связи (равно как и согласовательный класс 6), должен быть разбит на два согласовательных класса, выделяемых по согласовательной связи — так называемый личный и так называемый неличный [56] (2а — *врач*, 2б — *волк*, 6а — *лицó*, 6б — *живóтное*). Трудность здесь, однако, в том, что строгость указанного ограничения в действительности весьма невелика: степень неправильности («неграмматичности»)

---

[55] Такое словоупотребление, между прочим, отражает наш взгляд, согласно которому определения I и II неравноценны, т. е. должны рассматриваться не как проявления двух разных, но равно допустимых подходов, а как два последовательных приближения к некоторому объективному членению существительных (причем второе точнее, чем первое).

[56] Ср.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 309; R. Jakobson. The gender pattern of Russian. «Studii şi cercetări lingvistice. Omagiu lui Al. Graur», 1960, № 3, стр. 542.

словосочетания *двое волков* несравненно меньше, чем, например, у словосочетания *моя дом*. Даже академическая грамматика допускает в качестве «разговорных» такого рода сочетания с названиями детенышей, например *двое котят*; кроме того, сами предостережения против словосочетаний типа *двое волков* говорят об их распространенности. Если же признать грамматически допустимыми сочетания числительных *двóе*, *трóе* и т. д. с любыми существительными классов 2 и 6, то вопрос о разделении этих классов, разумеется, отпадает. Таким образом, вопрос о существовании в современном русском языке «личных» и «неличных» согласовательных классов непосредственно зависит от признания грамматически правильными или грамматически неправильными словосочетаний типа *двое волков*. Не вынося решительного суждения по этому вопросу, мы будем практически рассматривать ниже только систему из шести согласовательных классов.

Других фактов подобного рода в русском языке, по-видимому, нет; таким образом, мы можем считать, что переход от определения I к определению II не изменяет числа и состава согласовательных классов. Однако новое определение позволяет расширить наши знания о согласовательных классах.

Принято считать, что в современном русском языке роды во мн. числе не различаются [57]. Этой несколько неопределенной формулировке можно придать лишь следующий точный смысл: в любой грамматически правильной русской фразе, содержащей существительное во мн. числе, можно заменить это существительное любым существительным другого рода (поставив его в том же числе и падеже) и полученная фраза будет также грамматически правильной; иначе говоря, например, словоформы *домáми*, *стенáми* и *óкнами* взаимозаменимы без потери грамматической правильности в любой фразе. Эта точка зрения основана, однако, только на данных обычной атрибутивной связи. Учет всех типов согласовательной связи позволяет легко ее опровергнуть. Ср., например, следующие фразы:

Я доволен этими домами, каждый из которых по-своему хорош.

Я доволен этими стенами, каждая из которых по-своему хороша.

Я доволен этими окнами, каждое из которых по-своему хорошо.

Легко убедиться, что в этих фразах словоформы *домáми*, *стенáми*, *óкнами* заменять друг друга нельзя. Разумеется, подобные фразы можно построить не только для Т., но и для любого другого падежа; вместо слова *кáждый* можно взять слова *одúн*, *пéрвый*, *лýчший* и т. д.

Аналогичным образом опровергается столь же распространенное представление о том, что противопоставление по одушев-

---

[57] Постепенно выходящие из употребления словоформы *обéих*, *обéим*, *обéими* в данном случае в расчет не принимаются.

ленности—неодушевленности ограничено только В. падежом. Ср., например, такие фразы:

Я подошел к тому дому, который я увидел.

Я подошел к тому мальчику, которого я увидел.

Здесь слова *дом* и *мальчик*, различающиеся только по признаку одушевленности, стоят не в В., а в Д. падеже; тем не менее заменить *дóму* на *мáльчику* или наоборот нельзя. Понятно, что подобные фразы можно построить и для других падежей.

Рассмотрим теперь контекст словоформы *мáльчику* в последней из приведенных фраз, т. е. контекст *«я подошел к тому . . ., которого я увидел»*. Попытаемся выяснить, какие словоформы допускает этот контекст. Мысленный эксперимент показывает, что этот контекст допускает все существительные согласовательного класса 2, взятые в форме Д. ед., и только их. Иначе говоря, данный контекст может служить так называемым диагностическим контекстом для существительных согласовательного класса 2, т. е. контекстом, с помощью которого можно по одной словоформе (в данном случае — Д. ед.) определить, относится ли рассматриваемое существительное к согласовательному классу 2. Оказывается, что, опираясь на разные типы согласовательной связи, можно построить диагностические контексты, позволяющие опознать существительное любого из шести согласовательных классов в любой грамматической форме (т. е. в любом числе и падеже). Приведем в качестве примеров диагностические контексты, позволяющие определить класс существительного а) по словоформе И. ед., б) по словоформе Р. мн.

а) Класс 1. *Вот тот . . ., который вы видели.*
Класс 2. *Вот тот . . ., которого вы видели.*
Класс 3. *Эта . . . была из тех, которые вы видели.*
Класс 4. *Эта . . . была из тех, которых вы видели.*
Класс 5. *Это . . . было из тех, которые вы видели.*
Класс 6. *Это . . . было из тех, которых вы видели.*

б) Класс 1. *Я видел один из этих . . .*
Класс 2. *Я видел одного из этих . . .*
Класс 3. *Вот одна из тех . . ., которые вы видели.*
Класс 4. *Вот одна из тех . . ., которых вы видели.*
Класс 5. *Вот одно из тех . . ., которые вы видели.*
Класс 6. *Вот одно из тех . . ., которых вы видели.*

Можно построить также диагностические контексты для существительных каждого рода, например: *«вот мой . . .»*, *«вот моя . . .»*, *«вот моё . . .»* (берется И. ед.) [58], *«вот один из этих . . .»*, *«вот одна из этих . . .»*, *«вот одно из этих . . .»* (берется Р. мн.). Можно построить, наконец, диагностические контексты для всех «оду-

---

[58] Ср. традиционный школьный прием определения рода.

шевленных» и для всех «неодушевленных» существительных, например: *«вот те . . ., которых* (соответственно *которые*) *вы видели»*.

Рассмотренные факты дают дополнительный аргумент в пользу объединения разных чисел в одну лексему (см. § 2.11). Примем временно противоположную точку зрения, согласно которой разные числа образуют разные лексемы, и рассмотрим вновь вопрос о согласовательных классах. На первый взгляд мы должны получить картину, описанную Н. Н. Дурново, а именно: имеются четыре согласовательных класса лексем ед. числа (1 —*дом*, 2 — *слон*, 3 — *стенá*, *козá*, 4 — *окнó*, *чýдовище*) и два согласовательных класса лексем мн. числа (5 — *домá*, *стéны*, *óкна*, 6 — *слоны́*, *кóзы*, *чýдовища*). Однако, как только мы примем во внимание факты, указанные выше в настоящем параграфе, становится ясно, что в действительности такие «одночисловые» лексемы распадутся по крайней мере на 12 согласовательных классов, а именно: 1 — *дом*, 2 — *слон*, 3а — *стенá*, 3б — *козá*, 4а — *окнó*, 4б — *чýдовище* (для проверки достаточно «испытать» эти слова на контекстах группы *а*); 5а — *домá*, 5б — *стéны*, 5в — *óкна*, 6а — *слоны́*, 6б — *кóзы*, 6в — *чýдовища* (для проверки достаточно использовать контексты группы *б*). Уже сам по себе этот факт служит хорошим аргументом против признания «одночисловых» лексем. Но, кроме того, он показывает следующее: даже если мы объявим, например, «домá» отдельной лексемой, мы будем вынуждены сохранить за этой лексемой синтаксическую характеристику (мужской род), свойственную соответствующей лексеме ед. числа «дом». Иначе говоря, мн. число не свободно от синтаксических свойств соответствующего ед. числа и наоборот — они образуют пару, характеризующуюся одними и теми же значениями синтаксических признаков «род» и «одушевленность—неодушевленность». Это — важный аргумент в пользу того, чтобы объединить их в одну лексему и приписать эти синтаксические характеристики лексеме в целом.

Грамматическая категория «согласовательный класс» как соединение грамматических категорий рода и одушевленности—неодушевленности

§ **2.17.** Принадлежность существительного к определенному согласовательному классу образует синтаксический элемент значения его словоформ. Из § 2.16 ясно, что один из шести таких элементов присутствует в любой словоформе рассматриваемой совокупности существительных (независимо от того, к какому числу и падежу относится эта словоформа). Иначе говоря, эти синтаксические элементы являются обязательными и, следовательно, грамматическими. Они не сопряжены ни с какими другими грамматическими элементами. В самом деле, ни номинативные значения «одушевленность» и «неодушевленность», ни номинативные значения пола не являются грамматическими (первые не удовлетворяют требованию регулярности, вторые — ни требованию регулярности, ни требованию обязательности, ср. § 1.5).

Таким образом, однородный ряд синтаксических элементов: «согласовательный класс 1», «согласовательный класс 2» и т. д. — сам по себе образует грамматическую категорию «согласовательный класс» (граммемами которой являются эти синтаксические элементы). В соответствии с определением, данным в § 1.9, эта

частная грамматическая категория существительных является классифицирующей.

Как мы видели выше, синтаксический элемент, отражающий необходимость согласовывать подчиненное слово-атрибут, содержится также в граммемах числа и падежа. Однако у этих категорий данный синтаксический элемент выступает лишь как дополнение к некоторому другому элементу (номинативному или тоже синтаксическому). В грамматической категории согласовательного класса этот элемент сам по себе образует граммему. Таким образом, существование числа (у существительных) и падежа как грамматических категорий в принципе не зависит от согласования: эти грамматические категории сохранились бы и в случае исчезновения правил согласования. Напротив, грамматическая категория согласовательного класса в подобном случае сразу же исчезла бы: она не имеет никакой иной природы, кроме отражения правил согласования.

Список граммем грамматической категории «согласовательный класс» (т. е. список согласовательных классов) можно представить не только в виде единого ряда, но и в виде системы, построенной по двум или нескольким различительным признакам. Соответственно каждый согласовательный класс получит двучленное или многочленное обозначение. Если при этом окажется, что для каждого различительного признака найдется синтаксическая задача, для которой требуется только он один (а остальные признаки безразличны), такие признаки могут быть объявлены самостоятельными классифицирующими грамматическими категориями. Иначе говоря, мы можем представить классифицирующую грамматическую категорию как совокупность двух или нескольких таких категорий, «накладывающихся» друг на друга. Понятно, что такое разложение, вообще говоря, может быть произведено по-разному, в зависимости от выбора различительных признаков.

Очевидно, что для грамматической категории «согласовательный класс» наиболее естественным является то разложение, которое указано в § 2.15. В самом деле, противопоставление «синтаксической одушевленности» (согласовательные классы 2, 4, 6) и «синтаксической неодушевленности» (согласовательные классы 1, 3, 5) обладает заметной самостоятельностью. Прежде всего оно единообразно выражается: В. мн. совпадает (как в самой парадигме существительного, так и в наборе форм подчиненного слова-атрибута) с Р. мн. у «одушевленных» классов и с И. мн. у «неодушевленных» классов (в согласовательных классах 2 и 1, кроме того, В. ед. подчиненного слова совпадает соответственно с Р. ед. или И. ед.). При этом существенно, что при атрибутивной связи в В. мн. имеется только это противопоставление, а противопоставление родов нейтрализовано. В то же время данное противопоставление очевидным образом соотнесено

с семантическим противопоставлением «одушевленного» и «неодушевленного».

Второе противопоставление (а именно, противопоставление родов), вообще говоря, можно рассматривать просто как остаток после вычленения первого (поскольку оно выражено менее единообразно и соотнесено с семантическим различием лишь в части случаев). Отметим все же, что во многих формах, например в И. ед., представлено (при атрибутивной связи) только противопоставление родов, тогда как противопоставление по одушевленности—неодушевленности нейтрализовано.

Таким образом, противопоставление согласовательных классов существительных допустимо представлять в виде двух самостоятельных классифицирующих грамматических категорий: одушевленности—неодушевленности и рода. Из сказанного ясно, однако, что в отличие от выявления согласовательных классов, отражающих некоторое объективное членение русских существительных, признание самостоятельных категорий рода и одушевленности не вытекает с необходимостью из фактов, а является лишь одним из способов описания выявленных согласовательных классов.

Существование 7-го согласовательного класса

§ 2.18. Рассмотрим теперь singularia и pluralia tantum, которые временно были оставлены в стороне. К каким согласовательным классам они относятся? Для singularia tantum ответ на этот вопрос прост: все они распределяются по шести согласовательным классам, выделенным ранее. В самом деле, любое из них допускается каким-нибудь из диагностических контекстов, приведенных в § 2.16. Заметим, что почти все они относятся к «неодушевленным» классам, например *хворост*, *лай* — к классу 1, *медь*, *возня́* — к классу 3, *зо́лото*, *мытьё* — к классу 5.

С pluralia tantum дело обстоит сложнее. Как известно, в грамматиках, отражающих язык после реформы орфографии 1918 г., pluralia tantum всегда признаются словами, не имеющими определенного рода. Обоснование такого решения сводится к следующему: род существительного определяется по форме согласованного с ним слова; во множественном числе согласуемые слова рода не различают; pluralia tantum имеют только мн. число, следовательно, их род определить нельзя. Более точно эту точку зрения можно сформулировать так: любое слово из числа pluralia tantum можно отнести к любому из трех родов и это не приведет ни к каким ошибкам; поскольку, однако, нет оснований для предпочтения одного рода другим, мы не относим эти слова ни к какому определенному роду.

Разумеется, эта точка зрения целиком основана на положении о том, что pluralia tantum не имеют единственного числа. Оказы-

вается, однако, что она неудовлетворительна даже при этой исходной посылке. Как показано в § 2.16, род существительного можно определить не только по словоформам единственного числа, но и по любой словоформе множественного числа; для этого достаточно взять диагностические контексты типа «*вот один* (соответственно *одна*, *одно*) *из этих* . . .». Если изложенная точка зрения верна, то следует ожидать, что, например, слово *сáни*, будучи взято в форме родительного падежа, будет допускаться диагностическим контекстом любого из трех родов. Проверка показывает, однако, что в действительности словоформа *санéй* не допускается ни одним из этих контекстов. (Чтобы получить грамматически правильную фразу с аналогичным смыслом, нужно сказать: *вот одни из этих саней*.) Таким образом, даже при традиционной точке зрения на устройство парадигмы слов типа *сáни* оказывается невозможно отнести эти слова ни к одному из трех родов (и, следовательно, ни к одному из шести согласовательных классов).

Выше было показано, однако, что более правомерна иная точка зрения, согласно которой слова типа *сáни* имеют полную парадигму, включающую не только множественное, но и единственное число. При этой точке зрения непринадлежность слов типа *сáни* ни к одному из «обычных» согласовательных классов оказывается непосредственно очевидной, поскольку этим словам соответствует набор сегментов слов-атрибутов, отличный от всех «обычных» наборов; ср., например:

И. ед.	*новый дом*	*новая стена*	*новое окно*	*новые сани*
И. мн.	*новые домá*	*новые стéны*	*новые óкна*	*новые сани*

Как видно из приведенных выше примеров обычной атрибутивной связи, особенность согласования со словами типа *сáни* состоит в том, что при разных числах существительного выступают одни и те же сегменты слов-атрибутов. Эта особенность распространяется и на другие типы согласовательной связи, ср.: *ворота были открыты*; *эти часы считаются очень ценными*; *ножницы, за которыми я пришёл*; *лучшие из этих часов* и т. д. В одном случае, однако, а именно при соединении слов типа *сáни* с числительными, правила согласования не выводятся из этой общей особенности. Ниже указан способ соединения слов типа *сáни* с теми числительными, у которых выбор сегмента зависит от согласовательного класса связанного с ними существительного.

Числительное *одúн* подчиняется правилам обычной атрибутивной связи: *одни сутки*, ср. *один дом*, *одно окно* и т. д.

Числительные 2—4. И. падеж: *двое*, *трое*, *четверо суток*. Слова типа *сáни* являются единственной группой слов, для которых возможны только эти словоформы. Наряду с обычными *два*, *три*, *четыре* эти словоформы могут выступать также при существительных классов 2 и 6, например: *два врача* и *двое врачей* (см. также выше, § 2.16). В прочих случаях выступают только

словоформы *два*, *две*, *три*, *четыре*. В косвенных падежах [59] различие между согласовательными классами почти полностью снимается: *двумя сутками*, *домами*, *врачами*, *неделями* и т. д. (при классах 2 и 6 возможны также словоформы типа *двоими*, например, *двоими врачами*; при словах типа *сáни* эти словоформы теоретически также допустимы, но неупотребительны).

Числительные 5—10. В И. падеже слова типа *сáни* вместе со словами классов 2 и 6 отличаются от остальных тем, что наряду с обычными сочетаниями типа *пять суток* (ср. *пять домов*, *врачей*, *недель* и т. д.) здесь возможны также сочетания типа *пятеро суток* (ср. *пятеро врачей*). В косвенных падежах действуют те же правила, что для числительных 2—4: *пятью сутками*, *домами*, *врачами*, *неделями* и т. д. (допустимо *пятерыми врачами*; *пятерыми сутками* неупотребительно).

Числительное *полторá*. Словоформы И. падежа для существительных типа *сáни* в литературном языке нет; в просторечии, однако, эта пустая клетка может заполняться словоформой *пóлторо* [60] (например, *пóлторо суток*), которая явно построена по пропорции *четыре* : *чéтверо*=*полторá* : *x*. В косвенных падежах выступает единая для всех классов словоформа: *полутора сутками*, *днями*, *неделями*, *вёдрами* и т. д.

Числительное *óба*. Словоформы И. падежа для существительных типа *сáни* в литературном языке нет; в просторечии встречается словоформа *обóи*. В косвенных падежах с этими словами употребляются те же словоформы, что со словами мужского и среднего родов (например, *обоими ножницами*, *санями*, *воротами*, ср. *обоими домами*, *окнами*), в отличие от слов женского рода (*обеими руками*). Характерно, что среди слов типа *сáни* в этом отношении не обнаруживается никаких различий между словами с морфологическими признаками мужского и среднего родов (*часы́*, *ворóта*) и словами с морфологическими признаками женского рода (*нóжницы*, *брю́ки*). Следует подчеркнуть, однако, что в разговорном языке словоформы *обéих*, *обéим*, *обéими* исчезают и, таким образом, в этом пункте различие между согласовательными классами вообще снимается.

Рассмотрев все основные типы согласовательной связи, мы убеждаемся, во-первых, в том, что слова типа *сáни* не принадлежат ни к одному из шести выделенных ранее согласовательных классов, во-вторых, в том, что внутри самой этой группы не обнаруживается никаких различий в правилах согласования, т. е. что все они должны быть отнесены к одному и тому же согласовательному классу. Иначе говоря, все слова типа *сáни* принадлежат к особому, седьмому согласовательному классу.

Что касается слов типа *черни́ла*, то они, как показано в § 2.12, представляют собой singularia tantum среди pluralia tantum. Очевидно, что они попадают в тот же согласовательный класс, что и слова типа *сáни* (т. е. в седьмой) — подобно тому, как *хвóрост* попадает в тот же согласовательный класс, что *дом*; *возня́* — в тот же, что *стенá*; *зóлото* — в тот же, что *болóто*.

Слова с дефектной парадигмой типа *девчáта* (которые мы не относим к числу pluralia tantum, ср. § 2.12) принадлежат к «обычным» согласовательным классам, например: *девчáта* — согласовательный класс 4 (ср. *одна из*

[59] Здесь и ниже, где речь идет о косвенных падежах, имеется в виду: кроме винительного. В. падеж совпадает: при существительных классов 1, 3, 5 и при существительных типа *сáни* с И., при существительных классов 2, 4, 6 — с Р. падежом.

[60] В Уш. эта словоформа записана как *пóлтора* (с пометой «с таким ударением!»); ср. также АГ, § 622.

этих девчат), *ребята* — согласовательный класс 2 (ср. *один из этих ребят*) и т. д.

Особый случай составляют слова *бéлые* и *чёрные* (как названия сторон, например в шахматах). В отличие от слов типа *девчáта*, они ведут себя как pluralia tantum: имея в виду указанное значение, нельзя сказать *один из белых* или *одна из белых*, но можно (хотя и с некоторой натяжкой) сказать *одни из белых*, *каждые из белых*. Однако от остальных pluralia tantum эти слова отличаются тем, что В. падеж обычно совпадает здесь (как в самой парадигме существительного, так и в наборе форм подчиненного слова-атрибута) с Р., а не с И.; ср., например: *он вынудил белых сдаться*. Мы имеем здесь дело, таким образом, с зачатками 8-го согласовательного класса. Разумеется, эти факты носят слишком изолированный характер; к тому же они не вполне четки (ср. фразу *бери себе белые, а я возьму чёрные*, где В.=И.). Поэтому в дальнейшем мы никак не будем учитывать эти два слова (несмотря на заманчивую симметричность в строении системы согласовательных классов, которую дал бы согласовательный класс 8).

Место 7-го согласовательного класса среди остальных

§ **2.19**. Если устранить все «скрещенные» согласовательные классы с помощью «расщепления» соответствующих слов на омонимы (см. § 2.15), отбросить слова *бéлые* и *чёрные* (см. § 2.18) и принять некоторое дополнительное соглашение относительно морфемы *пол* (половина) [61], то окажется, что выявленные выше семь согласовательных классов охватывают все русские существительные; иначе говоря, они образуют действительную классификацию существительных, в отличие от традиционной системы родов.

Внутренние отношения между первыми шестью классами выявлены выше. Каково же отношение 7-го согласовательного класса к первым шести? Легко обнаружить, что как по значению, так и по внешним особенностям (совпадение В. падежа с И. в наборе форм подчиненного слова-атрибута, а также в самой парадигме существительного) 7-й класс объединяется с «неодушевленными» классами (1, 3, 5). Что же касается деления классов по родам, то здесь 7-й класс не обнаруживает большей близости ни к одному из трех родов. От всех трех родов сразу он отличается омонимией словоформ разных чисел. Таким образом, отно-

[61] Это соглашение, из которого мы исходим также и в собственно морфологическом описании, состоит в следующем: вопреки написанию единицы с начальной морфемой *пол* типа *полмéтра*, *полчасá*, *полведрá*, *полверсты́* должны рассматриваться не как единые словоформы, а как словосочетания, аналогичные, например, словосочетаниям *два часá*, *три ведрá* и т. д. (а такие словоформы, как *получáса*, *полуведрóм*, *полувёрсты* и т. д., должны считаться принадлежащими лексемам *получáс*, *полуведрó*, *полуверстá*). В академической грамматике принято другое решение: в соответствии с написанием, *полчасá*, *полведрá* и т. д. считаются едиными словоформами; признаются парадигмы следующего вида: И. В. ед. *полчасá*, Р. ед. *получáса*, Д. ед. *получáсу* и т. д. Из этого решения с необходимостью вытекает признание еще трех согласовательных классов, которым соответствуют следующие наборы форм согласуемого слова: 1) *эти полчасá*, *этого получáса*, . . ., *один из получасóв*; 2) *эти полведрá*, *этого полуведрá*, . . ., *одно из полувёдер*; 3) *эти полверсты́*, *этой полуверсты́*, . . .

шения между семью согласовательными классами можно представить в виде системы противопоставлений по трем признакам:

Одушевленность—неодушевленность \ Род		Мужской	Женский	Средний
Неодушевленность	ед. и мн. ч. различаются *	класс 1 (*дом*)	класс 3 (*стена́*)	класс 5 (*окно́*)
	ед. и мн. ч. омонимичны *	класс 7 (*са́ни*)		
Одушевленность	ед. и мн. ч. различаются *	класс 2 (*врач*)	класс 4 (*коза́*)	класс 6 (*чудо́вище*)
	ед. и мн. ч. омонимичны *	— **		

* Имеется в виду: в наборе форм подчиненного слова-атрибута, а также (по крайней мере, в большинстве случаев) в самой парадигме существительного.

** Относительно слов *бе́лые* и *чёрные* см. § 2.18.

Характерной чертой этой системы является то, что омонимия чисел нейтрализует признак рода. Эта черта является специфической особенностью современного русского языка, отличающей его от многих других языков, имеющих грамматический род. Так, например, в латыни, французском, испанском, сербскохорватском, чешском омонимия чисел не исключает различия родов (ср., например, франц. grands ciseaux и grandes jumelles). Разумеется, в таких языках признаки «род» и «совпадение или несовпадение словоформ разных чисел подчиненного слова-атрибута» должны строго разделяться. Но для русского языка построенная таким образом система оказывается весьма неэкономной. Гораздо более «компактную» систему дает объединение этих двух признаков в единый признак, принимающий четыре значения (за ним естественно сохранить название «род»). Система согласовательных классов получает в этом случае следующий вид:

Одушевленность—неодушевленность \ Род	Мужской	Женский	Средний	4-й
Неодушевленность	класс 1 (*дом*)	класс 3 (*стена́*)	класс 5 (*окно́*)	класс 7 (*са́ни*)
Одушевленность	класс 2 (*врач*)	класс 4 (*коза́*)	класс 6 (*чудо́вище*)	—

Таким образом, для экономного представления системы согласовательных классов следует признать существование в современном русском языке не трех, а четырех родов. Мы предлагаем назвать 4-й род русских существительных «парным». (Разумеется, далеко не всякое слово парного рода содержит в своем значении элемент парности, но в этом отношении термин «парный» вполне сходен с терминами «мужской» и «женский», которые тоже опираются на признак, характерный только для наиболее важной группы слов соответствующего рода.)

Итак, существительные современного русского языка объективно распадаются на семь согласовательных классов; внутренние отношения между этими классами удобнее всего представить в виде противопоставления четырех родов, на которое накладывается противопоставление по одушевленности—неодушевленности.

В последующем описании могут быть использованы оба способа изображения системы согласовательных классов. Иначе говоря, мы оставляем за собой право рассматривать грамматическую категорию «согласовательный класс» в зависимости от практического удобства либо как единую категорию, либо как результат объединения двух самостоятельных грамматических категорий — категории рода (включающей противопоставление мужского, женского, среднего и парного родов) и одушевленности—неодушевленности.

Вопрос о согласовательных классах у местоимений-существительных

§ 2. 20. Понятие согласовательного класса, предложенное выше для существительных, можно применить также к местоимениям-существительным: достаточно, например, заменить в определении II (§ 2.16) слово «существительное» на «местоимение-существительное». При этом следует учитывать, что у местоимений-существительных грамматическая форма включает только падеж (поскольку словоизменительной грамматической категории числа здесь нет).

Правда, при практическом применении этого определения мы сталкиваемся с некоторыми трудностями. Во-первых, местоимения-существительные обычно лишь с трудом допускают определения (особенно редко встречаются необособленные препозитивные определения); поэтому не всегда легко установить, какой сегмент слова-атрибута требует та или иная словоформа местоимения-существительного. Во-вторых, многие местоимения-существительные (например, *себя́*, *не́кто*, *не́чего*) имеют дефектную парадигму. В-третьих, большинство местоимений-существительных допускает одновременно несколько типов согласования (ср. *я пришёл*, *я пришла*, *я пришло* и т. п.), т. е. выделяющиеся здесь

согласовательные классы носят преимущественно «скрещенный» характер (см. § 2. 15). Все же, несмотря на эти трудности, достаточно ясно устанавливается следующая общая картина. Для местоимений-существительных в принципе возможны 14 «нескрещенных» согласовательных классов. Каждый из них сходен в отношении правил согласования с совокупностью словоформ одного числа существительных одного из семи согласовательных классов. Например, согласовательный класс, представленный словом *ничтó*, характеризуется такими же правилами согласования, как словоформы ед. числа существительных согласовательного класса 5 (*окнó*, *болóто* и т. д.). Эти потенциальные согласовательные классы можно условно обозначить, таким образом, как «1 ед.», «1 мн.», «2 ед.», «2 мн.» и т. д. до «7 мн.». Однако лишь немногие из этих 14 классов представлены «в чистом виде» (как, например, класс «5 ед.», куда входит, в частности, слово *ничтó*): большинство местоимений-существительных относится к «скрещенным» согласовательным классам, совмещающим свойства двух или более из 14 потенциальных классов. Так, например, слово *он* относится к «скрещенному» согласовательному классу «1 ед.+2 ед.» (ср. *вижу его весь* и *вижу его всего*); слова *я* и *ты* — «2 ед.+4 ед.+6 ед.»; слово *онѝ* — «7 ед.+1—7 мн.». Наконец, слово *себя́* относится к «скрещенному» согласовательному классу, совмещающему свойства всех 14 потенциальных классов. Все эти «скрещенные» согласовательные классы трактуются так же, как у существительных: в морфологическом описании соответствующие слова (например, *он*, *я*, *ты*, *онѝ*, *себя́*) считаются едиными лексемами, но в синтаксических операциях каждое из них может при необходимости рассматриваться как совокупность нескольких омонимов.

Таким образом, имеется классифицирующая частная грамматическая категория «согласовательный класс у местоимений-существительных». Как и в случае с существительными (§ 2. 17), эту грамматическую категорию можно представить в виде объединения нескольких классифицирующих грамматических категорий. Способ «расщепления» здесь достаточно очевиден — такими грамматическими категориями являются: а) род; б) одушевленность—неодушевленность; в) число (синтаксическое). Например, слово *ничтó* может быть охарактеризовано как слово среднего рода, неодушевленное, единственного синтаксического числа.

Если принять указанное «расщепление» грамматической категории согласовательного класса (что, вообще говоря, необязательно, ср. § 2. 17), то тем самым решается поставленный в § 2. 13 вопрос о грамматической категории числа у местоимений-существительных. Такая грамматическая категория есть, но, в отличие от числа у существительных, она: 1) носит чисто синтаксический характер, т. е. ее граммемы состоят только из синтаксических элементов — так же, как, например, граммемы рода;

2) является классифицирующей. Что касается таких слов, как *себя* или *кто*, которые допускают как единственное, так и множественное синтаксическое число (в соответствии с описываемой ситуацией, ср. *самого себя* и *самих себя*, *кто такой* и *кто такие*), то положение здесь вполне аналогично двойственности рода у слов типа *сирота́* (см. § 2. 15).

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СЛОВ-АТРИБУТОВ

Грамматические категории падежа, числа и согласовательного класса

§ **2. 21**. При грамматическом анализе слов-атрибутов прежде всего необходимо учитывать, что признание у таких слов большего или меньшего числа грамматических категорий, участвующих в согласовании, не вытекает однозначно из фактов, а отражает определенные принципы описания. Рассматривая этот вопрос, ограничимся вначале наиболее типичным частным случаем соотношения между предметными словами и словами-атрибутами, а именно, соотношением между существительными и прилагательными.

У любого русского прилагательного имеется не более 13 разных сегментов, способных выступать в атрибутивной функции, например: *но́в-ый*, *-ая*, *-ое*, *-ого*, *-ой*, *-ому*, *-ую*, *-ым*, *-ою*, *-ом*, *-ые*, *-ых*, *-ыми*. Поэтому вполне допустимо следующее описание. Существует всего одна грамматическая категория прилагательных, участвующая в согласовании. Она принимает 13 значений, т. е. прилагательные имеют в атрибутивной функции всего 13 грамматических форм [62]. Правила выбора формы при атрибутивной связи задаются в виде таблицы, где каждому из возможных грамматических значений существительного сопоставлен номер формы прилагательного, например: В. ед. муж. одуш. — № 4 (*-ого*). Такое описание дает максимально простую парадигматическую схему прилагательного, но в то же время более сложные правила построения фразы (в число которых входит правило о форме подчиненного прилагательного).

Общепринятым является другое описание, а именно: для каждой частной грамматической категории существительных, по которой происходит согласование (в смысле § 2. 14), признается существование одноименной частной грамматической категории прилагательных. Соответственно, 13 сегментов разносятся по значительно большему числу клеток, т. е. признается

[62] То, что форм будет всего 13, вообще говоря, не вытекает из сказанного выше, поскольку могло бы найтись прилагательное, у которого одному и тому же сегменту слова *но́вый* соответствует два или несколько разных сегментов. Однако в действительности таких прилагательных в русском языке нет.

много словоформ-омонимов. Парадигматическая схема прилагательных усложняется, но зато достигается максимально простое правило выбора формы при атрибутивной связи: «грамматическое значение прилагательного п о в т о р я е т грамматическое значение подчиняющего существительного» (откуда и сам термин «согласование») [63]. Именно так решается этот вопрос и в настоящей книге.

В русском языке имеется согласование (в смысле § 2. 14) по следующим частным грамматическим категориям существительных: падеж, число, согласовательный класс. Для падежа и числа это показано уже в § 2. 14; для согласовательного класса это ясно из § 2. 15: ср., например, *этот дом* и *эта стена* [64]. При этом, если согласовательный класс представлен как две самостоятельные грамматические категории (род и одушевленность—неодушевленность, см. § 2.17), то имеется согласование по каждой из этих категорий. В самом деле, наличие согласования по роду видно из приведенного выше примера; наличие согласования по одушевленности—неодушевленности устанавливается из сравнения, например, таких фраз, как *вижу высокий дом* и *вижу высокого юношу* [65]. В соответствии с описанным выше принципом, прилагательным приписываются одноименные частные грамматические категории: падеж, число, согласовательный класс. При этом, как и у существительных, согласовательный класс при необходимости может быть представлен в виде двух грамматических категорий: рода и одушевленности—неодушевленности. Все эти частные грамматические категории прилагательных являются словоизменительными. Каждая граммема любой из этих категорий представляет собой синтаксический элемент значения (по своей функции этот элемент сходен с «подчиненными» падежами существительных, ср. § 2.2). Граммемный состав каждой из этих категорий в точности копируется с соответствующих частных грамматических категорий существительных. Таким об-

---

[63] Как указал (устно) И. А. Мельчук, выбор именно такого решения в значительной мере определен также тем, что при субстантивации грамматические характеристики, приписываемые прилагательному в соответствии с этим решением, автоматически превращаются в одноименные характеристики существительного.

[64] Как легко убедиться, согласование по грамматической категории «согласовательный класс» — это то же, что внесловоизменительное согласование (тогда как словоизменительное согласование складывается из согласования по падежу и числу). Внешняя тавтологичность выражения «согласование по согласовательному классу» лишь подчеркивает тот факт, что грамматическая категория согласовательного класса не имеет никакой другой природы, кроме отражения правил согласования.

[65] Из сравнения этих фраз, между прочим, видно, что традиционная формула «прилагательное согласуется с существительным в роде, числе и падеже» недостаточна для объяснения всех случаев согласования: в приведенных фразах род, число и падеж прилагательного одинаковы, однако сегменты прилагательного различны и не могут заменяться один другим.

разом, например, словоформа *высо́кий*, выступающая во фразе *вижу высокий дом*, содержит, в частности, следующие граммемы: В. падеж, ед. число, согласоват. класс 1 (=муж. род и неодушевленность); словоформа *высо́кого* (во фразе *вижу высокого юношу*) — В. падеж, ед. число, согласоват. класс 2 (=муж. род и одушевленность); словоформа *густо́м* (в словосочетании *в густом лесу́*) — $П_2$ падеж, ед. число, согласоват. класс 1; словоформа *насто́льные* (во фразе *в доме всего одни настольные часы*) — И. падеж, ед. число, согласоват. класс 7.

Очевидно, что такое копирование грамматических характеристик подчиняющего существительного является обязательным условием для достижения указанного выше «идеального» правила о выборе формы подчиненного прилагательного. Даже частичное отклонение от такого копирования (например, признание только одного предложного падежа в формах прилагательных или отнесение словоформы *насто́льные* в данном выше примере ко мн. числу) привело бы к значительному усложнению этого правила и тем самым практически обесценило бы принятую схему описания.

Интересно отметить, что в некоторых случаях такой способ приписывания грамматических значений (вызванный, как уже показано, определенными формальными требованиями) оказывается оправданным также с содержательной точки зрения. В самом деле, он позволяет объяснить наличие словоформ с внешними признаками мн. числа у тех слов, собственно номинативное значение которых исключает возможность их присоединения к словоформе существительного, содержащей номинативный элемент «множественность». Таково слово *оди́н* в его основном (количественном) значении [66] и слово *ка́ждый*. Например, нельзя сказать *одни столы* (*сте́ны, о́кна*), имея в виду количественное значение слова *оди́н* [67]; нельзя также сказать *каждые столы* (*сте́ны, о́кна*). Однако вполне правильны словосочетания: *одни сани, одни сутки* (в количественном значении); *каждые сани, каждые сутки*. Как легко видеть, словоформы *одни́* и *ка́ждые* возможны только в тех случаях, где по предлагаемому решению они должны получить граммему ед. числа. Таким образом только при этом решении становится формально правильным то интуитивно очевидное положение, что слова *оди́н* и *ка́ждый* не имеют словоформ мн. числа.

З а м е ч а н и е. Словоформы слова *ка́ждый*, имеющие внешние признаки мн. числа, выступают также в сочетаниях типа *каждые пять минут, каждые две недели, каждые три часа́, каждые трое суток*, а также *каждые*

[66] Ср.: Р. И. А в а н е с о в и В. Н. С и д о р о в. Указ. соч., стр. 90.

[67] Другие значения слова *оди́н* вполне допускают присоединение его к существительному во мн. числе, ср.: *я знаю одного человека, который* . . . и *я знаю одних людей, которые* . . .; *один стул стоит, другой лежит* и *одни стулья стоят, другие лежат*; *остался один мусор* и *остались одни окурки* и т. д.

полчаса, *каждые полкилометра* и т. п. Отсюда, по-видимому, следует заключить, что словосочетания типа *пять минут*, *три часа́* (а также типа *полчаса́*, ср. сноску 61) синтаксически эквивалентны ед. числу существительных 7-го согласовательного класса. Заметим, что и с семантической точки зрения *пять минут*, *две недели* и т. п. — это некоторые единства (ср. *сапоги́*, *ру́ки*, *глаза́* и т. п., § 2.12); особенно ясно это выступает в сочетаниях с *пол*: например, словосочетание *полчаса́* означает то же, что редко употребляющаяся словоформа ед. числа *получа́с* (ср. мн. число *получасы́*).

Особый вопрос составляют «скрещенные» согласовательные классы. Представляется очевидным, что, даже если у существительных такие согласовательные классы признаются, вводить соответствующие клетки в парадигмы прилагательных (т. е. вводить, например, особую клетку для пары словоформ *э́тот* и *э́та*, наряду с клетками для *э́тот* и для *э́та*) бессмысленно. Вместо этого при построении фразы существительному «скрещенного» согласовательного класса, например *сирота́*, ставятся в соответствие одновременно два ряда клеток в парадигмах прилагательных, а именно клетки согласовательного класса 2 и согласовательного класса 4. В самом деле, в словосочетаниях *этот сирота* и *эта сирота* двойственность согласования совершенно иная, чем, например, в *этой вещью* и *этою вещью*. Она объясняется здесь не наличием словоформ-вариантов у самого прилагательного (как в случае *э́той—э́тою*), а так называемым семантическим согласованием, т. е. выбором нужной словоформы подчиненного прилагательного в прямой зависимости от значения подчиняющего существительного в конкретном тексте (ср. § 2.15). Таким образом, в той схеме описания, при которой признаются «скрещенные» согласовательные классы существительных, основное правило согласования, сформулированное выше, должно быть дополнено правилом о том, что при существительном «скрещенного» согласовательного класса осуществляется, кроме того, «семантическое согласование». Что же касается парадигматической схемы прилагательных, то здесь «скрещенные» согласовательные классы самостоятельного отражения не получают.

Точно так же очевидно, что нет необходимости как-либо изменять парадигматическую схему прилагательных для отражения согласовательных классов местоимений-существительных. Вместо этого в парадигмах прилагательных каждому местоимению-существительному ставится в соответствие половина клеток определенного согласовательного класса. Например, слову *ничто́* в парадигмах прилагательных соответствуют клетки ед. числа согласоват. класса 5. Разумеется, «скрещенные» согласовательные классы местоимений-существительных трактуются так же, как в случае с существительными. Например, слову *себя́* в парадигмах прилагательных соответствуют клетки обоих чисел и всех согласовательных классов; выбор нужной клетки осуществляется на основе «семантического согласования». Таким образом, переход от существительных ко всей совокупности предметных слов ни-

как не отражается на парадигматической схеме прилагательных.

Обратимся теперь к словам-атрибутам, временно исключенным из рассмотрения, а именно, к числительным. (Отметим, что сюда попадает также несколько слов, которые в традиционных классификациях не рассматриваются как числительные; относительно порядковых числительных см. § 2.1.) Различаются две основные группы числительных.

Числительные первой группы связываются с подчиняющим существительным обычной атрибутивной связью. Они отличаются от прилагательных тем, что одни из них могут соединяться только с существительными в ед. числе, другие — только с существительными во мн. числе. Таким образом, в их парадигмах нет противопоставления по числу (ед. или мн. синтаксическое число, характеризующее все словоформы такого слова-атрибута, выступает здесь, следовательно, как граммема классифицирующей грамматической категории). К этой группе принадлежат следующие слова-атрибуты: а) *оди́н* (в количественном значении), *ка́ждый*; они соединяются только с ед. числом существительных (см. об этом выше); б) *мно́гие*, *немно́гие*, *все* (в значении 'каждый', например: *все люди*, *все точки*), *не́которые* (в значении 'не все', 'часть', например: *некоторые люди думают*, *некоторые деревья засохли*); они соединяются только с мн. числом существительных [68].

Числительные второй группы связываются с существительным более сложным образом: 1) если сочетание существительного с числительным выступает в функции И. падежа, члены этого сочетания связаны особой синтаксической связью (допускающей различные истолкования, ср. § 2.8), например: *два дома*, *пять домов*; такая же связь выступает в В. падеже, если существительное неодушевленное, а также в Д. падеже после предлога *по* с распределительным значением (*по пяти рублей*); 2) в прочих случаях синтаксическая связь между существительным и числительным может быть приравнена к обычной атрибутивной, например: *двух домов*, *пятью домами*. Однако, в соответствии с традицией, мы исходим далее из того, что эти синтаксические разли-

[68] От последних двух слов следует отличать обычные прилагательные *весь* и *не́который*. Прилагательное *весь* имеет значение 'в полном объеме (протяжении, поверхности и т. п.)', например: *весь день*, *всю дорогу*, *весь народ*, *всё молоко*, *все сливки*. Как видно из этих примеров, оно сочетается обычно с ед. числом существительных; однако это необязательно, ср.: *у них все руки исцарапаны* (т. е. 'исцарапана вся поверхность рук'; заметим, что эта фраза допускает также и другое, правда, менее естественное понимание: 'исцарапапа (неизвестно, в какой степени) каждая из имеющихся у них рук'; в последнем случае мы имеем дело с числительным *все*). Можно сказать, таким образом, что числительное *все* имеет дискретное, а прилагательное *весь*—недискретное значение. Прилагательное *не́который* имеет значение 'какой-то, точно не определенный'; в научном тексте оно часто играет роль неопределенного артикля; ср.: *в некотором царстве*, *некоторая часть*, *пусть даны некоторые точки A и B*.

чия между именительным и косвенными падежами числительных не должны отражаться на строении их парадигм. Иначе говоря, предполагается, что, например, словоформа *пятью́* отличается по своему грамматическому значению от словоформы *пять* не более, чем *э́тими* от *э́ти*.

Числительные второй группы (так же, как и первой) не имеют противопоставления по числу внутри парадигмы (и, следовательно, не имеют словоизменительной грамматической категории числа). Для строения парадигмы числительного существенно, может ли оно участвовать во внесловоизменительном согласовании, т. е. имеется ли у него хотя бы в одном падеже два или более разных сегмента, соотнесенных с разными согласовательными классами существительных. По этому признаку рассматриваемые числительные делятся на две подгруппы.

Числительные первой подгруппы так или иначе отражают противопоставление согласовательных классов существительных. Таковы, например, числительные: *о́ба* (ср. *вижу оба дома*, *обоих слонов*, *обе стены*, *обеих девочек*); *два* (ср. *вижу два дома*, *двух слонов*, *две стены*, *двое саней*); *три*, *четы́ре* (ср. *вижу три дома*, *трёх слонов*, *трое саней*); *полтора́* (ср. *полтора дня* и *полторы минуты*). В парадигмах таких числительных, естественно, имеется противопоставление по согласовательному классу. Например, парадигма слова *о́ба* имеет в В. падеже следующие клетки: согласовательный класс 1 — *о́ба*, 2 — *обо́их*, 3 — *о́бе*, 4 — *обе́их*, 5 — *о́ба*, 6 — *обо́их*, 7 — пустая клетка.

У числительных второй подгруппы имеется ровно один сегмент для каждого падежа. Таковы, например, числительные *оди́ннадцать*, *два́дцать*, *со́рок*, *сто*, *пятьсо́т*. Поскольку признавать для таких слов омонимию всех согласовательных классов во всех падежах бессмысленно, они рассматриваются как имеющие только одну словоизменительную грамматическую категорию — падеж. Таким образом, их парадигматическая схема такая же, как у местоимений-существительных.

Некоторые трудности возникают в связи с сегментами так называемого собирательного типа (*дво́е*, *двои́х*, *пя́теро*, *пятеры́х* и т. д.). Очевидно, что, например, сегмент *дво́е* в словосочетании *двое саней* должен рассматриваться как сегмент лексемы *два*. Не следует ли и во всех остальных случаях рассматривать сегменты собирательного типа как принадлежащие соответствующим количественным числительным? По-видимому, такое решение было бы поспешным, поскольку в ряде случаев противопоставление типа *два*—*дво́е* отражает не только различие согласовательных классов; ср. *трое вышли из лесу* (нельзя сказать *три лежат на столе*), *нас двое* (это может быть сказано и о двух женщинах) и т. п. Таким образом, следует признать существование самостоятельных лексем *два* и *дво́е*, *пять* и *пя́теро* и т. д. Отдельный вопрос состоит в том, как распределить между этими лексемами сегменты собирательного типа. Чтобы облегчить собственно морфологическое описание, этот вопрос решается в настоящей работе несколько упрощенно: всякий сегмент собирательного типа считается принадлежащим соответствующему собирательному числительному; однако в тех словосочетаниях, которые нельзя заменить словосочетанием с участием сегмента

количественного типа (*два*, *двух* и т. д.), сегмент собирательного типа считается принадлежащим, кроме того, также к соответствующему количественному числительному (практически таковы только сегменты *двóе*, *трóе*, *чéтверо* в словосочетаниях типа *двое саней*). В результате получаются, в частности, такие лексемы: *два* (сегменты *два*, *две*, *двух*, *двум*, *двумя́*, *двóе*, причем последний — только для И. и В. падежей согласовательного класса 7); *двóе* (сегменты *двóе*, *двои́х*, *двои́м*, *двои́ми*); *пять* (сегменты *пять*, *пяти́*, *пятью́*); *пя́теро* (сегменты *пя́теро*, *пятеры́х*, *пятеры́м*, *пятеры́ми*). При этом лексемы *два*, *двóе*, *пя́теро* попадают в первую из указанных выше подгрупп (т. е. в их парадигмах имеется противопоставление согласовательных классов, ср. *вижу двоих мужчин*, но *вижу двое саней*), а лексема *пять* — во вторую (т. е. в ее парадигме имеется противопоставление только по падежу). Лексемы типа *двóе*, *пя́теро* могут соединяться только с существительными согласовательных классов 2, 6 и 7; иначе говоря, их парадигмы признаются дефектными: они не имеют словоформ согласовательных классов 1, 3, 4, 5.

Числительные *стóлько*, *скóлько*, *нéсколько* допускают колебания в В. падеже при одушевленных существительных: можно сказать *вижу нескольких студентов* и *вижу несколько студентов*. Соответственно у каждого из них различаются два варианта парадигмы, один из которых имеет противопоставление согласовательных классов (В. неод. *нéсколько*, В. одуш. *нéскольких*), а другой не имеет (В. падеж всегда *нéсколько*).

Грамматическая категория атрибутивности—неатрибутивности

§ 2.22. Грамматической категорией атрибутивности—неатрибутивности мы будем ниже называть грамматическую категорию (не имеющую в русской лингвистической традиции удобного названия), которая внешне выражается в противопоставлении так называемых полных и кратких форм прилагательных, например *тóчный* и *тóчен*, *у́зкая* и *узка́*, *сурóвые* и *сурóвы* (под формами в этих традиционных названиях фактически понимаются словоформы). Предложенное название отражает способность полных (атрибутивных) словоформ выступать в атрибутивной связи с существительными (например, *точный прибор*, *узкая дорога*, *суровые люди*) и отсутствие такой способности у кратких (неатрибутивных) словоформ. Последние почти всегда выступают во фразе в предикативной функции, например: *эта дорога узка*, *эти люди суровы*. Однако в этой функции могут выступать и атрибутивные словоформы, например: *эта дорога — узкая* (поэтому называть неатрибутивные словоформы предикативными было бы не вполне точно).

Способность или неспособность словоформы прилагательного выступать в атрибутивной функции образует синтаксический элемент ее значения. Этот элемент обязателен (поскольку для каждой словоформы прилагательного известно, может ли она выступать в атрибутивной функции) и, следовательно, является грамматическим. Вопрос о том, сопряжены ли с синтаксическими элементами «атрибутивность» и «неатрибутивность» какие-либо номинативные элементы, является спорным. Основной факт, заставляющий искать такие номинативные элементы, — это про-

тивопоставления типа *этот мальчик здоров* и *этот мальчик здоровый*; *он весел* и *он весёлый* [69]. Как известно однако, попытки выявить единое семантическое основание во всех таких противопоставлениях, наталкиваются на значительные трудности [70]. В связи с этим представляется убедительной трактовка, предложенная А. В. Исаченко [71], согласно которой такие противопоставления сводятся к различию в структурной схеме фразы, а именно: фразы типа *этот мальчик здоровый*, *он весёлый* синтаксически равносильны фразам типа *этот мальчик шалун*, *он учитель*, тогда как фразы *этот мальчик здоров*, *он весел* представляют самостоятельную структурную схему. При такой трактовке противопоставление атрибутивных и неатрибутивных словоформ должно рассматриваться как чисто синтаксическое. Таким образом, мы будем считать, что граммемы рассматриваемой грамматической категории представляют собой синтаксические элементы. Отсюда следует, в частности, что, например, словоформы *здоро́вый* и *здоро́в* представляют одну и ту же лексему [72].

Особый вопрос состоит в том, как рассматривать фразы типа *этот журнал мой* (где участвует прилагательное, не допускающее противопоставления типа *здоро́вый—здоро́в*). Следует ли приравнивать эту фразу только к фразе *этот мальчик здоровый* (ср. атрибутивные сочетания: *мой журнал*, *здоровый мальчик*) или, кроме того, также к фразе *этот мальчик здоров*? Ниже мы исходим из первого решения, поскольку оно существенно упрощает морфологическое описание прилагательных и в то же время допустимо (а может быть, даже предпочтительно) с синтаксической и семантической точек зрения. Иначе говоря, мы не признаем омонимии атрибутивных и неатрибутивных словоформ; граммема «неатрибутивность» приписывается только таким сегментам, которые не могут выступать в атрибутивных сочетаниях, например: *ве́сел*, *узка́*, *ра́ды*; соответственно, например, сегменты *мой*, *дя́дина*, *во́лчье*, *морски́е* получают граммему «атрибутивность».

Таким образом, одни прилагательные (например, *здоро́вый*) имеют как атрибутивные, так и неатрибутивные словоформы; другие (например, *мой*) имеют только атрибутивные словоформы. Кроме того, существует небольшая группа прилагательных, имеющих только неатрибутивные словоформы (например, *рад*,

---

[69] См., в частности: Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке. «Уч. зап. МГУ», 1952, № 150.

[70] Критику таких попыток см. в работе: А. В. Исаченко. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных. «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 72—75.

[71] А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 71—85.

[72] В соответствии с лексикографической традицией в изолированных случаях типа *до́лжный—до́лжен* признается существование двух отдельных лексем.

горáзд). Очевидно, что для прилагательных типа *здорóвый* грамматическая категория атрибутивности—неатрибутивности является словоизменительной, а для прилагательных типа *мой* — классифицирующей. Прилагательные типа *рад* (образующие своего рода отклонение от нормы) трактуются особо, а именно, как слова с дефектной парадигмой: им приписывается та же парадигматическая схема, что прилагательным типа *здорóвый*, но клетки для атрибутивных словоформ здесь пустые.

К сожалению, на практике крайне трудно провести границу между прилагательными, имеющими и не имеющими неатрибутивные словоформы. Дело в том, что наряду с прилагательными, заведомо образующими неатрибутивные словоформы (*здорóвый*, *весёлый*, *ýзкий* и т. д.), и прилагательными, заведомо их не образующими (*мой*, *дя́дин*, *вóлчий*, *э́тот*, *котóрый* и т. д.), имеется большое количество прилагательных, для которых ответ на этот вопрос неочевиден, например: *сирéневый*, *шёлковый*, *информациóнный*, *внéшний*. Традиционная формула гласит, что неатрибутивные словоформы образуются от так называемых качественных и не образуются от так называемых относительных прилагательных. Однако в действительности практически любое относительное прилагательное может приобрести в соответствующем контексте «качественный» оттенок (позволяющий при прочих благоприятных условиях образовать неатрибутивные словоформы); поэтому приведенная формула оказывается неэффективной. Гораздо более реальным препятствием для образования неатрибутивных словоформ служит определенная морфологическая структура прилагательного. Например, независимо от значения, не образуют неатрибутивных словоформ прилагательные, у которых атрибутивная словоформа И. мн. оканчивается на *-ы*, *-и* (ср. *мой*, *дя́дины*, *вóлчьи*, *э́ти*), прилагательные с суффиксом *-ск-* и т. д. Некоторые морфологические факторы лишь затрудняют образование неатрибутивных словоформ, хотя и не исключают его полностью (таково, например, положение с прилагательными на *нóй* или на *ний*).

В настоящей книге для целей морфологического описания принято некоторое рабочее разграничение прилагательных, образующих и не образующих неатрибутивные словоформы (оно указано в § 3.3). Поскольку в самом языке здесь нет четкой границы, это разграничение вынужденным образом носит несколько условный характер. Оно основано прежде всего на морфологических факторах. Степень употребительности неатрибутивных словоформ при этом не принимается во внимание; иначе говоря, прилагательные, у которых неатрибутивные словоформы фактически являются лишь потенциальными, трактуются так же, как прилагательные с регулярно употребляемыми неатрибутивными словоформами (ср. в этом отношении вопрос о мн. числе у singularia tantum, § 2.12).

Неатрибутивные словоформы, в отличие от атрибутивных, не различают падежей. С формальной точки зрения их можно отнести к И. падежу или считать беспадежными. По существу важно лишь то, что наличие граммемы «неатрибутивность» снимает необходимость в указании падежа.

Вопрос о степенях сравнения

§ 2.23. Вопрос о том, следует ли относить образование степеней сравнения к именному словоизменению, представляет значительные сложности. Прежде всего, по-видимому, необходимо различать два противопоставления (положительная—сравнительная степень и положительная—превосходная степень), каждое из которых должно быть оценено с этой точки зрения отдельно. Дополнительную проблему составляет соотношение простых (синтетических) степеней сравнения с аналитическими формами, признаваемыми, впрочем, далеко не во всех описаниях.

Отношение между положительной и (синтетической) превосходной степенью, по-видимому, правильнее оценивать как словообразовательное, а не как словоизменительное [73]. Некоторые исследователи таким же образом оценивают и отношение между положительной и (синтетической) сравнительной степенью [74].

С морфологической точки зрения образование степеней сравнения представляет собой процедуру, существенно отличную от тех, которые встречаются в основной части системы именного словоизменения. Иначе говоря, независимо от решения поставленных выше вопросов, эта процедура требует отдельного, обособленного описания (по своей структуре, по-видимому, сходного с описанием словообразовательных отношений). В связи с этим мы не стремились в настоящей работе найти теоретическое решение спорного вопроса о вхождении или невхождении сравнительной и превосходной степеней в число форм словоизменения прилагательного. Практически же парадигмы прилагательных рассматриваются как состоящие только из словоформ положительной степени. Превосходные степени рассматриваются при этом как самостоятельные прилагательные; сравнительные степени вообще не входят в рассмотрение.

---

[73] См., в частности: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 135; Н. А. Еськова. Образование синтетических форм степеней сравнения прилагательных в современном русском литературном языке. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

[74] См.: Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. Изд. 5. М., 1929, стр. 90; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1954, стр. 226; И. И. Ревзин. К типологии форм степеней сравнения в славянских языках. «Исследования по структурной типологии», стр. 35.

Глава третья

КЛАССИФИКАЦИЯ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЫРАЖЕННЫХ В НИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

§ 3.1. Любую парадигму, вообще говоря, можно рассматривать со многих точек зрения. Очевидно, что при изучении словоизменения, в соответствии с самим внутренним смыслом этого термина, парадигма любого слова должна рассматриваться прежде всего с точки зрения того, как это слово может и з м е н я т ь с я, не теряя тождественности самому себе, иначе говоря, каковы р а з л и ч и я (как внешние, так и внутренние) между словоформами данного слова. Напротив, общая для всех словоформ парадигмы часть их внешней стороны, равно как и общая часть их значения, в этом отношении не представляет интереса. Так, например, та особенность парадигмы слова *мужчи́на*, что общей частью всех ее словоформ является именно цепочка *мужчин*, а не какая-либо иная, несущественна с точки зрения словоизменения (или, как мы будем говорить, не является ее словоизменительной характеристикой). Точно так же несущественно, какое именно номинативное значение имеют все словоформы этой парадигмы. Иначе говоря, с точки зрения словоизменения, например, парадигмы слов *мужчи́на* и *воево́да* равноценны, одинаковы: ничто из того, что их различает, не относится к числу словоизменительных характеристик.

В настоящей главе рассматриваются вопросы, связанные только с внутренней стороной словоформ. (Внешняя сторона словоформ изучается во II части книги; в частности, вопросу о существенных и несущественных внешних различиях между словоформами посвящена глава 5.) Как ясно из § 1.10, внутренние различия между двумя словоформами одного и того же слова всегда состоят (если отвлечься от стилистических оттенков) только в различии их словоизменительных грамматических значений (=грамматических форм). Это значит, что в соответствии с указанным выше общим принципом из всей внутренней стороны словоформ для словоизменения существенны только грамматические формы. Таким образом, при изучении словоизменения для характеристики внутренней стороны парадигмы необходимо указать только набор представленных в ней грамматических форм, а также наличие или отсутствие пустых клеток; тем самым определяется совокуп-

ность всех возможных грамматических противопоставлений между ее словоформами. Особо отметим, что в число словоизменительных характеристик слова не входят, таким образом, граммемы классифицирующих грамматических категорий. В самом деле, с точки зрения словоизменения равноценны, например, парадигмы слов *мужчи́на* (муж. род) и *аку́ла* (жен. род); грамматический род (различный у этих слов) является их синтаксической характеристикой, но не является словоизменительной характеристикой.

З а м е ч а н и е. Исключение грамматического рода существительных из числа словоизменительных характеристик на первый взгляд может показаться непонятным. В самом деле, общеизвестно, что в русском языке существует определенная зависимость (нарушаемая лишь у незначительного меньшинства существительных) между родом существительного и, например, набором его окончаний (см. также § 6.12—6.13). В связи с этим существует устойчивая традиция учитывать род существительных при описании их склонения. В действительности дело здесь в том, что в традиционных описаниях не разграничивается два разных типа сведений о языке, а именно: 1) словоизменительная классификация существительных как таковая; 2) сведения о том, каким образом на основании характеристик существительного, относящихся к другим уровням (например, словообразовательных, синтаксических, семантических), могут быть предсказаны (полностью или частично) его словоизменительные характеристики. К сведениям второго рода относятся, например, такие правила: 1) русские мужские фамилии (семантическая и этимологическая характеристика) на *ов*, *ин* имеют в Т. ед. окончание *-ым*; 2) существительные с суффиксом *тель* (словообразовательная характеристика), кроме слова *учи́тель*, имеют ударение на основе во всех словоформах парадигмы; 3) существительные женского рода (синтаксическая характеристика) на -ь имеют при склонении следующие окончания: Р. ед., Д. ед., П. ед. *-и*, Т. ед. *-ью*, . . . (=относятся к так называемому III склонению). Очевидно, что из существования указанных зависимостей отнюдь не следует, что принадлежность к числу русских фамилий, наличие суффикса *тель* или грамматический род сами по себе являются словоизменительными характеристиками слова; они лишь обуславливают выбор таких характеристик (определенные окончания, подвижность или неподвижность ударения при склонении). В настоящей работе эти два рода вопросов четко разделены: основное содержание работы составляет анализ словоизменения как такового; вопросы второго рода рассматриваются только в дополнительных разделах.

Мы будем говорить, что две парадигмы и м е ю т о д и н а к о в о е в н у т р е н н е е у с т р о й с т в о, если 1) они состоят из одинакового числа клеток с соответственно одинаковыми названиями (=словоизменительными грамматическими значениями) и 2) всякие две одноименные клетки этих парадигм либо обе пустые, либо обе непустые. Например, одинаковое внутреннее устройство имеют парадигмы слов *стол* и *а́рмия*, *тот* и *кото́рый*, *но́вый* и *си́льный*, *кто* и *что*.

Очевидно, что внутреннее устройство любой парадигмы полностью определено, если указано: 1) к какому грамматическому разряду (см. § 1.11) эта парадигма относится; 2) есть ли в ней пустые клетки («дефекты»), и если да, то какие именно. Соответственно, для классификации парадигм по внутреннему устройству вводится два различительных признака: «грамматический разряд» и «дефекты парадигмы».

Различительный признак «грамматический разряд»

§ 3.2. Различительный признак «грамматический разряд» может принимать следующие пять значений:

Расширенный адъективный разряд. Словоизменительными для этого разряда являются грамматические категории падежа, числа, согласовательного класса и атрибутивности—неатрибутивности. Парадигматическая схема этого разряда состоит из следующих грамматических форм:

А. Атрибутивные формы:

1) все возможные грамматические формы следующего строения: а) граммема «атрибутивность»; б) одна из 13 граммем падежа [1]; в) одна из двух граммем числа; г) одна из семи граммем согласовательного класса;

2) семь грамматических форм следующего строения: а) граммема «атрибутивность»; б) граммема «счетная форма»; в) одна из семи граммем согласовательного класса [2].

Б. Неатрибутивные формы: 14 грамматических форм следующего строения: а) граммема «неатрибутивность»; б) одна из двух граммем числа; в) одна из семи граммем согласовательного класса.

Простой адъективный разряд. Словоизменительными для этого разряда являются грамматические категории падежа, числа и согласовательного класса. Парадигматическая схема этого разряда равна части А парадигматической схемы расширенного адъективного разряда, с тем отличием, однако, что здесь в грамматических формах отсутствует граммема «атрибутивность».

Субстантивный разряд. Словоизменительными для этого разряда являются грамматические категории падежа и числа. Парадигматическая схема этого разряда состоит из следующих грамматических форм:

1) 26 грамматических форм следующего строения: а) одна из 13 граммем падежа; б) одна из двух граммем числа;

2) счетная форма.

Согласуемо-бесчисловой разряд. Словоизменительными для этого разряда являются грамматические категории падежа и согласовательного класса. Парадигматическая схема этого разряда состоит из всех возможных грамматических форм следующего строения: а) одна из 13 граммем падежа; б) одна из семи граммем согласовательного класса.

Несогласуемо-бесчисловой разряд. Словоизменительной для этого разряда является только грамматическая категория падежа. Соответственно его парадигматическая

---

[1] Здесь и ниже под 13 падежами понимаются падежи, перечисленные в § 2.10, за вычетом счетной формы.

[2] Относительно граммемы числа в счетных формах см. § 2.8.

схема состоит всего из 13 грамматических форм, каждая из которых содержит только граммему падежа.

В качестве исходной словоформы (см. § 0.5) у слов расширенного адъективного разряда выступает атрибутивная словоформа И. ед. 1-го согласоват. класса; у слов простого адъективного разряда — словоформа И. ед. 1-го согласоват. класса; у слов субстантивного разряда — словоформа И. ед.; у слов согласуемо-бесчислового разряда — словоформа И. падежа 1-го согласоват. класса; у слов несогласуемо-бесчислового разряда — словоформа И. падежа. Лишь у нескольких слов с дефектной парадигмой выбор исходной словоформы не подчиняется этому правилу; они указаны в § 3. 4.

Слова субстантивного разряда мы будем называть также существительными, а слова обоих адъективных разрядов — прилагательными. Поскольку оба этих термина уже использовались выше (без определения или в значении, указанном в § 2.1), специально условимся о том, что во всем последующем тексте книги они будут употребляться только в указанном здесь значении.

Замечание. Как можно понять из предшествующего изложения, новые значения, приписанные здесь терминам «существительное» и «прилагательное», меняют (по сравнению с § 2.1) только содержание, но не объем соответствующих понятий (т. е. этим терминам практически соответствуют те же самые совокупности слов, что и раньше).

В последующем изложении может быть использован также термин «причастие». Формального определения ему не дается. На неформальном уровне укажем следующее. Предполагается, что существуют определенные морфологические правила, позволяющие от любого глагола образовать серию слов простого или расширенного адъективного разряда, в значение которых входит все собственно номинативное значение данного глагола; эти слова и называются причастиями. Заметим, что вопрос о том, являются ли причастия отдельными словами (как они для простоты названы выше) или лишь частью парадигмы соответствующего глагола, довольно сложен. Здесь мы этот вопрос не рассматриваем. Очевидно, однако, что как бы он ни решался, в морфологическом описании русского языка словоизменение причастий должно рассматриваться вместе со словоизменением обычных прилагательных. Таким образом, с точки зрения настоящей работы, посвященной только именам, причастия суть просто прилагательные.

Как известно, причастия легко могут утрачивать непосредственную связь с глаголом и приобретать значение постоянного признака (характерное для обычных прилагательных), а также иные дополнительные значения. В этом случае возникает (по крайней мере с формальной точки зрения) новое слово — тоже прилагательное, но уже не причастие; его можно назвать от-

причастным прилагательным[3]. Ср., например: *знающий своё дело*, *воспитанный в религиозном духе*, *определённый специальным прибором* (причастия от *знать*, *воспитáть*, *определúть*) и *очень знающий человек*, *очень воспитанный мальчик*, *совершенно определённый ответ* (отпричастные прилагательные).

В последующем описании в некоторых случаях (а именно в § 6.17 и 6.32) нам потребуется отличать причастия от всех прочих прилагательных (в том числе и отпричастных). По внешним признакам исходной словоформы этого сделать невозможно — прежде всего потому, что практически для каждого причастия имеется (или может быть образовано) отпричастное прилагательное с омонимичной исходной словоформой (ср. примеры выше). В самом деле, различие, например, между причастием *знáющий* и отпричастным прилагательным *знáющий* определяется исключительно их значением. В связи с этим для указанных двух параграфов принимается допущение, что нам известно, какие слова являются причастиями.

§ 3.3. Пытаясь построить правила определения грамматического разряда произвольного слова по внешнему виду его исходной словоформы, мы сталкиваемся с существенной трудностью, связанной с так называемой субстантивацией прилагательных. Как известно, практически всякое прилагательное может при необходимости субстантивироваться, т. е. от него может быть образовано одно или несколько существительных, у каждого из которых словоформы омонимичны атрибутивным словоформам данного прилагательного, относящимся к одному из семи согласовательных классов. Мы будем называть такие существительные **отадъективными**[4]. Ср., например, прилагательные *больнóй*, *заливнóй*, *подъёмный* и отадъективные существительные *больнóй*, *больнáя*, *заливнóе*, *подъёмные* и т. п. С интересующей нас точки зрения трудность составляют пары типа *больнóй* (прилагательное) — *больнóй* (отадъективное существительное мужского рода), где омонимичны исходные словоформы. Очевидно, что в любых правилах, которые должны давать разный результат для членов подобной пары, необходимо использовать, помимо исходной словоформы, какие-то дополнительные сведения, позволяющие различить эти слова. Простейшими и наиболее естественными являются здесь дополнительные указания типа: *больнóй* (прилагательное) — *больнóй* (существительное). Они непосредственно отражают основное существо рассматриваемого различия. Любые другие указания отражают лишь следствие названного

[3] Более распространен термин «адъективированное причастие»; но он неудачен, поскольку, вопреки его внутренней структуре, называемые им слова не являются каким-либо подклассом класса причастий. Заметим, что точно такой же недостаток имеет термин «субстантивированное прилагательное» и поэтому мы заменяем его термином «отадъективное существительное».

[4] Относительно термина см. предыдущую сноску.

основного различия, т. е. фактически дают те же сведения, но окольным путем; ср., например, такие указания: *больнóй* (нездоровый) — *больнóй* (пациент), или *больнóй* (как признак) — *больнóй* (как обозначение лица), или *больнóй* (слово без фиксированного рода) — *больнóй* (слово мужского рода) и т. п.

Таким образом, для членов подобных пар принадлежность к числу прилагательных или существительных должна считаться заранее известной. Невозможно, однако, провести строгую границу между случаями, где подобная пара уже сформировалась (т. е. где отадъективное существительное несомненно существует), и случаями, где отадъективное существительное следует считать лишь потенциальным словом [5]. Поэтому, чтобы сделать строящиеся здесь правила достаточно общими, мы вынуждены принять следующее более сильное допущение: предполагается, что про любое слово на *ый*, *ий*, *ой*, *ийся*, *ов*, *ёв*, *ев*, *ин* или *ын* (т. е. слово, у которого исходная словоформа оканчивается так, как это характерно для прилагательных), а также про любое слово из списка, данного ниже (раздел I, пункт Б 1), известно, является ли оно прилагательным или существительным (или ни тем ни другим).

Ниже приводятся правила, позволяющие установить грамматический разряд произвольного русского имени на основании его исходной словоформы и сведений, определяемых сформулированным выше допущением. Правила состоят из двух этапов: на I этапе устанавливается принадлежность слова к одному из следующих четырех классов: слова согласуемо-бесчислового разряда, слова несогласуемо-бесчислового разряда, прилагательные, существительные; на II этапе устанавливается грамматический разряд прилагательных.

Правила определения грамматического разряда

I. Правила определения грамматического разряда с точностью до различия между двумя адъективными разрядами

К согласуемо-бесчисловому разряду относятся слова: 1) *одúн* (числительное), *два*, *три*, *четы́ре*, *полторá*, *óба*, *двóе*, *трóе*, *чéтверо*, *пя́теро*, *шéстеро*, *сéмеро*, *вóсьмеро*, *дéвятеро*, *дéсятеро*; 2) *стóлько*, *скóлько*, *нéсколько* (в том варианте [6], где В. одуш.=Р.: *вижу нескольких студентов*); 3) *все*, *нéкоторые*, *мнóгие*, *немнóгие*, *кáждый* (в качестве слов-атрибутов).

К несогласуемо-бесчисловому разряду относятся слова: 1) *пол* (половина), *пять*, *шесть*, *семь*, *вóсемь*, *дéвять*, *дéсять*, *одúннадцать*, *двенáдцать*, *тринáдцать*, *четы́рнадцать*, *пятнáдцать*, *шестнáдцать*, *семнáдцать*, *восемнáдцать*, *девятнáдцать*, *двáдцать*, *трúдцать*, *сóрок*, *пятьдеся́т*, *шестьдеся́т*, *сéмьдесят*, *вóсемьдесят*, *девянóсто*, *сто*, *полторáста*, *двéсти*, *трúста*, *четы́реста*, *пятьсóт*, *шестьсóт*, *семьсóт*, *восемьсóт*, *девятьсóт*, *ты́сяча* (числительное): 2) *стóлько*, *скóлько*, *нéсколько* (в том ва-

[5] Иногда допустимо, правда, узко формальное решение данного вопроса, при котором учитываются только те отадъективные существительные, которые зафиксированы в определенном словаре (например, в Уш.). Однако в данном случае такое решение привело бы к тому, что строящиеся здесь правила оказались бы почти бесполезными за пределами исходного материала.

[6] См. § 2.21; относительно вариантов парадигмы см. также § 4.3.

рианте, где В.=И.: *вижу несколько студентов*); *мно́го*, *немно́го*, *ма́ло*, *нема́ло*; 3) *я*, *ты*, *он*, *она́*, *оно́*, *мы*, *вы*, *они́*, *себя́*, *друг дру́га*, *кто*, *что*, *никто́*, *ничто́*[7], *не́кто*, *не́что*, *не́кого*, *не́чего*: 4) *все*, *не́которые*, *мно́гие*, *немно́гие*, *ка́ждый*, *любо́й*, *всё*, *мно́гое*, *немно́гое*, *вся́кое*, *про́чее*, *остально́е* (в качестве предметных слов).

Прочие слова являются прилагательными или существительными. Они распределяются следующим образом.

А. Слова на *ый*, *ий*, *ой*, *ийся*, *ов*, *ёв*, *ев*, *ин*, *ын*.

В силу сформулированного выше допущения для всех таких слов принадлежность к числу прилагательных или существительных считается заранее известной[8]. Примеры: прилагательные — *бога́тый*, *ру́сский*, *больно́й*, *выдаю́щийся*, *чёртов*, *царёв*, *дя́дин*, *ку́рицын*; существительные — *бога́тый*, *ру́сский*, *больно́й*, *уча́щийся*, *Попо́в*, *Царёв*, *Воро́нин*; *вожа́тый*, *ле́ший*, *поня́то́й*, *вольноопределя́ющийся*; *алюми́ний*, *геро́й*, *жёрнов*, *те́терев*, *фи́лин*.

Б. Слова, оканчивающиеся иначе.

1. Следующие исходные словоформы представляют по два слова, одно из которых является прилагательным, а другое существительным (в силу допущения, сформулированного выше, считается известным, какой именно из членов пары рассматривается): а) *наш*, *ваш*; б) *иору́ба*, *му́нда*, *ха́уса*, *хи́нди*, *бенга́ли*, *па́ли*, *суахи́ли*, *ко́ми*, *ма́ри*, *ма́нси*, *урду́*, *ба́нту*, *пушту́*, *ма́йя*; *антука́*, *неглиже́*, *травести́*, *маре́нго*, *бордо́*, *мо́кко*, *баро́кко*, *рококо́*, *со́ло*; *моде́рн*, *тет-а-те́т*, *ци́рлих-мани́рлих*, *апа́ш*.

2. Следующие слова являются прилагательными: а) *э́тот*, *тот*, *сам*, *весь*, *сей*, *чей*, *ниче́й*, а также *госпо́день*; б) *гора́зд*, *до́лжен*, *люб*, *рад*, *великова́т*, *малова́т*, *одинёхонек*, *одинёшенек*, *радёхонек*, *радёшенек*, а также слова на *енек*, *онек*, например: *близёнек*, *строго́нек*; в) *его*, *её*, *их* (притяжательные прилагательные); г) *мо́рзе*, *аплике́*, *фантази́*, *ха́ки*, *либерти́*, *не́тто*, *бру́тто*, *комильфо́*; *массака́*; *беж*, *электри́к*.

3. Остальные слова являются существительными, например: *заво́д*, *роль*, *ли́ния*, *окно́*, *ра́дио*, *запята́я*, *насеко́мое*, *позывны́е*.

II. Правила определения грамматического разряда у прилагательных

К расширенному адъективному разряду относятся:

А. Из прилагательных на *ый* — все, кроме: а) *пе́рвый*, *четвёртый*, *пя́тый*, *девя́тый*, *девяно́стый*, *ты́сячный* и прилагательных на *дцатый*, *десятый* и *сотый* (например, *двена́дцатый*, *деся́тый*, *трёхсо́тый*); б) *кото́рый*, *не́который*, *никото́рый*, *о́ный*, *са́мый*.

Б. Из прилагательных на *ий*:

1. Все прилагательные на *гий*, *хий*, *щий*[9] и на гласную+*ий*, например: *упру́гий*, *ве́тхий*, *цвету́щий*, *о́бщий*, *длинноше́ий*.

2. Из прилагательных на *кий*: а) прилагательные не на *ский*, *цкий*, *ький* (кроме *э́дакий*, *э́такий*, *не́кий*, *э́кий*, *вся́кий*), например: *мя́гкий*, *сто́йкий*, *одино́кий*, *жа́ркий*; б) *ве́ский*, *пло́ский*, *но́ский*, *яйцено́ский*, *бро́ский*, *тря́ский*, *хря́ский*; в) прилагательные на *ёхонький*, *ёшенький* и на *к*, *г* или *х*+*о́хонький*, *о́шенький*, например: *смирнёшенький*, *полнёхонький*, *лего́хонький*; кроме того, *ма́ленький*.

3. Из прилагательных на *жий*, *чий*, *ший*: а) прилагательные на *у́чий*, *ю́чий* (кроме *пау́чий*, *сиву́чий*, *вну́чий*, *су́чий*, *барсу́чий*, *щу́чий*, *гадю́чий*, *би-*

---

[7] В обычном значении; о существительном *ничто́* см. § 3.4, пункт 11.

[8] Следует специально указать, что слова *како́в* и *тако́в* в настоящей работе считаются прилагательными.

[9] Причастия на *щий* (не превратившиеся в обычные прилагательные) относятся к простому адъективному разряду: так, можно сказать *он знающ*, но нельзя сказать *он знающ своё дело* (в исходный материал причастия на *щий* не входят).

рю́чий); на *о́жий, ко́жий, ро́жий, хо́жий, пле́чий*, например: *могу́чий, колю́чий, приго́жий, вхо́жий, широкопле́чий*; б) *ра́жий, све́жий, досу́жий, ры́жий, бессты́жий, дю́жий, уклю́жий, неуклю́жий*; *лежа́чий, рабо́чий, охо́чий, сидя́чий, бродя́чий, ходя́чий, стоя́чий, спя́чий, зря́чий, горя́чий, вися́чий*; *пе́ший, хоро́ший*.

4. Из прочих прилагательных на *ий*: а) прилагательные на *сторонний* (например, *сторо́нний, многосторо́нний*), а также *да́вний, староде́вний, дре́вний, сре́дний, по́здний, пре́жний, поро́жний, пустопоро́жний, си́ний, кра́йний, бескра́йний, ра́нний, и́скренний, вы́спренний, вну́тренний, совершеннолетний, дома́шний, вне́шний, ли́шний, изли́шний, да́льний*; б) *ка́рий, тугоси́сий*.

В. Из прилагательных на *ой*:

1. Из прилагательных с односложной исходной словоформой — *злой*.

2. Из прилагательных с двусложной исходной словоформой: а) прилагательные не на *кой, лой, ной, той* (кроме *любо́й, драго́й, друго́й, рудо́й, чужо́й, борзо́й, второ́й, старшо́й, меньшо́й*), например: *рябо́й, туго́й, прямо́й, сыро́й*; б) *гнило́й, родно́й, чудно́й, блажно́й, сквозно́й, срамно́й, земно́й, дрянно́й, дурно́й, цветно́й, ручно́й, смешно́й, шально́й, хмельно́й, больно́й*; *просто́й, густо́й, пусто́й, круто́й, свято́й*.

3. Из прилагательных с более чем двусложной исходной словоформой: *голубо́й, ходово́й, делово́й, дорого́й, молодо́й, удало́й, озорно́й, развито́й, золото́й, холосто́й*.

Г. Из прочих прилагательных:

гора́зд, до́лжен, люб, рад, великова́т, малова́т, како́в, тако́в, одинёхонек, одинёшенек, радёхонек, радёшенек, а также все слова на *енек, онек*, например: *близёнек, строго́нек*.

Остальные прилагательные относятся к простому адъективному разряду, например: *кото́рый, ве́рхний, ру́сский, нулево́й, свой, во́лчий, дя́дин, чёртов, выдающийся, бе́нту*.

Всего в исходный материал входит около 34 700 существительных, около 20 100 прилагательных (в том числе около 16 100 расширенного адъективного разряда и около 4000 простого адъективного разряда), 23 слова согласуемо-бесчислового разряда и 72 слова несогласуемо-бесчислового разряда.

Различительный признак «дефекты парадигмы»

§ 3.4. Различительный признак «дефекты парадигмы» отражает наличие или отсутствие в парадигме пустых клеток («дефектов»), а также то, какие именно клетки являются пустыми. Ниже перечислены возможные значения этого различительного признака. Для каждого ненулевого значения указано, какие слова его имеют.

Значения различительного признака «дефекты парадигмы»:

0. Пустых клеток в парадигме нет (нулевое значение; см. § 6.2, пункт 1). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

1. Нет словоформы И. падежа. Слова: *себя́, не́кого, друг дру́га*.

2. Нет словоформ И. падежа и В. самостоят. падежа. Слово *не́чего*.

3. Нет словоформ никаких падежей, кроме И. Слово *не́кто*.

4. Нет словоформ никаких падежей, кроме И. и В. Слова: *не́что, пол* (половина), *ма́ло, нема́ло*.

5. Нет словоформ никаких падежей, кроме Р. и $Р_2$. Слова: *дрове́ц, щец*.

6. Нет словоформ ед. числа. Слова: а) *внуча́та, девча́та, ребя́та*; *молодожёны, роди́тели*; б) *де́тки, дети́шки, де́тушки, зверя́тки, люди́шки*,

ребятки, ребятишки, ребятушки, солдатушки, телятки[10]; в) *древние, домашние, молодые, родные, новобрачные, брачащиеся.*

7. Нет словоформ ед. числа и словоформы И. мн. Слово *сот* (сотен)[11].

8. Нет словоформы И. мн. Слово *человек* (вариант с основой мн. числа *человек*).

9. Нет словоформ Р. мн. и $Р_2$ мн. Слова: а) *мга, мгла* (также *полумгла*), *мзда, тьма* (мрак) (также *полутьма*), *хна*; устар. *скло* (*стекло*)[12]; б) слова на согласную (или ь)+*ца*, кроме *крепостца* (а именно: *гнильца, грязца, грязнотца, краснотца, ленца, пыльца, рысца, сольца, сырца, трусца, хрипотца*), а также слова *казна, камка, пенька, тоска*[13].

10. Нет словоформ Р. мн., $Р_2$ мн. и В. мн. Слово *треска.*

11. Нет словоформ, кроме И. ед. и В. ед. Слова: а) *огнь, пламень*[14]; б) *порося*[15]; в) *ничто* (существительное)[16].

12. Нет словоформ, кроме И. ед., В. ед. и Т. ед. Слово *полымя.*

13. Нет неатрибутивной словоформы муж. рода ед. числа. Слова: а) *средний, поздний, прежний, порожний, пустопорожний, крайний, бескрайний, ранний, внутренний, сторонний, посторонний, совершеннолетний, домашний, внешний, лишний, дальний*; б) *сугубый, гротескный*; в) *родной, блажной, сквозной, срамной, земной, цветной, ручной, шальной, голубой, ходовой, деловой, озорной, золотой.*

14. Нет атрибутивных словоформ. Слова — те, которые указаны в § 3.3, раздел II, пункт Г, например: *рад, радёхонек, близёнек.*

15. Нет словоформ согласоват. классов 1, 3, 4 и 5. Слова: *двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро* (см. также § 2.21).

16. Нет словоформ И. и В. падежей согласовательного класса 7. Слова: *полтора, оба.*

17. Нет словоформ И. ед. и В. ед. женского рода. Слово *кой* (устар.).

Слова с некоторыми дефектами не подчиняются правилу об исходной словоформе, данному в § 3.2, а именно: при дефекте 1 и 2 исходной является словоформа Р. падежа; при дефекте 5 — словоформа Р. мн.; при дефекте 6 — словоформа И. мн.; при дефекте 14 — словоформа неатрибут. муж. ед.; при дефекте 15 — словоформа И. падежа 2-го согласовательного класса.

Общее число слов, имеющих ненулевое значение данного признака, — около 140.

---

[10] Список составлен строго в пределах исходного материала; за пределами этого материала имеется много других уменьшительных данного типа, например: *котятки, мышатки, поросятки.*

[11] Словоформы *сто, ста* выступают только в роли числительных и, таким образом, не могут считаться ед. числом к словоформам *сот, стам, стами, стах*, образующим данную парадигму (равным по своему значению словоформам *сотен, сотням, сотнями, сотнях*).

[12] Сюда же примыкают топонимы: *Льва, Мда, Мста, Пра, Цна* (реки); *Мга* (река и город).

[13] Как можно видеть, дефект 9 признается в настоящей работе только у слов, для которых само построение словоформ Р. мн. вызывает затруднения; напротив, он не признается, например, у слов *мечта, мольба, башка*, у которых Р. мн. хотя и неупотребителен, но при необходимости легко может быть построен.

[14] Приводимые в словарях словоформы косвенных падежей этих слов (например, Р. ед. *огня, пламени*) в действительности не равны исходной словоформе по стилистической окраске, поскольку в тексте они неизбежно воспринимаются как принадлежащие словам нейтрального стиля *огонь, пламя.*

[15] Принято вопреки Уш., где этому слову приписывается полная парадигма; в АО нет.

[16] Т. е. слово, выступающее, например, во фразах: *он совершенное ничто, он превратился в ничто* (ср. фразу *он не превратился ни во что*, где выступает слово несогласуемо-бесчислового разряда *ничто*).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВНЕШНЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ В РУССКИХ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМАХ

Глава четвертая

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСХОДНОМ МАТЕРИАЛЕ

Уточнение объема исходного материала

§ **4.1.** Как указано в § 0.1, в настоящей работе из общей массы русских слов выделена некоторая строго ограниченная совокупность, называемая «исходным материалом». Состав этой совокупности слов определяется так. Назовем слово «именем из основного списка», если хотя бы одним из словарей: АО, Орф., Уш., ССРЛЯ — оно квалифицируется как существительное, прилагательное, причастие, числительное или местоимение [1]. Исходный материал включает: 1) совокупность всех имен из основного списка, содержащихся в Бильф. или в АО [2], за исключением тех, которые указаны ниже в настоящем параграфе; 2) некоторую дополнительную совокупность слов, также указываемую ниже в настоящем параграфе. Иными словами, исходный материал — это теоретико-множественная сумма имен, содержащихся в Бильф. и АО, с некоторыми специально оговариваемыми вычетами и дополнениями.

В исходный материал н е в к л ю ч а ю т с я следующие группы имен из основного списка, содержащихся в Бильф. или АО:

1. Слова, содержащие дефис (кроме неизменяемых), например: *ба́ба-яга́*, *хле́б-со́ль*, *перекати́-по́ле*, *се́веро-восто́к*, *вое̇нно-полево́й*, *ко̇е-кто́*, *кто́-то*, *что́-либо*, *како́й-нибудь*.

2. Слова, у которых исходная словоформа состоит из *пол*+Р. ед. некоторого слова (начинающегося с согласной), например: *полкру́га*, *полме́тра*, *полдня́*, *полсло́ва*, *полно́чи*, *полмину́ты*, *полцены́*; кроме того, слова *полчаса́*, *полшага́*.

---

[1] Неопределенной в этом отношении является помета «неизм(еняемое)», используемая в АО и Орф. (она стоит как при неизменяемых прилагательных, например *ба́нту*, так и при словах совершенно иной синтаксической природы, например *мя́у*, *чур-чура́*). Все слова, рассматриваемые в настоящей работе как неизменяемые прилагательные, перечислены в § 3.3, I Б.

[2] Под словом, содержащимся в словаре Бильф. (который представляет собой просто список исходных словоформ), понимается всякое слово, исходная словоформа которого в нем содержится. Исключение составляют причастия: считается, что Бильф. причастий не содержит (т. е. что, например, словоформы *оживлённый*, *откры́тый*, *люби́мый*, *цвету́щий*, *бы́вший*, содержащиеся в Бильф., являются представителями только обычных прилагательных, но не причастий). Таким образом, из причастий в исходный материал входят только те, которые содержатся в АО (их около 4800).

3. Слова, у которых исходная словоформа состоит из безударного *полу* плюс исходная словоформа некоторого слова, входящего в исходный материал, например: *полубóг*, *полукольцó*, *полулúст*, *полутóн*, *полубольнóй*, *полумёртвый*. В качестве исключения в исходный материал входят, однако, слова *полузабытьё*, *полуúмя*, *полукрýг*, *полумглá*, *полуóстров*, *полутéнь*, *полутьмá*.

4. Прилагательные, у которых исходная словоформа состоит из безударного *не* + исходная словоформа некоторого прилагательного, входящего в исходный материал, например: *недурнóй*, *неразвитóй*, *неслóжный*, *неудóбный*; кроме того, следующие прилагательные: *превелúкий*, *превы́спренний*, *предлúнный*, *предóбрый*, *предóлгий*, *предорогóй*, *премнóгий*, *пречúстый*, *развесёлый*. В качестве исключения в исходный материал входят, однако, слова *невúнный*, *немóй*, *ненаглядный*, *непреклóнный*, *несмéтный*, *неуклóнный* (которые в действительности не образованы от соответствующих более простых слов с помощью *не*), а также *незабвéнный*, *неприкосновéнный*, *неуклюжий*.

5. Слова, у которых исходная словоформа оканчивается на *пóезд*, *прóвод*, *фурáж*, *знáк*, *сáни*, *чáсти*, *пóлк*, *ýзел*, *хозяин*, *волокнó*, *зернó*, *редáктор*, *инспéктор*, *инстрýктор*, *чáс*, *централь*, *магистрáль*, *огóнь*, *лáгерь*, *сéть*, *чáсть*, *пóмощь* или *сéмя* (с именно таким ударением), однако не равна ни одной из этих цепочек; например: *бронепóезд*, *аэросáни*, *радиоýзел*, *домохозяин*, *льноволокнó*, *автоинспéктор*, *теплоцентрáль*, *артогóнь*, *пионерлáгерь*, *авиачáсть*, *взаимопóмощь*. Кроме того, следующие слова: *стереотрубá*, *сорвиголовá*, *шумиголовá*, *кинозвездá*, *радиоволнá*, *предплюснá*, *медсестрá*, *лесополосá*, *детсáд*, *киногóрод*, *нарсýд*, *цветолóже*, *фотомонтáж*, *литмонтáж*, *партстáж*, *паракаучýк*, *кинотрюк*, *исправдóм*, *комбикóрм*, *нацменьшинствó*, *макромúр*, *микромúр*, *военспéц*, *радиозаяц*, *электростáль*, *цитровануль*, *сверхпрúбыль*, *трудодéнь*, *человекодéнь*, *политдéнь*, *партдéнь*, *фельдъéгерь*, *совбáрышня*.

6. Устаревшие слова: *всяк*, *змия*, *сребрó*, *хóдя*, *чухнá*; *урáний*, *селéний*, *хрóмий*; *сам-дрýг*, *сам-третéй*, *сам-четвёрт*, *сам-пят*, *сам-шёст*, *сам-сём*, *сам-осьмóй*, *сам-девят*, *сам-десят*; областные слова *дитё*, *жезлó*, *пýто*. Кроме того, слова: *óвощь*, *плодоóвощь* (жен. рода); *комполкá*, *помбýх*, *помнáч*; *Плюшкин*, *Топты́гин*; *бéлые*, *чёрные* (в шахматах; см. § 2.18).

7. Слова, встречающиеся только в устойчивых выражениях (формальная примета — указание «только в выражениях» в словаре Уш.), причем в таких, где падеж данного слова фиксирован, например: *прекослóвие* (*без прекослóвия*), *ýмолк* (*без ýмолку*), *слад* (*нет слáду*), *плав* (*на плавý*), *баклýши* (*бить баклýши*), *дыбы́* (*встать на дыбы́*), *тартарары́* (*провалиться в тартарары́*), *тормáшки* (*вверх тормáшками*), **зга* (или *зги*) (*не видно ни зги*), **никóй* (*никóим образом, ни в кóем случае*)[3]. Сюда относятся также следующие слова, иначе оформленные или отсутствующие в словаре Уш.: *скак*; *капýт*, *карачýн*, *каюк*, *лафá*; *нéлюди*; *потягýшки*, *потягýшеньки*, *ничегóшеньки*. В качестве исключения в исходный материал входит слово *ладóши*.

Пояснения. Указанные группы слов исключены из рассмотрения для того, чтобы избежать некоторых формальных трудностей в последующем описании. Основная из них связана с производными словами, полученными из других слов путем добавления некоторой начальной части, например: *недорогóй* (ср. *дорогóй*), *медсестрá* (ср. *сестрá*), *аэросáни* (ср. *сáни*), *сéверо-востóк* (ср. *востóк*). Фактически склонение подавляющего большинства таких слов определяется следующим простым правилом: каждая словоформа такого слова отличается от соответствующей словоформы производящего слова только добавленной спереди буквенной цепочкой (одной и той же для всей парадигмы), ср. *медсёстры* и *сёстры*, *аэросанéй* и *санéй* и т. п. Чтобы непосредственно

---

[3] Отметим также отсутствующее в Бильф., Уш. и АО слово **обóй* (*обóего пола*, *обóего рода*).

отразить эту закономерность в формальном описании, необходимо считать известным, какие именно пары слов связаны указанным отношением производности. Однако принимать столь сильное допущение крайне нежелательно, поскольку на практике это неизбежно привело бы к неоднозначности описания. Если же не делать этого допущения, то слова типа *медсестрá*, *аэросáни* и т. п. не удается отличить формальными способами от слов типа *сестрá*, *сáни*; поэтому, например, список pluralia tantum с подвижным ударением должен выглядеть так: *óтруби*, *сáни*, *автосáни*, *аэросáни*, *сéни*, . . . С неформальной точки зрения такой список явно неудовлетворителен, поскольку слова из замкнутого ряда (*óтруби*, *сáни*, *сéни*, . . .) смешаны в нем со словами из незамкнутого ряда (*автосáни*, *аэросáни*, . . .). Чтобы обойтись без указанного выше допущения и в то же время избежать описанных отрицательных последствий слишком прямолинейного формализма, определенные группы производных слов просто исключаются из исходного материала (см. выше, пункты 3, 4, 5, отчасти также 1 и 2). Сюда попадают, в частности, почти все производные типа *аэросáни*, т. е. такие, которые в противном случае были бы индивидуально упомянуты в тех или иных правилах.

Мотивы исключения других слов в той или иной мере сходны с описанными. В частности, исключение слов типа *бáба-ягá* (пункт 1) позволяет избежать неоправданных формальных трудностей, связанных с «двойным склонением» (в самом деле, с точки зрения словоизменения нет оснований трактовать такие единицы, как *бáба-ягá*, *сорóка-ворóвка*, *завóд-гигáнт* и т. п., как-либо принципиально иначе, чем словосочетания типа *граждани́н Петрóв*). Относительно слов пункта 2 см. § 2.19, сн. 61. Пункт 6 охватывает различные слова периферийного характера, учет которых затруднил бы формулировки тех или иных правил; пункт 7 особых комментариев не требует.

Следующие слова, не содержащиеся ни в Бильф., ни в АО, включаются в исходный материал:

1. Существительные, образованные путем субстантивации прилагательных, входящих в исходный материал (кроме прилагательных *оди́н*, *тот*, *э́тот*), при условии, что субстантивация зафиксирована в Уш. (помета «в значении существительного»), например: *полицéйский*, *несчáстная*, *трéтье*.

Примечание. Особый случай составляют следующие статьи словаря Уш.: *оди́н*, *весь*, *нéкоторый*, *мнóгий*, *немнóгий*, *кáждый*, *любóй*, *вся́кий*, *прóчий*, *остальнóй*, *сам*, *мой*, *твой*, *свой*, *наш*, *ваш*, *чужóй*. Этим статьям Уш. в исходном материале соответствуют следующие слова: 1) прилагательные с указанными исходными словоформами, кроме *мнóгий*, *немнóгий*, *кáждый*; 2) существительные *вся́кий*, *мой*, *твой*, *свой*, *наш*, *ваш*, *чужóй*; 3) слова согласуемо-бесчислового разряда: *оди́н* (числительное), *все*, *нéкоторые*, *мнóгие*, *немнóгие*, *кáждый*; 4) слова несогласуемо-бесчислового разряда: *все*, *нéкоторые*, *мнóгие*, *немнóгие*, *кáждый*, *любóй*, *всё*, *мнóгое*, *немнóгое*, *вся́кое*, *прóчее*, *остальнóе*.

2. Неизменяемые притяжательные прилагательные *егó*, *её* (слово *их* есть в Бильф.); слово *друг дрýга* (см. § 2.10, сн. 30).

3. Слова *войскá*, *вóлосы*, *небесá* (см. § 2.12, замеч.); также *молодожёны*.

4. Названия элементов таблицы Менделеева, отсутствующие в Бильф. и в АО; названия нот; следующие названия букв: *ер*, *еры́*, *ерь*, *твёрдо*, *рцы*.

5. Следующие слова: а) *йорýба*, *мýнда*, *хáуса*, *спаги́*, *бенгáли*, *пáли*, *суахи́ли*, *жирши́*, *бахши́*, *превó*, *гуанáко*, *кáско*, *альфрéско*, *галó*, *áльма-мáтер*, *мáйя* (народность); б) *кая́к*, *лукнó*, *шурп*, *кныр*, *пéнязь*, *антиклинáль*, *синклинáль*, *прóбель*, *гель*, *гидрогéль*, *спаниéль*, *ви́нкель*, *сель*, *мускатéль*, *мотéль*, *волостéль*, *золь*, *кроль*, *вакýоль*, *ючáнь*, *прáзелень*, *прóзелень*, *рáмень*, *и́згарь*, *секвóйя*; в) *бурлéскный*, *Ильи́н* (прилагательное, выступающее в выражении *Ильин день*).

Пояснения. Пункт 1 вызван тем, что в Бильф. отадъективные существительные даны неполно и недостаточно последовательно. Пункты 2 и 3 даны для исправления некоторых более частных недостатков лексикографической практики. Пункты 4 и 5 охватывают отдельные слова, учет которых позволяет усовершенствовать те или иные правила (например, пополнить некоторые замкнутые списки слов).

В последующем описании любые утверждения (в частности, правила, перечни, подсчеты), если специально не оговорено обратное, относятся к исходному материалу.

Практически, однако, правила составлялись по возможности таким образом, чтобы они были верны не только для исходного материала, но и вообще для любых русских имен. В большинстве случаев эта цель действительно достигнута (что свидетельствует, между прочим, о достаточной представительности выбранного исходного материала). Все же в некоторых случаях представляет интерес непосредственно рассмотреть особенности каких-либо групп слов, не входящих в исходный материал (прежде всего особенности имен собственных). Сведения такого рода даются в замечаниях или в сносках.

Источники сведений о внешнем виде словоформ

§ 4.2. В последующей классификации именных парадигм мы исходим из того, что нам известно, как именно выглядит каждая словоформа каждого слова, входящего в исходный материал. С формальной точки зрения, чтобы узнать о некотором слове (из исходного материала), какой конкретный вид его словоформ принят в настоящей работе, нужно построить по правилам главы 7 всю его парадигму.

Фактическим источником сведений о том, каковы именно словоформы русских имен, являются в большинстве случаев словари русского языка: АО, Орф., Уш., ССРЛЯ, Ож., Был. Следует учитывать, однако, что извлечение таких сведений из этих словарей связано с рядом трудностей.

Во-первых, только один из этих словарей — словарь под ред. Д. Н. Ушакова — содержит явно сформулированные правила построения всех словоформ слова по информации, данной в соответствующей словарной статье. Все прочие словари требуют от читателя неформальных операций [4]; практически это означает, что нередко приходится прибегать к догадкам. В некоторых случаях из-за этого недостатка вообще невозможно установить (даже с помощью неформальных соображений) вид нужной словоформы; например, нельзя установить, каков Р. мн. слова *ра́джа* —

[4] Так, например, во введении к ССРЛЯ (т. 1, стр. XIII) сказано, что при начальной форме слова «приводятся дополнительные формы, определяющие грамматическую категорию слова и тип его изменения и ударения на основе общей грамматической системы русского языка».

радж или *ра́джей* [5]. В настоящей работе вид таких словоформ устанавливался на основании литературных источников (так, например, словоформа Р. мн. *ра́джей* засвидетельствована в работах об Индии), а если это не удавалось — по принципу, описанному ниже для потенциальных словоформ.

Во-вторых, указания разных словарей нередко противоречат друг другу (в частности, из-за различия во времени составления словарей или в нормализаторских установках авторов). В связи с этим в настоящей работе принят следующий принцип: шесть словарей-источников выстраиваются в том порядке, в котором они перечислены выше; для всякого слова принимаются указания первого по порядку из тех словарей, в которых оно содержится.

В-третьих, словари не дают сведений о том, как должны выглядеть потенциальные словоформы слова, например словоформы мн. числа от singularia tantum. Между тем в настоящей работе парадигмы таких слов не считаются дефектными и, следовательно, предполагается, что все их словоформы имеют вполне определенный внешний вид. Основной принцип «реконструкции» потенциальных словоформ, использованный в настоящей работе, состоит в следующем: вид потенциальных словоформ должен быть таков, чтобы данное слово не оказалось исключением ни из каких правил, составленных применительно к реально употребляемым словоформам. Например, в силу этого принципа слову *целина́* должно быть приписано мн. число *цели́ны*, *цели́н*, *цели́нам* (а не *целины́*, *цели́н*, *целина́м* или какое-то иное), поскольку в противном случае это слово было бы исключением из правила (верного для всех нарицательных имен, употребляющихся в обоих числах) о том, что у слов на *ина́* ударение во мн. числе сдвигается на один слог влево (ср. *величина́—величи́ны*, *старшина́—старши́ны* и т. п.) [6].

В состав парадигмы в настоящей работе не включаются словоформы, выступающие только в устойчивых словосочетаниях, например: *в кои ве́ки*, *во ве́ки веков*, *на ве́ки вечные* (ср. обычный И. мн. *века́*); *принимать на дому́* (ср. обычный $П_2$ ед. *на до́ме*, *в до́ме*) ср. также: *бодливой корове бог рог не дает*; *лечь костьми́*; *говорить по душа́м*; *двунадесять язы́ков*; *бей в доску́*, *разгоняй тоску́*; *гу́ба не дура*; *по ко́ням!* (команда); *ни черта́*; *ни хрена́*; *какого шу́та*; *не ровён час* и т. п. Сюда же относятся так называемые краткие формы прилагательных в косвенных падежах (например, *на бо́су́ ногу*, *от ма́ла до вели́ка*, *средь бе́ла дня*), так называемые усеченные формы прилагательных (например, *курочка ря́ба*, *сыр*

---

[5] В Уш. при этом слове Р. мн. не указан; формально это должно значить, что Р. мн. здесь *радж*. Однако эту информацию нельзя считать надежной, поскольку так же оформлены, например, статьи *бахча́*, *ступня́* (где Р. мн. заведомо *бахче́й*, *ступне́й*, а не **бахч*, **ступнь*).

[6] Заметим, что описанный принцип хорошо согласуется с показаниями так называемой «непосредственной лингвистической интуиции» (поскольку в основе последней, по-видимому, лежит именно аналогия).

бор, крáсна девица, сúне море), а также реликты звательного падежа (*бóже, гóсподи, óтче*).

Не учитываются также следующие аномалии ударения: 1) ударение на предлоге при отсутствии ударения на именной словоформе, например: *нá голову, пó полу, зá морем* (возможно только при непосредственном контакте предлога с именной словоформой, ср. *на свою́ гóлову, за сúним мóрем*, и как правило наряду с обычным ударением, например *на гóлову, за мóрем*) [7]; 2) ударение на окончании в сочетаниях с предлогами (кроме *в, на*) в словоформах слов *грудь, печь, степь, цепь, ось*, а также *у́тро*, например: *по грудú, к грудú, около грудú, по степú, по цепú; до утрá, с утрá, от утрá, к утру́, по утрáм* (см. также § 6.16, замеч.); 3) ударение на окончании в словоформах *часá, шагá*, выступающих в словосочетаниях (см. § 2.19, сн. 61) *полчасá, полшагá*.

Для нескольких слов приняты индивидуальные поправки к данным, полученным в соответствии с указанными выше принципами: 1) у слов *стóлько, скóлько, нéсколько, мнóго, немнóго, мáло, немáло, пятьсóт, шестьсóт, семьсóт, восемьсóт, девятьсóт* не учитываются словоформы на *у* (типа *стóльку*) и словоформы типа *пятисóт*, которые возможны после предлога *по* наряду со словоформами, равными И. (ср. *по стóльку* и *по стóлько, по пятисóт* и *по пятьсóт*) [8]; 2) у слова *ребёнок* мн. число *дéти* [9]; 3) у слова *год* Р. мн. *годóв* и *лет*; 4) у слова *тюрк* два варианта парадигмы — вариант с И. ед. *тюрк* и Р. мн. *тю́рков* и вариант с И. ед. *тю́рок* и Р. мн. *тю́рок*; 5) у слова *лесá* (удочки) два варианта парадигмы — вариант с И. ед. *лесá* и И. мн. *лёсы* и вариант с И. ед. *лéса* и И. мн. *лéсы*; 6) у слова *треплó* при среднем роде И. мн. *трёпла*, при муж. роде — *треплы́*; 7) у слова *дол* мн. число *дóлы, долóв, долáм, долáми, долáх*; 8) у слов *большóй* и *мáленький* неатрибут. словоформы соответственно *велúк, великá, великó, великú* и *мал, малá, малó, малы́*; 9) у слова *благóй* неатрибут. словоформы *благ, благá, блáго, блáги*; 10) у слова *нéкий* не учитываются словоформы *нéкиих, нéкиим, нéкиими*; 11) для слов *кáмень, остя́к, сарацúн, тавлея́* приняты указания Орф., для слов *борть, велúкий, вéтер, волокóнце, гусля́р, кровь, рóвня, слюдá* — указания Уш. (хотя все эти слова содержатся в АО). Некоторые другие поправки к указаниям словарей оговорены в соответствующих разделах книги.

Трактовка словоформ-вариантов

§ 4.3. Особый вопрос составляет трактовка словоформ-вариантов (см. § 1.7). Парадигму, содержащую словоформы-варианты, мы будем называть также «парадигмой с колебаниями» (в отличие от «парадигмы без колебаний», где каждому граммати-

---

[7] Перечни таких случаев см. в работах: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1954, стр. 182, 194, 208, 215; Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 81.

[8] В противном случае необходимо либо признать существование двух дательных падежей (ср. *стóльку* и *стóльким, пятисóт* и *пятистáм*), либо полностью изменить взгляд на парадигмы всех этих слов, а именно: а) признать, в частности, *стóлько* (*стóльку*) и *стóльких* (*стóльким, стóлькими*) разными словами; б) признать слова типа *пятьсóт* словосочетаниями.

[9] Кроме того, имеется парадигма: *дитя́* — мн. число *дéти*. Слово *ребя́та* ед. числа не имеет.

ческому значению соответствует не более одной словоформы). Условимся различать два типа колебаний.

I. Типовые колебания (т. е. такие, которые характеризуют не отдельное слово или группу слов, а саму грамматическую форму или определенный аффикс, выражающий эту форму). Сюда мы относим следующие случаи:

1. В словоформе Т. ед. наряду с окончанием *-ой*, *-ёй* или *-ей* всегда допустимо также окончание *-ою*, *-ёю* или *-ею* (например, *водóй* и *водóю*, *свéжей* и *свéжею*, также *мной* и *мнóю*).

2. В словоформе $Р_2$ ед. наряду с окончанием *-у* или *-ю* всегда допустимо также окончание *-а* или *-я* (например, *мало чаю* и *мало чая*).

3. Счетная словоформа в некоторых случаях (указанных в § 6.55) имеет два варианта, омонимичных соответственно словоформам Р. мн. и И. мн. (например, *две булочных* и *две булочные*) или словоформам Р. мн. и Р. ед. (например, *два Кунцевых* и *два Кунцева*).

II. Индивидуальные колебания. Сюда относятся все остальные случаи существования словоформ-вариантов, например И. мн. *трáкторы* и *тракторá*; Р. ед. *мóста* и *мостá*; Р. ед. *мóха* и *мха* и т. п. Практически в настоящей работе индивидуальные колебания учитываются только в тех случаях, когда в использованном нормативном источнике (см. § 4.2) оба варианта словоформы признаются равноправными или второй вариант имеет помету «допустимо», «разговорное» или «в письменной речи». Словоформы-варианты, квалифицируемые иначе (в частности, как устаревшие, просторечные, областные, профессиональные, поэтические, народно-поэтические, старинные), за немногими исключениями не учитываются.

Словоформы-варианты сильно затрудняют задачу классификации, поскольку при делении парадигм по некоторому признаку, принимающему нормально значения 1, 2, 3, . . ., приходится учитывать, кроме того, возможность появления таких значений, как «1 и 2», «2 и 3» и т. п. Для преодоления этой трудности вводятся некоторые дополнительные соглашения и вспомогательные операции.

При типовых колебаниях одна из словоформ-вариантов (а именно та, которая указана выше первой) признается главной. Так, в приведенных примерах главными являются словоформы: *водóй*, *свéжей*, *мной*, *чáю*, *бýлочных*, *Кýнцевых*. Принимается следующее соглашение: всякое определение или правило, которое с формальной точки зрения неприменимо к некоторой парадигме из-за того, что одна из клеток содержит одновременно две словоформы (связанных отношением типового колебания), должно быть применено к этой парадигме так, как если бы такая клетка содержала только главную словоформу. Практически это дает возможность учитывать в формальной части описания только

главные словоформы, а сведения о вторых вариантах приводить лишь в качестве дополнительных.

При индивидуальных колебаниях производится следующая вспомогательная операция. Всякая парадигма P, имеющая индивидуальные колебания, представляется как совокупность двух или нескольких парадигм (P_1, P_2, . . .), не имеющих индивидуальных колебаний. Парадигмы P_1, P_2, . . ., полученные в результате такого «расщепления» парадигмы P, можно назвать ее вариантами. Между парадигмой P и ее вариантами должны быть следующие отношения: 1) парадигмы P_1, P_2, . . . относятся к тому же грамматическому разряду, что и P; 2) каждая словоформа парадигмы P содержится в соответствующей клетке хотя бы одной из парадигм P_1, P_2, . . ., а каждая словоформа любой из этих парадигм содержится в соответствующей клетке парадигмы P.

Рассмотрим пример такого «расщепления» парадигмы. Слово *мост* имеет во всех падежах ед. числа, кроме И., В. и $П_2$, как словоформы с ударением на основе, так и словоформы с ударением на окончании: *мóста* и *мостá*, *мóсту* и *мостý* и т. д. Эту парадигму с колебаниями мы представляем в виде следующих двух парадигм-вариантов, не имеющих колебаний: 1) *$мост_1$* — *мост*, *мóста*, *мóсту*, *мóстом*, *мóсте*, мн. *мосты́*, *мостóв* и т. д.; 2) *$мост_2$* — *мост*, *мостá*, *мостý*, *мостóм*, *мостé*, мн. *мосты́*, *мостóв* и т. д. Как легко проверить, сформулированные выше условия здесь соблюдены.

В дальнейшем никакая парадигма с индивидуальными колебаниями уже не рассматривается как единый объект классификации: вместо нее в качестве самостоятельных объектов классификации выступают ее варианты. Иначе говоря, все происходит так, как если бы одна и та же лексема могла иметь несколько парадигм, причем для классификации несущественно, является ли некоторая парадигма единственной для соответствующей лексемы или нет. Так, в общую совокупность классифицируемых парадигм на равных правах входят, например, парадигмы: *стол*, *сад*, *$мост_1$*, *$мост_2$* (а парадигма с колебаниями *мост* вообще не входит).

Понятно, однако, что сформулированные выше условия далеко не всегда определяют способ расщепления однозначно. Например, парадигму *мост* можно было бы расщепить также многими другими способами. В случае неоднозначности расщепление производится по следующим правилам. Если, в соответствии с указаниями используемых нормативных источников, различие словоформ-вариантов связано с различием значения или стилистической окраски, то расщепление производится в соответствии со значением (стилистической окраской). Например, парадигма слова *тóрмоз* (И. мн. *тормозá* и *тóрмозы*, Р. мн. *тормозóв* и *тóрмозов* и т. д.) расщепляется в соответствии с различием значений на 1) *тóрмоз* (в прямом значении) — *тóрмоз*, *тóрмоза* и т. д., мн. *тормозá*, *тормозóв* и т. д. и 2) *тóрмоз* (в переносном значении) —

тóрмоз, *тóрмоза*, и т. д., мн. *тóрмозы*, *тóрмозов* и т. д. Когда такое слово фигурирует в каком-либо списке, при нем дается уточнение, показывающее, какой смысловой или стилистический вариант имеется в виду — так же, как это делается с омонимами. (Отсутствие уточнения при таком слове означает, что имеются в виду все варианты его парадигмы.)

Замечание. Таким образом, случаи типа *тóрмоз*, где различию значений соответствуют определенные внешние различия, трактуются в настоящей работе так же, как случаи омонимии вроде *пол* (настил) (мн. *полы́*, *поло́в*) — *пол* (биологич.) (мн. *пóлы*, *поло́в*). Тем самым описание оказывается независимым от столь сложной проблемы лексикологии, как разграничение омонимии и многозначности.

Более сложен тот случай, когда различие словоформ-вариантов не связано ни с какими внутренними различиями. Способ расщепления такой парадигмы определяется следующими требованиями: 1) число парадигм-вариантов должно быть минимальным; 2) число парадигм-вариантов, не эквивалентных [10] ни одной парадигме, не являющейся результатом расщепления, должно быть минимальным (в «хорошем» случае оно должно быть равно нулю). Как показывает опыт, этим двум требованиям в громадном большинстве случаев удовлетворяет ровно один способ расщепления. Так, например, указанный способ расщепления парадигмы *мост* удовлетворяет обоим этим требованиям (число парадигм-вариантов равно двум; $мост_1$ склоняется так же, как *сад*, $мост_2$ — так же, как *горб*); но никакого другого расщепления, удовлетворяющего этим требованиям, не существует. Для тех немногих слов, где данные требования не обеспечивают однозначности, принятый способ расщепления уточняется с помощью дополнительных указаний в соответствующем разделе описания.

Чтобы различить парадигмы-варианты, при исходной словоформе даются дополнительные указания (характер которых зависит от конкретного случая), например: *мост* (с таким-то распределением ударения) или *мост* (с Р. ед. *мóста*) и т. п. При перечислении парадигм, обладающих некоторым свойством, дополнительное указание такого рода может состоять всего лишь из пометы //, которая в этом случае означает: «в одном из своих вариантов» (=«наряду с некоторым другим вариантом парадигмы, который рассматриваемым свойством не обладает»). Например, список существительных муж. рода с И. мн. на *-á* может выглядеть так: *дом*, *лес*, *цех* (//), *хлев*, . . . Это значит, что слово *цех*, в отличие от остальных, имеет И. мн. на *-á* только в одном из вариантов парадигмы (который и имеется в виду в данном списке). При необходимости после пометы // может быть указано, каков именно

---

[10] Определение эквивалентности двух парадигм дается позже (§ 5.6); здесь достаточно указать, что отношение эквивалентности есть некоторый формальный аналог отношения «склоняться так же, как».

противоположный вариант парадигмы. Так, в приведенном примере допустима также запись *цех* (// мн. *це́хи*), т. е. «наряду с другим вариантом парадигмы, где мн. число *це́хи* (а не *цеха́*)».

Особый случай составляют такие варианты парадигмы, у которых различны исходные словоформы, например: *о́бух* (вариант с неподвижным ударением на первом слоге: *о́буха*, *о́буху* и т. д.) и *обу́х* (вариант с ударением на окончаниях или на последнем слоге основы: *обуха́*, *обуху́* и т. д.). В этом случае дополнительные указания могут отсутствовать, поскольку сама исходная словоформа показывает, какой вариант имеется в виду.

Вопрос об основе и окончании

§ 4. 4. В последующем описании мы исходим из того, что каждая словоформа каждого слова разделена на основу и окончание. Как известно, разделение словоформ на основу и окончание содержит элемент условности и может производиться различно в зависимости от целей и характера описания. Наиболее простой и точный способ указать, как именно проведено это разделение в конкретной работе, состоит в том, чтобы дать алгоритм разделения произвольной словоформы (из именной парадигмы) на основу и окончание. Такой алгоритм приводится ниже. Алгоритм предполагает знание всей парадигмы слова; используется также данная в § 3. 2 классификация именных парадигм по грамматическим разрядам. Предполагается, что алгоритм будет применяться для того, чтобы определить способ разделения сразу для всех словоформ парадигмы; но, разумеется, он пригоден и для того, чтобы определить основу и окончание в отдельной словоформе.

Используются следующие условные обозначения. В качестве разделительного знака, отделяющего основу от окончания, здесь и в дальнейшем изложении выступает вертикальная черта (|). Нулевое окончание или нулевая основа [11] обозначается обычно знаком Ø; однако в случае, когда словоформа выписана целиком и содержит разделительный знак, знак Ø может быть опущен (таким образом, здесь и далее, например, записи *стол*| и *стол*|Ø считаются равнозначными).

Алгоритм разделения словоформ произвольной именной парадигмы на основу и окончание

1. Проверить, входит ли рассматриваемое слово в приводимый ниже список. Если да — разделение словоформ производится в соответствии с данными при этих словах указаниями (для простоты омонимичные словоформы приводятся в виде одной словоформы, т. е. фактически дается список сегментов). Если нет — перейти к 2.

---

[11] Нулевая основа (на графическом уровне) — это уникальный случай; она представлена только у некоторых словоформ слов *он*, *она́*, *оно́*, *они́*.

Список: **я** — *я*|, *мен*|*я́*, *мн*|*е*, *мн*|*ой* (*мн*|*ою*); **ты** — *ты*|, *теб*|*я́*, *теб*|*е́*, *тоб*|*о́й* (*тоб*|*о́ю*); **себя́** — *себ*|*я́*, *себ*|*е́*, *соб*|*о́й* (*соб*|*о́ю*); **мы** — *м*|*ы*, *н*|*ас*, *н*|*ам*, *н*|*а́ми*; **вы** — основа везде *в*; **он, она́, оно́, они́** — в И. основа *он*, в косвенных падежах основа припредложных словоформ *н* (*н*|*его́*, *н*|*ей* и т. д.), основа самостоятельных словоформ вулевая (*Ø*|*его́*, *Ø*|*ей* и т. д.); **кто, что** и производные **никто́, ничто́, не́кто, не́что, не́кого, не́чего** — *кт*|*о*, *чт*|*о*, основы прочих словоформ *к*, *ч* (основы производных соответственно длиннее); **тот, э́тот** — *тот*|, *э́тот*|, основы прочих словоформ *т*, *эт*; **сей** — *се*|*й*, *си*|*я́*, *си*|*ю́*, *си*|*и́*, основа прочих словоформ *с*; **не́кий, э́кий** — основа словоформ, начинающихся на *неко*, *эко* (кроме словоформ косвенных падежей жен. рода *не́кой*, *э́кой*), — *неко*, *эко*; основа прочих словоформ (а также словоформ *не́кой*, *э́кой*) — *нек*, *эк*; **оди́н** — *оди́н*|, основа прочих словоформ *одн*; **два, три, четы́ре** — *дв*|*е*, *тр*|*е*, *че́твер*|*о* (в И. падеже 7-го согласоват. класса), основы прочих словоформ *дв*, *тр*, *четыр*; **о́ба** — *о́б*|*а*, *о́б*|*е*, основы прочих словоформ соответственно *обо* и *обе*.

2. Проверить, одинаковы ли все словоформы парадигмы. Если да, то: а) для слов *порося́*, *огнь*, *пла́мень*, *ма́ло*, *нема́ло* — перейти к 5; б) у прочих слов — все словоформы имеют нулевое окончание. Если нет — перейти к 3.

3. Заменить в парадигме все *ё* на *е*, запомнив, где были замены. Если все словоформы парадигмы оканчиваются на *ся*, отбросить везде это *ся*, запомнив, где оно было. Перейти к 4.

4. Поставить разделительный знак в словоформах парадигмы по следующим правилам.

У прилагательных

Поставить в словоформе Т. ед. муж. рода разделительный знак перед последними двумя буквами. Цепочку букв, стоящую в этой словоформе левее разделительного знака, назовем О (от слова «основа»). Найти все словоформы парадигмы, начинающиеся с О, и поставить в них разделительный знак после О. Если в парадигме есть припредложные словоформы, поставить в каждой из них разделительный знак за столько же букв от конца, как в соответствующей самостоятельной словоформе. Перейти к 5.

Если словоформы Т. ед. муж. рода в парадигме нет — перейти к 5.

У существительных

а) Поставить в словоформе Т. мн. разделительный знак перед последними тремя буквами. Цепочку букв, стоящую левее разделительного знака, назовем ОМ («основа множественного числа»). Найти в парадигме все словоформы мн. числа, начинающиеся с ОМ, и поставить в них разделительный знак после ОМ. Перейти к *б*.

б) Если словоформа ед. числа совпадает в каждом падеже со словоформой мн. числа (слово относится к pluralia tantum) — поставить в каждой словоформе ед. числа разделительный знак так же, как в омонимичной ей словоформе мн. числа. Перейти к 5.

Если это не так — перейти к *в*.

в) Поставить в словоформе Т. ед. разделительный знак перед последними двумя буквами. Цепочку букв, стоящую в этой словоформе левее разделительного знака, назовем ОЕ («основа ед. числа»). Найти в парадигме все словоформы ед. числа, начинающиеся с ОЕ, и поставить в них разделительный знак после ОЕ. Перейти к 5.

У слов бесчисловых разрядов

а) Для слов *полтора́* и *полтора́ста* — перейти к 5.

б) Для слова *во́семь* и слов на *десят* — поставить в словоформе Т. падежа разделительный знак перед цепочкой *-ью* и перейти к 5.

в) Для слов *две́сти*, *три́ста*, *четыреста* и слов на *сот* — поставить в словоформах Д., Т. и П. падежей разделительный знак соответственно перед цепочками *ам*, *ами*, *ах* и перейти к 5.

г) Для прочих слов — поставить во всех словоформах разделительный знак после наибольшего общего начала всех словоформ и перейти к 6.

5. Поставить разделительный знак во всех словоформах парадигмы, еще не имеющих его, по следующему правилу: если словоформа оканчивается на гласную, *й* или ь — разделительный знак ставится перед последней буквой словоформы; в прочих случаях он ставится в конце словоформы (окончание нулевое). Перейти к 6.

Если таких словоформ в парадигме нет — перейти к 6.

6. Восстановить все *ё* и все *ся*, если таковые заменялись или отбрасывались в соответствии с пунктом 3. Теперь в каждой словоформе слева от разделительного знака находится основа, справа — окончание.

Примеры разделения словоформ с помощью данного алгоритма: *стол*|, *стол*|*á*, *стол*|*ы́*; *бо*|*й*, *бó*|*я*, *бо*|*и́*; *мыш*|ь, *мы́ш*|*и*, *мы́ш*|*ью*, *мыш*|*éй*; *пýл*|*я*, *пýл*|*и*, *пул*|ь; *здáни*|*е*, *здáни*|*я*, *здáни*|*й*; *ручé*|*й*, *ручь*|*я́*, *ручь*|*ю́*; *стать*|*я́*, *стать*|*и́*, *статé*|*й*; *друг*|, *дрýг*|*а*, *друзь*|*я́*, *друзé*|*й*; *дéрев*|*о*, *дерéвь*|*я*, *дерéвь*|*ев*; *хозя́ин*|, *хозя́ин*|*а*, *хозя́ев*|*а*, *хозя́ев*|; *и́м*|*я*, *и́мен*|*и*, *имен*|*á*, *имён*|; *жив*|*óй*, *жи́в*|*ы*; *мо*|*й*, *мо*|*я́*, *мо*|*егó*; *вóлчи*|*й*, *вóлчь*|*я*, *вóлчь*|*и*; *пя́тер*|*о*, *пятер*|*ы́х*; *пятьдеся́т*|, *пяти́десят*|*и*, *пятью́десят*|*ью*.

Как можно видеть из примеров, приведенный алгоритм дает в целом наиболее обычное для письменной формы языка разделение словоформ на основу и окончание [12].

---

[12] Ср. прежде всего Уш., вводная статья «Как пользоваться словарем», § 40, 48, 50. Один из наиболее спорных вопросов — выбор между разделениями типа *друз*|*ья* и типа *друзь*|*я*. Оба решения практически почти равноценны: каждое имеет определенные преимущества и недостатки. В настоящей работе принято разделение типа *друзь*|*я*, *мужь*|*я*, уменьшающее общее число различных окончаний склонения. Другое разделение (*друз*|*ья́*, *муж*|*ья́*) было использовано нами в работах: А. А. Зализняк. Ударение в современном русском склонении. «Русский язык в нац. школе», 1963, № 2; Он же. Беглые гласные в современном русском словоизменении. «Русский язык в нац. школе», 1963, № 5; Он же. «Условное ударение» в русском словоизменении. — ВЯ, 1964, № 1.

Глава пятая

ПОНЯТИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПАРАДИГМ

§ 5. 1. Всякая классификация некоторой совокупности объектов может быть разделена на два этапа.

Первый этап можно назвать этапом отождествления. На этом этапе устанавливается, какие объекты классификации признаются одинаковыми с точки зрения данной классификации. (Вместо слова «одинаковые» можно взять также слова «однотипные», «равноценные», «эквивалентные».) Тем самым устанавливается, какие реальные различия между объектами признаются несущественными для данной классификации: таковы все различия между одинаковыми (эквивалентными) объектами. Вводимое таким образом отношение одинаковости (эквивалентности) двух объектов определяет [1] разбиение всего множества объектов на непересекающиеся классы одинаковых (эквивалентных) между собой объектов. Эти классы можно назвать элементарными классами (для данной классификации). На первом этапе классификации элементарные классы еще никак не упорядочены; их можно лишь занумеровать в произвольном порядке. Отсутствует понятие характера и степени различия между двумя элементарными классами: ни про какие четыре элементарных класса A B, C, D еще нельзя сказать, что A отличается от B тем же, чем C от D, или что A более сходен с B, чем с C.

Второй этап можно назвать этапом выделения различительных признаков. На этом этапе выявляются признаки, посредством которых различаются элементарные классы объектов; иначе говоря, изучаются различия, существенные для данной классификации. Тем самым выявляется характер внутренних отношений между элементарными классами; в частности, устанавливается тождество отношений между некоторыми классами («класс A отличается от B тем же, чем C от D»). В результате этого этапа классификации каждый элементарный класс

---

[1] При условии, что это отношение обладает свойствами рефлексивности (всякий объект эквивалентен самому себе), симметричности (если объект a эквивалентен объекту b, то объект b эквивалентен объекту a) и транзитивности (если объект a эквивалентен объекту b, а объект b эквивалентен объекту c, то объект a эквивалентен объекту c).

характеризуется уже не просто номером, а теми значениями, которые принимают у данного класса выявленные при классификации различительные признаки.

При классификации именных парадигм задача этапа отождествления состоит в том, чтобы строго установить, какие парадигмы признаются эквивалентными. Иначе говоря, необходимо, исходя из того, что парадигма любого русского имени полностью известна, построить формальные правила, позволяющие про любые две парадигмы сказать, являются ли они эквивалентными. Именно эта задача решается в настоящей главе (второй этап классификации производится в следующей главе).

Разумеется, вопрос о том, какие различия между парадигмами следует признать существенными и какие несущественными для классификации, можно решать по-разному. Соответственно будет меняться содержание понятия эквивалентности и, следовательно, степень детальности самой классификации. Так, можно считать существенными лишь самые грубые различия, например только различия в наборе окончаний; в этом случае, например, парадигмы слов *бугóр* и *забóр*, *кáрта* и *головá* и т. п. будут признаны эквивалентными. Детальность такой классификации будет невелика. Можно, напротив, считать существенными даже весьма тонкие различия, например различие в месте ударения в словах *анáлиз* и *паровóз*. Тогда даже эти два слова будут признаны неэквивалентными. Такая классификация будет чрезвычайно детальной.

Выбор решения должен определяться здесь конкретными задачами описания. Так, например, для краткого практического описания естественна малая детальность. Отсюда не следует, однако, что максимально полная классификация (какой является по замыслу осуществляемая здесь классификация) должна обладать максимальной возможной детальностью. В самом деле, максимальная детальность возникает в том случае, когда все вообще различия признаются существенными и, следовательно, каждая парадигма признается эквивалентной только самой себе (или омонимичной ей парадигме). Но это значит, что на втором этапе классификации обязательно возникнет признак «буквенный состав исходной словоформы», принимающий столько значений, сколько учтено слов (или его заменители вроде признака «начальная буква исходной словоформы» и т. п.), что явно бессмысленно и дискредитирует саму идею классификации.

При решении этого вопроса мы опираемся на следующее наблюдение. В лингвистических описаниях можно часто встретить утверждения типа: «слово *A* склоняется так же, как слово *B*»; при этом никаких пояснений о том, что именно это значит, не дается. В неявной форме такие утверждения выступают во всех тех случаях, когда в учебнике приводится полная парадигма некоторого слова и далее список слов, про которые сказано,

что они «склоняются по этому образцу» или «принадлежат к этому типу склонения». Из практики известно, однако, что по крайней мере в большинстве случаев для читателя таких указаний оказывается достаточно: он действительно может правильно просклонять приводимые в списке слова, несмотря на отсутствие разъяснений. Это значит, что у людей существует относительно единообразное представление о смысле выражения «склоняться так же, как»; на это представление по существу и опираются составители учебников.

По-видимому, именно на это интуитивное представление естественно ориентироваться (в максимально полной классификации) при решении вопроса о существенных и несущественных различиях между парадигмами. Иначе говоря, понятие эквивалентности двух парадигм должно служить формальным аналогом неформального интуитивного представления об одинаковости склонения двух слов. Это значит, что, как и всякий формальный аналог, оно должно: 1) иметь строго формальное определение, 2) при практическом применении к парадигмам давать те же или почти те же результаты, что и заменяемое им интуитивное представление.

Разумеется, интуитивное представление об одинаковости склонения двух слов, как и всякое интуитивное представление, не обладает полной определенностью: во-первых, оно не вполне одинаково у разных людей, во-вторых, в сложных случаях оно оказывается неясным или неустойчивым даже у одного и того же человека. Поэтому выполнение второго из указанных выше требований (в отличие от первого) невозможно точно проверить и, таким образом, субъективный элемент здесь неустраним.

Замечание 1. Можно было бы предложить следующий эксперимент для получения более объективного ответа на вопрос: «Склоняются ли слова A и B одинаково с интуитивной точки зрения?» Группе людей, не знающих русского языка (но имеющих представление о склонении), дается полная парадигма слова A, исходная словоформа слова B и следующее указание: «Слово B склоняется так же, как слово A. Просклоняйте слово B». Другой группе людей дается обратная задача — построение A по B. Ответ на поставленный выше вопрос считается положительным, если (при достаточно большом числе испытуемых) в обеих группах все или почти все испытуемые просклоняли заданное слово правильно. Поскольку, однако, такой эксперимент сложно осуществить, мы были вынуждены везде ограничиваться соответствующим мысленным экспериментом. Таким образом, все дальнейшие утверждения типа: «слова A и B интуитивно воспринимаются как однотипные» отражают субъективную точку зрения автора, а именно — передают результат соответствующего мысленного эксперимента.

Замечание 2. Интуитивное представление об одинаковости склонения двух слов, по-видимому, является производным от гораздо более общего и фундаментального интуитивного представления об одинаковости различий в двух парах языковых объектов (его можно назвать также представлением о «лингвистической пропорциональности»)[2]. Именно это пред-

[2] Ср. идеи А. Д. Вентцеля, изложенные в работе «Аффинная геометрия и некоторые лингвистические задачи».

ставление позволяет нам делать утверждения типа: «словоформа *топóр* так же отличается от словоформы *топорóм*, как словоформа *карандáш* от словоформы *карандашóм*» и т. п. Именно оно позволяет нам решать в ходе практической деятельности множество лингвистических задач «на отыскание 4-го члена пропорции» типа: x относится к *коллимáтор*, как *зáбры* к *зáбр* (откуда x = *коллимáторы*); это так называемое построение по аналогии. Интуитивное представление об одинаковости склонения двух слов A и B (имеющих соответственно словоформы $a_1, a_2 \ldots a_k$ и $b_1, b_2 \ldots b_k$) [3], по-видимому, возникает тогда и только тогда, когда для любых четырех словоформ a_m, a_n, b_m, b_n соблюдается интуитивная пропорция: $a_m : a_n = b_m : b_n$ (т. е. a_m отличается от a_n так же, как b_m от b_n).

Интуитивное представление об одинаковости склонения двух русских слов, по-видимому, складывается из нескольких независимых интуитивных представлений, касающихся: 1) внутреннего устройства сравниваемых парадигм, 2) набора окончаний, 3) устройства основ, 4) акцентуации. Соответственно, строящееся ниже определение эквивалентности включает выполнение определенных требований, касающихся каждой из указанных четырех характеристик парадигмы.

Требования к внутреннему устройству сравниваемых парадигм

§ 5. 2. Представляется очевидным, что интуитивному представлению об одинаковости склонения могут удовлетворять только парадигмы одинакового внутреннего устройства (см. § 3. 1). С другой стороны, две парадигмы одинакового внутреннего устройства при прочих равных условиях, по-видимому, должны восприниматься как однотипные.

Дальнейшие требования, касающиеся окончаний, основы или акцентуации, применяются уже только к парадигмам одинакового внутреннего устройства.

Требования к наборам окончаний сравниваемых парадигм

§ 5. 3. По-видимому, интуитивному представлению об одинаковости склонения могут удовлетворять только парадигмы, имеющие в точности одинаковые окончания. С другой стороны, две парадигмы, имеющие одинаковые окончания, при прочих равных условиях должны восприниматься как однотипные.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства **имеют одинаковый набор окончаний**, если в каждой паре одноименных непустых клеток этих парадигм находятся словоформы, имеющие одинаковое окон-

---

[3] Индексы при словоформах соответствуют определенным грамматическим формам.

чание. Например, одинаковый набор окончаний имеют парадигмы слов *тигр* и *осёл*, *дорóга* и *кишкá*, *простóй* и *крутóй*, *мой* и *чей*, *пять* и *двенáдцать*.

Требования к основам сравниваемых парадигм

§ 5. 4. Основы разных словоформ одной парадигмы могут совпадать или различаться. Таким образом, подобно набору окончаний, можно выделять «набор основ» некоторой парадигмы; правда, в большинстве случаев он будет состоять из многократно повторенной одной и той же основы. Однако, в отличие от набора окончаний, определенный набор основ как правило представлен всего в одной парадигме. Поэтому естественно, что сам по себе набор основ интуитивно воспринимается как нечто не входящее в понятие определенного образца склонения. Например, различие наборов основ у слов *стол*, *блин*, *топóр*, *валýн*, *живóт* и т. д. не мешает тому, чтобы эти слова воспринимались как склоняющиеся одинаково. Вообще, если основы двух сравниваемых слов неизменны (одинаковы для всей парадигмы), то при прочих равных условиях такие два слова обязательно будут восприниматься как однотипные.

Если, однако, основа слова не остается неизменной в ходе склонения (набор основ состоит из разных основ), то характер изменения основы оказывается уже существенным для интуитивного отнесения слова к определенному образцу склонения. Два слова с изменяющимися основами воспринимаются как однотипные, только если характер изменения основы у этих слов в некотором (пока еще строго не определяемом) смысле одинаков. Так, например, слова *славянúн* и *армянúн*, *козлёнок* и *гусёнок*, *песóк* и *кусóк*, *чáйка* и *индéйка* и т. п. воспринимаются как соответственно однотипные, а, например, слова *сýмерки* (Р. *сýмерек*) и *жмýрки* (Р. *жмýрок*) — как неоднотипные. Два слова, из которых одно имеет изменяющуюся основу, а другое неизменную, всегда воспринимаются как разнотипные: ср. *песóк* и *чеснóк*, *чýдо* и *мéсто* и т. п.

Таким образом, основу любой словоформы можно представить как состоящую из двух частей: н е и з м е н я е м о й, т. е. общей для всех основ данной парадигмы, и и з м е н я е м о й, т. е. такой, которой хотя бы в одной из прочих словоформ парадигмы соответствует некоторая иная цепочка букв (или ничего не соответствует). Так, например, в основе словоформы *гусёнок* можно выделить неизменяемую часть *гус* и изменяемую часть *ёнок* (ср. *гусята*). Любая из двух частей основы может быть пустой, т. е. не содержать ни одной буквы. Условное обозначение пустой цепочки здесь и далее — 0 (ср. § 4. 4); но может быть использовано также словесное обозначение: «нуль». Так, например, в словоформе *стол* неизменяемая часть основы — *стол*, а изменяе-

мая — Ø. Две части основы могут вклиниваться друг в друга: так, в основе словоформы *ведро́* неизменяемая часть *в—д—р*, а изменяемая *е—Ø* (ср. *вёдер*). По-видимому, только изменяемые части основ воспринимаются как имеющие отношение к определенному образцу склонения. Таким образом, чтобы приблизиться к интуитивному представлению об однотипности, мы должны при сравнении двух парадигм отбросить в каждой парадигме неизменяемую часть ее основ и сравнивать только наборы изменяемых частей основы. Мы исходим далее из предположения, что, во-первых, интуитивному представлению об одинаковости склонения могут удовлетворять только парадигмы, имеющие в точности одинаковые наборы изменяемых частей основы, во-вторых, парадигмы, имеющие одинаковые наборы изменяемых частей основы, при совпадении окончаний и интуитивной однотипности ударения воспринимаются как склоняющиеся одинаково.

Разумеется, приведенное схематическое описание отнюдь не может само служить правилом выделения изменяемой и неизменяемой частей основы; так, например, основу словоформы *южа́нин* можно в соответствии с этим описанием разделить на части двояко: 1) *южан* и *ин*, 2) *южа—н* и *ни*. Для однозначного выделения изменяемой части в произвольной словоформе служит приводимый ниже алгоритм. Поскольку изменяемая часть основы некоторой словоформы выделяется только на основании сравнения со всеми остальными словоформами той же парадигмы, этот алгоритм построен так, что он выделяет изменяемую часть основы одновременно во всех словоформах парадигмы. Всякая основа рассматривается при этом просто как некоторая цепочка русских букв (причем без знаков ударения — см. § 0. 5).

Алгоритм выделения изменяемых частей основы в словоформах произвольной, полностью известной парадигмы

1. Проверить, одинаковы ли основы всех словоформ рассматриваемой парадигмы.

Если да — изменяемая часть каждой основы пустая («нуль»).

Если нет — взять по одной основе из каждой совокупности одинаковых между собой основ и перейти к 2.

2. Найти у взятых основ наибольшее общее начало; отбросить его во всех этих основах. Найти у оставшихся конечных частей наибольший общий конец; отбросить его во всех этих конечных частях. Проверить, имеют ли полученные остатки хотя бы одну общую для них всех букву.

Если нет — изменяемая часть каждой основы равна выделившемуся из нее таким путем остатку.

Если да — перейти к 3.

3. Записать остатки друг под другом, расположив их сверху вниз в порядке русского алфавита. Далее мы будем называть первый по порядку остаток верхним, а остальные нижними. Пометить каким-либо образом [4] в верх-

[4] В приводимых ниже примерах в качестве пометы используется звездочка (*).

нем остатке все вхождения всех букв, общих для всех остатков. Перейти к 4.

П р е д в а р и т е л ь н о е п о я с н е н и е к п у н к т а м 4—8. Чтобы облегчить понимание последующих пунктов алгоритма, укажем следующее. Алгоритм работает циклически: пункты 4—8 могут проходиться при обработке одной парадигмы по нескольку раз. Поэтому в этих пунктах упоминаются элементы записи, которые при первом прохождении цикла в записи отсутствуют. Такими элементами записи являются так называемые соединительные линии. Соединительная линия — это линия, проходящая через всю запись сверху вниз и пересекающая в каждом остатке одну букву; все буквы, пересекаемые одной соединительной линией, одинаковы [5]. Разные соединительные линии между собой не пересекаются; ни в одном остатке никакая буква не пересекается более чем одной соединительной линией. Поэтому всегда можно указать, например, самую правую соединительную линию. Мы будем говорить, что некоторая буква остатка стоит правее некоторой соединительной линии, если она стоит правее той буквы данного остатка, через которую проходит эта соединительная линия. (В таком же смысле мы будем говорить, что буква стоит левее соединительной линии, между соединительными линиями.)

4. Найти в верхнем остатке первую по порядку отмеченную букву, стоящую правее всех соединительных линий (если соединительных линий еще нет — просто первую по порядку).

Если эта буква есть *о*, *е* или *ё* — снять с нее помету (т. е. перевести ее в ранг неотмеченных) и перейти к 8.

Если это не так — взять в верхнем остатке максимальную цепочку следующих непосредственно друг за другом отмеченных букв, начинающуюся с найденной буквы (разумеется, эта цепочка может оказаться состоящей из одной буквы), и перейти к 5.

5. Проверить, верно ли для всех нижних остатков следующее: взятая цепочка входит целиком в часть нижнего остатка, стоящую правее всех соединительных линий (если соединительных линий еще нет — просто в нижний остаток).

Если да — выбрать в каждом нижнем остатке самое левое (т. е. первое по порядку) из вхождений взятой цепочки, удовлетворяющих указанному выше требованию, и перейти к 6.

Если нет — а) в случае, если цепочка содержит более одной буквы — перейти к 7; б) в случае, если цепочка содержит только одну букву — снять в верхнем остатке с этой буквы помету (перевести ее в ранг неотмеченных) и перейти к 8.

6. Провести через каждую букву взятой цепочки отмеченных букв верхнего остатка соединительную линию, пересекающую по одной букве в каждом нижнем остатке. Пересекаемая буква нижнего остатка должна принадлежать выбранному в пункте 5 вхождению рассматриваемой цепочки и стоять внутри цепочки на том же по счету месте, что и буква верхнего остатка, от которой идет данная соединительная линия. Перейти к 8.

7. Взять в верхнем остатке новую цепочку отмеченных букв, равную только что рассмотренной без ее последней буквы, и перейти к 5.

8. Проверить, имеется ли в верхнем остатке хотя бы одна отмеченная буква, стоящая правее всех соединительных линий (если этих линий нет — просто в верхнем остатке).

Если да — перейти к 4.

Если нет — перейти к 9.

9. Назовем **и н т е р в а л о м** часть остатка, находящуюся между соседними соединительными линиями или между соединительной линией и гра-

---

[5] В примерах для удобства буквы не перечеркиваются соединительной линией, а вместо этого делаются разрывы.

ницей остатка. (Очевидно, что интервал может быть и пустым.) Будем говорить, что интервалы разных остатков, заключенные между одними и теми же соединительными линиями (или между одними и теми же соединительной линией и границей остатков) соответствуют друг другу. Назовем пустой интервал значащим, если ему соответствует хотя бы один непустой интервал. Выписать из каждого остатка все непустые и значащие пустые интервалы (по порядку слева направо, через тире). Полученная запись и является изменяемой частью той основы, из которой был выделен соответствующий остаток [6].

Примечание. Для упрощения последующих операций изменяемая часть основы некоторой словоформы представлена здесь просто как некоторый ряд буквенных цепочек, соотнесенный с этой словоформой. Разумеется, она может рассматриваться и буквально как часть основы этой словоформы, т. е. как один или несколько отрезков [7] этой основы, отмеченных каким-либо образом непосредственно внутри нее. Примечательно, что в изменяемую часть основы могут входить и пустые отрезки [8]. С формальной точки зрения, для разделения основы на изменяемую и неизменяемую части нужно обработать ее приведенным алгоритмом, но при этом: 1) не отбрасывать никаких ее частей, а вместо этого применять какой-либо «знак отбрасывания»; 2) не выписывать отдельно непустые и значащие пустые интервалы, образующие изменяемую часть основы, а лишь как-то помечать их.

Примеры (в примерах изменяемая часть основы показана как в самостоятельном виде, так и внутри самой основы; в последнем случае она выделена жирным шрифтом; из пустых отрезков основы обозначены только те, которые принадлежат изменяемой части; знак | разделяет основу и окончание):

1) Словоформа *топо́р*|. Изменяемая часть основы — нуль (пункт 1) (см. также сн. 8).

2) Словоформы *южа́нин*|, *южа́н*|*е*. Изменяемые части основы соответственно *ин*, ∅ (пункт 2). Основы делятся на части так: *южан***ин**, *южан***∅**.

---

[6] Смысл первых двух пунктов алгоритма непосредственно очевиден. Заметим, что обработка подавляющего большинства парадигм ограничивается именно этими двумя пунктами. Смысл дальнейших пунктов, предназначенных для обработки более редких и сложных случаев, в значительной мере замаскирован алгоритмической техникой. К сожалению, содержательное обоснование каждого пункта заняло бы слишком много места. Поэтому укажем лишь, что в своей совокупности требования алгоритма направлены на то, чтобы выделение изменяемых частей основы как можно более приближалось (по своим результатам) к выделению чередующихся последовательностей внутри основы, практикуемому в лингвистических работах. Некоторое представление о характере работы алгоритма дают приводимые ниже примеры.

[7] Отрезком некоторой цепочки называется любая ее часть, состоящая из непосредственно следующих друг за другом букв. Отрезок может быть также пустым (т. е. не содержать ни одной буквы).

[8] Пустой отрезок стоит между любыми двумя соседними буквами, а также по внешнюю сторону от крайних букв цепочки. Какой или какие именно из этих пустых отрезков принадлежат изменяемой части, можно точно установить. Мы условимся, однако, не устанавливать этого в том случае, когда основы всех словоформ парадигмы одинаковы. Таким образом, в парадигмах с неизменяемой основой нулевая изменяемая часть считается «не локализованной» внутри основы.

3) Словоформы *ведр|ó*, *вёдр|а*, *вёдер|*. После п. 6 получаем запись:

ед (*)
|
ёд
|
ёде

По п. 9 изменяемые части основ здесь соответственно: *е* — 0, *ё* — 0, *ё* — *е*. Основы делятся на части так: *ед0р*, *вёд0р*, *вёдер*.

4) Словоформы *дешёв|ый*, *дёшев|*, *дешев|á*. Получаем запись:

После п. 3	После п. 4
ёше (*)	*еше*
ешё	*ешё*
ёше	*ёше*

После п. 8 начинается второй цикл. После п. 6 получаем:

еше (*)
|
ешё
|
ёше

По п. 9 изменяемые части основ здесь соответственно: *е—ё*, *ё—е*, *е—е*. Основы делятся на части так: *дешёв*, *дёшев*, *дешев*.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства **имеют подобные наборы основ**, если в каждой паре одноименных непустых клеток этих парадигм находятся словоформы, имеющие одинаковую изменяемую часть основы. Например, подобные наборы основ имеют парадигмы слов *стол* и *головá*, *живóй* и *сурóвый*, *лев* и *владéлец*, *ведрó* и *метлá*. Напротив, наборы основ не подобны, например, в парадигмах слов *вол* и *лев* (так, в И. ед. изменяемые части основ соответственно 0 и *е*), *пáлец* и *шпúлька* (так, в И. ед. изменяемые части основ соответственно *е* и ь, в Р. мн. — ь и *е*).

Требования к акцентуации сравниваемых парадигм

§ 5. 5. Вопрос о том, какова роль ударения в восприятии двух слов как однотипных или разнотипных, представляет большую трудность. Положение ударения в отдельной словоформе и в парадигме в целом можно учитывать разными способами. Необходимо найти такой способ учета ударения в парадигме, чтобы результаты этого учета были одинаковыми для парадигм, имеющих с интуитивной точки зрения однотипное ударение, и различными для парадигм, имеющих разнотипное ударение.

Возможны два основных принципа учета: 1) положение ударения учитывается в каждой словоформе парадигмы по отдельности в виде некоторой абсолютной (т. е. независимой от сравнения с другими словоформами) характеристики, например в виде номера ударного слога (по счету от начала или от конца слово-

формы); 2) абсолютных характеристик для отдельной словоформы не строится; учитывается (каким-либо способом) только то, как сдвигается ударение в ходе склонения. Первый принцип («абсолютные характеристики») был использован выше для сравнения окончаний разных парадигм, второй («характер изменения») — для сравнения основ. Рассмотрим вначале самые простые способы учета ударения, соответствующие каждому из этих двух принципов.

Простейший вид независимой акцентной характеристики словоформы — номер ударного слога по счету от начала [9]. Предположим, что в основе интуитивного представления об однотипности двух парадигм по ударению лежит совпадение номера ударного слога (по счету от начала) в каждой паре соответствующих друг другу словоформ этих парадигм. Это предположение, однако, не подтверждается. Возьмем, например, такие группы слов: 1) *спор*, *ана́лиз*, *чемпиона́т*; 2) *вина́* (мн. *ви́ны*), *глубина́* (мн. *глуби́ны*), *величина́* (мн. *величи́ны*); 3) *сорт* (мн. *сорта́*), *го́род* (мн. *города́*), *ко́локол* (мн. *колокола́*). Внутри каждой группы все слова интуитивно воспринимаются как склоняющиеся одинаково (следовательно, однотипные, в частности, и по ударению); между тем никакая пара из них не удовлетворяет указанному выше условию. С другой стороны, есть и обратные случаи. Например, слова *дове́сок* и *кусо́к* воспринимаются как разнотипные по ударению (во всех прочих отношениях они однотипны); между тем указанное условие здесь соблюдается. Таким образом, поставленное выше условие не является ни необходимым, ни достаточным для того, чтобы сравниваемые парадигмы воспринимались как однотипные по ударению [10].

---

[9] Легко убедиться, что для русского языка счет от начала словоформы естественнее, чем счет от конца. В самом деле, в русском языке в большинстве парадигм ударение выступает как постоянная принадлежность одной и той же звуковой (соответственно буквенной) цепочки в основе слова, например цепочки *ро* в парадигме слова *коро́ва*, *на* в парадигме слова *ана́лиз* и т. д. Отсюда возникает интуитивное представление о «неподвижном» ударении, т. е. о таком, которое падает на один и тот же (не по счету, а по составу) слог. В условиях, когда словоизменение выражается прежде всего в изменении окончаний, этому представлению соответствует постоянство номера ударного слога по счету от начала. Напротив, при счете от конца словоформы слова́ с неподвижным (с интуитивной точки зрения) ударением, например *коро́ва*, *ана́лиз* и т. п., выглядят как имеющие разноместное ударение (ср. *коро́ва*, *коро́вами*, *коро́в*). Счет от начала позволяет просто описать и те парадигмы, где ударение выступает как принадлежность первого слога окончания (независимо от его звукового состава), например парадигмы слов *ступня́* (ср. *ступни́*, *ступне́й*, *ступня́ми*), *морско́й* (ср. *морска́я*, *морски́е*, *морски́х*, *морски́ми*); при счете от конца ударение и в этих случаях выглядело бы как разноместное.

[10] Заметим, что, если, несмотря на сказанное выше (см. предыдущую сноску), использовать счет слогов от конца, некоторые из выдвинутых возражений отпадут; однако удовлетворительного результата в целом и в этом случае не достигается.

Обратимся ко второму принципу учета ударения в парадигме. Наиболее простой способ сравнивать сдвиги ударения в двух парадигмах состоит, по-видимому, в следующем: две парадигмы считаются имеющими одинаковый характер сдвигов ударения, если разность между номерами ударных слогов (по счету от начала) любых двух словоформ одной парадигмы такая же, как у соответствующих словоформ другой парадигмы. Предположим, что в основе интуитивного представления об однотипности двух парадигм по ударению лежит одинаковый характер сдвигов ударения (в указанном здесь смысле). Это предположение позволяет объяснить некоторые факты, которых предшествующее предположение объяснить не могло, а именно — интуитивную однотипность таких слов, как *спор*, *ана́лиз*, *чемпиона́т*, а также таких, как *вина́*, *глубина́*, *величина́*. Однако в целом это предположение также не подтверждается. В самом деле, например, интуитивно однотипные слова *сорт*, *го́род*, *ко́локол* не удовлетворяют сформулированному выше условию. Напротив, интуитивно неоднотипные (по ударению) слова *дове́сок* и *кусо́к* ему удовлетворяют (поскольку вообще любые два слова, удовлетворявшие прежнему условию, удовлетворяют и данному). Таким образом, и в этом случае предложенное условие не является ни необходимым, ни достаточным для того, чтобы сравниваемые парадигмы воспринимались как однотипные по ударению.

Итак, «прямолинейные» способы учета ударения не приводят к успеху и даже не дают оснований решительно предпочесть какой-либо из двух возможных принципов учета.

Анализ фактов, противоречащих обоим выдвинутым выше предположениям (*сорт—го́род—ко́локол*, *дове́сок—кусо́к*), приводит к мысли, что для интуитивных оценок существен прежде всего не подсчет слогов, а выбор между ударением на основе и ударением на окончании. Так, слова *сорт*, *го́род*, *ко́локол* сходны в том, что у них во всем единственном числе ударение на основе, а во всем множественном числе — на окончаниях, и мы видим, что эти слова воспринимаются как однотипные по ударению, хотя оно и сдвигается здесь на разное число слогов. Напротив, слова *дове́сок* и *кусо́к* в этом смысле различаются (у первого ударение всегда на основе, у второго во всех словоформах с ненулевым окончанием — на окончании), и мы видим, что они воспринимаются как разнотипные по ударению.

Таким образом, описывая ударение в парадигме, необходимо прежде всего учитывать, на каком из двух главных морфологических компонентов — основе или окончании — находится ударение в каждой словоформе парадигмы. (Легко видеть, что такой способ учета ударения отражает первый из рассмотренных выше принципов.) Иначе говоря, мы предполагаем, что две парадигмы могут удовлетворять интуитивному представлению об одинаковости склонения только в том случае, если в каждой паре соответ-

ствующих друг другу словоформ этих парадигм ударение падает на один и тот же компонент (основу или окончание). Примеров, явно противоречащих этому предположению, мы не обнаружили.

Было бы, однако, неправильно предполагать, что указанное условие является не только необходимым, но и достаточным для того, чтобы сравниваемые парадигмы воспринимались как однотипные по ударению. Так, например, следующие пары слов, удовлетворяющие этому условию, воспринимаются как разнотипные по ударению: *прáвило* (мн. *прáвила*)—*óзеро* (мн. *озёра*); *брус* (мн. *брýсья*)—*кóлос* (мн. *колóсья*); *южáнин* (мн. *южáне*)—*славяни́н* (мн. *славя́не*); *славяни́н* (мн. *славя́не*)—*граждани́н* (мн. *грáждане*); *гора* (И. мн. *гóры*, Р. мн. *гор*)—*головá* (И. мн. *гóловы*, Р. мн. *голóв*); *письмо* (Р. мн. *пи́сем*)—*кольцó* (Р. мн. *колéц*); *шáхматы* (Р. *шáхмат*)—*хлóпоты* (Р. *хлопóт*); *бéрег* (Р. ед. *бéрега*)—*перёд* (Р. ед. *пéреда*); *чехóл* (Р. ед. *чехлá*)—*ýгол* (Р. ед. *углá*). Как показывает наблюдение, во всех этих случаях различие между двумя сравниваемыми парадигмами состоит в том, что в некоторых парах соответствующих друг другу словоформ этих парадигм ударение по-разному расположено внутри основы. Наиболее адекватным способом учета этих различий оказывается сравнение места ударения в каждой словоформе, имеющей ударение на основе, с местом ударения в исходной словоформе. (Тем самым здесь применяется второй возможный принцип учета ударения.) В результате такого сравнения устанавливаем, например, что словоформа *прáвила* имеет «нулевой» сдвиг ударения (ср. исходную словоформу *прáвило*), а словоформа *озёра* — сдвиг на один слог вправо (ср. *óзеро*); что словоформа *гóры* имеет сдвиг на один слог влево (ср. *горá*), а словоформа *гóловы* — на два слога влево (ср. *головá*) и т. д.[11] Точные правила определения этих сдвигов даются ниже (в целях общности эти правила строятся так, что ими обрабатываются все словоформы парадигмы, а не только словоформы с ударением на основе). Мы предполагаем, что две парадигмы могут удовлетворять интуитивному представлению об одинаковости склонения только в том случае, если в каждой паре соответствующих друг другу словоформ этих парадигм сдвиг ударения (определенный по данным правилам) одинаков. Примеров, противоречащих этому предположению, не обнаружено.

Выдвинутое условие, как и предыдущее, не является, правда, достаточным для того, чтобы две парадигмы воспринимались как однотипные по ударению. Так, например, явно неоднотипные по ударению слова *спор*, *стол*, *сорт*, *волк* удовлетворяют этому условию. Для нас существенно, однако, что оба этих условия вместе, по-видимому, уже достаточны для данной цели. Действи-

[11] Особый случай составляет лишь последний пример (*чехóл*—*ýгол*). Здесь указанный прием не даст желаемого результата; вместо этого приходится оценивать положение ударения в исходной словоформе по отношению к ее конечному слогу.

тельно, не удается найти таких двух слов, которые удовлетворяли бы обоим этим условиям одновременно и все же воспринимались бы как разнотипные по ударению.

Итак, принимаемый способ учета ударения в парадигме опирается одновременно на оба рассмотренных выше принципа и состоит в том, что каждая словоформа парадигмы оценивается с двух независимых точек зрения: 1) на какой компонент — основу или окончание — падает ударение в этой словоформе; 2) каков в этой словоформе так называемый сдвиг ударения (подразумевается: «по отношению к некоторой условной точке этой словоформы»).

Признак «сдвиг ударения» может принимать целые числовые значения от —3 до +2 (минус означает сдвиг влево, плюс — сдвиг вправо, цифры — число слогов). Значение этого признака приписывается словоформе по следующим правилам:

1. Если ударение на окончании — значение 0.
2. Если ударение на основе, то:

а) в неисходной словоформе — значение, равное разности между номером ударного слога (по счету от начала) в этой словоформе и номером ударного слога в исходной словоформе;

б) в исходной словоформе: если в парадигме все окончания, содержащие гласные, ударны — значение, равное разности между номером ударного слога в этой словоформе и числом ее слогов; в прочих случаях — значение 0.

Примеры: *величинá* 0, *числóм* 0; *прáвила* 0, *озёра* +1; *брýсья* 0, *колóсья* +1; *южáне* 0, *славя́не* —1, *грáждане* —2; *гóры* —1, *гóловы* —2, *скóвороды* —3; *гор* —1, *голóв* —1, *сковорóд* —1; *пи́сем* —1, *колéц* 0; *шáхмат* 0, *хлопóт* +1; *бéрег* 0, *бéрега* 0, *перёд* 0, *пéреда* —1; *чехóл* 0, *ýгол* —1.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства имеют одинаковое распределение ударения, если в каждой паре одноименных непустых клеток этих парадигм находятся словоформы, имеющие ударение на одном и том же компоненте (основе или окончании). Например, одинаковое распределение ударения имеют парадигмы слов *тигр* и *ры́ба*, *веществó* и *конурá*, *прáвило* и *óзеро*, *рукá* и *головá*, *кисть* и *дóля*, *живóй* и *тупóй*.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства имеют одинаковое распределение сдвигов ударения, если в каждой паре одноименных непустых клеток этих парадигм находятся словоформы, имеющие одно и то же значение признака «сдвиг ударения». Например, одинаковое распределение сдвигов ударения имеют парадигмы слов *тигр* и *ры́ба*, *веществó* и *конурá*, *спор* и *стол*, *довéсок* и *кусóк*, *кисть* и *дóля*, *живóй* и *тупóй*.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства одинаково акцентуированы, если

они имеют одинаковое распределение ударения и одинаковое распределение сдвигов ударения.

Например, одинаково акцентуированы парадигмы слов *тигр* и *ры́ба*, *вещество́* и *конура́*, *кисть* и *до́ля*, *живо́й* и *тупо́й*.

Определение эквивалентности двух парадигм

§ 5.6. Две парадигмы называются э к в и в а л е н т н ы м и, если они 1) имеют одинаковое внутреннее устройство, 2) имеют одинаковый набор окончаний, 3) имеют подобные наборы основ и 4) одинаково акцентуированы. Например, эквивалентны парадигмы слов *стол* и *топо́р*, *спор* и *чемпиона́т*, *гусёнок* и *козлёнок*, *голова́* и *борода́*, *свинья́* и *судья́*, *наш* и *ваш*, *тако́й* и *городско́й*, *живо́й* и *тупо́й*. Напротив, не эквивалентны, например, парадигмы слов *часово́й* (существительное) и *часово́й* (прилагательное) (неодинаковое внутреннее устройство парадигмы); *дар* и *сорт* (неодинаковые наборы окончаний, ср. *дары́* и *сорта́*); *стол* и *чехо́л* (неподобные наборы основ, ср. *столы́* и *чехлы́*); *беда́* и *спина́* (неодинаковая акцентуация, ср. *беду́* и *спи́ну*).

Отношение эквивалентности между парадигмами, вводимое данным определением, обладает свойствами рефлексивности, симметричности и транзитивности (см. § 5.1, сн. 1). Это значит, что оно определяет разбиение всего множества парадигм на непересекающиеся классы эквивалентных между собой парадигм. Совокупность всех эквивалентных между собой парадигм мы будем называть э л е м е н т а р н ы м к л а с с о м п а р а д и г м.

Глава шестая

КЛАССИФИКАЦИЯ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ ПО СПОСОБУ ВНЕШНЕГО ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

РАЗДЕЛ I

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Требование достаточной детальности классификации

§ 6.1. Понятие эквивалентности двух парадигм, выработанное в предшествующей главе, дает возможность продолжить классификацию именных парадигм, начатую в гл. 3 [1], а именно, перейти к классификации парадигм по способу внешнего выражения грамматических противопоставлений.

Как указано в § 0.3, в настоящей работе принята классификация универсального типа, т. е. такая, при которой каждой парадигме приписано некоторое значение каждого различительного признака, участвующего в классификации. Назовем п о л н о й х а р а к т е р и с т и к о й некоторой парадигмы запись, показывающую, какое значение принимает у этой парадигмы каждый из участвующих в классификации различительных признаков.

Основное формальное требование, которое предъявляется к строящейся ниже классификации, состоит в следующем: любые две неэквивалентные парадигмы должны иметь разные полные характеристики. Мы будем называть его далее требованием д о с т а т о ч н о й д е т а л ь н о с т и классификации. С содержательной точки зрения это требование можно пояснить так: классификация должна быть достаточно детальна для того, чтобы с ее помощью можно было для каждой пары неэквивалентных парадигм указать, какие именно различия между этими парадигмами являются причиной их неэквивалентности. Очевидно, что если выполнено требование достаточной детальности, то совокупность всех парадигм с одинаковой полной характеристикой всегда образует подкласс некоторого элементарного класса парадигм (в частном случае она равна некоторому элементарному классу). В связи с этим мы будем далее называть совокупность всех пара-

---

[1] Для той части классификации, которая дана в гл. 3, понятие эквивалентности двух парадигм еще не требуется.

дигм с одинаковой полной характеристикой элементарным подклассом парадигм.

Следует ли требовать также и обратного соотношения, т. е. того, чтобы любые две эквивалентные парадигмы имели одинаковые полные характеристики (иначе говоря, чтобы всякий элементарный класс совпадал с некоторым элементарным подклассом)? Опыт показывает, что соблюдение этого требования в некоторых случаях затруднило бы классификацию и даже привело бы к затемнению действительных отношений между парадигмами. Дело в том, что одно и то же по своей природе различие между парадигмами может в одних случаях служить причиной неэквивалентности парадигм, а в других по каким-либо посторонним причинам оставаться как бы скрытым. Так, например, парадигмы *бок* и *борт* различаются между собой явно тем же, чем парадигмы *ток* (электрический) и *торт*; однако парадигмы *ток* и *торт* неэквивалентны (ср. И. мн. *тóки* и *тóрты*), а парадигмы *бок* и *борт* — эквивалентны (поскольку в И. мн. выступает окончание *-а*, перед которым различие конечных согласных основы никак не проявляется: *бокá*, *бортá*). В подобных случаях естественно приписать парадигмам разные полные характеристики, несмотря на их эквивалентность, т. е. допустить избыточную детальность классификации. Практически в нашей классификации избыточная детальность невелика: подавляющее большинство элементарных классов состоит из одного элементарного подкласса.

Общая схема описания отдельного различительного признака

§ 6.2. Все различительные признаки, участвующие в классификации именных парадигм (включая те, которые уже введены в главе 3), описываются в настоящей работе по единой схеме, а именно, о различительном признаке даются следующие сведения.

1. *Полный список возможных значений различительного признака.* Одно из значений может быть названо нулевым (и, соответственно, занумеровано нулем). Это делается в тех случаях, когда данное значение представляет собой своего рода норму, характерную для большинства парадигм, а все остальные («ненулевые») значения — отклонение от этой нормы.

2. *Указания о том, каким образом произвольной полностью известной парадигме приписывается значение данного различительного признака.* Чаще всего такие указания содержатся в неявном виде в самой формулировке значений различительного признака. (В ряде случаев однозначность этих формулировок достигается введением одного или нескольких предварительных операционных определений; ср. § 6.15, 6.23—6.26.)

В меньшинстве случаев указания такого рода даются в виде явно сформулированных правил (ср. § 6.7, 6.9, 6.27).

3. *Указания, позволяющие установить, какое значение принимает данный признак у произвольной парадигмы, по некоторой ограниченной информации об этой парадигме* (в минимальном случае — по одной лишь ее исходной словоформе). В тех случаях, когда такие указания сравнительно просты (например, сводятся к спискам слов), они даются непосредственно при перечислении значений различительного признака. В более сложных случаях они выделяются в самостоятельные правила. Перед такими правилами обязательно указывается, какова используемая исходная информация о парадигме. Эта исходная информация может состоять только из формальных характеристик слова (как правило это либо некоторые внешние особенности исходной словоформы, либо значения других признаков, используемых в нашей классификации). Тем самым исключается обращение к семантическим, словообразовательным, этимологическим и т. п. характеристикам слова (сведения, связанные с такими характеристиками, могут быть даны в замечаниях или в сносках). Подобные неформальные характеристики могут, однако, учитываться при группировке слов в тех или иных списках. В самом деле, например, может оказаться удобным разделить список исключений из некоторого правила на семантические группы: это позволит видеть, что часть отклонений от правила фактически определяется значением слова. В то же время с формальной точки зрения это отнюдь не значит, что для выполнения правила необходимо обращаться к значению, поскольку состав каждой из выделенных семантических групп тут же полностью перечисляется. На таких же основаниях допускается обращение к формальным характеристикам, не указанным в числе необходимых исходных сведений о парадигме. Любой список слов может быть заменен отсылкой к некоторому другому месту книги (в том числе находящемуся ниже), где этот список содержится.

Специально отметим, что в качестве исходной информации о парадигме могут использоваться значения различительных признаков, рассматриваемых лишь позднее. Вообще в настоящей работе не предполагается, что правила установления значений отдельных различительных признаков должны применяться в том порядке, в котором рассматриваются сами эти признаки. Порядок, в котором эти правила должны применяться для получения полной характеристики парадигмы, специально указывается в § 7.2. Разумеется, было бы все же желательно избежать подобного «забегания вперед»; оказывается, однако, что при таком порядке изложения, когда каждому различительному признаку посвящен единый связный раздел, полностью избежать этого нельзя ни при какой последовательности различительных признаков.

Следует обратить внимание на то, что описанные здесь правила установления значений некоторого различительного признака и правила приписывания значений, о которых сказано выше, в пункте 2, внешне могут быть отчасти сходны (ср., например, § 6.9 и 6.10). Тем не менее по своей функции они совершенно различны: правила приписывания значений служат лишь для того, чтобы сообщить читателю, как именно производилась классификация; правила установления значений представляют собой уже часть процедуры синтеза парадигм.

4. *Статистические сведения* (факультативно). Это сведения о численности классов парадигм, образуемых при разбиении всего исходного материала по рассматриваемому признаку. При этом может быть учтено также деление парадигм по каким-либо другим признакам, имеющим отношение к данному. Статистические сведения могут быть даны непосредственно в тексте или в виде таблиц. В отдельной клетке таблицы помещается слово-образец, принадлежащее соответствующей группе слов (изредка дается более одного образца). При нем в квадратных скобках указывается численность этой группы [2]. Если, однако, состав группы исчерпывается приведенным образцом (или образцами), в квадратные скобки заключаются сами эти образцы, а численность группы не указывается. До 20 число парадигм, входящих в группу, указывается точно; выше 20 оно как правило округляется (от 20 до 100 — в пределах 5, от 100 до 1000 в пределах 20, выше 1000 — в пределах 50). Кроме того, для наглядности численность группы символизируется шрифтом слова-образца, а именно:

строчной светлый, например,	житиé	— до 10 парадигм
строчной полужирный, например,	**область**	— от 11 до 100 парадигм
прописной светлый, например,	ЖИ́ТЕЛЬ	— от 101 до 1000 парадигм
прописной полужирный, например,	**КА́РТА**	— свыше 1000 парадигм.

Все подсчеты произведены строго в пределах исходного материала. Специально подчеркнем, что всякое слово с колебаниями учитывается в этих подсчетах столько раз, на сколько вариантов «расщеплена», в соответствии с § 4.3, его парадигма. Иначе говоря, единицей подсчета является не лексема, а вариант парадигмы, не имеющий индивидуальных колебаний (см. § 4.3).

В таблицах могут быть даны также образцы слов, не входящих в исходный материал. Они заключаются в угловые скобки, например: ⟨Попóв⟩. Количественных характеристик при таких образцах не дается. Образец в угловых скобках может быть дан как в клетке, где нет обычного образца, так и наряду с обычным образцом (см., например, таблицу в § 6.28).

Примечание. При необходимости получить какие-либо дополнительные сведения о численности тех или иных группировок именных парадигм следует обращаться непосредственно к «Приложению».

[2] В редких случаях, когда образцы вообще не приводятся, численность групп указывается без скобок.

5. *Комментарии* (факультативно). В комментариях указываются содержательные мотивы наиболее важных формальных решений, принятых в соответствующем разделе.

Первичные и вторичные словоформы

§ 6.3. Введем некоторые вспомогательные понятия, необходимые для последующей классификации парадигм.

Назовем вторичной:

1) всякую словоформу 2-го родительного падежа;
2) всякую словоформу 2-го предложного падежа;
3) всякую счетную словоформу;
4) всякую припредложную словоформу, кроме словоформ предложного падежа;
5) всякую словоформу предложного падежа слов *он, она́, оно́, они́, не́кого, не́чего, никто́, ничто́, никако́й, никото́рый, ниче́й*;
6) всякую словоформу винительного падежа (кроме словоформы *её* слова *она́*), омонимичную соответствующей [3] словоформе именительного или родительного падежа;
7) всякую словоформу единственного числа (кроме словоформ неизменяемых слов), омонимичную соответствующей [4] словоформе множественного числа.

Замечание. На основании пункта 6 вторичными оказываются, в частности, все словоформы винительного падежа множественного числа.

Всякую иную словоформу именной парадигмы назовем первичной [5].

Суженная парадигма

§ 6.4. Назовем совокупность всех первичных словоформ некоторого слова суженной парадигмой этого слова. В тех случаях, когда необходимо противопоставить суженную парадигму и парадигму в обычном смысле, последняя может быть названа полной.

Суженная парадигма любого слова представляет собой объект, устроенный с принципиальной точки зрения так же, как и обычная (полная) парадигма, а именно, она состоит из некоторого числа клеток, каждая из которых имеет в качестве названия некоторое словоизменительное грамматическое значение и содержит одну или несколько словоформ. Это значит, что к суженным парадигмам применимы определения и операции, введенные выше для полных парадигм. В частности, две суженные парадигмы

[3] Т. е. такой словоформе той же парадигмы, грамматическое значение которой отличается от грамматического значения данной словоформы только падежом.

[4] Т. е. такой словоформе той же парадигмы, грамматическое значение которой отличается от грамматического значения данной словоформы только числом.

[5] Относительно названий «первичные» и «вторичные» см. § 6.50.

могут иметь одинаковое или различное внутреннее устройство, одинаковый или неодинаковый набор окончаний, подобные или неподобные наборы основ, могут быть одинаково или неодинаково акцентуированы, наконец, в целом могут быть эквивалентными или неэквивалентными.

Заметим, что эквивалентными могут оказаться суженные парадигмы двух слов, полные парадигмы которых неэквивалентны. Такие пары образуют, например, слова *ко́шка* и *ло́жка*, *мышь* и *ночь*, *горб* и *герб*; дело в том, что словоформы, являющиеся здесь причиной неэквивалентности полных парадигм (а именно, В. мн. *ко́шек* и *ло́жки*, *мыше́й* и *но́чи*, $П_2$ ед. *мы́ши* и *ночи́*, *горбу́* и *гербе́*), не входят в соответствующие суженные парадигмы.

Эталон, позволяющий сравнивать парадигмы разного внутреннего устройства

§ 6.5. По самому смыслу введенных выше определений одинаковости набора окончаний, подобия наборов основ и одинаковой акцентуации, классифицировать по этим признакам можно только парадигмы одинакового внутреннего устройства. Но в этом случае нельзя осуществить сформулированный в § 0.3 принцип универсальности различительных признаков парадигм. Следовательно, необходимо найти способ сравнивать парадигмы р а з н о г о устройства по окончаниям, основе и ударению.

Основная трудность при сравнении двух парадигм разного внутреннего устройства состоит в том, что неизвестно, каким образом соответствуют друг другу их словоформы. Возьмем, например, парадигмы слов *по́честь* и *двена́дцать*. Сходство парадигмы слова *двена́дцать* с ед. числом парадигмы слова *по́честь* очевидно. Однако с формальной точки зрения здесь имеется следующее препятствие для прямого сравнения: словоизменительные грамматические значения словоформ слова *по́честь* состоят из граммем числа и падежа (например, И. ед., Т. мн.), тогда как словоизменительные грамматические значения словоформы слова *двена́дцать* состоят только из граммем падежа (например, И., Т.). Поэтому, даже если условиться, что сравниваемые словоформы должны стоять в одном и том же падеже, все же остается неизвестным, следует ли сравнивать, например, словоформу *двена́дцатью* со словоформой Т. ед. *по́честью* или Т. мн. *по́честями*.

Чтобы преодолеть эту основную трудность, необходимо условиться о том, каким образом словоформы из парадигм разного внутреннего устройства соответствуют друг другу. Практически нам потребуется устанавливать соответствия только между первичными словоформами (поскольку вторичные словоформы отражаются при классификации различительными признаками особого строения, см. § 6.50). Предлагаемый ниже способ установления такого соответствия основан на соотнесении каждой

Эталон

			Согласовательные классы						
			1 (муж. неод.)	2 (муж. одуш.)	3 (жен. неод.)	4 (жен. одуш.)	5 (сред. неод.)	6 (сред. одуш.)	7 (парн. неод.)
Ед. число	Неатрибутивные формы								
	Атрибутивные формы	И.							
		В.							
		Р.							
		П.							
		Д.							
		Т.							
Мн. число	Неатрибутивные формы								
	Атрибутивные формы	И.							
		В.							
		Р.							
		П.							
		Д.							
		Т.							

первичной словоформы каждой именной парадигмы с некоторым единым эталоном (см. стр. 135). Эталон представляет собой набор клеток, каждая из которых имеет свое обозначение. (Вообще говоря, таким обозначением может служить просто номер; практически клетки эталона обозначены определенными грамматическими значениями.) Даются правила, позволяющие установить для любой первичной словоформы любой именной парадигмы, какой клетке эталона она соответствует. Две словоформы из парадигм разного внутреннего устройства[6] считаются соответствующими друг другу, если и только если они соответствуют одной и той же клетке эталона. Таким образом, эталон служит посредником между парадигмами разного внутреннего устройства.

Эталон состоит из 98 клеток — по числу словоизменительных грамматических значений, представленных у первичных словоформ (а также у вторичных словоформ ед. ч. 7-го класса и В. мн.) парадигмы расширенного адъективного разряда. Эти грамматические значения и служат обозначениями (или, как мы будем говорить ниже, названиями) его клеток. При этом граммему «атрибутивность» в названиях клеток эталона условимся опускать, поскольку она однозначно предсказывается наличием граммемы падежа. В соответствии с § 2.10, символ «П.» обозначает «предложный припредложный», остальные символы падежей — соответствующие самостоятельные формы. Заметим, что порядок падежей в эталоне нетрадиционный; такой порядок более удобен для описания наборов окончаний и ударения.

Соотнесение первичных словоформ с эталоном

§ 6.6. Рассмотрим теперь, как устанавливаются соответствия первичных словоформ именных парадигм с клетками эталона. Представим соотнесение первичной словоформы с некоторой клеткой эталона как наложение ее на эту клетку; будем говорить, что она «покрывает» эту клетку эталона. Всякая суженная парадигма покрывает, таким образом, либо весь эталон, либо некоторую его часть.

Основное требование, которое должно соблюдаться при соотнесении некоторой первичной словоформы F с эталоном, состоит в следующем: все граммемы, образующие словоизменительное грамматическое значение словоформы F, должны содержаться

---

[6] Можно было бы сделать это определение более общим, распространив его на любые две различные парадигмы (а не только на парадигмы разного внутреннего устройства). Однако определенное таким образом соответствие между первичными словоформами из парадигм одинакового внутреннего устройства на практике не потребовалось бы, поскольку для этой цели уже используется более простое понятие одноименности. (Заметим, что критерии одноименности и соответствия через эталон, вообще говоря, могут дать разные результаты.)

в названии покрываемой ею клетки эталона [7]. В соответствии с этим требованием, например, словоформа *пóчестью* (словоизменительное грамматическое значение «Т. ед.») может покрывать клетку «Т. ед. жен. неод.» или «Т. ед. муж. одушç.» и т. д., но не клетку «И. ед.» или «Т. мн.» (какого угодно согласовательного класса); словоформа *двенáдцатью* (словоизменительное грамматическое значение «Т.») может покрывать любую клетку творительного падежа, но никаких других.

Очевидно, что это основное требование обеспечивает однозначное соотнесение с эталоном только для первичных словоформ прилагательных; для первичных словоформ прочих слов остается несколько возможностей: ср. приведенные выше примеры. Для достижения однозначности при соотнесении с эталоном любой первичной словоформы любой именной парадигмы вводятся два вспомогательных различительных признака парадигм: 1) морфологическое число; 2) морфологический класс.

Различительный признак «морфологическое число»

§ 6.7. Эталон состоит из двух половин (верхней и нижней), соответствующих единственному и множественному числам. Различительный признак «морфологическое число» показывает, с клетками какой из этих половин эталона соотносятся первичные словоформы взятой парадигмы. Он может принимать следующие значения:

0. «Фиксированного морфологического числа парадигма не имеет»: не все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками одной и той же половины эталона. (Это же значение получают парадигмы с дефектами № 5, 6, 7, 11, 12.)

1. «Единственное морфологическое число»: все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками той половины эталона, которая соответствует единственному числу.

2. «Множественное морфологическое число»: все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками той половины эталона, которая соответствует множественному числу.

Правила, позволяющие приписать полностью известной парадигме значение признака «морфологическое число»

I. Прилагательные и существительные имеют нулевое значение данного признака.

II. У слов бесчисловых разрядов одна из словоформ берется в качестве контрольной, а именно: в согласуемо-бесчисловом разряде — словоформа Д. падежа 2-го согласоват. класса, в несогласуемо-бесчисловом разряде — словоформа Д. падежа. Если эта словоформа оканчивается на *м* — морфологическое число множественное; если она оканчивается иначе (а также если она отсутствует) — морфологическое число единственное.

---

[7] В соответствии со сказанным выше, в названиях клеток эталона, содержащих граммему падежа, считается присутствующей также граммема «атрибутивность».

Примеры: *нóвый*, *этот*, *стеня́*, *ночь* — фиксированного морфологического числа нет (нулевое значение); *три*, *пятьсóт*, *стóлько*, *мы* — множественное морфологическое число (ср. *трём*, *пятиста́м*, *стóльким*, *нам*); *пять*, *сто*, *полтора́*, *я*, *ты* — единственное морфологическое число (ср. *пяти́*, *ста*, *полу́тора*, *мне*, *тебé*).

§ 6.8. Приведенные правила исходят из того, что взятая парадигма полностью известна (ср. § 6.2, пункт 2); с логической точки зрения они представляют собой просто определения терминов «единственное морфологическое число» и «множественное морфологическое число» (а также выражения «фиксированного морфологического числа нет»).

В соответствии с § 6.2 (пункт 3), помимо таких правил необходимы также правила иного логического строения, а именно, правила, позволяющие установить морфологическое число произвольной парадигмы на основании ее исходной словоформы и минимального количества дополнительных сведений. Такие правила приводятся ниже. В качестве дополнительной информации о парадигме они используют только грамматический разряд.

Правила, позволяющие установить (по минимальной информации о парадигме) значение признака «морфологическое число»

I. Прилагательные и существительные имеют нулевое значение данного признака.

II. Из слов бесчисловых разрядов: слова *я*, *ты*, *он*, *она́*, *онó*, *себя́*, *друг дру́га*, *кто*, *что*, *никтó*, *ничтó*, *нéкто*, *нéчто*, *нéкого*, *нéчего*, *ка́ждый*, *любóй*, *всё*, *мнóгое*, *немнóгое*, *вся́кое*, *прóчее*, *остальнóе*, *ма́ло*, *нема́ло*, *пол* (половина), *оди́н* (числительное), *полтора́*, *пять*, *шесть*, *семь*, *вóсемь*, *дéвять*, *дéсять*, *сóрок*, *девянóсто*, *сто*, *полтора́ста*, *ты́сяча* (числительное) и все слова на *дцать* и *десят* — единственного морфологического числа;

слова *мы*, *вы*, *они́*, *все*, *нéкоторые*, *мнóгие*, *немнóгие*, *оба*, *два*, *три*, *четы́ре*, *двéсти*, *три́ста*, *четы́реста*, *двóе*, *трóе*, *стóлько*, *скóлько*, *нéсколько*, *мнóго*, *немнóго* и все слова на *сот* и *еро* — множественного морфологического числа.

Различительный признак «морфологический класс»

§ 6.9. Эталон состоит из семи частей, соответствующих согласовательным классам; каждую из этих частей можно назвать столбцом эталона. Различительный признак «морфологический класс» показывает, с клетками какого из столбцов эталона соотносятся первичные словоформы взятой парадигмы. Он может принимать следующие значения:

0. «Фиксированного морфологического класса парадигма не имеет»: не все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками одного и того же столбца эталона.

Кроме того, имеется шесть ненулевых значений следующего общего вида: «морфологический класс . . .» (следует номер от 1 до 6) — все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками того столбца эталона, который соответствует согласовательному классу с тем же номером.

Замечание. Как показывает опыт описания, вводить значение «морфологический класс 7» нет необходимости.

Рассматриваемый различительный признак может быть представлен также как результат объединения двух самостоятельных различительных признаков, а именно:

а) признак «морфологический род», принимающий следующие значения: нулевое («фиксированного морфологического рода нет») и ненулевые — мужской, женский и средний морфологические роды;

б) признак «морфологическая одушевленность—неодушевленность», принимающий следующие значения: нулевое («морфологическая одушевленность—неодушевленность не фиксирована») и ненулевые — морфологическая одушевленность и морфологическая неодушевленность.

Значения этих признаков соотносятся со значениями признака «морфологический класс» следующим образом (прочерк показывает, что соответствующая комбинация значений невозможна):

Морф. одушевленность—неодушевленность	Морфологический род			
	мужской	женский	средний	не фиксирован
Морф. неодушевленность	морф. класс 1	морф. класс 3	морф. класс 5	—
Морф. одушевленность	морф. класс 2	морф. класс 4	морф. класс 6	—
Не фиксирована	—	—	—	морф. класс не фиксирован

Замечание. Как можно видеть, отношения между тремя рассматриваемыми признаками аналогичны отношениям между грамматическими категориями согласовательного класса, рода и одушевленности—неодушевленности (см. § 2.17).

Правила, позволяющие приписать полностью известной парадигме значение признака «морфологический класс»[8]

I. Прилагательные и слова согласуемо-бесчислового разряда имеют нулевое значение данного признака.

---

[8] В этих правилах, естественно, могут быть использованы сведения, которые для любой полностью известной парадигмы устанавливаются по данным ранее правилам, в частности, разделение любой словоформы на основу и окончание (§ 4.4), деление словоформ на первичные и вторичные (§ 6.3), морф. число (§ 6.7).

II. У существительных и слов несогласуемо-бесчислового разряда морфологический класс возникает как совокупность отдельно приписываемых значений признака «морфологический род» и признака «морфологическая одушевленность—неодушевленность».

М о р ф о л о г и ч е с к и й р о д приписывается существительным и словам несогласуемо-бесчислового разряда по следующим правилам:

1. Слова *огнь*, *пла́мень*, *пол* (половина), *друг дру́га* — мужского морф. рода; слова *я*, *ты*, *себя́* — женского морф. рода; слова *дитя́*, *порося́*, *полтора́ста*, *сот* (сотен) — среднего морф. рода. Для прочих слов — перейти к 2.

2. Если все словоформы парадигмы одинаковы — морф. род средний. Если это не так, то: для существительных, не имеющих первичных словоформ ед. числа, и для слов множественного морф. числа — перейти к 3; для прочих слов — перейти к 4.

3. Если окончание Р. мн. (у бесчисловых — Р.) [9] содержит гласную — морф. род мужской. Если это не так, то: у слов с окончанием И. мн. (у бесчисловых — И.) *-а* или *-я* морф. род средний, у прочих слов морф. род женский.

4. У слов на *о*, *е*, *ё*, *мя* и *еся* морф. род средний.

У слов на *а*, *я* (кроме слов на *мя*, *еся* и *ийся*) морф. род женский.

У слов на *ь*: если Т. ед. (у бесчисловых — Т.) оканчивается на *м* — морф. род мужской; в прочих случаях морфологический род женский.

У всех прочих слов морф. род мужской.

Значение признака «м о р ф о л о г и ч е с к а я о д у ш е в л е н н о с т ь—н е о д у ш е в л е н н о с т ь» приписывается существительным и словам несогласуемо-бесчислового разряда по следующим правилам:

Если все словоформы парадигмы одинаковы — слово морфологически неодушевленное.

В прочих случаях: если словоформа В. мн. (у бесчисловых — В.) омонимична словоформе Р. мн. (у бесчисловых — Р.) — слово морфологически одушевленное; если не омонимична (или если хотя бы одна из этих словоформ отсутствует) — слово морфологически неодушевленное.

П р и м е р ы: *но́вый*, *э́тот*, *оди́н*, *два* — фиксированного морфологического класса нет (нулевое значение); *стол*, *дождь*, *бой*, *анна́лы*, *джу́нгли*, *щи*, *сбро́к* — морф. класс 1; *слон*, *мураве́й*, *вожа́тый*, *он* — морф. класс 2; *стена́*, *ночь*, *столо́вая*, *но́жницы*, *два́дцать* — морф. класс 3; *сестра́*, *мышь*, *сирота́*, *судья́*, *мальчи́шка*, *я*, *себя́* — морф. класс 4; *окно́*, *и́мя*, *доми́шко*, *доми́ще*, *воро́та*, *сто*, *три́ста*, *что*, *шоссе́* — морф. класс 5; *лицо́*, *живо́тное*, *подмасте́рье*, *волчи́ще*, *оно́* — морф. класс 6.

§ 6.10. Аналогично правилам приписывания морфологического числа, приведенные правила, исходящие из того, что парадигма полностью известна, по существу представляют собой просто определения терминов «морфологический класс 1», «морфологический класс 2» и т. д. Так же, как и в случае с морфологическим числом, здесь необходимы, кроме того, правила, позволяющие установить морфологический класс произвольной парадигмы на основании ее исходной словоформы и минимального количества дополнительных сведений.

При попытке построить такие правила обнаруживается следующее. Морфологический род можно установить с помощью

---

[9] Здесь и ниже перед скобками указано грамматическое значение словоформ существительных, а в скобках — грамматическое значение словоформ из парадигм несогласуемо-бесчислового разряда.

формальных правил (правда, довольно сложных), опирающихся, помимо исходной словоформы, на сведения о грамматическом разряде и о том, является ли слово неизменяемым и относится ли к pluralia tantum. Иначе обстоит дело с признаком «морфологическая одушевленность—неодушевленность» (у существительных). У значительного большинства существительных не удается обнаружить никаких зависимостей между этим признаком и какими-либо иными внешними признаками парадигмы [10]. Очевидной и регулярной связью этот признак связан только со значением слова: слова, обозначающие одушевленные предметы, являются также морфологически одушевленными, слова, обозначающие неодушевленные предметы, — морфологически неодушевленными (почти без отклонений) [11]. Однако, как указано в § 6.2, мы не можем обращаться к значению при составлении формальных правил. Разумеется, при строго ограниченном объеме материала всегда возможно составить полный список, например, морфологически одушевленных существительных, входящих в этот объем. Далее можно построить формальное правило установления морфологической одушевленности—неодушевленности, включающее этот список. Очевидно, однако, что такое решение не представляет практической ценности, поскольку, во-первых, само это правило будет безмерно громоздким, во-вторых, за пределами первоначального объема материала оно окажется совершенно бесполезным. Таким образом, в условиях, когда к значению слова обращаться нельзя, мы вынуждены считать морфологическую одушевленность—неодушевленность характеристикой существительного, невыводимой (в общем случае) ни из каких других его характеристик.

Ниже приводятся правила установления морфологического класса произвольного слова, опирающиеся на следующие сведения об этом слове: 1) исходная словоформа (без разделения на основу и окончание); 2) грамматический разряд парадигмы; 3) сведение о том, относится ли слово к числу неизменяемых слов, не имеющих дефектов (для существительных); 4) сведение о том, относится ли слово к числу pluralia tantum (для существительных); 5) морфологическая одушевленность или неодушевленность (для существительных).

---

[10] Укажем наиболее важные из тех случаев, когда такие зависимости все же обнаруживаются: 1) слова среднего морфологического рода в подавляющем большинстве случаев являются морфологически неодушевленными; исключения составляют лишь несколько небольших групп слов (которые, к сожалению, не удается охарактеризовать формально): а) *лицó* (человек), *дитя́*, *дéтище*, *дúтятко*, *чáдо*, *чудóвище*, *чýдище*, *существó*, *божествó* и некоторые другие, б) группа отадъективных существительных типа *живóтное*, *насекóмое*, *млекопитáющее*, *пресмыкáющееся*, в) группа слов мужского рода на *ище* (например, *бычúще*) и на *ко* (например, *гнедкó*), а также *подмастéрье*, *полудýрье* (простореч.); 2) pluralia tantum (в смысле, указанном в § 2.12) — морфологически неодушевленные.

[11] См., в частности, АГ, § 175; относительно словосочетаний типа *пойти в солдаты* см. также выше, § 2.9.

Правила, позволяющие установить (по ограниченной информации о парадигме) значение признака «морфологический класс»

I. Прилагательные и слова согласуемо-бесчислового разряда имеют нулевое значение данного признака.

II. Слова несогласуемо-бесчислового разряда имеют следующие значения:

пол (половина), *сóрок*, *мнóго*, *немнóго*, *стóлько*, *скóлько*, *нéсколько* (три последних — в варианте, где В.=И.) — морф. класс 1;

он, *кáждый*, *любóй*, *друг дрýга*, *мы*, *вы*, *они́*, *все*, *нéкоторые*, *мнóгие*, *немнóгие* — морф. класс 2;

пять, *шесть*, *семь*, *вóсемь*, *дéвять*, *дéсять*, *двéсти*, *ты́сяча* (числительное) и все слова на *дцать*, *десят* и *сот* — морф. класс 3;

я, *ты*, *онá*, *себя́* — морф. класс 4;

что, *ничтó*, *нéчто*, *нéкто*, *нéчего*, *мáло*, *немáло*, *всё*, *мнóгое*, *немнóгое*, *вся́кое*, *прóчее*, *остальнóе*, *девянóсто*, *сто*, *полторáста*, *три́ста*, *четы́реста* — морф. класс 5;

онó, *кто*, *никтó*, *нéкого* — морф. класс 6.

III. У существительных морфологический класс возникает как совокупность отдельно приписываемых значений признаков «морфологический род» и «морфологическая одушевленность—неодушевленность».

Морфологический род существительных устанавливается по следующим правилам:

1. Неизменяемые существительные, не имеющие дефектов, а также слова *сот* (сотен), *дровéц*, *щец* — среднего морф. рода. Прочие существительные: для pluralia tantum и для слов, перечисленных в пункте 6 параграфа 3.4, — перейти к 2; для прочих слов — перейти к 3.

2. Слова на *e* — мужского морф. рода.

Слова на *a* и *я*: слова на *ья*, на *иеся*, а также *бегá*, *лесá*, *потрохá*, *торокá*, *зеленя́* — мужского морф. рода; прочие слова — среднего морф. рода.

Слова на *ы* и *и* (возможны только мужской и женский морф. роды, поэтому слово «исключение» означает ниже противоположный из этих морф. родов):

а) Слова на *ы́* и *и́* — мужского морф. рода. Исключения: *брылы́*, *ножны́* (вариант к *нóжны*) [12].

б) Слова на безударное *ы*:

Слова на *сы*, *озы*, *уары* и на согласную (или ь)+*ты* или +*цы* — мужского морф. рода. Исключения: *баля́сы*, *бýсы*, *вóлосы*, *пя́льцы* [13].

Прочие слова на безударное *ы* — женского морф. рода. Исключения: 1) *абрази́вы*, *аннáлы*, *вавилóны*, *глазенáпы*, *дебáты*, *кáдры*, *клавикóрды*, *консéрвы*, *лáры*, *пенáты*, *перýны*, *причиндáлы*, *сóты*, *счёты*, *хóры*; 2) *всхóды*, *вы́боры* (также *довы́боры*, *перевы́боры*), *огнеупóры*, *переговóры*, *перекóры*, *пересýды*, *прóводы*, *развóды*, *растабáры*, *рóды*; также слова на *товáры*, *материáлы* (например, *промтовáры*, *стройматериáлы*).

в) Слова на безударное *и*:

Слова на *ки* (кроме слов на безударное *ики*), на *ги*, на *щи* и на *ии* — женского морф. рода. Исключения: 1) *пáстриги*, *прелиминáрии*; 2) *огрёбки*, *вы́гребки*, *оскрёбки*, *поскрёбки*, *вы́скребки*, *озáдки*, *послéдки*, *объéдки*, *зáморозки*, *вы́морозки*, *тóлки*, *перетóлки*, *кривотóлки*, *помы́лки*, *смы́лки*, *остáнки*, *подóнки*, *стишóнки*, *вы́гарки*, *вéрки*, *прóиски*, *рóспуски*, *начáтки*, *ошмётки*, *пожи́тки*, *очи́стки*, *подмóстки*, *барáшки*, *подсóлнушки*; 3) следующие слова допускают как женский, так и мужской морф. роды [14]: *пáсевки*,

[12] Для слова *портки́* Орф. и Уш. дают Р. *портóк* и *порткóв* (в АО только *портков*).

[13] Для слова *пя́льцы* Уш. дает Р. *пя́льцев* (в АО и Орф. — *пя́лец*).

[14] По данным Уш. (в АО этих слов нет).

отсéвки, вы́севки, опи́вки, смы́вки, обжи́мки, вы́жимки, сни́мки, склáденки, перетóпки, вы́варки, вы́жарки, вы́чески, смётки, вы́молотки.

Прочие слова на безударное *и* — мужского морф. рода. Исключения: *кóлики, грáбли* (наряду с мужским морф. родом), *пантýфли; бабýши, ладóши.*

3. Слова на *о, е, ё, мя, еесе*, а также *дитя́, порося́* — среднего морф. рода.

Слова на *а* и на *я* (кроме слов на *мя, еесе, ийся* и слов *дитя́, порося́*) — женского морф. рода.

Прочие слова, кроме слов на *ь*, — мужского морф. рода.

Слова на ь (возможны только мужской и женский морф. роды, поэтому слово «исключение» означает ниже противоположный из этих морф. родов):

а) Слова на шипящую +ь — женского морф. рода [15].

б) Слова на губную согласную (*б, п, в. ф, м*)+ь — женского морф. рода. Исключения: *гóлубь, червь.*

в) Слова на *т, д, с* или *з* +ь — женского морф. рода. Исключения [16]: 1) следующие названия лиц мужского пола: *ви́тязь, вождь, госпóдь, гость, гридь* (член княжеской дружины), *зять, князь, нéхристь, тать, тесть*; 2) следующие названия животных, рыб и птиц: *гусь, карáсь, лéбедь, лосóсь, лось, медвéдь, язь*; 3) *дёготь, кóготь, лáпоть, лóкоть, лóмоть, нóготь, путь, ять*; *гвоздь, груздь, дождь, жёлудь, пóдгруздь*; *клáдезь, колóдезь, пéнязь, ферзь.*

г) Слова на *нь:*

Слова на *ень* — мужского морф. рода. Исключения: 1) *лень, сень, тень* (также *полутéнь, светотéнь*, обл. *стень*); 2) *гóлень, зéлень, ки́пень, óсень, пéчень, плéсень, прáзелень, прóзелень, рáмень* (обл.: лес у края поля), *стéпень, тéмень*; 3) *дребедéнь, межéнь, мигрéнь, мишéнь, пядéнь, сажéнь, сирéнь, ступéнь, сухмéнь, шагрéнь.*

Прочие слова на *нь* — женского морф. рода. Исключения: 1) следующие названия лиц мужского пола: *гуáнь, дубáнь* (должностные лица в старом Китае); 2) следующие названия животных, птиц и рыб: *конь, линь, лунь, óкунь*; 3) название месяца [17]: *июнь*; 4) *огóнь* (также устар. *огнь*), *шампýнь, шпинь (шпынь), финьшампáнь, юáнь* и все слова на *линь.*

д) Слова на *ль:*

Односложные слова на *аль* и *ель* и неодносложные слова на *éль* — женского морф. рода. Исключения: 1) следующие названия лиц мужского пола: *волостéль, враль, менестрéль, метрдотéль, полишинéль*; 2) следующие названия животных, птиц и насекомых: *журавéль, кобéль, коростéль, свиристéль, спаниéль, шмель*; 3) название месяца: *апрéль*; 4) *гель, сель, хмель; бордéль, гидрогéль, жавéль, картéль, кошéль, мотéль, мускатéль, отéль, портфéль, рубéль, сапропéль, скарпéль, туннéль (тоннéль), шавéль.*

---

[15] Перечислим эти слова: *блажь, молодёжь, зáлежь, холостёжь, ложь, рожь, дрожь, ýхожь, ýпряжь, прúстяжь; печь, речь, гóречь, течь, картéчь, дичь, мéлочь, щёлочь, жёлчь, дочь, свóлочь, бéстолочь, мочь, нéмочь, ночь, пóлночь, полýночь; гуáшь, плешь, флешь, брешь, тишь, вошь, бриóшь, рóскошь, брошь, вéтошь, пýстошь, глушь, пóдпушь, сушь, тушь, рéтушь, чушь, мышь, фальшь; вещь, пещь, толщь, мощь, нéмощь, пóмощь.* Данный пункт правил не имеет исключений, поскольку, согласно действующей орфографии, слова мужского (морф.) рода с основой на шипящую пишутся без ь, например: *чертёж, ёрш, свéточ, клещ.* Отметим, что таких слов около 370, т. е. примерно в семь раз больше, чем слов женского (морф.) рода (см. приведенный список).

[16] Относительно группировки слов-исключений по значению или по другим неформальным признакам см. § 6.2, пункт 3.

[17] Вообще в русском языке названия месяцев (любого календаря), оканчивающиеся на согласную или на ь, относятся к мужскому морф. роду (и к мужскому роду), например: *янвáрь, феврáль, апрéль, ию́нь, жерминáль, прериáль, флореáль, шавáль.*

Слова на *сль*, *соль*, *фоль* — женского морф. рода. Исключения: *нéдоросль*, *парасóль*.

Прочие слова на *ль* — мужского морф. рода. Исключения: 1) односложные: *боль*, *быль*, *гиль*, *гниль*, *голь*, *моль*, *пыль*, *свиль*, *смоль*, *роль*; 2) неодносложные с ударными приставками: *зáваль*, *нéбыль*, *нéвидаль*, *нéтель*, *óпухоль*, *óтмель*, *óттепель*, *пóдмыль*, *прúбыль*, *прóбель*, *рóзваль*, *рóстепель*, *ýбыль*, *ýдаль*, *ýсталь*; 3) прочие неодносложные: на *аль* — *пáдаль*, *шýшваль*; *антиклинáль*, *вежетáль*, *вертикáль*, *вуáль*, *газáль* (устар. вариант к *газéлла*), *горизонтáль*, *детáль*, *диагонáль*, *капитáль*[18], *кефáль*, *магистрáль*, *марáль* (простореч.), *медáль*, *морáль*, *нормáль*, *пасторáль*, *педáль*, *перкáль* (наряду с мужским морф. родом), *печáль*, *пищáль*, *потáль*, *синклинáль*, *скрижáль*, *спирáль*, *сусáль*, *центрáль*, *эмáль*, *этуáль*; на безударное *ель* — *гúбель*, *добродéтель*, *кáломель*, *мéбель*, *обúтель*, *погúбель*, *тáбель* (о рангах); на *иль* — *ванúль*, *епитрахúль*, *кадрúль*, *кошенúль*, *москотúль* (устар. вариант к *москатéль*); на *оль* — *бандерóль*, *вакуóль*, *гастрóль*, *желтофиóль*, *лакфиóль*, *мовóль*, *триóль*, *юдóль*[19]; на *ыль* — *бутыль*, *чернобыль*; на *эль* — *дуэ́ль*; на согласную+*ль* — *рокáйль*[20].

c) Слова на *рь*:

Слова на *урь* и односложные слова на гласную+*рь* — женского морф. рода. Исключения: *ерь*, *зверь*, *ларь*, *псарь*, *хорь*, *царь*, *штырь*.

Прочие слова на *рь* — мужского морф. рода. Исключения: 1) следующие названия лиц женского пола: *мáтерь*, *богомáтерь*, *прамáтерь*; 2) *бéздарь*, *úзгарь*, *кúноварь*, *прúгарь*, *псалты́рь* (наряду с мужским морф. родом), *ýтварь*, *цифúрь*.

Морфологическая одушевленность или неодушевленность существительных, как уже указано выше, считается заданной.

Замечание

Приведенные правила определения морфологического рода в целом верны также для топонимов; процент исключений здесь даже меньше, чем у нарицательных имен. При применении этих правил к совокупности всех топонимов, входящих в Выл. (с добавлением слов *Платéи*, *Помпéи*, *Сибúрь*, *Турéнь*), обнаруживается, что им не подчиняются только следующие группы слов:

1) из числа pluralia tantum:

а) к женскому морф. роду относятся топонимы на *ешты* (например, *Флорéшты*) и на безударное *сы* (*Миýсы*, *Чáусы*, *Черкáссы*, *Я́ссы*) и топонимы *Амираджаны́*, *Абрýццы*, *Лю́берцы*, *Платéи*, *Помпéи*, *Ромны́*, *Салóники* (заметим, что редкий вариант *Салонúки*, принятый, например, в БСЭ[2], подчиняется общим правилам)[21].

б) к мужскому морф. роду относятся топонимы *Балхáны*, *Бескúды*, *Брéды*, *Бýчманы*, *Вогéзы*, *Кýмы*, *Кундрáвы*, *Нидерлáнды*, *Россóны*, *Озúнки*, *Олóнки*, *Ясиня́* (сюда же название созвездия *Стожáры*), а также топонимы, непосредственно связанные с нарицательными именами мужского морф. рода (*Апатúты*, *Аýлы*, *Крáсные Стрýги*, *Сéверные Увáлы*, *Нáволоки*, *Полóги*, *Промыслá*);

---

[18] Дано по Орф.; по Уш. это слово мужского (морф.) рода; в АО нет.

[19] Слово *вы́хухоль* наряду с мужским (морф.) родом иногда допускает женский; см., в частности, указания ССРЛЯ.

[20] Дано на основании литературных источников, вопреки Орф. и Уш., дающих это слово как неизменяемое; в АО нет.

[21] Кроме того, Выл. дает Р. с нулевым окончанием для части топонимов на *ичи*, например *Барáновичи*, *Ля́ховичи*, *Сухúничи*, и для топонима *Ни́жние Сергú*, однако в этих случаях рекомендации Выл., по-видимому, должны быть отвергнуты.

2) из числа топонимов на ь:

а) к женскому морф. роду относятся топонимы: *Перль*, *Обóль*, *Сибúрь*, *Суéрь*; *Ирéнь*, *Мезéнь*, *Пльзень*, *Свень*, *Турéнь*, *Тюмéнь*, *Усéнь*;

б) к мужскому морф. роду относятся топонимы на *éль*, *áль* (кроме *Вель*, *Гжель*, *Ла-Рошéль*, *Парабéль*), топонимы *Аллáх-Юнь*, *Ильхурú-Алúнь*, *Сихотэ́-Алúнь*, *Кóрсунь-Шевчéнковский*, а также все китайские топонимы на *нь* (кроме названий китайских провинций и топонима *Ухáнь*), например *Тянь-Шáнь*, *Тайвáнь*, *Тяньцзúнь*.

В количественном отношении существительные распределяются по морфологическим классам следующим образом:

	Муж. морф. род	Жен. морф. род	Сред. морф. род	Всего
Морф. неод.	9300	12000	5630	26930 (77,6%)
Морф. одуш.	4750	2900	120	7770 (22,4%)
Всего	14050 (40,5%)	14900 (43%)	5750 (16,5%)	34700 (100%)

Эталонное грамматическое значение

§ 6.11. Теперь уже можно сформулировать общее правило соотнесения первичных словоформ с эталоном. Всякая первичная словоформа F некоторой именной парадигмы A покрывает клетку эталона, обладающую следующими свойствами:

а) в название этой клетки входят все граммемы, образующие словоизменительное грамматическое значение (грамматическую форму) словоформы F;

б) если парадигма A имеет ненулевое значение признака «морфологическое число» — в название клетки эталона входит граммема числа, одноименная с морфологическим числом парадигмы A;

в) если парадигма A имеет ненулевое значение признака «морфологический класс» — в название клетки эталона входит граммема того же по номеру согласовательного класса, что и морфологический класс парадигмы A.

Клетка эталона, обладающая этими свойствами, всегда имеется и притом ровно одна. Таким образом, с помощью введенных вспомогательных признаков соотнесение первичных словоформ с эталоном производится однозначно.

Назовем **эталонным грамматическим значением** первичной словоформы название покрываемой ею клетки эталона. Приведем в качестве примеров несколько словоформ с указанием их словоизменительного грамматического

значения (грамматической формы) и эталонного грамматического значения (при омонимичных словоформах даны индексы):

Словоформа	Словоизменительное грамматическое значение (грамматическая форма)	Эталонное грамматическое значение
волк	И. ед.	И. ед. муж. одуш.
юношу	В. ед.	В. ед. жен. одуш.
по́честью	Т. ед.	Т. ед. жен. неод.
по́честями	Т. мн.	Т. мн. жен. неод.
на́шу$_1$	В. ед. жен. неод.	В. ед. жен. неод.
на́шу$_2$	В. ед. жен. одуш.	В. ед. жен. одуш.
две$_1$	И. жен. неод.	И. мн. жен. неод.
две$_2$	И. жен. одуш.	И. мн. жен. одуш.
две$_3$	В. жен. неод.	В. мн. жен. неод.
двена́дцатью	Т.	Т. ед. жен. неод.
чему́	Д.	Д. ед. сред. неод.

При сравнении двух парадигм разного устройства соответствующими друг другу считаются словоформы с одинаковыми эталонными грамматическими значениями [22]. Так, в примере с парадигмами *по́честь* и *двена́дцать*, предложенном в § 6.5, соответствуют друг другу, в частности, словоформы *по́честью* и *двена́дцатью* (эталонное грамматическое значение обеих словоформ — Т. ед. жен. неод.), но не словоформы *по́честями* и *двена́дцатью*. Соответствуют друг другу также словоформы *юношу* и *на́шу*$_2$ (см. примеры выше) и т. п.

Комментарии к вспомогательным понятиям, включающим эпитет «морфологический»

§ 6.12. Лингвистический смысл введенной выше серии вспомогательных понятий, включающих эпитет «морфологический», удобнее всего пояснить на примере морфологического рода. Как известно, у подавляющего большинства существительных одного и того же грамматического рода наборы окончаний сходны или просто совпадают. Так, для мужского рода характерны И. ед. с окончанием нуль, *-й* или *-ь*, Р. ед. на *-а* или *-я* и т. д.; для среднего рода — И. ед. на *-о*, *-ё* или *-е*, Р. ед. на *-а* или *-я* и т. д.; для женского рода — И. ед. на *-а* или *-я*, Р. ед. на *-ы* или *-и* и т. д. (впрочем, здесь достаточно широко представлен также другой набор окончаний — с И. ед. на *-ь*, Р. ед. на *-и* и т. д.). Таким образом, каждому грамматическому роду соответствует своя морфологическая характеристика — определенный тип набора окончаний (или несколько таких типов). Это соответствие достаточно устойчиво, однако в некоторых случаях оно все же мо-

[22] Заметим, что таких словоформ может и не оказаться.

жет нарушаться: например, морфологические характеристики слов *мужчи́на, подмасте́рье* не соответствуют их роду. Очевидно, таким образом, что рассматриваемую морфологическую характеристику необходимо отличать от рода. Для этого прежде всего ей дается самостоятельное название — «морфологический род» [23]. Мы говорим, например, что слово *дом* — мужского рода и мужского морфологического рода, а слово *мужчи́на* — мужского рода, но женского морфологического рода. Итак, морфологический род — это характеристика парадигмы, показывающая, для существительных какого рода характерен набор окончаний данной парадигмы.

Тот или иной морфологический род естественно приписать не только существительным, но и словам несогласуемо-бесчислового разряда: например, слово *пять* — женского морфологического рода, *что* — среднего морфологического рода и т. д. Напротив, прилагательным и словам согласуемо-бесчислового разряда определенного морфологического рода, разумеется, приписать нельзя, поскольку их парадигмы содержат словоформы, соответствующие всем морфологическим родам. (Отсюда необходимость в нулевом значении признака «морфологический род».)

Заметим, что в отличие от рода, морфологический род представляет собой в известной мере условную характеристику слова, частично зависящую от принятой системы описания. Так, например, неочевидно, какой морфологический род следует приписать словам *дитя́*, *я*, *ты*, *полтора́ста*, а также всем неизменяемым словам (иначе говоря, решения, принятые для таких слов в § 6.9, условны). Тем не менее с практической точки зрения понятие морфологического рода является чрезвычайно полезным. В морфологическом описании существительных оно требуется даже чаще, чем понятие рода. В самом деле, например, слова *аку́ла*, *балери́на* и т. п. и *мужчи́на*, *воево́да* и т. п. с морфологической точки зрения совершенно одинаковы; поэтому при описании они всегда образуют единую рубрику, обозначаемую, естественно, как «существительные женского морф. рода». Что же касается различия между этими словами по роду, то оно с морфологической точки зрения несущественно (ср. § 3.1) и может просто никак не отмечаться. Заметим, что именно отсутствием понятия морфологического рода (а вследствие этого и частым смешением рода и морфологического рода) объясняются многие некорректные формулировки традиционных описаний.

Остальные вспомогательные понятия, введенные в §§ 6.7 и 6.9, по своему построению и лингвистическому смыслу вполне аналогичны морфологическому роду.

---

[23] Термин «морфологический род» в таком значении заимствован из работы: М. И. Откупщикова и С. Я. Фитиалов. Система морфологического синтеза для русского языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 1, стр. 41.

§ 6.13. Представляет интерес специально рассмотреть возможные расхождения между родом и морфологическим родом одного и того же существительного [24]. Такие расхождения представлены в следующих группах существительных:

1. Все изменяемые существительные мужского, а также так называемого общего рода на *-а* и *-я* относятся к женскому морф. роду, например: одушевленные мужского рода — *юноша*, *мужчи́на*, *слуга́*, *парни́шка*, *зайчи́шка*, *купчи́на*, *бычи́на*, одушевленные общего рода — *сирота́*, *калёка*, *ханжа́*, *уро́дина*, *молодчи́на*; неодушевленные мужского рода — *доми́на*, *мости́на*, *куси́на*.

2. Все изменяемые существительные мужского рода на *-о* и *-е* относятся к среднему морф. роду, например: одушевленные — *подмастёрье*, *воронко́*, *волчи́ще*, *челове́чище*; неодушевленные — *городи́шко*, *доми́шко*, *голоси́ще*, *доми́ще*.

3. Все существительные парного рода относятся к мужскому (например, *часы́*, *джу́нгли*), женскому (например, *но́жницы*, *брю́ки*) или среднему (например, *воро́та*, *дрова́*) морф. роду.

4. Все неизменяемые существительные мужского и женского родов относятся к среднему морф. роду, например: *буржуа́*, *атташе́*, *мада́м*. (Здесь, однако, морф. род носит явно условный характер.)

Замечание. Для части слов мужского рода с суффиксами *-ишк-*, *-ищ-* и *-ин-* литературная норма (отраженная выше в пунктах 1 и 2) не вполне соответствует современной разговорной практике. Рассмотрим шесть основных образцов: три одушевленных, например *бычи́шка*, *бычи́ще*, *бычи́на*, и три неодушевленных, например *доми́шко*, *доми́ще*, *доми́на*. По нормативной грамматике склонение здесь таково: 1) женский морф. род (*бычи́шка*, *бычи́на*, *доми́на*) — Р. ед. на *-ы*, *-и*, Д. ед. *-е*, В. ед. *-у*, Т. ед. *-ой* и т. д.; 2) средний морф. род (*доми́шко*, *доми́ще*, *бычи́ще*) — В. ед. *доми́шко*, *доми́ще*, но *бычи́ща*, Р. ед. на *-а*, Д. ед. *-у*, Т. ед. *-ом* и т. д. Тенденция разговорного языка состоит в том, чтобы, вопреки этой норме, создать единую модель склонения для всех одушевленных слов данной группы и другую единую модель — для всех неодушевленных. Для одушевленных такой моделью является женский морфологический род (точнее — морф. класс 4). Именно так уже склоняются образцы *бычи́шка*, *бычи́на*, и они «притягивают» к себе также образец *бычи́ще*, который в разговорной речи склоняется чаще всего так: И. ед. *бычи́ща* или *бычи́ще* (в большинстве типов произношения это фонетически одно и то же), Р. ед. *бычи́щи*, Д. ед. *бычи́ще*, В. ед. *бычи́щу*, Т. ед. *бычи́щей*. Возможны, конечно, колебания и смешанные наборы окончаний; характерно, что «слабее» всего оказывается нормативное окончание В. ед. — оно замещается новым окончанием в первую очередь. Неодушевленные существительные данной группы стремятся к смешанной модели склонения: окончания женского морф. рода (точнее — морф. класса 3) везде, кроме И. ед. и В. ед., а в этих двух формах — окончания среднего морф. рода. Так, для образца *доми́шко* эта модель склонения выглядит так: И. ед. *доми́шко*, Р. ед. *доми́шки*, Д. ед. *доми́шке*, В. ед. *доми́шко*, Т. ед. *доми́шкой*. Встречающееся написание И. ед. *доми́шка* представляет собой, разумеется, чисто гра-

[24] Что касается слов несогласуемо-бесчислового разряда, то здесь достаточно сложен вопрос о роде (неясно, можно ли вообще приписывать род числительным типа *де́сять*; у местоимений-существительных род часто не фиксирован, ср. § 2.20); поэтому вопрос о соответствии рода и морфологического рода у этих слов мы здесь рассматривать не будем.

фический вариант. В. ед. *домишку* возможен, по-видимому, только в случае перевода всего слова из мужского рода в женский (нельзя сказать *я видел этот домишку*). Образец *домище* несколько устойчивее сохраняет нормативное склонение, однако и здесь возможны Р. ед. *домищи*, Д. ед. *домище*, Т. ед. *домищей*. Наконец, образец *домина* фактически стоит ближе всего к указанной модели склонения: И. ед. [дʌм'йнъ] можно с равным успехом записать как *домино*; В. ед. *домину*, как и *домишку*, *домищу*, по-видимому, возможен только в случае перевода слова в женский род (можно услышать *увидел огромную домину*, но не *увидел огромный домину*; в то же время можно услышать *увидел огромный* [дʌм'йнъ]). Несомненно, что источник перестройки здесь именно в форме В. ед., где при нормативном формообразовании должно получиться *вижу этот домину*, что противоречит не нарушаемому более нигде принципу: «В. муж. неод. = И.». Это противоречие разрешается либо заменой *домину* на [дʌм'йнъ], либо изменением рода, ср. *«мою краснокожую паспортину»* (Маяковский), *огромная кирпичина* и т. п. Отметим, наконец, что описанной модели соответствуют также разговорные словоформы И. мн.: *бычищи*, *домищи*, вместо *бычища*, *домища* (словоформа *домишки* в этом смысле непоказательна).

В отличие от морфологического рода, морфологическая одушевленность—неодушевленность почти всегда соответствует той одушевленности—неодушевленности, которая проявляется в согласовании. Единственное существенное отклонение образуют слова *он*, *оно́* и *они́*: они всегда являются морфологически одушевленными, независимо от согласования (ср., например, фразы: *Вот этот забор — мы е г о в е с ь покрасили; Было много сукна, но в с ё е г о изъела моль; Появилось солнце — наведите объектив на н е г о с а м о*). Чисто условный характер носит аналогичное отклонение у одушевленных неизменяемых существительных, например *кенгуру́*, *атташе́* (в силу § 6.9 они считаются морфологически неодушевленными).

РАЗДЕЛ II

РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПЕРВИЧНЫМ СЛОВОФОРМАМ

КЛАССИФИКАЦИЯ СУЖЕННЫХ ПАРАДИГМ УСЛОВНОГО УРОВНЯ

Условный способ представления внешней стороны словоформ

§ 6.14. Как указано в § 0.4, в настоящей работе внешняя сторона словоформ берется в обычной орфографической записи (с обозначением места ударения). Ниже, однако, нам потребуется, кроме того, некоторый вспомогательный способ представления внешней стороны словоформы, который мы будем называть у с л о в н ы м. Условный способ представления применяется ко всем первичным словоформам и только к ним. Переход от орфографического представления к условному складывается из следующих двух операций.

1. Вводится особый акцентуационный признак отдельной словоформы — *условное ударение*. Он может принимать два значения: «условное ударение на основе» и «условное ударение на окончании» [25]. По правилам, данным в § 6.15, каждой первичной словоформе приписывается одно из двух значений этого признака. В связи с введением термина «условное ударение» ударение в обычном смысле слова мы будем далее называть *действительным*.

2. По правилам, данным в § 6.26, каждой первичной словоформе ставится в соответствие некоторая цепочка из русских букв и вспомогательных символов, называемая *условным видом* этой словоформы. (При этом, однако, знак ударения ′, стоящий над одной из букв, не считается частью этой цепочки.) Практически условный вид возникает как результат обработки орфографического представления внешней стороны словоформы по определенным правилам преобразования. В связи с введением термина «условный вид словоформы» обычное, т. е. орфографическое, представление внешнего вида словоформы мы будем называть ее *действительным видом*. (При этом знак ′ не считается частью действительного вида словоформы.) Условный вид всякой словоформы содержит (в силу правил параграфа 6.26) знак |, разделяющий основу и окончание. Мы будем называть часть условного вида некоторой словоформы, стоящую слева от знака |, *условной основой* этой словоформы, а часть, стоящую справа от этого знака,— ее *условным окончанием*. Соответственно, части действительного вида словоформы (выделенные по правилам параграфа 4.4) мы будем называть *действительной основой* и *действительным окончанием*.

И действительный и условный вид словоформы допускают обозначение как действительного, так и условного ударения. (Условное ударение можно обозначать, например, подчеркиванием условно ударного компонента; место знака действительного ударения ′ в условном виде словоформы определяется правилами параграфа 6.26.) В принципе возможно даже обозначение обоих видов ударения одновременно.

Чтобы избежать частого повторения громоздких формулировок, для дальнейшего принимаются следующие соглашения:

1. При выражениях «действительный вид словоформы» и «условный вид словоформы» уточнение «с действительным ударением» (или «с условным ударением») означает: «с обозначенным действительным (соответственно, условным) ударением и необозначенным противоположным ударением». Если же такого уточнения нет

[25] В отли́чие от ударения в обычном смысле слова, условное ударение не приписывается какой-либо определенной букве или определенному слогу словоформы; оно считается принадлежащим морфологическому компоненту (основе или окончанию) в целом.

(и нет специального указания о том, что не обозначено никакое ударение), это означает, что обозначено действительное ударение [26].

2. Везде, где не уточняется, о каком ударении (виде словоформы, основе, окончании) идет речь, будет иметься в виду действительное ударение (соответственно, действительный вид словоформы, действительная основа, действительное окончание) [27]. Таким образом, в частности, выражения «слова на . . .» и «слова с основой на . . .» (см. § 0.5) означают соответственно: «слова, у которых действительный вид исходной словоформы оканчивается на . . .» и «слова, у которых действительная основа исходной словоформы оканчивается на . . .».

Назовем совокупность всех первичных словоформ некоторой парадигмы, взятых в условном виде с условным ударением, суженной парадигмой условного уровня. Соответственно, суженная парадигма в смысле § 6.4 (т. е. совокупность всех первичных словоформ в их действительном виде с действительным ударением) может при необходимости быть названа суженной парадигмой действительного уровня.

При попытке применить к суженным парадигмам условного уровня определение эквивалентности, данное в главе 5, мы сталкиваемся со следующей формальной трудностью: определение одинаковой акцентуации (§ 5.5) требует знания не только ударного компонента, но и ударного слога. В связи с этим естественно доопределить введенное в § 5.5 понятие одинаковой акцентуации следующим образом: если в словоформе известен только ударный компонент, а ударный слог неизвестен, то такой словоформе приписывается нулевое значение признака «сдвиг ударения» (см. § 5.5, стр. 127). После принятия этого соглашения к суженным парадигмам условного уровня можно применять все определения и операции, введенные выше для обычных парадигм (ср. также § 6.4).

Содержательные лингвистические соображения, на основании которых был принят условный способ представления словоформ, изложены в § 6.18—6.22 («комментарии к понятию условного ударения») и § 6.35—6.36 («комментарии к понятию условного вида словоформ»).

УДАРЕНИЕ

Условное ударение

§ 6.15. Как указано в § 6.14, каждой первичной словоформе каждой именной парадигмы приписывается одно из двух значений признака «условное ударение»; а именно: «условное ударение на

---

[26] С практической точки зрения это соглашение дает возможность строить формулировки так, как если бы знак ˊ принадлежал соответствующей буквенной цепочке.

[27] Исключение составляет только термин «схема ударения» (см. сноску 29).

основе» или «условное ударение на окончании». Выбор приписываемого значения производится по следующим правилам (предполагающим, что взятая парадигма полностью известна):

1. Если оба главных компонента словоформы (основа и окончание) являются слоговыми (т. е. содержат хотя бы одну гласную) — условное ударение в этой словоформе падает на тот же компонент, что и действительное.

2. Если один из главных компонентов словоформы неслоговой — условное ударение в этой словоформе такое же (т. е. на том же компоненте), как действительное ударение в некоторой словоформе того же слова, которую мы назовем «контрольной» для данной словоформы. Контрольной словоформой является: а) для словоформы *два* — словоформа *двбе*, для словоформы *три* — словоформа *трбе*; б) для всякой неатрибутивной словоформы муж. рода ед. числа — неатрибутивная словоформа сред. рода ед. числа; в) для всякой другой словоформы — словоформа дательного падежа (того же числа, если парадигма имеет словоизменительную категорию числа; того же согласоват. класса, если парадигма имеет словоизменительную категорию согласоват. класса). Если контрольная словоформа, определенная по этому правилу, в парадигме отсутствует (в силу дефектности парадигмы), контрольной считается исходная словоформа парадигмы.

П р и м е р ы: 1) словоформы *бзеро*, *собáки*, *бéлая* — условное ударение на основе; словоформы *величинá*, *столы́*, *живáя* — условное ударение на окончании; 2) словоформы *олéнь*, *корбв*, *шоссé*, *ваш*, *стрáшен* — условное ударение на основе (ср. *олéню*, *корбвам*, *шоссé*, *вáшему*, *стрáшно*); словоформы *ячмéнь*, *голбв*, *дням*, *весь*, *смешбн* — условное ударение на окончании (ср. *ячменю́*, *головáм*, *дням*, *всемý*, *смешнб*).

Различительный признак «схема ударения»

§ 6.16. Назовем **с о б с т в е н н о й с х е м о й у с л о в н о г о у д а р е н и я** некоторой парадигмы запись, показывающую, на каком компоненте (основе или окончании) находится условное ударение в каждой первичной словоформе этой парадигмы. (Каждая словоформа обозначена в этой записи соответствующей грамматической формой.) Например, парадигма слова *глаз* имеет следующую собственную схему условного ударения: И., Р., Д., Т., П. падежи ед. числа — условное ударение на основе; И., Р., Д., Т., П. падежи мн. числа — условное ударение на окончании [28].

Назовем **э т а л о н н о й с х е м о й у с л о в н о г о у д а р е н и я** запись, ставящую в соответствие каждой клетке эта-

[28] Заметим, что словоформа И. ед. *глаз* имеет условное ударение на основе (ср. Д. ед. *глáзу*), а омонимичная ей словоформа Р. мн. *глаз* — условное ударение на окончании (ср. Д. мн. *глазáм*).

лона (см. § 6.5) некоторое значение признака «условное ударение». Мы будем говорить, что собственная схема условного ударения некоторой парадигмы совместима с некоторой эталонной схемой условного ударения, если в части эталона, покрываемой данной парадигмой, эти схемы совпадают.

Собственная схема условного ударения любой рассматриваемой в настоящей работе именной парадигмы русского языка совместима хотя бы с одной из приводимых ниже 17 эталонных схем условного ударения. Плюсом обозначено условное ударение на основе, минусом — условное ударение на окончании. Эталонные схемы условного ударения разделены на основные и второстепенные (пояснения см. ниже, примечание 1).

Эталонные схемы условного ударения

I. Неподвижное ударение

Неподвижное ударение встречается в парадигмах всех типов устройства. Обе относящиеся сюда схемы являются основными.

Клетки эталона / Схемы	Все клетки
a	+
b	—

II. Подвижное ударение

Группа 1. Схемы, не встречающиеся в парадигмах расширенного адъективного разряда *

Основные схемы

Клетки эталона / Схемы	Ед. число	Мн. число	
		И.	Р. Д. Т. П.
c	+	—	—
d	—	+	+
e	+	+	—
f	—	+	—

* Поскольку неатрибутивные словоформы имеются только у парадигм расширенного адъективного разряда, в схемах группы 1 условное ударение неатрибутивных форм не указывается. Не указывается также условное ударение в В. мн., поскольку все словоформы В. мн. — вторичные. С формальной точки зрения, не упомянутым в таблицах клеткам эталона можно приписать любое условное ударение.

Второстепенные схемы

Клетки эталона / Схемы	Ед. число				Мн. число		
	И.	В.	Р. Д. П.	Т.	И.	Р. Т.	Д. П.
d'	—	+	—	—	+	+	+
f'	—	+	—	—	+	—	—
b'	—	—	—	+	—	—	—
e'	+	+	+	+	+	—	+
e''	—	—	+	+	+	—	+

Группа 2. Схемы, встречающиеся только в парадигмах расширенного адъективного разряда

Основные схемы

Клетки эталона / Схемы	Атрибутивные формы	Неатрибутивные формы		
		муж. ед.	жен. ед.	сред. ед., парн. ед., мн. ч.
a/b	+	—	—	—
a/c	+	+	—	+
b/c	—	+	—	+

Второстепенные схемы

Клетки эталона / Схемы	Атрибутивные формы	Неатрибутивные формы			
		муж. ед.	жен. ед.	сред. ед.	парн. ед., мн. ч.
a/b'	+	—	—	—	+
a/c'	+	+	—	+	—
b/c'	—	+	—	+	—

Мы будем говорить, что парадигма относится к первой по порядку из тех эталонных схем условного ударения, с которыми совместима ее собственная схема условного ударения. Порядком эталонных схем условного ударения считается тот, в котором они здесь перечислены. Например, слова *удобный*, *пароход*, *ножницы*, *рад*, *некто*, *одиннадцать* относятся к эталонной схеме условного ударения *a*, слова *смешной*, *весь*, *топор*, *дрова*, *себя*, *пять* — к схеме *b*, слова *ночь*, *ухо*, *сани*, *двести* — к схеме *e*, слова *гвоздь*, *губа*, *сам* — к схеме *f*, слово *живой* — к схеме *b/c* и т. д.

Основным различительным признаком парадигмы, связанным с ударением, признается то, к какой эталонной схеме условного ударения эта парадигма относится. Различительный признак «эталонная схема условного ударения» может принимать 17 значений — соответственно приведенному перечню. В дальнейшем мы будем называть эталонную схему условного ударения сокращенно: с х е м а у д а р е н и я[29]. Вместо формулировок типа «данное слово относится к схеме ударения *a*» может быть сказано также: «данное слово имеет схему ударения *a*»; словосочетание типа «схема ударения *a*» может, в свою очередь, быть сокращено до «схема *a*».

П р и м е ч а н и е 1. Разделение схем ударения на основные и второстепенные основано прежде всего на статистическом критерии: к второстепенным схемам ударения относится в общей сложности лишь несколько десятков парадигм. Второстепенные схемы ударения *a/b′*, *a/c′* и *b/c′* отличаются, кроме того, тем, что они не представлены в чистом виде ни одним примером: любая из относящихся к ним парадигм имеет параллельный вариант, относящийся соответственно к схеме ударения *a/b*, *a/c* или *b/c*. Принятая здесь система обозначений такова, что каждая второстепенная схема ударения представлена как бы как результат отклонения от одной из основных схем (на наличие отклонения указывают штрихи).

П р и м е ч а н и е 2. Последние шесть схем ударения имеют составное обозначение: первая буква символизирует распределение условного ударения в атрибутивных словоформах, вторая — в неатрибутивных словоформах. В связи с этим, когда речь идет о парадигмах расширенного адъективного разряда, для схем неподвижного условного ударения вместо обычных обозначений *a* и *b* могут быть использованы также «развернутые» обозначения: *a/a* и *b/b*. Составное обозначение схемы ударения для слов расширенного адъективного разряда связано с тем, что у этих слов условное ударение в неатрибутивных словоформах сравнительно мало зависит от условного ударения в атрибутивных словоформах. Как можно видеть из приведенных таблиц, у слов этого разряда условное ударение в атрибутивных словоформах всегда неподвижно, а в неатрибутивных словоформах распределяется одним из следующих 5 способов:

	Муж. ед.	Жен. ед.	Сред. ед.	Парн. ед., мн. ч.
/a	+	+	+	+
/b	—	—	—	—
/c	+	—	+	+
/b′	—	—	—	+
/c′	+	—	+	—

Как явствует из предыдущего примечания, распределения */b′* и */c′* выступают только как параллельные варианты распределений */b* и */c* (соответственно).

[29] Пропуск эпитета «условное» противоречит общему соглашению (§ 6.14) о том, что «ударение» (без эпитета) — это действительное ударение. Такое отступление объясняется тем, что введенный здесь термин встречается в дальнейшем чрезвычайно часто и потому должен быть как можно короче; напротив, термин «схема действительного ударения» используется редко.

Замечание. Следует учитывать, что для установления приведенного здесь списка схем ударения существенны соглашения относительно ряда словоформ и словосочетаний, принятые ранее. В частности, *полчасá* и *полшагá* рассматриваются, вопреки написанию, не как единые словоформы, а как словосочетания. При отсутствии этого специального соглашения *полчасá* и *полшагá* пришлось бы отнести к особой схеме ударения [30]. Далее, в § 4.2 исключены из рассмотрения некоторые словосочетания, ударение которых трактуется как аномальное. Из случаев этого типа особый интерес представляет колебание ударения в Р., $Р_2$, Д. и П. падежах ед. числа слов *грудь*, *ось*, *печь*, *степь*, *цепь*. Существующие описания отмечают в этих словоформах действительное ударение на окончании исключительно (АО) или преимущественно (АГ) в сочетаниях с предлогами, например: *из грудú*, *по степú*. В этих условиях, если только мы не хотим признавать по два падежа в каждом из названных падежей, такое ударение должно рассматриваться как аномалия, свойственная нескольким устойчивым словосочетаниям (что и сделано в § 4.2). Однако в современном разговорном языке имеется явная тенденция к распространению такого ударения и на беспредложные сочетания, например: *ширина грудú*, *длина цепú*. Таким образом, возникают (по крайней мере, в качестве допустимых вариантов) парадигмы, например, следующего вида: ед. ч. — И. В. *грудь*, Т. *грýдью*, прочие падежи — *грудú*; мн. ч. *грýди*, *грудéй*, *грудя́м*, *грудя́ми*, *грудя́х* (заметим, что именно такое ударение дает для этого слова Был.). Такие парадигмы пришлось бы отнести к особой схеме ударения (ее можно было бы обозначить *f''*). Заметим, что к этой же схеме можно было бы отнести также singulare tantum *глушь* (в настоящей работе оно отнесено к схеме *b'*). Можно полагать, что со временем схема ударения *f''* станет узаконенной.

§ 6.17. Распределение русских имен (в особенности существительных) по схемам ударения очень сложно. В части случаев оно подчиняется определенным закономерностям (иногда более строгим, иногда носящим скорее статистический характер); во многих случаях, однако, обнаружить какую-либо закономерность не удается и приходится прибегать к составлению списков (иногда довольно длинных).

Ниже приводятся правила, позволяющие определить схему ударения произвольной именной парадигмы на основании некоторой ограниченной информации об этой парадигме. В качестве такой исходной информации о рассматриваемой парадигме в этих правилах используются прежде всего: 1) исходная словоформа парадигмы (с разделением на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) морфологический род (для существительных); 4) сведение о том, относится ли слово к числу pluralia tantum (для существительных); 5) сведение о том, является ли слово причастием (см. § 3.2). Кроме того, используются две характеристики парадигмы, которые специально рассматриваются в настоящей работе лишь позднее [31], а именно: 1) так называемый

---

[30] Так и сделано в работах: А. А. Зализняк. Ударение в современном русском склонении. «Русский язык в нац. школе», 1963, № 2; Он же. «Условное ударение» в русском словоизменении. — ВЯ, 1964, № 1; эта особая схема ударения обозначена там как *c'*.

[31] Относительно обращения к характеристикам, которые рассматриваются лишь позднее, см. § 6.2, пункт 3.

тип склонения [32] **(см. § 6.27—6.28) и 2) сведение о том, является ли последняя гласная основы исходной словоформы беглой (см. § 6.24, 6. 44) (только для существительных мужского морф. рода).**

В приводимых правилах под основой слова везде понимается основа исходной словоформы. По числу слогов различаются основы неслоговые (*зл|о*, *тл|я*) и слоговые (*дом|*, *голов|á*); последние делятся на односложные (*дом|*, *вин|ó*) и неодносложные (*топóр|*, *сковород|á*). С точки зрения действительного ударения исходной словоформы различаются слова с безударной основой (*зл|о*, *голов|á*) и слова с ударной основой (*дом|*, *болóт|о*); последние делятся на слова с начальным ударением (*кóлокол|*, *дом|*) и слова с неначальным ударением (*топóр|*, *царáпин|а*). (Отметим, что слова с ударной односложной основой всегда рассматриваются, таким образом, как слова с начальным ударением.) Слова с неначальным ударением делятся на слова с конечным (с точки зрения основы) ударением (*топóр|*, *болóт|о*) и слова со срединным ударением (*харáктер|*, *царáпин|а*).

Правила, позволяющие установить схему ударения произвольной парадигмы

СЛОВА БЕСЧИСЛОВЫХ РАЗРЯДОВ

К схеме *b* относятся: 1) *я*, *ты*, *он*, *онá*, *онó*, *мы*, *вы*, *онú*, *себя́*, *кто*, *что*, *никтó*, *ничтó*, *все*, *всё*, *любóй*, *остальнóе*; 2) *одúн*, *пять*, *шесть*, *семь*, *вóсемь*, *дéвять*, *дéсять*, *двáдцать*, *трúдцать*, *сóрок*, *сто*, *пятьсóт*, *шестьсóт*, *семьсóт*, *восемьсóт*, *девятьсóт*.

К схеме *e* относятся: *два*, *три*, *четы́ре*, *двéсти*, *трúста*, *четы́реста*, *двóе*, *трóе* и все на *еро* (*чéтверо*, *пя́теро* и т. д.).

К схеме *e''* относится слово *полторá*.

Прочие слова относятся к схеме *a*, например: *одúннадцать*, *пятьдеся́т*, *девянóсто*, *полторáста*, *óба*, *стóлько*, *нéсколько*.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Существительные несубстантивных типов склонения

Существительные нулевого типа склонения относятся к схеме *a*, например: *шоссé*, *рáдио*.

Из существительных других несубстантивных типов склонения к схеме *b* относятся все слова на *óй*, *áя*, *óе*, *ы́е*, *úе*, *úн*, *ы́н* и на ударную гласную, например: *часовóй*, *мостовáя*, *жаркóе*, *позывны́е*, *Ильúн*, *Ильинá*, *Люблинó*, *ничья́*. Прочие слова относятся к схеме *a*, например: *рабóчий*, *столóвая*, *насекóмое*, *сýточные*, *Никúтин*, *Петрóв*, *Никúтина*, *Петрóва*, *Мáрфино*, *Ивáново*.

---

[32] Практически упоминаются только так называемый нулевой тип склонения, который включает неизменяемые слова, не имеющие дефектов (например, *шоссé*, *кóми*), и субстантивные типы склонения (I и II). Для ориентировки укажем, что I субстантивный тип склонения (включающий, например, слова *стол*, *крéсло*, *кáрта*) соответствует традиционным I и II склонениям, а II субстантивный тип склонения (включающий, например, слова *степь*, *путь*, *úмя*) в основном соответствует традиционному III склонению.

Существительные субстантивных типов склонения

Группа первая. Существительные мужского морфологического рода (кроме pluralia tantum)

I. Из слов этой группы подвижное ударение имеют следующие:

1. Следующие слова относятся к нехарактерным для данной группы схемам *d*, *f* и *e'*:

схема *d* — 1) следующие слова с И. мн. на *ья*[33]: *клок* (вариант с мн. *клóчья*), *кол* (в основном значении, мн. *кóлья*), *копы́л*, *крюк* (вариант с мн. *крю́чья*), *лист* (дерева), *лоску́т* (вариант с мн. *лоску́тья*), *прут* (в основном значении, мн. *пру́тья*; // *a*), *сук* (вариант с мн. *су́чья*); 2) следующие слова с И. мн. на *-и*: *глазóк*, *зубóк*, *рожóк* (все три только в уменьшительном значении), *сапожóк* (// *b*); *казáк* (// *b*); 3) слово с И. мн. на *-а* *щенóк* (вариант с мн. *щеня́та*);

схема *f* — *гвоздь*, *груздь*, *конь*, *у́голь* (// *a*, *e*), *червь*[34];

схема *e'* — *ребёнок* (мн. *дéти*), *человéк* (мн. *лю́ди*).

2. Следующие слова относятся к схеме *e*:

а) с односложной основой:

зуб (в основном значении)	*ход* (вариант с мн. *хóды*)	*лом*	*чёрт*
		гром	*порт*
бог	*волк*	*тон* (звук; // *c*)	*зверь*
слог	*ток* (гумно)	*вор*	*лось*
год (вариант с мн. *гóды*)	*дол*	*фронт*	*гусь*
	пол (биол.)	*флот* (// *a*)	*гость*

б) с неодносложной основой, содержащей беглую гласную[35] (все они имеют начальное ударение):

вéтер (// *a*)	*кáмень*	*кóготь*	*лóмоть* (разг. вариант к *ломóть*)
стéбель	*пáрень*	*нóготь*	
у́голь (// *a*, *f*)	*кóрень*	*лóкоть*	*лáпоть*

в) с неодносложной основой без беглой гласной (все они имеют начальное ударение):

бóров (кабан)	*гóлубь*	*крéндель* (в прям. знач.)	*óмуль*
вóлос	*лéбедь*	*фу́хтель*	*óкунь*
óбруч	*жёлудь*	*трю́фель*	*лéкарь*
óвощ	*гóспиталь*	*сóболь* (животное)	*кóзырь*[36]

3. Следующие слова относятся к схеме *c*:

а) слова с И. мн. на *-а*, *-я*, перечисленные в § 6.30, рубрика «нестандартное условное окончание 1, мужской морф. род», пункты 4, 5 и 6, а также слова *господи́н*, *коки́ль*, *перёд*, *постáв* (ср. там же, пункты 3 и 7);

б) следующие слова с И. мн. на *ья*: *дéверь*, *друг*, *зять*, *князь*, *кум*, *муж*

---

[33] О группировке перечисляемых слов по признакам, которые не предполагаются заранее известными, см. § 6.2, пункт 3.

[34] Нелитературной признается схема *f* у слов *вор*, *гусь*, *лóкоть* (для которых норма — схема *e*).

[35] Иначе говоря, с неодносложной основой исходной словоформы и односложной основой прочих первичных словоформ.

[36] АГ относит к схеме *c* слова *пéрстень* и *юс* (по АО схема *a*), к схемам *e* и *c* — слово *клуб* (дыма) (по АО только *c*). Был. (а также Уш.) относит к схеме *e* слово *кон* (по АО схема *c*). Относительно слов *дол* и *вéтер* см. § 4.2.

(супруг, мн. *мужья́*), *сын* (в прямом значении, мн. *сыновья́*), *шу́рин* (вариант с мн. *шурья́*) [37];

в) следующие слова с И. мн. на *-ы*, *-и* (все они имеют односложную основу):

штаб	*ряд*	*гол*	*бас*
зоб	*муж* ('мужчина', мн. *мужи́*)	*пол* ('настил')	*квас*
гроб		*тыл*	*влас* (устар.)
дуб	*баз*	*пим*	*час*
куб (сосуд)	*паз*	*дым*	*пос*
клуб (дыма)	*раз*	*пин*	*ус*
чуб	*таз*	*чан*	*кус*
шкив	*низ*	*чин*	*флюс* (техн.)
шаг	*приз*	*кон*	*грунт* (в професс. речи)
мозг	*воз*	*сын* (в перен. знач., мн. *сыны́*)	
долг	*пай*		*пот*
плуг	*чай*	*суп*	*спирт*
круг	*бой*	*дар*	*форт*
зад	*сбой*	*пар*	*мост* (// *b*)
лад	*слой*	*шар*	*шрифт* (// *a*)
склад (слог)	*рой*	*жир*	*шкаф*
сад	*строй* (воинский)	*мир* (свет)	*мех* (кузнечный, винный)
след	*буй*	*пир*	
мёд	*зуй* (обл.)	*бор* (лес)	*верх* (в основном знач., мн. *верхи́*)
род	*цук*	*хор* (// *a*)	
ход (// *e*)	*бил*	*смотр* (военный)	
пуд	*вил*	*сыр*	*харч*
	пал (пожар)		

З а м е ч а н и е. АГ относит к схеме *c* слова *мыс*, *торг* (действие), *шлях*, *шпиль* (по АО схема *a*; слово *торги́* дается в АО как plurale tantum), *тюк* (по АО схема *b*), к схемам *c* и *b* — слово *пруд* (по АО только *b*). Был. относит к схеме *c* слово *клей* (по АО схема *a*). Уш. относит к схеме *c* слова *бунт* (мятеж), *жар*, *тын* (по АО схема *a*), *клок* (мн. *клоки́*) (по АО схема *b*), к схемам *c* и *b* — слово *кий* (по АО только *b*). В нелитературной речи схема *c* (с И. мн. на *-ы*, *-и*) представлена еще у целого ряда слов: *шум*, *кран*, *пас*, *трус*, *сват*, *бант*, *кант*, *фунт*, *ласт*, *тост*, *шприц* (при всех этих словах АО дает предупредительные пометы); кроме того, также *под*, *мел*, *сквер*, *рант*, *вист*, *лифт*, *тиф*. Слово *след* дано по Орф. (по АО оно аномально: Р. ед. *следа́* или *слéду*).

Отметим, что почти все слова, перечисленные в пункте *в*,— неодушевленные. Среди них только два оканчиваются на шипящую (*муж*, *харч*), нет оканчивающихся на *ь* (относительно слова *шпиль* см. выше), заметно выделяется группа слов на *й*.

II. Все прочие слова группы первой имеют н е п о д в и ж н о е ударение (схемы *a* и *b*). Из них к схеме *b* относятся следующие:

А. Из слов с о д н о с л о ж н о й основой:

1. Все слова с беглой гласной, например: *лёд*, *сон*. (В последующих пунктах слова с беглой гласной не учитываются.)

---

[37] В этот список входят все одушевленные существительные с И. мн. на *ья*, кроме *брат* и *собра́т*. Все они — наименования лиц по признаку родственной или социальной связи. Влиянием этой группы слов объясняется существование уникальной парадигмы женского морф. рода *дя́дя* (как термин родства) — мн. *дядья́* (наряду с *дя́ди*), а также просторечное мн. число *братья́* от *брат*.

2. Следующие слова на шипящую и *ц*:
а) все слова на *щ*;
б) слова на *ец*, кроме *спец*, *флец*;
в) слова на гласную + *ч*, кроме *клич*, *плач*, *спич*[38];
г) следующие слова на *ж* и *ш*:

паж	*чиж*	*уж*	*крыж*	*грош*
саж	*нож*	*буж*	*тяж*	*ёрш*[39]
ёж	*корж*	*гуж*	*ковш*	
стриж	*морж*	*пыж*	*шиш*	

3. Следующие слова на *ь*:

вождь	*рубль*	*руль*	*лунь*	*штырь*
дождь	*шмель*	*линь* (рыба)	*ларь*	*путь*[40]
ферзь	*кремль*	*линь* (веревка)	*псарь*	
язь	*ноль* (*нуль*)	*шпинь* (*шпень*, *шпынь*)	*царь*	
враль	*куль*		*хорь*	

4. Одно слово на *й* — *кий*.

5. Следующие слова, оканчивающиеся иначе:
а) слова на *ун* и *юн*, кроме *кун*, *тун* (а именно: *лгун*, *врун*, *жрун*, *вьюн*);
б) следующие слова:

раб	*труд*	*бык*	*холм*	*бобр*
гриб	*суд*	*клык*	*сом*	*одр*
столб	*стыд*	*шлык*	*ум*	*двор*
боб	*аз*	*штык*	*блин*	*шнур*
герб	*ксёндз*	*крюк* (вариант с мн. *крюкй*)	*чёлн* (по Был.)	*щур* (птица)
горб	*туз*	*тюк*	*слон*	*кнур*
волхв	*шпик* (сыщик)	*хряк*	*цеп*	*кит*
враг	*полк*	*дьяк*	*шип* (выступ)	*скит*
сиг	*клок* (вариант с мн. *клокй*)	*жезл*	*столп*	*щит*
вред	*жук*	*вол*	*клоп*	*болт*
дрозд	*сук* (вариант с мн. *сукй*)	*ствол*	*сноп*	*бинт*
жид		*кол* (отметка)	*поп*	*винт* (все значения)
плод		*стол*	*серп*	*блинт*
скирд			*шурп*	*шплинт* (// *a*)
пруд			*пуп*	

---

[38] Для наглядности перечислим слова, относящиеся к схеме *b* в силу подпунктов *а*, *б* и *в* настоящего пункта: а) *плащ*, *пращ*, *лещ*, *клещ*, *свищ*, *хвощ*, *борщ*, *хрущ*, *хлыщ*, *прыщ*, *плющ*, *хрящ*; б) *швец*, *лжец*, *жнец*, *жрец*, *льстец*, *чтец* (под влиянием этих слов в просторечии схему *b* получило также слово *спец*, ныне устаревающее); в) *рвач*, *ткач*, *врач*, *грач*, *драч*, *меч*, *бич*, *луч*, *сныч*, *сыч*, *хрыч*, *ключ*, *мяч*.

[39] Для сравнения перечислим односложные слова на *ж* и *ш*, относящиеся к схеме *а*: *лаж*, *раж*, *страж*, *стаж*, *хадж*, *бридж*, *цеж*, *дож*, *шарж*, *пляж*, *ряж*, *кряж*; *клёш*, *чинш*, *пунш*, *бош*, *кош*, *марш*, *фарш*, *перш*, *бурш*, *душ*, *куш*, *туш*, *плюш*, *рюш*.

[40] Для сравнения перечислим односложные слова мужского морф. рода на *ь*, относящиеся к схеме *а*: *кегль*, *мангль*, *гель*, *хмель*, *сель*, *киль*, *шпиль*, *стиль*, *штиль*, *билль*, *тролль*, *золь*, *моль* (бревна, не связанные в плот), *кроль*, *толь*, *вопль*, *эль*, *мюль*, *тюль*, *ерь*, *вепрь*, *вихрь*, *тать*, *тесть*, *ять*. (С формальной точки зрения, к схеме *а* относится также устар. слово *огнь*, не имеющее словоформ косвенных падежей, кроме В.) Отметим, что в этом списке нет слов на *дь*, *зь*, *нь*, *уль*, *арь* (тогда как в списке слов схемы *b* они составляют большинство).

зонт	*крот*	*глист*	*куст*	*штифт*
унт	*гурт*	*холст*	*хлыст*	*альт*
бунт (связка)	*пласт*	*хвост*	*хлюст*	*грех*
шпунт	*клёст*	*мост* (// *c*)	*жгут*	*штрих*
кот	*пест*	*пост* (воен.)	*плут*	*стих*
скот	*крест*	*пост* (религиозн.)	*кнут*	*жмых*[41]
плот	*шест*	*перст*	*прут* (техн.)	
	лист (бумаги)		*шут*	

Б. Из слов с неодносложной основой и конечным ударением:

1. Слова с беглой гласной, за исключением слов *заём*, *наём*, *перенаём*, *поднаём* (которые относятся к схеме *a*), например: *ремéнь*, *молотóк*. (В последующих пунктах слова с беглой гласной не учитываются.)

2. Следующие слова на шипящую и *ц*:
а) все слова на *щ* (а именно, только *подлéщ*) и на *éц*;
б) слова на гласную+*ч*, кроме *карагáч*;
в) все слова на *ёж*, а также слова *мятéж*, *падéж*, *рубéж*[42],
г) следующие слова на *áж* и *яж*: *багáж*, *бандáж*, *блиндáж*, *вирáж* (поворот), *витрáж*, *вольтáж*, *гарáж*, *курáж*, *листáж*, *литрáж*, *метрáж*, *монтáж*, *муляж*, *стеллáж*, *типáж*, *тирáж*, *фурáж*, *шантáж*, *этáж*[43];
д) все слова на *ыш*;
е) двусложные слова на *áш* и *яш* (кроме *апáш*, *гуляш*, *чардáш*, *ягдтáш*), а также слово *карандáш*; слово *чувáш* допускает схемы *a* и *b*;
ж) слова *ингýш*, *кишмúш*, *кулéш*, *кунтýш*, *фетúш* (последнее наряду со схемой *a*).

3. Следующие слова на ь:
а) слова на *рь*, кроме *визúрь*, *господáрь*, *государь*, *осокóрь*, *планшúрь*, *плугáтáрь*, *стихирáрь*;
б) все слова на *ýль*, *ыль*[44], а также следующие слова на *ль*:

ковáль	*феврáль*	*рубéль*	*кошéль*
рогáль	*хрустáль*	*жавéль*	*кизúль*
строгáль	*корáбль*	*щавéль*	*фитúль*
миндáль	*голáвль* (*голóвль*)	*скарпéль*	*корóль*
москáль	*журáвль*	*кисéль*	
миткáль	*кобéль*	*коростéль*	

в) следующие слова на *éнь*: *ильмéнь* (обл.), *кетмéнь*, *кистéнь*, *курéнь*, *ревéнь*, *уздéнь*, *чекмéнь*, *ячмéнь*[45];
г) слово *карáсь*.

---

[41] Орф. и Был. относят к схеме *b* слово *пим* (по Уш. схемы *c* и *b*, по АО схема *c*). К схеме *b* относятся также имена собственные: *Днепр*, *Днестр*; *Пётр*, *Фрол* (// *a*).

[42] Для сравнения укажем слова на *éж*, относящиеся к схеме *a*: *барéж*, *кортéж*, *манéж*.

[43] Отметим, что все эти слова на *áж*, *яж* имеют двусложную основу. Для сравнения перечислим слова на *áж*, *яж* с двусложной основой, относящиеся к схеме *a*: *вирáж* (фотохимикат), *вояж*, *грильяж*, *дренáж*, *каптáж*, *корсáж*, *купáж*, *куртáж*, *марьяж*, *массáж*, *мирáж* (в разговорной речи у этого слова возможна также схема *b*), *пассáж*, *пейзáж*, *плантáж*, *плюмáж*, *примáж*, *стаффáж*, *тоннáж*, *трельяж*, *тренáж*, *луврáж*, *фиксáж*. Орф. относит к схеме *a* слово *вольтáж* (по АО схема *b*).

[44] А именно: *куркýль*, *патрýль*, *бобыль*, *горбыль*, *ковыль*, *костыль*, *мотыль*.

[45] Перечислим для сравнения слова на *éнь*, принадлежащие к схеме *a* (все они имеют небеглое *e*): *бюллетéнь*, *женьшéнь*, *олéнь*, *пельмéнь*, *таймéнь*, *тюлéнь*.

4. Следующие слова на *й*: *бугáй*, *валýй*, *лишáй*, *холýй*.

5. Следующие слова на *к*, *г*, *х*:
а) слова на *я́к* (и шипящую + *áк*), на *ю́к* (и шипящую + *ýк*) и на *и́к*, за исключением следующих: *австрия́к*, *кая́к*, *коря́к*, *краковя́к*, *манья́к*, *поля́к*, *санджáк*, *чувя́к*, *шапокля́к*; *волапю́к*, *каучýк*, *кунштю́к*, *мамелю́к* (*мамлю́к*), *сельджýк*, *укрю́к*, *урю́к*; *анти́к*, *селямли́к*, *серддли́к*, *таджи́к*, *череви́к*;
б) двусложные слова на *áк*, *ýк* (не после шипящей) и на *ы́к*, за исключением следующих: *арáк*, *барáк*, *баскáк*, *бивáк*, *дашнáк*, *краплáк*, *опáк*, *подсáк*, *просáк* (обл.), *сайгáк*, *словáк*, *триктрáк*, *шеллáк*, *шерлáк*, *юнáк*, а также *педфáк*, *рабфáк*[46]; *бамбýк*, *латýк*, *самбýк*; *ары́к*, *кумы́к*, *приты́к*, *сты́к*; слово *калмы́к* допускает схемы *a* и *b*[47];
в) слова *бурундýк*, *кавардáк*, *порттабáк*, *праязы́к*, *четвертáк*;
г) следующие слова на *óк*: *едóк*, *ездóк*, *знатóк*, *игрóк*, *седóк*, *смотрóк* (обл.), *ходóк*; *челнóк*, *чеснóк*;
д) все слова на *ю́г* (а именно: *битю́г*, *вертлю́г*, *овсю́г*, *утю́г*), а также следующие слова на *г*: *обшлáг*, *очáг*, *бочáг*, *рычáг*, *подóг* (обл.), *сапóг*, *пирóг*, *творóг* (//*твóрог*, схема *a*), *батóг*, *четвéрг*, *терпýг*, *хребтýг* (обл.), *сычýг*;
е) следующие слова на *х*: *лемéх* (вариант к *лéмех*), *жени́х*, *болтýх*, *кожýх*, *лопýх*, *обýх* (//*óбух*, схема *a*), *овчýх*, *пастýх*, *петýх*, *питýх*.

6. Следующие слова, оканчивающиеся иначе:
а) слова на *ýн* и *ю́н*, кроме слов *галью́н*, *дашнакцутю́н*, *драгýн*, *канýн*, *ракýн*, *таймýн*, *тайфýн*, *тиýн* (*тивýн*), *трибýн*;
б) следующие слова:

рукáв	*кабáн*	*комáр*	*Христóс*
бурáв	*чабáн*	*гончáр*	*живóт*
покрóв (церковный праздник)	*тагáн*	*бочáр*	*лоскýт* (вариант с мн. *лоскуты́*)
черёд	*жигáн* (обл.; // *a*)	*топóр*	*якýт* (// *a*)
картýз	*кожáн*	*осётр*	*хомýт*[48]
сокóл$_{1-2}$ (варианты к *сóкол* 'птица' и *сóкол* 'орудие')	*казáн*	*маля́р*	
	пузáн	*школя́р*	
	кочáн	*столя́р*	
	топчáн	*гусля́р* (// *a*)	

В. Из слов с неодносложной основой и неконечным ударением — только слова *ýгол*, *ýгорь*, *ýзел* (все три с беглой гласной).

Прочие слова группы первой относятся к схеме *a*, например: *спор*, *стиль*, *персонáж*, *фестивáль*, *гайдамáк*, *акведýк*, *анáлиз*, *рóдственник*, *стéржень*, *переýлок*.

---

[46] Вообще все сложносокращенные слова данного типа (т. е. такие, у которых конечная часть основы представляет собой сокращение) относятся к схеме *a*, независимо от исхода основы. В списки настоящего параграфа включены только те из них, которые входят в исходный материал (см. § 4.1); вне этого материала можно указать, например, *филфáк*, *физфáк*, *истфáк* и т. д., *физрýк*, *помнáч*, *помбýх* и т. д.

[47] Отметим, что, кроме сложносокращенных слов и слова *приты́к*, исключения из подпунктов *а* и *б* — это заимствованные слова. Значительную их часть составляют названия лиц по национальности или по социальному положению: *австрия́к*, *калмы́к*, *коря́к*, *кумы́к*, *поля́к*, *сельджýк*, *словáк*, *таджи́к*, *баскáк*, *дашнáк*, *мамелю́к*, *юнáк*.

[48] Уш. допускает схему *b* для слов *брюхáн* и *копы́л* (для слова *копы́л* АО дает только схему *d* с мн. *копы́лья*; слова *брюхáн* в АО нет, Орф. дает схему *a*). В разговорной речи схему *b* может иметь слово *подóл* (АО дает предупредительную помету против этого).

Г р у п п а в т о р а я. Существительные среднего морфологического рода (кроме pluralia tantum)

I. Слова с у д а р н о й основой.

1. К нехарактерной для данной группы слов схеме *e* относятся слова *у́хо* и *о́ко*. Кроме того, дефектное слово *сот* (сотен) относится к схеме *b*.

2. Следующие слова относятся к схеме *c*:
а) слова на *мя*, кроме слова *зна́мя* (мн. *знамёна*) и дефектного слова *по́лымя* [49];
б) следующие слова с односложной основой:

по́ле	*дре́во* (мн. *древеса́*)	*во́йско*	*су́дно* (мн. *суда́*)
мо́ре	*сло́во*	*де́ло*	*плёсо* (обл.)
се́рдце	*ста́до*	*те́ло*	*ме́сто*
не́бо (мн. *небеса́*)	*чу́до* (мн. *чудеса́*)	*ма́сло*	
пра́во		*мы́ло*	

в) следующие слова с неодносложной основой (все они имеют начальное ударение): *де́ревце* (//*деревцо́*, схема *b*) [50], *зе́ркало*, *кру́жево*, *о́блако*, *о́блачко*.

3. Остальные слова относятся к схеме *a*, например: *кре́сло*, *зда́ние*, *доми́шко*, *госуда́рство*.

З а м е ч а н и е. Уш. указывает для слова *удила́* (по АО — plurale tantum) ед. число *уди́ло*; парадигма такого вида относится к схеме *c* (но имеет необычное неначальное ударение в ед. числе). Для слова *кро́сно* Уш. дает мн. ч. *кросна́*, *кро́сен*, *кросна́м*, т. е. схему *c*//*a* (по АО схема *a*). За пределами литературной нормы схема *c* возможна у некоторых singularia tantum (при окказиональном образовании от них мн. числа), например: *се́но* (см. Уш.), *мя́со* (см. АГ, § 264). Словоформа *лета́* в значении мн. числа от *ле́то* 'жаркое время года' признается нелитературной в связи с существованием омонимичного plurale tantum *лета́* 'годы, возраст'. В качестве просторечного отклонения от нормы схема *c* встречается также у нескольких слов, часто употребляющихся в обоих числах (*бла́го*, *блю́до*, *чу́чело*); ср. также профессиональное *сита́*.

II. Слова с б е з у д а р н о й основой.

1. Следующие слова относятся к нехарактерным для данной группы схемам *f* и *e″*:
схема *f* — *крыльцо́*, *плечо́*, *тавро́* [51];
схема *e″* — *дитя́* (мн. *де́ти*).

2. Следующие слова относятся к схеме *d*:
а) слова: *дно* (мн. *до́нья*); *меньшинство́*; *ушко́* (вариант к *у́шко*); *берцо́*, *лицо́*, *кольцо́*, *озерцо́*, *яйцо́*; *житьё*, *копьё*, *ружьё*;
б) все слова со слоговой основой, оканчивающиеся иначе, чем на *тво́*, на согласную+*ко́*, на *цо́*, *ьё*, *иё* или *ие́*, за исключением слов *ма́зло́* (простореч.), *трепло́* (муж. род), *порося́*, *ничто́* (существительное) [52].

---

[49] Часто употребляемое мн. число имеют только слова *вре́мя*, *и́мя*, *пле́мя*, *се́мя*, *стре́мя*. При словах *бре́мя*, *вы́мя*, *пла́мя* Уш. дает помету «мн. редко», при словах *бере́мя*, *те́мя* — помету «мн. нет».

[50] Ср.: *Де́ревце*, *деревцо́*, *к засухе зацвело* (Лорка, «Деревцо», перев. А. Гелескула).

[51] Уш. относит к схеме *f* слово *сельцо́* (по АО схема *b*).

[52] Для следующих из этих слов АО, Орф. или Уш. приводит словоформы мн. числа: *гнездо́*, *скребло́*, *стебло́* (обл.), *седло́*, *помело́* (мн. *поме́лья*), *село́*, *чело́*, *сило́* (обл.; мн. *си́ла* и *си́лья*), *кайло́*, *хайло́*, *стекло́*, *сопло́*, *дупло́*, *сверло́*, *жерло́*, *весло́*, *ремесло́*, *рукомесло́* (простореч.), *тесло́*, *число́*, *путло́* (обл.), *крыло́* (мн. *кры́лья*), *клеймо́*, *ярмо́*, *бельмо́*, *письмо́*, *бревно́*, *рядно́*,

3. Остальные слова относятся к схеме *b*, например: *веществó*, *очкó*, *словцó*, *остриё*[53].

Группа третья. Существительные женского морфологического рода I субстантивного склонения (кроме pluralia tantum)

I. Слова с ударной основой.

1. Следующие слова относятся к нехарактерным для данной группы слов схемам *c* и *e*:
схема *c* — *дя́дя* (как термин родства) (вариант с мн. *дядья́*);
схема *e* — *дерéвня*, *дóля*.

2. Все прочие слова относятся к схеме *a*, например: *бýря*, *берёза*, *цара́пина*, *нáволочка*, *стихи́я*, *ю́ноша*, *стáроста*.

II. Слова с безударной основой.

1. Следующие слова относятся к схеме *f*:
а) с односложной основой:

скобá	*обжá* (// *óбжа*, схема *a*)	*кошмá*	*мощá* (простореч.)
губá (все значения)	*дежá*	*волнá* (// *d*)	*сопля́*
судьбá (устар. вариант)	*межá*	*копнá*	*заря́* (рассвет; // *d*)
слегá	*вожжá*	*щепá*	*ноздря́*
серьгá	*слезá*	*тропá*	*скамья́* (// *b*)
скирдá	*рекá* (// *f'*, *d*, *d'*)	*пятá*	
грядá	*строкá* (// *f'*)	*строфá*	
	килá	*блохá*	
		свечá	

б) с неодносложной основой: *головá* (должностное лицо), *бороздá*, *слободá*, *сковородá*, *скородá* (обл.), *железá*, *просфорá* (*просвирá*), *полосá* (// *f'*), *простыня́*.

2. Следующие слова относятся к схеме *f'*:
а) с односложной основой: *ногá*, *средá* (день недели), *рекá* (// *f*, *d*, *d'*), *щекá*, *строкá* (// *f*), *доскá*, *рукá*, *стенá*, *горá*, *порá*, *крохá*;
б) с неодносложной основой: *головá* (в обычном значении), *середá* (простореч. вариант к *средá*), *бородá*, *боронá*, *боронá*, *сторонá*, *полосá* (// *f*).

3. Следующие слова относятся к схеме *d*:
а) следующие слова с односложной основой, для которых АО, Орф., Уш. или АГ приводит словоформы мн. числа:

избá (// *d'*)	*главá* (все значения)	*дугá*	*нуждá*
арбá	*травá*	*слугá*	*звездá*
трубá	*вдовá*	*страдá*	*уздá*
судьбá	*совá*	*бедá*	*ордá*
стрельбá		*средá* (окружение)	*удá*

звенó (мн. *звéнья*), *веретенó*, *винó*, *окнó*, *волокнó*, *лукнó*, *сукнó*, *гумнó*, *зернó*, *полотнó*, *пятнó*, *рунó*, *ребрó*, *бедрó*, *ведрó*, *ядрó*, *перó* (мн. *пéрья*), *колесó*, *решетó*, *долотó*. Для прочих слов словоформы мн. числа с ударением по схеме *d* являются лишь потенциальными.

[53] Как можно вывести из предшествующих пунктов, к схеме *b* относятся: а) слова с неслоговой основой, кроме *дно*; б) слова со слоговой основой, оканчивающиеся на *твó*, на согласную+*кó*, на *цó*, *ьё*, *иё* или *ие́*, за исключением слов, указанных в подпункте 2а, и слова *крыльцó*; в) слова *маслó*, *треплó* (муж. род), *порося́*, *ничтó* (существительное).

руда́
слюда́
коза́
лоза́
гроза́
кирка́
лука́
река́ (// *d′*, *f*, *f′*)
скала́
шкала́
игла́
стрела́
пчела́
пила́
зола́ (по АГ)
смола́
пола́
ветла́

метла́
скула́
басма́
тюрьма́
страна́
жена́
вина́
длина́
война́
волна́ (// *f*)
весна́
десна́
блесна́
сосна́
плюсна́
луна́
струна́
толпа́

стопа́ (бумаги; в стихе)
крупа́
игра́
икра́
нора́
сестра́
дыра́
леса́ (// *ле́са*, схема *a*)
лиса́
оса́
коса́ (орудие; // *d′*)
роса́
мета́ (// *ме́та*, схема *a*)
плита́

верста́ (// *d′*)
дрофа́
софа́
стреха́
доха́
сноха́
соха́
ольха́
овца́
змея́
пешня́
заря́ (рассвет, // *f*)
струя́
судья́
семья́
свинья́

б) слова (с односложной основой) *еда́*, *жара́*, *желна́*, *кора́*, *мука́*, *резьба́*, *уха́*, для которых словари не дают словоформ мн. числа;
в) все слова с неодносложной основой, оканчивающиеся на *ина́*, *ота́*, например: *величина́*, *старшина́*, *высота́* [54];
г) слова *колбаса́*, *пастила́*, *скорлупа́*, *стрекоза́*, *тавлея́*.

4. Следующие слова относятся к схеме *d′* (все они имеют односложную основу): *изба́* (// *d*), *дрога́*, *вода́*, *река́* (// *d*, *f*, *f′*), *зима́*, *цена́*, *спина́*, *коса́* (из волос; отмель), *коса́* (орудие; //*d*), *верста́* (//*d*), *душа́*, *земля́*, *заря́* (сигнал).

5. Остальные слова относятся к схеме *b*, например: *ступня́*, *левша́*, *черта́*, *статья́*, *кишка́*, *западня́*, *колея́*, *госпожа́*.

Замечания

В современном языке у многих слов, отнесенных выше к схемам *f*, *f′*, *d* и *d′*, ударение колеблется. Колебания, которые АО признает допустимыми, отражены в приведенных списках (см. слова *верста́*, *волна́*, *заря́*, *изба́*, *коса́*, *полоса́*, *река́*, *строка́*). Для слова *судьба́* (схема *d*) АО указывает, что параллельная схема *f* устарела. АГ (§ 269—271) отмечает наличие колебаний у более широкого круга слов: *волна́*, *гряда́*, *лука́*, *свинья́*, *страна́*, *строфа́* (*d* и *f*); *вода́*, *душа́*, *стена́* (*d′* и *f′*); *борозда́*, *железа́*, *кроха́*, *полоса́*, *сковорода́*, *слобода́*, *сторона́*, *строка́* (*f* и *f′*); *зима́*, *цена́* (*d′* и *d*); *река́* (*f*, *f′*, *d*, *d′*). Для слов *весна́*, *зола́*, *изба́*, *нора́*, *овца́*, *роса́*, *соха́* (схема *d*) АГ признает параллельную схему *d′* выходящей из употребления. О колебаниях свидетельствуют также следующие расхождения: для слов *скорлупа́*, *сноха́*, *стопа́* (бумаги) АО указывает схему *d*, АГ — схему *f*; напротив, для слова *межа́* АО указывает схему *f*, АГ — схему *d*. В разговорной речи колебания захватывают и многие другие слова; ср. так называемые «предупредительные пометы» в АО: *блоха́м* [не *бло́хам*], *среда́м* [не *сре́дам*] и т. п. Отметим слова, наименее подверженные колебаниям ударения: схема *f* — *губа́*, *вожжа́*, *ноздря́*, *слеза́*, *сопля́*; схема *f′* — *голова́* (в обычном значении), *гора́*, *нога́*, *рука́*; схема *d′* — *душа́*, *земля́*, *спина́* (характерно, что почти все они сходны по значению).

---

[54] АО приводит словоформы мн. числа только для следующих слов этого типа: *глубина́*, *седина́*, *быстрина́*, *величина́*, *ветчина́*, *старшина́*, *вышина́*; *долгота́*, *тягота́* (мн. *тя́готы*), *мерзлота́*, *кислота́*, *длиннота́*, *тошнота́*, *сирота́*, *широта́*, *красота́*, *высота́*, *частота́*, *пустота́*. Прочие слова этого типа имеют парадигму схемы *d* лишь потенциально.

Все эти колебания отражают давно начавшийся и еще не завершенный процесс изменения ударения в словах на *á*, *я́*, который можно описать как стремление к максимальному акцентному противопоставлению чисел, т. е. к схеме *d* (флексионное ударение во всем ед. числе, наосновное ударение во всем мн. числе) [55]. Этот процесс включает переходы двух типов: 1) $b \to d$, $f \to d$, $f' \to d'$ (переход к наосновному ударению во всем мн. числе); 2) $f' \to f$, $d' \to d$ (переход к флексионному ударению в В. ед.). Таким направлением переходов объясняется стилистическая окраска многих словоформ-вариантов — книжная (поэтическая, архаизованная) у словоформ мн. числа с флексионным ударением (например, *судьба́ми*, *толпа́ми*, *река́ми*) и В. ед. с наосновным ударением (например, *ре́ку*, *стро́ку*) и нейтральная или разговорная у словоформ с противоположным ударением (*су́дьбами*, *то́лпами*, *ре́ками*, *реку́*, *строку́*): см. АГ, §§ 269 и 271.

Обратимся теперь к словам схемы *b*. Если исходить из того, что принадлежность или непринадлежность слова к числу singularia tantum известна, то состав слов схемы *b* можно описать так. Во-первых, сюда относятся singularia tantum, кроме входящих в подпункты 3б и 3в. Во-вторых, к схеме *b* относятся следующие группы слов, употребляемых в обоих числах (критерием считается отсутствие в Уш. пометы «мн. нет»): 1) все слова с неслоговой основой, например *тля*; 2) слова с односложной основой, оканчивающиеся на *ня́* (кроме *пешня́*) и на *ья́* (кроме *свинья́*, *семья́*, *судья́*); 3) следующие слова с односложной основой: *раба́*, *мольба́*, *плева́*, *ага́*, *стега́* (обл.), *брюзга́*, *сайга́*, *тамга́*, *карга́*, *брада́*, *чреда́*, *бразда́*, *балда́*, *дуда́*, *зуда́*, *ханжа́*, *баржа́* (// *ба́ржа*, схема *a*), *кобза́* (// *ко́бза*, схема *a*), *мирза́*, *мурза́*, *уза́* (// *у́за*, схема *a*; обл.), *чека́*, *башка́*, *кишка́*, *клюка́*, *хвала́*, *кайла́*, *мулла́*, *хула́*, *брыла́*, *юла́*, *дрема́* (дремота; трава), *кайма́*, *чалма́*, *корма́*, *хурма́*, *кума́*, *сума́*, *корчма́*, *пелена́*, *княжна́*, *зурна́*, *мошна́*, *стопа́* (ноги), *чадра́*, *бора́* (//*бо́ра*, схема *a*), *копра́* (// *ко́пра*, схема *a*), *тура́*, *краса́*, *киса́*, *фата́*, *чета́*, *бита́*, *лапта́*, *черта́*, *киста́*, *глиста́*, *тахта́*, *мечта́*, *графа́*, *люфа́*, *чоха́* (*чуха́*), *карча́*, *парча́*, *бахча́*, *паша́*, *левша́*, *праща́*, *швея́*, *жнея́*, *шлея́*, *стезя́*, *культя́* (почти все эти слова малоупотребительны; значительную их часть составляют старославянизмы и обозначения восточных реалий); укажем также некоторые из слов, имеющих в Уш. помету «мн. нет»: *гурьба́*, *божба́*, *хвальба́*, *пурга́*, *яга́*, *казна́*, *фита́*, *парша́*; 4) слова с неодносложной основой, кроме оканчивающихся на *ина́*, *ота́* и перечисленных в подпунктах 1б, 2б и 3г. При этом, однако, в соответствии с общей тенденцией, описанной выше, многие из этих слов (например, *кайла́*, *тура́*, *графа́*, *острога́*, *егоза́*, *пиала́*, *кобура́*, *конура́*) допускают в нелитературной речи схему *d*.

Группа четвертая. Существительные женского морфологического рода II субстантивного склонения (кроме pluralia tantum)

1. Следующие слова относятся к схеме *b'*:

а) с односложной основой — *вошь*, *глушь*, *ложь*, *рожь* [56];

б) с неодносложной основой — только слова *любо́вь*, *нелюбо́вь*.

2. Следующие слова относятся к схеме *e*:

---

[55] См., в частности: V. Kiparsky. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, стр. 203, 209, 229.

[56] По данным Был., к схеме *b'* относятся также следующие топонимы: *Кеть*, *Обь*, *Омь*, *Пермь*, *Русь*, *Тверь*, *Томь*.

а) с односложной основой:

дробь	*роль*	*сеть*	*полсть* (обл.)
скорбь	*соль*	*полть* (*пóлоть*; обл.)	*ость*
зыбь	*тень*	*смерть*	*кость*
бровь	*степь*	*борть*	*трость*
кровь	*цепь*	*власть*	*шерсть*
ветвь	*дверь*	*сласть*	*горсть*
гроздь (вариант с мн. *грóзди*)	*ось*	*масть*	*печь*
	рысь (бег)	*снасть*	*речь*
жердь	*мать*	*страсть*	*дочь*
грудь	*стать*	*часть*	*ночь*
сельдь	*клеть*	*весть*	*мышь*
пядь	*плеть*	*десть*	*вещь*
щель	*треть*	*кисть*	*пещь* (устар.)[57]

б) с неодносложной основой и начальным ударением:

цéрковь	*стéпень*	*лóпасть*	*вéдомость*
лóшадь	*мáтерь*	*прóпасть*	*дóлжность*
плóщадь	*пóдать*	*пóвесть*	*крéпость*
óчередь	*пóлоть* (*полть*; обл.)	*нóвость*	*скóрость*
стéрлядь	*чéтверть*	*плóскость* (в прямом знач.)	*мéлочь*
прúстань	*скáтерть*	*вóлость*	*щёлочь*
сáжень (// *сажéнь*, схема *a*)	*óбласть*	*пóлость*	*свóлочь*[58]

в) с неодносложной основой и неначальным ударением — только слово *ступéнь* (в перен. значении)[59].

3. Остальные слова относятся к схеме *a*, например: *мысль*, *ткань*, *зáповедь*, *глýпость*, *тетрáдь*, *осóбенность*.

Группа пятая. Pluralia tantum

1. Следующие слова с ударной основой относятся к схеме *e* (все они имеют начальное ударение):

óтруби	*сáни*	*кýдри*	*мóщи*
чéрви	*дрóвни* (// *a*)	*пóмочи*	*бýбны*
дéньги[60]	*сéни*	*клéщи* (// *клещú*, схема *b*)	*пóхороны*
дрóжжи	*слю́ни*		*вóлосы*[61]

2. Прочие слова с ударной основой относятся к схеме *a*, например: *нóжницы*, *ворóта*, *брю́ки*.

3. Слова с безударной основой относятся к схеме *b*, например: *весы́*, *дровá*, *голубцы́*, *поддавкú*.

---

[57] В профессиональной речи медиков схему *e* обычно имеет также слово *боль*. Уш. и АГ дают схему *e* для слова *честь*.

[58] Уш. дает схемы *a* и *e* для слов *чéлюсть* и *лéтопись* (по АО только *a*). АГ дает схему *a* для слов *прúстань* и *прóпасть* (по АО схема *e*). Нелитературной признается схема *e* у слов *óтрасль*, *прúбыль*. Эта схема возможна также у областного слова *рóсстань* и устаревшего *дóведь*. Заметим, что в просторечии ряд слов рассматриваемой группы получает И. мн. на *-á*, *-я́* (см. сноску 121) и, таким образом, переходит в схему *c*.

[59] По аналогии со словом *стéпень*.

[60] Вариант со схемой ударения *a* (Д. *дéньгам* и т. д.) признается в АО устаревшим.

[61] Также простореч. *вúни*, *крéсти*.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Прилагательные простого адъективного разряда

Прилагательные нулевого типа склонения относятся к схеме *a*, например *ко́ми*, *ба́нту*.

Из прочих прилагательных к схеме *f* относится слово *сам*, к схеме *b* — следующие слова: 1) слова на *о́й* (кроме *кой*), *и́н* и *ы́н*, например: *морско́й*, *второ́й*, *тако́й*, *мой*, *свой*, *Ильи́н*, *оди́н*; 2) *сей*, *чей*, *ниче́й*, *тот*, *весь*. Остальные слова относятся к схеме *a*, например: *дру́жеский*, *во́лчий*, *тре́тий*, *выю́щийся*, *не́который*, *дя́дин*, *отцо́в*, *э́тот*, *наш*, *кой*.

Прилагательные расширенного адъективного разряда

Предварительное пояснение. В современном языке ударение в неатрибутивных словоформах прилагательных (в особенности с односложной основой) подвержено сильным колебаниям. Типичные колебания таковы: 1) между схемами ударения неатрибут. словоформ /*c* и /*a* (относительно обозначений см. § 6.16, примечание 2), например: *вла́стен*, *вла́стно*, *вла́стны*, но *властна́* и *вла́стна*; 2) между схемами /*c* и /*c′*, например: *ва́жен*, *важна́*, *ва́жно*, но *ва́жны* и *важны́*; *прост*, *проста́*, *про́сто*, но *про́сты* и *просты́*; 3) между схемами /*c* и /*b*, например: *бел*, *бела́*, но *бе́ло* и *бело́*, *бе́лы* и *белы́*; 4) между схемами /*b* и /*b′*, например: *свеж*, *свежа́*, *свежо́*, но *свежи́* и *све́жи*. В приводимых ниже списках эти колебания обозначаются надстрочными цифрами при прилагательных (в соответствии с данной здесь нумерацией), например: *вла́стный*[1], *ва́жный*[2], *просто́й*[2], *бе́лый*[3], *све́жий*[4]. Следует учитывать, однако, что нормативные указания АО и других словарей (соблюденные ниже в соответствии с § 4.2) в этом отношении недостаточно полно отражают современное состояние языка. В готовящемся новом издании АО многие из этих указаний предполагается изменить. Новые нормативные рекомендации по ударению прилагательных подготовлены Н. А. Еськовой[62]. Рекомендации Н. А. Еськовой, расходящиеся с АО, приведены ниже при соответствующих прилагательных в квадратных скобках. Так, например, запись *гре́шный*[2] [[4]] означает, что по АО неатрибут. словоформы этого прилагательного колеблются между схемами ударения /*c* и /*c′*, а по Н. А. Еськовой — между /*b* и /*b′*.

А. Из числа прилагательных с дефектом № 14 (см. § 3.4 и список в § 3.3, II Г) к схеме ударения *a*/*b* относятся *како́в*, *тако́в*, *до́лжен*, к схеме *a*/*c* — *люб*; остальные относятся к схеме *a*/*a*, например: *рад*, *одинёшенек*.

Б. Из числа причастий к схеме *a*/*b* относятся *да́нный*, *сда́нный*, *пересда́нный* и все на *ённый*, например *решённый*, *сочинённый*; к схеме *a*/*c* относятся причастия на *житый*, *литый*, *нятый*, *чатый* (кроме *вы́житый*, *вы́литый*), а также причастия *зва́нный*, *ви́тый*, *за́пертый*, *о́тпертый*, *взя́тый*, *про́клятый*; между схемами *a*/*c* и *a*/*a* колеблются причастия на *данный* (кроме *вы́данный* и указанных выше), *витый* (кроме *ви́тый*) и *питый* (кроме *вы́питый*), а также причастие *онёртый*. Прочие причастия относятся к схеме *a*/*a*, например: *сде́ланный*, *заши́тый*, *рису́емый*.

В. Прочие прилагательные распределяются по схемам ударения так:

---

[62] Эти рекомендации основаны на исследовании Н. А. Еськовой «Подвижное ударение в системе имени прилагательного в русском литературном языке XIX — XX веков» (еще не опубликованном). Автор приносит Н. А. Еськовой благодарность за разрешение ознакомиться с этим исследованием и использовать подготовленные ею нормативные рекомендации.

Прилагательные на *-ый* и *-ий*

1. Следующие прилагательные относятся к схеме *a/c* или колеблются между этой схемой и схемой *a/c'*, *a/b* или *a/a* (об обозначениях см. выше):

а) с односложной основой:

до́лгий
стро́гий
ры́жий
дю́жий
ги́бкий
ши́бкий
зно́бкий
ро́бкий
зы́бкий
зя́бкий
ко́вкий
ло́вкий
со́вкий
мя́гкий
га́дкий
гла́дкий
сла́дкий
са́дкий
е́дкий
ре́дкий
жи́дкий
хо́дкий
тя́жкий
ма́зкий
ре́зкий
бли́зкий^{2}
скли́зкий
ни́зкий^{2}
де́рзкий
ме́рзкий
у́зкий^{2}
ско́льзкий
вя́зкий
ди́кий
бо́йкий
сто́йкий
ва́лкий
жа́лкий
ме́лкий
ко́лкий
гу́лкий
мы́лкий
пы́лкий
ло́мкий
гро́мкий
зво́нкий
го́нкий
то́нкий
ца́пкий

кре́пкий $[^{2}]$
це́пкий
ли́пкий
хли́пкий
то́пкий
те́рпкий
хру́пкий
хлю́пкий
ва́ркий
жа́ркий
зо́ркий
ю́ркий
я́ркий
пло́ский
бро́ский
хря́ский
хва́ткий
ка́ткий
кра́ткий
ме́ткий
чёткий
кро́ткий
вёрткий
жёсткий
хлёсткий
хру́сткий
жу́ткий
чу́ткий
пры́ткий
го́рький
си́ний
ти́хий
ве́тхий
о́бщий
ни́щий
то́щий
сла́бый^{2} [a/c]
гру́бый
пра́вый
ре́звый
тре́звый
си́вый
но́вый^{2}
мёртвый (прям. знач.)
чёрствый^{2}
чу́ждый
твёрдый
го́рдый^{2}

си́зый
бо́рзый
дря́блый
на́глый
сму́глый$[^{2}]$
кру́глый$[^{2}]$
по́длый
бе́лый^{3}
квёлый
сме́лый$[^{2}]$
спе́лый
зре́лый
це́лый
ми́лый^{2}
хи́лый
ту́склый
го́лый
тёплый^{3} $[^{4}]$
хри́плый
си́плый
щу́плый
ки́слый
све́тлый$[^{4}]$
пу́хлый
ту́хлый
ры́хлый
дря́хлый
по́шлый
сдо́бный
пла́вный$[^{1}]$
сла́вный
гне́вный$[^{1}]$
ро́вный$[^{2}]$
не́рвный
жа́дный^{2}
ла́дный
скла́дный
бе́дный^{2}
бле́дный^{2}
вре́дный^{2}
ви́дный^{2}
го́дный^{2}
мо́дный
схо́дный$[^{1}]$
ску́дный$[^{2}]$
ну́дный$[^{2}]$
тру́дный^{2}
сты́дный
ва́жный^{2}

вла́жный$[^{2}]$
не́жный^{2}
сло́жный$[^{2}]$
ну́жный^{2}
дру́жный^{2}
гро́зный^{2}
гру́зный^{2}
гря́зный^{2}
стро́йный$[^{2}]$
бу́йный
по́лный^{3}
тёмный^{3} $[^{4}]$
скро́мный
то́мный
у́мный^{3} [a/b]
шу́мный$[^{2}]$
стра́нный
дли́нный^{3}
чи́нный
скло́нный$[^{1}]$
кру́пный
ве́рный^{2}
скве́рный
чёрный^{3} $[^{4}]$
жи́рный$[^{2}]$
сми́рный
бу́рный
кра́сный$[^{3}]$
пре́сный
те́сный^{2}
вку́сный^{2}
гну́сный$[^{2}]$
я́сный^{2}
зна́тный$[^{2}]$
ста́тный
пло́тный$[^{2}]$
по́тный
вла́стный^{1}
стра́стный
че́стный$[^{2}]$
по́стный
гру́стный^{2}
му́тный
сму́тный
сы́тный
сма́чный
мра́чный$[^{2}]$
про́чный^{2}
со́чный$[^{2}]$

то́чный$[^{2}]$
зву́чный$[^{2}]$
ску́чный^{2}
ту́чный$[^{2}]$
стра́шный^{2}
гре́шный^{2} $[^{4}]$
то́шный
ду́шный$[^{2}]$
слы́шный^{2}
пы́шный$[^{2}]$
мо́щный
хме́льный
че́льный
си́льный^{2}
во́льный (свободный)^{2}
пы́льный
ю́ный
пья́ный$[^{2}]$
глу́пый
ста́рый^{3}
хра́брый$[^{2}]$
до́брый^{2}
ще́дрый$[^{2}]$
бо́дрый^{2}
му́дрый$[^{2}]$
се́рый
си́рый
мо́крый$[^{2}]$
хво́рый
ско́рый
спо́рый
хи́трый$[^{3}]$
пёстрый^{3}
о́стрый (прям. знач.)
во́стрый$[^{3}]$
шу́стрый
бы́стрый
бу́рый
сму́рый
хму́рый
лы́сый
жёлтый^{3}
ча́стый
чи́стый^{2}
то́лстый^{2}
сы́тый
лю́тый

б) с неодносложной основой:

далёкий^{3}
вели́кий (выдающийся)
глубо́кий^{3}
широ́кий^{3}
высо́кий^{3}
жесто́кий$[^{1}]$
коро́ткий$^{3}[^{2}]$
дешёвый
уда́лый
весёлый$[^{2}]$
голо́дный^{2}
холо́дный^{2}
зелёный$[^{2}]$
солёный$[^{2}]$

2. Следующие прилагательные относятся к схеме *a/b* или колеблются между этой схемой и схемой *a/b′*:
а) с односложной основой: *свéжий*[4], *лёгкий*[4] [*a/b*], *мёртвый* (в перен. знач.), *мáлый*, *рáвный*, *вóльный* (что-л. сделать), *óстрый* (остроумный);
б) с неодносложной основой: *вели́кий* (большой), *мáленький* (неатрибут. словоформы *мал*, *малá*, *малó*, *малы́*), *горя́чий*, *хорóший*, *здорóвый* (большой, сильный; простореч.), *тяжёлый*, *мудрёный*; кроме того, прилагательные на *ённый*, входящие в список, данный в § 6.32, пункт 29б, например *врождённый*, *влюблённый*.

3. Прочие прилагательные относятся к схеме *a/a*, например: *сурóвый*, *торжéственный*, *кýцый* [63].

Замечание. По данным Н. А. Еськовой, к схеме *a/c* относятся также прилагательные *сóлкий*, *пáркий*, *кáчкий*, *лю́бый*, *дóхлый*, *хлáдный*; прилагательное *óбщий* в значении 'одинаково свойственный' относится к схеме *a/c*, а в значении 'отвлеченный, недостаточно конкретный' — к схеме *a/b′*; прилагательные *мёртвый* и *óстрый* допускают схемы *a/c* и *a/b* в любом из своих значений.

Прилагательные на *-ой*

1. Следующие прилагательные относятся к схеме *b/c* или колеблются между этой схемой и схемой *b/c′* или *b/b*:
а) с односложной основой:

рябóй	*младóй*	*прямóй*	*сырóй*	*крутóй*
живóй	*седóй*	*дрянóй* [3]	*босóй*	*святóй*
кривóй	*худóй* [2]	*дурнóй*[2]	*косóй*	*лихóй*[2]
благóй	*гнилóй*	*слепóй*	*простóй*[2]	*плохóй*
нагóй	*немóй*	*скупóй* [2]	*густóй*[2]	*глухóй*
тугóй	*хромóй*	*тупóй*	*пустóй* [2]	*сухóй*

б) с неодносложной основой: *дорогóй*, *молодóй*, *удалóй*, *развитóй*, *холостóй*.

2. Прочие прилагательные относятся к схеме *b/b*, например: *злой*, *смешнóй*, *озорнóй* [64].

Замечание. Как можно видеть, у прилагательных расширенного адъективного разряда схема ударения атрибутивных словоформ (т. е. левая часть в составном обозначении схемы ударения) определяется по тем же правилам, что у прилагательных простого адъективного разряда.

---

[63] Перечислим прилагательные схемы *a/a* с односложной основой, при которых АО приводит неатрибут. словоформы: *пéгий*, *вхóжий*, *схóжий*, *всхóжий*, *плáвкий*, *пáдкий*, *клéйкий*, *ёмкий*, *мáркий*, *вéский*, *нóский*, *тря́ский*, *шáткий*, *дрéвний*, *пéший*, *здрáвый*, *áлый* [1], *блёклый*, *рóслый*, *взрóслый*, *чáхлый*, *зáтхлый*, *жýхлый*, *дóшлый*, *вя́лый*, *злóбный*, *дрóбный*, *скóрбный*, *нрáвный*, *ди́вный* [1], *я́вный*, *смрáдный*, *чáдный*, *прáздный*, *срóдный*, *чýдный*, *лю́дный*, *смéжный*, *снéжный*, *лóжный*, *свя́зный*, *знóйный*, *чвáнный*, *тлéнный*, *брéнный*, *цéнный* [1], *сóнный*, *тóнный*, *мéрный*, *ми́рный*, *вздóрный*, *спóрный*, *глáсный*, *кóсный*, *снóсный*, *крáтный*, *тщéтный*, *смéртный*, *лéстный*, *злóстный*, *скры́тный*, *вня́тный*, *вéчный*, *áлчный*, *жёлчный*, *склóчный*, *срóчный*, *зы́чный*, *спéшный*, *хи́щный*, *сáльный*, *дéльный*, *сти́льный*, *рдя́ный*, *пря́ный*, *рья́ный*, *я́рый*, *рýсый*, *кýцый*, *прéлый*.

[64] Перечислим все прилагательные схемы *b/b*, для которых АО приводит неатрибутивные словоформы: *злóй*, *роднóй*, *чуднóй*, *блажнóй*, *смешнóй*, *шальнóй*, *хмельнóй* [3], *больнóй*. Отметим, что в соответствии с § 4.2 прилагательное *большóй* имеет неатрибут. словоформы *вели́к*, *великá*, *великó*, *велики́*.

Со статистической точки зрения у русских имен господствующим является неподвижное ударение: оно представлено у 96% имен (в том числе схема *a* — у 90%, схема *b* — у 6%), а подвижное ударение — только у 4%.

Слова бесчисловых разрядов распределяются по схемам ударения так: схема *a* — 45 слов, *b* — 34, *e* — 15, *e″* — 1. Особенность этих разрядов составляет, таким образом, необычно высокий процент слов схем *b* и *e*.

Распределение существительных и прилагательных по схемам ударения показано в приводимых ниже таблицах. Самостоятельные графы отведены в этих таблицах только для основных схем ударения; данные о второстепенных схемах ударения приведены в сносках. В таблице существительных отражено противопоставление субстантивных и несубстантивных типов склонения, а также деление существительных субстантивных типов склонения на пять групп, использованное выше в настоящем параграфе. Для наглядности существительные разбиты на два класса в зависимости от того, содержит ли гласную окончание исходной словоформы. Учтено также действительное ударение исходной словоформы (в той мере, в какой оно существенно для распределения слов по схемам ударения); для этого выделены следующие пять типов:

А — слова с ударной односложной основой;
Б — слова с начальноударной неодносложной основой;
В — слова со срединноударной неодносложной основой;
Г — слова с конечноударной неодносложной основой;
Д — слова с безударной основой.

В таблице прилагательных учтено деление на грамматические разряды; кроме того, особо выделены причастия. Численность той или иной группы слов указывается (как правило, округленно) в квадратных скобках, а также символизируется шрифтом соответствующего слова-образца; см. об этом § 6. 2, пункт 4. В тех клетках таблицы существительных, где содержится несколько образцов, число в квадратных скобках показывает суммарную численность. Перечеркнутая клетка означает, что для слов соответствующей группы данная схема ударения невозможна в принципе. Слова с дефектами № 6 и 7 (см. § 3. 4) в таблицах не учтены.

Таблицы в наглядной форме отражают основные закономерности, лежащие в основе данных выше правил. (Из текста правил эти закономерности усмотреть труднее, поскольку в силу своей полноты эти правила малообозримы.) Так, например, таблица существительных позволяет непосредственно установить, что у существительных группы 2 со срединноударной или конечноударной основой (*боло́то*, *посме́шище*, *госуда́рство* и т. п.) возможна только схема ударения *a*; что у существительных группы 1 с конечноударной основой (*студе́нт*, *парохо́д*, *топо́р* и т. п.) возможны схемы *a*, *b*, *c* и *d*, однако широко представлены лишь

Таблица распределения существительных по схемам ударения

Группа существительных \ Схема ударения			Неподвижное ударение		Подвижное ударение			
			a	*b*	*c*	*d*	*e*	*f*
I. Окончание исходной словоформы не содержит гласной								
Субстантивные типы склонения	гр. 1	А Б В Г	СПОР **СПО́СОБ** **ХАРА́КТЕР** **ЗАВО́Д** [11 400]	**СТОЛ** у́гол — **КУЛА́К** [1700]	САД НО́МЕР учи́тель господи́н [250]	кол — — копы́л [14]	**волк** **го́лубь** — — [50] *	конь [у́голь] — — [5]
	гр. 4	А Б В, Г	МЫСЛЬ ПО́ЧЕСТЬ **ТЕТРА́ДЬ** [3100]	— **	—	—	**ночь** **пло́щадь** [ступе́нь] [80]	—
Несубстантивные типы склонения		А—Г	ШОССЕ́ [380]	свой [3]	—	—	—	—

II. Окончание исходной словоформы содержит гласную

Субстантивные типы склонения	гр. 2	А Б В, Г	**КРЕ́СЛО** ЗДА́НИЕ **ЛЕКА́РСТВО** [4900]	—	**мо́ре** о́блако — [33]	—	[у́хо, о́ко] — —	—
		Д	—	ВЕЩЕСТВО́ [130]	—	**число́** [70]	—	плечо́ [3] ***
	гр. 3	А—Г	**КА́РТА** [10 700]	—	[дя́дя]	—	[до́ля, дере́вня]	—
		Д	—	ЧЕРТА́ [340]	—	БЕДА́ [185] 4*	—	**губа́** [40] 5*
	гр. 5	А Б В, Г	**бу́сы** **но́жницы** ВОРО́ТА [390]	—			**са́ни** о́труби — [15]	
		Д	—	**весы́** [60]			—	
Несубстантивные типы склонения		А—Г	ЛЕ́ШИЙ [720]	—	—	—	—	—
		Д	—	ПРЯМА́Я [120]				
Всего (округленно)			31 600	2350	285	270	150	50
То же в % от общего числа существительных			91	6,8	0,8	0,8	0,45	0,15

* Кроме того, два слова (*ребёнок, человéк*) относятся к схеме *e′*.

** Имеется, однако, шесть слов схемы *b′*.

*** Кроме того, одно слово (*дитя́*) относится к схеме *e″*.

4* В том числе около 70 слов (singularia tantum), для которых схема *d* является лишь потенциальной. Кроме того, 13 слов относятся к схеме *d′*.

5* Кроме того, 18 слов относятся к схеме *f′*.

Таблица распределения прилагательных по схемам ударения

Группа прилагательных \ Схема ударения		a (= a/a)	a/b	a/c	b (= b/b)	b/c	f
Расширенный адъективный разряд	причастия (на *нный* и *тый*)	**сде́ланный** [3800]	**решенный** [1040]	**взя́тый** [75]	—	—	—
	прочие прилагательные	**суро́вый** [10 750]	**хоро́ший** [40] *	**це́лый** [255] **	**смешно́й** [20]	**живо́й** [35] ***	—
Простой адъективный разряд		**ру́сский** [3100]	×	×	**ино́й** [900]	×	[сам]
Всего		17 650	1080	330	920	35	1
То же в % от общего числа прилагательных		88	5,4	1,7	4,6	0,2	—

* В том числе два слова (*лёгкий*, *свéжий*), допускающих также схему a/b′.
** В том числе 40 слов, допускающих также схему a/c′.
*** В том числе четыре слова, допускающих также схему b/c′.

первые две, а две последние насчитывают не более, чем по десятку слов. Из таблицы существительных можно выявить также следующие наиболее общие закономерности: схемы *c* и *e* возможны только в том случае, если в исходной словоформе ударение падает на первый слог; схемы *b*, *d* и *f* возможны (у существительных субстантивных типов склонения) только в том случае, если в исходной словоформе ударение падает на последний слог; схема *a* возможна при ударении в исходной словоформе на любом по счету слоге, но обязательно на основе. (Имеется всего несколько слов, отклоняющихся от этих закономерностей.)

Комментарии к понятию условного ударения

§ 6.18. Почему при построении главной акцентуационной характеристики парадигм использовано сравнительно сложное вспомогательное понятие условного ударения, а не гораздо более простое понятие действительного ударения? Рассмотрим ход рассуждений, приводящий, во-первых, к понятию условного ударения вообще, во-вторых, к выбору именно того правила приписывания условного ударения, которое дано в § 6.15. Поскольку содержание § 6.15 есть не что иное, как конечный результат приводимых ниже рассуждений, в самих этих рассуждениях оно, естественно, не используется.

В соответствии с § 5.5, при построении акцентуационной характеристики словоформы должно учитываться прежде всего то, на какой из двух главных морфологических компонентов словоформы — основу или окончание — падает действительное ударение. Для большинства словоформ (например, *дожд|и́*, *ка́рт|а*, *сурбо́в|ый*) в принципе возможны два ответа на этот вопрос (из которых, разумеется, правилен только один). Иначе обстоит дело с особым классом словоформ, у которых один из компонентов не содержит гласной, например: *дожд|ь*, *карт|*, *сурбо́в|*, *зл|о*, *вс|его́*. Очевидно, что здесь ответ на указанный вопрос предопределен буквенным составом компонентов. Можно сказать, что признак «место действительного ударения» в этих словоформах нейтрализован. Лингвистическая практика показывает, что нейтрализованные значения некоторого признака следует отличать от внешне совпадающих с ними «свободно выбранных» значений того же признака. Проверим, насколько полезна особая трактовка нейтрализованных значений в данном случае.

При учете ударения в словоформах с неслоговым компонентом в принципе возможны следующие три типа решений:

1. Учитывается только действительное место ударения (т. е. нейтрализация не принимается во внимание). Так, например, словоформы *дождь*, *карт*, *сурбо́в* получают значение «ударение на основе», словоформы *зло*, *всего́* — «ударение на окончании».

2. В дополнение к двум имеющимся значениям признака «место ударения» вводится значение «ударение нейтрализовано». Оно приписывается всем словоформам с неслоговым компонентом (т. е. и словоформам типа *дождь*, и словоформам типа *зло*). Ударению, учитываемому в соответствии с этим решением, дадим рабочее название «функционального».

3. Каждой словоформе с неслоговым компонентом приписывается одно из двух определенных значений рассматриваемого признака («ударение на основе» или «ударение на окончании»), но не в соответствии с действительным положением ударения, а по некоторому специально составленному правилу. Ударению, приписанному словоформе по этому правилу, дадим название «условного». Таким образом, у словоформ с двумя слоговыми компонентами будет учитываться действительное ударение, а у словоформ с неслоговым компонентом — условное. Поскольку, однако, такое неединообразие неудобно с формальной точки зрения, будем считать, что условное ударение имеют все без исключения словоформы, но у тех словоформ, где оба компонента слоговые, условное ударение совпадает с действительным.

Заметим, что решение 1-го типа, так же, как и решение 2-го типа, единственно. Напротив, решений 3-го типа может быть много, поскольку возможно много разных правил приписывания условного ударения.

Условимся обозначать ударение (любого типа) на основе знаком +, ударение на окончании знаком —; значение «ударение нейтрализовано» (возможное только при решении 2) будем обозначать нулем. Запись, показывающую, каково действительное (функциональное, условное) ударение в каждой словоформе парадигмы, будем называть с х е м о й д е й с т в и т е л ь н о г о (соответственно ф у н к ц и о н а л ь н о г о, у с л о в н о г о) у д а р е н и я этой парадигмы. (Каждая словоформа обозначена в этой записи соответствующей грамматической формой.) В § 6.18—6.22 мы будем употреблять выражение «схема ударения» (без уточнения) лишь в том случае, если почему-либо необходимо отвлечься от способа учета ударения.

Какое из описанных выше решений следует предпочесть? Попытаемся вначале ответить на этот вопрос с помощью рассуждений неформального или не вполне формального характера (т. е. способом, наиболее обычным для лингвистических работ). Ограничимся здесь рассмотрением существительных (при этом pluralia tantum и существительные с дефектной парадигмой для упрощения исключим). Этого материала достаточно для выяснения вопросов принципиального характера.

Будем исходить из того, что существует (по крайней мере, у лингвистов) интуитивное представление о том, что различие в месте действительного ударения между двумя русскими словоформами (из разных парадигм или из одной и той же парадигмы)

в одних случаях является независимым (т. е. не обусловлено никакими иными различиями между сравниваемыми словоформами), а в других случаях — зависимым (т. е. представляет собой не более, чем автоматическое следствие каких-то иных различий). Так, например, акцентуационные различия в парах словоформ *дождй—гвбзди*, *чертй* (И. мн.)—*стрéлы*, *прáвила* (И. мн.)—*зеркалá*, а также *гвбзди—гвоздéй*, *стрелá—стрéлы*, *стрелá—стрел*, *зéркало—зеркалá*, *зéркало—зеркáл* естественно считать независимыми. Напротив, акцентуационные различия, например, в парах словоформ *ханжéй—госпбж*, *облакбв—зеркáл*, а также *госпожй* (И. мн.)—*госпбж*, *чертй* (И. мн.)—*черт*, *зеркалá — зеркáл* естественно считать простым следствием того, что у одного из членов пары окончание слоговое, а у другого неслоговое (а именно нулевое). Так, рассматривая пары типа *полк—полкá*, *местá—мест*, *нёс—неслá*, Р. И. Аванесов пишет: «Различие в месте ударения в подобных случаях не имеет грамматического значения, поскольку оно вынужденное, обусловленное отсутствием окончания в одной из форм слова. Поэтому ударение в них с грамматической точки зрения следует квалифицировать как неподвижное» [65].

При построении акцентуационной характеристики отдельных словоформ и целых парадигм естественно стремиться к тому, чтобы эта характеристика учитывала независимые акцентуационные различия и не учитывала зависимых. Только в этом случае можно избежать так называемого «дублирования» одних различительных признаков другими, т. е. учета одного и того же факта одновременно несколькими различительными признаками. Сравним с этой точки зрения перечисленные выше решения.

Решение 1 носит, с этой точки зрения, наиболее «механический» характер: констатируется лишь само положение действительного ударения и никак не учитывается то, какими причинами — собственно акцентуационными или внешними по отношению к акцентуации — определяется это положение. Например, каждое из слов *ханжá*, *госпожá*, *бблако*, *зéркало* имеет особую схему действительного ударения. Таким образом, независимые акцентуационные различия (например, между парадигмами *ханжá* и *бблако*) оказываются в одном ряду с зависимыми (например, между парадигмами *ханжá* и *госпожá*, *бблако* и *зéркало*). Различие в паре парадигм *ханжá—госпожá* (или в паре *бблако—зéркало*) учитывается в этом случае при классификации парадигм дважды: как различие в наборе окончаний и как акцентуационное различие; иначе говоря, различительные признаки частично «дублируют» друг друга.

---

[65] Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 73.

Решение 2 менее «механично»: значение 0 служит здесь предупреждением о том, что действительное ударение соответствующей словоформы непоказательно, т. е. может определяться не собственно акцентуационными, а внешними причинами. При данном решении, если одна из двух сравниваемых словоформ имеет значение плюс, а другая минус (например, *гво́зди—дожди́*, *стрела́—стре́лы*), это означает, что их акцентуационное различие является независимым. Если же одна из сравниваемых словоформ имеет плюс или минус, а другая нуль (например, *ка́рта—карт*, *черта́—черт*, *зе́ркало—зерка́л*, *стрела́—стрел*), то ничего определенного сказать нельзя. Так, в паре *ка́рта—карт* вообще нет различия в месте действительного ударения, в паре *черта́—черт* имеется зависимое различие, в парах *зе́ркало—зерка́л* и *стрела́—стре́л* имеются независимые различия. Таким образом, решение 2 позволяет лишь частично разграничить зависимые и независимые акцентуационные различия; с другой стороны, поразному трактуются некоторые словоформы (типа *ка́рта—карт*), между которыми вообще нет акцентуационного различия. Не устранено также взаимное «дублирование» различительных признаков, поскольку, например, каждое из слов *ханжа́*, *госпожа́*, *о́блако*, *зе́ркало* получает, как и в решении 1, особую схему ударения.

Наибольшие возможности для достижения поставленной цели дает 3-й тип решений. Так, например, можно следующим образом приписать условное ударение рассмотренным выше словоформам с неслоговым компонентом: *дождь* —, *карт* +, *суро́в* +, *зло* —, *всего́* —, *стрел* +, *зерка́л* —, *госпо́ж* —, *черт* —. Как легко проверить, все отмеченные выше независимые акцентуационные различия (например, *стрела́—стре́лы*, *стрела́—стрел*, *зе́ркало—зеркала́*, *зе́ркало—зерка́л*) будут отражены в этом случае как противопоставление условного ударения на основе и условного ударения на окончании. С другой стороны, ни одно из отмеченных выше зависимых акцентуационных различий (например, *черты́—черт*, *зеркала́—зерка́л*, *зерка́л—облако́в*) вообще не будет учтено (поскольку соответствующие пары словоформ получат одинаковое условное ударение). Парадигмы *ханжа́* и *госпожа́* (так же, как парадигмы *о́блако* и *зе́ркало*) получат одинаковые схемы условного ударения; иначе говоря, взаимного «дублирования» различительных признаков не будет. Таким образом, для взятой совокупности примеров наша цель достигнута.

Разумеется, из рассмотренных примеров еще нельзя вывести никакого общего правила расстановки условного ударения, которое обеспечивало бы достижение поставленной цели для всех парадигм. Для построения такого правила попытаемся выяснить, на чем основано интуитивное представление о зависимых и независимых акцентуационных различиях. По-видимому, источник этого представления лежит в сравнении (осознанном или неосоз-

нанном) каждой взятой словоформы, во-первых, с другими словоформами той же парадигмы, во-вторых, с соответствующими (по грамматическому значению) словоформами других парадигм. Так, например, мы замечаем, что практически у всякого существительного, имеющего в Р. мн. слоговое окончание, действительное ударение в этой словоформе такое же, как в Д. мн., Т. мн. и П. мн.; ср. *спóров, спóрам, спóрами, спóрах*; *столóв, столáм, столáми, столáх*; *конéй, коня́м, коня́ми, коня́х*; *мышéй, мышáм, мышáми, мышáх* и т. д.[66] Отсюда представление о некотором «нормальном» (для данного слова) месте действительного ударения во всей указанной группе словоформ. Это представление естественно распространяется и на словоформы Р. мн. с неслоговым окончанием. Реально наблюдаемое ударение таких словоформ может либо соответствовать этому представлению (например: *карт*, ср. *кáртам, кáртами, кáртах*; *стрел*, ср. *стрéлам* и т. д.; *корóв*, ср. *корóвам* и т. д.), либо не соответствовать (например: *черт*, ср. *чертáм, чертáми, чертáх*; *зеркáл*, ср. *зеркалáм* и т. д.; *мест*, ср. *местáм* и т. д.; *голóв*, ср. *головáм* и т. д.). В последнем случае возникает представление о «вынужденном сдвиге» ударения [67]; акцентуационные различия в парах типа *черт—чертáм, зеркáл—зеркалáм, мест—местáм, голóв—головáм* воспринимаются как зависимые. Аналогичная ситуация наблюдается в И. ед.: у всякого существительного, имеющего в И. ед. слоговое окончание, действительное ударение в этой словоформе такое же, как в Р. ед., Д. ед., Т. ед. и П. ед.; ср. *мéсто, мéста, мéсту, мéстом, мéсте*; *стрелá, стрелы́, стрелé, стрелóй* и т. д. Отсюда вытекают аналогичные следствия: действительное ударение в словоформах типа *завóд* (ср. *завóда* и т. д.), *тетрáдь* (ср. *тетрáди* и т. д.) воспринимается как «нормальное», а в словоформах типа *топóр* (ср. *топорá* и т. д.), *гвоздь* (ср. *гвоздя́* и т. д.) — как «вынужденно сдвинутое» [68].

Очевидно, что для достижения поставленной выше цели следует словоформам с неслоговым окончанием, имеющим «нормальное» ударение (например, *карт, завóд*), приписывать условное ударение на основе, а имеющим «вынужденно сдвинутое» ударение (например, *черт, топóр*) — условное ударение на окончании. Практи-

[66] Исключение составляют только ряды: *детéй, дéтям, детьми́, дéтях*; *людéй, лю́дям, людьми́, лю́дях*.

[67] Примечательно, что «скрытое» ударение на окончании в таких словоформах немедленно обнаруживает себя, если только у словоформы почему-либо появляется вариант со слоговым окончанием: ср. просторечные *местóв, зеркалóв*, ср. также *простынéй* наряду с *простЫнь*, *свечéй* наряду со *свеч* и т. п. (в то же время совершенно невозможны словоформы вроде **мéстов, *зеркáлов, *простЫней, *свéчей*).

[68] В словоформах И. ед. типа *топóр* «сдвиг ударения» ощущается несколько менее явно, чем в словоформах Р. мн. типа *зеркáл*. Причина здесь, по-видимому, в том, что словоформа И. ед., служащая обозначением самого слова, естественно воспринимается как нечто данное изначально, первичное по отношению к остальным словоформам.

чески это значит, что всякой словоформе Р. мн. с неслоговым окончанием должно быть приписано условное ударение, совпадающее с действительным ударением словоформы Д. мн. (или Т. мн., или П. мн.) того же слова; всякой словоформе И. ед. с неслоговым окончанием должно быть приписано условное ударение, совпадающее с действительным ударением Р. ед. (или Д. ед., или Т. ед., или П. ед.) того же слова. Для единообразия можно условиться всегда брать в качестве «контрольной», например, словоформу Д. падежа (соответствующего числа).

Помимо словоформ Р. мн. и И. ед. с неслоговым окончанием, имеются только следующие группы словоформ с неслоговым компонентом: 1) словоформы, омонимичные рассмотренным выше, например В. мн. *рыб*, *госпо́ж*; В. ед. *заво́д*, *топо́р*; им можно просто приписать то же условное ударение, что и соответствующим словоформам Р. мн. или И. ед.; 2) все словоформы неизменяемых существительных, например *шоссе́*; им естественно приписать условное ударение на основе; 3) немногочисленные словоформы с неслоговой основой, например *зло*, *тля*, *львы*; им проще всего приписать условное ударение на окончании. Легко убедиться, однако, что предложенное выше правило (об использовании словоформы Д. падежа в качестве «контрольной») дало бы во всех этих случаях те же самые результаты. Таким образом, это правило пригодно для всех словоформ существительных.

Итак, рассмотрев три возможных типа решений, мы пришли к выводу, что наилучшим, с точки зрения выдвинутого выше неформального критерия, является 3-й тип. Далее был произведен выбор среди возможных решений 3-го типа.

§ 6.19. Как уже отмечалось, приведенные рассуждения носят неформальный характер. Представляет интерес попытка их формализовать. Оказывается, что такая формализация действительно возможна. При этом обнаруживается следующий замечательный факт: если при выборе решения стремиться только к тому, чтобы общее число разных схем ударения, представленных в склонении существительных, было минимальным, то мы придем к решению, которое было предложено выше на основании неформальных лингвистических соображений [69]. Иначе говоря, деятельность лингвиста может быть в данном случае успешно смоделирована с помощью столь простого формального критерия, как м и н и м а л ь н о с т ь   о б щ е г о   ч и с л а   с х е м   у д а р е н и я.

---

[69] Точнее говоря, критерий минимальности общего числа схем ударения обеспечивает совпадение с предложенным выше решением для 98,7% обследованных существительных; для остальных 1,3% существительных он допускает как совпадение, так и несовпадение. Полное совпадение достигается лишь после наложения дополнительного требования, чтобы эти 1,3% существительных обрабатывались по общим для всех слов, а не по каким-либо особым правилам (см. об этом § 6.21).

Опишем процедуру поиска решения, наилучшего с точки зрения данного формального критерия. Как уже указано, материалом служат все рассматриваемые в настоящей работе существительные, кроме pluralia tantum и существительных с дефектами (т. е. около 34 200 слов). При этом все вторичные словоформы, кроме словоформ В. ед., из рассмотрения исключены [70]; иначе говоря, каждая парадигма считается состоящей только из 11 словоформ: ед. ч. — И., Р., Д., В., Т., П.; мн. ч. — И., Р., Д., Т., П. Приняв для всех парадигм указанный порядок словоформ, мы можем представить схему действительного или условного ударения любого существительного просто как некоторую 11-местную строку из плюсов и минусов, схему функционального ударения любого существительного — как 11-местную строку из плюсов, минусов и нулей.

Обследование материала показывает, что число разных схем действительного ударения у русских существительных равно 22, а число разных схем функционального ударения — 39 (см. § 6.21). Таким образом, с точки зрения принятого критерия решение 1 лучше, чем решение 2. Приведем теперь пример решения 3-го типа, при котором общее число схем ударения меньше, чем при решении 1. Назовем «словами типа *черта́*» существительные со следующей схемой действительного ударения: «плюс в Р. мн., минус в остальных словоформах». Примем следующее правило приписывания условного ударения: 1) словоформам Р. мн. с неслоговым окончанием у слов типа *черта́* приписывается условное ударение на окончании; 2) всем прочим словоформам приписывается условное ударение, совпадающее с действительным. Как показывает проверка, слов типа *черта́* со слоговым окончанием в Р. мн. в русском языке нет. Это значит, что при данном решении 3-го типа все слова типа *черта́* получат схему условного ударения «минус во всей парадигме», т. е. такую же, как слова *ступня́*, *бахча́*, *очко́* и т. п.; во всем остальном это решение совпадает с решением 1. Следовательно, общее число схем ударения при данном решении 3-го типа на единицу меньше, чем при решении 1.

Таким образом, наилучший результат может дать (при удачном правиле приписывания условного ударения) 3-й тип решений. Остается выбрать наилучшее из решений 3-го типа, т. е. найти такое правило приписывания условного ударения, при котором общее число схем ударения минимально. Как мы знаем, условное ударение может быть приписано произвольно только словоформам с неслоговым компонентом, т. е. тем и только тем, которые при решении 2 получают значение 0. Отсюда вытекает следующая постановка задачи. Выписываются схемы функционального ударения всех рассматриваемых слов, т. е. некоторые 11-местные строки из плюсов, минусов и нулей. (Разумеется, некоторые строки могут оказаться одинаковыми.) Требуется заменить все нули во всех строках на плюсы и минусы. После замены каждому слову будет также соответствовать некоторая 11-местная строка, но уже состоящая только из плюсов и минусов. Это и будет схема условного ударения данного слова. Нужно найти способ замены, при котором среди полученных строк из плюсов и минусов число р а з н ы х строк минимально. Тем самым наша лингвистическая задача сводится к следующей математической задаче.

§ 6.20. З а д а ч а. Имеется матрица из m строк и n столбцов, элементами которой являются знаки $+$, $-$ и 0. Заменить каждый из имеющихся в матрице нулей плюсом или минусом так, чтобы в полученной матрице без нулей (на-

[70] Исключение вторичных словоформ связано с тем, что они описываются в настоящей работе особым образом, при котором им вообще не требуется приписывать условное ударение. Вторичные словоформы В. ед. (типа *за́вод*, *то́пор*) оставлены только потому, что в противном случае парадигмы разных существительных насчитывали бы разное число словоформ. Заметим, что если не исключать вторичные словоформы, то общее число схем условного ударения возрастет (см. об этом § 6.50), однако итоговое правило приписывания условного ударения не изменится.

зовем ее результирующей для данной матрицы) число s разных строк было минимальным.

Ниже приводится частичное решение этой задачи.

Вообще говоря, задача допускает тривиальное решение — путем последовательного перебора всех возможных результирующих матриц. В самом деле, при конечных m и n число возможных результирующих матриц конечно (оно не превышает 2^{mn}); порядок же перебора легко может быть задан. Ясно, однако, что даже при сравнительно небольших m и n перебор может быть чрезвычайно велик, и поэтому необходимо искать менее тривиальные решения.

Введем ряд вспомогательных определений. Назовем образом строки a всякую безнулевую (т. е. содержащую только плюсы и минусы) строку, которую можно получить из a одними лишь заменами нулей на ненули. (В частном случае, когда строка a безнулевая, она сама является своим единственным образом.) Будем говорить, что строка a подчиняет строку b, если эти строки различны и всякий образ строки a является также образом строки b. Очевидно, что отношение подчинения транзитивно. Назовем строку матрицы подчиненной, если в матрице имеется хотя бы одна строка, которая ее подчиняет, и неподчиненной, если такой строки в матрице нет.

Назовем совокупность всех одинаковых между собой строк матрицы полосой. К полосам применимы, с небольшими изменениями, все определения, данные выше для строк, а именно: полоса A подчиняет строку b (полосу B), если любая строка из A подчиняет строку b (любую строку из B); образ всех строк полосы называется образом полосы; полоса называется подчиненной (неподчиненной), если любая ее строка является подчиненной (неподчиненной).

Назовем связкой совокупность неподчиненных полос матрицы, имеющих хотя бы один общий образ, которая не входит целиком ни в какую другую совокупность неподчиненных полос этой матрицы, имеющих хотя бы один общий образ. Очевидно, что всякая неподчиненная полоса входит хотя бы в одну связку (в частном случае, состоящую только из самой этой полосы). Общий образ всех членов связки будем называть образом связки. Будем говорить, что подчиненная полоса A (а также любая строка этой полосы) подчинена связке S, если всякий образ S является также образом A. Легко убедиться, что всякая подчиненная полоса подчинена хотя бы одной связке. (В самом деле, в силу транзитивности подчинения для всякой подчиненной полосы найдется хотя бы одна неподчиненная полоса, которая ее подчиняет; эта неподчиненная полоса входит хотя бы в одну связку; любой такой связке и подчинена взятая подчиненная полоса.)

Назовем матрицу простой, если ее связки не пересекаются. Поскольку в нашей лингвистической задаче встречаются только простые матрицы, можно ограничиться решением поставленной задачи только для этого типа матриц [71].

Укажем следующее свойство простой матрицы: никакие две ее неподчиненные строки, принадлежащие к разным связкам, не имеют общих образов. В самом деле, допустим противное: нашлись такие строки a (из связки S) и b (из некоторой иной связки), которые имеют общий образ. Любые две неподчиненные строки, имеющие общий образ, входят в некоторую связку (в частном случае, состоящую только из соответствующих двух полос). Следовательно, имеется связка, пересекающаяся со связкой S (но не совпадающая с ней, поскольку b не входит в S), что противоречит определению простой матрицы.

---

[71] В другой работе автора (А. А. Зализняк. «Условное ударение» в русском словоизменении) решение было ограничено только так называемыми матрицами 1-го рода. Матрица 1-го рода — это частный случай простой матрицы, когда всякая связка состоит только из одной полосы.

Теорема 1. Для любой простой матрицы верно, что среди ее результирующих матриц есть хотя бы одна такая, где число разных строк (s) равно числу связок исходной матрицы (k), и нет такой, где $s < k$.

Докажем вначале вторую часть теоремы. Допустим противное: существует результирующая матрица, где $s < k$. Это значит, что хотя бы одна пара неподчиненных строк из разных связок отображена в результирующей матрице одинаково, т. е. заменена одним и тем же образом. Но это невозможно в силу указанного выше свойства простой матрицы.

Докажем первую часть теоремы. Припишем каждую подчиненную полосу матрицы к какой-нибудь из связок, которые ее подчиняют. Выберем для каждой связки какой-нибудь из ее образов; заменим этим образом все строки, входящие в связку, и все строки, подчиненные ей. Мы получим результирующую матрицу, имеющую не более k разных строк. Поскольку, как доказано выше, s не может быть меньше k, в этой результирующей матрице $s=k$.

Таким образом, указан способ построения результирующей матрицы, где величина s принимает наименьшее из возможных для нее значений. Тем самым для простых матриц задача решена.

Уже из самой описанной процедуры видно, однако, что способ замены нулей на не-нули, дающий минимальное s, вообще говоря, не является единственным. Поэтому желательно исследовать условия, при которых решение задачи единственно. Поскольку способ замены нулей однозначно определяется получаемой результирующей матрицей, далее мы будем говорить просто о разных результирующих матрицах. Будем называть результирующую матрицу минимальной, если она имеет минимальное s. Мы будем обозначать результирующую матрицу той же буквой, что исходную, но с дополнительным значком. Отображение в данной результирующей матрице некоторой части исходной матрицы будет обозначаться символом этой части с тем же дополнительным значком. Например, строка a, полоса A, связка S матрицы M отображаются в результирующей матрице M' соответственно как a', A', S'.

Теорема 2. Для простой матрицы M минимальная результирующая матрица M' единственна, если и только если каждая связка матрицы M имеет только один образ и каждая подчиненная строка матрицы M подчинена только одной связке.

1. Покажем, что требуемые условия достаточны. Пусть имеется простая матрица M (содержащая k связок), где оба указанных условия выполняются. Докажем, что ее минимальная результирующая матрица единственна.

Построим минимальную результирующую матрицу M' общим способом (см. теорему 1). Заметим, что каждая неподчиненная строка отображена в M' в виде единственного образа единственной связки, содержащей эту строку, а каждая подчиненная строка — в виде единственного образа единственной связки, которой подчинена эта строка.

Пусть имеется другая результирующая матрица M''. Покажем, что она не минимальна. Матрицы M' и M'' различны; следовательно, в матрице M найдется такая строка a, что ее отображения a' и a'' различны. Строка a может быть либо неподчиненной, либо подчиненной.

Случай 1: строка a — неподчиненная. Рассмотрим связку, содержащую a; пусть это будет связка S. Строка a'' не является образом S (поскольку она не совпадает с единственным образом S — строкой a'), т. е. не может служить отображением всех строк из S. Следовательно, S'' содержит не менее двух разных строк. В матрице M'' никакая пара строк из отображений разных связок матрицы M не совпадает (поскольку матрица M простая и, следовательно, в ней никакая пара неподчиненных строк из разных связок не имеет общих образов). Таким образом, матрица M'' содержит не менее, чем $k+1$ разных строк (не менее двух в S'' и по крайней мере по одной в отображении каждой из остальных $k-1$ связок матрицы M), т. е. не является минимальной.

Случай 2: строка a — подчиненная. Если в матрице M нет ни одной неподчиненной строки, отображение которой в M'' совпадает с a'', то M'' содержит, во-первых, не менее k разных строк, служащих для отображения

k связок матрицы M, во-вторых, отличную от всех этих k строк строку a''; следовательно, M'' не минимальна. Остается рассмотреть противный случай: в матрице M существует такая неподчиненная строка b, что ее отображение в M'' совпадает с a''. В матрице M' строка b отображена в виде образа содержащей ее связки. Но строка a'' отлична от образа любой связки матрицы M. (В самом деле, строка a'' отлична от единственного образа единственной связки, подчиняющей a, — от строки a'; кроме того, в силу второго условия теоремы она отлична также от образа любой другой связки матрицы M.) Таким образом, в матрице M имеется неподчиненная строка b, по-разному отображенная в M' и в M'', т. е. имеет место случай 1, уже рассмотренный выше.

Единственность минимальной результирующей матрицы M' доказана.

2. Покажем, что требуемые условия необходимы. Пусть имеется простая матрица P, для которой хотя бы одно из условий теоремы не выполняется. Докажем, что минимальная результирующая матрица для матрицы P не единственна.

а) Пусть не выполнено первое условие: в матрице P найдется такая связка S, которая имеет более одного образа. Начнем строить минимальную результирующую матрицу для P общим способом. Дойдя до этапа, где требуется выбрать для каждой связки один из ее образов, продолжим построение в двух вариантах: в одном варианте выберем для связки S один из ее образов, в другом — другой. Мы получим две минимальные результирующие матрицы для P; эти матрицы различны, поскольку связка S и подчиненные ей строки отображены в них по-разному. Неединственность минимальной матрицы доказана.

б) Пусть не выполнено второе условие: в матрице P найдется такая подчиненная строка c, которая подчинена более чем одной связке. Проведем построение результирующей матрицы для P общим способом в двух вариантах: в одном варианте припишем полосу, содержащую строку c, к одной из подчиняющих ее связок, в другом — к другой. Мы получим две минимальные результирующие матрицы для P; эти матрицы различны, поскольку полоса, содержащая строку c, отображена в них по-разному: в одной в виде образа одной связки матрицы P, в другой — в виде образа другой связки (а образы разных связок не могут совпадать, иначе эти связки составляли бы одну связку). Неединственность минимальной матрицы доказана.

Т е о р е м а 3. Пусть имеется простая матрица P, некоторая часть строк которой образует простую матрицу M, причем: 1) для M минимальная результирующая матрица M' единственна и 2) ни одна строка из M не имеет общих образов ни с одной неподчиненной строкой матрицы P, не входящей в M. В этом случае в любой минимальной результирующей матрице для P часть, отображающая M, совпадает с M'.

Разделим строки матрицы P, не входящие в M, на две части: 1) неподчиненные строки матрицы P (назовем эту часть матрицей N), 2) подчиненные строки матрицы P (назовем эту часть матрицей Q). По второму условию теоремы ни одна строка из M не имеет общего образа ни с одной строкой из N. Следовательно, для любой результирующей матрицы P^* верно, что никакая строка из M^* не совпадает ни с какой строкой из N^*. Обозначим через $s(P^*)$, $s(M^*)$, $s(N^*)$ число разных строк в соответствующих результирующих матрицах. Из сказанного выше следует, что для любой результирующей матрицы P^*, где часть Q^* не содержит строк, не встречающихся в остальной части P^*, верно следующее: $s(P^*)=s(M^*)+s(N^*)$. Сумма независимых величин принимает минимальное из возможных значений только в том случае, когда каждое слагаемое принимает минимальное из возможных для него значений. Очевидно также, что минимальное возможное значение для $s(M^*)$ — это $s(M')$.

Пусть имеется результирующая матрица P'', где часть M'' не совпадает с M'. Докажем, что P'' не минимальна. Если Q'' содержит хотя бы одну строку, не встречающуюся ни в M'', ни в N'', то матрица P'' содержит, во-первых, не менее k разных строк, служащих для отображения k связок матрицы P,

во-вторых, еще одну строку, отличную от всех этих k строк (Q состоит только из подчиненных строк матрицы P); следовательно, P'' не минимальна. Остается рассмотреть противный случай: Q'' не содержит строк, не встречающихся ни в M'', ни в N''. В этом случае $s(P'')=s(M'')+s(N'')$. Но $s(M'') > s(M')$, поскольку матрицы M'' и M' различны, а M' является единственной минимальной результирующей матрицей для M. Следовательно, $s(P'')$ не является минимальным возможным значением числа разных строк в результирующих матрицах для P, т. е. P'' не минимальна.

§ 6.21. Применим полученные результаты к изучаемым фактам русского склонения. Составим на основании последовательной проверки материала полную матрицу распределения функционального ударения в парадигмах существительных. Привести эту матрицу целиком, разумеется, практически невозможно; но это и не нужно. Достаточно привести сокращенную матрицу, в которой каждая полоса первоначальной матрицы представлена лишь частью своих строк (в частном случае — одной строкой).

Поскольку в дальнейшем потребуются сведения о распределении действительного ударения, произведем сокращение так: каждая полоса первоначальной матрицы будет представлена в сокращенной матрице столькими строками, сколько разных схем действительного ударения в ней встречается. Оказывается, что каждой полосе полной матрицы, за исключением последней, соответствует всего одна схема действительного ударения. Например, все слова, относящиеся к полосе 12, имеют такую же схему действительного ударения, как слово *тигр*. Таким образом, в нашей сокращенной матрице каждая полоса, кроме последней, представлена всего одной строкой.

Первоначальную матрицу можно без ущерба «сжать» также и по ширине: дело в том, что в ней в точности одинаковы, во-первых, столбцы Р., Д. и П. падежей ед. числа, во-вторых, столбцы Д. и П. падежей мн. числа. Каждая из этих групп столбцов представлена в сокращенной матрице в виде одного столбца.

Неподчиненные и подчиненные полосы матрицы даны раздельно. Для каждой подчиненной полосы указаны подчиняющие ее неподчиненные. Для каждой строки указано, кроме того, какая схема действительного ударения ей соответствует — самостоятельная (т. е. не встречавшаяся ранее в матрице) или такая же, как у одной из предшествующих строк. Таким образом, приводимая ниже матрица содержит сведения не только о всех схемах функционального ударения, но и о всех схемах действительного ударения [72]. Из нее видно, в частности, что общее число разных схем функционального ударения составляет 39, общее число схем действительного ударения — 22.

Опираясь на информацию, содержащуюся в сокращенной матрице, исследуем свойства полной матрицы распределения функционального ударения. Для наших целей этой информации достаточно. Имея хотя бы по одной строке от каждой полосы полной матрицы, можно судить о всех встречающихся в полной матрице строках и о всех существенных для нас отношениях между ее полосами. Понятно также, что «склеивание» одинаковых столбцов не изменило отношений одинаковости или различия между строками.

Непосредственная проверка по сокращенной матрице показывает:

1. Каждая из 11 неподчиненных полос полной матрицы образует самостоятельную связку. Эти связки не пересекаются, т. е. эта матрица — простая. Следовательно, в силу теоремы 1 минимальное возможное число разных строк в результирующей матрице для полной матрицы равно 11.

---

[72] Эта матрица несколько отличается от матрицы, данной в работе: А. А. Зализняк. «Условное ударение» в русском словоизменении, стр. 23—24; различие объясняется прежде всего тем, что там *полчаса́* и *полшага́* рассматривались как самостоятельные слова, а в настоящей работе они рассматриваются как словосочетания (см. § 2.19, сн. 61).

Сокращенная матрица распределения функционального ударения у существительных

Неподчиненные полосы

№ полосы	Формы: ед. число				Формы: мн. число				Образцы	Схема действительного ударения
	И.	В.	Р. Д. П.	Т.	И.	Р.	Д. П.	Т.		
1	+	+	+	+	+	+	+	+	*юноша*	самост.
2	—	—	—	—	—	—	—	—	*ступня́*	»
3	+	+	+	+	—	—	—	—	*мо́ре*	»
4	—	—	—	—	+	+	+	+	*перо́*	»
5	+	+	+	+	+	—	—	—	*у́хо*	»
6	—	—	—	—	+	—	—	—	*ноздря́*	»
7	—	+	—	—	+	0	+	+	*зима́*	самост.
8	—	+	—	—	+	0	—	—	*рука́*	»
9	0	0	—	+	—	—	—	—	*любо́вь*	»
10	0	+	+	+	+	—	+	—	*челове́к* (мн. *лю́ди*)	»
11	—	—	+	+	+	—	+	—	*дитя́* (мн. *де́ти*)	»

Подчиненные полосы

№ полосы	Формы: ед. число				Формы: мн. число				Образцы	Схема действительного ударения	Каким неподчиненным полосам подчинена
	И.	В.	Р. Д. П.	Т.	И.	Р.	Д. П.	Т.			
12	0	+	+	+	+	+	+	+	*тигр*	как у *юноша*	1
13	+	+	+	+	+	0	+	+	*ка́рта*		
14	0	0	+	+	+	+	+	+	*тетра́дь*		
15	0	+	+	+	+	0	+	+	*солда́т*		
16	0	0	+	+	+	0	+	+	*ва́ленок*		
17	0	—	—	—	—	—	—	—	*царь*	самост.	2
18	—	—	—	—	—	0	—	—	*черта́*	»	
19	0	0	—	—	—	—	—	—	*стол*	»	
20	0	0	—	—	—	0	—	—	*сапо́г*	»	

Продолжение

№ полосы	Формы								Образцы	Схема действительного ударения	Каким неподчиненным полосам подчинена
	ед. число				мн. число						
	И.	В.	Р. Д. П.	Т.	И.	Р.	Д. П.	Т.			
21	0	+	+	+	—	—	—	—	*мáстер*	как у *мóре*	
22	+	+	+	+	—	0	—	—	*мéсто*	самост.	
23	0	0	+	+	—	—	—	—	*сад*	как у *мóре*	3
24	0	+	+	+	—	0	—	—	*господи́н*	как у *мéсто*	
25	0	0	+	+	—	0	—	—	*глаз*	»	
26	0	—	—	—	+	+	+	+	*казáк* (мн. *казáки*)	самост.	
27	—	—	—	—	+	0	+	+	*винó*	как у *перó*	4
28	0	0	—	—	+	+	+	+	*сук*	самост.	
29	0	+	+	+	+	—	—	—	*зверь*	как у *ýхо*	
30	+	+	+	+	+	0	—	—	*дерéвня*	самост.	
31	0	0	+	+	+	—	—	—	*мышь*	как у *ýхо*	5
32	0	0	+	+	+	0	—	—	*вóлос*	как у *дерéвня*	
33	0	—	—	—	+	—	—	—	*конь*	самост.	
34	—	—	—	—	+	0	—	—	*губá*	»	6
35	0	0	—	—	+	—	—	—	*гвоздь*	»	
36	0	0	—	—	+	0	+	+	*зубóк* (мн. *зýбки*)	как у *сук*	4, 7
37	0	0	0	0	+	+	+	+	*дно*	как у *перó*	1, 4
38	0	0	0	+	0	0	0	0	*вошь*	как у *любóвь*	1, 3, 5, 9—11
39	0	0	0	0	0	0	0	0	*шоссé*	как у *юноша*	
	0	0	0	0	0	0	0	0	*лев*	как у *царь*	1—11
	0	0	0	0	0	0	0	0	*сон*	как у *стол*	
	0	0	0	0	0	0	0	0	*тля*	как у *ступня́*	
	0	0	0	0	0	0	0	0	*тьма* (множество)	как у *чертá*	

2. Ни одному из условий теоремы 2 полная матрица не удовлетворяет. Следовательно, минимальная результирующая матрица для полной матрицы не единственна.

Какую же из этих результирующих матриц выбрать? Для обоснованного ответа на этот вопрос потребуется некоторая вспомогательная процедура.

Выделим среди 39 полос полной матрицы следующие 28: 1—6, 12—27 и 29—34. Назовем эти 28 полос м а л о й матрицей. Как показывает подсчет, в малую матрицу входит около 98,7% строк полной матрицы. Непосредственная проверка по сокращенной матрице показывает:

1. Малая матрица имеет шесть неподчиненных полос (1—6), каждая из которых образует самостоятельную связку. Эти связки не пересекаются, т. е. малая матрица — простая и, следовательно, минимальное возможное число строк в результирующей матрице для малой матрицы равно 6.

2. В малой матрице соблюдены оба условия теоремы 2. Следовательно, минимальная результирующая матрица для малой матрицы единственна.

3. Ни одна строка малой матрицы не имеет общих образов ни с одной неподчиненной строкой полной матрицы, не входящей в малую матрицу (т. е. ни с одной строкой из полос 7—11). Таким образом, соотношение между малой и полной матрицами удовлетворяет обоим требованиям теоремы 3. Следовательно, во всех минимальных результирующих матрицах для полной матрицы малая матрица будет отображена одинаково — в виде своей единственной минимальной результирующей [73].

Итак, для 98,7% материала способ замены нулей, удовлетворяющий выдвинутому требованию минимальности, является единственным. Все различие между минимальными результирующими матрицами для полной матрицы состоит только в способе отображения 11 полос «остатка», охватывающих 1,3% материала. Отсюда ясно, в каком направлении должен идти поиск наиболее целесообразного решения: необходимо построить алгоритм замены нулей на не-нули, который 1) обращал бы малую матрицу в ее единственную минимальную результирующую, 2) был бы применим без дополнительных изменений также к «остатку» и обращал бы полную матрицу в одну из ее минимальных результирующих.

Минимальную результирующую матрицу для малой матрицы можно построить общим способом (см. § 6.20, теорема 1). Поскольку малая матрица удовлетворяет обоим условиям теоремы 2 и каждая ее связка состоит всего из одной полосы, этот способ получает форму следующего алгоритма: каждая подчиненная строка заменяется единственным образом подчиняющей ее неподчиненной полосы. Однако к «остатку» этот алгоритм неприменим (поскольку «остаток» не удовлетворяет требования теоремы 2). Поэтому следует искать иной алгоритм отображения малой матрицы, равносильный данному.

Назовем з о н о й такую группу столбцов, что пересечение любой строки с этой группой столбцов (будем называть его з о н о й с т р о к и) не содержит одновременно плюса и минуса. Простейший пример зоны составляет любой столбец. Малую матрицу можно разбить, в частности, на такие зоны: зона 1 — все ед. число, зона 2 — И. мн., зона 3 — Р., Д., Т., П. мн. Это разбиение на зоны обладает следующими свойствами: 1) оно неукрупняемое, т. е. никакие две зоны этого разбиения нельзя соединить в одну (это устанавливается непосредственной проверкой по сокращенной матрице); 2) оно — единственное неукрупняемое (поскольку, как показывает проверка, никакие два столбца из разных зон нельзя включить в одну зону и, таким образом, любое другое разбиение на зоны может быть только раздроблением нашего).

В неподчиненных строках малой матрицы каждая зона строки состоит либо из одних плюсов, либо из одних минусов (поскольку все ее неподчиненные строки безнулевые). Напротив, в любой подчиненной строке хотя бы одна зона строки содержит хотя бы один нуль; при этом, однако, как показывает

---

[73] В принципе возможно включить в малую матрицу также полосу 11; указанное свойство при этом сохранилось бы; однако это было бы неудобно для последующих построений.

проверка, в малой матрице при нашем разбиении на зоны нет зон строки, состоящих из одних нулей. Предложенный алгоритм состоит в том, что каждая подчиненная строка заменяется единственным образом подчиняющей ее неподчиненной полосы (т. е. любой строкой из этой полосы). Как легко убедиться, в указанных условиях такая замена равносильна следующей: в каждой зоне строки (при нашем разбиении на зоны), содержащей хотя бы один нуль, все нули заменяются плюсами, если в этой зоне строки есть хотя бы один плюс, и минусами, если там есть хотя бы один минус.

Таким образом, построен другой алгоритм получения минимальной результирующей матрицы для малой матрицы. Он имеет перед первым то преимущество, что позволяет заменить нули в отдельно взятой строке без сопоставления ее с какими бы то ни было другими строками матрицы, т. е. без обращения ко всей матрице. (Вся необходимая информация о матрице заключена в этом случае в задании определенного разбиения на зоны.) Однако и этот алгоритм неприменим к «остатку» (поскольку использованное разбиение на зоны для «остатка» таковым не является).

Обратим внимание на то, что в малой матрице нули встречаются только в трех столбцах: И. ед., В. ед. и Р. мн. Это обстоятельство дает возможность переформулировать второй из полученных алгоритмов, например, так: каждый нуль заменяется тем знаком, который стоит в той же строке в столбце Д. падежа того же числа. (Разумеется, вместо Д. падежа можно взять П. или Т. падежи.) В самом деле, 1) в малой матрице в столбцах Д. падежа нули не встречаются, 2) из форм, где возможны нули, И. ед. и В. ед. принадлежат к той же зоне, что и Д. ед., а Р. мн. — к той же зоне, что и Д. мн.

Новый алгоритм, в отличие от предшествующих, уже можно применить к «остатку»; но результат будет все же неудовлетворительным, поскольку в «остатке» есть строки, где в Д. падеже стоит нуль, а такие строки этот алгоритм не превратит в безнулевые. Недостаток этот, однако, легко исправить: для этого нужно учитывать в Д. падеже не функциональное, а действительное ударение. В самом деле, в столбцах Д. падежа малой матрицы эти два вида ударения совпадают; но действительное ударение, в отличие от функционального, всегда (следовательно, и в строках «остатка») имеет определенное значение: + или —. Таким образом, можно предложить следующий алгоритм замены нулей, применимый к любой строке полной матрицы: каждый нуль заменяется тем знаком, который стоит в схеме действительного ударения того же слова в столбце Д. падежа [74] того же числа. Этот алгоритм, как мы видели, равносилен (для малой матрицы) всем предшествующим, следовательно, он преобразует малую матрицу в ее единственную минимальную результирующую. Остается лишь проверить, является ли минимальной результирующая матрица, в которую он преобразует полную матрицу. Построим по нашему алгоритму результирующие строки для всех строк сокращенной матрицы. Поскольку в сокращенной матрице представлены все полосы полной матрицы, а для каждой полосы — все схемы действительного ударения, мы получим таким способом все разные строки, встречающиеся в результирующей матрице для полной матрицы. Таких разных строк оказывается 11, следовательно, результирующая матрица минимальна. Таким образом, наша цель достигнута: построен алгоритм, удовлетворяющий обоим поставленным выше требованиям.

Приведем полный список полученных таким способом разных результирующих строк. Этот список одновременно является сокращенной результирующей матрицей для полной матрицы, а также полным списком схем условного ударения у существительных (обозначения для этих схем взяты те же, что в § 6.16). В качестве образцов взяты те же слова, что в исходной сокращенной матрице. Для шести первых строк вертикальными линиями разграничены зоны.

---

[74] Результирующая матрица не изменится, если вместо дательного взять предложный; если же взять творительный, она будет отличной (различие будет в полосах 9 и 38; они представляют всего 6 слов).

Сокращенная результирующая матрица

Схема условного ударения	Формы											Образцы
	ед. число						мн. число					
	и.	р.	д.	в.	т.	п.	и.	р.	д.	т.	п.	
a	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	*ю́ноша, тигр, ка́рта, тетра́дь, солда́т, ва́ленок, шоссе́*
b	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*ступня́, царь, черта́, стол, сапо́г, лев, сон, тля, тьма*
c	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	*мо́ре, ма́стер, ме́сто, сад, господи́н, глаз*
d	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	*перо́, каза́к, вино́, сук, зубо́к, дно*
e	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	*у́хо, зверь, дере́вня, мышь, во́лос*
f	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	*ноздря́, конь, губа́, гвоздь*
d'	—	—	—	+	—	—	+	+	+	+	+	*зима́*
f'	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	*рука́*
b'	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	*любо́вь, вошь*
e'	+	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	*челове́к*
e''	—	+	+	—	+	+	+	—	+	—	+	*дитя́*

Легко убедиться, что полученный в конечном результате алгоритм замены нулей — это не что иное, как формальное выражение того правила расстановки условного ударения, которое было предложено в § 6. 18 на основании содержательных лингвистических соображений. Тем самым доказано утверждение, сделанное в начале параграфа 6. 19.

§ 6. 22. Отметим некоторые свойства условного ударения, которые не рассматривались в предшествующем анализе.

Между условным и действительным ударением одной и той же словоформы существуют определенные зависимости. Они специально рассматриваются в § 6. 38. Здесь мы отметим лишь следующие зависимости, действующие в словоформах с неслоговым окончанием: 1) если условное ударение падает на окончание, то действительное ударение как правило падает на последнюю гласную основы, например: *кишо́к, голо́в, висо́к, топо́р* (отклонений очень немного, например *ма́сел, у́зел*); 2) если действительное ударение падает на беглую гласную основы, то условное ударение как правило падает на окончание, например *кишо́к, стате́й, висо́к, ковёр* (отклонений очень немного, например *сестёр, заём*). Таким образом, в особенности тесная связь существует между условным ударением и ударностью или безударностью беглой

гласной основы: ср., например, *спи́сок*, *ра́нец*, *ко́шек*, *вёсен* (условное ударение на основе) и *висо́к*, *коне́ц*, *кишо́к*, *копён* (условное ударение на окончании). Противопоставления этого рода несомненно образуют важный дополнительный источник интуитивного представления о том, что словоформы с неслоговым окончанием делятся на два акцентуационных типа (т. е. именно того представления, на котором основано понятие условного ударения) [75].

Условное ударение оказывается также связанным с определенными фактами истории языка. С диахронической точки зрения словоформы (русского происхождения) с условным ударением на неслоговом окончании (типа *листо́к*, *конь*, *ног*) — это в основном [76] те словоформы, которые на одном из предшествующих этапов развития языка (до падения редуцированных и до оттяжки ударения с конечных ь́ и ъ́) имели в качестве окончания ъ́ или ь́. Современным словоформам *листо́к*, *конь*, *ног* (с условным ударением на окончании) соответствовали на этом этапе словоформы *листък*|ъ́, *кон'*|ь́, *ног*|ъ́ (с действительным ударением на окончании); с другой стороны, например, современным словоформам *похо́д*, *рыб* (с условным ударением на основе) соответствовали словоформы *похо́д*|ъ, *ры́б*|ъ (с действительным ударением на основе). Такого рода соответствия не являются парадоксальными или случайными; наиболее простое описание (особенно в области морфологии), по-видимому, почти всегда будет в той или иной мере сходно с несколько «идеализированной» историей [77].

Общие принципы установления условного ударения, изложенные выше на примере существительных, были применены также к каждому из остальных грамматических разрядов имен (а также к исключенным выше из рассмотрения группам суще-

---

[75] В связи с этим возникает даже вопрос, не следует ли приписать иное условное ударение немногочисленным словоформам типа *ма́сел*, *у́зел*, *сестёр*, *ваём*, где рассматриваемое соотношение нарушено. Однако такое отклонение от общих правил оказывается все же неоправданным: усложняется само понятие условного ударения и правило его приписывания, увеличивается общее число схем ударения и тем не менее устраняются далеко не все случаи противоречия между условным и действительным ударением словоформы (ср. § 6.38).

[76] Т. е. в отвлечении от случаев, где современная схема ударения есть результат поздних изменений.

[77] Ср. L. Bloomfield. Menomini morphophonemics. — TCLP, 8, 1939; M. Halle. On the role of simplicity in linguistic descriptions. «Structure of language and its mathematical aspects». Providence, 1961; Он же. О правилах русского спряжения. «American contributions to the V-th International congress of slavists». The Hague, 1963; А. А. Зализняк. Синхронное описание и внутренняя реконструкция. «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия. Тезисы докладов». М., 1964.

ствительных — к pluralia tantum и существительным с дефектной парадигмой). Здесь нет необходимости комментировать эту операцию подробно [78]. Результаты, полученные для разных грамматических разрядов, были сведены воедино с помощью эталона. Заметим, что при этом всякая схема условного ударения простого адъективного или бесчисловых разрядов совпала с одной из схем условного ударения существительных [79]. Итогом всех описанных операций являются правила параграфа 6. 15.

ОКОНЧАНИЯ И ОСНОВЫ

Формальные чередования

§ 6. 23. Пусть имеется парадигма *P*, в которой представлено *n* разных основ ($n > 1$). Возьмем от каждой из этих *n* основ изменяемую часть (см. § 5. 4). Как видно из алгоритма выделения изменяемых частей основы (§ 5. 4), все эти *n* изменяемых частей состоят из одинакового числа (пусть это будет число *k*) буквенных цепочек, разделенных тире (некоторые из них могут быть пустыми).

Возьмем в каждой из *n* изменяемых частей первую по порядку из таких цепочек; получим ряд из *n* цепочек. Если какие-нибудь из этих цепочек совпадают, произведем операцию «приведения», т. е. заменим каждую совокупность совпадающих цепочек одной из таких цепочек. Получим новый, «приведенный» ряд, состоящий из *n* или менее членов [80]. Затем возьмем в каждой изменяемой части вторую по порядку цепочку и проделаем с полученным рядом ту же операцию. Будем действовать таким образом, пока не получим *k* приведенных рядов.

Рассмотрим некоторый член некоторого приведенного ряда, например первого (по порядку от 1 до *k*); пусть это будет цепочка *a*. Найдем все те словоформы парадигмы *P*, у которых первым из *k* членов изменяемой части основы является *a*. Будем говорить, что эти словоформы с о о т в е т с т в у ю т данному члену данного приведенного ряда. Аналогично устанавливаются соответствия для членов любого другого по порядку приведенного ряда. Указание всех словоформ парадигмы, соответствующих каждому

---

[78] Отметим лишь, что несколько особый случай составляют неатрибут. словоформы муж. ед. (*бéден*, *смешóн*, *сурóв* и т. д.): у них никогда не бывает слогового окончания и поэтому в качестве «контрольной» в принципе можно взять любую словоформу парадигмы. Выбор «контрольной» словоформы проводился здесь таким образом, чтобы указанное выше соотношение между условным ударением и ударностью или безударностью беглой гласной нарушалось в минимальном числе неатрибут. словоформ муж. ед.

[79] Правда, чтобы обеспечить такое совпадение, словоформам *два* и *три* пришлось в индивидуальном порядке приписать условное ударение на основе.

[80] Число членов приведенного ряда не может быть, однако, менее двух, в силу условия, что $n > 1$, и свойств алгоритма, данного в § 5.4.

члену некоторого приведенного ряда, будем называть **правилом распределения** членов этого ряда. (Очевидно, что правило распределения членов приведенного ряда всегда дает некоторое разбиение всех словоформ парадигмы.)

Каждый приведенный ряд вместе с правилом распределения его членов мы будем называть **формальным чередованием, представленным в парадигме** P (или формальным чередованием парадигмы P). Члены этого приведенного ряда мы будем называть **ступенями** данного формального чередования, сам приведенный ряд — **составом ступеней** данного формального чередования, а правило распределения членов этого ряда — **правилом распределения ступеней** данного формального чередования. Условимся записывать ступени формального чередования через косую черту, причем их порядок будем считать безразличным. (Так же, как при записи дробей, вместо косой черты может выступать горизонтальная черта; например, формальное чередование a/b можно записать также $\frac{a}{b}$.)

Очевидно, что если некоторая словоформа парадигмы P соответствует (в указанном выше смысле) ступени a некоторого формального чередования парадигмы P, то основа этой словоформы содержит a. При этом, даже если a входит в основу этой словоформы более одного раза, можно однозначно указать, какое из вхождений a должно быть отождествлено со ступенью данного формального чередования. В самом деле, как явствует из § 5. 4 (см. примечание к алгоритму), изменяемая часть любой основы однозначно выделяется внутри этой основы в виде одного или нескольких ее отрезков (в частном случае пустых). Со ступенью некоторого по порядку (от 1 до k) формального чередования парадигмы P во всякой словоформе этой парадигмы отождествляется тот же по порядку из k отрезков, образующих изменяемую часть ее основы. Про отрезок основы некоторой словоформы парадигмы P, отождествляющийся (в указанном здесь смысле) со ступенью некоторого формального чередования парадигмы P мы будем говорить, что он **участвует** в данном формальном чередовании. Отметим, что для любого отрезка основы любой словоформы парадигмы P можно однозначно указать, участвует он в некотором формальном чередовании этой парадигмы или нет.

Укажем в качестве примеров формальные чередования, представленные в парадигмах тех слов, которые рассмотрены в § 5. 4: в парадигме *южáнин* — *ин*/*Ø* (ступень *ин* в ед. ч., ступень *Ø* во мн. ч.); в парадигме *ведрó* — 1) *е*/*ё* (ступень *е* в ед. ч., ступень *ё* во мн. ч.), 2) *е*/*Ø* (ступень *е* в Р. мн., ступень *Ø* в остальных словоформах); в парадигме *дешёвый* — 1) *ё*/*е* (ступень *ё* в неатрибутивных словоформах, кроме жен. ед., ступень *е* в остальных словоформах), 2) *ё*/*е* (ступень *ё* в атрибутивных словоформах, ступень *е*

в неатрибутивных словоформах). В парадигме *топор* формальных чередований нет (основы всех словоформ одинаковы).

Формальное чередование может мыслиться и безотносительно к конкретным парадигмам. В этом случае под ним понимается формальное чередование, представленное хотя бы в одной парадигме. Формальное чередование (вообще) представляет собой, таким образом, некоторый набор буквенных цепочек, каждая из которых соотнесена с некоторыми грамматическими значениями.

Чередования

§ 6. 24. Понятие формального чередования приносит большую пользу при описании основ. Однако в ряде случаев лингвистическая практика требует расчленения формального чередования на более простые составные части или некоторых иных его преобразований. В связи с этим возникает необходимость в более общем понятии, по отношению к которому понятие формального чередования было бы лишь частным случаем. Таким понятием является «чередование» (без эпитета).

Мы будем называть чередованием, допустимым для парадигмы P: 1) всякое формальное чередование парадигмы P, 2) всякий результат одного или нескольких разрешенных преобразований (см. ниже) некоторого формального чередования парадигмы P. Всякое чередование, как и формальное чередование, состоит из ступеней и имеет свое правило распределения ступеней. Так же, как и в случае с формальным чередованием, для всякого отрезка основы некоторой словоформы парадигмы P можно указать, участвует он в некотором чередовании, допустимом для данной парадигмы, или нет. Иначе говоря, чередования описываются в тех же терминах, что и формальные чередования. При этом, если чередование является в то же время формальным чередованием, то все эти термины сохраняют свое первоначальное значение; в прочих случаях значение этих терминов в применении к чередованиям (без эпитета) устанавливается из описания разрешенных преобразований.

Разрешенными преобразованиями формальных чередований являются:

1. Разложение на два последовательных чередования. Эта операция состоит в следующем. Пусть имеется формальное чередование, состоящее из ступеней a, b, . . ., n. Разделим каким-либо образом каждую из этих ступеней на две последовательные цепочки: $a=a_1a_2$, $b=b_1b_2$, . . ., $n=n_1n_2$. Любая из цепочек a_1, a_2, . . ., n_1, n_2 может быть пустой; не допускается лишь то, чтобы все первые (или все вторые) цепочки были пустыми одновременно. Возьмем два ряда цепочек: $a_1, b_1, \ldots, n_1$ и $a_2, b_2, \ldots, n_2$; произведем над каждым из них операцию «приведения» (см. выше). Полученные «приведенные» ряды и образуют те два чередования [81], на которые можно разложить взятое формальное чередование (обозначим их соответственно

[81] В силу свойств алгоритма, данного в § 5. 4, ни один из полученных приведенных рядов не может оказаться состоящим только из одной цепочки.

как чередование 1 и чередование 2). Из описанной процедуры понятно также, каково, например, правило распределения ступеней чередования 1: если ряд a_1, b_1, ..., n_1 не содержал одинаковых цепочек, это правило совпадает с правилом распределения ступеней исходного формального чередования; если этот ряд содержал такие цепочки, они были «склеены» при приведении и соответствующим образом изменилось правило распределения ступеней (цепочке, возникшей в результате «склеивания», соответствуют теперь все словоформы, относившиеся прежде к какой-либо из «склеенных» цепочек). Мы будем говорить, что, например, отрезок a_1 некоторой основы участвует в чередовании 1, если и только если он является началом отрезка a той же основы, участвующего в исходном формальном чередовании. Все сказанное применимо также, с соответствующими изменениями, к чередованию 2 и к его ступеням. Заметим, что типичным частным случаем разрешенного преобразования 1 является разложение формального чередования, состоящего всего из двух ступеней (т. е. формального чередования a/b). В этом случае получаются чередования a_1/b_1 и a_2/b_2, которые всегда имеют то же распределение ступеней, что и формальное чередование a/b.

Пример. Парадигма *сук* (мн. *сýчья*) имеет формальное чередование *к/чь* (ступень *к* в ед. ч., ступень *чь* во мн. ч.). Его можно разложить, в частности, на такие два чередования: 1) *к/ч* (*к* в ед. ч., *ч* во мн. ч.); 2) Ø/*ь* (Ø в ед. ч., *ь* во мн. ч.).

2. Разложение на два чередования, из которых одно входит в другое. Эта операция состоит в следующем. Пусть имеется формальное чередование, состоящее из трех или более ступеней, в числе которых имеются ступени a и b. Пусть имеются также четыре буквенных цепочки (некоторые из них могут быть пустыми) m, n, a_1, b_1, такие, что $a = ma_1n$, $b = mb_1n$[82]. Тогда взятое формальное чередование можно разложить на следующие два чередования: 1) чередование a_1/b_1 (назовем его «внутренним») со следующим распределением ступеней: ступень a_1 соответствует тем же словоформам, что ступень a исходного формального чередования, а ступень b_1 — тем же словоформам, что ступень b исходного формального чередования; 2) чередование, отличающееся от исходного формального чередования только тем, что вместо ступеней a и b оно содержит единую ступень $m\frac{a_1}{b_1}n$, соответствующую всем словоформам, которым соответствовали ступени a и b исходного чередования. При обращении с этой записью дробь $\frac{a_1}{b_1}$ трактуется как особый единый символ. Поэтому для упрощения записи можно действительно заменить эту дробь любым условным символом, отличным от остальных (указав, разумеется, его значение). Например, вместо $m\frac{a_1}{b_1}n$ можно написать: «$m\alpha n$, где α — внутренее чередоваие a_1/b_1». Мы будем говорить, что отрезок a_1 некоторой основы участвует во внутреннем чередовании a_1/b_1, если и только если ему непосредственно предшествует отрезок m, за ним непосредственно следует отрезок n, а весь отрезок ma_1n ($=a$) участвует в исходном формальном чередовании. Аналогично определяется участие в чередовании a_1/b_1 для отрезка b_1. Во втором из полученных здесь чередований участвуют все те и только те отрезки основ, которые участвуют в исходном формальном чередовании[83].

---

[82] Заметим, что такую четверку цепочек всегда можно найти, например: $a_1 = a$, $b_1 = b$, $m = n = Ø$.

[83] Таким образом, второе из полученных чередований имеет следующие особенности: 1) одна из его ступеней содержит символ, не встречающийся ни в каких словоформах; 2) отрезок основы, участвующий в этом чередовании, может не совпадать ни с одной ступенью этого чередования (а именно, этим свойством обладают отрезки $ma_1n = a$ и $mb_1n = b$). Обе эти особенности невозможны у формальных чередований.

Пример. Парадигма *солчёнок* имеет формальное чередование *онок/онк/ат* (ступень *онок* в И. ед., *онк* в прочих словоформах ед. ч., *ат* во мн. ч.). Его можно разложить, в частности, на такие два чередования: 1) внутреннее чередование *о/∅* (*о* в И. ед., *∅* в прочих словоформах ед. ч.), 2) $он\frac{о}{∅}к/ат$ $\left(он\frac{о}{∅}к\right.$ в ед. ч., *ат* во мн. ч.$\left.\right)$.

3. Переформулирование правила распределения ступеней. Пусть имеется некоторое формальное чередование парадигмы *P*. Правило распределения ступеней состоит здесь, как и у всякого формального чередования, в указании грамматических значений словоформ, соответствующих каждой ступени. Может оказаться, однако, что распределение ступеней этого формального чередования в парадигме *P* подчиняется в то же время некоторому правилу иного вида, а именно: 1) «первая ступень выступает в тех словоформах, где отрезок, участвующий в данном чередовании, несет действительное ударение, вторая ступень – в словоформах, где это не так» (правило такого вида может быть применено, только если формальное чередование состоит из двух ступеней, каждая из которых содержит гласную) или 2) для каждой ступени указывается следующее: «данная ступень выступает в тех словоформах, где за отрезком, участвующим в данном чередовании, непосредственно следует одна из таких-то буквенных цепочек». В этом случае первоначальное правило распределения может быть заменено правилом указанного вида. В полученном таким образом чередовании участвуют все те и только те отрезки основ, которые участвуют в исходном формальном чередовании.

Пример. Парадигма *ведро́* имеет два формальных чередования: 1) *е/ё* (*е* в ед. ч., *ё* во мн. ч.), 2) *е/∅* (*е* в Р. мн., *∅* в остальных словоформах). Для каждого из них можно предложить иное правило распределения ступеней, а именно, для чередования 1: *ё* под действительным ударением, *е* без действительного ударения; для чередования 2: *е* непосредственно перед конечным *р*, *∅* непосредственно перед *р*+гласная.

Примечание. В качестве исключения для парадигм *человéк* (мн. *лю́ди*), *ребёнок* (мн. *де́ти*) и *дитя́* (мн. *де́ти*) разрешенными считаются также некоторые особые преобразования, указанные в § 6.32 (правила выделения чередований, пункт 1).

Формальное чередование может быть подвергнуто либо одному разрешенному преобразованию, либо нескольким таким преобразованиям последовательно. Под последовательным применением к формальному чередованию нескольких преобразований понимается следующее: после того как к формальному чередованию применено некоторое разрешенное преобразование и в результате этого образовалось одно или два обычных чередования, к любому из этих обычных чередований может быть в свою очередь применено любое разрешенное преобразование (в том числе только что произведенное); полученный результат можно снова преобразовать и т. д. Таким образом, в серии преобразований все они, начиная со второго, фактически должны применяться уже не к формальному, а к обычному чередованию. В связи с этим необходимо специально оговорить следующее: хотя выше при описании преобразований предполагается, что их объектом является формальное чередование, в действительности каждое такое преобразование применимо также и к обычному чередованию [84].

---

[84] Некоторую особенность имеет лишь тот случай, когда разрешенное преобразование 3 применяется к внутреннему чередованию, выделенному в результате преобразования 2. В этом случае преобразование 3 считается возможным, если новое правило распределения ступеней верно для всех тех словоформ парадигмы, в основе которых какой-либо отрезок участвует во внутреннем чередовании. Так, например, для внутреннего чередования *о/∅*, выделенного в парадигме *солчёнок* (см. выше) можно предложить правило

Чередование может мыслиться и безотносительно к конкретным парадигмам. В этом случае под ним понимается чередование, допустимое хотя бы для одной парадигмы. Чередование (вообще) представляет собой, таким образом, некоторый набор цепочек букв и вспомогательных знаков, снабженный правилом распределения этих цепочек по словоформам (причем это правило не обязательно включает указание грамматических значений).

Различаются следующие два типа чередований:

1. Позиционные чередования, т. е. такие, у которых правило распределения ступеней имеет следующий вид: 1) «первая ступень выступает в тех словоформах, где отрезок, участвующий в данном чередовании, несет действительное ударение, вторая — в словоформах, где это не так» (такие чередования образуют подтип акцентно-позиционных) или 2) для каждой ступени указывается следующее: «данная ступень выступает в тех словоформах, где за отрезком, участвующим в данном чередовании, непосредственно следует одна из таких-то буквенных цепочек» [85] (такие чередования образуют подтип собственно позиционных).

2. Непозиционные чередования, т. е. такие, у которых правило распределения ступеней имеет иной вид (а именно, состоит в указании грамматических значений словоформ, содержащих каждую ступень).

Примерами позиционных чередований могут служить те, которые получены выше из формальных чередований слова *ведрó* путем переформулирования правил распределения ступеней; первое из них является акцентно-позиционным, второе — собственно позиционным. Примером непозиционного чередования может служить любое формальное чередование.

Совокупность всех чередований с одинаковым правилом распределения ступеней мы будем называть классом равнораспределенных чередований (или сокращенно — классом чередований) [86]. Понятно, что все члены класса равнораспределенных чередований состоят из одинакового числа ступеней. Пример класса чередований составляют чередования акцентно-позиционного подтипа: все они имеют единое правило распределения ступеней, указанное в определении этого подтипа. Среди собственно позиционных чередований важнейшим

распределения ступеней: *о* непосредственно перед конечным *к*, 0 непосредственно перед *к*+гласная; это правило верно для всех словоформ, в основе которых имеется отрезок, участвующий в чередовании *о*/0, а именно для всех словоформ ед. числа.

[85] Разумеется, в принципе возможны и другие варианты зависимости от буквенного окружения, но практически нам встретится только этот.

[86] В другой работе автора (А. Зализняк. Беглые гласные в современном русском словоизменении. «Русский язык в нац. школе», 1963, № 5) такая совокупность была названа группой чередований.

является класс двучленных чередований, имеющих следующее правило распределения ступеней: одна ступень (так называемая п о л н а я) выступает в словоформах, где за отрезком, участвующим в данном чередовании, непосредственно следует конечная согласная, сочетание двух согласных или сочетание «согласная + ь»; другая ступень (так называемая н у л е в а я) выступает в словоформах, где за отрезком, участвующим в чередовании, непосредственно следует гласная или сочетание «согласная + гласная». Полная ступень обычно представлена гласной *о*, *е*, *ё* или *и*, в редких случаях — гласной *я* или *а* или акцентно-позиционным чередованием *о/е*; нулевая ступень представлена нулем, буквой ь или буквой *й*. В дальнейшем, в соответствии с традицией, мы будем называть чередования этого класса ч е р е д о в а н и я м и б е г л о й г л а с н о й с н у л е м.

Среди чередований, допустимых для некоторой парадигмы *P*, по определенным правилам выбирается одно или несколько, про которые говорится, что они п р е д с т а в л е н ы в парадигме *P* (или что они являются чередованиями парадигмы *P*). Имеется два варианта этих правил: 1) основной — для случая, когда словоформы рассматриваются в действительном виде (см. § 6.14); этот вариант приводится ниже; 2) дополнительный — для случая, когда словоформы рассматриваются в условном виде (см. § 6.14); этот вариант дан в § 6.32. Основной вариант этих правил состоит в следующем.

Во всякой парадигме представлены те и только те чередования, которые образуются в результате поочередной обработки всех формальных чередований этой парадигмы (см. § 6.23) по следующим правилам[87]:

С л у ч а й А: формальное чередование состоит из двух ступеней.

1. Если обе ступени данного формального чередования — гласные, а правило их распределения можно переформулировать таким образом, что чередование станет акцентно-позиционным, применить разрешенное преобразование 3, а именно, произвести указанную переформулировку.

2. Если одна из ступеней данного формального чередования есть гласная, другая — нуль, ь или *й*, а правило их распределения может быть переформулировано таким образом, что чередование станет чередованием беглой гласной с нулем, — применить разрешенное преобразование 3, а именно, произвести указанную переформулировку.

3. В прочих случаях оставить формальное чередование без изменений.

С л у ч а й Б: формальное чередование состоит из трех или более ступеней.

1. Если формальное чередование имеет указанный ниже состав ступеней — применить к нему разрешенное преобразование 2 (основное из получаемых при этом чередований выписано; второе, внутреннее, чередование входит в первое в виде дроби): формальное чередование *ёнок/ёнк/ят* превратить в чередование *ён* $\frac{о}{\emptyset}$ *к/ят*; *онок/онк/ат* — в *он* $\frac{о}{\emptyset}$ *к/ат*; *ок/к/ят* —

---

[87] Очевидно, что если в парадигме не представлено формальных чередований, то в ней не представлено и обычных чередований.

в $\frac{о}{\emptyset}$ *к/ят*; *ок/к/*$\emptyset$ — в $\frac{о}{\emptyset}$ *к* $\emptyset$; *бёнок/бёнк т* — в *бён* $\frac{о}{\emptyset}$ *к т*; $\emptyset$/*ь е* — в $\emptyset$ $\frac{ь}{е}$; *г/зь/зе* — в *г/з* $\frac{ь}{е}$; $\emptyset$/*овь/ове* — в $\emptyset$/*ов* $\frac{ь}{е}$; $\emptyset$/*ен/ён* — в $\emptyset$ $\frac{е}{ё}$ *н*. Далее, ко всем внутренним чередованиям применить разрешенное преобразование 3, а именно, превратить чередование *е/ё* в акцентно-позиционное, а чередования *о/*$\emptyset$ и *ь/е* — в чередования беглой гласной с нулем.

2. В парадигмах *рожóк* (мн. *рóжки*) и *сапожóк* (мн. *сапóжки*) применить к формальному чередованию $\emptyset$/*о/е* разрешенное преобразование 2, а именно, превратить его в чередование $\emptyset$/ $\frac{о}{е}$. Далее, применить разрешенное преобразование 3, а именно, превратить выписанное чередование в чередование беглой гласной с нулем, а внутреннее чередование — в акцентно-позиционное.

3. В прочих случаях оставить формальное чередование без изменений.

Формулы перехода

§ 6.25. В ходе описания во многих случаях возникает необходимость преобразовывать одни цепочки букв (например, словоформы, основы, окончания) в другие. Все такие преобразования осуществляются в дальнейшем единым техническим приемом — с помощью так называемых формул перехода.

Ф о р м у л о й   п е р е х о д а мы будем называть правило следующего общего вида: при условии *W* цепочка графических знаков *x* заменяется другой цепочкой графических знаков *y* [88]; запись: *x* → *y* при условии *W*.

В настоящей работе встречаются следующие типы формул перехода, различающиеся между собой характером условия *W*.

I. Условие *W* отсутствует или состоит только в том, что *x* непосредственно соседствует с определенными буквенными цепочками. Различаются три случая:

1. Формула перехода не ограничена никаким условием. Применение такой формулы перехода к некоторой цепочке (например, словоформе) *F* состоит в следующем: если *x* не входит [89] в *F*, *F* остается без изменений; если *x* входит в *F* один раз, это вхождение *x* заменяется на *y*; если *x* входит в *F* более одного раза, вначале заменяется первое (самое левое) вхождение *x*, затем, если в преобразованной цепочке все еще имеются вхождения *x*, заменяется снова первое из них и так далее до тех пор, пока не будет получена цепочка, не содержащая *x*. Например, применяя формулу перехода *оло* → *ла* к цепочкам *холод* и *кололо*, получаем *хлад* и *клало* (не *колла*!). Некоторую особенность представляет применение формул перехода вида *x* → 0. Поскольку пустая цепочка в соседстве с другими цепочками в нормальном случае никак не обозначается, применение такой формулы перехода (за исключением случая, когда обрабатываемая цепочка равна *x*) означает не замену цепочки *x* символом 0, а уничтожение этой цепочки (без оставления пробела).

Необходимо учитывать, что, как указано в § 0.5, знаки ударения не относятся к буквенному составу словоформы. Следовательно, при данном типе

---

[88] Цепочка *y* может быть также пустой.

[89] При применении формул перехода условимся считать, что пробелы, ограничивающие словоформу, входят в нее; иначе говоря, будем рассматривать всякую словоформу как цепочку, начинающуюся и кончающуюся знаком пробела (#). Это дает нам возможность использовать формулы перехода типа *д*# → *т*# и т. п.

перехода наличие или отсутствие над буквой такого знака не влияет на переход. Так, например, приведенная выше формула перехода распространяется не только на словоформы в неакцентуированной записи (взятой выше для упрощения) или на словоформы с безударным *оло* типа *колоко́л*, но и на такие словоформы со знаками ударения, как *хо́лод*, *коло́ло*, *го́ловы* и т. п. Если в словоформе F замене подвергается буква со знаком ударения, то в преобразованной словоформе этот знак должна получить гласная буква, входящая в заменяющую цепочку (см. также § 6.26 о знаке *); во всех рассматриваемых ниже случаях перехода эта операция возможна и однозначна. Так, в последней группе примеров получаем: *хла́д*, *кла́ло*, *гла́вы*.

2. Условие W состоит в том, что непосредственно перед x стоит некоторая цепочка m, или в том, что непосредственно после x стоит некоторая цепочка n, или в том и другом сразу. Этот случай очевидным образом сводится к предыдущему, а именно, имеет место не ограниченный какими-либо условиями переход $mx \rightarrow my$ или $xn \rightarrow yn$ или $mxn \rightarrow myn$. В этом случае может быть использована следующая запись: $(m+)\ x \rightarrow y$; $x\ (+n) \rightarrow y$; $(m+)x(+n) \rightarrow y$.

3. Условие W состоит в том, что непосредственно перед x стоит цепочка из некоторого списка M, или в том, что непосредственно после x стоит цепочка из некоторого списка N или в том и другом сразу. В этом случае формула перехода применяется к произвольной цепочке F так же, как и случае 1, но только в качестве объекта замены выступает не вхождение цепочки x, а вхождение любой цепочки вида Mx (т. е. некоторая цепочка из M + цепочка x), или вида xN или вида MxN. В этом случае используется следующая запись: $(M+)\ x \rightarrow y$; $x(+N) \rightarrow y$; $(M+)\ x\ (+N) \rightarrow y$; при этом состав списков M и N должен быть тут же указан (или оговорен предварительно). Допускаются также некоторые другие варианты записи. Так, если список M состоит, например, из m_1, m_2 и m_3, можно вместо $(M+)x$ написать: $(m_1$, m_2 или $m_3+)x$. Возможны также записи вида (не $p+)\ x$ или (не $P+)\ x$, где условие перехода охарактеризовано отрицательно.

В дальнейшем в формулах перехода этого типа мы будем без дополнительных пояснений применять следующие обозначения:

С — любая согласная (см. § 0.5).

Г — любая гласная (см. § 0.5).

Ш — *ш*, *ж*, *ч* или *щ* (т. е. любая шипящая).

К — *к*, *г* или *х*.

Если в левой части формулы перехода фигурирует более одного представителя какой-либо из этих групп, соответствующий символ получает цифровой индекс. Так, например, символы $С_1$ и $С_2$ обозначают любые согласные (в частном случае одинаковые).

II. Условие W состоит из требований типа I (см. выше) и, кроме того, требования о том, чтобы определенная буква цепочки x несла (или не несла) действительное ударение. Здесь возможны такие же три варианта, как и в типе I. Применение формул перехода данного типа отличается от типа I тем, что замене подвергаются только те вхождения x, где требование относительно положения действительного ударения выполнено. Запись отличается от типа I тем, что при той букве цепочки x, на которую наложено дополнительное условие, ставится подстрочная помета «уд.» или «безуд.» (соответственно условию); примеры: $ё_{безуд.} \rightarrow е$; $(Ш+)\ ё_{уд.} \rightarrow о$.

Формулы перехода типов I и II мы будем называть п о з и ц и о н н ы м и.

III. Условие W содержит, помимо требований типа I и II, некоторые иные требования. Такие формулы перехода мы будем называть н е п о з и ц и о н н ы м и. Всякую непозиционную формулу перехода можно представить как позиционную, которая применяется к словоформам со следующим ограничением: каждая замена x на y производится только в том случае, если заменяемое вхождение x или вся словоформа в целом удовлетворяют некоторому дополнительному требованию, а именно, «непозиционной» части условия W. «Позиционная» часть условия W записывается как обычно; «непозиционная» часть записывается словами. Если условие сложно, вся формула перехода может быть записана словами.

Несколько формул перехода, расположенных в определенном порядке, образуют **цепь формул перехода**. Цепь формул перехода применяется к словоформе так: вначале применяется первая формула цепи, после чего она ни в каких дальнейших операциях не используется; затем применяется вторая формула и так далее до конца цепи. Длинные цепи формул перехода могут быть разбиты на этапы, внутри которых ведется своя нумерация формул. Такое разделение служит только для наглядности; применяется такая цепь формул перехода точно так же, как если бы все входящие в нее формулы были занумерованы в том же порядке единой нумерацией.

Условный вид словоформ

§ 6.26. Как указано в § 6.14, для каждой первичной словоформы каждой именной парадигмы строится так называемый условный вид, т. е. некоторая цепочка русских букв и дополнительных символов. Правила построения такой цепочки приводятся ниже.

При построении условного вида некоторой словоформы *F* используются (в общем случае) следующие исходные данные: 1) действительный вид словоформы *F* с разделением на основу и окончание (с помощью знака |, см. § 4. 4); 2) действительный вид исходной словоформы парадигмы, содержащей *F*, с разделением на основу и окончание; 3) эталонное грамматическое значение словоформы *F*; 4) про любую букву основы словоформы *F* предполагается известным, участвует ли она в акцентно-позиционном чередовании и в каком именно (практически участвовать в таком чередовании может только гласная); 5) про любой отрезок основы *F* (в том числе пустой) предполагается известным, участвует ли он в собственно позиционном чередовании и в каком именно (практически участвовать в таком чередовании может только однобуквенный отрезок, а именно, предпоследняя или последняя буква основы [90], или пустой отрезок, стоящий перед последней буквой основы).

Правила получения условного вида словоформ представляют собой некоторую цепь формул перехода (см. § 6.25), которая должна быть применена к действительному виду этой словоформы. Знак разделения |, а также символы *j*, ’, *, o_2, *ò*, *ѐ*, которые могут появиться в словоформе в ходе преобразований, рассматриваются как особые буквы алфавита, со всеми вытекающими отсюда последствиями для применения формул перехода [91]. При этом *j* считается согласной, o_2, *ò*, *ѐ* — гласными; символы ’ и * не относятся ни к согласным, ни к гласным (однако * может нести знак ударения). Если звездочкой (*) заменяется гласная со знаком ударения, этот знак переходит на звездочку. Пояснения относительно знаков # и *Й* и их применения, а также относительно знаков *C*, C_1, C_2, *Г*, *К*, *Ш* см. в § 6.25. В описании ряда формул перехода фигурируют грамматические значения (число + падеж); во всех этих случаях имеются в виду эталонные грамматические значения словоформ.

---

[90] Исключение составляют только слова *вóсемьдесят* и *восемьсóт*, где в чередовании беглой гласной с нулем участвуют отрезки ь и *е*, отстоящие дальше от конца основы.

[91] Следует обратить внимание на то, что особыми буквами объявляются, в частности, символы *ò* и *ѐ*, содержащие знак второстепенного ударения (ср. § 0.5). Таким образом, добавление знака второстепенного ударения, в отличие от знака главного ударения, создает новую букву.

Правила получения условного вида произвольной словоформы

I. Замена членов акцентно-позиционных чередований и сходные операции:

1. $ė_{безуд.}$ → $\dot{e}$
2. Всякое *е*, участвующее в акцентно-позиционном чередовании *е/ё*, заменить на *ё*.
3. В словоформах слов *заря́*, *се́мя*, *стре́мя*, *сей*:

зар| → *зор*|	*стремен*| → *стремян*|
семен| → *семян*|	*си*| → *се*|

4. В словоформах слова *хозя́ин*:

хозяев\| → *хозяёв*\|

II. Замена членов собственно позиционных чередований и сходные операции:

1. Всякий однобуквенный или пустой отрезок основы взятой словоформы, участвующий в чередовании беглой гласной с нулем, заменить:

а) если чередование, в котором участвует данный отрезок, есть *о/Ø* — на *;

б) если нулевая ступень чередования, в котором участвует данный отрезок, есть *й* — на *й**;

в) в словоформах слов *кочерга́* и *су́мерки* — на *;

г) в прочих случаях — на ’*.

2. ь\| → ’*\|

3 В любой словоформе (кроме словоформ слова *дя́дя*), при условии, что действительный вид исходной словоформы данной парадигмы не оканчивается на \|ь:

’*\| → *\|

4. В любой словоформе (кроме словоформ слов *со́лнце*, *во́йско*, *войска́*), при условии, что действительный вид исходной словоформы данной парадигмы оканчивается на *л*\|*я*, *л*\|*и*, *н*\|*я*, *н*\|*и*, *н*\|о, *к*\|о, *ц*\|о, *ц*\|*е* или на *н*\| или *к*\| (но не *ск*\|, *цк*\|) + окончание *ый*, *ой*, *ий*, *ая*, *яя*, *ое*, *ее*, *ые* или *ие*:

а) $ьC|$ → $'{*}C|$

б) $йC|$ → $й{*}C|$

в) $KC|$ → $K{*}C|$

г) $C_1C_2|$ → $C_1'{*}C_2|$

5. (*Ш* или *ц* +) ’* → *

III. Замена *я*, *ю*, *ё*, *ė*:

1. я → ’*а*
2. ю → ’*у*
3. *ё* → ’*о*
4. *ė* → ’*ȯ*

IV. Замена *и*:

1. (*К*\|+) *и* → ы
2. В словоформе П. ед. или Д. ед. с окончанием *и*:

$и|и_{безуд.}$ → *и*\|*е*

3. \|*и* → \|’ы
4. (*Г* или ь +) *и* → ’*и*
5. В словоформах слов *триста*, *пятьдеся́т*, *пятьсо́т*, *шестьдеся́т*, *шестьсо́т*, *се́мьдесят*, *семьсо́т*, *во́семьдесят*, *восемьсо́т*, *девятьсо́т* непосредственно после начальных цепочек *тр*, *п’ат*, *шест*, *сем*, *восьм*, *дев’ат* (соответственно):

и → ’ы

V. Замена е:

1. В словоформе П. ед., Д. ед. или И. мн. с окончанием е (кроме словоформ себé и четы́ре) или Р. мн. с окончанием ей (имеются в виду окончания на данном этапе обработки), при условии, что действительное окончание исходной словоформы данной парадигмы есть ь, й, я, е или ё, а также в словоформах следующего действительного вида — детéй, людéй, колéней, сосéдей, чертéй, всем, всей, всéю, все, всех, всéми:

|е → |’е

2. Во всякой словоформе, кроме словоформ П. ед., Д. ед. и И. мн. с окончанием е и Р. мн. с окончанием ей (имеются в виду окончания на данном этапе обработки), а также в словоформе четы́ре:

|$е_{безуд.}$ → |’о

3. (#, Г или ь +) е → ’е

4. В словоформах слов мать, чёрт, сей, вóсемь, вóсемьдесят, восемьсóт непосредственно после начальных цепочек мат, ч, с, вос (соответственно):

е → ’е

5. В словоформе четы́реста непосредственно после начальной цепочки четыр:

е → ’о

VI. Замена безударного о после шипящих и ц:

1. (Ш или ц +) $о_{безуд.}$ → $о_2$

VII. Замена й и ь:

1. й| → йj|
2. й (+ не Г и не j) → j
3. (не С и не С| +)’ → j
4. ь (+ не о) → ’
5. |j → j|
6. (Ш| или ц| +) ’ → Ø
7. |’ → ’|

VIII. Замена окончания ого:

1. |ого → |ово

Приведем примеры условного вида словоформ (слева от стрелки указан действительный вид словоформы, справа — условный). Примеры разбиты на группы, соответствующие восьми разделам (этапам) приведенной цепи формул перехода. В каждую группу входят словоформы, преобразование которых начинается под воздействием формул соответствующего раздела (завершаться оно может уже под воздействием формул последующих разделов).

I. трёхсóт| → тр’òхс*т|; сел|ó → с’ол|ó; звезд|á → зв’озд|á; пчел|á → пч’ол|á; дешев|á → д’ош’ов|á; имен|á → им’он|á; семен|á → сем’ан|á; зар|я́ → зор’|á; хозя́ев|а → хоз’áјов|а.

II. сóн| → с*н|; сн|ы́ → с*н|ы́; стрелóк| → стрел*к|; стрелк|и́ → стрел*к|ы́; нóгот|ь → нóг*т’|; нóгт|и → нóг*т’|ы; чáйк|а → чáј*к|а; чáек| → чáј*к|; яйц|ó → јај*ц|ó; яи́ц → јај*ц|; орёл| → ор’*л|; орл|ы́ → ор’*л|ы́; числ|ó → чис’*л|ó; чи́сел| → чи́с’*л|; ручé|й → руч*ј|; ручь|и́ → руч*ј|ы́; ли́си|й → ли́с*ј|; ли́сь|я → ли́с*ј|а; ущéль|е (И. ед.) → ущéл*ј|о; плáть|е (И. ед.) → плáт*ј|о; сту́ль|я → сту́л*ј|а; мужь|я́ → муж*ј|á; князь|я́ → кн’аз’*ј|á; дядь|я́ → д’ад’*ј|á; грóздь|я → грóзд’*ј|а; сáкл|я → сáк*л’|а; я́сл|и → јác’*л’|ы; западн|я́ → запад’*н’|á; очк|ó → оч*к|ó; родн|óй → род’*н|óј; дáнн|ый → дáн’*н|ыј.

III. дя́д|я → д’áд’|а; тёт|я → т’óт’|а; юн|ый → ју́н|ыј.

IV. овра́г|и → овра́г|ы; сух|и́е → сух|ы́је; звéр|и → звéр’|ы; пу́л|и → пу́л’|ы; музé|и → музéј|ы; нóч|и → нóч|ы; ли́ни|и (Р. ед., И. мн.) → ли́ниј|ы; ли́ни|и (Д. ед., П. ед.) → ли́ниј|е; здáни|и → здáниј|е; вóин → вóјин|; три́ст|а → тр’ы́с*т|а.

V. звéр|е → звéр’|е; пу́л|е → пу́л’|е; звер|éй → звер’|éј; дет|éй → дет’|éј; звéр|ем → звéр’|ом; музé|ев → музéј|ов; пти́ц|ей → пти́ц|ој; си́н|ей → си́н’|ој.

VI. *шоколáд|* → *шо$_2$колáд|*; *жокé|й* → *жо$_2$кéj|*; *цокотýх|а* → *цо$_2$котýх|а*.
VII. *секвóй|* → *секвóйj|*; *музé|й* → *музéj|*; *плащ|éй* → *плащ|éj*; *звéр|ь* → *звéр'|*, *пýл|ь* → *пýл'|*; *нóч|ь* → *нóч|*.
VIII. *бéл|ого* → *бéл|ово*.

Различительный признак «тип склонения»

§ 6.27. Назовем собственным набором условных окончаний некоторой парадигмы запись, показывающую, каково условное окончание каждой первичной словоформы этой парадигмы. (Каждая словоформа обозначена в этой записи соответствующей грамматической формой.) Например, парадигма слова *тётя* имеет следующий набор условных окончаний: ед. ч. — И. *-а*, Р. *-ы*, Д. *-е*, В. *-у*, Т. *-oj* и *-oju*, П. *-е*; мн. ч. — И. *-ы*, Р. *-ej*, Д. *-ам*, Т. *-ами*, П. *-ах* [92].

Назовем эталонным набором условных окончаний запись, ставящую в соответствие каждой клетке эталона некоторое условное окончание (т. е. некоторую цепочку букв, которая является условным окончанием хотя бы одной словоформы). Мы будем говорить, что собственный набор условных окончаний некоторой парадигмы совместим с некоторым эталонным набором условных окончаний, если в части эталона, покрываемой данной парадигмой, эти наборы совпадают.

Ниже приведено несколько эталонных наборов условных окончаний. Эти наборы мы будем называть стандартными. Стандартные эталонные наборы условных окончаний разделены на следующие 8 классов:

1) I субстантивный,
2) II субстантивный,
3) адъективный,
4) адъективно-возвратный,
5) I местоименный,
6) II местоименный,
7) притяжательный,
8) нулевой.

Выражение «стандартный эталонный набор условных окончаний» ниже может быть сокращено до выражения «стандартный набор» (в недвусмысленных контекстах даже просто «набор»). Вместо выражения «условное окончание из стандартного эталонного набора такого-то класса» может быть сказано также просто «условное окончание такого-то класса».

В приводимых ниже стандартных наборах (кроме наборов адъективного класса) условные окончания фактически указаны не для всех клеток рабочего эталона. С формальной точки зрения, не указанные в нашей записи клетки можно заполнить любыми условными окончаниями. Практически же это означает, что ни одна из парадигм, у которых собственный набор условных окончаний совместим с данным стандартным набором, не покрывает клеток эталона, не указанных в нашей записи. В некоторых клет-

[92] Заметим, что словоформе Т. ед. *тётей* соответствует условное окончание *-oj*, а словоформе Р. мн. *тётей*, имеющей такой же действительный вид, соответствует другое условное окончание: *-ej*.

ках стоит символ (=); он означает, что в парадигмах, у которых собственный набор условных окончаний совместим с данным стандартным набором, этим клеткам всегда соответствует вторичная словоформа [93]. Записи *-oj* (*-ojy*), *-ej* (*-ejy*) означают, что само условное окончание имеет два варианта (это так называемое типовое колебание, см. § 4.3). Стандартные наборы одного класса различаются между собой лишь в незначительном меньшинстве клеток, поэтому они записываются обобщенно: в клетках, где есть различия, даны альтернативные условные окончания (с соответствующими пометами), в прочих клетках дано одно условное окончание. Несколько клеток, содержащих одинаковое условное окончание, при записи могут быть объединены [94].

Следует специально подчеркнуть, что всякое грамматическое значение, указываемое в приведенных ниже таблицах, есть название некоторой клетки (или клеток) эталона (см. § 6.5). Иначе говоря, оно отражает не грамматическое значение словоформ, имеющих соответствующее условное окончание, а их эталонное грамматическое значение (которое может и не совпадать с грамматическим значением; см. об этом § 6.11).

Для классов, содержащих более одного стандартного набора, указывается правило распределения этих наборов (в зависимости от грамматического разряда парадигмы, от последней буквы условной основы соответствующей словоформы или от ее условного ударения). Эти правила будут использованы в последующем изложении (§ 6.30); для настоящего параграфа с формальной точки зрения они не являются необходимыми.

Стандартные эталонные наборы условных окончаний

Стандартные наборы I субстантивного класса

Таких наборов три: 1) набор А, 2) набор Б с условно безударным окончанием Р. мн., 3) набор Б с условно ударным окончанием Р. мн.[95]. Они различаются только в Р. мн. Наборы группы Б выступают в том случае, если условная основа словоформы Р. мн. оканчивается на ʼ или на шипящую, набор А — в прочих случаях. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона и клетки парного рода.

---

[93] Эта вторичная словоформа всегда бывает омонимична какой-либо из первичных словоформ той же парадигмы; отсюда выбор символа (=).

[94] Нетрадиционный порядок падежей, принятый в § 6.5, нужен как раз для того, чтобы облегчить такие объединения. Отметим также специально, что в приводимых таблицах объединена всякая пара клеток, различающихся только по признаку одушевленности—неодушевленности (и поэтому при указании грамматических значений одушевленность—неодушевленность просто не упоминается). Это объясняется тем, что различие окончаний внутри такой пары возможно только в В. мн. и В. ед. муж., т. е. в клетках, которым всегда соответствуют вторичные словоформы.

[95] Здесь и ниже выражение «набор с условно ударным (безударным) окончанием некоторой словоформы» означает: набор, который выступает в том случае, когда в этой словоформе условное ударение на окончании (на основе).

<table>
<tr><th rowspan="2"></th><th colspan="3">Ед. число</th><th colspan="3">Мн. число</th></tr>
<tr><th>муж. род</th><th>сред. род</th><th>жен. род</th><th>муж. род</th><th>сред. род</th><th>жен. род</th></tr>
<tr><td>И.</td><td>Ø</td><td>*-о*</td><td>*-а*</td><td>-ы</td><td>*-а*</td><td>-ы</td></tr>
<tr><td>В.</td><td colspan="2">(=)</td><td>*-у*</td><td colspan="3">(=)</td></tr>
<tr><td>Р.</td><td colspan="2">*-а*</td><td>*-ы*</td><td>А: *-ов*
Б: *-ej*</td><td colspan="2">А: Ø
Б: усл. безуд. Ø / усл. уд. *-ej*</td></tr>
<tr><td>П.</td><td colspan="2">*-е*</td><td rowspan="2">*-е*</td><td colspan="3">*-ах*</td></tr>
<tr><td>Д.</td><td colspan="2">*-у*</td><td colspan="3">*-ам*</td></tr>
<tr><td>Т.</td><td colspan="2">*-ом*</td><td>*-oj (-oju)*</td><td colspan="3">*-ами*</td></tr>
</table>

Стандартные наборы II субстантивного класса

Таких наборов два: А и Б. Они различаются только в Р. мн. Правило их распределения — то же, что в I субстантивном классе. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона и клетки парного рода.

<table>
<tr><th rowspan="2"></th><th colspan="3">Ед. число</th><th colspan="3">Мн. число</th></tr>
<tr><th>муж. род</th><th>сред. род</th><th>жен. род</th><th>муж. род</th><th>сред. род</th><th>жен. род</th></tr>
<tr><td>И.</td><td>Ø</td><td>*-а*</td><td>Ø</td><td>-ы</td><td>*-а*</td><td>-ы</td></tr>
<tr><td>В.</td><td colspan="3">(=)</td><td colspan="3">(=)</td></tr>
<tr><td>Р.</td><td colspan="3" rowspan="3">*-ы*</td><td>А: *-ов*
Б: *-ej*</td><td colspan="2">А: Ø
Б: *-ej*</td></tr>
<tr><td>П.</td><td colspan="3">*-ах*</td></tr>
<tr><td>Д.</td><td colspan="3">*-ам*</td></tr>
<tr><td>Т.</td><td colspan="2">*-ом*</td><td>*-ju*</td><td colspan="3">*-ами*</td></tr>
</table>

З а м е ч а н и е. Как можно видеть, субстантивные классы I и II различаются в большинстве форм ед. числа и, кроме того, в Р. мн. жен. и сред. (в варианте Б). Заметим, что для практических целей запись в клетке Р. мн. муж. можно было бы заменить просто условным окончанием *-еj*, поскольку вариант А здесь не представлен ни одной парадигмой.

Стандартные наборы адъективного класса

Таких наборов два: набор с условно безударным окончанием И. ед. муж. и набор с условно ударным окончанием И. ед. муж. Наборы этого класса покрывают весь эталон.

<table>
<tr><td colspan="2" rowspan="2"></td><td colspan="3">Ед. число (кроме парного рода)</td><td rowspan="2">Мн. число и парный род ед. числа</td></tr>
<tr><td>муж. род</td><td>сред. род</td><td>жен. род</td></tr>
<tr><td colspan="2">Неатрибутивные формы</td><td>0</td><td>-о</td><td>-а</td><td>-ы</td></tr>
<tr><td rowspan="6">Атрибутивные формы</td><td>И.</td><td>усл. безуд. -ыj
усл. уд. -оj</td><td>-оjе</td><td>-аjа</td><td>-ыjе</td></tr>
<tr><td>В.</td><td colspan="2">(=)</td><td>-уjу</td><td>(=)</td></tr>
<tr><td>Р.</td><td colspan="2">-ово</td><td rowspan="3">оj</td><td rowspan="2">-ых</td></tr>
<tr><td>П.</td><td colspan="2">-ом</td></tr>
<tr><td>Д.</td><td colspan="2">-ому</td><td>-ым</td></tr>
<tr><td>Т.</td><td colspan="2">-ым</td><td>-оj (-оjу)</td><td>-ыми</td></tr>
</table>

Стандартный набор адъективно-возвратного класса

Этот набор получается из стандартного набора адъективного класса с условно безударным окончанием И. ед. муж. 1) отбрасыванием неатрибутивной части указанного набора, 2) приписыванием сзади к каждому из остальных его условных окончаний цепочки *с'а*. Таким образом, например, окончание И. ед. муж. в стандартном наборе адъективно-возвратного класса есть *-ыjс'а*, И. мн. *-ыjес'а* и т. д.

Стандартные наборы I местоименного класса

Таких наборов два: набор Б выступает в том случае, если условная основа оканчивается на ’ или на *j*, набор А — в прочих случаях. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона.

<table>
<tr><th rowspan="2"></th><th colspan="3">Ед. число (кроме парного рода)</th><th rowspan="2">Мн. число и парный род ед. числа</th></tr>
<tr><th>муж. род</th><th>сред. род</th><th>жен. род</th></tr>
<tr><td>И.</td><td>Ø</td><td>-о</td><td>-а</td><td>-ы</td></tr>
<tr><td>В.</td><td colspan="2">(=)</td><td>-у</td><td>(=)</td></tr>
<tr><td>Р.</td><td colspan="2">-ово</td><td rowspan="3">А: -oj
Б: -ej</td><td rowspan="2">-ых</td></tr>
<tr><td>П.</td><td colspan="2">-ом</td></tr>
<tr><td>Д.</td><td colspan="2">-ому</td><td>-ым</td></tr>
<tr><td>Т.</td><td colspan="2">-ым</td><td>А: -oj (-oju)
Б: -ej (-eju)</td><td>-ыми</td></tr>
</table>

Замечание. Стандартный набор А этого класса можно описать как результат смешения условных окончаний I субстантивного и адъективного классов: в И. и В. падежах выступают условные окончания I субстантивного класса, в прочих падежах — условные окончания адъективного класса (при этом в И. мн. сред. выступает то же условное окончание, что в И. мн. муж. и жен.). Набор Б отличается от набора А заменой *-oj* на *-ej*, характерной для местоименных классов.

Стандартные наборы II местоименного класса

Таких наборов два: А и Б. Правило их распределения — то же, что в I местоименном классе. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона.

Замечание. Стандартные наборы этого класса можно описать как результат замены всякого *ы* на *е* в условных окончаниях соответствующих наборов I местоименного класса.

<table>
<tr><th rowspan="2"></th><th colspan="3">Ед. число (кроме парного рода)</th><th rowspan="2">Мн. число и парный род ед. числа</th></tr>
<tr><th>муж. род</th><th>сред. род</th><th>жен. род</th></tr>
<tr><td>И.</td><td>Ø</td><td>*-о*</td><td>*-а*</td><td>*-е*</td></tr>
<tr><td>В.</td><td colspan="2">(=)</td><td>*-у*</td><td>(=)</td></tr>
<tr><td>Р.</td><td colspan="2">*-ово*</td><td rowspan="3">А: *-oj*
Б: *-ej*</td><td rowspan="2">*-ех*</td></tr>
<tr><td>П.</td><td colspan="2">*-ом*</td></tr>
<tr><td>Д.</td><td colspan="2">*-ому*</td><td>*-ем*</td></tr>
<tr><td>Т.</td><td colspan="2">*-ем*</td><td>А: *-oj (-ojу)*
Б: *-ej (-ejу)*</td><td>*-еми*</td></tr>
</table>

Стандартные наборы притяжательного класса

Таких наборов два: набор А выступает у существительных, набор Б — у прилагательных. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона.

<table>
<tr><th rowspan="2"></th><th colspan="3">Ед. число (кроме парного рода)</th><th rowspan="2">Мн. число и парный род ед. числа</th></tr>
<tr><th>муж. род</th><th>сред. род</th><th>жен. род</th></tr>
<tr><td>И.</td><td>Ø</td><td>*-о*</td><td>*-а*</td><td>*-ы*</td></tr>
<tr><td>В.</td><td colspan="2">(=)</td><td>*-у*</td><td>(=)</td></tr>
<tr><td>Р.</td><td colspan="2">*-а*</td><td rowspan="3">*-oj*</td><td rowspan="2">*-ых*</td></tr>
<tr><td>П.</td><td colspan="2">А: *-е*
Б: *-ом*</td></tr>
<tr><td>Д.</td><td colspan="2">*-у*</td><td>*-ым*</td></tr>
<tr><td>Т.</td><td>*-ым*</td><td>А: *-ом*
Б: *-ым*</td><td>*-oj (-ojу)*</td><td>*-ыми*</td></tr>
</table>

Замечание: Стандартные наборы этого класса можно описать как результат смешения условных окончаний I субстантивного и адъективного классов: оба набора имеют условные окончания I субстантивного класса в И. и В. падежах, в Р. ед. муж. и сред., в Д. ед. муж. и сред., а набор А, кроме того, еще в И. ед. муж. и сред. и Т. ед. сред.; в остальных формах выступают окончания адъективного класса.

Стандартный набор нулевого класса

Этот набор содержит окончание -0 во всех клетках (неатрибутивная часть эталона не заполнена).

У подавляющей части парадигм собственный набор условных окончаний совместим хотя бы с одним из стандартных эталонных наборов (при этом чаще всего такой стандартный набор ровно один). В большинстве остальных парадигм для того, чтобы собственный набор условных окончаний стал совместимым хотя бы с одним из стандартных эталонных наборов, достаточно было бы заменить условные окончания у незначительной части первичных словоформ (обычно у одной или двух). И лишь у ничтожного меньшинства парадигм собственный набор условных окончаний столь аномален, что для достижения такой совместимости его пришлось бы заменить целиком или почти целиком.

Это дает возможность произвести грубую классификацию парадигм по наборам окончаний (или, как часто говорят, по типам склонения) следующим образом. Припишем каждую парадигму (кроме немногочисленных парадигм «аномальной» группы) к некоторому классу стандартных наборов так, чтобы собственный набор условных окончаний этой парадигмы либо был совместим хотя бы с одним из стандартных наборов, либо нуждался лишь в немногих заменах для достижения такой совместимости. (Точные правила такого приписывания даются ниже.) Подавляющее большинство парадигм разделится на 8 классов. Оставшуюся небольшую группу парадигм отнесем к дополнительному («аномальному») классу.

Итак, вводится различительный признак «тип склонения». Это основной различительный признак парадигм, относящийся к окончаниям. Он может принимать 9 значений, а именно: 8 типов склонения, названия которых совпадают с названиями классов стандартных наборов, и, кроме того, аномальный тип склонения. В дальнейшем вместо выражений «I субстантивный (адъективный, II местоименный и т. д.) тип склонения» может быть сказано также просто «I субстантивное (адъективное, II местоименное и т. д.) склонение».

Правила, позволяющие приписать полностью известной парадигме значение признака «тип склонения»

1. Парадигмы *литиѝ*, *паремиѝ*, *судиѝ*, *щец*, *дровéц*, *пол* (половина) приписать к I субстантивному типу склонения, парадигмы *нéкто* и *нéчто* — ко II местоименному типу склонения. Для прочих парадигм — перейти к 2.

2. Найти все стандартные эталонные наборы, с которыми совместим собственный набор условных окончаний взятой парадигмы.

Если таких стандартных наборов нет — перейти к 4.

Если все такие стандартные наборы принадлежат к одному классу — приписать взятую парадигму к типу склонения, одноименному с этим классом.

Если некоторые из таких стандартных наборов принадлежат к разным классам — перейти к 3.

3. Если среди найденных стандартных наборов имеются только наборы I местоименного и притяжательного классов, то: если основа исходной словоформы оканчивается на *ов*, *ёв*, *ев*, *ин* или *ын* — приписать взятую парадигму к притяжательному типу склонения; в прочих случаях приписать ее к I местоименному типу склонения.

Если среди найденных стандартных наборов имеются какие-либо иные наборы, кроме наборов I местоименного и притяжательного классов — приписать взятую парадигму к I субстантивному типу склонения.

4. Взять в рассматриваемой парадигме все словоформы дательного падежа. Рассматривая совокупность этих словоформ так, как если бы она составляла самостоятельную парадигму, найти все стандартные эталонные наборы, с которыми совместим собственный набор условных окончаний данной совокупности словоформ.

Если таких стандартных наборов нет — приписать взятую парадигму к аномальному типу склонения.

Если все такие стандартные наборы принадлежат к одному классу — приписать взятую парадигму к типу склонения, одноименному с этим классом.

Если некоторые из таких стандартных наборов принадлежат к разным классам, то: если среди найденных стандартных наборов есть набор I местоименного класса — приписать взятую парадигму к I местоименному типу склонения; в прочих случаях приписать ее к I субстантивному типу склонения.

Примеры. Определяются после п. 2: парадигмы *стол*, *ведрó* — I субстантивный тип склонения; *степь*, *имя*, *пять* — II субстантивный; *сéрый*, *морóженое*, *мостовáя* — адъективный; *э́тот*, *чей*, *ничьѝ* — I местоименный; *Петрóв*, *Кýнцево* — притяжательный; *ательé*, *кóми* — нулевой. Определяются после пункта 3: *дровá*, *щи* — I субстантивный; *онѝ* — I местоименный; *Петрóва* — притяжательный. Определяются после пункта 4: *дом*, *солдáт*, *славянѝн*, *очкó*, *плáтье*, *я*, *мы*, *пятьсóт* — I субстантивный; *гроздь* — II субстантивный; *онá*, *óба*, *двóе*, *чéтверо* — I местоименный; *два*, *полторá*, *сто* — аномальный.

§ 6.28. В соответствии с § 6.2 (пункт 3), здесь необходимы также правила иного логического строения, а именно, правила, позволяющие установить тип склонения произвольной парадигмы на основании некоторой ограниченной информации об этой парадигме. Такие правила приводятся ниже. (В списках примеров и исключений порядок в большинстве случаев обратный алфавитный.)

Правила, позволяющие установить тип склонения произвольной парадигмы

Исходные сведения о парадигме: 1) действительный вид исходной словоформы (без разделения на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) морфологический класс (только для существительных на *ь*).

СЛОВА БЕСЧИСЛОВЫХ РАЗРЯДОВ

Слова на *сот* (например, *пятьсо́т*) и слова: *я*, *ты*, *себя́*, *мы*, *вы*, *друг дру́га*, *пол* (половина), *две́сти*, *три́ста*, *четы́реста*, *ты́сяча* (числительное), *ма́ло*, *нема́ло* — относятся к I субстантивному типу склонения.

Слова на *дцать* и *десят* (например, *оди́ннадцать*, *три́дцать*, *пятьдеся́т*) и слова: *пять*, *шесть*, *семь*, *во́семь*, *де́вять*, *де́сять* — относятся ко II субстантивному типу склонения.

Слова: *ка́ждый*, *любо́й*, *вся́кое*, *про́чее*, *остально́е*, *мно́гое*, *немно́гое*, *мно́гие*, *немно́гие*, *не́которые* — относятся к адъективному типу склонения.

Слова на *еро* (например, *че́тверо*) и слова: *он*, *она́*, *оно́*, *они́*, *оди́н* (числительное), *о́ба*, *двое́*, *трое́*, *сто́лько*, *ско́лько*, *не́сколько*, *мно́го*, *немно́го* — относятся к I местоименному типу склонения.

Слова: *все*, *всё*, *кто*, *что*, *никто́*, *ничто́*, *не́кто*, *не́что*, *не́кого*, *не́чего* — относятся ко II местоименному типу склонения.

Слова: *полтора́*, *два*, *три*, *четы́ре*, *со́рок*, *девяно́сто*, *сто*, *полтора́ста* — относятся к аномальному типу склонения.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

I. Прилагательные на *ый* и *ой*

Прилагательные *мой*, *твой*, *свой*, *кой* относятся к I местоименному типу склонения, остальные — к адъективному, например: *но́вый*, *кото́рый*, *городско́й*.

II. Прилагательные на *ий*

Все они распределяются между адъективным и I местоименным типами склонения (таким образом, слово «исключение» означает ниже противоположный из этих двух типов склонения), а именно:

1. Прилагательные на *кий*, *гий*, *хий*, *щий*, на гласную + *ий*, а также на согласную (или *ь*) + *жий*, *чий*, *ший*, *ний* или *лий* относятся к адъективному типу склонения, например: *ру́сский*, *поло́гий*, *ти́хий*, *цвету́щий*, *длинноше́ий*, *прое́зжий*, *пе́вчий*, *о́тчий*, *просте́йший*, *патриа́рший*, *дре́вний*, *сыно́вний*, *о́рлий*. Исключение: *во́лчий*.

2. Из прилагательных на гласную + *жий*, *чий* или *ший* слова расширенного адъективного разряда, а также *про́чий* относятся к адъективному типу склонения, например: *све́жий*, *приго́жий*, *могу́чий*, *бродя́чий*, *хоро́ший* (см. § 3.3, раздел II, пункт А 3); слова простого адъективного разряда (кроме *про́чий*) относятся к I местоименному типу склонения, например: *бо́жий*, *соба́чий*, *черепа́ший*.

3. Прилагательные на гласную + *ний* или *лий* относятся к I местоименному типу склонения, например: *оле́ний*, *обезья́ний*, *аку́лий*. Исключения: *игре́ний*, *си́ний*.

4. Прочие прилагательные на *ий* относятся к I местоименному типу склонения, например: *рыбий, коровий, козий, курий, лисий, третий.* Исключения: *карий, тугосисий* [96].

З а м е ч а н и е. Прилагательные I местоименного склонения на *ий* (кроме *третий* и устар. *четий*) являются производными от названий животных или людей и имеют общее значение «свойственный (или принадлежащий) соответствующему роду животных или людей», например: *рыбий, медвежий, казачий, мальчишечий* (от *рыба, медведь, казак, мальчишка*). Если допустить, что про любое рассматриваемое прилагательное известно, относится ли оно к данной семантической группе, то можно предложить следующее правило. Из числа прилагательных на *ий* к I местоименному склонению относятся: а) прилагательные указанной семантической группы, кроме тех, у которых перед *ий* стоят две согласных (причем вторая — не *б, п, в, ф, м*); например: *рыбий, олений, акулий, казачий, мальчишечий* (ср. прилагательные адъективного склонения *мужний сыновний, орлий, отчий, патриарший*, а также *казацкий, мальчишеский* и прочие на *ский, цкий*); б) *волчий*; в) *третий, четий.* Прочие прилагательные на *ий* относятся к адъективному склонению.

III. Прилагательные на *ийся*

Все они относятся к а д ъ е к т и в н о - в о з в р а т н о м у типу склонения, например: *выдающийся, вьющийся.*

IV. Прилагательные на *ов, ёв, ев, ин, ын*

Прилагательное *один* относится к I местоименному типу склонения. Из прочих слов прилагательные на *ов, ёв, ев, ин, ын* относятся к п р и т я ж а т е л ь н о м у типу склонения, например: *чёртов, царёв, Ильин.* Прилагательные на безударное *ин* или *ын* имеют по два варианта парадигмы, один из которых относится к п р и т я ж а т е л ь н о м у типу склонения, а другой — к I м е с т о и м е н н о м у, например: *дядин, мужнин.*

V. Прочие прилагательные

Прилагательные *сей, чей, ничей, сам, этот, наш, ваш* относятся к I местоименному типу склонения; *тот* и *весь* — ко II местоименному; *господень* — к притяжательному. Прочие прилагательные относятся к а д ъ е к т и в н о м у типу склонения, если они расширенного адъективного разряда (например, *таков, рад, близёнек*) и к н у л е в о м у типу склонения, если они простого адъективного разряда (например, *беж, хаки, коми*).

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

I. Существительные на *ый, ий, ой* [97]

Слова *мой, твой, свой, третий* относятся к I местоименному типу склонения. Из прочих слов следующие относятся к I с у б с т а н т и в н о м у типу склонения: а) слова на согласную (кроме *к, г, х, ж, ш, ч, щ, н*)+*ий* и на гласную+*ний*, например: *радий, санаторий, гений*; б) слова: *контагий, спорангий, кий, трибрахий, амфибрахий пиррихий, чий*; *магний, кремний, калифорний, гафний*; в) слова на *бой, слой, гной, пой, рой, строй* (кроме *любой, слепой, простой* 'человек из непривилегированных классов'), например: *бой, забой, перегной, водопой, герой, застой*; г) слова: *вой, навой, подвой, развой, привой, конвой, сувой, изгой, надой, раздой, козодой, сдой,*

---

[96] Указания Уш. при этом слове (*тугосисий, ья, ье*) неверны.

[97] В данном пункте правил учтены только те отадъективные существительные (=субстантивированные прилагательные), которые зафиксированы в Уш.

левкой, *мокой*, *покой*, *упокой*, *налой*, *аналой*, *перелой*, *зной*. Остальные слова относятся к адъективному типу склонения, например: *вожатый*, *лесничий*, *часовой*.

II. Прочие существительные на согласную

Слова *наш*, *ваш* относятся к I местоименному типу склонения, слово *кабельтов* — к притяжательному типу склонения, слова *мадам*, *фрекен*, *фрейлейн*, *альма-матер*, *миссис*, *мисс*, а также *он* и *наш* как названия букв *о* и *н* — к нулевому типу склонения. Прочие слова относятся к I субстантивному типу склонения, например: *дом*, *верблюд*, *ручей*, *мяч*.

III. Существительные на *ь*

Слова мужского морф. рода (кроме *путь*) относятся к I субстантивному типу склонения, например: *дождь*, *огонь*, *житель*. Слова женского морф. рода, а также *путь* относятся ко II субстантивному типу склонения, например: *морковь*, *постель*, *мышь*. Слово *соль* (нота; средний морф. род) — нулевого типа склонения.

IV. Существительные на *ая*, *яя*, *ое*, *ее*, *ые*, *ие* с безударной конечной гласной

К I субстантивному типу склонения относятся: а) слова на *ие*, кроме тех, у которых перед *ие* стоит гласная, *к*, *г*, *х*, *щ* или сочетание «согласная+*ш* или *н*», например: *лезвие*, *оружие*, *собрание*, *открытие*; б) *тёрние*; в) *свая*, *стая*. Прочие слова относятся к адъективному типу склонения, например: *столовая*, *преисподняя*, *заливное*, *подлежащее*, *позывные*, *авторские*.

V. Существительные на *ийся*, *аяся*, *ееся*, *иеся*

Все они относятся к адъективно-возвратному типу склонения, например: *трудящийся*, *учащаяся*, *пресмыкающееся*.

VI. Прочие существительные на гласную

А. Существительные на *а*, *я*, *ё*, *ы*.

Слова *девичья*, *ничья*, *третья* (треть) относятся к I местоименному типу склонения. Слова на *мя* (например, *имя*, *стремя*), а также *дитя*, *порося* относятся ко II субстантивному типу склонения. Следующие слова относятся к нулевому типу склонения: а) слова на гласную+*а*, например: *боа*, *буржуа*; б) *иоруба*, *мунда*, *хауса*, *майя* [98]; в) *альпага*, *кака*, *альпака*, *антука*, *гала*, *па*, *баккара*, *бра*, *фа*, *антраша*, *ля*; г) *еры*, *рцы* (названия букв), *ханты*. Прочие слова относятся к I субстантивному типу склонения, например: *собака*, *ступня*, *ружьё*, *ножницы*.

Б. Существительные на *у*, *ю*, *э*.

Все они относятся к нулевому типу склонения, например: *кенгуру*, *фрау*, *интервью*, *алоэ*.

В. Существительные на *е*.

Слово *третье* относится к I местоименному типу склонения. Из прочих слов следующие относятся к I субстантивному типу склонения: а) слова на безударные *ье*, *це* и *ще*, например: *ущелье*, *сердце*, *жилище*; б) *ложе*, *поле*, *горе*, *море*, *вече*; в) *житие*, *питие*, *бытие*, *небытие*, *инобытие*. (Ср. также выше, пункт IV.) Остальные слова относятся к нулевому типу склонения, например: *шимпанзе*, *фойе*, *реле*, *шоссе*, *цеце*, *ателье*; *промилле*, *анданте*, *кофе*, *дуче*.

---

[98] Вообще к нулевому типу склонения относятся все слова на *а*, *я*, которые обозначают племена или народности, живущие за пределами РСФСР, например: *авта*, *галла*, *динка*. Подпункт *б* включает лишь те из них, которые входят в исходный материал.

Г. Существительные на *о*.

Следующие слова отнoсятся к I субстантивному типу склонения: а) слова на *цо́*, например: *лицо́*, *ружьецо́*; б) слова на *тво* и на гласную+*во* (кроме *ин-окта́во*, *прево́*), например: *веществó*, *пи́во*, *де́рево*; в) слова на *ло* (кроме слов на *лло*, *оло* и слов *гало́*, *табло́*, *кило́*, *стило́*, *руло́*), например: *зе́ркало*, *число́*, *мы́ло*; г) слова на согласную (или ь)+*мо* или *по* (кроме слов на *ммо*, *нно* и слова *бонмо́*), например: *клеймо́*, *письмо́*, *дно*, *су́дно*, *волокно́*; д) слова на безударные *ко*, *хо* и на согласную (или ь)+*ко́* (кроме слов на *кко* и слов *гуана́ко*, *ма́нко*, *фра́нко*, *по́рто-фра́нко*, *фиа́ско*, *ка́ско*, *альфре́ско*), например: *у́хо*, *э́хо*, *о́блако*, *доми́шко*, *очко́*, *брюшко́*; е) слова: *не́бо*, *нёбо*, *бла́го*, *и́го*, *ла́до*, *ста́до*, *ча́до*, *гнездо́*, *бёрдо*, *тве́рдо*, *чу́до*, *ю́до*, *блю́до*, *желе́зо*, *пу́зо*, *молоко́*, *ве́но*, *зерно́*, *коле́но*, *поле́но*, *се́но*, *веретено́*, *пшено́*, *вино́*, *ло́но*, *руно́*, *ребро́*, *серебро́*, *добро́*, *тавро́*, *бедро́*, *ведро́*, *вёдро*, *ядро́*, *о́зеро*, *перо́*, *ми́ро*, *у́тро*, *нутро́*, *колесо́*, *плёсо*, *про́со*, *мя́со*, *зла́то*, *ле́то*, *решето́*, *жи́то*, *си́то*, *боло́то*, *долото́*, *зо́лото*, *те́сто*, *мони́сто*, *мы́то*, *копы́то*, *коры́то*, *плечо́*. Прочие слова относятся к нулевому типу склонения, например: *кака́о*, *та́нго*, *ба́нджо*, *жабо́*, *ра́дио*, *баро́кко*, *рококо́*, *сабо́*, *трюмо́*, *кино́*, *фортепья́но*, *депо́*, *метро́*, *либре́тто*, *пальто́*, *пала́ццо*, *харчо́*.

Д. Существительные на *и*.

Следующие слова относятся к I субстантивному типу склонения: а) слова на *ки*, *ги*, *хи*, *жи*, *ши*, *чи*, *щи* (кроме слов *маки́*, *су́лки*, *я́нки*, *кроки́*, *ви́ски*, *бу́ки*, *спаги́*, *бу́ги-ву́ги*, *хаджи́*, *виши́*, *жирши́*, *бахши́*), например: *носи́лки*, *де́ньги*, *духи́*, *дро́жжи*, *щи*; б) слова на согласную (или ь)+безударное *ли* или *ни* (кроме слов на *лли* и *нни*), например: *гра́бли*, *я́сли*, *ко́зни*, *ро́звальни*; в) слова на гласную+безударное *и*, например: *сатурна́лии*, *обо́и*; г) слова: *о́труби*, *че́рви*, *лю́ди*[99], *гря́зи*, *та́ли*, *бе́ли*, *роди́тели*, *те́фтели*, *каче́ли*, *антресо́ли*, *консо́ли*, *ни́кули*, *пачу́ли*, *са́ни*, *зе́лени*, *се́ни*, *ви́ни*, *слю́ни*, *ню́ни*, *ко́пи*, *де́бри*, *ку́дри*, *про́тори*, *па́чеси*, *пе́рси*, *пола́ти*, *де́ти*, *не́ти*, *у́жасти*, *кре́сти*, *по́дмости*. Прочие слова относятся к нулевому типу склонения, например: *а́либи*, *ле́ди*, *хаджи́*, *жалюзи́*, *я́нки*, *ку́ли*, *па́ни*, *пе́нни*, *ке́пи*, *коли́бри*, *жюри́*, *такси́*, *ма́нси*[100], *конфетти́*.

Замечания

Приведенные правила позволяют установить тип склонения любого слова из исходного материала. За пределами этого материала результат такой операции, вообще говоря, может оказаться и ошибочным. В частности, не вполне подчиняются данным правилам имена собственные: для них характерны несколько особые закономерности. К сожалению, эти закономерности связаны с рядом неформальных характеристик слова, а именно: 1) принадлежность слова к определенной группе имен собственных — к числу топонимов, фамилий или личных имен (прочие группы имен собственных мы здесь не рассматриваем); 2) для топонимов — территориальная принадлежность соответствующего географического объекта; 3) для фамилий и личных имен — их происхождение (из того или иного языка), а также пол их носителя. Если допустить, что о любом слове все эти сведения известны, то закономерности распределения имен собственных по типам склонения можно (с некоторыми упрощениями) описать так.

Фамилии и личные имена

1. Русские фамилии на *ов*, *ёв*, *ев*, *ин*, *ын* (мужские) и *ова*, *ёва*, *ева*, *ина*, *ына* (женские) относятся к притяжательному типу склонения, например: *Попо́в*, *Королёв*, *Ники́тин*, *Го́рева*, *Ильина́*, *Пти́цына*. Рус-

[99] В обычном значении; *лю́ди* как название буквы *л* — нулевого типа склонения.

[100] Орф. (в отличие от АО) допускает для этого слова также I субстантивный тип склонения: *ма́нси*, *ма́нсей*.

ские фамилии на *ых*, *их* относятся к нулевому типу склонения, например: *Кручёных*, *Черемных*.

2. Фамилии и личные имена (мужские и женские, любого происхождения) на гласную, кроме *а*, *я*, а также французские фамилии и имена на *á*, *я́* относятся к нулевому типу склонения, например: *Чавчава́дзе*, *Ве́рди*, *Дурново́*, *Шевче́нко*, *Ге́нри*, *Серго́*, *Мэ́ри*, *Беатри́че*; *Дюма́*, *Гамарра́*, *Никола́*[101].

3. Женские фамилии на согласную или *ь* и женские имена на согласную относятся к нулевому типу склонения, например: (Вера) *Засу́лич*, (Сара) *Берна́р*, госпожа *де Сталь*[102]; *Ире́н*, *Лилиа́н*, *Эди́т*. Из женских имен на *ь* библейские имена (наиболее известные из них — *Ага́рь*, *Рахи́ль*, *Ру́фь*, *Сулами́фь*, *Эсфи́рь*, *Юди́фь*), а также *Любо́вь*, *Аде́ль*, *Жизе́ль* относятся ко II субстантивному типу склонения; прочие имена (например, *Люси́ль*, *Нине́ль*, *Сеси́ль*, *Айгю́ль*, *Гюзе́ль*) колеблются между нулевым и II субстантивным типами склонения, причем преобладает нулевой тип (в особенности в разговорной речи).

4. Фамилии и личные имена, не подпадающие ни под один из предшествующих пунктов, подчиняются общим правилам, данным выше. Примеры: *Го́голь*, *Бальза́к*, *Ча́плин*, *Вершигора́*, *Гли́нка*, *Ло́рка*, *Кано́ва*, *Пётр*, *Ян*, *Лука́*, *Мари́я*, *Пе́тя* — I субстантивный тип склонения; *Трубецко́й*, *Хо́мский* — адъективный; *Гу́лиа*, *Ве́куа* — нулевой.

Следует заметить, однако, что общая тенденция к неизменяемости захватывает также часть иностранных фамилий (реже имен) на *а*, *я*; например, фамилии *Бурки́я*, *За́лка*, *Латтуа́да*, *Нкру́ма*, *Оя́ма*, *Стра́да* и т. п. могут колебаться между I субстантивным и нулевым типами склонения, в частности, в газетной практике. (Указания Был. в этом отношении непоследовательны.) Характерно, что фамилии этого типа, впервые попадающие на газетную полосу, чаще трактуются как неизменяемые, чем те, которые уже получили известность.

Топонимы

1. Топонимы СССР, Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии на *ово*, *ёво*, *ево* (с ударением не на последнем слоге) и на *ино*, *ыно* (с ударением не на предпоследнем слоге) относятся по литературной норме к притяжательному типу склонения, например: *Ива́ново*, *Бирюлёво*, *Сара́ево*, *Ченстохо́во*, *Бо́лдино*, *Люблино́*, *Голи́цыно*. Однако в современной разговорной речи топонимы этой группы обнаруживают явную тенденцию к неизменяемости; ср., например: *живет в Ку́нцево* (*под Ку́нцево*), *едет из Люблино́*, *подъезжаем к Люблино́*. Такие обороты широко проникают и в письменную речь, в особенности газетную.

Топонимы той же территории на согласную+*но* относятся к нулевому типу склонения, например: *Гне́зно*, *Гро́дно*, *Кома́рно*, *Ро́вно*[103].

---

[101] Исключение составляют имена *Павло́*, *Петро́* и уменьшительно-ласкательные на *ко́*, например, *Василько́*, *Мишко́*. Фамилии на *нко*, например *Шевче́нко*, вообще говоря, допускают I субстантивный тип склонения (при этом фамилии на *енко* колеблются между средним и женским морф. родами: Р. *Шевче́нка* и *Шевче́нки*; Д. *Шевче́нку* и *Шевче́нке*; В. *Шевче́нко*, *Шевче́нка* и *Шевче́нку*; Т. *Шевче́нком* и *Шевче́нкой*). Однако для современного литературного языка, в соответствии с общей тенденцией к расширению круга неизменяемых слов, нормой здесь явно следует признать (вопреки Был.) нулевой тип склонения. Склонение показанного здесь типа может быть использовано в настоящее время только для стилистических целей (создание украинского или белорусского колорита); в прочих случаях оно воспринимается как устаревшее.

[102] Таким образом, одна и та же фамилия данного типа, например *Засу́лич*, является изменяемой, если она принадлежит мужчине, и неизменяемой, если она принадлежит женщине.

2. Топонимы РСФСР (кроме Дагестанской АССР), БССР, УССР и Молдавской ССР на *и* относятся к I субстантивному типу склонения, например: *Ессентуки́*, *Жигули́*, *Поныри́*, *Тетюши́*, *Бара́новичи*, *Мыти́щи*, *Хи́мки*, *Че́русти*. Исключение составляет ряд топонимов неславянского происхождения, в частности, все на *ярви*, *саари*, *йоки*, *лахти*, например *Су́оярви*, *Импилахти*; наиболее важные из прочих — *Со́чи*, *Са́ки* (в нелитературной речи оба эти топонима изменяемы), *Ай-Пе́три*, *Лабытна́нги*, *Ре́ни*, *Са́льми*, *Ти́кси*, *Уссури́*.

3. Топонимы античного (римско-греческого) мира на гласную, *й*, *к*, *г* или *х*+безударное *и* относятся к I субстантивному типу склонения, например: *Помпе́и*, *Плате́и*, *Ве́йи*, *Фессало́ники* (также современное название этого города — *Сало́ники*). Кроме того, к I субстантивному типу склонения относятся топонимы: *Аппала́чи*, *Гимала́и*, *Пирене́и*; *Гава́и*; *Миссолу́нги*, *Сува́лки*.

4. Топонимы на гласную (кроме топонимов на *а*, *я*, на безударное *ы*, на *ское* и тех, которые подпадают под пункты 1—3) за пределами территории, указанной в пункте 2, относятся к нулевому типу склонения, например: *Кале́*, *Закопа́не*, *Ли́елупе*, *Ра́квере*, *Ахалци́хе*, *Ко́шице*, *Тро́мсё*, *Нагаса́ки*, *Хе́льсинки*, *Сомали́*, *Суху́ми*, *Ке́мери*, *Таи́ти*, *Ко́нго*, *Бордо́*, *Сан-Мари́но*, *Килиманджа́ро*, *Та́рту*, *Бузовны́*, *Мары́*, *Гу́э*, *Кю́сю*. Кроме того, к нулевому типу склонения относятся французские топонимы на *а́*, *я́* (кроме *Юра́*), например *Баккара́*, и финские, карельские и эстонские топонимы на *я*, например *Аутинкюля*, *Вя́ртсиля*, *О́теня*.

5. Топонимы, не подпадающие ни под один из предшествующих пунктов, подчиняются общим правилам, данным выше. Примеры: *Ки́ев*, *Дуна́й*, *Ира́н*, *Марсе́ль*, *Во́лга*, *Анкара́*, *Алма́-Ата́*, *Ни́цца*, *Килия́*, *Шве́ция*, *Боло́нья*, *Городи́ще*, *Запоро́жье*, *Нидерла́нды*, *Туйма́зы́*, *Су́мы*, *Филиппи́ны*, *Афи́ны*, *А́льпы* — I субстантивный тип склонения; *Обь*, *Каза́нь*, *Сиби́рь*, *Ловать*, *Керчь* — II субстантивный; *Го́рький*, *Ве́шенская*, *Вологде* — адъективный [104]; *Пя́льтсамаа*, *Самтре́диа*, *Никара́гуа*, *Во́же*, *Бодайбо́*, *Не́ро*, *Бешта́у*, *Ула́н-Удэ́* — нулевой.

Отметим, что, как и фамилии (см. выше), неславянские топонимы на *а*, *я* иногда могут колебаться между I субстантивным и нулевым типами склонения. Этими колебаниями объясняется, в частности, непоследовательность указаний Был.: так, Был. дает как неизменяемые, например, *Неньяррбя*, *Ри́ла-Планина́*, *Ря́пина*, *Со́ртавала*, *Сье́рра-Нева́да*. Имена нарицательные, не входящие в исходный материал, в подавляющем большинстве случаев точно подчиняются общим правилам о типе склонения. Из возможных отклонений следует указать имена нарицательные иностранного происхождения на *е*, *и*, *о*: все они относятся к нулевому типу склонения (хотя бы это и противоречило общим правилам, данным выше); поэтому часть таких слов, например *ме́дье* (административная единица в Венгрии), *маса́и* (африканское племя), *гри́зли* (серый медведь), *пу́эбло* (индейское селение), с формальной точки зрения, отклоняется от правил.

Количественное распределение имен по типам склонения показано в приводимой ниже таблице. В таблице учтен грамматический разряд слова, а для существительных также морфологический род. Относительно значения шрифтов и скобок см. § 6.2, пункт 4.

---

[103] Был. дает некоторые из таких топонимов как изменяемые, например *Молоде́чно*, *Ду́бровно*; однако эти рекомендации, по-видимому, следует отвергнуть.

[104] Отметим, однако, что *Джанко́й*, *Попо́й*, *Стрый*, *Ли́епая*, *Я́я* — I субстантивного типа склонения.

Таблица распределения имен по типам склонения

Грамматический разряд		Тип склонения								
		I субстантивный	II субстантивный	адъективный	адъективно-возвратный	I местоименный	II местоименный	притяжательный	нулевой	аномальный
Прилагательные	расширенный адъективный разряд	—	—	**но́вый** [16 100]	—	—	—	—	—	—
	простой адъективный разряд	—	—	**ру́сский** [3700]	**выдающийся** [20] ‹де́лающийся›	*во́лчий* [190]	[тот, весь]	**дя́дин** [40] ‹Ко́лин›	**ко́ми** [40]	—
Существительные	муж. морф. род	**заво́д** [13700]	[путь]	порт-но́й [340]	трудя́щийся [7]	свой [6]	—	[ка́бельтов] ‹Попо́в›	—	—
	жен. морф. род	**ка́рта** [11 500]	**тень** [3200]	пряма́я [290]	уча́щаяся [2]	ничья́ [3]	—	‹Попо́ва›	—	—
	сред. морф. род	**чу́вство** [5100]	**и́мя** [15]	ча́ст-ное [220]	[пресмыка́ющееся]	[тре́тье]	—	‹Ма́рфино›	шоссе́ [380]	—
Согласуемо-бесчисловой разряд		—	—	ка́ждый [4]	—	**оди́н** [14]	[все]	—	—	**два** [4]
Несогласуемо-бесчисловой разряд		**три́ста** [18]	**пять** [21]	мно́гое [10]	—	он [9]	кто [10]	—	—	сто [4]
Всего (округленно)		30 300	3200	20 700	30	220	13	40	420	8
То же (в %) *		55	6	38	—	0,4	—	—	0,8	—

* К общему количеству именных парадигм. Вместо величин, меньших, чем 0,1%, дан прочерк.

Комментарии

§ 6.29. Различительный признак «тип склонения» заменяет собой сразу несколько разных делений, встречающихся в существующих описаниях, в частности, деление существительных на изменяемые и неизменяемые, на собственно существительные и так называемые субстантивированные прилагательные, деление собственно существительных на традиционные I, II и III склонения, деление прилагательных на обычный и притяжательный типы. Это можно видеть из таблицы в § 6.28.

Следует особо остановиться на вопросе о традиционных I, II и III склонениях. Для традиционной системы из трех склонений характерно объединение типов *заво́д* и *чу́вство* (см. таблицу в § 6.28) в одно склонение и противопоставление их вместе типу *ка́рта* (сама нумерация склонений в разных работах различна). В качестве обоснования обычно указывают, что типы *заво́д* и *чу́вство* различаются лишь в немногих формах; при этом мн. число часто вообще не учитывается — на том основании, что почти любое окончание мн. числа может встретиться у слова любого рода. Рассмотрим несколько подробнее вопрос о степени различия между тремя морф. родами в пределах I субстантивного склонения (типы *заво́д*, *чу́вство*, *ка́рта*). За меру различия между двумя морф. родами естественно принять число грамматических форм, в которых типичные (т. е. самые распространенные) окончания этих морф. родов не совпадают. Если ограничиться шестью «основными» падежами ед. числа, меры различия оказываются такими:

муж./жен. — 5 (И. ед., Р. ед., Д. ед., В. ед., Т. ед.)
сред./жен. — 5 (те же формы)
муж./сред. — 2 (И. ед., В. ед.).

Таким образом, даже при этом, наиболее «выгодном» для традиционного деления, подсчете последнее различие оказывается вполне сопоставимым с первыми двумя. Однако исключение мн. числа нельзя считать оправданным. В русском языке действительно можно найти такие ряды словоформ, как, например: И. мн. — *ко́ни, ви́шни, коле́ни*; *дома́, места́*; *сту́лья, пе́рья*; Р. мн. — *столо́в, облако́в*; *корне́й, ноздре́й, море́й*; *солда́т, стен, мест*. Тем не менее, несмотря на кажущуюся убедительность таких примеров, отсюда еще не следует, что различия морф. родов во мн. числе в современном языке уже стерты. Дело в том, что в подобных рядах смешаны явления типичные и редкие. В доказательство приведем следующие статистические данные (по принятому в книге исходному материалу): 1) 97,3% существительных мужского морф. рода I субстантивного склонения имеют в И. мн. условное окончание *-ы*, а Р. мн. условное окончание *-ов* или (при условной основе на ' или шипящую) *-ej*; 2) 98,9% существительных женского морф. рода I субстантивного склонения имеют

в И. мн. условное окончание *-ы*, а в Р. мн. нулевое условное окончание; 3) 96,4% существительных среднего морф. рода имеют в И. мн. условное окончание *-а*, а в Р. мн. нулевое условное окончание. Эти данные ясно показывают, что морфологическая связь между формами ед. и мн. чисел все еще вполне устойчива [105]. Таким образом, при оценке меры различия между морф. родами следует учитывать также формы И. мн. и Р. мн.; от этого контраст между мерами различия заметно сглаживается [106]:

муж./жен. — 6 (то же, что выше, +Р. мн.)
сред./жен. — 6 (то же, что выше, +И. мн.)
муж./сред. — 4 (И. ед., В. ед., И. мн., Р. мн.).

Из приведенных фактов следует, что выделение традиционных трех склонений лишено для современного языка единого логического основания; оно является в конечном счете пережитком деления имен по основообразующим элементам (**-o-*, **-ā-*, **-i-*), оправданным только для общеиндоевропейского. Последовательность требует, чтобы слова, относимые к традиционным I и II склонениям (типы *заво́д*, *чу́вство*, *ка́рта*) либо были разбиты на три склонения (по морф. родам) [107], либо считались единым («главным субстантивным») склонением, противопоставленным второстепенному субстантивному склонению (тип *тень*) [108]; разделение типов *заво́д*, *чу́вство*, *ка́рта* именно на два склонения оказывается недостаточным, если признак «морфологический род» не используется, и излишним, если он используется. Из двух указанных решений в настоящей работе принято второе, поскольку

---

[105] Мы согласны, таким образом, в этом вопросе с А. В. Исаченко (А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1954, стр. 150) и не согласны, в частности, с В. Н. Сидоровым (Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945, стр. 112), считающим, что окончания мн. числа «почти не связаны с теми, которыми определяется деление существительных в ед. числе». Относительно морфологических связей между разными числами одного существительного см. также: R. Jakobson. The relationship between genitive and plural in the declension of Russian nouns. «Scando-slavica», v. III, 1957.

[106] Если принять в расчет наличие у части слов мужского морф. рода особых словоформ для $Р_2$ед. и $П_2$ед., этот контраст сгладится еще сильнее: муж./жен. — 8, сред./жен. — 7, муж./сред. — 6. Здесь, однако, может быть выдвинуто возражение о том, что количественно преобладают существительные мужского морф. рода, у которых $Р_2$=Р. и $П_2$=П.

[107] Такова классификация С. О. Карцевского, выделяющего следующие типы склонения: 1) *похвала́*, *громи́ла*, 2) *торжество́*, 3) *топо́р*, *фона́рь*, 4) *тень* (S. Karcevski. Sur la structure du substantif russe. «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario. . . oblata». Prague, 1932, стр. 65—73).

[108] Такова классификация В. А. Богородицкого (В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М., 1935, стр. 117). По существу такова же классификация Р. О. Якобсона (Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением. Состав русских падежных форм. «American contributions to the IV-th International congress of slavicists». 's-Gravenhage, 1958): слова *ночь*, *ло́шадь*, а также *пять*, *де́сять* отнесены здесь к «побочной парадигме женского типа» (стр. 13).

нет смысла дублировать словом «склонение» уже введенный ранее признак «морфологический род». Кроме того, при этом решении в систему без всяких дополнительных усилий укладываются изолированно стоящие слова на *мя* и слово *путь* (см. таблицу в § 6. 28).

Различительный признак «нестандартные условные окончания»

§ 6. 30. Как явствует из § 6. 27, каждому типу склонения, кроме аномального, соответствует свой класс стандартных эталонных наборов. В тех случаях, когда такой класс содержит более одного набора, при описании данного класса (§ 6. 27) для этих наборов указано правило распределения. Это правило может опираться на следующие сведения о парадигме, относящейся к рассматриваемому типу склонения: 1) грамматический разряд; 2) последняя буква условной основы (у словоформы, соответствующей той клетке рабочего эталона, где между стандартными наборами данного класса имеются различия); 3) условное ударение словоформы, соответствующей такой клетке.

Пусть имеется некоторая парадигма *A* (не аномального типа склонения), а в ней некоторая первичная словоформа *F*. Возьмем обобщенную запись стандартных наборов класса, одноименного с типом склонения парадигмы *A*. Найдем в этой записи клетку, соответствующую словоформе *F*. Эта клетка содержит либо одно условное окончание [109], либо несколько условных окончаний, относящихся соответственно к разным стандартным наборам данного класса. Возьмем в первом случае единственное стоящее в клетке условное окончание, во втором — условное окончание того набора, которого требует, в соответствии с правилом распределения наборов данного класса, парадигма *A* или словоформа *F*. Назовем взятое условное окончание с т а н д а р т н ы м для словоформы *F*, а всякое другое условное окончание — н е с т а н д а р т н ы м для нее.

Таким образом, всякая первичная словоформа парадигмы не аномального типа склонения имеет либо стандартное для себя, либо нестандартное для себя условное окончание. Про всякую первичную словоформу парадигмы аномального типа склонения условимся считать, что она имеет нестандартное для себя условное окончание. (В дальнейшем мы будем опускать в таких формулировках уточнение «для себя».) Примеры: словоформы *столы́*, *столо́в*, *вёдра*, *вёдер*, *сте́пью*, *се́рую*, *его́*, *на́ми* имеют стандартные условные окончания; словоформы *дома́*, *воло́с*, *я́блоки*, *облако́в*, *ты́сячью*, *её*, *нас*, *двух*, *двумя́* имеют нестандартные условные окон-

---

[109] Как одно условное окончание рассматривается также запись *-oj* (*-ojy*) или *-ej* (*-ejy*), отражающая наличие вариантов у самого условного окончания.

чания. Заметим, что словоформа парадигмы *A* может иметь нестандартное условное окончание даже и в том случае, если собственный набор условных окончаний парадигмы *A* совместим с некоторым стандартным эталонным набором. Так, например, словоформа Р. мн. *тётей* имеет нестандартное условное окончание *-ej* (для парадигмы женского морф. рода I субстантивного склонения это условное окончание может быть стандартным, только если на него падает условное ударение).

Ниже приводятся все нестандартные условные окончания, встречающиеся в русских именных парадигмах, с указанием эталонных грамматических значений тех словоформ, где они выступают. Одинаковые нестандартные условные окончания, выступающие в разных падежах или в разных числах, занумерованы разными номерами. Два разных нестандартных условных окончания, выступающих в одном и том же падеже и числе, но в разных морф. родах, могут быть занумерованы одним номером, если у них сходен характер отклонения от стандарта. Для каждого нестандартного условного окончания указывается, в каких парадигмах оно представлено. В таких указаниях могут быть использованы следующие сведения о парадигме: 1) действительный вид исходной словоформы; 2) тип склонения; 3) морфологический класс; 4) согласовательный класс (только для существительных на *ище*).

Нестандартные условные окончания, представленные в именных парадигмах

В парадигмах неаномальных типов склонения встречаются следующие нестандартные условные окончания [110].

I и II субстантивные типы склонения [111]

А. Наиболее распространенные нестандартные условные окончания

1. Условное окончание И. мн., заимствованное из другого морфологического рода: в муж. и жен. морф. родах *-а* (вместо стандартного *-ы*), в сред. морф. роде *-ы* (вместо стандартного *-а*).

Нестандартное условное окончание И. мн. *-а* представлено в следующих словах мужского морфологического рода:

1) во всех словах, имеющих в условной основе чередование *Ø/*j* (см. § 6.32, чередование № 12), например: *стул, друг, шу́рин* — И. мн. *сту́лья, друзья́, шурья́*;

2) во всех словах, имеющих в условной основе чередование *он*к/ат* или **к/'ат* (см. § 6.32, чередования № 14 и 15), например: *гусёнок, волчо́нок, чертёнок* — И. мн. *гуся́та, волча́та, чертеня́та*;

---

[110] Разделение нестандартных условных окончаний на группы, а также описательные характеристики отдельных условных окончаний (например, «заимствованное из другого морфологического рода» и т. п.) даны только для наглядности и с формальной точки зрения значения не имеют.

[111] Нестандартное условное окончание № 7 представлено, помимо слов I субстантивного склонения, также в слове I местоименного склонения *сей*.

3) в словах *господи́н* и *хозя́ин* — И. мн. *господа́*, *хозя́ева*;

4) в следующих словах с односложной основой (все они неодушевленные и относятся к схеме ударения *c*):

хлеб (злаки)
хлев
снег
брег (устар.)
лог
рог
стог
луг
год (//)
ход (расстояние между осями)
глаз
воз (разг.)
край
век
шёлк
бок
ток (птичий)
дом
том
корм
тон (цвет)
тон (звук) (//)
тес (в професс. речи)
лес
цвет
счёт (кроме перен. знач.)
борт
сорт
мех (животных)
цех (//)
верх (обуви, шапки, экипажа)

5) в следующих словах, имеющих неодносложную основу с начальным ударением (все они относятся к схеме ударения *c*):

по́греб
я́стреб (//)
жёлоб
ко́лоб
ко́роб
о́труб
при́став
те́терев
ку́зов
жёрнов
бо́ров (часть дымохода)
о́стров
бе́рег
о́круг
же́мчуг
по́езд
не́вод
о́вод (//)
про́вод
хо́лод
го́род
сто́рож
о́браз (икона)
по́дрез
то́рмоз (в прямом знач.)
о́корок
про́пуск (документ)
о́тпуск
пе́репел
про́мысел (разг.)
ве́ртел
ко́локол
шо́мпол
ку́пол
те́рем
за́кром
шту́рман (//)
ми́чман (у моряков)
о́рден (знак отличия)
дья́кон
че́реп
о́ткуп
по́вар
кле́вер
ки́вер
кли́вер
флю́гер
о́рдер (документ)
ве́ер
ле́ер
кли́нкер
бу́нкер
ю́нкер (воен.)
шу́лер
но́мер
ну́мер (устар.)
шки́пер (//)
кли́пер
кре́йсер (//)
ка́тер
ве́тер (разг.)
по́йнтер
ма́стер
се́ттер (в професс. речи)
ску́тер
ва́хтер (старший сторож)
бу́ер
ша́фер
бу́фер
шту́цер
ве́чер
ку́чер
фе́льдшер
до́говор (разг. вариант к *догово́р*)
те́нор
тра́ктор (//)
се́ктор (//)
до́ктор
ху́тор
то́рбас
а́дрес
ту́ес
го́лос
при́мус (разг.)
ко́рпус (здание; воен.)
па́рус
по́яс
па́спорт
о́мут (//)
ле́мех (// *леме́х*)
во́рох (//)
по́рох
по́трох
та́бель (жетон) (//)
шта́бель
дю́бель
фли́гель
кре́ндель (зигзаг)
пу́дель (//)
ве́нзель
ше́нкель
ви́нкель
ста́пель
ште́мпель
ни́ппель
ду́пель
ве́ксель
ште́псель
ки́тель
со́боль (мех)
то́поль
пе́карь (//)
то́карь (//)
сле́сарь (//)
пи́сарь
ла́герь (в прямом знач.)
е́герь
я́корь[112]

6) в следующих словах, имеющих неодносложную основу со срединным ударением (все они относятся к схеме ударения *c*): *дире́ктор*, *инспе́ктор*, *инстру́ктор* (//), *конду́ктор* (человек), *корре́ктор*, *проже́ктор* (//), *профе́ссор*, *реда́ктор* (разг.), *учи́тель* (преподаватель); также *полуо́стров*;

---

[112] Отметим, что среди перечисленных слов нет оканчивающихся на *й* или *ц* и только одно (*сто́рож*) оканчивается на шипящую. Только два слова (*ве́тер* и *про́мысел*) содержат беглую гласную.

7) в следующих словах, имеющих неодносложную основу с конечным ударением: схема ударения *b* — *лемéх* (вариант к *лéмех*), *обшлáг*, *рукáв*, *сокóл* (стенобитное орудие; вариант к *сóкол*), *сокóл* (птица; устар. вариант к *сóкол*); схема ударения *c* — *кокúль*, *перёд*, *постáв*;

8) в следующих pluralia tantum: схема ударения *a*: *корéнья*, *лохмóтья*, *объéдья*, *стрýчья*, *хлóпья*; схема ударения *b* — *бегá*, *лесá*, *потрохá*, *торокá*.

З а м е ч а н и я

Приведенные списки точно отражают нормативные указания АО и Орф. В действительности, однако, в современном языке границы распространения окончаний *-а*, *-я* в И. мн. муж. морф. рода не столь определенны, причем более всего это относится к пунктам 4—6. Рассмотрим вначале слова, приведенные в пунктах 5 и 6. Эти слова можно разделить на ряд групп, которые в разной степени способны «притягивать» новые слова.

Прежде всего, выделяется группа слов, у которых основы всех словоформ[113] содержат так называемые «полногласное сочетание» *оро*, *оло*[114], *ере* или *еле*: *бéрег*, *бóров* (часть дымохода), *вóрох*, *гóлос*, *гóрод*, *жёлоб*, *кóлоб*, *кóлокол*, *кóроб*, *óкорок*, *пéрепел*, *пóрох*, *стóрож*, *тéрем*, *тéтерев*, *хóлод*, *чéреп*. Уш. допускает И. мн. на *-á* также от слов *вóлос*, *вóрот* (одежды), *пóлог* (словоформа *волосá* признается при этом разговорной); для заимствованного слова *прóлог* (церковная книга) Уш. дает И. мн. только на *-á*; А. А. Шахматов[115] признает И. мн. на *-á* у слова *шéлеп*; АО для всех этих слов допускает только И. мн. на *-ы*. Сюда же относится нелитературная парадигма с И. ед. *пéред* (вместо литературного *перёд*). Перечисленные слова составляют большинство среди тех бесприставочных начальноударных слов мужского морфологического рода с полногласными сочетаниями, которые реально употребляются во мн. числе. Укажем другие способы образования мн. числа от таких слов. Слова *кóлос* и *пóлоз* (саней) образуют И. мн. на *-ья* (*колóсья*, *полóзья*), который и в ряде других случаев выступает как своего рода замена И. мя. на *-á*; ср. также просторечное *волóсья*. Слова *вóлос* и *бóров* (кабан) образуют И. мн. на *-ы* при схеме ударения *e*. Устойчивое и достаточно употребительное стандартное мн. число с ударением по схеме *a* имеет лишь совсем небольшая группа слов: *вóрон*, *вóрот* (механизм), *мóлот*, *шóрох*; из более редких слов таковы *вóлок*, *вóрог*, *пóлоз* (змея); по данным словарей, сюда же следует отнести областные слова *вéред*, *жéрех*, *пóроз* (*пóрос*). Все прочие слова указанного строения (а именно: *вéреск*, *гóлод*, *мóрок*, *нéрест*, *нóров*, *сóлод*, *твóрог*, *хвóрост*, *шéлест*, *щёлок*, а также поздние заимствования *пéленг*, *хéрес*) неупотребительны во мн. числе. Таким образом, для слов указанного строения И. мн. на *-á* (и схема ударения *c*) представляет собой более естественный словоизменительный образец, чем стандартный И. мн. на -ы (и схема ударения *a*). Отсюда вероятность окказионального образования мн. числа по этому образцу от таких слов, как, например, *гóлод*, *нéрест*.

Далее выделяется группа слов с ударной приставкой: *дóговор* (разг. вариант к *договóр*), *зáкром*, *óткуп*, *óтпуск*, *óтруб*, *пóгреб*, *пóдрез*, *пóезд*, *прúстав*, *прóвод*, *прóмысел*, *прóпуск* (документ); сюда же *óбраз* (икона), *óкруг*. Орф. и АГ дают также И. мн. *поводá* от *пóвод* (в упряжи); АО дает только *повóдья*. Нелитературными признаются встречающиеся в разговор-

---

113 Указание относительно основ всех словоформ нужно для того, чтобы отделить от слов рассматриваемого строения слова с беглой гласной типа *пéрец*, *взгóрок*.

114 После шипящих при начальном ударении обычно *ёло* (*жёлоб*, *щёлок*), без ударения *ело* (*желобá*).

115 См.: «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи)». М., 1952, стр. 162.

ной речи словоформы И. мн. на -*á* от слов *вóзраст*, *вы́говор*, *при́говор* (разг. вариант к *пригово́р*), а также профессионализмы типа *прииска́*, *привода́*, *выхода́*; ср. также просторечное *выбора́*. «Притягательная сила» данной группы слов относительно невелика.

Среди прочих слов важнейшей является группа, состоящая из слов с двусложной исходной словоформой, оканчивающейся на небеглое *е*, *о* или *а* + *р*, *рь*, *л* или *ль* (с начальным ударением), и слов с трехсложной исходной словоформой, оканчивающейся на *ктор* или *ссор* (со срединным ударением); сюда же относятся слова *вéтер* (с беглым *е*) и *учи́тель*[116]. Положение со словами указанного строения можно представить так. В условиях, когда носитель языка не чувствует себя обязанным говорить «литературно», т. е. в обиходной разговорной речи и в особенности в профессиональной речи, всякое такое слово тяготеет к словоизменительному образцу с И. мн. на -*á*, -*я́* и схемой ударения *с*. Этой тенденции разговорной и профессиональной речи противостоит консервативная тенденция литературной речи, требующая стандартного склонения (И. мн. на -*ы*, -*и* и схема ударения *а*). В связи с этим возникает множество колебаний (см., в частности, АГ, § 219), причем вариант с И. мн. на -*á*, -*я́* приобретает разговорную или профессиональную окраску, а вариант с И. мн. на -*ы*, -*и* — литературно-книжную окраску. С другой стороны, происходит естественное расслоение слов данного типа на группы в зависимости от сферы употребления. Во-первых, имеется значительная группа слов «книжного» характера, например: *сáрвар*, *мéнтор*, *цéрбер*, *я́щер*, *ры́царь*, *крáтер*, *фáктор*, *жýпел*, *плéвел*, *си́мвол*; сюда же относятся названия лиц и предметов из жизни других стран или других эпох, например: *бю́ргер*, *гáнгстер*, *кáнцлер*, *квáкер*, *ли́дер*, *ли́ктор*, *пáстор*, *прéтор*, *ри́тор*, *спи́кер*, *фéрмер*, *кéсарь*, *дóллар*, *крéйцер*, *тáлер*, *бýшель*. Эти слова в разговорной речи не встречаются или встречаются лишь крайне редко, в качестве «инородных тел»; поэтому они не попадают в сферу действия описанной разговорной тенденции и сохраняют стандартное склонение. Другую группу составляют общеупотребительные слова указанного строения, т. е. слова, достаточно часто встречающиеся как в разговорной (или профессиональной), так и в литературной речи. Это в основном названия конкретных предметов, например: *вéер*, *кáтер*, *крéйсер*, *óрдер* (документ), *прожéктор*, *трáктор*, *флю́гер*, *хýтор*, *лáгерь*, *я́корь*, *вéртел*, *кýпол*, *шóмпол*, *вéксель*, *ки́тель*, *тóполь*, *фли́гель*, *штéмпель*, *штéпсель*; названия людей (главным образом по профессии), например: *дирéктор*, *дóктор*, *инспéктор*, *кондýктор*, *кýчер*, *мáстер*, *пóвар*, *профéссор*, *редáктор*, *тéнор* (певец), *фéльдшер*, *шóфер*, *шки́пер*, *шýлер*, *éгерь*, *пéкарь*, *пи́сарь*, *слéсарь*, *тóкарь*, *учи́тель*; из слов с иным значением отметим *вéтер*, *вéчер*, *нóмер*, *сéктор*. В разговорной речи практически все слова этой группы склоняются (или хотя бы могут склоняться) по образцу с И. мн. на -*á*, -*я́*[117]. В большинстве случаев (в частности, во всех приведенных примерах) этот образец склонения признан также в качестве литературной нормы (часто наряду со стандартным склонением). У слов с двумя вариантами литературной нормы вариант с И. мн. на -*ы*, -*и* (например, *крéйсеры*, *трáкторы*, *тóкари*, *слéсари*, *шки́перы*) обычно характерен для речи людей, непосредственно не связанных с соответствующим предметом или профессией. В меньшинстве случаев противопоставляются литературный И. мн. на -*ы*, -*и* и нелитературный на -*á*, -*я́*; таковы, например, слова *констру́ктор*, *лéктор*, *рéктор*, *спи́й-*

[116] Нелитературные словоформы И. мн. на -*á*, -*я́*, встречаются также у слов *бухгáлтер*, *ефрéйтор*, *дря́гиль*, *прóфиль*, *ци́ркуль*, строение которых лишь сходно с описанным здесь.

[117] Исключение составляют лишь немногие слова, в частности: *áнгел*, *бýйвол*, *дья́вол*, *и́дол*, *мáршал*, *фáкел* (слова на *л* вообще меньше тяготеют к образцу с И. мн. на -*á*); *жи́тель*, *зри́тель*, *мсти́тель* (с суффиксом -*тель*), *щёголь*; *пáхарь*, *сýдарь*, *ýхарь*; *гóвор*, *сгóвор*, *тáбор*.

пер, *шпицель*; ср. также литературное *шофёры* и нелитературное *шофера́* (которому соответствует ед. число *шо́фер*). Впрочем, некоторые из нормативных указаний АО, по-видимому, несколько отстают от современного состояния языка; так, словоформы *грифеля́*, *вымпела́*, *джемпера́*, *рупора́*, *свитера́*, не признаваемые АО, практически представлены очень широко и едва ли должны считаться нелитературными. Часто словоформы И. мн. на *-а́*, *-я́* имеют более явную разговорную (или даже просторечную) окраску, чем словоформы косвенных падежей мн. числа с флексионным ударением; ср., например, *ветра́*, *госпиталя́*, *кренделя́* (в прямом значении), *лекаря́* (разговорная окраска) и *ветро́в*, *госпитале́й*, *кренделе́й*, *лекаре́й* (нейтральная окраска). В связи с этим для нескольких слов рассматриваемого строения АО дает в качестве нормы И. мн. на *-ы*, *-и*, но при этом схему ударения *e*[118]; таковы слова *кре́ндель* (в прямом значении), *ле́карь*, *со́боль* (животное), *трю́фель*, *фу́хтель*, а также слово с трехсложной основой *го́спиталь*. Сюда же мы считаем необходимым отнести слово *ве́тер* (см. § 4. 2). Третью, весьма многочисленную группу слов рассматриваемого строения составляют слова, встречающиеся только в профессиональной речи (главным образом, названия механизмов и их частей или иных конкретных предметов), например: *а́нкер*, *кли́нкер*, *кли́пер*, *колле́ктор*, *компре́ссор*, *ле́ер*, *реду́ктор*, *скре́пер*, *скру́ббер*, *стри́нгер*, *те́ндер*, *шту́цер*, *бу́гель*, *ви́нкель*, *ди́зель*, *дю́бель*, *ни́ппель*, *ру́мпель*, *ста́пель*, *тре́нзель*, *ше́нкель*. Насколько можно судить по имеющимся неполным материалам, а также по непосредственным наблюдениям, в профессиональной речи господствующим образцом склонения для таких слов является образец с И. мн. на *-а́*, *-я́*. Вопрос о том, существует ли вообще для склонения таких слов литературная норма и если да, то должна ли она совпадать с практикой профессиональной речи, не вполне ясен. Нормативные указания АО и Орф. в отношении таких слов непоследовательны. В самом деле, если считать, что литературная норма совпадает здесь с практикой профессиональной речи (что представляется более естественным), то следовало бы признать И. мн. на *-а́*, *-я́* у большого числа слов, для которых АО и Орф. допускают только стандартное склонение (например: *скру́ббер*, *стри́нгер*, *бу́гель*, *ди́зель*, *тре́нзель*). Если же считать литературной нормой для таких слов стандартное склонение (независимо от практики профессиональной речи), то неоправданным окажется «выборочное» признание И. мн. на *-а́*, *-я́*, например, у слов *кли́нкер*, *кли́пер*, *шту́цер*, *ви́нкель*, *дю́бель*, *ше́нкель* и т. п. По-видимому, для решения этих вопросов необходимы более широкие наблюдения над современной профессиональной речью (устной и письменной). Вопрос о способе образования мн. числа, естественно, неактуален для singularia tantum (независимо от сферы их употребления), например: *го́нор*, *кле́йстер*, *му́сор*, *са́хар*, *се́вер*, *фо́сфор*, *ю́мор*, *ка́фель*, *ни́кель*, *я́гель*. Если, однако, по какой-либо причине мн. число от такого слова начинает употребляться, оно подчиняется описанным выше закономерностям. Так, слово *са́хар* образует в языке химиков И. мн. *сахара́* (приведено в Был.); ср. также арготизм *мусора́*.

Особую маленькую группу составляют слова с двусложной начальноударной основой, оканчивающейся на *н*: *дья́кон*, *о́рден* (знак отличия), у моряков также *ми́чман*, *шту́рман*. Помимо двух последних слов в профессиональной речи моряков И. мн. на *-а́*, могут образовывать также слова *бо́цман*, *ло́цман*, *фла́гман*. Профессиональными являются также словоформы И. мн. на *-а́* от слов *кла́пан*, *ла́цкан*, *ту́рман*.

Еще одну особую группу составляют слова с двусложной начальноударной основой, оканчивающейся на *с*: *ко́рпус*, *при́мус*, *па́рус*; *а́дрес*,

---

[118] Заметим, что тем самым схема ударения *e*, одна из самых архаических в русском склонении, оказывается открытой для пополнения новыми словами.

пóяс, *тóрбас*, *тýес*; сюда же примыкает слово *тóрмоз*. В этой группе заметной «притягательной силой» обладают слова на *ус* (*юс*): в профессиональной и разговорной речи И. мн. на *-á* часто образуют также слова *кóнус* (деталь), *мúнус*, *плúнтус* и в особенности *пóлюс*.

После выделения всех перечисленных групп остается лишь весьма незначительный «остаток»: а) три слова на *ов* — *жёрнов*, *кýзов*, *óстров* (ср. *óбров*, *прúстав*); б) *жéмчуг*, *лéмех*, *нéвод*, *óвод*, *óмут*, *пáспорт*, *пóтрох*, *ястреб*. В профессиональной речи И. мн. на *-á* могут образовывать также слова *дúскант*, *рáпорт*, в просторечии — также слово *мéсяц*.

Рассмотрим теперь слова, приведенные в пункте 4, т. е. слова с односложной основой. Привлекает внимание то, что среди них нет оканчивающихся на шипящую или *ь*; однако, в отличие от слов с неодносложной основой, выделить отдельные продуктивные типы здесь довольно трудно. Эта группа слов несомненно обладает определенной «притягательной силой»: в нелитературной речи И. мн. на *-á* встречается, в частности, у слов *взвод*, *рост*, *торт*, *трос*, *шторм* (литературная норма — схема *a*), *гроб*, *плуг*, *раз*, *род* (норма — схема *c* с И. мн. на *-ы́*, *-и́*), *гром*, *лом*, *порт*, *слог*, *флот*, *фронт* (норма — схема *e*). Для слова *ток* (гумно) АО дает схему *e*, а Орф. — схему *c* с И. мн. *токá*. По-видимому, в расширении круга односложных слов с И. мн. на *-á* значительную роль играет прямое созвучие с конкретными словами, уже склоняющимися по этому образцу. Так, почти все приведенные примеры можно объяснить такого рода аналогиями: ср. *слогá* и *рогá*, *логá*, *стогá*; *портá*, *тортá* и *бортá*, *сортá*; *громá*, *ломá* и *домá*, *томá*; *взводá*, *родá* и *годá*, *ходá*; *тросá* и *лесá*. В отношении слов *лом*, *порт*, *ток* (гумно), *флот*, *фронт* следует заметить, что признаваемая для них литературной нормой схема *e*, по-видимому, носит такой же «компромиссный» характер (между схемой *a* и схемой *c* с И. мн. на *-á*), как и у слов *гóспиталь*, *крéндель*, *лéкарь*, *сóболь*, *трюфель*, *фýхтель* (см. выше).

Все слова, приведенные в пункте 7 (т. е. слова с неодносложной конечноударной основой) носят характер редких исключений. При этом у слов *лемéх*, *сокóл*$_{1-2}$, *перёд* И. мн. на *-á* фактически заимствован из другого варианта парадигмы, где в ед. числе выступает начальноударная основа (*лéмех*, *сóкол*, *пéред*). По-видимому, однако, интенсивное расширение круга слов с И. мн. на *-á*, *-я́* в разговорной и профессиональной речи постепенно приводит к тому, что в этот круг втягиваются и слова с конечноударной основой. Отсюда, например, такие просторечные словоформы, как *инженерá*, *офицерá*; ср. также отмеченное в АГ профессиональное *пароходá*.

Нестандартное условное окончание И. мн. *-ы* представлено в следующих словах с р е д н е г о морфологического рода:

1) в словах с исходной словоформой на *ко*, кроме слов *вóйско*, *óблако*, *óблачко* (т. е. кроме слов схемы ударения *c*), например: *я́блоко*, *ли́чико*, *пёрышко*, *доми́шко*, *очкó* — И. мн. *я́блоки*, *ли́чики*, *пёрышки*, *доми́шки*, *очки́*; кроме того, в слове *брю́хо* — И. мн. *брю́хи*;

2) в словах *колéно* (сустав), *плечó*, *ýхо* [119] — И. мн. *колéни*, *плéчи*, *ýши*;

3) в слове *дитя́* — И. мн. *дéти*;

4) в словах *мазлó*, *треплó* (муж. род) — И. мн. *мазлы́*, *треплы́*;

5) параллельно со стандартным условным окончанием *-а* — во всех словах с исходной словоформой на *ище*, принадлежащих к мужскому роду (= к согласовательному классу 1 или 2), например: *доми́ще* — И. мн. *доми́ща* и *доми́щи*; *хвости́ще* — И. мн. *хвости́ща* и *хвости́щи*; *волчи́ще* — И. мн. *волчи́ща* и *волчи́щи* [120].

---

[119] К этой же группе примыкает слово *óко* (И. мн. *óчи*), которое с формальной точки зрения подпадает под действие предыдущего подпункта.

[120] Все эти слова представляют собой производные с увеличительным значением от слов мужского рода; однотипные или даже омонимичные им

Нестандартное условное окончание И. мн. *-а* представлено в следующих словах женского морфологического рода: *гроздь* (вариант с И. мн. *грóздья*) и *дя́дя* (как термин родства) (вариант с И. мн. *дядья́*)[121].

2. Особое условное окончание И. мн.: *-е*. Это нестандартное условное окончание представлено (вместо стандартного *-ы*) в следующих словах мужского морфологического рода (все они одушевленные и обозначают людей):

1) во всех словах с исходной словоформой на *анин* или *янин*, имеющих в условной основе чередование *ин/Ø* (см. § 6.32, чередование № 6), например: *крестья́нин, молдава́нин, армяни́н* — И. мн. *крестья́не, молдава́не, армя́не*;

2) в словах *ба́рин* (вариант с И. мн. *ба́ре*) и *боя́рин* — И. мн. *боя́ре*;

3) в слове *цыга́н* — И. мн. *цыга́не*.

3. Условное окончание Р. мн., заимствованное из другого рода: в муж. роде Ø- (вместо стандартного *-ов*), в жен. и среднем родах *-ов* (вместо стандартного *-Ø*).

Нестандартное условное окончание Р. мн. *-Ø* представлено в следующих словах мужского морфологического рода:

1) в следующих словах, имеющих в условной основе чередование *Ø/*j*: *де́верь, друг, князь, муж* (супруг; мн. *мужья́*), *сын* (в прямом знач.; мн. *сыновья́*) — Р. мн. *деверéй, друзéй, князéй, мужéй, сыновéй*; *собра́т* (вариант с Р. мн. *собра́тий*);

2) во всех словах, имеющих в условной основе чередование *он*к/ат* или **к/'ат* (см. § 6.32, чередования № 14 и 15), например: *гусёнок, волчóнок, чертёнок* — Р. мн. *routя́т, волча́т, чертеня́т*;

3) во всех словах, имеющих в И. мн. нестандартное условное окончание *-е* (см. выше), например: *крестья́нин, боя́рин, цыга́н* — Р. мн. *крестья́н, боя́р, цыга́н*;

4) в словах: *болга́рин, тата́рин, хоза́рин, ба́рин* (вариант с И. мн. *ба́ры*), *господи́н, хозя́ин* (т. е. во всех словах с чередованием *ин/Ø*, не вошедших в предшествующий подпункт — Р. мн. *болга́р, тата́р, хоза́р, бар, господ́, хозя́ев*;

5) в словах а) *абази́н, грузи́н, имерети́н, кюри́н, лезги́н, осети́н, румы́н, сараци́н*; *балка́р, башки́р, буря́т, ту́рок, тю́рок* (см. § 4.2); б) *партиза́н, солда́т, человéк* (вариант с основой мн. ч. *человек*) в) *гардемари́н, гренадéр, гуса́р, драгу́н, кадéт, кираси́р, ула́н, янычáр* (у всех слов рубрики *в* нестандартное условное окончание Р. мн. выступает только при собирательном значении; когда речь идет об отдельных людях, выступает стандартное условное окончание *-ов*; ср. пояснения АО при этих словах);

6) в словах а) *алты́н, арши́н, гран*; *ампéр, ватт, гектова́тт, килова́тт, вольт, грамм* (//), *килогра́мм* (//); б) *боти́нок, ва́ленок, мокаси́н, погóн, сапóг, сапожóк* (вариант с мн. *сапóжки*), *чулóк*; в) *вóлос, глаз, глазóк* (вариант с мн. *гла́зки*), *зубóк* (вариант с мн. *зу́бки*), *рожóк* (вариант с мн. *рóжки*)[122]; г) *раз*.

производные с другими значениями принадлежат к среднему роду: ср. *топори́ще* 'большой топор' (муж. род) — *топори́ще* 'рукоятка топора' (сред. род), *городи́ще* 'большой город' (муж. род) — *городи́ще* 'место, где стоял город' (сред. род). Заметим, что с фонетической точки зрения в большинстве типов современного произношения различия между словоформами на *ищи* и на *ища* нет, т. е. вопрос оказывается по существу орфографическим.

[121] У целого ряда слов женского морфологического рода II субстантивного склонения (как правило принадлежащих в литературной речи к схеме ударения *е*) в просторечии встречаются словоформы И. мн. на *-а́, -я́*, в частности: *кровя́, церквя́, дочеря́, матеря́, областя́, отрасля́, очередя́, площадя́, пристаня́, скоростя́*. Ср. также «узаконенное» в литературной речи plurale tantum *деленя́*. Появление таких словоформ очевидным образом связано с большим распространением И. мн. на *-а́, -я́* у слов мужского морфологического рода.

[122] Ср. также словоформу *рог* в пословице *бодливой корове бог рог не дает*.

Замечания

Слова, перечисленные в пунктах 1—5, — одушевленные (причем слова пунктов 1, 3, 4, 5 обозначают людей); слова, перечисленные в пункте 6 — неодушевленные. Подразделения в пунктах 5 и 6 соответствуют семантическим группам. У слов из пунктов 1—4 (кроме слова *цыга́н*) и у слов *во́лос*, *глазо́к*, *зубо́к*, *рожо́к*, *сапожо́к* (Р. мн. *воло́с*, *гла́зок*, *зу́бок*, *ро́жек*, *сапо́жек*) словоформы И. ед. и Р. мн. не омонимичны; у прочих перечисленных слов (т. е. у большинства слов из пунктов 5 и 6 и у слова *цыга́н*) эти словоформы омонимичны.

Приведенные списки составлены в соответствии с принципами, указанными в § 4.2. Отметим, что Орф. дает Р. мн. с нулевым окончанием для слов *микро́н* и *миллимикро́н* (по АО окончание *-ов*), Уш. — для слова *орочо́н* (по Орф. окончание *-ов*; в АО нет). В действительности, однако, границы здесь не столь четки: в современном языке у слов, перечисленных в пунктах 5 и 6, и ряда слов, сходных с ними по значению и морфологическому строению, наблюдаются колебания между Р. мн. с нулевым окончанием и с окончанием *-ов*. Это явление подробно исследовано в двух недавних работах Л. К. Граудиной[123]. По ее данным, число слов с омонимичными словоформами И. ед. и Р. мн. в современной разговорной и письменной речи достигает 200. Ею установлено также, что за последние 50—70 лет употребительность нулевого окончания Р. мн. возросла. Данные Л. К. Граудиной позволяют критически отнестись к ряду действующих нормативных указаний. Приведем некоторые из требуемых словарем АО словоформ Р. мн. на *-ов*, которые в материалах, обследованных Л. К. Граудиной, представлены гораздо реже, чем соответствующие словоформы с нулевым окончанием, или вообще не представлены: *каре́лов*, *мадья́ров*, *туркме́нов* (по материалам письменных источников); *гра́ммов*, *килогра́ммов*, *абрико́сов*, *апельси́нов*, *баклажа́нов*, *мандари́нов*, *помидо́ров* (по материалам устной речи).

Нестандартное условное окончание Р. мн. *-ов* представлено в следующих словах с р е д н е г о морфологического рода:

1) во всех словах, имеющих в условной основе чередование Ø/*j (см. § 6.32, чередование № 12), например: *де́рево*, *перо́*, *дно* — Р. мн. *дере́вьев*, *пе́рьев*, *до́ньев*;

2) в следующих словах с исходной словоформой на *ко*: а) во всех словах I субстантивного склонения на согласную (или ь) + *ко́*, кроме *ушко́* в уменьшительном значении (а именно: *брюшко́*, *озерко́*, *очко́*, *ушко́* 'отверстие'; *гнедко́*, *воронко́*, *карько́*, *серко́*, *сивко́*; также *молочко́*, *пивко́*, практически не употребляющиеся во мн. числе); б) в словах с исходной словоформой на *ико*: *колёсико*, *ли́чико*, *плёчико*; в) в словах *дре́вко*, *о́блако*, *о́блачко*;

3) в следующих словах с исходной словоформой на *ье*, *иё*: *верхо́вье*, *низо́вье*, *пла́тье*, *подмасте́рье*, *полу́дье* (обл.), *разво́дье*, *у́стье*; *остриё*; *жнивьё*;

4) в следующих словах с исходной словоформой на *це*: *боло́тце*, *воло-ко́нце*, *кру́жевце*, *око́нце*;

5) в словах: *су́дно* (корабль); *мазло́*, *трепло́* (муж. род).

Примеры Р. мн.: *очко́в*, *колёсиков*, *облако́в*, *пла́тьев*, *остриёв*, *боло́тцев*, *судо́в*.

З а м е ч а н и е. У слов с исходной словоформой на *це*, *ье*, *ко* в Р. мн. возможны колебания. Так, АГ и Уш. дают словоформы *коле́нцев*, *копы́тцев*, *коры́тцев* (наряду с *коры́тец*); АГ дает *побере́жьев* и *побере́жий*, Уш. только *побере́жьев*; Уш. дает *щу́палец* и *щу́пальцев*, *я́блок* и *я́блоков* (АО во всех этих случаях допускает только словоформы с ну-

[123] Л. К. Г р а у д и н а. О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964; О н а ж е. Развитие нулевой формы родительного множественного у существительных — единиц измерения. — Там же.

левым окончанием: *колéнец*, *копы́тец*, *коры́тец*, *побережий*, *щу́палец*, *я́блок*). Словоформы *полéнцев*, *полотéнцев*, *угóдьев* обычно квалифицируются как просторечные.

Нестандартное условное окончание Р. мн. *-ов* представлено также в словах женского морфологического рода, имеющих в условной основе чередование Ø/*j, а именно: *гроздь* (вариант с И. мн. *грóздья*) — Р. мн. *грóздьев*; *дя́дя* (как термин родства) (вариант с И. мн. *дядья́*) — Р. мн. *дядьёв*.

Замечание. Это нестандартное условное окончание представлено также в словах мужского и общего рода (но женского морфологического рода) с исходной словоформой на *ья* или *ия*, обозначающих лиц из индийской жизни, например: *ва́йшья*, *кша́трия*, *Ма́урья*, *Чалу́кья* — Р. мн. *ва́йшьев*, *кша́триев*, *Ма́урьев*, *Чалу́кьев*. Все такие слова относятся к числу специальных терминов индологии и в обычные словари не входят. Исключение составляет только слово *па́рия*. Для него в АО и Орф. требуют стандартного Р. мн. *па́рий*; однако в разговорной практике преобладает словоформа *па́риев* — по указанному здесь образцу. Слова на *ия* могут также переходить в мужской морфологический род: *па́рий* (приведено в Уш.), *кша́трий*; для слов на *ья* этой невозможно. Нестандартное условное окончание *-ов* несомненно представляет собой в рассматриваемых случаях перенос из мужского морфологического рода под влиянием значения этих слов. Этот перенос облегчается малой употребительностью словоформ ед. числа. У слов на *ья* дополнительной причиной является стремление сохранить неизменную основу, т. е. избежать словоформ с беглой гласной типа **ва́йший*.

4. Условное окончание Р. мн. *-ej*, не соответствующее положению условного ударения (вместо стандартного для словоформ с наосновным условным ударением условного окончания -Ø) [124]. Это нестандартное условное окончание представлено в слове среднего морфологического рода *вéче* и в следующих словах женского морф. рода:

1) во всех словах на безударное *гля*, *кля*, *хля* и на согласную + безударное *ря*, а именно: *кéгля*, *па́кля*, *са́кля*, *цу́кля*, *бу́кля* (*пу́кля*), *рóхля*, *ра́спря*;

2) в словах: а) *ра́джа*, *магара́джа*, *чу́кча*, *ю́ноша*, *дя́дя* (вариант с И. мн. *дя́ди*), *э́рзя*, *пустомéля*, *мя́мля*, *рóвня*, *нерóвня*, *офéня*, *горшéня* (устар.), *тихóня*, *растéря* (//), *ба́тя* (простореч.), *тя́тя* (простореч.); б) *свóдня*, *тётя*; в) *óбжа* (наряду с *обжа́*, схема *f*), *мрéжа* (устар.; //), *кóрча*, *вéрша*, *семядóля* (*семенодóля*), *ма́рля*, *пу́тля* (//), *ходу́ля*, *кара́куля*, *ста́вня* (//), *схóдня*, *пéня*, *плу́тня*, *чу́ня*, *пригóршня* [125].

Примеры Р. мн.: *вéчей*, *са́клей*, *ра́спрей*, *ю́ношей*, *мя́млей*, *кóрчей*, *плу́тней*.

Замечания

Распространение данного нестандартного условного окончания можно связать с действием нескольких разных факторов. Во-первых, в некоторых случаях стандартное условное окончание -Ø оказывается нежелательным по фонетическим причинам, поскольку оно должно привести либо к редкому в конечном положении стечению согласных, либо

---

[124] Это нестандартное условное окончание при желании можно трактовать и как заимствование из мужского морфологического рода (где условное окончание *-ej* выступает независимо от условного ударения). Для части слов такая трактовка, по-видимому, оправдана и по существу (см. замечания ниже). Предложенная трактовка связана с тем, что встречается и обратное отклонение от стандарта — нестандартное условное окончание 5.

[125] Заметим, что относительно Р. мн. слов *ра́джа*, *магара́джа*, *э́рзя*, *нерóвня*, *офéня*, *ба́тя*, *тя́тя*, *вéрша*, *кара́куля*, *пéня* словари не дают надежных сведений (см. об этом § 4.2). У слов *па́кля* и *ма́рля* мн. число лишь потенциально.

к появлению беглой гласной в необычном окружении; так, например, должна появиться словоформа *сакль или *саколь. Нестандартное условное окончание *-ej* оказывается в этих случаях удобным способом избежать как того, так и другого (ср. словоформу *саклей*). Действие этого фактора можно усмотреть в словах подпункта 1 (а также *обжа*, *чукча*).

Во-вторых, данное нестандартное условное окончание может появляться по аналогии со словами мужского морф. рода (ср. выше сноску 124). Этот фактор действует на все слова мужского и общего рода, оканчивающиеся на согласную + безударное *я* и на шипящую + безударное *а*. В приведенном списке таковы слова подпункта 2а, а также *рохля*. За пределами этого списка можно указать, во-первых, несколько нарицательных имен (например, *нюня*, *соня*, *папаня*), во-вторых, уменьшительные собственные имена типа *Вася*, *Володя*, *Петя*, *Серёжа*. Р. мн. таких слов, изредка встречающийся в разговорной речи, колеблется: возможно, например, *нюнь* и *нюней*, *Володь* и *Володей*. Ср.: «Один из Серёжей полез в карман . . .» и «Тогда на него второй из Серёж прищурил глаз, в морщины оправленный» (Маяковский, По городам Союза).

В-третьих, нестандартное условное окончание *-ej* получают слова, употребляющиеся преимущественно во мн. числе и приближающиеся, таким образом, к pluralia tantum. Причина здесь в том, что в современном языке для pluralia tantum с исходной словоформой на согласную (кроме *к*, *г*, *х*) + *и* нормой является Р. падеж на *-ей*, например: *шашни—шашней*, *пассатижи—пассатижей*. Действие этого фактора можно усмотреть в словах: *корча*, *верша*, *ходуля*, *каракуля*, *ставня*, *сходня*, *пеня*, *плутня*, *чуня*, а также *кегля*, *букля*, *распря* (ср. гораздо чаще употребляемые словоформы *корчи*, *верши*, *ходули*, *каракули*, *ставни*, *сходни*, *пени*, *плутни*, *чуни*, *кегли*, *букли*, *распри*).

Р. мн. *тётей*, по-видимому, объясняется аналогией со словом *дядя*, Р. мн. *сводней* — аналогией со словами типа *ровня*, Р. мн. *семядолей* (*семенодолей*) — прямым влиянием слова *доля* (Р. мн. *долей*). Таким образом, указанные факторы позволяют объяснить почти все случаи появления нестандартного условного окончания *-ej*. (Разумеется, разные факторы не исключают друг друга, ср. слова *букля*, *распря*, *рохля*.) Отметим, что колебания в Р. мн. встречаются не только у слов мужского и общего рода, но и у многих других рассмотренных выше слов, например: *ставней* и *ставен*, *сходней* и *сходен*, *тётей* и *тёть*. Для слов *лютня* и *цапля* АГ дает Р. мн. *лютней*, *цаплей* (в АО только *лютен*, *цапель*); напротив, для слова *вече* АГ дает Р. мн. *веч* (в АО только *вечей*).

5. Условное окончание Р. мн. -Ø, не соответствующее положению условного ударения (вместо стандартного для словоформ с флексионным условным ударением условного окончания *-ej*). Это нестандартное условное окончание представлено в слове среднего морфологического рода *плечо* (Р. мн. *плеч*) и в следующих словах женского морфологического рода: *госпожа*, *деревня*, *заря* (рассвет) (схема ударения *d*//*f*; условное окончание Р. мн. -Ø является нестандартным только при схеме ударения *f*), *межа*, *простыня*, *шестерня* (диск) — Р. мн. *госпож*, *деревень*, *зорь*, *меж*, *простынь*[126], *шестерён*; *свеча* (вариант с Р. мн. *свеч*).

6. Особое условное окончание Т. мн.: *-ми*. Это нестандартное условное окончание представлено (вместо стандартного *-ами*) в словах: а) *дитя* — Т. мн. *детьми*; *ребёнок* — Т. мн. *детьми*; *человек* (вариант с мн. *люди*) — Т. мн. *людьми*; б) *дверь* — Т. мн. *дверями* и *дверьми*; *дочь* — Т. мн. *дочерями* и *дочерьми* (словоформа *дочерями* признается в АО разговорной); *лошадь* — Т. мн. *лошадями* и *лошадьми*; *зверь* — Т. мн. *зверями* и *зверьми*[127].

---

[126] В современном языке слова *межа* и *простыня* стремятся к образованию Р. мн. со стандартным условным окончанием: *межей*, *простыней*.

[127] Ср. также устойчивые выражения: *бить плетьми*, *лечь костьми*.

Б. Нестандартные условные окончания, представленные у группы слов книжного характера, сохраняющих элементы старославянского склонения

7. Нестандартное условное окончание И. ед. сред. рода *-е* (вместо стандартного *-о*).

8. Нестандартное условное окончание Т. ед.: в сред. роде *-ем* (вместо стандартного *-ом*), в жен. роде *-ej*, *-eju* (вместо стандартного *-oj*, *-oju*).

9. Нестандартное условное окончание П. ед. (всех родов) *-ы* (вместо стандартного *-е*).

10. Нестандартное условное окончание Д. ед. жен. рода *-ы* (вместо стандартного *-е*).

Нестандартные условные окончания 7—10 представлены в следующих группах слов:

а) в слове *сей* представлено нестандартное условное окончание № 7: И. ед. сред. *сие́*;

б) в словах *бытие́*, *небытие́*, *инобытие́*, *житие́*, *питие́* представлены одновременно нестандартные условные окончания № 7, 8 и 9; например: И. ед. *бытие́*, Т. ед. *бытие́м*, П. ед. *бытии́*;

в) в словах *лития́*, *паремия́*, *судия́* представлены одновременно нестандартные условные окончания № 8, 9 и 10; например: Т. ед. *литие́й*, Д. ед. и П. ед. *литии́*.

В. Нестандартные условные окончания, представленные у количественных числительных неаномального склонения и у слова дитя́

11. Нестандартное условное окончание Т. ед. сред. рода *-oj*, заимствованное из другого рода и другого типа склонения (вместо стандартного *-ом*). Представлено в слове *дитя́*: Т. ед. *дитя́тей*.

12. Нестандартное условное окончание Т. ед. жен. рода *-ju*, заимствованное из другого типа склонения (вместо стандартного *-oj*, *-oju*). Представлено в слове *ты́сяча* (числительное): Т. падеж *ты́сячью* (наряду с *ты́сячей*).

13. Нестандартное условное окончание И. мн. жен. рода *-Ø*, заимствованное из другого числа и другого рода (вместо стандартного *-ы*). Представлено в словах *пятьсо́т*, *шестьсо́т*, *семьсо́т*, *восемьсо́т*, *девятьсо́т* (в исходной словоформе).

Г. Нестандартные условные окончания, представленные у личных местоимений

14. Нестандартное условное окончание И. ед. жен. рода *-Ø* (вместо стандартного *-а*). Представлено в словах *я* и *ты* (в исходной словоформе).

15. Нестандартное условное окончание Р. ед. жен. рода *-а* (вместо стандартного *-ы*). Представлено в словах *я*, *ты* и *себя́*: Р. падеж *меня́*, *тебя́*, *себя́*.

16—17. Нестандартное условное окончание Р. мн. и П. мн. муж. рода *-ас* (вместо стандартных *-ов* и *-ах*). Представлено в словах *мы* и *вы*: Р. и П. падежи *нас*, *вас*.

I местоименный тип склонения

18. Нестандартное условное окончание И. мн. (всех родов) *-о*, заимствованное из сред. рода ед. числа (вместо стандартного *-ы*). Представлено в словах *дво́е*, *тро́е*, *че́тверо*, *пя́теро*, *ше́стеро*, *се́меро*, *во́сьмеро*, *де́вятеро*, *де́сятеро*, *сто́лько*, *ско́лько*, *не́сколько*, *мно́го*, *немно́го* (в исходной словоформе).

19. Нестандартное условное окончание И. мн.: в муж. и сред. родах *-а*, в жен. роде *-е* (вместо стандартного *-ы* во всех родах). Представлено в слове *о́ба*: И. падеж муж. и сред. родов *о́ба*, жен. рода *о́бе*.

20. Нестандартное условное окончание В. ед. жен. рода *-ojo* (вместо стандартного *-у*). Представлено в словах: *она́* — В. падеж *её*; *сам* — В. ед. жен. *самоё* (наряду с *саму́*).

21. Нестандартное условное окончание Р. ед. жен. рода *-ojo* (вместо стандартного *-oj*). Представлено в слове *онá*: Р. падеж *её*.

У слов аномального типа склонения все условные окончания признаются нестандартными. Поэтому проще указать целиком наборы условных окончаний таких слов, чем перечислять все встречающиеся здесь нестандартные условные окончания по отдельности. У слов аномального типа склонения представлены следующие наборы (нестандартных) условных окончаний [128]:

1. И. ед. муж. рода -0, сред. рода *-о*; Р., Д., Т., П. ед. (всех родов) *-а*. Набор представлен у слова мужского морфологического рода *сóрок* (Р., Д., Т., П. падежи — *сорокá*) и у слов среднего морфологического рода *сто* и *девянóсто* (Р., Д., Т., П. падежи — *ста, девянóста*).

2. И. ед. муж. и сред. родов *-а*, жен. рода *-ы* [129]; Р., Д., Т., П. ед. (всех родов) *-а*. Набор представлен у слова согласуемо-бесчислового разряда *полторá* (И. падеж муж. и сред. *полторá*, жен. *полторы́*; относительно словоформы парного рода см. § 2.18; Р., Д., Т., П. падежи всех родов — *полу́тора*) и у слова среднего морфологического рода *полторáста* (Р., Д., Т., П. падежи *полу́тораста*).

3. И. мн. муж. и сред. родов *-а*, жен. рода *-е* [130], парн. рода *-о*; прочие падежи мн. числа без различия родов: Р. и П. *-ух*, Д. *-ум*, Т. *-ум'а*. Набор представлен у слова *два*: соответствующие словоформы — *два, две, двóе, двух, двум, двумя́*.

4. И. мн. муж., жен. и сред. родов *-ы*, парн. рода *-о*; прочие падежи мн. ч. без различия родов: Р. и П. *-ох*, Д. *-ом*, Т. *-ом'а*. Набор представлен у слова *три*: соответствующие словоформы — *три, трóе, трёх, трём, тремя́*.

5. Все падежи мн. ч. без различия родов: И. *-о*, Р. и П. *-ох*, Д. *-ом*, Т. *-м'а*. Набор представлен у слова *четы́ре*: И. муж., жен. и сред. *четы́ре*, парн. *чéтверо*, Р. и П. *четырёх*, Д. *четырём*, Т. *четырьмя́*.

§ 6.31. Мы можем теперь ввести еще один различительный признак парадигм, относящийся к окончаниям: «нестандартные условные окончания». Этот признак может принимать нулевое значение и 27 ненулевых значений. Каждое ненулевое значение может иметь один из двух видов: 1) «в парадигме представлено такое-то нестандартное условное окончание (по нумерации, данной в предыдущем параграфе); других нестандартных условных окончаний нет»; 2) «в парадигме представлены одновременно такие-то нестандартные условные окончания; других таких окончаний нет». В первом случае названием данного ненулевого значения служит номер соответствующего нестандартного условного окончания, во втором — пара или тройка таких номеров. Последние пять значений рассматриваемого признака, выступающие у слов аномального типа склонения, называются: «аномальный набор такой-то» (по нумерации, данной в предыдущем параграфе для наборов нестандартных условных окончаний, представленных

---

[128] Словоформы В. падежа ни у одного из слов этого типа склонения не входят в число первичных.

[129] Если учитывать нелитературную словоформу *пóлторо* (см. § 2.18), то сюда следует добавить: И. ед. парн. рода *-о*.

[130] Ср. выше, нестандартное условное окончание № 19.

у слов аномального типа склонения). Чтобы избежать двойной нумерации, сами значения рассматриваемого признака не нумеруются по порядку. При каждом ненулевом значении указывается, какие слова его имеют (в основном с помощью отсылок к предыдущему параграфу).

Значения признака «нестандартные условные окончания»:

0. Нестандартных условных окончаний в парадигме нет (нулевое значение). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

№ 1. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 1 (см. § 6.30), за исключением слов, имеющих значение настоящего признака «№ 1 и 3» (см. ниже), и слов *колéно* (сустав), *плечó*, *дитя́*.

№ 3. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 3 (см. § 6.30), за исключением слов, имеющих значение настоящего признака «№ 1 и 3» (см. ниже).

№ 1 и 3. Это значение имеют следующие слова:

Мужской морфологический род: 1) все слова, имеющие в условной основе чередование *он*к/ат* или **к/'ат* (см. § 6.32, чередования № 14 и 15), например: *гусёнок*, *волчóнок*, *чертёнок*; 2) следующие слова, имеющие в условной основе чередование *Ø/*j*: *де́верь*, *друг*, *князь*, *муж* (супруг; мн. *мужья́*), *сын* (в прямом знач.; мн. *сыновья́*), *собра́т* (вариант с Р. мн. *собра́тий*); 3) слова *господи́н* и *хозя́ин*; 4) слово *глаз*.

Средний морфологический род — следующие слова с исходной словоформой на *ко*: а) слова I субстантивного склонения на согласную (или *ь*) + *кó*, кроме уменьшительного *ушкó*; б) слова на *ико*: *колёсико*, *ли́чико*, *плéчико*; в) слово *дре́вко*.

Женский морфологический род — слова *гроздь* (вариант с И. мн. *гроздья*) и *дя́дя* (как термин родства) (вариант с И. мн. *дядья́*).

№ 2 и 3. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 2 (см. § 6.30).

№ 4. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 4 (см. § 6.30), кроме слова *колéно* (сустав).

№ 5. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 5 (см. § 6.30), кроме слова *плечó*.

№ 1 и 4. Слово *колéно* (сустав).

№ 1 и 5. Слово *плечó*.

№ 6. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 6 (см. § 6.30), кроме слова *дитя́*.

№ 7. Слово *сей*.

№ 7, 8 и 9. Слова: *бытиé*, *небытиé*, *инобытиé*, *житиé*, *питиé*.

№ 8, 9 и 10. Слова: *лития́*, *паремия́*, *судия́*.

№ 1, 6 и 11. Слово *дитя́*.

№ 12. Слово *ты́сяча* (числительное) (//).

№ 13. Слова: *пятьсóт*, *шестьсóт*, *семьсóт*, *восемьсóт*, *девятьсóт*.

№ 14. Слово *себя́*.

№ 14 и 15. Слова *я* и *ты*.

№ 16 и 17. Слова *мы* и *вы*.

№ 18. Слова: *двóе*, *трóе*, *чéтверо*, *пя́теро*, *шéстеро*, *сéмеро*, *вóсьмеро*, *дéвятеро*, *дéсятеро*, *стóлько*, *скóлько*, *нéсколько*, *мнóго*, *немнóго*.

№ 19. Слово *óба*.

№ 20. Слово *сам* (//).

№ 20 и 21. Слово *онá*.

Аномальный набор 1. Слова: *сóрок*, *сто*, *девянóсто*.

Аномальный набор 2. Слова: *полторá*, *полторáста*.

Аномальный набор 3. Слово *два*.

Аномальный набор 4. Слово *три*.

Аномальный набор 5. Слово *четы́ре*.

Различительный признак «чередования в условной основе»

§ 6.32. Как видно из § 6.26, при переходе от действительного вида словоформ к условному все позиционные чередования исчезают. Так, например, действительные основы словоформ *звездá* и *звёзды* или *стрелóк* и *стрелкѝ* различны (вследствие чего здесь и выделяются чередования *е/ё* и *о/∅*); но на условном уровне эти различия снимаются: в первой паре единая условная основа *зв'озд*, во второй — *стрел*к* (т. е. чередований нет). Непозиционные чередования, однако, сохраняются (хотя сам их вид при этом может измениться): ср., например, пару словоформ *гусёнок—гуся́та* и их условные основы *гус'он*к—гус'ат*.

Чередования в условных основах выделяются в принципе так же, как в действительных основах (см. § 6.23—6.24). Основное отличие здесь в том, что вместо обычной парадигмы берется суженная парадигма условного уровня (о возможности обращаться с ней как с обычной парадигмой см. § 6.14). Практически здесь применяется следующая процедура. Если в суженной парадигме условного уровня не все условные основы одинаковы, по правилам § 6.23 выделяются все представленные в ней формальные чередования [131]. Далее на основании выделенных формальных чередований устанавливаются обычные чередования, представленные во всей суженной парадигме. Это делается, однако, не по тому варианту правил, который дан в § 6.24, а по специальному дополнительному варианту, предназначенному для условных основ. Этот дополнительный вариант правил таков:

I. В условных основах парадигм *человéк* (мн. *люди*), *ребёнок* (мн. *дéти*) и *дитя́* (мн. *дéти*) представлены следующие чередования: *человéк—человек/л'уд'*; *ребёнок—реб'он*к/дет'*; *дитя́—и,е* и *0/ат'*. Относительно распределения ступеней этих чередований и их места внутри условной основы см. список ниже, № 5, 16, 17, 28. (Здесь применяются, таким образом, особые преобразования, которые состоят в замене всех формальных чередований суженной парадигмы указанным чередованием или чередованиями; см. § 6.24, примечание.)

II. В условных основах любой другой парадигмы представлены все те и только те чередования, которые образуются в результате поочередной обработки всех формальных чередований соответствующей суженной парадигмы условного уровня по следующим правилам:

1. Формальные чередования с указанным ниже составом ступеней подвергаются разрешенному преобразованию 1 (см. § 6.24; ниже сразу же выписан результат этого преобразования; для наглядности в скобках приведены слова, в которых представлено соответствующее формальное чередование): формальное чередование *к/ч*j* (слова *клок, крюк, сук*) «расщепляется» на чередования *к/ч* и *0/*j*; *г/з*j* (*друг*) — на *г/з* и *0/*j*; *ин/*j* (*шу́рин*) — на *ин/0* и *0/*j*; *0/ов*j* (*сын, кум*) — на *0/ов* и *0/*j*; *ин/ов*

[131] При этой операции может возникнуть формальное затруднение из-за того, что в пункте 3 алгоритма, данного в § 5.4, используется алфавитный порядок букв. В связи с этим условимся считать, что в русском алфавите после буквы *я* стоит еще следующий ряд символов: - (см. § 0.5); *j*, ', *, o_2, *ò*, *è*.

(*хозя́ин*) — на *ин*/Ø и Ø/*ов*; '*н'/Ø (*вы́спренний*) — на '*н/Ø и '/Ø; *он'/j* (*они́*) — на *он/j* и '/Ø; '/*oj* (*три*) — на '/Ø и Ø/*oj*; Ø/*он*/'*он* (слова на *мя*, кроме *се́мя*, *стре́мя*, *по́лымя*) — на Ø/*он* и Ø/' (результат «приведения» чередований Ø/*он*/*он* и Ø/'/Ø); Ø/*ан*/'*ан* (*се́мя*, *стре́мя*) — на Ø/*ан* и Ø/' (с «приведением»); *от*/Ø/' (*э́том*) — на *от*/Ø и Ø/' (с «приведением»).

2. Формальное чередование Ø/*oj*/*ej* (слово *о́ба*) подвергается разрешенному преобразованию 2 (см. § 6.24), а именно, превращается в чередование Ø/$\frac{\text{'о}}{\text{е}}$ (с внутренним чередованием *о*/*е*). В парадигмах *я* и *ты* формальные чередования *ja*/*мен'*/*мн* и *ы*/*еб'*/*еб*/*об* (соответственно) подвергаются разрешенным преобразованиям 1 и 2, что в результате дает: *ja*/*м*$\frac{\text{е}}{\text{Ø}}$*н* (с внутренним чередованием *е*/Ø) и Ø/'; *ы*/$\frac{\text{е}}{\text{о}}$*б* (с внутренним чередованием *е*/*о*) и Ø/'.

3. В прочих случаях формальное чередование остается без изменений.

Ниже приводятся все чередования, представленные в условных основах русских именных парадигм. Чередования разделены на классы (см. § 6.24). Классы выделены в пределах грамматического разряда (при этом, однако, бесчисловые разряды объединены) [132]. Для каждого класса указано правило распределения ступеней.

В настоящем параграфе даются также сведения о месте каждого чередования внутри условной основы. Назовем чередование к о н ц е в ы м, если в любой условной основе любой парадигмы, где оно представлено, отрезок, участвующий в этом чередовании, находится правее последней буквы неизменяемой части условной основы (термины см. в § 5.4). Большинство чередований, представленных в условных основах, — концевые. Практически в одной парадигме бывает представлено не более двух концевых чередований. В приводимом ниже списке место внутри условной основы непосредственно указывается только для неконцевых чередований. Таким образом, отсутствие такого указания означает, что чередование является концевым. Место концевого чередования внутри условной основы определяется следующим общим правилом: 1) если в парадигме только одно концевое чередование, участвующий в нем отрезок является концом условной основы; 2) если в парадигме два концевых чередования, участвующие в них отрезки следуют непосредственно друг за другом, причем левее стоит отрезок, участвующий в чередовании с меньшим номером (по нумерации настоящего параграфа); вместе эти два отрезка образуют конец условной основы.

Для каждого чередования указано, в каких парадигмах оно представлено. В таких указаниях могут быть использованы сле-

[132] Вообще говоря, можно было бы, воспользовавшись эталоном, отождествить распределение ступеней у некоторых чередований, представленных в парадигмах разных разрядов (ср., например, чередования № 18 и 36). Оказалось, однако, что в данном случае это не привело бы к упрощению; в частности, не уменьшилось бы общее число классов.

дующие сведения о парадигме: 1) исходная словоформа (в действительном виде, с разделением на основу и окончание); 2) морфологический класс; 3) сведение о том, является ли слово причастием (см. § 3.2).

Чередования, представленные в условных основах

Субстантивный разряд

Класс I: 1-я ступень в ед. числе, 2-я во мн. числе

1. *к/ч*. Слова: а) *óко*—мн. *óчи*; б) *клок*, *крюк*, *сук* (варианты с мн. *клóчья*, *крю́чья*, *су́чья*).
2. *г/з*. Слово *друг*—мн. *друзья́*.
3. *х/ш*. Слово *у́хо*—мн. *у́ши*.
4. *о/е* (место чередования — после первой буквы условной основы). Слово *чёрт*—мн. *черти*.
5. *и/е* (место чередования — после первых двух букв условной основы). Слово *дитя́*—мн. *дéти*.
6. *ин/Ø*. Слова: а) все существительные 2-го морфологического класса (муж. одуш.) на *анин*, *янин*, за исключением слова *семьяни́н* (мн. *семьяни́ны*), например: *крестья́нин*, *молдава́нин*, *армяни́н*—мн. *крестья́не*, *молдава́не*, *армя́не*; б) *ба́рин*, *болга́рин*, *господи́н*, *тата́рин*, *хоза́рин*—мн. *ба́ре* (также *ба́ры*), *болга́ры*, *боя́ре*, *господа́*, *тата́ры*, *хоза́ры*; в) *хозя́ин*—мн. *хозя́ева*; г) *шу́рин* (вариант с мн. *шурья́*).
7. *н/Ø*. Слово *су́дно* (корабль)—мн. *суда́*.
8. **к/Ø*. Слово *цветóк* (растение)—мн. *цветы́*.
9. *иц/Ø*. Слово *ку́рица*—мн. *ку́ры*.
10. *Ø/ов*. Слова: а) *кум*, *сын* (в прямом знач.)—мн. *кумовья́*, *сыновья́*; б) *хозя́ин*—мн. *хозя́ева*.
11. *Ø/ес*. Слова: *дрéво* (книжн. устар.), *нéбо*, *чу́до* —мн. *древеса́*, *небеса́*, *чудеса́*[133].
12. *Ø/*j*. Слова:

мужской морфологический род — *брат*, *брус*, *грозд* (устар.), *дéверь*, *друг*, *зуб* (зубец), *зять*, *ка́мень* (драгоценный и т. п.; вариант с мн. *камéнья*), *клин*, *клок* (вариант с мн. *клóчья*), *князь*, *кол* (в прямом знач.), *кóлос*, *ком*, *копы́л*, *крюк* (вариант с мн. *крю́чья*), *кум*, *лист* (дерева), *лоску́т* (вариант с мн. *лоску́тья*), *луб*, *муж* (супруг; мн. *мужья́*), *óбод*, *пóвод* (в упряжи), *пóлоз*, *прут* (хворостина), *собра́т*, *струп*, *стул*, *сук* (вариант с мн. *су́чья*), *сын* (в прямом знач.; мн. *сыновья́*), *у́голь* (древесный; простореч.), *шу́рин* (вариант с мн. *шурья́*) [134];

средний морфологический род — *дéрево*, *дно* (бочки), *звенó*, *колéно* (сочленение), *крылó*, *перó*, *полéно*, *помелó*, *силó* (обл.; вариант с мн. *си́лья*), *ши́ло* [135].

женский морфологический род — *гроздь* (вариант с мн. *грóздья*), *дя́дя* (как термин родства) (вариант с мн. *дядья́*).

---

[133] Словоформа *небеса́* обычно представляет собой plurale tantum и лишь очень редко — мн. число от слова *нéбо* (ср. § 2.12). От слова *чу́до* в разговорной речи можно встретить также мн. число *чу́да* (*чуд*, *чу́дам* и т. д.).

[134] В просторечии встречается также словоформа *волóсья*. Слово *корéнья* дается словарями как plurale tantum; однако некоторые значения слова *кóрень* довольно близки к его значению.

[135] Уш. приводит также областную словоформу *долóтья*.

13. *Ø/'*. Слова: *колéно, сосéд, чёрт*—мн. *колéни, сосéди, чéрти*[136].

14. *он*к/ат*. Слова: а) все существительные 2-го морфологического класса (муж. одуш.) на *ёнок* или на шипящую + *онок*, за исключением слов *бесёнок, чертёнок* (см. № 15), *ребёнок* (см. № 17), *милёнок* (мн. *милёнки*)[137]; например: *гусёнок, волчóнок, негритёнок, пастушóнок*—мн. *гусята, волчáта, негритята, пастушáта*; б) существительные 1-го согласовательного класса (муж. неодуш.) *маслёнок* и *опёнок*—мн. *маслята, опята* (наряду с *опёнки*)[138].

15. **к/'ат*. Слова: *бесёнок, чертёнок*—мн. *бесенята, чертенята*[139]; *щенóк*—мн. *щенята* (наряду с *щенки́*).

16. *реб'он*к/дет'*. Слово *ребёнок*—мн. *дéти*.

17. *человек/л'уд'*. Слово *человéк*—мн. *люди*.

Класс II: 1-я ступень в И. ед.,
2-я в остальных первичных словоформах

18. *'/Ø*. Слово *госпóдь* — ср. Р. ед. *гóспода*.

19. *ос/Ø*. Слово *Христóс* — ср. Р. ед. *Христá*.

20. *Ø/он*. Слова: *берéмя* (обл.), *брéмя, врéмя, вымя, знáмя, и́мя, плáмя, плéмя, полуи́мя* (устар.), *тéмя* — ср., например, Р. ед. *врéмени, знáмени, и́мени*, Р. мн. *времён, знамён, имён*.

21. *Ø/ан*. Слова: *сéмя, стрéмя* — ср. Р. ед. *сéмени, стрéмени*, Р. мн. *семян, стремян*.

22. *Ø/ер'*. Слова: *дочь, мать* — ср. Р. ед. *дóчери, мáтери*.

23. *Ø/у* (место чередования внутри условной основы — после начальной цепочки *пол*). Слова: *пóлдень, пóлночь* — ср. Р. ед. *полу́дня, полу́ночи* (наряду с вариантом парадигм, не имеющим данного чередования: Р. ед. *пóлдня, пóлночи*).

Класс III: 2-я ступень в Р. мн.,
1-я в остальных первичных словоформах

24. *'/Ø*. Слова: а) все слова на согласную (или ь) + *ня*, имеющие в исходной словоформе действительное ударение на основе, за исключением слов *бáрышня, дерéвня, ку́хня* (Р. мн. *бáрышень, деревéнь, ку́хонь*)[140] и слов, имею-

---

[136] В книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (стр. 95) приводится также *слюнá—слю́ни*.

[137] Для просторечных слов *ребятёнок* и *мальчóнок* словари не приводят словоформ мн. числа; по-видимому, однако, эти слова потенциально допускают мн. число на *ята, ата* по общему правилу. (Заметим, что словоформу И. мн. *мальчóнки* следует соотносить с ед. числом *мальчóнка*.)

[138] Словоформа *опята* фактически утвердилась в современном языке (это констатирует, в частности, АГ, § 221, примеч. 1). Однако большинство словарей (АО, Орф., Ож.) признают только словоформу *опёнки*, вероятно, под влиянием этимологических соображений (связь со словом *пень*); Уш. считает словоформу *опята* просторечной; Был. допускает обе словоформы. Из числа неодушевленных существительных, кроме слов *маслёнок* и *опёнок*, исходную словоформу на *ёнок* или шипящую + *онок* имеют только *бочóнок* и областное *окорёнок* (кадушка). (Напомним, что слова на *енок*, например *вáленок, венóк* или *оттéнок, расцéнок*, сюда не относятся). Слово *бочóнок* в литературном языке имеет устойчивое мн. ч. *бочóнки*; в арго, однако, известна словоформа *бочáта* (часы). Таким образом, в современной живой речи тенденция к образованию мн. числа на *ята, ата* распространяется на все существительные указанного строения, независимо от одушевленности.

[139] В книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова (см.: Указ. соч., стр. 96) приводится также *лисёнок—лисенята*. АО дает только *лисята*.

[140] Уш. дает для слова *боя́рышня* Р. мн. *боя́рышень*; в АО и Орф. только *боя́рышен*.

щих нестандартное условное окончание № 4 (см. § 6.30); примеры: *песня, двойня, спальня*—Р. мн. *песен, двоен, спален*; б) *пешня, шестерня* (диск) — Р. мн. *пешен, шестерён*; в) *сажень* (вариант с Р. мн. *сажен*).

25. *год/лет*. Слово *год* (вариант с Р. мн. *лет*).

Класс IV: 2-я ступень в Д., Т., П. мн.,
1-я в остальных первичных словоформах

26. '/∅. Слово *церковь*—Д. мн. *церквам*, Т. мн. *церквами*, П. мн. *церквах* [141].

Класс V: 1-я ступень в И. ед. и во мн. ч.,
2-я в остальных первичных словоформах

27. ∅/'. Слова — все те, которые имеют чередование № 19 или № 20 (см. выше).

28. ∅/*ат*'. Слово *дитя* — ср. Р. ед. *дитяти*.

Расширенный адъективный разряд

Класс VI: 1-я ступень в атрибутивных первичных словоформах,
2-я в неатрибутивных словоформах

29. '*н/∅. Слова: а) все причастия на *нный*, например: *данный, решённый, проверенный, воспитанный, преданный* (причастия от *дать, решить, проверить, воспитать, предать*); б) следующие обычные прилагательные (управление указано для того, чтобы уточнить, в каком значении прилагательное имеет данное чередование): *расхлябанный, опосредствованный, преданный* (кому-л., чему-л.), *противопоказанный* (кому-л.), *обязанный* (что-л. сделать), *связанный* (с чем-л.), *общепризнанный, помешанный* (на чем-л.), *предубеждённый* (против чего-л.), *врождённый, изможденный, обнажённый, положенный* (кому-л.), *расположенный* (к кому-л., к чему-л.), *предрасположенный* (к чему-л.), *благорасположенный* (к кому-л., к чему-л.), *изнеможённый* (о человеке), *подверженный* (чему-л.), *приверженный* (к чему-л.), *сопряжённый* (с чем-л.), *раздробленный, влюблённый* (в кого-л., во что-л.), *предустановленный, осведомлённый, зачумлённый, вымышленный, уверенный* (в чем-л.), *намеренный* (что-л. сделать), *угнетённый* (о людях), *обречённый, расфранчённый, развинченный, малоизученный, лишённый* (чего-л.), *искушённый* (в чем-л.), *разобщённый, польщённый*; кроме того, *смятённый* [142].

Примеры неатрибут. словоформ: *дан, дана, дано, даны*; *уверен, уверена, уверено, уверены*.

---

[141] В современном разговорном языке, а также в литературе достаточно часто встречаются и словоформы без этого чередования: *церквям, церквями, церквях*. Таким образом, принятую сейчас норму можно считать устаревающей.

[142] Список составлен по данным Уш., с некоторыми поправками (данные АО и Орф. в этом отношении ненадежны ввиду их несистематичности). Следует учитывать, что проведенное с помощью этого списка разграничение между прилагательными с чередованием № 29 и прилагательными с чередованием № 33 (см. ниже) является в значительной мере условным, поскольку в самом языке здесь нет четкой границы. Так, например, наряду с *его болезнь врождена* возможно также *его болезнь врождённа*. Особенно неустойчиво разграничение в тех случаях, когда противопоставление *нн—н* в неатрибутивных словоформах не поддержано различием в ударении (т. е. там, где перед *нный* стоит безударная гласная), поскольку на устном уровне (при отсутствии специального выделения) здесь обычно нет различия; ср. примеры из АО: *образована комиссия* и *она умна и образованна*. (В связи с этим наблюдаются и орфографические колебания, ср. запись *она умна и образована*.)

30. ’/Ø (место чередования: в слове *и́скренний* — в конце условной основы, в слове *солёный* — перед последними двумя буквами условной основы). Слова: *и́скренний* (вариант с неатрибут. словоформами *и́скренен*, *и́скренна*, *и́скренно*, *и́скренны*; ср. № 35); *солёный* — неатрибут. словоформы *со́лон*, *солона́*, *со́лоно*, *со́лоны*.

31. *ен’*к/Ø*. Слово *ма́ленький* — неатрибут. словоформы *мал*, *мала́*, *мало́*, *малы́*.

32. *бол’ш/велик*. Слово *большо́й* — неатрибут. словоформы *вели́к*, *велика́*, *велико́*, *велики́*.

Класс VII: 2-я ступень в неатрибут. словоформе муж. ед., 1-я в остальных первичных словоформах

33. *’*н/Ø*. Слова:

1) Слова на *ённый* и на безударное *анный*, *янный* или *енный*, за исключением следующих: а) тех, которые имеют чередование № 29 (см. выше)[143]; б) прилагательного (не причастия) *определённый*; в) прилагательных на *б*, *п*, *с*, *ф*, *м*, *д* (но не *жд*), *т*, *з* или *с* + *ённый* (например, *одноимённый*, *казённый*), а также *сажённый*, *пшённый*, *щённый*; г) прилагательных на *б*, *п*, *ф*, *т*, *з* или *с* + безударное *енный* (например, *черносо́тенный*), прилагательных на гласную + *в*, *м* или *д* + безударное *енный* (кроме *обы́денный*; например, *своевре́менный*), а также *тамо́женный*, *ба́шенный*, *ви́шенный*, *коню́шенный*, *богаде́ленный*, *солева́ренный*, *пивова́ренный*, *медова́ренный*, *смолова́ренный*, *мылова́ренный*, *пова́ренный*, *смолоку́ренный*, *виноку́ренный*; д) прилагательного *ла́данный*. Примеры: прилагательные (не причастия) *воспи́танный*, *запу́щенный*, *отдалённый*; также *восто́рженный*, *неприка́янный*, *самонаде́янный*, *торже́ственный*, *бессмы́сленный*, *боле́зненный*, *целому́дренный*.

2) Следующие слова на *е́нный*: *согбе́нный*, *забве́нный*, *незабве́нный*, *самозабве́нный*, *благослове́нный*, *дерзнове́нный*, *прикоснове́нный*, *вдохнове́нный*, *сокрове́нный*, *блаже́нный*, *растле́нный*, *неоцене́нный*, *презре́нный*, *смире́нный*, *неизречённый*, *священный*.

3) Слово *вы́спренний*.

Примеры неатрибутивных словоформ: *воспи́тан*, *воспи́танна*, *воспи́танно*, *воспи́танны*; *торже́ствен*, *торже́ственна*, *торже́ственно*, *торже́ственны*; *блаже́н*, *блаже́нна*, *блаже́нно*, *блаже́нны*; *вы́спрен*, *вы́спренна*, *вы́спренне*, *вы́спренни*[144].

34. ’/Ø. Все слова расширенного адъективного разряда на согласную (или ь) + *ний* (см. § 3.3, II Б 4), например: *дре́вний*, *изли́шний* — неатрибут. муж. ед. *дре́вен*, *изли́шен*.

Класс VIII: 2-я ступень в неатрибут. словоформах муж. ед. и жен. ед., 1-я в остальных первичных словоформах

35. ’/Ø. Слово *и́скренний* (вариант с неатрибут. словоформами *и́скренен*, *и́скренна*, *и́скренне*, *и́скренни*; ср. № 30).

---

[143] Имеется в виду: в тех значениях, которые указаны в пункте 29. Таким образом, отпричастные прилагательные, не указанные в пункте 29, а также, например, прилагательные *пре́данный* (о взгляде и т. п.), *уве́ренный* (о жестах и т. п.), *наме́ренный* (умышленный) имеют чередование № 33.

[144] У слов из подпункта 1 возможны колебания в сторону чередования № 29 (см. сноску 142). С другой стороны, наблюдаются колебания в неатрибут. словоформах муж. рода между исходом на *н* и на *нен*, например: *неожи́дан* и *неожи́данен*, *ме́длен* и *ме́дленен*, *вои́нствен* и *вои́нственен*, *свяще́н* и *свяще́нен*. При этом словоформы на *нен* (число которых растет) имеют более разговорную окраску, а словоформы на *н* — более книжную (иногда даже архаичную). Указания АО (соблюденные здесь) ориентированы в этом отношении на книжную норму.

Простой адъективный разряд

Класс IX: 1-я ступень в И. ед. муж.,
2-я в остальных первичных словоформах

36. *от*/Ø. Слова: *тот*, *э́тот* — ср. Р. ед. муж. *того́*, *э́того*, И. ед. жен. *та*, *э́та*, И. мн. *те*, *э́ти*.

Класс X: 2-я ступень в Т. ед. муж. и сред.,
в ед. числе парн. рода и во всем мн. числе,
1-я в остальных первичных словоформах

37. Ø/'. Слова: *оди́н*[145], *сам*, *э́тот* — ср. Т. ед. муж. *одни́м*, *сами́м*, *э́тим*, И. мн. *одни́*, *са́ми*, *э́ти*.

Класс XI: 1-я ступень во всем И. падеже
и в В. ед. жен.,
2-я в остальных первичных словоформах

38. *ej*/Ø. Слово *сей* — ср. Р. ед. муж., *сего́*, Т. ед. муж. *сим*, Р. мн. *сих*.

39. Ø/*oj*. Слова *не́кий* и *э́кий* (варианты парадигм, имеющие, в частности, Р. ед. муж. *не́коего*, *э́коего*, Т. ед. муж. *не́коим*, *э́коим*, Р. ед. жен. *не́коей*, *э́коей*, Р. мн. *не́коих*, *э́коих*; ср. № 40).

Класс XII: 2-я ступень в Р., Д.,
П. ед. муж. и сред.,
1-я в остальных первичных словоформах

40. Ø/*oj*. Слова *не́кий* и *экий* (варианты парадигм, имеющие, в частности, Р. ед., муж. *не́коего*, *э́коего*, Т. ед. муж. *не́ким*, *э́ким*, Р. ед. жен. *не́кой*, *э́кой*, Р. мн. *не́ких*, *э́ких*; ср. № 39).

Бесчисловые разряды

Класс XIII: 1-я ступень в И. падеже,
2-я в остальных первичных словоформах

41. *т*/Ø. Слова: *кто*, *что*, *никто́*, *ничто́* — ср., например, Р. *кого́*, *чего́*, *никого́*, *ничего́*.

42. *е*/Ø (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *вос'*). Слова: *во́семь*, *во́семьдесят*, *восемьсо́т* (варианты парадигм, имеющие Т. падеж соответственно *восьмью́*, *восьмью́десятью*, *восьмьюста́ми*).

43. Ø/'. Слова: *пятьдеся́т*, *шестьдеся́т*, *се́мьдесят*, *во́семьдесят* — ср., например, Р. *пяти́десяти*, *шести́десяти*, *семи́десяти*, *восьми́десяти*.

44. Ø/$\frac{o}{e}$ (*o*/*e* — чередование № 54). Слово *о́ба* — ср., например, Р. *обо́их*, *обе́их*.

45. *ja*/*м*$\frac{e}{\varnothing}$*н* (*е*/Ø — чередование № 55). Слово *я* — Р. *меня́*, Д., П. *мне*, Т. *мной*, *мно́ю*.

---

[145] Не только прилагательное, но и числительное (тем самым здесь сделано отступление от строгого разделения чередований по грамматическим разрядам содержащих их парадигм).

46. *ы*/$\frac{e}{\emptyset}$*о* (*е*/*о* — чередование № 56). Слово *ты* — Р. *тебя́*, Д. П. *тебе́*, Т. *тобо́ю*, *тобо́й*.

47. *м*/*н*. Слово *мы* — Р. П. *нас*, Д. *нам*, Т. *на́ми*.

48. *он*/*j*. Слова: *он*, *она́*, *оно́*, *они́* — ср., например, Р. *его́*, *её*, *его́*, *их*.

49. '/Ø. Слова: *две́сти*, *они́* — ср., например, Р. *двухсо́т*, *их*.

50. Ø/*у* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *пол*). Слова *полтора́* и *полтора́ста* — ср., например, Р. *полу́тора*, *полу́тораста*.

Класс XIV: 2-я ступень в И. падеже 7-го согласоват. класса, 1-я в остальных первичных словоформах

51. '/Ø. Слова *три* и *четы́ре* — И. падеж 7-го согласоват. класса *тро́е*, *че́тверо*.

52. Ø/*oj*. Слова *два* и *три* — И. падеж 7-го согласоват. класса *дво́е*, *тро́е*.

53. *ы*/*ве* (место чередования — после трех первых букв условной основы). Слово *четы́ре* — И. падеж 7-го согласоват. класса *че́тверо*.

Класс XV: 2-я ступень в Р. Д. Т. П. жен. рода, 1-я в Р. Д. Т. П. остальных родов[146]

54. *о*/*е* (чередование выступает в качестве внутреннего в чередовании № 44). Слово *о́ба* — ср., например, Р. жен. *обе́их*, Р. остальных родов *обо́их*.

Класс XVI: 1-я ступень в Р., 2-я в Д., Т., П.

55. *е*/Ø (чередование выступает в качестве внутреннего в чередовании № 45). Слово *я* — Р. *меня́*, Д., П. *мне*, Т. *мной*.

Класс XVII: 1-я ступень в Р., Д., П., 2-я в Т.

56. *е*/*о* (чередование выступает: в слове *ты* — в качестве внутреннего в чередовании № 46, в слове *себя́* — после начального *с* условной основы). Слова *ты* и *себя́* — Р. *тебя́*, *себя́*, Д., П. *тебе́*, *себе́*, Т. *тобо́й*, *собо́й*.

Класс XVIII: 2-я ступень в Р., 1-я в остальных первичных словоформах

57. Ø/'. Слова: *я*, *ты*, *себя́* — ср. Р. *меня́*, *тебя́*, *себя́*, Т. *мной*, *тобо́й*, *собо́й*.

Класс XIX: 1-я ступень в И., 2-я в Р., Д., П., 3-я в Т.

58. Ø/*ы*/*jу* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *п'ат'*, *шест'*, *сем'*, *вос'*м'*, *вос'м'*, *вос'ем'*[147] или *дев'ат'*). Слова: *пятьдеся́т*, *шестьдеся́т*, *се́мьдесят*, *во́семьдесят*, *пятьсо́т*, *шестьсо́т*, *семьсо́т*, *восемьсо́т*, *девятьсо́т* — ср., например, Р. *пяти́десяти*, *пятисо́т*, Т. *пятью́десятью*, *пятьюста́ми*.

[146] На И. падеж чередования классов XV и XVI не распространяются.

[147] Относительно трех вариантов условного вида начальной части слов *во́семьдесят* и *восемьсо́т* см. ниже, § 6.33, пункт 2, подпункт 6.

Класс XX: 1-я ступень в И., 2-я в Р. и П., 3-я в Д., 4-я в Т.

59. *е/ух/ум/ум'а* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *дв*). Слово *двéсти* — Р. *двухсóт*, П. *двухстáх*, Д. *двумстáм*, Т. *двумястáми*.

60. *ы/дх/дм/ом'а* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *тр'*). Слово *трúста* — Р. *трёхсóт*, П. *трёхстáх*, Д. *трёмстáм*, Т. *тремястáми*.

61. *о/дх/дм/м'а* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *четыр'*). Слово *четы́реста* — Р. *четырёхсóт*, П. *четырёхстáх*, Д. *четырёмстáм*, Т. *четырьмястáми*.

Комментарии к списку чередований

§ 6.33. Помимо разделения на классы, перечисленные выше чередования можно охарактеризовать с нескольких точек зрения, представляющих интерес для описания.

1. Число ступеней чередования. Почти все выделенные чередования состоят из двух ступеней. С формальной точки зрения, двучленными являются также чередования № 44, 45 и 46, у которых одна из ступеней содержит другое, внутреннее чередование. Из трех ступеней состоит чередование № 53, из четырех — чередования № 59, 60, 61.

2. Состав ступеней чередования. Многие из выделенных чередований имеют одинаковый состав ступеней (т. е. различаются только правилом их распределения): на 61 чередование приходится всего 42 разных состава ступеней. Можно предложить следующую неформальную группировку выделенных чередований по составу ступеней (рубрикам даны содержательные названия, которые с формальной точки зрения должны рассматриваться просто как условные, поскольку используемые в них термины в настоящей работе никак не определяются):

1) Мена твердости и мягкости (т. е. чередования, состоящие из ступеней Ø и '). Таковы чередования № 13 (*сосéд—сосéди*), № 18 (*госпóдь—гóспода*), № 30 (*солёный—сóлон*), № 34 (*дрéвний—дрéвен*), № 35 (*úскренний—úскренна*), № 37 (*сам—сáми*), № 43 (*пятьдесят—пятúдесяти*), № 49 (*двéсти—двухсóт*), № 51 (*три—трóе*), № 57 (*меня́—мной*).

2) Прочие так называемые исторические чередования. Сюда относятся чередования: № 1 *к/ч* (*сук—сýчья*), № 2 *г/з* (*друг—друзья́*), № 3 *х/ш* (*ухó—ýши*), № 4 *о/е* (*чёрт—чéрти*), № 5 *и/е* (*дитя́—дéти*), № 53 *ы/ве* (*четы́ре—чéтверо*), № 55 *е/Ø* (*меня́—мне*), № 56 *е/о* (*тебя́—тобóй*).

3) Мена суффиксальных элементов с нулем или друг с другом. Сюда относятся: а) чередования так называемых наращений основы (возникших в большинстве случаев из прежних основообразующих элементов) с нулем — № 10 *Ø/ов* (*сын—сыновья́*), № 11 *Ø/ес* (*чýдо—чудесá*), № 20 *Ø/он* (*úмя—имён*), № 21 *Ø/ан* (*сéмя—семя́н*), № 22 *Ø/ер'* (*мать—мáтери*), № 28 *Ø/ат'* (*дитя́—дитя́ти*), № 36 *от/Ø* (*тот—та*), № 41 *т/Ø* (*что—чегó*); сюда же № 19 *ос/Ø* (*Христóс — Христá*); б) чередования суффиксов с нулем — № 6 *ин/Ø* (*армянúн — армя́не*), № 7 *н/Ø* (*сýдно — судá*), № 8 **к/Ø* (*цветóк — цветы́*), № 9 *иц/Ø* (*кýрица—кýры*), № 12 *Ø/*j* (*стул—стýлья*), № 29 и 33 *'*н/Ø* (*прéданный—прéдан*), № 31 *ен'*к/Ø* (*мáленький—мал*), № 38 *еj/Ø* (*сей—сим*), № 39, 40 и 52 *Ø/оj* (*нéкий—нéкоего*, *два—двóе*), № 44 *Ø/*$\frac{о}{е}$*j* (*óба—обóих, обéих*); в) мена суффиксов — № 14 *он*к/ат* (*гусёнок—гуся́та*), № 15 **к/'ат* (*бесёнок—бесеня́та*); сюда же № 54 *о/е* (*обóих—обéих*).

4) Супплетивизм. Сюда относятся чередования № 16 *реб'он*к/дет'*, № 17 *человек/л'уд'*, № 25 *год/лет*, № 32 *бол'ш/велик*, № 45 *jа/м*$\frac{е}{Ø}$ и

(*я — меня́, мне*), № 46 *ы*/$\frac{е}{о}$*б* (*ты—тебя́, тобо́й*), № 47 *м'н* (*мы—нас*), № 48 *он'j* (*он—его́*).

5) Так называемое двойное склонение. Это чередования, свойственные почти исключительно составным количественным числительным и являющиеся формальным отражением того факта, что у этих слов склоняются обе составные части, т. е. по существу имеется еще один ряд окончаний, вклиненных внутрь основы. Поскольку таких слов очень немного, для описания в целом экономнее рассматривать этот дополнительный ряд окончаний как особый вид чередований в основе, а не вводить особый признак «наличие второго ряда окончаний», со всеми вытекающими отсюда формальными осложнениями. Наиболее отчетливо проявляется двойное склонение у слов с чередованиями № 58—61 (см. список); менее явно оно выступает в виде чередований № 23 и 50 *Ø/у* (*по́лдень—полу́дня, полтора́—полу́тора*).

6) Особый случай представляет собой чередование № 42 *е/Ø* (*во́семь—восьми́, восьмью́*). По существу здесь представлено чередование беглой гласной с нулем, но с нарушением правила распределения ступеней в Т. падеже: *восьмью́* вместо *восемью́* (последнее, впрочем, также существует и входит в другой вариант парадигмы, имеющей обычное чередование беглой гласной с нулем). С формальной точки зрения, однако, рассматриваемое чередование не может быть признано позиционным. Таким образом, два варианта парадигмы слова *во́семь* выглядят на условном уровне так: а) вариант с Т. *восемью́* — И. *во́с'*м'*|, Р. Д. П. *вос'*м'|и́*, Т. *вос'*м'|jу́* (с единой основой); б) вариант с Т. *восьмью́* — И. *во́с'ем'*|, Р. Д. П. *вос'м'|и́*, Т. *вос'м'|jу́* (с непозиционным чередованием № 42). Аналогичные варианты имеют парадигмы слов *во́семьдесят* и *восемьсо́т*.

3. Место чередования внутри условной основы. Как уже отмечено выше, большинство выделенных чередований — концевые. Все возможные случаи непосредственного соприкосновения двух концевых чередований внутри одной условной основы (а также слова, в которых это происходит) указаны в § 6.32, в правилах выделения чередований.

4. Степень распространенности чередования. Несколько чередований представлены в значительных группах слов, а именно: № 29 '*н/ Ø — около 4600 слов (причастия на *нный*), № 33 '*н/Ø — около 750, № 24 '/Ø — около 150, № 6 *ин/Ø* — около 75, № 14 *он*к/ат* — около 70. Фактически в этих случаях мы имеем дело с незамкнутыми рядами; в самом деле, за пределами исходного материала имеется или может быть образовано большое число других таких слов. Не вполне замкнут также ряд слов с чередованием № 12 *Ø/*j* (около 45 слов). Остальные чередования представлены в очень маленьких группах слов, часто всего в одном слове; в общей сложности они охватывают всего около 110 слов.

§ 6.34. Введем различительный признак парадигм, относящийся к основе: «чередования в условной основе». Этот признак может принимать нулевое значение и 63 ненулевых значения. Каждое ненулевое значение может иметь один из двух видов: 1) «в условных основах словоформ данной парадигмы представлено такое-то чередование (по нумерации, данной в § 6.32); других чередований нет»; 2) «в условных основах словоформ данной парадигмы представлены одновременно такие-то чередования; других чередований нет». (Ср. выше, § 6.31, признак «наличие нестандартных условных окончаний».) В первом случае названием данного ненулевого значения служит номер соответствующего чередования, во втором — пара или тройка таких номеров. При этом, если одно чередование является внутренним по отно

шению к другому, это оговаривается; в прочих случаях, если два чередования непосредственно соприкасаются, их номера приводятся через знак «+» (см. также § 6.32, правила выделения чередований, пункт II 1), если не соприкасаются — через слово «и». При каждом ненулевом значении указывается, какие слова его имеют (часто с помощью отсылок к § 6.32).

Значения признака «чередования в условной основе»:

0. Чередований в условных основах словоформ данной парадигмы нет (нулевое значение). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

№ 1. Слово *óко*.

№ 1 + № 12. Слова: *клок*, *крюк*, *сук* (варианты с мн. *клóчья*, *крю́чья*, *су́чья*).

№ 2 + № 12. Слово *друг*.

№ 3. Слово *ухо*.

№ 4 и № 13. Слово *чёрт*.

№ 5 и № 28. Слово *дитя́*.

№ 6. Слова — те, у которых представлено чередование № 6 (см. § 6.32), кроме слов *хозя́ин* и *шу́рин*.

№ 6+№ 10. Слово *хозя́ин*.

№ 6+№ 12. Слово *шу́рин* (вариант с мн. *шурья́*).

№ 7. Слово *су́дно* (корабль).

№ 8. Слово *цветóк* (растение).

№ 9. Слово *ку́рица*.

№ 10+№ 12. Слова *кум* и *сын* (в прямом знач., мн. *сыновья́*).

№ 11. Слова: *дрéво*, *нéбо*, *чу́до*.

№ 12. Слова — те, у которых представлено чередование № 12 (см. § 6.32), кроме слов *клок*, *крюк*, *сук*, *друг*, *шу́рин*, *кум*, *сын*.

№ 13. Слова: *колéно*, *сосéд*.

№ 14. Слова — те, у которых представлено чередование № 14 (см. § 6.32).

№ 15. Слова: *бесёнок*, *чертёнок*, *щенóк* (вариант с мн. *щеня́та*).

№ 16. Слово *ребёнок* (мн. *дéти*).

№ 17. Слово *человéк* (мн. *лю́ди*).

№ 18. Слово *госпóдь*.

№ 19. Слово *Христóс*.

№ 20+№ 27. Слова — те, у которых представлено чередование № 20 (см. § 6.32).

№ 21+№ 27. Слова — те, у которых представлено чередование № 21 (см. § 6.32).

№ 22. Слова: *дочь*, *мать*.

№ 23. Слова: *пóлдень*, *пóлночь* (варианты с Р. ед. *полу́дня*, *полу́ночи*).

№ 24. Слова — те, у которых представлено чередование № 24 (см. § 6.32).

№ 25. Слово *год* (вариант с Р. мн. *лет*).

№ 26. Слово *цéрковь*.

№ 29. Слова — те, у которых представлено чередование № 29 (см. § 6.32).

№ 30. Слова: *и́скренний* (вариант с неатрибут. словоформами *и́скренен*, *и́скренна*, *и́скренно*, *и́скренны*), *солёный*.

№ 31. Слово *мáленький*.

№ 32. Слово *большóй*.

№ 33. Слова — те, у которых представлено чередование № 33 (см. № 6.32), кроме слова *вы́спренний*.

№ 33+№ 34. Слово *вы́спренний*.

№ 34. Слова — те, у которых представлено чередование № 34 (см. § 6.32), кроме слова *вы́спренний*.

№ 35. Слово *и́скренний* (вариант с неатрибут. словоформами *и́скренен*, *и́скренна*, *и́скренне*, *и́скренни*).

№ 36. Слово *тот*.

№ 36+№ 37. Слово *э́тот*.

№ 37. Слова: *оди́н* (прилагательное и количественное числительное), *сам.*
№ 38. Слово *сей.*
№ 39. Слова: *не́кий*, *э́кий*, (варианты с Р. мн. *не́коих*, *э́коих*),
№ 40. Слова: *не́кий*, *э́кий* (варианты с Р. мн. *не́ких*, *э́ких*).
№ 41. Слова: *кто*, *что*, *никто́*, *ничто́*.
№ 42. Слово *во́семь* (вариант с Т. *восьмью́*).
№ 42, № 43 и № 58. Слово *во́семьдесят* (вариант с Т. *восьмью́десятью*).
№ 42 и № 58. Слово *восемьсо́т* (вариант с Т. *восьмьюста́ми*).
№ 43 и № 58. Слова: *пятьдеся́т*, *шестьдеся́т*, *се́мьдесят*, *во́семьдесят* вариант с Т. *восемью́десятью*).
№ 44 (с внутренним чередованием № 54). Слово *о́ба.*
№ 45 (с внутренним чередованием № 55)+№ 57. Слово *я.*
№ 46 (с внутренним чередованием № 56)+№ 57. Слово *ты.*
№ 47. Слово *мы.*
№ 48. Слова: *он*, *она́*, *оно́*.
№ 48+№ 49. Слово *они́.*
№ 49 и № 59. Слово *две́сти.*
№ 50. Слова: *полтора́*, *полтора́ста.*
№ 51 и № 52. Слово *три.*
№ 51 и № 53. Слово *четы́ре.*
№ 52. Слово *два.*
№ 56 и № 57. Слово *себя́.*
№ 58. Слова: *пятьсо́т*, *шестьсо́т*, *семьсо́т*, *восемьсо́т* (вариант с Т. *восемьюста́ми*), *девятьсо́т.*
№ 60. Слово *три́ста.*
№ 61. Слово *четы́реста.*

Комментарии к понятию условного вида словоформ

§ 6.35. В соответствии с § 0.4 в настоящей книге словоформы берутся в акцентуированной орфографической записи; однако, как мы видели выше, при описании наборов окончаний и чередований в основе фактически используется не эта, а некоторая вспомогательная запись («условный вид»), введенная в § 6.26 и представляющая собой, с формальной точки зрения, нечто производное от обычной орфографии. Рассмотрим, чем это вызвано.

Один из важнейших приемов лингвистического описания (известный на протяжении всей истории языкознания, начиная с древнеиндийских грамматиков, и в особенности широко применяемый в наше время) состоит в том, что реально наблюдаемые объекты мыслятся как результаты некоторых стандартных преобразований ограниченного числа исходных объектов. Эти исходные объекты недоступны наблюдению, т. е. представляют собой так называемые конструкты. Смысл такого приема состоит в том, что описание отношений между объектами (например, правил распределения и т. п.) заменяется описанием воображаемых преобразований, которые создали бы эти отношения. При достаточно удачном подборе исходных объектов и правил преобразования такой прием, во-первых, делает описание более компактным, во-вторых (что более важно), позволяет разграничить два

рода различий между наблюдаемыми объектами: 1) относительно более глубокие различия (сохраняющиеся даже на уровне постулированных исходных объектов); 2) менее существенные различия, полностью объясняемые действием стандартных правил преобразования.

Рассмотрим, каким образом этот прием применяется к описанию русского склонения. Сравним, например, наборы окончаний следующих слов (взятых в орфографической записи):

заво́д	*ка́рта*	*боло́то*	*но́вый*
овра́г	*кни́га*	*бла́го*	*стро́гий*
ме́сяц	*у́лица*	*блю́дце*	*ку́цый*

Любые два из этих наборов (кроме пары *боло́то—бла́го*) различны между собой. Таким образом, при «прямолинейном» описании здесь пришлось бы выделить 11 самостоятельных наборов окончаний. Очевидно, однако, что различия между наборами окончаний у слов одного столбца управляются весьма простыми закономерностями, притом общими для всех столбцов, а именно: а) если у слова из 1-й строки окончание начинается с *ы*, то у соответствующего слова из 2-й строки (основа на *г*) оно начинается с *и*; б) если у слова из 1-й строки окончание начинается с (безударного) *о*, то у соответствующего слова из 3-й строки (основа на *ц*) оно начинается с *е*. Более привычно эти закономерности выражаются так: а) «после *г* *ы* заменяется на *и*» (или «переходит в *и*»); б) «после *ц* безударное *о* заменяется на *е*». Уже в этих привычных формулировках по существу отражен описанный выше прием: неявно предполагается, что, например, окончание И. мн. слова *овра́г* на некотором исходном уровне есть *-ы*, которое лишь в силу специального правила заменено реально наблюдаемым *-и*. Таким образом, описание взятой совокупности парадигм можно построить так. Каждой словоформе, помимо ее наблюдаемого (т. е. орфографического) вида, по определенным правилам приписывается так называемый «условный вид»; в данном случае всем словам из 2-й и 3-й строк приписываются те же окончания, что у соответствующего слова из 1-й строки (таким образом, например, условный вид словоформы И. мн. от *овра́г* — *овра́гы*, словоформы Т. ед. от *у́лица* — *у́лицой*). Существуют стандартные правила перехода от условного вида произвольной словоформы к ее реально наблюдаемому виду; в данном случае это сформулированные выше правила замены *ы* и *о*. На 12 рассматриваемых слов теперь приходится только 4 разных набора окончаний.

Легко понять, что указанный принцип описания должен привести к записи, представляющей собой не что иное, как один из вариантов так называемой морфофонематической (или морфонемной, или морфонологической) транскрипции. В самом деле, условный вид словоформ, принятый в § 6.26, весьма близок,

в частности, к морфофонематической транскрипции Р. И. Аванесова [148].

Наиболее важное различие общего характера между этими двумя видами вспомогательной записи состоит в том, что в морфофонематической транскрипции Р. И. Аванесова наряду с основными символами типа *а*, *о*, *в*, *ф* и т. д. выступают также особые символы со значением «безразлично, *а* или *о*» (символ *α*), «безразлично, *в* или *ф*» (символ $ф_2$) и т. д., тогда как в условном виде словоформ подобных дополнительных символов нет (так, всякому *α* здесь соответствует либо *а*, либо *о*, всякому $ф_2$ — либо *в*, либо *ф*). Например, условный вид словоформ *бара́н*, *пожа́р*, *садо́в* совпадает с орфографическим, тогда как в указанной морфофонематической транскрипции они выглядят так: *бαра́н*, *пαжа́р*, *садо́*$ф_2$. Это различие обусловлено прежде всего тем, что эти вспомогательные способы записи предназначены для несколько различных целей. Морфофонематическая транскрипция Р. И. Аванесова призвана отразить некоторый уровень существования русского текста. Этому уровню приписывается самостоятельная значимость, не сводящаяся целиком, например, к тому, что он одновременно обеспечивает относительное единство морфемы и возможность автоматического перехода к фонетической форме. Отсюда, в частности, стремление к единственности получаемой записи и, следовательно, необходимость особой записи (типа *бαра́н*) в случаях, где равно допустимы несколько вариантов (*бара́н* и *бора́н*). Вспомогательная запись, введенная в § 6.26, преследует более узкую цель: достичь единого изображения некоторого числа морфем, по-разному записываемых в орфографии (ср., например, *заво́ды* и *овра́ги*, *столо́м*, *рублём* и *зве́рем*, *село́* и *сёла*), сохранив при этом возможность перехода как к фонетической форме, так и к обычной орфографической записи. (Практически этот переход мыслится как операция, начинающаяся с «возврата» к акцентуированной орфографической записи, от которой, в свою очередь, можно перейти к обеим указанным формам, ср. § 0.4.) Очевидно, что эту цель можно достичь многими способами. В частности, с точки зрения перехода к фонетическому уровню такие записи, как *бара́н*, *бора́н* и *бαра́н*, совершенно равнозначны. В этих условиях использование символов типа *α* или $ф_2$ означает лишь ничем не оправданное расширение исходного алфавита символов. Характерно, что русская орфо-

[148] См.: Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, § 77. О типах транскрипции см. также: М. Халле. Фонологическая система русского языка. Лингвистико-акустическое исследование. «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962, стр. 299—307. — Говоря о морфофонематической транскрипции, необходимо учитывать, что многие лингвисты, строящие понятие фонемы на базе морфологии, называют транскрипцию такого типа просто фонологической (или фонемной). Практическое применение такой транскрипции к описанию русского словоизменения см. в кн.: Ľ. Ďurovič. Paradigmatika spisovnej ruštiny. Bratislava, 1964.

графия, которая, как известно, весьма близка к морфофонематической транскрипции, также не использует символов типа *а* [149]; таким образом, в этом отношении условный вид словоформ сближается с орфографией.

Остается вопрос о выборе между записями типа *бара́н* и *бора́н*. Если учесть, однако, что вспомогательная запись должна обеспечивать переход не только к фонетическому уровню, но и к орфографической записи, ответ становится очевидным: из двух равносильных записей в условном виде следует использовать ту, которая соответствует орфографии (т. е. *бара́н*) [150]. Таким образом, условный вид словоформ представляет собой своего рода промежуточную запись между орфографией и обычной морфофонематической транскрипцией.

Следует подчеркнуть, что используемая вспомогательная запись приспособлена прежде всего для описания именного словоизменения. Это отражается, в частности, в том, что при переходе от орфографии к условному виду изменяемая часть основы и окончания подвергаются более детальной обработке, чем неизменяемая часть основы. Например, сознательно оставлены в стороне и никак не отражаются в условном виде словоформ такие различия, как /т/ — /т'/ в *тест* — *те́сто*, *тёрция* — *тёхника* и т. п., поскольку они никак не касаются словоизменения. Таким образом, при описании других разделов морфологии правила построения условного вида словоформ потребовали бы некоторой детализации (ср. § 6.36, вопрос об условном виде словоформ типа *уголбк*).

Чтобы указать, какой именно условный вид приписывается произвольно выбранной именной словоформе, в § 6.26 даны точные правила перехода от орфографической записи к условному виду.

§ 6.36. Рассмотрим более подробно одну существенную частную особенность условного вида словоформ, отличающую его от имеющихся морфонологических транскрипций. Имеется в виду особая трактовка чередований беглой гласной с нулем (см. § 6.24), а именно изображение как полной, так и нулевой ступени любого такого чередования с помощью знака *. Такая трактовка основана на том же самом принципе, по которому принимаются и другие единицы морфонологической транскрипции (например, *о*, *в*, *т* и т. д.), а именно: при переходе от этой транскрипции к фонетическому уровню любой ее символ должен автоматически

[149] О сходствах и различиях между морфофонематической транскрипцией и орфографией см.: Р. И. Аванесов. Указ. соч., § 81.

[150] Разумеется, в части случаев возможны и отклонения от орфографии (ср. § 6.26, пункты I.3, IV.2, VII.6 «Правил получения условного вида»). Характерно, что это как раз те случаи, где проявляется непоследовательность действующей орфографии.

9 — 6712

(т. е. на основании одних лишь контекстных условий) превращаться в одну из своих фонетических реализаций (а именно в ту, которая реально выступает в соответствующей словоформе). Так, например, символ *о* превращается в [о], [ʌ] или [ъ] в зависимости от места ударения (ср. первый слог в словоформах *го́лову*, *голо́в*, *голова́*), символ *т* — в [т], [д], [т'], [д'] или даже нуль в зависимости от окружения (ср. словоформы *отпи́ть*, *отби́ть*, *оттяну́ть*, *отдели́ть*, *ме́стный*) и т. д. Точно так же символ * автоматически превращается либо в некоторую гласную (полная ступень чередования), либо в нуль звука (нулевая ступень). Рассмотрим вначале вопрос о выборе ступени (т. е. выборе между гласной и нулем звука), а затем отдельно вопрос о выборе нужной гласной в полной ступени.

Ответ на первый вопрос таков: символ * превращается в нуль звука, если он стоит в условном виде словоформы непосредственно перед сочетанием «согласная+гласная», и в гласную во всех прочих случаях. Ср., например, словоформы (в скобках дан условный вид): а) *углы́* (*уг*лы́*), *песка́* (*пес*ка́*), *льном* (*л'*но́м*), *соловьёв* (*солов*jо́в*), *ла́йка* (*ла́j*ка*), *семьёй* (*сем*jо́j*), *стекло́* (*стек*ло́*), *я́дра* (*jа́д'*ра*), *це́ркви* (*це́рк*в'ы*), *ли́сья* (*ли́с*jа*), *всё* (*в'*с'о́*); б) *у́гол* (*у́г*л*), *песо́к* (*пес*к*), *лён* (*л'*н*), *солове́й* (*солов*j*), *ла́ек* (*ла́j*к*), *семе́й* (*сем*j*), *я́дер* (*jа́д'*р*), *це́рковь* (*це́рк*в'*), *це́рковью* (*це́рк*в'jу*), *ли́сий* (*ли́с*j*), *весь* (*в'*с'*). Приведенные примеры взяты из области словоизменения; однако, как и в случае с другими символами морфонологической транскрипции, указанное правило распределения действует также и в сфере словообразования; ср., например: а) *углово́й*, *углова́тый*, *песчи́нка*, *песча́ный*, *льняно́й*, *льново́дство*, *соловьи́ный*, *ла́йковый*, *семьяни́н*, *стекля́нный*, *стёклышко*, *застекли́ть*, *я́дрышко*, *я́дрица*, *церкву́шка*; б) *уго́льник*, *уго́льный*, *песо́чный*, *песо́чница*, *солове́йчик*, *ла́ечка*, *семе́йный*, *семе́йство*, *стеко́льный*, *стеко́льщик*, *я́дерный*, *церко́вный*, *це́рко́вка*.

Специально отметим следующее. Как указано в § 6.26, символ * не относится к числу гласных. Таким образом, символ *, стоящий перед сочетанием «согласная+*» превращается в гласную, а не в нуль, независимо от того, как реализуется второй символ * (стоящий после согласной). Правда, проиллюстрировать это явление можно лишь на примерах из области словообразования (поэтому для приводимых ниже словоформ указан тот условный вид, который им следовало бы приписать при изучении словообразования; в соответствии с параграфом 6.26, обслуживающим только систему словоизменения, они получают более простой условный вид). Ср., например, словоформы: *уголо́к* (*уг*л*к*), *уголо́чек* (*уг*л*ч*к*), *песо́чек* (*пес*ч*к*), *лено́к* (*л'*н*к*), *денёк* (*д'*н'*к*), *денёчек* (*д'*н'*ч*к*), *ручеёк* (*руч*j*к*), *ручеёчек* (*руч*j*ч*к*), *ку́колок* (*ку́к*л*к*), *метёлок* (*м'от'*л*к*), *метёлочек* (*м'от'*л*ч*к*), *семе́ек* (*сем*j*к*), *мальчи́шечий* (*мал'чи́ш*ч*j*),

старýшечий (*старýш*ч*j*), *пёсий* (*п'*с*j*), *овéчий* (*ов'*ч*j*), *зáячий* (*зáj*ч*j*).

Существует, правда, небольшое число словоформ, которые не подчиняются указанному выше правилу, например: *камени́стый* (ср. *кáмни*), *ледохóд* (ср. *льды*), *лобовóй, лобáстый* (ср. *лбы*), *пепели́ще* (ср. *пéпла*), *Любóви* (Р. ед. имени собственного, ср. *любви́*), также *лóбик*, *рóтик*, *рóвик*, *пёсик*. Однако эти факты отнюдь не разрушают предложенной выше морфонологической трактовки беглых гласных: просто в подобных словоформах на условном уровне выступает обычное *о* или *е* (а не *). Иначе говоря, например, в паре слов *лоб* (Р. ед. *лба*) — *лобовóй* мы имеем дело с чередованием */*о* на условном уровне. Ср., например, чередование *о*/*а* на условном уровне в паре *спроси́ть* (настоящее время *спрóсит*) — *спрáшивать* (на фонетическом уровне корневые гласные в словоформах *спроси́ть* и *спрáшивать* сходны).

Обратимся теперь к вопросу о том, какая именно гласная выступает в полной ступени. Превращение символа * в гласную можно представить так: 1) * превращается в одну из гласных условного уровня (а именно, *о*, *е* или *и*), причем выбор этой гласной полностью определяется окружением символа * и положением ударения (правила такого превращения образуют отдел А II «Правил перехода от условного вида к действительному», данных в § 6.39); 2) полученная таким образом гласная условного уровня по общим правилам реализуется в виде соответствующей фонетической (или орфографической) единицы. Таким образом, весь переход от символа * к его фонетической (или орфографической) реализации регулируется стандартными правилами, не использующими никакой иной информации, кроме сведений о его окружении и о месте ударения [151].

Несколько слов с беглой гласной в основе (например, *оди́н*, *яйцó*, *лев*, *хребéт*) отклоняются от общих правил выбора гласной, выступающей в качестве полной ступени. С формальной точки зрения на этом основании в условный вид соответствующих словоформ следовало бы ввести не звездочку, а другие дополнительные символы, означающие свойственные этим словам особые чередования. Практически, однако, это было бы весьма неудобно, поэтому такие слова рассматриваются просто в индивидуальном порядке как исключения (§ 6.47). Кроме того, имеется несколько словоформ с беглой гласной, в которых видимое отклонение от нормы объясняется только непоследовательностью действующей орфографии (*зáяц*, *достóин*, *ýлей*, *чи́рей*, *рýжей* — вместо ожидаемых *зáец*, *достóен*, *ýлий*, *чи́рий*, *рýжий*).

[151] Описание чередований беглых гласных с нулем на орфографическом уровне см. в работе: А. А. Зализняк. Беглые гласные в русском словоизменении. «Русский язык в нац. школе», 1963, № 5.

Заметим, наконец, что символ * можно связать также с определенными фактами истории русского языка. Как известно, основным историческим источником чередований беглых гласных с нулем является двойственное развитие древнерусских редуцированных (ъ и ь). Легко убедиться, что символ * в условном виде словоформ обычно соответствует древнему ъ, а сочетание символов '* — древнему ь; ср., например, условные записи *лист*к*, *от'*ц* и древнерусские словоформы *листъкъ*, *отьць*. Таким образом, здесь, как и в § 6.22, мы сталкиваемся с тем примечательным фактом, что условные единицы синхронического описания могут как бы воссоздавать реальные единицы прошлого.

Итоги классификации суженных парадигм условного уровня

§ **6.37**. Различительные признаки «схема ударения», «тип склонения», «нестандартные условные окончания» и «чередования в условной основе» обеспечивают следующее. Пусть даны два слова, имеющих парадигмы одинакового устройства и одинаковые значения признаков «морфологическое число» и «морфологический класс». Для любых двух таких слов верны следующие утверждения: 1) если они имеют одинаковое значение признака «схема ударения», то их суженные парадигмы условного уровня одинаково акцентуированы (о применении понятия одинаковой акцентуации к таким парадигмам см. § 6.14); 2) если они имеют одинаковые значения признаков «тип склонения» и «нестандартные условные окончания», то их суженные парадигмы условного уровня имеют одинаковые наборы окончаний; 3) если они имеют одинаковое значение признака «чередования в условной основе», то их суженные парадигмы условного уровня имеют подобные наборы основ. Это значит, что совокупность всех введенных выше различительных признаков обеспечивает достаточную детальность классификации суженных парадигм условного уровня, т. е. что любые два слова, имеющие одинаковое значение всех этих признаков, имеют эквивалентные суженные парадигмы условного уровня.

Заметим, что произведенная классификация суженных парадигм условного уровня почти не имеет избыточной детальности; иначе говоря, почти всякая пара слов, у которых суженные парадигмы условного уровня эквивалентны, получает одинаковые значения всех введенных до сих пор различительных признаков. (Исключение составляют только такие пары слов, где один член пары имеет дефект № 9, а другой — дефект № 10.)

Введенные выше различительные признаки образуют основу всей классификации русских именных парадигм. В самом деле, они отражают все те и только те свойства парадигм, которые сохраняются после того, как 1) отброшены вторичные словоформы, т. е. сняты особенности, связанные с грамматическими явлениями

второстепенного характера, 2) произведен переход от действительного (орфографического) уровня к условному, т. е. сняты особенности, обусловленные действием определенных автоматических правил современного языка или связанные с некоторыми частными аномалиями. Все остальные различительные признаки предназначены для того, чтобы отразить эти сравнительно менее существенные особенности именных парадигм.

ПЕРЕХОД ОТ УСЛОВНОГО УРОВНЯ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ

Переход от условного ударения к действительному

§ 6.38. Введенный выше различительный признак «схема ударения» учитывает только условное, а не действительное ударение. Однако эти две характеристики словоформы определенным образом связаны между собой, что дает возможность переходить по некоторым правилам от условного ударения словоформы к действительному.

Пусть имеется некоторая неисходная словоформа F, условное ударение которой известно, а действительное — неизвестно. Ниже приводятся правила, позволяющие установить место действительного ударения этой словоформы; при этом устанавливается не только то, на какой компонент (основу или окончание) падает действительное ударение, но и то, на какой именно слог словоформы F оно падает.

Приводимые правила рассчитаны на то, что словоформа F взята в действительном виде. Однако эти правила применимы (с небольшими изменениями формулировок) также и в том случае, если словоформа F взята в условном виде. Таким образом, можно различать основной вариант этих правил (вариант 1), рассчитанный на действительный вид словоформ, и дополнительный вариант (вариант 2), рассчитанный на условный вид словоформ[152]. Основной текст правил отражает вариант 1 (в частности, термины «словоформа», «основа» и «окончание» без уточнений означают, в соответствии с § 6.14, действительный вид этих единиц). Во всех случаях, когда некоторый пункт правил по-разному формулируется в вариантах 1 и 2, текст этого пункта для варианта 2 дается в сноске. Чтобы получить из основного текста полный текст правил для варианта 2, необходимо, таким образом: а) понимать под «словоформой», «основой» и «окончанием», вопреки § 6.14, условный вид этих единиц; б) там, где имеются соответствующие сноски, заменять пункты основного текста этими сносками.

В правилах используются (в общем случае) следующие сведения о словоформе F и о содержащей ее парадигме:

а) буквенный состав словоформы F с разделением на основу и окончание (в варианте 1 — в действительном виде, в варианте 2 — в условном);

---

[152] Пользуясь терминами, данными в § 6.14, можно сказать, что вариант 1 представляет собой правила перехода от действительного вида с условным ударением к действительному виду с действительным ударением, а вариант 2 — правила перехода от условного вида с условным ударением к условному виду с действительным ударением.

б) исходная словоформа парадигмы, содержащей F, с разделением на основу и окончание (в варианте 1 — в действительном виде, в варианте 2 — в условном);

в) схема ударения данной парадигмы (следовательно, в частности, условное ударение в словоформе F и в исходной словоформе);

г) наличие или отсутствие в данной парадигме чередования беглой гласной с нулем (см. § 6.24; в варианте 2 этот элемент информации в самостоятельной форме не требуется, поскольку он уже отражен в наличии или отсутствии звездочки в условной основе);

д) тип склонения данной парадигмы (точнее — является ли тип склонения местоименным; см. § 6.27).

Правила делятся на две части: основную и дополнительную. Основная часть является общей для всех неисходных словоформ. Дополнительная часть состоит из отдельных поправок к результатам применения основной части правил; она предназначается для небольшой группы словоформ, которые с точки зрения основной части правил являются исключениями. Таким образом, основная и дополнительная части приводимых правил по существу представляют собой два этапа обработки словоформ, первому из которых подвергается всякая неисходная словоформа, а второму — только словоформы из определенного узкого списка.

Правила нахождения ударного слога в произвольной неисходной словоформе

А. Основная часть правил (общая для всех неисходных словоформ)

С л у ч а й I. Условное ударение в словоформе F на основе.

1. Если в исходной словоформе условное ударение также на основе — в словоформе действительное ударение падает на тот же по счету от начала слог основы, что и в исходной словоформе [153]. Если же это невозможно из-за того, что основа словоформы F не насчитывает нужного числа слогов, действительное ударение в этой словоформе падает на последний слог основы.

2. Если в исходной словоформе условное ударение на окончании, то:

а) если парадигма имеет схему ударения f или f' — действительное ударение в словоформе F падает на первый слог основы;

б) [154] если парадигма имеет иную схему ударения, то:

если окончание словоформы F не содержит гласной, а парадигма имеет чередование беглой гласной с нулем — действительное ударение в этой словоформе падает на предпоследний слог основы [155];

---

[153] Если в исходной словоформе действительное ударение не на основе, словоформа F имеет действительное ударение на первом слоге (этот случай возможен только в парадигмах слов *два* и *три*).

[154] В варианте 2 пункт *б* таков: если парадигма имеет иную схему ударения, то действительное ударение в словоформе F падает на последнюю гласную основы. (Напомним, что в соответствии с § 6.26, символ * не является гласной, хотя и может нести знак ударения.)

[155] Во всех таких случаях основа содержит не менее двух слогов.

в прочих случаях действительное ударение в словоформе падает на последний слог основы [156].

Случай II. Условное ударение в словоформе F на окончании.

1. Если окончание словоформы двусложно, то:

если тип склонения данной парадигмы местоименный (I или II), а словоформа F не есть словоформа творительного падежа — действительное ударение в этой словоформе падает на последний слог окончания;

в прочих случаях действительное ударение в словоформе падает на первый слог окончания.

2. Если окончание словоформы односложно — действительное ударение падает на единственный слог окончания.

3. [157] Если окончание словоформы F неслоговое (т. е. не содержит гласной) — действительное ударение падает на последний слог основы.

Примеры (словоформы рассматриваются в действительном виде; в случаях, представляющих специальный интерес, в сносках указан также условный вид рассматриваемых словоформ):

1) Условное ударение во взятой неисходной словоформе на основе: мн. ч. *игóлк|и*, *игóлок|*, *игóлк|ам* (действительное ударение падает на тот же по счету слог основы, что и в исходной словоформе *игóлк|а*); мн. ч. *славя́н|е* *славя́н|*, *славя́н|ам* (действительное ударение не может падать на тот же по счету слог основы, что в исходной словоформе *славяни́н|*, поскольку во взятых словоформах основа на один слог короче; поэтому оно падает на последний слог основы); В. ед. *гóлов|у*, И. мн. *гóлов|ы* (действительное ударение на первом слоге, поскольку в исходной словоформе *голов|á* условное ударение на окончании, а парадигма имеет схему ударения f'); Р. мн. *сóсен|*, *ремёсел|*, *сапóжек|* (действительное ударение на предпоследнем слоге, поскольку условное ударение в исходных словоформах *сосн|á*, *ремесл|ó*, *сапожóк|* на окончании, парадигмы не относятся к схемам f, f' и имеют чередование беглой гласной с нулем, а окончания взятых словоформ нулевые); И. мн. *сóсн|ы*, *ремёсл|а*, *сапóжк|и*, Д. мн. *сóсн|ам*, *ремёсл|ам*, *сапóжк|ам* и т. д. (действительное ударение на последнем слоге основы; отличие от предыдущего случая в том, что окончания здесь содержат гласную) [158].

2) Условное ударение во взятой неисходной словоформе на окончании: Р. *|егó*, *|её*, *к|огó*, *вс|егó*, *сам|огó*, Д. *|емý*, *к|омý*, *вс|емý*, *сам|омý*, В. *|егó*, *|её*, *сам|оё* (действительное ударение на последнем слоге, поскольку тип склонения местоименный, а взятые словоформы — не творительного падежа); И. *больш|áя*, *больш|óе*, *больш|и́е*, Р. *больш|óго*, Д. *больш|óму*, В. *больш|ýю*, Т. *больш|óю*, *больш|и́ми*, а также *|éю*, *сам|óю*, *|и́ми*, *вс|éми*, *сам|и́ми*, Т. мн. *кишк|áми*, *зеркал|áми*, *голов|áми* (действительное ударение на первом слоге окончания, поскольку указанный выше особый случай не имеет места); Д. мн. *кишк|áм*, *зеркал|áм*, *голов|áм* (действительное ударение на единствен-

[156] Во всех таких случаях основа содержит не менее одного слога.

[157] В варианте 2 пункт 3 таков: если окончание словоформы F неслоговое (т. е. не содержит гласной), то действительное ударение падает на последний из имеющихся в основе символов, принадлежащих к классу «гласная или *».

[158] Ср. условный вид последних групп словоформ: Р. мн. *сóс'*н|*, *рем'óс'*л|*, *сапóж*к|*; И. мн. *сóс'*н|ы*, *рем'óс'*л|а*, *сапóж*к|ы*; Д. мн. *сóс'*н|ам*, *рем'óс'*л|ам*, *сапóж*к|ам*.

ном слоге окончания); Р. мн. *кишо́к*|, *зерка́л*|, *голо́в*| (действительное ударение на последнем слоге основы) [159].

Во всех приведенных примерах место действительного ударения правильно устанавливается уже на данном этапе (т. е. в результате применения только основной части правил перехода). Приведем также примеры словоформ, где это не так; например, И. мн. *граждан*|*е*, Р. мн. *кружев*|, неатрибут. муж. ед. *голоден*|, И. мн. *колосья*|, Р. мн. *овец*|, Т. *дв*|*умя* после обработки приведенной выше основной частью правил получают следующие неправильные ударения: *гражда́н*|*е*, *круже́в*|, *голо́ден*|, *ко́лось*|*я*, *о́вец*|, *дв*|*у́мя*.

Б. Дополнительная часть правил (применяемая только к некоторым неисходным словоформам)

I. Перенести знак ударения на один слог влево [160] (к номеру каждого из перечисляемых ниже случаев добавляется символ «л.», обозначающий данный тип переноса ударения):

л. 1 — во всех первичных неисходных словоформах с условным ударением на основе у следующих слов: *госпо́дь*, *перёд* (ср. *го́спод*|*а*, *го́спод*|*у* и т.д.; *пе́ред*|*а*, *пе́ред*|*у* и т. д.); *тягота́* (мн. ч. *тя́гот*|*ы*, *тя́гот*| и т. д.); *полтора́* (ср. *полу́тор*|*а*); *пятьдеся́т*, *шестьдеся́т* (ср. *пяти́десят*|*и*, *пятью́десят*|*ью*; *шести́десят*|*и*, *шестью́десят*|*ью*); *дорого́й*, *молодо́й*, *холосто́й*, *развито́й* (ср. *до́рог*|, *до́рог*|*о*, *до́рог*|*и*; *мо́лод*|, *мо́лод*|*о*, *мо́лод*|*ы*; *хо́лост*|, *хо́лост*|*о*, *хо́лост*|*ы*; *ра́звит*|*о*, *ра́звит*|*о*, *ра́звит*|*ы*) [161]

л. 2 — во всех первичных неисходных словоформах мн. числа слов *граждани́н* и *согражданин* (мн. ч. *гра́ждан*|*е*, *гра́ждан*| и т. д.; *согра́ждан*|*е*, *согра́ждан*| и т. д.);

л. 3 — в единственной первичной неисходной словоформе, имеющей неслоговое окончание [162], у следующих слов: а) *де́ньги*, *кру́жево*, *кружево́*, *ма́сло*, *са́жень* (вариант с Р. мн. *са́жен*), *судия* (Р. мн. *де́нег*|, *кру́жев*|, *ма́сел*|, *са́жен*|, *су́ди*|*й*); б) *больно́й*, *во́льный* (что-л. делать), *лёгкий*, *ра́вный* (неатрибут. муж. ед. *бо́лен*|, *во́лен*| [163], *лёгок*|, *ра́вен*|); у слов *длинный*, *по́лный*, *тёмный*, *тёплый*, *чёрный*, колеблющихся между схемами ударения *a/b* и *a/c*, — только в варианте со схемой *a/b* (неатрибут. муж. ед. *дли́нен*|, *по́лон*|, *тёмен*|, *тёпел*|, *чёрен*|; в варианте со схемой *a/c* все эти словоформы получают правильное ударение уже после этапа А);

л. 4 — во всех неатрибутивных словоформах с условным ударением на основе у следующих слов: *голо́дный* (ср. *го́лоден*|, *го́лодн*|*о*, *го́лодн*|*ы* и *голодн*|*ы́*), *весёлый* (ср. *ве́сел*|, *ве́сел*|*о*, *ве́сел*|*ы*), *дешёвый* (ср. *дёшев*|, *дёшев*|*о*, *дёшев*|*ы*), *зелёный* (ср. *зе́лен*|, *зе́лен*|*о*, *зе́лен*|*ы*), *коро́ткий* (варианты с неатрибутивными словоформами *ко́роток*|, *ко́ротк*|*о* и *коротк*|*о́*, *ко́ротк*|*и* и *коротк*|*и́*), *солёный* (ср. *со́лон*|, *со́лон*|*о*, *со́лон*|*ы*), *холо́дный* (ср. *хо́лоден*|, *хо́лодн*|*о*, *хо́лодн*|*ы* и *холодн*|*ы́*); также *счастли́вый* (вариант с неатрибутивными словоформами *сча́стлив*|, *сча́стлив*|*а*, *сча́стлив*|*о*, *сча́стлив*|*ы*);

л. 5 — в И. падеже парного рода слова *четы́ре* (т. е. в словоформе *че́тве*р|*о*).

II. Перенести знак ударения на один слог вправо [164] (к номерам случаев добавляется символ «п.», обозначающий данный тип переноса ударения):

[159] Ср. условный вид последней группы словоформ: Р. мн. *киш*к*|, *зерка́л*|, *голо́в*|.

[160] В варианте 2: перенести знак ударения влево на ближайшую гласную.

[161] Заметим, что слово *тягота́* можно было бы отнести также в группу л. 2, слова *дорого́й*, *молодо́й*, *холосто́й*, *развито́й* — также в группу л. 4.

[162] А именно: у существительных — в словоформе Р. мн., у прилагательных — в неатрибутивной словоформе муж. рода ед. числа.

[163] Ср., однако, просторечное *волён*.

п. 1 — во всех первичных неисходных словоформах с условным ударением на основе у следующих слов: *пóлдень* (вариант с основой неисходных словоформ *полудн*: *полýдн|я*, *полýдн|ю* и т. д.), *пóлночь* (вариант с основой неисходных словоформ *полуноч*: *полýноч|и*, *полýноч|ью* и т. д.); *сéмьдесят*, *вóсемьдесят* (вариант с Т. *восьмьюдесят|ью*) (ср. *семúдесят|и*, *семьюдесят|ью*; *восьмúдесят|и*, *восьмьюдесят|ью*) [165];

п. 2 — во всех первичных неисходных словоформах мн. числа следующих слов: *знáмя*, *óзеро* (мн. ч. *знамён|а*, *озёр|а*); *дéрево*, *кáмень* (драгоценный и т. п.), *кóлос*, *óбод*, *пóвод* (в упряжи), *пóлоз* (саней) (мн. ч. *дерéвь|я*, *камéнь|я*, *колóсь|я*, *обóдь|я*, *повóдь|я*, *полóзь|я*) [166]; *бесёнок*, *чертёнок* (мн. ч. *бесенят|а*, *чертенят|а*);

п. 3 — в единственной первичной неисходной словоформе, имеющей неслоговое окончание [167], у следующих слов: а) *гумнó* (вариант с Р. мн. *гумён|*), *земля́*, *кольцó*, *овцá*, *свинья́*, *семья́*, *сестрá*, *судья́*, *хлóпоты*, *яйцó* (Р. мн. *гумён|*, *земéл|ь*, *колéц|*, *овéц|*, *свинé|й*, *семé|й*, *сестёр|*, *судé|й*, *хлопóт|*, *яиц|*); б) *вóстрый*, *дурнóй* (разговорный вариант со словоформой *дурён*), *сúльный* (вариант со словоформой *силён|*), *смúрный* (вариант со словоформой *смирён|*), *хúтрый*, *шýстрый* (неатрибут. муж. ед. *востёр|*, *дурён|*, *силён|*, *смирён|*, *хитёр|*, *шустёр|*); у слова *ýмный*, колеблющегося между схемами ударения *a/b* и *a/c*, — только в варианте со схемой *a/c* (неатрибут. муж. ед. *умён*; в варианте со схемой *a/b* эта словоформа получает правильное ударение уже после этапа А);

п. 4 — во всех первичных неисходных словоформах, кроме словоформ И. падежа, у слова *óба* (ср. *обó|их*, *обé|их*, *обó|им*, *обé|им* и т. д.).

п. 5 — в словоформах Т. падежа слов *два* и *три* (т. е. в словоформах *дв|умя́*, *тр|емя́*).

III. Перенести знак ударения на два слога вправо в словоформе Т. падежа и на один слог вправо в остальных первичных неисходных словоформах слова *вóсемьдесят* (вариант с Т. *восемьюдесят|ью*) [168]; условное обозначение данного случая — пп. 1.

Замечание. Как уже указано выше, приведенные правила распространяются только на неисходные словоформы. Действительно, ударение исходной словоформы с их помощью установить нельзя; более того, оно само используется в этих правилах как элемент исходной информации. Естественно возникает вопрос о том, нельзя ли устранить указанное ограничение. Попытки такого рода приводят к констатации следующих зависимостей [169] (ср. также таблицы в конце § 6.17):

1. При схемах ударения *b*, *b'*, *d*, *d'*, *f*, *f'* а также *b/c* и *b/c'* в исходной словоформе действительное ударение падает на первый слог окончания, а если окончание неслоговое — на последний слог основы. Исключения: *ýгол*, *ýгорь*, *ýзел*, *вóсемь*, *дéвять*, *дéсять*, *двáдцать*, *трúдцать*, *сóрок* (схема *b*); *ýголь* (вариант со схемой *f*).

---

[164] В варианте 2: перенести знак ударения вправо на ближайший символ, принадлежащий к классу «гласная или *».

[165] Слова *сéмьдесят* и *вóсемьдесят* можно было бы отнести также в группу п. 4.

[166] В этот список входят все слова с чередованием № 12 (см. § 6.32), имеющие двусложную основу с начальным ударением, за исключением слова *ýголь* (вариант с И. мн. *ýголь|я*).

[167] См. сноску 162.

[168] В варианте 2: перенести знак ударения вправо на ближайшую гласную во всех первичных неисходных словоформах слова *вóсемьдесят*.

[169] В приводимых правилах имеется в виду действительный вид исходной словоформы. Слова схем *e'* и *e''* (*человéк*, *ребёнок*, *дитя́*) ввиду их малочисленности в правилах не отражены.

2. При схемах ударения *c* и *e* в исходной словоформе действительное ударение падает на первый слог основы. Исключения: *дире́ктор*, *инспе́ктор*, *инстру́ктор*, *конду́ктор* (человек), *корре́ктор*, *проже́ктор*, *профе́ссор*, *реда́ктор*, *учи́тель*, *господи́н*, *коки́ль*, *поста́в* (схема *c*); *дере́вня*, *ступе́нь*, *четы́ре*, *четы́реста* (схема *e*).

3. При схемах ударения *a/b*, *a/b'*, *a/c* и *a/c'* в исходной словоформе действительное ударение падает на последний слог основы. Исключения: *ма́ленький*, *до́лжен* (схема *a/b*); причастия на *житый*, *литый*, *нятый*, *чатый* (кроме *сжи́тый*, *сли́тый*), а также *за́пертый*, *о́тпертый*, *про́клятый* (схема *a/c*).

4. При схеме ударения *a* в исходной словоформе действительное ударение может падать на любой слог основы — правила выбора нет.

Таким образом, искомое правило удается построить для всех схем ударения, кроме схемы *a*. Однако к схеме *a* относится 90% имен; поэтому ясно, что в общем случае мы вынуждены считать действительное ударение исходной словоформы заранее известным.

Переход от условного вида словоформ к действительному

§ **6.39.** Чтобы перейти от условного вида произвольной словоформы к ее действительному виду, нужно применить к условному виду взятой словоформы определенную цепь формул перехода, которая приводится ниже (правила применения цепи формул перехода и условные обозначения см. в § 6.25).

Эта цепь состоит из двух частей: основной и дополнительной. Основная часть цепи формул перехода применяется ко всем словоформам. Для ее применения не требуется никакой другой информации о словоформе, кроме ее условного вида. Для подавляющего большинства словоформ с применением основной части цепи переход к действительному виду заканчивается, т. е. их действительный вид достигается уже на этом этапе.

Дополнительная часть цепи состоит из формул перехода, применяемых только к определенным группам словоформ. (Понятно, что это как раз те группы словоформ, для которых основная часть цепи еще не дает нужного результата; таких словоформ всего несколько десятков.) Для применения дополнительной части цепи может потребоваться информация о грамматическом значении взятой словоформы, о том, какому слову она принадлежит и к какому морфологическому роду относится это слово.

Разделение цепи формул перехода на основную и дополнительную части отражает тот же принцип описания, который был использован при переходе от условного ударения к действительному (см. § 6.38), а именно: «общее правило+индивидуальные поправки». В самом деле, дополнительные формулы перехода представляют собой не что иное, как индивидуальные поправки, производимые в тех случаях, когда словоформа не подчиняется общим правилам, выражаемым основной частью цепи. Эти индивидуальные поправки разделены на две группы: 1) замены гласной, выступающей в качестве полной ступени чередования беглой гласной с нулем (кроме чисто орфографических), например замена *хребёт* на *хребе́т*; 2) замены чисто орфографического характера, например замена *чом* на *чём*.

З а м е ч а н и е. Сведения о том, что та или иная замена носит чисто орфографический характер, разумеется, фактически извлечены из сопоставления письменной формы языка с устной. В самом деле, одним лишь внутренним анализом письменной формы языка, по-видимому, нельзя было бы установить какое-либо качественное различие, например, между

такими отклонениями от ожидаемой словоформы, как *хребе́т* (вместо *хребёт*) и *за́яц* (вместо *за́ец*). Таким образом, мы опираемся здесь на сведения об устной форме языка, которые специально в настоящей работе не рассматриваются.

Правила перехода от условного вида произвольной словоформы к действительному

А. Основная цепь формул перехода (обязательная для всех словоформ)

I. Переход части звездочек в нуль и сопутствующие изменения

1. * (+*СГ*, *С'Г* или *С*|*Г*, *С'*|*Г*) → Ø
2. (не *л*+)' (+*н*, *л*, *р*, *ц*, *с* или *т*) → Ø
3. *С* (+*j* или |*j*) → *С'*

II. Переход остальных звездочек в гласные[170]

4. $*_{\text{безуд.}}$ (+*j*) → *и*
5. * (+*j*) → *е*
6. (*j*, ', *Ш* или *ц*+) * (+*ц*, *л'* или *н'*) → *е*
7. * → *о*

III. Орфографические замены

8. (*иj*|+) $е_{\text{безуд.}}$ → *и*
9. |*ово* → |*ого*

IV. Позиционные изменения *ы* и *о* и устранение o_2

10. (*К*| или *Ш*|+) *ы* → *и*
11. (*j*, ', *Ш*, *ц* или *j*|, '|, *Ш*|, *ц*|+) $о_{\text{безуд.}}$ → *е*
12. o_2 → *о*

V. Устранение *j* и '

13. '| → |'
14. *j*| → |*j*
15. *j* или ' + { *а* → *я*; *у* → *ю*; *о* или *ò* → *ё*; *е* → *е*; *ы* или *и* → *и* }
16. *j* → *й*
17. ' → *ь*

[170] По общему правилу (см. § 6.25), если подвергаемая замене звездочка несет знак ударения, этот знак переходит на заменяющую ее гласную. Заметим, что на звездочках, подвергающихся действию формулы перехода 1, знака ударения не бывает.

П р и м е р ы (номер над стрелкой показывает, какая формула перехода превращает запись, стоящую слева от этой стрелки, в запись, стоящую справа от нее):

а) Словоформы, у которых действительный вид достигается уже на данном этапе:

стрел́к|* $\xrightarrow{7}$ *стрелóк|*
*стрел*к|ы́* $\xrightarrow{1}$ *стрелк|ы́* $\xrightarrow{10}$ *стрелк|и́*
*нóг*т'|* $\xrightarrow{7}$ *нóгот'|* $\xrightarrow{14}$ *нóгот|'* $\xrightarrow{17}$ *нóгот|ь*
*нóг*т'|ы* $\xrightarrow{1}$ *нóгт'|ы* $\xrightarrow{14}$ *нóгт|'ы* $\xrightarrow{15}$ *нóгт|и*
ор'́л|* $\xrightarrow{7}$ *ор'óл|* $\xrightarrow{15}$ *орёл|*
*ор'*л|ы́* $\xrightarrow{1}$ *ор'л|ы́* $\xrightarrow{2}$ *орл|ы́*
бор'́ц|* $\xrightarrow{6}$ *бор'éц|* $\xrightarrow{15}$ *борéц|*
*бор'*ц|ы́* $\xrightarrow{1}$ *бор'ц|ы́* $\xrightarrow{2}$ *борц|ы́*
*чис'*л|ó* $\xrightarrow{1}$ *чис'л|ó* $\xrightarrow{2}$ *числ|ó*
*чи́с'*л|* $\xrightarrow{7}$ *чи́с'ол* $\xrightarrow{11}$ *чи́с'ел|* $\xrightarrow{15}$ *чи́сел|*
*кóш*к|а* $\xrightarrow{1}$ *кóшк|а*
*кóш*к|* $\xrightarrow{7}$ *кóшок|* $\xrightarrow{11}$ *кóшек|*
руч́j|* $\xrightarrow{5}$ *ручéj|* $\xrightarrow{13}$ *ручé|j* $\xrightarrow{16}$ *ручé|й*
*руч*j|óм* $\xrightarrow{1}$ *ручj|óм* $\xrightarrow{3}$ *руч'j|óм* $\xrightarrow{13}$ *руч'|jóм* $\xrightarrow{15}$ *руч'|ём* $\xrightarrow{17}$ *ручь|ём*
*ли́с*j|* $\xrightarrow{4}$ *ли́сиj|* $\xrightarrow{13}$ *ли́си|j* $\xrightarrow{16}$ *ли́си|й*
*ли́с*j|ово* $\xrightarrow{1}$ *ли́сj|ово* $\xrightarrow{3}$ *ли́с'j|ово* $\xrightarrow{9}$ *ли́с'j|ого* $\xrightarrow{11}$ *ли́с'j|его* $\xrightarrow{13}$ *ли́с'|jего* $\xrightarrow{15}$ *ли́с'|его* $\xrightarrow{17}$ *ли́сь|его*
зда́ниj|о (И. ед.) $\xrightarrow{11}$ *зда́ниj|е* $\xrightarrow{13}$ *зда́ни|jе* $\xrightarrow{15}$ *зда́ни|е*
зда́ниj|е (П. ед.) $\xrightarrow{8}$ *зда́ниj|и* $\xrightarrow{13}$ *зда́ни|jи* $\xrightarrow{15}$ *зда́ни|и*
овра́г|ы $\xrightarrow{10}$ *овра́г|и*
нóч|ы $\xrightarrow{10}$ *нóч|и*
бол'ш|ы́jе $\xrightarrow{10}$ *бол'ш|и́jе* $\xrightarrow{15}$ *бол'ш|и́е* $\xrightarrow{17}$ *больш|и́е*
ту́ч|оj $\xrightarrow{11}$ *ту́ч|еj* $\xrightarrow{16}$ *ту́ч|ей*
мéс'ац|ом $\xrightarrow{11}$ *мéс'ац|ем* $\xrightarrow{15}$ *мéсяц|ем*
зв'озд|á $\xrightarrow{11}$ *зв'езд|á* $\xrightarrow{15}$ *звезд|á*
шо$_2$кола́д| $\xrightarrow{12}$ *шокола́д|*

б) Словоформы, у которых действительный вид на данном этапе еще не достигается:

хреб'́т|* $\xrightarrow{7}$ *хреб'óт|* $\xrightarrow{15}$ *хребёт|*
*су́мер*к|* $\xrightarrow{7}$ *су́мерок|*
jaj́ц|* $\xrightarrow{6}$ *jajéц|* $\xrightarrow{15}$ *яéц|*
мы́ш|, *нóч|*, *за́леж|*, *ч|óм* (никаких изменений)
секвóйj| $\xrightarrow{13}$ *секвóй|j* $\xrightarrow{16}$ *секвóй|й*
зор'|á $\xrightarrow{14}$ *зор|'á* $\xrightarrow{15}$ *зор|я́*
*за́j*ц|* $\xrightarrow{6}$ *за́jец|* $\xrightarrow{15}$ *за́ец|*
*у́л*j|* $\xrightarrow{4}$ *у́лиj|* $\xrightarrow{13}$ *у́ли|j* $\xrightarrow{16}$ *у́ли|й*

Б. Дополнительные формулы перехода (распространяющиеся на ограниченные группы словоформ)

I. Замена гласной, выступающей в качестве полной ступени чередования беглой гласной с нулем

18. В словоформах слов *оди́н*, *яйцó*, *ектенья́*, *епитимья́*, *манатья́*, *коча́н* (вариант с Р. ед. *кочна́*), *хребéт*, *лев*, *тьма* (множество), *корчма́*, *судьба́*, *кочерга́*, *су́мерки*:

одён| → *оди́н|*
яéц| → *яи́ц|*
ектенé|й → *ектени́|й*
епитимé|й → *епитими́|й*

манатé|й → манатú|й
кочóн| → кочáн|
хребё́т| → хребéт|
лё́в| → лéв|
тё́м| → тéм|
корчóм| → корчéм|
судё́б| → судéб|
кочерóг| → кочерё́г|
сýмерок| → сýмерек|

II. Орфографические замены

19. В словоформах И. ед. существительных женского морфологического рода:
Ш| → Ш|ь

20. В словоформах Р. мн. существительных женского морфологического рода:
й|й → |й

21. В словоформах слов *зaря́, сéмя, стрéмя, сей, зáяц, достóйный, ýлей, чúрей, ружьё, что, ничтó*:
зо$_{\text{безуд.}}$*р| → зар|*
семя$_{\text{безуд.}}$*н| → семен|*
стремя$_{\text{безуд.}}$*н| → стремен|*
се$_{\text{безуд.}}$*| → си|*
заец| → заяц|
достоен| → достоин|
ули|й → уле|й
чири|й → чире|й
ружи|й → руже|й
ч|ом → ч|ём

Примеры: *хребё́т|* $\xrightarrow{18}$ *хребéт|, мы́ш|* $\xrightarrow{19}$ *мы́ш|ь, нóч|* $\xrightarrow{19}$ *нóч|ь, зáлеж|* $\xrightarrow{19}$ *зáлеж|ь, секвóй|й* $\xrightarrow{20}$ *секвó|й, зор|á* $\xrightarrow{21}$ *зар|á, сéмян|ц* $\xrightarrow{21}$ *сéмен|и, стремян|á* $\xrightarrow{21}$ *стремен|á, се|я́* $\xrightarrow{21}$ *си|я́, зáец|* $\xrightarrow{21}$ *зáяц|, (ни о) ч|óм* $\xrightarrow{21}$ *(ни о) ч|ё́м.*

РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ДОСТАТОЧНОЙ ДЕТАЛЬНОСТИ ПРИ КЛАССИФИКАЦИИ СУЖЕННЫХ ПАРАДИГМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО УРОВНЯ

§ 6.40. Как указано в § 6.37, совокупность всех введенных до этого параграфа различительных признаков обеспечивает достаточную детальность классификации суженных парадигм условного уровня. Однако для суженных парадигм действительного уровня достаточной детальности они еще не дают. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть, например, такие пары, как *славянúн—граждани́н, чехóл—ýгол, музéй—оврáг, седóк—стрелóк, бедá—звездá.* Члены каждой из этих пар имеют одинаковые значения всех введенных до сих пор различительных признаков, однако их суженные парадигмы действительного уровня не эквивалентны.

Одна из возможных причин такой неэквивалентности связана с ударением. Она состоит в том, что условное ударение не отражает некоторых различий между словоформами, существенных

с точки зрения эквивалентности парадигм (а именно тех, которые учитываются признаком «сдвиг ударения», см. § 5.5). Так, например, словоформа *славя́не* не отличается по условному ударению от словоформы *гра́ждане*, а словоформа *чехо́л* — от словоформы *у́гол*. Для того, чтобы достичь достаточной детальности при классификации суженных парадигм действительного уровня, необходимо так или иначе учесть все акцентуационные различия такого рода. Для этой цели ниже вводятся два различительных признака (один из которых связан с неисходными словоформами, а другой с исходными):

1) акцентуационные отклонения в неисходных словоформах;
2) акцентуационные особенности исходной словоформы.

Вторая возможная причина неэквивалентности связана с переходом от условного вида словоформы к действительному. Она состоит в том, что одна и та же формула перехода (от условного вида к действительному), будучи применена к разным словоформам, может изменить их в разной степени; в частном случае одна словоформа может измениться, а другая остаться без изменений. Так, например, формулы перехода 11, 13 и 15 оставляют цепочку *овра́г|ом* без изменений, а цепочку *музе́j|ом* последовательно преобразуют в *музе́j|ем*, *музе́|jем*, *музе́|ем*. Формулы перехода 1 и 7 оставляют цепочки *седо́к|*, *седок|а́* без изменений, а цепочки *стрел*к|*, *стрел*к|а́* преобразуют в *стрело́к|*, *стрелк|а́*. Формулы перехода 11 и 15 оставляют цепочки *бед|а́*, *бе́д|ы* без изменений, а цепочки *зв'озд|а́*, *зв'о́зд|ы* преобразуют в *звезд|а́*, *звёзд|ы*. В результате в первой паре утрачивается тождество наборов окончаний, во второй и в третьей парах основа одного из членов становится изменяемой.

Очевидно, что степень фактического воздействия некоторой формулы перехода на ту или иную словоформу (например, изменения в нескольких точках словоформы, изменение в одной точке, отсутствие изменений) зависит от того, каков условный вид этой словоформы. Так, в примере со словами *музе́й* и *овра́г* существенным было то, какова последняя буква условной основы, в примере со словами *седо́к* и *стрело́к* — содержит ли условная основа звездочку, и т. д. Для того, чтобы достичь достаточной детальности при классификации суженных парадигм действительного уровня, нужно ввести дополнительные различительные признаки, отражающие те особенности условного вида словоформ парадигмы, от которых зависит степень фактического воздействия формул перехода на эти словоформы. Ниже для этой цели вводятся следующие различительные признаки парадигм:

1) морфонологический тип условной основы;
2) наличие звездочки в условной основе;
3) наличие неустойчивого *о* в условной основе;
4) морфонологические особенности неизменяемой части условной основы;

5) аномальные беглые гласные;
6) орфографические аномалии.

Описание каждого из восьми названных в настоящем параграфе различительных признаков начинается с того, что даются примеры, показывающие, для чего вводится этот признак (т. е. какого рода различия между парадигмами он отображает). Каждый пример представляет собой группу (обычно просто пару) слов, у которых: 1) значения всех различительных признаков, введенных до описываемого момента, одинаковы; 2) несмотря на это, суженные парадигмы действительного уровня не эквивалентны. При сравниваемых словах даются словоформы, позволяющие непосредственно убедиться в этой неэквивалентности. В остальном при описании соблюдается общая схема, данная в § 6.2.

Различительный признак «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах»

§ 6.41. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *славянúн* и *гражданúн* (И. мн. *славя́не*, но *гра́ждане*), *брус* и *ко́лос* (И. мн. *бру́сья*, но *коло́сья*), *зе́ркало* и *кру́жево* (Р. мн. *зерка́л*, но *кру́жев*), *ша́хматы* и *хло́поты* (Р. *ша́хмат*, но *хлопо́т*) и т. п. (ср. также § 5.5).

Назовем неисходную словоформу а к ц е н т у а ц и о н н о п р а в и л ь н о й, если положение действительного ударения в этой словоформе подчиняется основной части правил, данных в § 6.38 (т. е. правилам раздела А), и а к ц е н т у а ц и о н н о н е п р а в и л ь н о й, если это не так. Например, словоформы *славя́не, бру́сья, зерка́л, ша́хмат, сбсен, днями* — акцентуационно правильные, а словоформы *гра́ждане, коло́сья, кру́жев, хлопо́т, ове́ц, двумя́* — акцентуационно неправильные. Очевидно, что акцентуационно неправильны те и только те словоформы, для которых предназначена дополнительная часть правил, данных в § 6.38 (т. е. правила раздела Б).

Про акцентуационно неправильную словоформу мы будем говорить также, что она имеет а к ц е н т у а ц и о н н о е о т к л о н е н и е. Всякое акцентуационное отклонение состоит в том, что действительное ударение падает на то или иное число слогов левее (или правее) того места, куда оно должно падать по правилам раздела А. Таким образом, словоформы, перечисленные в пункте I раздела Б (§ 6.38), имеют акцентуационное отклонение «на один слог левее, чем по общему правилу»; словоформы, перечисленные в пункте II, — акцентуационное отклонение «на один слог правее, чем по общему правилу»; словоформа *восемью́десятью* имеет акцентуационное отклонение «на два слога правее, чем по общему правилу».

Различительный признак «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах» учитывает: 1) какие словоформы парадигмы являются акцентуационно неправильными, т. е. имеют акцентуационные отклонения (если такие словоформы вообще есть в парадигме); 2) каково именно акцентуационное отклонение каждой из таких словоформ. Легко видеть, что все парадигмы, имеющие хотя бы одну акцентуационно неправильную словоформу, оказываются разделенными по этому признаку на 11 групп, точно соответствующих подпунктам правил раздела Б (*л.* 1 — *л.* 5, *п.* 1 — *п.* 5, *пп.* 1).

Таким образом, различительный признак «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах» может принимать следующие 12 значений:

0. Акцентуационных отклонений нет, т. е. все неисходные словоформы акцентуационно правильны (нулевое значение). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

И ненулевых значений: л. 1, л. 2, л. 3, л. 4, л. 5; п. 1, п. 2, п. 3, п. 4, п. 5; пп. 1. Каждое из этих значений имеют те и только те слова, которые перечислены в § 6.38 в одноименном подпункте правил раздела Б.

Общее число слов, имеющих ненулевое значение данного признака,— около 70.

Различительный признак «акцентуационные особенности исходной словоформы»

§ 6.42. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *южанин* и *славянин* (И. мн. *южане*, *славяне*), *чехол* и *угол* (Р. ед. *чехла*, *угла*), *гора* и *голова* (И. мн. *горы*, *головы*, Р. мн. *гор*, *голов*) и т. п. (ср. также § 5.5).

Полное название данного различительного признака — «акцентуационные особенности парадигмы, связанные с положением действительного ударения в исходной словоформе или с числом слогов ее основы»; поскольку, однако, оно слишком громоздко, в дальнейшем мы будем пользоваться упрощенным названием — «акцентуационные особенности исходной словоформы».

Различительный признак «акцентуационные особенности исходной словоформы» может принимать следующие пять значений (при каждом ненулевом значении указаны все слова, которые его имеют):

0. Не имеет места ни один из случаев, образующих значения 1—4. Это нулевое значение имеет подавляющее большинство парадигм.

1. Парадигма относится к схеме ударения *a*, действительное ударение в исходной словоформе на последнем слоге основы, а хотя бы в одной из неисходных словоформ основа на слог короче, чем в исходной словоформе. Слова: 1) все слова на *анин*, *янин*, имеющие чередование № 6 *ин*/Ø (см. § 6.32), а именно: *армянин*, *гражданин*, *согражданин*, *дворянин*, *мещанин*, *селянин*, *славянин*, *христианин*, *чужанин*; 2) слова *заём*, *наём*, *перенаём*, *поднаём*.

2. Парадигма относится к схеме *b* или *f*, а действительное ударение в исходной словоформе на предпоследнем слоге. Слова: 1) *угол*, *уголь* (вариант со схемой *f*), *угорь*, *узел*; 2) *восемь*, *девять*, *десять*, *двадцать*, *тридцать*, *сорок*. Кроме того, это значение приписывается слову *должен*, которое хотя и относится с формальной точки зрения к схеме *a*/*b*, но фактически имеет только неатрибут. словоформы (т. е. словоформы со схемой ударения /*b*).

3. Парадигма относится к схеме *f* или *f'*, а основа исходной словоформы двусложная. Слова: *болона*, *борода*, *борозда*, *борона*, *голова* (во всех значениях), *железа*, *полоса*, *простыня*, *просфора* (*просвира*), *середа* (простореч. вариант к *среда*), *скорода* (обл.), *слобода*, *сторона*.

4. Парадигма относится к схеме *f* или *f'*, а основа исходной словоформы трехсложная. Слово *сковорода*.

Различительный признак «морфонологический тип условной основы»

§ 6.43. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *канал*, *овраг*, *абзац*, *музей* и *критерий* (ср. Т. ед., П. ед. и И. мн. этих слов: *каналом*, *канале*, *каналы*; *оврагом*, *овраге*, *овраги*; *абзацем*, *абзаце*, *абзацы*; *музеем*, *музее*, *музеи*; *критерием*, *критерии*, *критерии*); *карта*, *пуля*, *книга*, *туча*, *спица*, *стая* и *линия* (ср. Т. ед., П. ед., И. мн. и Р. мн. этих слов: *картой*, *карте*, *карты*, *карт*; *книгой*, *книге*, *книги*, *книг*; *тучей*, *туче*, *тучи*, *туч*; *спицей*, *спице*, *спицы*, *спиц*; *стаей*, *стае*, *стаи*, *стай*; *линией*, *линии*, *линии*, *линий*); *суровый*, *пологий*, *похожий* и *бледнолицый* (ср. И. ед. сред. *суровое*, *пологое*, *похожее*, *бледнолицее*) и т. п.

Полное название данного различительного признака — «морфонологический[171] тип условной основы исходной словоформы»; однако ради краткости

[171] Как известно, относительно содержания терминов «морфонология» и «морфонологический» в лингвистической литературе нет полного единства.

указание о том, что речь идет об исходной словоформе, в дальнейшем опускается.

Различительный признак «морфонологический тип условной основы» может принимать следующие семь значений:

1. «Морфонологический тип 1»: условная основа исходной словоформы оканчивается на согласную, но не *к, г, х, ш, ж, ч, щ, ц* или *j*; кроме того, это значение приписывается всем словам нулевого типа склонения (т. е. неизменяемым), независимо от исхода их условной основы, а также словам *я* и *ты*.
2. «Морфонологический тип 2»: условная основа исходной словоформы оканчивается на '.
3. «Морфонологический тип 3»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *к, г* или *х*.
4. «Морфонологический тип 4»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *ш, ж, ч* или *щ*.
5. «Морфонологический тип 5»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *ц*.
6. «Морфонологический тип 6»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *j* (но не на *иj*).
7. «Морфонологический тип 7»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *иj*.

В дальнейшем мы будем говорить просто: «слово *A* относится к такому-то морфонологическому типу» (вместо: слово *A* имеет такое-то значение признака «морфонологический тип условной основы»).

Замечание. Можно было бы построить этот различительный признак так, чтобы он учитывал характер условной основы не одной лишь исходной словоформы, а всех словоформ парадигмы. Разумеется, число возможных значений такого признака оказалось бы гораздо больше семи. Так, например, слово *ýхо* получило бы значение «морфонологический тип 3 в ед. ч., 4 во мн. ч.» и т. п. Однако для достижения достаточной детальности классификации суженных парадигм действительного уровня этого не требуется. Дело в том, что все случаи, когда условные основы разных словоформ парадигмы оканчиваются различно, уже учитываются различительным признаком «чередования в условной основе» (так, этим признаком уже учтено отличие слова *ýхо*, например, от слова *блáго*, имеющего неизменяемую условную основу).

Значение, которое принимает данный признак у произвольного слова, легко устанавливается по действительному виду исходной словоформы (с разделением на основу и окончание) и по сведению о том, относится ли слово к нулевому типу склонения, а именно:

1. Всякое слово нулевого типа склонения, а также слова *я* и *ты* относятся к морфонологическому типу 1.
2. У прочих слов морфонологический тип определяется так:

если действительная основа исходной словоформы оканчивается на:	слово относится к морфонологическому типу:
к, г или *х*	3
ш, ж, ч или *щ*	4
ц	5
гласную (кроме *и*), *ь* или *й*	6
и	7
иную букву	2 (если действительное окончание исходной словоформы начинается с *ь, я, е, ё* или *и*) или 1 (в прочих случаях).

Не рассматривая этих разногласий, укажем лишь, что в настоящей работе эпитет «морфонологический» прилагается к тем характеристикам парадигмы, которые оказывают влияние на переход от условного вида словоформ к действительному.

Таблица распределения имен по морфонологическим типам

Тип склонения	Морфонологический тип	1	2	3	4	5	6	7
I субстантивный	мужской морф. род	ЗАВО́Д [6500]	ОЛЕ́НЬ [1030]	ЛЁТЧИК [4650]	НОЖ [390]	ОТЕ́Ц [690]	МУЗЕ́Й [240]	ГЕ́НИЙ [150]
	женский морф. род	КА́РТА [2600]	БУ́РЯ [370]	ТО́ЧКА [5400]	ТУ́ЧА [320]	ПТИ́ЦА [1200]	СТА́Я [190]	ЛИ́НИЯ [1380]
	средний морф. род	ЧУ́ВСТВО [1200]	[го́ре, мо́ре, по́ле]	ОКО́ШКО [130]	ЖИЛИ́ЩЕ [140]	се́рдце [80]	УЩЕ́ЛЬЕ [370]	ЗДА́НИЕ [3200]
II субстантивный	мужской морф. род	—	[путь]	—	—	—	—	—
	женский морф. род	пятьдеся́т [4]	РА́ДОСТЬ [3130]	—	МЫШЬ [55]	—	—	—
	средний морф. род	—	и́мя [15]	—	—	—	—	—

Продолжение

Тип склонения \ Морфонологический тип	1	2	3	4	5	6	7
Адъективный	**но́вый** [16 950]	си́ний [140]	ди́кий [2950]	свё́жий [570]	ку́цый [10]	длинноше́ий [4]	—
Адъективно-возвратный	—	—	—	**выдаю́щийся** [30]	—	—	—
I местоименный	**э́тот** [30]	[оный]	сто́лько [8]	[наш, ваш]	—	во́лчий [175]	—
II местоименный	тот [6]	весь [4]	[не́кого]	не́чего	—	—	—
Притяжательный	**дя́дин** [35]	[госпо́день]	—	—	—	—	—
Нулевой	шоссе [420]	—	—	—	—	—	—
Аномальный	два [5]	три [2]	[со́рок]	—	—	—	—
Всего (округленно)	27 800	4700	13 100	1500	2000	1000	4700
То же в %	50,7	8,6	23,9	2,7	3,6	1,8	8,6

Количественное распределение имен по морфонологическим типам показано в таблице на стр. 266—267. В таблице учтен тип склонения, а у слов субстантивных типов склонения также морфологический род (любое из этих слов имеет одно из трех ненулевых значений признака «морфологический род»). Относительно значения шрифтов и скобок см. § 6. 2. пункт 4.

Различительный признак «наличие звездочки в условной основе»

§ 6.44. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *седóк* и *стрелóк* (Р. ед. *седокá*, но *стрелкá*), *прóсьба* и *свáдьба* (Р. мн. *прóсьб*, но *свáдеб*), *сверлó* и *седлó* (Р. мн. *свёрл*, но *сёдел*), *дряхлый* и *кислый* (неатрибут. муж. ед. *дряхл*, но *кисел*) и т. п.

Различительный признак «наличие звездочки в условной основе» может принимать следующие три значения:

0. «Звездочек нет»: условная основа ни одной из словоформ парадигмы не содержит звездочек (нулевое значение). Кроме того, это значение приписывается, независимо от наличия или отсутствия звездочки в условной основе, следующим группам слов: а) словам адъективного типа склонения, не относящимся к расширенному адъективному разряду; б) pluralia tantum мужского морф. рода; в) словам с дефектом № 9, 10 или 13.

Ненулевые значения приписываются только словам, не относящимся к указанным группам. Эти значения таковы:

1. «Одна звездочка»: условная основа хотя бы одной из словоформ парадигмы содержит звездочку (но ни одна из этих условных основ не содержит двух звездочек).

2. «Две звездочки»: условная основа хотя бы одной из словоформ парадигмы содержит две звездочки.

Как ясно из самого значения символа *, данный признак непосредственно связан с наличием или отсутствием чередования беглой гласной с нулем в действительной основе. В самом деле, отсутствие звездочки в условной основе всегда означает, что в действительной основе нет чередования беглой гласной с нулем. Однако наличие звездочки в условной основе может еще и не означать, что в действительной основе есть такое чередование. Дело в том, что у парадигмы, условная основа которой содержит звездочку, может оказаться такой набор окончаний, при котором во всех словоформах должна выступать одна и та же (а именно, нулевая) ступень чередования беглой гласной с нулем; в этом случае чередования в действительной основе не будет[172]. Таковы, например, парадигмы слов *плáтье*, *дрéвко*, *сáкля* (Р. мн. *плáтьев*, *дрéвков*, *сáклей*); ср. парадигмы слов, имеющих в Р. мн. окончание без гласной, например *ущéлье*, *ведёрко*, *сáбля* (Р. мн. *ущéлий*, *ведёрок*, *сáбель*). По несколько иной причине отсутствует чередование беглой гласной с нулем в парадигмах таких слов, как *сущéственный*, *едúнственный* и т. п. Здесь в неатрибут. словоформах муж. ед. (*сущéствен*, *едúнствен*), где нулевое окончание должно вызвать полную ступень чередования беглой гласной с нулем, в силу непозиционного чередования № 33 ('*н/∅; см. § 6.32) отсутствует весь элемент '*н (ср. словоформы *сущéственен*, *едúнственен*, встречающиеся наряду с приведенными выше нормативными). Таким образом, наличие или отсутствие звездочки в условной основе не совпадает в точности с наличием или отсутствием чередования беглой гласной с нулем в действительной основе, хотя эти характеристики парадигмы и достаточно близки.

---

[172] Части таких слов приписано нулевое значение рассматриваемого признака (см. выше). Это сделано для того, чтобы несколько уменьшить избыточную детальность классификации (см. § 6.1), создаваемую данным признаком.

Правила, позволяющие установить, какое значение принимает у произвольного слова признак «наличие звездочки в условной основе»

Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в ее действительном виде (с разделением на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) тип склонения; 4) морфологический род; 5) сведение о том, относится ли слово к числу pluralia tantum; 6) значение признака «дефекты парадигмы». Под основой слова в правилах понимается основа исходной словоформы.

Слова адъективного типа склонения, не относящиеся к расширенному адъективному разряду, pluralia tantum мужского морф. рода и слова с дефектом № 9, 10 или 13 имеют нулевое значение данного признака. У прочих слов значения таковы:

Значение «две звездочки» имеют следующие слова: а) *восемьсо́т* (вариант с Т. *восемьюста́ми*); б) *ка́мень* (вариант с мн. *каме́нья*), *у́голь* (древесный; простореч.; мн. *у́голья*); *дно* (мн. *до́нья*).

Значение «одна звездочка» имеют следующие группы слов:

I. Слова, имеющие в условной основе чередование № 12 (см. список этих слов в § 6.32), кроме слов *ка́мень* (вариант с мн. *каме́нья*), *у́голь* (древесный) и *дно*, которые имеют значение «две звездочки» (см. выше).

II. Из прочих слов:

Группа первая: слова, у которых окончание исходной словоформы не содержит гласной

А. Следующие слова с односложной исходной словоформой: а) существительные I субстантивного склонения *лоб*, *лев* (животное), *ров*, *шов*, *лёд*, *лён*, *сон*, *пёс*, *рот*, *мох* (вариант с Р. ед. *мха*), *день*, *пень*; б) существительные II субстантивного склонения *ложь*, *рожь*, *вошь*; в) прилагательные *чей*, *весь*.

Б. Следующие группы слов с неодносложной исходной словоформой:

1. Из слов на *й*: а) существительные *же́ребей* (обл.), *воробе́й*, *мураве́й*, *солове́й*, *у́лей*, *репе́й*, *чи́рей*, *руче́й*, а также *тре́тий* (посторонний); б) все прилагательные I местоименного склонения на *ий*, например *ли́сий*, а также *ниче́й*.

2. Из слов на *к* — слова на *ок*, *ёк* и на безударное *ек*, за исключением: а) слов, у которых перед *ок*, *ёк*, *ек* стоит сочетание «согласная+*л*, *р* или *н*», например: *и́грек*, *упрёк*, *во́йлок*, *челно́к*, *опре́снок*, *игро́к*, *о́трок*, *шлафро́к*; б) слов на гласную+*ок*, на *к*, *г* или *х*+*ок*, на согласную+*шток*, например *мани́ок*, *заско́к*, *флагшто́к*; в) слов на *пёк*, *тёк* (кроме *зятёк*), *волок*, а также слов *намёк*, *заро́к*, *о́бморок*, *поро́к*, *проро́к*, *уро́к*, *зато́к*, *подто́к*, *прито́к*, *водото́к*, *пото́к*, *прото́к*, *исто́к*, *восто́к*, *водосто́к*, *отто́к*[173]; г) слов *едо́к*, *седо́к*, *ездо́к*, *ходо́к*, *знато́к*; д) слов *экиво́к*, *медо́к* (вино из Медока), *оподельдо́к*, *брело́к*, *щёлок*, *и́нок*, *баро́к* (вариант к *баро́кко*), *о́корок*, *артишо́к*; е) слова *со́рок*. Примеры: *песо́к*, *напёрсток*, *паёк*, *зятёк*, *оре́шек*; также *радёхонек*, *слабе́нек*.

3. Из слов на *ц*: а) слова на безударное *ец* (кроме *вы́жлец*), например: *па́лец*, *кита́ец*, *а́гнец*; б) слова на гласную+*е́ц* и на гласную+согласную+*е́ц* (кроме слова *дрове́ц*; например, *бое́ц*, *резе́ц*, *оте́ц*), а также слова на *лбе́ц*, *сте́ц* (кроме *чисте́ц*) и слово *волче́ц*[174]; в) слово *за́яц*.

---

[173] Если исходить из того, что морфемный состав слов нам известен, то рубрику «в» можно было бы сформулировать так: «все слова на *к* с глагольными корнями *мёк*, *пёк*, *тёк*, *волок*, *рок*, *морок*, *ток*».

[174] Перечислим слова на две согласные+*е́ц*, имеющие беглую гласную: *голбе́ц* (вариант к *го́лбец*), *столбе́ц*, *исте́ц*, *кресте́ц*, *хвосте́ц*, *волче́ц*. Для слова *черве́ц* АО дает Р. ед. *червеца́*, Уш. — *червеца́* и *червца́*, Орф. — *червца́*.

4. Из слов на *ень*: а) существительные I субстантивного склонения на безударное *ень* (кроме *пла́мень, про́швень, я́сень*), например *гре́бень, о́ползень, ше́ршень*); б) следующие существительные I субстантивного склонения на *е́нь*: *реме́нь, креме́нь, слепе́нь, переступе́нь, плете́нь*; б) прилагательное *госпо́день*.

5. Из прочих слов: а) существительные I субстантивного склонения *кобёл* (обл.), *козёл, у́зел, пе́пел, орёл, о́кисел, осёл, за́мысел, до́мысел, по́мысел, про́мысел, у́мысел, вы́мысел, котёл, дя́тел, щего́л, у́гол, мосо́л, посо́л* (лицо), *чехо́л, хохо́л, заём, наём, поднаём, перенаём, псало́м, коча́н* (вариант с Р. ед. *кочна́*), *моле́бен, бу́бен, тёрен* (обл. вариант к *тёрн*), *рожо́н, чабёр, шабёр* (обл.), *бобёр, ковёр, одёр, копёр, шатёр, ве́тер, костёр, баго́р, бугор, свёкор, вихо́р, овёс, хребе́т, о́цет* (устар.), *сте́бель, жураве́ль* (обл. вариант к *жура́вель*), *ти́гель, хо́мель, ка́шель, у́голь, ого́нь, у́горь, ви́хорь* (поэтич.), *дёготь, ко́готь, но́готь, ло́коть, ломо́ть, ла́поть*[175]; *сот* (сотен); б) существительные II субстантивного склонения *любо́вь*[176], *нелюбо́вь, це́рковь*; в) прилагательное *до́лжен*; г) числительное и прилагательное *оди́н*, числительные *во́семь* (вариант с Т. *восемью́*), *во́семьдесят* (вариант с Т. *восемью́десятью*), *пятьсо́т, шестьсо́т, семьсо́т, восемьсо́т* (вариант с Т. *восемьюста́ми*).

Группа вторая: слова, у которых окончание исходной словоформы содержит гласную

1. Все слова с основой на *ь*, например: *статья́, го́стья, копьё, уще́лье, лохмо́тья*.

2. Из слов с основой на *к* — слова с основой на согласную (или ь)+*к*, за исключением слов *ла́ска* (нежность), *во́йско, войска́*. Примеры: *ска́зка, ча́йка, шпи́лька, око́шко, ведёрко, опи́лки, то́нкий, го́рький, бо́йкий*.

3. Из слов с основой на *ц* — существительные среднего морф. рода с основой на согласную (или ь)+*ц* (кроме *со́лнце*), например *блю́дце, кольцо́, пери́льца*; кроме того, существительные женского морф. рода *овца́, две́рца, шпо́рца, крепостца́, па́льцы*.

4. Из слов с основой на *н* — слова с основой на согласную (или ь)+*н*, за исключением существительных женского морф. рода на *дна, зна, йна, лна, нна, рна* (например, *ехи́дна, война́, волна́, ва́нна*), а также *сто́гна* (устар.), *хна*. Примеры: *ба́шня, бо́йня, спа́льня, сосна́, до́мна, окно́, но́жны, смешно́й, ехи́дный, стра́нный, больно́й, стро́йный, торже́ственный*.

5. Из слов с основой на *л*: а) существительные I субстантивного склонения на согласную+*ля* или *ли* (например, *ка́пля, кро́вля, гра́бли*), а также *ку́кла, ветла́, метла́, скребло́, стебло́* (обл.), *тя́гло, седло́, зло, стекло́, дупло́, ма́сло, весло́, ремесло́, рукомесло́* (простореч.), *кре́сло, тесло́, число́, коромы́сло, пря́сло* (обл.), *ко́злы*[177]; б) прилагательные *злой, тёплый, ки́слый, све́тлый*.

6. Из прочих слов: а) существительные I субстантивного склонения *сва́дьба, уса́дьба, судьба́, ро́зга, кабарга́, кочерга́, ша́ньга, серьга́, кайма́, корчма́, тюрьма́, тьма* (множество), *сестра́, де́ньги, письмо́, ребро́, бедро́, ведро́, ядро́*[178]; б) прилагательные *до́лгий, хи́трый, о́стрый* (в перен. знач.), *во́стрый, шу́стрый*; в) числительные *две́сти, три́ста, четы́реста*.

---

[175] Заметим, что в этот список входят все существительные I субстантивного склонения на *оть*. Укажем также примыкающие к этому списку имена собственные: *Па́вел; Еги́пет, Хопёр, Остёр, Гosто́мель; Ове́н*.

[176] Имя собственное *Любо́вь* имеет небеглое *о* (Р. *Любо́ви*).

[177] У ряда существительных на согласную+*ло* в Р. мн. наблюдаются колебания. АГ (§ 230) признает колебания, в частности, у слов *тя́гло, дупло́, ремесло́, ру́сло, ды́шло* (например, Р. мн. *русл* и *ру́сел*). Для слов *перевя́сло, свя́сло, су́сло* словари не дают никаких определенных указаний.

[178] Для слова *карга́* Уш. дает Р. мн. *каро́г* (в АО только *карг*); для слова *о́бжа́* — Р. мн. *обжéй* и *о́беж* (в Орф. Р. мн. *о́бжей*; в АО нет). У слов *арба́, игла́, и́волга* нередка встречаются устаревшие словоформы Р. мн. *а́роб, и́гол, и́волог*.

Таблица распределения имен, имеющих ненулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе»

Действительная основа исходной словоформы оканчивается на:	Тип склонения: I субстантивный, мужской морф. род	I субстантивный, средний морф. род	I субстантивный, женский морф. род	II субстантивный	адъективный	местоименные (I и II)	притяжательный
ь, *и*, или *е*	ручéй [8]	УЩЁЛЬЕ [370]	СТАТЬЯ́ [105]	—	—	ВÓЛЧИЙ [160]	—
к	КУСÓК [830]	ОКÓШКО [110]	**ТÓЧКА** [4600]	—	ТÓНКИЙ [170]	—	—
ц	БОЁЦ [610]	**сéрдце** [60]	овцá [5]	—	—	—	—
н	**кáмень** [85]	**окнó** [14]	БÁШНЯ [220]	—	**ВÉРНЫЙ** [11500] *	[оди́н]	[господень]
л	**осёл** [27]	**числó** [16]	**кáпля** [33]	—	тёплый [4]	—	—
р	**ковёр** [15]	ведрó [4]	[сестрá]	—	хи́трый [4]	—	—
м	заём [5]	[письмó]	тюрьмá [4]	[вóсемь]	—	—	—
прочие буквы	**ров** [14]	три́ста [3]	**судьбá** [15]	ложь [7]	[дóлгий]	[весь]	—
Всего (округленно)	1600	580	5000	8	11 700	160	1

* В том числе около 5300 слов, которые не имеют чередования беглой гласной с нулем в действительной основе.

Все остальные слова имеют нулевое значение данного признака («звездочек нет»). Примеры (порядок примеров соответствует тому, в котором выше перечислены группы слов со звездочкой): *зов*, *тон*; *музéй*, *рáдий*, *сúний*; *человéк*, *вóйлок*, *седóк*, *щёлок*; *кузнéц*, *беглéц*; *олéнь*, *ячмéнь*, *ясень*; *костёл*, *глагóл*, *экзáмен*, *живодёр*, *кагóр*, *совéт*, *кáбель*, *моркóвь*; *собáка*; *ýлица*, *убúйца*; *полéно*, *вáнна*; *вóбла*, *иглá*, *чрéсла*, *стóйло*, *сверлó*, *дряхлый*, *пóшлый*; *вéрба*, *прóсьба*, *пáльма*, *вéдьма*, *игрá*, *нéдра*, *клеймó*, *бельмó*, *ýтро*, *дóбрый*, *мýдрый*.

Общее число слов, имеющих ненулевое значение данного признака,— около 19 000. Распределение этих имен в зависимости от типа склонения, а также от последней буквы действительной основы исходной словоформы показано на стр. 271 в виде таблицы. У слов I субстантивного склонения учтен также морфологический род. Относительно значения шрифтов и скобок см. § 6.2, пункт 4.

Различительный признак «наличие неустойчивого о в условной основе»

§ 6.45. Под «неустойчивым» *о* понимается безударное *о*, стоящее в условной основе непосредственно после *j*, ', шипящей или *ц*, т. е. подверженное действию формулы перехода 11 (см. § 6.39). Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *бедá* и *звездá* (И. мн. *бéды*, но *звёзды*), *винó* и *селó* (И. мн. *вúна*, но *сёла*), *чиж* и *ёж* (Р. ед. *чижá*, но *ежá*) и т. п.

Различительный признак «наличие неустойчивого *о* в условной основе» может принимать следующие три значения:

0. «Неустойчивого *о* нет»: условная основа ни одной из словоформ парадигмы не содержит цепочки «*j*, ', *Ш* или *ц*+безударное *о*» (нулевое значение).

1. «Одно неустойчивое *о*»: условная основа хотя бы одной из словоформ парадигмы содержит цепочку «*j*, ', *Ш* или *ц*+безударное *о*» (но ни одна из этих условных основ не содержит, сверх этого, второй такой цепочки или цепочки «*j*, ', *Ш* или *ц*+ударное *о*»).

2. «Два неустойчивых *о*: условная основа хотя бы одной из словоформ парадигмы содержит две цепочки «*j*, ', *Ш* или *ц*+*о*» (одна из них может содержать ударное *о* или обе могут содержать безударное *о*).

Правила, позволяющие установить, какое значение принимает у произвольного слова признак «наличие неустойчивого о в условной основе»

Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в ее действительном виде (с разделением на основу и окончание); 2) схема ударения.

Значение «два неустойчивых *о*» имеет только слово *дешёвый*.

Значение «одно неустойчивое *о*» имеют:

А. Из слов, содержащих *ё* в действительной основе исходной словоформы: а) все слова, не относящиеся к схеме ударения *а*, кроме слов *дешёвый* (см. выше) и *чёрт*[179], б) слова схемы *а* *бесёнок*, *чертёнок*.

---

[179] Практически под действие этого подпункта подпадают: а) все существительные на *ёж* (например, *ёж*, *платёж*, *чертёж*), а также существительные: *жёлоб*, *жёрнов*, *мёд*, *перёд*, *черёд*, *ксёндз*, *шёлк*, *чёлн*, *осётр*, *счёт*, *клёст*, *ёрш*, *жёлудь*; *щёлочь*; *плёсо* (обл.); б) все прилагательные на *ённый*, имеющие чередование № 29 '*н/Ø (в основном это причастия, например, *решённый*, *сочинённый*), а также прилагательные: *лёгкий*, *далёкий*, *чёткий*, *вёрткий*, *жёсткий*, *хлёсткий*, *мёртвый*, *чёрствый*, *твёрдый*, *квёлый*, *тяжёлый*, *весёлый*, *тёплый*, *зелёный*, *мудрёный*, *тёмный*, *чёрный*, *пёстрый*, *жёлтый*.

Б. Из слов, у которых действительная основа исходной словоформы безударна, а последняя гласная этой основы есть *е*:

1. Слова схем ударения *d*, *d'*, *f* и *f'*, за исключением: а) тех, у которых в действительной основе исходной словоформы за последним *е* непосредственно следует шипящая, *к*, *г*, *х*, *й* или сочетание «согласная+ь» (кроме слов *дежá* и *щекá*, которые имеют значение «одно неустойчивое *о*»)[180]; б) слов *помелó*, *звенó*, *перó* (т. е. слов с чередованием № 12 Ø/*j); в) слов *едá*, *бедá*, *средá*$_{1-2}$, *стрелá*, *стенá*, *ценá*, *щепá*, *метá*, *жерлó*[181].

2. Следующие слова схемы ударения *b*: а) *пеленá*, *письменá*; б) слова, для которых словари не приводят словоформ мн. числа: *бечевá*, *стегá* (обл.), *лебедá*, *чередá*, *дерезá*, *дремá*, *беленá*.

В. Из прочих слов: а) слова на *мя* (кроме *сéмя*, *стрéмя*, *пóлымя*), например, *и́мя* (т. е. слова с чередованием № 20 Ø/он); б) *óзеро*; в) *хозя́ин*[182].

Все остальные слова имеют нулевое значение данного признака («неустойчивого *о* нет»). Примеры: *приём*, *тётя*, *плёнка*, *ёмкость*; *чертá*, *чекá*, *веществó*, *божествó*; *межá*, *стенá*, *клеймó*, *жерлó*.

Различительный признак «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы

§ 6.46. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *скáзка*, *лóжка*, *шпи́лька* и *гáйка* (Р. мн. *скáзок*, *лóжек*, *шпи́лек*, *гáек*); *дóмна* и *свáдьба* (Р. мн. *дóмен*, *свáдеб*); *окнó*, *ядрó* и *письмó* (Р. мн. *óкон*, *я́дер*, *пи́сем*); *песóк*, *кулёк* и *паёк* (Р. ед. *пескá*, *кулькá*, *пайкá*); *у́гол* и *у́зел* (Р. ед. *углá*, *узлá*); *гусёнок* и *мышóнок* (И. мн. *гуся́та* и *мышáта*) и т. п.

Различительный признак «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы» может принимать пять значений (нулевое и четыре ненулевых).

Ненулевые значения (приписываются только словам, имеющим ненулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе»):

Значение «о»: условная основа исходной словоформы содержит цепочку «согласная (но не *ш*, *ж*, *ч*, *щ*, *ц*, *j*)+*+согласная (но не *к*, *г*, *х*, *j*)».

Значение «ш»: условная основа исходной словоформы содержит цепочку «*ш*, *ж*, *ч*, *щ* или *ц*+*+согласная (но не *j*)» или «*ш*, *ж*, *ч*, *щ* или *ц*+*он*к*» (кроме слова *бочóнок*, которому приписывается нулевое значение).

Значение «ь»: условная основа исходной словоформы содержит цепочку *л'** или цепочку «'*+согласная (но не *н*, *л*, *р*, *ц*, *с*. *т*)» (кроме слова *восемьсóт*, которому приписывается только значение «о», а это значение не приписывается)[183].

Значение «й»: условная основа исходной словоформы содержит цепочку *j**[184].

---

[180] Таковы слова: *межá*, *свечá*, *плечó*; *слегá*, *рекá*, *стрехá*; *клеймó*; *резьбá*, *стрельбá*, *серьгá*, *бельмó*, *сельцó*.

[181] Из числа слов, для которых словари приводят словоформы мн. числа, под действие этого пункта подпадают: *середá* (простореч.), *звездá*, *дежá*, *железá*, *слезá*, *щекá*, *пчелá*, *метлá*, *метлá*, *женá*, *веснá*, *деснá*, *блеснá*, *сестрá*, *лесá*, *верстá*; *гнездó*, *скреблó*, *стеблó* (обл.), *седлó*, *селó*, *челó*, *стеклó*, *сверлó*, *веслó*, *ремеслó*, *рукомеслó* (простореч.), *теслó*, *бревнó*, *веретенó*, *зернó*, *ребрó*, *бедрó*, *ведрó*, *колесó*, *решетó*, *берцó*, *озерцó*.

[182] Это единственное слово, имеющее неустойчивое *о* в условной основе и не имеющее чередование *е/ё* в действительной основе.

[183] Это слово — единственное, для которого имеют место одновременно два из перечисленных особых случаев.

[184] Ненулевые значения обозначены русскими буквами, так или иначе отражающими особенности соответствующих чередований беглых глас-

Нулевое значение: не имеет места ни один из указанных четырех случаев (в частности, оно приписывается всем словам, имеющим нулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе»).

Правила, позволяющие установить, какое значение принимает у произвольного слова признак «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы»

Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в ее действительном виде (с разделением на основу и окончание); 2) значение признака «наличие звездочки в условной основе»; 3) значение признака «чередования в условной основе» (практически необходимы лишь сведения о том, имеются ли чередования № 12 и № 14).

А. Слова, имеющие нулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе», имеют также нулевое значение данного признака.

Б. Из слов, содержащих в условной основе чередование № 14 *он*к/ат*, слова на *онок* имеют значение «ш», прочие — нулевое значение. Из слов, содержащих в условной основе чередование № 12 *Ø/*j*, слова *дно* и *у́голь* (мн. *у́голья*) имеют значение «о», прочие — нулевое значение.

В. Слово *восемьсо́т* имеет значение «о», слово *коча́н* (вариант с Р. ед. *кочна́*) — значение «ш», слово *за́яц* — значение «й».

Г. Прочие слова, имеющие ненулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе»:

1. Слова, у которых окончание исходной словоформы содержит гласную:

действительная основа исходной словоформы оканчивается на:	значение рассматриваемого признака:
к, *г* или *х* + согласную	«о»
ш, *ж*, *ч*, *щ* или *ц* + согласную	«ш»
ь + согласную	«ь»
й + согласную	«й»

любую иную цепочку — слова *зло*, *зло́й*, *по́лный*, *две́сти*, *три́ста*, *четы́реста* имеют значение «о», прочие слова — нулевое значение.

2. Слова, у которых окончание исходной словоформы не содержит гласной:

действительная основа исходной словоформы оканчивается на:	значение рассматриваемого признака:
согласную (но не *ш*, *ж*, *ч*, *щ*, *ц*) + *о* + согласную (но не *к*, *г*, *х*)	«о»
ш, *ж*, *ч*, *щ* или *ц* + *е* (или *о*) + согласную . . .	«ш»
л + *е* (или *ё*) + согласную	«ь»
согласную (но не *ш*, *ж*, *ч*, *щ*, *ц*) + *е* (или *ё*) + *к* или *м*	«ь»
гласную + *е* (или *ё*) + согласную	«й»
любую иную цепочку	нулевое

Примеры: нулевое значение — *ска́зка*, *песо́к*, *мя́гкий*, *до́мна*, *ядро́*, *у́зел*, *не́мец*, *пёс*, *у́мный*, *све́тлый*, *ручёй*, *у́лей*, *статья́*, *ущёлье*, *стул*, *князь*, *гусёнок*; значение «о» — *окно́*, *зло*, *у́гол*, *сон*, *по́лный*; значение «ш» — *ло́жка*, *блю́дечко*, *мешо́к*, *шов*, *конькобе́жец*, *клёцки*, *тя́жкий*, *мышо́нок*; значение «ь» — *шпи́лька*, *тюрьма́*, *сва́дьба*, *письмо́*, *кулёк*, *зверёк*, *па́лец*, *лёд*, *дово́льный*, *го́рький*; значение «й» — *га́йка*, *кайма́*, *паёк*, *кита́ец*, *стро́йный*, *бо́йкий*.

ных с нулем на действительном уровне (так, *ь* и *й* — это просто нулевые ступени соответствующих чередований, *о* — полная ступень).

Различительный признак «аномальные беглые гласные»

§ 6.47. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *полынья́* и *ектенья́* (Р. мн. *полыне́й*, но *ектений*), *ковёр* и *хребе́т* (Р. ед. *ковра́*, *хребта́*), *рожо́н* и *коча́н* (Р. ед. *рожна́*, *кочна́*), *жму́рки* и *су́мерки* (Р. *жму́рок*, но *су́мерек*) и т. п.

Аномальные беглые гласные выступают в действительной основе. При формулировке значений данного различительного признака это специально не оговаривается.

Различительный признак «аномальные беглые гласные» может принимать следующие пять значений (при каждом ненулевом значении указаны все слова, которые его имеют):

0. Аномальных беглых гласных нет (нулевое значение).

1. Аномальная беглая гласная *и* (вместо *ё* или *е*). Слова: *оди́н*, *яйцо́*, *ектенья́*, *епитимья́*, *манатья́*.

2. Аномальная беглая гласная *а* (вместо *о*). Слово *коча́н* (вариант с Р. ед. *кочна́*).

3. Аномальная беглая гласная *е* (вместо *ё*). Слова: *хребе́т*, *лев*, *тьма* (множество), *корчма́*, *судьба́* (устар. вариант со схемой ударения *f*).

4. Аномальная беглая гласная *ё* (под ударением) или *е* (без ударения) (вместо *о*). Слова: *кочерга́*, *су́мерки*.

Различительный признак «орфографические аномалии»

§ 6.48. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова как *ста́я* и *секво́йя* (Р. мн. *стай*, *секво́й*), *кита́ец* и *за́яц* (Р. ед. *кита́йца*, *за́йца*), *споко́йный* и *досто́йный* (неатрибут. муж. ед. *споко́ен*, но *досто́ин*), *копьё* и *ружьё* (Р. мн. *ко́пий*, но *ру́жей*) и т. п.

Орфографические аномалии выступают в действительном виде словоформ. При формулировке значений данного различительного признака это специально не оговаривается.

Различительный признак «орфографические аномалии» может принимать следующие девять значений (при каждом ненулевом значении указано, какие слова его имеют; в таком указании могут быть использованы сведения о действительной основе исходной словоформы слова и о типе склонения):

0. Орфографических аномалий нет (нулевое значение).

1. В И. ед. окончание *ь* (вместо Ø). Это значение имеют все слова II субстантивного склонения с основой на шипящую, например, *ночь*, *мышь*, *ва́лежь*.

2. Р. мн. оканчивается на гласную+*й* (а не на гласную+*йй*). Это значение имеют все слова на *йя*, например: *секво́йя*, *параноййя*.

3. В основе вместо безударного *о* выступает *а*. Слово *заря́*.

4. В основе вместо безударного *я* выступает *е*. Слова: *се́мя*, *стре́мя*.

5. В основе вместо безударного *и* выступает *е*. Слова: *жёребей* (обл.), *у́лей*, *чи́рей*; *ружьё*.

6. В основе вместо безударного *е* выступает *и*. Слова: *сей*, *досто́йный*.

7. В основе вместо безударного *е* выступает *я*. Слово *за́яц*.

8. В окончании И. ед. вместо *о* выступает *ё*. Слова: *что*, *ничто́*.

Итоги классификации суженных парадигм

§ 6.49. Совокупность всех введенных выше различительных признаков обеспечивает достаточную детальность классификации суженных парадигм действительного уровня. Иначе говоря,

любые два слова, имеющие одинаковые значения всех введенных различительных признаков, имеют эквивалентные суженные парадигмы действительного уровня.

Заметим, однако, что построенная классификация обладает некоторой избыточной детальностью; иначе говоря, можно найти такую пару слов, у которых суженные парадигмы действительного уровня эквивалентны, а наборы значений различительных признаков неодинаковы. Таковы, например, слова *вол* и *кузнéц*: их суженные парадигмы действительного уровня эквивалентны, между тем они принадлежат к разным морфонологическим типам (слово *вол* к морфонологическому типу 1, слово *кузнéц* — к морфонологическому типу 5). Содержательные мотивы, ведущие к построению избыточно детальной классификации, в общей форме указаны в § 6.1. В построенной классификации источником избыточной детальности почти во всех случаях являются различительные признаки «морфонологический тип условной основы» и «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы».

РАЗДЕЛ III

РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ВТОРИЧНЫМ СЛОВОФОРМАМ

§ 6.50. Основные особенности вторичных словоформ (см. § 6.3) состоят в следующем: 1) подавляющее их большинство омонимично некоторым первичным словоформам тех же парадигм; 2) те немногие вторичные словоформы, которые не омонимичны никаким первичным словоформам, могут быть построены по некоторым стандартным правилам на основании сведений о первичных словоформах. Таким образом, естественно считать, что парадигма строится как бы в два этапа: вначале строятся все первичные словоформы, а затем как производные от них возникают вторичные словоформы [185]. (Отсюда и сам выбор названий для этих двух групп словоформ.)

В связи с этим различительные признаки, относящиеся к вторичным словоформам, строятся особым образом. В отличие от признаков, относящихся к первичным словоформам, они отражают не сами по себе окончание, основу или ударение тех или иных вторичных словоформ, а только способ построения этих словоформ исходя из первичных словоформ той же парадигмы. Рас-

[185] Заметим, что и по своим грамматическим значениям почти все вторичные словоформы занимают как бы второстепенное положение в системе склонения; в большинстве существующих описаний по крайней мере некоторые из них не признаются самостоятельными словоформами (или даже вообще не упоминаются).

смотрим в качестве примеров формы В. мн. и $П_2$ ед., которым всегда соответствуют вторичные словоформы. Словоформа В. мн. всегда омонимична либо словоформе И. мн., либо словоформе Р. мн. Словоформа $П_2$ ед. в одной части парадигм омонимична словоформе П. ед., в другой части парадигм строится по некоторому стандартному правилу, исходя из словоформы Д. ед. (упрощенно это правило можно представить так: по буквенному составу словоформа $П_2$ ед. совпадает со словоформой Д. ед., но действительное ударение всегда на окончании; подробнее см. § 6.54). Очевидно, что у словоформ В. мн. и $П_2$ ед. нет необходимости учитывать по отдельности ударение, окончание, особенности основы. Про словоформу В. мн. достаточно знать только то, какой именно словоформе — И. мн. или Р. мн. — она омонимична во взятой парадигме. Про словоформу $П_2$ ед. достаточно знать только то, омонимична ли она словоформе П. ед. Именно такая информация и учитывается вводимыми ниже различительными признаками.

Из сказанного видно, что вторичные словоформы можно успешно описывать с помощью различительных признаков указанного строения. Однако само по себе еще не очевидно, имеет ли такое описание преимущество перед логически более простым описанием, при котором все словоформы признаются равноправными (т. е. нет деления на первичные и вторичные) и последовательно изучаются ударение во всех словоформах парадигмы, окончания всех словоформ парадигмы и т. д. Чтобы убедиться в том, что такие преимущества действительно имеются, рассмотрим, например, вопрос об ударении. Возьмем следующие пары слов: *вещь—мышь* (схема ударения *e*; В. мн. *вéщи, мышéй*), *гвоздь—конь* (схема *f*; В. мн. *гвóзди, конéй*); *мысль—даль* (схема *a*; $П_2$ ед. *мы́сли, далú*), *сорт—борт* (схема *c*; $П_2$ ед. *сóрте, бортý*), *речь—печь* (схема *e*; $П_2$ ед. *рéчи, печú*). Представим себе, что различительный признак «схема ударения» учитывал бы все словоформы парадигмы (а не только первичные). Легко видеть, что члены каждой приведенной пары слов были бы отнесены в этом случае к разным схемам ударения; общее число различных схем значительно увеличилось бы. Это увеличение и само по себе является некоторым минусом для описания, однако гораздо важнее другое: при таком описании собственно акцентуационные противопоставления (например: *вещь*, схема *e* —*зáлежь*, схема *a*; *сорт*, схема *c* — *стол*, схема *b*) попадают в один список с противопоставлениями совсем иной природы (типа *вещь—мышь*, *сорт—борт*). В самом деле, очевидно, что различие по ударению, например, между В. мн. *вéщи* и В. мн. *мышéй* является не более чем одним из следствий общего правила об омонимии В. мн. с И. мн. или Р. мн. и специально к акцентуации отношения не имеет. Таким образом, неразличение первичных и вторичных словоформ привело бы к затемнению объективного членения рус-

ских имен по акцентуационному признаку. Сходные доводы можно было бы привести и в отношении других вторичных словоформ и других аспектов строения парадигмы.

Различительный признак «нестандартная омонимия чисел»

§ 6.51. В соответствии с § 6.3, вторичной признается всякая словоформа ед. числа, омонимичная соответствующей словоформе мн. числа (кроме словоформ неизменяемых слов). Условимся называть этот вид омонимии о м о н и м и е й ч и с е л. В § 6. 3 предполагается, что рассматриваются полностью известные парадигмы. Если же взята парадигма, известная не полностью, то мы еще не можем сразу установить, имеется ли в данной парадигме омонимия чисел.

Ответ на этот вопрос состоит в следующем. Омонимия чисел бывает двух типов. Омонимия чисел первого типа (назовем ее с т а н д а р т н о й) может быть однозначно предсказана по сведениям о грамматическом разряде парадигмы, а именно: стандартную омонимию чисел имеют все прилагательные. Она состоит в том, что омонимичны соответствующие друг другу словоформы разных чисел в 7-м согласовательном классе (=в парном роде), например: И. ед. парн. *нóвые*=И. мн. парн.; Т. ед. парн. *своúми*=Т. мн. парн. и т. д. Омонимия чисел второго типа (назовем ее н е с т а н д а р т н о й) не может быть предсказана на основании значений каких-либо введенных ранее различительных признаков. Она представлена в парадигмах существительных 7-го согласовательного класса[186] (т. е. pluralia tantum). В доказательство того, что наличие омонимии чисел в таких парадигмах нельзя предсказать по значениям других различительных признаков, можно привести, например, парадигмы слов *пéпельница* и *нóжницы*. Эти слова имеют одинаковые значения всех введенных до сих пор различительных признаков; между тем одно из них (*нóжницы*) имеет омонимию чисел, а другое (*пéпельница*) — нет (и в силу этого данные парадигмы неэквивалентны).

Таким образом, для того, чтобы учесть при классификации такие различия между парадигмами, как *пéпельница—нóжницы*, нужен дополнительный различительный признак. Для этой цели вводится различительный признак «нестандартная омонимия чисел». Он может принимать следующие два значения:

0. Омонимии чисел в парадигме нет или имеется только стандартная омонимия чисел.

1. В парадигме имеется нестандартная омонимия чисел (или, что то же, слово относится к числу pluralia tantum).

Правила, позволяющие установить, какое значение принимает у произвольного слова признак «нестандартная омонимия чисел»

И с х о д н ы е с в е д е н и я о п а р а д и г м е: 1) исходная словоформа в ее действительном виде (без разделения на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) сведение о том, имеет ли парадигма дефект № 6 (см. § 3.4); 4) тип склонения.

Значение 1 имеют следующие группы существительных:

---

[186] Следует учитывать, что согласовательный класс существительных (как и всякая другая классифицирующая грамматическая категория) сам по себе не входит в число различительных признаков, участвующих в морфологической классификации именных парадигм.

1) существительные адъективного типа склонения на *ые* и *ие*, адъективно-возвратного типа склонения на *иеся* и любого ненулевого типа склонения на *ы* и *и*, за исключением существительных с дефектом № 6;

2) следующие существительные (порядок обратный алфавитный): *кружевá*, *дровá*, *бегá*, *торокá*, *войскá*, *сусáла*, *удилá*, *белúла*, *чернúла*, *перúла*, *чрéсла*, *раменá*, *письменá*, *румянá*, *нéдра*, *небесá*, *словесá*, *лесá* (строительные), *телесá*, *чарусá*, *деньжáта*, *вратá*, *летá*, *тенёта*, *ворóта*, *устá*, *потрохá*, *ворóтца*, *жужжáльца*, *перúльца*; *прéния*, *зеленя́*, *объéдья*, *корéнья*, *хлóпья*, *лохмóтья*, *стрýчья*[187]; кроме того, *дровéц*, *щец*.

Все прочие слова имеют нулевое значение данного признака.

Общее количество слов, имеющих значение 1 данного признака (т. е. pluralia tantum) — около 470 (в том числе мужского морф. рода 250, женского 190, среднего 30).

Различительный признак «нестандартное выражение винительного падежа»

§ 6.52. В соответствии с § 6.3, вторичной признается всякая словоформа В. падежа, омонимичная соответствующей словоформе И. или Р. падежей (кроме словоформы *её*). Однако, как уже отмечено в связи с омонимией чисел, в § 6.3 предполагается, что рассматриваются полностью известные парадигмы. Если же взята парадигма, известная не полностью, то в связи с винительным падежом возникают следующие два вопроса: 1) какие из имеющихся в парадигме словоформ В. падежа являются вторичными в силу того, что они омонимичны соответствующей словоформе И. или Р.; 2) если вторичные словоформы В. падежа в парадигме вообще имеются, то какой именно словоформе (И. или Р.) омонимична каждая из них.

Ответ на первый вопрос определяется следующим общим правилом (использующим сведения об эталонном грамматическом значении словоформ парадигмы и о типе склонения).

Вторичной в силу омонимии с И. или Р. является:

1) в парадигме II субстантивного склонения — всякая словоформа В. падежа;

2) в парадигме иного типа склонения — всякая словоформа В. падежа, кроме словоформ с эталонным грамматическим значением «В. ед. жен. (неодуш. или одуш.)» (которые являются первичными).

Примеры: вторичные словоформы В. падежа — *стол*, *столы́*, *брáта*, *брáтьев*, *звёзды*, *жён*, *окнó*, *óкна*, *ночь*, *нóчи*, *мышь*, *мышéй*, *сáни*, *шоссé*, *свой*, *своегó*, *своё*, *свои́*, *свои́х*, *два*, *двух*, *пять*, *меня́*, *когó*, *что*; первичные словоформы В. падежа — *звездý*, *женý*, *мостовýю*, *нóвую*, *свою́*, *дя́дину*.

Единственное исключение из приведенного правила — словоформа В. ед. жен. *полторы́* (она омонимична словоформе И. падежа и поэтому является вторичной, тогда как по правилу должна быть первичной)[188].

Ответ на второй вопрос определяется следующим общим правилом (использующим те же сведения, что и предыдущее):

1) Всякая вторичная словоформа В. падежа, эталонное грамматическое значение которой содержит граммемы «средний род» и «ед. число», омонимична словоформе И. падежа.

2) Всякая вторичная словоформа В. падежа, которая, во-первых, принадлежит парадигме II субстантивного склонения, во-вторых, имеет эталонное грамматическое значение, содержащее граммему «ед. число», также омонимична словоформе И. падежа.

---

[187] Для слов *жвáла*, *стропúла*, *ýголья*, *отрéпья*, *охлóпья* АО дает словоформы ед. числа; относительно слов *кружевá*, *войскá*, *небесá*, *потрохá* см. § 2.12.

[188] Особый случай составляет словоформа В. падежа *её*: она омонимична словоформе Р. падежа, однако, в силу специального указания в § 6.3, является первичной. Таким образом, она не нарушает данное правило.

3) Всякая иная вторичная словоформа В. падежа омонимична словоформе И. падежа, если ее эталонное грамматическое значение содержит граммему «неодушевленность», и словоформе Р. падежа, если ее эталонное грамматическое значение содержит граммему «одушевленность».

Примеры: словоформы В. падежа, омонимичные с И. — *окнó, и́мя, лицó, чудóвище, живóтное, своё, нóвое; мать, мышь, ночь, путь, пять, двáдцать; стол, столы́, звёзды, óкна, нóчи, сáни, свой, свои́, два, что*; словоформы В. падежа, омонимичные с Р. — *лиц, чудóвищ, живóтных, матерéй, мышéй, брáта, брáтьев, своегó, свои́х, двух, меня́, когó.*

Из этого правила имеется некоторое число исключений:

1) у некоторых слов морфологического класса 6 (а именно, у существительных согласовательного класса 2, например *волчи́ще, гнедкó, подмастéрье*, и у слов *онó, кто, никтó, нéкого*) словоформа В. ед. (при бесчисловом типе устройства — просто В.) омонимична словоформе Р. падежа (а не И., как требует правило), например: *волчи́ща, гнедкá, подмастéрья, егó, когó, никогó, нéкого*;

2) словоформа В. ед. муж. одуш. *полторá* омонимична словоформе И. падежа (а не Р., как требует правило); ср. *он съел полтора гуся* (но не *полутора гусей*).

Будем называть вторичные словоформы В. падежа, подчиняющиеся обоим приведенным правилам, выраженными с т а н д а р т н о, а словоформы, отклоняющиеся хотя бы от одного из них, — выраженными н е с т а н д а р т н о.

Для того, чтобы учесть при классификации состав и строение вторичных словоформ В. падежа, достаточно ввести дополнительный различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартно выраженным В. падежом. Ввести такой признак в то же время необходимо, поскольку предсказать его значения по значениям других различительных признаков в общем случае нельзя. В самом деле, например, парадигмы слов *чудóвище* и *волчи́ще* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков [189]; между тем у одного из них (*чудóвище*) обе словоформы В. падежа выражены стандартно, а у другого (*волчи́ще*) словоформа В. ед. выражена нестандартно (вследствие чего парадигмы этих слов неэквивалентны).

Таким образом, вводится различительный признак «нестандартное выражение винительного падежа», который может принимать следующие значения:

0. Все имеющиеся в парадигме вторичные словоформы В. падежа выражены стандартно (нулевое значение).

1. Словоформа В. ед. (в бесчисловом разряде — просто В.) выражена нестандартно: она омонимична соответствующей словоформе Р. падежа.

2. Словоформы В. ед. муж. одуш. и В. ед. жен. (одуш. и неод.) выражены нестандартно: они омонимичны соответствующим словоформам И. падежа.

При построении правила, позволяющего устанавливать значение рассматриваемого признака у произвольной парадигмы, оказывается неизбежным обращение к дополнительной информации о слове, не входящей в число введенных ранее морфологических характеристик, а именно, к сведениям о согласовательном классе существительных на *ище* и *ко* (ср. обращение к этим сведениям в § 6.30). Ниже приводятся эти правила (кроме указанных выше сведений о согласовательном классе, в них используется исходная словоформа, грамматический разряд и тип склонения):

Значение 2 имеет только слово *полторá*.

Значение 1 имеют: 1) все существительные 2-го согласовательного класса (муж. одуш.) на *ище* и *ко* (кроме относящихся к нулевому типу склонения),

---

[189] Эти два слова относятся, правда, к разным согласовательным классам; но, как уже отмечено выше в связи с омонимией чисел, согласовательный класс (в отличие от морфологического класса) не входит в число морфологических различительных признаков.

а также *подмастерье, полудурье* (обл.), *мазло* (простореч.), *трепло* (муж. род. разг.)[190]; 2) слова *оно, кто, никто, некого*.

Все прочие слова имеют нулевое значение данного различительного признака.

Различительный признак «нестандартное выражение 2-го родительного падежа»

§ 6.53. В большинстве именных парадигм (в частности, в парадигмах всех слов, кроме существительных мужского морфологического рода I субстантивного склонения) всякая словоформа 2-го родительного падежа омонимична соответствующей словоформе родительного падежа. Будем называть этот способ выражения $Р_2$ стандартным. Примеры стандартного выражения $Р_2$: парадигма *стакан* — $Р_2$ ед. *стакана*; *вода* — $Р_2$ ед. *воды*; *вино* — $Р_2$ ед. *вина*; *новый* — $Р_2$ ед. *нового, новой*; *два* — $Р_2$ *двух*; *что* — $Р_2$ *чего*.

В меньшинстве парадигм (а именно, у части существительных мужского морфологического рода I субстантивного склонения) положение таково: 1) $Р_2$ мн. омонимичен Р. мн.; 2) в $Р_2$ ед. имеются две словоформы, одна из которых омонимична Р. ед., а вторая омонимична Д. ед.[191] Будем называть этот способ выражения $Р_2$ нестандартным. Примеры нестандартного выражения $Р_2$: парадигма *чай* — $Р_2$ ед. *чаю* и *чая*; *яд* — $Р_2$ ед. *яду* и *яда*; *коньяк* — $Р_2$ ед. *коньяку* и *коньяка*; *шум* — $Р_2$ ед. *шуму* и *шума* ($Р_2$ мн. *чаёв, ядов, коньяков, шумов*).

Таким образом, для того, чтобы учесть при классификации строение словоформ 2-го родительного падежа, достаточно ввести всего один различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартно выраженным $Р_2$. Как и в случае с винительным падежом, такой различительный признак в то же время необходим: в самом деле, например, парадигмы слов *стакан* и *яд* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков; между тем одно из них (*стакан*) имеет стандартно выраженный $Р_2$, а другое (*яд*) — нестандартно выраженный $Р_2$ (вследствие чего парадигмы этих слов неэквивалентны).

Итак, вводится различительный признак «нестандартное выражение 2-го родительного падежа», который может принимать два значения:

0. 2-й родительный падеж выражен стандартно (нулевое значение).
1. 2-й родительный падеж выражен нестандартно.

Вопрос о том, у каких именно существительных мужского морф. рода I субстантивного склонения 2-й родительный падеж выражен нестандартно, представляет большие трудности. На способ выражения $Р_2$ у этой группы существительных влияет несколько факторов неформального характера. Важнейшим из них является значение слова: словоформы $Р_2$ на *-у, -ю* возможны только у слов, означающих предметы, которые не имеют количественной определенности (и поэтому, в частности, не поддаются счету). Таковы обозначения нерасчлененных однородных масс (например, веществ, материалов, видов пищи, напитков, денежных сумм) или абстрактных понятий (например, физических эффектов, состояний, качеств). С другой стороны, способ выражения $Р_2$ зависит от сферы употребления слова: словоформы $Р_2$ на *-у, -ю* свойственны преимущественно разговорной речи и поэтому они закрепляются только у слов, которые достаточно часто встречаются в быту, в обиходной практике. Поэтому, например, словоформы $Р_2$ *керосину, гонору*

---

[190] Верна была бы также следующая более общая формулировка этого пункта: все существительные ненулевого склонения, относящиеся одновременно к согласовательному классу 2 и морфологическому классу 6.

[191] Во всякой парадигме, имеющей словоформу $Р_2$ ед., имеются также соответствующие словоформы Р. ед. и Д. ед.

обычны, а словоформы *стрóнцию, альтруи́зму* могут быть употреблены в литературной речи только для достижения определенного стилистического эффекта. Наконец, на способ выражения $Р_2$ влияет и такой собственно морфологический фактор, как схема ударения слова: схема ударения *b* является существенным (хотя все же преодолимым) препятствием для образования $Р_2$ на *-у, -ю*.

Из сказанного видно, что в современном языке нет четкой границы, отделяющей слова с нестандартно выраженным $Р_2$ от остальных. По-видимому, все слова мужского морф. рода I субстантивного склонения, которые обозначают предметы, не поддающиеся счету, потенциально допускают нестандартное выражение $Р_2$ (хотя для большинства из них такие словоформы оказываются стилистически окрашенными, ср. выше). Очевидно, что в данном случае любые формальные правила будут отражать реальную ситуацию несколько огрубленно. Приводимые ниже правила представляют собой просто списки слов с нестандартно выраженным $Р_2$ (таким образом, с формальной точки зрения, они не требуют никаких сведений о слове, кроме исходной словоформы). Слова разбиты на семантические группы; порядок слов во всех списках обратный алфавитный. Замысел приводимых правил состоит в том, чтобы приписывать значение 1 рассматриваемого признака только тем словам, у которых словоформы $Р_2$ на *-у, -ю* могут считаться стилистически нейтральными. Разумеется, конкретное исполнение этого замысла неизбежно содержит элемент субъективности. Отметим, что приводимые списки включают, в частности, все слова, для которых $Р_2$ на *-у, -ю* указан в АО или в АГ (кроме слов, рассматриваемых в замечаниях в конце настоящего параграфа).

Значение 1 («$Р_2$ выражен нестандартно») имеют следующие существительные мужского морф. рода I субстантивного склонения:

1. Слова с вещественным значением (обозначения веществ, материалов, видов пищи, напитков и т. п.):

а) *плов, снег, мозг, пýдинг, ри́слинг, грог, творóг, жéмчуг, мармела́д, шокола́д, марина́д, рафина́д, лимона́д, град, виногра́д, чад, лёд, мёд, стрептоци́д, йод, сóлод, кислорóд, яд, газ, навóз, тока́й, чай, елéй, клей, сельдерéй, шалфéй, гра́вий, óпий, цикóрий, мóрфий, гной, перегнóй, настóй, таба́к, нажда́к, лак, шлак, мак, брак* (бракованная продукция), *припёк, крыжóвник, шипóвник, валéжник, си́тник, шпик* (сало), *сýрик, тик* (ткань), *шёлк, цинк, щёлок, вóйлок, чеснóк, сок, песóк, кипятóк, порошóк, воск, лук, балы́к, тальк, урю́к, известня́к, конья́к, мышья́к, материа́л, крахма́л, мел, пéпел, кизи́л, салóл, рассóл, бальза́м, мадапола́м, хлам, джем, чернозём, крем, грим, боржóм, ром, бром, корм, хлорофóрм, дым, изю́м, ла́дан, нарза́н, тума́н, целлофа́н, лён, хрен, новокаи́н, кокаи́н, габарди́н, кодеи́н, кофеи́н, кармази́н, бензи́н, мараски́н, молески́н, формали́н, гутали́н, нафтали́н, вазели́н, анили́н, ванили́н, пластили́н, пеницилли́н, газоли́н, ланоли́н, попли́н, мусли́н, инсули́н, жасми́н, тмин, хини́н, сантони́н, стрихни́н, уротропи́н, маргари́н, стеари́н, ультрамари́н, сахари́н, ландри́н, глицери́н, аспири́н, декстри́н, люстри́н, фукси́н, кероси́н, вати́н, желати́н, дермати́н, сати́н, бенедикти́н, терпенти́н, бриллианти́н, абрикоти́н, парафи́н, файдеши́н, крепдеши́н*[192], *рейнвéйн, глинтвéйн, портвéйн, самогóн, пирамидóн, нейлóн, одеколóн, кардамóн, гудрóн, капрóн, бетóн, ацетóн, крюшóн, бульóн, дёрн, сафья́н, драп, сирóп, укрóп, суп, вар, нава́р, това́р, отва́р, нага́р, перега́р, уга́р, скипида́р, пар, са́хар, сидр, клéвер, ли́вер, ликёр, би́сер, пóртер, клéйстер, ши́фер, жир, инжи́р, кашеми́р, зефи́р* (ткань и кушанье), *кефи́р, эфи́р, раствóр, кагóр, коленкóр, мра́мор, сор, мýсор, рокфóр, фóсфор, алеба́стр, сыр, квас, атла́с, лес* (материал), *хéрес, тёс, ани́с, ля́пис, рис, си́лос, купорóс, репс, гипс, ворс, морс, ýксус, сóус, кумы́с, шпага́т, муска́т, сала́т, шпина́т, ба́рхат, панба́рхат, вельвéт, глазéт, маркизéт, налёт, омлéт, помёт, винегрéт, паш-*

[192] Слова с вещественным значением, оканчивающиеся на *и́н*, образуют особую группу: по-видимому, можно было бы признать $Р_2$ на *-у* допустимым для любого такого слова. Мы не делаем этого здесь из-за формальных трудностей (необходимость обращаться к значению слова).

тёт, динами́т, лафи́т, брезе́нт, це́мент, абсе́нт, грунт, таво́т, креозо́т, шевио́т, коверко́т, камло́т, пот, компо́т, спирт, асбе́ст, хво́рост, мазу́т, торф, мех, мох, горо́х, по́рох, во́здух, пух, смале́ц, ма́рганец, пе́рец, си́тец, пунш, фарш, минда́ль, митка́ль, хмель, шта́пель, кисе́ль, ка́фель, карто́фель, щёбень, реве́нь, ячме́нь, янта́рь, имби́рь, нашаты́рь, дёготь[193];

б) уменьшительные: *чаёк, кофеёк, хмелёк, уголёк, огонёк, си́тничек, песо́чек, горо́шек, су́пчик, пе́рчик, си́тчик, медо́к, ледо́к, снежо́к, творожо́к, мелко́к, дымо́к, хрено́к, сахаро́к, жиро́к, сыро́к, квасо́к, дегото́к, табачо́к, со́чок, чесночо́к, лучо́к, балычо́к, су́пец*[194].

2. Слова со значением нерасчлененной множественности: *наро́д, сброд.*

3. Слова, обозначающие физические эффекты и характеристики:

а) *визг, крик, треск, писк, гром, шум, звон, трезво́н, го́мон, скрип, скре́жет, гвалт, гро́хот, хо́хот, свист, смех;*

б) *ток* (электрический), *ве́тер;*

в) *хо́лод, моро́з* (также *моро́зец*), *зной, жар;*

г) *смак, блеск, вес, вкус, свет, цвет, рост, за́пах;*

д) *ход, поко́й, просто́р.*

4. Слова, обозначающие абстрактные понятия, связанные с человеческой деятельностью:

а) *долг, дохо́д, расхо́д, убы́ток, капита́л, штраф;*

б) *шик, лоск, пыл, юмор, го́нор, па́фос, форс, аппети́т, тала́нт, аза́рт, опыт;*

в) *бред, трёп, вздор, брёх;*

г) *толк, поря́док, прок, срок, риск, сканда́л, срам.*

Все остальные слова имеют нулевое значение рассматриваемого признака («$Р_2$ выражен стандартно»).

Замечания

Значительное число словоформ $Р_2$ на *-у, -ю* выступает в устойчивых фразеологических сочетаниях (часто наречного характера). Здесь возможны три случая:

1. Соответствующее существительное вообще не встречается вне данного устойчивого сочетания (или сочетаний). Так, например, существительное *у́молк* встречается только в форме $Р_2$ в выражении *без у́молку.* В соответствии с § 4.1, такие существительные (а именно: *отва́л, панталы́к, призо́р, про́сып, слад, спас, терпёж, угомо́н, у́держ, у́молк, упа́д*) вообще не рассматриваются в настоящей классификации.

2. Соответствующее существительное допускает словоформу $Р_2$ на *-у* (*-ю*) только в устойчивом сочетании (или сочетаниях); в свободных сочетаниях встречается словоформа $Р_2$ только на *-а* (*-я*). Так, например, словоформы $Р_2$ *отве́ту* и *приве́ту* выступают только в выражении *ни ответу ни привету.* В соответствии с § 4.2, такие сочетания не учитываются при установлении состава парадигмы участвующих в них существитель-

---

[193] Перечислим все слова схемы ударения *b*, входящие в этот список: *творо́г, лёд, таба́к, нажда́к, чесно́к, песо́к, кипято́к, порошо́к, балы́к, известня́к, коньяк, мышья́к, лён, мох, минда́ль, митка́ль, кисе́ль, реве́нь, ячме́нь, янта́рь, имби́рь, нашаты́рь.*

[194] Как видно, перечисленные слова (кроме *кофеёк, уголёк, огонёк*) образованы от слов предыдущего списка. (Отметим, что для уменьшительных, в отличие от слов основного списка, схема ударения *b* не препятствует образованию $Р_2$ на *-у.*) В настоящем подпункте перечислены только те уменьшительные, которые входят в исходный материал. В действительности нестандартно выраженный $Р_2$ имеют и все прочие уменьшительные, образованные от слов предыдущего списка, например: *виногра́дик, тока́йчик, наждачо́к, порошо́чек, крахма́льчик, рассо́льчик, боржо́мчик, бензи́нчик, самого́нчик, бульо́нчик, сиро́пчик, укро́пчик, си́дрик, клеверо́к, кефи́рчик, мо́рсик, шпага́тик, сала́тик, компо́тик, спи́ртик, киселёк, имби́рчик.*

ных и, следовательно, эти существительные получают нулевое значение рассматриваемого признака.

3. Соответствующее существительное допускает словоформу $Р_2$ на *-у* (*-ю*) не только в устойчивых, но также и в свободных сочетаниях. Так, например, словоформа $Р_2$ *смéху* встречается как в устойчивом сочетании *не до смеху*, так и в свободных сочетаниях типа *много смеху*, *не слышно смеху*. Такие существительные, естественно, получают значение 1 рассматриваемого признака (т. е. они уже содержатся в приведенных выше списках).

С другой стороны, устойчивые сочетания со словоформами $Р_2$ на *-у*, *-ю* можно разделить на две группы в зависимости от того, каково в них общее значение 2-го родительного падежа. (При этом одна и та же словоформа $Р_2$ может участвовать в сочетаниях обеих групп.)

Первую группу составляют сочетания, где общее значение 2-го родительного падежа обычное (т. е. партитивное). Это преимущественно сочетания существительных со словами *нет*, *ни*, с предлогом *без* (реже *до*, *с*) или непосредственно с глаголом. Большинство существительных — отглагольные. Вот важнейшие из таких сочетаний: а) *нет доступу*, *нет износу*, *дать маху*, *нет отбою*, *ни ответу ни привету*, *ни отдыху ни сроку*, *нет переводу*, *нет и помину*, *нет приступу*, *ни проходу ни проезду*, *не давать проходу*, *и разговору быть не может*, *нет расчёту*, *сладу нет*, *нет сносу*, *спасу нет*, *спору нет*, *не давать спуску*, *нет счёту*, *терпежу́ нет*, *не было уговору*, *угомону нет*, *удержу нет*, *удержу не знает*; *без весу*, *без зову*, *без призору*, *без промаху*, *без прóсыпу*, *без разбору*, *без разговору*, *без спросу*, *без счёту*, *без у́молку*; *до зарезу*, *до отвалу*, *до отказу*, *до упаду*; *с бою*, *с голоду*, *с испугу*, *с лёту*, *с маху*, *со всего маху*, *с одного маху*, *с разбегу*, *с разгону*, *с разлёту*, *с размаху*, *со сну*, *с ходу*; б) *искать броду*; *не зная броду*, *не суйся в воду*; *не подать виду*, *для виду*; *бéз году неделя*; *не хватило духу*, *чтобы духу твоего не было*, *ни слуху ни духу*; *с жару*, *с пылу*; *с жиру беситься*; *не до жиру*, *быть бы живу*; *конца-краю нет*; *дать крюку*; *дать лишку*; *комар носу не подточит*; *поддать пару*; *задать перцу*; *нашего полку́ прибыло*; *ни разу*; *без роду*, *без племени*; *ни складу ни ладу*; *еду-еду — следу нету*; *не до смеху*; *нет ходу*, *прибавить ходу*, *дать ходу*; *не прошло и часу*, *около часу*; *ни шагу*, *прибавить шагу*.

Вторую группу составляют сочетания, где словоформы 2-го родительного падежа выступают в аблятивном значении (т. е. в значении удаления или отделения от чего-либо). Это сочетания с предлогами *с*, *от*, *из* (реже *до*). Вот важнейшие из таких сочетаний: *с боку нá бок*, *с правого боку*; *с самого верху*; *с виду*, *скрыться* (*упустить*) *из виду*; *что с возу упало*, *то пропало*; *с глазу на глаз*; *с году нá год*, *год от году*, *из году в год*; *с голосу*; *и́з дому*, *дó дому*; *с кону*; *с краю*; *и́з лесу*; *с миру по нитке*; *с самого низу*, *до самого низу*; *и́з носу*; *с полу*, *дó полу*; *раз от разу*, *с первого разу*; *и́зо рту*; *сжить со свету*; *сбить со следу*; *сбить с толку*; *с тылу*; *с часу на час*, *час от часу*.

Заметим, что в большинстве приведенных устойчивых сочетаний словоформы $Р_2$ на *-у*, *-ю* в современном языке интенсивно вытесняются словоформами на *-а*, *-я*.

Различительный признак «нестандартное выражение 2-го предложного падежа»

§ 6.54. В подавляющем большинстве именных парадигм (в частности, в парадигмах всех несуществительных) всякая словоформа 2-го предложного падежа омонимична соответствующей словоформе предложного падежа. Будем называть этот способ выражения $П_2$ стандартным. Примеры стандартного выражения $П_2$: парадигма *я́щик* — $П_2$ ед. (*в*, *на*) *я́щике*; *герб* —

$П_2$ ед. (*в, на*) *гербе́*; *тетра́дь* — $П_2$ ед. (*в, на*) *тетра́ди*; *вода́* — $П_2$ ед. (*в, на*) *воде́*; *окно́* — $П_2$ ед. (*в, на*) *окне́*; *но́вый* — $П_2$ ед. (*в, на*) *но́вом, но́вой*; *два* — $П_2$ (*в, на*) *двух*; *что* — $П_2$ (*в, на*) *чём*.

В меньшинстве именных парадигм (а именно, у небольшой части существительных) положение таково: 1) $П_2$ мн. омонимичен П. мн.; 2) $П_2$ ед. может быть получен из Д. ед. по следующему правилу:

а) взять словоформу Д. ед. той же парадигмы [195] (в действительном виде с разделением на основу и окончание);

б) если слово среднего морф. рода, заменить окончание этой словоформы окончанием *-и*;

в) если во взятой словоформе действительное ударение на основе, перенести его на окончание [196];

г) если во взятой парадигме действительное ударение до его переноса падало на *ё*, заменить это *ё* на *е*.

Будем называть этот способ выражения $П_2$ нестандартным. Примеры нестандартного выражения $П_2$: парадигма *нос* (Д. ед. *но́су*) — $П_2$ ед. (*в, на*) *носу́*; *горб* (Д. ед. *горбу́*) — $П_2$ ед. (*на*) *горбу́*; *край* (Д. ед. *кра́ю*) — $П_2$ ед. (*в, на*) *краю́*; *мёд* (Д. ед. *мёду*) — $П_2$ ед. (*в, на*) *меду́*; *кровь* (Д. ед. *кро́ви*) — $П_2$ ед. (*в, на*) *крови́*; *забытьё* (Д. ед. *забытью́*) — $П_2$ ед. (*в*) *забытьи́* ($П_2$ мн. *носа́х, горба́х, края́х, меда́х, кровя́х, забытья́х*).

Таким образом, для того, чтобы учесть при классификации строение словоформ 2-го предложного падежа, достаточно ввести всего один различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартно выраженным $П_2$. Как и в предшествующих случаях, такой признак в то же время необходим: например, парадигмы слов *герб* и *горб* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков; между тем одно из них (*герб*) имеет стандартно выраженный $П_2$, а другое (*горб*) — нестандартно выраженный $П_2$ (вследствие чего парадигмы этих слов неэквивалентны).

Итак, вводится различительный признак «нестандартное выражение $П_2$», который может принимать два значения:

0. 2-й предложный падеж выражен стандартно (нулевое значение).
1. 2-й предложный падеж выражен нестандартно.

Значение, которое принимает различительный признак «нестандартное выражение $П_2$» у взятой парадигмы, может быть установлено по приводимым ниже правилам. Правила состоят из списков и, таким образом, в принципе не требуют никаких других сведений, кроме исходной словоформы. Для наглядности, однако, эти списки составлены с учетом тех характеристик парадигмы, от которых частично зависит значение данного признака (морф. род, тип склонения, схема ударения и др.), и даны в форме таблицы.

$П_2$ выражен нестандартно (по крайней мере, в одном из вариантов парадигмы) у существительных, указанных в таблице на стр. 286—287.

У всех остальных слов $П_2$ выражен стандартно (нулевое значение рассматриваемого признака).

Замечания

АГ указывает нестандартное выражение $П_2$ также для слов *квас*, *клеть*, *медь* (в АО указаний о $П_2$ нет), ССРЛЯ — для слова *гай* (в АО нет). В качестве разговорных АО приводит сочетания *в гриппу́, в зубу́*, в качестве устаревшего — *на острову́*. В профессиональной речи нестандартно выраженный $П_2$ допускают и некоторые другие существительные (ср., например, *на прессу́, на нефти́*).

---

[195] Во всякой парадигме, имеющей словоформу $П_2$ед., имеется также словоформа Д. ед. (причем у существительных словоформа Д. ед. всегда одна).

[196] Это окончание всегда односложно (*-у, -ю* или *-и*); таким образом, данная операция всегда возможна и однозначна.

Схема ударения	$П_2$ выражен нестандартно (значение 1 рассматриваемого признака)	$П_2$ выражен в одном варианте парадигмы нестандартно, а в другом стандартно (значение 1/0)
Существительные мужского морф. рода I субст. склонения а) с односложной основой исходной словоформы		
c	*мозг*, *долг*, *луг*, *круг* (в нематем. знач.), *лад*, *сад*, *след*, *год* (//*e*), *род* (клан), *баз*, *глаз*, *паз*, *низ*, *воз*, *бой*, *строй* (воинский), *бок*, *ток* (птичий), *бал*, *вал*, *пол* (настил), *тыл*, *кон*, *пар*, *бор*, *лес*, *нос*, *пот*, *борт*, *форт*, *мост* (//*b*), *шкаф*, *верх*	*хлев*, *зоб*, *гроб*, *дуб*, *шаг*, *снег*, *лог*, *стог*, *мёд*, *ход* (//*e*), *ряд*, *таз*, *пай*, *край*, *чай*, *слой*, *рой*, *шёлк*, *корм*, *дым*, *чан*, *суп*, *жир*, *пир*, *хор* (//*a*), *смотр* (воинский), *сыр*, *час*, *грунт*, *спирт*, *мех*, *цех*
e	*ток* (гумно), *порт*	—
a	*торг* (торговля), *ад*, *чад*, *бред*, *под*, *рай*, *мел*, *мол*, *пыл*, *плен*, *жар*, ***мир*** (общество, люди), *яр*, *цвет* (цветение), *рант*, *быт*, *вольт* (поворот), ***пах, пух, плац, хмель*** (опьянение) *	*газ* (горящий), *клей*, *гной*, *сок*, *стан*, *мыс*, *свет* (свечение), *тиф*, *шлях*, *хмель* (растение)
b	1) с беглой гласной: *лоб*, *ров*, *лёд*, *рот*; 2) прочие: *горб*, *пруд*, *полк*, *сук* (//*d*), *скит*, *плот*, *пост*, (военный), *пост* (религиозный), *штифт*	1) с беглой гласной: *мох*; 2) *крюк* (//*d*)
d	*кол* (палка)	—
б) с неодносложной основой исходной словоформы		
c	*бéрег*	*перёд*, *хóлод*, *óтпуск*, *тéрем*
a	*пóвод* (в упряжи), *аэропóрт*	*вéтер* (//*e*)
b	*бережóк*, *бочóк*, *ýгол* (в нематем. знач.)	*уголóк*, *мысóк*

* Сюда же примыкают топонимы *Дон*, *Клин*, *Крым*.

Продолжение

Схема ударения	$П_2$ выражен нестандартно (значение 1 рассматриваемого признака)	$П_2$ выражен в одном варианте парадигмы нестандартно, а в другом стандартно (значение 1/0)
Существительные женского морф. рода II субст. склонения		
e	*бровь*, *кровь*, *грудь*, *щель*, *тень* (также *полутёнь*), *степь*, *цепь*, *ось*, *рысь* (бег), *часть* (полицейский участок, устар.), *горсть*, *печь*, *ночь*, *пещь* (устар.)	*дверь*, *сеть*, *кость*
a	***глубь***, ***грязь***, ***даль***, ***мель***, ***пыль***, ***тишь***, ***сень***	*связь*
Существительные среднего морф. рода I субст. склонения		
b'	*забытьё* (также *полузабытьё*)	—

Как видно из таблицы, $П_2$ на *-ý*, *-ю́* характерен преимущественно для слов схемы ударения *c*, $П_2$ на *-и́* — преимущественно для слов схемы *e*. Большинство слов схемы *a*, имеющих нестандартно выраженный $П_2$, — singularia tantum (ср., например, *чад*, *бред*, *пыл*, *пыль*, *тишь*), т. е. слова, которые, вообще говоря, можно было бы отнести не к схеме *a*, а к схеме *c* или *e*. Показательно, что в разговорной речи слова *мол*, *мыс*, *рант*, *шлях* (относимые нормативными источниками к схеме *a*), а также слова *жар*, *клей*, *тиф* (лишь изредка употребляемые во мн. числе) при образовании мн. числа действительно тяготеют к схеме *c* (см. также § 6.17, группа первая, I 3в, замечание). Заметим, кроме того, что к числу слов схемы *c* теоретически можно было бы отнести также слова с беглой гласной *лёд*, *лоб*, *мох*, *ров*, *рот* (поскольку в принципе им можно приписать любую схему ударения). Все это позволяет считать, что внутренняя связь между схемой ударения *c* (в женском морф. роде — схемой *e*) и нестандартным выражением $П_2$ даже глубже, чем это непосредственно вытекает из приведенной таблицы.

Некоторое число словоформ $П_2$ на *-ý*, *-ю́*, *-и́* выступает в устойчивых фразеологических сочетаниях (обычно наречного характера). С точки зрения того, как рассматривается парадигма соответствующего существительного в настоящей классификации, здесь возможны те же случаи, что и для $Р_2$ (см. § 6.53, замечания). Перечислим наиболее важные из таких сочетаний: *на бегý*, *на своем векý*, *держать на весý*, *в видý неприятеля*, *иметь в видý*, *быть на видý*, *брань на воротý не виснет*, *на дню́* (простореч.), *на домý*, *на духý*, *на корню́*, *быть в ладý с кем-л.*, *на летý*, *на плавý*, *у него это в родý*, *на родý написано*, *на всем скакý*, *на его счетý*, *на хорошем счетý*, *быть в ходý*, *на юрý*; *дело на мази́*, *ангел во плоти́*, *быть в чести́*.

Различительный признак «нестандартная счетная словоформа»

§ 6.55. В подавляющем большинстве парадигм существительных и во всех парадигмах прилагательных счетная словоформа (всякая счетная словоформа, если их несколько) омонимична одной из остальных словоформ (той же парадигмы). Следующее правило позволяет установить, какой именно словоформе парадигмы омонимична счетная словоформа (правило использует сведения о грамматическом разряде, типе склонения и морфологическом роде).

У существительных счетная словоформа омонимична:

если тип склонения субстантивный (I или II) — словоформе Р. ед.;

если тип склонения иной — словоформе Р. мн.; при этом 1) у существительных женского морфологического рода адъективного или местоименного склонения, кроме того, имеется второй вариант счетной словоформы, омонимичный словоформе И. мн.; 2) у существительных мужского и среднего морфологических родов притяжательного склонения имеется, кроме того, второй вариант счетной словоформы, омонимичный словоформе Р. ед.

У прилагательных счетная словоформа (любого рода) омонимична словоформе Р. мн. (словоформа Р. мн. одинакова здесь для всех родов); в женском роде, кроме того, имеется второй вариант счетной словоформы, омонимичный словоформе И. мн.

Будем называть счетную словоформу, выраженную этим способом, с т а н д а р т н о й. Примеры: парадигма *стол*—(два) *стола́*; *го́род*—(два) *го́рода*; *жена́*—(две) *жены́*; *число́*—(два) *числа́*; *часово́й*—(два) *часовы́х*; *столо́вая*—(две) *столо́вых* и *столо́вые*; *Ильи́н*—(два) *Ильина́* и *Ильины́х*[197]; *Ива́ново* (город)—(два) *Ива́нова* и *Ива́новых*[198]; *но́вый*—(два) *но́вых*, (две) *но́вых* и *но́вые*; *свой*—(два) *свои́х*, (две) *свои́х* и *свои́*.

Лишь у пяти существительных: *ряд*, *след*, *час*, *шаг*, *шар* (в нематематическом значении) — счетная словоформа не омонимична ни одной из остальных словоформ парадигмы, а получается из словоформы Р. ед. переносом ударения с основы на окончание. Вот эти счетные словоформы: *ряда́*, *следа́*, *часа́*, *шага́*, *шара́* (ср. Р. ед. *ря́да*, *сле́да*, *ча́са*, *ша́га*, *ша́ра*). Мы будем называть их н е с т а н д а р т н ы м и.

У слов бесчисловых разрядов счетной словоформы нет.

Таким образом, чтобы учесть при классификации строение счетных словоформ, достаточно ввести один дополнительный различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартной счетной словоформой. Такой признак в то же время необходим, поскольку, например, неэквивалентные друг другу парадигмы слов *сад* и *ряд* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков и различаются только тем, что слово *сад* имеет стандартную счетную словоформу, а слово *ряд* — нестандартную.

Итак, вводится различительный признак «нестандартная счетная словоформа», который может принимать два значения:

0. У существительных и прилагательных: счетная словоформа стандартна. У слов бесчисловых разрядов: счетной словоформы в парадигме нет. Это нулевое значение имеет подавляющее большинство слов.

1. Счетная словоформа нестандартна. Это значение имеют только перечисленные выше пять слов.

---

[197] Оба варианта малоупотребительны; вместо этого обычно употребляются словосочетания типа *двое Ильины́х*.

[198] Оба варианта малоупотребительны (прежде всего в связи с тем, что на практике такие словосочетания редко бывают нужны). В газетах нередко можно встретить словосочетания типа *два Ива́ново*, *три Ки́рово* (где осуществляется общая разговорная тенденция к переводу таких слов в число неизменяемых).

Различительный признак «нестандартные припредложные словоформы»

§ 6.56. В подавляющем большинстве парадигм всякая припредложная словоформа (кроме словоформ предложных падежей) омонимична соответствующей самостоятельной словоформе. Будем называть такие припредложные словоформы с т а н д а р т н ы м и. Например, парадигма *я* — Р. припредложный *меня́*, Д. припредложный *мне* и т. д. В парадигмах со стандартными припредложными словоформами всех падежей, кроме двух предложных, припредложные словоформы предложных падежей (не имеющие соответствующих самостоятельных словоформ) являются первичными (и следовательно, учитываются при классификации различительными признаками, относящимися к первичным словоформам).

В небольшой группе парадигм припредложные словоформы н е с т а н д а р т н ы, а именно, они образуются так:

1) у слов *он*, *она́*, *оно́*, *они́* всякая припредложная словоформа (кроме словоформ предложных падежей) получается из соответствующей самостоятельной словоформы добавлением к ней спереди буквы *н*;

2) у слов *никто́*, *ничто́*, *не́кого*, *не́чего*, *никако́й*, *никото́рый*, *ниче́й* всякая припредложная словоформа (кроме словоформ предложных падежей, а также словоформы винительного падежа слова *не́чего*) получается из соответствующей самостоятельной словоформы вставкой знака # # (символ разрыва словоформы при соединении с предлогом) между ее второй и третьей буквами.

Примеры: парадигма *он* — Р. припредложный *него́* (ср. Р. самостоятельный *его́*), Д. припредложный *нему́* (ср. Д. самостоятельный *ему́*) и т. д.; парадигма *никто́* — Р. припредложный *ни# #кого́* (ср. Р. самостоятельный *никого́*), Д. припредложный *ни# #кому́* (ср. Д. самостоятельный *никому́*) и т. д.

В особом положении оказываются словоформы предложных падежей перечисленных слов (например, *нём*, *ней*, *них*, *ни# #ко́м*, *ни# #чём*, *не́# #ком*, *ни# #како́м*), а также припредложная словоформа В. падежа у слова *не́чего* (а именно, *не́# #что*). В соответствии с § 6.3, они признаются вторичными и, следовательно, не учитываются различительными признаками, относящимися к первичным словоформам. Внешнее строение этих словоформ таково, как если бы они были образованы теми же способами, что и остальные припредложные словоформы этих парадигм, от несуществующих самостоятельных словоформ предложных падежей *|*ём*, *|*ей*, *|*их*, **ник*|*о́м*, **нич*|*ём*, **не́к*|*ом*, **никак*|*о́м* (а также от несуществующей самостоятельной словоформы В. падежа **не́чт*|*о* [199]). Оказывается, что приведенные искусственные словоформы образованы в полном соответствии со всеми уже зафиксированными характеристиками данных парадигм (морф. число, морф. класс, тип склонения, схема ударения и т. д.). Иначе говоря, положение таково, что если бы эти искусственные словоформы выступали в роли первичных словоформ предложных падежей соответствующих слов, то ни одна из имеющихся морфологических характеристик этих слов не изменилась бы.

Сказанное означает, что подобно тому, как, например, словоформа $П_2$ед. *носу́* строится по словоформе Д. ед. *но́су* или словоформа Д. припредложного *нему́* строится по словоформе Д. самостоятельного *ему́*, словоформы *нём*, *ней*, *ни# #ко́м* и т. д. также могут быть построены на основании уже имеющейся информации о парадигме. Однако здесь процесс построения сложнее; он состоит из двух этапов:

---

[199] Не смешивать с В. падежом *не́что* 'некоторый предмет' (например: *я увидел не́что удивительное*). Имеется в виду отсутствие самостоятельной словоформы В. падежа, соответствующей припредложной словоформе *не́# #что*, которая выступает, например, во фразе *мне не́ на что сесть*.

1) По тем же общим правилам, по которым на основании значений всех различительных признаков, относящихся к первичным словоформам, строится любая первичная словоформа парадигмы (эти правила даются ниже, в главе 7), строятся искусственные первичные словоформы предложных падежей: **ём*, **ей*, **никóм* и т. д.; эти искусственные первичные словоформы считаются самостоятельными словоформами предложных падежей (так же строится искусственная первичная словоформа В. самостоятельного **нéчто*).

2) По общим правилам образования припредложных словоформ от соответствующих самостоятельных, принятым для других падежей рассматриваемых слов, от искусственных самостоятельных словоформ предложных падежей образуются припредложные словоформы; например, от искусственных словоформ **ём*, **ей*, **никóм* образуются словоформы *нём*, *ней*, *ни # # кóм*; точно так же от **нéчто* образуется *нé # # что*. (В дальнейшем искусственные словоформы отбрасываются как промежуточный продукт, не имеющий самостоятельной ценности.)

Таким образом, чтобы учесть при классификации строение припредложных словоформ, достаточно ввести один дополнительный различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартными припредложными словоформами. Такой признак в то же время необходим, поскольку, например, неэквивалентные друг другу парадигмы слов *нéкоторый* и *никотóрый* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков и различаются только тем, что слово *нéкоторый* имеет стандартные припредложные словоформы, а слово *никотóрый* — нестандартные.

Итак, вводится различительный признак «нестандартные припредложные словоформы», который может принимать два значения:

0. Припредложные словоформы стандартны (нулевое значение). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

1. Припредложные словоформы нестандартны. Это значение имеют только перечисленные выше 11 слов.

ИТОГИ КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ. ПОЛНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

§ 6.57. Совокупность всех введенных выше различительных признаков обеспечивает достаточную детальность классификации русских именных парадигм: у любых двух слов, имеющих одинаковую полную характеристику, парадигмы эквивалентны. Построенная классификация обладает некоторой избыточной детальностью, однако эта избыточность сравнительно невелика (точные данные об этом см. в «Приложении»).

Все различительные признаки, участвующие в построенной классификации, можно разделить на главные и второстепенные. Г л а в н ы й признак показывает, какая из двух или нескольких одинаково регулярных возможностей осуществлена в данной парадигме. В т о р о с т е п е н н ы й признак показывает, не нарушено ли в данной парадигме какое-либо стандартное правило или соотношение. Для второстепенного признака характерно, что подавляющее большинство парадигм получает по этому признаку нулевое значение: «нарушение отсутствует». (У большинства главных признаков нулевого значения вообще нет, поскольку все значения здесь «равноправны».)

Ниже приведен полный перечень всех участвующих в классификации различительных признаков (в виде таблицы). Полная

характеристика парадигмы (см. § 6.1) складывается, таким образом, в настоящей классификации из значений всех тех и только тех различительных признаков, которые перечислены в этой таблице. Признаки разделены на главные и второстепенные и, кроме того, разбиты на группы в зависимости от того, к какому аспекту парадигмы они относятся. Для каждого признака указаны параграфы, в которых он рассматривается.

Различительные признаки русских именных парадигм

Группа признаков	Главные признаки	Второстепенные признаки
Внутреннее устройство парадигмы	Грамматический разряд (§ 3.2—3.3)	Дефекты парадигмы (§ 3.4)
Вспомогательные признаки	Морфологическое число (§ 6.7—6.8) Морфологический класс (§ 6.9—6.10)	—
Ударение в суженной парадигме	Схема ударения (§ 6.16—6.17)	Акцентуационные отклонения в неисходных словоформах (§ 6.41) Акцентуационные особенности исходной словоформы (§ 6.42)
Окончания и основы в суженной парадигме	Тип склонения (§ 6.27—6.29) Морфонологический тип условной основы (§ 6.43)	Нестандартные условные окончания (§ 6.30—6.31) Чередования в условной основе (§ 6.32—6.34) Наличие звездочки в условной основе (§ 6.44) Наличие неустойчивого *о* в условной основе (§ 6.45) Морфонологические особенности неизменяемой части условной основы (§ 6.46) Аномальные беглые гласные (§ 6.47) Орфографические аномалии (§ 6.48)
Особенности вторичных словоформ	—	Нестандартная омонимия чисел (§ 6.51) Нестандартное выражение В. (§ 6.52) Нестандартное выражение $Р_2$ (§ 6.53) Нестандартное выражение $П_2$ (§ 6.54) Нестандартная счетная словоформа (§ 6.55) Нестандартные припредложные словоформы (§ 6.56)

Глава седьмая

СИНТЕЗ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ

§ 7. 1. Проведенная выше классификация именных парадигм используется в качестве базы для процедуры синтеза, т. е. правил, позволяющих построить парадигму произвольного имени [1]. Эта процедура складывается из двух основных частей.

Первая часть процедуры синтеза (§ 7.2) состоит в построении полной характеристики слова (см. § 6.1 и 6.57); в качестве побочного результата достигается разделение исходной словоформы слова на основу и окончание. Эта часть синтеза представляет собой серию алгоритмов, каждый из которых позволяет установить для взятого слова значение одного из различительных признаков. Сами эти алгоритмы содержатся в главах 3 и 6; в настоящей главе указывается лишь порядок их применения (ср. также § 6. 2, пункт 3). В качестве исходных данных здесь выступает исходная словоформа (без разделения на основу и окончание) и минимальное количество дополнительных сведений о парадигме (их перечень дан в § 7. 2). Это те сведения, которые либо вообще невозможно установить по исходной словоформе, либо можно получить только с помощью чрезвычайно длинных списков и только в пределах исходного материала (т. е. неудовлетворительным с лингвистической точки зрения способом) [2]. При этом существенно, что с точки зрения полного описания русского языка (которое включает не только морфологический, но и более высокие уровни) выводить эти сведения из одних лишь морфологических данных не только трудно, но и нецелесообразно. В самом деле, те характеристики слова, которые при синтезе парадигм считаются заданными, либо вообще не относятся к морфологическому уровню, либо определяются характеристиками других уровней. Так, согласовательный класс — синтаксическая характеристика, различие между причастием и отпричастным прилагательным — семантическая характеристика. Различие во внутреннем устройстве парадигмы между прилагательным *больнóй* и существитель-

[1] О связи синтеза с классификацией, а также о недостатках прямолинейных процедур синтеза см. § 0.2.

[2] См. также более подробно § 3.2 (о причастиях), § 3.3 (о прилагательных и отадъективных существительных) и § 6.10 (о морфологической одушевленности—неодушевленности).

ным *больнóй* определяется различием их синтаксических функций, а также значения. Морфологическая одушевленность—неодушевленность (равно как ее синтаксический эквивалент) определяется значением слова. Таким образом, если при синтезе русского текста принять ту естественную схему, при которой синтаксические, а также некоторые важные семантические характеристики единиц синтезируемого текста появляются прежде, чем строятся реальные словоформы, то для синтеза произвольной именной словоформы достаточно будет знать исходную словоформу соответствующего слова.

Следует учитывать, однако, что при синтезе парадигм фактически используются также сведения еще одного рода (хотя ни в алгоритмах, данных в главах 3 и 6, ни в § 7.2 это специально не оговаривается). Речь идет об указаниях (характер которых зависит от конкретного случая), позволяющих отличить друг от друга парадигмы с омонимичными исходными словоформами, например: *пол* (настил)—*пол* (биологич.)—*пол* (половина); *лев* (животное)—*лев* (денежная единица). В частности, такими указаниями обычно сопровождаются парадигмы-варианты (см. § 4.3), например: *тóрмоз* (в прямом знач.)—*тóрмоз* (в перен. знач.); *гроздь* (вариант с И. мн. *грóздья*)—*гроздь* (вариант с И. мн. *грóзди*). Очевидно, что во всех этих случаях обычного набора исходных сведений о слове недостаточно для однозначного построения парадигмы, поэтому те или иные указания (хотя бы неформального характера) необходимы.

З а м е ч а н и е. В соответствии с § 7.2 при синтезе парадигм для пар типа *больнóй* (прилагательное)—*больнóй* (отадъективное существительное) и типа *знáющий* (причастие)—*знáющий* (отпричастное прилагательное) считается известным, какая из двух парадигм имеется в виду. Легко видеть, однако, что мы имеем здесь дело с массовыми случаями омонимии рассмотренного типа.

Вторая часть процедуры синтеза (§ 7.3) состоит в построении самой парадигмы слова. В качестве исходных данных здесь выступают результаты первой части синтеза: исходная словоформа с разделением на основу и окончание и полная характеристика парадигмы [3]. Парадигма строится в несколько этапов. Первый из них носит вспомогательный характер. На втором, наиболее важном этапе строится суженная парадигма условного уровня (с условным ударением). На третьем этапе происходит переход

---

[3] Строго говоря, для построения парадигмы нужна не вся полная характеристика. Признаки «морфонологический тип условной основы» и «акцентуационные особенности исходной словоформы» в синтезе никак не участвуют: они нужны только для достижения достаточной детальности классификации. В § 7.3 не упоминаются также признаки: «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы», «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах», «аномальные беглые гласные», «орфографические аномалии»; по существу, однако, они используются в синтезе, но только в неявной форме.

от условного ударения к действительному и от условного вида словоформ к действительному. На последнем этапе в парадигму включаются вторичные словоформы.

Описываемая процедура синтеза предполагает, таким образом, построение всей парадигмы целиком. Однако при необходимости она может быть использована и для построения отдельной словоформы. В этом случае процедура отличается от обычной лишь тем, что операции, предписанные параграфом 7.3 (кроме пунктов 1, 3 и 5), выполняются не над всеми словоформами парадигмы, а только над той, которая нам нужна [4].

Специально отметим, что при построении парадигмы не предусматривается получение граммем классифицирующих грамматических категорий. Допустимость и целесообразность именно такой постановки задачи при собственно морфологическом описании вытекает из положений § 3.1. С формальной точки зрения, это означает, однако, что название настоящей главы и аналогичные формулировки в тексте должны рассматриваться как сокращенные: при слове «парадигма» здесь опущено уточнение «без граммем классифицирующих грамматических категорий».

Описываемая процедура синтеза дает правильный (т. е. соответствующий принципам параграфа 4.2) результат для всех слов из исходного материала. Она применима также к именам, не входящим в исходный материал. Правда, в этом случае результаты могут оказаться и ошибочными [5], однако по ориентировочной оценке количество таких ошибок должно составить лишь ничтожную долю общего количества строящихся словоформ.

Правила построения полной характеристики произвольной именной парадигмы

§ 7.2. Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в действительном виде без разделения на основу и окончание (далее просто: исходная словоформа); 2) сведение о принадлежности к прилагательным или существительным (для слов на *ый*, *ий*, *ой*, *ийся*, *ов*, *ёв*, *ев*, *ин*, *ын* и слов, указанных в § 3.3, I Б 1); 3) морфологическая одушевленность или неодушевленность (для существительных); 4) сведение о том, является ли слово причастием (для прилагательных); 5) согласовательный класс (для существительных на *ище* и *ко*).

1. Установить грамматический разряд по правилам, данным в § 3.3. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) сведение о принадлежности к прилагательным или существительным (для слов, указанных выше).

2. Установить значение признака «дефекты парадигмы» по спискам и указаниям, данным в § 3.4. Для этого достаточно исходной словоформы.

---

[4] Если же при этом окажется, что какая-либо операция требует знания некоторой неисходной словоформы *F* (той же парадигмы), то необходимо выполнить § 7.3 снова, строя одновременно нужную нам словоформу и словоформу *F*.

[5] Наиболее важные из таких отклонений (касающиеся чаще всего имен собственных) указаны в замечаниях к соответствующим параграфам гл. 6.

3. Установить по правилам, данным в § 6.28: для слова не на ь — тип склонения; для слова на ь — тип склонения с точностью до различия между I и II субстантивными типами склонения [6]. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд.

4. Установить значение признака «нестандартная омонимия чисел» по правилам, данным в § 6.51. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд; 3) значение признака «дефекты парадигмы»; 4) тип склонения (с точностью, достигаемой в пункте 3).

5. Установить морфологическое число по правилам, данным в § 6.8. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд.

6. Установить морфологический класс по правилам, данным в § 6.10. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд; 3) сведение о том, относится ли слово к нулевому типу склонения (для существительных) [7]; 4) значение признака «нестандартная омонимия чисел» (для существительных) [8]; 5) морфологическая одушевленность или неодушевленность (для существительных).

7. Установить по правилам, данным в § 6.28, тип склонения тех слов на ь, у которых он не был окончательно установлен в пункте 3. Для этого достаточно сведения о морфологическом классе.

8. Разделить исходную словоформу взятого слова на основу и окончание, поставив между ними разделительный знак | по следующим правилам (использующим сведения о типе склонения и о дефектах парадигмы):

Если тип склонения адъективный — у слов с дефектом № 14 приписать знак | справа к исходной словоформе (т. е. окончание здесь нулевое); у прочих слов поставить знак | перед двумя последними буквами исходной словоформы.

Если тип склонения адъективно-возвратный — поставить знак | перед четырьмя последними буквами исходной словоформы.

Если тип склонения нулевой — приписать знак | справа к исходной словоформе (т. е. окончание здесь нулевое).

Если тип склонения любой другой, то: а) у слов *я*, *ты*, *не́кого*, *не́чего* поставить знак | так: *я*|, *ты*|, *не́к*|*ого*, *не́ч*|*его*; б) у прочих слов: если исходная словоформа оканчивается на гласную, ь или *й* — поставить знак | перед ее последней буквой; если это не так — приписать знак | справа к исходной словоформе (т. е. окончание здесь нулевое).

Кроме того, если исходная словоформа не имеет знака главного ударения, поставить этот знак: в односложной исходной словоформе на ее единственную гласную, в неодносложной словоформе — на последнее из содержащихся в ней *ё* (не содержать ни одного *ё* такая словоформа не может).

9. Установить значение признака «нестандартные условные окончания» по спискам и указаниям, данным в § 6.31. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) тип склонения; 3) морфологический класс; 4) согласовательный класс (для существительных на *ище*).

10. Установить значение признака «чередования в условной основе» по спискам и указаниям, данным в § 6.34. Для этого достаточно следующих

---

[6] Иначе говоря, для всякого слова на ь I или II субстантивного склонения на данном этапе построения полной характеристики должен быть получен ответ: «тип склонения субстантивный (неизвестно, I или II)».

[7] В § 6.10 речь идет о принадлежности слова к числу неизменяемых слов, не имеющих дефектов (поскольку понятие типа склонения вводится позже). Неизменяемые слова, не имеющие дефектов, и слова нулевого типа склонения — это одни и те же слова.

[8] В § 6.10 речь идет о принадлежности существительного к числу pluralia tantum. Pluralia tantum — это те и только те существительные, которые имеют значение 1 признака «нестандартная омонимия чисел». (Это следует учитывать и в последующих пунктах настоящего параграфа.)

сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) морфологический класс; 3) сведение о том, является ли слово причастием.

11. Установить значение признака «морфонологический тип условной основы» по правилам, данным в § 6.43. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) тип склонения.

12. Установить значение признака «наличие звездочки в условной основе» по правилам, данным в § 6.44. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) тип склонения; 4) морфологический род; 5) значение признака «нестандартная омонимия чисел»; 6) значение признака «дефекты парадигмы».

13. Установить схему ударения по правилам, данным в § 6. 17. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) тип склонения; 4) морфологический род; 5) значение признака «нестандартная омонимия чисел»; 6) сведение о том, является ли слово причастием; 7) значение признака «наличие звездочки в условной основе» [9].

14. Установить значение признака «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах» по спискам, данным в § 6.41. Для этого достаточно исходной словоформы.

15. Установить значение признака «акцентуационные особенности исходной словоформы» по спискам, данным в § 6.42. Для этого достаточно исходной словоформы.

16. Установить значение признака «наличие неустойчивого *о* в условной основе» по правилам, данным в § 6. 45. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) схема ударения.

17. Установить значение признака «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы» по правилам, данным в § 6.46. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) значение признака «наличие звездочки в условной основе»; 3) значение признака «чередования в условной основе».

18. Установить значение признака «аномальные беглые гласные» по спискам, данным в § 6.47. Для этого достаточно исходной словоформы.

19. Установить значение признака «орфографические аномалии» по спискам и указаниям, данным в § 6.48. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) тип склонения.

20. Установить значение признака «нестандартное выражение В. надежа» по правилам, данным в § 6.52. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд; 3) тип склонения; 4) согласовательный класс (для существительных на *ище* и на *ко*).

21. Установить значение признака «нестандартное выражение $Р_2$» по правилам, данным в § 6.53. Для этого достаточно исходной словоформы.

22. Установить значение признака «нестандартное выражение $П_2$» по правилам, данным в § 6.54. Для этого достаточно исходной словоформы.

23. Установить значение признака «нестандартная счетная словоформа» по списку, данному в § 6.55. Для этого достаточно исходной словоформы.

24. Установить значение признака «нестандартные припредложные словоформы» по спискам, данным в § 6.56. Для этого достаточно исходной словоформы.

Конечным результатом указанных операций является полная характеристика парадигмы. Кроме того, достигается разделение исходной словоформы на основу и окончание.

---

[9] В § 6.17 речь идет о том, является ли последняя гласная основы исходной словоформы беглой. Ответ на этот вопрос положителен при ненулевом значении указанного признака и отрицателен при нулевом (имеется в виду: для всех слов, рассматриваемых с этой точки зрения в § 6.17).

Правила построения произвольной именной парадигмы

§ 7.3. Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в действительном виде с разделением на основу и окончание; 2) полная характеристика парадигмы.

Этап I. Предварительные операции

1. *Подготовить клетки для словоформ.* Выписать все грамматические формы, входящие в парадигматическую схему того грамматического разряда, к которому относится рассматриваемая парадигма (см. § 3. 2). При каждой грамматической форме оставить место («клетку») для соответствующей словоформы. В отдельном месте выписать морф. число парадигмы (если оно фиксировано) и ее морф. класс (если он фиксирован): соединение грамматической формы с этими сведениями образует эталонное грамматическое значение соответствующей словоформы.

2. *Отметить дефекты парадигмы.* Если признак «дефекты парадигмы» имеет ненулевое значение — поставить прочерк в клетках для отсутствующих в данной парадигме словоформ.

3. *Пометить исходную словоформу.* Установить по правилу, данному в § 3.2, какая словоформа является исходной, и поставить в соответствующей клетке помету «исходная». Если в найденной таким образом клетке уже стоит прочерк — перенести помету «исходная» в соответствии с дополнительным правилом об исходной словоформе, данным в § 3.4.

4. *Пометить вторичные словоформы.* Поставить помету «вторичная»: а) во все клетки, подпадающие под пункты 1—4 параграфа 6.3: б) в парадигме II субстантивного типа склонения — во все клетки В. падежа; в парадигме иного типа склонения — во все клетки В. падежа, кроме клеток с эталонным грамматическим значением «В. ед. жен. (одуш. или неод.)»; в) в парадигме, имеющей значение 1 признака «нестандартная омонимия чисел», — во все клетки ед. числа; при этом перенести помету «исходная» с клетки ед. числа на соответствующую клетку мн. числа.

Этап II. Построение суженной парадигмы условного уровня (с условным ударением)

5. *Получить условный вид исходной словоформы* (с разделением на основу и окончание и с действительным ударением). Применить к исходной словоформе «Правила получения условного вида» (§ 6.26), заменив в них подпункты I.2 и II.1 (в которых используется отсутствующая в данном случае информация о парадигме) следующим образом:

Правило, заменяющее подпункт I. 2. Если парадигма имеет значение 1 признака «наличие неустойчивого *о* в условной основе», а при этом действительное ударение в исходной словоформе на окончании, или если парадигма имеет значение 2 указанного признака — заменить в основе исходной словоформы последнее (самое правое) *е* на *ё*.

Правило, заменяющее подпункт II.1. Если парадигма имеет значение 1 признака «наличие звездочки в условной основе», но не имеет при этом чередования № 12, или если она имеет значение 2 указанного признака — применить к исходной словоформе следующую цепь формул перехода:

1) *е*| → *|
   и| → *|
2) ь*C*| → ь***C*|
   C_1C_2| → C_1*C_2|
3) для всех слов, кроме *дно*, *зло*, *злой*, *пóлный*:
   (*б*, *п*, *в*. *ф*, *м*, *д*. *т*, *з*, *с*, *к* или *р* +) * (+ *н*. *л*, *р* или *ц*) → '*

4) *оС*| → **С*|
5) *ШГС*| → *Ш*С*|
6) для всех слов, кроме *восемьдесят*: *ГС*| → *'*С*|
7) в парадигмах *восемьдесят* и *восемьсот* (варианты с Т. *восемьюдесятью, восемьюстами*): *восе* → *вос'**

6. *Вписать условный вид исходной словоформы и условные основы остальных первичных словоформ.* Вписать результат, полученный в предыдущем пункте (т. е. условный вид исходной словоформы с действительным ударением и с разделением на основу и окончание), в клетку для исходной словоформы. Кроме того, выписать в отдельном месте условную основу исходной словоформы без обозначения ударения; ниже эта цепочка обозначается сокращенно УО.

Если признак «чередования в условной основе» имеет нулевое значение — вписать УО в клетки всех неисходных первичных словоформ (здесь и ниже первичными считаются все словоформы, не имеющие пометы «вторичная»).

Если этот признак имеет ненулевое значение, то:

1) У слов *оба, я, ты* внести в клетки неисходных первичных словоформ следующие записи: *оба* — И. *об*|, прочие падежи жен. рода. *обеj*|, остальные словоформы *обоj*|; *я, ты* — Р. *мен'*|, *теб'*|, Д. П. *мн*|, *теб*|, Т. *мн*|, *тоб*|;

2) Для прочих слов:

а) Найти для каждого из представленных в парадигме чередований участвующий в нем отрезок УО. Это отрезок, равный 1-й ступени данного чередования и стоящий в том месте условной основы, которое предписано для данного чередования правилами § 6.32. (В частном случае этот отрезок может быть пустым.)

б) Для каждой неисходной первичной словоформы проделать следующее. По указаниям § 6.32 о распределении ступеней чередования установить для каждого представленного в парадигме чередования, какая его ступень должна выступать в данной словоформе. Заменить в УО каждый отрезок, участвующий в некотором чередовании, той ступенью данного чередования, которая должна выступать в рассматриваемой словоформе. (В частном случае заменяющая цепочка равна заменяемой и тогда замены фактически не происходит.) Полученная таким образом цепочка есть условная основа рассматриваемой словоформы. Вписать ее в соответствующую клетку и поставить непосредственно после нее знак |.

7. *Обозначить условное ударение первичных словоформ.* По схеме ударения данной парадигмы и эталонному грамматическому значению словоформ установить (с помощью § 6.16) условное ударение каждой первичной словоформы. Обозначить его каким-либо способом в соответствующей клетке (например, можно подчеркнуть при наосно́вном условном ударении условную основу, при флексионном — условное окончание или оставленное для него пустое место).

8. *Вписать условные окончания неисходных первичных словоформ.* Найти в § 6.27 стандартный набор (или наборы) условных окончаний того класса, который одноименен с типом склонения данной парадигмы. Используя эталонные грамматические значения словоформ, найти в этом наборе (или наборах) соответствующее условное окончание (или окончания) для каждой неисходной первичной словоформы. Если таких окончаний несколько, выбрать нужное, применив правило распределения, данное в § 6.27 при рассматриваемых наборах (для этого могут потребоваться сведения о грамматическом разряде парадигмы, о последней букве условной основы рассматриваемой словоформы или об ее условном ударении). Вписать найденное таким образом условное окончание в соответствующую клетку справа от знака |.

Далее, если признак «нестандартные условные окончания» имеет ненулевое значение — в соответствии со значением этого признака в нужных клетках заменить выписанные условные окончания нестандартными.

Этап III. Построение суженной парадигмы действительного уровня (с действительным ударением)

9. *Перейти от условного ударения к действительному.* К условному виду каждой неисходной первичной словоформы (т. е. к записи, содержащейся в соответствующей клетке) применить «Правила перехода от условного ударения к действительному», вариант 2 (§ 6.38). После этого у всех первичных словоформ снять обозначение условного ударения.

10. *Перейти от условного вида к действительному.* К условному виду каждой первичной словоформы (т. е. к записи, содержащейся в соответствующей клетке) применить «Правила перехода от условного вида к действительному» (§ 6.39).

Этап IV. Построение полной парадигмы

11. *Вписать вторичные словоформы.* Произвести следующие операции: а) у слов *он*, *она́*, *оно́*, *они́* заменить в словоформах П. падежа нулевую основу основой *н*; у слов *никто́*, *ничто́*, *не́кого*, *не́чего*, *никако́й*, *никото́рый*, *ниче́й* вставить в словоформах П. падежа знак # # после второй буквы основы; б) вписать в соответствующие клетки вторичные словоформы В. падежа, построив их, в соответствии со значением признака «нестандартное выражение В. падежа», по правилам § 6.52; в) вписать словоформы $Р_2$, построив их, в соответствии со значением признака «нестандартное выражение $Р_2$», по правилу § 6.53; г) вписать словоформы $П_2$, построив их, в соответствии со значением признака «нестандартное выражение $П_2$», по правилу § 6.54; д) вписать счетные словоформы, построив их, в соответствии со значением признака «нестандартная счетная словоформа», по правилу § 6. 55; е) вписать припредложные словоформы Р., $Р_2$, Д., В. и Т. падежей, образовав их, в соответствии со значением признака «нестандартные припредложные словоформы», по правилам § 6.56; ж) если признак «нестандартная омонимия чисел» имеет значение 1, вписать в каждую непрочеркнутую клетку ед. числа словоформу, омонимичную той, которая стоит в соответствующей клетке мн. числа; з) в парадигмах прилагательных вписать в каждую непрочеркнутую клетку ед. числа 7-го согласоват. класса словоформу, омонимичную той, которая стоит в соответствующей клетке мн. числа.

12. *Снять вспомогательные записи.* Снять во всех словоформах знак |; снять пометы («исходная», «вторичная») и записи, сделанные отдельно от парадигмы.

Конечным результатом всех указанных операций является полная парадигма (без граммем классифицирующих грамматических категорий).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ КЛАССОВ И ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПОДКЛАССОВ РУССКИХ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ

В приводимом ниже перечне каждый элементарный подкласс (см. § 6.1) русских именных парадигм представлен одной или (реже) несколькими входящими в него парадигмами [1]. При представителе (или представителях) каждого элементарного подкласса дается полная характеристика (см. § 6.1, 6.57) этого подкласса (о способе ее записи см. ниже). Каждому элементарному подклассу нормально соответствует одна строка приводимого перечня. Исключение составляют пары элементарных подклассов, различающихся только по признаку морфологической одушевленности—неодушевленности: представители такой пары подклассов и относящиеся к ним записи помещаются на одной и той же строке перечня.

Как отмечено в § 6.1, обычно элементарный подкласс парадигм равен некоторому элементарному классу. Лишь в немногих случаях элементарный класс состоит из нескольких элементарных подклассов. Эти случаи отмечаются в перечне так: при представителе (представителях) всякого элементарного подкласса *А*, члены которого эквивалентны членам некоторого другого элементарного подкласса *В*, уже представленного в перечне, дается отсылка к подклассу *В* в виде следующего указания: «≡ . . .», т. е. «эквивалентно слову . . .» (указывается представитель подкласса *В*). Если в роли *В* могут выступать несколько элементарных подклассов, отсылка дается к первому из них (по порядку в перечне). Благодаря таким отсылкам перечень дает информацию не только обо всех элементарных подклассах, но и обо всех элементарных классах русских именных парадигм.

Значения различительных признаков, образующие полные характеристики элементарных подклассов, указываются следующим образом. Значения главных различительных признаков вынесены частью в подзаголовки рубрик, частью в индекс слева от слов-образцов, а именно: 1) грамматические разряды образуют основные разделы перечня (при этом все прилагательные объединены в один раздел, внутри которого расширенный адъективный и простой адъективный разряды образуют подразделы); 2) разделы (или подразделы) делятся на части по признаку типа склонения; 3) внутри типа склонения проведено деление по признакам морфологического числа и морфологического класса (если они имеют ненулевое значение); при этом у существительных морфологический класс представлен как два отдельных признака — морфоло-

---

[1] Обозначением парадигмы служит исходная словоформа. Если состав парадигмы определяется ею неоднозначно, в скобках даются необходимые дополнительные указания. Такими указаниями могут служить: 1) уточнение значения; 2) неисходная словоформа (или словоформы), характерные для имеющегося в виду варианта парадигмы; 3) схема ударения (для слов, допускающих несколько схем ударения; слова «схема ударения» при этом опускаются). Стилистические пометы (разг., простореч., устар., обл.) состава парадигмы не уточняют.

Различительный признак	Способ записи его значений
Дефекты парадигмы	*деф.* + номер значения
Нестандартная омонимия чисел	значение 1 — *омон.*
Чередования в условной основе	*чер.* + номер значения
Нестандартные условные окончания	*ок.* + номер значения
Акцентуационные отклонения в неисходных словоформах	*акц.* + название значения (например, *л.* 1, *п.* 3)
Акцентуационные особенности исходной словоформы	*исх.* + номер значения
Наличие звездочки в условной основе	значение 1 — *, значение 2 — **
Морфонологические особенности неизменяемой части условной основы	название значения (*о*, *ш*, *ь* или *й*) ставится в скобках после знака * или после записи «*чер.* 14»
Аномальные беглые гласные	*аном.* + номер значения
Орфографические аномалии	*орф.* + номер значения
Наличие неустойчивого *о* в условной основе	значение 1 — *ё*, значение 2 — *ёё*
Нестандартные приправленные словоформы	значение 1 — *предл.*
Нестандартная счетная словоформа	значение 1 — *счетн.*
Нестандартное выражение В.	значение 1 — *В.*, значение 2 — *В. муж.*
Нестандартное выражение $П_2$	значение 1 — $П_2$
Нестандартное выражение $Р_2$	значение 1 — $Р_2$

гический род и морфологическая одушевленность—неодушевленность (последний признак отражен в виде указаний над соответствующими столбцами образцов); 4) значения признаков «морфонологический тип условной основы» и «схема ударения» представлены в виде индекса слева от образцов (цифра обозначает морфонологический тип условной основы, латинская буква или пара букв — схему ударения).

Значение любого второстепенного различительного признака дается только в том случае, если оно ненулевое. Эти ненулевые значения записываются справа от слова или слов, представляющих соответствующий элементарный подкласс. У существительных запись, данная справа от представителей морфологически неодушевленного и морфологически одушевленного элементарных подклассов, относится одновременно к ним обоим. Значение различительного признака обычно записывается в виде сокращенного названия самого признака и номера (или условного обозначения) данного значения; например, запись «ок. 1+3» символизирует значение «№ 1+№ 3» признака «нестандартные условные окончания». У нескольких признаков значения записываются еще короче — единым условным знаком; например, запись «$П_2$» символизирует значение 1 признака «нестандартное выражение $П_2$». Способ записи ненулевых значений всех второстепенных различительных признаков указан в таблице на стр. 301.

Значения записываются в указанном на стр. 301 порядке, через запятую; запятая не ставится только перед записями (*о*), (*ш*), (ь), (*й*) и ***аном***.

Порядок перечисления элементарных подклассов в перечне таков. Все различительные признаки упорядочены в виде следующей цепочки: 1) главные различительные признаки — грамматический разряд, тип склонения, морф. число, морф. род, схема ударения, морфонологический тип условной основы, морф. одушевленность—неодушевленность [2]; 2) второстепенные различительные признаки в указанном выше порядке. Для каждого признака принимается та последовательность значений, которая дана в соответствующем параграфе гл. 3 или 6. Из любых двух элементарных подклассов *А* и *В* первым заносится в перечень тот, который имеет меньшее (по номеру) значение первого (по порядку в указанной здесь цепочке) различительного признака, значения которого у *А* и *В* различны.

Перечень содержит также сведения о численности каждого элементарного подкласса (и, следовательно, каждого элементарного класса) русских именных парадигм. Они даются так же, как в таблицах основной части книги, а именно, численность элементарного подкласса указывается непосредственно справа от соответствующего образца (или образцов) и, кроме того, символизируется шрифтом образца; см. об этом § 6.2, пункт 4. Все подсчеты произведены строго в пределах исходного материала. Относительно слов с индивидуальными колебаниями см. § 6.2, пункт 4 [3].

В перечень включено также несколько элементарных подклассов, не содержащих ни одной парадигмы из исходного материала. Это подклассы, содержащие только имена собственные. В соответствии с § 6.2, представители таких подклассов даны в угловых скобках и без количественных характеристик, например: ⟨Русь⟩.

Общее количество элементарных классов, представленных в перечне, — 732; общее количество элементарных подклассов — 795. Количество элементарных классов, содержащих более одного элементарного подкласса, — 57. Без количественной характеристики приведено 11 подклассов. Остальные 784 подкласса распределяются по численности следующим образом:

---

[2] Для слов несогласуемо-бесчислового разряда морф. род и морф. одушевленность выступают в виде единого признака «морф. класс», который занимает в этой цепочке место морф. рода.

[3] От указаний § 6.2 сделано, однако, следующее отступление: значение 1//0 признака «нестандартное выражение $П_2$» (см. § 6.54) для упрощения приравнено к значению 1.

Количество парадигм в подклассе	Количество подклассов такой численности	Общее количество парадигм в подклассах данной группы (округленно)	То же в %
более 1000	18	39200	71,4
от 101 до 1000	35	9900	18
от 11 до 100	121	4380	8
от 2 до 10	278	1100	2
1	332	332	0,6
Всего	784	54 900	100

Следует подчеркнуть, однако, что точное число элементарных классов и подклассов, представленных в приводимом перечне, нельзя рассматривать как некую абсолютную характеристику русского склонения, поскольку оно зависит от целого ряда частных решений (нередко довольно субъективных), принятых лексикографами и нормализаторами, а также от ограничений, указанных в § 4.1 и 4.2. Объективную значимость имеет, таким образом, лишь порядок этой величины — несколько более 700 элементарных классов.

РАЗДЕЛ I

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

А. *Прилагательные расширенного адъективного разряда*

Адъективный тип склонения

1 *a/a*	**СУРÓВЫЙ** [3700][4]		
	УДÓБНЫЙ [3000]	*	
	ОТВÁЖНЫЙ [1500]	* (*ш*)	(≡ *удóбный*)
	ДОВÓЛЬНЫЙ [1400]	* (ь)	
	СПОКÓЙНЫЙ [200]	* (*й*)	
	[достóйный]	* (*й*) *орф.* 6	
	[счастлúвый (неатрибут. *счáстлив*)]	*акц.* *л.* 4	
	СДÉЛАННЫЙ [3500][5]	*чер.* 29, *	
	БОЛЁЗНЕННЫЙ [750]	*чер.* 33, *	
	гротéскный [2]	*деф.* 13	
	рад [4]	*деф.* 14	
2 *a/a*	[кáрий, тугоси́ний]		
	[úскренний (неатрибут. мн. *úскренны*)]	*чер.* 30, *	
	[вы́спренний]	*чер.* 33 + 34, *	
	дрéвний [15]	*чер.* 34, *	
	[излúшний]	*чер.* 34, * (*ш*)	(≡ *дрéвний*)

[4] В том числе около 300 причастий (на *тый*). К данному подклассу относятся также причастия на *мый* (не входящие в исходный материал).

[5] Этот подкласс состоит почти целиком из причастий (на *анный*, *янный*, *енный*).

2 *a/a*	[и́скренний (неатрибут. мн. *и́скренни*)]	*чер.* 35, *	
	ли́шний [16]	*деф.* 13	
3 *a/a*	**упру́гий** [70]		
	громо́здкий [30]	*	
	сторо́жкий [2]	* (*ш*)	
	полнёхонький [25]	* (ь)	
	огнесто́йкий [8]	* (й)	
	радёхонек [22]	*деф.* 14, * (ь)	
4 *a/a*	похо́жий [320]		
5 *a/a*	ку́цый [9]		
6 *a/a*	длинноше́ий [4]		
1 *a/b*	ма́лый [4]		
	тяжёлый [6]	*ё*	
	[о́стрый (остроумный), у́мный (*a/b*)]	*	
	[ра́вный, дли́нный (*a/b*)]	*акц. л.* 3, *	
	[тёмный (*a/b*), тёплый (*a/b*), чёрный (*a/b*)]	*акц. л.* 3, *, *ё*	
	[по́лный (*a/b*)]	*акц. л.* 3, * (*о*)	
	[во́льный (что-л. делать)]	*акц. л.* 3, * (ь)	
	да́нный [3]	*чер.* 29, *	
	решённый [1050] [6]	*чер.* 29, *, *ё*	
	[како́в, тако́в]	*деф.* 14	
	[до́лжен]	*деф.* 14, *исх.* 2, * (*ш*)	
3 *a/b*	высо́кий (*a/b*) [4]		
	[далёкий (*a/b*)]	*ё*	
	[лёгкий (*a/b*)]	*акц. л.* 3, *, *ё*	
	[коро́ткий (*a/b*, неатрибут. *ко́роток*)]	*акц. л.* 4, *	
	[ма́ленький]	*чер.* 31, * (ь)	
4 *a/b*	[горя́чий, хоро́ший, све́жий (*a/b*)]		
1 *a/c*	це́лый [135] [7]		
	твёрдый [7]	*ё*	
	ску́дный [55]	*	
	[тёмный (*a/c*), тёплый (*a/c*), чёрный (*a/c*)]	*, *ё*	
	пы́шный [20]	* (*ш*)	(≡ *ску́дный*)
	[по́лный (*a/c*)]	* (*о*)	
	це́льный [5]	* (ь)	
	[бу́йный, стро́йный]	* (й)	
	[весёлый, зелёный]	*акц. л.* 4, *ё*	
	[дешёвый]	*акц. л.* 4, *ёё*	
	[голо́дный (*a/c*), холо́дный *a/c*)]	*акц. л.* 4, *	
	хи́трый [5]	*акц. п.* 3, *	
	[си́льный (*a/c*, неатрибут. *силён*)]	*акц. п.* 3, * (ь)	
	про́данный [13]	*чер.* 29, *	
	[солёный]	*чер.* 30, *акц. л.* 4	
	[люб]	*деф.* 14	
2 *a/c*	[си́ний]		

[6] Этот подкласс состоит почти целиком из причастий (на *ённый*).
[7] В том числе около 75 причастий (почти исключительно на *тый*).

3 *a/c*	дикий [9]		
	[далёкий (*a/c*)]	*ё*	
	редкий [65]	*	
	жёсткий [4]	*, *ё*	
	[тяжкий]	* (*ш*)	
	[горький]	* (ь)	
	[бойкий, стойкий]	* (*й*)	
	[короткий (*a/c*, неатрибут. *короток*)]	*акц. л.* 4, *	
4 *a/c*	тощий [5]		
1 *a/c′*	новый (*a/c′*) [8]		
	[чёрствый (*a/c′*)]	*ё*	
	бедный (*a/c′*) [15]	*	
	важный (*a/c′*) [9]	* (*ш*)	(≡ ***бедный***)
	[вольный (свободный) (a/*c′*)]	* (ь)	
	[голодный (*a/c′*), холодный (*a/c′*)]	*акц. л.* 4, *	
	[сильный (*a/c′*, неатрибут. *силён*)]	*акц. п.* 3, * (ь)	
3 *a/c′*	узкий (*a/c′*) [3]	*	
3 *a/b′*	[лёгкий (*a/b′*)]	*акц. л.* 3, *, *ё*	
4 *a/b′*	[свежий (*a/b′*)]		
1 *b/b*	[чудной]	*	
	[злой]	* (о)	
	[смешной]	* (*ш*)	(≡ ***злой***)
	[хмельной]	* (ь)	
	[больной]	*акц. л.* 3, * (ь)	
	голубой [13]	*деф.* 13	
4 *b/b*	[большой]	*чер.* 32	
1 *b/c*	**скупой** [22]		
	[дрянной, дурной (*b/c*, неатрибут. *дурен*)]	*	
	молодой [3]	*акц. л.* 1	
	[дурной (*b/c*, неатрибут. *дурён*, разг.)]	*акц. п.* 3, *	
3 *b/c*	сухой [7]		
	[дорогой]	*акц. л.* 1	
1 *b/c′*	[простой (*b/c′*), густой (*b/c′*)]		
	[дурной (*b/c′*, неатрибут. *дурен*)]	*	
	[дурной (*b/c′*, неатрибут. *дурён*)]	*акц. п.* 3, *	
3 *b/c′*	[лихой (*b/c′*)]		

Б. Прилагательные простого адъективного разряда

Адъективный тип склонения

1*a*	**каждый** [30]		
	[некоторый]	*предл.*	
2*a*	**братний** [90]		

3*a*	**ру́сский** [2600]		
	[не́кий (Р. мн. *не́коих*), э́кий (Р. мн. *э́коих*)]	*чер.* 39	
	[не́кий (Р. мн. *не́ких*), э́кий (Р. мн. *э́ких*)]	*чер.* 40	
4*a*	**ста́рший** [100][8]		
1*b*	**иной** [850]		
3*b*	**морско́й** [40]		
	[никако́й]	*предл.*	
4*b*	чужо́й [3]		(≡*морско́й*, 3*b*)

Адъективно-возвратный тип склонения

4*a*	**выдаю́щийся** [20][9]	

I местоименный тип склонения

1*a*	**дя́дин** (Р. ед. муж. *дя́диного*, Д. ед. муж. *дя́диному*) [20][10]	
	[э́тот]	*чер.* 36 + 37
4*a*	[наш, ваш]	
6*a*	**бо́лчий** [160]	*
	[кой (устар.)]	*деф.* 17
1*b*	[оди́н (прилагат.)]	*чер.* 37, * *аном.* 1
6*b*	[мой, твой, свой]	
	[чей]	*
	[ниче́й]	*, *предл.*
	[сей]	*чер.* 38, *ок.* 7, *орф.* 6
1*f*	[сам (В. ед. жен. *саму́*)]	*чер.* 37
	[сам (В. ед. жен. *самоё*)]	*чер.* 37, *ок.* 20

II местоименный тип склонения

1*b*	[тот]	*чер.* 36
2*b*	[весь]	*

Притяжательный тип склонения

1*a*	**отцо́в, дя́дин** (Р. ед. муж. *дя́дина*, Д. ед. муж. *дя́дину*) [35][10]	
2*a*	[госпо́день]	*
1*b*	[Ильи́н (прилагат.)]	

Нулевой тип склонения

1*a*	**ко́ми** [40]

---

[8] Из числа слов, не входящих в исходный материал, к этому подклассу относятся все прилагательные превосходной степени (на *ейший*, *айший*) и все причастия на (*в*)*ший* и *щий*.

[9] Из слов, не входящих в исходный материал, к этому подклассу относятся все причастия на *щийся*, *(в)шийся*.

[10] В исходный материал входит лишь незначительная часть слов этого подкласса.

РАЗДЕЛ II

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

I субстантивный тип склонения

Мужской морф. род

	Морф. неодуш.	Морф. одуш.		
1*a*	**завóд** [3700]	**студéнт** [1900]		
	сирóп [220]	—	P_2	
	ад [13]	—	$П_2$	
	чад [8]	—	$П_2$, P_2	
	бýбен [11]	[дя́тел]	*	
	[пéпел]	—	*, P_2	
	[вéтер (*а*)]	—	*, $П_2$, P_2	
	—	[свёкор]	* (*о*)	
	заём [4]	—	*исх.* 1, * (*й*)	
	—	[цыгáн]	*ок.* 2+3	
	ампéр [15]	**солдáт** [20]	*ок.* 3	
	—	**южáнин** [60]	*чер.* 6, *ок.* 2+3	
	—	славяни́н [7]	*чер.* 6, *ок.* 2+3, *исх.* 1	
	—	[граждани́н, сограждани́н]	*чер.* 6, *ок.* 2+3, *акц. л.* 2, *исх.* 1	
	—	татáрин [4]	*чер.* 6, *ок.* 3	
	—	[хозя́ин]	*чер.* 6+10, *ок.* 1+3	
	стул [9]	[брат, собрáт (Р. мн. *собрáтьев*)]	*чер.* 12, *ок.* 1, *	
	кóлос [3]	—	*чер.* 12, *ок.* 1, *акц. п.* 2, *	
	[пóвод (в упряжи)]	—	*чер.* 12, *ок.* 1, *акц. п.* 2, *, $П_2$	
	—	[собрáт (Р. мн. *собрáтий*)]	*чер.* 12, *ок.* 1+3, *	
	—	[сосéд]	*чер.* 13	
	аннáлы [60]	—	*омон.*	
	—	[молодожёны]	*деф.* 6	
	стиль [300]	**жи́тель** [400]		
	картóфель [3]	—	P_2	
	[хмель (опьянение)]	—	$П_2$	
	[хмель (растение)]	—	$П_2$, P_2	
	ли́вень [35]	**дýрень** [14]	*	
	[щéбень]	—	*, P_2	
	ви́хорь [2]	—	* (*о*)	
	[дёготь]	—	* (*о*), P_2	
	стéржень [12]	шéршень [3]	* (*ш*)	(≡ ***ли́вень, дýрень***)
	—	[ýвалень]	* (ь)	
	[ýголь (мн. *ýголья*)]	—	*чер.* 12, *ок.* 1, ** (*о*)	
	[кáмень (мн. *камéнья*)]	—	*чер.* 12, *ок.* 1, *акц. п.* 2, **	
	—	[господь]	*чер.* 18, *акц. л.* 1	
	пóлдень (Р. ед. *полýдня*	--	*чер.* 23, *акц. п.* 1, *	

	де́бри [40]	—	*омон.*	
	—	[роди́тели]	*деф.* 6	
	[огнь, пла́мень]	—	*деф.* 11	
3*a*	**сто́лик** [1550]	**лётчик** [1550]		
	лак [40]	—	P_2	
	пах [3]	—	$П_2$	
	[сок, пух]	—	$П_2$, P_2	
	КУ́БОК [210]	**пре́док** [40]	*	
	[поря́док, убы́ток]	—	*, P_2	
	кусо́чек [75]	**бара́шек** [13]	* (*ш*)	
	песо́чек [3]	—	* (*ш*), P_2	
	переше́ек [6]	—	* (*й*)	
	[боти́нок, ва́ленок]	[ту́рок, тю́рок]	*ок.* 3, *	
	[маслёнок, опёнок]	**гусёнок** [50]	*чер.* 14, *ок.* 1 + 3, *	
	—	**мышо́нок** [20]	*чер.* 14 (*ш*), *ок.* 1 + 3, *	
	—	[бесёнок, чертёнок]	*чер.* 15, *ок.* 1 + 3, *акц. п.* 2, *	
	доспе́хи [60]	—	*омон.*	
	—	[челове́к (Р. мн. *челове́к*)]	*деф.* 8, *ок.* 3	
4а	МАРШ [140]	**това́рищ** [45]		
	[фарш, пунш]	—	P_2	
	пассати́жи [7]	—	*омон.*	
5*a*	**ме́сяц** [15]	принц [7]		
	[плац]	—	$П_2$	
	ра́нец [65]	НЕ́МЕЦ [340]	*	
	пе́рец [5]	—	*, P_2	
	[ковче́жец]	норве́жец [8]	* (*ш*)	(≡ *ра́нец, не́мец*)
	па́лец [4]	**владе́лец** [35]	* (ь)	
	[сма́лец]	—	* (ь), P_2	
	—	**кита́ец** [50]	* (*й*)	
	—	[за́яц]	* (*й*), *орф.* 7	
	плоскозу́бцы [12]	—	*омон.*	
6*a*	МУЗЕ́Й [120]	**геро́й** [80]		
	тока́й [8]	—	P_2	
	[рай]	—	$П_2$	
	[клей, гной]	—	$П_2$, P_2	
	[у́лей, чи́рей, же́ребей]	—	*, *орф.* 5	
	помо́и [5]	—	*омон.*	
	хло́пья [5]	—	*омон.*, *ок.* 1	
7*a*	САНАТО́РИЙ [130]	**ге́ний** [17]		
	мо́рфий [4]	—	P_2	
	[прелимина́рии]	—	*омон.*	(≡ *помо́и*)
1*b*	**стол** [100]	вол [120]		
	горб [8]	—	$П_2$	
	[черёд]	осётр [3]	*ё*	
	ковёр [8]	осёл [7]	*	
	[хребе́т]	—	* *аном.* 3	
	бугóр [8]	щего́л [3]	* (*о*)	
	[лоб, ров, рот]	—	* (*о*), $П_2$	
	[рожо́н, шов]	—	* (*ш*)	(≡ *бугóр*)
	[коча́н (Р. ед. *кочна́*)]	—	* (*ш*) *аном.* 2	

	[лён]	—	* (ь), P_2	
	[лёд]	—	* (ь), $П_2$, P_2	
	—	[лев (животное)]	* (ь) *аном.* 3	
	[у́зел]	—	*исх.* 2, *	
	[у́гол (в матем. знач.)]	—	*исх.* 2, * (*о*)	
	[у́гол (в обычн. знач.)]	—	*исх.* 2, * (*о*), $П_2$	
	[рука́в, со́кол$_{1-2}$]	—	*ок.* 1	
	—	[Христо́с]	*чер.* 19	
	весы́ [15]	—	*омон.*	
	[леса́]	—	*омон.*, *ок.* 1	
2*b*	**дождь** [55]	**царь** [65]		
	кисе́ль [8]	—	P_2	
	реме́нь [7]	слепе́нь [2]	*	
	[ого́нь, ломо́ть]	—	* (*о*)	
	—	[у́горь]	*исх.* 2, * (*о*)	
	‹Жигули́›	—	*омон.*	
	[зеленя́]	—	*омон.*, *ок.* 1	
3*b*	БАШМА́К [280]	УЧЕНИ́К [250]		
	таба́к [8]	—	P_2	
	полк [3]	—	$П_2$	
	КУСО́К [170]	**стрело́к** [20]	*	
	песо́к [12]	—	*, P_2	
	[уголо́к, мысо́к]	—	*, $П_2$	
	[мох (Р. ед. *мха*)]	—	*, $П_2$, P_2	
	МЕШО́К [110]	**бычо́к** [30]	* (*ш*)	(≡ *кусо́к, стрело́к*)
	табачо́к [8]	—	* (*ш*), P_2	(≡ *песо́к*)
	[бочо́к, бережо́к]	—	* (*ш*), $П_2$	(≡ *уголо́к*)
	кулёк [20]	**хорёк** [16]	* (ь)	
	уголёк [4]	—	* (ь), P_2	
	паёк [9]	зуёк [2]	* (й)	
	[чаёк, кофеёк]	—	* (й) P_2	
	[обшла́г, леме́х]	—	*ок.* 1	(≡ *рука́в*, 1*b*)
	[сапо́г]	—	*ок.* 3	
	[чуло́к]	—	*ок.* 3, *	
	[цвето́к (мн. *цветы́*)]	—	*чер.* 8, *	
	очки́ [14]	—	*омон.*	
	торока́ [3]	—	*омон.*, *ок.* 1	(≡ *леса́*, 1*b*)
4*b*	**гара́ж** [85]	**бога́ч** [75]		
	чертёж [16]	[ёж, ёрш]	*ё*	
	щи [3]	—	*омон.*	
5*b*	**чабре́ц** [12]	**кузне́ц** [25]		(≡ *стол, вол*, 1*b*)
	коне́ц [45]	**купе́ц** [40]	*	(*коне́ц*≡*хребе́т*, 1*b*)
	[волче́ц]	—	* (*ш*)	(≡ *хребе́т*, 1*b*)
	вале́ц [2]	жиле́ц [9]	* (ь)	(*жиле́ц*≡*лев*, 1*b*)
	—	[бое́ц]	* (й)	
	щипцы́ [5]	—	*омон*	(≡ *весы́*, 1*b*)
6*b*	[лиша́й, валу́й]	[буга́й, холу́й]		

	[репе́й, руче́й]	[воробе́й, мураве́й, солове́й[	*	
7b	[кий[	—		(≡ *лиша́й*, 6b)
1c	**дар** [20]	**пан** [3]		
	[квас]	—	P_2	
	сад [25]	—	$П_2$	
	дым [9]	—	$П_2$, P_2	
	[шар]	—	*счетн.*	
	[ряд, след, час]	—	*счетн.*, $П_2$	
	[мёд]	—	*ё*, $П_2$, P_2	
	но́мер [65]	**ма́стер** [25]	*ок.* 1	
	[кле́вер, цвет]	—	*ок.* 1, P_2	
	борт [4]	—	*ок.* 1, $П_2$	
	[корм, хо́лод]	—	*ок.* 1, $П_2$, P_2	
	[жёлоб, жёрнов, счёт]	—	*ок.* 1, *ё*	
	[про́мысел (мн. *промысла́*)]	—	*ок.* 1, *	
	[ве́тер (мн. *ветра́*)]	—	*ок.* 1, *, $П_2$, P_2	
	[перёд]	—	*ок.* 1, *акц. л.* 1, *ё*, $П_2$	
	[глаз]	—	*ок.* 1 + 3, $П_2$	
	[рав]	—	*ок.* 3	
	—	[господи́н]	*чер.* 6, *ок.* 1 + 3	
	—	[шу́рин (мн. *шурья́*)]	*чер.* 6 + 12, *ок.* 1, *	
	—	[кум]	*чер.* 10 + 12, *ок.* 1, *	
	—	[сын (мн. *сыновья́*)]	*чер.* 10 + 12, *ок.* 1 + 3, *	
	[год (И. мн. *года́*, Р. мн. *лет*)]	—	*чер.* 25, *ок.* 1, $П_2$	
2c	**ки́тель** [20]	е́герь [7]	*ок.* 1	
	—	[зять]	*чер.* 12, *ок.* 1, *	
	—	[де́верь, князь]	*чер.* 12, *ок.* 1 + 3, *	
3c	плуг [3]	—		
	верх (мн. *верхи́*) [2]	—	$П_2$	
	[долг, мозг]	—	$П_2$, P_2	
	[шаг]	—	*счетн.*, $П_2$	
	округ [8]	—	*ок.* 1	(≡ *но́мер*, 1c)
	[по́рох, же́мчуг]	—	*ок.* 1, P_2	(≡ *кле́вер*, 1c)
	лу́г [8]	—	*ок.* 1, $П_2$	(≡ *борт*, 1c)
	снег [3]	—	*ок.* 1, $П_2$, P_2	(≡ *корм*, 1c)
	[шёлк]	—	*ок.* 1, *ё*, $П_2$, P_2	
	—	[друг]	*чер.* 2 + 12, *ок.* 1 + 3, *	
4c	[харч]	[муж (мн. *мужи́*)]		
	—	сто́рож	*ок.* 1	
	—	[муж (мн. *мужья́*)]	*чер.* 12, *ок.* 1 + 3, *	

6*c*	[буй, сбой]	[зуй (обл.)]	
	рой [5]	—	$П_2$
	[чай]	—	$П_2$, $Р_2$
	[край]	—	*ок.* 1, $П_2$
1*d*	лист (дерева) [4]	—	*чер.* 12, *ок.* 1, *
	[кол (палка)]	—	*чер.* 12, *ок.* 1, *, $П_2$
3*d*	—	[каза́к (мн. *каза́ки*)]	
	[глазо́к, зубо́к]	—	*
	[рожо́к, сапожо́к]	—	* (*ш*)
	[клок (мн. *кло́чья*)]	—	*чер.* 1 + 12, *ок.* 1, *
	[крюк (мн. *крю́чья*), сук (мн. *су́чья*)]	—	*чер.* 1 + 12, *ок.* 1, *, $П_2$
	—	[щено́к (мн. *щеня́та*)]	*чер.* 15, *ок.* 1 + 3, *акц. п.* 2, *
1*e*	зуб [6]	[вор, бо́ров (кабан)]	
	[гром]	—	$Р_2$
	порт [2]	—	$П_2$
	[ход (*е*)]	—	$П_2$, $Р_2$
	[ве́тер (*е*)]	—	*, $П_2$, $Р_2$
	[во́лос]	—	*ок.* 3
	—	[чёрт]	*чер.* 4 + 13
	[год (И. мн. *го́ды*, Р. мн. *лет*)]	—	*чер.* 25, $П_2$
2*e*	ко́зырь [5]	гость [10]	
	[жёлудь]	—	*ё*
	сте́бель [3]	[па́рень]	*
	ко́готь [6]	—	* (*о*)
	—	[зверь (Т. мн. *зверьми́*)]	*ок.* 6
	са́ни [7]	—	*омон.*
3*e*	[слог]	[бог, волк]	
	[ток (гумно)]	—	$П_2$
4*e*	[о́бруч, о́вощ]	—	
	дро́жжи [4]	—	*омон.*
2*f*	[гвоздь, груздь]	[конь, червь]	
	[у́голь (*f*)]	—	*исх.* 2, * (*о*)
3*e′*	—	[ребёнок]	*чер.* 16, *ок.* 6, *
	—	[челове́к (мн. *лю́ди*)]	*чер.* 17, *ок.* 6

Женский морф. род

	Морф. неодуш.	Морф. одуш.	
1*a*	**КА́РТА** [1950]	**РЫ́БА** [220]	
	до́мна [3]	царе́вна [4]	*
	[ку́кла (В. мн. *ку́клы*)]	[ку́кла (В. мн. *ку́кол*)]	* (*о*)
	[сва́дьба, уса́дьба]	—	* (*ь*)

1*a*	**бýсы** [60]	—	*омон.*	
	[кóзлы]	—	*омон.*, *	
	[нóжны]	—	*омон.*, * (*ш*)	(≡ *кóзлы*)
	[хлóпоты]	—	*омон.*, *акц. п.* 3	
2*a*	**пýля** [50]	**богиня** [40]		
	кáпля [20]	[цáпля]	*	
	[кýхня]	—	* (*о*)	
	—	[бáрышня]	* (*ш*)	(≡ *цáпля*)
	рáспря [7]	тётя [10]	*ок.* 4	
	плýтня [4]	свóдня [4]	*ок.* 4, *	(≡ *рáспря, тётя*)
	сáкля [6]	[рóхля]	*ок.* 4, * (*о*)	(≡ *рáспря, тётя*)
	[пригóршня]	—	*ок.* 4, * (*ш*)	(≡ *рáспря*)
	сóтня [70]	—	*чер.* 24, *	
	тамóжня [10]	[боя́рышня]	*чер.* 24, * (*ш*)	(*тамóжня* ≡ *сóтня*)
	спáльня [60]	—	*чер.* 24 * (*ь*)	
	бóйня [11]	—	*чер.* 24, * (*й*)	
	грáбли (Р. *грáбель*) [2]	—	*омон.*, *	
3*a*	КНИ́ГА [470]	СОБÁКА [190]		
	СКÁЗКА [1680]	ИСПÁНКА [700]	*	
	ТÓЧКА [1550]	КÓШКА [280]	* (*ш*)	
	шпи́лька [90]	**ня́нька** [40]	* (*ь*)	
	ЛÉЙКА [160]	**чáйка** [60]	* (*й*)	
	брю́ки [12]	—	*омон.*	
	сáнки [70]	—	*омон.*, *	
	[сýмерки]	—	*омон.*, * *аном.* 4	
	штани́шки [20]	—	*омон.*, * (*ш*)	(≡ *сýмерки*)
	дéньги (*а*; устар.) [4]	—	*омон.*, * (*ь*)	
	—	ребя́тки [4]	*деф.* 6, *	
	—	ребяти́шки [6]	*деф.* 6, * (*ш*)	
4*a*	ТÝЧА [140]	КАССИ́РША [135]		
	кóрча [4]	юноша [4]	*ок.* 4.	
	ладóши [2]	—	*омон.*	
5*a*	ТАБЛИ́ЦА [300]	ВОЛЧИ́ЦА [870]		
	двéрца [2]	—	*	
	—	[кýрица]	*чер.* 9	
	[нóжницы]	—	*омон.*	(≡ *бýсы*, 1*а*)
	[пя́льцы]	—	*омон.*, * (*ь*)	
6*a*	**стáя** [55]	фéя [7]		
	кéльи [11]	**гóстья** [75]	*	
	секвóйя [4]	<Мáйя>	*орф.* 2	
7*a*	**ли́ния** [1350]	**ни́фия** [20]		
	сатурнáлии [5]	-	*омон.*	
1*b*	ЧЕРТÁ [135]	**муллá** [14]		
	пеленá [7]	—	*ё*	
	[мошнá]	[княжнá]	* (*ш*)	
	[корчмá]	—	* (*ш*) *аном.* 3	
	[тьма (множество)]	—	* (*ь*) *аном.* 3	
	[каймá]	—	* (*й*)	
	[брылы́]	—	*омон.*	
	[ножны́]	—	*омон.*, * (*ш*)	
	мгла [7]	—	*деф.* 9	

2*b*	стезя́ [5]	[фря (простореч.)]		
	ступня́ [50]	тля [2]	*	(≡ *стезя́*, *фря*)
	брехня́ [2]	—	* (*о*)	(≡ *стезя́*)
	клешня́ [3]	—	* (*ш*)	(≡ *стезя́*)
	[**шестерня́** (диск)]	—	*чер.* 24, *ок.* 5, *	
3*b*	**клюка́** [20]	брюзга́ [7]		
	[стега́ (обл.)]	—	*ё*	
	—	[кабарга́]	*	
	[кочерга́]	—	* *аном.* 4	
	кишка́ [2]	—	* (*ш*)	
	мга [4]	—	*деф.* 9	
	[треска́]	—	*деф.* 10	
4*b*	**каланча́** [20]	ханжа́ [3]		
	—	[госпожа́]	*ок.* 5	(≡ *брюзга́*, 3*b*)
5*b*	маца́ [3]	—		(≡ *черта́*, 1*b*)
	[крепостца́]	—	*	(≡ *корчма́*, 1*b*)
	пыльца́ [11]	—	*деф.* 9	(≡ *мгла*, 1*b*)
6*b*	**колея́** [13]	швея́ [4]		
	статья́ [11]	[попадья́]	*	
	[ектенья́, епитимья́, манатья́]	—	* *аном.* 1	
7*b*	[лития́, паремия́]	‹Зульфия́›	*ок.* 8 + 9 + 10	
	—	[судия́]	*ок.* 8 + 9 + 10, *акц. л.* 3	
2*c*	—	[дя́ди (мн. *дядья́*)]	*чер.* 12, *ок.* 1 + 3, *	
1*d*	ТРУБА́ [140][11]	лиса́ [7]		
	звезда́ [3]	жена́ [3]	*ё*	
	сосна́ [3]	—	*	
	весна́ [5]	—	*, *ё*	
	[тюрьма́, судьба́]	—	* (ь)	
	[тягота́]	—	*акц. л.* 1	
	—	[сестра́]	*акц. л.* 3, *, *ё*	
2*d*	[заря́ (рассвет) (*d*)]	—	*орф.* 3	
	[пешня́]	—	*чер.* 24, * (*ш*)	
3*d*	дуга́ [9]	[сноха́, слуга́]		
	[кирка́]	—	*	
5*d*	—	[овца́]	*акц. п.* 3, *	
6*d*	[струя́]	[змея́]		
	[семья́]	[свинья́, судья́]	*акц. п.* 3, *	
1*e*	[по́хороны, во́лосы]	—	*омон.*	
	[бу́бны]	—	*омон.*, *	
2*e*	[до́ля]	—		
	[дере́вня]	—	*ок.* 5, *	
3*e*	[де́ньги (*e*)]	—	*омон.*, *акц. л.* 3	

[11] В том числе около 70 singularia tantum на *ина́*, *ота́* (для которых схема ударения *d* является лишь потенциальной).

1*f*	**губа́** [11]	—		
	[слеза́]	—	*ё*	
	[копна́]	—	*	
	[судьба́ (*f*; устар.)]	—	* (ь) *аном.* 3	
	борозда́ [5]	[голова́ (человек)]	*исх.* 3	
	[железа́]	—	*исх.* 3, *ё*	
	[сковорода́]	—	*исх.* 4	
2*f*	[ноздря́, сопля́]	—		
	[заря́ (рассвет) (*f*)]	—	*ок.* 5, *орф.* 3	
	[простыня́]	—	*ок.* 5, *исх.* 3	
3*f*	слега́ [3]	[блоха́]		
	[серьга́]	—	*	
4*f*	вожжа́ [4]	—		
	[дежа́]	—	*ё*	
	[межа́, свеча́ (Р. мн. *свеч*)]	—	*ок.* 5	(≡ *слега́*, 3*f*)
6*f*	[скамья́ (*f*)]	—	*	
1*d′*	зима́ [7]	—		
	[верста́ (*d′*)]	—	*ё*	
2*d′*	[заря́ (сигнал)]	—	*орф.* 3	
	[земля́]	—	*акц. п.* 3, *	
3*d′*	[дрога́, река́ (*d′*)]	—		
4*d′*	[душа́]	—		(≡ *дрога́*, 3*d′*)
1*f′*	гора́ [4]	—		
	борода́ [6]	—	*исх.* 3	
	[середа́]	—	*исх.* 3, *ё*	
3*f′*	нога́ [5]	—		
	[щека́]	—	*ё*	
	[доска́]	—	*	

Средний морф. род.

	Морф. неодуш.	Морф. одуш.		
1*a*	**болото** [1050]	ча́до [2]		
	кре́сло [5]	—	*	
	[тя́гло]	—	* (о)	
	[о́зеро]	—	*акц. п.* 2, *ё*	
	поле́но [3]	—	*чер.* 12, *ок.* 3, *	
	[де́рево]	—	*чер.* 12, *ок.* 3, *акц. п.* 2, *	
	[коле́но]	—	*чер.* 13, *ок.* 1 + 4	
	воро́та [10]	—	*омон.*	
	—	девча́та [3]	*деф.* 6	
2*a*	[го́ре]	—		
3*a*	бла́го [4]	—		(≡ *боло́то*, 1*a*)
	ве́ко [6]	—	ок. 1	
	ведёрко [2]	ди́тятко [2]	ок. 1, *	
	око́шко [85]	ча́душко [3]	ок. 1, * (*ш*)	
	—	[солове́йко]	ок. 1, * (*й*), *В.*	
	ли́чико [3]	—	ок. 1 + 3	
	[дре́вко]	—	ок. 1 + 3, *	(≡ *ли́чико*)

4a	**жилище** [105]	чудовище [4]		
	усище [25]	—	*ок.* 1	
	—	**бычище** [9]	*ок.* 1, *В*	
	[вече]	—	*ок.* 4	
5a	**солнце** [15]	—		(≡*жилище*, 4*a*)
	блюдце [15]	—	*	
	тельце [18]	—	* (ь)	
	оконце [4]	—	*ок.* 3, *	
	[воротца]	—	*омон.*, *	
	перильца [2]	—	*омон.*, * (ь)	
	[щец, дровец]	—	*деф.* 5, *омон.*	
6a	**ущелье** [300]	—	*	
	платье [5]	—	*ок.* 3, *	
	—	[подмастерье, **полудурье**]	*ок.* 3, *, *В*	
7a	**здание** [3200]	[создание (существо)]		
	[прения]	—	*омон.*	
1b	**вещество** [30]	существо [2]		
	[зло]	—	* (*о*)	
	—	[масло, трепло (муж. род)]	*ок.* 1 + 3, *В.*	
	уста [10]	—	*омон.*	
	[письмена]	—	*омон.*, *ё*	
	[кружева]	—	*омон.*, *акц. л.* 3	
	[сот]	—	*деф.* 7, * (*о*)	
	[скло (стекло)]	—	*деф.* 9	
	[ничто (существит.)]	—	*деф.* 11	
3b	озерко [2]	—	*ок.* 1 + 3, *	
	очко [4]	—	*ок.* 1 + 3, * (*ш*)	(≡ *озерко*)
	—	воронко [4]	*ок.* 1 + 3, *, *В.*	
	—	[карько]	*ок.* 1+3, * (ь), *В.*	(≡ *воронко*)
	[войска]	—	*омон.*	(≡ *уста*, 1*b*)
5b	ружьецо [5]	—		(≡ *вещество*, 1*b*)
	словцо [11]	—	*	
	сельцо [2]	—	*(ь)	
6b	**питьё** [60]	—	*	
	[забытьё, полузабытьё]	—	*, Π_2	
7b	[остриё]	—	*ок.* 3	
	житие [5]	—	*ок.* 7 + 8 + 9	
1c	место [8]	—		
	[плёсо]	—	*ё*	
	[кружево]	—	*акц. л.* 3	
	[масло]	—	*акц. л.* 3, *	
	[судно]	—	*чер.* 7, *ок.* 3, *	
	[древо, небо, чудо]	—	*чер.* 11	
2c	[море, поле]	—		
3c	[войско]	—		(≡ *место*, 1*c*)
	[облако]	—	*ок.* 3	
	[облачко]	—	*ок.* 3, *	(≡ *облако*)
5c	[сердце, деревце]	—	*	

1*d*	**винó** [16]	—		
	селó [11]	[трепло́ (сред. род)]	*ё*	
	числó [7]	—	*	
	веслó [10]	—	*, *ё*	
	окнó [5]	—	* (*о*)	
	[стеклó]	—	* (*о*), *ё*	
	[письмó]	—	* (ь)	
	[гумнó (Р. мн. гумён)]	—	*акц. п.* 3, *	
	перó [5]		*чер.* 12, *ок.* 3, *	
	[дно]	—	*чер.* 12, *ок.* 3, ** (*о*)	
3*d*	[молокó]		*ок.* 1	
	[ушкó (мн. у́шки)]	—	*ок.* 1, * (*ш*)	
5*d*	[лицó (облик)]	[лицó (человек)]		(*лицó* 'облик' ≡ *винó*, 1*d*)
	[берцó, озерцó]	—	*, *ё*	(≡ *веслó*, 1*d*)
	[кольцó]	—	*акц. п.* 3, * (ь)	
	[яйцó]	—	*акц. п.* 3, * (*й*) *аном.* 1	
6*d*	[копьё]	—	*	
	[ружьё]	—	*, *орф.* 5	
	[жнивьё]	—	*ок.* 3, *	
3*e*	[óко]	—	*чер.* 1, *ок.* 1	
	[у́хо]	—	*чер.* 3, *ок.* 1	
1*f*	[таврó]	—		
4*f*	[плечó]	—	*ок.* 1 + 5	
5*f*	[крыльцó]	—	* (ь)	

II субстантивный тип склонения

	Морф. неодуш.	Морф. одуш.	
	Мужской морф. род.		
2*b*	[путь]	—	
	Женский морф. род.		
2*a*	**РАДОСТЬ** [3000]	**лань** [25]	
	даль [7]	—	$П_2$
	[гроздь (мн. *грóздья*)]	—	*чер.* 12, *ок.* 1 + 3, *
4*a*	**зáлежь** [40]	—	*орф.* 1
	[тишь]	—	*орф.* 1, $П_2$
	[пóлночь (Р. ед. *полу́ночи*)]	—	*чер.* 23, *акц. п.* 1, *орф.* 1
2*e*	**óбласть** [50]	стéрлядь [4]	
	степь [16]	—	$П_2$
	—	[лóшадь (Т. мн. *лошадьми́*)]	*ок.* 6

2*e*	[дверь (Т. мн. *дверьми́*)]	—	*ок.* 6, $П_2$
	—	[мать]	*чер.* 22
	[са́жень (Р. мн. *са́жен*)]	—	*чер.* 24, *акц. л.* 3
	[це́рковь]	—	*чер.* 26, * (*о*)
4*e*	вещь [3]	[мышь, сво́лочь]	*орф.* 1
	печь [3]	—	$П_2$
	[щёлочь]	—	*орф.* 1, *ё*
	—	[дочь (Т. мн. *дочеря́ми*)]	*чер.* 22, *орф.* 1
	—	[дочь (Т. мн. *дочерьми́*)]	*чер.* 22, *ок.* 6, *орф.* 1
2*b*′	<Русь>	—	
	[любо́вь, нелюбо́вь]	—	* (*о*)
4*b*′	[глушь]	—	*орф.* 1
	[ложь, рожь]	[вошь]	* (*о*), *орф.* 1

Средний морф. род.

2*a*	[зна́мя]	—	*чер.* 20 + 27, *акц. п.* 2, *ё*
	[по́лымя]	—	*деф.* 12
2*b*	[порося́]	—	*деф.* 11
2*c*	и́мя [9]	—	*чер.* 20 + 27, *ё*
	[се́мя, стре́мя]	—	*чер.* 21 + 27, *орф.* 4
2*e*″	—	[дитя́]	*чер.* 5 + 28, *ок.* 1 + 6 + 11

Адъективный тип склонения

	Морф. неодуш.	Морф. одуш.	
		Мужской морф. род.	
1*a*	двугри́венный [9]	**вожа́тый** [140]	
	су́точные [8]	**<бе́лые, чёрные (в шахматах)>**	*омон.*
	—	**[новобра́чные]**	*деф.* 6
2*a*	—	**бли́жний** [4]	
	—	**[дре́вние, дома́шние]**	*деф.* 6
3*a*	**[целко́венький]**	**ру́сский** [17]	
	[а́вторские]	—	*омон.*
4*a*	**[толку́чий]**	**ле́ший** [70]	
5*a*	—	**[ку́цый (заяц)]**	
1*b*	**[выходно́й, золото́й]**	**портно́й** [50]	

1в	позывные [3]	—	*омон.*	
	—	[молодые, родные]	*деф.* 6	
3*b*	—	глухой [5]		
4*b*	—	чужой [2]		(≡ *глухой*, 3*b*)

Женский морф. род.

1*a*	**столовая** [85]	**горничная** [80]	
2*a*	преисподняя [3]	малолетняя [2]	
3*a*	**парикмахерская** [25]	русская [5]	
4*a*	прихожая [8]	**гончая** [30]	
1*b*	**запятая** [20]	**борзая** [20]	
3*b*	мастерская [4]	глухая [3]	
4*b*	—	[чужая]	(≡ *глухая*, 3*b*)

Средний морф. род.

1*a*	**сказуемое** [100]	**животное** [60]	
2*a*	среднее [3]	—	
3*a*	**лёгкое** [13]	**ластоногое** [12]	
4*a*	**подлежащее** [12]	млекопитающее [7]	(*подлежащее* ≡ *среднее*, 2*a*)
1*b*	заливное [10]	—	
3*b*	[жаркое]	—	

Адъективно-возвратный тип склонения

	Морф. неодуш.	Морф. одуш.	

Мужской морф. род.

4*a*	—	трудящийся [6]	
	—	[брачащийся]	*деф.* 6

Женский морф. род.

4*a*	—	учащаяся [2]

Средний морф. род.

4*a*	—	[пресмыкающееся]

I местоименный тип склонения

	Морф. неодуш.	Морф. одуш.	
		Мужской морф. род	
4a	—	[наш, ваш]	
6a	—	[тре́тий]	*
6b	—	[мой, твой, свой]	
		Женский морф. род	
6a	[тре́тья, де́вичья]	—	*
6b	[ничья́]	—	*
		Средний морф. род	
6a	[тре́тье]	—	*

Притяжательный тип склонения

	Морф. неодуш.	Морф. одуш.
		Мужской морф. род
1a	[ка́бельтов]	‹Попо́в, Пу́шкин›
1b	—	‹Илья́н›
		Женский морф. род
1a	—	‹Попо́ва, Пу́шкина›
1b	—	‹Ильина́›
		Средний морф. род
1a	‹Ку́нцево, Ма́рфино›	—
1b	‹Бородино́›	—

Нулевой тип склонения

	Морф. неодуш.	Морф. одуш.
		Средний морф. род
1a	шоссе́ [380]	

РАЗДЕЛ III

СЛОВА СОГЛАСУЕМО-БЕСЧИСЛОВОГО РАЗРЯДА

Адъективный тип склонения

Ед. морф. число

1a [ка́ждый]

Мн. морф. число

1a [не́которые]
3a [мно́гие, немно́гие]

I местоименный тип склонения

Ед. морф. число

1b [оди́н (числительное)] — *чер.* 37, * *аном.* 1

Мн. морф. число

3a не́сколько (вариант, где В. одуш. = Р.) [3] — *ок.* 18
1e пя́теро [6] — *деф.* 15, *ок.* 18
[о́ба] — *деф.* 16, *чер.* 44 (+54), *ок.* 19, *акц. п.* 4
6e [двое́, трое́] — *деф.* 15, *ок.* 18

II местоименный тип склонения

Мн. морф. число

2b [все]

Аномальный тип склонения

Ед. морф. число

1e″ [полтора́] — *деф.* 16, *чер.* 50, *ок. аном.* 2, *акц. л.* 1, *В. муж.*

Мн. морф. число

1e [два] — *чер.* 52, *ок. аном.* 3, *акц. п.* 5
2e [три] — *чер.* 51 + 52, *ок. аном.* 4, *акц. п.* 5
[четы́ре] — *чер.* 51 + 53, *ок. аном.* 5, *акц. л.* 5

РАЗДЕЛ IV

СЛОВА НЕСОГЛАСУЕМО-БЕСЧИСЛОВОГО РАЗРЯДА

I субстантивный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 1

1a [пол (половина)] — *деф.* 4

Ед. морф. число, морф. класс 2

3a [друг дру́га] — *деф.* 1

Ед. морф. число, морф. класс 3

4a [ты́сяча (числительное)] — *ок.* 12

Ед. морф. число, морф. класс 4

1*b*	[я]	*чер.* 45 (+ 55) + 57, *ок.* 14 + 15
	[ты]	*чер.* 46 (+ 56) + 57, *ок.* 14 + 15
2*b*	[себя́]	*деф.* 1, *чер.* 56 + 57, *ок.* 14

Ед. морф. число, морф. класс 6

1*a*	[ма́ло, нема́ло]	*деф.* 4

Мн. морф. число, морф. класс 2

1*b*	[вы]	*ок.* 16 + 17
	[мы]	*чер.* 47, *ок.* 16 + 17

Мн. морф. число, морф. класс 3

1*b*	[пятьсо́т, шестьсо́т, семьсо́т, девятьсо́т]	*чер.* 58, *ок.* 13, * (*о*)
	[восемьсо́т (Т. *восемьюста́ми*)]	*чер.* 58, *ок.* 13, ** (*о*)
	[восемьсо́т (Т. *восьмьюста́ми*)]	*чер.* 42 + 58, *ок.* 13, * (*о*)
2*e*	[две́сти]	*чер.* 49 + 59, * (*о*)

Мн. морф. число, морф. класс 5

1*e*	[три́ста]	*чер.* 60, * (*о*)
	[четы́реста]	*чер.* 61, * (*о*)

II субстантивный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 4

1*a*	[пятьдеся́т, шестьдеся́т]	*чер.* 43 + 58, *акц. л.* 1
	[се́мьдесят]	*чер.* 43 + 58, *акц. п.* 1
	[во́семьдесят (Т. *восемьюдесятью*)]	*чер.* 43 + 58, *акц. п.* 1, * (ь)
	[во́семьдесят (Т. *восьмьюдесятью*)]	*чер.* 42 + 43 + 58, *акц. пп.* 1
2*a*	оди́ннадцать [9]	
2*b*	[пять, шесть, семь]	
	[де́вять, де́сять, два́дцать, три́дцать]	*исх.* 2
	[во́семь (Т. *восемью́*)]	*исх.* 2, * (ь)
	[во́семь (Т. *восьмью́*)]	*чер.* 42, *исх.* 2

Адъективный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 2

1*a* [ка́ждый]
1*b* [любо́й]

Ед. морф. число, морф. класс 5

3*a* [мно́гое, немно́гое, вся́кое]
4*a* [про́чее]
1*b* [остально́е]

Мн. морф. число, морф. класс 2

1*a* [не́которые]
3*a* [мно́гие, немно́гие]

I местоименный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 2

1*b* [он] *чер.* 48, *предл.*

Ед. морф. число, морф. класс 4

1*b* [она́] *чер.* 48, *ок.* 20 + 21, *предл.*

Ед. морф. число, морф. класс 6

1*b* [оно́] *чер.* 48, *предл.*, *В.*

Мн. морф. число, морф. класс 1

3*a* не́сколько (вариант, где В. = Р.) [5] *ок.* 18

Мн. морф. число, морф. класс 2

2*b* [они́] *чер.* 48 + 49, *предл.*

II местоименный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 5

1*a* [не́кто] *деф.* 3
[не́что] *деф.* 4
4*a* [не́чего] *деф.* 2, *предл.*

1*b* [что] *чер.* 41, *орф.* 8
[ничто́] *чер.* 41, *орф.* 8, *предл.*
2*b* [всё]

Ед. морф. число, морф. класс 6

3*a* [не́кого] *деф.* 1, *предл.*, *В.*

1*b* [кто] *чер.* 41, *В.*
[никто́] *чер.* 41, *предл.*, *В.*

Мн. морф. число, морф. класс 2

2*b* [все]

Аномальный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 1

3*b* [со́рок] *ок.* *аном.* 1, *исх.* 2

Ед. морф. число, морф. класс 5

1*a* [девяно́сто] *ок.* *аном.* 1
[полтора́ста] *чер.* 50, *ок.* *аном.* 2
1*b* [сто] *ок.* *аном.* 1

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры означают параграфы, где термин определяется или где его значение раскрывается каким-либо иным способом. Пометы типа «для главы 2» (после номера параграфа) показывают границы, в которых термин используется в значении, указанном этим параграфом. Для удобства многие составные термины приведены в указателе дважды (по начальному слову и по ключевому слову). В указатель не включена часть рабочих терминов, используемых только в пределах того параграфа, где они вводятся.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

В указатель включены только имена. Порядок — обратный алфавитный. Цифры обозначают страницы. Упоминание некоторого слова на некоторой странице книги отмечается в указателе: 1) обязательно, если это слово упомянуто как таковое (а не в качестве примера); 2) обязательно. если слово выступает как образец в «Приложении» или в обзорной таблице; 3) в выборочном порядке — если слово приведено в качестве примера (отмечаются в основном те случаи, когда представляемая этим примером группа слов сравнительно мала). В указатель не внесены, однако. списки слов, исключаемых из исходного материала (см. § 4. 1), и слов, выступающих в устойчивых выражениях (см. § 4.2, 6.53 и 6.54). Ради краткости часть омонимов в указателе не разграничена.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов Р. И. Ударение в современном русском литературном языке. М., 1958.

Аванесов Р. И. и Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945.

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Изд. 5. М., 1935.

Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 4. М., 1939.

Борковский В. И. и Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Виноградов В. В. О формах слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. III, вып. 1.

Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.

Винокур Г. О. Форма слова и части речи в русском языке. — «Избр. работы по русскому языку». М., 1959.

Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики полнее изложенная. Изд. 10. СПб., 1859.

Грамматика русского языка, т. I. Морфология. М., Изд-во АН СССР, 1952.

Добрушин Р. Л. Математические методы в лингвистике. «Математическое просвещение», вып. 6, М., 1961.

Дурново Н. Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.—Пг., 1924.

Дурново Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка, вып. 1. М., 1924.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1954.

Карцевский С. И. Повторительный курс русского языка. М.—Л., 1928.

Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. М., 1961.

Курилович Е. Система русского ударения. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Мельчук И. А. О некоторых типах языковых значений. — В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева и Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., 1961.

Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927; вып. 2, Л., 1931.

Откупщикова М. И. и Фитиалов С. Я. Система морфологического синтеза для русского языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 1.

Петерсон М. Н. Русский язык. М.—Л., 1925.

Петерсон М. Н. Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941.
Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956.
Реформатский А. А. Число и грамматика. «Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова». М.-Л., 1960.
Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»). «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IV. М., 1954.
Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматического строя». М., 1955.
Толковый словарь русского языка, т. I. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935 (вступит. статья «Как пользоваться словарем»).
Успенский В. А. К определению падежа по А. Н. Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», 1957, № 5.
Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. Изд. 5. М., 1929.
Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. — Избр. труды, т. I. М., 1956.
Халле М. О правилах русского спряжения. «American contributions to the V-th International congress of slavists». The Hague, 1963.
Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941.
Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. «Избр. работы по русскому языку». М., 1957.
Юшманов Н. В. Грамматика иностранных слов. — В кн.: «Словарь иностранных слов». ОГИЗ, 1933.
Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм). «American contributions to the IV-th International congress of slavicists». 's-Gravenhague, 1958.
Bloomfield L. Menomini morphophonemics. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 8, 1939.
Davydoff G., Pauliat P. Précis d'accentuation russe. Paris, 1959.
Durnovo N. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. «Revue des études slaves», 1922, t. II.
Durnovo N. La catégorie du genre en russe moderne. «Revue des études slaves», 1924, t. IV.
Ďurovič L'. Paradigmatika spisovnej ruštiny. Bratislava, 1964.
Halle M. The sound pattern of Russian (a linguistic and acoustic investigation). 's-Gravenhage, 1959.
Hjelmslev L. Animé et inanimé, personnel et non-personnel. «Travaux de l'Institut de Linguistique», I. Paris, 1956.
Isačenko A. V. Die Russische Sprache der Gegenwart, Teil I. Formenlehre. Halle, 1962.
Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutung der russischen Kasus. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 6, 1936.
Jakobson R. Russian conjugation. «Word», 1948, 4, № 3.
Jakobson R. The relationship between genitive and plural in the declension of Russian nouns. «Scando-slavica», 1957, v. III.
Karcevski S. Sur la structure du substantif russe. «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario. . . oblata». Prague, 1932.
Kiparsky V. Der Wortakzent der Russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
Tesnière L. Petite grammaire russe. Paris, 1945.
Trager G. L. Russian declensional morphemes. «Language», v. 29, 1953.
Trubetzkoy N. S. Das morphonologische System der russischen Sprache. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 5, 1934, № 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АГ — Грамматика русского языка, т. I. Фонетика и морфология. М., Изд-во АН СССР, 1960.

АО — Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.

Бильф. — H. H. Bielfeldt. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958.

Был. — Словарь ударений для работников радио и телевидения. Под ред. К. И. Былинского. М., 1960.

Ож. — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 5. М., 1963.

Орф. — Орфографический словарь русского языка. Изд. 5. М., 1963.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1950—1965.

Уш. — Толковый словарь русского языка, т. I—IV. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

И. — именительный падеж
Р. — родительный падеж
Д. — дательный падеж
В. — винительный падеж
Т. — творительный падеж
П. — предложный падеж
$Р_2$ — 2-й родительный (количественно-отделительный) падеж (см. § 2.7)
$П_2$ — 2-й предложный (местный) падеж (см. § 2.6)
ед. (ч.) — единственное число
мн. (ч.) — множественное число
муж. — мужской род
жен. — женский род
сред. — средний род
парн. — парный род (см. § 2.19)
одуш. — одушевленный
неод. — неодушевленный
атрибут. — атрибутивный (см. § 2.23)
неатрибут. — неатрибутивный (см. § 2.23)

знач. — значение
морф. — морфологический
обл. — областной

перен. — переносный
простореч. — просторечный
согласоват. — согласовательный
устар. — устаревший

С — согласная (буква)
Г — гласная (буква)
Ш — *ш*, *ж*, *ч* или *щ*
К — *к*, *г* или *х*
| — знак, отделяющий основу от окончания
/ — знак, разделяющий ступени чередования; может заменяться горизонтальной чертой (—)
// — «наряду с, параллельно» (указывает на то, что слово обладает рассматриваемым свойством лишь в одном из вариантов парадигмы) (см. § 4.3)
Ø — пустая цепочка («нулевой элемент»); может заменяться записью «нуль»
— пробел между словами; граница слова
→ — «заменяется на», «переходит в»
* — 1) над строкой перед некоторой буквенной цепочкой — знак гипотетичности или реконструкции; 2) на строке — знак чередования беглой гласной с нулем (см. § 6.24 и 6.26).

Значение любого другого вспомогательного символа разъясняется в том же параграфе, где этот символ использован.

ОГЛАВЛЕНИЕ

* Цифры после тире означают страницы. Словом «общее» обозначены начальные рубрики глав и разделов, не имеющие заголовков в тексте книги.

СТАТЬИ

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1.1. Ударение в современном русском языке представляет собой некоторый способ выделения одного из слогов словоформы (или цепочки последовательных словоформ). Физической природы этого выделения мы в настоящей работе не касаемся; для нас достаточно исходить из того, что носитель русского языка без всякого труда улавливает (при нормальных условиях коммуникации) место ударения в услышанной им словоформе (даже если он не обучен самому понятию «ударения») и может повторить эту словоформу с тем же ударением. Русское ударение при всех возможных вариациях своего физического выражения с функциональной точки зрения едино, т. е. не существует двух (или более) разных типов ударения, противопоставление которых служило бы для различения словоформ.

П р и м е ч а н и е. В некоторых словах (преимущественно сложных), помимо основного, или главного, ударения, имеется еще так наз. второстепенное (обычно несколько более слабое, чем основное; оно обозначается \`), например: *нѐфтепереработка*, *кòнтрразвéдчик*; возможно даже более одного второстепенного ударения: *àвтомòтоклýб*. При этом, однако, главное и второстепенное ударения все же не могут рассматриваться как функционально противопоставленные друг другу, поскольку это различие никогда не выступает в качестве единственного средства различения двух словоформ.

Ударение отдельной словоформы в нормальном случае постоянно т. е. оно одинаково во всех вхождениях этой словоформы в речевую цепь. Отклонения от этой нормы составляют: 1) сравнительно немногочисленные случаи, когда полнозначная словоформа в сочетании с определенными служебными словами выступает без ударения, а служебное слово (в других случаях безударное) несет ударение, например, *нá голову*, *пó морю*; 2) словоформы с колеблющимся ударением, т. е. неодинаковым у разных носителей языка[1] или даже в разных точках речи одного и того же носителя языка; число таких словоформ довольно значительно, ср., например, *прóдал* и *продáл*, *слéсарей* и *слесарéй*, *сúльны* и *сильны́* и т. п.; 3) аномальные случаи (очень редкие), например, Р. ед. *ýтра* (*свéжесть ýтра* и т. п.), но *до утрá*, *до сáмого утрá*.

---

[1] Имеются в виду носители литературного языка; если включить в рассмотрение также местные говоры и другие формы нелитературной речи, сфера колебаний окажется гораздо шире.

Русское ударение **свободно** (т. е. не существует никаких общих ограничений на место ударения внутри словоформы по счету от конца или от начала) и **подвижно** (т. е. разные словоформы одной лексемы, а также разные производные от одного корня, могут иметь ударение на разных слогах [по счету как от конца, так и от начала]).

Русское ударение существенным образом связано с морфологическим членением; в частности, оно может быть закреплено за определенной морфемой (или отсчитываться от нее влево или вправо). Соответственно, можно говорить о корневом, префиксальном, суффиксальном, флексионном ударении. Выделим, кроме того: **наосновное** ударение — на основе; **предфлексионное** — на последнем слоге основы.

Из неморфологических характеристик ударения выделим понятие колонности: **колонным** ударением в группе словоформ (например, в парадигме) называется ударение на одном и том же слоге по счету от начала.

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

§ 1.2. Основная задача, которую должно решать описание русской акцентной системы, состоит, очевидно, в том, чтобы тем или иным способом указать для каждой русской словоформы ее акцентуацию. Наиболее прямолинейное решение здесь — списочное. Заметим, что как одно из возможных решений данной задачи (для массива в 100 000 слов) можно рассматривать Грамм.: ударение в исходных словоформах слов указывается здесь списочным способом, ударение в прочих словоформах «вычисляется» далее по соответствующим индексам и таблицам. Понятно, однако, что списочные решения, с одной стороны, чрезвычайно громоздки, с другой стороны, не обладают достаточной «объяснительной силой», в частности, не позволяют предсказывать акцентные свойства слов, не вошедших в список. Отсюда необходимость в построении менее прямолинейного и, быть может, логически менее простого, зато более компактного и более обобщенного описания акцентуации.

В современном русском языке круг факторов, от которых хотя бы в некоторых случаях может зависеть акцентуация слова, весьма значителен. Помимо фактора традиции (т. е. прямого наследования установившегося в прошлом ударения), сюда прежде всего относятся: морфемный состав слова, его словообразовательная история, его значение, длина (число слогов) его основы, характер конечной фонемы его основы, а также степень его освоенности (для данного говорящего).

Как можно видеть из этого перечня, многие из тех свойств слова, от которых зависит его ударение, определяются нестрого; в их оценке в части случаев возможны сомнения и разногласия. Это значит, что неизбежно окажутся нестрогими и все те правила об акцентуации, которые основаны на учете таких свойств. Очевидно также, что в рамках акцентологического исследования было бы совершенно нереально и неуместно пытаться предварительно довести до формаль-

ной строгости все относящиеся к делу морфологические, семантические и иные разграничения.

Соответственно, если бы требовалось обязательно достичь полной формальной строгости, пришлось бы вообще отказаться от правил, опирающихся, например, на значение слова, и заменить все такие правила списками (как это сделано, например, в РИС). В настоящей работе мы ставим перед собою, однако, несколько иную цель: *по возможности выявить и отобразить факторы, реально влияющие* на современную акцентуацию (в том числе действующие не абсолютно, а лишь «статистически»), и показать иерархию этих факторов и их взаимодействие. В этой ситуации мы вынуждены мириться с частичной потерей строгости. Ряд уточнений, даваемых ниже по ходу изложения, помогает несколько уменьшить этого рода потери.

В дальнейшем предполагается, что о любой словоформе мы знаем, помимо ее фонемного (и буквенного) состава, принадлежности к определенной лексеме, лексического и грамматического значения, также ее морфологический состав (т. е. членение на морфы) и отношения морфологической и семантической производности, в которых она участвует (а в части случаев еще и некоторые другие неформальные характеристики, см., в частности, § 1.4, 1.5).

Остановимся несколько подробнее на некоторых необходимых для дальнейшего неформальных характеристиках.

Непроизводные и производные слова

§ 1.3. Большое значение имеет противопоставление непроизводных и производных слов; к сожалению, граница между этими двумя классами, как известно, недостаточно строга.

Для акцентологического анализа целесообразно провести это разграничение таким образом, чтобы в категорию непроизводных были включены, во-первых, слова, не являющиеся семантически производными ни от какого реально существующего слова языка (например, *вода́*, *бага́ж*, *ма́стер*, *живо́й*, *бле́дный*, *кре́пкий*, *суро́вый*, *брать*, *копа́ть*, *ходи́ть*, *бре́зговать*), во-вторых, все вообще слова с одноморфной[2] основой, даже если с семантической точки зрения такое слово производно (как в случае *бег*, *лай*). В число непроизводных попадают также все опростившиеся слова.

Из числа непроизводных выделяется подгруппа «членимых непроизводных», т. е. таких, у которых конечный элемент основы может быть отождествлен с некоторым суффиксом (например, *бле́дный*, *кре́пкий*, *суро́вый*, *бага́ж*, *саботи́ровать* и т. п.).

В категорию производных включаются слова с неодноморфной основой, семантически производные от некоторого другого слова (или слов), например: *коло́кольчик*, *кре́пость*, *прохо́д*, *тупоголо́вый*.

[2] Нулевые словообразовательные морфемы (если таковые признаются) не в счет (однако морфема -'-, выражаемая смягчением [§ 1.43], учитывается как отдельная).

Плотное и неплотное присоединение морфем

§ 1.4. Для акцентологического описания необходимо отличать от обычного («плотного») способа присоединения морфем друг к другу в составе словоформы особые случаи, когда морфема присоединена к остальной части словоформы более свободно («неплотно») — примерно так, как обычно соединяются две самостоятельные словоформы. Основная часть словоформы в этих случаях почти всегда совпадает с некоторой самостоятельно существующей словоформой. Важнейшее акцентологическое свойство неплотно присоединенной морфемы (или основы в составе сложного слова) состоит в том, что она никак не меняет акцентуации основной части словоформы; ср., например, *непроходно́й* и *проходно́й*, *двухвинтово́й* и *винтово́й*, *нефтеперерабо́тка* и *перерабо́тка* и т. п. В составе сложного слова неплотно присоединенная основа в большинстве случаев несет второстепенное ударение.

Различие между плотным и неплотным присоединением можно проиллюстрировать с помощью скобок.

Плотное присоединение	Неплотное присоединение
(неотвя́з)-ный	*не-(проходно́й)*
(межзу́б)-ный	*меж-(племенно́й)*
(двуру́ч)-ный	*двух-(винтово́й)*
(водосли́в)-ный	*нефте-(наливно́й)*

Как легко видеть, одни и те же морфемы могут в одних случаях присоединяться плотно, в других неплотно. Возможно даже прямое варьирование, например, (*первоочерёд*)-*ный* и *перво*-(*очередно́й*). Существенно то, что выбор плотного или неплотного присоединения далеко не всегда соответствует семантической деривационной истории слова. Например, *двухвинтово́й* с семантической точки зрения есть относительное прилагательное к «два винта» (как *двуру́чный* — к «две ручки»), т. е. «семантические скобки» стоят здесь иначе, чем морфонологические. Ср. также отсутствие смысловых различий между вариантами *первоочерёдный* и *первоочередно́й*.

Таким образом, вопрос о выборе плотного или неплотного присоединения составляет для современного языка особую морфонологическую проблему. В настоящей работе мы не ставим себе целью ее решить; формально мы будем исходить далее из того, что способ присоединения (плотный или неплотный) заранее задан; практически нас почти везде будет интересовать только плотное присоединение (поскольку случай с неплотным присоединением с акцентологической точки зрения тривиален). Отметим здесь лишь некоторые наиболее важные факты. Как правило, присоединяются неплотно, в частности: 1) приставка *не-*, например, *неживо́й*, *непроходно́й*, *неспециали́ст*; 2) элемент *полу-*, например, *полуживо́й*, *полуподва́л*, *полусиде́ть*; 3) приставка *пре-* со значением «в высшей степени» (у прилагательных

и наречий), например, *препроти́вный*, *пренеприя́тно*; 4) элементы *вне-*, *внутри-*, *до-*, *меж-*, *после-*, *пред-*, *противо-* в прилагательных и существительных, производных, с семантической точки зрения, от сочетаний «предлог + существительное», например, *внѐземно́й*, *внутрѝчерепно́й*, *дородово́й*, *мѐжплеменно́й*, *послеродово́й*, *предпосевно́й*, *противоболево́й*.

Помимо неплотного присоединения слева, примеры которого рассмотрены выше, возможно также неплотное присоединение справа. Так присоединяются частицы, пишущиеся через дефис (*-то*, *-либо*, *-нибудь*, *-ка*, *-таки*), и глагольные постфиксы *-ся* (*-сь*) (кроме некоторых особых случаев, см. § 1.12) и *-те* (в императиве).

Освоенные и неосвоенные слова

§ 1.5. В акцентологическом описании оказывается необходимым учитывать также то обстоятельство, что для конкретного носителя языка некоторое слово может быть о с в о е н н ы м («своим», привычным) или н е о с в о е н н ы м (чуждым, непривычным, ранее не слышанным или слышанным редко). Таким образом, речь здесь идет о некотором внеязыковом, прагматическом различии. Соответственно, мы будем ниже называть влияние этого различия на акцентуацию (или на иные характеристики слова) п р а г м а т и ч е с к и м фактором.

Для взрослого носителя языка освоенными являются слова повседневной обиходной лексики, названия предметов, связанных с его профессиональной деятельностью, слова, специфические для его микроколлектива или ограниченной среды. Неосвоенными являются, в частности, названия предметов из жизни других стран или прошлых эпох, термины незнакомых данному человеку профессий, слова чужих микроколлективов, для большинства носителей языка — также все слова возвышенно-книжного и архаизирующего стиля. Неосвоенным для данного человека является также всякое слово, которое он только что узнал; однако через некоторое время, иногда довольно короткое, он может вполне освоить это слово.

Таким образом, разделение слов на освоенные и неосвоенные индивидуально для каждого носителя языка и, кроме того, меняется в ходе его жизни.

Между полной освоенностью и полной неосвоенностью слова возможны, конечно, и промежуточные случаи. К сожалению, мы не имеем средств для объективной оценки этой градации, и поэтому в основном ограничиваемся выявлением тех акцентных эффектов, которые рассматриваемое противопоставление дает в несомненных, ярко выраженных случаях. Подробнее об этом противопоставлении см. Однослож., § 5, 21.

СТРУКТУРА ОПИСАНИЯ

§ **1.6.** Описание русской акцентной системы строится ниже так. За основную единицу рассмотрения принимается слово (лексема), а не отдельная словоформа. Соответственно, чтобы узнать место ударения в некоторой словоформе, необходимо вначале установить (по определенным правилам) акцентные характеристики соответствующего слова, а затем по этим характеристикам установить ударение интересующей нас словоформы.

Акцентных характеристик слова две: 1) так наз. схема ударения; 2) место ударения внутри основы. Для аномальных слов в качестве особой дополнительной характеристики выступают сведения о наличии и характере акцентной аномалии. Указанные акцентные характеристики однозначно определяют место ударения во всех словоформах слова. Заметим, что акцентная характеристика 2 реально необходима лишь при одном из возможных значений характеристики 1 (а именно, при схеме ударения *a*, см. ниже). В прочих случаях ударение во всех словоформах слова однозначно устанавливается по одной лишь схеме ударения.

Соответственно, с формальной точки зрения, все дальнейшие правила предназначены для того, чтобы в конечном счете позволить указать для произвольного слова его схему ударения и место ударения внутри основы. Вначале вводятся необходимые рабочие понятия и указываются наиболее общие закономерности русской акцентной системы (§ 1.7—13). Далее рассматривается вопрос о распределении непроизводных слов по схемам ударения; однако списки слов здесь, как правило, не приводятся, поскольку они могут быть найдены в ряде других работ. Наконец, разбирается акцентуация производных слов; этот разбор проведен подробно, поскольку существующие изложения данного вопроса недостаточно полны.

§ **1.7.** Набор словоформ одного слова, рассматриваемый в акцентологии, не всегда в точности совпадает с морфологической парадигмой слова. Отличия здесь таковы.

У существительных форма В. мн. (которая у одушевленных совпадает с Р. мн., у неодушевленных с И. мн.) в акцентном описании самостоятельно не рассматривается и в схему ударения не включается. Кроме того, некоторые парадигмы с разными основами ед. и мн. чисел с акцентологической точки зрения целесообразно трактовать не как единые парадигмы, а как пары неполных (а именно, одночисловых) парадигм. Сюда относятся: 1) случаи супплетивизма — *челове́к, ребёнок* (мн. *лю́ди, де́ти*); сюда же примыкает *дитя́* (мн. *де́ти*); 2) слова на *-ин*, утрачивающие это *-ин* во мн. числе (*армяни́н, господи́н* и т.д.); 3) слова на *-ёнок, -ōнок* (мн. *-я́та, -а́та*); слова с дополнительным морфом *-j-* (*-ej-*) во мн. числе (*де́рево—дере́вья, клок—кло́чья* и т.п.). Во всех случаях образование мн. числа рассматривается с акцентологической точки зрения как словообразовательная, а не словоизменительная операция.

У прилагательных не считаются частью парадигмы сравнительная и превосходная степени; они трактуются как производные слова (заметим, что такое решение возможно и для собственно морфологического описания, ср. РИС, § 2.23). Как и у существительных, выведены из сферы словоизменения супплетивно образуемые словоформы (*велик* и т. д. при *большой*, *мал* при *маленький*).

Не рассматриваются как единые словоформы составные числительные, у которых склоняются обе части (*пятьдесят*, *пятьсот* и т.д.); каждая из этих частей учитывается по отдельности.

У глаголов в акцентологическом описании не включаются в парадигму (а рассматриваются вместе с производными) причастия и деепричастия.

Далее, с акцентологической точки зрения целесообразно разделять многие морфологические парадигмы на части, которые можно обозначить как субпарадигмы.

Так, у прилагательных парадигма делится на атрибутивную субпарадигму (включающие полные [атрибутивные] формы) и неатрибутивную субпарадигму (включающую краткие [неатрибутивные] формы). Одна из двух субпарадигм может в частном случае отсутствовать. У притяжательных прилагательных с суффиксами *-ин*, *-ов*, *-(и)j* и у местоимений-прилагательных (*тот*, *весь*, *мой*, *ваш*, *сам* и т. д.) все имеющиеся формы считаются относящимися к атрибутивной субпарадигме.

У глаголов парадигма делится на презентную субпарадигму (презенс и императив) и претеритную субпарадигму (прошедшее время и инфинитив).

У существительных отдельно от остальной части парадигмы рассматривается так наз. 2-й предложный падеж (II_2) единственного числа. Ради единообразия последующих формулировок эти две неравные части субстантивной парадигмы формально тоже признаются субпарадигмами.

Замечание. В принципе допустимо также делить парадигму существительного на субпарадигмы ед. и мн. числа (как это делается в ряде описаний русского ударения); но для решения задач настоящей работы прямой необходимости в этом не оказалось.

СХЕМЫ УДАРЕНИЯ

§ 1.8. Важнейшим понятием для описания словоизменительного ударения является схема ударения (или, что то же, акцентная кривая[3]). Формальное определение данного понятия см. в РИС, § 6.15—16. Несколько менее строгое определение таково: схема ударения некоторой парадигмы — это запись, показывающая, на каком компоненте (основе или окончании) находится ударение в каждой из словоформ данной парадигмы; при этом, однако, для словоформ, у кото-

[3] Практически мы используем в настоящей работе термин «схема ударения» в применении к современному языку, а термин «акцентная кривая» — в применении к древнерусскому и старовеликорусскому.

рых один из двух основных компонентов (основа или окончание) неслоговой, учитывается не фактическое ударение данной словоформы (которое вынужденным образом стоит на слоговом компоненте), а ударение некоторой другой, так наз. «контрольной», словоформы той же парадигмы[4]. Понятие схемы ударения можно использовать применительно как к целым парадигмам, так и к субпарадигмам.

Необходимо отметить, что разделение на основу и окончание, представляющее собой для именных словоформ достаточно простую и естественную операцию, для глагольных словоформ иногда сопряжено с трудностями. Основная из них состоит в том, что в роли «окончаний» здесь оказываются морфемы или морфемные последовательности более сложной природы, чем в случае с именами, и нередко квалифицируемые в морфологии не как окончания, а как иные категории морфем. Так обстоит дело, в частности, с показателями инфинитива *-ть*, *-ти*, *-чи* и с исходами *-л*, *-ла*, *-ло*, *-ли* в прош. времени. Глагольные постфиксы *-ся (-сь)*, *-те* обычно присоединяются к основной части словоформы неплотно (§ 1.4) и, соответственно, оказываются вне сферы действия акцентных правил; об одном исключении, когда *-ся (-сь)* функционирует как полноценная часть окончания, см. § 1.12.

§ 1.9. Ниже перечисляются схемы ударения, встречающиеся в разных типах субпарадигм. Общими для всех типов субпарадигм являются две главные схемы ударения:

a — ударение всегда на основе;

b — ударение всегда на окончании[5].

Прочие схемы ударения, хотя и обозначаются символами из одного и того же набора, определяются по-разному для разных субпарадигм.

У существительных (в их основной субпарадигме):

c — ударение на основе в ед. числе, на окончании во мн. числе;

d — на окончании в ед. числе, на основе во мн. числе;

e — на основе в ед. числе и в И. мн., на окончании в косвенных падежах мн. числа;

f — на окончаниях везде, кроме И. мн.;

b' — как в схеме *b*, но в Т. ед. ударение на основе;

d' — как в схеме *d*, но в В. ед. ударение на основе;

f' — как в схеме *f*, но в В. ед. ударение на основе;

f'' — как в схеме *f*, но в Т. ед. ударение на основе.

См. образцы в Грамм., с. 31—32.

Ударение в $П_2$ ед. оценивается особым образом, а именно, различаются два случая: 1) $П_2$ ед. совпадает с П. ед.; 2) эти две словоформы

---

[4] «Контрольной» словоформой является: у существительных и в атрибутивной субпарадигме прилагательных — дательный падеж того же числа (и рода), что у рассматриваемой словоформы; в неатрибутивной субпарадигме прилагательных и в претеритной субпарадигме глаголов — словоформа ед. сред. (если в этой словоформе ударение колеблется, учитывается только вариант с наосновным ударением); в презентной субпарадигме глаголов — словоформа 1 ед.

[5] Здесь и далее в формулировке «ударение на окончании» подразумевается: кроме случая, когда окончание неслоговое (подробнее см. РИС, § 6.15, 6.18).

не совпадают (в этом случае ударение в $П_2$ ед. всегда флексионное). Первый случай рассматривается как стандартный и никак специально не отмечается; во втором случае к символу схемы ударения (рассматриваемого слова) добавляется «$+П_2$». Например, схема ударения слова *бéрег* обозначается как $c+П_2$.

В адъективных атрибутивных субпарадигмах, кроме схем *a* и *b*, представлена (только у слова *сам*) схема *f*: ударение на основе в И. мн., в прочих формах на окончании.

В адъективных неатрибутивных субпарадигмах:

c — ударение на окончании в ед. жен., на основе в ед. сред. и во мн. числе.

Кроме того, здесь в качестве особых схем оказывается целесообразным выделить ряд схем с колебаниями (поскольку колебания представляют собой в этой части акцентной системы не исключения, а массовое явление). Эти схемы ударения таковы:

a' — колеблющееся ударение в ед. жен., ударение на основе в ед. сред. и во мн. числе (=колебание между схемами *a* и *c*);

b' — колеблющееся ударение во мн. числе, ударение на окончании в ед. числе;

c' — колеблющееся ударение во мн. числе, ударение на окончании в ед. жен., на основе в ед. сред.;

c'' — колеблющееся ударение во мн. числе и ед. сред., ударение на окончании в ед. жен.

См. образцы в Грамм., с. 33.

В презентных субпарадигмах глаголов:

c — ударение на окончании в 1 ед. презенса и в императиве, на основе в прочих формах презенса:

c' (только глагол *хотéть*) — ударение на основе в *хóчешь*, *хóчет*, в прочих случаях на окончании.

См. образцы в Грамм., с. 80.

В претеритных субпарадигмах глаголов:

c — ударение на окончании в ед. жен. прош. времени, на основе в прочих формах;

c' (схема с колебаниями; только у глаголов *дать*, *взять*) — колеблющееся ударение в ед. сред. прош. времени, ударение на окончании в ед. жен., на основе в прочих формах;

c'' (схема с колебаниями; возможна только для возвратных глаголов) — колеблющееся ударение во мн. числе, в ед. сред. , а также в ед. муж. (см. § 1.12), ударение на окончании в ед. жен.

См. образцы (для прош. времени) в Грамм., с. 81. В инфинитиве слоговое *-ти* возможно (если не считать глаголов с *вы́-*) только при схеме ударения *b* (например, *нести́*, ср. *несла́*, *-ó*, *-и́*); инфинитивы на *-ть*, *-чь* имеют вынужденное наосновное ударение.

Схема ударения слова в целом складывается из схем составляющих его субпарадигм. Обозначения при этом таковы. У существительных к символу схемы ударения основной субпарадигмы в определенном

случае добавляется «+ $П_2$», см. выше. У прилагательных и глаголов символы схем ударения двух субпарадигм пишутся через косую черту (первыми отражаются соответственно атрибутивная и презентная субпарадигмы), например: *a/a*, *a/c*, *b/c″*.

Для сокращения записи у прилагательных разрешается заменять *a/a* на *a*, *a/a′* на *a′*, *b/b* на *b*; у глаголов разрешается опускать *a*, стоящее во второй части (т. е. заменять, например, *a/a* на *a*, *b/a* на *b*).

АКЦЕНТНЫЕ ТИПЫ

§ **1.10.** Наряду с классификацией субпарадигм по схемам ударения, для акцентного описания оказывается полезной также несколько иная (хотя и тесно связанная с нею) классификация — по так наз. акцентным типам. Эта классификация возникает в результате следующих трех последовательных дихотомий.

1. Различаются субпарадигмы с тривиальным и с нетривиальным ударением. К первым относятся субпарадигмы с ударением во всех словоформах на основе, причем на одном и том же (по счету от начала) ее слоге; ко вторым — все остальные.

Примечание. В рамках тривиального ударения особо стоят существительные группы singularia tantum, например, *лай*, *грохот*. Поскольку их мн. число существует лишь потенциально, а реально почти никогда не употребляется, его ударение в сущности неизвестно. Между тем некоторые из таких singularia tantum проявляют себя при словообразовании как слова с нетривиальным ударением. Таким образом, мы иногда сталкиваемся со своего рода «латентным» нетривиальным ударением. Учитывая такую возможность, мы будем называть тривиальное ударение у singularia tantum непоказательным (в отличие от показательного тривиального ударения у прочих слов).

2. Нетривиальное ударение распадается на флексионное и подвижное. Флексионное ударение означает ударение на окончании во всех словоформах субпарадигмы, имеющих слоговое окончание; в прочих случаях нетривиальное ударение является подвижным.

3. В подвижном ударении выделяются два основных типа: смежно-подвижный и маргинально-подвижный. Для субпарадигм, где хотя бы одна словоформа со слоговым окончанием имеет неодносложную основу, эти типы определяются так. Если в субпарадигме в словоформах со слоговым окончанием ударение бывает: 1) только на окончании или на последнем слоге основы (например, *величинá*, *величи́ны*; *собралá*, *собрáли*) — это смежно-подвижный тип; 2) только на окончании или на начальном слоге основы (например, *кóлоколу*, *колоколáм*; *головá*, *гóлову*; *молодá*, *мóлоды*) — это маргинально-подвижный тип.

В принципе возможно подвижное ударение, не соответствующее ни одному из двух типов. Оказывается, однако, что таких случаев ничтожно мало, а именно, таковы: *óзеро*, *знáмя* (мн. *озёра*, *знамёна*); существительные схемы *c* на *-тор*, *-ссор* со срединным ударением (*дирéктор*, *профéссор* и т. п.), а также *учи́тель*. Кроме того, формально в эту категорию попадают слова, полученные путем неплотного при-

соединения (§ 1.4) различных морфем к существительным с маргинально-подвижным ударением (например, *полуо́стров*, *спѐцпро́пуск* и т. п.). Слова этих групп именуются ниже «примыкающими к маргинально-подвижному типу» (и обычно рассматриваются при этом типе).

Для субпарадигм с односложной основой разграничение смежно-подвижного и маргинально-подвижного ударения проводится по иному принципу (поскольку изложенный выше принцип здесь неприменим), см. § 1.11.

Основные акцентные типы, существенные для дальнейшего, — это конечные звенья приведенных дихотомий: 1) тривиальный (наосновный) акцентный тип; 2) флексионный; 3) смежно-подвижный; 4) маргинально-подвижный (ср. выделение этих же типов, при несколько иной терминологии, в работе: Курилович 1946). При необходимости могут быть использованы также «суммарные» типы: нетривиальный, подвижный.

Из акцентных типов субпарадигм выводится акцентный тип слова в целом. Для существительных правило таково: существительные со схемой ударения «$a + П_2$» относятся к маргинально-подвижному типу; в прочих случаях акцентный тип определяется просто по основной субпарадигме (т. е. наличие или отсутствие символа $П_2$ несущественно). Для прилагательных и глаголов нам в дальнейшем потребуется различать всего два акцентных типа слов: тривиальный и нетривиальный. К тривиальному акцентному типу относятся прилагательные и глаголы, у которых обе субпарадигмы имеют тривиальное ударение, к нетривиальному — те, у которых это не так.

§ **1.11.** Между схемами ударения и акцентными типами имеются некоторые регулярные соотношения (в одних случаях просто вытекающие из соответствующих определений, в других — не вытекающие).

Исключим временно из рассмотрения субпарадигмы подвижного акцентного типа с односложной (во всех словоформах со слоговым окончанием) основой. Для оставшейся совокупности субпарадигм верно (если отвлечься от нескольких исключений) следующее: любые две субпарадигмы, относящиеся к одной части речи и к одной схеме ударения, принадлежат к одному и тому же акцентному типу. Иначе говоря, зная часть речи и схему ударения, мы можем однозначно предсказать акцентный тип. Приводим эти соответствия (на уровне субпарадигм): 1) схема ударения *a* — тривиальный акцентный тип; 2) схема *b* — флексионный тип; 3) схемы *d*, *a′*, *b′*, *c″* (в именах), *c*, *c″* (в глаголах) — смежно-подвижный тип; 4) схемы *c*, *e*, *f*, *c′*, *f′* (в именах) — маргинально-подвижный тип.

Исключения: 1) *о́зеро*, *зна́мя* (мн. *озёра*, *знамёна*) — схема ударения *a*, однако они входят в число примыкающих к маргинально-подвижному типу (см. выше); 2) *ступе́нь* (в переносном значении), *дере́вня*, *четы́ре*, *поста́в*, *коки́ль* — схема ударения *e* (*ступе́нь*, *дере́вня*, *четы́ре*) и *c* (*поста́в*, *коки́ль*), но смежно-подвижный тип; 3) *удало́й* (//*уда́лый*) — в неатрибутивной субпарадигме схема ударения *c*, но смежно-подвижный тип; 4) глаголы, полученные добавлением одиночной односложной приставки к *быть*, *дать*, *-чать*, *-нять*, *жить*, *лить*, *пить*, *клясть*, *мере́ть*, а также глаголы *переда́ть*, *переня́ть*, *пережи́ть*, *пере-*

мере́ть, запере́ть, отпере́ть, проби́ть (о часах), *созда́ть* — в претеритной субпарадигме схема ударения *c*, но маргинально-подвижный тип (правда, почти во всех случаях [конкретно см. по Грамм.] лишь наряду со смежно-подвижным).

Что касается субпарадигм с односложной основой, то у них различить смежную и маргинальную подвижность в прямом смысле этих терминов, разумеется, нельзя. Однако для акцентного описания оказывается все же целесообразным не отказываться в этом случае от данного разделения, но провести его здесь по другому, косвенному признаку, экстраполировав на случай с односложной основой установленное выше соответствие между схемами ударения и типами подвижности. Иначе говоря, в данном классе субпарадигм принадлежность к смежно-подвижному или к маргинально-подвижному типу определяется через схему ударения. Такое решение упрощает акцентные правила, касающиеся словообразования (в один и тот же акцентный тип попадают слова, дающие один и тот же акцентный эффект при словообразовании).

В особом положении остались лишь те субпарадигмы (весьма немногочисленные), которые принадлежат к схемам ударения, вообще не представленным у слов с неодносложной основой. Так обстоит дело, например, со схемой ударения *d′* у существительных. Для достижения полной общности в разделении подвижного типа на смежный и маргинальный, условимся и такие субпарадигмы отнести к одному из этих двух типов (основанием для выбора здесь служит акцентный эффект, проявляющийся в словообразовании).

В результате получаем уточненное правило соответствия между схемами ударения и акцентными типами (на уровне субпарадигм), которое приводится ниже в виде таблицы. Символы в клетках таблицы означают схемы ударения; квадратными скобками отмечены схемы, представленные лишь 1 — 3 словами.

Таблица 1

Соотношение между схемами ударения и акцентными типами

Типы субпарадигм	Акцентные типы			
	Тривиальный	Нетривиальный		
		Флексионный	Смежно-подвижный	Маргинально-подвижный
Субстантивная (основная)	a	b	d, [b′]	c, e, d′ f*, f′, [f″]
Адъективная атрибутивная	a	b	—	[f]
Адъективная неатрибутивная	a	b	a′, c″, [b′]	c, c′
Глагольная презентная	a	b	c, [c′]	—
Глагольная претеритная	a	b	c, c″, [c′]	—

* Однако существительные мужского рода схемы *f* (а именно, *конь, гвоздь, груздь, червь*) относятся к смежно-подвижному типу.

ПРАВИЛА ПОСТАНОВКИ УДАРЕНИЯ В СЛОВОФОРМАХ ПО СХЕМЕ УДАРЕНИЯ СЛОВА

§ 1.12. Опираясь на введенные выше понятия и соотношения, мы можем теперь сформулировать правила, позволяющие указать место ударения в любой словоформе слова, если известна схема ударения этого слова (а для слов схемы *a* — также место ударения внутри основы). В некоторых случаях в этих правилах используется также дополнительная информация — морфологическая (тип склонения) или морфонологическая (наличие беглой гласной).

Предварительные операции: 1) установить по табл. 1 (с учетом исключений, указанных в § 1.11) акцентный тип той субпарадигмы, в которую входит рассматриваемая словоформа; 2) установить из § 1.9, куда (на основу или на окончание) должно падать, в соответствии со схемой ударения данного слова, ударение в рассматриваемой словоформе.

Далее, если в составе словоформы имеется неплотно присоединенная часть (§ 1.4), на время работы акцентных правил ее следует просто отбросить. При этом необходимо учитывать, что глагольный постфикс *-ся* (*-сь*), обычно присоединяемый неплотно, в качестве исключения присоединяется плотно в прош. времени при претеритной схеме ударения *c″* (а также в словоформах *начал-ся́*, *-а́сь*, *-о́сь*, *-и́сь*, *занял-ся́*, *-а́сь*, *-о́сь*, *-и́сь*); здесь он трактуется как часть окончания.

После этого правила таковы.

I. Если в рассматриваемой словоформе ударение по схеме должно падать на окончание, то оно фактически падает:

1) при слоговом окончании — на первый слог окончания (кроме окончаний *-ого*, *-ому* [а также *-ое* в *её*, *самоё*] в местоименном склонении, где ударение падает на последний слог);

2) при неслоговом окончании — на последний слог основы.

Примеры: *колокола́ми* (от *ко́локол*, схема *c*), *молода́*, *молодо́е*, *молоду́ю* (от *молодо́й*, схема *b*/*c*), *всего́*, *всему́*, (от *весь*, схема *b*, местоименное склонение), *берегу́*, *бережёте*, *бережётся*, *береги́*, *береги́те*, *берегли́* (от *бере́чь*, схема *b*/*b*); *голо́в* (от *голова́*, схема *f′*), *берёг*, *берёгся* (от *бере́чь*).

Исключения: *у́гол*, *у́голь* (вариант со схемой *b* или *f*), *у́горь*, *у́зел*; *во́семь*, *де́вять*, *де́сять*, *два́дцать*, *три́дцать*, *со́рок*; *де́нег*, *ма́сел*, *кру́жев*, *са́жен*, *су́дий* (от *судия́*); *бо́лен*, *лёгок*, *тёпел*, *ра́зен*, *тёмен*, *чёрен*, *све́тел*, *во́лен* (вариант со схемой *a*/*b*), *до́лжен*. Во всех этих случаях ударение падает на предпоследний слог основы вместо последнего.

II. Если в рассматриваемой словоформе ударение по схеме должно падать на основу, то фактическое положение ударения таково:

1) при тривиальном акцентном типе (соответствующей субпарадигмы) оно определяется признаком «место ударения внутри основы»;

2) при смежно-подвижном акцентном типе ударение падает: если окончание неслоговое, а основа содержит беглую гласную — на пред-

последний слог основы; в прочих случаях на последний слог основы;

3) при маргинально-подвижном акцентном типе — на начальный слог основы [6].

Примеры: *пароходы* (от *пароход*, схема *a*), *полотен* (от *полотно*, схема *d*; *е* — беглая гласная), *величины* И. мн., *величин*, *величинами* (от *величина*, схема *d*), *голову*, *головы* И. мн. (от *голова*, схема *f'*), *весело*, *веселы* (от *весёлый*, схема *a/c'*).

Исключения: И. ед. *заём*, *наём*; Р. мн. *гумён*, *земель*, *колец*, *овец*, *свиней*, *семей*, *сестёр*, *судей*, *хлопот*, *яиц*; ед. муж. *хитёр*, *остёр*, *шустёр*, *силён*, *дурён*. Во всех этих случаях ударение падает на последний слог основы вместо предпоследнего; в части случаев (см. Грамм.) такое ударение неправильно только при одной из двух допускаемых схем ударения.

ПЕРЕНОС УДАРЕНИЯ НА ПРЕДЛОГ ИЛИ ЧАСТИЦУ

§ 1.13. Особое акцентное явление, представленное в современном русском языке у ограниченной группы существительных и числительных, — перенос ударения на предлог с именной словоформы, например: *за год*, *на голову*, *по два*. Этот эффект проявляется, за очень немногими исключениями, лишь у слов маргинально-подвижного акцентного типа (но далеко не у всех из них). Словоформы, дающие этот эффект, в самостоятельном виде имеют (или хотя бы допускают) начальное ударение (исключения: *по двору*, *по столу*). Следует различать два основных типа сочетаний с ударением на предлоге.

К первому типу (наиболее важному с точки зрения синхронического функционирования акцентной системы) принадлежат нелексикализованные или слабо лексикализованные сочетания. Ударение на предлоге выступает здесь (в меньшинстве случаев обязательно, в большинстве — факультативно) при многих возможных значениях данного сочетания — обычно при всех часто встречающихся; ср., например, *надел шляпу на голову*, *штукатурка свалилась ему на голову*, *ребенок упал на голову*, *на голову выше* и т. д. Лишь при редко встречающихся значениях (обычно абстрактных, а не пространственных или временных, ср. *обратите внимание на голову*, *надеюсь на голову* и т. п.) или в составе синтаксических конструкций, ослабляющих связь имени с предлогом (ср. *несмотря на голову*, *на голову и плечи*), обязательно выступает ударение на имени. Подробнее о первом типе сочетаний с ударением на предлоге см. Грамм., с. 72—73.

Ко второму типу (менее существенному для характеристики системы) относятся сочетания с высокой степенью лексикализации, например: *о бок* (в *бок о бок*), *до смерти* 'очень сильно'. С ударением на предлоге они выступают только в составе определенного более

---

[6] Но у существительных, лишь примыкающих к маргинально-подвижному типу (§ 1.10), ударение иное: мн. от *озеро*, *знамя* имеет основы *озёр-*, *знамён-*; у прочих слов ударение как в исходной форме.

крупного сочетания (иногда целого речения) или в строго определенном значении. Как правило, они в той или иной мере адвербиализованы; в предельном случае это чистые наречия (*на́бок*, *за́муж* и т. п.).

Списки сочетаний с ударением на предлоге можно найти, в частности, в работах: Редькин, Федянина, АГ-70 (с. 433—444), АГ-80 (§ 1269). Сведения о степени лексикализации каждого из этих сочетаний содержатся в АО и Грамм.

Перенос ударения на частицы (не превратившиеся в приставки) представляет собой в современном языке исключительное явление: он сохранился только в сочетаниях *не́ был*, *ни́ был*, *не́ дал*, *не́ жил* (то же при соответствующих словоформах ед. сред. и мн. — *не́ было*, *не́ были* и т. д.)

УДАРЕНИЕ НЕПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

§ 1.14. Данные выше правила сводят задачу дальнейшего описания к вопросу о том, как установить для произвольного слова его схему ударения и (в случае схемы *a*) место ударения внутри основы. Непроизводные и производные слова оказываются в этом отношении в разном положении.

Для непроизводных слов указанная задача решается в общем случае лишь списочным способом. Иначе говоря, схема ударения и место ударения внутри основы в принципе являются здесь особыми словарными характеристиками отдельного слова, невыводимыми, с формальной точки зрения, из каких-либо иных его характеристик.

В отличие от производных слов, для непроизводных нет каких-либо общих ограничений на набор возможных схем ударения. Все те многочисленные схемы ударения, которые входят в подвижный тип, обслуживают в русском языке, за немногими исключениями (§ 1.18), именно непроизводные слова.

В качестве источника, где схема ударения дана (для обширного массива слов) в явной форме, можно указать Грамм.; разумеется, из этого источника извлекается также и информация о месте ударения внутри основы.

В настоящей работе мы не считаем необходимым приводить списки слов каждой схемы ударения, поскольку эти списки (или эквивалентную им информацию) можно найти в ряде других работ, в частности: РИС (по именам), Редькин, Федянина, АГ-70, АГ-80.

Следует учитывать, однако, что тезис о списочном характере акцентного распределения непроизводных слов верен именно в общем случае. В ряде частных случаев обнаруживается некоторая связь этого распределения со структурой основы, со значением слова или с прагматическим фактором (§ 1.5). Обычно эта связь носит не вполне строгий характер: влияние указанных факторов создает лишь некоторые сдвиги в традиционном акцентном распределении, но не перестраивает

его до конца. Соответственно, на уровне непосредственного наблюдения картина оказывается непоследовательной.

Акцентный эффект, создаваемый морфонологическим (число слогов основы, характер ее исхода) или семантическим фактором, всегда носит локальный характер, т. е. ограничен определенным морфологическим классом слов. За рамками данного класса тот же самый фактор в одних случаях вообще не влияет на акцентуацию, в других дает какой-то иной акцентный эффект.

Более универсальный характер носит влияние прагматического фактора. У непроизводных слов везде, где он вообще действует, его акцентный эффект таков: неосвоенное слово обнаруживает (в речи соответствующего носителя языка) тенденцию к тривиальному акцентному типу, освоенное — к нетривиальному.

Замечание. Данный акцентный эффект фактически наблюдается не только у непроизводных, но и в ряде классов производных слов. Однако у производных картина оказывается сложнее: 1) воздействие прагматического фактора здесь возможно лишь в тех узких пределах, которые оставляют ему акцентные свойства аффикса (если аффикс однозначно определяет акцентуацию производного, прагматический фактор не имеет силы); 2) у производных различие освоенного и неосвоенного в определенных случаях отражается в виде оппозиции «ударение на суффиксе — ударение на корне», например *мускули́стый—му́скулистый* (а не в виде оппозиции нетривиального и тривиального акцентных типов), ср., в частности, § 1.50.

Ниже рассматриваются некоторые важные группы непроизводных слов, где ударение частично подчиняется правилам несписочного характера.

§ 1.15. Одной из таких групп являются непроизводные существительные мужского рода с односложной исходной словоформой. Их акцентуация подробно рассмотрена нами в работе: Однослож. Поэтому здесь мы ограничимся лишь констатацией основных закономерностей, действующих в этой сфере. Не учитываются существительные с неслоговой основой (*лёд, льда* и т. п.), поскольку их ударение носит вынужденный характер.

В данной группе ярко проявляется действие прагматического фактора: неосвоенные слова обнаруживают тенденцию к тривиальному ударению (т. е. к схеме ударения *a*), освоенные — к нетривиальному. Нетривиальный акцентный тип может реализоваться в виде различных схем ударения, но продуктивны среди них только две — *b* и *c*. Общим для схем ударения *b* и *c* является флексионное ударение во мн. числе. Соответственно, главным внешним различием между освоенными и неосвоенными существительными данной группы оказывается противопоставление флексионного и наосновного ударения во мн. числе. Ср., например, *быки́, столы́, блины́, супы́, меха́, долги́* и т. п. (освоенные) и *до́жи, сме́рды, ску́нсы, я́ки, бри́ги, гне́йсы, пу́тчи, жа́нры, пе́нсы, ги́мны* и т. п. (для большинства носителей языка являющиеся неосвоенными). У большого числа слов ударение колеблется, причем в профессиональной или просто в разговорной речи выступает нетривиальное ударение (например, *банты́, зонды́,*

краны́, троса́, шарфы́, лифты́, шлюзы́, штормá и т. п.), тогда как литературная норма требует тривиального ударения (*ба́нты, зо́нды* и т. д.).

Далее, для слов рассматриваемой группы, имеющих во мн. числе флексионное (или подвижное) ударение, а также для singularia tantum, действует семантический принцип, который может быть огрубленно сформулирован так: названия предметов, не поддающихся счету («неисчисляемых»), получают в ед. числе наосновное ударение, названия предметов, поддающихся счету («исчисляемых»), — флексионное. Таким образом, для освоенных неисчисляемых нормой является схема ударения *c* (например, *суп, су́па, супы́*), для освоенных исчисляемых — схема *b* (например, *бык, быка́, быки́*).

Большей точностью обладает более расчлененная формулировка данного принципа:

1. «Сильно склонны к схеме *c*» (т. е. обнаруживают ярко выраженную тенденцию к такой акцентовке) названия нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), абстрактных понятий (т. е. действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации, единиц измерения и т. п.), пространств, поверхностей, направлений; примеры: *суп, шёлк, дым, долг, цвет, час, пуд, луг, мир, край, верх, низ.*

2. «Умеренно склонны к схеме *c*» названия коллективов, оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ; примеры: *хор, тын, порт, дом, цех, шкаф.* Кроме того, без прямой связи с основным принципом в эту категорию попадают также термины родства, например: *муж, сын.*

3. «Сильно склонны к схеме *b*» названия исчисляемых материальных предметов (кроме входящих в группу 2) и животных, а также названия лиц по занятию и оценочные; примеры: *болт, нож, крюк, бык, кит, поп, шут, хлыщ.*

4. «Умеренно склонны к схеме *b*» названия гор, груд, отверстий, фигур, начертательных знаков, монет; примеры: *холм, крест, штрих, грош.*

5. Вне сферы действия данного принципа остаются несколько маленьких групп, устойчиво сохраняющих традиционную акцентовку (таковы названия частей тела, названия лиц, не входящие в группы 2 и 3, и несколько других слов).

Списки исключений, а также слов, у которых данный принцип реализован только в профессиональной или разговорной речи, но не в литературной норме, см. в Однослож.

Дополнительное воздействие на акцентуацию рассматриваемой группы оказывает, в частности, морфонологический фактор: исход основы на согласную (не взрывную) + *т* способствует переходу слова к схеме *b*. Правда, при конфликте этого фактора с семантическим последний обычно побеждает, ср., например, Р. ед. *спи́рта, ду́ста, гва́лта*; но в просторечии возможен и противоположный результат, например, Р. ед. *финта́, лифта́, порта́.*

Описанные закономерности реализуются (с небольшими отклоне-

ниями) также у слов с односложной основой, содержащей беглую гласную, например: *пе́пел, пе́пла — орёл, орла́* (см. Однослож. § 43).

§ **1.16.** Другой фрагмент акцентной системы, где действуют особые правила, составляет акцентуация неатрибутивных субпарадигм (т. е. кратких форм) непроизводных прилагательных (а также производных с суффиксами *-н-, -к-, -л-*, имеющих в полных формах наосновное ударение). Эта акцентуация лишь в очень малой степени зависит от акцентуации соответствующих полных форм. Прежде всего здесь действует следующее морфонологическое правило: при односложной основе (беглая гласная не в счет) в кратких формах возможно как тривиальное, так и нетривиальное ударение, при неодносложной — только тривиальное. Отклоняются только: а) *хоро́ший, здоро́вый* 'большой, сильный' (простореч.), *вели́кий* 'большой'; их краткие формы акцентуированы по схеме *b*; б) *дешёвый, дорого́й, молодо́й, холосто́й, вели́кий* 'выдающийся' — краткие формы по схеме *c*; в) *весёлый, зелёный, голо́дный, холо́дный, коро́ткий, уда́лый* — краткие формы по схеме *c′* (сюда можно добавить еще *солёный, со́лон, солона́, со́лоно, со́лоны́*).

При односложной основе распределение, с формальной точки зрения, задается списками (см. РИС, с. 169—170). На неформальном уровне здесь можно, однако, отметить некоторые общие закономерности.

Прежде всего, действует прагматический фактор, а именно, неосвоенность (непривычность, редкость) соответствующих кратких форм влечет за собой тривиальное ударение. В данном классе словоформ противопоставление, лежащее в основе прагматического фактора, в сущности сводится к различию по степени употребительности соответствующих кратких форм в живой речи и к наличию или отсутствию у них книжной (возвышенной, архаичной) окраски. Примеры тривиального ударения, обусловленного данным фактором: *а́ла, -ы, я́ра, -ы, тле́нна, -ы, пра́здна, -ы, ско́рбна, -ы, ко́сна, -ы, кра́тна, -ы, кла́ссна, -ы, дре́вня, -и, ёмка, -и* и т. п. Сюда же относятся и «потенциальные» словоформы, которые реализуются лишь как окказиональные образования, например: *ме́дны, кро́вны* и т. п.

Нетривиальное ударение возможно лишь для освоенных (относительно более частых, привычных) неатрибутивных субпарадигм. Каждая из трех кратких форм с ненулевым окончанием (ед. жен., ед. сред. и мн.) имеет свои акцентные особенности.

Форма ед. жен. у освоенных слов всегда имеет флексионное ударение: *честна́, крепка́, чиста́* и т. д. Колебания типа *властна́* // *вла́стна* отражают переходное состояние с точки зрения освоенности слова.

В форме мн. числа в настоящее время наблюдается интенсивное распространение флексионного ударения вместо более раннего наосновного, например: *честны́, верны́, сильны́, страшны́, крепки́, чисты́, милы́, пьяны́* и т. п. Такие ударения свойственны прежде всего разговорной речи, но они все шире проникают также и в литературный язык.

Более сложный вопрос составляет акцентуация форм на *-о* (*-е*). Здесь необходимо различать синтаксические функции: 1) именной части сказуемого, согласованной в роде и числе с подлежащим (например, *мое слово кре́пко*); 2) так наз. предикатива, или «предикативного наречия» (*легко́ сказать, мне тепло́*); 3) обычного наречия (*кре́пко держать, легко́ одет*). Следует подчеркнуть, что формы на *-о* только в 1-й функции входят в один парадигматический ряд с краткими формами других родов и чисел (например, *кре́пок, крепка́, кре́пки́*). Между тем именно в этой функции они встречаются в живой речи реже всего (а некоторые из них практически вообще не встречаются, ср. нереальность фраз типа *это молоко тепло́*).

Акцентные свойства форм на *-о* в этих трех функциях близки, но не тождественны.

Для обычных наречий нормой является наосновное ударение (например, *ведет себя во́льно, бо́льно ударился, по́лно описан, ма́ло тренируется, сла́бо знаком*). В немногочисленных случаях типа *легко́ одет, хитро́ придумано, пестро́ раскрашено*, как правило, мы имеем дело просто с сохранением старого ударения (в большинстве таких случаев уже возможен также и новый вариант, например: *хи́тро придумано, пёстро раскрашено*).

Для предикативов нет единой нормы; выделяется, однако, значительная группа с устойчивым ударением на *-о*: *тепло́, свежо́, светло́, темно́, легко́, полно́* (чего-либо, кого-либо), *грешно́, вольно́* (кому-либо что-либо делать); ср. еще просторечн. *слабо́*. Сюда же попадают цветообозначения (ср. ниже) в контекстах типа *кругом черно́* (также в усилительной модели *черны́м-черно́, белы́м-бело́* и т. п.).

В собственно адъективной функции формы на *-о* в литературном языке преимущественно выступают с наосновным ударением. Имеется, однако, ряд случаев, где во всех кратких формах, включая ед. сред., представлено флексионное ударение.

Таковы, во-первых, краткие формы, в значение которых входит семантический элемент «слишком», отсутствующий у соответствующих полных форм. Примеры: *это платье вам мало́* (*узко́, длинно́*)[7], ср. также *эти брюки вам малы́* (*узки́, длинны́*); *это уже старо́*. Круг прилагательных, систематически обнаруживающих этот эффект, невелик (он практически исчерпан в наших примерах); но окказионально эта модель может выступать и в других случаях.

Далее, таковы цветообозначения: *бело́, черно́, красно́, желто́, пестро́* (наряду с *бе́ло, чёрно, кра́сно, жёлто, пёстро*); ср. ненормативные *серо́, синё*. Близки по значению также *светло́, темно́*.

Помимо этого, краткие формы на *-о* выступают у нескольких прилагательных на *-но́й* (*больно́, грешно́, смешно́, чудно́*), а также в отдельных случаях, где просто сохраняется традиционное ударение:

---

[7] Аналогичный эффект при неодносложной основе: *это платье вам велико́* (*широко́*); ударение *вели́ко, широ́ко*, в других случаях допустимое, здесь невозможно.

мертво́, остро́, равно́, свежо́, умно́, хитро́ (наряду с *мёртво, бо́стро, хи́тро*); малоупотребительны в данной функции *легко́, тепло́*. Однако в разговорной речи и тем более в просторечии флексионное ударение может встретиться и у других прилагательных, ср. нелитер. *мое слово крепко́, это дело не так уж страшно́* и т. п.

Таким образом, если неосвоенности отвечает схема ударения кратких форм *a*, то освоенность выражается в первую очередь схемами *c′* (*верна́, ве́рно, верны́* // *ве́рны*) и *b* (*умна́, -о́, ы́*). Схемы *a′* (*властна́* // *вла́стна, вла́стно, -ы*) и *c* (*славна́, сла́вно, -ы*) — это лишь этапы перехода от неосвоенности к освоенности.

Хотя нормативные словари (например, АО, Грамм.), в соответствии со своей основной установкой, указывают для одной части рассматриваемых неатрибутивных субпарадигм схему ударения *a′*, для другой — *c*, для третьей — *c′*, необходимо признать, что в живой речи носителей русского литературного языка (не говоря уже о нелитературной речи) четких границ здесь нет. Неслучайно в этом вопросе имеется множество частных расхождений между разными словарями.

Картину акцентной неустойчивости, наблюдаемую в настоящее время в кратких формах с односложной основой, по-видимому, следует истолковывать как этап движения к последовательной акцентной оппозиции полных и кратких форм (по модели *у́мный — умна́, -о́, -ы́*, поскольку подавляющее большинство качественных прилагательных, в особенности производных, имеет наосновное ударение в полных формах, ср. § 1.56). В кратких формах мн. числа акцентная перестройка совершается на наших глазах. «Отставание» кратких форм ед. сред., вероятно, связано с их относительной редкостью (ср. выше) и с влиянием омонимичных им наречий на *-о* (у которых наосновное ударение вполне устойчиво).

§ 1.17. Еще один особый фрагмент акцентной системы составляет акцентуация презенса *i*- и *ĕ*-глаголов с ударением на тематическом элементе в инфинитиве. Непроизводные и производные в данном случае целесообразно рассматривать вместе (хотя это различие и играет определенную роль для акцентуации, см. ниже).

В презенсе здесь конкурируют флексионное (*говорю́, говори́т, лежу́, лежи́т*) и смежно-подвижное ударение (*варю́, ва́рит, держу́, де́ржит*). С формальной точки зрения их распределение задается просто списками (см., в частности, Редькин, с. 127—130, Федянина, с. 225 — 230, АГ-80, I, § 1611). На неформальном уровне, однако, можно указать ряд факторов, оказывающих влияние (хотя и не всегда решающее) на их акцентуацию.

Прежде всего на акцентуацию влияет стилистическая характеристика глагола: глаголы с книжной или возвышенно-архаической окраской почти всегда имеют в презенсе флексионное ударение, например: *обличи́т, умертви́т, упраздни́т, оскверни́т, осени́т, утоли́т, хули́т, предвари́т, согреши́т, водрузи́т, сокруши́т, воскреси́т, уничижи́т, сотвори́т.* Имеются также некоторые внешние признаки, которые

почти безошибочно указывают на то, что глагол принадлежит именно к данной группе: неполногласие в корне (ср. *омрачи́т*, *наслади́тся*, *устрани́т*, *возврати́т*, *сохрани́т* и т. п.), наличие чередования *т/щ* или *д/жд* (а не *т/ч*, *д/ж*) в парадигме (*посети́т*, *воплоти́т*, *убеди́т* и т. п., ср. *посещу́*, *воплощу́*, *убеждённый*). Показательно различие ударения в таких парах, как, например, *возбуди́т* — *разбу́дит*, *погрузи́т* (в жидкость) — *погру́зит* (на транспорт), *одари́т* — *пода́рит*, *вкуси́т* — *уку́сит*, *насади́т* (учение) — *наса́дит* (картошки), *учини́т* — *почи́нит*, *влачи́т* — *воло́чит*, *храни́т* — *хоро́нит*, *загради́т* — *загоро́дит*, *преврати́т* — *переворо́тит* и т. п. (ср. Грот, с. 328, Воронцова, с. 228).

Имеется также следующее морфонологическое ограничение на смежно-подвижное ударение в презенсе: такое ударение невозможно, если слог перед *-ить* не является первым слогом корня (этого ограничения нет лишь для корней с *оро*, *оло*). Пример: *тормоши́т*, *потроши́т*, *кипяти́т*, *говори́т*, *лебези́т*, *нагромозди́т*, *окровени́т*, *освободи́т;* с другой стороны, *польсти́т*, *отомсти́т*, *почти́т* и т. п. Исключениями являются только *шевёли́т(ся)*, *стано́вит*(*ся*), *облоко́ти́т(ся)*.

Далее действует правило, согласно которому глаголы на *-ить*, имеющие, с синхронической точки зрения, прозрачный отыменный характер, получают в презенсе флексионное ударение. Это правило реализуется тем последовательнее, чем стандартнее семантическое соотношение между исходным именем и глаголом. Укажем наиболее типичные модели для переходных глаголов: отадъективная модель 'делать таким-то' (ср., например, *грязни́т*, *оздорови́т*, *укороти́т*, *смягчи́т*, *молоди́т*, *освежи́т*, *черни́т*); отсубстантивные модели — 'обрабатывать с помощью *X*', 'покрывать *X*-ом' (*бомби́т*, *когти́т*, *обдерни́т*, *серебри́т*, *осмоли́т*, *застекли́т*, *зачехли́т*), 'делать *X*-ом' (*удочери́т*, *осироти́т*, *копни́т*, *изрешети́т*), 'вызывать *X*' (*гневи́т*, *смеши́т*, *страши́т*). Кроме того, имеется ряд моделей для непереходных глаголов, например, 'вести себя таким-то образом', 'выступать в качестве *X*' (*груби́т*, *ловчи́т*, *хитри́т*; *гости́т*, *шофери́т*, *хами́т*, *ханжи́т*) и другие. При менее стандартных семантических отношениях между именем и глаголом становится возможным также и смежно-подвижное ударение, например: *бе́лит* (исходное значение 'делать белым' сузилось, ср. семантически стандартные *желти́т*, *сини́т*, *зачерни́т*); *да́рит*, *све́тит*, *ле́нится* (семантические отношения с именами *дар*, *свет*, *лень* нестандартны, нечетко выявляется даже само направление словопроизводства); такие глаголы, как *се́рдится*, *пору́чит*, уже по существу утратили синхроническую связь с *се́рдце*, *рука́* (ср. также § 1.18).

Наконец, там, где указанные выше факторы еще не определили акцентуацию презенса, для *i*- и *ĕ*-глаголов действует следующее семантическое правило: переходные глаголы (и глаголы движения кратного подвида, хотя бы и непереходные) получают в презенсе смежно-подвижное ударение, непереходные глаголы (и глаголы речи, хотя бы

и переходные) — флексионное ударение. Примеры: 1) *бýдит, вáрит, горóдит, дéлит, лóвит, полóжит, полýчит, лéчит, замéнит, пóит, пýстит, посáдит, застрéлит, ýчит, почúнит; брóдит, хóдит; вéртит, дéржит, тéрпит*; 2) *бурлúт, угодúт, грустúт, норовúт, следúт, спешúт, шалúт; бранúт, вопúт, корúт; бежúт, дрожúт, лежúт, сидúт, стоúт, кричúт, молчúт, храпúт*. Показательны такие противопоставления, как *вáлит* 'опрокидывает' — *валúт* (дым, народ), *кóсит* (траву) — *косúт* (глазами). В исключительных случаях данное различие проявляется даже между простым глаголом и соответствующим возвратным: (*по*)*сáдит*, но *садúтся*, *полóжит*, но *ложúтся*, ср. еще *полýчит* и *случúтся;* однако нормой здесь все же является единое ударение внутри пары, например: *дéлится, лéчится, ýчится* как *дéлит, лéчит, ýчит*.

Отклонения от совокупности приведенных правил немногочисленны. Это главным образом сохраняющиеся по традиции старые ударения, в частности: а) *жéнится, слýжит, мóлит, прóсит* (по-видимому, сюда же *тéлится, очýтится, шýтит*); б) *простúт, растúт, родúт*. В ряде случаев литературное ударение еще отклоняется от этих правил (например, *включúт, сорúт, долбúт, накалúт* и др.), но в разговорной речи уже представлено новое ударение. С другой стороны, преобладающая тенденция к смежно-подвижному ударению иногда преодолевает барьеры, создаваемые приведенными правилами, например: *предъя́вит, я́вится* (книжные слова), *сóлит* (отыменный глагол), *лéнится, дрýжит*, разговорное *звóнит* (непереходные глаголы).

Разобранными в § 1.15—17 группами слов не ограничиваются случаи, когда акцентуация непроизводных слов фактически управляется несписочными правилами. Так, например, среди существительных на *-а, -я* схем ударения f' и d' (т. е. с В. ед. типа *рýку*) значительную часть составляют названия частей тела: *головá, бородá, ногá, рукá, щекá, спинá, косá*, сюда же *душá*. Показательно, что при выводе слова из указанной семантической группы оно переводится в более простую схему ударения — с колонным ударением в ед. числе, например: *городского головý, сорвиголовý*. Однако подобные группы сравнительно малочисленны, и, соответственно, выигрыш от несписочного описания здесь не столь ощутим.

УДАРЕНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 1.18. У производных слов, в отличие от непроизводных, схема ударения и место ударения внутри основы в принципе выводятся по определенным правилам из морфологического состава слова (в части случаев также из его значения и некоторых других характеристик). Лишь в меньшинстве случаев фактические акцентные характеристики

производного слова не соответствуют этим правилам и должны быть указаны в списочном порядке.

Важнейшая черта, отличающая в русском языке акцентуацию производных слов (кроме приставочных глаголов[8]) от акцентуации непроизводных, — почти полное отсутствие у них подвижного акцентного типа (ср. Курилович 1946, с. 438). Для производных слов нормальными являются (на уровне субпарадигм) лишь две схемы ударения: *a* и *b*; все прочие носят характер исключений. Если для производного слова (кроме приставочных глаголов) установлено, что оно относится к нетривиальному акцентному типу, это в принципе означает, что оно относится к схеме ударения *b* (т. е. у существительных *b*, у прилагательных *b*/*b*, у глаголов *b*/*a*, см. § 1.9).

Исключения составляют следующие группы производных слов (списки даны в рамках литературной нормы)[9].

Существительные:

1) *о́труб*, *при́став*, *о́круг*, *по́езд*, *про́вод*, *по́дрез*, *про́пуск* (документ), *о́тпуск*, *про́бел* (в иконописи), *про́мысел*, *о́ткуп*, *до́говор*, *во́зраст*, также *поста́в* — схема *c* (см. также в § 1.28 [A II, замеч. 1] список опростившихся слов, однотипных с приведенными здесь);

2) *дире́ктор*, *инспе́ктор*, *инстру́ктор*, *конду́ктор*, *корре́ктор*, *проже́ктор*, *профе́ссор*, *реда́ктор*, *учи́тель*, также *пе́карь*, *то́карь*, *пи́сарь* — схема *c*;

3) *глазо́к*, *зубо́к*, *рожо́к*, *сапожо́к* (уменьшительные) — схема *d*;

4) *мы́ло*, *де́ревце*, *о́блачко* — схема *c*;

5) *меньшинство́*, *ушко́*, *скребло́*, *тесло́*, *бельмо́*, *письмо́*, *озерцо́*, *жнивьё* — схема *d*;

6) существительные с суффиксами *-от-а́*, *-ин-а́*, *-изн-а́* (например, *высота́*, *старшина́*), а также *судьба́*, *резьба́*, *стрельба́* — схема *d*;

7) *при́стань*, *по́дать*, *че́тверть*, *про́пасть*, *по́весть*, *но́вость*, *пло́скость*, *по́лость*, *ве́домость*, *до́лжность*, *кре́пость*, *ско́рость*, *ме́лочь*, *сво́лочь* — схема *e*;

8) *о́труби*, *по́мочи*, *по́хороны* — схема *e*.

Прилагательные:

1) прилагательные с односложной основой, содержащей суффикс *-н-*, *-к-* или *-л-*, получившие в кратких формах нетривиальное ударение в силу § 1.16 (например, *ве́рный*, *зво́нкий*, *сме́лый*);

2) *жесто́кий* — схема *a*/*a′*, *вели́кий* 'большой', *горя́чий*, *тяжёлый*, *мудрёный* — *a*/*b*, *вели́кий* 'выдающийся', *уда́лый* — *a*/*c*, *коро́ткий*, *голо́дный*, *холо́дный*, *солёный* — *a*/*c′*, *далёкий*, *глубо́кий*, *широ́кий*, *высо́кий* — *a*/*c″*.

3) причастия на *-ённый* (и отпричастные прилагательные типа *влюблённый*, см. РИС, с. 239), также *да́нный*, *сда́нный*, *пересда́нный* — схема *a*/*b*; причастия (но не с приставкой *вы́-*) на *житый*, *литый*, *нятый*, *чатый*, также *зва́нный*, *ви́тый*, *пи́тый*, *за́пертый*, *о́тпертый*, *взя́тый*, *про́клятый* — схема *a*/*c*; причастия (но не с *вы́-*) на *данный*, *витый*, *питый* (кроме указанных выше) — схема *a*/*a′*.

Глаголы: отыменные *бели́ть*, *беси́ть*, *винти́ть*, *глуши́ть*, *дружи́ть*, *жени́ть*, *коси́ть* (траву), *крести́ть*, *кроши́ть*, *кружи́ть*, *облокоти́ться*, *луди́ть*, *пили́ть*, *служи́ть*, *соли́ть*, *сторони́ться*, *строчи́ть*, *суши́ть*, *тели́ться*, *тупи́ть*, *уди́ть*, *цени́ть*, *черти́ть* и соответствующие приставочные (правда, не все, см. Грамм.) — схема *c*/*a* (у части глаголов наряду с *b*/*a*). Заметим, что у многих

---

[8] Точнее говоря, кроме глаголов, производность которых состоит только в наличии у них приставки.

[9] Производный характер некоторых из приводимых слов неочевиден (т. е. они могут, вообще говоря, расцениваться и как опростившиеся). У некоторых слов нетривиальное ударение представлено лишь как акцентный вариант или лишь при определенном значении; эти детали см. в Грамм. и РИС.

слов этого списка словообразовательные связи уже в той или иной мере затемнены (ср. заведомо опростившиеся *поручи́ть*, *сели́ть*, *серди́ться*, *застрели́ть*). Имеется, кроме того, ряд глаголов схемы *c/a*, для которых направление словообразовательной связи между именем и глаголом устанавливается, с синхронической точки зрения, недостаточно определенно: *грузи́ть*, *дари́ть*, *корми́ть*, *лени́ться*, *мути́ть*, *плати́ть*, *свети́ть*, *суди́ть*, *труди́ться*, *тужи́ть*, *хвали́ть*.

Помимо всех перечисленных групп, подвижное ударение имеют также слова, полученные из приведенных здесь неплотным присоединением каких-либо морфем, например, *электропо́езд*.

Что касается присоединения приставок к глаголам, то этот тип словообразования не создает ограничений на подвижность ударения. В нормальном случае приставочный глагол просто сохраняет акцентные свойства бесприставочного (если не считать страдательного причастия прош. времени, где иногда только приставка дает возможность ударению отступить влево, ср. *гну́тый* — *со́гнутый*). Особые случаи, когда это не так, должны рассматриваться в списочном порядке вместе с вопросом об ударении непроизводных слов. Соответственно, в настоящем разделе приставочное словообразование глаголов не рассматривается.

Приведенные списки позволяют нам свести дальнейший разбор акцентуации производных слов к вопросу о выборе между тривиальным и нетривиальным акцентными типами и о месте ударения внутри основы при тривиальном типе. Для производных слов эти два признака целесообразно объединить в понятии акцентуации основы: для слов тривиального акцентного типа речь идет о месте ударения внутри основы (у таких слов оно постоянно); у производных слов нетривиального акцентного типа ударение нормально находится на окончаниях, т. е. основа безударна, если только за ней не следует неслоговое окончание (отклонения от этого принципа имеются только у слов, входящих в приведенные выше списки).

§ 1.19. Для дальнейшего разбора необходимо условиться о терминах, связанных со словообразованием. Простейший случай суффиксального словообразования выглядит так. Имеется слово *A* (скажем, *доро́га*) с основой *a* (*доро́г-*). От основы *a* с помощью суффикса *s* (скажем, *-н-*) получена основа *b* (*доро́жн-*) слова *B* (*доро́жный*). При соединении *a* и *s* возможны какие-то морфонологические эффекты (в частности, чередования, как *г/ж* во взятом примере), несколько изменяющие фонемный состав *a* и/или *s*; таким образом, *b* не всегда в точности равно *as*.

Мы будем говорить в этом случае, что *A* — исходное, или производящее, слово, *B* — производное слово, *a* — производящая основа, *b* — производная основа. Кроме того, нам потребуется термин «базовый компонент» для обозначения той части (*a′*) производной основы *b*, которая остается после вычета суффикса *s* (в данном случае *дорож-*) (ср. Устинова 1974, с. 245, Поливанова 1976, с. 10). Понятно, что базовый компонент в большинстве случаев просто совпадает с производящей основой. Однако иметь здесь особый термин все же целесообразно — не только потому, что сочетание «производящая

основа данной производной основы» слишком тяжеловесно и что *a'* не всегда равно *a*, но главным образом потому, что понятие базового компонента полезно и в тех случаях, когда самостоятельного слова *A* вообще не существует (такой базовый компонент называется ниже остаточным, или связанным; ср., например, *сморо́д-ин-а*, *мал-и́н-а*, *бессерде́ч-н-ый*, *быстрохо́д-н-ый*).

Помимо понятия основы словоформы, необходимо также понятие основы слова и основы субпарадигмы (некоторого слова). Если во всех словоформах слова (или субпарадигмы) основа одинакова, она же и является основой слова (субпарадигмы). Если различие сводится только к наличию или отсутствию беглой гласной (например, *оста́ток—оста́тка*, *сестра́—сестёр*, *ве́рный—ве́рен*), то основой слова (субпарадигмы) считается вариант без беглой гласной (например, *остатк-*, *сестр-*, *верн-*). В прочих случаях признается наличие у слова (субпарадигмы) более чем одной основы. Внутри субпарадигмы после принятия соглашений, указанных в § 1.7, таких случаев практически не бывает. Внутри парадигмы в целом такая ситуация характерна только для глаголов, а именно, у глаголов систематически различаются основа инфинитива (которая у всех глаголов, кроме *C*-корневых, оканчивается на гласную) и основа презенса (которая всегда оканчивается на согласную).

В состав глагольной основы в большинстве случаев входит так наз. тематический (или основообразующий) элемент, см. § 0.3. С морфологической точки зрения, тематический элемент отличается от обычного (полноценного) суффикса тем, что не имеет отчетливого и постоянного самостоятельного значения (если не считать таковым общее значение глагольности [«процессуальности»], которое тем самым оказывается одинаковым у всех тематических элементов). Важная для нашего разбора проблема состоит в том, что один и тот же внешне аффикс, например, *-a(j)-*, может в одних глаголах (например, *копа́ть*, *што́пать*) играть роль основообразующего элемента, а в других (например, *разруба́ть*, *реша́ть*) — роль полноценного суффикса. Этим двум функциям могут соответствовать разные акцентные свойства; так, тематический элемент *-a(j)-* может быть как ударным, так и безударным (ср. примеры выше), тогда как суффикс вторичных имперфективов *-a(j)-* обязательно несет ударение. Поскольку, однако, описание во многих отношениях усложнится, если считать, в частности, что одни глаголы на *-ать*, *-аю* (*копа́ть*, *што́пать*) имеют тематический элемент, а другие (*разруба́ть*, *реша́ть*) нет, мы будем в дальнейшем исходить из того, что в глаголах типа *разруба́ть* аффикс *-a(j)-* выполняет одновременно две функции: полноценного суффикса и тематического элемента; разумеется, то же верно для *-e(j)-*, *-и-*, *-ну-/-н-* и т. д. (подробнее см. Лопатин, с. 63—74).

При отглагольном словообразовании тематический элемент в одних случаях сохраняется (*ре́за-ние*, *ре́за-тельный*, *ре́за-лка*), в других отбрасывается (*рез-но́й*, *резь-ба́*, *ре́з-ка*, *отре́з-ок*). Соответственно, можно говорить о полной и усеченной глагольной основе.

Из сферы морфонологии нам потребуется разделение морфем на: 1) полновокальные, т. е. содержащие хотя бы одну небеглую гласную; 2) неполновокальные, т. е. не содержащие гласных вообще («безгласные») или содержащие только беглую гласную[10]. Морфемы с беглой гласной имеют не менее двух разных морфов: один с гласной (например, *гон-ец*, *яр-ок*) и один «безгласный» (*гон-ц-а*, *яр-к-ий*).

Как известно из русской морфонологии, глагольные корни (или основы), оканчивающиеся на гласные, могут при словообразовании получать дополнительный элемент *в*, *j*, *л*, *т* или *н*[11], функция которого состоит лишь в том, что он дает корню возможность участвовать в сочетаниях, где требуется морф, оканчивающийся на согласную. Ср. *про-ход* и *про-ли-в*, *при-твор-ств-о* и *у-би-й-ств-о*, *греб-ец* и *жи-л-ец*, *о-грыз-ок* и *о-ста-т-ок*, *объ-ед-к-и* и *о-ста-н-к-и*. Мы будем называть такое *в*, *j*, *л*, *т* или *н* консонизатором корня (основы); уточнение «корня (основы)» может быть опущено. С акцентологической точки зрения основная особенность консонизаторов состоит в том, что в отличие от суффиксов они не имеют самостоятельной акцентной характеристики, т. е. морф с консонизатором (например, *лив-*, *бий-*, *жил-*, *стат-*, *стан-*) обладает ровно теми же акцентными свойствами, что и без консонизатора (*ли-*, *би-*, *жи-*, *ста-*).

§ 1.20. Существующие описания акцентуации производных в русском языке, как правило, построены в виде акцентологических сведений о каждом из выделяемых в морфологическом описании суффиксов (аналогично и для несуффиксальных способов словообразования). В частности, в Академических грамматиках (АГ-52, АГ-70, АГ-80) такие сведения даются по отдельности при каждом алломорфе каждого суффикса в каждом из обслуживаемых им словообразовательных значений. Такое описание полезно для получения справки об отдельном суффиксе, но общие закономерности словообразовательной акцентуации из него не видны или видны очень неполно.

Оказывается, что для выявления этих закономерностей необходимо прежде всего отказаться от постулата (на который в неявной форме опираются существующие описания) о том, что все акцентные правила должны применяться именно к тому членению словоформ и к тому представлению деривационной истории слов, которые оптимальны для морфологического описания. В действительности же в этих вопросах потребности акцентологического и морфологического описания могут в некоторых частностях расходиться.

---

[10] Беглой считается гласная, которая чередуется с нулем при вхождении данной морфемы в разные окружения. Отметим специально, что частным случаем беглой гласной является *е* в суффиксальных морфах *-еск-*, *-еств-о* (например, *княжеский*, *княжество*), ср. отсутствие этого *е*, например, в *зверский*, *зверство*, где суффикс стоит в ином окружении (не после шипящей).

[11] Не смешивать с морфемами *-в-*, *-j-*, *-л-*, *-т-*, *-н-*, выступающими в образовании глагольных времен и причастий.

Прежде всего, в акцентологическом описании обычно оказывается ненужной та степень «раздробления» внешне единого суффикса по словообразовательным значениям, которая естественна для морфологического описания. Подавляющее большинство суффиксов (в том числе такие многозначные, как, например, *-ок*, *-иц-а*) обладает постоянными акцентными свойствами, не зависящими от того, в каком словообразовательном значении используется суффикс.

Далее, большинство составных (многоморфных) суффиксов с акцентологической точки зрения не являются самостоятельными единицами, а функционируют как свободная последовательность простых суффиксов, в которой каждый член последовательности проявляет свои обычные акцентные свойства. Например, в акцентологическом описании не должны фигурировать суффиксы *-итель*, *-ительн-*, *-ил-а*, *-ил-о*, *-илк-а*, *-ильн-*, *ильн-я*, *-ильщик*, выделяемые в морфологическом описании. Все они должны рассматриваться здесь как последовательности морфов, начинающиеся с морфа *-и-*, акцентными свойствами которого (см. ниже) и определяется ударение всех производных этой группы. Возможны и другие, более сложные расхождения между морфологическим и акцентологическим анализом производных; см., в частности, § 1.32 о способах представления деривационной истории производных типа *безлоша́дный*, *обесса́харить*, *разноязы́чный* в акцентологии и в морфологии.

В настоящей главе морфологическое членение словоформ, отождествление морфов и представление деривационной истории производных проводятся с теми коррективами (оговариваемыми по ходу изложения), которых требует собственно акцентологическое описание. Понятно, что согласование полученных при этом результатов с данными обычного морфологического описания потребует некоторой дополнительной процедуры (впрочем, довольно несложной). Но этот небольшой технический проигрыш безусловно перевешивается очевидным выигрышем в понимании акцентологических механизмов как таковых.

В частности, с акцентологической точки зрения целесообразны следующие соглашения. Если в состав отглагольного производного входит оканчивающаяся на гласную инфинитивная основа исходного глагола, то такое производное в нормальном случае считается образованным от данной основы как от единого целого. Если при этом в составе производного за такой основой следует *в*, *j*, *л*, *н* или *т* (кроме *т*, входящего в суффикс *-тель*), то это *в*, *j*, *л*, *н* или *т* трактуется как консонизатор и, соответственно, входит в базовый компонент (а не в состав суффикса). Примеры (базовый компонент отделен): *ли́в-ень*, *уби́й-ца*, *жиль-jо́*, *жил-и́ще*, *оста́н-ки*, *зна́н-ие*, *выть-jо́*, *поня́т-ливый*, *зада́т-ок*; *уме́л-ец*, *се́ял-ка*, *пла́каль-щик*, *оборва́н-ец*, *посла́н-ец*, *рвань-jо́*, *владе́н-ие*, *собира́н-ие*, *собира́-тель*; слова *прили́в*, *помо́j-и* и т. п. попадают в категорию бессуфиксальных производных.

Данный принцип не распространяется, однако: 1) на образование неличных форм исходного глагола, а также отпричастных прилага-

тельных (*чёсаный*, *валяный* и т. п.)[12]; 2) на случаи, когда основа производного равна основе глагола + *л*, например, *усталый*, *былой*, *пожилой*, *покрывало*, *мерило*, *обирала* (*-л-* считается здесь суффиксом, а не консонизатором).

Особенность *i*-глаголов: здесь производное, сохраняющее *-и-* (например, *гладильщик*, *правитель*, *верительный*), считается образованным не прямо от основы инфинитива, а с заменой в ней тематического *-и-* на омонимичный ему особый словообразовательный морф *-и-*, имеющий другую акцентную характеристику (а именно, требующий постановки ударения на самом этом морфе, подробнее см. § 1. 41). В остальном соблюдаются изложенные выше правила; в частности, *л* в *гладильщик*, *морозилка* и т. п. трактуется как консонизатор.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМ

Система маркировок

§ **1.21.** Как уже указано в § 0.2, в настоящей работе акцентологическая классификация морфем проводится с использованием техники маркировок.

Маркировка отдельной морфемы складывается из нескольких самостоятельных акцентных характеристик. При этом обязательно представлена одним из символов (↓, ←, →) только характеристика «позиция ударения». Все прочие характеристики строятся по принципу: «есть ли у морфемы такая-то особенность?». Если да, то в маркировку включается соответствующий символ (буквенный), если нет, то это никак не отмечается.

Наиболее важными являются две характеристики: «позиция ударения» и «доминантность—недоминантность». Они вместе образуют о с н о в н у ю м а р к и р о в к у морфемы. У подавляющего большинства морфем маркировка этим и ограничивается. Лишь у совсем немногих морфем (а именно, у некоторых суффиксов) помимо основной маркировки имеется еще и дополнительная.

Ниже перечислены все символы, используемые в маркировках. Приводимые при этом пояснения носят нестрогий, содержательный характер. Формальный смысл каждого символа состоит в способе его использования в правилах, которые даются в последующих параграфах.

1. Акцентная характеристика «позиция ударения» (более точно: «позиция ударения в случае, если ударение привязано к данной морфеме»; о выражении «привязано» см. § 1.22). Символы:

[12] Такое же членение, как для причастий, необходимо принять и для слов, которые с синхронической (не с исторической) точки зрения произведены от причастий или от отпричастных прилагательных, например, *катанки*, *чёсанки*, *валенки* (=**валянки*); ср. сохранение такими словами ударения соответствующих причастий. Поскольку отличить такие производные от *оборванец*, *посланец* и т. п., не обращаясь заранее к их ударению, затруднительно, с формальной точки зрения для разграничения здесь необходимы списки.

↓ («самоударность») — ударение падает на саму данную морфему; ← («левоударность») — ударение падает левее данной морфемы; → («правоударность») — ударение падает правее данной морфемы.

2. Акцентная характеристика «доминантность—недоминантность» (т. е. наличие или отсутствие регулируемого определенными правилами преимущества в «конкуренции» морфем за ударение). Символ доминантности: D.

3. Символы, используемые в дополнительной части маркировки, таковы (они возможны только у суффиксов):

Init — «начальное ударение»;

Monosyll — «ударение требует поправки при *односложности* базового компонента»;

Polysyll — «ударение требует поправки при неодносложности базового компонента»;

Marg — «суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности в производящем слове»;

Triv — «маргинально-подвижное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»;

Deox — «флексионное ударение производящего слова трактуется как тривиальное».

Выписанные здесь ярлыки, разумеется, не раскрывают точного смысла перечисленных символов (этому повящен § 1.34).

Отметим, что разделение суффиксов на 6 групп по их основной маркировке (←, ↓, →, ←D, ↓D, →D) в целом соответствует разделению на группы I 1, I 2, I 3, II 1, II 2, II 3, принятому в работе: Редькин.

Для упрощения ряда последующих формулировок маркировка считается приписанной к определенной фонеме внутри морфемы (морфа). Маркировка с ↓ приписывается к некоторой небеглой гласной в составе морфемы (а именно, к той, которая фактически несет ударение в словоформах, где оно привязано [§ 1.22] к данной морфеме); например, маркировка приписана к гласной первого слога в морфеме *ягод-*, второго — в *мороз-*. Маркировки с → и ← (а также с ↓ у неполновокальных морфем) приписываются к последней фонеме в составе морфемы.

Допустимо также говорить о маркировке морфа (а не только морфемы в целом). В принципе все морфы одной морфемы имеют единую маркировку; но в некоторых исключительных случаях этот принцип может нарушаться.

В настоящей работе в описании современной русской акцентуации (в отличие от раннедревнерусской) маркировки используется только для морфем, входящих в состав основы (корней, приставок, суффиксов), но не для окончаний. Информация об акцентных свойствах окончаний дана в другой форме — в виде описания схем ударения в парадигмах словоизменения (§ 1.8—9). Иначе говоря, предлагаемая здесь система маркировок предназначена для акцентологического опи-

сания словообразования, а не словоизменения (точнее, этой системой не может быть полностью отражено словоизменение непроизводных слов). Такое решение обусловлено тем, что в современном языке, в отличие от древнерусского, для словообразования и для словоизменения актуальны разные разбиения корневых морфем на акцентные классы. В самом деле, в современном русском языке при одном и том же наборе окончаний могут противопоставляться до семи разных схем ударения, например: *ве́ра* — схема *a*, *черта́* — *b*, *беда́* — *d*, *губа́* — *f*, *спина́* — *d′*, *нога́* — *f′* (ср. еще единичное *до́ля* — схема *e*). Чтобы отобразить эти различия с помощью маркировок, нужно в идеале ввести семь различных маркировок корня. Если допустить некоторое количество индивидуальных исключений, инвентарь маркировок можно сократить; однако попытка обойтись менее чем четырьмя маркировками уже приводит к непомерно длинным спискам исключений или к иным модификациям техники маркировок, которые в сущности компрометируют саму эту технику[13]. Между тем для современного русского словообразования в подавляющем большинстве случаев актуально противопоставление всего двух акцентных классов корней: ↓ и → (соответствующих тривиальному и нетривиальному типам в словоизменении). Лишь в немногих случаях в качестве реликта более ранней системы обнаруживается особый акцентный эффект при словообразовании у корней, соответствующих маргинально-подвижному типу.

Базисное правило

§ **1.22.** Если выписать последовательно маркировки всех морфов, входящих в некоторую основу, мы получим цепь маркировок этой основы. Точно так же можно построить цепь маркировок для той или иной части основы, скажем, для ее базового компонента[14].

Имеется следующее, так наз. базисное правило о связи ударения с цепью маркировок произвольной основы.

А. 1. Ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей D; но если таковой окажется маркировка →D, стоящая не последней в цепи, то ударение привязывается к следующей маркировке.

2. Если маркировок с D нет, ударение привязано к самой левой маркировке, содержащей ↓ или ←.

3. Если маркировок с ↓ или ← нет, ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей →.

Б. Формула «ударение привязано к некоторой маркировке» означает:

---

[13] Именно в такое положение попадает П. Гард (Гард 1978, с. 369—376), который постулирует для корней всего три маркировки, но, чтобы справиться, например, с различием между *черта́м* и *бе́дам*, вынужден приписать окончанию *-ам* (и другим подобным) неустойчивую маркировку (без строгих правил, регламентирующих эту неустойчивость).

[14] Однако для целой словоформы этого сделать нельзя, поскольку, как отмечено выше, в нашем описании окончания не получают маркировок.

если маркировка содержит ↓, то ударение падает на саму соответствующую гласную [15];

если ←, то ударение падает на ближайшую гласную слева [16];

если →, то ударение падает на ближайшую гласную справа; если таковой в пределах основы уже нет, основа безударна (точнее: слово относится к нетривиальному акцентному типу, см. § 1.18).

Примеры действия базисного правила (морфема, к которой привязано ударение, подчеркнута):

банд-ит-изм- — *бандитúзм-*
↓ ↓D ↓D

черт-ёж-ик- — *чертёжик-*
→ →D ←

горош-ин-к-(а) — *горóшинк-(а)*
↓ ↓ ←

слеп-ыш- — *слепыш-* (безударная основа, ср. *слепышá*, *-ý* и т. д.).
→ →

Необходимо сразу же подчеркнуть, однако, что фактическое ударение значительного количества основ не соответствует базисному правилу; оно определяется серией более частных правил, представляющих собой различного рода поправки к базисному правилу. В частности, как легко видеть, в базисном правиле вообще не фигурируют элементы дополнительной части маркировок; это значит, что акцентный эффект, который порождают эти элементы, всегда носит характер поправки к базисному правилу. Таким образом, базисное правило отражает закономерности русской словообразовательной акцентуации в сильно идеализированном виде. В ряде случаев оно используется как эталон, сравнение с которым позволяет выявить и точно охарактеризовать некоторое акцентное отклонение.

Перемаркировка

§ 1.23. Когда две или более морфемы соединяются в процессе образования производной основы (или какой-то ее части), с акцентной точки зрения имеется две возможности: акцентуация полученной основы либо соответствует базисному правилу, либо не соответствует. В первом случае мы будем говорить о «простом акцентном суммировании» морфем, во втором — об отклонении от такового.

Часть таких отклонений описывается ниже через прямое указание того, как отличается фактическое ударение от ожидаемого по базисному правилу. Но в некоторых случаях наиболее целесообразной оказывается несколько иная техника — описание через так наз. п е р е м а р к и р о в к у; иначе говоря, акцентное отклонение представ-

---

[15] Если же такая маркировка приписана к согласной, ударение падает на ближайшую гласную слева.

[16] Если влево гласных больше нет, ударение падает на начальный слог основы.

ляется как результат замены первоначальной цепи маркировок на некоторую другую (которая уже дает по базисному правилу действительную акцентуацию основы).

Соответственно, необходимо различать первоначальную (или исходную) маркировку некоторой морфемы и ее реальную маркировку в составе определенной словоформы (которая из-за перемаркировок иногда не совпадает с первоначальной).

Заметим, что у корней и приставок вся первоначальная маркировка состоит только из символа $\downarrow$ или $\rightarrow$; любая более сложная первоначальная маркировка (равно как символ $\leftarrow$) возможна только для суффиксов. Но в результате перемаркировок корень может получить также символ D.

При перемаркировке может происходить также «акцентное склеивание» морфов (т. е. своего рода «акцентное опрощение»), когда два соседних морфа объединяются в единый элемент, имеющий уже не две раздельные маркировки, а одну общую.

МОРФЕМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

§ 1.24. В современном русском языке некоторые последовательности морфем обладают особыми акцентными свойствами, не вытекающими (в общем случае) из свойств составляющих их морфем; мы называем их ниже морфемными комплексами. Как будет видно из дальнейшего, значение морфемных комплексов для русской акцентологии очень велико (в существующих описаниях оно сильно недооценено).

Приставочно-корневые комплексы

Из всех типов морфемных комплексов наибольшее значение для русской акцентологии имеют приставочно-корневые комплексы, т. е. морфемные последовательности вида «приставка (или несколько приставок) + корень» (причем только такие, в которых все морфемы плотно присоединены друг к другу, см. § 1.4). Примеры: *при-хо́д*, *при-ход-(и́ть)*, *у-гро́з-(а)*, *раз-бо́р-(чивый)*, *за-на-ве́с-(ка)*, *не-от-вя́з-(ный)*, *бес-сты́д-(ство)*, *без-де́л-(ье)*, *без-но́г-(ий)*; однако, скажем, *неживо́й* не содержит приставочно-корневого комплекса, так как *не* здесь неплотно присоединено к корню; по той же причине в слове *непроходно́й* представлен лишь комплекс *про-ход*, но не *не-про-ход*.

Корень, имеющий при себе консонизатор (§ 1.19), входит в состав приставочно-корневого комплекса вместе со своим консонизатором; примеры: *про-лив*, *о-стат-(ок)*.

Различаются простые приставочно-корневые комплексы (где приставка одна) и сложные (где приставок две или больше).

Приставочно-корневые комплексы представлены в русском языке в основном в следующих категориях слов: 1) глаголы, например, *приходи́ть*, *победи́ть*, *разбира́ть*, *украша́ть*, *проле́зть*; 2) бессуф-

фиксальные имена, например, отглагольные *прихóд*, *побéда*, *разбóр*, *пролáза*, *покáтый*, неотглагольные *пóдпол*, *безнóгий*; 3) суффиксальные имена, производные от слов групп 1 и 2, например, *прихóдский*, *победи́тель*, *разбóрчивый*, *подпóлье*, *пролáзничество*.

Между группами 1 и 2 обнаруживаются существенные различия в акцентуации приставочно-корневых комплексов, а в части случаев также и в выборе корневых морфов. Для группы 1 наиболее характерно ударение правее приставочно-корневого комплекса, ср. примеры выше (реже встречается иное ударение — обычно корневое, ср. *пролéзть*, *пролéзет*, *прихóдит*, *укрáсить* и т. п.). Напротив, в группе 2 господствует корневое ударение, ср. примеры выше (и лишь в незначительном меньшинстве случаев находим иное ударение — обычно префиксальное, ср. *вы́ход*, *пóдпол*, *óтпуск*, *прóволока* и т. п.).

Различия в выборе корневого морфа между группами 1 и 2 возможны лишь для немногих (но очень употребительных) корней. Единых для всех этих корней правил выбора морфов нет; для наших целей достаточно привести ряд характерных примеров: *зарек-áться* — *зарóк*; *задр-áть*, *задер-у́*, *задир-áть* —*задóр*, *зади́р-а*; *подня́-ть*, *подним-áть* (*подым-áть*) — *подъём*; *привез-ти́*, *привоз-и́ть* — *привóз*; *отби́-ть*, *отобь-ю́*, *отбив-áть* — *отбóй*, *отби́в*. Как видно из приведенных примеров, даже и у этой группы корней нет полного разграничения между «глагольными» и «именными» алломорфами: так, неоднозначны в этом отношении, например, алломорфы *-дир-*, *-воз-*, *-бив-* (с консонизатором *в*).

Что касается группы 3, т. е. суффиксальных производных, то здесь прежде всего встает вопрос о том, от имени или от глагола произведено соответствующее слово, например, *разбóрчивый* (ср. *разбóр* и *разбирáть*), *входнóй* (ср. *вход* и *входи́ть*), *привязнóй* (ср. *при́вязь* и *привязáть*) и т. п.

В этой проблеме необходимо различать два аспекта: 1) семантический; 2) морфонологический (т. е. связанный с выбором морфов и акцентуацией); ср. Земская, с. 69 и далее.

Семантическая производность выражается в сохранении у производного (с модификацией, привносимой суффиксом) всех или хотя бы некоторых значений производящего. При установлении семантической производности особенно показательным является «наследование» производным словом специфических (не вытекающих с необходимостью из его морфемного состава) значений производящего. Например, слово *похóдный* явно семантически производно от *похóд* «особый вид военного или туристического передвижения», а не от глагола *походи́ть* (не имеющего этого специфического значения); *зали́вный* семантически производно от *зали́в* «определенная часть моря», а *заливнóй* — от *заливáть*.

Следует учитывать, однако, что существуют все же случаи, где не удается однозначно установить семантическую производность, поскольку семантические связи производного с глаголом и с от-

глагольным именем примерно одинаковы; примеры: *входнóй* (*входи́ть* и *вход*), *объéздчик* (*объезжáть* и *объéзд*) и т. п.

Морфонологическая производность выражается в том, что производное либо просто сохраняет основу производящего слова и ее акцентуацию, либо трансформирует их по некоторым стандартным правилам. Например, *разбóрчивый* морфонологически производно от *разбóр* (а не от *разбирáть* или *разобрáть*); напротив, *разбирáтельство* морфонологически производно от *разбирáть* (а не от *разбóр*).

Может оказаться, однако, что некоторое слово по своим морфонологическим свойствам (акцентуация, выбор морфов) должно быть признано, скажем, отыменным производным, а соответствующее исходное имя в языке отсутствует. Например, слово *вы́боина*, судя по морфу *-боj-* (ср. *отбóй*, *прибóй* и т. п.), должно квалифицироваться как морфонологически производное от **вы́бой* (а не от *вы́бить*; *выбивáть*); между тем слова **вы́бой* нет. В связи с этим имеет смысл говорить просто о морфонологически глагольных и морфонологически именных приставочно-корневых комплексах в составе производных слов — в соответствии с их акцентуацией и выбором морфов и вне зависимости от того, существует ли соответствующее исходное слово реально.

Нормальным для русского языка является такое положение, при котором слова, семантически производные от глаголов, содержат морфонологически глагольный приставочно-корневой комплекс, а от имен — морфонологически именной. Однако в некоторых случаях это соответствие все же оказывается нарушенным. Так, в парах *догадáться*—*догáдливый*, *въедáться*—*въéдливый*, *удушáть*—*уду́шливый*, *запасáть*—*запáсливый* семантические отношения практически такие же, как, например, в парах *бодáть*—*бодли́вый*, *болтáть*—*болтли́вый*, *хвáстать*—*хвастли́вый*, *говори́ть*—*говорли́вый*. Во всех этих случаях прилагательное семантически производно от глагола (заметим, что соответствующих существительных — **догáд*, **въед*, **бод* и т. п. — для большинства примеров здесь просто нет). Между тем в группе *догáдливый*, *въéдливый*, *уду́шливый*, *запáсливый* приставочно-корневой комплекс, судя по ударению, — морфонологически именной, а не глагольный. (Объяснить здесь корневое ударение просто тем, что суффикс *-лив-* требует ударения слева от себя, нельзя из-за акцентовки слов *бодли́вый*, *болтли́вый* и т. д.). Ср. сходную ситуацию у производных на *-чив-* (*бранчи́вый*, но *измéнчивый*, *усту́пчивый* и т. п.), *-ист-* (*некази́стый*, но *зали́вистый*, *преры́вистый* и т. п.) и ряда других. Таким образом, необходимо признать, что некоторые суффиксы отглагольного (с семантической точки зрения) словообразования требуют замены морфонологически глагольного приставочно-корневого комплекса морфонологически именным.

§ 1.25. Изложенные факты дают основания для следующего общего решения вопроса о приставочно-корневых комплексах.

Всякий приставочно-корневой комплекс, входящий в состав основы определенной словоформы, является либо морфонологически глагольным,

либо морфонологически именным. В общем случае это различие проявляется в ударении и/или в выборе морфов, но в частных случаях оно может и никак внешне не проявляться. В дальнейшем для упрощения терминологии мы будем говорить просто о глагольных и именных приставочно-корневых комплексах (считая, что уточнение «морфонологически» подразумевается).

По своей способности непосредственно присоединяться к глагольным приставочно-корневым комплексам суффиксы делятся на две группы: так наз. первичные способны к этому, так наз. вторичные — неспособны. Первичные суффиксы фактически всегда универсальны, т. е. могут присоединяться к любому приставочно-корневому комплексу — как глагольному, так и именному. Из вторичных суффиксов большинство способно присоединяться к именному комплексу, но некоторые (например, *-ач*) вообще неспособны присоединяться ни к какому приставочно-корневому комплексу.

Если в процессе словообразования предстоит присоединить вторичный суффикс (например, *-чив-*) к приставочно-корневому комплексу, входящему в основу некоторого глагола (например, *сговори́ться*, *разбира́ть*), этот комплекс должен быть предварительно превращен в именной. Практически это обычно означает определенные изменения в акцентуации и иногда в выборе морфов; так, в данном случае получаем *сгово́рчивый*, *разбо́рчивый* (а не **сговорчи́вый*, **разбирчи́вый*).

Для дальнейшего необходимо уметь решать следующую практическую задачу: установить, является ли приставочно-корневой комплекс в составе некоторой словоформы глагольным или именным, не обращаясь при этом к сведениям об акцентуации данной словоформы[17] (при том что разделение суффиксов на первичные и вторичные, напротив, предполагается уже известным). Правила здесь таковы.

Случай 1: приставочно-корневой комплекс завершает основу (в частности, равен основе) в словоформе любой части речи, кроме глагола. Такой комплекс — именной. Примеры: *прихо́д*, *не-прихо́д*, *побе́д-а*, *пе́ревяз-ь*, *за́навес*, *безно́г-ий*, *пока́т-ый*.

Случай 2: приставочно-корневой комплекс входит в основу глагольной словоформы (личной или неличной) и либо равен этой основе, либо отличается от нее только на тематический элемент[18]. Такой комплекс — глагольный (например, *проле́з-ть*, *приход-и́-ть*, *улет-а́-ющий*), за исключением тех немногочисленных случаев, когда глагол (на *-ить*, *-овать-* или *-ать*) является производным от имени, содержащего приставку (например, *прока́з-и-ть*, *расхо́д-ова-ть* от *прока́за* 'шалость', *расхо́д*; в этих случаях комплекс именной).

Случай 3: в составе основы за приставочно-корневым комплексом непосредственно следует словообразовательный суффикс.

---

[17] Указанное ограничение обусловлено тем, что ответ на поставленный вопрос сам должен служить одним из шагов в процедуре установления места ударения в произвольной словоформе.

[18] Аффиксы неличных форм, если они есть, не принимаются во внимание.

Если этот суффикс вторичный — комплекс именной. Примеры: *сговóр-чив-ый*, *придúр-чив-ый*, *изворóт-лив-ый*, *подéл-к-а*, *вы́дел-к-а*.

Если этот суффикс первичный, то комплекс именной, если слово семантически производно от имени (например, *нарóд-н-ый*, *поезд-н-óй*, *прóволоч-н-ый*, *прокáз-и-ть* — от *нарóд*, *пóезд*, *прóволока*, *прокáза* 'шалость') или от сочетания предлога с именем[19] (например, *безлошáд-н-ый*, *безнадзóр-н-ый*, *подрýч-н-ый*, *бесчéст-и-ть*), и глагольный, если слово семантически производно от глагола или семантически двусмысленно (т. е. связано одновременно с глаголом и с отглагольным именем), например, *залив-н-óй*, *выход-н-óй*, *привяз-н-óй*.

Кроме того, специально для суффикса *-н-*, с которым связано наибольшее число трудностей в решении данной проблемы, имеется ряд вспомогательных правил (см. § 1.60).

Другие типы комплексов

§ 1.26. Помимо приставочно-корневых, для акцентологии существенны также некоторые другие типы морфемных комплексов. Таковы прежде всего д в у к о р н е в ы е комплексы, т. е. морфемные последовательности вида «корень + соединительная гласная + корень» (причем такие, где все морфемы соединены между собой плотно), например, *землекóп*, *машúнопис-ь*, *светонóс-ный*. Возможны также и другие типы комплексов, получаемые усложнением основных типов за счет замены корней на целые основы или за счет увеличения числа корней. Таковы, в частности, приставочно-оснóвные комплексы, например, *безрáдост-ный*. С акцентологической точки зрения подавляющее большинство комплексов всех этих типов аналогично именным приставочно-корневым комплексам. К глагольному типу относятся только комплексы в *руководúть*, *путеводúтель*, *благословúть*, *благоволúть*, *благодарúть*, *животворúть*, *благотворúтельный*, *боготворúть*; они представляют собой архаизмы, ср. более новые образования типа *верховóдить*, *пустослóвить* (с обычным именным комплексом).

В дальнейшем под общим названием и м е н н ы х к о м п л е к с о в объединяются именные приставочно-корневые комплексы и все прочие морфемные комплексы, кроме перечисленных выше исключений.

«Опорное» -ов-

§ 1.27. Хотя именные комплексы практически никогда не передают ударения присоединяемым к ним полноценным суффиксам, они в некоторых случаях передают его «пустому» морфу *-ов-*. Примеры: *Поднепрóвье*, *безотцóвщина*, *поножóвщина* (ср. *Повóлжье*, *подёнщина* и т. п.). Мы будем называть такое *-ов-* «опорным». С акцентологической точки зрения опорное *-ов-* ведет себя как составная часть имен-

---

[19] Комплекс с *без-* — всегда именной, даже если его вторая часть не соответствует никакому реальному имени, например, *беспробýд-н-ый*, *безопáс-н-ый*.

ного комплекса (а не как внешний по отношению к нему морф); именно так оно и рассматривается ниже. С формальной стороны комплексы *по-днепрóв-*, *без-отцóв-*, *по-ножóв-* вполне аналогичны приставочно-оснóвным типа *без-рáдост-*, *пред-вершúн-*. Разница лишь в том, что замена основ *днепр-*, *отц-*, *нож-* на *днепрóв-*, *отцóв-*, *ножóв-* не связана здесь ни с каким изменением смысла; *днепров-*, *отцов-*, *ножов-* выступают просто как своего рода «удлиненные» (и более удобные для соединения с суффиксами) варианты основы слов *Днепр*, *отец*, *нож*. Эта замена, в частности, позволяет избежать сложных сочетаний согласных, которые должны были получиться в **Поднéпрье*, **безотéчщина*, **понóжщина*. В ряде случаев (например, *приднепрóвский*, *беспопóвский*, *безгрехóвный*) равно допустимы интерпретация через опорное *-ов-* и через неплотное присоединение морфемы слева. Относительно возможного совмещения функций опорного *-ов-* и суффикса *-ов-* см. § 1.62.

Теоретически возможно также безударное опорное *-ов-* (скажем, *приарáксовский*); практически, однако, подобные примеры (все они довольно искусственны) проще интерпретировать иначе (через суффикс типа *-овск-* или через неплотное присоединение).

Перемаркировка морфем в составе комплексов

§ **1.28.** Особые акцентные свойства, имеющиеся у части морфемных комплексов, на техническом уровне проще всего отобразить с помощью перемаркировок (§ 1.23), т. е. указать, каким изменениям подвергается первоначальная маркировка морфемы в том случае, когда морфема вступает в морфемный комплекс. Правила здесь таковы.

А. В именном комплексе (но не с приставками *вы-*, *па-*[20]) второй член взамен своей первоначальной маркировки получает новую, а именно ↓ D[21]. Например, в словах *заxóд*, *наxóдчивый*, *безлю́дный*, *скороxóд*, *лукомóрье* корни *ход-*, *люд-*, *мор-* получают маркировку ↓ D; особо отметим *прóрва*, *подóшва*, *бéздна* и т. п., где ↓ D появляется при безгласном морфе. Если в качестве второго члена выступает целая основа, а не просто корень, маркировку ↓ D получает та морфема, которая несет ударение в исходной форме слова с такой основой (если же основа в этой форме безударна или если такого слова вообще нет, то последняя морфема основы); при наличии опорного *-ов-* (§ 1.27) маркировку ↓ D получает это *-ов-*. Примеры: в словах *безрáдостный*, *предвершúнный*, *низкочастóтный*, *безотцóвщина* ↓ D появляется при морфемах *рад-*, *-ин-*, *-от-*, *-ов-*.

---

[20] Именные комплексы с приставками *вы-* и *па-* (которые имеют маркировку ↓) перемаркировке не подвергаются. Исключения: *вынóсливый*, *выбúтие* (где *вы-* ведет себя как обычная приставка); в слове *паску́да* приставка уже невыделима. Фактически не подчиняется данному правилу также приставка *пра-*, см. ниже, пункт I.

[21] Это практически означает, что все остальные маркировки внутри комплекса уже несущественны; ничто не изменится, если считать, что они просто сняты.

При замене маркировок место приписки маркировки внутри морфемы в нормальном случае не меняется. Соответственно, например, в словах *обмоло́т*, *безголо́вый*, *длинноборо́дый*, *безлоша́дный* маркировка ↓ D приписывается к последней фонеме морфем *молот-*, *голов-*, *бород-*, *лошад-* (поскольку эти морфемы ранее имели маркировку→, ср. *молоти́ть*, *голова́*, *борода́*, *лошаде́й*). Имеются, однако, следующие особые случаи. 1. Если второй член комплекса — это неодносложная[22] основа существительного маргинально-подвижного типа с наосновным ударением в исходной форме (кроме слов с полногласным сочетанием в корне, слов на *-мя* и *ве́чер*, *ко́зырь*, *но́готь*, *ло́коть*, *ле́ме́х*, *ло́шадь*, *сте́пень*, *зе́ркало*, *о́зеро*), то маркировка ↓ D ставится при гласной первого слога такой основы. Отсюда такие ударения, как, например, *белока́менный*, *безо́блачный*, *безъя́корный*, *бвспа́русный*, *двупо́лостный*, *двухло́пастный*, *обесщёлочить*. Сверх того, такую акцентовку имеют комплексы с *-времен-* (кроме *со-*, *по-*, *одно-*, *разно-време́нный*), например, *своевре́менный*, *безвре́менный*. Исключения: *подмасте́рье*, *Лосиноостро́вская*, *Белоцерко́вский*; колеблются *великово́зра́стный*, *каменноу́го́льный*. 2. Индивидуальные отклонения: комплексы с *-образ-* (кроме *безо́бразный* 'лишенный образа, образности'), например, *безобра́з-ный*, *-ие*, *крестообра́зный*, *дикобра́з*; *беспринци́пный*, *безвозду́шный* (↓ D при конце комплекса).

З а м е ч а н и е. При окказиональном образовании подобных комплексов (в т. ч. образовании заново реально существующих слов) здесь может наступить эффект неосвоенности, состоящий в том, что любое существительное с начальным ударением в исходной форме трактуется как относящееся к тривиальному акцентному типу (ср. действие пометы Triv, § 1.34). Отсюда возможность таких окказиональных ударений, как *бескблоко́льный*, *беззе́ркальный* и т. п. В слове *безо́бразный* (см. выше) этот эффект закреплен нормой для отличения от традиционного *безобра́зный*.

Из приведенного общего правила о перемаркировке внутри именного комплекса в пользу ↓ D при втором члене имеется, однако, несколько групп исключений (объем приводимых ниже списков определяется теми же принципами, что в описании суффиксов, см. § 1.39).

I. Приставки *пра-* и *су-* в значительной части случаев удерживают ударение на себе (что является следом древнего состояния, ср. § 2.22); технически это означает, что приставка получает маркировку ↓ . Таковы: *пра́дед*, *пра́внук*, *пра́щур*, *пра́отец*, *пра́внучка*; *су́мрак*, *су́песок*, *су́толока*, *су́кровица*, *су́прядки*, *су́мерки* (ср. также опростившиеся *су́дорога*, *су́тки*; в словах *пра́зелень*, *су́темь*, *су́песь*, *су́толочь* начальное ударение можно объяснить эффектом суффикса -'-, § 1.43). Чаще, однако, приставка *су-* ведет себя по общему правилу, например, *суста́в*, *сугли́нок*, *сумя́тица*, *супоро́сая*, а приставка *пра-* неплотно присоединяется к имени, например, *праязы́к* (с сохранением флексионного ударения), *праро́дина*, *праде́душка*.

[22] Неодносложная в том виде, в котором она входит в состав комплекса; таким образом, сюда относятся и случаи типа *подлоко́тник*, *белока́менный*.

II. Наиболее многочисленная группа исключений — существительные мужского рода с основой, равной приставочно-корневому комплексу, обнаруживающие не корневое, а начальное ударение (типа *за́пуск*). Строгих правил распределения слов данной структуры между моделями *захо́д* (по основному правилу) и *за́пуск* нет. Обнаруживается, однако, некоторая связь этого распределения с фонологическим составом корня (ср. Устинова 1980); соответственно, ниже слова модели *за́пуск* указаны с разделением по данному признаку.

1. Существительные с односложной приставкой и корнем, оканчивающимся на *к* (кроме односложных корней на /ок/, /ек/ — графически *ок*, *ёк*, *ек*). Примеры[23]: *при́знак*, *при́зрак*, *о́блик*, *о́тклик*, *о́крик*, *на́волок*, *о́бморок*, *у́молк* (*без у́молку*), *ро́счерк*, *на́сморк*, *про́блеск*, *на́плеск*, *по́иск*, *ро́зыск*, *на́тиск*, *за́пуск*, *про́пуск*, *по́рыск*, *о́тпрыск*, *при́звук*, *при́стук*, *на́вык*, *про́мельк*; также *не́ук*. Отклонения: *прили́к*, *упу́ск*, *нары́ск*, *приты́к* (все эти слова очень редкие); они идут по общему правилу.

2. Существительные с односложной приставкой и корнем, оканчивающимся на сочетание /и/, /у/ + шумная глухая согласная (за которой может также следовать еще одна согласная). Фактически это прежде всего корни *куп*, *ступ*, *сып*, *дых*, *дух*, *слух*, *кус*, *свист*, *кис(е)л*, *мыс(е)л* (для конечного *к* см. пункт 1). Примеры: *по́дкуп*, *о́ткуп*, *до́ступ*, *при́ступ*, *про́сып* (*без про́сыпу*), *о́тдых*, *про́дух*, *на́вис*, *при́кус*, *и́ску́с*, *по́свист*, *при́свист*, *на́хлыст*, *о́кисел*, *про́мысел*, *у́мысел*; также *не́слух*, *не́уч*; особо отметим *при́вкус* (с двумя приставками). Отклонения: *усту́п*, *заку́т* (но также и *за́кут*), *уку́с*, *надку́с*, *проку́с*, *отку́с*, *поню́х*; они идут по общему правилу (см. также выше примеры с колебанием).

3. Следующие существительные такой же структуры, как в пункте 2, но со звонкой, а не глухой согласной: *по́гиб*, *по́шиб* (в иконописи), *о́труб* (земельный участок), *при́визг*, *о́бжиг*, *ро́зжиг*, *о́тжиг*, *на́стри́г*, *по́стриг*, *о́круг*, *за́стру́г*, *на́стру́г*, *по́дгру́здь* (ср. еще разг. *ра́струб*); также *не́друг* и сокращение *не́уд*. Ср. идущие по общему правилу *уши́б*, *разру́б*, *испу́г* и т. п.

4. Прочие: *на́долб*, *при́став* (должностное лицо), *о́тзыв* (мнение, документ), *за́берег* (от *бе́рег*), *о́берег* (от *оберега́ть*), *по́тяг*, *про́пад* (*пропади́ про́падом*), *по́езд*, *при́вод* (в технике), *до́вод*, *по́вод*$_{1-2}$, *про́вод*, *при́город*, *у́держ* (*у́держу не́т*), *по́дрез* (у полоза), *про́сек*, *про́бел* (в иконописи), *ра́зум*, *по́дпол*, *за́говор* (тайное соглашение), *до́гово́р*, *сго́вор*, *во́зглас*, *за́навес*, *о́тсве́т*, *за́ворот* (*кишок*), *во́зраст*, *про́мах*, *за́пах*, *при́порох*, *по́длинь* (ср. еще разг. *ро́злив*, *при́говор*); также *не́клен*, *не́чет*.

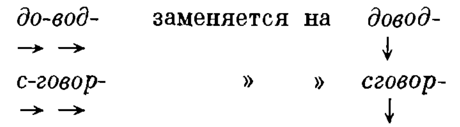
Замечание 1. Исторически относились сюда же, но к настоящему времени опростились (хотя степень забвения первоначальной структуры у них и различна) слова: *по́греб*, *спо́соб*, *о́стов*, *о́стров*, *по́двиг*, *по́лог*, *и́зверг*, *за́пад*, *о́вод*, *о́браз*, *за́мок*, *о́корок*, *о́трок*, *за́кром*, *о́цеп*, *по́вар*, *у́жас*, *по́яс*, *при́чет*, *о́мут*,

[23] В списке отражены почти все реально встретившиеся корни.

о́пыт, *спо́ло́х*, *по́трох*, *по́сох*, *о́бу́х*, *во́здух*, *о́бруч*. Возможно, следует считать опростившимися также и *по́шиб*, *о́круг*, *по́езд*, *при́зрак*, *о́блик*, *о́черк*, *по́черк*, *ра́зум*, включенные выше в общие списки.

Замечание 2. В некоторой части случаев между словами основной акцентной модели (*прое́зд*) и акцентной модели *по́езд* обнаруживается следующее семантическое различие: для модели *прое́зд* более характерно значение собственно действия (или места действия), для модели *по́езд* — значение объекта (возникающего в результате действия, служащего для действия или как-то иначе с ним связанного). Этому часто сопутствует еще одно различие: значение существительного связано со значением глагола в модели *прое́зд* более прямо и прозрачно, в модели *по́езд* — более отдаленно и нередко даже идиоматично. Приведем характерные примеры: *прово́д* (действие) — *про́вод* (электрический), *приво́д* (действие) — *при́вод* (элемент технического устройства), *отзы́в* (посла) — *о́тзыв* (мнение, документ), *отру́б* (место, по которому отрублено) — *о́труб* (земельный участок), *подре́з* (место, по которому подрезано) — *по́дрез* (железная полоска на полозе); ср. также, например, *прое́зд* — *по́езд*, *испу́г* — *и́зверг* и др.

С технической точки зрения, у слов *о́труб*, *при́став*, *о́круг*, *по́езд*, *про́вод*, *по́дрез*, *про́пуск* (документ), *о́тпуск*, *про́бел*, *о́ткуп*, *до́говор* (факультативно также у *про́мысел*, *во́зраст*) основа вместо своей прежней двучленной маркировки получает единую маркировку → при последнем слоге. Соответственно, эти слова имеют нетривиальное ударение (а именно, схему *c*, см. § 1.18). Такую же маркировку из числа опростившихся имеют *по́греб*, *о́стров*, *о́браз* 'икона', *о́корок*, *за́кром*, *по́вар*, *по́яс*, *по́трох*, *о́бруч* (факультативно также *о́вод*, *о́мут*). У всех прочих приведенных выше (включая замеч. 1) слов основа вместо прежней двучленной маркировки получает единую маркировку ↓ при первом слоге. Пример:



III. Исключениями из общего правила являются также следующие существительные и прилагательные: 1) *замо́к*, *посо́л* (лицо) (ср. также опростившееся *уто́к* 'поперечные нити ткани'); 2) *бла́говест*; 3) *на́долба*, *за́берега*, *про́жига*, *за́друга*, *за́стру́га*, *за́се́ка*, *про́сека*, *за́волока*, *на́волока*, *по́дволо́ка*, *про́волока*, *за́суха* (ср. также опростившееся *при́толока*); *про́воды*, *про́иски*, *по́хороны*[24]; 4) *по́слушник*, *за́работок*, *при́работок*, *за́росток*, *на́игрыш*, *про́игрыш*, *ро́зыгрыш*, *о́тыгрыш*; *на́волочка*, *при́горшня*; *за́говенье*, *ро́зговенье*, *за́володчье*; *за́морозки*, *за́говены*, *ро́зговены*; *за́городный*, *на́бережная*, *на́божный*, *за́работный*, *на́рочный*, *при́стальный* (ср. также опростившиеся *за́понка*, *при́торный*). В словах *замо́к*, *посо́л*, *по́хороны* приставочно-корневой комплекс получает единую (вместо прежней двучленной) маркировку → при корне; в прочих словах он получает единую маркировку ↓ при начальном слоге.

[24] В словах *о́труби*, *по́дмости*, *по́ручи* и т. п. начальное ударение объясняется эффектом суффикса -'-.

Замечание 3. Для комплексов с неслоговым корнем действие общего правила (пункт А) в принципе приводит к результату, представленному в словах *заём* (Р. ед. *за́йма*), *наём* (Р. ед. *на́йма*). Однако в современном языке такое ударение резко отклоняется от синхронического стандарта, требующего для существительных с беглой гласной колонного ударения (по крайней мере, в рамках одного числа) — либо типа *котёл*, *котла́*, либо типа *дя́тел*, *дя́тла*. Отсюда два типа выравниваний: 1) *замо́к*, *посо́л*, *уто́к* акцентуируются по модели *котёл*, *котла́*, ср. Р. ед. *замка́*, *посла́*, *утка́*; 2) в *по́жня*, *при́тча*, *причт* (*при́чет*) обобщилось начальное ударение (уже не переходящее на беглую гласную, ср. *по́жен*, *при́точник*, *при́чет*); формально сюда же относятся *су́тки*, *су́ток* (фактически здесь сохраняется древняя ударность *су-*), *за́мок*, *за́мка* (заимствование из польского). Еще шире представлена перестройка, устранившая чередование беглой гласной с нулем: ср., с одной стороны, *про́рва*, *подо́шва*, *бе́здна*, *при́тча*, *у́йма*, *про́йма* и т. п. (Р. мн. *прорв*, *подо́шв*, *бездн*, *притч*, *уйм*, *пройм*), также *по́шлый*, *пошл*, *сонм*, *со́нма*, *причт*, *при́чта*, с другой стороны, *подъём*, *приём*, *учёт*, *расчёт* и т. п. (Р. ед. *подъёма*, *приёма*, *учёта*, *расчёта*). В значительной части приведенных примеров перестройке способствовало опрощение слова (выводившее его за рамки синхронических словообразовательных закономерностей).

В связи с исключениями, указанными выше (пункты I—III), необходимо дополнительно указать следующее. Слова, семантически производные непосредственно от существительных, указанных в этих пунктах (например, *за́падный*, *при́городный*, *при́зрачный*, *су́мрачный*, *на́сморочный*, *про́волочка*, *бла́говестить*, *поездно́й*, *окружно́й*, *поводо́к*), акцентуируются на базе этих существительных (т. е. сохраняют их ударение или трансформируют его по общим правилам словообразования). Исключения: *безобра́зный* и прочие с *-образ-* (см. выше), *разу́мный*, *загово́рный* (от *за́говор* 'заклинание, колдовство'), *похоро́нный*; для опростившихся слов можно указать еще *подви́жник*, *ужа́сный*, *возду́шный*. Если же производное семантически связано с глаголом (или одновременно с именем и глаголом), действует общее правило пункта А; примеры: *сгово́рчивый*, *отзы́вчивый*, *засу́шливый*, *послу́шный*, *неподку́пный*, *досту́пный*, *поё́здка*, *дово́дка*, *прома́шка*, *проволо́чка*. То же и в случаях, когда производное имеет какую-то иную деривационную историю, но произведено не от рассматриваемого существительного, например: *спосо́бный*, *подпо́льный*, *обли́чье*.

IV. Совершенно особую группу слов, образованную с помощью приставок, составляют наречия типа *на́сухо*, *по́суху*, *слегка́*, *налегке́* (в Обр. их около 180). Их акцентуация не подпадает под действие общего правила пункта А; в то же время она лишь в малой степени зависит и от акцентуации соответствующих прилагательных. У рассматриваемых наречий встречается три типа акцентовки: 1) ударение на приставке (*на́сухо*); 2) конечное ударение (*налегке́*); 3) ударение на базовом компоненте (*помно́гу*); если базовый компонент неодносложен, в этом типе акцентовки сохраняется ударение краткой формы ед. сред. соответствующего прилагательного (*понапра́сну*). При неслоговой приставке противопоставление типов 1 и 3 нейтрализуется (*вско́ре*). Принадлежность наречия к тому или иному типу

акцентовки в значительной мере зависит от морфологической модели.

1. Для моделей *из—а*, *сыз—а*, *на—о*, *за—о* нормой является ударение на приставке, например, *и́зредка*, *и́здавна*, *и́скоса*, *и́счерна*, *и́скрасна*, *и́ззелена*, *и́зжелта*; *сы́знова*, *сы́змала* (также *сы́змалу*), *сы́здавна*; *на́криво*, *на́ново*, *на́мертво*, *на́коротко*, *на́бело*, *на́черно*, *на́скоро*, *на́чисто*, *на́глухо*, *на́сухо*, *на́двое* (также *пе́рво-на́перво*, *стро́го-на́строго* и т. п.); *за́дешево*, *за́живо*, *за́мертво*, *за́светло*, *за́темно*, *за́просто*. Отклонения: *издалека́* (и *издалёка*), *издале́ча* (*издале́че*); *напра́во*, *нале́во*, *надо́лго*, *намно́го*, *наско́лько*, *насто́лько*, *наве́рно*, *наве́чно*; *задо́лго* (ср. нелитер. *за́долго*), *заеди́но*. Колеблются *на́зло́*, *на́голо́* (ср. также устаревшие варианты *набело́*, *начерно́*).

2. Группа наречий с приставочным ударением представлена в модели *по—у*: *по́ровну*, *по́просту*, *по́пусту*, *по́суху* (ср. также редкие и устаревшие *по́любу*, *по́розну*, *по́темну*, *по́часту*). Однако чаще здесь выступает ударение на базовом компоненте, например, *подо́лгу*, *помно́гу*, *неподалёку*, *посто́льку*, *пома́лу*, *понапра́сну*, также *потихо́ньку* и т. п.; особо стоит *подобру́-поздоро́ву*.

Специально отметим, что приставочное ударение представлено в современном языке отнюдь не только у тех наречий, которые образованы от прилагательных маргинально-подвижного типа; ср., в частности, *и́счерна*, *на́мертво*, *на́бело*, *на́черно* и др.

3. В модели *на—е* представлено конечное ударение: *налегке́*, *накоротке́*, *навеселе́*, *наравне́*, *наедине́*; ср. также *настороже́*. Отклонение: *наго́тове* (ср. нелитер. *наготове́*).

4. Модель *до—а* колеблется между конечным и приставочным ударением: *донага́*, *допоздна́*, *дополна́*, *дотемна́*; *до́чиста*, *до́сыта* (устар. *досы́та*), *до́суха*; *до́бела́*, *до́красна́*, *до́черна́*, *до́пьяна́*.

5. Значительные группы наречий с конечным ударением представлены в моделях *в—е* и *с—а*: *вдалеке́*, *вдвойне́*, *втройне́*, *вполне́*, *вчерне́* (также *вообще́*, *вотще́*); *сперва́*, *слегка́*, *сполна́*, *сглупа́*, *неспроста́*, *сгоряча́*. Однако чаще здесь выступает начальное ударение, например, *вно́ве*, *вта́йне*, *вско́ре*, *вкра́тце*, *спра́ва*, *сле́ва*, *спья́на*; только такое ударение в модели *с—у*, например, *смо́лоду*, *спья́ну*, также *со́слепу*. Особый случай: *во́все*.

6. В прочих случаях (их сравнительно немного) выступает ударение на базовом компоненте, например, *пода́вно*, *воеди́но*, *впра́во*, *вчётверо*, *впя́теро*, *издре́вле*. Особо отметим *нeда́вно*, с плотно присоединенным *не* (ср. *давно́*).

Б. Если в составе основы имеется глагольный приставочно-корневой комплекс с *вы-*, то везде, кроме словоформ с грамматическим значением совершенного вида[25], у приставки *вы-* маркировка ↓ меняется на → (практически это значит, что *вы-* здесь будет безудар-

---

[25] Грамматическим значением вида обладают только личные формы, причастия, деепричастия и инфинитивы.

ным). Например, в *выбира́ть, выезжа́ет, вынесе́ние, выпрями́тель, вырази́тельный вы-* получает →. Исключение: в глаголе *вы́глядеть* 'иметь вид' *вы-* сохраняет ↓, несмотря на несовершенный вид.

Замечание 4. В силу индивидуальных особенностей приставки *вы-* противопоставление именных и глагольных приставочно-корневых комплексов выступает здесь в составе имен (но не глаголов) особенно наглядно: первые имеют ударение на *вы-* (кроме слов *вынбсливый, выбы́тие*), вторые — не на *вы-*. Примеры: 1) *вы́ход, вы́пуск, вы́жига, вы́дирка, вы́шивка, вы́боина, вы́водок, вы́севки, вы́гонщик, вы́кидыш*; 2) *выгребно́й, вышивно́й, выпивбха, вынесе́ние, выпрями́тель, вытрезви́тель, вырази́тельный, вычисли́тельный*. Это свойство приставки *вы-* особенно ценно при анализе суффиксов с маркировкой ← (например, *-к-а*): регулярное ударение на *вы-* (*вы́дирка, вы́кладка, вы́ставка* и т. д.) сразу показывает, что суффикс требует именного комплекса, т. е. относится к числу вторичных, тогда как по примерам типа *обди́рка, раскла́дка, подста́вка* этого еще непосредственно не видно (поскольку корневое ударение могло бы объясняться здесь и маркировкой суффикса).

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВ

§ **1.29**. Базисное правило (§ 1.22) предназначено для непосредственного перехода от цепи маркировок произвольной основы к ее акцентуации. Если бы это правило сразу давало правильный результат для любой основы, оно было бы, конечно, самым простым средством определения акцентуации производных слов. Однако, как уже было отмечено, на самом деле действие базисного правила отягощено большим числом разнообразных поправок, из-за которых во многих случаях вычисление акцентуации по базисному правилу превращается в слишком громоздкую операцию.

Кроме того, в ряде случаев требуется определить акцентный результат присоединения некоторого аффикса к целой основе (в частности, многоморфемной). В принципе базисное правило может дать ответ и на этот вопрос, но довольно сложным путем — через обращение ко всей цепи маркировок данной основы. При этом существенно следующее: если некоторое производное слово является исключением из акцентных правил, т. е. имеет аномальное ударение, дальнейшие производные «наследуют» (т. е. сохраняют или закономерно преобразуют) именно это аномальное ударение; его аномальность нисколько не мешает тому, чтобы в последующем словопроизводстве к нему применялись стандартные общие правила. Например, ударение *беспринци́пный* аномально (ср. *при́нцип*); но оно без всяких затруднений «наследуется» словом *беспринци́пность*. В подобных случаях обращение к базисному правилу означает, что мы вновь должны пройти все формальные трудности, связанные с наличием аномалии в производящей основе, при том что интересующий нас шаг (присоединение суффикса) сам по себе акцентно регулярен.

Таким образом, с практической точки зрения полезно иметь, помимо базисного правила, также поэтапные правила, отражающие акцентный эффект каждого из последовательных шагов деривационной истории слова. Понятно, что для таких правил требуется не-

которая акцентологическая классификация целых основ (а не только отдельных морфем).

Используемая ниже классификация такова. Основы слов (как непроизводных, так и производных) делятся на так наз. сильные, слабые[26] и промежуточные. Далее, сильные основы делятся на доминантные и недоминантные.

Этой классификации в подавляющем большинстве случаев достаточно для того, чтобы правильно установить акцентуацию производных; лишь в нескольких исключительных случаях (а именно, когда суффикс имеет акцентную особенность Marg, Triv или Deox, см. § 1.21), необходима дополнительная информация — о принадлежности производящего слова к маргинально-подвижному или флексионному акцентному типу.

§ 1.30. Сила или слабость основы определяются в первую очередь акцентным типом соответствующего слова. Основной принцип состоит в том, что у слова с тривиальным ударением основа сильная, а с нетривиальным — слабая [27].

От этого принципа имеются, однако, некоторые отклонения.

А. В определенных случаях основа является, вопреки основному принципу, слабой, а не сильной.

1. Часть существительных с непоказательным тривиальным ударением (§ 1.10, примеч.), т. е. singularia tantum, ведет себя при словообразовании как слова маргинально-подвижного акцентного типа. Это как бы латентная (с точки зрения словоизменения) маргинальная подвижность, которая становится явной в словообразовании. Таковы, во-первых, следующие singularia tantum[28]: а) все непроизводные, содержащие (в исходной словоформе) полногласные сочетания *бло*, *бро*, *éле*, *éре* в корне, например, *гóлод*, *хвóрост*, *нéрест*, *мóрось*, *зóлото*; б) слова (условно обозначенные в дальнейшем как «группа *воск*») *хлад*, *блуд*, *мрак*, *рок*, *риск*, *воск*, *лоск*, *хлам*, *срам*, *шум*, *крен*, *хрен*, *дёрн*, *тёрн*, *сап*, *мир* 'рах', *сор*, *тёс*, *ворс*, *форс*, *гнус*, *блат*, *фарт*, *бут*, *страх*, *смех*; *дúво*, *пúво*, *сéно*, *прóсо*, *мя́со*, *тéсто*, *брю́хо*; *сталь*, *гниль*, *лень*, *дрянь*, *дурь*, *лесть*, *грусть*. Во-вторых, следующие существительные с И. мн. на *-ья* (которые в силу § 1.7 оказываются в таком же положении, как singularia tantum): *пóлоз*, *кóлос*, *дéрево*; *óбод*, *пóвод*; *друг*, *муж*, *кум*, *сын*, *князь*, *зять*. Наконец, сюда же примыкают неизменяемые слова *сквозь* и *сплошь*. Все эти слова имеют слабую основу; более того, везде, где это может быть существенно для словообразования, эти слова в дальнейшем

---

[26] В основе наименования лежит образ силы или слабости в «борьбе» за сохранение за собой ударения.

[27] Если ударение слова колеблется между тривиальным и нетривиальным типом, основа оценивается (кроме особо оговариваемых случаев) по нетривиальному варианту, т. е. как слабая.

[28] Помимо «чистых» singularia tantum, в список включены также слова *шум*, *страх*, *сéно*, *мя́со*, *брю́хо*, *сталь*, у которых мн. число относительно более реально, чем у остальных.

считаются принадлежащими именно к маргинально-подвижному типу.

2. В особом положении находятся глаголы с односложным корнем, имеющие тривиальное ударение, например: *ма́зать, сма́зать, ре́зать, разре́зать, ста́вить, подста́вить*. Их полная основа, включающая тематический элемент, — сильная (в соответствии с основным принципом); отсюда такие ударения у производных, как *ре́зательный, ре́за-лка* и т. п. Но их усеченная основа (§ 1.19), т. е. оканчивающаяся корнем, — слабая; отсюда такие ударения у производных, как *смаз-но́й, рез-но́й, подстав-но́й* и т. п. Таким образом, всякая глагольная основа, оканчивающаяся односложным корнем, — слабая, независимо от акцентуации глагола. Следует учитывать только, что акцентный эффект этого правила может проявиться лишь там, где не возникло именного приставочно-корневого комплекса (в противном случае ударение производного уже определяется правилами о таких комплексах); в частности, он никогда не может проявиться перед вторичным суффиксом.

Б. У слов мужского рода со срединноударной (в И. ед.) трехсложной основой, примыкающих к маргинально-подвижному типу, например, *проже́ктор, профе́ссор, учи́тель* (условное обозначение — «группа *прожектор*»), основа сильная.

В. Следующие группы слов имеют так наз. промежуточную по силе основу (об акцентных свойствах таких основ см. § 1.33). В приводимых ниже определениях групп везде подразумевается оговорка «кроме слов, указанных в А».

1. «Группа *рак*»: непроизводные существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием (графически нуль, -ь) в И. ед., имеющие односложную[29] основу и тривиальное ударение. Примеры: *рак, тигр, заяц, хам, трус, гнев, нить, мысль*.

2. «Группа *буйвол*»: существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием в И. ед. (не оканчивающиеся на *ий, ик, ук* и не содержащие приставок *вы́-, па́-, су́-*), имеющие двусложную основу и тривиальное ударение на начальном слоге. Примеры: *бу́йвол, дья́вол, во́рон, му́скул, хо́хот, му́сор, за́пах, ме́бель, ру́хлядь, при́хоть*.

3. «Группа *якорь*»: существительные мужского рода с нулевым окончанием в И. ед., имеющие двусложную основу (но без полногласного сочетания *оло, оро, еле, ере*), оканчивающуюся на сонант (/л/, /л'/, /м/, /н/, /н'/, /р/, /р'/) или *с*, и маргинально-подвижное ударение, кроме слов *со́боль, по́вар, ве́чер, ко́зырь*. Примеры: *я́корь, о́кунь, бу́фер, ку́пол, о́рден, па́рус, а́дрес*. Сверх того, в «группу *якорь*» входят: *ка́мень, у́голь, ла́поть* (где основа содержит беглую гласную) и *па́спорт*.

Г. Инфинитивная основа (неусеченная) некорневых глаголов (например, *писа́-, спа-, сиде́-*) в словообразовании всегда выступает как сильная.

---

[29] Беглая гласная здесь и в последующих пунктах в счете слогов не участвует.

Замечание. У небольшого числа слов имеется та индивидуальная особенность, что все закрепленные узусом производные от них как бы образованы от основы с иной, чем в исходном слове, акцентуацией. Таковы, прежде всего: *кóлокол, гóспиталь, пóхороны; жéмчуг, рáзум, ýжас, вóздух, óсень, пéчень, пóсконь, прéлесть, зáвисть, нéнависть, рóскошь;* также *прóтив.* Все они ведут себя при словообразовании так, как если бы имели неподвижное ударение на последнем слоге основы, ср. *колокóльный, жемчýжина, воздýшный, печёнка, завúстник* и т. д. Близки к этой группе также *лéкарь, пéкарь, тóкарь, слéсарь.* Далее, слова *сóкол, свёкла* (схема *a*) проявляют себя как **сокóл*, **свеклá* (схема *b*); *мы́ло* (схема *c*), *дéньги* (схема *e*//*a*) — как слова схемы *a.* Производные, опирающиеся на реальное ударение исходного слова, возможны здесь лишь в сфере окказионального словообразования по продуктивным моделям (скажем, *колоколóк, жемчужóк, свёколка*). Как показывает история, в большинстве указанных здесь случаев аномалия возникла за счет изменения акцентуации исходного слова (тогда как в производных изменения не было).

Доминантной является сильная основа, в которой корень получил свойство доминантности. Практически это возможно только в силу правила о именных комплексах (§ 1.28, А). Таким образом, деление сильных основ на доминантные и недоминантные должно производиться после действия правил об именных комплексах. Примеры доминантных основ: *нарóд-, нарóдн-ый, нарóдничеств-о, обнарóдова-ть, безврéдн-ый, обезврéди-ть, унавóзи-ть, напрокáзи-ть.*

Классификация основ непосредственно применима также и к базовым компонентам, образованным этими основами. В целях общности целесообразно распространить предложенную классификацию также на остаточные базовые компоненты. Поскольку в этом случае нет реального слова с интересующей нас основой, при классификации нельзя использовать акцентный тип слова. Вместо этого приходится обращаться к цепи маркировок и базисному правилу. Если по базисному правилу (с необходимыми поправками там, где в маркировках есть дополнительные части) цепь маркировок рассматриваемого базового компонента дает ударение на нем самом — этот компонент считается сильным, если правее него — он считается слабым. Что касается доминантности, то она устанавливается на основе общих правил об именных комплексах (эти правила не зависят от наличия или отсутствия самостоятельного слова с рассматриваемой основой). Пример: в *бездéл-иц-а* остаточный базовый компонент *бездел-* — сильный доминантный (он равен именному приставочно-корневому комплексу).

Разумеется, указанные приемы в принципе можно применить и к реальным основам (а не только к остаточным базовым компонентам). Теоретически при этом должен получиться тот же результат, что и при учете акцентного типа соответствующего слова. [Практически, однако, возможно и расхождение: реальное слово может оказаться исключением из тех или иных акцентных правил. Поскольку, как уже отмечено выше, в словопроизводстве «наследуется» реальное (хотя бы и аномальное) ударение производящей основы, акцентологическая классификация основ строится (везде, где это возможно) на учете реального ударения слова, а не теоретически ожидаемого.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ НА СОЧЕТАЕМОСТЬ МОРФЕМ

§ 1.31. В современном русском языке действует следующее важное ограничение на сочетаемость морфем внутри словоформы: доминантный базовый компонент не может сочетаться с доминантным суффиксом, требующим постановки ударения правее базового компонента (т. е. с основной маркировкой ↓D или → D). По этой причине невозможны, например, слова: **народ-ист*, **двоебор-ист*, **беспутн-оват-ый*, **унавож-а-ть* (хотя возможны *службúст*, *значкúст*, *шахматúст*, *щеголевáтый*, *унижáть* и т. п.); ср. свободную сочетаемость тех же базовых компонентов с недоминантными суффиксами: *нарóдник*, *двоебóрец*, *беспýтненький*, *унавóживать* и т. п.

Прямых исключений из данного правила ничтожно мало. Таковы: *подслеповáтый*, *подуздовáтый*, *придурковáтый*, *продолговáтый*; *бездельýшка*; *простолюдúн*. При этом в *подслеповáтый* явно произошло переосмысление структуры слова: из *подслéп-ый* (почти забытое ныне слово) + *-оват-ый* оно превратилось в *под-* + *слеповáтый*, т. е. 'немного слеповатый' (где *под-* неплотно присоединено к *слеповáтый*); нечто похожее можно предполагать и для других слов на *-оватый*. Слово *безделýшка* образовано под влиянием семантически сходных *погремýшка*, *побрякýшка* (где приставочно-корневой комплекс глагольный, следовательно, недоминантный). Относительно соединения доминантных основ с суффиксом *-анин* (обладающим неустойчивой доминантностью) см. § 1.69.

Принцип несовместимости доминантного базового компонента с доминантным суффиксом имеет большое значение для всей русской словообразовательной системы. Этот принцип делает необходимым существование в языке большого числа недоминантных суффиксов, поскольку именные морфемные комплексы, представленные в русской лексике очень широко, могут сочетаться только с такими суффиксами. Тем самым создается сильный противовес общей тенденции к приобретению суффиксами доминантности, наблюдаемой в истории русского языка (ср. § 4.6). В результате складывается характерная для современного русского языка специфическая ситуация, когда практически для каждого доминантного суффикса имеется по меньшей мере один синонимичный ему недоминантный. Так, например, при доминантном суффиксе вторичных имперфективов *-а-ть* (*унижáть* от *унúзить*, *повреждáть* от *повредúть* и т. д.) имеется синонимичный недоминантный суффикс *-ыва-ть*, который дает возможность образовать аналогичные производные (*унавóживать*, *обезврéживать*) также от *унавóзить*, *обезврéдить* и т. п., где основа доминантна. Ср. еще, например: *правдúст*, но *сменовéховец*; *велосипедúст*, но *пулемëтчик*; *расúст*, но *нарóдник*; *бандитúзм*, но *злодéйство*; *цветáстый*, но *порóдистый*; *глухотá*, но *беззýбость*, *косоглáзие*. Разумеется, в приведенных парах выбор суффикса определяется не только акцентными свойствами базового компонента; правила

выбора везде более сложны. Для нас существенно лишь то, что во всех этих случаях язык обеспечивает возможность выражения соответствующего значения как при обычном, так и при доминантном базовом компоненте.

Таким образом, в современном русском языке совершенно избыточная на первый взгляд множественность суффиксов, передающих одно и то же словообразовательное значение, по крайней мере в части случаев оправдывается потребностями акцентной системы.

ПОЭТАПНЫЕ ПРАВИЛА ОПРЕДЕЛЕНИЯ АКЦЕНТУАЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

§ 1.32. Поэтапные правила предполагают, что деривационная история любого производного представлена в виде последовательности шагов, на каждом из которых к корню или к основе (т. е. некоторой последовательности морфем, включающей корень) присоединяется один аффикс (в случае словосложения вместо аффикса выступает вторая основа [30]). Существенно то, что для такого представления необходимо отказаться от используемого в определенных случаях в морфологии понятия одновременного присоединения к корню (основе) двух или более морфем справа и слева (так наз. префиксально-суффиксальный способ, например, *безлоша́дный*, *обесса́харить*, сочетание сложения с суффиксацией, например, *разноязы́чный*, и другие комбинации; см., в частности, АГ-70, с. 41—42). Все случаи такого рода для акцентологических целей должны быть представлены в виде цепи последовательных бинарных соединений [31]. Практически мы исходим из того, что первым по порядку шагом, как правило, является соединение приставки с именной основой (или соединение двух именных основ), например, *без-* + *лошад-*, *без-* + *сахар-*, *разно-* + *язык-*; лишь на следующем шагу (или шагах) присоединяются прочие аффиксы. Иначе обстоит дело лишь в глаголах со структурой типа *о-слав-и-ть*, *о-чист-и-ть*: здесь на первом шагу образуется основа отыменного глагола (*слави-*, *чисти-*), а приставка присоединяется позже. Таким образом, например, основы слов *обесче́стить*, *обесса́харить*, имеют, с акцентологической точки зрения, структуру *о-((бес-чест)-и)-*, *о-((бес-сахар)-и)-*.

Между соединяемыми морфемами иногда могут выступать так наз. соединительные (или вставные) элементы; их включение не рассматривается как отдельный шаг деривации. В некоторых случаях конечная часть производящей основы (иногда равная отдельному морфу, иногда морфологически невыделимая) в производном отсутствует (так наз. усечение). С акцентологической точки зрения некоторые регулярные случаи этого типа оказывается целесообразным

---

[30] Главной основой при этом считается правая, а присоединяемой — левая.

[31] Это, разумеется, не означает, что нужно менять трактовку этих типов производных слов в собственно морфологическом описании.

описывать в терминах замены одного суффикса другим (см. § 1.38). Акцентологическое описание через замену одной морфемы на другую применяется также для большинства неличных форм глагола.

Используемая на отдельном шагу деривации основа обычно является основой некоторого реального слова. Но возможен также случай, когда такого слова не существует; в частности, это нередко бывает с приставочно-корневыми комплексами. Например, основа слова *безлоша́дный* получена в два шага (ср. выше): 1) *без-* и *лошад-* соединяются в приставочно-корневой комплекс *безлошад-*; с акцентологической точки зрения это сильная доминантная основа с ударением на последнем слоге (см. § 1.28, А), но соответствующего реального сло́ва нет; 2) основа *безлошад-* соединяется с суффиксом *-н-*.

При неплотном присоединении (§ 1.4) аффикса или дополнительной основы никаких изменений в акцентных свойствах главной основы не происходит; присоединенная часть может получать второстепенное ударение (но вопрос о том, когда именно это происходит, в настоящей работе не рассматривается и должен решаться обращением к словарю; см., в частности, АО и Грамм.). В дальнейшем мы рассматриваем уже только плотное присоединение.

Излагаемые ниже поэтапные правила состоят в том, что для каждого из возможных типов единичных шагов деривации указывается, как из акцентных свойств двух соединяющихся компонентов вытекают акцентные свойства полученной на этом шагу деривации основы. Исходными данными являются: для аффиксов — их маркировки; для основ — их разделение на сильные, слабые и промежуточные, для сильных также на доминантные или недоминантные (§ 1.29—30); в особых случаях используются также некоторые дополнительные сведения о производящем слове. Результатом действия правил является указание акцентного типа полученной основы (по той же классификации), для сильных основ — также места ударения внутри основы. О том, как на основании этих данных восстанавливается акцентуация всей парадигмы слова, см. § 1.18.

§ 1.33. При присоединении с л е в а образуется морфемный комплекс; его акцентуация подчиняется правилам § 1.28.

При присоединении с п р а в а, т. е. суффиксации, правила таковы. При соединении базового компонента (который, в частности, может быть равным корню) с суффиксом ударение может оказаться привязанным либо к первому, либо ко второму; выбор определяется по табл. 2.

Промежуточные по силе основы (не упомянутые в табл. 2) обладают следующими свойствами. Если суффикс содержит ←, то они ведут себя как сильные недоминантные. Если суффикс содержит ↓ или →, то их поведение определяется прагматическим фактором (§ 1.5), а именно: если производное является освоенным, они ведут себя как слабые, если неосвоенным — как сильные недоминантные (примеры см. в § 1.50).

Таблица 2

Ударение суффиксальных производных

<table>
<tr><th colspan="2" rowspan="3">Базовый компонент</th><th colspan="3">Основная маркировка суффикса</th></tr>
<tr><th colspan="2">с D</th><th rowspan="2">без D</th></tr>
<tr><th>↓D, →D</th><th>←D</th></tr>
<tr><td rowspan="2">сильный</td><td>доминантный</td><td>такое соединение невозможно (§ 1.31)</td><td>ударение привязано к суффиксу</td><td rowspan="2">ударение привязано к базовому компоненту</td></tr>
<tr><td>недоминантный</td><td colspan="2" rowspan="2">ударение привязано к суффиксу</td></tr>
<tr><td colspan="2">слабый</td><td>ударение привязано к суффиксу</td></tr>
</table>

Если ударение привязано к базовому компоненту, полученная производная основа сильная (ее доминантность или недоминантность такая же, как у базового компонента); место ударения внутри основы — такое же, как в базовом компоненте. Иначе говоря, в этом случае присоединение суффикса не меняет ни места ударения, ни акцентного типа производящей основы.

Если ударение привязано к суффиксу, акцентуация производной основы определяется наличием ↓, ← или → в маркировке суффикса, а именно:

при ↓ ударение падает на сам суффикс[32]; производная основа сильная недоминантная;

при ← ударение падает на ближайшую к суффиксу гласную слева[33]; производная основа сильная недоминантная;

при → производная основа слабая; производное слово имеет нетривиальное ударение (подробнее см. § 1.18).

§ 1.34. Если в маркировке суффикса, кроме основной части, имеется еще и дополнительная, то в полученный по общему правилу результат вносятся определенные поправки. Ниже указано, какую поправку вызывает каждый из дополнительных символов.

Init («начальное ударение»). Символ встречается только при основной маркировке ← D и вызывает ударение на начальном слоге производной основы (вместо ближайшей к суффиксу гласной слева). Пример: суффикс *-ень* ← D Init от комплекса *пере-верт-* дает *пéревертень* (а не **перевéртень*).

Monosyll («ударение требует поправки при односложности базового компонента»): всякий недоминантный односложный базовый

[32] Если суффикс двусложный — на место, куда приписана маркировка, если неполновокальный — на ближайшую к точке маркировки гласную слева.

[33] Если таковой нет — на первый слог производной основы.

компонент (не остаточный) трактуется как слабый. Пример: суффикс *-арь* (отыменный) → Monosyll от слова *пу́шка* дает *пушка́рь*, *-я́* (а не **пу́шкарь*); ср. *апте́карь* от *апте́ка*.

Polysyll («ударение требует поправки при неодносложности базового компонента»): если ударение привязано к суффиксу, а базовый компонент неодносложен (кроме случая, когда он двусложен за счет того, что корень или приставка содержит полногласное сочетание *оло*, *оро*, *еле*, *ере*), ударение в производной основе падает на слог левее, чем было бы без данной пометы; в частности, вместо ударения на окончаниях выступает ударение на последнем слоге основы. Пример: суффикс *-ц-о/е* → Polysyll от слова *окно́* дает *око́нце* (а не **оконцо́*); ср. *винцо́* от *вино́*.

Marg («суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности у производящего слова»): если производящее слово относится, хотя бы факультативно, к маргинально-подвижному акцентному типу, суффикс с маркировкой ↓ или ← ведет себя как при маркировке →. Пример: суффикс *-н-* (в отыменных относительных прилагательных) ← Marg от *лес* дает *лесно́й* (а не **ле́сный*).

Triv («маргинально-подвижное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»): если производящее слово — это существительное маргинально-подвижного акцентного типа, имеющее в исходной словоформе ударение на основе, то это производящее слово трактуется как имеющее тривиальное ударение (при той же исходной словоформе). Одновременно помета Triv требует трактовки всех промежуточных по силе основ как сильных. С практической точки зрения, маркировка ↓ Triv дает в производном ударение, колонное с Р. ед. исходного существительного. Пример: суффикс *-ов* (в притяжательных прилагательных и фамилиях) ↓ Triv от *нос*, *го́лубь* дает *Но́сов*, *Го́лубев*.

Deox («флексионное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»): если в производном слове базовый компонент неодносложен, а производящее слово — это существительное мужского рода флексионного акцентного типа, то это производящее слово трактуется как имеющее тривиальное ударение (при основе, равной исходной словоформе). С практической точки зрения, маркировка ↓ Deox дает в производном ударение, колонное с И. ед. исходного существительного. Пример: суффикс *-и-ть* ↓ Deox от слова *батра́к*, *-а́* дает *батра́чить*, от *песо́к*, *песка́* — *песо́чить*.

МАРКИРОВКИ ПРИСТАВОК

§ 1.35. Приставки *вы-* и *па-* (а также *не-* в составе неопределенных и отрицательных местоимений и наречий) имеют маркировку ↓; все прочие (например, *на-*, *по-*, *пред-*, *пере-*, *не-* [обычное], *недо-*, *в-*, *с-*) имеют →.

З а м е ч а н и е. У приставок *пра-* и *су-* отмечаются следы акцентного поведения, соответствующего маркировке ↓; см. § 1.28, пункт AI.

МАРКИРОВКИ СУФФИКСОВ

§ 1.36. В приводимые ниже перечни включены простые (т. е. одноморфные) суффиксы, кроме самых редких [34], а также некоторые составные (многоморфные). Бо́льшая часть составных суффиксов с акцентологической точки зрения несамостоятельна, т. е. они дают в точности тот же акцентологический эффект, что и последовательность простых суффиксов, с которой они внешне совпадают. Такие составные суффиксы приравниваются в акцентологическом описании к последовательности простых и, соответственно, в списках маркировок, как правило, отсутствуют.

Омонимичные суффиксы с одинаковой маркировкой могут быть даны без разделения. Там, где омонимичные суффиксы разделены, при них даются краткие уточнения (не претендующие на строгость), предназначенные лишь для того, чтобы различить омонимы, например: «отыменное», «названия женщин» и т. п.; особо отметим, что в числе таких ярлыков возможны также пометы «исконное» и «заимствованное» (ср., например, *свин-ин-а* и *синьор-ин-а*). Разделение на суффиксы-омонимы в ряде случаев проведено не совсем так, как принято в морфологических описаниях (но в бо́льшем соответствии с акцентными свойствами). Условная формула «все значения» охватывает как разные словообразовательные значения, передаваемые одним суффиксом, так и суффиксы-омонимы.

Суффиксы существительных для недвусмысленности приводятся вместе с окончанием И. ед., например: *-иц-а*, *-ств-о* (в мужском роде соответствующим сигналом является отсутствие правого дефиса, например: *-ик*, *-тель*); суффиксы глаголов — с инфинитивным *-ть*, например: *-а-ть*. Суффиксы прилагательных приводятся в чистом виде, например: *-н-*, *-ов-*, *-ин-*; при этом суффиксы притяжательных прилагательных отличаются тем, что не имеют правого дефиса: *-(и)j*, *-ов*, *-ин*.

Суффиксы, как правило, даются в обычном орфографическом виде (кроме некоторых трудных случаев); при этом варьирование, связанное с твердостью—мягкостью предшествующей согласной, не отражается, например: *-ун*, *-ов-* (без упоминания о *-юн*, *-ев-*). С начальными *и*, *е*, *ё*, *я*, *ю* записываются только суффиксы, вызывающие смягчение предшествующей твердой согласной, например, *-иц-а*, *-ёр*, *-ян-*.

В неодносложном самоударном суффиксе знаком ударения показана та гласная, к которой приписана маркировка суффикса (иначе говоря, гласная, которая несет ударение в случае, когда оно привязано к данному суффиксу).

---

[34] Включать суффиксы, представленные всего в одном или нескольких словах, в общий список нецелесообразно: техника маркировок в этом случае не дает в сущности никакой экономии по сравнению с прямым перечислением производных; между тем список сильно разросся бы.

Сращенные суффиксы

§ 1.37. Особую трудную проблему для акцентологического описания составляет трактовка последовательностей из двух или более суффиксов (или суффиксоподобных морфов). Следует различать морфологический и акцентологический аспекты этой проблемы.

С морфологической точки зрения различаются простой контакт двух суффиксов (например, *-ник* и *-их-а* в *дво́рничиха*) и их с р а щ е н и е в особую морфологическую единицу (например, *-овин-а* в *клейкови́на*). Эта морфологическая единица рассматривается как самостоятельный суффикс, если она обладает своим особым значением, или как алломорф соответствующего простого суффикса, если она не отличается по значению от этого суффикса (ср., например, *воло́вина* и *кони́на*). Главным морфологическим основанием для признания сращений служит невозможность предложить для слова поэтапную деривационную историю из-за отсутствия промежуточного звена (например, прилагательного **клейково́й* или **клейко́вый* для слова *клейкови́на*) или семантическая неестественность поэтапной деривационной истории (так, значение слов *реше́ние*, *спасе́ние* и т. д. неестественно выводить из значения страдательных причастий *решён*, *спасён* и т. д.). К сожалению, вопрос о том, следует ли трактовать некоторую цепочку морфов как сращение, не всегда простой даже применительно к отдельному слову, чрезвычайно усложняется, когда рассматривается сразу вся совокупность слов с данной цепочкой морфов. Следует ли из-за наличия бесспорно сращенного *-овин-а* в *клейкови́на* признавать такое же сращение также и в *белкови́на*, хотя здесь имеется прилагательное *белко́вый*? С практической точки зрения, оба возможных решения имеют свои преимущества и свои недостатки, и неслучайно, что практика описания здесь колеблется.

С акцентологической точки зрения тоже необходимо различать простой контакт двух суффиксов и их сращение; однако разграничение этих двух случаев часто оказывается здесь иным, чем в морфологии. Акцентологическое сращение необходимо признать, в частности, в тех случаях, где противоположная (т. е. поэтапная) трактовка предписывала бы для производных не то ударение, которое они фактически имеют. Например, ударение слов *промыслови́к*, *оптови́к*, *портови́к*, *почтови́к*, *пухови́к*, *стендови́к*, *планови́к*, *кадрови́к*, *массови́к* и ряда других не объясняется, если исходить из присоединения суффикса *-ик* (маркировка →) к адъективной основе с *-ов-*: в этом случае ожидались бы **промысло́вик*, **опто́вик*, **сте́ндовик*, **пла́новик* и т. д. Чтобы объяснить фактическое ударение, мы должны признать здесь «сращенный» суффикс *-овик* с маркировкой → Monosyll и исходить из непосредственного присоединения этого суффикса к субстантивной основе (*промысл-*, *опт-* и т. д.). Заметим, что с морфологической точки зрения, напротив, специальных оснований для выделения сращенного суффикса *-овик* нет (по крайней мере, для рассмотренных здесь случаев).

Сращенные (с акцентологической точки зрения) суффиксы делятся на два типа: так наз. поглощающие и так наз. непоглощающие (имеется в виду «поглощение» или «непоглощение» сращенным суффиксом конечного суффикса исходного слова). Пусть имеется сращенный суффикс вида s_1s_2, где s_1 и s_2 — подвергшиеся сращению суффиксы (например, *-ов-* и *-ик* в составе *-овик*). Для производных с основой вида as_1s_2 (где a — некоторая морфема или цепочка морфем) различаются два случая: 1) существует слово с основой as_1[35] (скажем, *пухо́вый* при *пухови́к*); 2) такого слова не существует (как, например, для производного *большеви́к*).

Поглощающим называется такой суффикс вида s_1s_2, который требует (для правильного предсказания акцентуации производных) разложения основ вида as_1s_2 на $a + s_1s_2$ (а не на $as_1 + s_2$, даже если слово с основой as_1 существует). Как видно из предшествующего разбора, суффикс *-овик* является именно поглощающим: он требует, например, для *пухови́к* анализа *пух-* + *-овик*, а не *пухо́в(ый)* + *-ик*. Сращенный суффикс, не обладающий указанным свойством, называется непоглощающим. Практически мы будем исходить для всех непоглощающих суффиксов из того, что если слово с основой as_1 существует, то членение основы as_1s_2 на $as_1 + s_2$ является не просто возможным, а обязательным. У некоторых сращенных суффиксов поглощающий эффект есть, но не везде. Такие суффиксы в описании отнесены к тому типу, к которому они ближе, а отклонения от чистого типа отмечены.

Примечание. У поглощающих сращенных суффиксов с начальным *-ов-* поглощающий эффект не распространяется на опорное *-ов-* (§ 1.27); например, *Поднепро́вье* с акцентологической точки зрения представляет собой *Поднепров-* + *-j-е*, а не *Поднепр-* + *-ов'j-е* (в последнем случае ожидалось бы ударение **Подне́провье*).

Заменительные суффиксы

§ 1.38. С акцентологической точки зрения (как, впрочем, и с некоторых других) целесообразно рассматривать некоторые суффиксальные производные не как результат обычного соединения основы исходного слова с суффиксом, а как результат замены одной морфемы на другую (суффикса на суффикс или окончания на суффикс). Словоформу, используемую для такой замены, можно назвать в этом случае «опорной». Примеры: суффикс *-ущ-* в *бегу́щий* рассматривается как заменитель окончания *-ут* в словоформе *бегу́т*; *-ик* в *со́чник* — как заменитель окончания *-ый* в *со́чный*; *-ец* в *го́рец* — как заменитель суффикса *-ск-* в *го́рский*.

Указанный способ включения суффикса в основу мы будем называть заменительным — в отличие от обычного, или ад-

[35] При этом как s_1, так и a должны быть полноценными (не остаточными); например, *суро́вый*, *дешёвый* (где *сур-*, *деш-* — остаточные морфы) не подходят.

дитивного, способа. Один и тот же суффикс может употребляться в одних производных аддитивно, в других — заменительно. Ниже для краткости мы будем говорить просто об аддитивных и заменительных суффиксах, имея в виду разные способы использования одних и тех же суффиксов.

Смысл описываемой трактовки состоит в том, что она позволяет существенно упростить акцентологическое описание. Так, трактовка причастного суффикса *-ущ-* как заменительного позволяет в сущности свести его акцентологическое описание к простой отсылке (к форме 3 мн. презенса). Между тем, если рассматривать этот суффикс как аддитивный, то для правильного отображения его акцентных свойств пришлось бы усложнить сам аппарат акцентологического описания: введенной выше системы маркировок для этого было бы недостаточно. То же верно и для суффиксов ряда других неличных форм (при этом существенно, что разные суффиксы потребовали бы не одного и того же усложнения исходного аппарата, а разных). Трактовка слова *гóрец* как полученного заменительным способом из *гóрский* позволяет легко объяснить его корневое ударение, тогда как прямое соединение основы слова *горá* и суффикса *-ец* должно было бы дать **горéц* (т. е. ударение *гóрец* пришлось бы считать исключением).

Специально отметим, что для заменительных суффиксов, вообще говоря, не требуется, чтобы на сегментном уровне речь шла о простой подстановке; например, при замене *кручý* на *крутя́щий* не совпадают алломорфы корня. Существенно лишь, чтобы соблюдалась акцентологическая сторона замены.

Заменительные суффиксы, как и аддитивные, могут иметь различные маркировки, а именно, ↓, ← или → (доминантных заменительных суффиксов нет). Ударение производного с заменительным суффиксом устанавливается так. Часть опорной словоформы[36], стоящая слева от заменяемой морфемы (например, *бег-* в *бегýт*, *гóр-* в *гóрский*), играет роль производящей основы — сильной, если ударение падает на эту часть, слабой — если оно падает правее ее. Акцентный результат ее соединения с суффиксом определяется по общему правилу (§ 1.33). Практически это значит, что если в опорном слове (словоформе) ударение стоит левее заменяемой морфемы, то в результирующем производном это ударение сохраняется (точнее: падает на тот же слог по счету от начала); в противном случае ударение определяется маркировкой суффикса.

Таким образом, заменительные суффиксы отличаются от аддитивных в сущности лишь тем, что они присоединяются не к основе исходного слова, взятой в ее обычном виде и с обычной акцентной характеристикой, а к некоторому отрезку, извлеченному из опорной словоформы, который хотя и похож на основу исходного слова (или

---

[36] Если замене подвергается суффикс, опорной считается исходная словоформа соответствующего слова, например, *гóрский*.

даже совпадает с ней), но может обладать иной акцентной характеристикой. В остальном заменительный суффикс имеет обычные свойства, определяемые его маркировкой.

СПИСКИ СУФФИКСОВ С МАРКИРОВКАМИ

§ **1.39**. Суффиксы перечисляются ниже по акцентным классам, т. е. в соответствии с основной маркировкой (но самые сложные в акцентологическом отношении суффиксы выделены в особый раздел: § 1.56—69). Внутри класса раздельно даны суффиксы существительных, прилагательных, глаголов. Порядок перечисления суффиксов внутри группы — в большинстве случаев обратный алфавитный (при установлении порядка обозначения мягкости — ь или ' — в расчет не принимаются).

Первичные суффиксы специально отмечены; все неотмеченные суффиксы являются вторичными. Специально отмечены также все сращенные поглощающие суффиксы (поскольку это непосредственно важно для применения акцентных правил); напротив, сращенные непоглощающие суффиксы могут никак специально не отмечаться.

Заменительное употребление суффикса вводится формулой «заменительное, вместо *X*», т. е. как замена морфемы *X*. Если не оговорено иное, то верно, что данный суффикс выступает как заменительный везде, где имеется соответствующее слово с морфемой *X*.

Ради краткости в примерах обычно не указывается производящее слово и его акцентные характеристики; предполагается, что читатель сам восстановит эту информацию. В различных списках бесприставочные глаголы представляют (если не оговорено иное) также соответствующие приставочные. В списках исключений не принимаются в расчет слова, полученные неплотным присоединением какихлибо элементов (например, *не-*, *само-*, *авто-* и т. п.) к другому слову (§ 1.4).

Маркировка суффикса непосредственно обеспечивает установление акцентуации: у существительных — во всей парадигме, у прилагательных — в полных формах, у глаголов — в инфинитиве и в прочих формах претеритной субпарадигмы. Ударение кратких форм прилагательных и презенса глаголов выводится из этих данных по общим правилам об ударении в словоизменении (см. также § 1.16—18).

Списки различного рода составлены в объеме Обр. (иногда с небольшими добавлениями из Грамм.); при этом, однако, могут быть опущены слова, зафиксированные только в БАС и/или у Ушакова, а также любые слова, имеющие во всех словарях, где они содержатся, пометы «устаревшее», «областное» или «просторечное». Сведения о степени нормативности тех или иных вариантов, как правило, даются в соответствии с Грамм.

При распределении суффиксов по акцентным классам особую трудность составляют суффиксы, для которых в зафиксированной

словарями лексике нет материала, позволяющего отличить доминантность от недоминантности. В этом случае для решения вопроса использовались потенциальные слова, т. е. проводился эксперимент по окказиональному словообразованию. Так, например, для суффикса *-оньк-а* словари дают только производные со слабым (*голо́вонька, тра́вонька*) или с сильным конечноударным (*берёзонька, ма́монька*) базовым компонентом; соответственно, маркировка здесь может быть ← или ← D. Однако эксперимент с производящими словами типа *я́года, ста́роста* дает совершенно однозначный результат: носители русского языка либо отказываются произвести нужное слово, либо дают ударение *я́годонька, ста́ростонька* (хотя и называют получившееся слово «искусственным», «вычурным» и т. п.); в то же время все они категорически отрицают возможность ударения **яго́донька, *старо́стонька*. Таким образом, суффикс *-оньк-а* обнаруживает свой недоминантный характер. Рассмотренный пример показывает также, что выяснение «истинной» маркировки суффикса отнюдь не является чисто формальным занятием: очевидно, что одинаковая реакция носителей русского языка отражает здесь одинаковость соответствующего морфонологического механизма, входящего в состав общего владения русским языком.

В тех случаях, когда подобный эксперимент не дает результата (например, в связи с полной непродуктивностью суффикса), двусмысленный суффикс такого рода оценивается ниже как недоминантный. Иначе говоря, мы исходим из того, что маркированным свойством, наличие которого должно быть специально доказано, является доминантность.

Доминантные суффиксы

§ **1.40.** С акцентологической точки зрения, доминантные суффиксы — самые простые. Поэтому ниже мы ограничиваемся немногими примерами (даже не для всех суффиксов; слово «например» для краткости опущено); в основном даются примеры с сильным базовым компонентом, чтобы был непосредственно виден доминантный характер суффикса.

Среди доминантных суффиксов значительную часть составляют заимствованные. Они перечисляются ниже отдельно от исконных, поскольку они обладают специфическими морфонологическими свойствами, главные из которых — высокая частота соединения с остаточными базовыми компонентами (ср. *лок-а́ция, аг-е́нт, фен-о́л* и т. п.) и особая система чередований. Соответственно, в этой сфере затруднительно провести четкую границу между полноценными суффиксами и суффиксоподобными элементами, не имеющими четкого самостоятельного значения (например, *-ус, -инг*); не вполне ясен также морфологический статус таких единиц, как *-лог, -олог, -метр, -ометр*. С точки зрения основных задач настоящей книги эта проблематика является периферийной; поэтому ниже мы не занимаемся

разбором этих сложных вопросов, а в списки заимствованных суффиксов включаем лишь бесспорные (и притом не слишком редкие) суффиксы.

Основная маркировка ↓ D

§ 1.41. Суффиксы существительных. Исконные: 1) обширная группа первичных[37] суффиксов экспрессивного характера, образующих существительные общего или женского рода, с общей структурой «гласная + *к*, *г*, *х*, *ш*, *л'* или *н'*»: *-аг-а*, *-ыг-а*, *-яг-а*, *-ак-а*, *як-а*, *-ык-а*, *-юк-а*, *-ул-я*, *-юл-я*, *-ан-я*, *-он-я*, *-ун-я*, *-ах-а*, *-ох-а*, *-ёх-а*, *-ух-а*, *-уш-а* (*хапýга*, *работя́га*, *забия́ка*, *капризýля*, *мама́ня*, *пройдóха*, *нескладёха*, *потаскýха*); сюда же *-ашк-а* (*замара́шка*, *рюма́шка*); 2) сращенные поглощающие суффиксы *-изи́рова-ть* (первичный; *идеализи́ровать*), *-иро́вка* (первичный; *регулиро́вка*, *перебаллотиро́вка*), *-иро́вщик* (*регулиро́вщик*, *проектиро́вщик*), *-овн-я* (названия помещений; *кожéвня*, *харчéвня*, *часóвня*), *-ирова́л-* (*копирова́льный*, *копирова́льщик*), *-о́вич* (в фамилиях: *Абрамо́вич*, *Григоро́вич*); 3) *-ей* (*богатéй*, *грамотéй*), *-ик-а* (в названиях ягод; *клубни́ка*, *ежеви́ка*), неласкательное *-ушк-а* (первичный суффикс; *погремýшка*, *побрякýшка*, *кадýшка*, *кормýшка*) и ласкательно-пренебрежительное *-ушк-а* (*речýшка*, *горýшка*, *собачýшка*, *комнатýшка*, *сараю́шка*); ср. ласкательно-почтительное *-ушк-а* с маркировкой ← (§ 1.53; *рéчушка*, *гóрушка*, *соба́чушка*, *ма́тушка*, *лебёдушка*); 4) *-ан* (*велика́н*, *старика́н*, *политика́н*, *горла́н*, *брата́н* и т. д. — схема *a*); но отклоняются *кожа́н*, *пуза́н* (схема *b*), колеблется *брюха́н* (*брюха́на* || *брюхана́*). Далее, маркировку ↓ D имеют морфы *-ён-* (в составе *-ён-ок*, *-ён-ыш*, *-ён-к-а*, ср. *цыганёнок*, *утёныш*, *работёнка*), *-ят-* (в *-ят-а*, *-ят-ин-а*, *-ят-н-я*, *-ят-ник* и др., ср. *страуся́та*, *медвежа́тина*, *лягуша́тник*).

Доминантностью обладает также морф *-и-* (первичный), выступающий в *-и-л-*, *-и-тель* и более длинных составных суффиксах (об отличии этого *-и-* от тематического *-и-* см. § 1.20); ср. *мази́ла*, *мери́ло*, *морози́лка*, *пари́лка*, *пари́льня*, *плави́льник*, *плави́льщик*, *граби́тель*, *изготови́тель*, *ограничи́тель*, *вытрезви́тель*, *сказите́ль*, *попечи́тель*, *превосходи́тельство*. Морф *-и-* участвует в образовании не только существительных, ср. *глади́льный*, *краси́льный*, *служи́лый*, *расти́тельный*, *ознакоми́тельный*, *действи́тельный*. Однако в современном языке еще сохраняется некоторое число слов, где данный морф ведет себя как недоминантный (т. е. в соответствии со своим древним статусом): *ва́бильщик*, *сла́вильщик*, *утю́жиль-щик*, *-ный*, *па́рильщик*, *ба́грильщик*, *мéрильщик*, *чи́стильщик* (но разг. *чисти́ль-*

[37] Примеры, доказывающие первичность (*задава́ка*, *выпивóха*, *втирýша* и т. п.), реально имеются не для всех суффиксов группы; но эти суффиксы столь однотипны, что естественно признать первичность свойством всей группы.

щик), *пáрилка* (технич.), *чи́стилка*, *мнóжи-тель*, *-тельный*, *дви́житель*; кроме того, опростившиеся *прáвило* и *прáвильный* (ср. прозрачные по членимости *прави́ло* 'линейка', 'колодка', 'хвост у борзой' и *прави́льный* — от *прави́ло* и от *прáвить*). Отметим, что во всех этих случаях исходный глагол относится к несовершенному виду; тем самым *-и-* отчасти сближается с *-им-* и *-ение* (§ 1.67).

Далее, к классу ↓D относится большинство заимствованных суффиксов: 1) первичные[38] *-áциj-а*, *-и́циj-а*, *-изм*, *-ист*; 2) *-ад*, *-ад-а*, *-оз*, *-áрий*, *-óрий*, *-énциj-а*, *-ал*, *-ол*, *-ин* (вещество), *-иóн*, *-онéр*, *-ир*, *-áтор*, *-и́тор*, *-ур-а*, *-ис-а*, *-есс-а*, *-ат*, *-ат-а*, *-ет*, *-итéт*, *-ит*, *-ант*, *-ент*, а также ряд более редких; ср. *канализáция*, *банди-ти́зм*, *пушкини́ст*, *лимонáд*, *колоннáда*, *сценáрий*, *персонáл*, *метанóл*, *кофеи́н*, *лампиóн*, *бригади́р*, *реформáтор*, *агентýра*, *принцéсса*, *чемпионáт*, *генералитéт*, *банди́т*, *квартирáнт*, *рецензéнт*. Значительная часть этих суффиксов может выступать также в соединении с различными дополнительными морфами (*-из-*, *-фик-* и др.), например, *-из-áциj-а*, *-фик-áциj-а*, *-из-áтор* и т. п.

Суффиксы прилагательных. Исконные: *-ав-*, *-ляв-*, *-юсеньк-*, *-ёшеньк-*, *-ёхоньк-*[39], *-ин-*, *-енн-* (усилительное), *-ат-*, *-овáт-*, *-ит-*, *-ови́т-*, *-аст-*, *-уч-* (первичный суффикс), *-яч-* (отглагольное; первичный суффикс), *-яч-* (отыменное), *-ущ-*, *-ющ-* (усилительные), ср. *величáвый*, *костля́вый*, *малю́сенький*, *здоровёхонький*, *соколи́ный*, *крыси́ный*, *лягуши́ный*, *толстéнный*, *мордáтый*, *космáтый*, *витиевáтый*, *жуликовáтый*, *замысловáтый* (от *зáмысел*), *трещиновáтый*, *знамени́тый*, *глянцеви́тый*, *ядови́тый*, *гривáстый*, *горлáстый*, *плакýчий*, *царапýчий*, *вися́чий*, *доезжáчий*, *лягушáчий*, *здоровýщий*, *хитрю́щий*; ср. еще *сутуловáтый*, *нарочи́тый* (с опростившимися базовыми компонентами). В случаях типа *клеёнчатый*, *рисýнчатый*, *клéтчатый*, *веснýшчатый* мы имеем дело не с *-ат-*, а с *-чат-* (маркировка ←), поскольку последнее обладает поглощающим эффектом, см. § 1.54.

Суффикс *-ив-* также имеет маркировку ↓D (*правди́вый*, *плакси́вый*, *фальши́вый* и т. д.; сюда же *молчали́вый*, *гордели́вый*, *терпели́вый*, ср. § 1.48, о суффиксе *-лив-*); но от нее есть некоторые отступления (где сохраняется прежний недоминантный характер суффикса): *ми́лостивый*, *юрóдивый* (ср. нелитер. *юроди́вый*), *незлóби́вый*, также устар. *много-*, *сладкоглагóливый*. Слова на *-люби́вый* (*человеколюби́вый*, *жизнелюби́вый* и т. п.) с акцентологической точки зре-

---

[38] Заметим, что признаки первичности проявляются здесь лишь в очень слабой форме: *перерегистрáция*, *передислокáция* и т. п. (но другие приставки, кроме *пере-*, в словарях не отмечены); *отзов-и́зм*, *-и́ст*, *уклон-и́зм*, *-и́ст*, *наплеви́зм* (ср. *отзовý*, *уклоню́сь*, *наплевáть*).

[39] В *-юсеньк-*, *-ёшеньк-*, *-ёхоньк-* маркировка ↓D в сущности принадлежит морфам *-юс*, *-ёх-* (*-ёш-*), а *-еньк-*, *-оньк-* здесь то же самое, что в § 1.54 (для полных форм) и § 1.48 (для кратких форм). Заметим, что с сильными основами эти суффиксы соединяются с трудом (ср. потенциальные *суровёхонек*, *красивёхонек*).

ния имеют неплотно присоединенную начальную часть. См. также выше об *-и-ль-н-*, *-и-тель-н-*.

Из числа заимствованных маркировку ↓D имеют первые морфы в составных суффиксах *-и́ч-еск-*, *-ич-н-*, *-ан-ск-*, *-иа́н-ск-*, *-ив-н-*, *-оз-н-*, *-аль-н-*, *-а́бель-н-*, *-он-н-*, *-ар-н-* и некоторых более редких; ср. *мифи́ческий*, *дифтонги́ческий*, *дипломати́чный*, *республика́нский*, *мальтузиа́нский*, *спорти́вный*, *религио́зный*, *колониа́льный*, *транспорта́бельный*, *революцио́нный*, *дисциплина́рный*. При этом суффиксы *-ич-еск-*, *-ич-н-* обладают поглощающим эффектом по отношению к суффиксам *-ик* (заимствованное), *-ик-а* (заимствованное): *лири́ческий*, *лири́чный* (ср. *ли́рик*, *ли́рика*), *хими́ческий* (ср. *хи́мик*), *геральди́ческий* (ср. *гера́льдика*); однако *со́бственнический*, *пря́ничный*, *у́личный* (где суффиксы исконные).

Маркировку ↓ D имеют также первые морфы в *-ий-ск-*, *-ей-ск-*, *-ий-н-*, *-ей-н-*, причем они поглощают *-иj-*, *-еj-* (любого происхождения) в конце производящей основы (даже если эти *-иj-*, *-еj-* являются не полноценными суффиксами, а субморфами): *инди́йский*, *инде́йский*, *арме́йский*, *кали́йный*, *лине́йный*, *оруже́йный*, *кофе́йный* (ср. *И́ндия*, *а́рмия*, *ка́лий*, *ли́ния*, *ору́жие*, *ко́фе* [или *ко́фей*]). Однако здесь встречаются и некоторые отклонения (только в редких, неосвоенных словах): *гра́вийный*, *ле́звийный*, *мо́лнийный*, *о́пийный*, *ко́рпийный*, *ма́нтийный*.

Суффикс глаголов: <u>*-а-ть*</u> во вторичных имперфективах (после корня на гласную *-в-а-ть*; но *в* здесь естественно интерпретировать просто как консонизатор корня); ср. *изготовля́ть*, *осведомля́ть*, *умилостивля́ть*, *выправля́ть*, *ухудша́ть*, *приседа́ть*, *открыва́ть*, *выдува́ть*.

Основная маркировка →D

§ 1.42. Суффиксы существительных (все исконные): <u>*-еж*</u>, <u>*-ёж*</u>, <u>*-j-о*</u> (собирательное), <u>*-няк*</u>, <u>*-чак*</u>, <u>*-н-я*</u> (собирательное), отглагольные <u>*-н-я*</u>, <u>*-овн-я*</u>, <u>*-отн-я*</u> (имена действия), <u>*-ун*</u> (первичный суффикс), <u>*-от-а*</u> (отадъективное имя качества), <u>*-ач*</u>, <u>*-аш*</u>; ср. *паде́ж*, *падёж*, *картёж*, *хулиганьё*, *бабьё*, *хамьё*, *березня́к*, *известня́к*, *стульча́к*, *солдатня́*, *ребятня́*, *мазня́*, *болтовня́*, *пачкотня́*, *потаску́н*, *царапу́н*, *пачку́н*, *правота́*, *мерзлота́* (с более конкретным значением), *цирка́ч*, *рифма́ч*, *морда́ш*. Отклонение: *дво́рня* (ср. нелитер. *дворня́*).

Основная маркировка ← D

§ 1.43. Этот класс суффиксов — самый немногочисленный. Маркировку ← D в чистом виде (без пометы Init) имеют только неисконные суффиксы: <u>*-ик*</u> (заимствованное), <u>*-ик-а*</u> (заимствованное), <u>*-тор*</u>, <u>*-сор*</u>; ср. *ева́нгелик*, *ишиа́тик*, *догма́тик*, *анали́тик*, *дистро́фик*, *перио́-*

дика, симвóлика, топонúмика, рито́рика, синтéтика, архитéктор, компрéссор (ср. также *-áтор, -úтор*; слово *мотóр* нечленимо).

Маркировку ← D Init имеют первичные суффиксы (исконные): *-ень* (с беглым *е*; мужской род) и суффиксы женского рода -’- (условное обозначение нулевого суффикса, вызывающего смягчение последней согласной основы), *-ть, -ль, -нь*. Таким образом, основы всех производных этой группы оканчиваются на мягкую согласную (заметим, что суффиксы *-ть, -ль, -нь* в принципе можно рассматривать как составные, включающие в качестве второго элемента -’-). Примеры: *бúвень, скóвородень, бáловень, кóлышень* ‘зыбь’, *прóлежень, óползень, сбúтень, óборотень, пéревертень*, также pluralia tantum *брéдни, рóссказни, рóзвальни* и т. п.; *мóлодь, пóгань, зéлень, тéмень, гóречь, мéлочь, вéтошь, рéтушь, прóрубь, зáповедь, úзгородь, пéревязь, óторопь, пéрекись, свóлочь; чéтверть, пóдать, нéжить, прóпасть, зáвисть, нéнависть; пáдаль, нéвидаль, óтрасль, пóросль; рýгань, клёпань, прúстань*. Особый интерес представляют производные с заведомо именным (следовательно, доминантным) комплексом в качестве базового компонента, например: *прúхвостень, пóручни, нáледь, прóседь, óтмель, óзимь, бéздарь, úскопыть, бéстолочь* (также *нéпогодь, нéчисть* и т. п.); *úноходь, кóновязь, рýкопись, úконопись, сы́ромять, вóдоросль*. Здесь видно, что доминантный базовый компонент совместим с доминантным суффиксом класса ← D (в отличие от суффиксов классов ↓ D и → D, см. § 1.31); при этом по общему правилу «побеждает» суффикс.

Имеются, однако, небольшие отклонения: 1) в сторону маркировки → (без D) у *-ень — слепéнь, плетéнь, перестуnéнь, копы́тень, поддýбень, чересседéлень*; 2) в сторону маркировки → (без D) у -’-, *-ть- — постéль, нашéсть, напáсть, гололéдь, круговéрть, благодáть, рукоя́ть* (ср. еще опростившееся *супóнь*); 3) особое отклонение: *машúнопись*.

Суффиксы с непостоянной маркировкой

§ **1.44.** Некоторые доминантные суффиксы колеблются между разными классами.

У суффиксов *-ак, -як* главной является маркировка → D, ср. *рыбáк, большáк, туля́к, сибиря́к* и т. д. — схема *b*. Однако в небольшой группе слов (включающей в основном названия национальностей) мы находим здесь маркировку ↓ D: *австрия́к, поля́к, словáк, коря́к*, кроме того, *манья́к* и заимствованные *юнáк, краковя́к* — схема *a*.

У суффикса *-аж* главной является маркировка → D Polysyll, ср. *типáж, метрáж, литрáж, монтáж, листáж* и др. — схема *b*, но *подхалимáж, шпионáж, персонáж, демонтáж, репортáж* и др. — схема *a* (в силу эффекта Polysyll). Однако наряду с этим суффикс *-аж* обнаруживает также маркировку ↓ D; она выступает как

правило при неосвоенности слова. Так, в частности, слова *зондáж*, *дренáж*, *тренáж*, *баррáж*, *массáж* в профессиональной речи относятся к схеме *b*, а в непрофессиональной речи (и в литературной норме) — к схеме *a*. Литературная норма закрепляет схему *a* также за словами *кливáж*, *пейзáж*, *лекáж*, *блокáж*, *кулáж*, *примáж*, *гренáж*, *тоннáж*, *уврáж*, *вирáж* (в фотографии), *фиксáж*, *корсáж*, *пассáж*, *плантáж*, *каптáж*, *куртáж* (во многих из них базовый компонент — остаточный); в слове *мирáж* допускаются схемы *a* и *b*. Как легко видеть, в этом списке в основном представлены слова либо книжные, либо малоизвестные основной массе носителей языка, т. е. именно такие, для которых литературная норма обычно предписывает ударение, соответствующее неосвоенности.

У суффикса -ар, -яр- при главной маркировке ↓ D (ср. *коммунáр*, *эмиссáр*, *гонорáр*, *формулáр*, *овчáр* — схема *a*) в части слов действует маркировка → D: *бочáр*, *малáр*, *школáр*, *столáр* (также опростившееся *гончáр*) — схема *b*; колеблется *гуслáр*.

Усложненные отношения связывают суффиксы -ёр и -ер в названиях лиц и устройств (трудность в том, что безударное -ер в принципе можно идентифицировать как с -éр, так и с -ёр). В тех случаях, где -ёр (-ер) является полноценным суффиксом (а не просто субморфом), имеется тенденция к следующему распределению: -ёр ↓ D (первичное) и -ер ↓ D в названиях лиц, -ер ← D в названиях устройств. Примеры: *ухажёр*, *боксёр*, *шахтёр*, *билетёр*, *киоскёр*, *парламентёр*; *костюмéр*, *легионéр*, *миллионéр*; *контрóллер* (прибор), *абсóрбер*, *конвéртер*, *компóстер*. Имеется, однако, довольно много отклонений: ср. названия устройств *тренажёр*, *электролизёр*, *маркёр*, *рафинёр*, *трассёр*, *стартёр*, *меланжёр*, названия лиц *дóкер*, *фейервéркер*, *фéрмер*, *трéнер*, *комбáйнер* (// *комбайнёр*), *спрúнтер*. Ситуация осложняется тем, что субморф (не суффикс) -ер (без ударения) представлен в названиях лиц весьма широко: *гáер*, *ю́нкер*, *мáклер*, *шýлер*, *снáйпер*, *мáстер*, *шáфер*, *кýчер* и т. д.

§ 1.45. Сложна акцентуация суффикса -иј-а (не в составе -ациј-а, -ициј-а, -циј-а, -сиј-а). Здесь конкурируют две маркировки: ← D и ↓ D. Их распределение определяется несколькими факторами, главный из которых — семантический. Преобладает маркировка ← D, поэтому проще перечислить случаи, где выступает более редкая маркировка, т. е. ↓ D. Эти случаи таковы (производные с обычным и с остаточным базовым компонентом здесь и далее рассматриваются вместе).

1. Названия а) состояний (в частности, биологических, в т. ч. болезней) и свойств, б) областей практической деятельности (в частности, врачебной) — при их употреблении в профессиональной речи. Примеры: а) *невралгúя*, *аллергúя*, *ностальгúя*, *абулúя*, *анемúя*, *гипертонúя*, *истерúя*, *эйфорúя*, *атрофúя*, *дистрофúя*; *синонимúя*, *ахромúя*, *изотермúя*, *эвфонúя*, *энтропúя*, *мимикрúя*, также *содомúя*, *симонúя*, *тиранúя*, *деспотúя*; колебание — *афáзúя*, *сим-*

мéтри́я[40], *акри́би́я*; б) *хирурги́я*, *терапи́я*, *рентгеноскопи́я*, *ветеринари́я*, *санитари́я*, *педиатри́я*, *фармаци́я*; *филатели́я*, *телефони́я*, *маркшейдери́я*, *телеграфи́я*; колебание — *ортопéди́я*, *металлýрги́я*, *кулинáри́я*, *индýстри́я*, *полигрáфи́я*. Среди редких слов имеются также некоторые отклонения, но не исключено, что лексикографам просто осталось неизвестным соответствующее профессиональное ударение.

В непрофессиональной речи в этих же семантических группах представлено ударение по классу ← D; ср. такие общеупотребительные слова, как *меланхóлия*, *мáния*, *апáтия*, *энéргия*, *фантáзия*, *гармóния*, *ирóния*, *мизантрóпия*, *филантрóпия*, *антипáтия*, *симпáтия*, *демокрáтия*, *анáрхия*, *инéрция*, *гастронóмия*, *фотогрáфия* (как род занятия). Такое же ударение закреплено литературной нормой и за рядом более специальных, но все же широко известных вне профессиональной сферы слов: *агóния*, *эпилéпсия*, *иди́ллия*, *гегемóния* (ср. возможность таких ударений, как *агони́я*, *эпилепси́я* в профессиональной речи). В то же время, например, слова *маляри́я*, *гипертони́я*, *хирурги́я*, *тирани́я*, *деспоти́я* закреплены нормой в их профессиональном виде (несмотря на достаточную распространенность).

2. Слова церковной сферы (сохраняющие церковнославянское ударение) *панаги́я*, *литурги́я*, *хиротóни́я*, *месси́я*, *патриáрхи́я*; сюда же примыкает *вити́я*; поздние заимствования (сохраняющие иноязычное ударение) *остери́я*, *траттори́я*, *сеньори́я*, *синьори́я*, *жакéри́я*. Особо стоят церковнославянизмы *лити́я́*, *пареми́я́* (с флексионным ударением).

В прочих случаях *-ij-a* ведет себя (за несколькими исключениями) по классу ← D. Приводим примеры по семантическим группам. Живые существа: *бéстия*, *фýрия*, *инфузóрия*, *нýтрия*. Исчисляемые материальные предметы: *сандáлия*, *мáнтия*, *камéлия*. Территории, помещения, учреждения: *импéрия*, *губéрния*, *Итáлия*, *стýдия*, *акадéмия*, *гимнáзия*, *канцеля́рия* (исключение: *перифери́я*). Литературные, музыкальные, графические произведения: *комéдия*, *би́блия*, *биогрáфия*, *áрия*, *симфóния*, *фотогрáфия* (предмет). События, единичные акты: *авáрия*, *церемóния*, *амни́стия*, *эпидéмия* (исключения: *перипети́я*, *пандеми́я*, *эндеми́я*). Различные исчисляемые абстрактные объекты: *ли́ния*, *стáдия*, *категóрия*, *фами́лия*, *калóрия* (исключения: *стихи́я*, *диóптри́я*). Вещества: *магнéзия*, *матéрия*. Коллективы, собирательные понятия: *áрмия*, *брáтия*, *жандармéрия*, *аристокрáтия*, *бижутéрия*, *топони́мия* (исключение: *буржуази́я*). Науки, учения, теории, формы словесности: *хи́мия*, *истóрия*, *геолóгия*, *астронóмия*, *геомéтрия*, *геогрáфия*, *анатóмия*, *филосóфия*, *космогóния*, *орфоэ́пия*; *рели́гия*, *теóрия*, *стратéгия*, *поэ́зия*, *мифолóгия*, *демагóгия*, также *мáгия* (исключения: *драматурги́я*, *теурги́я*).

---

[40] Бытующее у математиков ударение *симмéтрия* следует объяснять как результат сознательного отталкивания от распространенного в других профессиях (и в непрофессиональной сфере) ударения *симметри́я*.

Заметим, что последняя семантическая группа уже сравнительно близка к названиям областей практической деятельности (которые входят в другой акцентный класс, см. выше), поэтому здесь возможны переходные и семантически нечеткие случаи (где соответственно снижается и действенность правила). Существенно, однако, что в семантически ясных случаях акцентные различия здесь достаточно четки; ср., например, *геоме́трия*, *геогра́фия*, *анато́мия* (науки) и *спироме́три́я*, *телеграфи́я*, *телефони́я* (области практической деятельности).

Недоминантные суффиксы

§ 1.46. Недоминантные суффиксы с акцентологической точки зрения сложнее доминантных; поэтому они разбираются ниже с бо́льшей подробностью. При разборе отдельного суффикса вначале даются примеры со слабым базовым компонентом, а после тире — с сильным (если имеется соответствующий материал); доминантные базовые компоненты отличны от прочих тем, что входящий в их состав именной морфемный комплекс (получивший доминантность в силу § 1.28) выделен квадратными скобками. После формулы типа «эффект Deox» даются примеры, иллюстрирующие акцентное действие соответствующей дополнительной пометы. Слова «например», «примеры» для краткости обычно опускаются.

В списки отклонений не включаются те производные, где акцентная неправильность состоит только в нестандартном месте ударения внутри приставочно-корневого комплекса, например, *за́работок*, *ро́зыгрыш*, *на́бережная*; см. общий список таких слов в § 1.28, A III. Никак специально не отмечаются также производные, относящиеся к иным схемам ударения, чем *a* и *b* (например, *стрельба́*, *высота́* — схема *d*, *но́вость* — схема *e*); см. соответствующие указания в § 1.18.

Примечание. Среди отклонений от ожидаемого ударения особое место занимают случаи, когда неправильность состоит в ударении *о́и*, *а́и*, *е́и* вместо *ои́*, *аи́*, *еи́*, например, *тро́ица*, *гно́ище*, *на́игрыш*, *про́игрыш*, *кле́ить*, *удво́ить*, *утро́ить*. По крайней мере часть таких отклонений с исторической точки зрения обусловлена чисто фонетическим процессом (см. § 3.2, замеч.).

Основная маркировка ↓

§ 1.47. Ниже даются примеры со слабыми и сильными базовыми компонентами; о промежуточных базовых компонентах при суффиксах класса ↓ см. § 1.50.

Суффиксы существительных.

-*ай* (первичный суффикс): *расстега́й*, *урожа́й*, *нагоня́й*, *негодя́й*, *молоча́й*; ср. после морфа -*ат*- ↓ в составе сращенного -*а́тай* — *соглята́тай*, *хода́тай*. Отклонения: 1) в сторону вторичности — *слу́чай*, *обы́чай*, *свы́чай*; 2) *полица́й*.

-*ов'j-е* (поглощающий сращенный суффикс): *гнездо́вье, низо́вье, зимо́вье, стано́вье, кочёвье* (относительно *Поднепро́вье, средневеко́вье* и т. п. см. § 1.37, примеч.).

-*овк-а* (кроме случаев с заменительным -*к-а*, § 1.53; первичный суффикс): *голодо́вка, распило́вка, сверло́вка — забега́ловка, обира́ловка, принуди́ловка*. Ср. доминантное -*ировк-а*, § 1.41.

-*о́вник* ↓ Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *кочёвник, чаёвник, солодо́вник, полко́вник, храмо́вник, гербо́вник, пихто́вник, грушо́вник — горо́ховник*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: 1) *дневни́к, баловни́к* (с -*ик* →); 2) *са́говник, ма́ковник, ту́товник* (с -*ник* ←). Прочие отклонения: *духовни́к, столовни́к, чаровни́к; азбуко́вник*.

-*я́ник* ↓ Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *конопля́ник, ольша́ник, доща́ник, жестя́ник, нефтя́ник*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: *дровяни́к, водяни́к, волосяни́к, торфяни́к* (но разг. *торфя́ник*), *ма́сляник, серёбряник* (все с обычным -*ик* →).

-*инк-а* (кроме случаев с заменительным -*к-а*, § 1.53): *вечери́нка, песчи́нка, тропи́нка — [зава́л]инка*.

-*ишк-а*, -*о*: *шалуни́шка, пиджачи́шко, мелочи́шка, городи́шко, сыни́шка, ружьи́шко — [огоро́д]ишко, [дохо́д]ишко, челове́чишка, здоро́вьишко, си́лишка, пла́тьишко*. Отклонение: *кафта́ни́шко*. Особый случай: *приготови́шка* (получено знаменительным способом из *приготови́тельный*).

-*ин* (сингулятивное): *господи́н — тата́рин, крестья́нин, ба́рин*. Отклонение: *простолюди́н* (с нарушением правила об акцентуации двукорневых комплексов).

-*ин-а* (исконное; все значения, кроме отадъективного имени качества), маркировка ↓, но в функции сингулятива (от неисчисляемых) — ↓ Deox. Примеры: *мужичи́на, осетри́на, хворости́на, масли́на, доми́на, вощи́на — [червото́ч]ина, [домотка́н]ина, [разва́л]ина, [вмя́т]ина, [пощёч]ина, [окра́j]ина, вы́боина, цара́пина, бара́нина, грома́дина, горо́шина, старе́йшина, ры́бина, о́спина, я́година, вся́чина, пе́жина*. Эффект Deox у сингулятивов: *кирпи́чина, чесно́чина, камы́шина, минда́лина*[41], также *песо́чина, уто́чина* 'отдельная нить утка' (с нерегулярным сохранением беглого *о*); ср. отсутствие эффекта Deox у увеличительных, например, *кирпичи́на, чесночи́на, балычи́на*. Отклонения: 1) *хлёбина* 'цветочная пыльца', *жа́дина, ро́дина, ста́рина* 'былина', *лы́сина, о́тчина* (*во́тчина*), *тре́щина*, разг. *о́бщина* (при нормативном *общи́на*); ср. еще *ры́твина*; 2) *жемчу́жина, стерля́жина* (последнее получено заменительным способом из *стерля́жий*); 3) *старшина́, купина́* (о *быстрина́, седина́, целина́* см. § 1.51). См. также -*овин-а*, -*щин-а* ниже.

---

[41] Эффект Deox здесь не совсем устойчив: в сингулятивном значении изредка встречаются также и *камыши́на, кирпичи́на* и т. п.

Слова на *-овин-а* распадаются на две группы. В первую группу входят: а) названия мяса (шкуры) животного, например, *волбвина, бобрбвина, бáрсовина* (шкура); б) чистые сингулятивы, например, *мáковина, лýковина*; в) экспрессивные (или даже вульгарные), обычно пренебрежительные, слова со значением 'произвольный единичный предмет', например, *фигбвина, хренбвина, пустякбвина, чепухбвина*. В этой группе почти везде есть соответствующее прилагательное с *-ов-* (*волбвый, мáковый, пустякбвый* и т. д.); от него и образуется слово на *-овин-а* (с помощью обычного *-ин-а*). Особо стоят только *штукбвина* (слово подгруппы «в») и отчасти близкое к нему по значению слово *дикбвина*. Во вторую группу входят слова на *-овин-а* со всеми прочими значениями, например, *мочевúна, белковúна, шелковúна, мешковúна, сердцевúна, седловúна, котловúна, крестовúна, пуповúна, половúна*. Во всех этих случаях выступает поглощающий сращенный суффикс *-овúн-а* ↓ Monosyll. Примеры эффекта Monosyll: *клетковúна, клейковúна*. Поглощающий характер виден, например, в словах *белковúна, шелковúна, крестовúна*.

-щин-а (после *д, т* [но не *нт*] — *-чин-а*). 1. Аддитивное: *годовщúна, дармовщúна, штурмовщúна, групповщúна — митингбвщина, небывáльщина*, также *поножбвщина, безотцбвщина* (с опорным *-ов-*, § 1.27). 2. Заменительное, вместо *-ск-* и *-н-*: *ямщúна — зéмщина, гéтманщина, дьявольщина, солдáтчина, уголбвщина, кустáрщина, воéнщина* (ср. *ямскбй, зéмский, гéтманский, дьявольский, солдáтский, уголбвный, кустáрный, воéнный*). Особое орфографическое оформление в *немéтчина, турéтчина*. Отметим еще опростившиеся *мужчúна, жéнщина*. Отклонения: *чертовщúна, матерщúна* (при *чертбвский, мáтерный*).

-ын-я: *рабы́ня, богúня, пусты́ня — государыня, бáрыня* (ср. *бáры*) Отклонение: *героúня*.

-от-а (отглагольное; первичный суффикс): *потягбта, икбта, зевбта*. Отклонения: 1) *маетá, тошнотá, хрипотá, сипотá*; 2) *тягота, пáхота*.

-их-а (первичный суффикс): *облепúха, неразберúха*; *воробьúха, сторожúха, купчúха, портнúха, слонúха — [урбд]иха, медвéдиха, стáростиха, двбрничиха, городнúчиха*.

-иц-а. 1. Аддитивное: *рукавúца, мастерúца, сестрúца, волчúца, светлúца, темнúца, больнúца, пояснúца, передовúца, власянúца — [разноголбс]ица, [бездéл]ица, [пересбрт]ица, [разлáд]ица, [богорбд]ица, медвéдица, кнúжица, лечéбница, кбнница, лýковица, селúтряница, пýтаница*. Слово *петлúца* соотносится с акцентным вариантом *петля́*. Отклонения: а) *девúца* (ср. народно-поэт. *дéвица*), *кобылúца, ступúца* (но професс. *стýпица*), *кашúца* 'полужидкая масса' (ср. ласкательное *кáшица*); *гробнúца, снежнúца, слезнúца, дойнúца, колеснúца*; *единúца, рожéнúца, сушенúца*; *шелковúца, свекловúца, багрянúца*; *императрúца*; б) *úглица* (растение), *веретé-*

ни́ца (ящерица), *пья́ница*, *ста́рица* 'старое русло', *я́дрица*; *ро́вница*, *у́мница*, *во́льница*; особо стоят *дво́ица*, *тро́ица* (§ 1.46, примеч.); в) *ви́селица*.

2. Заменительное (в названиях женщин), вместо *-ец* и *-ик* (в т. ч. в составе суффиксов *-ник*, *-чик*, *-щик*): *жили́ца*, *проводни́ца*, *поставщи́ца* — *краса́вица*, *пра́ведница*, *зака́зчица* (ср. *жиле́ц*, *проводни́к*, *поставщи́к*, *краса́вец*, *пра́ведник*, *зака́зчик*).

-ниц-а (не в названиях женщин, соотнесенных с производными на *-ник*, и при отсутствии соответствующего прилагательного с *-н-*, ср. выше): *скребни́ца*, *мазни́ца*, *возни́ца*, *божни́ца*, *бойни́ца*, *зарни́ца*, *пороховни́ца* — *поле́нница*, *здра́вница*, *пя́тница*. Отклонения: *зво́нница*, *ва́рница*, *ме́льница*.

-о́вич ↓ Triv (в апеллятивах и отчествах): *попо́вич*, *царе́вич*, *Петро́вич* — *Семёнович*, *Серге́евич*; ср. доминантное *-о́вич* в фамилиях (§ 1.41).

-ищ-а: *бороди́ща*, *ручи́ща* — *соба́чища*, *ла́пища*. Отклонение в сторону доминантности: *скучи́ща*.

-ищ-е: *городи́ще* (два омонима), *костри́ще* (два омонима), *волчи́ще*, *жили́ще* — [*убе́ж*]*ище*, [*сбо́р*]*ище*, [*побо́j*]*ище*, [*приста́н*]*ище* (с консонизатором *н*), [*посме́ш*]*ище*, [*про́зв*]*ище*, *моро́зище*, *храни́лище*. Отклонения: *чу́дище*, *то́ржище*, *ко́злище*, *ржа́нище*, *поло́тнище*, *и́грище*, *де́тище*, *по́лчище* (все в сторону ←); особо стоит *гно́ище*. См. также *-бищ-е*, § 1.53.

-ови́щ-е: *токови́ще*, *серпови́ще*, *косови́ще*. Отклонения: *чудо́вище*, *зимо́вище* (ср. еще нелитер. *стано́вище* при нормативном *станови́ще*).

§ 1.48. Суффиксы прилагательных.

-лив- ↓ Monosyll Deox: *бережли́вый*, *торопли́вый*, *говорли́вый*, *сиротли́вый*, *пугли́вый*, *болтли́вый*, *пытли́вый*, *сонли́вый*, *дождли́вый* — [*прожо́р*]*ливый*, [*привере́д*]*ливый*, [*въе́д*]*ливый*, [*поня́т*]*ливый*, [*насме́ш*]*ливый*, [*засу́ш*]*ливый*, *тала́нтливый*, *конфу́зливый*, *соба́чливый*. Эффект Monosyll: *драчли́вый*, *счастли́вый* (ср. ниже), *бурли́вый* (если связывать это слово с *бу́ря*). Эффект Deox: *чуда́чливый*. В ряде случаев слово с *-лив-* можно соотносить как с глаголом, так и с существительным. С акцентной точки зрения это безразлично; например, ударение слов *шкодли́вый*, *сварли́вый*, *дура́чливый* (*дура́шливый*), *кура́жливый* регулярно при соотнесении их как с глаголами (что́ предпочтительно), так и с существительными (в последнем случае действуют характеристики Monosyll и Deox). Особые случаи: в нескольких словах произошло опрощение базового компонента, приведшее к потере им доминантности: *счастли́вый* (ср. сохранение старого ударения в кратких формах: *сча́стлив*, *-а*), *скучли́вый*, *сметли́вый* (устар. *сме́тливый*), *смазли́вый*, *спотыкли́вый*; также *особли́вый*, *справедли́вый*, *прозорли́вый* (где вдобавок суффикс *-лив-* ведет себя как доминантный). Прочие особые случаи: *выно́сливый*, *зави́стливый*, *боязли́вый*, *шаловли́вый*; колебание: *вьюжли́вый*. Отметим еще *ве́жливый* (с остаточным базовым компонентом). В словах *молчали́вый*, *тер-*

пелйвый, горделйвый правильнее усматривать не *-лив-*, а суффикс *-ив-* после консонизатора *л*.

-чив-: *бранчйвый* — *[сговóр]чивый*, *[влю́б]чивый*, *[восприи́м]чивый*, *[ужйв]чивый*.

-ов ↓ Triv (притяжательные прилагательные и фамилии): *отцóв*, *попóв*, *Петухóв* — *племя́нников*, *Семёнов*, *Сóлнцев*. Эффект Triv: *чёртов*, *Гýсев*, *Гóлубев*, *Рáков*, *Дья́конов*.

Примечание. В фамилиях на *-иков* это *-иков* в большинстве случаев функционирует как поглощающий сращенный суффикс с маркировкой ←, например: *Стáриков*, *Гóликов*, *Нóвиков*, *Бéликов*, *Крýгликов* (однако, например, *Городовикóв*).

-ёнек (после *к*, *г*, *х* *-óнек*; вторая гласная беглая), производное имеет только краткие формы (см. Грамм., с. 75, § 11): *тяжелёнек*, *слабёнек*, *великóнек*, *строгóнек* — *тяжелёхонек*, *радёшенек* (после морфов *-ёх-*, *-ёш-* ↓ D, см. сноску 39). С сильными основами (без дополнительных *-ёх-*, *-ёш-*) суффикс не соединяется.

-ок-: только *далёкий*, *глубóкий*, *высóкий*, *ширóкий*, *одинóкий*.

-овск- ↓ Triv (кроме семантической группы «отрицательных действий типа колдовства, плутовства, хвастовства», см. § 1.52): *толстóвский* — *бýндовский*, *мáртовский*, *áвгустовский* (ударение *августóвский* устарело).

-ом- (причастия, прилагательные со значением потенциальности; первичный суффикс): *ведóмый*, *несóмый* — *колéблемый*, *читáемый*, *несгорáемый*.

-овн- ↓ Monosyll: *плачéвный*, *санóвный*, *духóвный* (относительно *безгрехóвный* и т. п. см. § 1.37, примеч.). Отклонение: *дневнóй*.

-ённ- (причастия; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-ит* в 3 ед. презенса (у *i*-глаголов) или вместо *-ла* в ед. жен. прош. времени (у *С*-корневых глаголов) [42]: *прощённый*, *закалённый* — *зажáренный*, *изнóшенный* (ср. *простúт*, *закалúт*, *зажáрит*, *изнóсит*); *сплетённый*, *учтённый* — *укрáденный*, *пострúженный* (ср. *сплелá*, *учлá*, *укрáла*, *пострúгла*). У *i*-глаголов имеется, однако, довольно значительное число отклонений. Причастия с «незаконным» ударением *-ённ-ый* имеют глаголы схемы *c*: *делúть*, *-менúть*, *ценúть*, *клонúть*, *крестúть* и все их приставочные производные; *влюбúть*, *осадúть* (из раствора), *об-*, *при-*, *о-судúть*, *восхвалúть*, *умолúть*, *преломúть*, *под-*, *по-дразнúть*, *пере-*, *вз-бесúть*; факультативно также глаголы на *-манúть*, *за-*, *пере-дразнúть*, *иссушúть*. Такое же причастие при колебании в презенсе (схемы *c*//*b*) имеют *-дружúть*, *белúть*, *шевелúть*, *селúть*, *-слонúть* и производные, также *осадúть* (город), *вспоúть*, *поглотúть*. Примеры: *разделённый*, *наклонённый*, *поселённый* (ср. *раздéлит*, *наклóнит*, *посéлúт*). Особое отклонение

[42] У немногочисленных *ě*-глаголов, использующих данный суффикс, ударение корневое, например, *вúденный*, *просúженный*, *провéрченный*.

составляют причастия *при-, по-нуждённый, осведомлённый* (//*осве́домленный*) от глаголов схемы *a*. Отметим, что существенная часть перечисленных здесь глаголов (например, *умоли́ть, преломи́ть, иссуши́ть*) имеет книжный оттенок, ср. в этом отношении также *-жд-* и *-щ-* в *осаждённый, осуждённый, поглощённый*. Противоположное отклонение (причастие с корневым ударением) имеют глаголы схемы *b*: *труби́ть, крои́ть, зубри́ть* 'делать зазубрины', *труси́ть* 'сыпать', *цвети́ть, торочи́ть* и все их производные, также *за-, про-, ис-следи́ть, раз-, с-жиди́ть, под-, раз-зуди́ть, сболти́ть, за-, пере-, раз-, по-золоти́ть*; факультативно также *-реди́ть, затверди́ть, раз-, по-громи́ть, раздвои́ть, строи́ть, пере-, с-, рас-, ис-коси́ть* 'искривить', *гати́ть* (и производные), *изрешети́ть*. Такое же причастие при колебании в презенсе (схемы *b*//*c*) имеют *городи́ть, скобли́ть, соли́ть, дои́ть, зубри́ть* 'учить', *винти́ть, строчи́ть, сучи́ть* и все их производные, *пере-, по-, от-луди́ть, перетруди́ть, ряди́ть* 'нанимать', *по-, про-кружи́ть, пои́ть* (и производные, кроме *на-, вс-*), *вз-, про-, от-мути́ть*. Примеры: *скро́енный, позоло́ченный, огоро́женный* (ср. *скрои́т, позоло́ти́т, огоро́ди́т*). В этой группе господствуют глаголы, вполне обычные в разговорной речи; значительная их часть имеет технический характер.

-ён- (отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо тех же форм, что для *-ённ-* (см. выше): *прощёный, калёный, плетёный — жа́реный, но́шеный, кра́деный, стри́женый*. Таким образом, если бы не было отклонений, *-ён-* всегда давало бы тот же эффект, что *-ённ-*. Однако отклонения от правила для этих двух суффиксов не совпадают; вдобавок, *-ен-* выступает, как правило, при бесприставочных основах, тогда как *-енн-*, напротив, соединяется с ними с большим трудом. Отсюда необходимость раздельного разбора. «Незаконное» ударение *-ён-ый* представлено при основах *посаж-, цеж,- груж-, хвал-, бел-, пил-, топл-, чин-, вар-, дар-, моч-, точ-, уч-, круч-, гаш-, душ-, суш-, туш-, крещ-*; также *доj-, поj-, сол-, мор-* (где в презенсе колебание), *клеj-, смышл-* (в презенсе схема *a*); примеры: *посажёный, варёный, солёный*. От *хо́лить* возможно *хо́леный* и *холёный*. Противоположного отклонения в чистом виде нет; отметим *пря́деный, се́ченый* (при колебании *пря́ла́, се́кла́*). Не имеют прямой связи с глаголом *студёный, червлёный, рифлёный, мудрёный, ядрёный*.

-ист- ↓ Deox (кроме терминов со значением 'содержащий соответствующее вещество', см. § 1.54): *волокни́стый, голоси́стый, золоти́стый, змеи́стый, леси́стый, маши́стый, некази́стый* — [*убо́р*]*истый*, [*зали́в*]*истый*, [*изви́л*]*истый*, [*разма́ш*]*истый*, [*разла́п*]*истый*, *боло́тистый, мозо́листый, жи́листый, пе́нистый*. Эффект Deox: *пузы́ристый, пупы́ристый, творо́жистый* (от *творо́г, -а́*). Отклонения: 1) *фрази́стый, и́скри́стый, шелкови́стый*, также *снорови́стый* (но чаще акцентно регулярное *сноро́вистый*); 2) *кря́жистый, пе́ристый, ячеи́стый*.

15 — 6712

-ейш-, -айш-. 1. Заменительное, вместо -ej(e) в компаративе (только для алломорфа -ейш-): *тяжеле́йший, беле́йший, древне́йший* — [*разнообра́з*]*нейший, свире́пейший, краси́вейший*. 2. Аддитивное: *широча́йший, крепча́йший, чисте́йший, мале́йший*. Отклонение: *богате́йший*.

-ущ- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо -ут в 3 мн. презенса: *сосу́щий, бегу́щий, загребу́щий* — *пи́шущий, чита́ющий*. Отклонение: *могу́щий* (сюда же *всемогу́щий*); ср. разг. *мо́гущий*. Аддитивное употребление в *завиду́щий, плоду́щий, иму́щий*; также *све́дущий, всеве́дущий* (с формально неправильным корневым ударением).

-ящ- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо -у в 1 ед. презенса: *крутя́щий, нося́щий, свистя́щий* — *пра́вящий, конфу́зящий*. В современном языке, однако, наблюдается сильная тенденция к тому, чтобы акцентологически трактовать -ящ- так же, как -ущ-, т. е. и здесь ориентировать ударение (по крайней мере у невозвратных глаголов) на 3 мн. презенса, а не на 1 ед. Различие затрагивает, естественно, только глаголы схемы *c*. Так, по Грамм., у невозвратных глаголов ударение типа *лю́бящий* (ср. *люблю́, лю́бят*) постоянно представлено при основах *губ-, руб-, люб-, служ-, пил-, жен-, цен-, чин-, леп-, луп-, черт-, леч-, моч-, уч-, душ-, суш-, туш-, тащ-, терп-, дыш-*, факультативно также при *дав-* [43], *цед-, суд-, друж-, туж-, вал-, хвал-, бел-, дел-, дразн-, коп-, вар-, гас-, бес-*. У возвратных глаголов ударения типа *же́нящийся* представлены гораздо у́же (при *руб-, жен-, цен-, леп-, леч-, суш-*, факультативно также *лен-, душ-, тащ-*). Следует учитывать, однако, что приведенный список в значительной мере условен, поскольку в живой речи (в т. ч. литературной) в этом классе причастий колебания наблюдаются очень широко. При колебаниях, как правило, корневое ударение (*га́сящий, ва́рящий* и т. д.) имеет более разговорную окраску, суффиксальное (*гася́щий, варя́щий* и т. д.) — более книжную. В ряде случаев корневое ударение воспринимается как чисто причастное, суффиксальное — как соответствующее адъективированному употреблению (ср. *да́вящий* и *давя́щий*).

К настоящей группе примыкают также суффиксы компаратива и деепричастия презенса.

-ej(e): *тяжеле́е, холодне́е, беле́е, верне́е* — [*разнообра́з*]*нее; свире́пее, сурбвее, краси́вее, цвети́стее*. Отклонения: 1) *здорове́е* (в прямом значении), *розове́е, лилове́е* (ср. также нелитер. *красиве́е*); 2) *росле́е, древне́е, сносне́е, срочне́е, хищне́е, дельне́е* (данная группа очерчена нестрого, поскольку у этих и ряда других прилагательных с односложной основой ударение в краткой форме жен. рода фактически неустойчиво).

---

[43] Но только суффиксальное ударение в *давя́щий* 'мрачный, тяжелый'.

-я (первичный суффикс). Заменительное, вместо -*у* в 1 ед. презенса: *неся́*, *бормоча́*, *свистя́*, *любя́* — *чита́я*, *ве́ря*. Отклонения: *лёжа*, *сто́я*, *си́дя*, *гля́дя* (деепричастия и наречия); также чистые наречия *мо́лча*, *не́хотя*, *за́годя*, *по́ходя*, сложные предлоги *су́дя по*, *гля́дя по*.

§ 1.49. Суффиксы глаголов.

а-ть (отыменное; первичный суффикс): *холода́ть*, *козыря́ть*, *захомута́ть*, *велича́ть*, *листа́ть*, *серча́ть*, *ветша́ть* — *за́втракать*, *обе́дать*, *у́жинать*, *ла́пать*. Отклонения: 1) в сторону доминантности — *сквита́ть*, *фигуря́ть*, *пуля́ть* (*пеня́ть* семантически оторвалось от *пе́ня*; *петля́ть* соотнесено с ударением *петля́*); 2) *опоя́сать*.

-е-ть (первичный суффикс): *голубе́ть*, *тяжеле́ть*, *осатане́ть*, *трезве́ть*, *темне́ть*, *вдове́ть*, *глазе́ть* — *о*[*безлю́д*]*еть*, *о*[*безголо́с*]*еть*, *о*[*полоу́м*]*еть*, *о*[*беспа́мят*]*еть*, *парши́веть*, *посерьёзнеть*. Отклонения: 1) *здорове́ть*, *свирепе́ть*, *богате́ть*, *одревесне́ть*, *осточерте́ть*, ср. также *запечатле́ть*; отметим разг. *ржаве́ть* при нормативном *ржа́веть*; 2) *обве́треть*, *прояснеть* (о погоде), *обу́треть*.

-ове́-ть ↓ Monosyll, *-ене́-ть* (*-яне́-ть*) ↓ Monosyll (первичные поглощающие сращенные суффиксы): *розове́ть*, *багрове́ть*, *заглянцеве́ть*, *столбене́ть*, *стервене́ть*, *оцепене́ть*, *деревяне́ть*, *багряне́ть*, *пламене́ть* — *кори́чневеть*, *бере́менеть*. Отклонения: *я́ловеть*, *пле́сневеть*, *и́ндеветь* (но разг. *плесневе́ть*, *индеве́ть*), *махро́веть*. Отметим еще *лилове́ть*, но *суро́веть* (слова с остаточно выделяемыми корнями).

-ну-ть (не выпадающее в прош. времени) со значением однократного действия. Заменительное, вместо *-а-ть*, *-и-ть*. Суффикс выступает как заменительный там, где есть соответствующий бесприставочный глагол на *-ать* или *-ить*, причем с той же, что и при *-нуть*, гласной в корне[44] (таким образом, в приставочном глаголе на *-нуть* приставка должна не приниматься во внимание). Примеры: *пры́гнуть* (также *подпры́гнуть* и т. д.), *дёрнуть*, *кли́кнуть*, *тро́нуть*, *то́пнуть*, *хлебну́ть*, *пугну́ть*, *нырну́ть*, *махну́ть*, *пальну́ть* (ср. *пры́гать*, *дёргать*, *кли́кать*, *тро́гать*, *то́пать*, *хлеба́ть*, *пуга́ть*, *ныря́ть*, *маха́ть*, *пали́ть*). Отклонения: 1) *мазну́ть*, *резну́ть*, *всплакну́ть*, *сыпну́ть* (ср. *ма́зать*, *ре́зать*, *пла́кать*, *сы́пать*[45]); 2) *шмыгну́ть*, *юркну́ть*, *черпну́ть* (*при*)*хвастну́ть*, *нюхну́ть*, *струхну́ть* (ср. *шмы́гать*, *ю́ркать*, *че́рпать* [но разг. *черпа́ть*], *хва́стать*, *ню́хать*, *тру́сить*); 3) *ки́нуть* (ср. *кида́ть*).

Примечание. Глаголы на *-нуть*, образованные от *ѐ*-глаголов, в отличие от рассмотренных выше, обычно не сохраняют ударения исходного глагола, а именно, при *ѐ*-глаголах на *-е́ть*, *-а́ть* глагол на *-нуть* имеет корневое ударение, например: *сту́кнуть*, *бу́ркнуть*, *ви́згнуть*, *дро́гнуть*, *кри́кнуть*, *пи́скнуть*, *скри́пнуть*, *хру́стнуть*, *сви́стнуть* (при *стуча́ть*, *бур-*

---

[44] Соответственно, пары *су́нуть*—*сова́ть*, *клю́нуть*—*клева́ть*, *плю́нуть*—*плева́ть*, *рази́нуть*—*разева́ть* сюда не относятся.

[45] Эта группа отклонений охватывает все производные на *-нуть* от *а*-глаголов с ударным корнем, не имеющих параллельных вариантов по *aj*-типу; ср. еще окказиональные *лайну́ть*, *взлайну́ть* от *ла́ять*.

чать, визжать, дрожать, кричать, пищать, скрипеть, хрустеть, свистеть). Иначе акцентованы только *блеснуть, шумнуть, гуднуть, всхрапнуть, дыхнуть* (при *блестеть, шуметь, гудеть, храпеть, дышать*); более отдаленно связаны *вернуть* и *вертеть*. В части приведенных случаев глагол на *-нуть* соотнесен одновременно с *ě*-глаголом и *aj*-глаголом, ср. *стукнуть — стучать* и *стукать*.

§ 1.50. При промежуточном по силе базовом компоненте у слов с суффиксом класса ↓ ударение, как указано в § 1.33, определяется прагматическим фактором [46].

В освоенных словах промежуточный базовый компонент ведет себя как слабый. Примеры [47]: 1) «группа *рак*» — *перчинка*; *братишка, трусишка, зайчишка, фрачишка, мыслишка*; *плешина*; *графиня* (с нерегулярным смягчением *ф*); *трусиха, франтиха, рысиха, зайчиха, крольчиха* [48]; *граница, тигрица*; *вонища*; *тигрище, рачище*; *статистый*; *заштилеть, хаметь*; 2) «группы *буйвол, якорь*» — *сахаринка*; *кофеишко, месячишко, мебелишка*; *пестрядина, лососина* (в соответствии с вариантом *лосось*), *парусина, образина*; *герцогиня*; *щеголиха, соколиха*; *цесаревич*; *пепелище, голенище*; *молотовище*; *прихотливый, похотливый*; *студенистый, каменистый*; *пуделять, щеголять* (заметим, впрочем, что для части приведенных слов такое ударение является достаточно старым).

Прямыми исключениями (где, несмотря на достаточную освоенность, сохраняется традиционное ударение на базовом компоненте) здесь можно считать: 1) *гадина, град-ина, -инка, крап-ина, -инка, рис-ина, -инка, шквалистый, илистый, инистый, гнеzваться*; 2) *бисер-ина, -инка, милостыня, ящерица, логовище, туловище, совестливый, жалостливый, памятливый*. В ряде случаев конкурируют два акцентных варианта, причем ударение, соответствующее освоенности, носит более разговорный (или даже просторечный) характер. Примеры: разговорные *буйволица, дьяволица, мускулистый, сахаристый*, нелитературные *месячина, инокиня*, при нормативных *буйволица, дьяволица, мускулистый, сахаристый, месячина, инокиня*, ср. также разг. *плесневеть, индеветь*, отмеченные в § 1.49. Просторечное суффиксальное ударение иногда встречается даже в некоторых словах, отнесенных выше к исключениям (например, просторечн. *памятливый*).

При неосвоенности промежуточный базовый компонент ведет себя как сильный. Такое ударение достаточно прочно удерживается за устаревшими, книжными и т. п. словами (например, *дединa, хрaмина, дьяконица, сонмище, идолище*); оно зафиксировано литературной нормой также за большинством редких и узкоспециальных слов

[46] Кроме случаев, когда промежуточный базовый компонент подпадает под действие пометы Monosyll или Triv при суффиксе (а именно, Monosyll превращает основы «группы *рак*» в слабые, Triv превращает все промежуточные основы в сильные). Такие случаи вошли выше в основную часть разбора.

[47] В списки примеров здесь и ниже включено большинство реально употребительных слов соответствующих категорий.

[48] Ввиду односложности базового компонента *крольч-* это слово акцентно правильно, хотя оно и нерегулярно соотносится с основой *кролик-*.

(например, *пáлтусина*, *члéнистый*, *шрáмистый*, *лáистый*). Характерно, что книжное слово *благостыня*, для которого нормой является древнее ударение, люди, недостаточно знакомые с этим словом, произносят как *блáгостыня*.

Основная маркировка →

§ 1.51. Суффиксы существительных.

-*б-а*: *городьбá*, *ворожбá*, *мольбá*, *резьбá* — [*усáдь*]*ба*, *женúтьба*, *селúтьба* (два последних с консонизатором основы *т*). Отклонения: 1) в сторону первичности — *похвальбá*; 2) *слýжба*, *дрýжба*, *тя́жба*, *свáдьба*, *прóсьба*.

-*j-е*[49] → Monosyll (не собирательное), в т. ч. в составе имен действия на -*тье*, -*нье* (кроме -*енье*, о котором см. § 1.67); *косьё* 'косовище', *битьё*, *мытьё*, *жильё* — [*богомóл*]*ье*, [*челобúт*]*ье*, [*двоебóр*]*ье*, [*отрóд*]*ье*, [*раздýм*]*ье*, [*изголóв*]*ье*, [*взмóр*]*ье*, [*перепýт*]*ье*, *купáнье*, *здорóвье*. Эффект Monosyll: *жнивьё*, *спаньё*, *враньё*. Отклонения: 1) в сторону первичности — *забытьё*, устар. *прожитьё*; 2) *суровьё* 'суровая ткань', *колотьё* и *кóлотье* (наряду с *колóтье*); 3) *весéлье*, *ýстье* (ср. также опростившиеся *плáтье*, *зéлье*). См. также -*ов'j-е*, § 1.47.

-*ик* (отадъективное). Заменительное, вместо окончания (-*ый*, -*ий*, -*ой*) в исходной форме соответствующего прилагательного (или причастия): *кореннúк*, *крепостнúк*, *штрафнúк*, *тупúк* — [*толстолóб*]*ик*, [*подснéж*]*ник*, *волосáтик*, *головáстик*, *ды́мник*, *ýмник*, *сóчник*, *пы́льник*, *ры́жик*, *чúстик*, *воспúтанник*, *отпýщенник*, *пýтаник*, *мýченик*, *варéник* (от *варёный*), *вечéрник*, *зúмник*. Слова *временнúк*, *мелочнúк*, *матерúк* соотносятся с ударениями *временнóй*, *мелочнóй*, *матерóй*. Особый случай составляют производные от числительных на -*еро*: *четверúк*, *пятерúк* и т. д.; здесь опорными являются словоформы косвенных падежей исходных слов (*четверы́х*, *пятеры́х*), поскольку И. ед. на -*ый* нет. Отклонения: 1) *новúк*, *малúк*, *целúк*, *голúк*, *старúк*, *частúк*; *кровавúк* (//*кровáвик*), *ученúк*; 2) *послáнник*, *изгнáнник*, *избрáнник*. Кроме того, см. список слов с «незаконным» ударением -*нúк* в разборе суффикса -*ник* (§ 1.53). См. также -*овик* ниже, -*ник* (§ 1.53), -*овник* (§ 1.47), -*яник* (§ 1.47), -*чик* (§ 1.53), -*щик*, -*овщик* (§ 1.68).

-*овик* → Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *передовúк*, *промысловúк*, *фронтовúк*, *портовúк*, *пуховúк*, *змеевúк* — [*подосúн*]*овик*, *горóховик* (см. об этом суффиксе также § 1.37). Эффект Monosyll: *биржевúк*, *гиревúк*, *массовúк*, *почтовúк*, *плановúк*, *стендовúк*, *большевúк*, *меньшевúк*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: *рублёвик*, *целкóвик*, *грéчневик*, *я́чневик*, *нáстовик*.

---

[49] Не смешивать с алломорфом -*иj-е* (§ 1.53).

-ок (с беглым *о*; все значения): ***кулачóк, узелóк, голубóк, погребóк, дымóк, желтóк, бросóк, плевóк, витóк*** — ***[первопýт]ок, [саморóд]ок, [набрóс]ок, [свúт]ок, [задáт]ок, [напúт]ок, [снúм]ок, [недоýм]ок, [отголóс]ок, [перелéс]ок, фáртучек, овpáжек, орéшек, барáшек***. Если, однако, суффикс *-ок* присоединяется к слову, уже оканчивающемуся на *-ок* (с беглым *о*), происходит эффект Deox: ***кусóчек, звонóчек, молотóчек*** (от ***кусóк, кускá*** и т. д.). Отклонения в сторону первичности: ***поплавóк, помазóк, погремóк, позвонóк, завитóк, поддавкú*** (ср. также опростившееся ***смычóк***).

Примечание. В уменьшительном значении суффикс *-ок* несоединим с сильным базовым компонентом, кроме случая, когда он оканчивается на шипящую (что практически возможно только при исходном слове на *к, г, х*, а также *н*, см. примеры выше). В других значениях этого ограничения нет.

Уменьшительное *-ок* часто выступает при промежуточном базовом компоненте. В силу особенности, указанной в примечании, у слов не на *к, г, х* такое производное, если оно вообще образуется, имеет ударение *-óк*: ***кленóк, сватóк, братóк, сахарóк, юморóк, шепотóк, запашóк, адресóк, якорёк, флигелёк*** и т. п.; также ***рачóк, слушóк***, но ***внýчек*** или ***внучóк***.

-изн-а → Polysyll (первичный суффикс): *новизнá, белизнá, прямизнá*. Эффект Polysyll: *дешевúзна, дороговúзна, укорúзна*. Отклонения: 1) *головúзна, отчúзна*, 2) *голубизнá*.

-ин-а (отадъективное имя качества): *величинá, тишинá, ширинá, желтинá* — *сутýлина*. Акцентологически сюда же относятся *сединá, быстринá, целинá*, имеющие более конкретные значения.

-арь → Monosyll (отыменное): *золотáрь, главáрь, дикáрь, сухáрь* — *[виногрáд]арь, библиотéкарь, аптéкарь*. Эффект Monosyll: *буквáрь, волгáрь, штукáрь, пушкáрь, почтáрь*. Отклонения: *мы́тарь, кýхарь* (эти слова примкнули к отглагольным производным с *-арь*, § 1.53); *ры́бáрь*. Слова *календáрь, секретáрь* синхронически уже не связаны с *калéнды, секрéт*.

-ц-а (после сочетания «согласная + *л* или *р*» — *-ец-а*): *хрипотцá, крепостцá, зеленцá, пыльцá, трусцá, наглецá, хитрецá* (ср. *памятцá*, при промежуточном базовом компоненте) — *[убúй]ца, [пройдó]ца, [прохлáд]ца, ехúдца, шпóрца*. Отклонение: *двéрца* (ср. также опростившееся *мы́шца*).

-ц-о/е → Polysyll: *словцó, мясцó, дрянцó, винцó, сельцó* — *одея́льце, колéнце, болóтце, сáльце*. Эффект Polysyll: *веретёнце, волокóнце, окóнце, седéльце*. Отклонения: 1) *дéльце, тéльце, дóнце*; 2) эффект Polysyll неустойчив в *решётце* || *решетцó, долóтце* || *долотцó*; 3) *зéркальце, зóлотце* (т. е. эффект Triv), также *дéревце* || *деревцó, крýжевце* || *кружевцó*; 4) *озерцó*.

-ец-о/-иц-е (алломорф предыдущего суффикса, выступающий после сочетания согласных; различие *ец/иц* — чисто орфографическое):

письмецо́, ружьецо́, пальтецо́, серебрецо́ — *строе́ньице, назва́ньице, пла́тьице, кре́слице*. Отклонение: *ма́слице*.

-ец[50] (не уменьшительное). 1. Аддитивное (маркировка → Monosyll): *плавуне́ц, холоде́ц, образе́ц, погребе́ц, дворе́ц, юне́ц, лове́ц, резе́ц, жиле́ц, певе́ц* — [*песнопе́в*]*ец*, [*заимода́в*]*ец*, [*честолю́б*]*ец*, [*голодра́н*]*ец*, [*оборва́н*]*ец*, [*повста́н*]*ец*, [*прише́л*]*ец*, *лука́вец, скита́лец, корми́лец, румя́нец*. Эффект Monosyll: *рыбе́ц, стерве́ц, шельме́ц, бегле́ц, исте́ц*. Отклонения: 1) в сторону первичности — *продаве́ц* (при правильных *книгопрода́вец, христопрода́вец*), *поставе́ц, изразе́ц, сорване́ц, остане́ц*, устар. *пришле́ц*; 2) *студене́ц, варене́ц, ме́чкладене́ц*; 3) *ли́пец* (мед), *ста́рец, ма́ле́ц, што́ре́ц*, народно-поэт. *мо́лодец* (слова *па́лец, не́мец, сла́нец, а́гнец* и т. п. синхронически уже не являются производными).

2. Заменительное (маркировка →), вместо *-ск-* и вместо *-ij-* в составе *-eнij-e*; *-ец* используется заменительно везде, где есть хотя бы одно из указанных опорных производных (между собой они акцентно не расходятся), кроме слов *са́женец, варене́ц, отве́рженец*, которые образованы от причастий. Примеры: *доне́ц* — *го́рец, ду́мец, толсто́вец, кантиа́нец* (ср. *донско́й, го́рский* и т. д.); *иждиве́нец, выдвиже́нец, ополче́нец* (ср. *иждиве́ние* и т. д.); также *парти́ец* (заменительно от *парти́йный*).

-ич: *костроми́ч, москви́ч, твери́ч* (ср. *в Твери́*), *Фоми́ч* — [*соро́д*]*ич*, [*со́отч*]*ич*, *шля́хтич, ба́рич* (ср. *ба́ры*), *вя́зьмич, Ники́тич*. Ср. также *пскови́ч, гдови́ч* (промежуточный базовый компонент). Отклонения: *ро́дич, кня́жич*. См. также *-ович*, § 1.47.

-ыш: *короты́ш, малы́ш, голы́ш, глупы́ш, крепы́ш* — [*заро́д*]*ыш*, [*вкла́д*]*ыш*, [*обо́рв*]*ыш*, *вы́кидыш, вы́игрыш, пога́ныш, несмышлёныш, ду́тыш*. Отклонения: *ка́тыш, гла́ды́ш, найдёныш* (отпричастное).

§ 1.52. Суффиксы прилагательных.

-ин (фамилии; в число прилагательных помещены условно): *Кочерги́н, Бороди́н, Ильи́н, Зими́н, Ноги́н* — *Коро́вин, Ла́пин, Воло́дин* (ср. *-ин* в притяжательных прилагательных, § 1.54). Имеется, однако, довольно много отклонений в сторону маркировки ←. Помимо *Гу́бин, Стру́нин, Сы́тин*, где с исторической точки зрения просто сохраняется старое ударение, таковы, например: *Вдо́вин, Ду́дин, Ко́зин, Смо́лин, Стре́лин, Тра́вин, Стари́нин* (исчерпывающий список здесь нереален).

-овск- → Monosyll (поглощающий сращенный суффикс). С такой маркировкой *-овск-* выступает только в семантической группе «отрицательных действий (или качеств) типа колдовства, плутовства, хвастовства» (ср. обычное *-овск-*, § 1.48). Перечислим все входящие в эту группу слова с *-овск-* (а также с *-овств-о*, которое связано

---

[50] После сочетания согласных *е* устойчивое (*мудре́ц, мудреца́*), в прочих случаях беглое.

с *-овск-* отношениями замены): *колдов-скóй*, *-ствó*, *ведьмов-скóй*, *-ствó*, *ведов-скóй*, *-ствó*, *воров-скóй*, *-ствó*, *плутов-скóй*, *-ствó*, *шельмов-скóй*, *-ствó*, *бунтовскóй*, *баловствó* (ср. также акцентно сходное *баловнóй*), *шутов-скóй*, *-ствó*, *хвастов-скóй*, *-ствó*, *мотов-скóй*, *-ствó*, *фатов-скóй*, *-ствó*, *франтов-скóй*, *-ствó*. В современном языке имеет отрицательную окраску и тем самым примыкает к данной группе также *кумов-скóй*, *-ствó*. Обособленно стоит *сватов-скóй*, *-ствó* (не имеющее отрицательной окраски), но оно семантически связано с *кумовствó*. Акцентные исключения: *чертóвский*, *бесóвский*. Характерно, что примерно при половине слов данной группы имеются также глаголы на *-овáть*: *колдовáть*, *ведьмовáть*, *воровáть*, *плутовáть*, *бунтовáть*, *баловáть*. Других слов на суффиксальные *-овск-óй*, *-овств-ó*, кроме перечисленных выше, в русском языке нет. Таким образом, единая акцентная структура всех слов данной группы отчетливо ассоциируется с указанным кругом значений (ср. в этом отношении окказиональные образования вроде *курвовствó*). Примечательно, что у нескольких слов со сходным значением, имеющих неодносложный базовый компонент, требуемая акцентная структура достигается за счет отсутствия морфа *-ов-*: *волшебствó*, *озорствó* (ср. *озорнóй*), *удальствó* (ср. *удалóй*), *щеголь-скóй*, *-ствó*. Сюда же примыкали устаревшие акцентные варианты *ханже-скóй*, *-ствó*, вытесненные ныне акцентологически стандартными *хáнже-ский*, *-ство*.

Основная маркировка ←

§ 1.53. Для суффиксов класса ← свидетельства их недоминантности часто лежат в сфере потенциальных слов (см. § 1.39); некоторые из таких слов приводятся ниже. При суффиксах данного класса промежуточные базовые компоненты ведут себя как сильные (§ 1.33). Особенность данного класса суффиксов состоит также в том, что при неосвоенности производного эти суффиксы могут вести себя в соответствии с маркировкой ← Triv. Например, при окказиональном словообразовании могут появиться такие уменьшительные, как *бóровчик*, *прíставчик*, *стéрлядка* и т. п. Ниже этот факт уже более не отмечается.

Суффиксы существительных.

<u>*-ов-о*</u>, <u>*-ив-о*</u>: *хлёбово*, *вáрево*, *[пóжн]иво*, *мéсиво*. Отклонение: *огнúво* (но разг. *óгниво*). В словах *жнúво*, *чтúво* суффиксальное ударение вынужденное.

<u>*-тв-а*</u>: *бúтва*, *жáтва*, *клятва*, *молúтва*. Отклонение: *жратвá* (простореч.).

<u>*-ств-о*</u> (после шипящих *-еств-о*). 1. Аддитивное: *семéйство*, *бéгство*, *высóчество*, *óбщество* — *[убúй]ство*, *[излúш]ество*, *лáкомство*, *имýщество*, *дéвство*; ср. также *нóвшество*, *пúршество* (с морфом *-ш-*). Отклонения: 1) *вдовствó*, *родствó*, *сродствó*, *свойствó* ‘родство’ (ср. *свóйство* ‘качество’), *мастерствó*, *божествó*, *рождествó*, *есте-*

ствó, веществó, существó; кроме того, *волшебствó, озорствó, удальствó*, о которых см. при *-овск-*, § 1.52; отметим также *старшинствó, большинствó, меньшинствó* (с морфом *-ин-*); 2) *лекáрство, роскóшество*; 3) *тáинство*.

2. Заменительное, вместо *-ск-* (*-еск-*); используется заменительно везде, где есть прилагательное с *-(е)ск-*, кроме слов *свойствó, мастерствó, божествó, лекáрство* (см. выше). Примеры: *щегольствó, плутовствó — дéтство, звéрство, толстóвство, йночество* (ср. *щегольскóй, плутовскóй, дéтский, звéрский* и т. д.).

-j-a (названия женщин; множ. число [у неодушевленных] и собирательные pluralia tantum): *колдýнья* (и прочие на *-ýнья*), *гóстья*; *лоскýтья, дерéвья, колóсья, корéнья, пéрья, лúстья, дрекóлья, лохмóтья — игýменья, свáтья*; *клúнья, брýсья, полéнья,* [*отрéп*]*ья*, [*объéд*]*ья*. Особые случаи: *повóдья, камéнья*.

Примечание. Для современного языка уже являются устаревшими собирательные на *-ье*, параллельные формам мн. числа на *-ья* (Р. *-ьев* и т. д.), например, *лúстье, лохмóтье* при обычных *лúст-ья, -ьев, лохмóт-ья, -ьев*. Ударение этих устаревших собирательных — такое же, как во мн. числе на *-ья* (тогда как у живых собирательных с данным суффиксом акцентовка иная, см. § 1.42).

-иj-е (в т. ч. в составе имен действия на *-тие, -ние*, кроме *-ение*, о котором см. § 1.67): *велúчие, тéрние, звáние, знáние* — [*работ лéп*]*ие*, [*полушáр*]*ие*, [*бессúл*]*ие*, [*довéр*]*ие*, [*уны́н*]*ие*, [*признáн*]*ие*, [*собрáн*]*ие*, [*снят*]*ие*, [*вскры́т*]*ие*, *бросáние, дéлание, отбрáсывание*. Исключения: *остриё, бытиé, небытиé, житиé, питиé*; *знáмение*.

-к-а. 1. Аддитивное: *сковорóдка, кочерёжка, чудáчка, лошáдка, перепёлка, иглóлка, ды́рка* — [*набóй*]*ка*, [*загорóд*]*ка*, *я́годка, кáпелька, пýговичка, качáлка, пры́галка, морозúлка* (морф *-и-* ↓ D). Отклонения: 1) *дéнежка, цéркóвка, сóсенка* (//*сосёнка*); 2) *линéйка* (ср. *-ейн-, -ейск-*, § 1.41), *черпáлка, невидúмка, гребёнка, щебёнка, кухáрка, венгéрка*.

2. Заменительное: а) в названиях женщин, вместо *-ец, -ин*; б) в производных, служащих сокращением для сочетания «прилагательное + существительное», вместо *-н-, -н'-, -ск-*. Примеры: *бéженка, торгóвка, сáмка, афúнянка, татáрка, армя́нка* (ср. *бéженец, торгóвец, самéц, афúнянин, татáрин, армянúн*); *вечóрка, «Комсомóлка», мúчманка*, разг. *слесáрка* (ср. *вечéрняя газета, «Комсомóльская прáвда», мúчманская фуражка, слесáрные работы*). См. также *-очк-а* ниже, *-овк-а, -инк-а, -ишк-а* (§ 1.47).

-к-о: *ведёрко, сердéчко, колéчко — я́блочко, окóшечко*. Отклонения: 1) *пивкó, мяскó, ушкó* 'отверстие', *ýшкó* (уменьшительное), *брюшкó, озеркó* (следы более старой маркировки с Marg), также *молочкó*; 2) *зóлотко, óблачко, дúтятко*. Особо стоят названия лошадиных мастей: здесь *-к-о* ведет себя по классу →: *воронкó, гнедкó, серкó, булáнко*. См. также *-очк-о* ниже.

-ик (уменьшительное [отсубстантивное]): *карандáшик, комáрик, волóсик, козы́рик, слóник, дóмик* — [*расскáз*]*ик, сквéрик, автóбусик,*

ср. также свободно образуемые окказиональные *ми́нусик*, *што́порик*, *па́русик*, *ко́мпасик* и т. п.

-*ник*. С акцентологической точки зрения, основная сложность здесь в различении случаев типа *наста́в-ник* (где выступает суффикс -*ник* ←, который действует как поглощающий, т. е. несмотря на существование слова *наставно́й*) и типа *отставн-и́к* (где выступает просто -*ик* →, т. е. -*ник* не дает поглощающего эффекта). После приставочно-корневого комплекса -*ник* обычно бывает поглощающим, ср. *наста́вник*, *отхо́дник*, *зака́зник*, *запа́сник*, *отсту́пник*, *уго́дник*, также при отсутствии прилагательного — *вса́дник*, *нае́здник* и т. п.; особо отметим *помо́щник*, *подви́жник*. Исключения составляют слова, семантически эквивалентные субстантивированному прилагательному (*отставни́к*=*отставно́й военнослужащий*, также *выходни́к*, *отпускни́к*, *выпускни́к*, *приписни́к*, ср. еще *озорни́к*); кроме того, *подрывни́к*, *взрывни́к*, *проводни́к*, *связни́к*, *пропускни́к*. Этому образцу следует также *истопни́к*. Не после приставочно-корневого комплекса -*ник*, как правило, бывает непоглощающим, ср. *коренн-и́к*, *мясн-и́к*, *капу́стн-ик*, *со́чн-ик* и т. п. Единое -*ник* выступает здесь лишь при отсутствии соответствующего прилагательного с -*н*- (-*н*'-): *оси́нник*, *рабо́тник*, *лоша́дник сло́вник*. Имеется, однако, значительная группа слов, где выступает «незаконное», с точки зрения современных правил, ударение -*ни́к* (в приводимом списке соединены случаи, где прилагательное с -*н*- есть, но имеет иное ударение, и где его просто нет): *бечевни́к* (//*бечёвник*), *ледни́к* (в горах; ср. *лёдник* 'погреб'), *холодни́к*, *блудни́к*, *рудни́к*, *межни́к*, *должни́к*, *острожни́к* (от *острога́*), *плужни́к*, *пазни́к*, *слезни́к*, *лозни́к*, *тайни́к*, *гнойни́к*, *ройни́к*, *денни́к*, *голосни́к*, *колосни́к*, *росни́к*, *клеветни́к*, *локотни́к*, *золотни́к*, *потни́к*, *воротни́к*, *похотни́к*, *тростни́к*, *мутни́к*, *шутни́к*, *колошни́к*, *сошни́к*, *душни́к*, *пальни́к*, *тальни́к*. Большая часть этих слов отражает более старую маркировку суффикса -*ник*: ← Marg. В *ви́сельник* (от *ви́селица*) суффикс -*ник* действует как заменительный.

-*чик* (все значения): *каба́нчик*, *рука́вчик*, *колоко́льчик*, *су́пчик*, *во́зчик*, *но́счик*, *да́тчик* — *дива́нчик*, *а́нгельчик*, *кла́панчик*, [*нала́д*]*чик*, [*захва́т*]*чик*, [*сда́т*]*чик*. Отклонение: *метчи́к* (инструмент).

-*очк-а*, -*оньк-а*: *звёздочка*, *ко́сточка*, *голо́вонька*, *но́ченька* — *секу́ндочка*, *да́мочка*, *берёзонька*, *тётенька*; ср. также потенциальные *ка́федрочка*, *я́годонька* и т. п. Отклонения: *цепо́чка*, *доще́чка*.

-*очк-о*, -*ечк-о*: практически только *вре́мечко*, *се́мечко* (и прочие от слов на -*мя*), *у́тречко*, *си́течко*, *не́щечко*, *ча́дочко*; отклонение: *месте́чко*. В прочих внешне сходных словах (*слове́чко*, *ведёрочко*) выступает простое -*к-о*.

-*ушк-а* (ласкательно-почтительное, в частности, народно-поэтическое) *голо́вушка*, *лебёдушка*, *жёнушка* — [*сосе́д*]*ушка*, *свекро́вушка*; ср. также потенциальные слова вроде *ста́ростушка*. Относительно -*ушк-а* в других значениях см. § 1.41.

-ушк-о, *-ышк-о*, *-ушек*, *-ышек*: *пóлюшко, зёрнышко, пупы́рышек, кóлышек — гóрлышко, клúнышек*; ср. также потенциальные слова вроде *лóконышек*.

-л-а (первичный суффикс): *хны́кала, запевáла, заправúла* (морф *-и-* ↓ D).

-л-о (первичный суффикс): *начáло, бúло, пéкло, стóйло — бры́згало, хрюкало, покрывáло, мерúло* (морф *-и-* ↓ D). Ударение *черпáло* соотнесено с разг. *черпáть*. Отклонения: 1) в сторону класса →: *помелó, греблó, скреблó, седлó, маслó, треплó, теслó, путлó* (ср. также опростившиеся *соплó, жерлó* и др.); 2) *пу́гало, ды́хало*.

-тель (первичный суффикс): *издáтель, жúтель — двúгатель, дéлатель, исслéдователь, правúтель* (морф *-и-* ↓ D).

-н-я (все значения, кроме отглагольных имен действия и отыменных собирательных, ср. § 1.42): *вечéрня, повáрня, гончáрня, скворéчня, двóйня, бóйня, пáшня — [каменолóм]ня, [шерстомóй]ня, [сплéт]ня, штóпальня, красúльня* (морф *-и-* ↓ D), *голубя́тня, карау́льня, печáтня*. Отклонения: 1) в сторону первичности и класса →: *западня́, размазня́, ступня́, мотня́* ('часть невода' и др.), *квашня́*; *четверня́, пятерня́* и т. д. (от числительных); также *лыжня́* (с эффектом Monosyll или D), *ровня́, нерóвня* (ср. еще *головня́, пешня́, клешня́*, с остаточными базовыми компонентами); ударению *-ня́* здесь способствует взаимодействие с теми группами слов на *-ня*; где такое ударение регулярно (§ 1.42); 2) *кофéйня, пекáрня, токáрня, слесáрня* (в соответствии с прилагательными на *-ный*), *конюшня, исповедáльня*. См. также *-овн-я* (§ 1.41, 42), *-отн-я* (§ 1.42).

-арь (отглагольное): только *лéкарь, пéкарь, тóкарь, пúсарь, пáхарь*, также *знáхарь*. Сюда же примкнуло непроизводное *слéсарь*, а также отыменные производные *мы́тарь, ку́харь*. Отклонение: *секáрь*; кроме того, *бунтáрь, косáрь, звонáрь* в акцентном отношении ведут себя как производные от *бунт, косá, звон*, хотя семантически они теснее связаны с соответствующими глаголами.

-ость: *жúвость, свя́тость, весёлость, мудрёность, вéрность — сурóвость, кáверзность, [поры́в]истость*. Вынужденное суффиксальное ударение: *злость*. Отклонения: *мóлодость, хóлодность*.

Примечание. Суффикс *-ость* несоединим с неодносложными (а также с производными односложными) основами прилагательных на *-óй*, кроме *мóлодость* от *молодóй*. Слова *рáзвитость, удáлость, очерёдность* соотносятся с акцентными вариантами *рáзвитый, удáлый* и ненормативным *очерёдный*.

-ец ← Triv (уменьшительное): *счётец, хлéбец, су́пец — морóзец, билéтец, [нарóд]ец, брáтец*. Производные с ударным *-éц* (*столбéц, ларéц* и др.) в современном литературном языке уменьшительное значение, как правило, уже утратили. В разговорной речи и просторечии возможны, однако, экспрессивные образования на *-(е)цу́* в Р. ед.: *спиртецу́, овсецу́* и т. п.

-ш-а ← Triv (названия женщин): *опеку́нша, секрета́рша, при́ставша — генера́льша, фе́рмерша, до́кторша, сле́сарша, ха́нша.*

-бищ-е (поглощающий сращенный суффикс): *кла́дбище, сто́йбище, стре́льбище, гу́льбище.*

§ **1.54.** Суффиксы прилагательных.

-(и)j (притяжательные прилагательные): *собо́лий, лебя́жий, стерля́жий, каза́чий, ко́зий, бо́жий — кро́личий, чино́вничий, стару́шечий, оле́ний.*

-к-: *громо́здкий, сторо́жкий, ло́мкий, бо́йкий — [трудоём]кий, [дальнозо́р]кий,* обл. *си́веркий.* Отклоняется только обл. *то́ропкий.*

-ск-, *-еск-*: *янва́рский, посо́льский, же́нский, сво́йский, зве́рский, го́рский, де́тский, оте́ческий, пасту́шеский, дру́жеский, княжеский — [поса́д]ский, банди́тский, това́рищеский, а́нгельский, до́кторский, ма́стерский, о́рденский, ха́мский.* Отклонения: *островско́й, слободско́й, городско́й, людско́й, рядско́й, мужско́й, ямско́й, поварско́й, писарско́й (//пи́сарский), кучерско́й, мирско́й, морско́й, хуторско́й, де́нь-деньско́й,* также *мастерска́я*; в этих случаях отразилась более старая маркировка данного суффикса (← Marg). О словах *щегольско́й, ханжеско́й (//ха́нжеский)* см. при *-овск-*, § 1.52. В словах *заводско́й* и *складско́й* аномальным образом приставочно-корневые комплексы трактуются как глагольные (по модели *заводно́й, складно́й*). Особую группу слов на *-ско́й* образуют географические наименования: *псковско́й* (но чаще *пско́вский*), *серпуховско́й, чудско́й, чухломско́й, костромско́й, сумско́й, двинско́й (//дви́нский), донско́й.* Другой тип отклонения: *венге́рский.* См. также *-овск-* (§ 1.48, 52), *-ийск-*, *-ейск-* (§ 1.41).

-еньк- (также *-оньк-* после *к, г, х*); производное имеет только полные формы (см. Грамм., с. 75, § 11): *моло́денький, голу́бенький, холо́дненький, про́стенький — краси́венький, кори́чневенький.*

-л- (первичный суффикс): *уста́лый, уны́лый, спе́лый, па́лый, вя́лый, ча́хлый, ро́слый, при́шлый — лежа́лый, очуме́лый, запле́сневе́лый.* Отклонения: *удало́й (//уда́лый), жило́й, пожило́й, гнило́й, было́й, прибыло́й, убыло́й*; фактически это производные от глаголов с подвижным ударением в прош. времени (но с синхронической точки зрения данный тип связи с ударением глагола уже не может быть описан никаким регулярным способом).

-н'-: *доче́рний, осе́нний, сторо́нний — [иногоро́д]ний, [многосторо́н]ний, [заму́ж]ний, бра́тний.* Отклонение: *ма́терний.*

-ин (притяжательные прилагательные) ← Triv: *же́нин, се́стрин, до́черин, ма́терин — па́пин, тётин, Воло́дин* (ср. *-ин* в фамилиях, § 1.52). Отклонение: *Ильи́н* (схема *b*) в сочетании *Ильи́н де́нь.*

Примечание. Продуктивно здесь только соединение с сильными основами; соединение со слабыми основами в литературном языке исчерпывается словами *же́нин, се́стрин, до́черин, ма́терин, Ильи́н.*

-нн- (причастия и отпричастные прилагательные), *-н-* (отпричастные прилагательные); первичные суффиксы с маркировкой ← Poly-

syll: *да́нный*, *зва́нный*, *про́данный*, *пере́вранный*[51], *раско́панный*, *разрисо́ванный*, *тка́ный*, *трёпаный* — *проде́ланный*, *поми́лованный*, *вы́работанный*, *што́паный*. Отклонения: 1) причастия *венча́нный* (царским венцом), *обуя́нный*; прилагательные *несказа́нный*, *жела́нный*, *недрема́нный*, *окая́нный*, *покая́ный*, *постоя́нный*, *назва́ный* (однако в *беспреста́нный*, *неуста́нный*, *благоуха́нный*, *бездыха́нный* следует усматривать просто суффикс *-н-* после основы на *н*); 2) *пе́реданный*.

Замечание. Хотя формально помета Polysyll действует здесь совершенно так же, как обычно, в сущности мы имеем здесь дело с особой ситуацией, нормой фактически является ударение типа *разрисо́ванный*, *про́данный* (на второй гласной слева от суффикса), а ударение типа *да́нный* выступает как вынужденное. Дело в том, что здесь (как и в причастиях с *-т-*, ср. ниже) в действительности представлена техника акцентовки, характерная для словоизменения, а не для словообразования: акцентная оппозиция типа *разрисова́л*—*разрисо́ван* выражает противопоставление залогов внутри претеритной субпарадигмы (ср. § 4.4).

-енн- (отыменное): *торже́ственный*, *ро́дственный* — *соло́менный*, *фи́рменный*, *коли́чественный*. Отклонения: *таи́нственный*, *вои́нственный*.

-шн'-: *вчера́шний*, *вне́шний*, *ны́нешний*, *сего́дняшний*.

-т- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). 1. Заменительное (с маркировкой ←), вместо *-ли* в мн. прош. (у корневых глаголов, кроме глаголов на *-олоть*): *наду́тый*, *разби́тый*, *за́пертый*, *на́чатый*, *пе́режи́тый* (ср. *наду́ли*, *разби́ли*, *за́перли*, *на́чали*, *пе́режи́ли*); при этом, однако, для глаголов на *-нять* с неодносложной основой литературная норма не допускает ударения *-ня́тый*, даже если допустимо *-ня́ли*, ср., например, *о́бнятый* при *о́бняли* // *обня́ли*. Отклоняется ряд отпричастных прилагательных: 1) *вито́й*, *завито́й*, *развито́й* (//*ра́звитый*), *обжито́й*, *лито́й*, *налито́й*, *разлито́й*, *пропито́й*, *спито́й*, *испито́й*, *занято́й*, *снято́й*, также субстантивированное *понято́й*; 2) *прокля́тый* (ср. еще *завя́тый*, *предвзя́тый*, для которых нет глаголов). 2. Аддитивное, с маркировкой ← Polysyll (у *нǫ*-глаголов и глаголов на *-олоть*): *гну́тый*, *изо́гнутый*, *сту́кнутый*, *ко́лотый*, *вы́колотый*.

-чат- (поглощающий сращенный суффикс): *жело́бчатый*, *бахро́мчатый*, *бревёнчатый*, *иго́льчатый*, *се́тчатый* — [*взры́в*]*чатый*, [*вы́ем*]*чатый*, *петли́тчатый*. Поглощающий эффект ясно виден, например, в *про́бчатый*, *клеёнчатый*, *рису́нчатый*, *па́льчатый*, *ко́льчатый* и т. п. (от *про́бка*, *клеёнка*, *рису́нок*, *па́лец*, *кольцо́*): делению типа *пробч-ат-ый*, *кольч-ат-ый* соответствовало бы ударение на *-ат-*,

---

[51] Как видно из этих примеров, обычная приставка образует часть глагольной основы (т. е. плотно присоединена к корню); ср. неплотное присоединение приставки *не*, например, в *незва́ный*, *нежда́нный*. Ударение не переходит также на первую основу в сложениях: *домотка́ный*, *первозда́нный* и т. п. (это можно интерпретировать как эффект неплотного присоединения или как эффект именного комплекса).

поскольку *-ат-* относится к классу ↓ D. Поглощающий эффект распространяется только на суффиксальное *-ч-* (*-ц-*, *-к-*), поэтому его нет в *камчатый*, *внучатый*, *дощатый* (*досчатый*). Отклонения: сравнительно устойчивые — *тройчатый*, *крупчатый*, *брусчатый*, *крестчатый*; неустойчивые — *столбчатый*, *звёздчатый*, *глазчатый*; ср. также нормативные *зубчатый*, *хлопчатый* и разговорные *зубчатый*, *хлопчатый*. Отклонения представляют собой акцентные архаизмы, которые в разговорной речи имеют тенденцию устраняться.

-ист- ← Triv (в химических и технических терминах со значением 'содержащий соответствующее вещество'): *слюдистый*, *углистый*, *сталистый*, *йодистый*, *хромистый*, професс. *сернистый* (при нормативном *сернистый*) — [*кремнезём*]*истый*, *фосфористый*, *никелистый*, сюда же примыкает *слизистый*. Специально отметим, что близкие по значению прилагательные нетерминологического характера (качественные), например: *золистый*, *смолистый*, *илистый*, сюда не относятся; они входят в основную группу слов с *-ист-* (§ 1.48).

-вш-, *-ш-* (причастия), также *-в*, *-вши*, *-ши* (деепричастия): *растёр-ший*, *-ши*, *растерев*, *сберёг-ший*, *-ши*, *сделав-ший*, *-ши*, *сделав*. Отклонения: *заперший*, *заперши́сь*, *отперший*, *отперши́сь*, *замерший*, *-ши* (аналогично с *об-*, *по-*), *перемёр-ший*, *-ши*, *оперши́сь*.

В данную группу входят также показатели компаратива *-е*, *-ше*: *моложе*, *чище*, *старше*, *дольше*.

§ 1.55. Суффиксы глаголов.

-(е)ствова-ть (поглощающий сращенный суффикс): *вдовствовать*, *бедствовать*, *зверствовать*, *купечествовать* — *здравствовать*, *ораторствовать*. Отклонения: 1) *благовествовать*, *повествовать*, *торжествовать*, *вспомоществовать*, *существовать*, *долженствовать*; 2) *воинствовать*.

-ыва-ть (первичный суффикс): *завязывать*, *пошевеливать*, *хаживать* — *раскупоривать*, *засахаривать*, *о*[*безврéж*]*ивать*.

-ича-ть, *-нича-ть*: *нагличать*, *подличать*, *жадничать* — [*ротозей*]*ничать*, *бродяжничать*, *ябедничать*, *попрошайничать* (от *попрошайка*), *сумерничать* (от *сумерки*). Отклонение: *домовничать*. Слово *озорничать* акцентно правильно при разложении *озорнич-а-ть*. В прочих случаях между разложением типа *ябед-нича-ть* и типа *ябеднич-а-ть* акцентной разницы нет.

-ну-ть (выпадающее в прош. времени [хотя бы в части форм]; первичный суффикс): *ослабнуть*, *окрепнуть*, *прогоркнуть*, *охрипнуть*, *стихнуть*. Такая акцентовка представлена и в тех случаях (довольно многочисленных), когда глагол не может рассматриваться как производный от какого-либо морфологически более простого слова, например: *зябнуть*, *настигнуть*, *повергнуть*, *меркнуть*, *пахнуть*, *вянуть*, *стынуть* и т. п.

СУФФИКСЫ С УСЛОЖНЕННОЙ АКЦЕНТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ

Связь акцентуации с противопоставлением качественных и относительных прилагательных

§ 1.56. В современном русском языке у производных прилагательных обнаруживается следующая закономерность: качественные прилагательные за очень немногими исключениями имеют в полных формах наосновное ударение (тогда как у непроизводных этого ограничения нет, ср. *сухóй*, *молодóй* и т. п.). Так, суффиксы, с помощью которых образуются именно качественные прилагательные, никогда не имеют → в своей маркировке; ср., в частности, *-к-* ← (например, *жáркий*), *-еньк-* ← (*молóденький*), *-лив-* ↓ (*хвастлúвый*), *-ист-* ↓ (*цветúстый*), *-аст-* ↓ D (*цветáстый*), *-ав-* ↓ D (*величáвый*), *-ив-* ↓ D (*красúвый*), *-ит-* ↓ D (*мастúтый*), *-ущ-* ↓ D (*длиннющий*) и др. Что же касается суффиксов, дающих как качественные, так и относительные прилагательные, то здесь может произойти акцентное «расщепление» суффикса; а именно, оно обязательно происходит там, где относительные прилагательные образуются в соответствии с маркировкой →: для качественных прилагательных в этом случае используется другая маркировка (← или ↓). В таком положении находятся прежде всего суффиксы *-н-* и *-ов-*: ср., например, *двернóй*, *подвеснóй*, *путевóй* и *дрýжный*, *протяжный*, *путёвый* (в менее яркой форме эти соотношения выступают при суффиксе *-ян-*, см. § 1.64).

Общеизвестно, однако, что противопоставление качественных и относительных прилагательных нестрогое: во-первых, потому, что нестроги сами понятия качественного и относительного значений, во-вторых, потому, что во многих случаях у одного и того же прилагательного имеются как относительные, так и качественные значения. Тем самым использование в акцентологических правилах понятий качественного и относительного прилагательного неизбежно означает потерю формальной строгости. Однако, сколь бы ни была огорчительной такая потеря, анализ материала все же заставляет признать, что современное русское ударение фактически реагирует именно на это различие. В «чистых» случаях эта зависимость проявляется совершенно отчетливо; более размытая картина, наблюдаемая в различного рода промежуточных и нечетких случаях, не может поставить под сомнение наличие самой зависимости.

Таким образом, при описании акцентуации прилагательных с *-н-* и *-ов-* полная формальная строгость может быть достигнута лишь с помощью списков; как сводный список такого рода можно рассматривать, например, Грамм. С другой стороны, полезные обобщения (позволяющие, в частности, делать предсказания о новом материале) здесь можно достичь лишь на уровне неполной строгости (по крайней мере, при современном уровне точности в описании

значений). Во всяком случае, совершенно иллюзорны встречающиеся иногда попытки повысить в этом пункте строгость акцентологического описания, подменив противопоставление «качественные — относительные» противопоставлением «имеющие краткие формы — не имеющие их» (см., в частности, Редькин, с. 189). В самом деле, наличие или отсутствие кратких форм фактически само определяется, во-первых, качественным или относительным значением прилагательного, во-вторых, ударением полных форм (ср., например, отсутствие кратких форм у *пробивно́й*, *рокові́й*). Главное же в том, что в сознании носителей русского языка нет четкого разграничения между прилагательными, имеющими краткие формы и не имеющими их; тем самым опора на этот признак никак не повышает строгости изложения.

Таким образом, практически мы будем исходить из традиционного нестрогого представления о качественных и относительных прилагательных; см., в частности, АГ-80, т. I, с. 541. Отметим здесь лишь некоторые детали, существенные для дальнейшего. Прилагательные со значением цвета, в соответствии с традицией, рассматриваются как качественные (хотя они несколько отличаются от основного массива качественных прилагательных в том, что касается возможных вариаций интенсивности признака). У отглагольных прилагательных относительные значения носят несколько специфический характер. Наиболее типичны здесь значения: 1) 'получаемый в результате соответствующего действия' (например, *нашивно́й*, *заказно́й*); 2) 'предназначенный (приспособленный) для того, чтобы быть объектом соответствующего действия' (например, *откидно́й*, *раздвижно́й*, *складно́й*). Заметим, что последнее значение иногда сближается с качественными; в прилагательных *слы́шный*, *неслы́шный*, *ви́дный* 'visibilis', семантически близких к этой группе, мы имеем дело уже просто с качественным значением.

Для акцентологического описания суффикса *-ов-* оказывается необходимым также подразделение относительных прилагательных на: 1) прилагательные, которым мы даем рабочее обозначение «полукачественные», и 2) чисто относительные, т. е. остальные. К категории «полукачественных» принадлежат прилагательные со следующими значениями (символ X заменяет исходное имя): а) 'мерой в одну единицу X' (или 'в несколько единиц X' — при сложной основе), например, *пудо́вый*, *двухметро́вый* (это значение близко к качественным);

б) 'масти X', 'из категории, отмеченной знаком X', например, *бубно́вый*, *гёрбо́вый* (это значение близко к цветовому);

в) 'изготовленный из мяса (шкуры, костей и т. д.) животного X, из древесины (ветвей, листьев) растения X, из ткани (нити, шерсти) X, из твердого стройматериала X', например, *бобро́вый*, *дубо́вый*, *шёлковый*, *тесо́вый*;

г) 'приготовленный из X или с X в качестве определяющего компонента' (о кушанье), например, *медо́вый*, *фрукто́вый*.

Прочие значения являются чисто относительными. Таковы, в частности, значения 'свойственный *X*', 'касающийся *X*', 'предназначенный для *X*', 'происходящий от (из-за) *X*', 'снабженный *X*-ом', 'расположенный в (около) *X*', 'имеющий вид *X*', 'являющийся частью *X*', 'являющийся *X*-ом' и др.

Большая практическая трудность связана с тем, что производные прилагательные, как правило, многозначны и нередко совмещают качественные значения с относительными (или полукачественные с чисто относительными). При таком совмещении может оказаться, что одно значение требует по правилу одной акцентовки, а другое — другой. Фактически, однако, акцентное единство лексемы в таких случаях почти никогда не нарушается, а именно, одно из значений выступает как главное и определяет акцентовку слова в целом (во всех значениях). Например, у слова *дубо́вый* акцентуация определяется значением «сделанный из древесины дуба» (ср. *дубо́вый стол*), но она выступает и при других значениях (например, в *дубо́вый лист*, *дубо́вая роща*), которые сами по себе требовали бы иной акцентуации.

Как правило, акцентуация определяется тем значением, в котором слово выступает чаще всего. Трудные случаи совмещения разнотипных значений отмечены ниже индивидуально. Здесь укажем лишь следующий более общий факт: для производных с *-ов-* от названий животных, деревьев (и иных растений) и тканей акцентологически главным является полукачественное значение (см. выше, пункт «в»). Лишь у нескольких слов это не так, поскольку здесь полукачественное значение неактуально или даже вовсе отсутствует: *трутнево́й*, *шершнево́й*, *зверово́й*, *хмелево́й*, *плющево́й*.

Суффикс -н-

§ **1.57.** Суффикс -*н*- (первичный) — самый сложный в акцентологическом отношении из всех русских суффиксов. На его акцентное поведение влияют: 1) несколько собственно лингвистических факторов — качественное или относительное значение производного прилагательного, его отыменный или отглагольный характер, акцентный тип производящего слова; 2) прагматический фактор (§ 1.5).

Акцентное действие прагматического фактора здесь таково: неосвоенное (непривычное, редкое) прилагательное с *-н-* стремится получить тривиальное ударение, совпадающее по месту с И. ед. производящего слова (если только ударение здесь не флексионное). Формально это значит, что суффикс *-н-* ведет себя в данном случае в соответствии с маркировкой ← Triv. Так, в индивидуальной речи при неосвоенности соответствующего слова могут встретиться, например, такие ударения, как *те́ремный*, *ско́ростный*, *пло́скостный*, *ку́зовный*, *шта́бный*, *зе́ркальный*, *ве́тошный*. В сущности речь здесь идет о построении этих слов в акте речи заново по простейшим моделям. Существенно, однако, что для части слов тривиальное ударение,

вызванное прагматическим фактором, включено в литературную норму. Сюда относятся, во-первых, слова устаревшие или имеющие возвышенно-книжную окраску, например, *чёрмный*, *хла́дный*, *гро́бный*, во-вторых, многие редкие слова, которые для подавляющего большинства носителей языка в сущности относятся к категории потенциальных слов (конструируемых заново в случае необходимости), например, *зо́бный*, *бро́вный*, *о́бручный*. Действие прагматического фактора накладывается на действие собственно лингвистических факторов, создавая в сфере редких слов ряд отклонений от основных правил.

Отвлекаясь от индивидуальных отклонений, акцентные свойства суффикса *-н-* в терминах маркировок можно представить так[52].

I. При неосвоенности: ← Triv.

II. При освоенности.

1. В качественном значении: ←.
2. В относительном значении
   а) у отыменных: ← Marg;
   б) у отглагольных: →.

Примечание. Имеется несколько особых случаев, когда при соединении производящей основы с суффиксом *-н-* в ней происходит сдвиг ударения на конечный слог (не связанный с акцентными свойствами суффикса *-н-* как такового). Сюда относятся: 1) прилагательные на *-ийный*, *-ейный*, например, *лине́йный*, *гаранти́йный* (подробнее см. § 1.41), а также *случа́йный*, *необыча́йный*; 2) *бонда́р-ный*[53], *пека́р-*, *тока́р-*, *слеса́р-*; *служе́б-*, *смокве́-*, *поле́в-*, *разу́м-*, *поско́н-*, *характе́р-*, *пу́рпу́р-*, *ужа́с-*, *преле́ст-*, *зави́ст-*, *ненави́ст-*, *роско́ш-*, *ветo̍ш-*, *пусто́ш-*, *возду́ш-*, *свеко́ль-* (ср. § 1.30, замеч.); также *а́то́мный вес* (отметим еще нелитер. *сваде́бный*, *кухо́нный*)[54]. В дальнейшем разборе эти слова в списках исключений уже не упоминаются.

Рассмотрим действие приведенных правил более конкретно.

Качественные прилагательные

§ 1.58. Маркировка ← реализуется в этом классе прилагательных (насчитывающем несколько тысяч слов) с высокой степенью последовательности. Примеры: *бе́д-ный*, *голо́д-*, *холо́д-*, *дру́ж-*, *гря́з-*, *стра́ст-*, *стра́ш-*; *го́д-*, *то́м-*, *спе́ш-*, *неща́д-*, *развя́з-*, *опа́с-*, *заунь́в-*, *беспреры́в-*, *непреры́в-*[55]; также для слов с промежуточной по силе

---

[52] Напомним, что маркировки непосредственно предназначены для установления акцентуации полных форм производного прилагательного; акцентуация кратких форм (если они есть) устанавливается затем по общим правилам (см. § 1.16).

[53] Общая часть *-ный* для сокращения записи опущена; аналогично и в ряде последующих списков.

[54] Слова (*не*)*досту́пный*, *непристу́пный*, *спосо́бный* образованы не от *до́ступ*, *при́ступ*, *спо́соб*, а по общей модели отглагольных производных (§ 1.60).

[55] Приставка *не-* в словах типа *непреры́вный*, *неотвя́зный* и т. п. присоединена плотно; она практически синонимична здесь приставке *без-* и создает значение 'неспособный (непригодный) к соответствующему действию'.

основой (§ 1.30, В): *гнéв-ный, стáт-, óбраз-, плáмен-, трéпет-, гбрест-, ярост-, мéлоч-*. Отметим, что наосновное ударение имеют и те качественные прилагательные с *-н-*, где исходного слова в современном языке уже нет, например: *блéдный, кóсный, тéсный*. Особенно наглядны случаи, где прямо противопоставлены качественное и относительное прилагательное с одинаковой основой, в частности: *степéнный — степеннóй* (в математике); *врéменный — временнóй* (например, интервал); *óбразный — образнóй* 'иконный'; *мéлочный человек — мелочнáя лавка*; *стрáстная любовь — страстнáя неделя*; *квáсный* 'квашеный, кислый' — *кваснóй* (чан и т. п.); *плáвный переход — плавнáя сеть*; *связный рассказ — связнóй офицер*; *склáдная речь — складнóй стул*; *неотлóжное дело — отложнóй воротник*; *протяжный звук — протяжнóй механизм*.

Поскольку граница между качественными и относительными прилагательными нестрога, понятие исключения в данном случае тоже оказывается нестрогим. Явными исключениями можно считать: а) *чуд-нóй, блаж-, срам-, дрян-, дур-, цвет-, смеш-, шаль-, хмель-* (//*хмéльный*), *боль-*; *корен-, сволоч-* [56]; б) *балов-, пробив-, пролив-, показ-, озор-, разбит-*. Здесь сохранено ударение, свойственное: в группе «а» — относительным прилагательным (§ 1.59; флексионное ударение определяется здесь эффектом Marg), в группе «б» — отглагольным прилагательным (§ 1.60). Кроме того, качественные значения занимают существенное место в семантической структуре прилагательных: *род-нóй, зем-, руч-, сплош-, основ-, продув-, потай-* (данный список, вообще говоря, можно несколько расширить). Неправильное место ударения внутри основы: *бéрежный, врéменный*. См. также § 1.57, примеч.

Относительные прилагательные

§ 1.59. У отыменных относительных прилагательных с *-н-* действует, хотя и не совсем последовательно, архаичный принцип акцентовки, отражаемый маркировкой ← Marg. Примеры с сильными производящими основами: *рыб-ный, лыж-, сéр-, жúт-, глагóль-, канáт-, троллéйбус-, настóль-, безлошáд-, левобережь-, подъéзд-* (от *подъéзд* 'часть здания'); со слабыми (но не маргинально-подвижными): *трýб-ный, звёзд-, блúн-, кóн-, ствóль-, колбáс-, ширóт-, багáж-, кулáч-* [57]; с промежуточными (которые в силу основной маркировки ← у суффикса ведут себя как сильные, см. § 1.33): *пляж-ный, юж-, штáт-, мýскуль-, кóмпас-, гáлстуч-, фáкель-, мéбель-*. Специально отметим, что в числе прочих промежуточных основ как сильные ведут себя и основы слов «группы *якорь*» (т. е. они не под-

[56] Отметим еще устаревшие *честнóй, мирнóй*, также *мелочнóй* (о человеке); ср. обычные *чéстный, мúрный, мéлочный*.

[57] Сюда же прилагательные на *-есный*, например, *небéсный, словéсный*: в современном языке они должны рассматриваться как производные от отдельных лексем *небесá, словесá* и т. д. (а не от *нéбо, слóво*).

падают под действие пометы Marg); примеры: *я́кор-ный*, *бу́фер-*, *ла́гер-*, *ве́ксель-*, *а́дрес-*, *па́рус-*, *па́спорт-*, *ка́мен-*, *у́голь-*, *ла́пот-* и т. п.

Примеры эффекта Marg: *штаб-но́й*, *губ-*, *зуб-*, *нож-*, *глаз-*, *двой-*, *зем-*, *стен-*, *спин-*, *степ-*, *двер-*, *лес-*, *спирт-*, *свеч-*, *печ-*, *ноч-*, *руч-*, *уш-*, *пуш-*; *кружев-*, *голов-*, *остров-*, *площад-*, *тормоз-*, *зелен-*, *племен-*, *имен-*, *череп-*, *четвер-*, *номер-*, *четверт-*, *област-*, *должност-*, *крепост-*, *щелоч-*, *овощ-*; *очеред-*, *поезд-*, *окруж-*, *подат-*, *возраст-*. То же для «группы *воск*»: *сап-ной*, *блат-*, *пив-*, *сен-* (от *се́но*), *мяс-*, *брюш-*, *сталь-*; ср. также *сквозно́й*, *сплошно́й*. Эффект Marg наступает даже при факультативной маргинальной подвижности у производящего слова, ср., например, *избно́й*, *речно́й*, *челюстно́й*. В нескольких случаях ударение производного соответствует ненормативной акцентовке исходного слова: *штрафно́й*, *гребенно́й*, *хоботно́й*, *прочностно́й* (ср. простореч. *штрафы́*, професс. *гребне́й*, *хобото́в*, *прочносте́й*).

Отметим еще несколько слов с остаточным базовым компонентом: *порт-но́й*, *тряп-*, *треф-*.

Важнейшее отклонение от маркировки ← Marg состоит в отсутствии эффекта Marg. Из слов с односложной основой сюда относятся [58]: *хле́б-ный*, *зо́б-*, *бро́в-*, *ста́д-*, *во́д-*, *сне́ж-*, *ча́й-*, *са́н-*, *го́р-*, *сы́р-*, *флю́с-*, *ме́ст-*, *ко́ст-*, *ше́рст-*, *о́ч-*, *ве́щ-*, *ба́ль-*, *до́ль-*, *те́ль-*, *мы́ль-*, *ты́ль-* (ударение колеблется при базовых компонентах *сет-* [от *сеть*], *шкаф-*, *строч-*). Из этих слов часто встречаются следующие (в скобках указана их частота по Частотн.): *ме́стный* (135), *го́рный* (94), *сне́жный* (38), *во́дный* (31), *хле́бный* (22), *ча́йный* (17). Остальные слова — относительно редкие (у *ба́льный*, *мы́льный* частота 6, *ты́льный* 3, *те́льный* 1, прочие вообще не попали в Частотн.). По крайней мере для части этих слов (*ве́щный*, *ба́ль-*, *до́ль-*, также узкие термины *зо́б-ный*, *бро́в-*, *ше́рст-*, *флю́с-*, *се́т-*, *шка́ф-*) следует предполагать действие прагматического фактора. В нескольких случаях наосновному ударению, по-видимому, способствует наличие у прилагательного качественных значений (*ста́д-ный*, *ве́щ-*, *до́ль-*, *те́ль-*, *мы́ль-*; то же верно для *сне́жный*, *хле́бный*). В слове *о́чный* ударение выровнено по антониму *за́очный*.

Из слов с неодносложной основой сюда относятся: а) *о́труб-ный* (от *о́труби*), *де́неж-*, *при́стан-*, *зна́мен-*, *ска́терт-*, *ло́паст-*, *о́блач-*, *о́короч-*, *о́бруч-* (//устар. *обру́ч-*); ср. также *ма́терный*; б) *сковоро́дный*, *госпита́ль-*, *колоко́ль-* (ср. *похоро́н-*, *догово́р-*, которые можно отнести также к § 1.60); *церко́в-*, *жемчу́ж-*, *саже́н-*, *просты́н-*, *стремя́н-* (//*стременно́й*), *озёр-*, устар. *козы́р-* (//*козырно́й*), *воло́с-* (//*волосно́й*), *поло́с-* (но *полосно́е железо*), *леме́ш-*, *зерка́ль-*, *земе́ль-*. В группе «а» представлено (если не считать архаизмов *де́неж-ный*, *зна́мен-*, *ма́тер-*) ударение по модели ← Triv, определяемое прагматическим фактором (для *о́блачный* существенно также наличие качественных значений). В группе «б» у трехсложных основ, по-види-

[58] В списки включены только слова, представленные в МАС и/или у Ожегова.

мому, представлен эффект, отчасти сходный с Polysyll (но непоследовательный, ср. *очереднóй*, разг. *договорнóй*); прочие случаи носят характер индивидуальных отклонений. См. также § 1.57, примеч.

Обратное отклонение, т. е. «незаконное» флексионное ударение, представлено существенно реже. Из бесприставочных сюда относятся прежде всего: *гриб-нóй*, *чум-*, *сып-*, *лич-* (*личнóе полотенце* и т. п.), *муч-*, *белен-*, *курен-*; из редких слов можно отметить еще *штаннóй*, *рапнóй*, устар. *дворнóй*.

Из приставочных сюда с определенностью следует отнести *уставнóй* (//*устáвный*), *суставнóй*, *основнóй* (от *устáв*, *сустáв*, *оснóва*); по-видимому, сюда же *обувнóй*, *упряжнóй*, *прописнóй* (от *óбувь*, *ýпряжь*, *прóпись*). Во всех этих случаях выступает акцентовка, свойственная отглагольным производным. Прочие внешне сходные примеры (*посевнóй*, *запаснóй*, *выхлопнóй* и т. п.) обнаруживают семантическую связь не только с именем, но и с глаголом; они относятся к следующему параграфу.

§ **1.60.** В отглагольных относительных прилагательных суффикс *-н-* выступает с маркировкой →.

В бесприставочных производных эта маркировка реализуется без каких-либо осложнений. Примеры: *гребнóй*, *лепнóй*, *курнóй*, *строчнóй* (о воротнике и т. п.) [59] — *печáтный*, *купáльный*, *спáльный*, *тянýльный* (ср. также качественное *баловнóй*, построенное по этой же модели). Поскольку базовый компонент, равный односложному глагольному корню, всегда слабый (§ 1.30, А2), флексионное ударение представлено, например, в *плавнóй* (о сети, лесе), *ставнóй* (о сети), *резнóй*. Отклонения: *дóйный*, *мóйный*, *лётный*.

Гораздо сложнее тот случай, когда базовый компонент содержит приставку: во-первых, здесь возникает проблема разграничения отглагольных и отыменных производных, которая далеко не всегда решается с достаточной определенностью; во-вторых, в современном языке суффикс *-н-* еще не полностью закрепил за собой статус первичного суффикса; в части производных он ведет себя в соответствии со своим более старым статусом вторичного суффикса.

Что касается вопроса о семантической производности прилагательного с *-н-* от существительного или от глагола, то ниже практически достаточно различать: 1) случаи, где прилагательное определенно произведено не от глагола, т. е. оно обнаруживает прямую семантическую связь с существительным при отсутствии столь же прямой связи с глаголом (например, *отпускнóй* от *óтпуск*, *подъéздный* от *подъéзд* 'часть здания', *помóйный* от *помóи* и т. п., ср. § 1.24) или подходящего глагола вообще нет (например, *безлошáдный*, *распýтный*); 2) случай, где прилагательное либо определенно произведено от глагола (например, *раздвижнóй*), либо обнаруживает семантическую связь одновременно с глаголом и отглагольным су-

---

[59] Ср. наосновное ударение в качественных прилагательных, например, *гóдный*, *тáйный*, *тóмный*, *спéшный*, *бéрежный* (также *слы́шный*, *ви́дный*, ср. § 1.56).

ществительным (например, *связнóй*, *подъезднóй*, *заказнóй*). В первом случае мы будем говорить об отыменном, во втором — об отглагольном производном.

Напомним, что в соответствии с правилами, изложенными ранее, из приставочных производных с *-н-*: 1) качественные прилагательные имеют наосновное ударение (например, *испрáв-ный*, *протя́ж-*, *развя́з-*, *достýп-*, *опáс-*, *заня́т-*, *неотры́в-*, *беспросы́п-*, *необъя́т-*, *бездáр-*, *безопáс-*, *распýт-*); 2) отыменные относительные прилагательные имеют ударение, определяемое исходным существительным (т. е. обычно наосновное, например, *при́город-ный*, *нáсмороч-*, *уéзд-*, *расхóд-*, *снаря́д-*, *предлóж-*, *окóп-*, *пожáр-*, но в определенных случаях флексионное, например, *погребнóй*, *поезднóй* от *пóгреб*, *пóезд*).

После вычета этих двух групп остаются отглагольные относительные прилагательные. Поскольку суффикс *-н-* первичный, для них маркировка суффикса → должна означать (в случае освоенности) флексионное ударение, в частности, при любом односложном корне (§ 1.30, А2), причем даже приставка *вы-* должна быть безударна (§ 1.28, Б). Именно такую картину дают более 300 прилагательных данного класса, например: *сплав-нóй*, *отправ-*, *подстав-*, *посев-*, *набив-*, *пришив-*, *надув-*, *взрыв-*, *откид-*, *проезд-*, *вход-*, *разрез-*, *запас-*, *вколот-*, *пропаш-*; *выгреб-*, *вышив-*, *выезд-*, *вытяж-*, *выхлоп-*, *вынос-*. В ряде случаев имеется прямое акцентное противопоставление отглагольного и отыменного производных, например: *заливнóй* (от *заливáть*) — *зали́вный* (от *зали́в* 'часть моря'), *подъезднóй* (от *подъезжáть*) — *подъéздный* (от *подъéзд* 'часть здания'), *разводнóй* (ключ; от *разводи́ть*) — *развóдный* (от *развóд* 'расторжение брака'), *взводнóй* (от *взводи́ть*) — *взвóдный* (от *взвод*) и др.

Однако имеются также значительные группы отглагольных относительных прилагательных, где ударение наосновное. Эти группы таковы.

1. При определенных корнях суффикс *-н-* ведет себя как вторичный, а не первичный (с исторической точки зрения мы имеем здесь дело с частичным сохранением его прежнего статуса). Это значит, что стоящий перед ним приставочно-корневой комплекс трактуется как именной (независимо от характера семантической производности); соответственно, ударение здесь наосновное (а именно, приставочное в случае приставки *вы-*, в прочих случаях корневое). К этой категории относятся корни: 1) оканчивающиеся на сонант (реально /j/, /л'/, /м/, /н/, /р/), кроме корней *жим-*, *вар-*, *пар-*; ср., например, *убóйный*, *перестóй-*, *отбéль-*, *пересы́ль-*, *подъём-*, *смен-*, *перегóн-*, *оборóн-*, *похорóн-*, *обди́р-*, *разбóр-*, *вы́гуль-*, *вы́бор-*; 2) *ряд-*, *чёс-*, *кос-*, *прос-*, *сос-*, *хват-*, *лёт-*, *мёт-*, *чёт-*, *мот-*, *ворот-*, *сеч-*, *тёч-*, *роч-*, *точ-*; ср., например, *заря́д-ный*, *опрóс-*, *захвáт-*, *взлёт-*, *перемóт-*, *приворóт-*, *натёч-*, *протóч-*, *вы́ворот-*. Отклонения: *потайнóй*, *наклейнóй*, также разг. *договорнóй* (при литер. *договóрный*).

2. Даже от корней, допускающих производные на *-нóй*, наряду с таковыми могут быть и производные на *-ный*. Возможны также пря-

мые колебания, например, *обводнóй* и *обвóдный*, аналогично с базовыми компонентами *отвод-*, *обход-*, *привоз-*, *провоз-*, *зажим-*, *нажим-*, *обжим-*, *разжим-*, *прижим-*, *отжим-*, *уступ-*, *запар-*, *провес-*, *унос-*, *сброс-*, *обкат-* и некоторыми другими. В живой речи таких колебаний больше, чем отмечается в словарях. При этом вариант с *-нóй*, как правило, носит более профессиональный оттенок, чем вариант с *-ный*. Факторы, способствующие здесь наосновному ударению, таковы: 1) фактор традиции (наосновное ударение всегда является в этом классе слов более старым), ср., например, *исхóдный*, *отхóдный*; 2) неосвоенность; 3) наличие у прилагательного побочных качественных значений, ср., например, *нанóсный*, *перекáтный*; 4) высокая употребительность соответствующего отглагольного существительного (которое может оказывать прямое акцентное влияние на прилагательное), ср., например, *отрáвный*, *прокáтный*. Строго очертить круг прилагательных данного класса с нормативным наосновным ударением невозможно, поскольку нестроги границы между относительными и качественными, отглагольными и отыменными прилагательными. Из достаточно употребительных сюда можно отнести: *отрáв-ный*, *ввóд-*, *свóд-*, *исхóд-*, *отхóд-*, *завóз-*, *ввóз-*, *подвóз-*, *занóс-*, *нанóс-*, *разнóс-*, *принóс-*, *накáт-*, *обкáт-*, *перекáт-*, *прокáт-*, *скáт-*, *уплáт-* (у части из них имеются нелитературные варианты с *-нóй*).

Суффикс -ов-

§ 1.61. На акцентное поведение суффикса *-ов-*[60] (не смешивать с притяжательным *-ов*, § 1.48) в современном языке влияют: 1) собственно лингвистические факторы — качественное, «полукачественное» (§ 1.56) или чисто относительное значение производного прилагательного, число слогов базового компонента и наличие в нем определенных суффиксов; 2) прагматический фактор.

Акцентное действие прагматического фактора здесь таково: при неосвоенности суффикс *-ов-* ведет себя в соответствии с маркировкой ↓Triv (ср. § 1.57 о суффиксе *-н-*); при освоенности ударение определяется прочими факторами. Подробнее о действии данного фактора см. в разборе материала. Здесь специально отметим лишь тот факт, что термины зоологической и ботанической классификации (*вóроновые*, *кáрповые* и т. п.) акцентно всегда оформляются как неосвоенные.

Акцентные свойства суффикса *-ов-* могут быть представлены так.

I. При неосвоенности: ↓Triv.

II. При освоенности.

1. В качественном или полукачественном значении: ↓.
2. В чисто относительном значении: → Polysyll Monosyll.

---

[60] В описании данного суффикса существенным образом использованы работы: Устинова 1974, 1977. Списки составлены в объеме Грамм. (иногда с небольшими добавлениями).

Замечание. Наличие пометы Polysyll в том случае, где *-ов-* имеет основную маркировку → (при основной маркировке ↓ в прочих случаях), в принципе (т. е. если пренебречь исключениями) означает, что при неодносложном базовом компоненте, не содержащем полногласного сочетания, не бывает ударения *-овóй* (т. е. при таком базовом компоненте, вообще говоря, нет необходимости учитывать тип значения прилагательного).

Приведенная схема отражает основное правило акцентовки производных с *-ов-* в современном русском языке. Однако наряду с ним существует и другое, более старое правило, ныне для бóльшей части системы уже неактуальное; оно выражается единой маркировкой ↓Marg для всех случаев. Там, где старое правило вступает в конфликт с новым, обычно побеждает новое правило. Есть лишь одна небольшая зона, где старое правило пока еще сильнее нового: чисто относительные прилагательные, образованные от существительных с суффиксом *-ок* или *-ец* (с беглыми *о*, *е*). При этом, однако, в данной зоне нет случаев, где могла бы проявиться помета Marg, т. е. архаичная маркировка ↓Marg здесь фактически сводится к простейшей маркировке ↓. За пределами этой зоны старое правило создает лишь некоторое число исключений из основного синхронического правила.

Ниже разбирается материал; действие прагматического фактора рассматривается по ходу разбора собственно лингвистических факторов.

Качественные и «полукачественные» прилагательные

§ 1.62. Суффикс *-ов-* имеет здесь маркировку ↓.

Примеры производных со слабым базовым компонентом. Качественные: *путёвый*, *бед-óвый*, *бред-*, *толк-*, *махр-*, *ерунд-*, *чепух-*; *борд-*, *багр-*; *бас-*, *альт-*[61]. Заметим что значительная часть приведенных слов имеет отчетливую разговорную окраску[62]. Особенно характерны такие прилагательные для просторечия, ср. *рисковый*, *фартóвый*, *шельмóвый*, а также многочисленные прилагательные с общим значением «плохой» (*дерьмóвый*, *хренóвый* и т. д.). Качественные прилагательные на *-óвый* широко представлены также в различных арго (например, студенческом).

«Полукачественные» (примеры даются по группам, указанным в § 1.56): а) *рублёвый*, *пуд-óвый*, *грош-*; б) *черв-óвый*, *бубн-*, *крест-*, *очк-* (змея); в) *лос-ёвый*, *собол-*, *морж-óвый*, *треск-*, *слон-*, *бобр-*, *кит-*, *осетр-*; *боб-*, *дуб-*, *хрен-*, *терн-*, *сосн-*, *пеньк-*, *пух-*, *свинц-*, *холщ-*, *дерн-*, *тес-*, *окорок-*, *язык-* (колбаса), *чесуч-*, *кремн-ёвый*, *миткал-* (об акцентологически главном значении в этой группе производных см. § 1.56); г) *мед-óвый*, *солод-*, *плод-*, *вереск-* (мёд), *желу-*

[61] Отметим также прилагательные с остаточным базовым компонентом: *кондóвый*, *сурóвый*, *готóвый*, *лилóвый*, *пунцóвый*.

[62] Ср. также такие областные слова, как *игрóвый* 'игривый, веселый', *квасóвый* 'кислый, кисловатый', *слезóвый* 'плачевный', *чудóвый* 'чудный', *прахóвый* 'мягкий, легкомысленный' и др.

дёвый (*желудóвый*) [63]. У некоторых из этих прилагательных (*грошóвый*, *хренóвый*, *медóвый*) имеются и собственно качественные значения.

Отклонения: 1) определяемые действием старого правила (т. е. ↓Marg, см. § 1.61) — *рок-овóй*, *год-*, *век-*, *час-*, *рог-*, *воск-*, *мел-*, *мех-* [64]; также *громовóй* // *громóвый* (о голосе; но только *громовóй* в чисто относительных значениях); 2) в сторону Deox — *гéрбовый* (при более редком *гербóвый*), *миндáлевый*, *щавéлевый*, *томпáковый*, *голáвлевый* // *голавлёвый*; ср. также *бузи́новый*; 3) *шёлковый* (ср. народно-поэт. *шелкóвый*), *брóсовый*, *кáзовый*.

Для редкого слова *сéльдевый* литературной нормой закреплено ударение, определяемое неосвоенностью. У слов *волевóй*, *ходовóй*, *деловóй* ударение соответствует их относительным, а не качественным значениям (ср. также наличие чисто относительных значений у слова *часовóй*). Ударение *броневóй*, *гонтовóй* соответствует значению 'снабженный, покрытый чем-либо' (а не 'изготовленный из чего-либо'). Только чисто относительные значения имеют (и потому акцентологически правильны): *верстовóй* (практически только *столб*; в значении 'длиной в версту' было бы **верстóвый*), *трутн-евóй*, *шершн-*, *хмел-*, *плющ-*, *зверовóй* (см. § 1.56).

Примеры с сильным базовым компонентом: *рóз-овый*, *лáск-*; *крóлик-*, *нóрк-*; *мáрл-евый*, *зáмш-*, *грýш-*, *и́в-овый*, *сли́в-*, *брóнз-*, *бáйк-*, *ли́п-*, *берёз-*, *корáлл-*. Колебания *кéтóвый*, *фóльгóвый*, *ки́рзóвый*, *лю́фóвый*, *жмы́хóвый* непосредственно соответствуют колебаниям *кéтá*, *фóльгá*, *ки́рзá*, *лю́фá*, *жмы́хи́*. Отклонения (в сторону доминантности суффикса): *вишнёвый*, *трефóвый* (// *трéфовый*); *солодк-óвый*, *известк-*, *семестр-*, *триместр-* (относительно *километрóвый* и т. п. см. ниже); за рамками литературной нормы также *пик-óвый* (масть), *джинс-*, *груш-*, *вяз-*, *гротеск-* и некоторые другие.

Акцентный эффект освоенности проявляется у качественных и «полукачественных» прилагательных сравнительно слабо. Так, промежуточный по силе базовый компонент ведет себя как слабый лишь в следующих случаях: *тенор-óвый*, *дискант-*; *дюйм-*, *грамм-*, *метр-*, *литр-*, *фунт-*; *омул-ёвый*, *лосос-*, *тигр-óвый*; *клен-*, *лавр-* (лист, венок), *ел-*, *перц-*, *перл-* (крупа), *фрукт-*, *марганц-*, *пестрядёвый*; отметим также простореч. *фигóвый* 'плохой' (ср. выше об этой группе), нелитер. *истóвый*, *бланкóвый* (при литер. *и́стовый*, *блáнковый*). Колебания в *окунёвый* // *óкуневый*, *тополёвый* // *тóполевый*. В прочих случаях промежуточный базовый компонент ведет себя как сильный, даже в освоенных словах, например: *крáб-овый*, *рáк-*, *зýбр-*, *бáрс-*, *бýйвол-*; *бя́з-евый*, *тю́л-*, *плю́ш-*, *вя́з-овый*, *мáк-*, *ци́нк-*, *лýк-*, *хрóм-*, *дрáп-*, *фéтр-*, *ри́с-*, *ги́пс-*, *я́хонт-*, *ни́келевый*, не говоря уже о редких словах вроде *скýнсовый*, *тýнговый*.

[63] Отметим, что из «группы *воск*» производные на *-óвый* имеют *толк*, *рис*, *хрен*, *дёрн*, *тёрн*, *тёс*, *фарт*.

[64] Еще в нескольких случаях ударение *-овóй* сохраняется лишь в виде устаревшего варианта, например, *бредовóй*, *пудовóй*, *медовóй*, *пуховóй*.

Особый вопрос составляет ударение *-бвый* при сложной основе [65]. Разумеется, примеры типа *двухметрбвый*, *трёхлитрбвый*, *стограммбвый*, *многопудбвый* ничто не мешает считать результатом неплотного присоединения второй основы к готовым *метрбвый*, *литрбвый* и т. д.; ср. *двухчасовбй*, *трехгодовбй* и т. п. от *часовбй*, *годовбй*. Однако в некоторых случаях ударение *-бвый* появляется вопреки ударению соответствующего простого прилагательного: *средневекбвый* (ср. *вековбй*), *многовекбвый* (//*многовековбй*), *одноцилиндрбвый*, *двухцилиндрбвый* (ср. *цилиндровый*), *двухходбвый* (ср. *ходовбй*), *однояйцбвый* (ср. *яйцевбй*), также ненормативные *двухмачтбвый*, *восьмилучёвый*, *коротковолнбвый* и др.[66] Особое акцентное поведение морфа *-ов-* в этих случаях следует связывать с аналогичными свойствами «опорного» *-ов-* (§ 1.27), ср. *Поднепрбвье*, *безотцбвщина*, *поножбвщина* и т. п. В самом деле, на фоне таких примеров, как *одноглазый*, *двухголбвый*, прилагательные типа *двухцилиндрбвый* выглядят как имеющие «лишнее» *-ов-*. В слове *понизбвый* переход ударения с именного приставочно-корневого комплекса *по-низ-* на *-ов-* легко объясняется, если допустить, что *-ов-* здесь «опорное», тогда как при любой иной трактовке он должен быть признан редкой аномалией; слово *бестолкбвый* можно трактовать либо так же, как *понизбвый*, либо через неплотное соединение *без* и *толкбвый*. По-видимому, допустимо также (по крайней мере, в таких случаях, как *однояйцбвый* 'происходящий из одного яйца', где в значении явно есть элемент, свойственный суффиксу *-ов-*) интерпретировать морф *-ов-* как совмещающий в себе «опорный» элемент и суффикс (т. е. как результат «наложения»); ср. двойную функцию *-ов-* в словах типа *розоватый* (*розов-* + *-оват-*).

Производные *килограммбвый*, *километрбвый*, *сантиметрбвый*, *миллиметрбвый* в акцентном отношении уподобились таким, как *стограммбвый*, *многометрбвый* и т. п., т. е. основа трактуется здесь как сложная.

Чисто относительные прилагательные

§ **1.63**. Суффикс *-ов-* имеет здесь маркировку → Polysyll Monosyll. Оставив временно в стороне производные от существительных с суффиксами *-ок*, *-ец*, рассмотрим остальной материал.

Примеры производных со слабым базовым компонентом: *дожд-евбй*, *пол-*, *рул-*, *огн-*, *корн-*, *гост-*, *пут-*, *лиц-*, *плеч-*, *луч-*, *бель-*, *пить-*, *резьб-овбй*, *угл-*, *числ-*, *зерн-*, *нос-*, *щит-*, *лист-*, *хвост-*; *берег-*, *колос-*, *полос-*, *порох-*, также *перечневбй*; из отглагольных и отадъективных производных — *раневбй* (от *ранить*), *грыз-овбй*, *скак-*, *смотр-*, *пляс-*; *легк-*, *бел-*, *черн-*, *чист-*; отметим также *сороковбй*.

---

[65] Этот вопрос рассматривается здесь для прилагательных любых семантических классов.

[66] Сюда же *право-*, *левофлангбвый* (ударение *флангбвый*, по-видимому, само заимствовано у этих слов, см. § 1.63).

Отклонение: *ра́зовый* (относительно редких слов *ла́довый*, *па́зовый* и др. см. отдельно ниже).

Примеры эффекта Monosyll в чистом виде (т. е. при сильном базовом компоненте): *бирж-ево́й*, *пул-*, *гир-*, *бур-*, *веч-*, *куч-*, *туч-*, *пищ-*, *сил-ово́й*, *горл-*, *сумм-*, *форм-*, *мен-*, *групп-*, *искр-*, *цифр-*. То же при промежуточном базовом компоненте: *слиз-ево́й*, *цел-*, *кил-*, *стил-*, *штил-*, *бол-*, *гребн-*, *стержн-*, *плесн-*, *кор-*, *вихр-*, *душ-* (от *душ*); *град-ово́й* (туча), *груз-*, *шлюз-*, *цирк-*, *пуск-*, *звук-*, *шторм-*, *штурм-*, *шум-*, *горн-*, *тип-*, *мор-*, *центр-*, *бур-*, *курс-*, *свист-*, *текст-*. В словах *спуск-ово́й*, *стык-*, *смысл-*, *вкус-*, *сбыт-* приставочно-корневой комплекс опрощен и потому утратил доминантность. Случаи с наложением морфов: *жерново́й*, *бечево́й*, *кочево́й* (однако *швартóвый*; в принципе сюда можно отнести также и *торгóвый*).

Эффект Polysyll: при слабом базовом компоненте — *головнёвый*, *очагóвый*, *промыслóвый* и др.; при промежуточном — *митинг-óвый*, *лозунг-*, *обод-*, *очерк-*, *поиск-*, *прииск-*, *дебет-* (также ненормативные *обжигóвый*, *минусóвый*); ср. «законное» отсутствие данного эффекта в *берегово́й* и т. п., а также в *волоково́й*, *молотово́й*. Эффект Polysyll «незаконно» отсутствует в словах: *отраслево́й*, *языково́й* (от *язык* 'средство общения'), *мастерово́й*.

Примеры с неодносложным сильным базовым компонентом: *комба́йн-овый*, *бала́нс-*, *балла́ст-*, *ко́сточк-*, *подши́пник-*. Отклонения (в сторону доминантности суффикса): *маневр-óвый*, *оркестр-*, *продукт-*, *мальчик-*[67], *бороздк-*, *местечк-*; также от имен с *-ок* — *поселк-óвый*, *участк-*, нелитер. *подростк-* (в последней группе приставочно-корневой комплекс опростился и утратил доминантность).

При неосвоенности суффикс безударен, даже если это противоречит помете Monosyll. Примеры: при односложном сильном базовом компоненте — *лю́тневый*, *фу́г-овый*, *хо́рд-*, *ба́з-*, *фра́з-*, *ли́нз-*, *фре́ск-*, *спо́р-*, *ра́с-*, *ка́сс-*, *ка́ст-*; при промежуточном базовом компоненте — *ша́рж-евый*, *ли́вн-*, *ра́нг-овый*, *ре́йд-*, *сте́нд-*, *фо́нд-*, *ко́д-*, *джа́з-*, *зна́к-*, *тре́к-*, *че́к-*, *ба́нк-*, *фи́льм-*, *кла́н-*, *те́мбр-*, *жа́нр-*, *кла́сс-*, *а́кт-*, *ку́льт-*, *ше́льф-*, при слабом базовом компоненте (исходное слово относится к маргинально-подвижному типу) — *ла́д-овый*, *па́з-*, *та́з-*, *ко́н-*, *то́н-*, *при́з-*, *во́рс-* (ср. также предостережения АО против таких ударений, как *ча́новый*, *ша́говый*). Отклонение в сторону Deox: *фе́рзевый* (наряду с акцентно правильным *ферзево́й*).

Как и в других частях системы, где активно проявляется прагматический фактор, мы сталкиваемся здесь с очень большим количеством колебаний, поскольку степень освоенности одних и тех же слов у разных носителей языка различна. Основной моделью здесь является соотношение типа *пультово́й* в речи профессионалов — *пу́льтовый* в речи остальных носителей языка. Литературная норма, как и в других подобных ситуациях, отражает здесь в одних слу-

---

[67] В разговорной речи акцентно аномальное *мальчикóвый* часто заменяется теперь на *мальчукóвый* (акцентно совершенно правильное, ср. *барчу́к*, *барчука́* и т. п.).

чаях непрофессиональное ударение (например, *че́рневый*, *ру́мбовый*, *сте́ньг-*, *ди́ск-*, *бо́чк-*, *тя́гл-*, *пре́сс-*, *ста́рт-*; оценка степени нормативности здесь и ниже дана по Грамм), в других профессиональное (например, *слиз-ево́й*, *гряз-*, *штил-*, *щебн-*, *клубн-*, *трутн-*, *шершн-*, *поршн-*, *приз-ово́й*, *шлюз-*, *стык-*, *храм-*, *сумм-*, *мен-*, *искр-*, *текст-*, *шрифт-*), в третьих признает допустимыми оба ударения (например, *се́левый* и *селево́й*, аналогично при базовых компонентах *грыж-*, *усть-*, *бомб-*, *трюк-*, *русл-*, *дышл-*, *скип-*, *ворс-*, *плюс-*, *флюс-*, *сит-*, *лифт-*, *шихт-*, *пульт-*).

Иначе выглядит эффект неосвоенности там, где исходное слово относится к флексионному или смежно-подвижному типу: маркировка ↓Triv, соответствующая неосвоенности, дает в этом случае ударение *-о́вый*. Примеры: *плетнёвый*, *тайг-о́вый*, *тяж-*, *кирк-*, *кайл-*, *сноп-*, *тавр-*, *ядр-*, *пест-*, *хлыст-*, *жгут-*, *кнут-*. Разумеется, эти ударения можно было бы объяснить и действием старого правила (т. е. маркировкой ↓Marg). Существенно, однако, что все эти слова — очень редкие, а подавляющее большинство более употребительных слов уже подчиняются новому правилу, а не старому (см. примеры выше). Поэтому естественно связывать ударение *-о́вый* в приведенных словах именно с неосвоенностью, а не просто со старым правилом. Ср. колебания в относительно более частых словах: *ножо́вый* и *ножево́й*, *стволо́вый* и *стволово́й*, *котло́вый* и *котлово́й*. Наряду с прилагательными *ковшо́вый*, *копро́вый*, *костро́вый* (от *костёр*), которые фиксируются словарями именно с таким ударением (соответствующим неосвоенности), имеются субстантивированные прилагательные (более употребительные) *ковшево́й*, *копрово́й*, *кострово́й*.

Замечание. Как отметил Б. О. Унбегаун, в русском языке субстантивированные прилагательные (*рулево́й*, *марсово́й* и т. п.) имеют тенденцию к ударению *-ово́й*, независимо от акцентуации исходного слова (см. Кипарский 1962, с. 16). Учитывая разобранный выше материал, можно утверждать, что это не отдельная закономерность, а лишь специфическое частное проявление общего правила об ударении *-ово́й* у освоенных чисто относительных прилагательных с односложным базовым компонентом. В самом деле, субстантивируются обычно лишь чисто относительные прилагательные (с общим значением 'связанный с таким-то предметом'), например: *рул-ево́й*, *ковш-*, *кош-*, *звень-*, *город-ово́й*, *корд-*, *люк-*, *стрел-*, *дом-*, *стан-*, *чан-*, *горн-*, *костр-*, *марс-*, *лот-*, *вест-* и др.; ср. также *часово́й* (от [*стоять*] *на часа́х*). При этом субстантивация (т. е. по сути дела сокращение полного сочетания типа *рулевой матрос*), как правило, наступает лишь в той среде (обычно профессиональной), где соответствующее понятие привычно; отсюда акцентный эффект освоенности. В оппозиции типа *ма́рсовый* (прилагательное) — *марсово́й* (существительное) акцентологически существенно не различие частей речи, а различие по употребительности: *ма́рсовый* (*марсово́й*) в собственно адъективном качестве встречается гораздо реже, чем в субстантивированном. Поэтому для первого литературная норма фиксирует ударение, соответствующее неосвоенности, для второго — соответствующее освоенности. То же верно и для пар типа *костро́вый—кострово́й* (см. выше); особенность лишь в том, что здесь неосвоенность отражается суффиксальным ударением, а не корневым. Иначе обстоит дело в парах *ковро́вый—коврово́й* (в цирке), *домо́вый—домово́й* (демон); здесь разницы по степени освоенности нет, но сильно разошлись значения членов пары. Акцентно регулярны в этих парах именно субстантивированные члены (имеющие чисто относительное значение), тогда как прилагательные по индивидуальным причинам получили особое ударение.

Исключениями из основного правила (которые нельзя отнести за счет неосвоенности) являются: а) *стол-бвый*, *двор-*, *ковр-*, *шатр-*; здесь ударение *-бвый* соответствует старому правилу; б) *фланг-бвый*, *торг-*, *сад-*, *лед-*, *под-*, *дом-*, *опт-*, *порт-*, *фрахт-*, *почт-*; здесь ударение не соответствует ни новому, ни старому правилу; сюда же *сбтбвый*, *верхбвый* // *верховбй* (о ветре, о городах на реке; ср. *верховбй* от [*ездить*] *верхом*), *стеблёвый* // *стеблевбй* (ненормативные варианты с *-овбй* есть еще и для *лед-*, *под-*, *порт-*, *почт-*, *сот-*; см. также выше о субстантивированных *ковровбй*, *домовбй*). У части этих слов ударению *-бвый* способствует наличие качественных или «полукачественных» значений; ср., в частности, *коврбвая ткань* (*дорожка*, *сани*, *обои*), *ледбвая дорога*, *оптбвые закупки*. Слово *флангбвый*, по-видимому, восприняло ударение слов *право-*, *левофлангбвый* (см. сноску 66). Ударения *торгбвый*, *подбвый*, *верхбвый* представляют собой просто архаизмы. Ударение *почтбвый*, по предположению А. В. Исаченко, пришло из польского. В прочих случаях пункта «б» источник ударения *-бвый* менее ясен.

Вернемся теперь к тому особому случаю, когда прилагательное образовано от существительного с суффиксом *-ок* или *-ец*. В этом случае действует маркировка ↓ (равносильная здесь маркировке ↓Marg, см. § 1.61). Примеры: *стрелк-бвый*, *станк-*, *звонк-*, *щипк-*, *лепестк-*, *дворц-*, *писц-*, *крестц-*, *солонц-*, ср. *слйтк-овый*, *порядк-*, *рáнцевый*. Основному правилу подчинились только: *куск-овбй*, *кружк-*, *крючк-*; *конц-евбй*, *пальц-*, *торц-* (// *торцбвый*), *вальц-* (// *вальцбвый*); ср. также регулярные *яйц-евбй*, *кольц-*, *пыльц-*, образованные от существительных среднего и женского рода. Об отклонениях в сторону доминантности (*поселк-бвый*, *участк-*, *подростк-*) см. выше.

Суффикс -ян-

§ 1.64. Суффикс -*ян*- с акцентологической точки зрения обнаруживает значительное сходство с *-ов-*; но материал здесь существенно меньше и акцентные закономерности выявляются менее отчетливо. Основные акцентные свойства суффикса *-ян-* таковы: 1) в качественном значении ↓; 2) в относительном (в т. ч. «полукачественном») значении → Polysyll Monosyll. Для выявления возможного действия прагматического фактора здесь нет подходящих условий.

Качественных прилагательных с *-ян-* совсем немного: *багряный*, *духмяный*, *медвяный*, *рдяный*, *пьяный*; также *охряный* 'цвета охры', с эффектом Monosyll (//*охрянбй*); ср. еще обл. *водяный* 'водянистый'. Кроме того, с остаточным базовым компонентом: *румяный*, *пряный*, *рьяный*.

Относительные прилагательные. Примеры: *щанбй*, *ржанбй*, *льнянбй*, *трав-янбй*, *лед-*, *гвозд-*, *круп-*, *мездр-*, *нутр-*, *прос-*, *холст-*, *шерст-*, *солод-*, *волос-*, *хворост-* — *селйтряный*, *финйфтяный*. Эффект Monosyll: *полб-янбй*, *луб-*, *ив-*, *плат-*, *жест-*, *нефт-*, *верф-*,

торф-. Эффект Polysyll: *конопля́ный*; также *очерѐтяный*, *таволжа́ный* (где суффикс отклоняется в сторону доминантности). Ударение *берестяно́й* соотносится с распространенным ненормативным ударением *береста́* (ср. редкое *бере́стяный* в соответствии с *берёста*).

Имеется, однако, значительное число отклонений разного типа. Нет эффекта Monosyll: *ко́жаный*, *па́кл-яный*, *су́сл-*, *гли́н-*, *ни́т-*. Прочие случаи неправильного корневого ударения: *сере́бряный*, *ма́сляный*, *ве́трянáя оспа*. Нарушены правила эффекта Polysyll: *толокн-я́ный*, *полотн-*, *череп-* (наряду с правильным *черепяно́й*); с другой стороны, *отрубяно́й*. Прочие случаи неправильного суффиксального ударения: *песча́ный*, *миша́ный*, *дресвя́ный*, *соля́ная кислота* (при обычном *соляно́й*); колебание *овся́ный* // *овсяно́й*, аналогично при *сурьм-*, *рос-*, *полст-*, ср. еще разг. *жестя́ный* при литер. *жестяно́й* (см. также выше об *очеретя́ный*, *таволжа́ный*). Большинство указанных прилагательных просто сохраняет свое древнее ударение.

Алломорф *-янн-* ведет себя в соответствии с маркировкой ↓: *стекля́нный*, *оловя́нный*, *деревя́нный*.

Суффиксы -ова-ть и -ирова-ть

§ **1.65.** Суффикс -ова-ть (первичный) характеризуется двояким акцентным поведением. Более старая (непродуктивная) модель здесь *-ова́-ть* ↓, более новая (продуктивная) — *-ова́-ть* ↓ D. Только старой моделью объясняется ударение следующих слов: [*доса́д*]*-овать*, *об*[*наро́д*]-, [*уро́д*]-, [*прихо́д*]-, [*расхо́д*]-, (*об*)[*ору́д*]-, [*наси́л*]-, [*собол́езн*]-, [*собо́р*]-, [*сове́т*]-; *же́ртв-*, *ра́д-*, *бесе́д-*, *кома́нд-*, *трапе́з-*, (*ис*)*по́льз-*, (*из*)*оби́л-*, *пра́здн-*, *па́мят-*, *коры́стоваться*. Отметим, кроме того, не отыменные (по крайней мере, с синхронической точки зрения) глаголы с таким же ударением: *тре́б-овать*, *про́б-*, *бре́зг-*, *заве́д-* (*пропове́д-* и т. д.), *сле́д-*, *зави́д-*, *жа́л-*, *ве́р-*, *ра́т-*, *се́т-*, *пе́ст-*, *по́тчевать*; ср. также простореч. *ба́ловать*(*ся*). Нерегулярно (даже с точки зрения старой модели) *ми́ловать*; ср. акцентно регулярное *милова́ть* 'ласкать'. Следует отметить, что большая часть слов данной группы носит книжный характер.

Все прочие слова с *-ова-ть* (но не *-ирова-ть*) имеют ударение на суффиксе, например: *страх-ова́ть*, *титул-*, *псих-*, *шифр-*, *воева́ть*. При этом для значительной части из них такое ударение может быть объяснено только моделью ↓ D, например: *известк-ова́ть*, *квартир-*, *интриг-*, *интерес-*, *пасынк-*, *паник-*, *рифм-*, *мышк-*.

Некоторые слова первой группы в нелитературной речи переходят во вторую, ср., например, *памяту́я*, *покорысту́ются*, *соболезну́ют*.

Суффикс -иров-ать[68] (первичный) имеет маркировку ↓ D, но с двумя вариантами акцентовки: *-и́рова-ть* и *-ирова́-ть*. Выбор между

[68] При описании акцентных свойств данного суффикса использована курсовая работа К. К. Богатырева на эту тему; см. также Воронцова, с. 237–248.

этими вариантами подчиняется не вполне строгим правилам; имеется значительное количество колебаний. Вариант *-ирова́-ть* выступает в следующих случаях. 1. При односложном базовом компоненте и значениях: а) 'покрывать веществом (рисунком, нарезкой и т. п.) *X*', 'насыщать, пропитывать *X*-ом' (*лак-ирова́ть, бронз-, глаз-, брон-, мат-*, также *плак-, пол-, пан-, блинди́рова́ть; грим-ирова́ть, марк-, лесс-, грав-, гофр-, плисс-; фарш-, мебл-*, ср. *газиро́ванный*); б) 'покрывать, укрывать предметом (одеждой) *X*' (*маск-ирова́ть, драп-, пломб-*); в) 'организовывать, подразделять в соответствии с *X*', 'упражнять, улучшать способом *X*' (*групп-ирова́ть, сорт-, план-* [об участках земли], *норм-, форм-, трен-, дресс-, юсти́рова́ть*). 2. В нескольких глаголах с неодносложным базовым компонентом при тех же значениях, что в 1а и 1б: *эмал-ирова́ть, никел-, костюм-, экип-, тату́ирова́ть*. 3. В изолированных случаях: *марш-ирова́ть, рок-* (непереходные глаголы); *серв-, прем-* (ср. ненормативное *преми́ровать*), *пик-* (о сеянцах), *кол-, крок-, плас-, декати́рова́ть*. Глаголы *кварти́рова́ть, обмундирова́ть, брошировать* (*брошюрова́ть*) относятся не сюда: это *кварти́р-(а)* + *-ова́-ть* ↓ D и т. д. Возможность подобного разложения существует также для *командирова́ть, бомбардирова́ть, ранжи́рова́ть, букси́рова́ть*; она поддерживает в этих словах конечное ударение.

Из глаголов, отвечающих условиям пункта 1, лишь очень немногие имеют ударение *-и́рова-ть*; это глаголы с базовым компонентом на *р* (*хлор-и́ровать, нитр-, вир-*), а также *газ-и́ровать* (но *газиро́ванный*), *хром-* (но обычно *хромиро́ванный*), *арм-, гумм-, сульф-* и некоторые совсем редкие. Напротив, при неодносложном базовом компоненте *-и́рова-ть* является нормой (ср. *бетон-и́ровать, цемент-, асфальт-* и т. д.).

Во всех прочих случаях представлено только *-и́рова-ть* (*поз-и́ровать, шок-, форс-, транспорт-* и т. п.); оно же всегда выступает в составе *-изи́рова-ть*.

Суффикс -и-ть

§ **1.66.** Суффикс *-и-ть* (первичный) имеет маркировку ↓ Deox. Его особенностью является то, что промежуточные базовые компоненты здесь почти всегда ведут себя как сильные (даже при освоенности). Кроме того, имеется довольно много индивидуальных отклонений (заметим, что бо́льшую часть из них составляют акцентные архаизмы; их синхроническая неправильность обусловлена лишь тем, что в ходе истории изменилась акцентовка производящего слова). Относительно случаев, где трудно выявить направление словопроизводства (от имени к глаголу или наоборот), см. § 1.18; специально отметим, что ниже трактуются как непроизводные, в частности, глаголы *пра́вить, зна́чить, -ча́лить, мо́лвить*.

Примеры правильного ударения: *серебри́ть, борозди́ть, весели́ть, соли́ть, застолби́ть, груби́ть, уточни́ть* — [*прока́з*]*ить, у*[*наво́-*

з]ить, [вздóр]ить, у[достóј]ить, о[безвре́д]ить, о[бессáхар]ить, морóзить, усúлить, сáлить, мнóжить, вя́лить, осчастлúвить, пáкостить; эффект Deox: мая́чить, батрáчить, утю́жить, раскоше́литься, курáжиться, напузы́рить, также песóчить (с нерегулярным сохранением беглого о). Отметим, что перед -и-ть иногда встречаются нехарактерные для русского языка в целом глагольные двукорневые комплексы, например, руководúть, благословúть (см. § 1.26). Правильное ударение имеют также производные от «группы воск» (§ 1.30, А1), а именно: *охлад-úть*[69], *омрач-, вощ-, лощ-, захлам-, срам-, крен-, обдерн-, мир-, сор-, ворс-, форс-, гнус-, фарт-, бут-, страш-, смеш-; див-; ленúться, дур-úть, улест-, груст-; дружúть, покумúться* (ср. также *усыновúть*); *просквозúть*.

Промежуточный базовый компонент ведет себя как слабый только в словах *гнев-úть, хам-, бубн-, расчлен-, бур-, бес-, франт-; вразум-, щебен-, грохот-, опустош-* (ср. еще *обрусúть*, от *рýсский*); колеблется *гáтúть*, ср. также нелитер. *перчúть* (при литер. *пе́рчить*). Во всех прочих случаях такой компонент ведет себя как сильный, например: *нрáвиться, проштрáфиться, гáд-ить, трáл-, це́л-, зáйл-, трýс-, озвýч-, сáхар-, мýсор-, пáрус-, сóвест-*; как можно видеть, сюда попадают и весьма употребительные (т. е. вполне освоенные) слова.

Производные с неправильным ударением. Направильное наосновное ударение: 1) отсубстантивные производные — *грóб-ить, корóб-, гóрб-, голýб-, зы́б-, мурáв-, лáд-, чýдиться* (ср. правильное *чудúть*), *ёжиться, пы́житься, кня́ж-, обýгл-, мáсл-, чúсл-, хóхл-, мы́л-, жáр-, пáр-, бáгр-, похе́р-, прожúр-, прове́тр-, посе́стриться, квáс-ить, крáс-, ве́с-, чуде́с-, пя́титься, кóнч-ить, жýч-, крю́ч-, вью́ч-*; особо стоит *кле́ить* (§ 1.46, примеч.); колебание в *пристрýнúть, взвúхрúть, обреше́тúть*; 2) отадъективные производные — *ослáб-, глáд-, продóлж-, тýжиться, сдю́ж-, приблúз-, понúз-, сýз-, опóдл-, осме́литься, те́плиться, зате́пл-ить* (ср. *утеплúть*), *опóшл-, напóлн-* (ср. *полнúть* 'делать более толстым на вид'), *проя́сн-* (о погоде; ср. *прояснúть*), *одóбр-, расще́дриться, расшúр-, ускóр-, втóр-* (ср. *повторúть*), *хмýр-, повы́с-, чúст-, насы́т-, увелúч-*[70]; особо стоят *удвóить, утрóить, усвóить* (однако *двоúть, троúть*), ср. *кле́ить* выше; колебание в *окúслúть*.

Неправильное ударение внутри основы: *образýмить* (ср. *вразумúть*), *слесáрить, кухáрить, онеме́чить, отуре́чить*.

Неправильное ударение на суффиксе: *бомб-úть, язв-, отождеств-, обобществ-, оздоров-* (ср. *поздорóвиться*), *освобод-, обрам-, изум-, удревн-, усредн-, упраздн-, наводн-, соедин-, обремен-, внедр-, яр-, торос-, обогат-, поработ-, обвеш-*; также *табунúться, пузы-*

---

[69] Приставочные глаголы здесь и в дальнейших списках представляют также и соответствующие глаголы с другими приставками.

[70] Но *устрóжить* — это правильное производное от *стрóже* (ср. *улýчшить, умéньшить*).

ри́ться, петуши́ться (без эффекта Deox); колебание в *усугу́би́ть, сгру́ди́ться, опоро́жни́ть, багря́ни́ть, и́скри́ться*, ср. еще устар. *уменьши́ть* при обычном *уме́ньшить*.

Суффиксы -им- и -ениj-е (-ен'j-е)

§ 1.67. Первичные суффиксы *-им-* (как в причастном, так и в адъективных значениях) и *-ениj-е* (*-ен'j-е*) обладают общей особенностью, состоящей в том, что их акцентные свойства различны при соединении с глаголами разных видов.

При соединении с глаголами совершенного вида *-им-* (дающее в этом случае только прилагательные, не причастия) имеет маркировку ↓D, *-е́ниj-е, -ен'j-е* — маркировку ↓. Примеры: а) *неудержи́мый, поправи́мый, сопостави́мый, выполни́мый, неисповеди́мый, неопроверɔки́мый, неуничтожи́мый, неоспори́мый* (с опростившимся *спор-*); с доминантными базовыми компонентами по общему принципу (§ 1.31) соединение здесь невозможно (например, нет никакого приемлемого ударения для **неупорядочимый*, **необесцветимый* и т. п., что́ и делает эти слова невозможными); б) *рожде́ние* (*рожде́нье*), *явле́ние*, далее, в силу односложности корня в глаголе (§ 1.30, А2), также *умноже́ние, завере́ние, украше́ние, прославле́ние, улучше́ние, расшире́ние, привиде́ние*, также *приобрете́ние*; с другой стороны, *у*[*векове́ч*]*ение*, *о*[*благоро́ж*]*ение*, *о*[*бесцве́ч*]*ение*, *о*[*бесце́н*]*ение*, *у*[*зако́н*]*ение*, *у*[*поря́д*]*очение*, *очелове́чение, одома́шнение, онеме́чение, одура́чение, возвели́чение*.

При этом, однако, имеется заметная тенденция (особенно в разговорной речи) трактовать при суффиксе *-ениj-е* (*-ен'j-е*) все недоминантные базовые компоненты как слабые. Эта тенденция уже победила в случаях: *приготовле́ние* (*за-, под-, из-* и др.), *уничтоже́ние, сопротивле́ние, осведомле́ние, уведомле́ние, ознакомле́ние, ограниче́ние* (*раз-*), *увеличе́ние, преувеличе́ние*; в нескольких случаях опростился и потерял доминантность базовый компонент, раньше бывший доминантным: *уподобле́ние* (*рас-*), *обособле́ние, приспособле́ние, успокое́ние, упокое́ние*. Широко распространились также ударения: *обмороже́ние, отмороже́ние, обнаруже́ние, обеспече́ние* (последнее с опрощением и потерей прежней доминантности у базового компонента). Данная тенденция действует тем сильнее, чем чаще употребляется слово; в самом деле, перечисленные здесь слова высокоупотребительны, тогда как в группу *очелове́чение, одома́шнение* и т. д. входят лишь редкие слова (притом книжного характера).

Обратное отклонение (сохранение традиционного ударения) представлено лишь в словах: *воздви́женье, сре́тенье* (названия церковных праздников), *све́дение* (ср. квазиомоним *сведе́ние* от *свести́*), *наме́рение* (ср. простореч. *намере́ние*), *упро́чение* (нелитер. *упроче́ние*), *обру́шение* (наряду с *обруше́ние*), *благоприобре́тение* (нелитер. *-е́ние*), также *пове́шение, озву́чение* (слова, отсутствующие в разго-

ворной речи). Аномальное ударение *опрóщение* (для лингвистического термина) носит искусственный характер (это результат «отталкивания» от нетерминологического *опрощéние*); это ударение поддерживается как своего рода знак причастности к определенной традиции, но скорее всего не удержится в борьбе с акцентологически правильным *опрощéние*.

При соединении с глаголами несовершенного вида картина иная: суффиксы *-им-* и *-éниј-е* (*-ен'ј-е*) используются заменительно (с маркировкой ↓), вместо окончания *-у* в 1 ед. презенса. Примеры: а) *гонúмый*, *терпúмый* — *вúдимый*, *слы́шимый*, *мы́слимый*, *двúжимый*, *завúсимый* (ср. *гоню́*, *терплю́*, *вúжу* и т. д.); характер значения (причастный или адъективный) для акцентуации несуществен; ср. также производное второго ранга *стóимость*; б) *сидéние*, *сидéнье*, *печéние*, *печéнье*, *молéние*, *ведéние* — *глáженье*, *жáренье*, *вúдение* (процесс), *трáление*, *вя́ление*, *квáшение*, *крáшение*, *утю́женье*, *крахмáленье*, *фордыбáченье* (ср. *сижу́* и т. д., *глáжу* и т. д.). Особо стоит *вéдение* (от *вéдаю*).

От этого правила отклоняются, однако, производные с *-ениј-е*, *-ен'ј-е*, утратившие первоначальное значение процесса и развившие другие значения (например, результата), а именно: *видéние* 'призрак, сон', *значéние*, *строéние*; здесь суффикс ведет себя как при глаголах совершенного вида. Прочие отклонения: *княжéние*, *правлéние*, *мышлéние* (устар. *мы́шление*), *мучéние* (заметим, что все эти слова имеют не только процессуальное значение); *движéние*, *плавлéние*, также (*не*)*противлéние*. Аналогичное отклонение с *-им-*: *недвúжúмый* 'неподвижный' (ср. *недвúжимое имущество*). Изолированно стоит архаизм *ря́женье* (обряд), с обратным отклонением.

Слова *ранúмый*, *ранéние* (от двувидового глагола *рáнить*) акцентно регулярны: они соотносятся с совершенным видом, чтó подтверждается и их значением (прилагательному *ранúмый* 'уязвимый, чувствительный', вообще говоря, можно даже противопоставить потенциальное причастие *рáнимый* 'тот, которому наносят рану'; во всяком случае, слово *ранúмый* этого значения передавать не может).

Действие изложенных правил создает в русском языке многочисленные акцентные противопоставления типа *ру́шимый—неразрушúмый*, *глáдимый—неизгладúмый*, *ру́шение—разрушéние*, *крáшение—украшéние*, *морóжение—обморожéние*, *вúдение—видéние*.

Суффиксы -щик- и -овщик

§ 1.68. Акцентные свойства этих суффиксов различны в отглагольном и в отыменном словообразовании.

В отглагольном словообразовании -щик выступает как вторичный суффикс с маркировкой ←, например: *ру́бщик*, *мóйщик*, *гóнщик*, *лéпщик*, [*свáр*]*щик*, [*ску́п*]*щик*, [*достáв*]*щик*, [*натúр*]*щик*, *вы́думщик*,

пла́кальщик, глади́льщик (морф *-и-* ↓ D). Суффикс *-о́вщик* выступает здесь как первичный (непоглощающий) с маркировкой ↓[71]: *сверло́вщик, распило́вщик, потако́вщик* (от *сверли́ть, распи́ливать, потака́ть*). Однако *-овщик* как единый суффикс здесь весьма редок: подавляющее большинство отглагольных слов на *-овщик* соотнесено с глаголом на *-овать* (т. е. содержит просто суффикс *-щик*), ср. *зимо́вщик, калибро́вщик, упако́вщик, забасто́вщик* и т. п. Отклонения: 1) в словах *продавщи́к, поставщи́к, покупщи́к, откупщи́к* *-щик* ведет себя как первичный суффикс класса →; 2) в ряде слов на *-овщик* (бесприставочных), несмотря на наличие глагола на *-овать*, акцентуация такая, как у отыменных производных (см. ниже), — *пемз-овщи́к, бронз-, дерн-, пресс-, плюс-, бунт-, грунт-, борт-, межевщи́к*; во всех этих случаях слово на *-овщик* можно семантически связать и с соответствующим существительным, т. е. мы имеем дело с двусмысленной словообразовательной связью.

В отыменном словообразовании *-щик* и *-овщик* находятся в почти строгом дополнительном распределении: *-овщик* используется при односложных базовых компонентах (кроме сильных, оканчивающихся на одиночную согласную), *-щик* — в прочих случаях, ср. *гробовщи́к, крановщи́к, ла́мповщик* и *жа́лобщик, веретёнщик, фона́рщик* (но также, например, *ба́нщик*); при наличии беглой гласной в производящей основе используется модель *тюре́мщик, стеко́льщик* и т. п., т. е. без *-ов-*. Таким образом, здесь представлен яркий пример выравнивания слоговой структуры производных путем добавления «пустого» *-ов-* там, где недостает слога.

С акцентной точки зрения, отыменное *-щик* используется: 1) заменительно (с маркировкой →), вместо прилагательного с *-н-*, например, *погребщи́к, кузовщи́к, обувщи́к, гребенщи́к, зеленщи́к, номерщи́к, тюре́мщик, корабе́льщик, авари́йщик, подёнщик, ка́менщик, у́гольщик, та́бельщик* (ср. *погребно́й* и т. д., *тюре́мный* и т. д.); 2) аддитивно (с маркировкой ←) — в тех немногих случаях, когда нет соответствующего прилагательного с *-н-*, например, *жестя́нщик, па́йщик*. Отклонения: 1) *ямщи́к, денщи́к, стерженщи́к*; слово *временщи́к* формально соотнесено с *временно́й*; 2) *коко́нщик*.

Отыменное *-овщик* выступает как поглощающий сращенный суффикс с маркировкой → Monosyll, например: *гроб-овщи́к, час-, резьб-, слон-, плот-, гурт-, газ-, рост-, бронз-, пемз-*; ср. также *кладовщи́к, мостовщи́к* (от *кладова́я, мостова́я*). Отклонения: 1) *ла́мповщик, не́рповщик*; 2) *старьёвщик, клеймо́вщик, ковро́вщик*.

[71] Ср. также *-иро́вщик* ↓ D (§ 1.41).

Суффиксы -ян-е (-ан-е), -чан-е

§ 1.69. Суффиксы названий жителей -ян-е (-ан-е), -чан-е выступают в чистом виде во мн. числе производных (*ри́мляне*, *молдава́не*, *ростовча́не*), а в ед. числе сопровождаются сингулятивным суффиксом *-ин* ↓ (*ри́млянин*, *молдава́нин*, *ростовча́нин*). Акцентные свойства этих суффиксов сложны и отчасти аномальны. Нормальной маркировкой этих суффиксов является ↓ D; ср., например, *волжа́нин*, *парижа́нин*, *киевля́нин*, *вологжа́нин*, *россия́нин*, *персия́нин*, *молдава́нин*, *магомета́нин*, *ростовча́нин*, *харьковча́нин* (не говоря уже о случаях со слабым базовым компонентом вроде *горожа́нин*, *поезжа́нин*). Однако наряду с этим суффикс *-ян-е* (*-ан-е*) обнаруживает еще два типа акцентного поведения: 1) в названиях жителей древнего мира этот суффикс ведет себя по классу ↓ (без доминантности) — *ри́мл-янин*, *афи́н-*, *карфаге́н-*, *лати́н-*, *македо́н-*, *вавило́н-*, *финики́янин* и др. (см. Грамм.), также *волы́нянин*; в *ассири́янин* такой же сдвиг ударения, как в *-ийск-*, *-ийн-*; 2) в замкнутой группе старых слов этот суффикс, сохраняя перед окончаниями (т. е. во множ. числе) обычные свойства класса ↓ (или ↓ D), перед сингулятивным суффиксом *-ин* аномальным образом ведет себя по классу → (т. е. передает этому *-ин* свое ударение): *славяни́н* (мн. *славя́не*), аналогично *сел-яни́н*, *арм-*, *двор-*, *мещ-ани́н*, *чуж-*, *христи-*, ср. *семьяни́н* (мн. *семьяни́ны*); слова *граждани́н*, *сограждани́н* дважды аномальны, поскольку во мн. числе здесь выступает (*со*)*гра́ждане*. В нелитературной речи некоторые слова из этих особых групп могут следовать основной модели (например, возможны ударения *римля́не*, *афиня́не*, *вавилоня́не*, *селя́нин*, *христиа́нин*); для слова *египтя́не* такое ударение уже закреплено литературной нормой.

Аномальной акцентной особенностью суффиксов *-ян-е*, *-чан-е* является также то, что они могут перетягивать на себя ударение с доминантного базового компонента, например, *поморя́нин*; в самом деле, при *-ян-* ↓ ожидалось бы **помо́рянин*, а при *-ян-* ↓ D соединение здесь должно быть вообще невозможным (см. § 1.31). Правда, общелитературных слов с таким эффектом совсем мало: *прихожа́нин*, *поселя́нин*, *соборя́нин*, *поморя́нин* (в *однополча́нин*, *односельча́нин* естественнее видеть неплотно присоединенное *одно-*). Прочие слова такого рода имеют узкое (часто сугубо местное) распространение, например [72], *поре́ча́нин*, *подоля́нин*, *пятигорча́нин*, *днепропетровча́нин*; сюда же *посельча́нин*. Часть подобных производных явно опирается на соответствующие более простые, ср. *заволжа́нин*, *поволжа́нин*, *приволжа́нин* и акцентно правильное *волжа́нин*, *староруша́нин* и *руша́нин*, *великоустюжа́нин* и *устюжа́нин* и т. п. (т. е. здесь применяется техника неплотного присоединения). Было бы неосторожно, однако, рассматривать местные названия рассматриваемого типа

[72] Основной источник примеров: Словарь названий жителей СССР. М., 1975.

в одном ряду с общелитературными словами: морфонологические механизмы здесь могут быть несколько особыми, к тому же разными в разных частях русской территории; ср., например, недоминантное *-ян-е* в ряде северных названий (*ки́жа́нин*, *верховáжанин*, устар. *белозе́рянин*, *завóлжанин*, *повóлжанин*, *новгорóдчанин*).

В целом для суффиксов *-ян-е* (*-ан-е*), *-чан-е* следует констатировать преобладание маркировки ↓ D при значительных следах других, более старых маркировок, а также тенденцию к нарушению правила о несовместимости доминантного базового компонента и доминантного суффикса; по-видимому, это нарушение связано с особым способом функционирования собственных имен, при котором их морфемная членимость становится несущественной и перестает осознаваться (откуда эффект, характерный для случаев опрощения).

ЗАКОНОМЕРНОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ РУССКИХ ОДНОСЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА

РАЗДЕЛ I. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ И ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

§ 1. Распространено представление, что в современном русском языке в распределении односложных[1] существительных по акцентуационным типам нет почти никаких синхронических закономерностей[2] и единственно возможное практическое решение состоит в приведении полных списков. В настоящей работе мы пытаемся показать, что это представление неверно, т. е. что в действительности в данной сфере имеются довольно четкие закономерности и лишь в силу того, что они разнородны и образуют сложную иерархию, наблюдаемая внешняя картина кажется беспорядочной[3].

§ 2. Мы будем различать[4] следующие схемы ударения (или, что то же, акцентные кривые), возможные для слов рассматриваемого класса:

a — ударение на основе[5] во всей парадигме (например *знак*, *зна́ка*, *зна́ки*, *зна́ков*);

b — ударение на окончаниях во всех словоформах с ненулевым окончанием (*стол*, *стола́*, *столы́*, *столо́в*);

c — как *a* в ед. числе, как *b* во мн. числе (*дар*, *да́ра*, *дары́*, *даро́в*);

---

[1] Под односложными понимаются, в соответствии с традиционным словоупотреблением, существительные с односложной исходной словоформой.

[2] Так, В. Кипарский пишет: «Как известно, ...ни для исконно русских, ни для заимствованных односложных слов никаких «правил ударения» пока что не существует...» (Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I. Односложные имена существительные. Хельсинки, 1950, с. 20; ср. также: Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, S. 24).

[3] Из-за ограниченного объема настоящей статьи в ней представлен не весь проанализированный материал (но все общие положения изложены); подробнее см. § 14, конец.

[4] В соответствии с кн.: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 153.

[5] Наличие или отсутствие у слова так называемого 2-го предложного падежа ед. числа (далее сокращенно — $П_2$) на *-у́*, *-ю́* схемой ударения не учитывается; это отдельный признак слова. Таким образом, под наосно́вным ударением ед. числа в настоящей работе понимается ударение на основе во всех словоформах ед. числа, кроме $П_2$ на *-у́*, *-ю́* (если таковой имеется).

d — как *b* в ед. числе, как *a* во мн. числе (*кол, кола́, ко́лья, ко́льев*);

e — то же, что *c*, но с наосно́вным ударением в И. мн.[6] (*бог, бо́га, бо́ги, бого́в*);

f — то же, что *b*, но с наосно́вным ударением в И. мн. (*гвоздь, гвоздя́, гво́зди, гвозде́й*).

Singularia tantum (т. е. слова, у которых мн. число никогда или почти никогда не употребляется, например *пух, быт, юг*) причисляются к схеме *a* или *b* в соответствии с их ударением в ед. числе[7].

Класс односложных существительных мужского рода в современном русском языке открыт для пополнения за счет заимствований и новообразований (аббревиатур, отглагольных имен и др.), поэтому точно указать его численность невозможно. В «Обратный словарь русского языка»[8] входит около 1500 таких слов; в этом объеме данный класс и рассматривается ниже (везде, где не оговорено обратное).

Из этих 1500 слов по литературной норме к схеме *b* относится около 200, *c* — около 120, *d* — 6, *e* — 21, *f* — 4. Прочие относятся к схеме *a*.

Продуктивными, т. е. способными принимать новые слова, являются (для рассматриваемого класса слов) только три схемы ударения: *a*, *b* и *c* (иначе говоря, любые акцентуационные правила несписочного характера могут требовать только одной из этих трех схем).

§ 3. В некоторых случаях возникает необходимость рассмотреть древнерусскую акцентуацию того или иного слова. Как установлено современной сравнительно-исторической акцентологией, в древнерусском имена делились с акцентуационной точки зрения на три класса[9]:

1) имена с неподвижным ударением на определенном слоге основы во всех словоформах — так называемая акцентная парадигма *a* (=«баритонированная»);

2) имена с ударением на флексии во всех словоформах (за некоторыми, строго определенными для каждого типа склонения исключениями) — так называемая акцентная парадигма *b* (=«окситонированная»);

3) имена с подвижным ударением, которое в каждом типе склонения было представлено особым (но единым для всего этого типа) распределением наосно́вного и флексионного ударения в парадигме склонения — так называемая акцентная парадигма *c* (=«подвиж-

[6] Здесь и далее таким способом обозначаются формы именной парадигмы: большая буква (И., Р., Д., В., Т., П.) обозначает падеж, сокращения «ед.», «мн.» — число.

[7] Заметим, что количество singularia tantum схемы *b* ничтожно мало: это только *скот* (в основном, собирательном значении), *вред, стыд, плющ* (как будет видно ниже, § 10, это обстоятельство не случайно).

[8] Обратный словарь русского языка. М., 1974.

[9] См.: Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963, с. 4; Stang Chr. S. Slavonic accentuation. Oslo, p. 56—94.

ная»); характерной дополнительной особенностью этой акцентной парадигмы был перенос ударения со словоформ с наоснóвным ударением на проклитики и энклитики[10].

В настоящей работе мы исходим из того, что для существительных мужского рода нормальными (т. е. не требующими индивидуальных объяснений для отдельного слова) являются следующие соответствия:

акцентная парадигма в древнерусском		схема ударения в современном русском
a	—	*a*
b	—	*b*
c	—	*c* или *e*[11]

Таким образом, например, для слова *нос* (схема *c*, др.-русск. акцентная парадигма *c*) мы будем говорить просто о сохранении старой акцентуации (хотя фактически ударение некоторых словоформ здесь изменилось). Соответственно под индивидуальными изменениями прежней акцентуации понимаются только отклонения от указанного системного соотношения.

§ 4. Для дальнейшего изложения нам потребуется несколько вспомогательных рабочих терминов.

Тривиальное и нетривиальное склонения

Противопоставление тривиального и нетривиального склонений, вообще говоря, актуально для всех русских существительных; но здесь мы, в соответствии с задачей настоящей работы, ограничимся его определением для слов мужского рода.

Тривиальным склонением для слов мужского рода[12] (не только односложных) мы будем называть образование неисходных словоформ, обладающее одновременно следующими свойствами: 1) отсутствие чередований в основе (не считая, разумеется, автоматических смягчений перед -*е*); 2) схема ударения *a*; 3) отсутствие $П_2$ на -*ý*, -*ю́*; 4) мн. число с именительным на -*ы*, -*и*. Примеры: *огорóд*, *спор*, *нерв*.

Соответственно склонение, у которого отсутствует хотя бы одно из этих четырех свойств, мы будем называть нетривиальным. Примеры: *подáрок, кáшель* (чередование в основе); *стол, дар* (схема ударения не *a*); *сок, быт* ($П_2$ в *сокý*, *в бытý*); *браг*, *клин* (И. мн. не

---

[10] См.: Дыбо В. А. О фразовых модификациях ударения в праславянском.— «Советское славяноведение», 1971, № 6, с. 77—80.

[11] Норму здесь составляет схема *c*; схема *e* представлена лишь в замкнутой группе слов, задаваемых списком (см., например: Зализняк А. А. Указ. соч., с. 158).

[12] Здесь и везде далее подразумевается: «кроме слов мужского рода, склоняющихся по образцу других родов (например *мужчи́на, городи́шко*), а также неизменяемых».

на *-ы*, *-и*); *сон*, *кусо́к*, *сад*, *кол*, *снег* (несколько указанных свойств одновременно).

Противопоставление «тривиального» и «нетривиального» может быть применено также к ударению: тривиальное ударение — схема *a*, нетривиальное ударение — любая другая схема.

Помимо слов определенно тривиального и определенно нетривиального склонений, существует, однако, группа неопределенных слов: это singularia tantum без чередований и без $П_2$ на *-у́*, *-ю́*, имеющие наосно́вное ударение в ед. числе. Примеры: *сор*, *лай*, *блат* (неопределенность возникает здесь из-за отсутствия мн. числа, которое могло бы быть как тривиального, так и нетривиального типа).

Из рассматриваемых 1500 односложных слов мужского рода к нетривиальному склонению относится по литературной норме около 380, а с учетом ненормативного ударения — около 450. Неопределенных singularia tantum — около 250. Остальные слова относятся к тривиальному склонению.

Противопоставление привычного и чуждого

§ 5. Это противопоставление носит не общеязыковой, а индивидуальный характер: для данного носителя языка некоторое слово может быть привычным (освоенным, «своим») или чуждым (ранее не слышанным или слышанным редко, непривычным, неосвоенным). Таким образом, речь здесь идет о некотором внеязыковом, прагматическом (а не собственно языковом) различии. Соответственно мы будем ниже называть влияние этого различия на акцентуацию или на иные характеристики слова п р а г м а т и ч е с к и м фактором.

Привычными для взрослого носителя языка являются слова повседневной обиходной лексики, названия предметов, связанных с его профессиональной деятельностью, слова, специфические для его микроколлектива или ограниченной среды (прозвища, «семейные слова» и т. п. и в максимальной степени — слова жаргона или арго). Чуждыми являются, в частности, названия предметов из жизни других стран или прошлых эпох, термины незнакомых данному человеку профессий, слова чужих микроколлективов, для большинства носителей языка — также все слова возвышенно-книжного и архаизирующего стиля. Чуждым для данного человека является также всякое слово, которое он только что узнал. Однако период «освоения» слова может быть весьма различным по длительности; в частности, в тех случаях, когда привычность некоторого слова (например профессионального, арготического, «элитного») связана в глазах человека с престижем, он обычно стремится (бессознательно или даже сознательно) сократить до минимума период «освоения» такого слова.

Разумеется, между полной чуждостью и полной привычностью имеются различные промежуточные случаи. Поскольку, однако, едва ли возможно объективно оценить эту градацию, мы удовлетворимся констатацией данного противопоставления в ярко выраженных, полярных случаях. Существенно прежде всего то, чтобы данное праг-

матическое противопоставление было вообще учтено в лингвистическом анализе (хотя бы и с вынужденно приблизительными оценками), поскольку оно играет очень важную роль при выборе акцентуации слова.

Таким образом, разделение слов на привычные и чуждые индивидуально для каждого носителя языка и, кроме того, меняется в ходе его жизни.

Замечание. Близкую проблему составляет рост числа освоенных слов у ребенка. Поскольку, однако, в этой проблеме есть ряд специфических аспектов, которые нас здесь не интересуют, мы исключаем ее из рассмотрения. Далее имеются в виду только люди, которые уже вполне овладели языком (в частности усвоили всю лексику, требуемую обычными условиями их жизни).

Слова языка можно делить (по крайней мере, теоретически, поскольку практически это чрезвычайно трудная задача) на группы в зависимости от того, для сколь большой части носителей языка они являются привычными. Так называемые общеупотребительные слова привычны почти для всех взрослых носителей языка. Большинство составляют, однако, слова, каждое из которых привычно только для какой-то части носителей языка (иногда весьма незначительной).

Среди этих необщеупотребительных слов можно выделить некоторое количество таких, которые известны почти всем взрослым носителям языка (хотя и не являются для большинства из них привычными). Таким образом, теоретически можно различать следующие концентры слов: 1) общеупотребительные (например *хлеб*, *глаз*, *гром*); 2) общеизвестные (из необщеупотребительных сюда входят, например, *болт, тёс, фрак*); 3) весь лексический состав (из необщеизвестных сюда входят, например, *шлих*, *хорт*, *гарт*).

Второму концентру (т. е. совокупности общеизвестных слов) приблизительно соответствует словарь Ожегова. Из рассматриваемых односложных слов в него входит около 900 [13]. Удовлетворительного приближения к первому концентру в русской лексикографии, по-видимому, нет.

Старые и поздние слова

§ 6. Для рассматриваемой проблемы существенно также различать старые слова (т. е. исконные слова и древние заимствования) и поздние (т. е. заимствования более поздней эпохи и новообразования). Разумеется, хронологическая граница между ними может быть только условной и должна выбираться по-разному в зависимости от цели исследования. Для настоящей работы оказалось целесообразным принять за условный рубеж начало XVII в., т. е. время, когда становится достаточно интенсивным приток заимствований из

[13] Данные по «Обратному словарю русского языка» (в котором отражено 4-е издание «Словаря русского языка» С. И. Ожегова. М., 1960).

западноевропейских языков (в допетровское время еще преимущественно через польское посредство).

Замечание. Все отглагольные имена (например *визг, топ, жим, жом, свал*) ведут себя в интересующем нас отношении как старые слова (хотя в действительности некоторую небольшую их часть, по-видимому, составляют новообразования). Условимся поэтому все такие слова относить к числу старых (тем более, что точно установить, какие из них являются новообразованиями, почти невозможно).

Из рассматриваемых 1500 односложных слов бесспорно поздних около 700. У некоторого (сравнительно небольшого) числа слов «возраст» неизвестен.

РАЗДЕЛ II. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 7. Настоящая работа содержит некоторую гипотезу о языковом механизме, приписывающем в современном русском языке определенную акцентуацию односложным словам мужского рода (или, что по существу то же самое, представляет собой модель такого механизма). В настоящем разделе (§7—14) излагаются основные положения этой гипотезы. Разбор материала, подтверждающего эти положения, и совокупность всех правил в полной форме содержатся в дальнейших частях работы.

Факторы, влияющие на акцентуацию (как, впрочем, и на любую другую характеристику) конкретного слова, прежде всего можно разделить на следующие два класса: 1) синхронические закономерности, действующие в настоящее время в языке; 2) фактор исторической преемственности (требующий сохранения той акцентуации, которая была в речи предшествующего поколения). Рассмотрим последовательно эти два класса факторов.

ИЕРАРХИЯ СИНХРОНИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Как уже указано выше (§ 2), синхронические закономерности могут требовать для слова рассматриваемой группы только одной из трех схем ударения: *a*, *b*, *c*. На выбор между этими схемами ударения влияют следующие типы факторов: 1) собственно языковые факторы — морфонологический (число слогов и место ударения в исходной словоформе, характер конечной согласной или вообще конечной части основы, беглость или небеглость гласной в основе), морфологический (наличие определенных суффиксов и др.) и семантический; 2) прагматический фактор — привычность или чуждость слова для данного носителя языка.

Соответствующие конкретные правила образуют довольно сложную иерархию. Ниже указан общий характер этих правил (правила перечисляются в порядке их применения). Только три самых общих и важных правила (условно названных «принципами») приведены непосредственно.

ПРАВИЛА, ОБЩИЕ ДЛЯ ВСЕХ СЛОВ МУЖСКОГО РОДА

Действие собственно языковых факторов

§ 8. Принцип I («исходный акцентно-слоговой принцип»). У существительных мужского рода:

а) схема ударения *a* возможна при любом месте ударения в исходной словоформе (например *ка́торжник, авто́бус, парово́з, спор*);

б) схема ударения *b* возможна только при конечном ударении в исходной словоформе [14] (например *каранда́ш, чугу́н, стол*);

в) схема ударения *c* возможна только при начальном ударении в исходной словоформе [15] (например *ко́локол, ма́стер, бал*).

Далее действует несколько более частных правил: морфонологическое (о беглой гласной в основе), морфологическое (о наличии определенных суффиксов, о сложных словах, об отглагольных именах с приставками, об аббревиатурах), семантическое (о названиях национальностей). Они предписывают определенной части слов схему ударения *a* или *b* (или, по крайней мере, ограничивают выбор схемы ударения).

Действие прагматического фактора

§ 9. Дальнейшие правила относятся только к словам, акцентуация которых еще не определена однозначно правилами § 8.

Принцип II. Противопоставление чуждого и привычного внешне выражается противопоставлением тривиального и нетривиального склонений:

а) чуждому соответствует тривиальное склонение;

б) привычному соответствует нетривиальное склонение [16].

Поскольку противопоставление чуждого и привычного индивидуально, его эффект также индивидуален. Так, для многих слов возникает противопоставление: нетривиальное склонение в речи профессионалов (например *шприцы́, массажи́, трюма́, боцмана́*) — тривиальное склонение в речи остальных носителей языка (*шпри́цы, масса́жи, трю́мы, бо́цманы*).

Основным продуктивным способом реализации принципа II^б является нетривиальное ударение, точнее, две его схемы: *b* и *c* [17]. Об-

---

[14] У двусложных слов (не на *-ок, -ец*) с беглой гласной также при начальном ударении (например *у́горь*).

[15] У трехсложных слов на *-ор, -ер, -ель* также при срединном ударении (например *профе́ссор*).

[16] В дальнейшем первая часть этого утверждения может быть также названа «принципом II^а», вторая — «принципом II^б»; аналогично и с принципом III, приводимым ниже.

[17] Дело в том, что почти все слова с беглой гласной, а также слова на *-анин, -янин* получают однозначную акцентуацию уже в силу § 8; мн. число на *-ья* непродуктивно (равно как схемы ударения *d, e, f*); мн. число на *-а́, -я́* хотя и продуктивно, но выступает только в сочетании с нетривиальным ударением (схемой *c*); как факультативный сопутствующий эффект схемы *c* обычно выступает и $П_2$ на *-у́, -ю́*.

щей особенностью, отличающей их от тривиального ударения, является флексионное ударение во множественном числе: *столы́*, *шприцы́*, *карандаши́*, *балы́*, *трюма́*, *боцмана́* и т. д. Таким образом, у существительных мужского рода именно эта акцентуационная особенность оказывается основным и наиболее универсальным способом выражения привычности слова.

Что касается ударения в ед. числе, то здесь между односложными и неодносложными имеется существенное различие. Из принципа I вытекает, что у неодносложного слова [18] в принципе возможно не более одной нетривиальной акцентуации (из числа продуктивных схем ударения), а именно, схема *b* для конечноударных, схема *c* для начальноударных. Таким образом, если неодносложное слово получает (в языке в целом или в индивидуальной речи) нетривиальную акцентуацию, то его ударение в ед. числе однозначно предопределено: Р. ед. *карандаша́, чугуна́, массажа́* (если у данного говорящего это слово перешло в нетривиальное склонение), но *ко́локола, ма́стера, бо́цмана*.

Иначе у односложных слов: здесь в принципе возможны две различные нетривиальные акцентуации (схемы *b* и *c*), поскольку такое слово является одновременно конечноударным и начальноударным. Таким образом, если односложное слово получает (в языке в целом или в индивидуальной речи) нетривиальную акцентуацию, то его ударение в ед. числе самим этим фактом еще однозначно не предопределено: ср., например, *болта́*, но *ба́ла* (при одинаковом *болты́*, *балы́*). Односложные слова нетривиального склонения имеют, таким образом, как бы одну лишнюю «степень свободы» по сравнению с неодносложными: свободу выбора наосно́вного или флексионного ударения в ед. числе. Этот выбор совершается по правилам, излагаемым ниже.

ПРАВИЛА, СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ДЛЯ ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ

§ **10.** Приводимые правила относятся только к тому, что еще не определилось однозначно в § 8—9, а именно, к ударению ед. числа подавляющего большинства односложных слов нетривиального склонения [19] (а также неопределенных singularia tantum).

Принцип III. Ударение в ед. числе у таких односложных слов зависит от значения слова. Опуская частности, основной принцип этой зависимости можно выразить так:

а) названия предметов, не поддающихся счету («неисчисляемых»), имеют в ед. числе наосно́вное ударение; ср. Р. ед. *ча́я*, *лю́да*, *бе́га*, *гне́ва*;

б) названия предметов, поддающихся счету («исчисляемых»), имеют в ед. числе флексионное ударение; ср. Р. ед. *ножа́*, *кита́*, *попа́*.

---

[18] Кроме двусложных начальноударных слов с беглой гласной (типа *ка́шель, ве́тер, у́горь*).

[19] Для небольшой части односложных слов нетривиального склонения (например *день, ткач*) схема ударения уже установлена правилами § 8.

Слова второй группы предполагают как качественную, так и количественную определенность соответствующих предметов (так, несколько ножей — это уже «ножи», а не «нож»; часть ножа не есть «нож»), слова первой группы — только качественную определенность (так, часть чая или большее количество чая есть тоже «чай» [20]). Соответственно у слов второй группы мн. число употребляется совершенно свободно и не требует каких-либо изменений основного значения слова (*ножи́*, *киты́*, *попы́*), тогда как у слов первой группы мн. число, если оно вообще употребляется, требует того или иного сдвига основного значения слова в сторону конкретизации (как, например, при обозначении сортов вещества, отдельных актов какой-либо деятельности, проявлений некоторого состояния и т. п.).

У слов второй группы со словами *мно́го*, *ма́ло* сочетается только словоформа Р. мн.: *мно́го* (*ма́ло*) *ноже́й* (невозможно **мно́го ножа́*, если не пытаться «переосмыслить» нож, например, как материал). У слов первой группы со словами *мно́го, ма́ло* может сочетаться и Р. ед.: *мно́го* (*ма́ло*) *ча́я*. Это свойство можно использовать для проверки слова на «исчисляемость» (к сожалению, неформальной и потому не всегда однозначной).

Следует подчеркнуть, что принадлежность слова к первой или второй группе не полностью определяется характером соответствующего предмета. Во многих случаях один и тот же по существу предмет действительности может быть назван словом первой или второй группы; ср., например, *люд* и *лю́ди*. Часты также межъязыковые различия подобного рода; так, русское слово *фасо́ль* относится к неисчисляемым, а его французский эквивалент *haricot* — к исчисляемым (например, *haricots cuits* = *варёная фасоль*); русское слово *боб* относится к исчисляемым, а белорусское *боб* — к неисчисляемым (например, белор. *градá бóбу* = *грядка бобов*). Поэтому, строго говоря, термины «исчисляемый» и «неисчисляемый» следует применять не к предметам, а к словам (или отдельным значениям слова).

Замечание. Поскольку слова тривиального склонения независимо от их значения имеют наоснóвное ударение, принцип IIIа фактически действителен для всех односложных слов (кроме имеющих схему *b* по правилам § 8, типа *день, ткач*). По той же причине принцип IIIб, напротив, действителен только для односложных слов нетривиального склонения (что касается singularia tantum, то понятно, что все они относятся к неисчисляемым и поэтому к принципу IIIб отношения не имеют [21]).

§ 11. Трудность составляют слова (довольно многочисленные), у которых имеются как исчисляемое, так и неисчисляемое значения. Акцентуация таких слов, как правило, едина при всех значениях, а именно она определяется основным значением слова. В связи с этим для некоторых групп многозначных слов возникают свои частные правила, касающиеся ударения (равносильные правилам о том,

[20] Ср.: Зализняк А. А. Указ. соч., с. 58.

[21] Немногочисленные singularia tantum схемы *b* (см. § 2, сноска 7) представляют собой не что иное, как исключения из принципа IIIа.

какое из нескольких значений слова считать основным). Важнейшие из них — правила о наосно́вном ударении в ед. числе у названий абстрактных понятий[22], пространств, помещений, больших вместилищ. Подобные частные правила обычно не противоречат принципу III (а лишь указывают, к какому из значений многозначного слова он должен быть применен), но в отдельных случаях они все же могут вступать с ним в конфликт (что обычно приводит к непоследовательной или неустойчивой акцентуации, см. § 24).

Таким образом, с практической точки зрения для акцентуации оказывается существенной семантическая классификация, несколько более детальная, чем исходное «грубое» разделение на исчисляемые и неисчисляемые. Эта классификация такова.

1. Семантические группы, которые можно условно обозначить как «сильно склонные к *c*»: названия нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), абстрактных понятий, пространств, поверхностей, направлений.

2. Семантические группы, «умеренно склонные к *c*» (т. е. такие, где тенденция к наосно́вному ударению в ед. числе выражена несколько слабее): названия коллективов, оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ; сюда же попадают термины родства.

3. Семантические группы, «сильно склонные к *b*»: названия исчисляемых материальных предметов (кроме входящих в группу 2) и животных, а также названия лиц по занятию и оценочные.

4. Семантические группы, «умеренно склонные к *b*»: названия гор, груд, отверстий, фигур, начертательных знаков, монет.

5. «Семантически нейтральные» — несколько маленьких групп старых слов, которые в силу своей большой употребительности устойчиво сохраняют древнее ударение и тем самым оказываются как бы вне сферы действия принципа III (таковы названия частей тела, названия лиц, не входящие в группы 2 и 3, и несколько других слов).

Группы 1 и 2 могут быть вместе названы «склонными к *c*», группы 3 и 4 — «склонными к *b*».

Замечание. Наше изложение построено здесь дедуктивно — от общего принципа III к тому, как он реализуется в частных семантических группах. Разумеется, с точки зрения исследователя картина предстает в обратном порядке: непосредственно наблюдаемый факт состоит лишь в том, что в одних семантических группах существительных имеется тенденция к схеме *c*, в других — к схеме *b* (точнее, что они делятся в этом отношении на указанные выше 5 классов). Принцип III — это гипотеза относительно того, что́ является основным семантическим «стержнем» данного разделения.

Итак, в русском языке та лишняя «степень свободы» (в акцентуационном отношении), которой обладают односложные существительные мужского рода по сравнению с неодносложными, оказалась

[22] Здесь и далее мы используем этот довольно расплывчатый термин как обобщенное обозначение для названий действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации, единиц измерения, частей целого.

использованной для выражения некоторого семантического противопоставления (а именно противопоставления по исчисляемости—неисчисляемости). У неодносложных существительных нет возможности свободного противопоставления схем *b* и *c* при одинаковой морфонологической структуре[23]. Соответственно семантическое противопоставление здесь не могло развиться; ср., например, одинаковость ударения в паре *мáстер* и *клéвер* (Р. ед. *мáстера, клéвера*, И. мн. *мастерá, клеверá*) или в паре *кошéль* и *кисéль* (Р. ед. *кошеля́, киселя́*) и т. п.

§ **12.** Помимо семантического фактора, на ударение некоторой части односложных слов оказывают влияние также морфологический и морфонологический факторы.

Морфологическое правило состоит в том, что бессуффиксальные отглагольные имена мужского рода почти всегда имеют наоснóвное ударение в ед. числе.

Морфонологическое правило состоит в том, что односложные слова мужского рода, оканчивающиеся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*», обнаруживают склонность к схеме ударения *b*.

Оба эти фактора играют, однако, лишь второстепенную роль: во-первых, каждый из них затрагивает лишь меньшинство односложных слов мужского рода; во-вторых, приведенные правила реализуются, за очень немногими исключениями, только там, где это не приводит к прямому конфликту с принципом III, т. е. в сфере слов, «склонных к *b*» и «семантически нейтральных».

СИНХРОНИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

§ **13.** Для каждого односложного слова[24], для которого заданы внешний вид, морфологическая структура и значение, а также степень привычности для рассматриваемого носителя языка, описанные выше синхронические правила требуют вполне определенной схемы ударения (в речи данного человека). У слова, свободного от фактора исторической преемственности, это требование реализуется беспрепятственно. Например, жаргонное слово *хип*, возникшее всего несколько лет назад (как результат морфологической русификации слова *хи́ппи*, заимствованного тоже очень недавно), сразу же получило в речи тех, кто его часто употребляет, схему ударения *b* (требуемую правилами): *хипá, хипы́*.

У старого слова акцентуация, ожидаемая на основе синхронических закономерностей, может совпадать или не совпадать с традиционной. Для русского языка сама возможность такого несовпадения

---

[23] Исключение составляют только двусложные начальноударные существительные с беглой гласной (типа *кáшель, вéтер, у́горь*); у них такая возможность есть и соответственно обнаруживается тенденция к тому же семантическому противопоставлению, что у односложных (см. § 43).

[24] Если не считать небольшой группы «семантически нейтральных».

обусловлена тем, что ныне действующие синхронические закономерности сформировались, с исторической точки зрения, относительно поздно: во всяком случае в древнерусском языке они еще отсутствуют (или, по крайней мере, находятся лишь в зачаточном состоянии).

Если акцентуация, ожидаемая на основе синхронических закономерностей, совпадает с традиционной, разумеется, никаких изменений не происходит. Если же такого совпадения нет, возникает конфликт, результаты которого (в некоторый момент истории языка) могут быть различными: сохранение старого ударения, колебания ударения (компромиссный вариант) или победа нового ударения.

С диахронической точки зрения, у многих слов эти три результата составляют три разные фазы акцентуационной эволюции слова (сменяющие друг друга именно в указанной здесь последовательности). Таким образом, с течением времени число слов, сменивших старое ударение на новое, постепенно возрастает. Наиболее употребительные слова, как правило, наиболее устойчиво сохраняют старое ударение (как и любые другие архаичные черты); ср. выше об акцентуации названий частей тела.

Сравнение современной акцентуации односложных слов мужского рода с их прежней акцентуацией (в тех рамках, в которых это допускает современное состояние наших знаний о прежней акцентуации русских слов) дает чрезвычайно показательные результаты, а именно: 1) почти все исключения из нынешних синхронических правил акцентуации — это старые слова, сохранившие свое древнее ударение; поздние слова подчиняются этим правилам почти без исключений (поскольку в этом случае нет традиционной акцентуации, которая могла бы оказывать этим правилам сопротивление); 2) почти во всех надежно установленных случаях индивидуальной смены ударения при переходе от древнерусского состояния к современному изменение направлено от ударения, противоречащего нынешним синхроническим правилам, к тому, которое ему соответствует.

Для иллюстрации этих положений приведем здесь некоторую часть материала, относящегося к вопросу об ударении ед. числа.

Наиболее показательные исключения из нынешних синхронических правил об ударении ед. числа — это слова, которые противоречат одновременно семантическим и морфонологическим правилам. Таковы: а) слова, «сильно склонные к *c*», причем не оканчивающиеся на *щ* или на согласную+*т*, которые тем не менее имеют устойчивое флексионное ударение (таковы только *скот*, *вред*, *грех*, *стыд*, *суд*, *труд*, *ум*, *путь*); б) слова, «сильно склонные к *b*», которые тем не менее имеют устойчивое наоснóвное ударение в ед. числе (таковы только *плуг*, *стул*, *зверь*); ср. § 42, комментарии к таблице 1. Проверка показывает, что, во-первых, все эти 11 слов — старые, во-вторых, все они имели в прошлом (а именно в древнерусском или, по крайней мере, в так называемом «старорусском», т. е. в XVI — XVII вв.) такое же ударение ед. числа, как и теперь. Например, слово *скот* относилось к акцентной парадигме *b*, ***плуг* — *a*, *зверь* — *c*.**

Таким образом, мы просто имеем здесь дело со словами, которые в силу своей большой употребительности пока еще сохраняют свое старое ударение в борьбе с новыми принципами акцентуации.

Укажем теперь важнейшие случаи индивидуальной смены акцентуации в ходе истории. Значительная группа старых слов, «склонных к *c*» и имеющих теперь, в полном соответствии с нынешними семантическими правилами об акцентуации, наоснóвное ударение в ед. числе (при нетривиальном склонении), в прошлом имела в ед. числе флексионное или, по крайней мере, колеблющееся ударение. Так, флексионное ударение было единственным или основным, в частности, для слов *блуд*[25], *бой*, *верх*, *зад*, *пай*, *рай*, *Рим*, *рой*, *сад*, *таз*, *торг*, *харч*, *хлев*, *час*. Флексионное ударение в ед. числе (наряду с более частым наоснóвным) встречалось также у слов *гон*, *гроб*, *гром*, *край*, *пол* «половина», *пол* «настил», *смех*, *стог*, *страх*, *ход*. На основании косвенных данных к числу слов, когда-то имевших хотя бы факультативное флексионное ударение, по-видимому, можно отнести также *воск*, *дёрн*, *корм*, *кров*, *лов*, *под*, *слой*, *тёрн*, *хмель*.

С другой стороны, группа старых слов, «склонных к *b*» и имеющих теперь, в соответствии с нынешними правилами, флексионное ударение в ед. числе, в прошлом имела наоснóвное ударение в ед. числе. Сюда относятся слова *аз*, *гвоздь*, *жук*, *кит*, *куст*, *лист*, *прут*, *сук*, *цеп*, *чёлн*, *червь*, *шар* (бильярдный), *шут*, вероятно, также *линь*, *лунь*, *хорь*, *шмель*, *язь*. У слов *груздь*, *кий*, *клок*, *крюк*, *пук* переход от наоснóвного ударения ед. числа к флексионному не совсем закончился и сейчас, а у слов *вор*, *волк*, *гусь*, *лось* он происходит на наших глазах.

Между тем противоположно направленных переходов среди старых слов нетривиального склонения, «сильно склонных» к *b* или *c* (т. е. прямо подпадающих под действие принципа III), н е т с о в с е м; и даже среди «умеренно склонных» к *b* или *c* имеется всего один такой пример: *скит*, *скитá* (хотя изредка также и *скúта*) при древней акцентной парадигме *a*.

Приведем также наиболее показательные примеры из числа поздних слов, успевших перейти (хотя бы в разговорной или профессиональной речи) в нетривиальное склонение. В соответствии с нынешними семантическими правилами об акцентуации, слова, «склонные к *b*», получили здесь флексионное ударение в ед. числе; примеры: *бант*, *болт*, *буж*, *бунт* «связка, кипа», *винт*, *герб*, *грош*, *зонт*, *ксёндз*, *линь* «веревка», *паж*, *туз*, *шарф*, *шнур*, *шпур*, *штрих*, *штык*, *штырь*. Напротив, слова, «склонные к *c*», сохраняют наоснóвное ударение ед. числа даже после того, как их мн. число получило (в силу принципа II) флексионное ударение; примеры: *бал*, *бас*, *бунт* «мятеж», *спирт*, *сорт*, *суп*, *тон*, *торф*, *трюм*, *флот*, *флюс*, *фронт*, *хор*, *цех*, *шкаф*, *штаб*, *шторм*, *штраф*. Более полные списки слов см. в § 30—40.

[25] У этого слова в XVI—XVII веках представлено последовательное флексионное ударение, однако в Чудовском Новом Завете (XIV век) — подвижное ударение. Характер соотношения между этими двумя акцентуациями не совсем ясен.

Современная картина акцентуации односложных существительных мужского рода представляет собой, таким образом, результат взаимного наложения двух разных систем: старой — древнерусской, восходящей, в свою очередь, к общеславянской (где акцентные парадигмы были определенным образом соотнесены с интонационной системой), и новой — характеризуемой синхроническими закономерностями, описанными выше. Каждая из них внутренне последовательна; но результат их наложения, разумеется, не может быть последовательным: он содержит ряд исключений как с точки зрения первой, так и с точки зрения второй системы.

---

§ 14. Из сформулированных выше трех основных принципов, определяющих акцентуацию русских существительных мужского рода, принцип I общеизвестен.

Принцип II представляет собой попытку обобщения ряда частных синхронических и диахронических фактов (в большинстве случаев достаточно известных), относящихся к склонению и акцентуации русских существительных. Заметим, что сама идея связи между акцентуацией некоторых групп слов и их стилистической окраской, степенью «профессиональности» и другими подобными факторами уже высказывалась в той или иной форме в различных работах[26]. Принцип II можно рассматривать как результат развития и конкретизации этой идеи и ее последовательного применения к более широкой совокупности слов.

Принцип III, несмотря на его важность, в литературе по русской акцентологии остался почти незамеченным. О нем нет никакого упоминания ни в книге Р. Нахтигаля[27], ни в монографиях последнего времени[28]. Весьма показателен в этом отношении основной тезис

---

[26] В частности, В. Кипарский связывает переход слов *бес, дух, клад, стан, тать* и ряда других к неподвижному ударению на основе с тем, что они «употребляются теперь сравнительно редко и только в современном ≪высоком штиле≫» (Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 109). С другой стороны, переход к флексионному и подвижному ударению «соответствует в огромном большинстве случаев понижению стилистического достоинства слова, и поэтому следует предполагать, что он происходил сперва в т. н. ≪просторечии≫» (там же, с. 110); ср. также цитаты из Н. С. Трубецкого и из В. Кипарского, приведенные в § 21. В синхроническом аспекте из явлений рассматриваемого типа наиболее полно изучено распространение подвижного ударения (схема *c*) с И. мн. на *-á* (Beaulieux L. L'extension du pluriel masculin en *-á*, *-я́* en russe moderne. «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», 1913, vol. 18, № 3; Фидровская А. С. Имена существительные с формами на *-á* в именительном падеже множественного числа. Казань, 1961; Иванова Т. А. Именительный множественного на *-á* (*родá, тенорá, госпиталя́*) в современном руском языке.— В кн.: Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967; Зализняк А. А. Указ. соч., с. 225—226.

[27] Nachtigall R. Akzentbewegung in russischen Formen- und Wortbildung, I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.

[28] Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I; Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache;

В. Кипарского, который в терминах, принятых в настоящей работе, можно сформулировать как тенденцию к следующей смене схем ударения в ходе истории: *a*→*e*→ *c*→*b*→*f*[29]. Схема *b* стоит здесь на один шаг дальше в цепи изменений, чем схема *c*; в действительности же схемы *b* и *c* представляют собой конечные этапы развития соответственно для исчисляемых и неисчисляемых.

Вообще, если не считать общепризнанного тезиса о тенденции русских существительных к акцентному противопоставлению чисел (*вино́ — ви́на, ме́сто — места́, игра́ — и́гры, ма́стер — мастера́* и т. п.), сам факт наличия какой бы то ни было регулярной связи между акцентуацией и семантикой признается лишь в очень немногих работах по акцентологии. Так, важное (хотя и беглое) замечание на эту тему есть у А. А. Шахматова: «Отмечу еще, что все слова мужского рода с отвлеченным значением не имеют вообще ударения на окончаниях: *верх, задор, отпор* и т. п., напротив, все слова с ударением на окончаниях имеют конкретное значение: *табак, столб, поп, конец* (кроме слов на *-ёж*)»[30]. Идею связи между акцентуацией словоформ и их грамматическим значением последовательно проводит в своих работах Т. Г. Хазагеров. В своем диахроническом анализе русской именной акцентуации он отмечает ряд фактов, являющихся, с на-

Шелюто Г. А. Русское ударение. Ужгород, 1962; Редькин В. А. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971; Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л. 1972; Olechnowicz M. Teoretyczne zasady dystrybucji rosyjskiego akcentu wyrazowego. Lódź, 1974. Заметим, что ссылки на семантику в связи с акцентуацией отдельных слов встречаются в различных работах довольно часто; они не соотносятся, однако, с принципом III, а иногда и прямо ему противоречат. Например, С. П. Обнорский приводит следующий пример семантической дифференциации ударения (см.: Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. Л., 1927, с. 247): Р. ед. *ду́ба* в обычном, единичном значении, но *дуба́* (диалектное) в собирательном значении. (В действительности, если этот пример вообще надежен, мы имеем здесь дело с диалектной системой, резко отличной от литературного языка). Особо следует отметить гипотезу Р. Нахтигаля (Op. cit., S. 256) о древнем противопоставлении nomina acti типа *плот, стол* (окситонированных) и nomina agentis типа *вор, мот, трус* (с подвижным ударением). Даже если эта гипотеза верна (что в настоящее время, конечно, никак нельзя считать доказанным), это противопоставление может быть хронологически отнесено только к праславянскому периоду; сам Р. Нахтигаль говорит о том, что впоследствии оно перестало быть живым и затемнилось.

[29] Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, S. 92.

[30] Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд. М., 1941, с. 129. Впрочем, существо дела отражено здесь несколько неточно: во-первых, как видно по примеру *таба́к*, неисчисляемые названия веществ отнесены в один класс со словами типа *столб, поп*, во-вторых, все утверждение необходимо ограничить лишь односложными существительными, иначе оно слишком сильно расходится с фактами, ср., например, *каварда́к, кура́ж, шанта́ж* и т. п. (схема *b*), не говоря уже о суффиксальных существительных типа *смешо́к, столбня́к, багре́ц* (ср. также неодносложные названия веществ и материалов типа *кума́ч, минда́ль, мышья́к, пота́ш, ячме́нь* и т. п.).

шей точки зрения, частным проявлением принципа III, но дает им несколько иную интерпретацию[31]. Отметим, кроме того, одну работу, посвященную не русскому, а белорусскому языку (который в рассматриваемом отношении в главных чертах сходен с русским), а именно статью Н. П. Лобана[32]; в этой статье в разделе о словах мужского рода мы находим прямую констатацию синхронической связи между акцентуацией слова и семантическим противопоставлением «конкретные единичные предметы — вещества, собирательные и абстрактные понятия».

К сожалению, в настоящей статье мы не имеем возможности представить весь тот материал, на котором основаны утверждения, изложенные в § 8—13. Поэтому ниже подробно разобран только материал, относящийся к действию принципа III, причем лишь в синхроническом аспекте, т. е. в рамках современного русского языка. Из материала, относящегося к действию принципов II и I, приведены только примеры. Диахронический аспект проблемы не разбирается вообще.

РАЗДЕЛ III. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Особые группы односложных слов мужского рода

§ 15. Для того чтобы правильно оценить действие принципов II и III, которые интересуют нас более всего, необходимо вначале отделить те группы односложных слов, акцентуация которых опреде-

[31] По Т. Г. Хазагерову, слова, перешедшие в ходе истории к наосно́вному ударению в ед. числе,— это в основном обозначения отвлеченных понятий (названы только *блуд, час, рай, верх* — см.: Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973, с. 87); с другой стороны, среди слов, получивших флексионное ударение, «подавляющее большинство... составляют nomina agentis, а также названия орудий или инструментов (орудие может легко рассматриваться как «одушевленный выполнитель действия»...). Для таких имен, по-видимому, актуально противопоставление словоформы именительного падежа словоформе винительного и словоформам косвенных падежей (как средство противопоставления субъекта — несубъекту)» (там же, с. 86; ср. также: Хазагеров Т. Г. Ударение как средство дифференциации грамматических форм.— «Вопросы языкознания», 1973, № 4, с. 104). Это объяснение содержит, с нашей точки зрения, существенные натяжки. Прежде всего то, что Т. Г. Хазагеров называет nomina agentis, как видно из его же списков, фактически на $^2/_3$ состоит из названий животных, т. е. правильнее здесь говорить просто об одушевленных. Но, как известно, в русском языке важнейшим и очень «чувствительным» выразителем одушевленности является форма винительного падежа. Если бы названия орудий в самом деле семантически примкнули в русском языке к одушевленным, это прежде всего выразилось бы у них в совпадении винительного падежа с родительным (**взял кнута́* и т. п.), чего в действительности нет. Кроме того, уж никак нельзя подвести под рубрику орудий и инструментов, например, такие слова, перешедшие в ходе истории в схему *b*, как *аз, бант, герб, грош, куст, лист, сук, тюк*. В то же время эти слова очевидным образом объединяются с названиями лиц, животных, орудий и инструментов по признаку исчисляемости.

[32] См.: Лобан Н. П. Націск у назоўніках з невытворнай асновай у сучаснай беларускай літаратурнай мове.— «Працы Інстытута мовазнаўства», вып. IV. Минск, 1957.

ляется другими факторами, действующими в иерархии факторов прежде принципов II и III. Таковы односложные существительные, подпадающие под правила, общие для всех существительных мужского рода (кроме принципа II).

Ниже излагаются сами эти правила. Поскольку они касаются не только односложных слов, мы коротко рассматриваем здесь и неодносложные слова (чтобы не искажать общую картину). Эффект этих правил именно для односложных слов описан в § 19.

Набор принципиально возможных для данного слова продуктивных схем ударения определяется принципом I (§ 8). Кроме того, имеется ряд более частных правил, которые для определенных групп слов предписывают какую-то одну из схем ударения, входящих в этот набор. Эти правила применяются в указанном ниже порядке.

Правила для слов с беглой гласной

§ 16. Из слов с беглой гласной:

1) слова с конечным ударением[33] относятся к схеме *b*, например *молотóк, ковёр ,сон* (исключения: *заём, наём* — схема *a*);

2) слова с безударными суффиксами *-ок, -ец* (а также любые слова со срединным ударением) относятся к схеме *a*, например *кýбок, подáрок, гóрец, молéбен.*

Замечание. Таким образом, из слов с беглой гласной не покрываются данным правилом только начальноударные слова без суффиксов *-ок, -ец*, например *вéтер, ýгорь, стéбель, грéбень, прóмысел.* У них выбор схемы ударения не предопределен однозначно ударением в исходной словоформе.

Правила для прочих слов

Морфологические правила

§ 17. Правила о словах, содержащих суффикс[34]:

1) слова с конечным ударением, содержащие суффиксы: *-úк, -овúк, -нúк, -щúк,* (*-чúк*), *-áк, -ня́к, -чáк, -ýк, -чýк, -ýг, -ýх, -úх; -áч, -úч, -áш, -úш, -óж, -éц; -ýн, -áрь, -úрь, -áль,*— относятся к схеме *b*, например *старúк, рыбáк, торгáш, чтец, лгун, бунтáрь* (исключения: *поля́к, пруссáк, австрия́к, краковя́к, сайгáк, юнáк, господáрь* — схема *a*; о первых трех из них см. также ниже, § 18);

2) слова с конечным ударением, содержащие суффиксы: *-úст, -áнт,* (*-éнт*), *-óр, -éр, -ионéр, -áт, -úт, -úн* (в названиях веществ), *-óл, -áд, -úзм, -итéт, -áл, -óз; -úн* (в названиях национальностей),

---

[33] Здесь и далее в подобных случаях имеется в виду: в исходной словоформе.

[34] В списках суффиксов орфографическое варьирование, соответствующее твердости-мягкости предсуффиксальной согласной, не отмечается.

-áй, -тя́й, -éй — относятся к схеме *a*, например *тури́ст, лимона́д, грузи́н, лентя́й*;

3) слова с неконечным ударением, содержащие любые суффиксы, кроме *-арь, -ор, -ер*, относятся к схеме *a*, например *до́мик, мучи́тель, ри́млянин* (исключение: *учи́тель* — схема *c*).

Замечание. Как известно, в русском языке сходно с суффиксами могут влиять на акцентуацию и так называемые финали, т. е. лишенные самостоятельного значения конечные отрезки основы, внешне совпадающие (или хотя бы сходные) с суффиксами, ср., например, принадлежность к схеме *b* таких слов, как *пари́к, башма́к, мундшту́к, утю́г, лопу́х, кума́ч, каранда́ш, галу́н, янта́рь, имби́рь, хруста́ль*. Но все же влияние финали на акцентуацию далеко не так безусловно, как влияние настоящего суффикса; ср., например, такие слова, как *сердоли́к, ара́к, бамбу́к, патронта́ш, кану́н, госуда́рь, фестива́ль*, которые относятся (по крайней мере, по литературной норме) к схеме *a*. Таким образом, приведенные здесь правила обязательны только для слов с настоящим суффиксом; наличие сходной финали создает лишь благоприятные условия для появления соответствующей схемы ударения, но окончательный выбор схемы ударения происходит в соответствии с § 9.

Правило о бессуффиксальных отглагольных существительных, содержащих приставку: все такие существительные, имеющие конечное ударение (следовательно, в частности, все односложные), относятся к схеме *a*, например *перено́с, прихо́д, сдвиг, взгляд* (исключения: в литературном языке *поста́в, сбой, склад* «слог», в просторечии также *склад* «помещение» и *взвод* «воинское подразделение» относятся к схеме *c*).

Замечание. По мере утраты морфологической разложимости слово выходит из сферы действия данного синхронического правила. В частности, ему уже не подлежат слова *смотр, срок счёт, слог, спор, сонм, причт* (с исторической точки зрения, содержащие приставки *с-, при-*, но синхронически уже неразложимые).

Правило об аббревиатурах: аббревиатуры всех типов (кроме сохраняющих полностью последнее слово) относятся к схеме *a*, например *вуз, загс, МХАТ, зам, псих, колхо́з, парто́рг, филфа́к, прора́б*.

Не подчиняются этому правилу аббревиатуры, омонимичные уже существующим словам с нетривиальным ударением (например *куб* «кубометр» — в просторечии схема *c* или *b*, простореч. *винт* «винтовка» — схема *b*). Близкий случай составляет также слово *спец* (схема *b*, устаревш. *a*), в котором финаль *-ец* почти достигла статуса суффикса (поскольку это слово однотипно со словами *чтец, лжец* и т. д. не только морфонологически, но и семантически). В просторечии встречаются и некоторые другие случаи, когда аббревиатурный характер слова оказывается «забытым» и оно подчиняется общим закономерностям (например слова *политру́к, военру́к, физру́к* и т. п. в просторечии переходят в схему *b* под влиянием финали *-у́к*).

Замечание. Имеется еще одно существенное морфологическое правило, которое, однако, реально применимо только к неодносложным словам,— это правило о принадлежности к схеме *a* большинства типов сложных слов

(например *землекóп, вертолёт, толстосýм, гололёд, носорóг, лисохвóст, златокрóт, красноклóп*), а также некоторых слов особой структуры (*растрýб, распóп*). В настоящей работе нет необходимости вникать в детали этого довольно сложного правила.

Семантическое правило

§ 18. Названия людей по национальной или географической принадлежности (не содержащие суффиксов, требующих схемы *b*) относятся к схеме *a*, например *казáх, киргúз, монгóл, цыгáн, серб, чех, швед*. Заметим, что этому правилу не противоречат и такие суффиксальные слова, как *армянúн, татáрин, литóвец* и т. п. (которые получили схему *a* уже в силу § 17).

Вопреки влиянию суффикса, данному правилу подчинились также *поля́к, пруссáк, австрия́к* (схема *a*); ср. обычный эффект суффикса, например, в *сибиря́к, пермя́к, москвúч, латы́ш* (схема *b*).

Слова с финалью, благоприятствующей схеме *b* (см. § 17, замечание), в принципе подчиняются данному правилу, например *словáк, каракалпáк, коря́к, таджúк, кумы́к, сельджýк, талы́ш* (схема *a*). Имеются, однако, исключения и колебания: *ингýш* (схема *b*); *гиля́к, остя́к, вотя́к, кипчáк* (у этой группы слов обычно представлена схема *b*, но иногда встречается и *a*); *калмы́к, чувáш, якýт* (все три с колебанием *a*//*b*); слово *казáк* колеблется между схемами *b* и *d*: Р. ед. *казакá*, но мн. *казакú* и *казáки*.

Из односложных не подчиняется данному правилу только слово *жид* (схема *b*); заметим, однако, что это слово несколько оторвалось от данной семантической группы и, по-видимому, оказалось в зоне притяжения оценочных слов (для которых характерна схема *b*, см. § 39).

Приведенное семантическое правило в действительности представляет собой лишь наиболее четкий частный случай более общей (но зато и менее строгой) тенденции к наоснóвному ударению во мн. числе (или, по крайней мере, в И. мн.) у исчисляемых предметов, если это мн. число имеет собирательный оттенок, т. е. выражает нерасчлененную совокупность.

Эта тенденция выступает наиболее наглядно там, где прямо противопоставлены словоформы с разным ударением. Так, собирательное мн. число на *-ья* у неодушевленных всегда имеет наоснóвное ударение, например *лúстья, сýчья, кóлья, прýтья, крю́чья, клóчья, лоскýтья* (ср. оттенок расчлененности в *листы́, сукú, колы́, пруты́, крюкú, клокú, лоскуты́*). Ср. также названия парных (или комплектных) объектов *глáзки, рóжки, зýбки, сапóжки* и расчлененное мн. число *глазкú, рожкú, зубкú, сапожкú* (с несколько иными лексическими значениями). В некоторых случаях противопоставление оттенков смысла едва заметно, но все же может быть уловлено. Так, *казáки* более естественно при обозначении казачества вообще, эскадрона, массы и т. п.; при обозначении, например, двух лиц уместнее *казакú*. Словоформа *вóры* естественна, например, во фразах *в квартиру залезли вóры, кругом все вóры* и т. п.; ср. *они воры́*, как ответ

на вопрос о роде занятий конкретных преступников-профессионалов; тот же оттенок значения в примере: *В такие ночи, / в такие дни, / в часы такой поры́ / на улицах разве что / одни / поэты и воры́* (В. Маяковский. «Хорошо!»).

В силу данной тенденции большинство слов, выступающих преимущественно во мн. числе, имеет во мн. числе наосно́вное ударение; ср., кроме уже приведенных примеров, *бо́ты, ке́ды, го́льфы, чуня́ки, черевйки, ба́ки, пе́йсы, ре́льсы, стро́пы, со́ты* (вместо устаревшего *соты́*) и т. д. Заметим, что в *чуня́ки, черевйки* наосно́вное ударение выступает вопреки влиянию финали, а в *сапо́жки, гла́зки, ро́жки, зу́бки* — даже вопреки влиянию суффикса. Правда, обязательности здесь все же нет (ср. *у́нты* и *унты́, пи́мы* и *пимы́, ла́сты* и разговорное *ласты́, па́нты* и разговорное *панты́*).

Поскольку для существительных мужского рода продуктивны только схемы ударения *a*, *b* и *c* (но не *d*), наосно́вное ударение во мн. числе автоматически создает стремление к наосно́вному ударению также и в ед. числе (чтобы не получилось схемы *d*, для которой среди слов мужского рода нет образца), даже если по другим причинам в ед. числе ожидалось бы флексионное ударение. Тем самым слово попадает в схему *a*. «Нетипичная» схема *d* оказывается возможной лишь в тех особых случаях, когда ед. и мн. число связаны между собой слабее, чем обычно, а именно при морфологическом (у слов с мн. на *-ья*) или семантическом (*гла́зки, ро́жки* и т. д.) обособлении множественного числа от единственного. Остро конфликтная ситуация возникает для слов *каза́к, гиля́к, остя́к, вотя́к, калмы́к* и др., где исход основы благоприятствует флексионному ударению. Результатом является тот разнобой в акцентуации, который описан выше. В литературном языке ближе всего к ожидаемой схеме *d* оказывается слово *каза́к* (колебания между *b* и *d*); к такой же акцентуации в действительности стремится и ряд других слов из этого списка.

---

§ 19. Резюмируем тот эффект, который правила § 16—18 дают в сфере односложных слов.

В силу правила о беглой гласной схему *b* имеют: *лоб, лев* (животное), *ров, шов, лёд, лён, сон, пёс, рот, мох* (в варианте с Р. ед. *мха*), *день, пень*.

В силу правила о суффиксах схему *b* имеют: *швец, лжец, жнец, льстец, чтец* и (с неполной выделимостью суффикса) *жрец; рвач, ткач, драч* и (с неполной выделимостью суффикса) *врач, грач; враль; псарь; лгун, врун, жрун, вьюн*. Ударение двух слов с неполной выделимостью суффикса колеблется между схемами *b* и *a*: *спец* (см. § 17), *жмых* (см. § 30).

В силу правила о бессуффиксальных отглагольных существительных, содержащих приставку, к схеме *a* относится значительное число односложных слов (с приставками *в-*, *вз-*, *с-*), например *вход, вклад, вдох, взрыв, взгляд, всплеск, взнос, сдвиг, срез, спуск, слёт*.

Их список в принципе открыт; в «Обратном словаре русского языка» их около 100.

В силу правила об аббревиатурах к схеме *a* относится большая группа односложных слов, численность которой очень трудно оценить, поскольку слова этой группы легко образуются и часто так же легко исчезают; лишь немногие из них попадают в обычные словари (в «Обратном словаре русского языка» их всего около 20). Примеры: *вуз, дот, дзот, загс, жакт* (или *ЖАКТ*), *гост* (или *ГОСТ*), *ЖЭК, ВАК, МХАТ, ЗИС, ЗИМ, ЗИЛ, МАЗ; главк, зав, зам, пред, псих.*

В силу семантического правила о названиях национальностей к схеме *a* относятся около 50 (по «Обратному словарю русского языка») слов, например *грек, серб, чех, лях, швед, перс, мавр, скиф.*

Все указанные здесь особые группы односложных слов (около 200 слов по «Обратному словарю русского языка») из дальнейшего рассмотрения исключаются. Последующие правила относятся только к основному массиву», т. е. к совокупности всех остальных односложных слов мужского рода.

Основной массив односложных слов мужского рода

§ 20. Вопрос об акцентуации основного массива односложных слов мужского рода целесообразно рассматривать в следующем порядке: а) противопоставление тривиального и нетривиального склонений; б) противопоставление наоснóвного и флексионного ударения в ед. числе у слов нетривиального склонения.

Поскольку наиболее характерным признаком нетривиального склонения является флексионное или подвижное ударение во мн. числе, первый из этих двух пунктов в основном сводится к вопросу об акцентуации мн. числа. Второй из них, напротив, касается только ед. числа. Соответственно с практической точки зрения удобно разделить рассматриваемую проблему на: а) вопрос об ударении во мн. числе; б) вопрос об ударении в ед. числе.

ВОПРОС ОБ УДАРЕНИИ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

§ 21. Распределение слов мужского рода (не подпадающих под § 16—18) между тривиальным и нетривиальным склонениями (в индивидуальной речи и опосредствованно в языке в целом) определяется двумя факторами, которые в значительной части случаев противодействуют друг другу: а) принципом II (§ 9), согласно которому привычные для данного индивида слова стремятся в его речи к нетривиальному склонению, а чуждые — к тривиальному; б) общей консервативной тенденцией литературного языка, требующей сохранения той акцентуации (тривиальной или нетривиальной), которая уже принята в качестве нормы.

Какой из этих двух факторов победит (в индивидуальной речи) в случае конфликта, определяется в каждом конкретном случае рядом внеязыковых факторов, прежде всего характером ситуации, в ко-

торой происходит общение, степенью знакомства говорящего с литературным языком и наличием или отсутствием у него субъективной установки на «правильность» речи. Понятно, что основная сфера, где, как правило, побеждает принцип II,— это разговорная и в особенности профессиональная речь, поскольку для нее характерна минимальная установка на «правильность». Более того, в арготической, демонстративно профессиональной и т. п. речи возможно даже «отталкивание» от литературной нормы, подчеркивающее принадлежность говорящего к определенному кругу, который обладает для него престижем. Сходный по существу эффект иногда используют поэты: например, нетривиальное ударение *маёв* (Р. мн. от *май*) у В. Маяковского («Хорошо!») как бы подчеркивает фамильярность, интимность отношений между поэтом и словом.

Вот как описывает один из эффектов такого рода Н. С. Трубецкой: «Я заметил, что односложные иностранные слова (имена собственные или, реже, нарицательные) иногда проявляют тенденцию склоняться с ударением на окончании *с ироническим оттенком*,—особенно во мн. ч. Так, фамилии наших знакомых Шмидт, Кинц, Turn мы произносим во мн. ч. Шмиты́, Кинцы́ и Турны́, но делаем это как бы «несерьезно», а в шутку или с пренебрежением. В московском земстве также употреблялась форма Шлипы́. Русские эмигранты, занимающиеся торговлей в странах немецкой языковой области, часто называют своих клиентов *кунды́* (Kunden),— опять-таки с оттенком шутки и пренебрежения» (письмо Н. С. Трубецкого к Р. О. Якобсону от 5 января 1934 г. [35]).

Основной, самый распространенный тип конфликта между индивидуальной и нормативной акцентуацией состоит в том, что тривиальной нормативной акцентуации противостоит нетривиальная акцентуация в речи индивида или группы (профессиональной или иной); ср., например, общелитературные *шту́рманы, бо́цманы, реда́кторы, те́ндеры, ко́нусы, го́спитали, ки́ли, шпри́цы, зо́нды, трю́мы, пре́ссы*, Р. ед. *аммиа́ка, каучу́ка, масса́жа, дубля́жа* и профессиональные *штурмана́, боцмана́, редактора́, тендера́, конуса́, госпиталя́, кили́, шприцы́, зонды́, трюма́, пресса́*, Р. ед. *аммиака́, каучука́, массажа́, дубляжа́*.

Не следует думать, что тенденция к нетривиальной акцентуации (для привычных слов) характерна только для речи людей, недостаточно владеющих литературным языком. Большое число профессионализмов с нетривиальной акцентуацией обнаруживается и в сфере «интеллигентных» профессий, например в речи художников, музыкантов, артистов, искусствоведов, научных работников, издательских работников и т. д. Таковы по своему происхождению, например, словоформы *колера́, грунты́, тенора́, альты́, витражи́, типажи́, монтажи́, профессора́, учителя́, редактора́* и многие другие (большая часть приведенных словоформ уже воспринята современной литературной нор-

[35] «N. S. Trubetzkoy's letters and notes, prepared for publication by R. Jakobson». Paris, 1975, p. 296.

мой). Отличие состоит лишь в том, что люди таких профессий в большей степени склонны ограничивать в своей речи эту тенденцию, сознательно стремясь к «правильности» речи.

Таким образом, тенденция к переводу привычного слова в нетривиальное склонение представляет собой, образно выражаясь, мощную «морфонологическую пружину» в языковом механизме, общую для всех носителей языка и давящую на все привычные слова определенной морфонологической структуры.

Возможно и обратное соотношение между нормативной и индивидуальной акцентуацией: тривиальное ударение в индивидуальной речи при нетривиальном нормативном. Такое соотношение естественно в том случае, когда говорящий только что познакомился с новым для него словом, имеющим в литературном языке нетривиальное ударение, и вообще когда такое слово является для него чуждым, непривычным. В этой ситуации возникают, например, такие ударения, как *па́жи, ксёндзы, о́дры* «ложа», *жёзлы, си́ги, я́зи, хря́ки, ча́ны, шки́вы, шри́фты, ве́ртелы, ко́робы, пи́сари* (по литературной норме здесь предписывается или, по крайней мере, рекомендуется флексионное ударение). По этой же причине естественная судьба устаревших, потерявших актуальность слов — постепенный переход к тривиальной акцентуации; таково, например, положение со словами *дьяк, паж, пи́сарь, ле́карь, при́став, ге́тман, струг.*

В сознании носителей русского языка описанные соотношения отражаются как ощущение пониженного стилистического оттенка у словоформ с нетривиальным ударением и повышенного у словоформ с тривиальным. Этот факт в той или иной форме отмечается многими исследователями; так, В. Кипарский пишет (в скобках указаны принятые в настоящей работе обозначения схем ударения): «С IV-м (схема *b*) и отчасти с III (схема *c*) типом ударения связывается в настоящее время у говорящих представление о чем-то фамильярном, ухарском, во всяком случае, «чисто русском», с I-м (схема *a*) и особенно со II (схема *e*) типом, наоборот, представление о чем-то возвышенном, торжественно-чуждом, иностранном или церковном, древнем» [36].

Новое слово, в частности заимствованное, обычно начинает свою жизнь в языке с тривиального ударения (если только оно не противоречит его морфологической структуре). В процессе освоения, интеграции такое слово может получить нетривиальное ударение. Если такое ударение распространяется достаточно широко, оно рано или поздно воспринимается и литературной нормой, отражаемой словарями (которая, как известно, лишь с большим сопротивлением и потому с отставанием следует за изменениями языковой практики).

§ 22. Принцип II^{а} (тривиальное склонение для чуждых слов) соблюдается у всех слов мужского рода, не подпадающих под § 16—18, вполне регулярно. Принцип II^{б} (нетривиальное склонение для привычных слов) реализуется у односложных и у неодносложных

[36] Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 110.

слов несколько по-разному. У односложных слов он действует активно почти во всех случаях; у неодносложных слов эффективность действия этого принципа зависит от морфонологической (в некоторых случаях также от морфологической) структуры слова: при благоприятной структуре принцип II^б так же эффективен, как у односложных; при иной структуре он реализуется существенно реже.

В настоящей статье мы не имеем возможности рассмотреть весь относящийся к данной проблеме материал. Ограничимся лишь некоторыми иллюстрациями (причем только из числа односложных слов).

Так, к тривиальному склонению относится подавляющее большинство слов, обозначающих малоизвестные или непривычные для основной части носителей языка реалии, например: *гном, дож, маг, смерд, сфинкс, хан; барс, скунс, тур, як; лавр, мирт; бриг, плед, трут, шлейф; гнейс, кварц, мусс, пунш; бриз, культ, пакт, путч, транс; жанр, код, ранг, ритм, шифр; дюйм, пенс; гимн, миф, фарс, шарж, ямб*. Сюда же относятся слова возвышенно-книжного стиля и устаревшие, например: *вепрь, град* «город», *клик, клич, сонм, страж, стяг, тать, уд, храм*[37].

В частности, восприятие слова как «иностранного» регулярно ведет к тривиальному склонению; ср. многие из приведенных выше примеров. Ощущение «иностранности» часто поддерживается несвойственной исконным русским словам фонологической структурой. Наиболее характерные признаки здесь таковы: твердые согласные перед /*е*/ или начальное /*е*/ (например *мэр, темп, тест, эльф*); мягкие шумные согласные перед /*у*/ (например *гюйс, дюйм, мюль, бюст*); исход на сложное сочетание согласных, особенно с конечным сонантом (например *монстр, спектр, цикл, ритм, пункт*); срединное /*й*/ (например *тайм, гнейс, сейф*).

Из односложных слов, достаточно употребительных (в обоих числах) в обычной разговорной речи, к тривиальному склонению относится по литературной норме[38] лишь несколько десятков. Характерные примеры: *дед, внук, сват; рак, тигр; клён, мак; бант, кран, флаг, шарф, шприц; газ, торт, яд; пляж, сквер; зал, клуб, лифт; груз, знак, курс, план, срок, тост, факт, шанс, штраф*. Слова этой группы сохраняют (в литературном языке) тривиальное ударение, унаследованное от предшествующих поколений, несмотря на то, что они подпадают под действие принципа II^б, т. е. в этой зоне фактор исторической преемственности пока еще оказывается сильнее, чем синхронические правила.

Однако за рамками литературной нормы более чем у половины слов этой группы обнаруживается нетривиальное ударение. Так,

---

[37] Прямых исключений, т. е. слов с возвышенно-книжной и т. п. окраской, относящихся к нетривиальному склонению, очень немного: *волхв, одр, столп, перст* (все схемы *b*). Еще несколько слов, близких к данной группе, обнаруживает колебание ударения: *дьяк* (*b*//*a*), *жезл* (обычно *b*, но нередко также *a*), *чёлн* (*b*, но изредка также *a*), *струг* «судно» (*c*//*a*).

[38] Относительно литературной нормы и ненормативного ударения см. также § 29, сноска 50.

флексионное ударение во мн. числе встречается в разговорной речи или в просторечии, в частности, у слов: *дед, сват; мул, спрут, клён; бант, бот, горн* «печь», *зонд, кант, киль, клёш, кран, рант, трос, фант, флаг, шарф, шприц, щуп, кекс, крем, сок, торт, яд; брод, лаз, плац, пляж, сквер; клуб, лифт, пресс, тир, трюм, шлюз; бис, груз, срок, тост, трюк, шторм, штраф* — и у ряда других, относящихся по литературной норме к схеме *a*. Таким образом, в живой разговорной речи число слов, устойчиво сохраняющих тривиальное склонение вопреки принципу III[б], гораздо меньше, чем по литературной норме.

Состав слов, относящихся к нетривиальному склонению (а также неопределенных singularia tantum), разбирается в следующем разделе (§ 23—41).

ВОПРОС ОБ УДАРЕНИИ В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

§ 23. Вопрос об ударении в ед. числе уже решен для слов, у которых схема ударения устанавливается правилами § 16—18, и для всех слов тривиального склонения. Остается рассмотреть, таким образом, слова нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18) и неопределенные singularia tantum. В нашем материале таких слов нетривиального склонения около 350 (а с учетом ненормативного ударения — около 420), неопределенных singularia tantum — около 250.

Предметом разбора является распределение этих слов по признаку «наосно́вное или флексионное ударение в ед. числе». Оно определяется прежде всего семантическим фактором, в некоторых частных случаях — также морфологическим и морфонологическим факторами.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 24. Как указано в § 10, в основе рассматриваемого распределения лежит принцип III: наосно́вное ударение в ед. числе у неисчисляемых, флексионное у исчисляемых.

Прямолинейному осуществлению этого принципа препятствует, однако, то, что у многих слов имеются одновременно значения обоих классов; ср., например, *шаг* «ходьба» и «единичное движение», *дуб* «отдельное дерево» (а также «тупой человек») и «вид древесины» (а также собирательно в значении «дубы»), *верх* «часть пространства, направление» и «материальный предмет» (например «верх экипажа»). В языке встречаются два способа разрешения этой трудности:

1) исчисляемому и неисчисляемому значениям слова соответствует разная акцентуация. Этот способ встречается очень редко, поскольку ему препятствует свойственная едва ли не всем языкам тенденция к единству внешней стороны слова во всех его значениях. Все случаи этого типа собраны в § 27;

2) акцентуация слова определяется его основным значением. Это нормальный, господствующий способ. Например, слова *стол, ёрш* со-

храняют флексионное ударение и в значениях неисчисляемого типа (соответственно «диета», «определенный напиток»); слово *сыр* сохраняет наосно́вное ударение ед. числа и в значении «определенного вида кусок сыра».

К сожалению, далеко не всегда очевидно, какое из значений слова является основным, и это, конечно, осложняет реализацию принципа III. Укажем, как практически разрешается эта трудность в некоторых типовых случаях многозначности.

Названия растений (кроме деревьев) довольно четко распадаются на исчисляемые (например *боб, гриб, груздь*) и неисчисляемые (их большинство, например *хрен, лук, рис, тёрн*); при совмещении значений обоего типа (например *мак*) основным обычно оказывается неисчисляемое. Особую группу составляют названия деревьев: у них регулярно совмещаются исчисляемое значение («отдельное дерево») и, по крайней мере, два неисчисляемых («сорт древесины» и собирательное), ср. выше *дуб*. С акцентуационной точки зрения все они ведут себя как слова неисчисляемого класса.

Названия абстрактных понятий (действий, событий, состояний, качеств и т. д., ср. сноску 22), пространств, поверхностей, направлений, которые совмещают неисчисляемое значение с исчисляемым, ведут себя (в акцентуационном отношении) как слова неисчисляемого класса. Примеры: *шаг, ход, бал, цвет, верх, край.*

Поскольку неисчисляемое значение имеется (как единственное или наряду с исчисляемым) у подавляющего большинства слов этих семантических групп, характерной особенностью всех этих групп оказывается наосно́вное ударение в ед. числе. Эта особенность имеет тенденции распространиться и на те немногочисленные слова из данной семантической сферы, которые имеют только исчисляемое значение, например *год, пуд* (что́ уже противоречит принципу III).

Итак, для современного языка можно констатировать существование следующего частного правила: односложные названия абстрактных понятий, а также пространств, поверхностей, направлений имеют наосно́вное ударение в ед. числе. Это правило беспрепятственно выполняется везде, где оно не приходит в прямое противоречие с принципом III⁶; в тех весьма редких случаях, где такое противоречие возникает, данное частное правило обычно тоже побеждает, однако возможны некоторые колебания и отклонения.

Особую семантическую группу составляют названия оград, четко ограниченных территорий, помещений и больших вместилищ, например *тын, баз, дом, хлев, трюм, шкаф, гроб.* С одной стороны, это отдельные материальные предметы (разумеется, исчисляемые); но в то же время они чаще всего выступают как обозначение места, пространства, внутри которого что-то находится или происходит. Тем самым они семантически сближаются с названиями пространств (типа *мир, рай, верх, лес*, ср. общее для тех и других частое употребление $П_2$, например *в раю́, в лесу́, в хлеву́, в шкафу́, в гробу́*), а эти названия, как указано выше, примкнули к неисчисляемому классу. В результате слова данной группы обнаруживают (вопреки принципу

III^б) тенденцию к наоснóвному ударению в ед. числе, реализуемую, однако, ввиду двойственности их семантической природы, не вполне последовательно.

Принцип III практически не действует у названий частей тела и терминов родства, т. е. в двух древнейших, максимально устойчивых и практически закрытых для пополнения новыми словами семантических группах. Названия частей тела сохраняют почти без изменений свое древнее ударение (у одних наоснóвное, у других флексионное); термины родства, унаследовав древнее наоснóвное ударение в ед. числе, обобщили схему *c* (часто с мн. на *-ья́*) в качестве характерной приметы данной семантической микрогруппы. Отметим, что наоснóвное ударение (хотя и по другой причине, см. § 18) имеют также названия национальностей. Принцип III, естественно, действует слабо также в тех случаях, когда значение слова почему-либо с трудом поддается классификации.

В итоге получается то разделение односложных слов на семантические группы (более сложное, чем просто в соответствии с принципом III), которое описано в § 11.

Замечание. Это разделение актуально в первую очередь для литературной речи. В просторечии обнаруживается тенденция к более последовательному соблюдению основного принципа III (в ущерб частным правилам); см., например, в § 32 о просторечном ударении слов *гол, трюк.*

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 25. Подавляющее большинство бессуффиксальных отглагольных имен мужского рода (не только односложных) имеет наоснóвное ударение в ед. числе (хотя причины этого у разных групп этих имен различны). Так, для слов с неконечным ударением, например *вы́ход, óтпуск, пóдкуп*, это вытекает просто из принципа I (§ 8). Для приставочных слов с конечным ударением, например *перенóс, сдвиг, взгляд,* это вытекает из правила, данного в § 17. Для большинства бесприставочных односложных слов это связано с неисчисляемым характером их значения (т. е. определяется принципом III^а), ср., например, *бег, бой, вид, нюх, треск, корм*[39].

Поскольку данное утверждение верно для очень большого числа слов, оно само приобретает характер статистического правила, которое в принципе может экстраполироваться на слова, не входящие в перечисленные частные группы. Практически, однако, случаев, где можно предполагать самостоятельное действие данного морфологического правила, очень немного.

Так, вопреки принципу III^б, наоснóвное ударение в ед. числе имеют названия инструментов *лом, щуп, жом* («тиски», В. Даль[40]),

---

[39] Такое слово, как *суд* (схема *b*), разумеется, нарушает описываемое соотношение, но оно является исключением и из принципа III^а.

[40] См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, 2-е изд., тт. I—IV. Спб.—М., 1879—1882.

струг (а также *струг* «судно»), названия лиц *хват, мот, глот* «обжора, мироед», *жом* («скряга, жмот», В. Даль). Однако слово *хлыст* относится к схеме *b* (см. об этом слове также § 27) [41].

Замечание. Почти у всех этих слов имеется (по крайней мере, потенциально) также омоним с неисчисляемым значением (для которого наосно́вное ударение ед. числа совершенно нормально), например *лом* (собират.), *лом* «ломота», *жом* (собират.); ср. также потенциальное использование слов *струг, хват, мот* в значениях «строгание», «хватание», «мотание» (отмечено у В. Даля). Семантическая связь между тремя омонимами *лом*, между тремя омонимами *жом* и т. п. достаточно отчетлива; таким образом, рассматриваемое морфологическое правило поддержано в подобных случаях тенденцией к одинаковому ударению в совокупности омонимов, особенно семантически связанных (ср. § 27—28). Заметим, что тем самым бесспорных случаев самостоятельного действия данного морфологического правила почти не остается.

Возможно также, что данное морфологическое правило способствовало сохранению старого наосно́вного ударения в ед. числе и у ряда других слов, в частности *кус, дар, груз, воз, вал* «волна».

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 26. Независимо от семантического и морфологического факторов, у части односложных слов на выбор схемы ударения влияет также исход основы, а именно: исход на *щ* и на согласную (не взрывную) + *т* благоприятствует схеме ударения *b*. Характер этого влияния несколько различен при разных исходах основы.

1. Стремление односложных слов на согласную (не взрывную) + *т* к схеме ударения *b* представляет собой активную морфонологическую закономерность современного языка. В семантических группах, «склонных к *b*», эта закономерность просто усиливает эффект принципа III[б] (в частности, убыстряет переход к схеме *b* новых слов). В семантических группах, «склонных к *c*», она, напротив, вступает в конфликт с семантическими правилами. В литературном языке этот конфликт обычно разрешается в пользу семантических правил: ср., например, Р. ед. *спи́рта, ду́ста, гва́лта, фро́нта, бо́рта, по́рта* и т. д. Но в профессиональной речи и в просторечии данная морфонологическая закономерность действует значительно сильнее, а именно она довольно часто побеждает в конфликте с семантическими правилами (особенно если речь идет об исчисляемых словах): ср., например, просторечные Р. ед. *борта́, порта́, лифта́, финта́, твиста́*; см. также § 42, табл. 2.

2. Слова на *щ* (а также слово *дождь*, в основе которого представлен звонкий коррелят *щ*) относятся к схеме *b* все без исключения (притом у слов *борщ, плющ, хрящ* «крупный песок», *дождь* это прямо

[41] У слова *кол* (схема *b*) связь с глаголом *коло́ть*, по-видимому, уже утрачена (это тем более верно для пары *стол — стлать*).

противоречит семантическим правилам). Они образуют, однако, закрытый список (из 14 слов): новых слов на *щ* в языке не появляется. Поэтому данное правило, несмотря на отсутствие исключений, не относится к числу продуктивных; оно только поддерживает старое ударение данной группы слов.

Замечание. К схеме *b* относится также значительная часть односложных слов на *ш, ж, ч, ц* и на мягкую согласную: бессуффиксальных слов нетривиального склонения и неопределенных singularia tantum здесь в сумме около 80, из них около 50 относится к схеме *b* (и еще 4 к схеме *f*). Однако почти во всех этих случаях флексионное ударение в ед. числе ожидается также и по семантическим правилам или, по крайней мере, им не противоречит. У слов, «склонных к *с*», находим наоснóвное ударение, например: *плюша, хмéля, плáча, дýша, пляжа, плáца* (исключение составляют только старые слова *путь* и *кремль*; у слова *смерч* ударение колеблется). Таким образом, нет оснований говорить о самостоятельном морфонологическом правиле, предписывающем схему *b* односложным словам с таким исходом.

В целом морфонологический фактор, как и морфологический, играет подчиненную, второстепенную роль: он действует лишь у меньшинства односложных слов и обычно (по крайней мере в литературной речи) лишь в тех пределах, которые ему оставляет действие семантического фактора.

СЛУЧАИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УДАРЕНИЯ ПО ЗНАЧЕНИЯМ

§ 27. Имеется лишь очень немного случаев, когда в соответствии с принципом III наблюдается различное ударение при разных значениях слова или у двух омонимов, еще не утративших прямой семантической связи друг с другом. Понятно, однако, что эти случаи представляют большой интерес ввиду их наглядности.

Слово *лист* в основных, конкретных значениях имеет в современном русском языке устойчивое флексионное ударение (Р. ед. *листá*), но в собирательном значении (чаще всего в сочетании *лаврóвый лúст*) оно встречается в разговорной речи с двумя ударениями: *листá* и *лúста*. В украинском и белорусском это различие более последовательно и закреплено литературной нормой: ср. укр. *лист, листá* в конкретных значениях, но *лист, лúсту* в собирательном («листва»).

Слово *хлыст* «гибкий прут» относится к схеме *b*: *хлыстá, хлыстóм*. Между тем *хлыст* «хлестание» (то же, что *хлёст*, т. е. обычное корневое имя действия от *хлыстáть*=*хлестáть*) относится, как и другие подобные слова (например *хруст, чих, пляс, скóк*), к схеме *a*: *хлы́ста, хлы́стом*; ср. у В. Даля: *не всё хлы́стом, ино и свистом* (ударение отмечено В. Далем)[42], т. е. «не все действовать битьем, иной раз лучше и словами».

---

[42] В. Даль совершенно справедливо приводит эту поговорку не при *хлыст* «гибкий, хлесткий прут», а при *хлестáнье, хлёст, хлёстка* «действие по глаголу» (исходя из эквивалентности слов с *хлыст-* и с *хлёст-, хлест-*). К сожалению, ни Р. Нахтигаль, ни В. Кипарский (цитирующие из В. Даля эту поговорку и предлагающие различные объяснения якобы аномальному

Замечание. Этот случай, впрочем, сложнее, чем представляется на первый взгляд: помимо принципа III^б, требующего для слова *хлыст* «прут» схемы *b*, на акцентуацию этого слова влияют также морфологическое правило из § 25 (в пользу схемы *a* или *c*) и морфонологическое правило из § 26 (в пользу схемы *b*). Последние два влияния как бы уравновешивают друг друга (тогда как у морфонологически нейтральных слов *лом* «кирка», *щуп* и других акцентуация определяется правилом из § 25: Р. ед. *лóма, щýпа*)[43].

Для слова *плод* современные словари признают в качестве нормы только схему *b* (Р. ед. *плодá*), но в живой речи нередко встречается и *плóда* (Ушаков приводит это ударение с пометой «устар.»). Распределение этих двух акцентуаций лишь отчасти связано со значением (отчасти же мы имеем дело просто с колебаниями). Так, только ударение *плóда* (в точном соответствии с принципом III^а) возможно для просторечного и областного *плод* «пложение, размножение», также «приплод» (пример В. Даля: *Этот скот на мясо пойдет, а этот для плоду оставим*); ср. также *плод, плóду* «урожай, приплод» в Деулине[44], а также в белорусском и украинском. При более обычных значениях («часть растения; фрукт; эмбрион; результат») жесткой связи между ударением и значением нет, однако ударение *плóда* относительно чаще встречается при значениях «результат» и «эмбрион» (по Р. Нахтигалю, в последнем значении *плóда* является даже нормой[45]), а также в сочетании *запрéтный плóд*.

Слово *шар* обнаруживает отчетливую тенденцию к следующему акцентному разграничению: схема *c* в обычных (относительно более абстрактных) значениях, схема *b* в значении «круглый предмет (например для игры)». Так, например: *объём шáра, со всего земного шáра* (возможно только такое ударение), но в бильярде обычно *шарá, шарóм* и т. д. (причем не только в сочетаниях типа *загнать шарá, загнуть шарá, два шарá*, которые часто приводятся в этой связи, но и в других контекстах); ср. также выражение *хóть шарóм покатú*.

Д. Н. Ушаков дает для слова *дуб* Р. ед. *дýба* в значении «дерево», но *дубá* в значении «тупой человек» (там же приводится выражение *дýб-дубóм* «как круглый дурак»)[46]. Это распределение действительно соответствует фактам разговорной речи (с той поправкой, что в значении «тупой человек» может встретиться как *дубá*, так и *дýба*). Еще в нескольких случаях (например *бас, кряж*) аналогичная дифференциация как бы едва намечена.

ударению *хлы́стом* — Nachtigall R. Op. cit., S. 53; Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 76) не обратили внимания на это существенное обстоятельство.

[43] Вполне аналогично слову *хлыст* «прут» слово *хруст* в арготическом значении «купюра, денежный знак», а также в разговорном значении «печеное изделие типа хвороста». Правда, в обоих этих случаях употребляется почти исключительно мн. число — *хрусты́*; ед. число *хрустá, хрустý* и т. д. здесь как бы потенциально.

[44] Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969, с. 404.

[45] Nachtigall R. Op. cit., S. 191.

[46] Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, тт. I—IV. М., 1935—1940.

Приведем также некоторые наглядные примеры с привлечением материала из белорусского языка (такие сравнения лингвистически допустимы, поскольку, как уже отмечено в § 14, белорусский язык в целом сходен в рассматриваемом отношении с русским).

Интересный пример межъязыковой дифференциации одновременно по значению и по ударению представляет собой соответствие: русск. *боб, бобá* (слово исчисляемого класса) — белор. *боб, бóбу* (слово неисчисляемого класса), ср. *грaдá бóбу = грядка бобов* (см. § 10). Заметим, что и в русском языке слово *боб* раньше могло употребляться как неисчисляемое; так, в словаре Поликарпова (1704) находим *пирóгъ с бóбомъ*, что очень показательно, поскольку здесь, как и в белорусском, представлено одновременно неисчисляемое значение и наоснóвное ударение.

В русском языке *звон, звóна* имеет только неисчисляемое значение. В белорусском также находим *звон, звóну* «звон»; но наряду с этим существует белор. *звон, званá* «колокол» — с ударением, соответствующим исчисляемому характеру этого значения.

В литературном русском языке слово *суд* во всех значениях имеет Р. ед. *судá.* В белорусском находим *суд, судá* «орган власти», но *суд, сýду* «мнение, суждение и т. п.», например *на нямá і сýду нямá* «на нет и суда нет». Ударение *суд, сýда* (*сýду*) отмечено и в русских говорах[47]

Замечание. По-видимому, имеется некоторая синхроническая связь между принципом III и аномальным ударением существительных в сочетаниях *двá* (*трú, четы́ре*) *шагá, рядá, часá, следá, шарá* (чтó, впрочем, совсем не обязательно означает, что именно таково происхождение этого ударения). Очевидно, что в сочетании с числительными слова выступают в своих исчисляемых значениях. Например, из двух значений слова *шаг* («процесс ходьбы» и «единичное движение») с числительными в нормальном случае сочетается только второе; ср. *не замедляя шáга* и *двá шагá* или *для цéлого ря́да событий* и *двá рядá* и т. п. Разумеется, в этих случаях нет последовательного акцентного различения исчисляемого и неисчисляемого значений (например, ударение одинаково в *не замедляя шáга* и *пóсле пéрвого шáга*; с другой стороны, в принципе возможны, хотя и непривычны, сочетания типа *двá шáга, четы́ре ря́да* и т. п.). Верно, однако, то, что в позиции, максимально благоприятствующей использованию исчисляемого значения слова, в этих случаях выступает именно то ударение, которое свойственно словам исчисляемого класса. Показательно, что ни одного случая противоположного акцентного соотношения между Р. ед. и счетной формой нет; нет также ни одного случая подобного различия у неодносложных существительных (а это естественно сопоставить с тем фактом, что принцип III распространяется только на односложные существительные).

§ 28. Как уже указано, приведенные выше примеры представляют собой исключительные случаи; в нормальном случае при разных значениях одного слова или в паре омонимов, связанных прямой семантической связью, выступает одна и та же акцентуация. Нечто подобное, хотя и с гораздо меньшей последовательностью, наблюдается также в парах омонимов, семантически не связанных между со-

[47] Словарь современного русского народного говора, с. 547.

бой (или связанных очень слабо), а именно, даже такие омонимы часто получают одинаковую акцентуацию. Примерами могут служить четыре омонима *губа́*, три омонима *вал*, два омонима *пост* и многие другие.

Заметим, что в лингвистических работах мы нередко находим, напротив, утверждения об акцентуационном «отталкивании» в той или иной паре омонимов. Например, В. Кипарский полагает, что неподвижное ударение на основе у слова *туз* (шлюпка) «вызвано стремлением отличать это слово от карточного термина»[48]. Однако в «Орфографическом морском словаре» дано: *туз, туза́* (шлюпка)[49]. Если учесть, что другие семантически близкие слова (например *шлюп, скиф, ял*) показаны в этом словаре со схемой *а*, то в данном случае придется признать как раз «притяжение», а не «отталкивание» омонимов. По-видимому, практическая потребность в акцентуационном или ином дифференцировании омонимов обычно очень невелика; например *туз* (карта) и *туз* (шлюпка) не могут реально конкурировать ни в каком естественном контексте. В подобных случаях попытки дифференциации характерны скорее для подчеркнуто литературного языка (нередко это сознательные попытки сторонников языкового пуризма). Между тем в просторечии, напротив, внешнее сходство слов, даже неполное, часто приводит к их вторичному семантическому сближению (хотя бы совершенно произвольному; ср. такое хорошо известное проявление этой особенности просторечия, как народные этимологии), т. е. здесь происходит сближение, а не дифференциация омонимов.

В связи с этим следует оценивать как показательные те сравнительно немногочисленные пары омонимов, где различие в акцентуации явно обусловлено действием принципа III: *шпик, шпика́* «сыщик», но *шпик, шпи́ка* «сало»; *бунт, бунта́* «связка, кипа», но *бунт, бу́нта* «мятеж»; *винт, винта́* «металлическая деталь», но *винт, винта́* или *ви́нта* «игра».

РАЗБОР ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ НЕТРИВИАЛЬНОГО СКЛОНЕНИЯ ПО СЕМАНТИЧЕСКИМ ГРУППАМ

§ 29. Приводимые ниже списки охватывают все односложные слова нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18); учтены также случаи, когда нетривиальное склонение проявляется за рамками литературной нормы[50]. Из неопределенных singularia

---

[48] Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 21. При этом в другом месте (там же, с. 72) он же говорит об акцентуационном уподоблении слова *пост* «стража, должность» его омониму *пост* «воздержание».

[49] См.: Порецкая Р. Э. Орфографический морской словарь. Опыт словаря-справочника. М., 1974.

[50] Практически мы принимаем за литературную норму указания словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959) и толковых словарей (прежде всего С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова), причем в случаях расхождений пред-

tantum приведены только характерные примеры. В списках слов пояснения в скобках относятся (если специально не оговорено обратное) только к непосредственно предшествующему слову.

Семантические группы с господствующим наосно́вным ударением в ед. числе

Продуктивным типом нетривиального склонения здесь является схема *c*. В тех случаях, когда значение слова этому способствует, в качестве сопутствующего явления обычно выступает $П_2$ на *-у́*, *-ю́* (это обстоятельство специально не отмечается, кроме случаев, когда оно оказывается единственным проявлением нетривиальности склонения). Все слова, приводимые ниже без специального указания об обратном, имеют наосно́вное ударение в ед. числе. Слова с И. мн. на *-а́*, *-я́* специально отмечаются (кроме случаев, когда такое окончание выступает лишь как просторечный вариант к литературному *-ы́*, *-и́*).

Названия нерасчлененных однородных масс

§ **30.** 1. Названия веществ, материалов, кушаний, запахов и т. п., неисчисляемые названия растений (не деревьев). Схема *c*: *дым, жир, квас, мёд, мозг, пар, пот, спирт, суп, сыр, харч, чай*, то же с мн. на *-а́* — *корм, мех, снег, хлеб*[51], *шёлк*; в профессиональной речи также *гипс* (мн. *-а́*), *грунт, клей, мел, сок* (мн. *-а́*), *торф* (мн. *-а́*), *флюс* «добавка к руде», *яд*; в просторечии также *кекс, крем, торт* (все с мн. на *-а́*, см. работы А. С. Фидровской, Т. А. Ивановой; у *торт* мн. *торта́* и *торты́*)[52]. Мн. число на *-ья*: *луб*. Singularia tantum с $П_2$ на *-у́*: *газ* (горящий, ср. *на газу́*), *гной, пух, чад*.

Примеры неопределенных singularia tantum: *вар, ворс, воск, дёрн, дуст, жом, ил, кал, кокс, лес* (материал), *лом* (собират.), *лук* (растение), *мак* (растение, пищевой продукт), *мох* (вариант с Р. ед. *мо́ха*), *наст, прах, плюш, рис, скарб, смрад, сор, тальк, тёрн, тёс, тмин, толь, тюль, хлам, хмель* (растение), *хрен, шпик* (сало).

почтение отдается книге «Русское литературное произношение и ударение». Источниками сведений о ненормативном ударении служили предупредительные пометы в этой книге и аналогичные указания толковых словарей, данные «Орфографического морского словаря», работы А. С. Фидровской и Т. А. Ивановой по мн. числу на *-а́* и непосредственные наблюдения над разговорной речью, а также опросы специалистов относительно профессионального ударения. Неоценимую услугу в исследовании ненормативного ударения нам оказала Н. А. Еськова, щедро предоставившая для настоящей работы собранный ею за долгое время материал по ударению в поэзии XX (а также XIX) века и в устной речи. Автор приносит ей глубокую благодарность.

[51] Мн. *хлеба́* по литературной норме только в значении «злаки», но в разговорной речи также и в прочих значениях.

[52] О словах *харч, грунт, торт* см. также ниже.

Исключения: *холст, борщ, плющ*[53], *хрящ* «крупный песок» относятся к схеме *b*. Все эти слова — старые, и во всех случаях схема *b* поддержана морфонологическим фактором, см. § 26 (редкое слово *хрящ* «крупный песок», кроме того, находится под влиянием своего исчисляемого омонима *хрящ* «элемент скелета», ср. § 28).

В просторечии и профессиональной речи под влиянием исхода на согласную+*т* могут получать схему *b грунт* и *торт* (для слова *торт*, возможно, играет определенную роль также то, что оно часто употребляется в исчисляемом значении). Для слова *харч*, ныне в ед. числе почти не употребляющегося, современные словари дают только ударение *ха́рча*; но иногда может встретиться и более старое ударение *харча́* (которое в работах XIX и начала XX века еще считается нормой[54]).

Интересный случай составляет слово *жмых*, Р. ед. *жмыха́* и *жмы́ха*. Оно содержит суффикс *-их*, *-ых*, требующий схемы *b* (§ 17, ср. *жени́х, жениха́*); отсюда ударение *жмыха́*. Поскольку, однако, данный суффикс представлен только в этих двух словах, он выделяется недостаточно отчетливо, т. е. слово *жмых* может восприниматься и как непроизводное. В последнем случае автоматически вступает в действие принцип III^a, который и порождает параллельное ударение *жмыха*.

Не совсем ясно ударение *шлих, шлиха́*, засвидетельствованное в профессиональной речи геологов (*шлих* — тяжелая фракция, остающаяся после последовательных промывок породы; по данным словарей — только *шлих, шли́ха*). Возможно, акцентуация по модели исчисляемых слов возникает в данном случае лишь в той среде, где этот термин практически всегда означает отдельную пробу (для микроскопического исследования), ср. регулярное словоупотребление типа *де́сять* (*со́рок* и т. п.) *шлихо́в*.

2. Названия деревьев. Схема *c* представлена в литературном языке только у слова *дуб*, но само правило о том, что такие слова ведут себя как неисчисляемые (§ 24), т. е. имеют в ед. числе наосно́вное ударение, соблюдается без исключений, ср., например, *вяз, клён, кедр, бук*.

3. Собирательные обозначения живых существ. Сюда относятся лишь неопределенные singularia tantum, например: *люд, гнус, клир*. Исключение: слово *скот* (старое) относится к схеме *b*[55].

§ 31. Особую маленькую группу, отличную от собирательных (и не являющуюся частным случаем названий нерасчлененных однородных масс), образуют названия коллективов и объединений. В отличие от собирательных, они являются исчисляемыми (и поэтому легко образу-

---

[53] Сло́во *плющ* — неисчисляемое: *мно́го плюща́, уви́тый плющо́м*. Заметим, что в таком же качестве может выступать и слово *хвощ* (*мно́го хвоща́*), но преобладает все же употребление его как исчисляемого: *мно́го хвоще́й*.

[54] Nachtigall R. Op. cit., S. 199.

[55] В выражении *на́шего полку́ при́было* собирательное значение выступает также у слова схемы *b полк* (относящегося к § 31).

ют мн. число), однако из-за тесной семантической связи с собирательными они все же тяготеют к классу слов с наосно́вным ударением в ед. числе. Сюда относятся: *род* «клан» (схема *c*), *рой* (*c*), *хор* (*a* // *c*), *флот* (*a* // *e* // *c*).

Однако *полк* (старое слово) и *гурт* (позднее слово, оканчивающееся на согласную+*т*) относятся к схеме *b*.

Названия абстрактных понятий

§ 32. 1. Названия действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации. Почти все они имеют неисчисляемое значение (в качестве единственного или наряду с исчисляемым); лишь очень немногие слова (преимущественно поздние), имеют только исчисляемое значение. Схема *c* (случаи, где возможны и другие схемы, отмечены): *бал, бас* (голос), *бой, бунт* «мятеж», *вес* (мн. -*а́*), *гол, гром* (*e* // *c*, мн. *гро́мы* и *грома́*), *долг, жар, лад, пал* «пожар», *пир, пол* (биологический; обычно *e*, но в разговорной речи также *c*), *род* (*e* // *c*, мн. *ро́ды* и *рода́*), *сорт* (мн. -*а́*), *тон* (*a* // *e* // *c*, мн. *то́ны* и *тона́*), *ход* (*c* // *e*), *цвет* «окраска» (мн. -*а́*), *чин, шаг, шрифт* (*a* // *c*); в профессиональной речи также *бис, вист, грипп, люфт, пас, рост* «размер» (мн. -*а́*), *сбой, смотр, строй, тиф, шторм* (мн. -*а́*), *шум*; в разговорной речи и просторечии *блиц* (в шахматах), *вид, плюс* «преимущество», *твист, тост, трюк, финт, штраф*[56]. Singularia tantum с $П_2$ на -*у́*, -*ю́*: *бег, бред, быт, лёт, плав, плен, пыл, свет* «освещенность», *скак, торг* «торговля», *хмель* «опьянение», *цвет* «цветение»; сюда же *вольт* «поворот» (схема *a* с $П_2$ на -*у́*).

К этой же группе примыкают слова схемы *c* со значением результата действия (в том числе материального); *счёт* (в спорте, документ), *дар, приз*, возможно, также *кус*; сюда же *груз* (мн. *гру́зы*, но в профессиональной речи *груза́*). У всех этих слов, кроме *приз*, наосно́вное ударение в ед. числе поддерживается также их отглагольностью (см. § 25).

Примеры неопределенных singularia tantum: *блеск, блуд, бокс, визг, вой, гвалт, гнев, гнёт, звон, зуд, крен, лай, лов, лоск, мир* «спокойствие», *мор, мрак, нюх, плач, пляс, прок, пуск, раж, рёв, риск, рок, рост* (процесс), *рыск, свист, сев, смак, смех, спорт, срам, флирт, фрахт, шик*.

Исключения: слова *вред, грех, дождь, пост* (религиозный), *пост* (военный, общественный), *стыд, суд, труд, ум* относятся к схеме *b*[57]. Кроме того, слово *винт* (игра) колеблется между схемами *a* и *b*. Все эти слова — старые, за исключением *пост* (военный и т. п.) и *винт*. На ударение этих двух поздних слов повлияли, во-первых,

---

[56] Относительно слов на согласную+*т* и слов *гол, трюк* см. также ниже.

[57] У слова *вред* в разговорной речи иногда встречается и наосно́вное ударение; кн. «Русское литературное произношение и ударение» дает предупредительную помету против ударения *о вре́де'* (которое встретилось даже у некоторых современных поэтов).

ударение соответствующих омонимов (ср. § 28), во-вторых, исход на согласную + *т*.

Замечание. К данной семантической группе приближается также слово *смерч* (обычно схема *a*, но изредка также *b*), но оно все же заметно отличается от названий событий (типа *дождь, шторм*): это слово безусловно исчисляемое, и его основным значением, по-видимому, следует считать не «определенный вид движения воздуха», а конкретный зримый объект — «движущийся столб (вращающейся пыли, брызг)»; ср. такие слова, как *óблако, тýча, волнá* и т. п. Соответственно мы рассматриваем слово *смерч* не здесь, а в числе слов, плохо поддающихся семантической классификации (см. § 41). Туда же отнесено отдаленно сходное с разбираемой здесь семантической группой исчисляемое слово *стих* (схема *b*).

В просторечии схему *b* иногда получают также некоторые другие слова данной семантической группы. Во-первых, это слова с исходом на согласную + *т*: *финт, твист, шрифт*, реже *вист, тост, бунт* «мятеж», *люфт*. Во-вторых, это поздние слова с ярко выраженным исчисляемым значением «единичного мгновенного события (или действия)»: *гол, трюк* (таким образом, здесь противоречие между правилом об абстрактных понятиях и общим принципом III⁶ разрешается в пользу последнего; возможно, определенную роль играет также экспрессивный характер этих слов). Заметим, что слово *финт*, в котором оба фактора действуют одновременно, выступает с флексионным ударением чаще всех прочих.

2. Названия единиц измерения (но не денежных) и частей целого. Все они исчисляемые. Схема *c* или *e* (последнее отмечено): *час, год* (*e* // *c*, мн. *гóды* и *годá*), *век* (мн. *-á*), *фунт* (обычно *a*, но в разговорной речи также *c*), *пуд*; *раз, кон* «этап игры», *пай, слог* (*e*), *склад* «слог»; возможно, сюда же *кус* (ср. § 25 и 37). В просторечии также *срок* (мн. *-á*), *куш*. По-видимому, к этой же группе примыкает *том* (мн. *-á*) — в соответствии со своим основным (непредметным) значением «часть печатного издания».

О слове *нуль* (схема *b*) см. § 40. Об абстрактных понятиях, связанных с пространством (*верх, низ, зад*), см. § 33, п. 2.

Названия пространств, поверхностей, направлений

§ 33. Почти для всех объектов, обозначаемых словами данной группы, характерна неполная определенность границ. Слова данной группы обычно совмещают исчисляемое и неисчисляемое значения. однако у значительной их части (например *верх, тыл, край, лес, рай*) первичное значение — неисчисляемое.

1. Названия сторон, направлений, элементов пространственной организации, а также названия поверхностей, ограничивающих определенные предметы. Схема *c*: *верх* (мн. *-ú* и *á*), *низ, зад, тыл, фронт* (*a* // *e* //*c*), *бок* (мн. *-á*), *край* (мн. *краé*); *ряд, слой*; *борт* (мн. *-á*), *пол* «настил», *под* (печи).

Неопределенные singularia tantum: *юг, норд, зюйд, ост, вест*.

Исключение: *пласт* (схема *b*).

В просторечии слово *борт* под влиянием исхода на согласную+*т* (§ 26) допускает схему *b*. Сочетание *за бортóм* стало даже практически узаконенным (наряду с *за бóртом*).

2. Названия пространств и участков земной поверхности, границы которых не вполне определенны. Схема *c*: *мир* «вселенная», *лес* (мн. *-á*), *бор, гай, сад, луг* (мн. *-á*), *лан* (поле), *плёс* (*a* // *c*, мн. *плёсы* и *плеса́*), *дол* (*e* // *c* // *a*), *лог* (мн. *-á*), *юр, яр, кон* «особое место при игре»; по-видимому, сюда же *мыс* (*a* // *c*). Singularia tantum с $П_2$ на *-ý*, *-ю́*: *ад*, *рай*. Схема *a* (в просторечии также *c*) с $П_2$ на *-ý*: *плац*. В просторечии схему *c* с $П_2$ на *-ý* могут получать также *пляж*, *сквер*[58].

Неопределенное singularia tantum: *свет* «мир, земной шар».

Замечание. К этой же семантической группе по существу относятся и имена собственные — названия стран, городов, рек и т. п., например *Крым* (ср. *в Крымý*), *Клин* (ср. *в Клинý*), *Дон* (ср. *на Донý*), *Буг, Прут, Рим*,— все с наоснóвным ударением (исключения: *Днепр, Днестр* — схема *b*). Впрочем, общее количество бессуффиксальных односложных географических названий мужского рода (из числа достаточно известных русскому населению) довольно невелико.

3. К указанным здесь группам примыкают также слова, обозначающие пути: *шлях, брод, лаз* (у всех обычно схема *a*, но возможна также схема *c*).

Исключение: *путь* (схема *b*).

Названия оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ

§ 34. Эта небольшая группа слов явно присоединилась к названиям пространств. Несмотря на исчисляемость, эти слова обнаруживают тенденцию к наоснóвному ударению в ед. числе (хотя и не столь резко выраженную, как в предшествующих группах). Схема *c*: *тын, вал* «насыпь»; *баз, ток* «гумно» (*c* // *e*, мн. *тока́* и *тóки*), *форт, порт* (*e* // *c*); *дом* (мн. *-á*), *хлев* (мн. *-á*), *цех* (*c* // *a*, мн. *цеха́* и *цéхи*), *штаб* (*c* // *a*); *гроб, шкаф, куб* «сосуд», *чан, таз*; в профессиональной речи и просторечии также *клуб* «учреждение», *тир, лифт, жбан, трюм* (мн. *-á*), *шлюз* (мн. *-á*).

По-видимому, к этой же семантической группе примкнули слова *воз* (схема *c*; см. также § 25), *стог* (схема *c*, мн. *-á*)[59], *пресс* (схема *a*, но в профессиональной речи схема *c* с мн. *-á*)[60]. В их значении мо-

[58] Значения этого же типа имеются также у слов *тыл, фронт, край* (см. пункт 1) и *круг* (см. § 40). Семантически близки также некоторые слова из § 34 (*ток* «гумно», *порт*).

[59] Ср. также $П_2$ *в стогý*, сближающее это слово с названиями вместилищ. Интересно, что слово *скирд*, близкое по значению, относится к схеме *b* и не имеет $П_2$ на *-ý*. Возможно, что здесь было существенно различие внешнего вида (см. у В. Даля): стог «домообразен», а скирд растянут в длину, «простерт» (ср. вероятную этимологию лит. stirta, являющегося первоисточником славянского слова, от *ster «простирать»).

[60] Ср. также профессиональное $П_2$ *на прессý*.

жет быть усмотрен семантический элемент «вместилище» (правда, слабо выраженный).

Исключения: *двор* (схема *b*), *кремль* (*b*), *скит* (*b*, но изредка также *c*), *пруд* (колебание *b* // *c*).

В разговорной речи флексионное ударение в ед. числе иногда встречается у слова *таз*; в просторечии оно засвидетельствовано также для слов *порт, форт, лифт, шлюз*. У областных слов *саж* «загон для откорма свиней» и *кош* «корзина, рыболовная снасть» ударение, по-видимому, колеблется (данные словарей противоречивы). Слово *горн* «печь», относящееся по литературной норме к схеме *a*, допускает в профессиональной речи схему *b* (по-видимому, наряду с *c*).

Не входят в рассматриваемую группу названия мелких вместилищ, например *ковш, ларь* (оба схемы *b*); они относятся просто к § 37.

Таким образом, в целом слова данной группы можно охарактеризовать как «умеренно склонные к *c*».

Термины родства

§ 35. Эта маленькая замкнутая группа слов имеет наосно́вное ударение в ед. числе без связи с принципом III. В сущности это результат прямого наследования древнего ударения, однако в современном языке здесь явно установилась синхроническая связь между значением и акцентуацией (а именно схемой *c*, получающейся из наосно́вного ударения в ед. числе и естественного для таких употребительных слов нетривиального ударения во мн. числе). Эта связь выражается, с одной стороны, в тенденции к переходу в схему *c* нескольких терминов родства с иной первоначальной акцентуацией (*брат, дед, сват*, также *шу́рин, дя́дя*), с другой стороны, в устранении схемы *c* у одушевленных слов других семантических групп (ср. § 38, 39).

Схема *c*: *муж, сын, зять, кум* (мн. число, по крайней мере в прямом значении, у всех этих слов на *-ья́*); ср. также нелитературное мн. число у слов *брат, дед, сват — браты́* (и *братья́*), *деды́, сваты́*. Сюда же примыкают *шу́рин — шурья́, дя́дя — дядья́*.

Устойчивое тривиальное склонение имеет по существу только одно слово — *внук*; у слова *тесть* (Р. ед. *те́стя*) мн. число встречается слишком редко, чтобы можно было определенно судить о его ударении.

О словах *друг* и *князь*, примкнувших к данной группе, см. § 41.

Семантические группы с господствующим флексионным ударением в ед. числе

§ 36. Продуктивным типом нетривиального склонения здесь является схема *b*. Все слова, приводимые ниже без специального указания об обратном, имеют флексионное ударение в ед. числе. Напомним, что разбираются только слова нетривиального склонения; соот-

ветственно под исключениями ниже понимаются только те слова с наоснóвным ударением в ед. числе, которые относятся к нетривиальному склонению.

Небольшое число слов (главным образом старых, например *мост*, *пруд*) колеблется между схемами *b* и *c*: в ед. числе *моста́, пруда́* и *мóста, прýда*, но во мн. числе только *мосты́, пруды́* (**мóсты, *прýды* решительно невозможно). С этими случаями не следует смешивать ситуацию другого рода (довольно распространенную): у некоторого слова (чаще всего позднего, например *альт, пим*) ударение в ед. числе неустойчиво, тогда как во мн. числе явно преобладает флексионное ударение (хотя изредка может встретиться и наоснóвное). Такая ситуация, как правило, означает, что перед нами слово, «склонное к *b*», находящееся в процессе перехода от тривиального склонения (т. е. схемы *a*) к нетривиальному (а именно к схеме *b*). Дело в том, что, как показывает наблюдение, флексионное ударение появляется во множественном числе некоторого слова легче и быстрее, чем в единственном[61] (по всей вероятности, потому, что в словоформах мн. числа оно вообще встречается вдвое чаще, будучи общей приметой слов нетривиального склонения, тогда как флексионное ударение в ед. числе есть примета только половины таких слов). Так, ударение *шарфы́, банты́, шприцы́* и т. п. появляется раньше, распространяется быстрее и воспринимается как менее одиозное с точки зрения литературной нормы, чем *шарфа́, банта́, шприца́* и т. п. в ед. числе.

Учитывая это обстоятельство, мы помещаем ниже слова, колеблющиеся между тривиальным ударением и схемой *b*, в общие списки (с соответствующей пометой). Описанная выше переходная ситуация с «асимметричностью» двух чисел условно отмечается «*b // c // a*».

Названия материальных предметов (кроме входящих в § 34)

§ 37. Более точно, в эту группу входят названия исчисляемых неодушевленных материальных предметов, обладающих отдельностью и ясными пространственными границами. Перечислим эти слова, подразделив их для большей наглядности по морфонологическому признаку (слова, при которых нет особых указаний, относятся к схеме *b*). Слова на согласную+*т*: *альт* («инструмент», но также и в других значениях; *b // c // a*), *бинт*[62], *болт, бунт* «связка, кипа», *винт, зонт, куст, лист* (мн. *листы́* и *ли́стья*[63]), *пест, унт* (*b // a*), *хлыст, шест, шплинт, шпунт, штифт*. Слова на *щ*: *плащ, пращ, хвощ* (ср. сноску

[61] Ср. в этом отношении также цитату из Н. С. Трубецкого, приведенную в § 21.

[62] Основное значение — исчисляемое: «кусок марли», «лента» (именно так начинаются толкования этого слова в словарях).

[63] Здесь и далее различие значений у подобных вариантов мн. числа не отмечается.

53). Слова на шипящую (кроме *щ*) и на мягкую согласную: *бич, буж, гвоздь* (*f*), *груздь* (*f*), *гуж, ключ, ковш, корж, кряж* «бревно» (*b* // *a*), *куль, ларь, линь* «веревка», *меч, мяч, нож, пыж, руль, сныч, тяж, шпень* (*шпинь*), *штырь*. Прочие слова: *блин, боб, буй* (по данным словарей *c*, но в разговорной речи чаще *b*), *вьюк* (*b* // *c* // *a*), *гриб, жгут, жезл* (обычно *b*, но иногда *a*), *кий* (*b* // *c* // *a*), *клок* (мн. *клоки́* и *кло́чья*), *кнут, кол* (мн. *ко́лья*), *крюк* (мн. *крюки́* и *крю́чья*), *одр, пим* (*b* // *c* // *a*), *плод* (см. также § 27), *плот, прут* (мн. *пруты́* и *пру́тья*), *пук* (по данным словарей *c*, но в разговорной речи часто *b*), *серп, сноп, ствол, стол, столб, столп, сук* (мн. *суки́* и *су́чья*), *тюк, цеп, чёлн* (*b* // *a*), *шип* «колючка», *шкив* (по данным словарей *c*, но в профессиональной речи также *b*), *шлык, шнур, штык, щит*.

В просторечии и профессиональной речи в схему *b* перешли или стремятся перейти также многие другие слова данной семантической группы. Перечислим известные нам случаи (бесспорно, этот список неполон): *бант* (в разговорной речи часто схема *b*; отмечено у А. А. Шахматова[64]), *барс* «тип подводной лодки» (*b* // *c*, «Орфографический морской словарь»), *брус* (в разговорной речи встретилось Р. ед. *бруса́*), *буль* «специальный выступ на борту корабля» (*b* по «Орфографическому морскому словарю»), *диск* (при жаргонном употреблении в значении «пластинка» встречается схема *b*), *зонд* (в профессиональной речи *b*[65]), *киль* (по «Орфографическому морскому словарю» морское разговорное — *b*; схема *b* неоднократно встречается также в поэзии), *клин* (в разговорной речи встречается Р. ед. *клина́* и т. д., ср. предупредительную помету против такого ударения в кн. «Русское литературное произношение и ударение»), *ком* (в разговорной речи изредка встречается *кома́, комо́м*[66]), *пульт* (в профессиональном жаргоне встретилось *с пульта́, на пульте́*), *рант* «полоска кожи по краю обуви» (в профессиональной речи *b*, реже *c*), *руст* «необтесанный камень для облицовки» (исчисляемое слово; в профессиональной речи *b*), *стан* (ткацкий, прокатный и т. п.; в профессиональной речи явно возможна схема *c*, но, по-видимому, также и *b*; ср. данные Р. Нахтигалю информантом словоформы *станы́, стано́в* [в этом значении], *на ткацком стану́* и в особенности *за стано́м сидела*[67]), *трут* (редкое слово; в разговорной речи возможно колебание *a* // *b*[68]), *туз* (шлюпка; *b* по «Орфографическому морскому словарю», см. также § 28, замечание), *шарф*, (в разговорной речи очень часто *b*, ср. помету «не *шарфа́, шарфы́, шарфо́в*» в кн. «Рус-

[64] См.: Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, с. 135.

[65] Флексионное ударение в этом слове (правда, в форме мн. числа) встретилось также у С. Михалкова: *Ей-ей, такие есть, что завистью исходят, Когда при них другим зонды́ и шприцы вводят* («Завистливый больной»).

[66] Ср. *два кома́*, встреченное в стихотворном тексте (Тряпкин Н. журн. «Москва», 1964, № 8, с. 133).

[67] Nachtigall R. Op. cit., S. 265.

[68] Ср. *на труте́* (рифма: *в темноте*), встреченное в стихотворном тексте (Дмитриев О. журн. «Юность», 1964, № 9, с. 57).

ское литературное произношение и ударение»), *шлиф* «тонкая пластинка горной породы, подготовленная для микроскопического исследования» (у геологов схема *b*), *шлиц* «выступ на валу» (в профессиональной речи *b*), *шпиль* (в разговорной речи возможна схема *b*; она неоднократно встречается также в поэзии), *шприц* (в профессиональной и разговорной речи очень часто *b*, ср. помету «не *шприцá, шприцы́, шприцóв*» в кн. «Русское литературное произношение и ударение»). О слове *шар* в бильярдном значении см. § 27.

Для слова *лук* (оружие), у которого в XIX веке неоднократно встречается схема *b*, Р. Нахтигалем засвидетельствовано Р. ед. *лукá* (в устной речи [69]); не вполне ясно, однако, идет ли здесь речь о живом (например профессиональном) ударении или только о реликте ударения прошлого века.

Исключения. Безусловными исключениями можно считать только два старых слова: *плуг* (схема *c*) [70] и *стул* (схема *a*, мн. *сту́лья*) [71].

Еще несколько слов являются исключениями при их нормативном ударении, но фактически колеблются: *брус, клин, ком*, также *пук, буй, шкив* (см. о них выше в общем списке).

Названия инструментов *лом* (*c* // *e*, мн. *лóмы* и *ломá*), *струг* (*c* // *a*, мн. *стру́ги* и *стругá*), *щуп* (*a*, в профессиональной речи *c*) имеют наоснóвное ударение в ед. числе в силу морфологического фактора (отглагольности), см. § 25 [72].

У нескольких слов (названий материальных предметов) в просторечии или в профессиональной речи флексионное ударение засвидетельствовано только во множественном числе, но не в единственном; таковы, в частности, *бур, кран* (в разных значениях), *флаг*. Если учесть, однако, что и у многих названных выше слов (например *буй, вьюк, кий, пим, пук, шкив, бант, брус, зонд, клин, шарф, шпиль*) флексионное ударение во мн. числе встречается чаще, чем в единственном (см. § 36), то понятно, что нет достаточных оснований считать слова *бур, кран, флаг* нарушениями принципа IIIб. Тенденцию к такому нарушению, по-видимому, можно признать только у двух

[69] Nachtigall R. Op. cit., S. 189.

[70] Ожидаемое флексионное ударение в ед. числе представлено в белорусском (Синяков И. Ударение в русском языке. Вильна, 1908, с. 120 — Р. ед. *плугá*; Лобан Н. П. Указ. соч., с. 207 — *плу́га* или *плугá*).

[71] В случае со словом *стул* определенную роль, по-видимому, сыграло противопоставление в рамках тесно связанной ассоциативной пары *стол* — *стул* (в этой паре *стол* — исконное слово с древней схемой *b*, *стул* — старое заимствование). Так, во мн. числе вместо неизбежного для употребительного слова нетривиального ударения (**стулы́* [или **стулá*], **стулóв*) находим *сту́лья, сту́льев* (словоформы, резко отличные от *столы́, столóв*); в ед. числе, вопреки принципу IIIб, находим *сту́ла* (ср. *столá*). Существенно также, что в старом языке и в говорах у слова *стул* есть варианты среднего (ср. *сту́ло* у В. Даля) и женского (ср. *сту́ла* — «Словарь современного русского народного говора», с. 546) родов, в обоих случаях с наоснóвным ударением.

[72] См., кроме того, § 32 о слове *том*, § 25 и 32 о слове *кус*. Слово *зуб* (§ 41) имеет в ед. числе единое ударение во всех значениях, в том числе и «зубец» (мн. *зу́бья*).

слов этого типа: *трос* и *бот*; в профессиональной речи у них представлено мн. *тросá, ботá* (см., в частности, «Орфографический морской словарь»), притом что в ед. числе, насколько можно судить, сохраняется наоснóвное ударение.

Названия животных

§ 38. Следующие из них относятся к схемам *b* и *f* (последнее отмечено). Слова на *ст* и на *щ*: *глист, клёст; клещ, лещ, хрущ*. Слова на шипящую (кроме *щ*) и на мягкую согласную: *грач, ёж, ёрш, конь* (*f*), *линь* (рыба), *лунь, морж, стриж, сыч, уж, хорь, червь* (*f*), *чиж, шмель, язь*. Прочие: *бобр, бык, вол, дрозд, жук, кит, клоп, кнур* (*кныр*), *кот, крот, сиг, слон, сом, хряк, шип* (рыба), *щур* (птица).

В разговорной речи к этому списку присоединяется ряд других слов. Во-первых, слова схемы *e волк, гусь, лось* обнаруживают сильную тенденцию к переходу в схему *f*: вместо нормативных *вóлка, гýся, лóся* часто выступают *волкá, гусЯ́, лосЯ́*; такое ударение неоднократно встречается и в стихах. Во-вторых, вместо нормативной схемы *a* у слов *мул, спрут, шприц* иногда выступает схема *b*. Такое ударение может проникать и в стихи; так, *на мулé, худого мулá, мулы́, мулóв* неоднократно встречается в стихах XIX и XX веков; пример со словом *спрут*: *Он привез мне глаз кита / Зуб акулы / И спрутá*[73].

Исключения. Единственным относительно устойчивым исключением является *зверь* (схема *e*)[74]. Слова *волк, гусь, лось*, относящиеся по литературной норме к схеме *e*, фактически колеблются (см. выше).

Отметим, что среди названий животных полностью отсутствует схема *c* (ср. § 35)[75].

Названия лиц по заня́тию и оценочные

§ 39. Это единственная группа среди названий лиц, в которой осуществляется принцип III^б (и то не вполне последовательно); о прочих группах названий лиц см. § 35 и 41.

К схеме *b* относятся: *вождь, волхв, дьяк* (*b* // *a*), *ксёндз* (*b*, изредка *a*), *паж* (*b*, изредка *a*), *плут* (*b* // *a*), *поп, раб, хлыст* «хлыстовец;

---

[73] Волгина Т. По тропинкам бродит лето. Киев, 1968, с. 47. В псковских, пинежских (а также некоторых белорусских) говорах схему *b* получило слово *рак* (см.: Колесов В. В. История русского ударения, с. 109). Ударение *ракú, ракóв* засвидетельствовано нами, кроме того, в Кирилловском районе Вологодской области.

[74] Даже и у этого слова в говорах и в просторечии встречается ударение *зверЯ́, зверЮ́* и т. д. (см.: Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке, вып. I, с. 246), однако в обычную разговорную речь оно все же почти не проникает.

[75] В связи с этим нельзя считать надежной схему *c*, которую дает Д. Н. Ушаков для областного (очень редкого) слова *зуй* (обычное название — *зуёк*).

фат», *хлыщ, хлюст* «нахал, проныра», *хрыч, шиш* «бродяга, разбойник», *шпик* «сыщик», *шпынь* «насмешник», *шут*; в просторечии *жлоб, хмырь*. Сюда же слова с неполной выделимостью суффикса *врач* и *спец* (*b* // *a*), ср. § 19. О слове *дуб* «тупой человек» см. § 27. В эту же группу попадают жаргонные новообразования, например *хип* (схема *b*), *битл* (*b* // *a*) и т. п.

К этой группе примыкают также названия карт и фигур (в играх): *туз, ферзь* (оба схемы *b*); просторечные и арготические *пант* «валет» (*b*), *кинг* «король» (*b* // *a*).

Сильную тенденцию к переходу в схему *f* и далее в схему *b* обнаруживает слово *вор* (по литературной норме схема *e*); ср. также выше, § 18.

Замечание. К этой же семантической группе относятся почти все односложные слова с суффиксами, например *ткач, льстец, лгун, враль, псарь* (схема *b*, см. § 19). Возможно, что они оказали определенное влияние на то, что именно эта семантическая группа бессуффиксальных односложных слов обнаруживает (в отличие, например, от терминов родства, титулов, названий национальностей и др.) тенденцию к схеме *b*.

Прямых исключений в данной группе практически нет: единственное слово нетривиального склонения с нормативным наоснóвным ударением ед. числа — *вор* — фактически колеблется (см. выше).

Трудность состоит здесь в другом: несколько вполне употребительных слов данной семантической группы (иногда даже близких к просторечным), вопреки принципу II[б], относятся к тривиальному склонению. Таковы *мот, хват, трус, глот, жом, жмот, жох, хам, гад, кат, шкет*. Наиболее объяснимо ударение отглагольных слов *мот, хват, глот, жом*: под действием морфологического фактора (§ 25) они сохраняют свое прежнее наоснóвное ударение ед. числа. Но нетривиальное ударение во мн. числе в этом случае означало бы схему *c*, которая, как отмечено в § 35, стала теперь признаком терминов родства. Поскольку *мот, хват, глот, жом* к терминам родства не относятся, они получают иное ударение — тривиальное.

Сравнительно близко (в морфологическом отношении) к этим словам стоят *трус* и *жмот*. Что касается прочих слов, то у них тривиальное ударение остается неясным. Возможно, что наличие слов *мот, хват, глот, жом* (также *трус, жмот*) создает допустимый для данной семантической группы второстепенный акцентуационный образец (схему *a*), которому и следуют слова *хам, жох* и т. д.[76] (притом что главный акцентуационный образец здесь все же схема *b*, см. выше). Так или иначе, ситуация с ударением в данной семантической группе не такая определенная, как, например, у названий животных.

---

[76] С наличием этого образца, быть может, связано и колебание слова *плут* между схемами *b* и *a*, а также изредка встречающееся ударение по схеме *a* у слова *враль* (с морфологической точки зрения необъяснимое).

Различные мелкие группы исчисляемых

§ **40.** 1. Названия гор, груд, сооружений (не полых). Схема *b*: *холм, кряж* «хребет» (*b* // *a*), *скирд, бурт, ряж* (*b* // *a*). У слова *мост* (*b* // *c*) старое ударение по схеме *c* все чаще заменяется новым по схеме *b*.

Слово *мол* относится по литературной норме к схеме *a*, но имеет $П_2$ *на молу́*; в профессиональной речи у этого слова возможна схема *c* (см. «Орфографический морской словарь»), в разговорной речи засвидетельствована также схема *b* (*пры́гали с мола́*). О слове *стог* см. § 34.

2. Названия отверстий, шахт. Схема *b* (// *a*): *шурф, шпур*. Слово *паз*, относящееся по литературной норме к схеме *c*, в профессиональной речи и в просторечии допускает схему *b*.

3. Названия фигур, начертательных знаков (в частности, букв, цифр), монет. Схема *b*: *крест, крыж, луч, штрих, герб, блинт* «особым образом вытисненная надпись или орнамент»; *аз, нуль* (*ноль*)[77]; *рубль, грош*. Заметим, что многие из этих слов (например *крест, рубль, грош*) часто обозначают конкретные материальные предметы, что сближает их со словами из § 37.

Широко представлена в профессиональном просторечии схема *b* для слова *икс* (ср. помету «не *икса́*» в кн. «Русское литературное произношение и ударение»), в несколько меньшей степени — для названий букв *хер, ер, юс* (в более литературном варианте здесь выступает «компромиссная» схема *c*, в подчеркнуто литературном — *a*). Нами отмечено даже *жи́рного плюса́* (где *плюс* употреблен в значении графического знака).

Слово *круг* (схема *c*) едва ли следует считать просто исключением: у него имеются явно выраженные значения «пространственного» типа (часть плоскости; среда, сфера — в переносном смысле), которые сближают его со словами из § 33 (например *мир, луг, плац*).

Названные семантические микрогруппы можно охарактеризовать как «умеренно склонные к *b*».

Семантические группы, в которых не действуют синхронические акцентуационные правила

§ **41.** Синхронические акцентуационные правила, касающиеся ударения в ед. числе, не действуют прежде всего у названий частей тела (а также язв и т. п.). Из них к схеме *b* относятся *горб, клык, перст, прыщ, свищ, хвост, хрящ*, к схеме *c* — *глаз, зоб, нос, рог, чуб*, к схеме *e* — *зуб*, к схеме *a* с мн. *-ья* — *струп*. Слова *пуп* и *ус* колеблются между схемами *b* и *c* (причем по литературной норме для *пуп* предпочтительна схема *b*, для *ус* — схема *c*).

---

[77] Таким образом, это слово выступает здесь как обозначение графического знака, цифры (а не в абстрактном значении «ничто» и т. п.).

В таком же положении находятся названия лиц, не относящихся ни к терминам родства (§ 35), ни к названиям по занятию или оценочным (§ 39). Из них к схеме *b* относятся *враг, царь*, а также *жид* (см. об этом слове § 18), к схеме *c* — *друг* (мн. *друзья́*), *князь* (мн. *князья́*) [78], а также *пан* (*c*, реже *a*), к схеме *e* — *бог, чёрт, гость*.

Кроме того, имеется небольшое число слов, значение которых с трудом поддается классификации. Эти слова не ассоциируются (без существенных натяжек) ни с одной из частных семантических групп, рассмотренных в § 29—40. Поэтому естественно, что принцип III (в основе которого лежит акцентуационное уподобление семантически сходных слов) здесь действовать не может. Сюда мы относим: из слов схемы *b* — *стих, хлюст* «набор карт одной масти», *шиш*, областное *кут* «угол в избе и др.», а также *смерч* (*a* // *b*, см. § 32); из слов схемы *c* — *шар* (в основном, более абстрактном значении, ср. § 27), *клуб* (дыма и т. п.), *вал* «волна», *вал* «ось», *след* (схема *c* с некоторыми отклонениями в сторону *b*, см. кн. «Русское литературное произношение и ударение»).

Замечание. К числу слов, значение которых трудно поддается классификации, вообще говоря, можно было бы отнести и некоторые из включенных выше (с некоторой долей условности) в основные семантические группы, в частности из слов схемы *b* — *луч, пласт, нуль* (*ноль*), из слов схемы *c* — *кус, том, мыс, воз, стог, круг*.

ИТОГОВЫЕ ТАБЛИЦЫ

§ 42. Ниже приводятся сводные таблицы по односложным словам нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18) и неопределенным singularia tantum. Таблицы показывают количественные соотношения слов с наосно́вным и с флексионным ударением ед. числа в различных семантических и морфонологических группах. В соответствии с § 36 колеблющееся ударение объединено в таблицах с флексионным.

При подсчетах учтены факты как литературной, так и нелитературной речи. Во-первых, в совокупность отражаемых таблицами слов включены, помимо слов, относящихся к нетривиальному склонению по литературной норме, также слова, относящиеся к нетривиальному склонению только в нелитературной речи, например слова *штраф, бант* (нелитературное мн. *штрафы́, банты́* при литературном *штра́фы, ба́нты*) [79]. Во-вторых, учитывалось как литературное, так и нелитературное ударение ед. числа каждого отражаемого таблицами слова, а именно: если эти два ударения совпадают (это нормальный случай), в таблицах отражено единое ударение; если же они расходятся

[78] Слова *друг* и *князь* с морфологической и акцентуационной точек зрения примкнули, таким образом, к терминам родства.

[79] При таком принципе отбора общее число отражаемых сейчас таблицами слов составляет около 670. Если бы учитывалась только литературная норма, соответствующая совокупность составила бы около 600 слов.

(ср., например нелитературное *лося́* при литературном *ло́ся*), то ударение такого слова квалифицируется как колеблющееся[80].

Нелитературное ударение отражено в том объеме, в котором оно рассмотрено в § 30—41[81]. В качестве исключения, чтобы не затемнять общей картины фактами, недостаточно надежно засвидетельствованными или вызванными какими-то побочными причинами, в таблицах не отражена возможность появления в нелитературной речи схемы *c* у слов *бур, кран, флаг, трос, бот* (см. § 37, конец) и схемы *b* у слов *шлих, харч, гол, трюк, таз, шлюз, горн.*

Чтобы уменьшить влияние побочных обстоятельств на числовые данные таблиц, в таблицы не включены: а) слова *лом, струг, щуп* (ударение которых определяется морфологическим фактором, § 25) и *жмых* (см. § 30); б) слова, отмеченные выше в списках как областные (поскольку их ударение непоказательно); кроме того, слово *зуб* в значении «зубец» не отделено от *зуб* в основном значении.

Таблица 1 отражает ударение «морфонологически нейтральных» слов, т. е. оканчивающихся не на *щ* и не на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*»; это основной массив односложных слов. Таблица 2 отражает ударение слов, оканчивающихся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*», т. е. тех, которые подпадают под действие морфонологического фактора (§ 26), обусловливающего склонность таких слов к схеме *b*.

Если в клетке таблицы дано два числа, соединенных знаком + (например 156 + около 220), первое число относится к словам нетривиального склонения, второе — к неопределенным singularia tantum. В прочих случаях числа обозначают количество слов нетривиального склонения.

Таблица 1

Ударение ед. числа у морфонологически нейтральных односложных слов нетривиального склонения (и неопределенных singularia tantum)

	Наоснóвное ударение в ед. числе	Флексионное (или колеблющееся) ударение в ед. числе
Семантические группы, «склонные к *c*» (§ 30—35)	156+около 220	13
Семантические группы, «склонные к *b*» (§ 36—40)	4	155
«Семантически нейтральные» (§ 41)	18	10

[80] Некоторые сведения о том, как изменились бы числовые данные таблиц, если бы учитывалось только литературное ударение, приведены в комментариях к таблицам.

[81] Как уже отмечалось, этот объем сведений не может считаться исчерпывающим. Понятно, что если его удастся расширить, числовые данные таблиц несколько изменятся.

Из этой таблицы видно, что подавляющее большинство слов из рассматриваемой совокупности подчиняется современным семантическим правилам об ударении и лишь 17 слов (13 с флексионным или колеблющимся ударением и 4 с наоснóвным) представляют собой исключения. Эти исключения можно разделить на два типа. Первый тип образуют слова из семантических групп, «сильно склонных» к *b* или к *c*; исключения этого типа прямо противоречат принципу III. Сюда относятся 8 слов, «сильно склонных к *c*» и тем не менее имеющих флексионное ударение (*скот, вред, грех, стыд, суд, труд, ум, путь*), и 3 слова, «сильно склонных к *b*» и тем не менее имеющих наоснóвное ударение ед. числа (*плуг, стул, зверь*); см. комментарии по поводу этих слов в § 13. Второй тип образуют слова из семантических групп, «умеренно склонных» к *b* или *c*; это, так сказать, «слабые» исключения (сюда относятся *полк, двор, кремль, скит* — с флексионным ударением ед. числа, *пруд* — с колеблющимся, *круг* — с наоснóвным).

Общий характер картины, представленной в табл. 1, не изменился бы и в том случае, если бы подсчеты производились только для нормативного литературного ударения; однако в силу консервативности литературной нормы эффект семантических правил был бы несколько меньшим. Так, в двух основных рубриках таблицы вместо 156 слов нетривиального склонения с наоснóвным ударением и 155 с флексионным или колеблющимся в этом случае соответственно 130 и 110, главным образом за счет того, что значительная группа слов типа *штраф, бáнт* относится по литературной норме к тривиальному склонению. С другой стороны, группа слов-исключений, «склонных к *b*» и тем не менее имеющих наоснóвное ударение ед. числа, в этом случае более многочисленна (16 слов), поскольку для слов *вор, волк, гусь, лось, клин, пук* и ряда других литературная норма пока еще

Таблица 2

Ударение ед. числа у односложных слов нетривиального склонения (и неопределенных singularia tantum), оканчивающихся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*»

	Наоснóвное ударение в ед. числе	Флексионное (или колеблющееся) ударение в ед. числе	
	только слова на согл. + *т*	слова на согл. + *т*	слова на *щ* (и *дождь*)
«Склонные к *c*»	5 + около 25	19	4
«Склонные к *b*»	0	27	7
«Семантически нейтральные»	1	3	3

запрещает встречающиеся в разговорной речи ударения типа *вора́, волка́, гуся́* и т. д.

Из табл. 2 видно, что морфонологический фактор способен успешно противодействовать семантическому (кроме сферы singularia tantum): из 24 слов нетривиального склонения на согласную+*т*, «склонных к *c*», лишь 5 подчиняются семантическому правилу, а 19 — морфонологическому. Оказывается, однако, что такое положение характерно в основном для нелитературной речи. Так, по литературной норме имеется 17 слов нетривиального склонения на согласную+*т*, «склонных к *c*»; из них 11 подчиняются семантическому правилу и только 6 (*холст, пост*$_1$, *пост*$_2$, *винт* «игра», *пласт, гурт*) — морфонологическому. Таким образом, в литературной речи роль морфонологического фактора существенно меньше, чем в нелитературной.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АКЦЕНТУАЦИИ ДВУСЛОЖНЫХ СЛОВ МУЖСКОГО РОДА С БЕГЛОЙ ГЛАСНОЙ

§ 43. В акцентуационном отношении двусложные слова мужского рода с беглой гласной образуют промежуточную группу, обнаруживающую частичное сходство как с односложными, так и с многосложными.

Выделяются три подгруппы таких слов: 1) слова на *-ок* (*-ек*) и *-ец* (сюда же *за́яц*); 2) слова на *-ень*; 3) все прочие.

Как вытекает из § 16, при конечном ударении в исходной словоформе все такие слова (кроме *заём, наём*) относятся к схеме *b*, например *кусо́к, коне́ц, слепе́нь, котёл.* При начальном ударении все слова 1-й подгруппы (например *ку́бок, го́рец*) относятся к схеме *a*, но для слов 2-й и 3-й подгрупп схема ударения еще не предопределена исходной словоформой: ср., например, *ли́вень* — схема *a*, *ко́готь* — схема *e*, *у́зел* — схема *b*.

В распределении начальноударных слов 2-й и 3-й подгрупп по схемам ударения, по-видимому, действуют (хотя и не вполне последовательно) те же акцентуационные закономерности, что и у односложных.

Рассмотрим ударение в ед. числе у начальноударных слов 3-й подгруппы (вопрос о мн. числе оставляем в стороне). В семантических группах, «склонных к *c*», мы находим устойчивое наосно́вное ударение: *ветер, ви́хорь, дёготь, ка́шель, о́цет, пе́пел* — Р. ед. *ве́тра ви́хря* и т. д.; сюда же термин родства *свёкор*; только слово *у́голь* колеблется: Р. ед. *у́гля* и *угля́*. Остальные слова — это семантически «склонные к *b*» и еще несколько исчисляемых (названия частей тела и слово *у́гол*), которые в данном случае, по-видимому, присоединились к ним. С акцентуационной точки зрения эти слова распределяются так: а) схема *b* — слова *у́зел, у́горь, у́гол* (Р. ед. *узла́, угря́, угла́*); б) наосно́вное ударение в ед. числе по литературной норме, при большем или меньшем распространении флексионного ударения в разговорной речи или в просторечии — слова *ко́готь, ко́мель, ла́поть, ло́коть, но́готь, сте́бель, ти́гель, у́лей, чи́рей* (например, Р. ед.

в литературном языке *когтя*, но в просторечии часто *когтя́* и т. д.); сюда же колеблющееся слово *ло́моть*, *ломо́ть* (Р. ед. *ло́мтя*, *ломтя́*); в) устойчивая схема *a* — только *бу́бен*, *дя́тел*.

У слов 2-й подгруппы данная тенденция выражена гораздо слабее: она проявляется лишь в том, что в просторечии у слов *гре́бень*, *ка́мень*, *по́ршень*, *сте́ржень* и некоторых других иногда встречается флексионное ударение в ед. числе (тогда как, например, для слов *ли́вень*, *сби́тень*, *цве́тень*, *ще́бень* это невозможно).

Обращает на себя внимание тот факт, что среди конечноударных слов 2-й и 3-й подгрупп (их около 40) решительно преобладают исчисляемые, например: *бобёр*, *козёл*, *орёл*, *осёл*, *щего́л*, *слепе́нь*, *баго́р*, *ковёр*, *копёр*, *котёл*, *коча́н*, *чехо́л*, *реме́нь*, *вихо́р*, *мосо́л*, *хохо́л*, *хребе́т*, *буго́р*, *костёр*, *ручей*. К неисчисляемым относятся только: *ого́нь*, *овёс*, областное *чабёр* (растение), *заём*, *наём*; слово *креме́нь* может выступать и как исчисляемое, и как неисчисляемое. Таким образом, со статистической точки зрения, принцип III довольно хорошо соблюдается и у этой категории слов. Более того, слова *заём* и *наём* относятся, вопреки правилам из § 16, к схеме *a*: Р. ед. *за́йма*, *на́йма* (что́ в разговорной речи обычно ведет к замене исходных словоформ на *займ*, *найм*). Эту аномалию естественно связать с действием принципа IIIᵃ и правила о приставочных отглагольных именах из § 17. Возможно, что колебания между литературным *креме́нь*, *кремня́* и разговорным *кре́мень*, *кре́мня* тоже связаны с действием принципа III.

Таким образом, акцентуационные закономерности односложных слов имеют тенденцию распространиться на совокупность всех слов мужского рода с односложной основой косвенных словоформ.

О НЕКОТОРЫХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ ЗНАЧЕНИЕМ И УДАРЕНИЕМ У РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 1. Наблюдениями целого ряда исследователей установлено, что среди русских прилагательных имеются группы, ударение которых обнаруживает некоторую связь с их значением. Самой важной зависимостью такого рода является принцип, согласно которому в современном литературном русском языке прилагательные с качественным значением (по крайней мере производные) обычно имеют в полных формах ударение на основе (см. об этом, в частности, Зализняк 1985, § 1.56). В ряде других случаев группы, в рамках которых проявляется влияние семантического фактора, не столь обширны.

В настоящей работе делается попытка несколько расширить круг наблюдений такого рода. Практически мы будем ниже рассматривать только ударение полных форм (кроме случаев, где специально оговорено иное); такой подход оправдан тем, что в современном русском языке ударение полных и кратких форм связано между собой довольно слабо (т. е. тут обычно действуют разные закономерности).

Основным предметом разбора являются синхронические соотношения, обнаруживаемые в современном литературном русском языке; но в дополнение к этому кратко разбирается также (без документации) характер исторической эволюции, которая привела к таким соотношениям.

При анализе связи ударения полных форм со значением целесообразно учитывать, во-первых, противопоставление полных форм с наосновным ударением (схема ударения *a*) и с флексионным (схема ударения *b*), во-вторых, в рамках схемы *a* — различие по числу слогов основы и по месту ударения внутри основы. Назовем а к ц е н т н ы м к о н т у р о м (данного прилагательного) совокупность сведений обоего рода, т. е. акцентную характеристику, включающую схему ударения полных форм и (при схеме *a*) число слогов основы и номер ударного слога. Условимся для большей наглядности обозначать акцентные контуры словами-образцами: *пусто́й* (для всех прилагательных на *-о́й*, например, *дурно́й, зло́й, молодо́й* и т. д.) и *ча́стый, высо́кий, ме́дленный, винова́тый, одина́ковый* (для прилагательных на *-ый, -ий* с соответствующим числом слогов и местом ударе-

ния). Как показывает наблюдение, в одних случаях для нашего разбора оказывается существенной только схема ударения рассматриваемых прилагательных, в других — весь акцентный контур в целом.

§ 2. В основе рассматриваемых нами явлений лежит следующий общий принцип: прилагательные со сходной морфологической структурой и/или со сходным значением могут обнаруживать тенденцию к унификации акцентных контуров (или хотя бы схем ударения). Подчеркнем, что речь идет лишь о возможности, а не об обязательности; в разных группах прилагательных данная тенденция может проявляться в весьма различной степени.

Хорошо известным частным случаем является унификация ударения у прилагательных с определенным суффиксом. Так, например, в ходе истории все прилагательные с суффиксами *-к-*, *-н'-*, *-ав-*, *-ок-* получили в полных формах наосновное ударение (при том, что первоначально здесь были представлены обе возможных акцентовки), см. Зализняк 1985, § 1.56, 2.25. Важнейшим примером связи ударения со значением является уже упомянутая выше тенденция прилагательных с качественным значением к наосновному ударению в полных формах.

В ряде случаев акцентная унификация затрагивает совсем маленькие группы семантически тесно ассоциированных прилагательных (в предельном случае — просто пары). Приведем несколько примеров.

Так, в истории русского языка первоначальное ударение *левы́й* сменилось на *ле́вый* под влиянием слова *пра́вый* (где наосновное ударение исконно), см. Булаховский, с. 367. Заметим, что в украинском языке данная семантическая пара представлена в виде *ліви́й* и *десни́й* — тоже с одинаковым ударением, но только флексионным (в обоих случаях исконным).

В литературном русском языке слово *housing* *босо́й* имеет флексионное ударение; однако в парном сочетании (семантического типа hendiadyoin) *го́лый и бо́сый* выступает наосновное ударение *бо́сый*, которое очевидным образом повторяет акцентуацию слова *го́лый*. Во многих говорах (а также в белорусском и украинском языках) ударение *бо́сый*, возникшее таким путем, обобщилось (Булаховский, с. 371).

Слово *друго́й* в одном из своих значений ('следующий по порядку') практически синонимично слову *второ́й*, в другом значении ('отличный', 'не тождественный') — слову *ино́й*. В современном русском языке все три слова акцентно сходны. Между тем только у слова *друго́й* такое ударение исконно; два других слова первоначально акцентуировались *вто́рый*, *и́ный*. Есть все основания предполагать, что смена ударения у обоих этих слов произошла под влиянием слова *друго́й*. Интересно отметить, что в украинском языке акцентная эволюция рассматриваемых слов была иной, но и здесь имело место выравнивание: *вто́рий* и *і́ний* сохраняли здесь наосновное ударение до самого конца своего существования в языке (в XVII—

XVIII вв. оба эти слова вышли из употребления, вытесненные соответственно словами *дру́гий* и *і́нший*); напротив, древнее *другíй* сменило ударение на *дру́гий*.

Значительное акцентное влияние оказали друг на друга порядковые (как, впрочем, и количественные) числительные, соседствующие в натуральном ряду. Так, замена старых *сёмый* (*се́дмый*) и *о́смый* (*во́смый*) на *седьмо́й*, *восьмо́й*, отразившаяся в современном литературном русском языке (а также в большинстве говоров), по-видимому, связана с влиянием предшествующего члена *шесто́й* (где такое ударение исконно). В то же время известно и противоположное направление выравнивания в этой тройке: *шо́стый*, *се́мый*, *во́сьмый*. Оно характерно для многих западновеликорусских говоров и для белорусского и украинского языков.

Во многих великорусских говорах известно ударение *перво́й*, которое возникло под влиянием слова *второ́й* (разумеется, уже после того, как *второ́й* вытеснило более древнее *вто́рый*); в литературном языке такое ударение отразилось в наречии *впервы́е*.

В семантической группе важнейших вкусообозначений мы находим сейчас наосновное ударение: *го́рький*, *сла́дкий*, *ки́слый*, *солёный* (при этом три из этих четырех слов имеют даже одинаковый акцентный контур). Между тем исходное состояние здесь было иным как по ударению, так отчасти и по морфологической структуре: *горько́й*, *сладко́й*, *ки́селый* (и *ки́сѣлый*), *солоно́й*. Смена ударения в *горький* и *сладкий* объясняется прежде всего принадлежностью этих прилагательных к группе с суффиксом *-к-* (см. выше). Но для замены *солоно́й* на *соло́ный* (впоследствии вытесненное в полных формах [но не в кратких!] акцентно сходным причастием *солёный*) подобной морфологической причины не было; ударение здесь просто выровнялось по другим членам ряда. Для слова *ки́селый* (*ки́сѣлый*) выравнивание выразилось в смене морфологического оформления — замене суффикса *-ел-* (*-ѣл-*) на *-л-*; в результате по акцентному контуру это слово совпало с *го́рький*, *сла́дкий*.

В семантической группе пространственных оценок, блестяще проанализированных Р. О. Якобсоном (Jakobson), прилагательные, обозначающие большую степень рассматриваемого качества, образуют ряд с суффиксом *-ок-* и акцентным контуром *высо́кий* (*высо́кий*, *глубо́кий*, *широ́кий*, *далёкий*), обозначающие меньшую степень — ряд с суффиксом *-к-* и акцентным контуром *ча́стый* (*ни́зкий*, *ме́лкий*, *у́зкий*, *бли́зкий*). С исторической точки зрения столь четкое единообразие, по-видимому, является здесь результатом постепенной эволюции. Так, для *высокий* (возможно, также для *широкий*) следует предполагать исходное начальное ударение, см. Зализняк 1985, § 2.25, 3.56. С другой стороны, у древнерусского *близъкыи* существовал также вариант *близокыи*, отразившийся в субстантивированных *близокъ* 'свойственник', *близока* 'свойственница', см. ЭССЯ, вып. 2, с. 120–121. Со временем, однако, этот вариант, не соответствующий акцентному контуру серии *ни́зкий*, *ме́лкий*, *у́зкий*, *бли́зкий*, был устранен.

Приведенные примеры иллюстрируют возможность акцентного сближения в рамках малых семантических групп. Можно указать, однако, по меньшей мере два случая, когда такое явление наблюдается в несколько более широких семантических группах.

Обозначения физических и психологических недостатков

§ 3. Прилагательные непроизводные (с односложной [или двусложной полногласной] основой) или с суффиксом *-н-*, обозначающие физические недостатки или отрицательные психологические характеристики (особенно связанные с буйным или ненормальным поведением), обычно имеют в полных формах флексионное ударение. "Семантическое ядро" данной группы образуют слова: *глухóй, немóй, слепóй, хромóй, кривóй* 'одноглазый', *косóй* 'косоглазый', *худóй, больнóй, шальнóй, блажнóй*[1]. Далее, сюда относятся: *рябóй, седóй*; *злóй, скупóй, лихóй, озорнóй, разбитнóй, хмельнóй, чуднóй* (о человеке), *смешнóй* (о человеке), ср. еще *чумнóй* (в переносном смысле); сюда же разговорные и просторечные *баловнóй, сволочнóй, продувнóй* (отчасти также *пробивнóй*). Примыкает к данной группе также слово *холостóй*[2]. Особую маленькую подгруппу составляют прилагательные с более широким отрицательным значением (включающие, однако, среди прочих также значение физического или психологического недостатка): *плохóй* (ср. значение 'тяжело больной'), *дурнóй* (ср. значение 'шальной, сумасбродный'), *дряннóй, срамнóй*. Отметим еще просторечные *благóй* 'блажной', 'дурной', *смурнóй, заводнóй* 'драчливый', 'вспыльчивый', жаргонное *бухóй* 'пьяный'.

Замечание 1. Значения рассматриваемого типа возможны также у ряда других прилагательных на *-óй*. но здесь они занимают более периферийное место в совокупности значений слова: ср. *тупóй* 'глупый, бездарный', *простóй* 'глуповатый', *пустóй* 'легкомысленный', *крутóй* (нравом), *сырóй* 'тучный и слабосильный', *сухóй* 'сухопарый', 'иссохший, сморщенный'.

Поскольку границы данной семантической группы недостаточно четки, понятие акцентного исключения здесь тоже не вполне определенно. С наибольшим основанием можно считать такими исключениями слова *лы́сый, тóщий, хвóрый, пья́ный, лю́тый, бу́йный*. Прочие слова подобного рода (*квёлый, хи́лый, глу́пый, ди́кий* и др.) по своей семантике относятся скорее к периферии этой группы.

Замечание 2. В говорах часть названных здесь слов может выступать с флексионным ударением, например: *тощóй, хворóй, лютóй, глупóй, дикóй* и др. Следует подчеркнуть, однако, что с этими данными нужно обращаться весьма осторожно. Без анализа всей системы говора их нельзя рассматривать в том же

---

[1] Особо стоит *босóй*, которое лишь отчасти сближается с данной семантической группой.

[2] С учетом исторической ретроспективы, вероятно, можно было бы присоединить сюда еще и слово *молодóй*, которое первоначально явно имело коннотацию неполноценности.

ряду, что данные литературного языка: в конкретном говоре появление таких ударений может определяться совсем иными правилами. Например, ударение *тощóй* в каком-нибудь северновеликорусском говоре, где выступают также, скажем, *пешóй, тихóй, толстóй, частóй, черствóй, дешевóй, суровóй, преснóй, теснóй, бурнóй, грязнóй, жирнóй, смирнóй, горькóй, жаркóй, крепкóй, ловкóй, мелкóй, прыткóй, редкóй, робкóй, тонкóй* и т. п. (т. е. где практически не действует правило о наосновном ударении у качественных прилагательных), разумеется, нельзя объяснять правилом о флексионном ударении у обозначений недостатков. Поэтому единичные факты из слабо обследованного говора часто бывают крайне малоинформативны (а для решения многих задач, встающих перед лингвистом, даже просто бесполезны). К сожалению, достаточно полных описаний отдельного говора существует очень мало. Используя одно из таких описаний (Деулин. сл.), приведем пример говора, представляющего интерес для нашего разбора. В деулинском говоре (Рязанская область) акцентуация полных форм, по-видимому, регулируется принципами, в целом довольно близкими к действующим в литературном языке. Круг слов на *-óй* со значением физического или психологического недостатка здесь несколько шире, чем в литературном языке, ср., в частности: *благóй* 'озорной', 'своевольный', *борзóй* 'буйный', 'буйный сумасшедший', *глупóй, дикóй, лихостнóй* 'злобный', 'злопамятный', *мудрóй* 'капризный', *ненавистнóй* 'злобный', 'ненавидящий', *сипóй* 'сиплый', *страшнóй* 'плохо выглядящий', *тощóй, хворóй, хрипóй* 'хриплый' и даже *блажкóй* 'озорной', 'своевольный' (с нехарактерным для данного говора флексионным ударением при суффиксе *-к-*).

Акцентный эффект, наблюдаемый в группе обозначений недостатков, очевидным образом противоречит общему принципу акцентуации качественных прилагательных. Таким образом, мы явно имеем здесь дело с более частным семантическим правилом, независимым от этого общего принципа.

Заметим, что с типологической точки зрения наличие у семантической группы физических и психологических недостатков какого-то общего внешнего признака не представляет собой чего-либо исключительного. Так, например, в арабском языке слова данной семантической группы строятся по единой морфологической модели (*'af'alu*): *'atrašu* 'глухой', *'abkamu* 'немой' и т. п.

Замечание 3. В работе Зализняк 1985, § 1.52 отмечено, что при суффиксе *-овск-* флексионное ударение наблюдается только в семантической группе отрицательных качеств, связанных с колдовством, плутовством, хвастовством и т. п.: *колдовскóй, ведьмовскóй, ведовскóй, воровскóй, плутовскóй, шельмовскóй, бунтовскóй, шутовскóй, хвастовскóй, мотовскóй, фатовскóй, франтовскóй.* Поскольку этот круг значений явно близок к значению психологического недостатка, можно предполагать, что сходство ударения этих прилагательных на *-овскóй* и рассмотренных выше прилагательных типа *глухóй, лихóй, шальнóй* не случайно.

С диахронической точки зрения для большинства рассмотренных выше прилагательных на *-óй* мы имеем дело просто с сохранением первоначального ударения.

Важнейшим исключением является слово *хромóй:* здесь исконным было ударение *хрóмый* (по акцентной парадигме *b*), которое сменилось на *хромóй* под влиянием исконных *слепóй, глухóй, немóй* и т. д. (см. Булаховский, с. 371; Л. А. Булаховский указывает в качестве гипотетического источника акцентного влияния только слово

слепой [укр. *сліпий*], но более вероятно, что соответствующее "давление" здесь оказывала уже вся группа обозначений физических недостатков). Первый пример нового ударения зафиксирован уже в Чудовском Новом Завете XIV в. (*хромáго* В. ед. 80в) — на фоне еще господствующей старой акцентовки (*хрóмыи, хрóмиі, хрóмыя* и др.). В памятниках XVI в. ударение *хромóй* (*хромы́й*) встречается все чаще и в ряде микросистем уже полностью побеждает.

Возможно, такую же акцентную эволюцию проделало слово *скупóй*. Исходная (для восточнославянского) акцентная парадигма здесь не вполне ясна: *b* или *c*. Если исходной была акцентная парадигма *b* (как в западнославянском, ср. чешск. *skoupý*, словацк. *skúpy*, польск. *skąpy*), то ударение *скупóй* следует признать вторичным, возникшим под влиянием других слов рассматриваемой семантической группы.

Неисконным является ударение слов *чуднóй* и *чумнóй*.

Приведенные слова (прежде всего *хромóй*) сами по себе показательны. И все же самым явным свидетельством формирования частного морфонологического правила о флексионном ударении у названий недостатков является то, что эта группа слов не подчинилась в ходе истории общему правилу о наосновном ударении у качественных прилагательных. С этой точки зрения показательно не только приобретение нового ударения словом *хромóй*, но и сохранение старого ударения словами *глухóй, немóй, слепóй, больнóй* и т. д., т. е. основной массой прилагательных данной группы. Существенно также, что нынешние исключения (*лы́сый, пья́ный, лю́тый* и др., см. выше) — это слова, просто сохраняющие свое старое ударение.

Обозначения цветов

§ 4. Прилагательные, обозначающие цвета (а также степени освещенности), независимо от своей морфологической структуры имеют в полных формах ударение на основе. Примеры: *бéлый, чёрный, крáсный, зелёный, рóзовый, лилóвый, корúчневый, белёсый, пёстрый, свéтлый, тёмный*.

Явное исключение только одно: *голубóй*. В нескольких других случаях, на первый взгляд сходных, мы в действительности имеем дело со словами несколько иного значения.

а) Названия лошадиных мастей не подчиняются (в общем случае) приведенному правилу, ср. *гнедóй, воронóй*. Они стоят семантически ближе, чем обычные цветообозначения, к относительным прилагательным: качественный аспект (допускающий, в частности, градацию по степени проявления качества) здесь в значительной мере уступает место чисто классификационному.

б) Сходной семантической особенностью обладает также слово *цветнóй* (ср. недопустимость градации этого качества, в отличие, скажем, от *пёстрый*).

в) Слова *рябóй* и *седóй* ведут себя в рассматриваемом отношении не как цветообозначения, а как термины из группы физических недостатков (§ 3).

Дополнительная особенность состоит в том, что непроизводные слова данной группы с односложной основой (а также опростившиеся *кра́сный, све́тлый, тёмный*) имеют в кратких формах (хотя бы факультативно) флексионное ударение, например: *бела́, бело́, белы́* (ср. *черно́, красно́, желто́, пестро́, светло́, темно́* и т. п.; подробнее см. Зализняк 1985, § 1.17).

Может возникнуть вопрос, нужно ли выделять цветообозначения в особую группу, коль скоро ударение их полных форм можно объяснить непосредственно общим принципом о наосновном ударении у качественных прилагательных. В действительности такое выделение все же целесообразно — по следующим причинам. Во-первых, у цветообозначений наосновное ударение полных форм выступает независимо от морфологической структуры, тогда как указанный общий принцип, согласно Зализняк 1985, § 1.56 и 4.3, хорошо "работает" в основном лишь в сфере производных прилагательных. Иначе говоря, у цветообозначений наосновное ударение реализуется более последовательно, чем у качественных прилагательных в целом. Во-вторых, правило о наосновном ударении у цветообозначений в определенных случаях оказывается "сильнее", чем некоторые другие частные правила акцентуации прилагательных (см. ниже, § 5, об акцентуации антонимов). В-третьих, как уже отмечено, цветообозначения имеют некоторые общие особенности в акцентуации не только полных форм, но и кратких.

Как и в случае с обозначениями физических недостатков, можно привести типологические параллели для унификации цветообозначений по тому или иному внешнему признаку. Так, в арабском языке, уже использованном выше для сравнения, слова данной семантической группы образуются по единой морфологической модели (в отличие от русского языка, той же самой, что для обозначений недостатков, — *'af'alu*), например: *'aḥmaru* 'красный', *'aswadu* 'черный'.

С диахронической точки зрения почти все русские цветообозначения просто сохраняют в полных формах первоначальное место ударения.

Акцентуация антонимических пар

§ 5. Выше были рассмотрены различные случаи акцентного сближения семантически сходных слов. Наряду с этим явлением существует, однако, и другое, менее известное: противопоставление двух прилагательных по значению (т. е. антонимия) может приводить к их акцентному "отталкиванию" ("поляризации"), т. е. к возникновению различия между их акцентными контурами.

Данное явление представлено, правда, не столь широко, как акцентное сближение семантически сходных слов, и выражается менее ярко и менее последовательно. Это обстоятельство легко объяснить. Дело в том, что значения антонимов противопоставлены всегда лишь по одному признаку (типа "наличие или отсутствие чего-то" или

"большая или малая степень чего-то"), тогда как во всем остальном они как раз одинаковы, т. е. связаны ассоциацией типа сходства, а не типа различия. Между тем, как мы уже видели, ассоциация типа сходства в принципе стимулирует акцентное сближение. Иначе говоря, тенденция к акцентному отталкиванию всегда действует в некотором противоборстве с прямо противоположной тенденцией[3] (тогда как тенденция к сближению в большинстве случаев свободна от подобного противодействия).

Соответственно, фактор акцентного отталкивания антонимов занимает довольно низкое место в иерархии факторов, воздействующих на акцентуацию слова. Прежде всего, он безусловно уступает морфологическому фактору, т. е. требованиям, вытекающим из акцентных свойств суффикса. Так, например, невозможность флексионного ударения полных форм при суффиксах *-к-* или *-н'-* исключает какое бы то ни было акцентное противопоставление таких антонимов, как *жёсткий—мя́гкий* или *ра́нний—по́здний*. Далее, вхождение обоих антонимов в некоторую более широкую отчетливо выделяющуюся семантическую группу обычно обеспечивает перевес тенденции к сближению над тенденцией к отталкиванию; например, антонимы *бе́лый* и *чёрный*, входящие в семантическую группу цветообозначений, имеют одинаковое ударение, а именно, такое, которое характерно для всей этой группы.

Необходимо также учитывать, что тенденция к отталкиванию действует слабее, чем принцип акцентного единства лексемы, т. е. если прилагательное имеет в разных значениях разные антонимы (с различными акцентными контурами), это не приводит к акцентному "расщеплению" данного прилагательного. Ср., например, *ста́рый—молодо́й* (с противопоставлением акцентных контуров) и *ста́рый—но́вый* (с одинаковыми акцентными контурами). Этот принцип распространяется не только на разные значения, но и на омонимы, при условии, что оба омонима являются качественными прилагательными[4]. Соответственно, ниже при разборе качественных прилагательных мы для упрощения не разграничиваем случаи полисемии и омонимии.

Как показывает наблюдение, тенденция к акцентному отталкиванию антонимов проявляется (в случаях, когда ей не препятствуют указанные выше факторы) тем заметнее, чем четче антонимическая связь между членами пары (т. е. чем теснее они ассоциируются друг с другом в сознании носителей языка) и чем употребительнее сами эти прилагательные.

---

[3] Неслучайно для некоторых пар антонимов иногда предполагают даже акцентное сближение; так, Л. А. Булаховский допускает возможность такого сближения (в украинском языке) для *прямúй* и *кривúй* и для *товстúй* и *худúй* (Булаховский, с. 367, 370).

[4] Если это условие не соблюдено, акцентная дифференциация возможна, ср. *свя́зный* и *связно́й*, *вре́менный* и *временно́й* и т. п., см. Зализняк 1985, § 1.57.

Наиболее известный пример семантический группы прилагательных, где антонимам соответствуют разные акцентные контуры, — уже упомянутая выше (§ 2) восьмерка прилагательных пространственной оценки: *высóкий—нúзкий, глубóкий—мéлкий, ширóкий—ýзкий, далёкий—блúзкий.* В данном случае внешнее выражение антонимии в известной мере обладает даже свойством иконичности: прилагательные, обозначающие бóльшую степень проявления рассматриваемого качества, на один слог длиннее, чем их антонимы.

Данная группа наиболее наглядна; имеется, однако, и ряд других пар сходного типа (правда, свойства иконичности в них может уже и не быть — существенно прежде всего само противопоставление акцентных контуров).

§ 6. Ниже приводится список важнейших антонимических пар (из числа качественных прилагательных), отчетливо осознаваемых носителями языка. В список не включались, однако, антонимы, образованные с помощью приставки *не-*, а также антонимические пары, полученные с помощью различных модифицирующих суффиксов от более простых пар (например, *тóлстенький—хýденький, длинновáтый—коротковáтый* и т. п.).

Разумеется, в любой из приводимых ниже пар антонимия в действительности существует не при всех значениях взятых прилагательных (обычно лишь при одном-двух главных значениях). Для нашей проблемы существенно, однако, что наиболее прочные ассоциации между словами в сознании носителей языка формируются именно на основе их главных значений. Отсюда легкость и быстрота, с которой носитель языка отвечает на вопрос типа: «Какое слово противоположно слову *живóй*?» Он сразу же дает ответ: *мёртвый* (а не *вя́лый, скýчный* и т. п., хотя в определенных условиях именно эти слова антонимичны слову *живóй*). По-видимому, лишь в немногих случаях такого рода существует не одна главная ассоциация, а две различных, сопоставимых по прочности (типа *стáрый—молодóй* и *стáрый—нóвый* или *лёгкий—тяжёлый* и *лёгкий—трýдный*). Параллели этого типа включены в наш список; они записываются друг под другом, причем первым приводится слово, противопоставленное своему антониму по акцентному контуру (если таковое имеется).

Поскольку прочность ассоциативных связей зависит также от употребительности слов, при каждом слове указана его частота (по "Частотному словарю" — Частот. сл.). Внутри пары первым приводится член, встречающийся чаще, а весь список построен в порядке убывания частоты первых членов пар.

Там, где акцентное отталкивание невозможно из-за наличия более сильных противодействующих факторов (суффикс *-к-* или *-н'-* в обоих членах пары, принадлежность пары к группе цветообозначений), антонимическая пара заключена в квадратные скобки (в тройке *твёрдый, жёсткий — мя́гкий* в таком положении оказывается только член *жёсткий*).

Пары (не стоящие в квадратных скобках), где акцентный контур обоих членов одинаков, отмечены слева знаком "!". Там, где такое совпадение наблюдается лишь для одного из двух параллельных антонимов, при таком антониме ставится помета NB.

большо́й 2066	– *ма́ленький* 487 *ма́лый* 224
молодо́й 608 *но́вый* 1722 (NB)	– *ста́рый* 468
высо́кий 549	– *ни́зкий* 116
хоро́ший 535	– *плохо́й* 128
по́лный 515	– *пусто́й* 123
[*чёрный* 473	– *бе́лый* 471]
ра́зный 341 *разли́чный* 291	– *одина́ковый* 51
широ́кий 312	– *у́зкий* 102
тяжёлый 296 *тру́дный* 143 (NB)	– *лёгкий* 152
просто́й 287	– *сло́жный* 239
живо́й 282	– *мёртвый* 102
до́брый 277	– *зло́й* 87
холо́дный 241	– *тёплый* 145 *горя́чий* 163 (NB)
бога́тый 238	– *бе́дный* 112
! *си́льный* 237	– *сла́бый* 98
[*тёмный* 228	– *све́тлый* 116]
! *чи́стый* 225	– *гря́зный* 59
дорого́й 224	– *дешёвый* 43
глубо́кий 216 *кру́пный* 349 (NB)	– *ме́лкий* 201
бли́зкий 215	– *далёкий* 107
свобо́дный 198	– *за́нятый* (и *занято́й*) 48
весёлый 183 *смешно́й* 52	– *гру́стный* 36
бы́стрый 157	– *ме́дленный* 36
! *у́мный* 151	– *глу́пый* 99
! *прямо́й* 142	– *криво́й* 28
больно́й 134	– *здоро́вый* 89
! *ти́хий* 120	– *гро́мкий* 39
! *твёрдый* 117 [*жёсткий* 22]	– *мя́гкий* 91
винова́тый 113	– *пра́вый*[5]
поле́зный 93	– *вре́дный* 48
! *пья́ный* 88	– *тре́звый* 12
сухо́й 87	– *мо́крый* 66
! *ре́дкий* 80	– *ча́стый* 25
о́стрый 77	– *тупо́й* 18
го́лый 73	– *оде́тый* 53
те́сный 71	– *просто́рный* 36
то́лстый 69	– *худо́й* 32 *то́нкий* 162 (NB)
густо́й 62	– *жи́дкий* 27
круто́й 52	– *поло́гий* 13
[*ра́нний* 46	– *по́здний* 45]
[*го́рький* 43	– *сла́дкий* 33]
голо́дный 39	– *сы́тый* 25
сыро́й 37	– *варёный* 5
слепо́й 31	– *зря́чий* 5
босо́й 25	– *обу́тый* 2
скупо́й 17	– *ще́дрый* 12
жена́тый 16	– *холосто́й* 14

[5] *Пра́вый* имеет общую частоту 204, но из этого числа бо́льшая часть несомненно приходится на долю прилагательного *пра́вый* 'dexter', которое здесь не рассматривается, так как является относительным.

Напомним, что в связи с нестрогой постановкой самой задачи данный список не может претендовать на полноту и строгую точность. В частности, для некоторых пар (особенно в конце списка) можно было бы предложить в качестве вторых вариантов дополнительные члены (скажем, *вла́жный* и *сыро́й* в дополнение к *мо́крый*, *ре́дкий* в дополнение к *жи́дкий* и т. п.). Можно было бы добавить несколько пар с менее четким семантическим противопоставлением (например, *я́ркий—ту́склый* или *я́ркий—бле́дный* и т. п.) или, наоборот, забраковать некоторые пары из конечной части списка (скажем, *сыро́й—варёный*).

Ясно, однако, что существенный для нашего разбора общий вывод от этих модификаций уже не изменился бы. Он состоит в том, что из числа антонимических пар, свободных от действия особых факторов (т. е. не заключенных в квадратные скобки), пары с совпадением акцентных контуров (помета "!") составляют в полученном списке лишь незначительное меньшинство (8 из 43), а главное — самая частая из таких пар (*си́льный—сла́бый*) занимает лишь 14-е место по частоте.

Что касается случаев, когда совпадение акцентных контуров реализуется лишь при части значений одного из антонимов (помета NB), то, как уже было отмечено, они малопоказательны ввиду принципа единства акцентуации лексемы. Правда, судя по частотам, вариант с совпадением акцентных контуров в части случаев можно было бы считать основным. Так, в частности, *но́вый* встречается чаще, чем *молодо́й*, *то́нкий* — чаще, чем *худо́й*. Можно думать, однако, что, несмотря на статистику, вариант, связанный с описанием человека (*молодо́й*, *худо́й*), оказывается здесь более весомым при формировании акцентной оппозиции антонимов, чем вариант с более абстрактным значением (*новый*, *то́нкий*). Что касается пары *глубо́кий—ме́лкий*, то она прочно включена в блок оппозиций пространственных прилагательных на *-окий* и *-кий* (§ 5); поэтому она оказывается более весомой, чем пара *кру́пный—ме́лкий*, хотя *кру́пный* встречается чаще, чем *глубо́кий*.

§ 7. Зададимся теперь следующим вопросом: не может ли наблюдаемое в нашем списке соотношение антонимических пар с одинаковыми и с разными контурами быть результатом простой случайности? Иначе говоря — сильно ли отличается это соотношение от того, которое ожидалось бы при случайном выборе пар из общего массива русских качественных прилагательных?

В нашем списке антонимов фигурирует 104 слова (каждая многозначная единица типа *ста́рый* учитывается один раз). В акцентном отношении они делятся так: акцентный контур *пусто́й* (т. е. все прилагательные с флексионным ударением) — 23 слова (считая вариант *занято́й*); контур *ча́стый* — 54; контуры *высо́кий* и *ме́дленный* (т. е. с двусложной основой) — 25; контуры *винова́тый*, *одина́ковый* — 2.

Попытаемся теперь количественно оценить тот фонд качественных прилагательных, из которого эти слова были выбраны (оценка может быть только приблизительной, поскольку нестрога граница, отделяющая качественные прилагательные от относительных). Что касается прилагательных с контурами *пусто́й* и *ча́стый*, то здесь для наших целей можно воспользоваться, в частности, содержащимися в работе Зализняк 1967, с. 169—170 списками прилагательных, для которых словари приводят краткие формы. Прилагательных с акцентным контуром *пусто́й* в этих списках содержится 44, с контуром *ча́стый* — 330 (слова, "расщепленные" по значениям, сосчитаны по одному разу). Гораздо труднее оценить число качественных прилагательных с более длинной ударной основой; ясно лишь, что их несколько тысяч (напомним, что в их число входят, в частности, прилагательные на *-истый*, *-астый*, *-атый*, *-оватый*, *-ивый*, *-чивый*, *-ливый*, *-имый*, *-енький*, очень многие на *-ный* и др.).

Из сопоставления приведенных цифр совершенно ясно, что количественное соотношение разных акцентных контуров в группе "хороших антонимов" решительно не соответствует их соотношению в классе качественных прилагательных в целом: из слов с контуром *пусто́й* в класс "хороших антонимов" вошла половина, из слов с контуром *ча́стый* — менее одной шестой, из слов с контурами *высо́кий*, *ме́дленный* и более длинными — совершенно ничтожная часть.

Здесь необходимо, правда, учесть, что прилагательные последней категории, т. е. с относительно длинными основами, почти всегда многоморфемны. Соответственно, их значение складывается из целой серии компонентов, а для слов со сложным значением гораздо менее вероятно существование точного антонима, образованного иначе, чем с помощью приставки *не-*. Вдобавок, выше мы исключили из разбора антонимические пары типа *то́лстенький—ху́денький* и т. п., что дополнительно сокращает для длинных слов шансы попасть в наш список антонимов. По этим причинам непропорционально малое число прилагательных с длинными ударными основами в списке "хороших антонимов" можно считать непоказательным.

Между тем соотношение прилагательных с контуром *пусто́й* и с контуром *ча́стый* в нашем списке вполне показательно: первые представлены здесь примерно в три раза чаще, чем ожидалось бы при случайной выборке (из общего фонда качественных прилагательных с этими двумя контурами)[6].

---

[6] Чтобы освободиться от подозрения, что такой эффект возникает целиком за счет влияния суффиксов, можно проделать аналогичные подсчеты для одних лишь непроизводных прилагательных с контурами *пусто́й* и *ча́стый*. Поскольку граница между производными прилагательными и опростившимися (типа *мо́крый*, *ры́хлый*, *кра́сный*) не совсем четка, цифры здесь не вполне строги. Но в целом результат получается сходный с указанным выше: контур *пусто́й* и здесь представлен гораздо чаще (примерно в два раза), чем ожидалось бы при случайной выборке.

Таким образом, качественные прилагательные на *-óй* явно обнаруживают повышенную способность участвовать в формировании антонимических пар. При этом противоположные члены таких пар обычно оказываются принадлежащими к другим акцентным контурам (единственное исключение: *прямóй—кривóй*); но это обстоятельство само по себе уже неудивительно, если учесть указанные выше количественные соотношения прилагательных разных акцентных контуров.

Итак, на синхроническом уровне мы должны констатировать существование гораздо большего, чем ожидалось бы на основании общей статистики прилагательных, числа антонимических пар с противопоставлением акцентных контуров.

Заметим, что указанный вывод получен даже без учета частот входящих в антонимические пары прилагательных. Как легко видеть из приведенного выше списка, если бы учитывались лишь самые высокочастотные пары, этот вывод только усилился бы.

Кроме того, при подсчетах мы ради упрощения пренебрегли особыми отношениями, которые возникают в тройках типа *молодóй* (но также *нóвый*)—*стáрый*, т. е. рассматривали все три члена таких троек как равноправные. В действительности же, как мы видели, часть случаев, когда оба члена антонимической пары принадлежат к одному и тому же контуру типа *чáстый*, относится именно к таким тройкам, т. е. не вполне показательна.

§ 8. С диахронической точки зрения в рассмотренной группе прилагательных картина такова.

Большая часть этих прилагательных (более 60) исторически принадлежит к акцентным парадигмам *a* и *b* и, соответственно, уже в древнерусском имела в полных формах ударение на основе. Почти все они сохранили такое ударение до нашего времени.

Важнейшим исключением здесь является самое высокочастотное слово — *большóй*: оно получило в ходе истории новое ударение — флексионное. Точнее, исходное слово "расщепилось" на два слова с разным ударением: слово *бóльший* сохранило как старое значение (а именно, значение сравнительной степени), так и старое ударение, а слово *большóй* отделилось от него как по значению (заменив собою прежнее *велúкий*), так и по ударению. Этой дифференциации (которая утвердилась не ранее XVII века) предшествовал значительный период, когда в обоих значениях могли выступать (в разных говорах, а нередко и в одном и том же) оба ударения. По-видимому, закреплению акцентовки *бóльший* именно за сравнительной степенью способствовала аналогичная акцентовка у *мéньший, лýчший, хýдший, гóрший* и т. п. С другой стороны, закреплению акцентовки *большóй* за значением 'magnus' могло способствовать противопоставление со словом *мáлый* (где наосновное ударение исконно). Небезынтересно отметить в этой связи, что в украинском языке, где значение 'mag-

nus' передается, как и в древнерусском, словом *велúкий*, в данной семантической паре тоже развилась (или, точнее, усилилась) акцентная оппозиция, но уже за счет изменения в противоположном члене: исконное ударение *мáлый* сменилось на современное украинское *малúй*[7].

У слова *сырóй* флексионное ударение, по-видимому, неисконно; но утрата прежнего корневого ударения относится здесь к очень раннему времени (вероятно, до XVI в.). Причина этой индивидуальной замены неясна. О слове *скупóй* см. § 3, о словах *высóкий, широ́кий, блúзкий* — § 2.

Около 40 прилагательных нашего списка исторически принадлежат к акцентной парадигме *c*, т. е. имели в древнерусском флексионное ударение в полных формах. Из них лишь около половины сохранили это ударение до нашего времени; у остальных оно сменилось наосновным.

Часть случаев такой замены относится к очень раннему времени. Так, у отпричастных *горя́чий, зря́чий, варёный* наосновное ударение установилось (по причинам морфологического характера) еще в древнерусскую эпоху.

Весьма рано (в большинстве говоров до XVI в.) получили наосновное ударение прилагательные *свéтлый, твёрдый, трéзвый* (церковнославянизм), *свобóдный*; кроме того, *нóвый* и *тёмный* (у которых вариант с наосновным ударением, по-видимому, существовал уже в праславянском).

В дальнейшем в говорах центра, легших в основу русского литературного языка, получили наосновное ударение: 1) все прилагательные с суффиксом *-к-*, например, *тóнкий, гóрький, слáдкий, жúдкий, грóмкий, жёсткий* (иначе говоря, у таких прилагательных в этих говорах наосновное ударение было морфологизовано, т. е. стало обязательной сопутствующей характеристикой самого суффикса *-к-*); 2) прилагательные *чáстый, весёлый, дешёвый, тéсный, холóдный, голóдный, гря́зный* (возможно, сюда же нужно отнести еще слова *тóлстый, грýстный, врéдный*, но для них не вполне надежно восстанавливается первоначальная акцентовка). Очевидно, мы имеем здесь дело с проявлением общей тенденции к переводу всех качественных прилагательных в модель с наосновным ударением полных форм, развившейся в центральных (и южных) великорусских говорах; см. Зализняк 1985, § 3.58—59.

Обратимся теперь к прилагательным, сохранившим свое древнее флексионное ударение. Некоторая часть из них — это обозначения физических и психологических недостатков: *слепóй, кривóй, худóй, больнóй, смешнóй, холостóй, плохóй*, также *злóй* (прилагательное ак-

---

[7] Вероятно, изменение исконного ударения *слáбый* на украинское *слабúй* объясняется сходным образом: ср. его антонимы *сúльний, дýжий*; отметим, что Л. А. Булаховский именно ударения *слабúй* и *малúй* выделяет как неясные (Булаховский, с. 368).

центной парадигмы *b*, имеющее, однако, флексионное ударение из-за неслоговой основы). Для этих слов одним из факторов сохранения старого ударения (вероятно, даже основным) было частное семантическое правило, разобранное в § 3.

С другой стороны, почти все рассматриваемые здесь прилагательные на *-óй* (как обозначения недостатков, так и прочие) входят в антонимические пары, где противоположный член имеет наосновное ударение. Таковы: 1) *молодóй, плохóй, пустóй, простóй, живóй, злой, больнóй, сухóй, тупóй, крутóй, босóй, холостóй* — здесь наосновное ударение противоположного члена пары исконно; 2) *дорогóй, слепóй, занятóй, густóй* — здесь противоположный член пары некогда тоже имел флексионное ударение, но утратил его в ходе истории (остаются еще *худóй* и *смешнóй*, принадлежность которых к группе 1 или 2 неясна из-за неясности исходной акцентовки слов *тóлстый* и *грýстный*, см. выше). Допустимо предполагать, что в группе 1 по крайней мере одним из факторов, позволивших этим прилагательным не подчиниться общему правилу о переходе качественных прилагательных к наосновному ударению, была тенденция сохранить акцентное противопоставление внутри антонимической пары. Что касается группы 2, то здесь в принципе можно было бы даже предполагать прямую акцентную поляризацию членов пары; в действительности, однако, тáкое предположение до известной степени вероятно лишь для пары *дорогóй—дешёвый* (слова *зря́чий, свобóдный, жи́дкий,* по-видимому, изменили ударение по другим причинам). Но в любом случае верно, что после перехода слов *дешёвый, зря́чий, свобóдный, жи́дкий* к наосновному ударению здесь сложилась такая же ситуация, как в парах группы 1.

Не укладывается в эту схему всего одна пара: *прямóй—кривóй.*

Легко заметить, разумеется, что предполагаемое воздействие фактора антонимии в ряде случаев не смогло воспрепятствовать общей тенденции качественных прилагательных к наосновному ударению. Так, например, *грязнóй, частóй* сменились на *гря́зный, чáстый*, несмотря на то, что они образуют антонимические пары с *чи́стый, рéдкий.* В условиях противоборства двух тенденций наличию подобных случаев не приходится удивляться; более показательно как раз то, что в достаточно большом числе случаев фактор антонимии получил перевес. Существенно также, что для самых частотных слов (т. е. стоящих во главе нашего списка) этот фактор более эффективен, чем для остальных.

Чтобы яснее представить себе вероятную картину формирования семантических факторов акцентуации прилагательных, необходимо учитывать, что уже в XVI—XVII вв. мы застаем на великорусской территории чрезвычайно широкие колебания в акцентуации полных форм прилагательных. Речь идет как о различиях в ударении одного и того же прилагательного в разных говорах, так и о многочисленных колебаниях внутри одного и того же говора (ср., в частно-

сти, Зализняк 1985, § 3.58—59). Так, практически для всех упоминаемых в настоящей работе прилагательных с односложной основой (из числа тех, которые вообще зафиксированы в старых текстах) в памятниках XVI—XVII вв. можно найти примеры как с наосновным, так и с флексионным ударением (хотя, разумеется, в далеко не одинаковых количественных соотношениях для разных слов). При подобных массовых колебаниях создаются благоприятные условия для перераспределения акцентовок по новым основаниям — особенно в центре, где наиболее активен контакт носителей разных говоров. Процесс выработки литературной нормы (в данном случае в области акцентуации) дает дополнительные стимулы для такого перераспределения.

Замечание. Нельзя согласиться с нередко встречающимся (преимущественно в неявной форме) взглядом на формирующуюся в центре норму как на результат своего рода "чересполосного" соединения разнодиалектных явлений: скажем, такие-то слова или словоформы входят в норму с "северновеликорусским" ударением, а какие-то другие — с "южновеликорусским". Подобный упрощенно-механистический взгляд — остаток устаревших воззрений, согласно которым лингвистически последовательными системами являются лишь говоры, тогда как междиалектные койне и литературные языки представляют собой непоследовательные (и тем самым лингвистически менее интересные) конгломераты. В действительности в междиалектных койне и в литературных языках (если только последние не отделены от живой речи непроходимой гранью) часто создаются более благоприятные условия для реализации новых тенденций, например, в сфере акцентуации, чем в большинстве говоров. Междиалектное общение порождает широкую зону вариативности, и тенденция к новому распределению тех или иных элементов (окончаний, ударений и т. д.), т. е. к созданию какого-то достаточно прозрачного правила взамен прежнего, чисто традиционного (немотивированного) распределения, в этих условиях реализуется более беспрепятственно: речь идет лишь о выборе среди и без того бытующих вариантов, а не о прямой замене традиционного элемента нетрадиционным. Разумеется, не следует впадать в обратную крайность: нельзя отрицать специфики литературного языка, допускающей искусственные нормы, требующей некоторого "торможения" тенденций разговорной речи и т. д. Важно лишь подчеркнуть, что литературный язык (если только он не является привилегией совсем узкой элиты) представляет собой полноценный лингвистический объект, развитие которого — по крайней мере, в кардинальных моментах, а не в деталях — определяется в первую очередь собственно языковыми механизмами.

Можно думать, таким образом, что как общая тенденция к переводу качественных прилагательных в тип с наосновным ударением, так и более частные тенденции, например, к флексионному ударению у названий недостатков или к акцентному противопоставлению в антонимических парах, фактически реализовались в центре великорусской территории в основном через выбор из сосуществующих акцентных вариантов.

---

§ 9. Итоги проведенного разбора таковы. На синхроническом уровне современного литературного русского языка оказывается возможным уточнить формулировку правила о качественных прилагательных, данную в работе Зализняк 1985, § 1.56. Основной принцип, согласно которому качественные прилагательные имеют в полных формах ударение на основе, должен быть признан всеобщим (не имеющим морфологических ограничений); иначе говоря, он распространяется не только на производные, но и на непроизводные прилагательные. С другой стороны, он должен быть дополнен несколькими частными семантическими правилами: 1) названия физических и психологических недостатков обычно имеют флексионное ударение в полных формах; 2) цветообозначения имеют наосновное ударение в полных формах; 3) при наличии антонима с наосновным ударением прилагательное может иметь флексионное ударение вопреки сформулированному выше основному принципу.

После принятия этих уточненных формулировок, во-первых, следующие прилагательные, квалифицированные в работе Зализняк 1985, § 1.58, как прямые исключения из правил, перестают быть исключениями: *чудно́й, блажно́й, срамно́й, дрянно́й, дурно́й, смешно́й, шально́й, хмельно́й, больно́й, сволочно́й, балoвно́й, пробивно́й, озорно́й, разбитно́й* (из приведенного в указанном параграфе списка статус исключений сохраняют лишь слова *цветно́й, коренно́й, проливно́й, показно́й*).

Во-вторых, распределение непроизводных качественных прилагательных по схемам ударения (полных форм) перестает быть чисто списочным: оно переходит в ведение тех же правил, что и для производных прилагательных. Подавляющее большинство из них подчиняется просто основному принципу, например: *стро́гий, ти́хий, твёрдый, ми́лый, бо́дрый, ча́стый* и т. п.; по существу сюда же примыкают цветообозначения — *бе́лый, си́ний, жёлтый* и т. д. Названия физических и психологических недостатков, например, *глухо́й, хромо́й, рябо́й, лихо́й* и т. п., подчиняются соответствующему более частному правилу (специально отметим, что прилагательные *криво́й* и *косо́й* при любых значениях сохраняют ударение, полученное в силу данного правила). Далее идут случаи, где отклонение от основного принципа может быть объяснено фактором акцентного отталкивания при антонимии. Сюда можно отнести: *большо́й, молодо́й, пусто́й, просто́й, живо́й, дорого́й, сухо́й, тупо́й, густо́й, круто́й, сыро́й, босо́й, холосто́й*. В словах *плохо́й, худо́й, скупо́й* (отчасти также *босо́й, холосто́й*) одновременно действуют правило об ударении в обозначениях недостатков и фактор антонимии. Поскольку принцип акцентного отталкивания при антонимии действует без полной обязательности, приведенный перечень с формальной точки зрения необходим; однако наличие единого основания, по которому выделена эта группа прилагательных, существенно отличает данный перечень

от обыкновенного списка исключений. Особо стоит небольшая группа прилагательных, где действию общих правил препятствует книжный (или даже церковный) характер слова: *благóй, святóй, нагóй, младóй*. После всего этого прямыми исключениями (где не усматривается каких-либо иных причин для отклонения, кроме простого наследования традиционного ударения) остаются лишь *тугóй* и *прямóй*.

С диахронической точки зрения, основной выигрыш от предложенной выше схемы состоит в том, что главное направление акцентной эволюции качественных прилагательных в говорах, легших в основу русского литературного языка, объясняется одной и той же тенденцией для прилагательных любой морфологической структуры, т. е. как производных, так и непроизводных.

ЛИТЕРАТУРА

Булаховский — *Л. А. Булаховский*. Избр. тр. В 5-ти томах. К., 1977. Т. 2.

Деулин. сл. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

Зализняк 1967 — *А. А. Зализняк*. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Частот. сл. — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—1985. Вып. 1—12.

Jakobson — *R. Jakobson*. Spatial relationships in Slavic adjectives // Scritti in onore di Giuliano Bonfante. Brescia, 1977. Vol. 1.

О ПОКАЗАТЕЛЯХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В РУССКОМ СКЛОНЕНИИ

В своих замечательных «Морфологических наблюдениях над славянским склонением»[1] Р. О. Якобсон предложил удивительный по смелости и новизне анализ структуры русских именных окончаний, в результате которого было разрушено казавшееся незыблемым представление о морфологической нерасчленимости этих окончаний. Излагаемые ниже наблюдения представляют собой попытку продолжить анализ такого типа.

Изучение русских именных парадигм дает основания для следующего предположения: в современном русском склонении существуют формальные элементы, которые функционируют как самостоятельные показатели множественного числа, не зависящие от падежа[2]. Такими показателями являются: *i* в адъективном склонении[3] и *a* в субстантивном склонении. Ср. *moj-í, moj-í-x, moj-í-m, moj-í-m'i*; *dom-á, dom-á-x, dom-á-m, dom-á-m'i* (Р. мн. субстантивного склонения стоит особо, см. ниже).

Трактовка элементов *i* и *a* в окончаниях мн. числа как показателей мн. числа дает возможность установить следующие естественные с типологической точки зрения соответствия между содержанием и формой в области грамматических значений имени: (1) немаркированное число (единственное) выражается нулевым показателем, а маркированное (множественное) — ненулевым; (2) немаркированный (по всем различительным признакам) падеж (именительный) выражается нулевым показателем в обоих числах, ср. *moj — moj-í*, *dom — dom-á,* где *i* и *a* выражают только число, но не падеж. (Заметим, что *a* и *o* в словоформах типа *moj-á, moj-ó, vod-á, okn-ó,* очевид-

---

[1] *Р. О. Якобсон.* Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм) // American Contributions to the IVth International Congress of Slavicists ('s-Gravenhage, 1958).

[2] При несколько ином взгляде на соотношение между самим языком и его грамматическим описанием (или описаниями) ту же мысль можно выразить иначе: в описании современного русского склонения целесообразно оперировать самостоятельными показателями мн. числа.

[3] Слова *тот* и *весь* имеют *е* вместо *i*.

но, следует рассматривать как показатели рода.) Кроме того, как будет видно ниже, такая трактовка позволяет предложить простое объяснение одному известному явлению современного русского языка, а именно активной тенденции к замене *i* на *a* в И. мн. существительных.

Рассмотрим теперь, по крайней мере, часть возможных возражений против указанной трактовки. (При этом мы будем отвлекаться от некоторых деталей, требующих тех или иных частных поправок к излагаемой общей схеме.)

Прежде всего, в адъективном склонении господствующим окончанием И. мн. является *iji*[4] (а не просто *i*, как в приведенном выше примере), например, *živ-íji*. Если элемент *ji* выражает здесь именительный падеж, то нарушается указанное выше правило, по которому этот падеж всегда имеет нулевой показатель. Сравним, однако, обычные (так наз. "полные") формы именительного падежа прилагательных с так наз. "краткими" (т. е., такими, которые могут выступать только в предикативной, но не в атрибутивной функции)

živ-ój	*živ-ája*	*živ-ójo*	*živ-íji*
živ	*živ-á*	*živ-o*	*živ-i*

Такое сравнение позволяет выделить в "полных" формах особый морфологический элемент, который можно назвать показателем допустимости атрибутивной функции. Его структура такова: *j* + гласная, повторяющая ту, которая стоит непосредственно перед данным элементом. Это верно и для формы мужского рода, где *o* (или *i*) перед *j* представляет собой просто вокалическую вставку, вызванную недопустимостью конечного сочетания "согласная + *j*" (ср. И. ед. *solovéj* при основе прочих словоформ *solovj-* и т. п.), и, таким образом, отсутствие гласной после *j* повторяет отсутствие гласной перед всем этим элементом. Из сказанного видно, что *ji* в И. мн. не является показателем именительного падежа, т. е., правило о том, что этот падеж имеет нулевой показатель, в парадигмах прилагательных в действительности не нарушается.

В субстантивном склонении вызывают трудности именительный и родительный падежи мн. числа.

В И. мн. фактически лишь меньшая часть существительных имеет окончание *a* (ср. *места́, боло́та, дома́*), большинство же имеет *i* (ср. *столы́, жи́тели, сте́ны, о́бласти*). Однако, как хорошо известно, именно в этой форме обнаруживается сильная тенденция к замене этого *i* на *a*. Результаты этой тенденции уже узаконены современной литературной нормой примерно для 250 слов мужского рода; в разговорной и в особенности в профессиональной речи эта тенден-

[4] Для изображения этого окончания из нескольких равно допустимых морфонологических записей здесь взята та, которая применяется, в частности, в указанной работе Р. О. Якобсона; она наилучшим образом соответствует предлагаемой ниже схеме.

ция охватывает гораздо более широкий круг слов (причем не только мужского, но и женского рода). В соответствии с предложенной выше трактовкой элементов *i* и *a* естественно предположить, что по крайней мере одна из причин этого явления состоит в стремлении распространить элемент *a*, выступающий в косвенных падежах и уже воспринимающийся как показатель мн. числа, на все словоформы мн. числа. Подчеркнем, что под причинами данного явления здесь подразумеваются не его исторические истоки (связь с двойственным числом, с собирательными существительными и т. д.)[5], а факторы, обуславливающие интенсивное распространение окончания И. мн. *a* в современном языке. (В самом деле, факторы первого и второго рода могут быть совершенно различными, поскольку само появление первых парадигм типа *глаз — глазá, рог — рогá* т. п. еще не объясняет притягательной силы этой модели.) Соответственно, говоря о замене *i* на *a*, мы будем далее иметь в виду именно поздние формы И. мн. на *a* (а не такие, как, например, *глазá, рогá, рукавá, господá*).

Рассмотрим это явление несколько подробнее. Будем пользоваться следующими обозначениями схем ударения (т. е., типов распределения наосновного и флексионного ударения в парадигме): *a* — постоянное ударение на основе (образцы *спор, рыба, крéсло, тетрáдь*); *b* — ударение на окончаниях во всех словоформах с ненулевым окончанием (*топóр, чертá, веществó*); *c* — ударение на основе в ед. числе и на окончаниях во мн. числе (*сад, нóмер, мéсто*); *d* — ударение на окончаниях в ед. числе и на основе во мн. числе (*лисá, винó*); *e* — ударение на основе в ед. числе и в И. мн., на окончаниях в косвенных падежах мн. числа (*слог, лéбедь, кровь, óбласть*); *f* — ударение на окончаниях везде, кроме И. мн. (*губá*)[6].

Как показывает наблюдение, процесс замены *i* на *a* во мн. числе охватывает прежде всего существительные, обладающие одновременно следующими характеристиками:

(1) окончания косвенных падежей мн. числа либо уже ударны (по литературной норме), либо стремятся стать таковыми (вопреки норме) в силу акцентуационной тенденции к противоположному ударению в разных числах (в данном случае по модели: начальное ударение в ед. числе, конечное — во мн. числе);

(2) окончание И. мн. безударно (по литературной норме);

(3) окончание И. ед. — не *á* (т. е., новый И. мн. на *á* не совпадет с И. ед.).

Практически таковы, во-первых, все слова схемы ударения *e*, во-вторых, начальноударные слова схемы *a* с нулевым окончанием в И. ед. (которые в силу указанной акцентуационной тенденции стре-

[5] См., в частности: *А. А. Шахматов.* Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 330; *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 198.

[6] Ударение в винительном и 2-м предложном падежах здесь для упрощения не учитывается.

мятся к переходу в схему *c*). Примеры новых словоформ И. мн. для слов мужского рода: *годá, громá* (допустимые и в литературной речи), *слогá, ломá, ходá, портá, козырá, обручá, овощá* (по норме схема *e*); *омутá, оводá, тракторá, слесарá, цехá* (допустимые и в литературной речи), *месяцá, примусá, выборá, рапортá, клапанá, полюсá, тортá, тросá, штормá* (по норме схема *a*). Особую группу составляют срединноударные на *ктор, ссор* и некоторые сходные с ними слова, ср. *кондукторá, прожекторá, компрессорá, ефрейторá, бухгалтерá*. Примеры новых словоформ И. мн. для слов женского рода: *кровя́, церквя́, дочеря́, матеря́, областя́, отрасля́, очередя́, площадя́, пристаня́, скоростя́, мелочá, скорые помощá*. Все они просторечны; узаконено литературной нормой только plurale tantum *зеленя́*. Отметим, что в указанных группах слов И. мн. на ударное *i* не встречается (т. е., при изменении прежнего ударения замена окончания И. мн. обязательна).

У существительных, не обладающих хотя бы одной из указанных характеристик, рассматриваемый процесс очень слаб или вообще не наблюдается.

Отмеченные ограничения, по-видимому, могут быть по крайней мере частично объяснены. Первое ограничение естественно связать с тем, что безударные *a* и *i* фонетически реализуются в современном языке в виде весьма близких редуцированных звуков (имеется в виду литературная фонетическая норма и близкие к ней по вокализму диалектные системы). В некоторых типах произношения эти звуки просто совпадают, но даже в тех случаях, где совпадения не происходит, разница столь мала, что она не мешает воспринимать, например, окончания словоформ *спóры, спóрам, спóрами, спóрах* (а также *спóров*) как имеющие единообразное гласное начало — звук типа [ъ]. Иначе говоря, при безударных окончаниях желаемое единство показателя мн. числа можно считать уже достигнутым. Отметим, что безударные окончания мн. числа имеют более 90% всех существительных (это слова схем *a* и *d*).

Второе из отмеченных ограничений, возможно, объясняется тем, что замена безударного *i* на ударное *a* (например, *козыря́* вместо *кóзыри*), в силу близости безударных *i* и *a*, может восприниматься просто как перенос ударения (тогда как замена ударного *i* на *a* представляет собой несомненную морфологическую подстановку). Это ограничение слабее, чем предыдущее. Так, отдельные слова мужского рода схемы *c* с И. мн. на ударное *i* допускают также И. мн. на *a* (ср. *гробá, родá, возá, супá*). В то же время у слов мужского рода схемы *b* такие словоформы почти не встречаются. По-видимому, эта разница связана с тем, что при схеме *b* (в отличие от схемы *c*) возникла бы омонимия И. мн. с Р. ед.[7]

---

[7] Вероятно, по этой же причине И. мн. на *a* отсутствует у немногочисленных слов мужского рода схемы *f* (типа *конь*).

Третье ограничение вполне очевидно. Оно препятствует образованию нового И. мн., например, у слов типа *ноздря́, губа́* (схема *f*), *статья́, черта́* (схема *b*).

Итак, процесс замены *i* на *a* в И. мн. существительных, происходящий в современном языке, можно представить как обобщение показателя мн. числа, сдерживаемое лишь некоторыми фонетическими и морфологическими препятствиями.

Что касается Р. мн., то здесь переноса элемента *a* не наблюдается; устойчиво сохраняются окончания *ov*, *ej* и нуль. Дело в том, что для такого переноса здесь исторически не сложилось ни одного готового образца (т. е., не было ни одного слова, у которого окончание Р. мн. содержало бы *a*)[8]; ср. И. мн., где распространение элемента *a* опиралось на готовые образцы типа *места́* (средний род) и *рога́* (исторически двойственное число). Особое положение Р. мн. русских существительных в системе падежей мн. числа можно сравнить, например, с положением эстонского партитива, который во мн. числе может не иметь общего для всех прочих падежей числового показателя *d(e)*, *te*.

Мы не рассматриваем здесь вопросов, связанных с внутренним анализом окончаний ед. числа. Отметим лишь, что в соответствии с предложенной трактовкой, например, словоформа Р. ед. *до́ма* должна рассматриваться как содержащая нулевой показатель ед. числа и показатель родительного падежа *a*, а словоформа И. мн. *дома́* — как содержащая показатель мн. числа *а́* и нулевой показатель именительного падежа, и т. д.

В целом русское склонение может быть представлено, таким образом, в виде полуагглютинативной системы, где мн. число выражается одним из двух постоянных показателей, однако показатели падежей в разных числах сходны лишь отчасти[9] (полностью совпадая лишь в максимально немаркированном падеже — именительном).

---

[8] Р. О. Якобсон указал, что особое положение окончаний Р. мн. (*ov*, *ej*) определяется также их связью с близкими к ним по значению суффиксами принадлежности, ср. *отцов, ли́сий*.

[9] См. *Р. О. Якобсон.* Указ. соч. Раздел IV.

ПРАВИЛО ОТПАДЕНИЯ КОНЕЧНЫХ ГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Игорю Мельчуку к шестидесятилетию

Общеизвестно, что в русском языке в период после падения редуцированных в некоторых группах словоформ отпали конечные гласные. Обширный перечень таких случаев содержится уже в «Лекциях» А. И. Соболевского (1907, с. 93—97). Здесь указаны, в частности: для конечного *-ѣ* — Р. ед. *доброй* и т. д., *вѣдь, доколь, отколь, досель, сквозь* (из *доброѣ, вѣдѣ, доколѣ* и т. д., *сквозѣ*); для *-у* — Т. ед. *женой, доброй* и т. д., *нѣт, чай, благодарствуй, пожалуй* (из *женою, доброю, нѣту, чаю* и т. д.); для *-е* — *скорѣй* и т. д., *лишь, авось, здѣсь, уж, ж* (из *скорѣе, лише, а восе, сьдѣсе, уже, же*), *дѣ* или *де* (из *дѣи* < *дѣе*); для *-а* — *-сь, хоть, покамѣст* (из *-ся, хотя, по ка мѣста*); для *-о* — *тут, вот, вон, как, так, кам, сѣм* (из *туто, вото* и т. д.); для *-и, -ы* — *ль, б, обапол, нѣтуть* (из *ли, бы, обаполы, нѣтути*), *-м* из *-ми* в Д. мн. в северновеликорусском, *мь, ть* из *ми, ти* в галицко-волынских памятниках и некоторые другие (списка случаев, когда конечная гласная, напротив, сохраняется, Соболевский не дает).

Наиболее подробный анализ данного явления содержится в специально посвященной этой проблеме статье Н. Н. Дурново (Дурново 1928; кроме русского языка здесь рассматривается также украинский). Дурново перечисляет все классы случаев, где отпадение происходило, и все те, где не происходило. Как показывает Дурново, для отпадения конечной гласной необходимо (в нормальном случае), чтобы она была безударна и не стояла после группы согласных. В то же время он констатирует, что отпадение происходит или не происходит в зависимости не только от фонетических условий. Общий принцип состоит в том, что «конечная гласная устойчивее всего сохраняется там, где она является носителем определенного синтаксического значения» (Дурново 1928, с. 34). Дурново показывает, в частности, как в соответствии с действием этого принципа конечные гласные теряются у различных групп неизменяемых или утративших внутреннюю форму слов. Но для форм склонения и спряжения он все же de facto дает разграничение списком. Так, согласно Дурново, конечная гласная сохраняется:

1) в падежных окончаниях (за несколькими исключениями, см. ниже);

2) в родовых и числовых окончаниях;

3) в окончаниях личных форм индикатива (окончание *-ши* Дурново вслед за Соболевским оценивает как церковнославянское и предполагает, что в древнерусском издревле было *-шь*);

4) в окончаниях отадъективных наречий;

5) в окончаниях деепричастий.

С другой стороны, список категорий, где конечная гласная утрачивается (в той мере, в которой этому не препятствуют фонетические условия), таков:

1) инфинитив;

2) императив;

3) новый вокатив типа *мам, Вань, тётк, ребят*;

4) компаратив на *-ее*;

5) некоторые падежные окончания — *-и* в И. ед. *мати, дочи, -ою* в Т. ед., *-оѣ* в Р. ед., *-ами, -ыми* в Т. мн. в северновеликорусском (эти падежные окончания составляют исключения из предыдущего списка, объясняющиеся, по мнению Дурново, морфологическими причинами).

Из других исследователей, занимавшихся данной проблемой, следует выделить П. С. Кузнецова, который писал (Борковский, Кузнецов 1963, § 113): «В определенных условиях на протяжении истории русского языка имела место не связанная с аканьем редукция до нуля безударных гласных на конце слова. Она наблюдается и в окающих говорах, причем охватывает лишь определенные случаи (определенные категории слов и форм). Редуцироваться могут любые конечные гласные в окончаниях, состоящих не из одного соответствующего гласного, так что в результате его редукции окончание вообще не теряется, и в некоторых словах служебного и полуслужебного характера, произносимых без ударения или с ослабленным ударением».

Мы полагаем, однако, что рассматриваемое явление было более единым и последовательным процессом, чем это представляется на основании формулировок, содержащихся в излагаемых работах.

В настоящей статье мы пытаемся построить обобщающую формулировку правила отпадения конечных гласных и показать, что исключений из этого правила в действительности очень мало, т. е. соотношение нормы и исключения здесь обратное тому, что явно или неявно предполагают составители курсов истории русского языка.

С нашей точки зрения, основные идеи, на которых можно построить такую формулировку, в сущности уже содержатся в работах Н. Н. Дурново и П. С. Кузнецова. Необходимо лишь преодолеть тезис о принципиальной неполноте рассматриваемого процесса, т. е. о том, что он, говоря словами П. С. Кузнецова, «охватывает лишь определенные случаи (определенные категории слов и форм)».

Ниже предлагается некоторое решение указанной задачи. Поскольку в действительности на рассматриваемый процесс влияет довольно много факторов, формулировка правила, учитывающая их все, была бы недопустимо громоздкой. Поэтому мы даем здесь так наз. основное правило, учитывающее главные факторы, и ряд примечаний к нему, которые представляют собой не что иное как поправки на действие дополнительных факторов.

Основное правило таково.

В истории русского языка со времени падения редуцированных (XII век) в течение нескольких веков (по крайней мере до конца XVI века) действовала следующая закономерность: безударная конечная гласная фонетического слова, не составляющая самостоятельного морфа, факультативно (а в части случаев и окончательно) исчезала, если ей предшествовала одиночная согласная (или сочетание *ст*).

Примечания к основному правилу.

1. В императиве и вокативе ограничение «не составляющая самостоятельного морфа» не действует. В этих формах нестрого соблюдается также ограничение «если гласной предшествовала одиночная согласная или *ст*»: отпадение гласной возможно и после некоторых других сочетаний согласных (например, в императивах *порть, наморщь*, в новых вокативах *тётк, Ваньк*; см. Дурново 1928, с. 25—26). Эта особенность явно связана с тем типологическим обстоятельством, что именно императив и вокатив обнаруживают в громадном большинстве языков мира нулевое выражение (см. об этом Дурново 1928, с. 31). Соответственно, в этих двух случаях морфологическое сопротивление переходу флексионного морфа в нуль минимально.

2. Правилу о падении конечных гласных обычно не подчинялось (или подчинялось лишь в очень ограниченной степени) традиционное церковнославянское книжное чтение. Поэтому слова или словоформы, вошедшие в литературный русский язык именно из этого источника, обычно сохраняют конечную гласную. Важнейший пример — *ся* в причастиях: *являющаяся, борющегося, взявшиеся* и т. п. (где, в отличие от других категорий словоформ, даже и после гласной выступает *ся*, а не *сь*). Сюда же относятся такие церковнославянизмы, как *иже, понеже, дондеже, втуне, паки, восвояси* и т. п., далее термины *буки, веди, мыслете* и т. п. (заметим, что конечная гласная не отпадает также и в прочих неизменяемых существительных, ср. *леди, зебу* и т. п., но все они относятся к позднему слою русской лексики и уже по одной этой причине оказываются за рамками рассматриваемого процесса).

3. Основное правило относится к русскому языку в целом. Современный литературный русский язык в силу свойственного любому литературному языку нормативного регламентирования во многих случаях из двух возможностей, предоставляемых основным пра-

вилом, зафиксировал только одну (оставив за другой лишь статус диалектного варианта), например: *там*, *здесь* (при диалектных *та́мо*, *та́ма*, *зде́се*, *зде́ся*), с другой стороны, *ныне*, *иначе*, *откуда*, *оттуда*, *отсюда*, *всюду*, *отовсюду*, *около*, *мимо*, *либо* (при диалектных *нынь*, *ина́чь*, *отку́д* и т. п., *отовсю́д*, *о́кол*, *мим*, *либ*). Иногда второй из двух вариантов известен из старовеликорусских источников, как, например, *даж* (при современном литературном *даже*). Литературное регламентирование может выражаться также в том, что варианты с конечной гласной и без нее дифференцируются стилистически (ср., например, *водой* и *водою*, *тоже* и *тож*, *неужели* и *неужель*, *или* и *иль*) или даже семантически (*нет* и *нету*, *хоть* и *хотя*, *уж* и *уже* и т. п.). Важной частной особенностью литературной нормы является тенденция снять варьирование (т. е. алломорфизм) в энклитиках, не сросшихся со знаменательной словоформой. Поскольку после согласной возможен только вариант с гласной (*он же*, *он ли*, *он бы*, *он-то*, *дай-ка*), а после гласной возможны оба варианта (например, *она же* и *она ж*), то выравнивание всегда происходит в сторону более полного варианта. В результате, при сохранении таких сросшихся единиц, как *взялась*, *чтоб*, *уж*, *аж*, *тут* и т. п., в свободном соединении, например, *она ли* безусловно преобладает над *она ль*, а для ряда энклитик, в частности, *-то*, *-ка*, литературная норма исключила краткий вариант вообще. В свободном соединении краткий вариант (*б*, *ж*) сейчас полноценно сохраняется только у энклитик *бы* и *же*.

Иллюстрацией действия основного правила могут служить те же примеры, которые уже упомянуты выше.

Как показал материал берестяных грамот, древнерусский язык XI—XII вв. имел во 2 ед. презенса окончание *-ши* (не *-шь*). Постепенная замена *-ши* на *-шь* в XIII—XIV вв. прослеживается по берестяным грамотам вполне наглядно. Таким образом, в этой точке системы мы тоже имеем дело с фактом отпадения конечной гласной.

В круг примеров, относящихся к рассматриваемой проблеме, следует включить случаи замены *-ша* на *-шь* в 3 мн. аориста, в частности, *възяшь*, *послашь* вместо *възяша*, *послаша* в Синодальном списке I Новгородской летописи, под 1204, 1215, 1224 гг. (между прочим, эти примеры свидетельствуют о том, что аорист не был в это время мертвой формой: облик мертвых форм книжная традиция сохраняла в неприкосновенности).

Обратим внимание также на некоторые частности, требующие комментариев.

Проклитики, разумеется, не подпадают под действие основного правила, поскольку они не могут стоять на конце фонетического слова. Но следует иметь в виду, что многие союзы и предлоги не были проклитиками — они составляли отдельное фонетическое слово и, соответственно, могли терять конечную гласную; например, *али* (из *а ли*), *или*, *аже*, *ано*, *ати*, *оти*, *кабы*, *коли* могли превращаться в *аль*, *иль*, *аж*, *ан* и т. д.

Облик слова не менялся от того, что к нему добавлялась энклитика (устойчивые сочетания с энклитиками не в счет). Например, словоформа *ставь* сохраняет свой облик и в сочетаниях *ставь-ка, ставь же; рукой* — в *рукой-то, рукой ли, рукой бы.*

Некоторые слова, еще обладавшие в раннем древнерусском языке морфологической членимостью, в дальнейшем опростились, еще успев после этого попасть под действие основного правила; например, деепричастие *хот-я* превратилось в нечленимую частицу *хотя,* откуда *хоть*; аналогично *сквоз-ѣ* > *сквозѣ* > *сквозь.*

Далее. Согласно основному правилу, для того, чтобы отпасть, гласная должна была быть безударной. Имеются, однако, и такие случаи, когда отпала гласная, которая в древности была под ударением, например: Т. ед. *своéй рукóй* (из первоначального *своеѭ рукоѭ*), *взять* (из *възяти́*), *берéчь* (из *беречи́*), диалектное *принéсть* (ср. *принести́*), диалектное *полóжь* (ср. *положи́*). Во всех таких случаях необходимо предполагать перенос ударения на слог влево как предварительное условие для отпадения конечной гласной. Этот перенос произошел раньше, чем закончился процесс отпадения конечных гласных. Правда, некоторые из таких переносов (например, в *положи́*), может быть, сами были стимулированы начавшимся в других группах словоформ процессом устранения гласной в окончании (но разбирать этот сложный вопрос в рамках настоящей работы нет необходимости).

Внешне сходные примеры есть и среди служебных слов, в частности, *коль, иль, сквозь* из *коли́, или́, сквозѣ́*; но в действительности здесь отпадение гласной, по-видимому, произошло на базе вариантов, вообще лишенных ударения (например, безударного *коли*; см. об этом Дурново 1928, с. 21—22). В случаях *хотя́, ужé* (ср. *хоть, уж*) первоначальное ударение было иным: *хотя* было энклиноменом, *уже* — начальноударной словоформой.

В связи с вопросами ударения следует особо отметить форму 2 мн. презенса: *несёте, говори́те* и т. д. Сохранение *е* здесь выглядит как исключение из рассматриваемого правила, но обращение к истории показывает, что это не так. До сих пор на всем северо-востоке русской территории сохраняется ударение типа *несетé, говоритé* (или *несетё, говоритё*) в акцентной парадигме *c*; распространено также ударение типа *знаетé, ходитé* в двух других акцентных парадигмах — *a* и *b* (развившееся, по-видимому, из второстепенного ударения на *-те,* засвидетельствованного многими старовеликорусскими источниками). Первоначально такая акцентуация была повсеместной; еще в XVI—XVII вв. она господствовала на большей половине великорусской территории, включая центр (а именно, во всей ее восточной и средней части, см. Зализняк 1985, § 3.60, карта 12). Таким образом, в ту эпоху, когда происходило отпадение конечных гласных, в данной форме еще не было для этого необходимых акцентуационных условий.

Отметим также частицу *-таки*: сохранение конечного *и* здесь можно связывать с тем, что оно довольно часто произносится с второстепенным ударением.

Особого рассмотрения требуют некоторые вопросы, связанные с членением словоформ на морфы.

Следует отметить, в частности, что безусловно морфологически членимы наречия, производные от прилагательных: *кос-о, скор-о, в-лево, с-прав-а, за-жи-во, по-пуст-у* и т. д. Соответственно для отпадения конечных гласных в этих случаях нет оснований. То же верно для таких наречий, как *с-низ-у, с-зад-и, дом-а* и т. п., а также для компаративов (*круч-е, суш-е* и т. д.).

Наиболее важен, однако, с этой точки зрения вопрос о морфологической структуре членных форм прилагательных. Сравнивая окончания адъективного и именного склонения, мы наблюдаем следующие типы соответствий.

1. Там, где в именном склонении окончание состоит более чем из одной фонемы, адъективное окончание в нормальном случае отличается от именного только своей начальной гласной (для форм, не различающих в адъективном склонении роды, берем в именном склонении мужской род): *пуст-ым двор-ом, пуст-ым двор-ам, пуст-ых двор-ах, пуст-ыми двор-ами*; этой же общей схеме следуют, хотя уже не вполне строго, с одной стороны, *пуст-ых двор-ов*, с другой — *пуст-ой изб-ой* (или *пуст-ою изб-ою*). В этой группе падежно-родочисловое значение оказывается связанным с конечной частью флексии: *-м, -м, -х, -ми, -х/-в, -j* (*-jу*), — а начальные гласные *-ы-* и *-а-* (*-о-*) играют роль показателей адъективности и субстантивности.

2. Там, где в именном склонении окончание состоит из одной фонемы (или равно нулю), имеются следующие группы:

а) *пуст-ая изб-а, пуст-ое* (морфонологически *-оjо*) *зерн-о, пуст-ые* (морфонологически *-иjи*) *двор-ы, пуст-ую изб-у*; здесь адъективные окончания отчетливо распадаются на три части (*-а-j-а, -о-j-о, -и-j-и, -у-j-у*), где первая и третья часть равны соответствующему именному окончанию;

б) *пуст-ой∅ двор-∅*; эта форма в сущности примыкает к предыдущей группе, поскольку *о* в *-ой∅* можно рассматривать как беглую гласную, т. е. как позиционный вариант нуля;

в) *пуст-ому двор-у*; здесь *-у* в *-ому* явно тождественно именному окончанию, а элемент *-ом-* играет роль показателя адъективности; сравнение с «в» позволяет заключить, что и в группах «а» и «б» падежно-родо-числовое значение связывается в первую очередь с конечным элементом адъективной флексии;

г) *пуст-ого* (т. е. *-ово*) *двор-а*; отличие от «в» в том, что конечные элементы здесь лишь сходны, но не совпадают: *-ов-о — -а*;

д) *пуст-ом двор-е, пуст-ой изб-ы, пуст-ой изб-е* (Д. и М.); это особые случаи, не соответствующие основной схеме.

Таким образом, во флексиях адъективного склонения (кроме пункта 2д) могут быть выделены конечные элементы, которые в си-

лу полного или частичного совпадения с соответствующими именными окончаниями получают функцию носителей падежно-родочисловых значений.

О том, что это рассуждение не является чисто умозрительной выкладкой, а соответствует реальным ассоциациям в сознании носителей языка, убедительнее всего говорят аналогические перестройки, ведущие к более последовательной реализации описанной схемы.

Главная из них — замена *-о* на *-а* в окончании *-ог-о* (*-ов-о*). Замена *-ого* на *-ога* наблюдается в берестяных грамотах уже с XII в. В современных северновеликорусских говорах формы типа *большо́ва, молодо́ва, ста́рова* распространены очень широко (см. Атлас 1989, карта 45). Ср. также белорусские диалектные *майга́, твайга́* и т. п. За пределами восточнославянской области такая замена, как известно, произошла в сербском и словенском языках.

Другая подобная замена известна, правда, не в русском, а в украинском, белорусском и сербском языках, но тем не менее достаточно показательна для рассматриваемой здесь проблемы. Речь идет о добавлении гласной *-у* или *-е* к окончанию М. ед. *-о̑м*, ср. укр. *у великому місті* (наряду с *у великім*), белор. диал. *на крутому берагу* (литерат. *на крутом*), серб. *у зеленоме* (*у зеленому, у зеленом*) *гаjу*. После добавления *-у* или *-е* окончание М. ед. *-ом-у, -ом-е* получает такую же структуру, как Д. ед. *-ом-у*, Р. ед. *-ог-а* и т. д.

Таким образом, якобсоновская идея раздельной соотнесенности элементов русских флексий с элементами значения (Якобсон 1958) в данном случае наглядно подтверждается, так как оказывается, что она обладает объяснительной силой в вопросе об отпадении или сохранении конечных гласных.

Мы не беремся здесь решать вопрос о том, должны ли в связи с рассмотренными фактами конечные элементы адъективных окончаний (*-у* в *пустому*, *-а* в *пустаjа* и т. д.) оцениваться просто как отдельные морфы или как субформы (т. е. единицы, обладающие лишь частью свойств морфа). Для наших целей достаточно констатировать тот факт, что в вопросе об отпадении конечных гласных они ведут себя в русском языке так же, как обычные морфы.

Замечание. Некоторое отличие таких единиц от полноценных морфов, по-видимому, в каких-то случаях все же может сказываться. Так, в сербском языке положение не совсем такое же, как в русском: конечные элементы некоторых адъективных флексий здесь стали факультативными, ср. Р. ед. *зеленога* и *зеленог*, Д. ед. *зеленому* и *зеленом*. В том же ряду оказывается и М. ед. (хотя направление морфологической эволюции здесь было противоположным, ср. выше): *зеленоме* (или *зеленому*) и *зеленом*.

С учетом всего сказанного исключениями из сформулированного выше правила можно считать (и то лишь с существенными оговорками) только следующие случаи.

1. Сохранение гласной в *-те* в 2 мн. императива: *неси́те, говори́те* и т. д. (ср. «правильное» развитие в украинском: *несі́ть, сиді́ть* и т. д.). В отличие от индикатива, в императиве *-те* всегда было безу-

дарным. Существенно, однако, что, как показал Р. О. Якобсон (см., в частности, 1965, с. 192), императивное *-те* развило такие морфонологические свойства, которые отделяют его от обычных (внутрисловных) морфем и сближают с энклитическими служебными словами, а именно, перед *-те* происходят не внутренние, а внешние сандхи (в частности, стоящая перед *-те* гласная ведет себя как конечная: *ся́дите* > *ся́дьте*, как *ся́ди* > *сядь*). Таким образом, *-те* оказывается в сходном положении, например, с энклитиками *-ка* или *-то* (см. выше, примечание 3): по общему правилу ожидалась бы вариантность *-те/-ть*, типа *да́йте, поста́вьте, ся́дьте* — **неси́ть*, **скажи́ть*, **пойди́ть*, реально же всегда представлено *-те*, подобно постоянному *-ка* или *-то*.

Сохранению постоянного *-те* в императиве, возможно, способствовало также *-те* индикатива. Здесь, разумеется, возникает вопрос: почему же подобное влияние не предохранило конечную гласную в украинских императивах типа *несі́ть, сиді́ть*? Дело в том, однако, что в русском языке характер связи между императивом и индикативом существенно иной, чем в украинском. В русском языке императив множественного числа довольно тесно сближается с индикативом: в 1 мн. он просто всегда с ним совпадает (*пойдём, бежи́м* и т. п.), у части глаголов такое же совпадение наблюдается и во 2 мн. (*говори́те, по́мните* и т. п.). Между тем в украинском языке императив четко противопоставлен индикативу (ср. Якобсон 1965): *несі́м* — *несемо́, сиді́ть* — *сидите́* и т. д.; ни в 1 мн., ни во 2 мн. совпадения между ними не бывает никогда; симметричны также противопоставления окончаний: *-м* — *-мо, -ть* — *-те*.

2. Сохранение гласной в *-ми* в Т. мн.: *лесами, пустыми, теми* и т. д. Фактически, правда, русский язык знает в этом пункте оба решения: в литературной норме и в большинстве говоров *-ми* сохраняется, но в большей части северновеликорусских говоров оно перешло в *-м*: Т. мн. *лесам, пустым, тем* и т. д. По-видимому, двойственность решения определяется тем, что это точка конфликта двух сил: 1) правила об отпадении конечной гласной; 2) тенденции избежать опасной омонимии. В самом деле, отпадение *и* в *-ами, -ыми* приводит к двойной омонимии, а именно, новый Т. мн. типа *с солдатам, со старым* совпадает, во-первых, с Д. мн., во-вторых (у значительной части слов) с Т. ед. Оба эти соотношения создают новые для русского языка модели омонимии. Особенно важно второе из них, поскольку русскому языку почти неизвестна полная (т. е. без различия в падеже) омонимия словоформ единственного и множественного числа; ср. также указанный Р. О. Якобсоном (1958, с. 173) параллелизм *star-im#* : *star-im'i* = *star#* : *star-i* = *star-ij#* : *star-iji*.

Сверх этих двух случаев на статус исключений из правила отпадения гласных могли бы претендовать лишь некоторые неизменяемые слова типа *ныне, откуда, неужели*, но в действительности практически все они подпадают под действие примечания 3 (см. выше),

т. е. это лишь один вариант из двух реально существующих в языке, закрепившийся в качестве литературной нормы. Для считанного числа слов (*однако*, *кроме*, *ради*, *еле*) вариант без конечной гласной, как кажется, не отмечен, но едва ли они действительно отделены какой-то резкой чертой от *ныне*, *откуда* и т. п. (ср., между прочим, в этой связи украинские *однáк*, *крім*).

С точки зрения типологии языковых изменений данное явление из истории русского языка может рассматриваться как образцовый случай взаимодействия фонетического и морфологического факторов, а именно, как пример собственно фонетического изменения с наложенным морфологическим ограничением.

Особенностью данного изменения следует считать также его значительную растянутость во времени. Вероятно, она определенным образом связана с участием в данном процессе морфологического фактора (ср. длительный характер морфологических процессов типа выравнивания парадигм).

Рассмотренное здесь явление, как известно, в той или иной степени свойственно также и другим славянским языкам. Но в русском языке его реализация оказалась одной из наиболее последовательных.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас 1989 — Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.

Борковский, Кузнецов 1963 — *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Дурново 1928 — *N. Durnovo*. Der Schwund von Endvokalen im Russischen // Zeitschrift für slavische Philologie, V, 1928, 1/2, 17—36.

Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Соболевский 1907 — *А. И. Соболевский*. Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Якобсон 1958 — *Р. Якобсон*. Морфологические наблюдения над славянским склонением // *R. Jakobson*. Selected Writings. The Hague — Paris, 1971. V. II. P. 154—183.

Якобсон 1965 — *Р. Якобсон*. Строй украинского императива // *R. Jakobson*. Selected Writings. The Hague — Paris, 1971. V. II. P. 190—197.

О ПОНЯТИИ ГРАФЕМЫ

§ 1. В настоящей статье обсуждается вопрос о содержании термина "графема" и, в частности, анализируются черты сходства и различия между графемами и фонемами и между методами изучения тех и других. Разбор ограничен системами письма, основанными на фонографическом (не идеографическом или пиктографическом) принципе; фактически основным материалом служит русская система письма (в настоящее время и в прошлом). Работа не претендует на формальную строгость[1].

§ 2. Термин "графема" (предложенный еще И. А. Бодуэном де Куртенэ[2]) в его современном употреблении и противопоставленный ему термин "аллограф" очевидным образом входят в ряд терминов общего вида "Х-ема" — "алло-Х"; ср. прежде всего пару "фонема" — "аллофон".

Противопоставление понятий типа "Х-ема" и "алло-Х" отражает одну из фундаментальных особенностей знаковых систем. Как известно, звуки, начертания, жесты и прочие материальные элементы, которые могут использоваться для формирования знаков, сами по себе обычно не имеют дискретной шкалы различий; например, между любыми двумя звуками, хотя бы и близкими, возможны также промежуточные по своим физическим характеристикам звуки. Если эти элементы действительно используются для построения внешней стороны знаков, они непременно должны быть разбиты на непересекающиеся классы по некоторой дискретной шкале[3]. Все различия внутри каждого такого класса рассматриваются как несущественные; с семиотической точки зрения (т. е. с точки зрения знаковой

---

[1] По крайней мере часть излагаемых положений может быть сравнительно легко доведена до формальной строгости, однако, с нашей точки зрения, эта операция составляет особую самостоятельную задачу, которую уместнее отделить от содержательного изложения; в рамках настоящей статьи мы ею не занимаемся.

[2] *И. А. Бодуэн де Куртенэ.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.

[3] Эта шкала может быть откровенно условной, как, например, в знаковых системах, принятых особым соглашением (типа световой сигнализации на улицах), или складываться бессознательно в течение длительного времени, как, например, в системе фонем языка.

системы) внутри класса нет просто никаких различий. Напротив, любое различие между членами двух разных классов существенно: это различие между двумя разными семиотическими единицами. Таким образом, всякое реальное различие между двумя материальными элементами проходит своего рода "семиотический фильтр" по принципу "все или ничего": одни различия оказываются семиотически полноценными, другие — семиотически нулевыми.

Термин вида "Х-ема" обозначает отдельный класс описанного выше разбиения; "алло-Х-ами" данной "Х-емы" называются все члены соответствующего класса. В частности, фонема означает некоторый класс звуков[4], аллофоны (данной фонемы) — звуки, входящие в этот класс. Указанная схема является общей для разных пар терминов, имеющих вид "Х-ема" — "алло-Х". Различия касаются, во-первых, конкретной природы соответствующих объектов, во-вторых, "критериев существенности", т. е. тех критериев, по которым одни различия признаются существенными, а другие нет.

Так, при выделении фонем критерий существенности, грубо говоря[5], состоит в том, что существенно такое и только такое различие между двумя звуками, которое хотя бы для одной пары словоформ (разных слов или одного слова) является единственным источником различия внешних оболочек этих словоформ[6].

§ 3. Применительно к графическому уровню указанная общая схема означает следующее: выделение графем должно производиться так, чтобы различие между любыми двумя графемами было существенным, а всякое различие между аллографами одной графемы — несущественным. Разумеется, эта формулировка сама по себе еще никак не решает вопроса о том, в чем конкретно здесь должен состоять критерий существенности. Разбору этого вопроса и посвящена основная часть настоящей работы.

Графические единицы, реально встречающиеся в письменных и печатных текстах и представляющие собой исходный материал для последующего разбиения их на графемы, мы будем ниже называть н а ч е р т а н и я м и[7] (ср. аналогичный по своему логическому стату-

---

[4] Здесь и далее мы имеем в виду только те понимания фонемы, при которых каждый звук относится ровно к одной фонеме; ср.: *В. А. Успенский.* Одна модель для понятия фонемы // ВЯ. 1964. № 6. С. 39.

[5] Здесь нет необходимости углубляться в разбор особых случаев, которые потребовали бы некоторых уточнений к приводимой огрубленной формулировке.

[6] Отметим, что наличие подобного критерия само по себе еще не обеспечивает однозначного разбиения звуков на фонемы (ср. известную проблему неединственности фонологических решений). Для разрешения этой неоднозначности в принципе необходимы какие-то вспомогательные критерии или процедуры.

[7] В принципе следует различать к о н к р е т н о е начертание (находящееся на определенном месте, скажем, конкретного листа бумаги) и а б с т р а к т н о е начертание, представляющее собой продукт абстракции отождествления всех конкретных начертаний, признаваемых нами одинаковыми. В нашем изложении, однако, это различие в явной форме не проводится; какой из этих двух смыслов слова "начертание" имеется в виду, надлежит устанавливать из контекста.

су термин "звук" в фонологии). Речь идет, таким образом, о том, какие различия между начертаниями следует считать существенными.

Простейший с логической точки зрения путь состоит в том, чтобы при решении вопроса о графемах по возможности скопировать все процедуры и определения с тех, которые выработаны в фонологии. Ср. предложение такого пути в работе В. А. Успенского "Одна модель для понятия фонемы": "Изложенная модель прилагается без всяких изменений (за исключением терминологических) и в качестве модели для понятия графемы в языках с линейным письмом (т. е. письмом, допускающим линейную сегментацию)"[8].

Искомый критерий существенности, по-видимому, должен в этом случае выглядеть так: существенно такое и только такое различие между двумя написаниями, которое хотя бы для одной пары словоформ является единственным источником различия между принятыми в данном обществе графическими изображениями этих словоформ.

Действительно, этого критерия в большинстве случаев достаточно для получения таких решений, которые хорошо соответствуют практике описания графических систем и не противоречат каким-либо устойчивым интуитивным представлениям. Не углубляясь в вопрос о конкретных процедурах выделения графем, отметим лишь некоторые наиболее важные моменты. Прежде всего, очевидно, что два начертания, передающие (всегда или хотя бы в части случаев) разные фонемы, скажем, *а* или *у*, должны рассматриваться как разные графемы. Далее, как разные графемы должны рассматриваться строчное *а* и прописное (заглавное) *А*, *б* и *Б*, *в* и *В* и т. д.; ср., например, *газ* и *ГАЗ* (Горьковский автомобильный завод), *орел* и *Орел* (город, фамилия) и т. п.[9]

С другой стороны, разнообразнейшие способы написания (или печати), скажем, строчного *а*, различающиеся размером, наклоном, пропорциями, стилем, конфигурацией каких-то деталей, особенностями индивидуального почерка и т. д., образуют лишь а л л о г р а ф ы данной графемы. Все такие различия можно назвать к а л л и г р а ф и ч е с к и м и (используя слово "каллиграфия" в несколько расширенном смысле).

---

[8] *В. А. Успенский*. Указ. соч. С. 53.

[9] В некоторых работах пары *а* и *А*, *б* и *Б* и т. д. рассматриваются как единые графемы. Мы имеем здесь дело, таким образом, с иным употреблением термина "графема": вместо стремления к тому, чтобы понятия "графема" и "фонема" имели по возможности сходный логический статус, здесь на первое место, по-видимому, выступает просто стремление к тому, чтобы отношение графем и фонем оказалось как можно ближе к взаимно-однозначному. При таком употреблении "графема" означает примерно то же, что традиционный термин "буква" (ср. ниже, § 4 и 9). Между прочим, из такого словоупотребления с необходимостью следует, что орфография (см. § 12) может предписывать не только выбор графемы, но и выбор аллографа (ведь орфографические своды заведомо содержат некоторое число правил об употреблении прописных букв), а это явно нарушает некоторое естественное представление о том, что орфография (в отличие от каллиграфии) занимается только существенным.

Выбор графемы — дискретная операция: между двумя разными графемами, хотя бы и похожими (скажем, *н* и *и*), нет “промежуточных” графем. Напротив, каллиграфия недискретна: между двумя аллографами возможны все переходные степени наклона, жирности, четкости и т. п.

В дополнение к тому, что достигается непосредственным применением указанного выше критерия, явно следует признать существенными также отличия знаков препинания от знаков, служащих для записи словоформ, равно как и различия знаков препинания между собой. Иначе говоря, точка, запятая, тире и т. д. образуют особые самостоятельные графемы.

§ **4.** Того представления о графеме, которое возникает на основе указанного в § 3 критерия существенности, уже достаточно, чтобы ввести ряд обозначений, необходимых для дальнейшего разбора.

В европейских системах письма графемы довольно отчетливо распадаются на о с н о в н ы е (используемые для записи словоформ и при этом стоящие в строке) и в с п о м о г а т е л ь н ы е (все прочие, а именно, надстрочные и подстрочные знаки, а также знаки препинания и подобные им символы).

С другой стороны, графемы, реально используемые в письменных и печатных текстах, можно разделить на о б щ е о б я з а т е л ь н ы е и с п е ц и а л ь н ы е. Первые образуют некоторый минимальный инвентарь графем, необходимый для записи (в соответствии с действующими орфографическими правилами) внешней оболочки любой словоформы данного языка, а также для пунктуации предложения. Специальные графемы — это самые различные дополнительные символы, например, математические и т. п. знаки, буквы чужих алфавитов, символы идеографического характера (т. е. соотнесенные непосредственно со значением, а не с внешней оболочкой каких-либо слов; таковы, например, цифры) и т. д. Все они так или иначе служат для сокращения записи или для передачи того, что затруднительно передать обычными словесными средствами данного языка.

В отличие от общеобязательных графем, имеющих постоянные значения, специальным графемам (кроме самых известных, например, цифр) автор может приписывать те значения, которые считает удобным. Соответственно, значения специальных графем (кроме самых известных) обычно специально разъясняются автором. Список специальных графем в принципе открыт: автор может изобрести совершенно новую специальную графему или объявить особой специальной графемой то, что в обычных условиях функционирует лишь как аллограф какой-то графемы.

Общеобязательная основная графема в нормальном случае представляет собой средство передачи на письме некоторой фонемы или нескольких разных фонем (от более сложных случаев мы здесь отвлекаемся). Две разные графемы могут служить для передачи одной и той же фонемы (одного и того же набора фонем); такие графемы

можно назвать омофоничными (подробнее см. § 11). Пример: *ф* и *ѳ* в дореволюционной русской орфографии.

Термин "графическая система", который может встретиться в последующем изложении, пока что достаточно понимать как обозначение инвентаря общеобязательных графем вместе с основными правилами их использования; более подробно этот термин обсуждается в § 11.

В связи с вопросом о различии между графемами и аллографами необходимо отметить один существенный момент, характерный в особенности для печатных текстов. Пусть имеется некоторый инвентарь графем, и для каждой из них выбран (например, для создания печатного шрифта) некоторый аллограф, считающийся образцовым. Далее, полученный инвентарь образцовых аллографов может быть продублирован путем изменения всех этих аллографов по какому-то одному признаку (размер, наклон, степень жирности и др.); эту операцию можно назвать транспозицией. Понятно, что транспозицию можно применять многократно и получать все новые наборы аллографов; так, в типографском деле один и тот же инвентарь графем может быть реализован в разных гарнитурах (т. е. типах рисунка печатных знаков), в разных кеглях (т. е. размерах), в прямой или курсивной форме, в светлом или жирном варианте и т. д.

Сама по себе транспозиция (например, когда она вызвана лишь эстетическими соображениями, заботой об удобстве чтения или, напротив, об экономии места), разумеется, никаких новых графем не создает. Пишущий может, однако, объявить, что он приписывает тем или иным транспонированным аллографам какую-то особую функцию, противопоставляющую их исходным аллографам. Например, автор решил выделять ударную гласную жирным шрифтом: *к**а**ша*, *сол**о**ма* и т. д. Очевидно, что в этом случае *а* и ***а*** (*о* и ***о*** и т. д.) уже противопоставлены друг другу как разные графемы; при этом ***а***, ***о*** и т. д. должны быть отнесены к числу специальных графем.

С исторической точки зрения, продуктами транспозиции являются также прописные буквы. Однако, как было показано выше, в современных графических системах прописные *А*, *Б* и т. д. представляют собой уже не дополнительные аллографы, а самостоятельные графемы. Более того, эти графемы уже не могут считаться специальными, поскольку их употребление регулируется общеобязательными орфографическими правилами[10].

Разумеется, однако, графемы *А* и *а* (равно как *Б* и *б* и т. д.) связаны между собой гораздо теснее, чем произвольная пара графем (скажем, *а* и *б*), а именно: 1) они омофоничны; 2) в ряде ситуаций (позиция начала предложения; заголовки или целые тексты, напечатанные

[10] Статус самостоятельных (и притом общеобязательных) графем, достигнутый теперь прописными буквами, подчеркивается также тем, что для многих из них выработались особые начертания, нередко сильно отличающиеся от соответствующих строчных (тогда как исходным пунктом этой дифференциации было простое различие по размеру).

с использованием одних лишь прописных графем или, реже, одних лишь строчных графем) их противопоставление нейтрализуется[11].

Соответственно, пара графем типа *А* и *а* воспринимается как некое особое единство. В русской традиции именно оно обычно и обозначается словом "буква"[12]. Это легко усматривается из обычного словоупотребления, например: "Русский алфавит состоит из 33 букв", "Слово *Анапа* начинается и кончается на одну и ту же букву", "Ты написал букву *а*, а теперь напиши ту же букву, но только прописную". Не соответствует обиходному словоупотреблению (и воспринимается как излишне педантичная) фраза типа: "Ты написал букву *а*, а теперь напиши другую букву — *А* прописное". Подробнее об употреблении слова "буква" см. § 9.

Совокупность всех букв, расположенных в некотором условном порядке, носит название а л ф а в и т а; ср. приведенную выше фразу.

§ 5. Хотя, как уже отмечено, критерий существенности, предложенный в § 3, дает в основном хорошие результаты, существуют всё же случаи, когда он приводит к решениям, которые явно противоречат интуитивным представлениям. Например, в дореволюционной русской графике (если пренебречь аномальной парой *миръ* "pax" — *міръ* "mundus") омофоничные буквы *и* и *і* употреблялись в дополнительном распределении: *і* перед гласными буквами и *й*, *и* — в прочих случаях. По критерию, предложенному в § 3, эти буквы должны быть признаны аллографами[13], то есть единицами, различающимися столь же несущественно, как, например, **и** прямое и ***и*** наклонное и т. п.; однако это явно не соответствует интуитивным представлениям о степенях важности различий.

Чтобы понять источник подобных несоответствий, необходимо более подробно рассмотреть различия между графемами и фонемами, не сводящиеся просто к различию материальной природы начертаний и звуков. Заметим сразу же, что эти различия более серьезны, чем представляется на первый взгляд.

Очевидное различие состоит здесь уже в том, что фонема — односторонняя единица, тогда как графема фактически функционирует как знак, т. е. как двусторонняя единица, а именно, определенный класс начертаний выступает здесь как символ некоторой фонемы (или фонем). Соответственно, между двумя графемами возможны отношения, определяющиеся одинаковостью или различием переда-

---

[11] Ср. также предложение Г. Глисона рассматривать *А* как сочетание графемы *а* с суперсегментной "графемой заглавности", см.: *Г. Глисон.* Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959. С. 399.

[12] То же можно сказать об англ. *letter*, франц. *lettre*, нем. *Buchstabe* и др., а также о слове "буква" в русских описаниях графики соответствующих языков.

[13] Разумеется, если не отбросить пару *миръ* — *міръ*, решение будет иное. Ясно, однако, что существо дела здесь не меняется от наличия или отсутствия этой особой пары. В действительности именно тот факт, что *и* и *і* уже воспринимаются как различные самостоятельные единицы, создает принципиальную возможность написаний типа *міръ*, а использована ли реально эта возможность, несущественно.

ваемых ими фонем (например, отношение омофоничности), тогда как в системах фонем никаких аналогов этих отношений нет.

С практической точки зрения, важнейшее различие между графема́ми и фонемами состоит в том, что фонологическая система в нормальном случае усваивается человеком бессознательно (и обычно не осознается и впоследствии), тогда как графическая система усваивается путем обучения, т. е. сознательно. Обучаемому обязательно в явном виде сообщается алфавит букв и список вспомогательных графем и указываются наименования графем[14].

Таким образом, носитель фонологической системы, владеет ею в действии, но не имеет о ней (в общем случае) никаких знаний; у него нет даже слова для понятия фонемы. Между тем носитель графической системы непременно имеет о ней некоторые знания, притом как раз те, которые с семиотической точки зрения являются важнейшими. Так, он владеет понятием буквы и имеет соответствующее слово; он понимает дискретную природу букв и четкую ограниченность их числа; например, он без труда ответит на вопрос, из каких букв состоит сделанная им запись[15].

Важно подчеркнуть, что имеющееся у грамотного человека представление о числе букв (и, соответственно, умение видеть в любом используемом на письме начертании воплощение какой-то определенной буквы из этого числа) не есть продукт его индивидуальных наблюдений, осознанных или неосознанных[16], над практикой письма; оно непосредственно дается ему при обучении. Поэтому даже весьма несовершенные (с точки зрения своего основного назначения) системы письма могут сохраняться без всяких изменений в течение веков. В частности, омофоничность двух букв (скажем, *ф* и *ѳ*) ничуть не меняет, с точки зрения пишущего, того факта, что это две разные буквы. Даже если две омофоничные буквы находятся в простейшем и очевидном дополнительном распределении (как в случае с *и* и *i*, см. выше), это вовсе не приводит к слиянию их в единую букву в сознании пишущего.

Отметим также некоторые различия между соотношением "графема — аллограф" и соотношением "фонема — аллофон". Как известно, самый характерный вид отношения между аллофонами одной фонемы — дополнительное распределение; другое возможное отношение — свободное варьирование — встречается реже. Между тем

[14] Будучи самостоятельным семиотическим объектом, каждая графема непременно имеет особое имя (слово или словосочетание); именно это обеспечивает возможность какого бы то ни было общения на тему о письме и его правилах. Показательно, что аллографы, в отличие от графем, в подавляющем большинстве случаев самостоятельных имен не имеют.

[15] Ср. совершенно иное положение с фонемами: неясно даже, как сформулировать для информанта просьбу разделить произнесенное им слово на фонемы. Даже если это как-то удалось объяснить, далеко не всякий информант и далеко не со всяким словом сможет выполнить такую просьбу.

[16] Между тем представление о фонемах, если оно вообще в какой-то форме имеется у лингвистически необученного носителя языка, возникает именно таким путем.

для аллографов одной графемы наиболее характерно именно отношение свободного варьирования[17]. Что касается дополнительного распределения, то здесь между фонетикой и графикой есть заметное различие. Автоматическое, неосознаваемое дополнительное распределение аллографов в зависимости от контекста (сходное с тем, что наблюдается в фонетике) встречается почти исключительно в связном письме, например, в скорописи (где на конфигурацию буквы может влиять конфигурация ее соседей). В несвязном письме без лигатур (устав, полуустав, печатный шрифт) это явление почти отсутствует.

Что касается дополнительного распределения типа "*і* перед гласной буквой и *й*, *и* в прочих случаях", то оно, конечно, отнюдь не является автоматическим[18] и неосознанным, а достигается обучением. Этому соответствует и субъективное осознание таких начертаний как различных самостоятельных единиц. Таким образом, эти начертания представляют собой аллографы только с точки зрения критерия существенности, указанного в § 3, но не с субъективной точки зрения носителей графической системы. Вообще, как это ни парадоксально в глазах фонолога, дополнительное распределение двух начертаний, если его нельзя объяснить простым влиянием конфигурации соседних начертаний, указывает именно на то, что перед нами две разные, с точки зрения пишущих, единицы (причем правила их применения были составной частью обучения грамоте).

§ 6. Различие между фонологическими и графическими системами по степени осознанности отражается и на выборе способа их описания.

Обычное фонологическое описание можно охарактеризовать как модель объективного функционирования соответствующей фонологической системы. Составитель описания стремится оптимальным образом (с точки зрения принятых им критериев) выделить фонемы и отобразить их функционирование. Он не считает себя связанным в этих операциях теми представлениями, которые могут иметь о своих фонемах сами носители языка (тем более, что у подавляющего их большинства сколько-нибудь ясных, допускающих словесное выражение, представлений о собственной фонологической системе нет).

Данный тип описания в принципе возможен и для графических систем, т. е. можно строить модель объективного функционирования графической системы, безотносительную к субъективному осознанию этой системы. Именно такому подходу соответствует, в частности, критерий существенности, предложенный в § 3.

---

[17] Свободное варьирование не исключает эстетических предпочтений. Например, пишущий может использовать более нравящийся ему аллограф, когда он хочет, чтобы текст выглядел красивее, и т. п.

[18] Мы отвлекаемся здесь от той ситуации, когда у опытного человека весь процесс письма достигает высокой степени автоматизма. Заметим, что и в этой ситуации выбор между *і* и *и* и т. п. является не более автоматическим, чем выбор заведомо самостоятельных графем.

Однако для графического уровня возможен и другой тип описания. Поскольку графическая система, в отличие от фонологической, не только функционирует, но и осознается (и даже преподается), здесь вполне осмысленна задача отразить субъективное представление об этой системе, имеющееся у ее носителей.

Итак, можно различать два рода описания графических систем: I — не принимающий в расчет субъективных представлений носителей графической системы; II — ориентированный на отражение именно этих представлений.

Понятно, что анализ одной и той же графической системы с этих двух разных точек зрения может дать разные результаты; в частности, могут получиться разные инвентари графем. Ср. расхождение такого рода в примере с *и* и *i*, разобранном в § 5.

Можно привести и другие аналогичные примеры. Так, В. А. Успенский[19], отмечая, что в настоящее время буквы *ъ* и *ь* в письменном литературном русском языке (в варианте с обязательным употреблением буквы *ё*), по-видимому, находятся в дополнительном распределении[20], констатирует, что в соответствии с предложенной им моделью для понятия фонемы и одновременно для понятия графемы (ср. выше, § 3) *ъ* и *ь* оказываются аллографами одной графемы. Между тем в субъективном представлении пишущих *ъ* и *ь* — это несомненно две различные самостоятельные единицы.

В дополнительном распределении в современном (равно как и дореволюционном) русском письме находятся также буквы *ь* и *й*, причем здесь, в отличие от пары *ь* — *ъ*, правило распределения очень просто: *ь* встречается только после согласных букв, *й* — только после гласных (изредка также в начале слова)[21]. Поскольку *ъ* встречается, как и *ь*, только после согласных букв, для современного языка критерий существенности, указанный в § 3, позволяет объединить в одну графему уже целых три буквы: *ъ, ь, й*. Опять-таки ясно, что это не соответствует субъективным представлениям пишущих.

В дополнительном распределении находятся также, например: σ и ς в греческом, *i* и *y* в большинстве орфографических школ в среднеанглийском (в обоих случаях второй член пары выступает на конце словоформы, первый в прочих позициях), *ω* и *о* в тех орфографических школах средневековой Руси, которые предписывали употреблять *ω* в начале словоформы и после гласной буквы, *о* — после согласной. Во всех этих случаях мы имеем дело с аллографами с точки зрения описания I рода, но с разными графемами с точки зрения описания II рода (ср. § 5).

---

[19] *В. А. Успенский.* Указ. соч. С. 53.

[20] Функциональная неполноценность противопоставления *ъ* и *ь* была причиной того, что, Ф. Ф. Фортунатов уже в 1904 г. высказался за полную отмену буквы *ъ*: см. *Р. Якобсон.* Избыточные буквы в русском письме // *R. Jakobson.* Selected writings, v. I. The Hague—Paris, 1971, p. 564.

[21] Как известно, этот факт был обнаружен в середине XVII в. Ю. Крижаничем, который на этом основании считал правильным писать (и действительно сам писал) *ь* вместо *й*, например, *раь, моь*; см.: *Р. Якобсон.* Указ. соч. С. 563.

§ 7. С нашей точки зрения, при изучении конкретных графических систем первостепенное практическое значение имеет описание II рода, т. е. такое, которое отражает субъективное осознание системы ее носителями. Знание этого аспекта представляется безусловно необходимым для того, чтобы правильно судить о степени соответствия системы ее основному назначению, о характере ее фактического применения, о природе и источниках ошибок и т. д. Без знания этого аспекта невозможно даже воспроизводить без искажений тексты, записанные в этой системе (т. е. невозможно сохранить все отношения тождества и различия знаков, представленные в оригинале).

В частности, очевидно, сколь необходим такой анализ при изучении графических систем прошлого. Трудно представить себе, как можно установить, например, какие начертания являются ошибками писца, если предварительно не выявлено, какие различия между начертаниями он сам считал существенными[22].

Заметим, что, в соответствии с указанной потребностью, едва ли не все реально существующие описания графических систем (по крайней мере, современных) по сути дела представляют собой именно описания II рода. При этом, однако, то обстоятельство, что в описании тождеств и различий графических элементов исследователь фактически исходит из субъективного восприятия этих элементов носителями графической системы, им обычно не отмечается: оно либо представляется исследователю очевидным, либо даже не осознается.

Что касается описаний I рода, то наиболее значительные результаты, достигнутые к настоящему моменту на этом пути (отличные от тех, которые получаются при описании II рода), были сформулированы не в виде синхронических констатаций, а в виде практических предложений по усовершенствованию существующей графической системы. Примечательно, что ни Крижанич (см. сноску 21), ни Фортунатов (см. сноску 20) не предлагали считать *ь* и *й* (соответственно *ь* и *ъ*) одной и той же буквой, а требовали изъятия одной из двух букв при сохранении другой[23]. Иначе говоря, они безусловно признавали рассматриваемые ими единицы разными буквами, т. е. существующую ситуацию рассматривали с позиций описания II рода.

Можно предполагать, таким образом, что описание I рода должно строиться как своего рода "дополнительный этаж" над описанием II рода. Представляется сомнительной ценность "чистого" описания I рода, т. е. такого, при котором полностью игнорируются различия, существенные с точки зрения пишущих, если эти различия не удо-

---

[22] Говоря о необходимости такого анализа, мы не касаемся здесь вопроса о том, как его осуществить. Это особая задача, в каких-то случаях, быть может, и весьма сложная.

[23] Ср. в этом отношении также реформу 1917 г., которая именно отменила определенные буквы (а отнюдь не объявила, скажем, *и* и *i* единой буквой).

влетворяют избранным формальным критериям. Так, может оказаться целесообразным объединить, например, *и* и *i* в какую-то единицу высшего ранга (скажем, "гиперграфему"), однако едва ли можно оправдать признание этой пары просто единой графемой, точно такой же, как *а* или *б* (ср. выше, § 5).

В дальнейшем изложении везде, где не оговорено обратное, предполагается, что речь идет об описании II рода.

§ 8. В чем же состоит критерий существенности при описании II рода? Для ответа на этот вопрос обратимся к ситуации школьного диктанта: учитель читает (допустим, из книги) отрывок, ученики его записывают[24]. При проверке любой из этих записей учитель в сущности должен сравнить два графических изображения одного и того же текста — в книге и в ученической тетради. Ясно, что эти два изображения внешне очень различны. Между тем учитель лишь в некоторых местах объявляет ученическую запись неправильной (а может и всю ее признать целиком правильной). Естественно считать, что ошибками учитель объявляет именно те случаи, где разница между ученическим и книжным написаниями с его точки зрения существенна, а правильными написаниями — те, где она несущественна[25].

Заметим, что точка зрения учителя и точка зрения обученных им учеников в этом вопросе совпадают. Правда, ученик может, например, настаивать на том, что учитель напрасно счел некоторое конкретное начертание в его тетради за букву *о*, тогда как оно в действительности воплощало букву *а*, однако он не станет утверждать, что сама разница между буквами *о* и *а* несущественна.

Итак, при описании II рода мы можем непосредственно использовать тот факт, что сами носители графической системы отчетливо различают два рода отклонений некоторого конкретного начертания от того, которое требуется. В одном случае они говорят: "Эта буква (эта запятая и т. п.) плохо (некрасиво, неразборчиво) написана"; в другом — "Здесь ошибка", "Здесь написана не та буква, которая нужна", "Здесь написано *а* вместо *о* (запятая вместо точки, строчное *а* вместо прописного и т. п.)".

Критерий существенности при описании II рода состоит, таким образом, в том, что существенно такое и только такое различие между начертаниями, которое сами носители графической системы оценивают вторым из указанных способов. Иначе говоря, при ответах первого типа мы имеем дело с каллиграфическими вариациями, при ответах второго типа — с разными графемами.

В соответствии с общей схемой значения терминов вида "Х-ема" — "алло-Х" (§ 2), этим критерием существенности и определяется

[24] *Можно представить себе и просто упражнение по списыванию текста с книги.*

[25] Следует исходить из того, что перед нами учитель, не признающий права учеников на какое бы то ни было пунктуационное или орфографическое варьирование, но в то же время не обращающий внимание на дефекты почерка.

понимание графемы. Графемой при описании II рода оказывается, таким образом, совокупность всех начертаний, которые самими носителями графической системы воспринимаются как "то же самое" (тогда как всякая замена в тексте одной графемы на другую воспринимается ими как переход от одной цепочки символов к другой и, следовательно, со "школьной" точки зрения, как потенциальная ошибка). Понятно, что при таком подходе в примерах, разобранных в §§ 5—6, *и* и *i*, *ь* и *ъ*, *ь* и *й* и т. д. будут признаны разными графемами.

§ 9. Рассмотрим некоторые более частные вопросы, связанные с описанием II рода.

Как уже было указанно в § 4, слово "буква" в русской традиции и его эквиваленты в западноевропейских традициях означает пару графем, состоящую из строчной графемы и соответствующей прописной. Однако в некоторых традициях слово, которое принято переводить на русский язык как "буква", фактически используется несколько иначе, а именно, как одна и та же буква рассматриваются омофоничные графемы, дополнительно распределенные относительно графического контекста (или границ словоформы). Так, в арабской графике единой буквой считаются начальное (т. е. применяемое в начале словоформы), срединное, конечное и изолированное начертания, передающие одну и ту же согласную фонему (различия строчных и прописных графем здесь нет).

В греческой графике как единую букву принято рассматривать графемы σ и ς (вторая применяется на конце словоформы, первая в прочих случаях). При этом в современной греческой графике (в отличие от древней) имеется также и противопоставление строчных и прописных графем, например, α и Α. Здесь понимание слова "буква" определяется взаимным наложением обоих рассмотренных принципов: графемы σ, ς и Σ считаются одной и той же буквой ("сигма").

Заметим, что для всех обсуждавшихся графических систем (русской, западноевропейских, арабской, греческой) исторически первоначальным было состояние, которое огрубленно можно представить так: каждой нынешней букве здесь соответствовала ровно одна графема (иначе говоря, буквой называлась просто графема). В ходе истории число графем выросло из-за дифференциации по признаку "строчные — прописные" и/или по позиции в словоформе, а традиционное представление о числе и составе букв в основном сохранилось. В результате слово "буква" перестало означать графему и получило свое нынешнее содержание (несколько различное в разных традициях).

Итак, традиционный термин "буква" фактически означает некоторую совокупность омофоничных графем (в частном случае всего одну графему); какие именно омофоничные графемы объединяются в одну букву, а какие нет, определяется соответствующей культурно-исторической традицией. Например, σ и ς, находящиеся в до-

полнительном распределении, считаются одной буквой, а *u* и *i*, находящиеся в таком же соотношении, не считаются[26].

§ 10. При обучении грамоте обучаемому прежде всего сообщают алфавит и учат различать между собой все буквы, из которых он состоит. Поэтому различие между двумя разными буквами для пишущего всегда существенно, т. е. разные буквы — это всегда разные графемы (обратное же, как мы видели, неверно).

Таким образом, простейший способ установить минимальный список графем, различаемых некоторым лицом, — это познакомиться с тем алфавитом, по которому его учили грамоте. (Для установления полного инвентаря графем необходимо, кроме того, выявить, какие различия внутри букв являются для него существенными и какие используются вспомогательные графемы.)

При анализе графической системы часто приходится сталкиваться с проблемой "единая графема или сочетание графем?". Она возникает в связи с тем, что графема не обязательно должна быть графически связной и, с другой стороны, две стоящие рядом (или одна над другой) графемы не обязательно должны быть графически раздельны. Таким образом, по одному лишь внешнему виду, например, русского *ы*, чешского *č* или французского *é* еще никак нельзя установить, сколько здесь графем.

Для описаний II рода основным источником ответов на такие вопросы служит алфавит[27]. Практически можно исходить из того, что всякое начертание, занимающее отдельное место в алфавите, представляет собой единую букву, за исключением того особого случая, когда это начертание состоит из двух или более несвязных частей, каждая из которых занимает, кроме того, свое отдельное место в алфавите. Подобное особое начертание всегда представляет собой диграф или триграф (см. ниже § 11); его можно назвать а л ф а в и т н ы м диграфом (триграфом).

Рассматривая записи алфавитов (разных языков), содержащиеся в разных современных изданиях, можно, например, заключить, что: 1) русск. *ы*, *й*, чеш. *č*, *š*, *ž*, польск. *ą*, *ę*, *ó*, *ź*, *ż* и др., швед. *ä*, *ö* трактуются как единые буквы; 2) русск. *á*, *ó*, *é* и т. д. (со знаками

[26] К сожалению, в лингвистической литературе о графемах слово "буква" иногда используется в совершенно другом значении, а именно, для обозначения того, что выше названо начертанием. Источником такого словоупотребления является предложенная И. А. Бодуэном де Куртенэ терминологическая пропорция "фонема : звук = графема : буква" (ср. Указ. соч., с. 16). С нашей точки зрения, эта пропорция неудачна, поскольку, в отличие от слова "звук", которое в обиходном языке не имеет какого-либо строгого значения, слово "буква" уже в течение многих веков фактически используется как термин (причем передающий не более узкое понятие, чем "графема", а более широкое или равное ему).

[27] При описаниях I рода приходится привлекать сведения об уникальности или повторяемости спорного графического элемента (например, гачека) и о возможности или невозможности приписать ему самостоятельную функцию (одинаковую во всех случаях его появления); впрочем, принципы такого анализа недостаточно разработаны. Результаты такого анализа могут сильно расходиться с описаниями II рода.

ударения), франц. *ç, é, è, ê, ô* и т. п., нем. *ä, ö, ü* трактуются как сочетания “буква + вспомогательная графема”; 3) чеш. и словацк. *ch*, венг. *gy, ly, ny, ty, cs, sz, zs*, сербскохорв. (в латинице) *lj, nj*, испан. *ll* трактуются как алфавитные диграфы. Заметим, что в алфавитах большинства языков алфавитных диграфов нет; например, такие диграфы, как нем., англ., франц., польск. *ch*, англ. *sh, th, ea, au* т. д., не являются алфавитными.

Необходимо учитывать, однако, что вопрос о том, составляет ли, например, *й* единую букву или букву *и* со вспомогательной графемой, не имеет для пишущего той прямой практической значимости, как вопрос о существенных и несущественных различиях между начертаниями. В самом деле, пишущий прежде всего понимает, что *й* существенно отличается от *и* (например, нельзя писать *стои* вместо *стой* и т. п.); это главное обстоятельство никак не меняется от того, сколько графем усматривается в *й*.

Соответственно, в вопросе “единая графема или сочетание графем” традиционные представления могут быть менее устойчивы, чем в вопросе “разные графемы или аллографы”. Так, например, русское *ё* в одних источниках включено в алфавит (и, следовательно, расценивается как единая буква), а в других нет.

Следует особо отметить сферу, для которой состав алфавита (со всеми подробностями, включая проблему “единая графема или сочетание графем”) имеет прямое практическое значение: это алфавитные словари. При определении места слова в словаре всякая единая буква и всякий алфавитный диграф выступают как особое неделимое целое, а вспомогательные графемы игнорируются[28]. Важно учитывать, однако, что словари иногда трактуют две разные буквы традиционного алфавита как занимающие одно и то же место в алфавитном порядке (что равносильно изменению традиционного способа выделения букв). Например, литовские словари трактуют таким образом буквы *i* и *y*. Все русские словари так же трактуют *е* и *ё* (притом что *ё* по крайней мере в части источников включается в алфавит, т. е. выступает как особая буква). Таким образом, строго говоря, необходимо различать основной алфавит (употребляемый, в частности, при обучении грамоте) и словарные алфавиты, которые могут в некоторых деталях отклоняться от основного.

§ 11. В заключение коротко рассмотрим тесно связанный с основной темой настоящей статьи вопрос о графике и орфографии. Наше изложение этого вопроса в принципиальных моментах строго следует классической схеме разграничения графики и орфографии, принадлежащей И. А. Бодуэну де Куртенэ[29].

---

[28] Они могут быть приняты во внимание лишь при размещении двух слов, которые по общим правилам должны были бы занять в словаре одно и то же место (например, франц. *sale* и *salé*).

[29] См.: *И. А. Бодуэн де Куртенэ.* Указ. соч., с. 41, 66, 76.

Термин "графическая система" может употребляться в узком и в широком смысле. В узком смысле он означает просто инвентарь общеобязательных графем, в широком смысле — этот же инвентарь и так наз. базисное соответствие между графемами и фонемами.

Базисное соответствие в принципе может быть описано различными способами. Практически чаще всего используется[30] способ, состоящий в указании так наз. базисного правила чтения для каждой графической единицы, т. е. графемы[31] или графемного комплекса. Под графемным комплексом понимается такое сочетание графем, чтение которого не выводится из базисных правил чтения его компонентов (например, франц. *ch*, *au*, нем. *sch* и т. п.).

Две графические единицы с одинаковым базисным правилом чтения называются омофоничными (ср. упрощенную форму этого определения в § 4). Поскольку все графемы, образующие одну и ту же букву (см. § 4 и 9), омофоничны, базисные правила чтения могут формулироваться также непосредственно для букв. Соответственно, по аналогии с графемными комплексами можно выделять буквенные комплексы. Буквенный комплекс из двух букв называется диграфом, из трех — триграфом.

Базисное правило чтения графической единицы может представлять собой: 1) указание одной или нескольких фонем (или фонемосочетаний), передаваемых данной графической единицей, или 2) указание каких-то модификаций, которые данная графическая единица привносит в чтение соседних графических единиц. (Возможны также различные комбинации указаний первого и второго типа.)

Первый тип базисного правила чтения характерен для основных графем и для графемных комплексов, второй — для вспомогательных графем. Однако это распределение не строго: например, русск. ъ и ь, итал. *h* имеют базисные правила чтения второго типа.

Когда базисное правило чтения предусматривает для некоторой графической единицы более одного чтения, возможны два случая: а) в правиле указано также дополнительное распределение этих чтений относительно графического контекста[32]; б) такого указания в правиле нет. Пример случая "а": англ. *c* читается как /s/ перед *e*, *i*, *y*, как /k/ в прочих случаях. Примеры случая "б": латинские *a*, *e*, *i*,

---

[30] Например, в учебниках, кратких описаниях языка, приложениях к словарям и т. п. (в разделе, посвященном графике).

[31] Однако функция знаков препинания описывается не базисными правилами чтения, а правилами иной структуры.

[32] Никакие иные сведения о распределении чтений (например, списки морфем или слов) в базисных правилах чтения не допускаются. Правда, в практических руководствах правила чтения нередко сопровождаются так наз. "списками исключений". Однако эти списки не должны квалифицироваться как составная часть базисного правила; в действительности они принадлежат к сфере орфографии (см. § 12). Таким образом, например, в базисное правило чтения русского *г* не может войти /в/ (поскольку это чтение ограничено лишь морфемой *-ого*, *-его*), в базисное правило чтения французского *on* не может войти /ə/ (которое представлено только в слове *monsieur*) и т. п.

о, и передают по две фонемы (одна из которых краткая, а другая долгая); итал. *о* передает /ɔ/ и /ô/, итал. *z* — /ts/ и /dz/ и т. п.

Из изложенного ясно, что базисные правила чтения, вообще говоря, могут быть составлены для одной и той же системы письма по-разному. Помимо того, что одни и те же факты могут быть отображены многими эквивалентными формулировками[33], возможны и некоторые расхождения по существу. Например, базисное правило чтения может отражать или не отражать некоторые относительно более редкие способы чтения данной графической единицы. Соответственно, и само понятие базисного соответствия между графемами и фонемами оказывается не столь жестко определенным, как понятие инвентаря графем.

Эта неопределенность существенно снижается, впрочем, следующим дополнительным требованием: если различное чтение некоторой графической единицы в разных положениях (даже если эти положения, с формальной точки зрения, можно описать в терминах графического контекста) фактически обусловлено синхронными фонетическими закономерностями языка, базисное правило чтения не должно отражать такого варьирования. Например, для русского *ж* в базисное правило всегда включается только чтение /ж/ (а не /ж/ и /ш/). Иначе говоря, базисные правила чтения не дублируют той информации, которая относится к сфере фонетической автоматики.

Пусть имеется некоторое "графическое слово", т. е. цепочка идущих без пробелов основных графем, при которых могут быть также какие-то вспомогательные графемы. По базисным правилам чтения построим для этого графического слова соответствующую цепочку фонем[34]; если в каких-либо местах базисное правило предписывает несколько фонем без указания их распределения, то возникает несколько альтернативных фонемных цепочек. Далее каждая из полученных фонемных цепочек преобразуется (по синхроническим правилам перехода от фонем к звукам[35]) в соответствующую звуковую цепочку[36].

Назовем графическое слово *A* графически правильной записью[37] звуковой цепочки *a*, если при описанной выше обра-

[33] Например, можно отдельно описывать функции русской графемы ь или же рассматривать *бь, вь, дь* и т. д. как графические комплексы, и т. п.

[34] Разумеется, для однозначного осуществления этой операции нужны более детальные формальные указания (например, графемные комплексы должны обрабатываться раньше, чем одиночные графемы, и т. п.); однако здесь мы позволяем себе отвлечься от этой технической стороны дела.

[35] Предполагается, что в нашем распоряжении имеется описание языка, содержащее такие правила в явном виде.

[36] Заметим, что некоторые фонемные цепочки могут оказаться недопустимыми для данного языка; они не подлежат переводу в звуки. Графическое слово, которому отвечают только такие фонемные цепочки, выбывает из рассмотрения (оно "непроизносимо"). Имеются и другие частности, в которые мы здесь не вдаемся (например, в русском языке фонемная цепочка с необозначенным местом ударения должна быть превращена в несколько альтернативных звуковых цепочек с разными ударениями и т. п.).

[37] Вместо "запись" может быть сказано также "написание".

ботке из этого *A* получается (быть может, в числе прочих) цепочка *a*. Например, любое из русских графических слов *мороз, мароз, морос, марос* является графически правильной записью звуковой цепочки [мʌрóс].

§ 12. Орфография — это принятая в некотором обществе или коллективе[38] совокупность правил, предписывающих для каждой словоформы определенное (так наз. орфографически правильное) написание (или написания). Нормой является такое положение, когда орфографически правильное написание входит в число графически правильных записей соответствующего звучания. Например, для русской словоформы со значением 'gelu' и звучанием [мʌрóс] орфография предписывает написание *мороз* (одно из графически правильных; ср. выше). Однако в части случаев эта норма может нарушаться, т. е. орфографически правильное написание может и не быть графически правильным[39]; примеры: русск. *того* (где *г* = /в/), франц. *monsieur* (*on* = /ə/) и т. п., ср. сноску 32. Особенно много нарушений такого рода в орфографиях, "застывших" в том виде, как они сложились столетия назад (например, английской и французской).

В предельно "жесткой" орфографии для каждой словоформы предписано ровно одно орфографически правильное написание; к этому идеалу приближаются орфографии ряда современных языков. Менее "жесткая" орфография допускает то или иное количество орфографических вариантов. В принципе возможна система письма вообще без орфографии[40] (или, если угодно, с "нулевой" орфографией), т. е. такая, где всякую словоформу разрешается передавать любой из ее графически правильных записей (и никак иначе). Если при этом базисное соответствие между графемами и фонемами устроено так удачно, что всякая звуковая цепочка имеет ровно одну графически правильную запись, то перед нами "идеальная" система письма, где нет ни орфографии, ни вариативности.

Понятно, что основная масса орфографических правил — это в сущности правила распределения: а) для омофоничных графических единиц; б) для единиц, которые омофоничны в части графических позиций (ср., например, англ. *k* и *c*, которые в позиции не перед *e, i, y* читаются одинаково как /k/); в) наконец, для графических единиц, которые в определенных условиях конкурируют друг с другом из-за того, что противопоставление соответствующих фонем может нейтрализоваться (ср. русские *о* и *а*, *с* и *з* и т. п.). Так, в дореволюционной русской орфографии имелись, в частности, определенные

---

[38] Изредка встречается также индивидуальная (т. е. соблюдаемая всего одним лицом) орфография.

[39] Ср.: *Щерба Л. В.* Теория русского письма // *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 147.

[40] Ср.: *Щерба Л. В.* Указ. соч. С. 149.

правила выбора между *и* и *i*, между *ф* и *θ* и т. д.; как прежняя, так и нынешняя русская орфография предписывает определенные принципы выбора между буквами *о* и *а*, *с* и *з* и т. п. для тех случаев, когда их реальные чтения совпадают.

Образно выражаясь, орфография — это средство борьбы за единообразие против тех лишних степеней свободы в передаче звучания, которые предоставляет графическая система. Приемы, используемые в этой "борьбе", могут быть чрезвычайно разнообразными. Так, орфографические правила могут требовать учета самых различных аспектов слова или передаваемого им понятия (графика, фонология, морфонология, морфология, синтаксис, семантика; происхождение слова; степень уважения пишущего к соответствующему понятию и многое другое). Разнообразна также форма орфографических правил. Так, одни из них сформулированы в общем виде (т. е. применимы к целым классам слов), другие касаются только слов или морфем, заданных списком. Одни прямо указывают графему, которую следует писать в рассматриваемых случаях, другие указывают лишь путь к ее нахождению (ср. тест с проверкой родственных слов и т. п.).

Орфография в значительной мере открыта для новшеств, вводимых отдельными лицами или их группами. Соответственно, она может быть сознательно ориентирована на простоту, последовательность и общедоступность или, в другой социальной ситуации или среде, напротив, на усложненность, труднодоступность, элитарность. Как известно, во всех странах средневековой Европы существовало множество орфографических школ; унификация и даже государственная регламентация орфографии представляет собой исторически позднее явление. Отметим, что отсутствие полной стабильности и единообразия свойственны не только орфографии, но и графике, однако в этой сфере масштабы вариаций существенно меньше.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ГРАФИКА СО СМЕШЕНИЕМ *Ъ — О* И *Ь — Е*

§ **1.** В работах В. Н. Сидорова по современной и исторической русистике мы находим замечательные образцы того, как конкретные языковые факты получают смысл и порядок в свете фонологической и грамматической теории. Стараясь следовать таким образцам, мы разбираем ниже одну частную проблему древнерусского письма, где для решения спорных вопросов, как представляется, необходимо включение наблюдаемых фактов в рамки более широкого анализа закономерностей графики и орфографии.

Давно известно, что во многих древнерусских памятниках XI—XIV вв. (но также и позднее) имеются случаи употребления буквы *о* вместо требуемого нормой *ъ* или наоборот, равно как случаи употребления буквы *е* вместо требуемого нормой *ь* или наоборот. Смешение *ь* с *е* нередко сопровождается также смешением их обоих с *ѣ*, чтó дает тройное смешение *ь — е — ѣ*.

У этих смешений имеются лишь следующие ограничения (почти никогда не нарушаемые): 1) в начале графического слога (т. е. не после согласной буквы) буквы *ъ* и *ь* невозможны; 2) в составе диграфа *оу* невозможна замена *о* на *ъ*; в составе диграфа *ъı* (= буквы *ы*) невозможна замена *ъ* на *о*. В остальном указанные смешения в принципе возможны в любой позиции.

Самый известный памятник этой категории — список А договора Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г. Такое же явление отмечается, хотя и в ограниченной степени, также во многих книжных памятниках. Особенно широко это явление представлено в берестяных грамотах, а также во многих надписях — на стенах церквей, на иконах и др.

Данное явление традиционно обозначается как смешение *ъ* с *о* (соответственно *ь* с *е*). Это название — не вполне удачное. Дело в том, что слово “смешение” в обычном употреблении предполагает элемент ошибочности и хаотичности. Между тем в данном случае явно не следует предрешать вопрос о том, являются ли рассматриваемые написания простыми ошибками или нет. Соответственно, более уместным здесь было бы нейтральное название типа “взаимозамена”.

Мы предпочитаем, однако, не отказываться от удобного своей краткостью и привычностью традиционного термина "смешение", но принять его лишь в качестве условного обозначения, за которым стоит только простая констатация факта нестандартного употребления указанных букв, никак не предвосхищающая решения вопроса о механизме такого употребления.

Приведем здесь цитируемую (см., в частности, Страхов 1995, с. 252) в связи с данным вопросом выдержку из А. И. Соболевского (1900, с. 189): «... позволим себе попенять ему (Б. М. Ляпунову. — *А. З.*) за то, что он принял грамоту 1229 года с ее смешением *ъ* и *о*, *ь* и *е*, *ѣ* за нечто в своем роде единственное. Подобная орфография не редкость в XII–XIV веках в разных местах тогдашней Руси; с нею мы встречаемся даже в XV и XVI веках. Одни памятники пользуются ею так же, как грамота 1229 года; в других она проведена более или менее слабо. (...) Эти данные показывают, что смешение *ъ*, *ь* с *о*, *е*, *ѣ* не имеет никакого фонетического основания». Нефонетическая природа данного явления констатирована здесь совершенно четко. К сожалению, не вполне однозначен используемый А. И. Соболевским термин "орфография": он может означать как орфографическую (или даже графическую) систему, так и просто реальное состояние написаний в конкретном памятнике[1].

В статье Зализняк 1982 был выдвинут тезис, что смешение *ъ* — *о* и *ь* — *е* (равно как и *ѣ* — *е*) является элементом особой графической системы, отличавшейся от наиболее распространенной древнерусской графической системы ("стандартной") иными правилами употребления некоторых букв — в первую очередь *ъ*, *ь*, *о*, *е*[2]. Эта система была обозначена как "бытовая".

Было обнаружено, что в рамках данной системы подавляющее большинство берестяных грамот написано без ошибок или почти без ошибок. Главным практическим следствием этого стал отказ от господствовавшего в то время взгляда на берестяные грамоты как на записи, кишащие ошибками, и принятие гораздо более строгих, чем прежде, критериев того, какие интерпретации текста берестяных грамот могут считаться приемлемыми. Соответственно, возникла необходимость пересмотра многочисленных произвольных прочтений, порожденных указанным взглядом, и, действительно, большое число грамот получило уточненное чтение, нередко сильно отличающееся от первоначального. При этом обнаружилось, что также и в синтаксическом отношении и с точки зрения точности выражения мысли тексты берестяных грамот гораздо более строги и совершенны, чем предполагалось вначале. Отпали те интерпретации, при которых

[1] Считал ли А. И. Соболевский, что указанные смешения представляли собой ошибки, из его текста неясно. Возможно, что в соответствии с духом времени сама постановка такого вопроса не представляла в его глазах научного интереса.

[2] См. также НГБ 1977–83, с. 94–95, 103–105.

текст грамот представал как беспомощное нагромождение слов или даже их фрагментов. С лингвистической точки зрения главным результатом пересмотра прежних интерпретаций оказалось выявление ряда важных фонетических и морфологических особенностей древненовгородского диалекта, проявления которых первоначально истолковывались как ошибки записи или вообще исчезали из поля зрения в силу ошибочного словоделения и т. п.

За последние 15—20 лет интерес к изучению берестяных грамот резко возрос. Посвященные им статьи и книги появляются во многих странах мира. Безусловное большинство этих работ de facto построено на принятии (обычно даже специально не декларируемом) указанного тезиса и вытекающих из него следствий. В частности, истолкования тех или иных пассажей в берестяных грамотах как простых ошибок записи предлагаются ныне уже довольно редко и не с легкостью, характерной для интерпретаторов 50-х — 60-х годов, а обычно лишь после исчерпания других возможностей интерпретации.

Но в некоторых работах выдвигаются и возражения против указанного тезиса. Их можно, по-видимому, свести к двум основным утверждениям (не согласующимся между собой): 1) перед нами не бытовая, а книжная графическая система; 2) перед нами не система, а просто ошибки письма. Первое утверждение выдвигает А. Б. Страхов (1995, с. 252—270). Второе утверждение есть не что иное, как позиция большинства авторов, писавших о берестяных грамотах в 50-е и 60-е годы[3]. Но оно повторено и в совсем недавнее время — В. Б. Крысько (1998, с. 74) пишет: «Впрочем, в смешении букв *ъ* и *ь*, присущем отнюдь не только “бытовой системе письма”, но и многим книжным текстам ..., трудно усматривать особый орфографический прием, но кажется более правомерным видеть именно нетвердость орфографических навыков».

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы разобрать проблему древнерусской графики со смешением *ъ — о* и *ь — е* более подробно, чем это было сделано в краткой статье 1982 г., уделив внимание также выдвинутым критиками возражениям. (Заметим, что для логики изложения мы должны будем при этом в части случаев повторить аргументы, уже приводившиеся в указанной статье; но они будут развиты более полно). Попутно затрагиваются также связанные с данной проблематикой вопросы о смешении *ѣ* с *е* (и *ь*) и *ц* с *ч*.

Бытовая или книжная графика

§ 2. В вопросе о бытовом или книжном характере графики со смешением *ъ — о*, *ь — е* следует различать два аспекта: 1) степень реальной употребительности данного типа графики в разных жан-

---

[3] На этой же позиции стоял В. Кипарский (1960), который объяснял смешение *ъ* с *о* и *ь* с *е*, *ѣ* в списке А договора 1229 г. тем, что его писал не русский, а иностранец.

рах древнерусской письменности XII–XV вв.; 2) происхождение данного типа графики.

Называя графику данного типа "бытовой", я имел в виду первый из этих аспектов. Вопроса о том, в какой социальной сфере она первоначально возникла, я практически не касался.[4] Таким образом, термин "бытовой" должен пониматься как наименование по функции, причем именно по той функции, в которой мы реально застаем эту систему в XII–XV вв. (а не по гипотетической первоначальной функции).

А. Б. Страхов (1995) собрал обширный материал с целью показать, что графика такого типа была распространена в книжной письменности XII–XVI вв., и тем самым опровергнуть квалификацию ее как бытовой. Но в действительности его материал оказывается превосходным свидетельством как раз против его тезиса (если иметь в виду первый из указанных выше аспектов), а именно, этот материал с чрезвычайной ясностью показывает, что в XII–XV вв. графика со смешением *ъ — о, ь — е* играла в книжной письменности неизмеримо более скромную роль, чем в бытовой.

Дело в том, что А. Б. Страхов строит все свои рассуждения в полном отвлечении от количественного фактора. Он не замечает никакой разницы между памятником, где замена *ъ* на *о* встречается в 25, 50 или 100% случаев, и памятником, где она встречается один раз на одну-две или целый десяток страниц текста.

Так, например, в Евсевиевом евангелии А. Б. Страхов указывает около 160 случаев мены *ъ — о* и *ь — е*. Длина памятника — 140 листов, порядка 33 тысяч слов. Общее количество точек, где должны выступать буквы *ъ, ь, о, е* (кроме тех, где мена невозможна в силу указанных выше общих ограничений), здесь, исходя из обычных средних соотношений, должно составлять порядка 24 тысяч. Это значит, что писец Евсевий допускает указанные мены примерно в 0,7% случаев (или чуть больше одного раза на две страницы). Мы взяли здесь один из самых насыщенных менами книжных памятников, указанных А. Б. Страховым[5]. Для большинства прочих памятников из его списка эти показатели будут еще намного ниже (нередко речь идет лишь просто о том, что в данном памятнике замечено 3–4 примера мены).

Нужно ли говорить, что сам этот список составляет лишь малую крупицу общего фонда книжной письменности, т. е. господствуют в этом фонде рукописи, где указанных смешений просто нет.

---

[4] Было высказано лишь общее предположение (НГБ 1977–83, с. 104), что графическая эквивалентность *ъ, ь* и *о, е* "исторически связана прежде всего с представленной, как показал Н. Н. Дурново, по крайней мере в части древнерусских школ церковного чтения манерой читать *ъ* как *о*, а *ь* как *е*". Конкретные пути и детали формирования этой особой графической системы не обсуждались.

[5] По оценке В. М. Живова (1984, с. 262), коэффициент таких замен может доходить в отдельных случаях до 2%.

§ 3. Сравним эти данные с берестяными грамотами. В корпусе берестяных грамот доля таких, где указанное смешение вообще есть, очень велика. В разные периоды она различна. На протяжении двух с половиной веков — с середины XII по конец XIV в. — она превышает 50%, а в середине XIII в. достигает 95% (подробнее см. ниже, § 21–22).

В берестяных грамотах, смешивающих *ъ, ь* с *о, е*, частота таких смешений может быть различной. В некоторой их части (небольшой) смешения отмечаются лишь изредка, т. е. картина здесь в какой-то степени сходна с обсужденными выше книжными памятниками. Но гораздо больше таких грамот, где смешение встречается очень часто.

Следует различать грамоты с двусторонним и с односторонним смешением двух букв, например, *ъ* и *о*. В первом случае (который мы обозначаем *ъ* = *о*) встречаются замены как в ту, так и в другую сторону по сравнению с обычными написаниями. Во втором случае наблюдаются замены только в каком-то одном направлении, например, от *ъ* к *о* (обязательную замену мы в этом случае обозначаем *ъ* → *о*, факультативную — *ъ* → *ъ*/*о* или *ъ* → *о*/*ъ*).

Условимся отмечать обычное ("стандартное") древнерусское написание угловыми скобками. Так, например, нестандартные написания *домо, сьло* соответствуют стандартным ⟨*домъ*⟩, ⟨*село*⟩ (можно записать это и так: *дом*⟨ъ⟩, *с*⟨*е*⟩*ло*). Соответственно, мы можем говорить о точках с ⟨ъ⟩ или точках с ⟨о⟩ в той или иной словоформе, независимо от того, какие буквы реально стоят в этих точках в интересующем нас памятнике, например, о точках с ⟨ъ⟩ в словоформе, записанной как *присолало* (поскольку в стандартной записи этому соответствует ⟨*присълалъ*⟩).

Примечание. Слово "стандартный" в данном случае нужно понимать просто как условное обозначение наиболее распространенного в книжной письменности древней Руси типа написаний (ср. НГБ 1977–83, с. 93–94). Не следует приписывать ему значения 'нормативно-обязательный' и в особенности значений, свойственных английскому слову *standard* ('образцовый', 'наилучший').

При одностороннем смешении, например, замене *ъ* на *о*, но не наоборот, частота замен в классе точек с ⟨ъ⟩ может варьировать от значений, близких к нулю, до 100%. При 100% мы имеем дело с эффектом *ъ* → *о*, при меньших значениях — с эффектом *ъ* → *ъ*/*о*.

Приведем примеры относительно больших берестяных грамот со 100%-ной заменой. Эффект *ъ* → *о*: № 644 (10-е — 20-е гг. XII в.) — слабый ⟨ъ⟩, последовательно заменяемый на *о*, встретился 17 раз[6]; № 630 (2 четв. XII в.) — 12 раз; № 227 (3 четв. XII в.) — 20 раз; № 531 (рубеж XII/XIII вв.) — 47 раз; № 601 (то же время) — 14 раз; № 439 (то

[6] Разумеется, такой же замене подвергся и всякий сильный ⟨ъ⟩. Но для полной надежности мы здесь и во всех последующих примерах сильные редуцированные из подсчетов исключаем, чтобы снять подозрение, что мы имеем дело просто с записью "прояснившейся" гласной.

же время) — 13 раз; блок 390 (конец XIII в.) — 34 раза; № 622 (2 пол. XIV в.) — 12 раз. Эффект *ь* → *е* (сопровождаемый, вдобавок, эффектом *ѣ* → *е*): № 624 (2 пол. XII в.) — слабый ‹ь› встретился 6 раз (и еще 4 раза встретился ‹ѣ›); № 705 (нач. XIII в.) — 9 раз (и 10 раз ‹ѣ›); № 439 (см. выше) — 5 раз (и 7 раз ‹ѣ›).

Заметим, что эффект *ъ* → *о* означает отсутствие буквы *ъ* в практическом инвентаре букв пишущего (*ъ* как составная часть буквы *ы* не в счет); при эффекте *ь* → *е* то же верно для буквы *ь*. Такая ситуация книжным памятникам неизвестна вообще.

При заменах, направленных в сторону *ъ*, буква *о* в инвентаре букв всё же сохраняется, поскольку, как уже указано, она не подлежит замене на *ъ* в начале графического слога и в составе *оу*. Буква *е* может выпасть из инвентаря букв только в том случае, если все постконсонантные *е* заменяются на *ь*, а в начале графического слога последовательно пишется *ѥ*. Формулы *о* → *ъ*, *е* → *ь* ниже означают последовательную замену во всех позициях, не подпадающих под указанные выше общие ограничения.

Примеры эффекта *е* → *ь*: № 630 (2 четв. XII в.) — ‹е› после согласной встретилось 9 раз (вдобавок здесь еще эффект *ѣ* → *ь*; ‹ѣ› встретился 9 раз); № 510 (1 пол. XIII в.) — ‹е› 20 раз. Чистого эффекта *о* → *ъ* в сколько-нибудь длинных грамотах пока не отмечено.

Приведем также некоторые примеры не вполне последовательных односторонних замен.

Эффект *ъ* → *о*/*ъ*: № 705 (нач. XIII в.) — в 19 случаях ‹ъ› записан в виде *о*, но один раз (*азъ*) — в виде *ъ*; блок[7] грамот Григория (2 пол. XIV в.) — в 42 случаях ‹ъ› записан в виде *о*, один раз (*тогодъ*) — в виде *ъ*. Эффект *о* → *ъ*/*о*: блок 685 (3 четв. XII в.) — в 11 случаях ‹о› записано в виде *ъ*, один раз (*полъ*) — в виде *о*. Эффект *е* → *ь*/*е*: № 752 (рубеж XI/XII вв.) — в 11 случаях ‹е› записано в виде *ь*, один раз (*аже*) — в виде *е*. Можно говорить, таким образом, в этих случаях соответственно о 95%, 98%, 92%, 92% замен. Здесь взяты примеры, где процент замен весьма высок. Можно указать множество других берестяных грамот того же типа, где процент замен ниже, но все равно во много раз превосходит тот уровень, который мыслим для книжных памятников.

Рассмотрим теперь случаи двустороннего смешения. Здесь возможны разнообразные варианты, но они в общем тяготеют к одной из двух типовых ситуаций, которые на примере пары *ъ* — *о* могут быть представлены так: 1) как ‹ъ›, так и ‹о› в большинстве случаев записывается стандартно; 2) в классе точек с ‹ъ› и в классе точек с ‹о› распределение записей через *ъ* и через *о* примерно одинаково (допустим, и там и там примерно в трех четвертях случаев пишется *о*).

Ярким примером ситуации первого рода служит список А смоленского договора 1229 г. Картина здесь такова (для ‹о› и ‹е› не учитываются точки, где замена на *ъ*, *ь* запрещена):

---

[7] Т. е. совокупность грамот, написанных единым почерком.

Класс точек и его численность	Запись через:				
	ъ	*о*	*ь*	*е*	*ѣ*
слабые ⟨ъ⟩ (ок. 140)	91%	9%	—	—	—
⟨*о*⟩ (ок. 530)	13%	87%	—	—	—
слабые ⟨ь⟩ (ок. 240)	—	—	60%	34%	6%
⟨*е*⟩ (ок. 360)	—	—	17%	67%	16%
⟨ѣ⟩ (ок. 140)	—	—	14%	27%	59%

Как можно видеть, во всех строках отчетливо преобладает стандартная запись. Но процент замен (особенно в группе *ь* — *е* — *ѣ*) при этом весьма значителен. Подобные примеры (конечно, при гораздо меньшем объеме материала) имеются и среди берестяных грамот.

Ситуация второго рода наблюдается во многих берестяных грамотах. Ограничимся наиболее наглядными примерами.

Грамота № 831 (сер. XII в.). Из *ъ* и *о* автор предпочитает *о*, из *ь* и *е* — *ь*. Записей через *о* в классе ⟨ъ⟩ 72%, в классе ⟨*о*⟩ — 89%. Записей через *ь* в классе ⟨ь⟩ 87%, в классе ⟨*е*⟩ 82%. Поскольку даже в относительно больших берестяных грамотах материала для серьезной статистики недостаточно, точному количеству процентов здесь, разумеется, не следует придавать большого значения; существенна лишь общая картина.

Грамота № 419 (берестяная книжечка с церковным текстом; рубеж XIII/XIV вв.). У этого писца такие же предпочтения, как у предыдущего. Записей через *о* в классе ⟨ъ⟩ 92%, в классе ⟨*о*⟩ 96%. Записей через *ь* в классе ⟨ь⟩ 80%, в классе ⟨*е*⟩ 71%, в классе ⟨ѣ⟩ — 86%.

Грамота № 531 (рубеж XII/XIII вв.). Из *ь* и *е* автор предпочитает *е*: записей через *е* в классе ⟨ь⟩ 92%, в классе ⟨*е*⟩ 91% (кроме того, в грамоте представлен эффект *ѣ* → *е*, т. е. в классе ⟨ѣ⟩ таких записей 100%).

Смоленская берестяная грамота № 12 (сер. XII в.). Из *ъ* и *о* автор предпочитает *ъ*: записей через *ъ* в классе ⟨ъ⟩ 90%, в классе ⟨*о*⟩ 83%.

Понятно, что в ситуации первого рода писец в какой-то степени ориентирован на соблюдение норм стандартной записи. В ситуации второго рода такой ориентации нет; преобладание той или иной из двух букв определяется просто индивидуальным предпочтением пишущего, а на различие между ⟨ъ⟩ и ⟨*о*⟩ он не обращает внимания.

В книжных памятниках известны только примеры ситуации первого рода, причем с чрезвычайно низким процентом замен (ср. выше о Евсевиевом евангелии). Ситуация второго рода в книжных памятниках вообще не встречается.

Сравнивая смешение *ъ* — *о*, *ь* — *е* в книжной письменности и в бытовой, нужно также учитывать следующее. Способ записи, реализуемый в одном проценте случаев или того реже, никак не может рассматриваться как норма. Почти все примеры, собранные А. Б. Страховым, отражают не что иное, как случаи отклонения писцов от той системы записи, которую они сами расценивали как правильную и престижную. Многочисленные примеры исправлений подобных на-

писаний в книжных памятниках (см. Успенский 1988, с. 154–158) ясно свидетельствуют о том, что книжные писцы сами воспринимали их как оплошность, как проскользнувшее по недосмотру проявление не принятой для книг манеры письма.

Напротив, для бытовой письменности, где процент смешений может быть сколь угодно высок, естественно предполагать, что большинство писавших относилось к записям типа *ихъ* и типа *ихо* как к одинаково правильным. Как известно, авторы берестяных грамот тоже иногда вносили исправления в свой текст. При этом, однако, в грамотах со смешениями исправлений в сторону стандартного написания практически нет. Можно указать, например, написание *коуно*, переправленное в *коунъ*, в грамоте № 526 (сер. XI в.); но сама эта грамота написана по стандартной системе, т. е. ее автор имел ту же установку, что и книжные писцы.

§ 4. Итак, проведенное сравнение показывает:

1) доля памятников, где обнаруживается (хотя бы в слабой форме) смешение *ъ — о, ь — е*, в классе книжных памятников незначительна, тогда как в классе берестяных грамот в интервале с середины XII по конец XIV в. она составляет (в разные периоды) от 50 до 95%;

2) интенсивность такого смешения (в памятниках, где оно вообще имеется) составляет в книжных памятниках даже в самых ярких случаях один–два процента (обычно же малые доли процента), тогда как в берестяных грамотах она может достигать высших показателей: 100% при одностороннем смешении, одинакового соотношения числа записей с *о* и с *ъ* в классе ⟨*о*⟩ и в классе ⟨*ъ*⟩ при двустороннем смешении;

3) книжные писцы, судя по редкости замен данного типа в их записи и по многочисленным исправлениям, относились к ним как к погрешностям, тогда как для большинства авторов берестяных грамот следует предполагать, что они не видели в таких заменах ничего неправильного.

Нет сомнений, таким образом, что в рассматриваемую эпоху основной сферой применения того способа записи, который характеризовался смешением *ъ* с *о* и *ь* с *е*, была именно бытовая, а не книжная письменность. Это значит, что квалификация данной системы как "бытовой" в целом удовлетворительно отражает реальный узус XII–XV вв.

Следует, впрочем, признать, что само слово "бытовой" лишь довольно приблизительно очерчивает основную сферу употребления этой системы, поскольку эта сфера реально включает не только частную переписку по вопросам повседневной жизни и записи для собственного пользования, но и юридические документы (обычно касающиеся частных лиц, но иногда и государственные), а также различные надписи (не только на бытовых предметах, но и на стенах церквей и на иконах). Однако более точные наименования оказыва-

ются слишком громоздкими для практического употребления в качестве термина.

Иной вопрос — как и в какой сфере сложилась графическая система со смешениями *ъ — о, ь — е*; см. об этом отдельно ниже (§ 20).

Графическая система или просто ошибки

§ 5. Для серьезного разбора данной проблемы необходимо вначале обсудить основные термины и общие положения из области изучения графики, орфографии[8] и ошибок письма. (Оговоримся, что речь пойдет только о буквенной графике; специфику графических систем других типов нам здесь разбирать нет нужды).

Графическая система включает: а) инвентарь графем; б) основные правила их употребления при передаче фонем.

Под графемами понимаются абстрактные письменные знаки, из которых любые два в силу культурно-исторической традиции в данную эпоху в данном социуме признаются различными (и, соответственно, имеют разные наименования). Так, в древнерусском письме различными графемами являются, например, *а* и *о*, но также *ф* и *ѳ*, *о* и *ω*, *и* и *і*, *о* и *ѻ* (широкое), *е* и *є*. Различие графем не исключает возможности таких ситуаций, когда какие-то две из них употребляются (в некоторой позиции или даже вообще) безразлично, скажем, *єси* и *еси*, *Тимоѳѣи* и *Тимофѣи*. В подобных случаях грамотный человек древней Руси несомненно понимал, что *єси* и *еси* — это два разных написания, хотя оба позволительны.

Графемы делятся на основные (используемые для записи словоформ) и вспомогательные (надстрочные знаки, кроме тех, которые являются частью буквы, знаки препинания и т. п.). Понятие основной графемы представляет собой важнейшее звено на пути к уточнению традиционного понятия буквы; подробнее см. Зализняк 1979, § 4 и 9. В настоящей работе мы будем практически иметь дело именно с буквами.

Основные правила употребления букв — это то же, что основные правила чтения. Их главная составная часть — указание основного чтения для каждой буквы алфавита и для всех диграфов и триграфов. В простейшем случае основное чтение — это одна конкретная фонема, например: /а/, /у/, /ш/, /j/ для русских букв *а, у, ш, й*; /ʃ/ для французского диграфа *ch*; /ž/ для польской буквы *ż*. Возможны также различные сопутствующие указания, например:

[8] В вопросе разграничения графики и орфографии нет терминологического единства. Поэтому предлагаемое краткое изложение этого вопроса можно рассматривать как сообщение о том, как именно будут использоваться соответствующие термины в настоящей работе. В принципиальных вопросах мы следуем работе Бодуэна де Куртенэ (1912); подробнее см. Зализняк 1979. Специально отметим, что мы не претендуем здесь на введение "правильной" терминологии, в отличие от прочих, "неправильных". Любая терминология условна. Важно само различение выделяемых сущностей, какими бы ярлыками они ни были обозначены.

/и/ со смягчением предшествующей согласной — для русского *и*. В особых случаях фонем может быть две или более, с указанием правила распределения (не списочного) или без такого указания, например: /б/ (в общем случае) и /б'/ (перед ь, *е*, *и*, *ю*, *я*, *ё*) — для русского *б*; /k/ (в общем случае) и /s/ (перед *i*, *e*, *y*) — для французского *c*; /c/ или /ʒ/ (без простого правила распределения) — для итальянского *z*. Более сложный особый случай состоит в том, что в роли основного чтения выступает не фонема, а только внесение определенного изменения в чтение соседней буквы; таково положение с русскими *ь* и *ъ*.

Назовем графически правильной запись некоторого отрезка звучащей речи (например, словоформы), если, будучи прочитана по основным правилам чтения (в случае русского языка — с правильным ударением), она дает именно ту фонетическую последовательность, которая записывалась[9]. Например, для словоформы [сʌпо́к] графически правильны записи *сапог*, *сапок*, *сопог*, *сопок*.

Орфография — это совокупность правил, предписывающих выбор одной из графически правильных записей для всех случаев, когда такая запись не единственна. В качестве исключения орфография может также предписывать для отдельных слов или словоформ запись, которая не входит в число графически правильных, как, например, *сегодня*. Предписанная орфографией запись называется орфографически правильной. При жесткой орфографии для любой словоформы орфографически правильная запись единственна, при менее жесткой в каких-то категориях случаев допускаются варианты.

Примечание. Орфография — необязательный элемент письменной системы. Там, где графика такова, что любой фонетической последовательности соответствует лишь одна графически правильная запись, орфография вообще не нужна.

Структура орфографических правил может быть весьма различной. На одном полюсе здесь находятся самые общие принципы, например, принцип (основной для современной русской орфографии), согласно которому в позициях нейтрализации фонем выбор записи определяется тем, какая представлена морфема (а именно, морфема записывается так же, как в позиции, где нейтрализации нет). На другом полюсе находятся точечные правила, определяющие написания единичного слова (или даже словоформы), скажем, *баран*, *собака*. В иерархическом отношении точечные правила стоят выше принципов; например, индивидуальное правило, требующее писать *заря*, сильнее общего принципа, который требует для И. ед. *заря* такого же написания корня, как, в частности, в И. мн. *зо́ри*.

[9] Предполагается, что при этом будет соблюдена действующая в языке фонетическая автоматика, например, русское безударное /о/ реализуется в виде [ʌ] или [ə], конечное /д/ в виде [т] и т. п. (Сказанное нетрудно переформулировать на языке фонологии, но для наших целей нет нужды углубляться в возникающие при этом дополнительные терминологические проблемы).

Ввиду этой иерархии положение в орфографии несколько утрированно можно представить так: высшей инстанцией здесь является орфографический словарь, а все более общие правила получают статус более или менее эффективных приемов, позволяющих предсказать (но всё же без полной гарантии), какое написание даст орфографический словарь. В средневековом обществе, где орфографического словаря нет, в традиционных (не новаторских) школах письма в его роли обычно выступает некоторый корпус рукописей, который признается в данной школе орфографически авторитетным.

Для нас представляет специальный интерес тот факт, что в числе подобных приемов может быть и обращение к данным другого диалекта или языка. Например, носитель окающего говора при записи безударных гласных может опираться на свое произношение (хотя иногда он при этом и ошибется — например, напишет, в соответствии со своим произношением, *пором, рости, боран, стокан*).

§ 6. Необходимо также более подробно рассмотреть вопрос об ошибках письма и их видах.

Условимся называть ошибкой любое отклонение последовательности графем, образующей запись некоторого отрезка речи, от той, которая предписывается для такого отрезка речи действующими правилами графики и орфографии.

Ошибки можно подразделять с точки зрения: а) типа правил, которые они нарушают; б) породившей их причины.

С первой точки зрения различаются:

1) графические ошибки (= ошибки против графики = ошибки против звучания);

2) орфографические ошибки (= ошибки против орфографии).

Графическая ошибка — это запись, не входящая в число графически правильных, иначе говоря, такая, которая, будучи прочитана по основным правилам чтения (в случае русского языка — с правильным ударением), дает, причем не в качестве одного из вариантов, а обязательно, не ту фонетическую последовательность, которая записывалась. Примеры: *парохо, пархох, паророход, парухох, парохад* вместо *пароход*.

Примечание. Имеется в виду произношение самого пишущего (а не нормативное). Если, например, он произносит [парухо́т], то в его записи *парухох* нет графической ошибки.

Орфографическая ошибка — это запись, не входящая в число орфографически правильных, но при этом графически правильная. Примеры: *парахох, парохот*. Специально отметим, что в рамках предлагаемой терминологии запись вроде *сима* вместо *зима* (если автор произносит, как и прочие русские, [з'има́]) не относится к числу орфографических ошибок: это ошибка более низкого уровня — графического.

Со второй точки зрения различаются: 1) описки (т. е. ошибки, вызванные психофизиологическими причинами, связанными с меха-

никой письма); 2) собственно ошибки (вызванные другими причинами, в частности, незнанием или несоблюдением каких-то правил).

Заметим, что это разграничение — не стопроцентно четкое. Существенно также, что одна и та же ошибка в одних случаях может быть собственно ошибкой, а в других опиской. К счастью, для наших целей эти обстоятельства не имеют большого значения.

Среди описок необходимо выделить типовые описки, а именно:

1) пропуск (в частности, недописка) части слова, например, *парход, парохо*;

2) перестановка букв (или их последовательностей), например, *рапоход*;

3) повторение буквы или слога — в чистом виде или вместо того, что следовало написать, например, *паароход, паророход, папоход, параход*;

4) предвосхищение буквы или слога — вместо того, что следовало написать, или (реже) в чистом виде, например, *пороход, рароход*.

Ошибки, не входящие ни в одну из этих четырех групп, т. е. такие, которые не могут быть интерпретированы как типовые описки, мы будем называть немеханическими.

§ 7. Основной эмпирический факт, выявляющийся при наблюдении над записями со значительным числом ошибок (в ситуациях, где мы достоверно знаем как графическую систему, используемую пишущими, так и их произношение, т. е. в первую очередь в современных языках) состоит в следующем: подавляющее большинство ошибок против звучания составляют типовые описки.

Но у большинства пишущих, уже вышедших из начальной стадии обучения, количество типовых описок сравнительно невелико; лишь при крайней небрежности, спешке и т. п. их число может сильно возрасти. Подавляющее большинство так называемых вопиюще безграмотных записей, с которыми реально приходится сталкиваться, — это записи с массовыми ошибками не против звучания, а против орфографии. Например, в таких записях может встречаться бесчисленное количество примеров типа *с**а**бака, п**а**шол, приех**о**л, с**о**поги*, но при этом отсутствуют примеры типа *н**а**мер* вместо *номер* или *сп**о**л* вместо *спал*. Другую категорию записей, производящих впечатление безграмотных, составляют записи носителей диалекта (или иностранцев), чья фонетика отличается от стандартной. В таких записях могут встретиться, например, *хвос, кось* вместо *хвост, кость, сем, восем* вместо *семь, восемь* и т. п.; но как уже указано выше, это не ошибки против звучания, если эти люди так и произносят.

Иную картину обнаруживают лишь записи детей (но также и взрослых), находящихся на самом начальном этапе обучения грамоте, — когда ученик еще нетвердо запомнил начертания букв и их основные чтения. На этой стадии, например, *н* может путаться с *и*, *б* с *в*, *у* с *х* и вообще что угодно с чем угодно. Но эта категория запи-

сей составляет лишь ничтожную долю в совокупном фонде записей, в том числе и бытовых. Главное же в том, что она легко может быть опознана — именно по признаку смешения букв, внешне похожих, равно как по многим другим признакам, выдающим отсутствие у автора всякого опыта письма. Среди берестяных грамот к этой категории, по-видимому, можно отнести лишь несколько каракулеобразных записей, где не читается вообще никаких целых слов. Все остальные находятся выше этого уровня. И уж заведомо не может быть и речи о том, что на таком уровне находился, например, писец списка А смоленского договора 1229 г.

Примечание. При обучении кириллице повышенную трудность для обучаемых составляет передача мягкости согласных, поскольку в этом случае различие согласных фонем отражается на письме не прямо, а косвенно — через выбор буквы для последующей гласной. Соответственно, ошибки типа *та* вместо *тя* и наоборот могут сохраняться и на более продвинутом этапе освоения графики. Однако и этот барьер подавляющим большинством пишущих преодолевается вполне успешно. В частности, в берестяных грамотах ошибки этого рода, которые нельзя было бы отнести за счет особенностей диалектной фонетики, встречаются чрезвычайно редко.

Немеханические ошибки против звучания, во-первых, встречаются в записях (кроме отмеченной категории, связанной с начальной стадией обучения) вообще очень редко, во-вторых, не образуют никаких однородных групп. Человек может, например, написать *кароход* вместо *пароход* по какой-то единичной случайной причине — скажем, потому, что у него мелькнуло в сознании слово *корабль*, и т. п., но эта ошибка в нормальном случае ни у него, ни тем более у других людей уже не повторится.

Указанный выше эмпирический факт означает, что, хотя имеется очень много пишущих, плохо владеющих (или даже совсем не владеющих) орфографией, практически всякий пишущий, уже вышедший из начальной стадии обучения, владеет основными правилами чтения (или, что равносильно, владеет графикой). Это утверждение можно обозначить как принцип графической компетенции нормального (т. е. вышедшего из начальной стадии обучения) пишущего.

Данный принцип de facto превосходно известен любому историку языка, работающему с письменными памятниками (хотя он обычно и не формулируется в явном виде). Именно он служит логическим фундаментом для всех умозаключений типа: «В памятниках такого-то языка (или диалекта) с такого-то века вместо *ѣ* в значительном количестве случаев встречается написание *и*; следовательно, не позднее этого века здесь произошел, хотя бы в некоторых говорах и хотя бы в некоторых позициях, переход [ê] > [и]». При этом во всех аккуратных рассуждениях такого рода непременно показывается, что приводимые примеры *и* вместо *ѣ* не могут быть объяснены как типовые описки, что их достаточно много, чтобы исключить версию о чистой случайности и что нет каких-то индивидуальных причин, по

которым именно те слова, где встретилась запись с *и* вместо *ѣ*, непоказательны. Если бы можно было допустить, что все отмеченные написания *и* вместо *ѣ* — это просто ошибки против звучания, проистекающие лишь из нетвердости навыков письма у соответствующих писцов, умозаключения указанного классического типа потеряли бы всякую силу.

Каков характер ошибки, которую допускает писец, уже произносящий [с'и́но] вместо прежнего [с'ě́но], когда он пишет *сино*, а не *сѣно*? Это, конечно, ошибка против орфографии, если орфографическая норма той эпохи требовала традиционного написания. Но против звучания (= против графики) здесь ошибки нет: буква *и* несомненно имела основное значение [и], следовательно, запись нашего писца графически правильна. Иначе говоря, этот писец никак не нарушил сформулированного выше основного принципа.

Историк языка пользуется здесь для своих заключений о р ф о г р а ф и ч е с к о й нетвердостью такого писца; но при этом он существенным образом опирается (как мы видели, с полным основанием) на презумпцию его г р а ф и ч е с к о й компетенции.

§ 8. Можно ли заключить, что во всех случаях, когда мы наблюдаем то, что выглядит как массовые немеханические ошибки против звучания, мы имеем в действительности дело с отражением некоторого фонетического изменения?

Некоторые примеры показывают, что такое заключение было бы поспешным.

Рассмотрим вопрос о так наз. одноеровом письме в древней Руси. Уже давно установлено, что некоторые памятники XI–XII вв., писанные на Руси, используют лишь одну букву (обычно ъ) на месте обоих этимологических редуцированных — *ъ и *ь (см., в частности, Тот 1978), причем в числе этих памятников есть не только списки со старославянских оригиналов (где хотя бы в принципе можно предположить слепое копирование этих оригиналов), но и тексты, созданные на Руси, — прежде всего берестяные грамоты № 109, 380, 527, 586, 745 (а также свинцовая грамота № 1), к которым ныне добавился еще ряд грамот из недавних находок — № 821, 877, 900, 907.

Одноеровая графика на южнославянской территории может быть прямо или косвенно связана с тем, что в значительной части южнославянских диалектов *ъ и *ь совпали. Но на восточнославянской территории нет никаких признаков такого совпадения — ни в каком из диалектов (частные явления, касающиеся лишь некоторых позиций, в данном случае в счет не идут).

Коль скоро это так, мы не можем объяснить написания типа *Плъскове* (вместо *Пль-*) в грамоте № 109 или *татъбѣ* (вместо *татьбѣ*) в грамоте № 907 как отражение перехода [ь] > [ъ] в говоре соответствующих писцов. Поскольку версия о простом нагромождении ошибок ввиду систематического характера данного явления в рас-

сматриваемом классе памятников тоже исключается, остается только одна возможность объяснения, не противоречащая сформулированным выше общим закономерностям. Она состоит в том, что писцы данного класса памятников были носителями несколько иной графической системы, чем та основная, которая представлена в большинстве древнерусских памятников. В этой графической системе буквы *ь* просто не было, а у буквы *ъ* было не одно, а два основных чтения — [ъ] и [ь] (без каких-либо простых правил распределения).

Заметим, что системный характер одноеровой графики никто, собственно, и не оспаривает; никто не пытается объяснить одноеровые документы как продукты недостаточной грамотности писавших. Нам этот пример важен для того, чтобы он помог в дальнейшем разобраться с другими, уже не столь единодушно решаемыми графическими проблемами.

Пример одноеровой системы побуждает нас несколько шире рассмотреть вопрос о возможных "непрямых" (неидеальных) соответствиях между буквами и фонемами.

Одноеровая система есть пример системы, где двум разным фонемам соответствует лишь одна буква. В графических системах разных языков и разных эпох можно указать немало других примеров такого же рода. Так, в итальянской графике буквам *e*, *o*, *s*, *z* соответствует по две фонемы (/ɛ/ и /e/; /ɔ/ и /o/; /s/ и /z/; /c/ и /ʒ/). В английской графике *th* передает /θ/ и /ð/. В словенской графике *e* передает три разных фонемы, *o* — две. В истории русского языка в подавляющем большинстве систем одинаково передавались на письме /ɔ/ и /ô/, /и/ и /j/ (после гласной). В современной русской графике (а именно, в ее обычном варианте, не использующем букву *ё*) *е* = /je/ и /jo/ (после согласной — /'e/ и /'o/).

И уж совсем обычная вещь (как в средневековых системах, так и в современных) — передача одной и той же фонемы двумя, тремя и более способами. Так, в древнерусском такое соотношение представлено в группах: *оу* ~ *у* ~ *ж* ~ *ȣ*; *ф* ~ *ѳ*; *о* ~ *ω*; *и* ~ *і*; *ц* ~ *ч* (в цокающих говорах). В новогреческом: ι ~ η ~ ει ~ υ ~ οι ~ υι; ο ~ ω и др.

Существенно то, что, несмотря на кажущуюся парадоксальность такой ситуации, оба типа асимметрии ("две буквы — одна фонема" и "две фонемы — одна буква") могут совмещаться в одном и том же фрагменте графической системы. Яркие примеры здесь могут быть приведены из истории русского языка. Так, буквы *и* и *і* передают фонемы /и/ и /j/, но без закрепления одной буквы за одной фонемой. Буквы *о* и *ω* передают фонемы /ɔ/ и /ô/, опять-таки без закрепления одной буквы за одной фонемой (если не считать некоторых редкостных школ письма). См. об этом подробнее НГБ 1977–83, с. 95.

§ 9. Рассмотрим теперь, с учетом выявленных общих закономерностей, вопрос о смешении *ъ* с *о* и *ь* с *е*.

Это явление наблюдается как в ранне-, так и в позднедревнерусскую эпоху, т. е. до, во время и после падения (и "прояснения") ре-

дуцированных. Во все эти периоды основная (“стандартная”) древнерусская графическая система четко различает эти буквы. В раннедревнерусский период в данной системе основные значения этих букв таковы: *ъ* — /ъ/, *о* — /о/, *ь* — /'ь/, *е* — /'е/ (после согласной буквы) и /je/ (в начале слога). В позднедревнерусский период: *ъ*, *ь* — нуль звука (с указанием соответственно на твердость или мягкость предшествующей согласной), *о* — /ɔ/ или /ô/, *е* — то же, что в раннедревнерусском.

Единственный класс случаев, где между буквами *ъ* и *о* (соответственно между *ь* и *е*) были возможны фонетически обусловленные колебания, — это этимологические **ъ*, **ь* в сильной позиции[10] (обозначим эту совокупность точек как “зону прояснения еров”) в эпоху, когда шел процесс падения и прояснения редуцированных. Во все другие периоды и во всех других случаях фонологическое различие между единицами, выражаемыми (в стандартной графической системе) буквами *о*, *е* и буквами *ъ*, *ь*, было совершенно четко. Оно было ничуть не менее реально, чем, скажем, различие между /о/ и /у/ или /е/ и /и/, причем это одинаково верно как для раннего противопоставления /о/~/ъ/ (/е/~/ь/), так и для позднего /о/~/∅/ (/е/~/∅/).

Иначе говоря, написания типа *домо* (вместо *домъ*), *чьтъ* (вместо *чьто*), *коне* (вместо *конь*), *сьло* (вместо *село*) являются с точки зрения стандартной древнерусской графической системы (как ранней, так и поздней) ошибками против звучания.

Эти написания имеют, как мы знаем, в соответствующем классе документов массовый характер, который сохраняется и после того, как исключить из рассмотрения те частные случаи, когда они в принципе могли бы быть типовыми описками.

Как мы видели выше, в такой ситуации имеется лишь два возможных объяснения:

1) в говоре пишущих произошло некоторое фонетическое изменение, которое привело к смешению соответствующих фонем;

2) авторы таких документов имели другое представление об основном чтении букв *ъ* и *о* (соответственно *ь* и *е*), чем в стандартной древнерусской графической системе.

Рассмотрим вопрос о возможном фонетическом изменении. Как уже указано, в одном частном случае — в зоне прояснения еров — фонетическое изменение интересующего нас типа действительно произошло. Вполне естественно, что в период протекания процесса прояснения еров параллельно употреблялись написания *възьми* и *возьми*, *мълви* и *молви*, *гривьнъ* и *гривенъ*, *чьсть* и *честь*, *пьрвыи* и *первыи* и т. п., то есть в этой зоне действительно было возможно безразличное употребление *ъ* и *о*, *ь* и *е*. Однако все другие известные примеры аналогичных ситуаций однозначно указывают на то, что

[10] Для точности к ним следует присоединить также слабые **ъ*, **ь* в составе сочетаний типа *TrъT* и других сложных сочетаний, где слабые редуцированные не падали, а сохранялись в виде гласной.

подобное безразличное употребление двух букв, ограниченное определенной позицией (или определенным классом словоформ), никоим образом не вызывает всеобщего (не зависящего от позиции) смешения этих букв; иначе говоря, отнюдь не происходит забвения того факта, что они соотносятся с разными фонемами. Так, например, в "безграмотном" (т. е. не соблюдающем правил орфографии) русском письме: в безударной позиции постоянно смешиваются *о* и *а*, *е* и *и*; на конце слова смешиваются *д* и *т*, *з* и *с* и т. д.; после шипящих смешиваются *у* и *ю*, *а* и *я*. Однако ни ныне, ни в средневековой письменности нет даже намеков на формирование всеобщего (не зависящего от позиции) безразличного употребления *о* и *а*, или *е* и *и*, или *д* и *т*, или *у* и *ю*.

Л. Л. Касаткин (1996) высказал гипотезу, что в севернорусских говорах в некоторых фразовых условиях в /о/ мог развиваться также конечный слабый /ъ/. Но даже если отвлечься от того, что это отнюдь не единственное возможное объяснение разбираемых им диалектных фактов, речь здесь идет лишь об еще одной, причем достаточно специальной, позиции (конец слова, находящегося в определенных фразовых условиях). Никаких оснований предполагать всеобщее (т. е. возможное во всех позициях) смешение /ъ/ с /о/ или /ь/ с /е/ данные современных говоров не дают.

Здесь следует, правда, принять во внимание обстоятельство совсем иного рода. Как показали А. А. Шахматов (1915) и Н. Н. Дурново (1924—27), на Руси в XI в. и позднее существовала манера чтения церковных текстов, при которой *ъ* и *ь* читались соответственно как /о/ и /е/ (см. об этом в первую очередь Успенский 1988/1997). С интересующей нас точки зрения это искусственное произношение равносильно такой воображаемой форме древнерусского языка, в которой произошло всеобщее фонетическое изменение /ъ/ > /о/, /ь/ > /е/. Для такой его формы эквивалентность букв *ъ* и *о*, *ь* и *е* оказывается фонетически оправданной. Однако те тексты, в которых смешение *ъ — о*, *ь — е* представлено наиболее широко, т. е. бытовые (и отчасти официальные), несомненно соотносятся не с искусственным церковным, а с живым произношением, где различие /ъ/ и /о/, /ь/ и /е/ прекрасно сохранялось. Это значит, что в бытовой письменности смешение *ъ* и *о*, *ь* и *е* (за пределами зоны прояснения еров) не может объясняться совпадением соответствующих фонем в речи авторов таких записей.

Добавим к этому, что за рамками смешений *ъ — о*, *ь — е*, а также *е* (и *ь*) с *ѣ* в рассматриваемом классе текстов практически нет немеханических ошибок против звучания. Почти все другие немеханические отклонения (неморфологического характера) от стандартного вида записи успешно могут быть объяснены фонетическими причинами (как, например, написания типа *лотка* вместо *лодка*, *церковъ* вместо *церковь* и т. п.; относительно смешения *ц* и *ч* см. отдельно § 19).

Существенно также то, что писцы берестяных грамот или смоленского договора 1229 г. безусловно владеют целым рядом чисто

орфографических правил. Прежде всего, они соблюдают правила, ограничивающие саму сферу смешения ъ с о и ь с *е*, а именно, правила, запрещающие писать ъ, ь вместо *о*, *е* в *опѧть*, *есть* и т. п. (в отличие, скажем, от *конь*, *село*). Уже одно это несовместимо с версией о том, что эти писцы просто путали по малограмотности буквы ъ и *о* (или ь и *е*). Кроме того, эти писцы обычно обнаруживают также хорошее владение такими орфографическими правилами, как, например, распределение *оу* и *у*, *і* и *и*, *ω* и *о*, *о* широкого и *о* узкого и др. (конкретный набор действующих орфографических правил в разных памятниках различен). При названной версии пришлось бы признать, что научиться всем этим правилам (опирающимся, между прочим, на отнюдь не очевидное для профана понятие начала графического слога) им вполне удалось, а вот правило «слышишь /о/ — пиши *о*, слышишь /ъ/ — пиши ъ» оказалось для них слишком трудным.

Итак, версия о том, что написания типа *домо, коне, чьтъ, сьло* — это просто ошибки, не выдерживает критики. Принять эту версию — значит допустить, что в древнерусском письме существовала уникальная ситуация, не наблюдаемая более ни в какой другой письменности, т. е. что на процесс письма в древней Руси не распространялись общие закономерности функционирования графических систем (в частности, закономерности возникновения ошибок). Более того — пришлось бы допустить, что эта уникальная аномалия древнерусского письма касается т о л ь к о смешения ъ — *о*, ь — *е* (и ѣ), поскольку в отношении всех остальных букв древнерусское письмо ведет себя в полном соответствии с общими закономерностями.

Из всего сказанного следует, что остается лишь одно возможное объяснение записей с систематическим смешением ъ — *о*, ь — *е*: авторы таких записей имели иное представление об основном чтении букв ъ и *о* (равно как ь и *е*), чем в стандартной графической системе. Это представление должно было состоять в том, что буквы ъ и *о* (соответственно ь и *е*) омофоничны, т. е. их основные чтения одинаковы. Так, у *о* было два основных чтения: /о/ и /ъ/; и те же основные чтения были у ъ.

Сосуществование графических систем

§ **10.** Вывод о том, что авторы записей с массовым смешением ъ — *о*, ь — *е* пользовались особой графической системой, отличной от стандартной древнерусской, означает, что в древнерусском обществе сосуществовали по крайней мере две графические системы: стандартная и система со смешением ъ — *о* и/или ь — *е*.

Что сосуществование такого рода вообще возможно, не вызывает сомнений. Достаточно указать хотя бы на уже рассмотренную выше одноеровую графику, которая бесспорно сосуществовала с обычной (двуеровой).

Графическую систему, сосуществующую с основной и отличающуюся от нее тем, что некоторые фонемы, различно передаваемые в

основной системе, здесь передаются (всегда или в значительной части случаев) одинаково, можно назвать неполноразличительной.

Древнерусская система со смешением *ъ — о* и/или *ь — е* с точки зрения ее структуры должна быть охарактеризована именно как неполноразличительная (тогда как обозначение "бытовая" есть ее характеристика с совершенно иной точки зрения — по социальной функции). Неполноразличительной была и одноеровая система.

Примеры сосуществования графических систем обнаруживаются не только в средневековье. Для нас представляет значительный интерес пример такого рода в современном русском письме, а именно, сосуществование графической системы с *ё* и графической системы без *ё* (неполноразличительной). Общераспространенной, как известно, является вторая. Система с *ё* применяется лишь в словарях, в части учебных текстов и в некоторых особых случаях.

Тот факт, что мы имеем здесь дело именно с разными системами (а не с ошибками или вольностями в пределах единой системы), ясно виден, в частности, из понятия об ошибках: написание *тетка* в заглавном слове словаря есть прямая ошибка, тогда как в обычном тексте это не только не ошибка, но даже и не вольность, а безусловная норма.

Примечание. Не следует думать, что особый статус буквы *ё* (а именно, ее невхождение в общераспространенную графическую систему) определяется просто тем, что она отличается от обычного *е* лишь надстрочным знаком. Точно в такой же степени буква *й* отличается от *и*; между тем графической системы без *й* в современной письменной практике не существует. Таким образом, дело здесь не в форме буквы *ё*, а в силе традиции: графическая система, сложившаяся до появления буквы *ё*, оказалась в данном случае высокоустойчивой. Существенную роль здесь сыграло то, что буква *ё* была введена лишь для позиции под ударением (что́ не соответствует общему принципу русской орфографии, согласно которому запись морфемы от места ударения не зависит). Тем самым буква *ё* приобрела сопутствующую функцию знака ударения. Соответственно, графическая система, в которой ударения не обозначаются, получила естественный импульс к неприятию этой буквы.

Аналогию между тремя упомянутыми примерами сосуществования графических систем можно показать наглядно (для удобства система со смешением *ъ — о* взята здесь в своем предельном варианте — с эффектом *ъ → о*, т. е. вообще без буквы *ъ*):

	Пример 1 (др.-русск.)	Пример 2 (др.-русск.)	Пример 3 (соврем. русск.)
Система I (с более полным различением)	*конь, конъ* (обычная система)	*далъ, дало* (обычная система)	*сёл, сел* (система с *ё*)
Система II (неполноразличительная)	*конъ, конъ* (одноеровая система)	*дало, дало* (система с эффектом *ъ → о*)	*сел, сел* (обычная система)

Бросающееся в глаза различие между примером 3 и примерами 1, 2 состоит в том, какая графическая система (I или II) выступает в качестве обычной, общераспространенной и какая оказывается периферийной. Но это различие касается только способа социального использования соответствующих систем; с точки зрения строения этих систем все три примера вполне сходны.

Что касается систем со смешением *ъ — о*, *ь — е*, то здесь ситуация фактически сложнее, чем в примерах 1 и 3, поскольку имеется не только вариант с эффектом *ъ* → *о* (соответственно *ь* → *е*), но и варианты с эффектами типа *ъ* = *о* или *ъ* → *ъ/о*, где используется как буква *о*, так и буква *ъ*. Но это усложнение не меняет ситуации в принципе. Просто вместо единого *о* (передающего как /о/, так и /ъ/), с которым мы имеем дело в варианте с эффектом *ъ* → *о*, здесь используются две омофоничные буквы (*о* и *ъ*) — подобно тому, как вместо единого *и* (передающего две фонемы — /и/ и /j/) в системе, где есть также *i*, используются две омофоничные буквы (*и* и *i*).

Сосуществование двух графических систем в одном и том же обществе неизбежно должно приводить к некоторому их взаимодействию и взаимовлиянию.

Поскольку все грамотные люди сталкиваются (по крайней мере в своем опыте чтения) с обеими системами, каждый из них если и не овладевает обеими системами, то во всяком случае имеет некоторое представление о второй системе, отличной от той, которой он был обучен. Так, любой грамотный русский нашего времени знает о существовании (и звуковом значении) буквы *ё*, даже если он никогда в жизни сам ее на письме не употреблял. Точно так же носители графической системы без буквы *ъ* в действительности знали о существовании этой буквы, так как встречали ее при чтении.

§ 11. Рассмотрим подробнее функционирование сосуществующих графических систем, различающихся по трактовке букв *ъ* и *о*, *ь* и *е*, а также соответствующие им формы обучения. Начнем с анализа каждой из этих систем изнутри, в идеализированном независимом виде, временно отвлекаясь от вопросов их взаимодействия. Чтобы упростить изложение, все принципиальные вопросы разбираются на материале одной пары букв: *ъ* и *о*. Ситуация с парой *ь* — *е* во всех существенных моментах аналогична.

В основу нашего разбора положены следующие три дихотомии:

1. В способе чтения письменного текста: письменный текст читается в естественном древнерусском произношении (с различением /ъ/ и /о/, /ь/ и /е/) или в искусственном церковном (книжном) произношении, лишенном фонем /ъ/ и /ь/, которые заменяются соответственно на /о/ и /е/.

2. В способе распределения букв *ъ* и *о* (*ь* и *е*) на письме: в письменном тексте соблюдается стандартное (соответствующее этимоло-

гии и живому древнерусскому произношению) распределение букв ъ и *о* (ь и *е*) или представлено их смешение, т. е. те или иные неединичные отклонения от стандартного распределения.

3. В способе обучения грамоте: происходит двустороннее обучение (как чтению, так и письму) или одностороннее — только чтению (о существовании и важной роли подобного одностороннего обучения см. Успенский 1988/1997, с. 150). Общим для обоих вариантов является обучение графической системе, т. е. начертаниям букв и их основным чтениям. Обучение орфографии происходит только в первом варианте, но не во втором.

Примечание. Как будет видно ниже, выделение только этих двух крайних вариантов обучения представляет собой некоторую идеализацию (поскольку существовали также переходные формы между ними); но для упрощения разбора эта идеализация удобна.

§ **12.** Начнем с ситуации, где предполагается естественное произношение при чтении письменного текста.

Стандартная графическая система. Основные чтения букв ъ и *о* здесь таковы: *о* — /о/, ъ — /ъ/ (в позднедревнерусский период уже не /ъ/, а нуль звука с указанием на твердость предшествующей согласной).

При данной графической системе в части, относящейся к буквам ъ и *о*, в ранний период орфографические правила просто отсутствуют (они не нужны), в поздний они ограничены вопросом о том, нужно ли писать ъ в середине слова.

Если учитель был носителем данной системы, то, обучая чтению по складам, он должен был среди прочего сообщить ученикам: «*бо* — это /бо/, *бъ* — это /бъ/» (в позднедревнерусский период он должен был так или иначе довести до их сведения, что *бъ* — это /б/; о возможных различиях дидактических форм, в которых это делалось, см. Успенский 1970/1997, с. 266).

Ученик, прошедший такое обучение, писал по стандартной системе — как при двустороннем, так и при одностороннем обучении (разве что в поздний период в случае одностороннего обучения он мог по своему произволу выбирать между написаниями типа *столъ* и типа *сътолъ*).

§ **13.** Неполноразличительная графическая система. Основные чтения букв *о* и ъ в этом случае одинаковы, а именно, и та и другая передает /о/ или /ъ/ (в поздний период вместо /ъ/ мы уже имеем дело с нулем звука; далее мы этого уже больше не оговариваем). Двумя буквами передаются две фонемы, но без закрепления одной из букв за одной из фонем. В частности, буква ъ не ассоциируется специально именно с фонемой /ъ/.

Орфографическая регламентация минимальна: в том, что касается ъ и ь, она практически состоит лишь в том, что эти буквы запре-

щается употреблять в начале графического слога[11]. Иначе говоря, мы имеем здесь дело с записью графически правильной, но почти без орфографии.

Каким образом могла в данном случае происходить передача графической системы и соответствующих навыков от старших поколений к младшим? Нет необходимости предполагать, что существовали специальные школы, руководимые учителями-профессионалами, где обучали именно неполноразличительной системе, а не стандартной. Однако трудно сомневаться в том, что какие-то из носителей именно такой системы иногда оказывались в роли обучающих — например, знакомили с начатками грамоты своих или соседских детей.

Как мог поступать такой обучающий? Следует предполагать, что, как и при обучении церковному чтению, он должен был, знакомя учеников со складами, сообщить им, что *бо* — это /бо/ и *бъ* — это тоже /бо/.

Рассмотрим вначале тот вариант, когда обучали только читать.

Осознание того, что записям с *бо* или *бъ* в их собственной речи может соответствовать не только /бо/, но иногда и /бъ/, могло приходить к ученикам различными путями. Вдумчивый учитель мог и прямо указать им на это. Но многие обучающие такого рода, вероятно, и сами этого ясно не осознавали и ничего об этом не говорили. Их ученики должны были усваивать это просто из опыта чтения. Для сравнения: двузначность буквы *о*, которая в позднедревнерусский период передавала фонемы /ɔ/ и /ô/, при обучении обычно никак не отмечалась; соответственно, ученики привыкали к тому, что на это различие не нужно обращать внимания (хотя, конечно, они в принципе могли бы прекрасно его осознать, как хорошо известно из опыта диалектологов).

Вполне вероятно, впрочем, что при обучении чтению даже и такой обучающий требовал от учеников не живого произношения читаемых слов, скажем, /лъбъ/, /чьто/, а искусственного, особенно при начальном чтении по складам: /ло-бо/, /че-то/. Но это не снимает интересующей нас проблемы, а лишь передвигает ее на следующий уровень. Ученик и в этом случае должен был усвоить из опыта, что подобные искусственные /ло-бо/, /до-мо/, /со-то/, /ко-ло/ соответствуют в его собственной речи разному: /лъбъ/, /домъ/, /съто/, /коло/.

Существенно то, что отсутствие специальной ассоциативной связи между фонемой /ъ/ и буквой ъ, характерное для такого учителя, переходило и к его ученикам.

---

[11] Что касается ъ в составе *ъı* и *о* в составе *оу*, то здесь со временем произошло сращение двух отдельных букв (устойчивое в случае *ъı*, менее устойчивое в случае *оу*) в самостоятельную графическую единицу. В церковных памятниках изредка всё же встречается смешение ъ и *о* в составе *ъı* и *оу*, т. е. написания *оı*, *ъу* (см. Успенский 1988/1997, с. 154, 158, 193–194); но в берестяных грамотах таких случаев нет. После образования самостоятельных графических единиц *ъı* и *оу* элементы ъ и *о* в их составе уже более не отождествляются с обычными буквами ъ и *о* и тем самым не участвуют в буквенных заменах.

Как должен был в этом случае писать ученик, которого обучали только чтению? Для записи своего /о/ он располагал двумя возможностями: *о* и ъ. Выбирать между ними он мог по своему произволу.

Что касается записи /ъ/, то при такой форме обучения он неизбежно приходил к представлению о том, что для письма разница между /ъ/ и /о/ несущественна. Тем самым для записи /ъ/ он располагал теми же двумя возможностями: *о* и ъ.

Разумеется, при письме он мог опираться на то, что какое-то число орфограмм он просто запомнил из опыта чтения. Но никакой записанный текст не состоит целиком из запомненных орфограмм; хотя бы часть слов записывается по слуху. Записывая по слуху, такой ученик мог безразлично употреблять то *о*, то ъ (как для /о/, так и для /ъ/) или выработать свое индивидуальное предпочтение к какой-то одной из этих букв — умеренное или даже абсолютное. В результате получалась запись одного из тех типов, которые продемонстрированы в § 3 на примере различных берестяных грамот.

В варианте, когда обучали не только читать, но и писать, учитель в какой-то момент должен был прямо указать ученикам на то, что для записи разница между /ъ/ и /о/ несущественна, или как минимум молчаливо приучить их к этой мысли, никогда не исправляя в этом пункте их учебные записи.

Учитель мог также непосредственно влиять на формирование у учеников общего предпочтения к *о* или к ъ. В частности, у учителя, который сам всегда писал *о* (а не ъ), этот навык скорее всего перенимали и его ученики[12]. Однако ныне мы должны признать чрезмерно категоричным утверждение (содержащееся в Зализняк 1982, с. 83), что эффект ъ → *о* мог сформироваться у ученика только под влиянием именно такого учителя: это могла быть и просто крайняя форма индивидуального предпочтения.

При обучении письму учитель сообщал также орфографическое правило, запрещающее писать ъ и ь в начале графического слога.

Заметим, что последнее правило в письме на бересте почти никогда не нарушается[13]. Из этого можно заключить, что ч и с т о е обучение чтению, без всяких элементов обучения письму, является всё же скорее удобным конструктом, упрощающим описание основных особенностей ситуации, нежели полной реальностью. На деле, вероятно, даже при начальном обучении грамоте могли так или иначе сообщаться также отдельные сведения, относящиеся фактически к письму, а не к чтению (как, например, запрет писать *ъпать* или *ьсть*). Например, Онфим мог всё же показывать иногда свои упраж-

[12] В принципе можно было бы даже представить себе фигуру учителя, который вообще ничего не сообщал ученикам о самом существовании буквы ъ. Но такая ситуация всё же маловероятна: во всех дошедших до нас учебных азбуках на бересте буква ъ есть. И, конечно, ученик (как и учитель) должен был сталкиваться с этой буквой при чтении.

[13] Нам известно в настоящее время лишь два примера нарушения этого правила: *Пaньтелѣь* в берестяной грамоте № 561 и *примu ь* в № 737.

нения учителю, и, если тот делал ему какие-то замечания, то это был уже элемент обучения письму как таковому.

Итак, если обучающий был носителем неполноразличительной системы, то независимо от способа обучения ученик начинал писать тоже по неполноразличительной системе.

§ 14. Рассмотрим теперь ту особую ситуацию, когда для письменного текста предполагается искусственное церковное чтение.

Начнем с того случая, когда для текста предполагается правильным стандартное распределение букв *ъ* и *о*. Как известно, подавляющее большинство церковных текстов записано именно так.

Поскольку в данной ситуации фонемы /ъ/ вообще нет, основные чтения букв *о* и *ъ* одинаковы: *о* — /о/, *ъ* — тоже /о/. Разумеется, и в составе учебных складов в этом случае *бо* читается /бо/ и *бъ* — тоже /бо/ (ср. Успенский 1988/1997, с. 145).

Примечание. Несмотря на омофонию *о* и *ъ*, такая запись всё же не может квалифицироваться как неполноразличительная, поскольку при отсутствии фонемы /ъ/ здесь нечего различать.

Чтобы в этой ситуации достичь на письме стандартного распределения букв *ъ* и *о* (или вообще какого бы то ни было неслучайного распределения этих букв), необходимы орфографические правила (ср. Живов 1984, с. 261). Перед нами обычное соотношение «одна фонема — две буквы»; ср. проблему выбора между *и* и *і*, или *ω* и *о*, или *ф* и *ѳ*, или *оу* и *ж* и т. п. Общий принцип состоял здесь в том, чтобы писать так же, как в некотором наборе рукописей, признаваемых авторитетными (в разных школах письма такие наборы могли несколько различаться). Но в том, что касается именно *о* и *ъ*, в раннедревнерусскую эпоху наряду с этим принципом в ранге полезного практического приема, очевидно, существовало также правило, использующее живое древнерусское произношение пишущих: писать о там, где в этом произношении /о/, и *ъ* там, где /ъ/.

Профессиональные церковные писцы, т. е. люди, для которых была естественной также роль учителей, обладали навыками письма, соответствующими именно этой ситуации. Каков был результат обучения грамоте, когда его вел такой учитель?

Если он учил только чтению, то ученик усваивал принцип омофонии букв *о* и *ъ*, но не знал никаких орфографических правил. По мысли Б. А. Успенского (1988/1997, с. 159–160), ученик сам, "обобщая свои наблюдения, ... легко мог прийти к выводу, что буква *ъ* должна писаться тогда, когда в живом произношении слышится звук [ъ], а буква *о* — тогда, когда в живом произношении слышится звук [о]". Нет сомнений, однако, что самостоятельно приходили к такому выводу далеко не все, а лишь наиболее наблюдательные и вдумчивые. Основная масса учеников не задумывалась над распределением букв *ъ* и *о* и не искала для этого никаких правил. При письме они употребляли для записи фонемы /о/ ту или другую из

них произвольно. И точно так же они поступали при записи фонемы /ъ/ — ситуация тут ничем не отличается от разобранной в предыдущем параграфе. Это значит, что в тех случаях, когда такой ученик брался записывать уже не церковный текст, а свою обычную древнерусскую речь, он писал уже по неполноразличительной системе.

Таким образом, в данном случае одностороннее обучение грамоте при переходе от записи церковных текстов к записи живой речи порождает неполноразличительную систему.

Если такой учитель обучал не только чтению, но и письму, результат был иным. В этом случае ученика обучали также практическому приему «слышишь (в своей живой речи) /о/ — пиши *о*, слышишь /ъ/ — пиши *ъ*». Если при записи искусственного церковного произношения этот прием принадлежал лишь к сфере орфографии, то при записи обычной древнерусской речи он неминуемо должен был переосмысляться как элемент графической системы, т. е. как простой и прямолинейный принцип «*о* — это /о/, а *ъ* — это /ъ/». Правда, такой ученик скорее всего сохранял в памяти чтение склада *бъ* как /бо/ и, возможно, при чтении по складам (или скандировании) всё еще произносил *лъбъ* как /ло-бо/, но для него это была уже традиционная условность. На практике он писал уже по стандартной системе.

Как мы видим, применение церковной системы записи к обычному древнерусскому языку ведет в практике мирских людей к неполноразличительной системе у тех, кто учился только читать, и к стандартной у тех, кто учился также и писать.

§ 15. Остается рассмотреть тот редкий случай, когда текст, предполагающий искусственное церковное чтение, записывается со смешением *ъ — о*. Примерами здесь могут служить берестяные грамоты № 419 (берестяная книжечка со стихирами, см. § 3) и № 727 (краткая запись чина службы на Фоминой неделе).

Понятно, что и в данном случае основное чтение *о* есть /о/, *ъ* — тоже /о/.

Чем отличается писец берестяной грамоты № 419 от книжного писца, который при записи такого же текста не смешивает *ъ* и *о*? Грубо говоря, тем, что в выборе между *ъ* и *о* он не руководствуется орфографическими правилами, а употребляет эти буквы произвольно. (Точнее, орфографическая регламентация здесь всё же есть, но она сведена к минимуму — к запрету употреблять *ъ* и *ь* в начале графического слога, см. § 13).

В документах этого рода к церковному тексту применен тот же принцип записи, что в обычной неполноразличительной системе. Их авторы, конечно, так же записывали и мирские тексты; ср. написанные по неполноразличительной системе записки духовных лиц (попов, игуменьи) — берестяные грамоты № 87, 549, 558, 717.

Духовные лица этой категории несомненно могли участвовать наряду с другими в обучении грамоте. Нетрудно убедиться в том, что такое обучение всегда должно было давать тот же самый результат, что в § 13, т. е. обычную неполноразличительную систему.

Резюмируем проведенный в § 12—15 разбор. В нормальном случае ученик начинал писать по стандартной системе, если его учитель был носителем стандартной системы, и по неполноразличительной — если тот был носителем неполноразличительной системы. Но в одном частном случае это было не так: если учитель был носитель стандартной системы, читавший тексты в церковном произношении, и обучал только чтению, но не письму, то ученик начинал писать по неполноразличительной системе.

§ 16. Выше каждая из графических систем рассматривалась так, как если бы она была единственной. В действительности, однако, ситуация была сложнее, поскольку все или почти все пишущие были фактически знакомы (хотя бы немного) не с одной, а с обеими конкурирующими системами. Для конкретного человека одна из них была более привычной, но знание второй могло в той или иной мере влиять на его практику письма, создавая элементы непоследовательности.

Так, редкие смешения *ъ* — *о*, *ь* — *е*, отмечаемые в большом количестве книжных памятников, представляют собой не что иное, как отклонение от норм стандартной системы в сторону неполноразличительной системы (ср. Живов 1984, с. 261).

Есть свидетельства того, что один и тот же человек мог писать по-разному в зависимости от характера ситуации: в более ответственных ситуациях он писал по стандартной системе, в менее ответственных — по неполноразличительной. Весьма показательна в этом отношении берестяная грамота № 724, где в основном тексте в том, что касается букв *ъ*, *о*, *ь*, *е*, допущено всего три отклонения от стандартных написаний, тогда как в приписке на обороте, носящей менее формальный характер, в классе ⟨ъ⟩ и ⟨ь⟩ доля нестандартных написаний, т. е. *о*, *е*, достигает 24% (см. ДНД, с. 297). Другой такой пример — запись писца Евсевия (цитируемая в этой связи в Успенский 1988, с. 152). В ней представлены эффекты *ъ* → *о*/*ъ* и *ь* = *е*; записей через *о* в классе ⟨ъ⟩ 67%, записей через *е* в классе ⟨ь⟩ 71%, в классе ⟨е⟩ — 67%. Между тем в самом тексте Евсевиева евангелия доля отклонений от стандартной системы составляет лишь 0,7% (см. § 2). Это значит, что, закончив сам текст евангелия и перейдя к тексту от себя, Евсевий уже позволил себе "расслабиться" и писать по той менее строго регламентированной системе, которой он привык пользоваться в быту.

С другой стороны, типовая картина, показанная выше (§ 3) на примере смоленского договора 1229 г., — относительно высокий про-

цент смешений на фоне преобладания стандартных написаний — возникает в результате наложения элементов стандартной системы на неполноразличительную. Основной для писца в таких случаях является неполноразличительная система. Но он несомненно знаком и со стандартной системой тоже. Помимо того, что многие орфограммы он запомнил в их стандартном виде (например, писец списка А договора 1229 г. совершенно последовательно пишет *не, же, аже, кто, гость* и др.), он знаком и с самим принципом «*о* — /о/, *ъ* — нуль звука», хотя и применяет его без обязательности, свободно отступая от него в сторону более привычного для него безразличия в употреблении *ъ* и *о*. Понятно, что это должно порождать статистические соотношения именно того типа, который реально наблюдается в списке А договора 1229 г. и подобных ему документах.

§ **17.** Проведенный разбор показывает, в частности, что не следует приписывать выбор между эффектами *ъ* = *о* и *ъ* → *ъ*/*о* самой системе (т. е. усматривать здесь разные подсистемы), и, соответственно, связывать это различие непосредственно с тем, чему именно учил в этом пункте учитель. Различие такого рода могло развиться и в индивидуальном порядке. Весьма вероятно также, что если бы мы имели возможность наблюдать писца с эффектом *ъ* → *ъ*/*о* не на протяжении текста одной берестяной грамоты, а на дистанции в десятки раз большей, то мы столкнулись бы также с некоторым (хотя бы небольшим) числом случаев замены *о* на *ъ*, т. е. реальностью оказался бы всё же эффект *ъ* = *о* (хотя и с предпочтением к *о*). Во всяком случае в самых длинных текстах со смешением *ъ* и *о* фиксируется именно эффект *ъ* = *о* (а не односторонняя замена).

Более того, даже эффект *ъ* → *о* едва ли выдержал бы испытание подобной длинной дистанцией. Примеры типа блока Григория (§ 3) показывают, что даже на фоне очень устойчивой замены *ъ* на *о* может всё же появиться единичный пример с *ъ*. В самом деле, в условиях постоянной циркуляции текстов, использующих в числе прочих букву *ъ*, трудно представить себе пишущего, для которого принципиально исключена возможность хотя бы раз употребить эту букву.

Таким образом, существенной характеристикой системы является сам факт эквивалентности букв *ъ* и *о*, а варианты его реализации (*ъ* = *о*, *ъ* → *ъ*/*о* и даже *ъ* → *о*) могут определяться просто индивидуальным узусом[14].

С другой стороны, реальное наличие подсистем в рамках неполноразличительной системы определяется тем, захватывает ли смешение обе пары (*ъ* — *о* и *ь* — *е*) или только какую-то одну из них. В безусловном большинстве случаев, когда смешение вообще есть, оно наблюдается в обеих парах сразу. При этом, однако, формы его реа-

---

[14] Соответственно, мы полагаем ныне, что целесообразнее говорить о бытовой графической системе (в ед. числе), а не о бытовых системах (во множ. числе).

лизации могут быть в разных парах различны; например, в одной паре может проявляться явное предпочтение к *о*, а в другой — к *ь*; в разных парах может быть весьма различна интенсивность смешения и т. п.; ср. с этой точки зрения примеры, приводимые в § 3. Встречаются, наконец (хотя и весьма редко), такие тексты, где в одной из этих пар смешение представлено (причем достаточно ярко), а в другой отсутствует. Таким образом, коррелятивная связь между буквами *ъ* и *ь* весьма сильна, но всё же не абсолютна.

Замечания о смешении *ѣ* с *е* и *ц* с *ч*

§ 18. Наряду со смешением *ъ* — *о*, *ь* — *е* в берестяных грамотах и подобных им документах широко распространено смешение *ѣ* с *е* и *ь* (которого мы иногда попутно касались и выше). Основное различие между смешением *ѣ* — *е* и, например, *ь* — *е* состоит в том, что несовпадение фонем /ь/ и /е/ (во всех позициях, кроме одной) несомненно, тогда как в отношении фонем /е/ и /ê/ вопрос об их совпадении или несовпадении решается для каждой эпохи, каждого диалекта и каждой позиции отдельно, причем лишь на основе трудоемкого анализа и не всегда надежно. Поэтому смешение *ѣ* с *е* есть более сложный объект для анализа, чем смешение *ъ* с *о* или *ь* с *е*: написание типа *весть* (вместо *вѣсть*) в принципе может быть результатом как чисто графического смешения *ѣ* и *е*, так и фонетического перехода /ê/ > /е/. Здесь, однако, нам нет необходимости рассматривать связанные с этим непростые проблемы. Достаточно констатировать, что по крайней мере в части случаев смешение букв *ѣ* с *е* (и *ь*) имеет чисто графическую, а не фонетическую природу.

В частности, практически ни в каких говорах не совпадали гласные фонемы, представленные, например, в *слѣдъ* и в *медъ* (даже если гласные в *слѣдъ* и в *семь* в тех же говорах совпали). Соответственно, по крайней мере в той части, которая касается противопоставления слов типа *слѣдъ* и типа *медъ*, данное смешение оказывается вполне сходно с уже разобранным смешением *ъ* — *о* или *ь* — *е*.

Заметим, что различие между графикой с *ѣ* и графикой без *ѣ* (с эффектом *ѣ* → *е*) совсем уже похоже на различие между графикой с *ё* и графикой без *ё* (иначе говоря, с эффектом *ё* → *е*); к тому же речь здесь идет просто об одном и том же корпусе словоформ. Ср., с одной стороны, противопоставление записей *слѣдъ*, *семь*, *медъ* (система с *ѣ*) и *следъ*, *семь*, *медъ* (система без *ѣ*), с другой — противопоставление записей *след*, *семь*, *мёд* (система с *ё*) и *след*, *семь*, *мед* (система без *ё*).

Примечание. От обычного смешения *ѣ* с *е* и *ь* следует отличать тот особый случай, когда *ѣ* смешивается только с *ь*, а смешения *ь* с *е* (и *ъ* с *о*) в памятнике нет. Такой особенностью обладают, например, берестяные грамоты № 509, 789, 818, 892. Можно предполагать, что такие писцы воспринимали *ѣ* как букву *ь* с дополнительным штрихом, причем используемым без полной обязательности (подобно, например, правой части буквы *ы*, которая тоже во многих памятниках может опускаться).

Как и в случае со смешением *ъ — о, ь — е*, запись с неразличением *ѣ* и *е* (часто с эффектом *ѣ* → *е* или *ѣ* → *е/ь*, т. е. вообще без буквы *ѣ* в практическом инвентаре пишущего) имеет очень старую традицию. Она наблюдается уже в XI в., причем в таких зонах (Киев, Новгород), где и позднее фонемы /е/ и /ê/ не смешиваются. Не занимаясь здесь вопросом о происхождении этой традиции, мы должны лишь констатировать, что перед нами еще один важный элемент неполноразличительной графической системы.

§ 19. Иную природу, нежели все рассмотренные выше смешения, имеет распространенное в новгородских, псковских, смоленских, полоцких и др. памятниках смешение букв *ц* и *ч*. Оно очевидным образом связано с фонетическим явлением — совпадением фонем /ц/ и /ч/. Для грамотных людей этой зоны буквы *ц* и *ч* находились в другом соотношении, чем на юге. На юге их различие было просто частью графической системы и для них не требовалось никаких орфографических правил; на севере и северо-западе это были омофоничные буквы, различие которых целиком относилось к ведению орфографии.

Этот пример в силу своей прозрачности весьма полезен для понимания более сложных случаев функционирования графических систем. Так, совершенно очевидно, что новгородские книжные писцы обычно осваивали (благодаря специальному обучению в сочетании с опытом чтения) орфографические правила распределения букв *ц* и *ч* (см. Живов 1984, 1986). Высококвалифицированный новгородский писец мог писать в этом отношении почти без ошибок. С другой стороны, в новгородской бытовой письменности (как, впрочем, также и в некоторых книжных памятниках) мы видим иную картину: буквы *ц* и *ч* употребляются безотносительно (или почти безотносительно) к этимологии; они свободно смешиваются — иногда примерно в равных пропорциях, иногда с явным предпочтением к какой-то одной букве; возможно, наконец, и последовательное употребление лишь одной из этих букв (преимущественно *ц*).

Всё это разительным образом напоминает картину распределения *ъ* и *о* в разных категориях памятников. Между тем, как мы знаем, на фонетическом уровне ситуации тут совершенно различны: буквами *ъ* и *о* обслуживаются две разные фонемы, а буквами *ц* и *ч* — единая древненовгородская фонема /ц”/. Чем же объяснить отмеченное сходство? Очевидно, тем, что уже было констатировано выше: буквы *ъ* и *о* носителями неполноразличительной системы осознавались как омофоничные, т. е. совершенно так же, как буквы *ц* и *ч*. Разница, состоящая в том, что *ц* (как и *ч*) было средством передачи всего одной фонемы (/ц”/), а *ъ* (как и *о*) — средством передачи двух разных фонем, в данном случае совершенно непринципиальна.

Произвольное распределение омофоничных букв (как *ц — ч*, так и *ъ — о*) отражает свободу от правил орфографии, характерную для тех, кого учили только читать.

Проблема происхождения неполноразличительной графической системы

§ 20. Как мы видели, при любом из вариантов процесса обучения те, кого учил грамоте носитель неполноразличительной графической системы, писали по этой же системе (хотя и необязательно с теми же самыми предпочтениями в выборе между *ъ* и *о*, что у учителя).

Но особенно существенно другое: если исходить из естественного древнерусского произношения (§ 12—13), то невозможно, чтобы те, кого обучал грамоте носитель стандартной системы (даже если это было обучение только чтению), начали писать по неполноразличительной системе. В самом деле, раз усвоив основные чтения «*о* — /о/, *ъ* — /ъ/», ученик уже не мог вдруг забыть, что буквы *о* и *ъ* передают разные звуки; точнее говоря, вероятность этого не больше и не меньше, чем того, что он забыл бы разницу между *о* и *у* или *и* и *ы* и т. п. Иначе говоря, в таких условиях неполноразличительная система не могла родиться просто из плохого освоения стандартной системы.

В качестве вероятной причины формирования графической системы со смешением *ъ* — *о*, *ь* — *е* часто указывают прояснение древнерусских сильных редуцированных. Однако, как уже было показано выше (§ 9), параллельное употребление *ъ* и *о* в случаях типа *възьми* или *возьми*, *мълви* или *молви* и т. п., естественное для зоны прояснения еров в период протекания этого процесса, не могло само по себе превратиться во всеобщее безразличное употребление *ъ* и *о* во всех позициях.

Кроме того, попытка объяснить возникновение неполноразличительной системы с *ъ* = *о*, *ь* = *е* через прояснение древнерусских сильных редуцированных наталкивается на непреодолимое хронологическое препятствие. Самый ранний ныне известный древнерусский памятник со смешением *ъ* и *о* — найденный в 1999 г. при раскопках в Новгороде деревянный цилиндр (играющий роль замка на мешке) с надписью **мєчьничь лазорєво мѣхо** 'мешок мечника Лазоря'; он датируется первой половиной XI в. Следующий по времени памятник этой категории — берестяная грамота № 613 — относится к 30-м — 50-м годам XI в. Относить к столь раннему времени прояснение древнерусских сильных редуцированных (причем массовое, поскольку единичные случаи заведомо не могут повлиять на систему) не решатся даже сторонники самых ранних датировок этого процесса.

Наиболее правдоподобной оказывается уже существующая гипотеза о наследовании принципа омофонии *ъ* и *о*, сложившегося в соответствии с тем типом церковного чтения, где вместо /ъ/ и /ь/ произносились /о/ и /е/. Как мы видели выше (§ 14), для формирования неполноразличительной системы достаточно: 1) перенести систему с омофонией букв *ъ* и *о* из сферы искусственного церковного произношения в сферу древнерусского языка в его естественном произношении; 2) лишить эту систему сопровождающего ее комплекса орфографических правил. Первое — вполне правдоподобный культур-

но-исторический шаг. Второе происходит автоматически, если обучают только чтению, но не письму.

Фундаментальный принцип неполноразличительной системы — омофония букв *ъ* и *о* — имеет, таким образом, церковное, а не бытовое происхождение. Но сама неполноразличительная система как таковая, предполагающая неразличение фонем /ъ/ и /о/, образуется лишь после применения указанного принципа к языку, где имеются обе эти фонемы, и освобождения данного типа письма от орфографии. Последнее же определяется особенностями именно бытового узуса — в первую очередь спецификой обучения грамоте в бытовой среде. Таким образом, "погружение" системы с омофонией *ъ* и *о* в более низкую социальную сферу, где широко практикуется одностороннее (т. е. лишь начальное) обучение грамоте, оказалось определяющим фактором формирования неполноразличительной графической системы.

Это значит, между прочим, что даже с точки зрения формирования неполноразличительной системы обозначение "бытовая" не лишено некоторого основания: хотя первоистоки этой системы церковные, она приобретает свои определяющие качества лишь в результате "погружения" в бытовую среду.

Контуры эволюции неполноразличительной системы

§ 21. Неполноразличительная система активно применялась в бытовой сфере в течение ряда веков. Рассмотренные в § 12–15 механизмы наследования и трансформации графических систем позволяют понять причины такой устойчивости. Неполноразличительная система сохранялась за счет двух основных факторов.

Во-первых, значительная часть детей из средних и нижних социальных слоев, которые вообще учились грамоте, учились ей у носителей неполноразличительной системы. Часто это были не профессиональные учителя, а просто старшие из членов семьи или соседей и различные церковные люди из приходской церкви. При этом традиция неполноразличительного письма явно обладала определенным ценностным статусом. В глазах ее носителей (многие из которых несомненно знали о существовании стандартной системы) она стояла иерархически ниже, чем стандартная, но отнюдь не была ошибочной или зазорной; в бытовых ситуациях она могла даже расцениваться как более уместная.

Во-вторых, традиция употребления неполноразличительной системы подпитывалась механизмом, разобранным в § 14: те, кто учился у церковных учителей только чтению, но не письму, обычно "впадали" — не только в начальный момент письменной эпохи, но и в последующие века — в неполноразличительную систему.

Как уже было отмечено, степень употребительности графической системы со смешением *ъ* — *о*, *ь* — *е* в разные периоды весьма различна. Соответствующая кривая круто возрастает в XII в., достигает

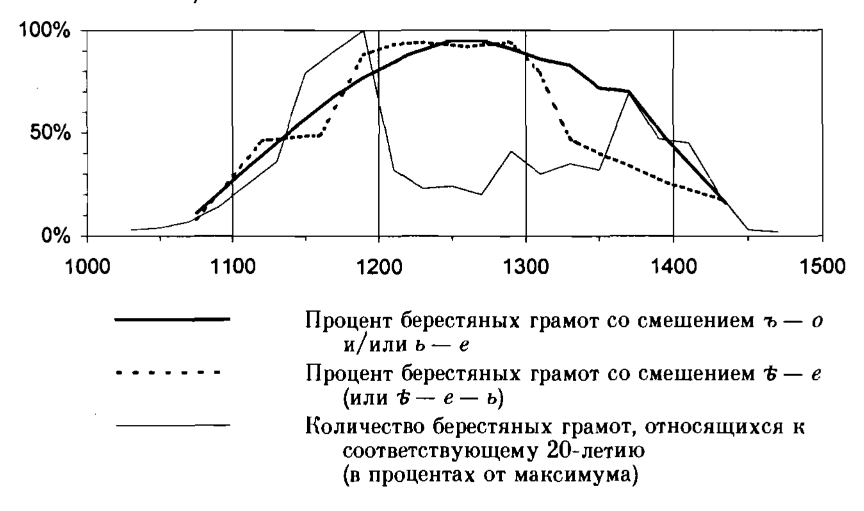
максимума в XIII в., после чего начинает падать и в XV в. опускается уже весьма низко.

Как объяснить возрастающую часть этой кривой?

Попытка связать резкое увеличение доли грамот, смешивающих *ъ* и *о*, *ь* и *е*, с начавшимся в XII в. прояснением сильных редуцированных наталкивается на слишком большие трудности. Помимо того, что неясен сам механизм этого гипотетического влияния, серьезнейшее препятствие на пути такого объяснения составляет тот факт, что почти такую же кривую, как для смешения *ъ — о*, *ь — е*, образует смешение *ѣ* с *е* (и *ь*). Между тем ни в начале XII в., ни в XIII в. никакого смешения фонем /ê/ и /е/ в Новгороде не происходило: эти фонемы прекрасно различались здесь и позже. Это значит, что степень употребительности графической системы со смешением определялась не фонетическими процессами, а какими-то другими причинами.

Поиск таких причин привел нас к весьма неожиданному сопоставлению: обнаружилось, что в интервале с начала XI по конец XII в. с кривыми степени распространенности неполноразличительных систем близко сходна кривая совершенно иного рода, а именно, кривая изменения во времени общего количества берестяных грамот, относящихся к периодам равной длины (допустим, 20-летним).

Ниже приводится диаграмма, содержащая графики изменения во времени следующих трех параметров: 1) доля берестяных грамот со смешением *ъ — о* и/или *ь — е*; 2) доля берестяных грамот со смешением *ѣ — е* (или *ѣ — е — ь*); 3) относительное количество грамот, принадлежащих к каждому из двадцатилетий рассматриваемого хронологического интервала (в процентах от максимального известного ныне количества[15]).



[15] Этим максимумом являются 111 грамот, относящиеся к последнему 20-летию XII в.

Пояснения к диаграмме. Все цифры приводятся для корпуса берестяных грамот, известных к концу 1999 г. (для Новгорода это № 1—915). Блок грамот рассматривается как единство, т. е. приравнивается при подсчетах к единой грамоте (тем самым подсчеты отражают фактически не число грамот, а число людей, которые их писали). Всякая грамота (или блок) соотнесена (в части случаев с некоторой долей условности) с одним из 20-летних отрезков, на которые разделен рассматриваемый хронологический интервал (а именно, с тем отрезком, к которому вероятнее всего относится дата ее написания). Доля грамот со смешением *ъ — о* или *ь — е* исчисляется от совокупности, включающей: а) все грамоты, где ⟨ъ⟩, ⟨ь⟩ представлены не менее двух раз; б) из прочих грамот все те, где отмечен хотя бы один случай смешения *ъ* с *о* и/или *ь* с *е*[16]. Доля грамот со смешением *ѣ — е* (или *ѣ — е — ь*) исчисляется от совокупности, включающей: а) все грамоты, где ⟨ѣ⟩ представлен не менее двух раз, кроме грамот с эффектом *ѣ* → *и*; б) из прочих грамот все те, где отмечен хотя бы один случай смешения *ѣ* с *е*[17]. В графиках смешений в нескольких случаях использованы усредненные показатели по двум соседним двадцатилетиям (чтобы устранить или уменьшить эффект случайного разброса показателей, связанный с ограниченностью имеющегося материала). Графики смешений не доведены до самых краев рассматриваемого хронологического интервала, поскольку для его крайних отрезков слишком мало материала.

§ 22. Диаграмма прежде всего наглядно подтверждает то, что уже было сказано выше: степень распространенности смешения *ъ*, *ь* с *о*, *е* и смешения *ѣ* с *е* (и *ь*) изменяется во времени почти одинаковым образом[18] (если не считать некоторого различия темпов отступления в XIV в.). Это говорит о существенном единстве разных аспектов неполноразличительной системы.

Другой важный факт, демонстрируемый этой диаграммой, состоит в том, что на протяжении XI и XII вв. обе эти кривые довольно похожи также на кривую изменения общего количества берестяных грамот.

В связи с последней кривой необходимо прежде всего заметить, что она не имеет никакого отношения к тому, сколько времени долж-

---

[16] Такая методика подсчета не безупречна, но всё же риск ошибки здесь существенно меньше, чем если бы мы включали в число написанных стандартно также и фрагментик, где встретился всего один случай стандартной записи для ⟨ъ⟩ или ⟨ь⟩, а никаких других ⟨ъ⟩ или ⟨ь⟩ нет.

[17] Особый случай составляет смешение только *ѣ* с *ь*, при отсутствии смешения *ь* с *е* и *ъ* с *о* (см. примечание в § 18). Такое смешение в расчет не принимается, т. е. грамоты с этой особенностью (весьма немногочисленные) приравниваются к написанным стандартно.

[18] Несколько бóльшая плавность кривой для *ъ*, *ь* — *о*, *е*, чем для *ѣ* — *е*, определяется в основном просто тем, что общее число грамот, содержащих удовлетворительное количество материала, в первом случае в полтора раза больше, чем во втором.

ны были пролежать в земле грамоты соответствующего века: чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить общее количество грамот в XIII и в XII в. Таким образом, если от XII в. до нас дошло примерно в 12 раз больше берестяных грамот, чем от XI в., то это значит просто то, что в XI в. писали меньше.

Какую же связь можно представить себе между экспансией неполноразличительной (бытовой) графической системы и общим ростом интенсивности письменной деятельности?

Уже сам вид соответствующей кривой подводит нас к предположению о том, что в XI в. письмо еще было в основном элитарным занятием, тогда как в XII в. социальный состав пишущих резко расширился. По-видимому, для Новгорода это допустимо связывать, хотя бы отчасти, с формированием республиканского строя. Состав авторов дошедших до нас берестяных грамот XI в. вполне согласуется с таким предположением: насколько можно судить, едва ли не все они принадлежат к привилегированному слою общества; в основном это административные лица, в нескольких случаях также церковные.

Можно представить себе, что такие люди имели возможность пройти полное обучение грамоте — как чтению, так и письму. Как уже показано, в этом случае естественным результатом оказывается письмо по стандартной системе — как при учителе-церковнике, ориентированном на церковное чтение, так и при светском учителе, который сам пишет по стандартной системе.

Наряду с этим существует также и суженное (одностороннее) обучение грамоте, которое порождает неполноразличительную систему. Но степень ее распространения в XI в. еще весьма незначительна: узок круг людей, которых обучали именно так.

С резким расширением этого круга, которое наступает в начале XII в., выходит на простор и неполноразличительная (бытовая) графическая система. Вдобавок в этом кругу в число обучающих всё чаще входят просто старшие, которые сами пишут по этой системе. Соответственно, расширение круга грамотных людей и расширение числа людей, пишущих по-бытовому, в значительной мере оказываются просто двумя сторонами одного и того же процесса. Если предлагаемая схема верна, то в результате должна возникнуть картина именно того типа, что мы видим на нашей диаграмме.

К началу XIII в. процесс уже почти достигает своего логического завершения: в бытовой сфере господствует неполноразличительная система. Резкое уменьшение общего объема письменной деятельности в XIII в., связанное с новой политической и экономической ситуацией, уже никак не может изменить этого обстоятельства.

Лишь в XIV в. установившаяся традиция бытового письма начинает отступать, постепенно уступая место господствующей в книжной и официальной письменности стандартной системе. В XIV — 1 пол. XV в. это отступление идет сравнительно быстро; но в реликтовой форме данная система продолжает существовать еще довольно долго.

Вероятно, по крайней мере, одной из причин, определивших существенное отступление бытовой системы письма в XIV в., была описанная Б. А. Успенским (1988/1997, с. 162—163, 180) трансформация церковного (книжного) произношения, состоявшая в замене прежнего искусственного произношения реальным и, соответственно, прежнего чтения склада *бъ* (и т. п.) как /бо/ новым чтением /б^ə/. Тем самым был устранен один из двух источников устойчивости неполноразличительной системы (см. § 21). Дальнейшее ее существование могло опираться уже только на традицию. Заметим, что сама реконструкция указанной трансформации, опирающаяся лишь на косвенные данные, получает тем самым некоторое дополнительное подтверждение.

Благодарю А. А. Гиппиуса за сделанные им при чтении предварительного варианта настоящей статьи конструктивные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн де Куртенэ 1912 — *И. А. Бодуэн де Куртенэ.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.

ДНД — *А. А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

Дурново 1924—27 — *Н. Н. Дурново.* Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Јужнословенски филолог, IV, с. 72—95; V, с. 93—117; VI, с. 11—64.

Живов 1984 — *В. М. Живов.* Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII вв. // Russian Linguistics, vol. 8 (1984), № 3, p. 251—253.

Живов 1986 — *В. М. Живов.* Еще раз о правописании *ц* и *ч* в древних новгородских рукописях // Russian Linguistics, vol. 10 (1986), p. 291—306.

Зализняк 1979 — *А. А. Зализняк.* О понятии графемы // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979, с. 134—152.

Зализняк 1982 — *А. А. Зализняк.* Противопоставление книжных и «бытовых» графических систем в древнем Новгороде // Finitis duodecim lustris. Сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982, с. 82—85.

Касаткин 1996 — *Л. Л. Касаткин.* Гласные звуки на конце слова в современных севернорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996, с. 243—255.

Кипарский 1960 — *V. Kiparsky.* Wer hat den Handelsvertrag zwischen Smolensk und Riga vom J. 1229 aufgesetzt? // "Neuphilologische Mitteilungen", LXI, № 2. Helsinki, 1960, S. 244—248.

Крысько 1998 — *В. Б. Крысько.* Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания, 1998, № 3, с. 74—93.

НГБ 1977—83 — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986.

Сидоров 1953 — *В.Н. Сидоров.* Редуцированные гласные в древнерусском языке // Труды Института языкознания, т. 2, 1958.

Соболевский 1900 — *А. И. Соболевский* (рец.). 'Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. Труд Б. М. Ляпунова ... СПб, 1899' // ЖМНП, т. 327, январь, с. 185–193.

Страхов 1995 — *А. Б. Страхов.* Филологические наблюдения над берестяными грамотами. VI–IX // Palaeoslavica, III (1995). P. 231–279.

Тот 1978 — *И. Х. Тот.* К изучению одноеровых памятников XI в. // Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, XXIV, 1978, p. 229–258.

Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Успенский 1970/1997 — *Б. А. Успенский.* Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // Вопросы языкознания, 1970, № 5, с. 80–100. Цит. по изд.: *Б. А. Успенский.* Избранные труды, т. III. М., 1997, с. 246–288.

Успенский 1988/1997 — *Б. А. Успенский.* Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988, с. 99–156. Цит. по изд.: *Б. А. Успенский.* Избранные труды, т. III. М., 1997, с. 143–208.

О ПОНИМАНИИ ТЕРМИНА «ПАДЕЖ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ

§ 1

Постановка задачи

В современной лингвистике значительное внимание уделяется уточнению традиционных грамматических понятий. Одним из способов такого уточнения является построение формализованных аналогов этих понятий, т. е. их моделирование. От моделей такого рода требуется, чтобы в применении к конкретным языкам они давали результаты, по возможности близкие к традиционному описанию. Например, модель грамматической категории падежа должна давать традиционные списки падежей по крайней мере для наиболее известных языков, имеющих падежи.

Практически, однако, результаты такого моделирования обычно не полностью совпадают с традиционными описаниями. Например, если речь идет о падежах, модель может выделить в том или ином языке дополнительные падежи, не признаваемые традицией, или, наоборот, не выделить какого-то из традиционных падежей. Расхождения между моделью и традиционными описаниями могут определяться различными причинами: с одной стороны, просто несовершенством модели, с другой стороны — особенностями самого моделируемого объекта. В самом деле, поскольку традиционное грамматическое представление строго не сфор-

мулировано и допускает некоторый элемент неопределенности, традиционное описание может содержать скрытое внутреннее противоречие; очевидно, что любая последовательная модель в чем-то разойдется с таким описанием. Кроме того, возможно, что традиционное грамматическое представление в действительности не едино, а допускает несколько вариантов понимания (хотя, быть может, это различие никем явно не сформулировано); особенно вероятны такие различия между грамматическими традициями разных языков. В этом случае модель, даже если она адекватно отражает одно из таких пониманий, непременно придет в противоречие с описаниями, основанными на других пониманиях.

Таким образом, для правильной оценки моделей традиционного грамматического понятия существенно установить, последовательно ли применяется это понятие в имеющихся описаниях и не допускает ли оно разных пониманий. Понятно, что такой анализ представляет и самостоятельный интерес (независимо от задач моделирования), поскольку он углубляет наши знания о рассматриваемом грамматическом понятии.

В настоящей работе делается попытка проанализировать с указанной точки зрения традиционное грамматическое понятие «падеж». Поскольку строгого определения падежа в традиционных лингвистических сочинениях нет, мы не можем установить, что имеется в виду под падежом, иначе как анализируя употребление данного термина в этих сочинениях. Соответственно, ниже исследуются имеющиеся описания падежных систем разных языков (в особенности те, которые освящены соответствующей грамматической традицией). Предлагается некоторая общая схема, облегчающая сравнение этих описаний между собой. На основании такого сравнения решается вопрос о том, единообразно ли представление о падеже, лежащее в основе разных конкретных описаний, а также о том, нет ли внутренних противоречий хотя бы в некоторых вариантах этого традиционного представления.

Ниже публикуется первая часть этой работы. Она содержит общие положения и разбор основных трудных случаев выделения падежей. Во второй части работы будут рассмотрены некоторые другие трудные случаи такого рода и будет описано значение выявленных расхождений для грамматического моделирования.

Следует оговориться, однако, что в настоящей работе рассматриваются не все возможные расхождения в понимании термина «падеж». Дело в том, что существуют некоторые общеизвестные двусмысленности в понимании этого термина, для установления которых нет нужды в специальном исследовании; о них нужно лишь так или иначе заранее условиться.

Прежде всего, как и названия других грамматических категорий, термин «падеж» может употребляться в двух смыслах: а) конкретный падеж (например, именительный, родительный и т. д.), которому в данном языке противопоставлены другие конкретные падежи; б) падеж вообще (= грамматическая категория

падежа), т. е. грамматическое явление, состоящее в том, что в данном языке противопоставляются два или более конкретных падежа. Ниже речь идет практически везде о конкретных падежах; там, где грозит двусмысленность, даются необходимые уточнения.

Далее, различаются два понимания термина «падеж», которые можно (несколько условно) обозначить как «семантическое» и «формальное». Основное расхождение между ними состоит в том, допускается ли существование двух различных падежей, различие которых никак не выражается внешне. При семантическом понимании падежа ответ на этот вопрос положителен, при формальном — отрицателен.

Конкретный падеж в семантическом понимании — это некоторый элемент смысла, а именно, определенное смысловое отношение, например: «быть субъектом действия», «быть орудием действия», «принадлежать кому-либо (чему-либо)», «быть внутри чего-либо» и т. п. Такое понимание падежа представлено, например, в известном тезисе А. А. Потебни о том, что в русском языке не один творительный падеж, а «несколько падежей, обозначаемых именем творительного»; имеются в виду значения орудия (*пишу пером*), деятеля (*создано человеком*), эталона сравнения (*летит стрелой*), места движения (*шел лесом*) и т. д. Падежи в семантическом понимании можно так или иначе выразить в любом языке, поэтому, если их рассматривать безотносительно к способу выражения, они выступают как элементы некоторой универсальной системы единиц смысла.

В рамках формального понимания падежа возможны вариации в зависимости от того, какие формальные различия считаются достаточными для признания двух падежей различными. В частности, порядок слов может признаваться или не признаваться достаточным формальным средством для различения двух падежей. Далее, возможны расхождения в том, допустимо ли рассматривать в качестве падежной формы сочетание имени с предлогом или послелогом (например, допустимо ли считать сочетание to Peter дательным падежом от Peter)[1]. Можно назвать «узко формальным» такое понимание падежа, при котором в качестве падежных форм допускаются только цельные словоформы и два падежа признаются различными только в том случае, если хотя бы у части склоняемых слов им соответствуют внешне различные словоформы.

Конкретный падеж в узко формальном понимании (у существительных) в первом приближении можно описать так: это некоторый набор словоформ (или, если угодно, то общее, что имеют все словоформы такого набора), каждая из которых способна выражать, помимо своего основного, предметного значения, один или несколько падежей в семантическом понимании. Например, в русском языке творительному падежу соответствует ряд слово-

---

[1] См., в частности, известный разбор этого круга вопросов у Есперсена: О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, гл. XIII.

форм, включающий, среди многих других, словоформы *пером, человеком, стрелой, лесом, мыслью, перьями, детьми* и т. д. Каждая из них способна выражать серию падежей в семантическом понимании (значения орудия, деятеля, эталона сравнения, места движения и т. д., ср. выше). Таким образом, падежи в узко формальном понимании — это одно из возможных средств (наряду с предлогами, послелогами, порядком слов и др.) для выражения падежей в семантическом понимании [2]. Для признания падежей (в узко формальном понимании) их в данном языке должно быть не менее двух; в противном случае говорят, что в данном языке падежей нет вообще. Очевидно, что падежи в формальном (и, в частности, узко формальном) понимании не носят универсального характера, а всегда составляют элемент грамматического строя конкретного языка: в одном языке, например, 6 падежей (в формальном понимании), в другом 15, в третьем их нет вообще.

В современной лингвистической литературе, в особенности в конкретных описаниях, безусловно преобладает узко формальное понимание падежа, и именно оно будет интересовать нас ниже. Соответственно, в настоящей работе рассматриваются только такие описания падежных систем, которые в явной или неявной форме опираются на узко формальное понимание падежа [3]. В дальнейшем «падеж» (без уточнения) означает падеж в узко формальном понимании [4].

Еще одно существенное ответвление в понимании термина «падеж» возникло сравнительно недавно в связи с работами Ч. Филлмора, который предложил использовать этот термин для обозначения определенных элементов глубинной синтактико-семантической структуры фразы [5]. «Глубинные» падежи носят, согласно Филлмору, универсальный характер и могут выражаться на поверхностном уровне различными средствами (аффиксами, служебными словами, порядком слов и др.) или даже никак не выражаться — в зависимости от конкретного языка. Вообще говоря, идея «глубинных» падежей может рассматриваться как продукт специфического развития (в русле идей порождающей грамматики) семантического понимания падежа. С формальной точ-

[2] Соотношение между падежами в узко формальном и семантическом понимании наглядно демонстрируется традиционными для латинских грамматик названиями типа genetivus possessivus, genetivus partitivus, genetivus subjectivus, genetivus objectivus, dativus commodi, dativus possessivus, dativus finalis и т. д.: здесь первая часть названия соответствует падежу в узко формальном понимании, а вторая — падежу в семантическом понимании.

[3] Специально отметим, что узко формальное понимание падежа не нарушается тем, что, например, в традиционных русских грамматиках словоформы предложного падежа приводятся с предлогом *о* (*о доме, о домах* и т. п.). Здесь в действительности не имеется в виду, что предложный падеж от *дом* есть словосочетание *о доме*, поскольку предполагается, что в словосочетаниях *на доме, при доме* и т. д. выступает тот же самый падеж от *дом*. Иначе говоря, предложным падежом от *дом* фактически признается словоформа *доме* а выписывание предлога *о* — это лишь традиционный условный прием, несущественный для нашего анализа.

[4] Падежу в семантическом понимании соответствует вводимое ниже (стр. 63) понятие «семантическая роль».

[5] Ch. J. F i l l m o r e. The case for case. «Universals in linguistic theory». N. Y., etc., 1968.

ки зрения, однако, мы имеем здесь дело с еще одним противопоставлением в понимании падежа — противопоставлением «глубинных» и «поверхностных» падежей. Очевидно, что практически все рассматриваемые в существующих лингвистических описаниях падежи следует охарактеризовать как поверхностные. Таким образом, в настоящей работе речь будет идти только о поверхностных падежах.

Особой оговорки требуют также: а) возможные разногласия в вопросе о том, являются ли определенные морфемы аффиксами или служебными словами (т. е. в вопросе о синтагматической границе словоформы); б) возможные разногласия в вопросе о том, являются ли определенные словоформы частью именной парадигмы или образуют самостоятельное слово (т. е. в вопросе о парадигматической границе слова). Очевидно, что от решения этих вопросов непосредственно зависит число и состав выделяемых в описании падежей. Например, от оценки грузинских единиц типа magida-ze 'на столе', saxl-ši 'в доме' как единых словоформ или как сочетаний именной словоформы с послелогом может зависеть признание или непризнание двух местных падежей; от оценки санскритских единиц типа çīrṣa-taḥ 'от головы, спереди', viçva-taḥ 'отовсюду' как именных словоформ или как наречий зависит признание или непризнание особого падежа на -taḥ. Однако подобные расхождения сами по себе не затрагивают принятого в описании принципа выделения падежей, т. е. способа отличать единый падеж от противопоставленной пары падежей. В зависимости от того или иного решения этих спорных вопросов перед грамматистом, описывающим падежную систему, предстает тот или иной объем подлежащего описанию материала; например, в одном случае словоформы типа çīrṣataḥ, viçvataḥ входят в этот объем, в другом нет. Но сам принцип выделения падежей, используемый грамматистом, может оставаться совершенно неизменным при всех вариациях описываемого материала (и наоборот, можно применить разные принципы выделения падежей к одному и тому же материалу).

В настоящей работе изучаются именно различия в принципах выделения падежей. Таким образом, рассматривая некоторое описание падежной системы того или иного языка, мы можем не интересоваться тем, хорошо ли решены в этом описании вопросы, связанные с границами словоформы и с границами парадигмы, поскольку они носят внешний характер по отношению к изучаемой нами проблеме. Соответственно, ниже мы везде будем исходить из того решения этих вопросов, которое принято в самом рассматриваемом описании.

Итак, ниже исследуются не все имеющиеся описания падежных систем, а только те, которые опираются на узко формальное понимание падежа и относятся к поверхностному уровню языка. Лишь после такого сужения первоначальной темы осуществляется описанная выше схема исследования. Иначе говоря, решается вопрос о том, окажется ли единообразным представление о падеже после того, как на него наложены указанные ограничения.

§ 2

Способ представления существующих описаний падежных систем в удобном для сравнения виде

Как видно из постановки задачи, отдельным объектом нашего исследования является не падежная система некоторого языка как таковая, а одно из существующих ее описаний. Чтобы получить возможность непосредственно сравнивать такие описания друг с другом, необходимо предварительно представить их в какой-то унифицированной форме. Ниже излагается один из возможных способов такого представления. Этот способ достаточно близок к традиционному (отличаясь от него главным образом большей четкостью), поэтому большинство существующих описаний может быть представлено в предлагаемой унифицированной форме без существенной перестройки.

В предлагаемой унифицированной форме описание падежной системы должно состоять из двух групп правил: 1) морфологические правила, описывающие само склонение, т. е. то, как образуются словоформы каждого падежа от разных категорий склоняемых слов; 2) семантико-синтаксические правила, указывающие для каждого падежа, в каких случаях он употребляется. Заметим, что в большинстве существующих описаний достаточно последовательно и компактно излагаются только правила первой группы; правила второй группы нередко предстают лишь в виде разнородных и обычно неполных сведений, к тому же рассеянных по разным разделам описания.

Морфологические правила

Вспомогательные понятия

Для описания морфологических правил нам потребуются некоторые вспомогательные понятия.

Назовем номинатемой единицу, получаемую абстракцией отождествления всех словоформ с одним и тем же номинативным значением. Для практических целей можно также несколько упрощенно рассматривать номинатему просто как совокупность всех словоформ с одним и тем же номинативным значением. Под номинативным значением словоформы понимается совокупность элементов ее значения, отражающая непосредственно те или иные элементы действительности (в отличие от синтаксического значения, отражающего способность данной словоформы вступать при построении фразы в определенные связи с другими словоформами). У словоформ существительных среди номинативных элементов значения можно выделить основной, указывающий на предмет определенного вида, и дополнительные, выступающие в роли «семантических модификаторов» основного элемента значения. На-

пример, в номинативном значении словоформы *домики* основным элементом является «дом» (обозначение предмета определенного вида), а его семантическими модификаторами — множественность и уменьшительность. Перечислим важнейшие из семантических модификаторов, которые практически необходимо учитывать в последующем изложении:

а) количественные характеристики — единичность, множественность, двойственность, собирательность, частичность и т. п. (ср. *студент*, *студенты*, *студенчество*);

б) оценочные характеристики — уменьшительность, увеличительность, ласкательность, пренебрежительность и т. п. (ср. *ручка*, *ручища*, *рученька*, *ручонка*);

в) характеристика по определенности—неопределенности (ср. противопоставление неопределенной и определенной словоформ слова со значением «дом», например, в швед. hus—huset, румын. casă— casa, болг. *дом— домът*, албан. shtëpi— shtëpia, араб. baytun— 'albaytu, др.-евр. bayiϑ— habbayiϑ);

г) характеристика по принадлежности (ср. противопоставление словоформ со значением «дом» и «мой дом», например, в венг. ház—házam, фин. talo—taloni, араб. baytun—baytī, др.-евр. bayiϑ—bēϑī, таджик. *хона—хонаам*, азерб. *ев—евим*);

д) характеристика по полу (только для названий живых существ, ср. *волк—волчица* и т. п.).

Таким образом, к одной номинатеме относятся только такие словоформы, у которых совпадает как основной элемент номинативного значения, так и все его семантические модификаторы, например: *студенты*, *студентов* (род. падеж), *студентам*, *студентов* (вин. падеж) и т. д. Напротив, например, словоформы *студент* и *студенты*, *рука* и *ручка*, hus и huset, ház и házam, *волк* и *волчица* относятся соответственно к разным номинатемам. В качестве обозначения номинатемы может быть использована одна из ее словоформ, например: номинатема *студенты*.

Номинатема обычно составляет часть некоторой лексемы [6]; в частном случае она может быть равна лексеме. Например, лексема *студент* состоит из номинатем *студент* (ед. число) и *студенты* (мн. число); шведская лексема student состоит из номинатем student (ед. число, неопред.), studenten (ед. число, опред.), studenter (мн. число, неопред.), studenterna (мн. число, опред.); лексема

[6] Под лексемой понимается единица, получаемая абстракцией отождествления всех словоформ с одним и тем же неграмматическим номинативным значением (см. также: А. А. З а л и з н я к. Русское именное словоизменение, М., 1967, § 1.7; далее эта работа обозначается сокращенно: РИС) или, упрощенно, совокупность всех словоформ с одним и тем же неграмматическим номинативным значением (в настоящем изложении мы практически исходим именно из упрощенных определений номинатемы и лексемы). Таким образом, грамматические элементы номинативного значения (например, единичность или множественность, определенность или неопределенность) у лексемы не фиксированы, тогда как у номинатемы фиксированы все элементы номинативного значения.

кто состоит из одной номинатемы. Оказывается, что для выявления и описания падежной системы языка существенно только распределение словоформ по номинатемам, а их распределение по лексемам — несущественно. Например, на падежную систему никак не влияет тот факт, что пары словоформ типа *студент—студенты*, hus—huset, ház—házam обычно относят в соответствующих грамматиках к одной лексеме, а пары типа *студент—студенчество, рука—ручка, волк —волчица* относят к разным лексемам [7]. Именно поэтому в данном вопросе оказалось невозможным опереться на общеизвестное понятие лексемы и пришлось ввести новое вспомогательное понятие номинатемы.

В дальнейшем изложении потребуется также понятие сегмента, т. е. внешней стороны словоформы. Приводимый ниже языковой материал рассматривается в письменной (орфографической) форме; соответственно, сегмент предстает как последовательность букв от пробела до пробела. Для языков со свободным ударением, типа русского, сегмент, вообще говоря, должен быть снабжен знаком ударения. (В настоящей работе русские сегменты приводятся со знаком ударения в таблицах и в тех случаях, где возможна двусмысленность; в прочих случаях в соответствии с традицией знак ударения опускается.) Выражение «сегмент такой-то номинатемы» означает сегмент, служащий внешней стороной какой-либо словоформы из этой номинатемы.

Таблица склонения

Основное требование, предъявляемое к морфологической части описания падежной системы, состоит в том, что она должна обеспечить для любой номинатемы и для любого падежа указание сегмента (или сегментов), которыми представлена данная номинатема в данном падеже [8] (или указание о том, что такого сегмента не существует).

Логически (но, конечно, не практически) самой простой формой таких правил является таблица с двумя входами, где каждая строка соответствует некоторому падежу, а столбец — номинатеме и где таким образом представлены все падежи и все номинатемы. В отдельной клетке таблицы может содержаться один или несколько сегментов или стоять прочерк (как символ того, что нужного сегмента не существует) [9]. Разумеется, действительно выписать

[7] Между прочим, это означает, что на описание падежной системы никак не влияют разногласия по поводу границ лексемы, например, разногласия по поводу того, следует ли относить в русском языке единственное и множественное число существительного к одной лексеме. Ср. также: А. В. Гладкий. Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного.— Наст. сборник, стр. 49 (§ 4, пункт 7).

[8] Т. е. сегментов, являющихся внешней стороной словоформ, относящихся одновременно к данной номинатеме и к данному падежу.

[9] Заметим, что если не считать разницы в числе столбцов, то такая таблица вполне сходна с обычными таблицами склонения, приводимыми в грамматиках.

всю такую таблицу практически невозможно, хотя бы потому, что номинатем слишком много. Любые реальные правила склонения строятся гораздо компактнее; существенно, однако, что если они удовлетворяют указанному выше основному требованию, то результат их действия в принципе можно представить в виде такой таблицы. Поэтому мы будем в дальнейшем считать унифицированной формой записи морфологических правил склонения именно такую таблицу.

Временно исключим из рассмотрения ту часть этой мысленной таблицы, которая отражает склонение слов-атрибутов (прилагательных, местоимений-прилагательных, числительных)[10]. Оставшаяся ее часть отражает склонение существительных и местоимений-существительных (далее называемых для краткости просто местоимениями). Она будет именоваться ниже просто т а б л и ц е й с к л о н е н и я.

Перевод правил склонения, содержащихся в конкретном описании, в указанную унифицированную форму в принципе несложен. Правда, в связи с тем, что традиционные описания недостаточно строги, при таком переводе может потребоваться некоторое редактирование: нужно довести нечеткие или подразумеваемые утверждения до явной формы [11], так или иначе устранить очевидные противоречия [12] и т. п. Таким образом, к сожалению, некоторый элемент толкования тут оказывается неизбежным.

Особый случай составляют описания, в которых одному классу номинатем приписан один набор падежей, а другому — другой (обычно один из таких наборов вкладывается в другой, но в принципе это не обязательно). Чтобы перевести такое описание в унифицированную форму, нужно для каждого упоминаемого в описании падежа отвести отдельную строку таблицы, а в столбце всякой номинатемы, которой этот падеж не приписан, поставить в данной строке прочерк. Ниже мы не делаем, однако, этой операции в том частном случае, когда один набор падежей приписан существительным, а другой — местоимениям. В этом случае таблица склонения состоит из двух отдельных частей: субстантивной и местоименной, различающихся между собой числом и (или) наи-

---

[10] Вопросы, связанные со склонением слов-атрибутов, будут рассматриваться лишь во второй части настоящей работы.

[11] Например, нужно один раз для всего описания установить, является ли, скажем, название «именительно-винительный» обозначением особого падежа, отличного от именительного и винительного, или обозначением омонимии этих падежей, и т. п. (это реальная проблема, например, для понимания ряда румынских грамматик).

[12] Так, например, в «Грамматике латинского языка» С. И. Соболевского в § 22 сказано, что в латинском склонении различаются шесть падежей (приводится список, в который местный падеж не входит) и соответственно строятся все таблицы склонения, а в § 524 говорится: «Названия городов и небольших островов на вопрос «где?» ставятся в местном падеже (без предлога), который в ед. числе 1-го и 2-го склонения одинаков с родительным падежом, а в ед. числе 3-го склонения и во множ. числе всех склонений одинаков с творительным падежом».

менованиями строк (т. е. падежей)[13]. Дело в том, что по своим синтаксическим свойствам местоимения могут очень сильно отличаться от существительных и поэтому, как показывает практика описаний, для них в большей мере, чем для какой-либо другой группы склоняемых слов, может быть оправдано признание особой падежной системы, отличной от падежной системы остальных слов.

Разумеется, если правила склонения, содержащиеся в рассматриваемом описании, неполны (т. е. не удовлетворяют основному требованию), то эта неполнота отразится и в таблице склонения: в некоторые клетки не будет внесено никаких сведений (ни сегментов, ни прочерка). Однако для рассматриваемых ниже вопросов подобная неполнота (в той мере, в какой она реально встречается) оказывается несущественной; иначе говоря, решение этих вопросов не меняется, если исключить из рассмотрения все те столбцы таблицы склонения, где есть хотя бы одна такая клетка, не содержащая никаких сведений. Поэтому ниже мы будем исходить из того, что такие столбцы уже исключены и, следовательно, всякая клетка таблицы склонения содержит либо сегмент (сегменты), либо прочерк.

Отметим следующие формальные свойства таблицы склонения, обусловленные тем что рассматриваются только описания, опирающиеся на узко формальное понимание падежа:

а) всякая таблица склонения содержит не менее двух строк;

б) любые две ее строки различны между собой (т. е. хотя бы в одном столбце клетки этих строк заполнены по-разному).

Отметим также следующее эмпирически наблюденное свойство таких таблиц: никакая строка такой таблицы не равна сумме двух других (строка C_1 равна сумме строк C_2 и C_3, если в любом столбце клетка из C_1 содержит теоретико-множественную сумму содержимого клеток из C_2 и C_3). Содержательно это означает, что ни одна грамматика не признает особым падежом возможность безразличного использования (в определенных случаях) любого из некоторой пары падежей. Например, никакая грамматика русского языка не признает особым падежом («именительно-творительным») форму, в которой выступает именная часть сказуемого во фразах типа *он был солдат* = *он был солдатом*, или другим особым падежом («родительно-винительным») форму, в которой выступает прямое дополнение при наличии отрицания (например, *он не видел этой книги* = *он не видел эту книгу*).

Семантико-синтаксические правила

Вспомогательные понятия

Для описания семантико-синтаксических правил, связанных с падежами, требуется ряд вспомогательных понятий, в том числе несколько уже использовавшихся при моделировании грамматической категории падежа [14].

[13] Возможен также случай, когда падежи признаются только у местоимений (а у существительных вообще не признаются). Тогда в сфере нашего рассмотрения остается только местоименная таблица склонения.

[14] См.: В. А. Успенский. К определению падежа по А. Н. Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», вып. 5. М.,

Мы будем называть **к о н т е к с т о м** совокупность конечного числа сегментов и одного многоточия, расставленных в определенном порядке.

Будет использоваться также неопределяемое понятие «с е м а н т и ч е с к а я р о л ь», содержательно соответствующее тому, что выше было названо падежом в семантическом понимании. С этим понятием связано следующее словоупотребление. Пусть имеется фраза *он послал родителям книгу своего друга*. Мы будем говорить, что сегмент *родителям* выражает [15] в данной фразе семантическую роль «адресат действия» для номинатемы *родители*; сегмент *книгу* выражает в данной фразе семантическую роль «объект действия» для номинатемы *книга*; сегмент *друга* может выражать в данной фразе семантическую роль «владелец чего-либо» или семантическую роль «автор чего-либо» для номинатемы *друг*. Семантические роли могут выражаться сегментами не только во фразах, но и в словосочетаниях. Например, в словосочетании *послать родителям книгу своего друга* сегменты *родителям*, *книгу*, *друга* выражают (для соответствующих номинатем) те же семантические роли, что в разобранной выше фразе.

В дальнейшем будет часто встречаться пара следующего вида: некоторый контекст + некоторая семантическая роль. Ради сокращения последующих формулировок примем для такой пары рабочее название «с и т у а ц и я». Пример ситуации: контекст «*брать* ...» + семантическая роль «объект действия».

Будем говорить, что ситуация S (контекст K, семантическая роль R) д о п у с к а е т сегмент n для номинатемы N, если этот сегмент, будучи подставлен в контекст K на место многоточия, даст фразу или словосочетание, где он может выражать семантическую роль R для номинатемы N. Так, ситуация, где $K =$ «*брать*...» и $R =$ «объект действия», допускает сегмент *вилку* для номинатемы *вилка*, сегмент *лошадей* для номинатемы *лошади* и т. д. Напротив, она не допускает для номинатемы *вилка*, например, сегмента *вилка* (словосочетание *брать вилка* не имеет смысла) или сегмента *вилкой* (в словосочетании *брать вилкой* сегмент *вилкой* выражает не ту семантическую роль, которая входит в заданную ситуацию).

З а м е ч а н и е. Поскольку понятию семантической роли определения не дается, можно по-разному отвечать на вопрос о том, в каких случаях мы имеем дело с одной и той же семантической ролью. Так, при более широком понимании семантической роли можно считать, что в *брать вилку* и *описать вилку* представлена одна и та же семантическая роль «объект действия», при более узком — что здесь две разных: например, «объект физического воздействия» и «объект описания». Не имея средств для формального разграничения

1957.— Используемому ниже термину «контекст» соответствует в этой работе «набор слов с пропуском», термину «семантическая роль» — «состояние», термину «ситуация»— «согласованная пара»; ср. также РИС, § 2.3.

[15] Эту формулировку надлежит рассматривать как эллиптическую, вместо более строгой: «сегмент *родителям* является внешней стороной некоторой словоформы, которая выражает ...».

этих двух пониманий, отметим лишь, что практически ниже обычно используется более широкое понимание семантической роли. К счастью, для большинства интересующих нас вопросов выбор более узкого или более широкого понимания семантической роли оказывается несущественным. Дело в том, что в настоящей работе семантические роли почти везде рассматриваются не в чистом виде, а в составе ситуаций, т. е. при некотором фиксированном контексте. Так, если задан контекст *«брать ...»*, то по существу безразлично, как обозначить семантическую роль, выражаемую в этом контексте сегментами *вилку*, *овцу*, *лошадей* и т. д.— как «объект действия», «объект физического воздействия» или даже «объект взятия»; достаточно лишь отличить эту семантическую роль от таких, как «орудие действия» или «адресат действия». Утверждение о том, что, например, ситуация, где K = *«брать ...»* и R = «объект действия», допускает для номинатемы *вилка* сегмент *вилку*, в сущности сводится к нашему интуитивному представлению о том, что в данном контексте сегмент *вилку* выражает ту же самую семантическую роль (как бы она ни была обозначена), что и определенный ряд других сегментов — в частности, *овцу*, *лошадей*, *лампу*, *корабль*, *слова́* и т. д. Это интуитивное представление, по-видимому, достаточно единообразно у носителей русского языка.

Будем говорить, что ситуация S и номинатема N с о в м е с т и м ы, если имеется хотя бы один сегмент, который ситуация S допускает для N. Пример несовместимости: ситуация, где K = *«идет....»* и R = «субъект действия», и любая номинатема мн. числа, например, *люди*, *корабли*, *столбы*.

Предположим, что для рассматриваемого языка уже некоторым образом задана таблица склонения. Тогда мы будем говорить, что ситуация S д о п у с к а е т для номинатемы N падеж C, если она допускает для N любой сегмент, содержащийся в той клетке таблицы склонения, которая принадлежит столбцу N и строке C. Например, ситуация, где K = *«брать...»* и R = «орудие действия», допускает для номинатемы *вилка* творительный падеж, поскольку она допускает оба сегмента (*вилкой* и *вилкою*), которые содержатся в соответствующей клетке таблицы склонения. Будем говорить, что ситуация S в с е г д а д о п у с к а е т падеж C, если она его допускает для всякой совместимой с ней номинатемы, не имеющей прочерка в клетке падежа C. Например, только что рассмотренная ситуация всегда допускает творительный падеж.

Как легко видеть, введенные определения опираются на предположение о том, что мы можем непосредственно обращаться к смыслу любой фразы или словосочетания. Тем самым мы сталкиваемся здесь с пресловутой проблемой грамматической правильности, поскольку смыслом обладают только грамматически правильные фразы (или словосочетания) [16]. В связи с этим необходимы некоторые разъяснения неформального характера.

В настоящее время признано, что грамматическая правильность допускает градацию. Различают по меньшей мере две степени — так называемую «реальную» грамматическую правильность и грамматическую правильность,

---

[16] Вообще, по-видимому, допустимо считать, что грамматически правильная фраза — это такая фраза, которой можно приписать некоторый смысл, не производя в ней мысленных исправлений (иначе говоря, это такая фраза, что можно найти некоторый смысл, для которого она окажется правильным внешним выражением). Оговорка об отсутствии исправлений нужна для того, чтобы в число грамматически правильных не попали фразы с ошибками в согласовании и т. п., которые тем не менее можно понять, т. е. осмыслить.

возникающую лишь на основе определенных аналогий с реально правильными фразами [17]. К сожалению, строгого и эффективного способа разграничивать эти степени грамматической правильности не найдено. По-видимому, целесообразно интерпретировать различие двух степеней грамматической правильности в семантических терминах, а именно, как различие между «семантически стандартными» и «семантически нестандартными» фразами. Основная идея такого разделения состоит в следующем: для осмысления (понимания) семантически стандартной фразы достаточно использовать словарные значения каждого входящего в нее слова; для осмысления семантически нестандартной фразы хотя бы одному слову должно быть приписано не одно из его словарных значений, а особое значение, полученное из словарного путем некоторого семантического сдвига, направленного на «семантическое приспособление» слова к необычному контексту. Этот сдвиг чаще всего состоит в метонимии, позволяющей приписать слову общие свойства «чужого» семантического класса слов, который обычно выступает в данном контексте. Разумеется, предлагаемое разграничение не претендует на строгость и может служить для практических целей лишь в достаточно явных случаях.

Рассмотрим некоторые характерные примеры «семантического приспособления», имеющие непосредственное отношение к проблеме падежа. Русские существительные довольно четко делятся на два семантических класса, которые можно условно обозначить как класс поддающихся счету и класс не поддающихся счету. Существительные, поддающиеся счету, например, *дом*, *стена*, *корова*, *врач*, характеризуются как качественной, так и количественной определенностью: *дом* означает предмет с определенными свойствами и в определенном количестве (а именно, один; в большем количестве это уже называется *домá*). Существительные, не поддающиеся счету, например, *чай*, *вода*, *холод*, *воображение*, характеризуются только качественной, но не количественной определенностью: *чай* означает предмет с определенными свойствами, но в любом количестве; в частности, любая часть чая есть тоже чай. Для каждого из этих семантических классов характерна особая сочетаемость с другими словами. Например, в сочетании «*немного* + родительный падеж ед. числа» нормально могут выступать только слова, не поддающиеся счету: *немного чаю*, *воды*, *воображения* и т. д. Возможны ли вообще сочетания вроде *немного стены*, *коровы*, *врача*? Сначала слушатель воспринимает их как бессмысленные, однако затем он быстро обнаруживает возможность их осмыслить: нужно лишь приспособить значения существительных к необычному контексту, изменить эти значения так, чтобы они приобрели основное свойство противоположного семантического класса — качественную тождественность части и целого. Конкретные пути к этому могут быть различными: например, под «стеной» в силу метонимии можно понимать материал, из которого она сделана; особенно легко совершается семантический сдвиг, в результате которого любой предмет представляется как пища. Таким образом, фразы типа *дайте мне немного стены* грамматически правильны, но семантически нестандартны.

Другой подобный пример составляет противопоставление одушевленных и неодушевленных существительных. Можно сказать, например: *зайца убил молнией* (*деревом*, *камнем*, *градом*); но не говорят: *зайца убило охотником* (*медведем*, *собакой*). Тем не менее фразы второй группы не являются грамматически неправильными; они лишь семантически нестандартны. Чтобы их понять, нужно осмыслить охотника, медведя, собаку и т. д. просто как физические тела (которые могут, например, падать сверху).

Особенно известный пример составляют слова со значением отрезка времени. Только эти слова входят в нормальных условиях в сочетания типа *спал час* (*минуту*, *целый день*, *всю неделю*), *час тому назад*, *часом позже* и

[17] Ср.: Н. Хомский. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. 2. М., 1957, стр. 417; И. И. Ревзин. Некоторые вопросы теории моделей языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 8; Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, § 0.3 (ср. также РИС, § 2.3).

т. п. Если в этих сочетаниях употребить существительные других семантических групп, то для осмысления таких текстов потребуется произвести довольно сложное «семантическое приспособление». Например, чтобы осмыслить сочетания *спал целый лес, лес тому назад, лесом позже*, можно представить себе поезд, который идет мимо лесов, перемеженных полями; при этом слову *лес* путем метонимического переноса будет приписано значение «отрезок времени, в течение которого проезжается лес», т. е. ему будет придано основное общее свойство нужной семантической группы.

Как видно из примеров, неопределяемые понятия грамматической правильности и семантической стандартности приложимы как к фразам, так и к словосочетаниям. При изучении падежа в большинстве случаев достаточно анализа словосочетаний (ср. в этом отношении практику традиционных грамматик).

Существующие модели грамматической категории падежа опираются на уровень грамматической правильности; на уровне семантической стандартности почти все они оказались бы недействительными. Между тем представляется вероятным, что традиционное понятие падежа формировалось на базе семантически стандартных фраз. Поэтому для оценки тех или иных схем, связанных с падежом, существенно установить, какого уровня правильности фраз (словосочетаний) они требуют. Понятно, что в зависимости от выбранного уровня правильности изменяется реальное содержание понятия «допускать (некоторый сегмент)» и всех тех, которые на него опираются. Ниже, если специально не оговорено обратное, эти понятия используются применительно к уровню грамматической правильности.

Правила управления

Назовем п р а в и л о м у п р а в л е н и я для некоторой ситуации указание о том, какой сегмент (или сегменты) допускает эта ситуация для каждой совместимой с ней номинатемы. Поскольку предполагается, что таблица склонения известна, правило управления для некоторой ситуации может иметь, в частности, следующий вид: «данная ситуация всегда допускает такой-то падеж (или такие-то падежи)». Такое правило управления мы будем называть п р о с т ы м. В другом частном случае правило управления может быть таково: «все совместимые с данной ситуацией номинатемы делятся на классы A_1, A_2, ..., A_n; для всего класса A_1 данная ситуация допускает такой-то падеж (или падежи); для всего класса A_2 она допускает такой-то падеж (или падежи) ... и т. д. до A_n». Такое правило управления мы будем называть р а с ч л е н е н н ы м. Простые и расчлененные правила управления объединяются под названием с т а н д а р т н ы х; соответственно, правила управления любой иной структуры называются н е с т а н д а р т н ы м и.

Общий вид задач, решаемых с помощью правил управления, таков. Представим себе, что в процессе синтеза фразы с заданным смыслом возник некоторый контекст; уже известно, кроме того, какую номинатему следует употребить в этом контексте и какая семантическая роль должна быть при этом выражена. Требуется найти сегмент (или сегменты) данной номинатемы, которые удовлетворяют заданию. (Разумеется, мы не считаем, что синтез любой фразы непременно должен проходить через такой этап; нам достаточно показать здесь, что описанная задача вполне реальна.)

Правила управления для всех возможных ситуаций и образуют в нашей унифицированной схеме семантико-синтаксическую часть правил, связанных с падежной системой. Разумеется, непосредственно выписать правила управления для всех возможных ситуаций нельзя, поскольку число ситуаций, по-видимому, даже не конечно. Известно, однако, что на выбор падежа у существительного фактически влияет не все его окружение во фразе, а обычно лишь то слово, которому оно синтаксически подчинено [18]. Это значит, что если не менять заданной семантической роли, то, например, контекст «*послал ... книгу своего друга*» можно свести к «*послал*...» или даже «*послать*...» и правило управления от этого не изменится. Возможны и иные типы перехода от одной ситуации к другой без изменения правила управления. Благодаря этим обстоятельствам в принципе возможно выбрать ограниченное число «ключевых» ситуаций, для которых указываются правила управления, а для всех остальных ситуаций построить правила сведе́ния их к какой-либо из ключевых. В грамматиках и словарях в качестве таких ключевых ситуаций обычно выступают ситуации, где контекст состоит из предлога, из глагола или из глагола плюс предлог (при этом семантическая роль уточняется лишь в том случае, если сам по себе контекст еще не предопределяет выбора падежа). Примеры соответствующих формулировок из традиционных описаний: «предлог *без* требует родительного падежа (= управляет родительным падежом)»; «глагол *руководить* управляет творительным падежом»; «в латинском языке при глаголах с общим значением 'лишать, лишаться, нуждаться' существительное, обозначающее отнимаемый или недостающий предмет, ставится в отложительном падеже». Типовые случаи глагольного управления, когда выбор падежа определяется прежде всего семантической ролью, рассматриваются в традиционных грамматиках в разделе «значения падежей» (или «употребление падежей»); ср., например, правило о том, что название объекта действия ставится в винительном падеже. Более индивидуальные случаи управления, когда выбор падежа тесно связан с конкретным глаголом, обычно относят к ведению словарей.

Как уже отмечено выше, семантико-синтаксические правила, связанные с падежной системой, в традиционных описаниях обычно гораздо менее последовательны и полны, чем морфологические. Ни в одном описании нет явного перечня ключевых ситуаций (или каких-то их аналогов), и нет никакой уверенности в том, что соответствующая информация содержится в каком-либо описании хотя бы в неявном или распыленном виде; нет также и явно сформулированных правил перехода от произвольных ситуаций к ключевым или наоборот. Таким образом, при переводе любого суще-

---

[18] Случаи, когда падеж существительного определяется серией подчиняющих слов, встречаются существенно реже: *стремится в город*, *живет в городе*, *не имеет смысла*, *не мог разглядеть пятна́*.

ствующего описания в унифицированную форму в семантико-синтаксической части должны обнаружиться значительные лакуны. К счастью, для целей настоящей работы о правилах управления, содержащихся в том или ином описании, требуется знать лишь очень немногое, а именно, только их структуру, т. е. принадлежность к числу простых, расчлененных или нестандартных.

Очень существенно здесь также то, что структура правил управления оказывается непосредственно связанной с устройством таблицы склонения. Покажем эту связь на примере. Если при описании русского языка принята классическая 6-падежная схема (и, следовательно, например, у номинатемы *сад* в клетке предложного падежа находятся сегменты *са́де* и *саду́*), то невозможно дать никаких стандартных правил управления, в частности, для ситуации S_1 (контекст «*говорить о...*»; семантическая роль «предмет разговора») или ситуации S_2 (контекст «*находиться в...*»; семантическая роль «место, где нечто находится»). В самом деле, нельзя сказать *говорить о саду́* или *находиться в саде*. Это значит, что ситуации S_1 и S_2, совместимые с номинатемой *сад*, не допускают для нее предложного падежа (поскольку каждая из них допускает лишь один сегмент из соответствующей клетки). S_1 и S_2 не допускают для номинатемы *сад* также никакого другого падежа. Следовательно, никакие стандартные правила управления для этих ситуаций невозможны. Если же признать существование двух предложных падежей, то для S_1 и S_2 становятся возможными простые правила управления: S_1 всегда допускает обычный (1-й) предложный падеж; S_2 всегда допускает 2-й предложный падеж.

Таким образом, зная устройство таблицы склонения в некотором описании, мы фактически можем предсказать структуру правил управления (разумеется, при условии, что мы знаем рассматриваемый язык, конкретнее — что мы знаем, какие сегменты фактически допускает та или иная ситуация). Поэтому ниже, оценивая то или иное описание, мы учитываем не только те правила управления, которые в нем реально содержатся, но и те, которые с неизбежностью вытекают из принятого в этом описании устройства таблицы склонения. Более того, в случае каких-либо расхождений правилам последнего рода отдается предпочтение.

§ 3

Трудные случаи выделения падежей

Рассмотрим основные типы случаев, когда некоторый падеж конкретного языка в одних описаниях признается, а в других нет или когда сходные явления разных языков, имеющие отношение к проблеме падежа, по-разному трактуются в соответствующих грамматиках.

Морфологически несамостоятельные падежи

Назовем падеж морфологически несамостоятельным, если соответствующая строка таблицы склонения не содержит ни одного сегмента, который бы не встречался (в пределах того же столбца) в какой-нибудь другой строке. Простейший тип морфологически несамостоятельного падежа таков: все номинатемы делятся на два класса; у номинатем одного класса морфологически несамостоятельный падеж C совпадает по форме с некоторым падежом C_1, у номинатем другого класса — с падежом C_2.

Как легко понять, любой морфологически несамостоятельный падеж можно устранить из таблицы склонения (т. е. отказаться от признания его особым падежом), переформулировав соответствующим образом правила управления. Так, в указанном простейшем случае для этого достаточно заменить в правилах управления формулировку «всегда допускает падеж C» (везде, где она встречается) формулировкой «допускает падеж C_1 для номинатем первого класса, падеж C_2 для номинатем второго класса». Заметим, что простые правила управления превратятся при этом в расчлененные.

Таким образом, одно и то же грамматическое явление может быть описано либо как наличие в языке особого морфологически несамостоятельного падежа, либо как чисто синтаксическая особенность (наличие расчлененных правил управления для некоторых ситуаций). В существующих лингвистических описаниях мы находим примеры как первого, так и второго из этих решений. Оказывается, что отношение к морфологически несамостоятельным падежам — это самый существенный пункт расхождений в практике выделения падежей.

Замечание. Разумеется, для описания языка в целом выбор первого или второго из этих решений существенного значения не имеет: разница лишь в том, каким способом в описании зафиксирована определенная грамматическая информация (а именно, информация о том, какие сегменты допускает определенная серия ситуаций). При одном из решений для записи этой информации служит дополнительная строка в таблице склонения, при другом — усложненные правила управления. Непринципиальный характер этого различия не меняет, однако, того факта, что признание или непризнание морфологически несамостоятельных падежей воплощает два различных понимания термина «падеж».

Рассмотрим примеры признаваемых и не признаваемых грамматиками морфологически несамостоятельных падежей.

В традиционных грамматиках современного армянского языка в числе прочих падежей указывается также винительный, про который говорится, что у названий лиц (и у соответствующих местоимений) он совпадает с дательным, а у прочих слов — с именительным (у некоторых слов винительный падеж имеет две фор-

мы, одна из которых совпадает с дательным, а другая с именительным)[19].

Морфологически несамостоятельный винительный падеж признается также в описаниях древнеармянского языка: в ед. числе (кроме слов «я», «ты») этот падеж совпадает с именительным, во мн. числе (а также у слов «я», «ты») — с местным.

Сложную картину представляет собой выражение прямого дополнения в эстонском языке. Здесь различается так называемое полное и так называемое частичное прямое дополнение. Правила их распределения, взятые в полном объеме, довольно сложны; здесь достаточно указать следующее основное различие: полное дополнение выступает в том случае, когда действие распространяется на весь предмет или на вполне определенную его часть (ср. русск. *принеси воду*, *чай*), частичное — когда действие распространяется на неопределенную часть предмета (ср. русск. *принеси воды*, *чаю*). Частичное прямое дополнение всегда ставится в особом падеже — партитиве. Полное прямое дополнение выражается менее единообразно, а именно: а) если глагол стоит в повелительном наклонении или в неопределенно-личной форме (а также в некоторых других, более сложно характеризуемых случаях), оно ставится в именительном падеже; б) в прочих случаях правило (в том виде, как оно дается в грамматиках) таково: в ед. числе полное дополнение ставится в родительном падеже, во мн. числе — в именительном. Для иллюстрации приведем фрагмент традиционной таблицы склонения и несколько фраз.

	«вода»	«пироги»
именительный	vesi	pirukad
родительный	vee	pirukate
партитив	vett	pirukaid

Частичное прямое дополнение: too vett (pirukaid) «принеси воды (пирогов)». Полное прямое дополнение: а) too vesi (pirukad) «принеси воду (пироги)»; б) tõin vee (pirukad) «я принес воду (пироги)» [ср. обычный родительный падеж в vee (pirukate) maitse «вкус воды (пирогов)»]. Очевидно, что в случае «б» в принципе можно было бы усмотреть и особый морфологически несамостоятельный падеж («винительный»), избавившись тем самым от приведенного выше расчлененного правила управления[20].

Особенно замечательный случай составляет традиционная латышская грамматика: она содержит одновременно пример при-

[19] В то же время в некоторых нетрадиционных описаниях существование винительного падежа в современном армянском языке отрицается; ср., в частности: Э. Б. Агаян. Склонение и спряжение в современном армянском языке (структурный анализ). Ереван, 1967 (на арм. языке).

[20] Именно такое решение мы находим, например, в описании вепсского языка, близко родственного эстонскому и вполне сходного с ним в рассматриваемом здесь отношении; см.: М. М. Хямяляйнен. Вепсский язык. «Языки народов СССР», т. III. М., 1966.

знания и пример непризнания морфологически несамостоятельного падежа. С одной стороны, в ней признается существование особого творительного падежа, который в ед. числе всегда совпадает с винительным, а во мн. числе — с дательным; ср. следующий фрагмент традиционной таблицы склонения:

	«стол»	«столы»
родительный	galda	galdu
дательный	galdam	galdiem
винительный	galdu	galdus
творительный	(ar)[21]galdu	(ar) galdiem

С другой стороны, дается следующее синтаксическое правило: при ед. числе существительного или местоимения одна группа предлогов требует родительного падежа (например, iz galda 'из стола', bez galda 'без стола'), другая — винительного (например, pār galdu 'через стол', ap galdu 'вокруг стола'), третья — дательного (например, līdz galdam 'до стола'); при мн. числе существительного или местоимения все предлоги требуют дательного падежа: iz galdiem 'из столов', bez galdiem 'без столов', pār galdiem 'через столы', ap galdiem 'вокруг столов', līdz galdiem 'до столов'. Непоследовательность такого описания очевидна. Чтобы ее устранить, нужно либо вообще отказаться от признания морфологически несамостоятельных падежей и, следовательно, не признавать особого творительного падежа [22], либо, напротив, признать еще один морфологически несамостоятельный падеж (совпадающий в ед. числе с родительным, а во мн. числе с дательным, ср. iz galda, iz galdiem). В последнем случае правила управления станут простыми: например, предлог līdz требует дательного падежа, предлоги pār, ap (и, конечно, также ar) — творительного, предлоги iz, bez — указанного выше дополнительного падежа.

Еще один пример подобного рода составляет беспредложное обозначение места действия в латыни. В классической латыни оно возможно лишь у ограниченного круга слов (практически только у имен собственных — названий городов и островов), например: vīvō Rōmae (Corinthī, Cyprī, Athēnīs, Carthāgine) 'живу в Риме (в Коринфе, на Кипре, в Афинах, в Карфагене)'. При этом у одной части номинатем (например, Rōma, Corinthus, Cyprus) сегменты, выступающие в таких фразах, совпадают с родительным падежом, у другой (например, Athēnae, Carthāgō) — с отложительным (подробнее см. цитату из С. И. Соболевского в сноске 12; отложитель-

---

[21] Словоформы творительного падежа в таблицах принято приводить с предлогом *ar* 'с, посредством', поскольку они почти никогда не употребляются без предлога (ср. русскую традицию приводить словоформы предложного падежа с предлогом *о*).

[22] Именно такое решение принято в некоторых менее традиционных описаниях, в частности, в грамматическом очерке Я. В. Лоя, включенном в его «Латышско-русский словарь» (М., 1946).

ный падеж назван там творительным). Несколько отклоняются от этого принципа словоформы domī 'в доме, дома' (обычный родительный падеж чаще domūs, чем domī) и rūrī (наряду с rūre) 'в деревне, за городом' (обычный отложительный падеж rūre); однако, по признанию большинства грамматик, domī и rūrī в классический период функционируют уже не как именные словоформы, а как наречия (ср. русск. *до́ма*); сочетания типа domī meae 'в моем доме' сохраняются лишь в качестве застывших архаических оборотов.

Некоторые латинские грамматики выделяют на основании этих фактов особый местный падеж (образующийся не от всех слов); понятно, что этот падеж морфологически несамостоятелен. Большинство грамматик не признает, здесь, однако, особого падежа, а вместо этого дает в соответствующем разделе расчлененное правило управления [23]. (В цитированной выше грамматике С. И. Соболевского противоречиво соединены оба возможных подхода.)

Заметим, что описанное состояние складывалось в латыни постепенно и этапы его формирования можно проследить по памятникам [24]. Так в доклассический период встречаются словоформы местного падежа, не совпадающие ни с родительным, ни с отложительным, но совпадающие с дательным, например Carthāginī 'в Карфагене' у Плавта (понятно, что и в этом случае местный падеж выступает как морфологически несамостоятельный). Но еще раньше, в древнелатинский период, существовали словоформы местного падежа, отличные от всех прочих падежей, например, Dēlei 'на Делосе' (ср. родительный Dēlī); таким образом, для этого периода местный падеж должен быть признан морфологически самостоятельным и не может быть устранен из списка падежей.

По-видимому, в разных языках можно обнаружить немало случаев подобного рода, которые просто не привлекли внимания составителей традиционных грамматик. Например, словари русского языка отмечают, что глагол *ждать* может иметь дополнение как в родительном, так и в винительном падеже (не указывая, как эти падежи распределяются). Фактически в современном языке здесь действует следующее расчлененное правило управления: у одушевленных существительных употребляется винительный падеж, у неодушевленных — родительный (у некоторых неодушевленных возможны оба эти падежа); ср. *жду мать*, *сестру*, *конца*, *ночи*, *поезда* или *поезд* (подробнее см. РИС, § 2.9). Понятно, что этот факт можно было бы также описать как существование особого морфологически несамостоятельного падежа.

Другой пример. Подставляя в контекст «*это произошло в...*» названия отрезков времени, получаем: а) *это произошло в четверг*, *в субботу*, *в ночь*, *в каникулы*, *в день (час*, *минуту) отъезда*, *в наше время*, *в ту пору*, *в ту весну*, *в великий пост* и т. д.; б) *это произошло в мае*, *в ноябре*, *в конце недели*, *в середине зимы* и т. д.; в) *это*

---

[23] Такое решение восходит к античным латинским грамматистам; см. об этом: В. М. Линдсей. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948, стр. 41—42.

[24] См.: А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, стр. 23—25.

произошло в тот год (= *в том году*), *в первый месяц года* (= *в первом месяце года*) и т. д. Таким образом, здесь при желании также можно выделить особый морфологически несамостоятельный падеж («временно́й»). Нечто сходное мы находим также, например, в эстонском языке: asi juhtus novembris (laupäeval) 'дело случилось в ноябре (в субботу)', где novembris — инессив (букв. 'в ноябре') а laupäeval — адессив (букв. 'на субботе') [25].

Итак, в конкретных описаниях мы фактически сталкиваемся с двумя несколько различными пониманиями термина «падеж»: допускающим и не допускающим существование морфологически несамостоятельных падежей. Первое понимание по существу определяется требованием о том, чтобы для всякой ситуации правила управления были простыми; при втором понимании данное требование подлежит соблюдению лишь в тех пределах, где это не ведет к появлению морфологически несамостоятельных падежей; соответственно, в принципе допускаются расчлененные правила управления.

Разумеется, было бы неправильно полагать, что составлению всякого конкретного описания падежной системы предшествовал сознательный выбор одной из этих двух концепций падежа. В ряде случаев признание или непризнание конкретного морфологически несамостоятельного падежа явно определялось побочными факторами. Чаще всего таким фактором является давление грамматической традиции другого языка, например, влияние латинской падежной схемы. Это влияние можно усмотреть, например, в некоторых случаях признания морфологически несамостоятельного винительного падежа. Сходное влияние может оказывать также падежная схема, свойственная предшествующим этапам развития данного языка. Например, признание особого творительного падежа в традиционной латышской грамматике несомненно связано с тем, что в общебалтийском (так же, как в современном литовском) этот падеж был морфологически самостоятельным. Напротив, другой морфологически несамостоятельный падеж латышского языка (выступающий после iz, bez) не соответствует какому-либо особому общебалтийскому падежу и потому не отражен в традиционной схеме (отсюда внутренняя противоречивость этой схемы).

Можно предполагать, что на выбор одной из этих двух концепций падежа в какой-то степени влияют также некоторые внутриязыковые факторы. Так, по-видимому, агглютинативный характер языка благоприятствует концепции, не допускающей морфологически несамостоятельных падежей, поскольку для грамматик агглютинативных языков характерно представление об одно-однозначном соответствии между падежом и выражающим его

[25] Заметим, что на уровне сочетаний существительного с предлогом (который в настоящей работе не рассматривается) мы находим аналогичные соотношения также в парах типа англ. in November — on Saturday или русск. *в Белоруссии*, *в Крыму* — *на Украине*, *на Таймыре* и т. п.

аффиксом. Этой же концепции, по-видимому, благоприятствует семантическая прозрачность того деления номинатем на классы, которое необходимо использовать в расчлененном правиле управления (например, ед. число — мн. число, одушевленные — неодушевленные, личные — неличные, определенные — неопределенные); и наоборот, несвязанность этого деления со смыслом (например, в случае, где деление проходит по типам склонения) благоприятствует признанию морфологически несамостоятельного падежа.

В целом в лингвистической практике, по-видимому, шире представлена концепция, не допускающая морфологически несамостоятельных падежей. Заметим, что установить полный список представленных в языке падежей при этой концепции гораздо легче, чем при противоположной, поскольку многие потенциальные морфологически несамостоятельные падежи могут долго оставаться незамеченными, пока синтаксис данного языка изучен недостаточно полно.

Различие указанных двух концепций падежа не было учтено в существующих работах по моделированию грамматической категории падежа; все эти работы (в том числе РИС, § 2.3—2.10) в неявной форме исходят из концепции, допускающей морфологически несамостоятельные падежи (т. е. из той, которая менее распространена в лингвистической практике).

Падежи, близкие к морфологической несамостоятельности

Иногда падеж представлен специфическими (не встречающимися в других падежах) сегментами лишь у меньшинства номинатем, а для совокупности всех остальных номинатем выступает как морфологически несамостоятельный. Например, винительный падеж в русском языке представлен специфическими сегментами (*воду*, *юношу*) только в ед. числе слов на *-а*, *-я*, а в остальных случаях совпадает либо с именительным (*вижу сад*, *поле*, *стéны*, *лошадь*, *чудовище*), либо с родительным (*вижу слона*, *собак*, *чудовищ*). Дательный падеж в латыни представлен специфическими сегментами (patrī 'отцу', fructuī 'плоду') только в ед. числе части слов III и IV склонений, а в остальных случаях совпадает либо с отложительным, либо с родительным. Падежи с этой особенностью, как правило, признаются грамматиками наравне с обычными падежами.

Имеется, правда, пример, когда падеж с такой особенностью трактуется (в части описаний) не вполне обычно. В старославянском языке в роли прямого дополнения, например при *обрѣтъ* 'я нашел', *сътворихъ* 'я создал', *поимѫ* 'я возьму', *знахъ* 'я знал' и т. д. возможны: а) сегменты, не совпадающие ни с именительным, ни с родительным, например *женѫ* 'женщину', *рабы* 'рабов', *грады* 'города'; б) сегменты, совпадающие с именительным, например *градъ* 'город', *село* 'поле', *дань* 'дань', *жены* 'женщин'; в) сег-

менты, совпадающие с родительным, например *врача* 'врача', *Петра* 'Петра'. Для ряда номинатем возможны колебания, например: *обрѣтъ сына* (или *сынъ*), *рабъ* (или *раба*), *львъ* (или *льва*) 'я нашел сына, раба, льва'.

В менее традиционных грамматиках эти факты описываются в принципе так же, как сходные факты русского языка, а именно, таблица склонения выглядит так (приводим характерный фрагмент):

	«женщина»	«рабы»	«город»	«врач»	«раб»
именительный	*жена*	*раби*	*градъ*	*врачь*	*рабъ*
родительный	*жены*	*рабъ*	*града*	*врача*	*раба*
винительный	*женѫ*	*рабы*	*градъ*	*врача*	*рабъ*, *раба*

Соответственно правила управления здесь простые.

В более традиционных грамматиках таблица склонения выглядит иначе, а именно, в качестве винительного падежа, например для «врач», «раб» приводятся *врачь*, *рабъ*. Соответственно считается, что в *обрѣтъ врача*, *раба* существительные стоят в родительном (а не винительном) падеже, в отличие от *обрѣтъ рабы*, где *рабы* — винительный падеж; иначе говоря, выражение прямого дополнения описывается с помощью расчлененных правил управления. Примечательно, что при этом *градъ* в *обрѣтъ градъ* считается словоформой винительного (а не именительного) падежа. Заметим, что словоформа винительного падежа *врачь* выступает в таком описании как чистая грамматическая фикция, поскольку сегмент *врачь* не употребляется в старославянском не только в качестве прямого дополнения к *обрѣтъ*, *сътворихъ*, *поимѫ* и т. д., но и ни в какой другой ситуации, допускающей *женѫ*, *рабы* и прочие сегменты, специфические для винительного падежа. (Иначе говоря, в клетке винительного падежа для номинатемы «врач» при таком описании можно было бы поставить и прочерк.)

Едва ли, однако, это традиционное описание можно рассматривать как отражение какого-то особого понимания падежа; по-видимому, это просто непоследовательное с синхронической точки зрения решение, явно продиктованное диахроническими соображениями, а именно, тем, что *женѫ* и *градъ* (в *обрѣтъ градъ*) восходят к праславянскому винительному падежу, а *врача* — к родительному.

Особый частный случай составляют падежи, которые представлены специфическими сегментами только в сфере местоимений, а в сфере существительных выступают как морфологически несамостоятельные.

Так, в современном немецком языке винительный падеж представлен специфическими сегментами (mich 'меня', ihn 'его', wen 'кого') только у части местоимений (и артиклей), а у существительных совпадает либо с именительным, либо с родительным. Совершенно такое же положение в древнеанглийском языке.

Грамматики обоих этих языков признают винительный падеж наравне с прочими.

В финском языке прямое дополнение выражется так же, как в эстонском (см. выше), с тем отличием, однако, что у личных местоимений в функции полного прямого дополнения выступает особая словоформа, например minut 'меня', heidät 'их'. Так, при именительном падеже vesi 'вода', piirakat 'пироги', he 'они' и родительном падеже veden, piirakoiden, heidän находим в качестве полного прямого дополнения: а) tuo vesi (piirakat, heidät) 'принеси воду (пироги, их)'; б) toin veden (piirakat, heidät) 'я принес воду (пироги, их)'. В финских грамматиках эти факты описываются двумя разными способами. Первый способ понятен из следующего фрагмента таблицы склонения:

	«вода»	«пироги»	«они»
именительный	vesi	piirakat	he
родительный	veden	piirakoiden	heidän
винительный I	veden	piirakat	heidät
винительный II	vesi	piirakat	heidät

При втором способе описания у местоимений признается иной набор падежей, чем у существительных; ср. фрагменты соответствующих таблиц склонения:

	«вода»	«пироги»		«они»
именительный	vesi	piirakat	именительный	he
родительный	veden	piirakoiden	родительный	heidän
			винительный	heidät

Соответственно вводятся расчлененные правила управления; например, признается, что после toin выступает, в зависимости от номинатемы, именительный (piirakat), родительный (veden) или винительный (heidät) падеж.

Таким образом, падежи, представленные специфическими сегментами только в сфере местоимений, в принципе могут трактоваться существенно иначе, чем обычные.

Слабо дифференцированные пары падежей

Иногда две строки таблицы склонения различаются между собой лишь в незначительной части столбцов. В этом случае соответствующую пару падежей можно назвать слабо дифференцированной. Поскольку нельзя указать никакого естественного порога (ни в виде фиксированного числа столбцов, где падежи не совпадают, ни в виде фиксированного процента таких столбцов), ниже которого два падежа уже следует считать слабо дифференцированными, нет смысла пытаться построить формальное определение данного понятия.

Слабая дифференциация двух падежей обычно не расценивается в грамматиках как основание для объединения их в один падеж. Например, в сербском языке выделяют, среди прочих,

дательный и местный падежи, словоформы которых различаются лишь у незначительной части слов, притом только в ед. числе. (Заметим, что внешне это различие, как правило, выражается лишь в разнице интонаций при тождестве фонемного состава, ср. дательный *ствâри* и местный *ствáри* от *ствâр* ‘вещь’.)

Существует, правда, и обратный пример: так называемые 1-й и 2-й предложные падежи русского языка (признаваемые во многих современных описаниях), которые различаются лишь примерно у 150 слов, притом только в ед. числе, в традиционных русских грамматиках рассматриваются как единый предложный падеж. Как уже показано выше (стр. 68), при таком решении для ряда ситуаций возможны лишь нестандартные правила управления. Как же реально должны строиться эти нестандартные правила? Обозначим через P совокупность всех ситуаций, которые, с традиционной точки зрения, допускают предложный падеж. Разделим все номинатемы на два неравных класса: упомянутые выше 150 номинатем («особый» класс) и все остальные («основной» класс). Вполне эффективно следующее правило: любая ситуация из P допускает для номинатем основного класса предложный падеж. Остается обеспечить построение правильных фраз с номинатемами особого класса: нужно как-то предотвратить появление фраз вроде *нахожусь в саде*, *у него на носе очки* или *говорю о садý*, *заинтересован в этом шкафý*. Оказывается, что этой цели можно достичь следующими операциями: 1) сегменты предложного падежа номинатем особого класса разделяются на два ряда (так, что в одном ряду оказываются, например, сегменты *сáде*, *нóсе*, *тéни*, в другом — *садý*, *носý*, *тенú*); 2) все ситуации из P делятся на две группы, в соответствии с тем, какой из этих двух рядов сегментов они фактически допускают; 3) дается правило о том, что если ситуация принадлежит P, а номинатема — особому классу, то следует учитывать, к какой из двух групп относится ситуация, и брать сегмент предложного падежа из соответствующего ряда. Разумеется, описание можно построить и как-то иначе, но оно должно быть равносильно данному.

Очевидно, однако, что указанные операции — лишь неявная форма признания двух разных предложных падежей, по крайней мере у номинатем особого класса. Коль скоро это так, рассмотрим, каким образом этот факт может быть отражен в таблице склонения. В принципе здесь возможны два типа решения: 1) допускаются только простые правила управления; 2) допускаются как простые, так и расчлененные правила управления.

При решении типа 1 у всех номинатем основного класса должна быть признана омонимия двух предложных падежей; ср. характерный фрагмент таблицы склонения:

	«сад»	«тень»	«стол»	«вода»	«сады»
1-й предложный	*сáде*	*тéни*	*столé*	*водé*	*садáх*.
2-й предложный	*садý*	*тенú*	*столé*	*водé*	*садáх*

При решении типа 2 у номинатем основного класса признается существование лишь одного предложного падежа. (Для простоты мы отвлекаемся от возможности «смешанных» решений, при которых у части номинатем основного класса все же признается омонимия двух предложных падежей, а также некоторых других теоретически мыслимых, но не представляющих практического интереса решений.) Этот единый предложный падеж может быть отождествлен с одним из двух предложных падежей, выступающих в особом классе (обозначим такой вариант решения как 2[а]). Например, если он отождествлен с 1-м предложным, то 2-й предложный считается существующим только у номинатем особого класса; так, считается, что во фразах *нахожусь в городе* (*в саду́*) представлен 1-й предложный падеж от *город*, но 2-й предложный от *сад* (т. е. используются расчлененные правила управления). Ср. характерный фрагмент таблицы склонения:

	«сад»	«тень»	«стол»	«вода»	«сады»
1-й предложный	*са́де*	*те́ни*	*столе́*	*воде́*	*сада́х*
2-й предложный	*саду́*	*тени́*	—	—	—

В варианте 2[б] предложный падеж, выступающий в основном классе, рассматривается как отличный от обоих предложных падежей, выступающих в особом классе. В этом случае в описании должны фигурировать три разных падежа.

При любом из рассмотренных решений, однако, в общем списке русских падежей оказывается не один, а по крайней мере два предложных. Таким образом, в объявлении двух слабо дифференцированных падежей одним и тем же падежом (в данном языке вообще, а не применительно к некоторому классу слов) не удается усмотреть проявления какой-то особой, внутренне последовательной концепции падежа.

Заметим, что разница в традиционной трактовке дательного и местного в сербском, с одной стороны, и двух предложных в русском, с другой—несомненно в значительной мере определялась тем обстоятельством, что в первом случае речь идет о двух древних падежах, которые в ходе истории сблизились, а во втором — о сравнительно позднем «расщеплении» единого древнего падежа.

Обратимся теперь к вопросу о выборе между решением типа 1 (с простыми правилами управления) и типа 2 (с расчлененными правилами управления). В общем случае, по-видимому, предпочитается решение 1 (во многих описаниях изложение недостаточно четко для того, чтобы можно было установить тип принятого автором решения). Решение 1 принято, в частности, в сербских грамматиках, а также (насколько об этом можно судить) в тех описаниях русского языка, где признается существование двух предложных падежей.

Особый частный случай составляют, однако, такие два падежа, которые различаются только у местоимений. В этом случае представлены решения как первого, так и второго типа.

Так, в древнеармянском языке родительный и дательный падежи различаются только в ед. числе местоимений (а также у слов «мы», «вы»)[26]. Оба эти падежа признаются тем не менее также и у всех остальных склоняемых слов.

Аналогично положение в современном армянском языке, где родительный и дательный падежи (признаваемые в грамматиках для всех склоняемых слов) фактически различаются только участи местоимений. Правда, в грамматиках обычно утверждается, что эти два падежа различны также и у существительных: имеется в виду тот факт, что в родительном падеже, в отличие от дательного, не может появляться постпозитивный определенный артикль; ср. дат. ginu 'вину' (без артикля) или ginun (с артиклем), но род.— только ginu. Однако само по себе это ограничение можно было бы с тем же успехом связывать не с различием падежей, а с тем, в какой синтаксической роли выступает словоформа. Таким образом, противопоставление этих двух падежей опирается здесь, как и в древнеармянском, только на немногочисленные пары типа дат. inj 'мне' — род. im 'мой'.

Пару рассматриваемого типа образуют также именительный и так называемый винительный II в финском языке (см. выше): они различаются лишь у нескольких местоимений. В этом случае, как уже было показано, в грамматиках конкурируют оба возможных решения.

По-разному решается также вопрос об именительном и объектном падежах в английском языке, различающихся только у личных местоимений, ср. I 'я' — me 'меня'. Более распространено решение типа 2 (а именно, вариант 2б): именительный и объектный падежи признаются только у местоимений, а у существительных им обоим вместе соответствует так называемый общий падеж (common case); существительные и местоимения имеют, таким образом, разные системы склонения[27]. Конкурирующее решение типа 1 (с признанием омонимии именительного и объектного падежей у существительных) представлено реже (мы не принимаем здесь во внимание те грамматики, где английскому языку приписываются вообще все латинские падежи: the boy, of the boy, to the boy и т. д.[28]).

Двусмысленно обычное для румынских грамматик обозначение «именительно-винительный», применяемое к единой форме су-

---

[26] Отметим, что при этом дательный падеж выражен специфическим сегментом (inj 'мне') только у одного слова «я»; у остальных местоимений, если он отличен от родительного, то совпадает с местным.

[27] См. об этом, в частности: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, § 61.

[28] О таких грамматиках см.: Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 182.

ществительных, которой у личных местоимений соответствуют две разных формы, например, им. eu 'я' — вин. (pe) mine 'меня'. За таким обозначением может скрываться как решение 1, так и решение 2[6] (ср. сноску 11).

Во французской, итальянской, испанской, португальской грамматиках существительные признаются не имеющими падежей, тогда как у личных местоимений различаются субъектная и одна или две объектных формы; ср., например, франц. elle 'она', la 'ее', lui 'ей'. Такое описание есть частный случай решения второго типа, поскольку существительным и местоимениям приписываются разные падежные системы; особенность здесь в том, что после такого разъединения падежная система существительных оказывается состоящей всего из одного падежа, а это, как известно, равносильно отсутствию падежей.

Факультативные падежи

Два падежа (C_1 и C_2) могут соотноситься друг с другом следующим особым образом: всякая ситуация, допускающая для каких-либо номинатем падеж C_2, допускает для них также падеж C_1 (тогда как обратное неверно). Иначе говоря, в любой фразе всякая словоформа падежа C_2 может быть заменена без изменения смысла фразы словоформой падежа C_1 (той же номинатемы). Имея в виду эту особенность, назовем такой падеж C_2 ф а к у л ь т а т и в н ы м. Будем говорить также, что факультативный падеж C_2 п р и м ы к а е т к падежу C_1[29].

В таком соотношении находятся, по-видимому, два родительных падежа русского языка (признаваемые во многих описаниях). В роли C_1 выступает «обычный» (1-й) родительный, представленный, например, во фразе *таково свойство ча́я, сне́га, хле́ба, воды́, вина́, книг*, в роли C_2 — так называемый 2-й родительный, представленный во фразах типа *у них мало ча́ю, сне́гу* (но также *хле́ба, воды́, вина́, книг*). В современном языке словоформы 2-го родительного падежа, по-видимому, всегда можно заменить соответствующими словоформами 1-го родительного (ср. *у них мало ча́я, сне́га*)[30], тогда как обратное неверно.

Факультативный падеж обладает следующей формальной особенностью: соответствующая строка в таблице склонения может быть устроена несколькими разными способами при одних и тех же правилах управления. Среди этих способов практический

---

[29] Вообще говоря, может быть и несколько падежей, к которым примыкает факультативный падеж; однако реальные случаи такого рода нам неизвестны.

[30] Некоторый элемент сомнения возникает здесь только из-за нескольких уменьшительных существительных на *-ок, -ёк*, у которых употребление 2-го родительного относительно более устойчиво; *ср. хочется чайку́, кофейку́, сахарку́*. Наше изложение верно лишь при условии, что признаются грамматически правильными также фразы типа *хочется чайка́, кофейка́, сахарка́* (несмотря на их непривычность).

интерес представляют два; покажем их на примере русских родительных падежей с помощью соответствующих фрагментов таблицы склонения.

I

	«чай»	«снег»	«хлеб»	«вода»	«книги»
1-й родительный (C_1)	*ча́я*	*сне́га*	*хле́ба*	*воды́*	*книг*
2-й родительный (C_2)	*ча́ю, ча́я*	*сне́гу, сне́га*	*хле́ба*	*воды́*	*книг*

II

	«чай»	«снег»	«хлеб»	«вода»	«книги»
1-й родительный (C_1)	*ча́я*	*сне́га*	*хле́ба*	*воды́*	*книг*
2-й родительный (C_2)	*ча́ю*	*сне́гу*	*хле́ба*	*воды́*	*книг*

При представлении I строка C_2 включает строку C_1 (т. е. в любом столбце содержимое клетки из C_2 включает содержимое клетки из C_1). Представление II получается из I так: в тех столбцах, где C_1 и C_2 различаются, во всякой клетке строки C_2 вычеркивается всякий сегмент, который содержится также в соответствующей клетке строки C_1.

Как нетрудно убедиться, разница между этими способами представления не влияет на правила управления. Пусть дано, например, такое правило управления: ситуация, образованная контекстом «*у них мало ...*» и семантической ролью «недостающий предмет», всегда допускает оба родительных падежа. При обоих способах представления это правило дает фразы *у них мало ча́ю* (или *ча́я*), *сне́гу* (или *сне́га*), *хле́ба*, *воды́*, *книг* и т. д.

Представление II внешне проще; правда, оно маскирует факультативный характер падежа, тогда как представление I позволяет установить этот факт уже из самой таблицы склонения. Большинство авторов, признающих само существование 2-го родительного падежа в русском языке, по-видимому, предпочитают представление II (насколько это удается установить из их изложения); в РИС, § 2.7, в соответствии с принятой там формальной процедурой выделения падежей использовано представление I.

Другой пример факультативного падежа — отложительный падеж в албанском языке: по-видимому, любая его словоформа может быть заменена соответствующей словоформой родительно-дательного падежа. В описаниях обычно предпочитается представление II, хотя встречается также и представление I.

Замечание. Как известно, вопрос о месте так называемого звательного падежа (или звательной формы) в системе форм имени является спорным. Поэтому в настоящей работе мы избегаем использования этой формы для иллюстрации каких-либо утверждений о падежах. Все же в некоторых формальных отношениях так называемый звательный падеж может рассматриваться наряду с обычными падежами. В частности, следует отметить, что звательная форма во многих языках имеет тенденцию к факультативности, а именно в

большей или меньшей степени допускается замена звательных словоформ словоформами именительного падежа. Наличие факультативной звательной формы, по-видимому, следует признать для разговорного стиля современного русского языка, где в функции обращения всегда может быть использована словоформа именительного падежа (например, *мама!*, *Ваня!*, *Маша!*, *товарищ!*, *граждане!*), но наряду с ней у части номинатем возможна и особая «усеченная» звательная словоформа (например, *мам!*, *Вань!*, *Маш!*); литературная норма таких словоформ в настоящее время еще не признает.

Факультативный падеж чаще всего образует слабо дифференцированную пару с тем падежом, к которому он примыкает (хотя из самого определения факультативного падежа это обстоятельство никак не вытекает). Такую пару образуют, например, два родительных падежа русского языка. В связи с этим можно встретить еще один способ представления 2-го родительного падежа, совмещающий свойства представления II и второго из двух решений, возможных для слабо дифференцированных падежей (см. выше, стр. 78):

	«чай»	«снег»	«хлеб»	«вода»	«книги»
1-й родительный (C_1)	*ча́я*	*сне́га*	*хле́ба*	*воды́*	*книг*
2-й родительный (C_2)	*ча́ю*	*сне́гу*	—	—	—

Замечательно, что и в этом случае действительны те же правила управления, что при представлениях I и II; например, для ситуации, образованной контекстом «*у них мало* ...» и семантической ролью «недостающий предмет», верно, что она всегда допускает оба родительных падежа.

Факультативный падеж может быть также морфологически несамостоятельным. Именно таков 2-й родительный в русском языке: всякая его словоформа совпадает либо с 1-м родительным (*ча́я*, *воды́*, *книг*), либо с дательным (*ча́ю*, *сне́гу*). Таким образом, если придерживаться концепции, не допускающей морфологически несамостоятельных падежей, то словоформы *ча́ю*, *сне́гу* и т. п. во фразах типа *у них мало ча́ю* нужно отнести к дательному падежу. Разумеется, при этом появятся расчлененные правила управления следующего вида: некоторая ситуация допускает родительный и дательный падежи для номинатем *чай*, *снег*, *свет* и т. д. (следует перечень), но только родительный для прочих. Любопытно, что такая трактовка действительно предлагалась: Н. Н. Дурново считал возможным относить словоформы типа *ча́ю*, *сне́гу* во фразах рассматриваемого типа к дательному падежу [31] (о соответствующих правилах управления Н. Н. Дурново, правда, ничего не говорит). Этот его тезис вызвал, однако, критику Н. С. Трубецкого, который объявил его неприемлемым на том основании, что словоформы дательного падежа других типов склонения (например, *воде*, *книгам*) не могут использоваться в данной функции [32]. Нетрудно видеть, что по существу этот спор — лишь несколько специфический частный случай уже обнаруженных выше разногласий относительно допустимости морфологически несамостоятельных падежей.

---

[31] Н. Дурново. О склонении в современном великорусском литературном языке.— ВЯ, 1971, № 4, стр. 100 (перевод статьи 1922 г.)

[32] N. S. Trubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 1934, v. 5, N 2, стр. 10.

Мы рассмотрели разные способы, которыми можно представить факультативный падеж в таблице склонения в том случае, если он вообще признается отдельным падежом. Существуют, однако, описания, где факультативный падеж не считается отличным от того падежа, к которому он примыкает. Так, традиционная русская грамматика признает единый родительный падеж, к которому отнесены как словоформы типа *ча́я*, *сне́га*, так и словоформы типа *ча́ю*, *сне́гу*. Правда, поскольку 2-й родительный падеж является одновременно факультативным, морфологически несамостоятельным и слабо дифференцированным от обычного родительного, довольно затруднительно установить, в какой мере его непризнание традиционной грамматикой определяется именно его факультативным характером.

С формальной точки зрения, признание факультативного падежа и того, к которому он примыкает, единым падежом приводит (как и в случае слабо дифференцированной пары падежей) к тому, что для некоторых ситуаций становятся невозможными стандартные правила управления. Например, если для номинатемы *снег* в клетке единого родительного падежа приводятся сегменты *сне́га* и *сне́гу*, то ни при каких стандартных правилах управления невозможно избежать появления таких сочетаний, как **для сне́гу*, **внутри сне́гу*, **цвет сне́гу*, **таяние сне́гу* и т. п.

Можно, правда, вообще не включать в строку родительного падежа словоформы типа *сне́гу* (как обычно и делается в таблицах склонения, приводимых в традиционных описаниях). Тогда указанная трудность снимается, но зато теряется возможность порождать сочетания типа *немного сне́гу*, *стакан ча́ю* и т. п. (порождаются только *немного сне́га*, *стакан ча́я*). Заметим, что при таком описании не порождается никаких неправильных фраз и ни один смысл не остается невыразимым. Таким образом, с точки зрения системы синтеза, не ставящей своей целью построить для каждого смысла все выражающие его фразы, факультативный падеж оказывается, в соответствии со своим названием, действительно факультативным. Как известно, однако, такое суженное понимание синтеза не соответствует современным представлениям о задачах грамматического описания. Кроме того, очевидно, что подобное описание совершенно неудовлетворительно с точки зрения анализа, поскольку, встретив в тексте сочетание типа *стакан ча́ю*, мы не сможем его проанализировать и должны будем считать грамматически неправильным.

По-видимому, факультативность можно рассматривать как некоторое отклонение от нормального функционирования падежей; не случайно факультативные падежи встречаются редко. Опыт грамматического моделирования частично подтверждает этот взгляд: оказывается, что построить формальный аналог падежа, не учитывающий существования факультативных падежей, принципиально проще, чем такой, который моделировал бы одновремен-

но и обычные, и факультативные падежи [33]. Таким образом, в характерном для многих описаний отказе от признания факультативного падежа полноправным членом падежной системы можно усматривать тенденцию (быть может, неосознанную) к такому пониманию падежа, которое исключает факультативные падежи (или при котором они должны расцениваться как аномалия).

Неполные падежи

Назовем падеж неполным, если в соответствующей строке таблицы склонения есть хотя бы один прочерк. На первый взгляд, на уровне грамматической правильности (в отличие от уровня семантической стандартности) неполных падежей не должно быть вообще. Однако в действительности лингвистическая практика знает неполные падежи. Можно выделить несколько типов таких падежей.

Прежде всего, падеж может оказаться неполным из-за того, что в соответствующей строке имеется некоторое (обычно весьма небольшое) число прочерков, объясняющихся чисто морфологическими затруднениями при построении соответствующих словоформ. Например, в русском языке для номинатемы *мглы* (мн. число) не удается построить словоформу родительного падежа. В таких случаях говорят о дефектности соответствующей номинатемы (или лексемы, или парадигмы) [34]. Неполнота, обусловленная дефектностью определенных номинатем, не является сколько-нибудь важной характеристикой соответствующего падежа [35]; мы будем называть такую неполноту несущественной. (Отметим, что формального разграничения существенной и несущественной неполноты здесь не дается.) Далее мы будем рассматривать только существенно неполные падежи (т. е. неполные не из-за дефектности или не только из-за дефектности каких-либо номинатем).

Замечание. При описании языка можно с помощью сравнительно простых приемов избавиться от несущественной неполноты падежей. Во-первых,

---

[33] См.: А. А. Зализняк. Формальный аналог понятия падежа. «Межвузовская конференция по порождающим грамматикам (Кяэрику, 15—25 сентября 1967. Тезисы докладов)». Тарту, 1967, стр. 34; А. В. Гладкий. Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного.— Наст. сборник, § 3, пункт 3.

[34] Изредка встречается дефектность, обусловленная не морфологическими затруднениями, а другими причинами. Например, отсутствие словоформ косвенных падежей у слова *некто*, вероятно, связано с тем, что словоформы *нéкого*, *нéкому* и т. д. «заняты» другими значениями.

[35] С формальной точки зрения, из-за нескольких дефектных слов могут оказаться неполными все или почти все падежи языка; так, в русском языке неполны все падежи, поскольку, например, слово *некто* имеет только именительный падеж, а слово *себя* не имеет как раз этого падежа.

можно чаще, чем обычно принято, признавать супплетивизм основ; например как родительный от *мечты* можно рассматривать словоформу *мечтаний*, как именительный от *себя* — *сам* и т. п. Во-вторых, допустимо введение небольшого числа полугипотетических словоформ вроде *мечт*, *тоск*, *мгол* (родительный мн. числа от *мечта*, *тоска*, *мгла*). Таким образом, отказ от рассмотрения несущественной полноты падежей можно расценивать и как то, что мы ограничиваемся лишь такими описаниями, где проведены указанные здесь операции.

Существенно неполные падежи можно разделить на два типа. Пусть имеется неполный падеж C, представленный какими-то сегментами у определенного класса номинатем (обозначим его A) и не представленный у прочих номинатем. Если всякая ситуация, допускающая для номинатем класса A падеж C, допускает в то же время некоторый другой падеж (или падежи) для прочих номинатем, неполный падеж относится к типу II; в противном случае он относится к типу I.

Неполные падежи типа I чаще всего встречаются среди местных и иных «обстоятельственных» падежей. Основной причиной неполноты является здесь то, что соответствующие семантические роли естественны лишь для части предметов. Например, семантическая роль «место, где что-то происходит» естественна только для неодушевленных предметов, имеющих пространственные границы; семантическая роль «время, когда что-то происходит» естественна только для отрезков времени или событий, протяженных во времени. Поэтому специальные словоформы для выражения данных семантических ролей возникают только у соответствующих классов номинатем (что означает появление неполных падежей).

Так, например, в аварском языке местные падежи так называемой 5-й серии (передающие пространственное отношение «внутри полого предмета») образуются только от названий полых предметов (в отличие от местных падежей 3-й серии, передающих пространственное отношение «в сплошной среде» и образующихся даже от названий одушевленных предметов). В удмуртском языке все шесть местных падежей образуются только от неодушевленных существительных. В венгерском языке временнóй падеж (темпоралис) образуется только от названий событий или отрезков времени.

Несколько иной вариант того же явления представлен, например, так называемым инессивом II в бацбийском языке: этот падеж передает значение «среди, в числе» и образуется только от существительных во мн. числе (ср. русск. *среди людей*, *в числе книг*, но не **среди человека*, **в числе книги*).

В ряде случаев, однако, граница между номинатемами, образующими и не образующими словоформы неполного падежа, проходит более сложно и не может быть полностью объяснена одними лишь семантическими причинами. Так, местный падеж в латыни (если он вообще признается, ср. выше) образуется только

от части имен собственных (от названий городов и небольших островов, но не стран, гор, больших островов) и от единичных нарицательных. В современном армянском языке местный падеж имеет особую словоформу (на *-um*) только у части неодушевленных существительных, например, daštum 'в поле'. При этом наличие или отсутствие такой словоформы определяется не только семантическими, но и морфологическими причинами; это особенно очевидно в тех случаях, когда у одного и того же слова в одном из двух чисел словоформа на *-um* образуется, а в другом нет: ср. dṙnerum 'в дверях' при невозможности формы на *-um* в ед. числе ('в двери' можно выразить только сочетанием dṙan mej). В финском языке комитатив, передающий значение «вместе с», образуется только от существительных с притяжательным аффиксом (т. е. от номинатем, содержащих указание на владельца): можно сказать, например, tuli lapsinensa 'пришел со своим ребенком (со своими детьми)' (*-nsa* — притяжательный аффикс), но нельзя сказать *tuli lapsine 'пришел с ребенком (с детьми)'.

В тех случаях, когда наличие или отсутствие словоформы неполного падежа определяется не чисто семантически, в языке обычно вырабатывается единый описательный прием для передачи соответствующего смысла при тех номинатемах, которые данного падежа не имеют. Как правило, для этого используется сочетание словоформы какого-то другого падежа с предлогом или послелогом. Заметим, что подобный описательный оборот обычно приобретает универсальный характер, т. е. может использоваться (в качестве параллельного способа выражения) даже там, где словоформа неполного падежа существует. Так, в латыни универсальный способ выражения места состоит в сочетании предлога in с отложительным падежом, например: in homine 'в человеке', in miseriā 'в несчастье', in insulā 'на острове', in Aegyptō 'в Египте', а также in Lemnō (наряду с Lemnī) 'на Лемносе' и т. д. В современном армянском языке соответствующий способ состоит в сочетании родительного падежа с послелогом mej, например: mardu mej 'в человеке', dṙan mej 'в двери', dašti mej (наряду с daštum) 'в поле' и т. д. В финском языке вместо комитатива может использоваться сочетание родительного падежа с послелогом kanssa, например: lapsen kanssa 'с ребенком', lapsien kanssa 'с детьми', lapsensa kanssa 'со своим ребенком', lapsiensa kanssa 'со своими детьми' (последние два — наряду с lapsinensa).

Среди неполных падежей следует особо выделить те, которые образуются у каждой лексемы только от части входящих в нее номинатем. Из упомянутых выше падежей таковы бацбийский инессив II и финский комитатив. Изучая случаи такого рода, нужно учитывать, правда, что за неполный падеж легко принять, например, омонимию чисел. Так, финский комитатив, помимо того, что он невозможен без притяжательного аффикса, имеет еще одну особенность: в отличие от всех остальных финских паде-

жей, он не допускает противопоставления по числу. С морфологической точки зрения, всякая словоформа комитатива образуется от основы мн. числа, но при этом она может обозначать как множественность, так и единичность соответствующих предметов; ср. примеры выше. Таким образом, финский комитатив является неполным падежом только из-за того, что он невозможен без притяжательного аффикса (но не из-за неразличения чисел). Описанное явление еще более характерно, например, для мокша-мордовского языка: здесь в 9 падежах из 12 единственное и множественное числа внешне никогда не различаются,

Все рассмотренные здесь примеры неполных падежей относятся к типу I. Неполные падежи типа II представляют собой существенно иное явление: они появляются в описании при принятии второго из двух решений, возможных для слабо дифференцированной пары падежей (см. выше, стр. 78). Примерами здесь могут служить, таким образом, падежи, рассматривавшиеся в предшествующих разделах,— в частности, русские 2-й предложный и 2-й родительный в той трактовке, при которой они признаются лишь там, где они отличаются соответственно от обычного предложного и обычного родительного. Понятно, что неполнота II типа (в отличие от I типа) носит в сущности формальный характер: она легко может быть устранена признанием падежной омонимии, например, омонимии двух предложных падежей у большинства русских номинатем (тогда как при неполноте I типа такая операция невозможна) [36].

[36] Автор приносит благодарность В. А. Успенскому за дружескую критику и помощь.

К ТИПОЛОГИИ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Э. Бенвенист в своей известной статье «Относительное предложение как проблема общего синтаксиса»* показывает, что во многих языках средства, служащие для оформления относительного предложения, в сущности тождественны тем, которые используются для построения именных групп в составе простого предложения. Этот вывод представляется возможным использовать для дальнейшего изучения типологии относительного предложения.

Как отмечает Бенвенист, одна из основных трудностей типологических исследований состоит в нахождении такого способа описания синтаксических конструкций разных языков, при котором они были бы сопоставимы друг с другом. Метод анализа, применяемый Бенвенистом, указывает один из возможных путей преодоления этой трудности. Он состоит в сопоставлении функций структурно значимых элементов в составе относительного предложения с функциями тех же элементов в составе именных групп более общего вида. В результате этого анализа оказывается, что относительные местоимения следует рассматривать в непосредственной связи с арти-

---

* См. E. B e n v e n i s t e. La phrase relative, problème de syntaxe générale. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», v. 53, f. 1, 1957—1958 (русский перевод в кн.: Э. Б е н в е н и с т. Общая лингвистика. М., 1974.)

клями, указательными местоимениями и другими средствами выражения анафорических связей в предложении.

Один из возможных подходов к типологическому исследованию синтаксических структур можно схематически представить так. Допустим, изучается некоторый тип предложений. На основании предварительного сопоставления предложений этого типа, например, в европейских языках с их эквивалентами в некоторых других языках выделяются, с определенным огрублением, основные синтаксические функции, которые должны выполняться (какими-то элементами) при построении данного типа предложений.

Если бы в каждом языке каждая функция выражалась каким-то однозначным способом, то предложения данного типа в разных языках отличались бы друг от друга только планом выражения, а по существу были бы одинаковы. В этом случае задачи синтаксической типологии сводились бы только к установлению для каждого языка подмножества синтаксических функций, которые он выбирает из выделенного общего набора. В действительности, однако, в большинстве случаев одно и то же служебное слово способно выполнять в языке несколько функций; тем самым различие между языками обусловлено не только наличием или отсутствием той или иной функции, но и тем, какие разные функции объединены в них общим материальным выражением*. Соответственно, в задачи синтаксической типологии входит также выявление разных типов объединения функций — «пучков функций», возникающих в том или ином языке. Иначе говоря, после выделения основных функций должен быть проведен анализ материальных носителей этих функций в разных языках по методу, использованному Бенвенистом.

Ниже делается попытка составить инвентарь синтаксических функций, существенных для структуры так называемых относительных предложений. Материалом исследования служит ограниченное число языков — в ос-

* При этом с синхронной точки зрения в рассматриваемом языке возможны разные степени единства: а) неразличимость этих функций с точки зрения данного языка; б) полисемия (в рамках одного элемента); в) омонимия (элементов, признаваемых различными). В детальном типологическом исследовании эти различия должны приниматься во внимание; в более общем допустимо от них отвлечься.

новном самые известные. Соответственно, полученный результат не претендует на полную универсальность: для каких-то языков, возможно, окажутся существенными факты, не отраженные в настоящей работе, или окажутся недействительными какие-либо из установленных ограничений. Однако предлагаемая схема может, видимо, служить исходной базой для дальнейших исследований.

В заключительном разделе статьи кратко рассматривается вопрос о том, с какими функциями может совмещаться выполнение функций, существенных для структуры относительных предложений.

§ 2. О ТЕРМИНЕ «ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ»

Термин «относительное предложение» может употребляться в лингвистических работах как сокращение двух разных более полных терминов: а) относительное придаточное предложение; б) сложноподчиненное предложение с относительным придаточным (ср. аналогичную двойственность, например, таких терминов как «условное предложение», «уступительное предложение» и др.). В настоящей работе мы будем, во избежание недоразумений, употреблять в первом из этих значений только термин «придаточное относительное», оставив название «относительное предложение» для второго значения.

Под относительным придаточным предложением, как известно, понимается придаточное, вводимое не союзом, а союзным словом, т. е. словом, которое совмещает функцию союза (связывание предложений) с функцией члена предложения (а именно, члена придаточного предложения), например: *Вот книга, которую я купил; Вот дом, где мы жили.*

Союзные слова, вводящие придаточное относительное, делятся на относительные местоимения (т. е. слова с синтаксической функцией существительных или прилагательных) и относительные наречия. Предложения с относительным наречием (типа *Вот дом, где мы жили*) представляют собой менее распространенный вариант и могут быть сведены к предложению с относительным местоимением (например, *Вот дом, в котором мы жили*). Ниже мы практически ограничиваемся рассмотрением относительных предложений с местоимением.

Особый тип придаточных относительных составляют предложения, где союзное слово (обычно *что*) соотносится со всем предшествующим предложением: *Он опоздал, чтó было замечено.* Такие предложения в настоящей статье не рассматриваются.

При типологическом исследовании всегда нужно считаться с возможностью (или даже необходимостью) некоторого расширения круга рассматриваемых грамматических явлений по сравнению с тем, который послужил начальной точкой исследования.

Во-первых, в некоторых языках могут оказаться недостаточно четкими те различия, которые используются в определении интересующего нас понятия. В данном случае таковы, в частности: 1) различие между сложноподчиненным предложением и иными синтаксическими комплексами, а именно, сложносочиненным предложением и бессоюзным сложным предложением*; 2) различие между главным и придаточным предложениями в составе сложноподчиненного; 3) различие между союзным словом и союзом. В связи с этим естественно привлечь к рассмотрению не только примеры, бесспорно подпадающие под наше первоначальное определение, но также и те, которые допускают двойное истолкование или представляют собой промежуточные явления.

Приведем для иллюстрации два примера. В арабском языке синтаксические комплексы определенного типа могут пониматься и как сложноподчиненное предложение и как последовательность двух независимых предложений**:

---

*Мы пользуемся здесь той терминологией, в которой «бессоюзное сложное предложение» выступает как название особого типа сложных предложений, отличного и от сложноподчиненных и от сложносочиненных и представляющего собой соположение самостоятельных предложений без каких-либо показателей связи (кроме, быть может, интонации). Заметим, что сложные предложения с относительным придаточным приходится в этом случае особым терминологическим соглашением не считать частным случаем «бессоюзных сложных». Несколько упрощая истинное положение вещей, мы не проводим в настоящей статье различия между бессоюзным сложным предложением и простой последовательностью двух отдельных предложений.

** См. разбор этой проблемы в кн.: Б. М. Гранде, Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, §§ 184, 290.

(1) ǧa'a fallahun yaskunu fi lwadi 'Пришел (какой-то) крестьянин, который живет в долине' или 'Пришел какой-то крестьянин. Он живет в долине' (буквальный состав — в соответствии со вторым переводом).

В древнерусском языке в структуру сложного предложения определенного типа входят одновременно относительное местоимение и сочинительный союз:

(2) *а что княже братъ твои александръ дѣялъ насилие на новѣгородѣ, а того ся княже отступи** 'А от насилия, которое брат твой Александр творил в Новгороде, ты, князь, отступись'.

Во-вторых, в некоторых языках мы можем столкнуться с явлением, безусловно близким к рассматриваемому, но все же не предусмотренным в первоначальном определении. В этом случае естественно расширить первоначальное определение. Рассмотрим здесь важнейший для настоящей статьи случай такого рода. В арабской фразе:

(3) ǧa'a lfallahani llaδani ra'aytuhuma bil'amsi 'Пришли два крестьянина, которых я видел вчера' — связь частей сложного предложения обеспечивается наличием слова llaδani (из 'allaδani; именит. падеж. двойств. числа муж. рода от местоимения 'allaδi), которое можно приблизительно передать как «такие-что»**. Таким образом, буквальный перевод здесь: «Пришли два-крестьянина такие-что: я-видел-их вчера»***. Без ('a)llaδani эта фраза может быть понята только как последовательность двух несвязанных предложений ('Пришли два крестьянина. Я видел их вчера'). Слово ('a)llaδani согласовано (в роде, числе и, что принципиально важно, в падеже) с ('a)lfalahani «два-крестьянина», следовательно, оно является здесь членом главного предложения — в отличие от слова *которых* в русском переводе, являющегося чле-

* Здесь и далее орфография древнерусских текстов по типографским соображениям несколько упрощена.

** В простом предложении (и вообще вне данной конструкции) слово 'allaδi не употребляется, поэтому его значение может быть выведено только из данной конструкции.

*** Здесь и далее переводы даются только в марровских кавычках (' '), буквальные переводы — в обычных кавычках (« »). Часть буквального перевода, соответствующая единому слову оригинала, пишется через дефисы.

ном придаточного предложения (чем и определяется его винительный падеж). Таким образом, 'allaδī — это союзное слово, используемое в общем так же, как русское *который*, с тем отличием, однако, что оно входит не в придаточное предложение, а в главное*. Обычное понимание относительного предложения не предусматривает такой возможности, но очевидно, что допустить ее (и, следовательно, включить арабские фразы в наше рассмотрение) необходимо. Соответственно, мы будем в дальнейшем понимать под относительным предложением любое сложноподчиненное предложение, части которого связаны союзным словом (без ограничений на то, в какую именно часть должно входить это слово).

В-третьих, после выделения типологически важных признаков рассмотренной синтаксической структуры может оказаться, что некоторые комбинации значений этих признаков соответствуют в каких-то языках реальным синтаксическим явлениям, которые не входили в первоначальное рассмотрение. Такие явления тоже естественно включить в получаемую классификацию.

В нашем случае в роли таких дополнительно включенных в классификацию явлений оказываются некоторые виды сложносочиненных и бессоюзных предложений (см. об этом § 5). Тем самым, строго говоря, мы получаем классификацию уже не одних лишь относительных предложений, а совокупности, включающей как относительные предложения, так и некоторые частично сходные с ними синтаксические комплексы другого характера. Поскольку, однако, в центре нашего внимания все же остаются именно относительные предложения, мы позволим себе, ограничившись настоящей оговоркой, далее говорить просто о классификации относительных предложений (без обязательного упоминания о том, что она охватывает и некоторые другие синтаксические комплексы).

Отметим специально, что даже в указанном выше расширенном понимании термин «относительное предложе-

* Заметим, что по ритмико-интонационному членению союзное слово типа 'allaδī может все же примыкать к придаточному, а не к главному. Таким образом, здесь и в дальнейшем, говоря о вхождении слов типа 'allaδī в главное предложение, мы будем иметь в виду именно тот факт, что падеж такого слова определяется синтаксической структурой главного, а не придаточного предложения.

ние» охватывает все же далеко не все сложноподчиненные предложения с придаточным определительным, а именно, он не охватывает те из них, где подчинение обеспечивается не союзным словом, а другими средствами (союзом, особыми формами каких-либо членов предложения, порядком слов и др.). Краткий обзор сложных предложений такой структуры дается ниже в отдельном параграфе (§ 8); основная часть настоящей статьи посвящена только относительным предложениям.

§ 3. ИСХОДНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АНАЛИЗИРУЕМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

В дальнейшем, рассматривая то или иное предложение или тип предложений, мы исходим из того, что нам известны ответы на определенные стандартные вопросы в отношении этого предложения. Для формальной классификации такой ответ всегда должен быть из числа заранее предусмотренных, например: да, нет; случай 1, случай 2 и т. п. Разумеется, в действительности при ответе на эти вопросы возможны большие трудности: см., например, фразы (1), (2) из § 2, соединяющие элементы подчинения с элементами сочинения. Эти трудности могут быть обсуждены в комментариях к примеру, но для классификации берется наиболее близкий к истине огрубленный ответ; например, фраза (2) рассматривается как сложноподчиненная. В наиболее двусмысленных случаях по отдельности рассматриваются оба возможных решения; тогда одна и та же синтаксическая конструкция может при одном решении попасть в одну рубрику классификации, при другом — в другую.

Основной вопрос такого рода состоит в том, является ли предложение сложноподчиненным, и если да, то где главное и где придаточное предложение. Практически ответ на этот вопрос складывается на основании учета целого ряда признаков, которые мы не можем охарактеризовать формально.

Ни в коей мере не пытаясь дать операционное определение соответствующих понятий, отметим некоторые (далеко не все!) признаки, полезные для ориентировки в данной проблеме (заметим, что приводимые правила

для некоторых частных типов предложений могут и не соблюдаться)*.

1) В сложноподчиненном предложении главное предложение обычно может разрываться придаточным (которое оказывается в этом случае внутри главного, например, *Ослов, которых ты взял, верни*), тогда как придаточное разрываться не может; в сложносочиненном предложении неразрывны обе части.

2) Если сложноподчиненное предложение, состоящее из главного Г и придаточного П, входит целиком в качестве придаточного в более крупный комплекс Г′(ГП), где Г′ — главное, и если при этом Г′ требует от сказуемого подчиненного ему предложения некоторого автоматического изменения (например, постановки в определенном наклонении), то данное изменение происходит со сказуемым предложения Г, но не П. Например: *Он покупает книги* (Г), *которые ему приносят* (П) — *Я хочу* (Г′), *чтобы он покупал книги, которые ему приносят*. В сложносочиненном предложении подобные эффекты распространяются на сказуемые обеих частей.

3) С точки зрения смысла сокращение («свертывание») комплексов типа Г′(ГП) до Г′Г (*Я хочу, чтобы он покупал книги*) представляет собой обеднение прежнего сообщения, но не сообщение о чем-то другом, тогда как переход (с требуемыми сопутствующими изменениями) от Г′(ГП) к Г′П дал бы новое сообщение (*Я хочу, чтобы ему приносили* [*книги*]). Ср. свертывание *цвет крыши дома* ⇒ *цвет крыши* (но не *цвет дома*).

При рассмотрении м е с т о и м е н и й, принимающих участие в построении относительных предложений, предполагается известной их принадлежность к одной из

---

* Речь идет о признаках, общих если не для всех, то для большинства языков. Следует учитывать, однако, что в конкретном языке обычно существуют, кроме того, свойственные именно данному языку особенности, отличающие сложные и, в частности, сложноподчиненные предложения от последовательности простых предложений. Будучи индивидуальными для данного языка, они могут быть в то же время общими, например, для всех типов сложноподчиненных предложений, а это позволяет, опираясь на бесспорные случаи, судить о более трудных. Чаще всего такие особенности касаются порядка слов и просодических явлений (например, в немецком языке во всех придаточных предложениях представлен особый порядок слов; в ведийском личные формы глагола в простом и главном предложении безударны, а в придаточном имеют ударение).

следующих двух групп: а) подчинительные, б) синтаксически нейтральные. Дать полное формальное определение этих понятий мы не можем (как и для понятий главного и придаточного предложений); поэтому ограничимся содержательными пояснениями и указанием лишь некоторых формальных признаков этих двух групп местоимений.

С содержательной точки зрения, различие состоит здесь в следующем: подчинительное местоимение само по себе служит средством синтаксической (а не только смысловой) связи между предложениями, тогда как синтаксически нейтральное местоимение само по себе таким средством не служит (хотя может связывать предложения по смыслу). В простых случаях (которых большинство) это содержательное различие внешне проявляется так. Предложение (одно из двух, образующих сложноподчиненное), где имеется подчинительное местоимение, не может выступать в качестве самостоятельного утвердительного высказывания. Например, простое предложение *Кто пришел?* (ср. *Позови того, кто пришел*) возможно только в качестве вопроса; простые предложения с арабским 'allaδī вообще невозможны. Напротив, предложение, где имеется синтаксически нейтральное местоимение (а подчинительного нет), как правило, способно без каких-либо изменений (кроме, быть может, интонации) выступать в качестве самостоятельного утвердительного высказывания. Примеры: *Вот та книга* (ср. *Вот та книга, которую я купил*); араб. ra'aytuhumā bil'amsi 'Я видел их (двоих) вчера' (-humā «их-двоих»), ср. пример (3).

Трудные случаи могут возникать в тех языках, где придаточные предложения отличаются от простых какими-то общими грамматическими признаками, например, особым порядком слов, наклонением сказуемого и т. п. Здесь для установления подчинительного или синтаксически нейтрального характера местоимения могут потребоваться дополнительные приемы анализа, которые трудно описать формально. Случай такого рода составляет, например, нем. *der*. Возьмем фразу *Hier ist ein Mann, der aus dem Dorfe gekommen ist* 'Вот человек, который пришел из деревни'. Часть *der aus dem Dorfe gekommen ist* не может выступать в качестве самостоятельного высказывания; однако возможно предложение

Der ist aus dem Dorfe gekommen 'Он (тот) пришел из деревни'. Разница в порядке слов здесь вытекает просто из действующих в немецком языке общих правил расстановки слов соответственно в простом и в придаточном предложении. Таким образом, если исходить лишь из этого примера, мы вполне можем считать, что подчинение обеспечивается здесь только порядком слов, а характер местоимения при превращении простого предложения в придаточное не изменился, иначе говоря, что *der* синтаксически нейтрально. Чтобы убедиться, что это не так, нужно рассмотреть, например, такую фразу, как *Hier ist ein Mann, dem Sie vertrauen können* 'Вот человек, которому вы можете доверять'; ср. простое предложение *Sie können dem vertrauen* 'Вы можете ему доверять'. Здесь при превращении простого предложения в придаточное слово *dem* перешло на первое место, т. е. в точку стыка главного и придаточного предложений. Это место закреплено в немецком языке за средствами связи между предложениями (союзами или союзными словами); ср. синонимичную фразу с бесспорно подчинительным местоимением *welcher*: *Hier ist ein Mann, welchem Sie vertrauen können.* С другой стороны, с местоимениями *er* или *dieser*, которые бесспорно являются синтаксически нейтральными, подобная конструкция невозможна: нельзя сказать **Hier ist ein Mann, ihm* (или *diesem*) *Sie vertrauen können.* Таким образом, в немецком языке имеется подчинительное местоимение *der* 'который', нетождественное (с синхронической точки зрения) синтаксически нейтральному местоимению *der* 'тот, он' (не говоря уже о безударном *der* — определенном артикле).

Из этого примера видно, в частности, что подчинительный или синтаксически нейтральный характер местоимения устанавливается не «локально», т. е. не для данной фразы, а по крайней мере для определенного типа фраз в целом. Ср. другой подобный пример: подчинительный характер англ. *that* легко выявляется во фразах типа *Here is the boy that I met, Here are the vegetables that are good for you* (самостоятельные предложения **That I met, *That are good for you* невозможны), но не очевиден во фразе *Here is the soup that is good for you* (ср. *That is good for you* 'Это вам полезно').

Подчинительное местоимение, входящее в состав придаточного предложения, мы будем, в соответствии с

традицией, называть относительным. Примеры: русск. *который, какой, каковой, кто, что,* лат. *qui, quis, quid,* нем. *der* и т. д.

Подчинительное местоимение, входящее в состав главного предложения, мы будем называть вводящим. Пример: араб. 'allaδī. (Относительные местоимения «относят» придаточное предложение к определенному слову в главном, а вводящие «вводят» придаточное в главное.)

В качестве синтаксически нейтральных в относительных предложениях обычно выступают анафорические (т. е. указательные и личные) местоимения, например: русск. *тот, этот, такой, он, то,* лат. *is, hic, ille* и т. д.; возможны, однако, и другие типы местоимений, например: *какой-то, всякий, нечто, все* и др.

Замечание. Для некоторых языков (в частности, для семитских) признается существование так называемых «скрытых» личных местоимений, т. е. местоимений, включенных в глагольную словоформу (хотя и не представленных в ее морфологическом составе специфически местоименными морфемами); см. § 6, пример (37). Признание «скрытых» местоимений позволяет более единообразно описать ряд синтаксических явлений этих языков (в том числе явлений, связанных с относительным предложением).

В составе конкретной фразы местоимение может выступать в адъективном употреблении (т. е. добавляться к имени объекта, например: *Этот человек пришел*; *Какую рыбу вы хотите?*) или в субстантивном употреблении (т. е. заменять имя объекта, например: *Он пришел*; *Вот рыба, которую купили*; *Бери то, что дают*). Большинство рассматриваемых в настоящей работе местоимений (любого типа, например, русск. *тот, этот, такой, какой, каковой, который*) допускает оба употребления. Меньшая их часть допускает только одно употребление (обычно только субстантивное, ср. русск. *он, кто, что*). В дальнейшем для краткости может быть сказано «субстантивное местоимение», «адъективное местоимение»; это везде следует понимать как местоимение, выступающее в рассматриваемом контексте в таком употреблении.

§ 4. ИСЧИСЛЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Ниже строится исчисление синтаксических структур относительных предложений (а также некоторых родственных им синтаксических комплексов, см. § 2).

Мы исходим из того, что относительное предложение получается в результате серии преобразований его глубинной структуры*. В глубинной структуре различаются 1-ое исходное предложение и 2-ое исходное предложение. Связь между 1-ым и 2-ым предложениями — типа соединительной. В 1-ом предложении выделено существительное (или, в общем случае, именная группа) C_1, для которого во 2-ом имеется «дублер» C_2, т. е. существительное (или именная группа), которое входит в анафорическую связь с существительным или именной группой из первого предложения**. Содержание анафорической связи — либо тождество объектов, обозначаемых именными группами, либо лексическое тождество самих именных групп. Пример глубинной структуры (он будет использоваться и в дальнейшем): 1-ое исходное предложение *Осёл* (C_1) *убежал*, 2-ое исходное предложение *Осла* (C_2) *мы любили.*

1-ое исходное предложение интерпретируется как глубинная структура линейно первого предложения (в составе получаемого сложного предложения), 2-ое исходное предложение — как глубинная структура линейно второго. В том случае, если в результате преобразований получится сложноподчиненное предложение и если при порождении не применено преобразование IV («инверсия подчинения»), то 1-ое предложение будет главным, 2-ое — придаточным.

Используемая глубинная структура не задает некоторых деталей смысла получаемых из нее предложений. Например, она не отражает деления определительных предложений на ограничительные и описательные и др. Для языков, не имеющих артиклей, не учитывается также различие между определенными и неопределенными именами; но для языков с артиклями предполагается,

---

* О построении сложных предложений путем последовательных преобразований соответствующих простых предложений см., в частности: Е. В. Падучева. Классификация сложных предложений в связи с построением правил образования для стандартизованного русского языка. «Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста», М., 1961; В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, с. 174—175; А. К. Жолковский. Синтаксис сомали. М., 1971, с. 33—41.

** Как уже отмечено в § 2, фразы типа *Он опоздал, что было замечено* (где характер анафорической связи иной) в настоящей работе не рассматриваются.

что определенность или неопределенность C_1 и C_2 в глубинной структуре указана.

Преобразования рассматриваются как способ описания синтаксической структуры получаемых предложений, а не как трансформации, сохраняющие смысл. Обратим внимание, с этой точки зрения, на преобразование «инверсия подчинения», которое по существу означает переход от смыслов, передаваемых, например, фразами *Убежал осёл, которого мы любили, Он принес те книги, которые мы купили,* к смыслам, передаваемым фразами *Мы любили осла, который убежал, Мы купили те книги, которые он принес* (здесь нет необходимости выяснять, в чем именно состоит подобное изменение смысла, тем более, что оно может быть различным в разных фразах).

Ниже приводится перечень преобразований (каждому преобразованию дано условное обозначение, чтобы сделать последующие ссылки непосредственно понятными).

I. Преобразования в 1-ом исходном предложении:

1. Добавление адъективного местоимения к C_1, например: *осёл убежал* ⇒ *тот осёл убежал; осёл убежал* ⇒ *какой осёл убежал.* Обозначение: ТОТ (если местоимение синтаксически нейтральное), M_1 *подч.* (если местоимение подчинительное).

2. Замена C_1 на субстантивное местоимение, например: *взяли предмет* ⇒ *взяли то*; *предмет лежит* ⇒ *что лежит*; *человек пришел* ⇒ *тот пришел*; *человек спит* ⇒ *некто спит.* Обозначение: ТО (если местоимение синтаксически нейтральное), ЧТО (если местоимение подчинительное).

3. Уничтожение C_1 (без какой-либо замены), например: *осёл убежал* ⇒ *убежал; взяли предмет* ⇒ *взяли.* Обозначение: *эллипсис — 1.*

II. Преобразования во 2-ом исходном предложении:

1. Добавление адъективного местоимения к C_2, например: *осла мы любили* ⇒ *этого осла мы любили*; *осла мы любили* ⇒ *каковоґо осла мы любили.* Обозначение: ЭТОТ (если местоимение синтаксически нейтральное), КАКОВОЙ (если местоимение подчинительное).

2. Замена C_2 на субстантивное местоимение, например: *осла мы любили* ⇒ *его мы любили*; *осла мы любили* ⇒ *которого мы любили.* Обозначение: ОН (если

местоимение синтаксически нейтральное), КОТОРЫЙ (если местоимение подчинительное).

3. Уничтожение C_2 (без какой-либо замены), например: *осла мы любили ⇒ мы любили*. Обозначение: *эллипсис — 2*.

III. Добавление сочинительного союза (или частицы). Обозначение: *соч. союз*.

IV. Инверсия подчинения: интерпретация 1-го предложения как главного, а 2-го как придаточного меняется на противоположную. Обозначение: *инверсия подчинения*.

Любое преобразование из этого списка является факультативным, т. е. может и не применяться. Предполагается, однако, что для конкретной фразы каждое преобразование используется не более одного раза и из групп I и II берется не более, чем по одному преобразованию.

Для того чтобы получилось относительное предложение, нужно применить хотя бы одно преобразование, вводящее подчинительное местоимение (т. е. M_1 *подч*., ЧТО, КАКОВОЙ или КОТОРЫЙ). Если ни одно из этих преобразований не применялось, получится не сложноподчиненное предложение, а сложносочиненное или бессоюзное.

В реальных языках при построении относительных предложений возможны также некоторые дополнительные изменения, которых данное исчисление не отражает. Чаще всего они касаются наклонения сказуемого придаточного предложения, порядка слов и интонации (или других просодических характеристик). Как правило, эти изменения не являются специфическими для данного типа сложных предложений, а характеризуют более широкий класс синтаксических комплексов, например, все сложноподчиненные предложения. При построении относительных предложений такие явления лишь сопутствуют более специфическим изменениям, отраженным в исчислении. О случаях, когда эти явления оказываются единственным средством, обеспечивающим синтаксическую связь предложений, см. § 8.

Специально отметим, что в настоящей классификации не принимаются во внимание перестановки слов внутри каждого из двух предложений. В сложноподчиненном предложении не учитывается также возможный перенос

по другую сторону от придаточного любой части главного предложения, кроме имени, входящего в анафорическую связь (т. е. C_1 или C_2), или заменяющего его местоимения*. Таким образом, например, различие между *Верни ослов, которых ты взял* и *Ослов, которых ты взял, верни* для характеристики типа относительного предложения несущественно, поскольку оно не затрагивает взаимного расположения придаточного и элемента *С* в главном предложении (*ослов*). Соответственно, разорванное главное предложение *Ослов... верни* рассматривается в настоящей работе как предшествующее своему придаточному; ср., с другой стороны, пример (17) в § 6, где разорванное главное предложение равносильно такому, которое следует за своим придаточным.

Приведенное исчисление служит средством классификации относительных предложений: классификационной характеристикой такого предложения является набор преобразований, участвовавших в получении данного предложения из его глубинной структуры (иначе говоря, способ его порождения данным исчислением). Типологическая характеристика языка с интересующей нас точки зрения состоит в указании типа (или типов) относительных предложений, господствующих в данном языке.

§ 5. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТРУКТУРЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Данное исчисление порождает некоторую совокупность теоретически возможных структурных моделей относительного предложения. Разумеется, оно еще ничего не сообщает о том, какие из них фактически встречаются и с какой относительной частотой. Ниже рассматриваются те модели, которые реально представлены в языках мира. Выделяются основные типы относитель-

* В том случае, когда в главном предложении при элементе *С* имеется адъективное местоимение *М*, придаточное предложение может оказаться между *М* и *С*, например: *Это написано в той, что ты любишь, книге.* С интересующих нас точек зрения сложные предложения этого типа ведут себя как такие, где главное предшествует придаточному; именно так они и рассматриваются ниже.

ных предложений и указываются важнейшие общие закономерности их структуры.

Прежде всего, все относительные предложения, порождаемые данным исчислением, могут быть разделены на два класса: а) основной — сложные предложения, где хотя бы один член пары $C_1 - C_2$ сохранен; б) особый, так называемый бессубстантивный — сложные предложения, где и C_1, и C_2 подверглись устранению (т. е. заменены местоимениями или просто уничтожены). Примеры предложений основного класса: *Вот дом* (C_1), ***в котором мы жили***; *Беру у тебя осла* (C_1), ***какового осла*** (C_2) ***обещаю вернуть***. Примеры предложений бессубстантивного класса: *Я **не знаю того**, о **ком** вы говорите*; *Что посеешь, то и пожнешь*; ***Бери**, что **понравится***.

Относительное предложение основного класса может быть построено из любой глубинной структуры описанного в § 4 вида. Предложение бессубстантивного класса может быть построено только в том частном случае, когда в глубинной структуре в качестве C_1 и C_2 выступают слова со столь обобщенным значением (*предмет, человек, место, время, способ* и т. д.), что существуют особые субстантивные местоимения (или местоименные наречия), равнозначные сочетаниям таких слов с различными адъективными местоимениями, например: *тот предмет — то*; *какой человек — кто*; *некоторый человек — некто*; *в том месте — там*; *во всякое время — всегда* и т. д.*

Рассмотрим относительные предложения основного класса.

Важнейшая закономерность структуры относительных предложений основного класса такова: C_1 практически всегда сохраняется, напротив, C_2 в большинстве случаев устраняется.

Устранение C_1 встречается в основном классе относительных предложений чрезвычайно редко — лишь в качестве особого стилистического приема; см. § 6, при-

* Для краткости мы не будем далее рассматривать предложения с местоименными наречиями (а также предложения с *каков — таков, сколько — столько*, которые являются результатом свертывания фраз с сочетаниями *какого качества — такого качества, какое количество — такое количество*). Для выяснения принципиальных моментов достаточно фраз с собственно местоимениями.

меры (14)—(15), (31)—(33). C_2 сохраняется только в случае преобразования II. 1, которое применяется очень редко; полное отсутствие преобразований группы II, т. е. сохранение 2-го исходного предложения без каких-либо изменений, практически не встречается.

С содержательной точки зрения эта закономерность (сохранение C_1 и устранение C_2) означает следующий примечательный факт: выбор того, какой из двух анафорически связанных элементов сохранить, а какой заменить местоимением, не зависит от противопоставления «главное — придаточное» (поскольку встречаются оба возможных порядка главного и придаточного), а определяется только линейным порядком предложений*. По-видимому, это объясняется просто общим принципом анафории: нормой является анафорическая отсылка к предшествующему, а не к последующему упоминанию объекта**.

Подавляющее большинство относительных предложений основного класса (во всей совокупности обследованных языков) принадлежит к очень небольшому числу моделей, порождаемому всего тремя преобразованиями: I. 1 (факультативно); II.2; IV (факультативно).

Воспользуемся примером глубинной структуры, данным в § 4. Обозначим через M_1 и M_2 местоимения, выступающие в соответствующих предложениях. Тогда основная схема сложного предложения с относительным компонентом может быть представлена так (порядок слов внутри каждого из предложений несуществен):

1-ое предложение	2-ое предложение
убежал ОСЁЛ M_1 (адъективное)	M_2 (субстантивное) *мы любили*

* Именно с этим обстоятельством связано то, что в избранном нами представлении глубинных структур фиксирован (и в дальнейшем не меняется) линейный порядок предложений, тогда как отношение подчинения может меняться.

** Отсылка к последующему упоминанию (например, в англ. *When he comes to London John visits his aunt*) является очень редким исключением.

У этой схемы два варианта:

А. 1-ое предложение — главное, 2-ое — придаточное.

Б. 1-ое предложение — придаточное, 2-ое — главное.

Далее, местоимения M_1 и M_2 могут быть синтаксически нейтральными или подчинительными. Если они оба синтаксически нейтральны, получается простое соположение предложений, поскольку никаких показателей связи в этом случае нет: *Этот осёл убежал, мы его любили*. Таким образом, при рассмотрении сложноподчиненных предложений этот случай исключается. Случай, когда M_1 и M_2 оба подчиняющие, реально не встречается; это легко объяснить тем, что в двойном выражении одной и той же связи нет необходимости. Тем самым остаются только те два случая, когда одно местоимение подчиняющее, а другое синтаксически нейтральное.

С учетом вариантов А и Б получаются следующие четыре модели:

А1	1-ое предложение главное	M_1 синтаксически нейтральное	2-ое предложение придаточное	M_2 подчинительное
А2	1-ое предложение главное	M_1 подчинительное	2-ое предложение придаточное	M_2 синтаксически нейтральное
Б1	1-ое предложение придаточное	M_1 синтаксически нейтральное	2-ое предложение главное	M_2 подчинительное
Б2	1-ое предложение придаточное	M_1 подчинительное	2-ое предложение главное	M_2 синтаксически нейтральное

Исходя из этой таблицы, можно ожидать, что синтаксически нейтральное адъективное местоимение M_1 (в А1 и Б1) окажется факультативным, поскольку связь предложений осуществляется здесь подчинительным местоимением M_2. В то же время синтаксически нейтральное субстантивное местоимение M_2 (в А2 и Б2) должно присутствовать обязательно (хотя оно и не тре-

1/2 22 — 6712

буется для связи предложений), поскольку если его опустить, то останется необозначенной синтаксическая роль (а именно — падеж) глубинного C_2 во 2-ом исходном предложении.

Из этих четырех теоретически возможных моделей реально засвидетельствованы в конкретных языках три (нет только модели Б1). В модели А1 адъективное местоимение M_1 действительно факультативно; в прочих случаях местоимения обязательны (если не считать редких случаев эллипсиса).

Модель А1 представлена исключительно широко, в частности, почти во всех индоевропейских языках. Модель А2 характерна для семитских языков. Модель Б2 является основной, в частности, для древнеиндийского, авестийского, хеттского, древнерусского (но не старославянского!); в русской диалектной речи и в просторечии она существует и в настоящее время. В ряде языков, например, в латыни и греческом, эта модель встречается, но не имеет широкого распространения.

Эти три модели демонстрируются следующими фразами-формулами (для Б2 взято русское просторечие, для А2 — арабский в русской передаче, но с сохранением «ключевого слова» 'allaδī; в модели А1 факультативное слово *тот* дано в квадратных скобках):

А1. *Убежал [тот] осёл, которого мы любили.*
А2. *Убежал осёл* 'allaδī («такой-что»), *мы его любили.*
Б2. *Который осёл убежал, того мы любили.*

В одном и том же языке могут быть представлены одновременно две из этих моделей, в редких случаях — даже все три. Чаще всего сосуществуют модели А1 и Б2. Связь этих двух моделей объясняется следующим. Из-за преобразования «инверсия подчинения» между ними возникает та разница смыслов, о которой говорилось выше, в § 4; ее можно упрощенно обозначить так: во фразе А1 говорится о бегстве, во фразе Б2 — о любви. Если же мы захотим сказать об одном и том же, например, в обоих случаях о бегстве, то для языка с моделью Б2 нужно иметь обратный порядок предложений в глубинной структуре. Тогда получится:

А1. *Убежал [тот] осёл, которого мы любили.*
Б2. *Которого осла мы любили, тот убежал.*

При таком представлении видно, что разница здесь в значительной мере сводится к тому, о чем говорится раньше и о чем позже. То, что слово *осёл* в одном случае оказывается в главном предложении, а в другом — в придаточном, определяется, как уже показано выше, не синтаксическими отношениями между частями сложного предложения, а универсальным принципом, требующим сохранения такого слова в линейно первом предложении. Таким образом, понятно, что если в языке строго фиксировано положение придаточного по отношению к главному, то в нем представлена только одна из моделей А1 и Б2 (например, только А1 в западноевропейских языках, только Б2 в хеттском). Если же допускаются оба возможных порядка, то эти модели могут сосуществовать. Например, в древнеиндийском и в древнерусском господствует модель Б2, но в тех более редких случаях, когда в этих языках придаточное стоит позади главного, представлена модель А1.

Каждая из трех описанных моделей является основным представителем целой группы моделей. Определяющим свойством группы моделей с основной моделью А1 является наличие подчинительного местоимения во 2-ом предложении. Для группы с основными моделями А2 и Б2 таким свойством является наличие подчинительного местоимения в 1-ом предложении (с инверсией подчинения в случае Б2, без такой инверсии — в случае А2).

Соответственно, выделяются три типа относительных предложений; мы будем обозначать их следующими условными названиями: к л а с с и ч е с к и й тип (основная модель А1), а р х а и ч е с к и й (основная модель Б2) и с е м и т с к и й (основная модель А2).

Разумеется, порождаемые нашим исчислением сложные предложения, где вообще нет подчинительного местоимения (т. е. сложносочиненные и бессоюзные), не входят ни в один из этих трех типов.

Об относительных предложениях бессубстантивного класса см. § 7. О сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными иной структуры (не относительными) см. § 8.

Приводимая ниже таблица показывает отличительные признаки основных типов относительных предложений (в скобках указаны номера примеров, относящихся к соответствующему типу).

		M_2 подчинительное	M_2 синтаксически нейтральное или отсутствует
M_1 подчинительное	С инверсией подчинения	нет	Архаический тип: (2), (16)—(33), (41), (42), (53)—(60), (67)—(71)
	Без инверсии подчинения		Семитский тип: (3), (34)—(39), (61), (62), (72), (73)
M_1 синтаксически нейтральное или отсутствует	Без инверсии подчинения	Классический тип: (4)—(15), (48)—(52), (63)—(66)	Отсутствие подчинения: (43)—(47)

§ 6. ПРИМЕРЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОСНОВНОГО КЛАССА

Ниже приводятся примеры относительных предложений основного класса (а также ряда других синтаксических комплексов, порождаемых данным выше исчислением). Они распределены по типам и моделям. Для каждой модели указывается (в угловых скобках) характеризующий ее набор преобразований. В ряде случаев отмечаются варианты структуры в рамках одной модели, представляющие по тем или иным причинам типологический интерес. В частности, могут быть по отдельности продемонстрированы обычные (содержащие глагол) и безглагольные придаточные, варианты с определенным и с неопределенным C_1, с особым порядком слов и др.

Классический тип

⟨ КОТОРЫЙ ⟩

(4) *Убежал осёл, которого мы любили.*

(5) франц. *Voici le livre que vous m'avez donné.*

(6) нем. *Rufe den Mann, der gekommen ist.*

Для большого числа языков, в частности, для современных европейских и классических (латинского и греческого) эта модель является основной. В языках с артиклями в этой модели при C_1 практически чаще встре-

чается определенный артикль, но вполне возможен и неопределенный, ср. франц. *Voici un livre qui a fait beaucoup de bruit* и т. п.

В русском языке к этой же основной модели относятся фразы типа:

(7) *Дойдите до киоска, что стоит на углу.*
(8) *Приходил Иван, что без руки.*
(9) *Вот домá, что недавно построили.*

Употребления *что* в такой роли (т. е. вместо *который*) строго ограничено именительным и винительным падежами. Заметим, что это может создать ложное восприятие такого *что* как несклоняемого слова (или даже как союза), тогда как в действительности оно просто не употребляется в падежах, где внешнее выражение не такое, как в исходной форме.

⟨ ТОТ, КОТОРЫЙ ⟩

(10) *Убежал тот осёл, которого мы любили.*

Эта модель тоже широко распространена; при этом, однако, в языках с артиклями она используется реже, чем в языках без артиклей, поскольку в случае определенности обычно достаточно артикля, см. примеры (5), (6).

Пример с придаточным, стоящим между M_1 и C_1 (см. сноску на стр. 65):

(11) *Это написано в той, что ты любишь, книге.*

Такая структура встречается сравнительно редко, преимущественно во фразах с коротким придаточным; ср., например, лат. *is, quem dico, Decius* ... 'этот Деций, о котором я говорю ...'

⟨ КАКОВОЙ ⟩

(12) *Беру у тебя осла, каковогo осла обещаю вернуть.*
(13) лат. (Цезарь) *In castris Helvetiorum tabulae repertae sunt ... quibus in tabulis nominatim ratio confecta erat* ... 'В лагере гельветов были найдены таблички, в каковых табличках были поименно перечислены ...'

Эта модель, по-видимому, приспособлена только для передачи описательных (не ограничительных) определений; по этой причине здесь не встречается преобразование ТОТ. С синтаксической точки зрения данная конструкция представляет собой в сущности переходное яв-

ление между подчинением и сочинением*; например, здесь практически невозможно вклинивание 2-го предложения в 1-ое. В латинских грамматиках *qui* в такой конструкции обычно описывается как эквивалент сочетания *et is* 'и этот'.

Приведем также примеры аномальных относительных предложений классического типа, где нарушено правило о сохранении C_1 (см. § 5).

⟨ ТО, КАКОВОЙ ⟩

(14) лат. (Овидий) ... *illo iugulet, quem non bene tradidit ensem* 'Пусть заколет тем мечом, который он не к добру передал', *букв.* «Тем пусть-заколет, который нехорошо он-передал меч».

(15) лат. (Цицерон) ... *ut ea ipsa mihi nota essent, quibus me nunc exemplis uti videtis* 'Чтобы мне были известны те самые примеры, которыми, как вы видите, я сейчас пользуюсь', *букв.* «Чтобы те самые мне известны были, которыми меня сейчас примерами пользоваться (=пользующегося) видите».

В этих примерах существительное, с которым анафорически связано местоимение «тот», стоит справа от него. Подобная конструкция встречается чрезвычайно редко; см. пояснения после примера (33).

Архаический тип

⟨ M_1 подч., ОН, инверсия подчинения ⟩

(16) русск. простореч. и диалектн. *Которых ребят увидишь, тем передай привет.*

(17) русский язык XVII века *И видя царь тѣхъ людей злой умыслъ, которыхъ они бояръ у него спрашивали, велѣлъ имъ сохранитися у царицы и у царевенъ* 'Царь же, видя злой умысел тех людей, велел боярам, которых они у него просили [для расправы], укрыться у царицы и царевен'.

(18) лат. (Цицерон) *Neque enim metuo, ne hoc cuiquam persuadeatur, ut, ad quod facinus nemo praeter te*

---

* Ср. утверждение Куайна о том, что сложные предложения с описательными определениями представляют собой «стилистическую разновидность сложносочиненного предложения»; см.: W. O. Quine. Word and object. Cambridge, Mass., 1960, с. 110.

ulla pecunia adduci potuerit, id tu gratis suscipere conatus sis 'И я не боюсь, что кому-нибудь покажется, будто то преступление, на которое никто, кроме тебя, не мог бы быть склонён никакими деньгами, ты взялся совершить задаром', *букв.* «. . . на которое преступление никто . . . склонён не мог бы быть, то́ ты задаром совершить взялся».

(19) др.-инд. (Ригведа) Ágne, yáṁ yajñám...paribhū́r ási, sá id devéṣu gachati 'Жертва, которую ты, о Агни (т. е. огонь), охватываешь кругом, идет к богам', *букв.* «Агни, которую жертву охватываешь ты, та (она) именно к-богам идет».

Пример с безглагольным придаточным:

(20) др.-инд. sudughā yā gaus, tāṁ na vinayanti 'Корову, которая хорошо доится, не наказывают', *букв.* «Хорошодойная которая корова, ту не наказывают».

Пример с редкой для архаического типа постановкой M_1 после C_1:

(21) др.-инд. (Ригведа) sómaṁ yám brahmā́ṇo vidúr, ná tásyāçnāti káçcaná '[От] Сомы, которого знают брахманы, не вкушает никто', *букв.* «Сому которого брахманы знают» + na («не», «неверно, что») + tasya (родит. падеж: «его», «от него») + «вкушает кто-либо».

⟨ M_1 подч., ЭТОТ, инверсия подчинения ⟩

(22) др.-инд. (Ригведа) yé te pánthāḥ, Savitaḥ, pūrvyā́saḥ, areṇávaḥ súkṛtā antárikṣe, tébhir no adyá pathíbhiḥ... rákṣā 'О Савитар, [идя] своими древними беспыльными прекрасными небесными путями, сегодня нас защищай', *букв.* «Которые твои пути, Савитар, древние, беспыльные, хорошопроложенные в-небе, теми нас сегодня путями [идя] защищай»; придаточное безглагольное.

⟨ M_1 подч., эллипсис — 2, инверсия подчинения ⟩

(23) русск. простореч. и диалектн. *Которые деньги останутся, положи в кошелек.*

(24) лат. (Овидий) *Quae tamen ex illis aliquo pars umida suco et terrena fuit, versa est in corporis usum*

'А та их (камней) составная часть, которая была влажной от какого-нибудь сока и землистой, пошла для использования в качестве тела', *букв.* «Которая же их часть ... влажной и землистой была, пошла ...».

(25) греч. En hô gàr krímati krínete, krithḗsesthe 'Ибо каким судом судите, будете судимы'.

⟨ M_1 подч., ОН, соч. союз, инверсия подчинения ⟩

(26) др.-русск. *а которыхъ трее дворць въпросили ваша братья посли, а тѣхъ ся есмы отступили по своеи воли* 'Три двора, которые просили ваши послы, мы уступили по своей воле', *букв.* «А которых трех дворов запросили ваши соотечественники послы, а [от] тех мы отступились по своей воле».

Пример с безглагольным придаточным:

(27) др.-русск. *а что золото княгини моее оленино, а то есмь далъ дчери моеи фетиньи* 'Золото княгини моей Алёны я отдал дочери моей Фетинье'. Слово *что* выступает здесь в адъективной функции; ср. также (2) и (30). Как известно, современное русское *что* во фразах типа (7)—(9) является реликтом именно такого древнерусского *что* (с точностью до различия между архаическим и классическим типами).

(28) хетт. ki-kan tuppi kuiš DUB.SAR-aš halzai n-an [d]UTU-uš pahšataru 'Бог солнца да охранит того писца, который читает эту табличку' *букв.* «Эту табличку который писец читает, а*-его бог-солнца да-охранит».

Пример с безглагольным придаточным:

(29) хетт. nu kuiš tān pedaš DUMU nu LUGAL-uš apāš kišaru 'Пусть станет царем сын второго ранга (от наложницы)', *букв.* «А который второго ранга сын, а царь он да-станет».

⟨ M_1 подч., ЭТОТ, соч. союз, инверсия подчинения ⟩

(30) русский язык XVI века *А что человѣкъ мой Истомка Суворовъ сынъ Граборуковъ бѣгаетъ, и тотъ человѣкъ женѣ моей Соломанидѣ, а которые мои иные*

---

* Хетт. *nu* (*n*-) передано в буквальном переводе как «а» по образцу древнерусского языка, ср. выше; вообще др.-русск. *а* и хетт. *nu*, по-видимому, типологически очень близки.

люди, и тѣхъ всѣхъ людей отпустить на слободу, а женѣ моей и сыну до нихъ дѣла нѣтъ 'Мой человек Истомка Суворов сын Граборуков, который в бегах, [достается] жене моей Соломаниде, а всех прочих моих людей отпустить на свободу; жене же моей и сыну до них дела нет'. Первое придаточное вводится адъективным *что*, ср. выше, (27). Второе придаточное безглагольное.

Модели с сочинительным союзом [примеры (26)—(30)] могут быть отнесены к числу сложноподчиненных предложений лишь в силу некоторого упрощения (ср. § 3). В действительности мы имеем здесь дело с явлением, переходным между сочинением и подчинением. В древнерусском эти модели, кроме того, очень слабо отграничены от сложных предложений, выражающих условие (например, *а едеши по корову, а вези три гривьнѣ* 'Если едешь за коровой, то вези три гривны'); ср. фразу (58), которую можно истолковать и как относительную, и как условную.

Как и в классическом типе, возможны также аномальные предложения, где устранено C_1 (тогда как C_2 сохранено):

⟨ ЧТО, ЭТОТ ⟩

(31) др.-инд. (Бхагавадгита) y̱ān ev̄a hatvā na jījīviṣāmas, te 'vasthitāḥ pramukhe dhārtarāṣṭrāḥ 'Ведь напротив [нас] выстроились члены рода Дхритараштры, убив которых мы не захотели бы жить', *букв.* «Которых ведь убив не хотим-жить, те выстроились напротив Дхритараштровичи».

(32) лат. (Овидий) *Quem vix incolumi cuiquam salvoque daretis, is datus a vobis est mihi nuper honor* 'Мне оказано теперь вами уважение, какое вы едва ли оказали бы [даже] кому-нибудь незапятнанному и благополучному', *букв.* «Которое едва-ли невредимому кому-нибудь и-целому вы-оказали-бы, то́ оказано вами было мне недавно уважение».

⟨ ЧТО ⟩

(33) лат. (Овидий) ...*altera, quas oriens habuit, praelata puellis* 'Другая (Фисба) — лучшая из девушек Востока', *букв.* «Другая, которых Восток имел, предпочтена де́вушкам».

Во всех этих примерах существительное, с которым анафорически связано местоимение «который», стоит справа от него. Такая конструкция, как и конструкция (14)—(15), встречается крайне редко — только в текстах, написанных изощренным литературным языком. Она используется в качестве особой стилистической фигуры, эффект которой определяется именно тем, что здесь нарушается норма обычной речи. Так, например, у Овидия подобная конструкция выступает лишь как частное проявление известной синтаксической особенности его индивидуального поэтического стиля, состоящей в том, что определяемое существительное часто помещается правее всех его определений и всех отсылающих к нему местоимений.

Семитский тип

⟨ M_1 подч., ОН ⟩

(34) араб. ǧā’a lfallāḥu llaδī ’a‘rifuhu ‘Пришел крестьянин, которого я знаю’, *букв.* «Пришел крестьянин такой-что: я-знаю-его»; ср. также (3).

Примеры с безглагольным придаточным:

(35) араб. ǧā’a lfallāḥu llaδī huwa γaniyyun ‘Пришел крестьянин, который богат’, *букв.* «... такой-что: он богатый».

(36) араб. ǧā’a lfallāḥu llaδī ‘alayhi burdun ‘Пришел крестьянин, на котором был плащ’, *букв.* «... такой-что: на-нем плащ».

Пример, где местоимение «он» придаточного предложения «скрыто» в глагольной словоформе:

(37) араб. ǧā’a lfallāḥu llaδī yaskunu fī lwādī ‘Пришел крестьянин, который живет в долине’, *букв.* «... такой-что: он-живет в долине».

Отличие от (3) и (34), где в буквальном переводе значения «их», «его» тоже присоединены к глагольной словоформе, в том, что показатель объекта в арабском языке — единая четко выделяющаяся морфема, та же, которая выступает после предлогов, и сходная с местоимением в независимом употреблении. Между тем показатели субъекта (например, y- в yaskunu) различны в разных частях глагольной парадигмы и вообще не всегда могут быть однозначно выделены.

⟨ M_1 подч., эллипсис — 2 ⟩

(38) араб. ǧaʼa lfallāhu llaδī ʼaʻrifu ‘Пришел крестьянин, которого я знаю’, *букв.* «... такой-что: я-знаю». Отличие от (34) — в отсутствии конечного -hu «его». Эллипсис этого типа возможен лишь там, где C_2 было прямым дополнением. Модель более редкая, чем (34)

Все виды конструкций с ʼallaδī ограничены в арабском языке случаем, когда C_1 определенное, т. е. имеет артикль (ʼa)l-. Если C_1 неопределенное, используется модель (1); см. также пояснения после примера (90).

По-видимому, в тот же тип, что арабское ʼallaδī, попадают рассмотренные Бенвенистом показатели относительности в языках эве и туника (см. указанную статью Бенвениста). Особенность здесь в том, что эти показатели состоят из двух частей, которые обрамляют придаточное относительное.

С формальной точки зрения, такую же структуру, как (38), имеют греческие сложные предложения с так называемой аттракцией. Под аттракцией в греческой грамматике понимается замена «тому, которого»⇒«которому», «теми, которых» ⇒ «которыми» и т. п. (где «который» получает падеж слова «тот»), например:

(39) греч. Sùn hoîs eîkhe stratiṓtais ḗei pròs teîkhos ‘С теми воинами, которых он имел, он пошел к крепостной стене’, *букв.* «С которыми имел воинами пошел к стене» (о порядке слов см. сноску на стр. 65).

Обычной для греческого языка здесь была бы структура Sùn toútois stratiṓtais, hoùs eîkhen, ḗei pròs teîkhos, по образцу (10), или Sùn toútois, hoùs eîkhe, stratiṓtais ḗei pròs teîkhos, по образцу (11). Аттракция встречается обычно при том же условии, что и арабские фразы типа (38), — если глубинное C_2 было прямым дополнением.

Переходные случаи, возникающие в условиях эллипсиса

Некоторые случаи эллипсиса требуют особого разбора, поскольку получаемые структуры оказываются типологически двусмысленными.

Степень допустимости эллипсиса связана по крайней мере со следующими двумя факторами. Прежде всего,

существенно то, какова синтаксическая функция подвергаемого эллипсису слова *С*: благоприятны для эллипсиса функции подлежащего и прямого дополнения*, все остальные — менее благоприятны. Для языков, имеющих падежи, можно говорить просто о падеже слова *С*: *С* в именительном или винительном падеже подвергается эллипсису легче, чем в других падежах.

С другой стороны, для эллипсиса существенно следующее. В результате эллипсиса какого-либо из членов пары C_1—C_2 в получаемом сложном предложении эта пара оказывается представленной каким-то одним элементом. Для эллипсиса благоприятен тот случай, когда этот элемент имеет такое внешнее выражение, которое допускает как синтаксическую функцию (практически — падеж) глубинного C_1, так и синтаксическую функцию (падеж) глубинного C_2**. Случай, когда это не так, для эллипсиса неблагоприятен.

Рассмотрим более подробно эллипсис C_2 в архаическом типе. Возьмем в качестве исходного образца следующее относительное предложение архаического типа (здесь и далее для демонстрации синтаксических структур используется русское просторечие): *Которых имел воинов, тех прислал*. Эта фраза имеет глубинную структуру, максимально благоприятную для эллипсиса: C_1 и C_2 стоят в одном и том же падеже, причем подходящем для эллипсиса (винительном).

Эллипсис C_2 означает здесь снятие слова «тот»: *Которых имел воинов, прислал*. В этой фразе в главном предложении (*прислал*) нет уже ни C_2, ни M_2, т. е. остаются только такие элементы, которые можно переносить по другую сторону придаточного без изменения типологической характеристики относительного предложения (см. § 4). Иначе говоря, здесь возможен вариант: *Прислал, которых имел воинов*. Эквивалентность подоб-

---

* Эллипсис подлежащего находится в несколько особом положении: в тех случаях, когда такой эллипсис является нормой, в описаниях обычно признается не эллипсис, а наличие так называемого «скрытого» местоимения, ср. (37). Поэтому практически среди тех случаев, которые всегда трактуются именно как эллипсис, первое место по частоте занимает эллипсис прямого дополнения, ср. (23), (38), (39), (63)—(65), (67), (68), (73).

** Разумеется, простейший частный случай состоит здесь в том, что C_1 и C_2 стоят в одном и том же падеже; но достаточно и омонимии разных падежей.

ных вариантов наглядно демонстрируется следующим примером, где одно из двух однородных придаточных стоит слева от главного, а другое — справа:

(40) лат. (Овидий) *Sed neque quas posset terris inducere nubes tunc habuit, nec quos caelo demitteret imbres* 'Но оно (верхнее небо) тогда не имело ни туч, которые он (Зевс) мог бы навести на землю, ни дождей, которые он пролил бы с неба', *букв.* «Но ни которые мог-бы на-земли навести тучи тогда [не] имело, ни которые с-неба ниспослал-бы дожди».

Отсюда следует, однако, что фразу *Которых имел воинов, прислал* (=*Прислал, которых имел воинов*), равно как и пример (40), вообще говоря, можно рассматривать не только как относительные предложения архаического типа, полученные преобразованиями «M_1 подч.» и «эллипсис—2», но и как аномальные относительные предложения классического типа, полученные преобразованиями «эллипсис—1» и КАКОВОЙ, — иначе говоря, как отличающиеся от примеров (14), (15) только отсутствием слова «тот».

Далее, в данной фразе (в обоих ее вариантах) слово *воинов* может рассматриватьсв не только как дополнение к *имел*, но и как дополнение к *прислал*. В последнем случае запятые будут расставлены иначе: *Которых имел, воинов прислал* (=*Прислал, которых имел, воинов*). Изменится и типологическая характеристика фразы: это будет аномальная модель архаического типа (33), полученная преобразованием ЧТО; впрочем, она отличается от допустимой модели классического типа (11) только отсутствием слова «тот». Так же двусмысленны синтаксические связи, например, слов *имущество* и *утварь* во фразах: *Которое оставалось имущество растащили*, *Которая оставалась утварь растащили*, — хотя здесь этим словам при различных интерпретациях должны быть приписаны разные падежи.

Замечание. В подобных случаях слово, представляющее глубинные C_1 и C_2 (*воинов, имущество, утварь*) оказывается, таким образом, как бы одновременно подчиненным двум разным глаголам. При этом в примерах типа последних двух такое слово (*имущество, утварь*) как бы одновременно выступает и в одном и в другом из внешне совпадающих в нем падежей. Эффекты такого рода следует расценивать как важное свидетельство против слишком механического взгляда на сущность падежной омонимии.

Однозначность или неоднозначность синтаксических связей слова типа *воинов* отчасти зависит также от порядка слов. Здесь возможны следующие варианты (ради краткости мы уже более не отмечаем возможных перемещений слова *прислал*):

а) *Которых имел воинов прислал* (*воинов* может быть дополнением как к *имел*, так и к *прислал*);

б) *Которых воинов имел, прислал* (*воинов* однозначно относится к *имел*);

в) *Которых имел, прислал воинов* (*воинов* однозначно относится к *прислал*).

Случай «а» представлен, в частности, примером (40), «б» — примерами (23) — (25). Пример для случая «в»:

(41) лат. (Овидий) *Nec, quae praeteriit, umquam revocabitur unda* 'И никогда не возвратится волна, которая прошла', *букв.* «Ни, которая прошла, когда-либо возвратится волна».

Возьмем теперь в качестве исходной фразы архаического типа такую, где глубинные C_1 и C_2 внешне различны, например: *Которых имел воинов, те погибли.* В таких фразах, как уже отмечено выше, эллипсис затруднен. Случай «а» (с неоднозначной синтаксической связью оставшегося *С*) здесь невозможен. Пример случая «б»:

(42) лат. (Овидий) ... *incustoditae diripiuntur opes ... et quas divitias incola pauper habet* 'Подвергается разграблению неохраняемое имущество и те [жалкие] богатства, которые имеет бедный земледелец' (синтаксическая структура типа: *Погибли, которых воинов имел*).

Случай «в» (т. е. такой, где слово *С* переходит в главное предложение) требует здесь, в отличие от (41), изменения падежа у *С*. Здесь имеются две возможности:

в′) *Которых имел, воины погибли* (или *Которых имел, погибли воины*). Таков пример (33).

в″) *Которые имел воины погибли* (или *Которые воины имел погибли*). Это не что иное как аттракция; см. пример (39).

Таким образом, двусмысленные с типологической точки зрения структуры, создаваемые эллипсисом, составляют как бы переходные звенья между структурами разных типов.

Отсутствие подчинения

⟨ ОН ⟩

(43) *Убежал осёл, мы его любили.*

⟨ ЭТОТ ⟩

(44) *Убежал осёл, этого осла мы любили.*

⟨ ОН, соч. союз ⟩

(45) *Убежал осёл, а мы его любили.*

⟨ ЭТОТ, соч. союз ⟩

(46) *Убежал осёл, а мы этого осла любили.*

Фразы такой структуры — бессоюзные или сложносочиненные.

⟨ эллипсис—2 ⟩

(47) *Есть речи — значенье темно иль ничтожно...*

Фразы, построенные по этой модели, широко представлены в русском просторечии и в говорах, например: *А там живет старик, зовут Федотом.* Многочисленные примеры такого рода известны также из истории русского и других языков. Эта модель в общем случае дает бессоюзное предложение, которое воспринимается как эллиптическое; но в языках с фиксированным порядком слов она может быть использована для формирования сложноподчиненных предложений; см. примеры (91), (92) в § 8.

§ 7. ПРИМЕРЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ БЕССУБСТАНТИВНОГО КЛАССА

Для относительных предложений бессубстантивного класса обязательными являются преобразования, устраняющие C_1 (I.2 или I.3) и C_2 (II.2 или II.3). Следует учитывать, однако, что несмотря на внешнее сходство, замены существительных на субстантивные местоимения (т. е. преобразования I.2 и II.2) в основном и в бессубстантивном классе по существу весьма различны. В основном классе заменяющее местоимение указывает на соответствующий объект путем отсылки к прямому его упоминанию в другом предложении (ср., например, *который* как замену слова *осёл*), а в бессубстантивном классе местоимение само включает в себя значение соответствующего имени (ср., например, *что* как замену слова *предмет: что* есть просто синоним сочетаний *какой предмет, каковой предмет*). Именно поэтому становит-

ся возможной основная особенность бессубстантивного класса — устранение *С* в обоих предложениях.

Замечание. По этой причине не являются аномальными, в отличие от (31), (32), фразы основного класса вроде следующей (русский язык XVII века): *А кто не похочетъ в тяглѣ быти, и тѣмъ людемъ лавки свои продать государевымъ тяглымъ людемъ* 'А кто не захочет быть в тягле, те должны продать свои лавки государевым тяглым людям'.

В бессубстантивном классе выделяются те же три основных типа, но здесь внешние различия между типами менее значительны из-за отсутствия C_1. В частности, фразы классического и архаического типа внешне различаются только порядком частей, ср., например, (48) и (53). Максимальная нейтрализация типов наступает здесь в случае эллипсиса (в связи с чем примеры бессубстантивных предложений с эллипсисом даны ниже отдельно; см. пояснения при этих примерах).

Иным здесь оказывается также распределение структур разных типов по языкам. Наиболее заметную особенность составляет то, что в бессубстантивном классе широко представлены предложения архаического типа: они возможны даже в таких языках, где в основном классе представлен только классический тип (например, в литературном русском) или только семитский (например, в арабском).

Относительные предложения бессубстантивного класса смыкаются со сложноподчиненными других типов (с придаточными дополнительными, субъектными, обстоятельственными); это в особенности справедливо для предложений с эллипсисом. Нас интересуют, однако, именно те аспекты относительных предложений бессубстантивного класса, в которых проявляется их внутренняя связь с основным классом относительных предложений; особенности, которые дают основание выделить их в отдельные типы сложных предложений, здесь не рассматриваются.

Бессубстантивные предложения без эллипсиса

Классический тип

⟨ ТО, КОТОРЫЙ ⟩

(48) *Хорошо смеется тот, кто смеется последним.*

(49) *Скажите ему что-нибудь, что может его утешить.*

(50) лат. *Mercatores ea, quae ad effeminandos animos pertinent, important* ‘Купцы привозят то, что способствует изнеживанию духа’.

(51) др.-инд. Indrāya sa praṇamate, namate yo baliyaṣe ‘Поклоняется Индре тот, кто поклоняется сильнейшему’.

(52) франц. *Prends ce qui te plaira.*

В 1-ом предложении могут выступать самые различные местоимения; например, возможны пары местоимений: *те, кто; некто, кто; кто-либо, кто; все, кто; всякий, кто; нечто, что; всё, что* и т. д.

Архаический тип

⟨ ЧТО, ОН, инверсия подчинения ⟩

(53) *Кто ищет, тот найдет.*

(54) *Чему быть, того не миновать.*

(55) лат. *Cuius regio, eius religio* ‘Чья страна, того и вера’.

(56) др.-инд. (Ригведа) yó dyā́m ástabhnāt, sá janāsa Ìndrah ‘Именно Индра, о люди, укрепил небо’, *букв.* «Кто небо укрепил, он, люди,— Индра».

(57) араб. famā taf‘alū min χayrin, ya‘lamhu llāhu ‘А что вы сделаете хорошего, тó пусть знает бог’.

⟨ ЧТО, ОН, соч. союз, инверсия подчинения ⟩

(58) др.-русск. *а кто речеть судъ, а тому судъ* ‘А кто потребует суда, тому [дать] суд’.

(59) др.-русск. *а что с нимъ погыбло, а того ему жел ѣти* ‘А что с ним пропало, о том ему [остается лишь] сожалеть’.

(60) араб. famani ‘tadā ‘alaykum, fa‘tadū ‘alayhi ‘А кто нападает на вас, и вы на того нападайте’, *букв.* «А-кто нападает на-вас, а-нападайте на-него».

Семитский тип

⟨ ЧТО, ОН ⟩

(61) араб. ǧā’a llaδāni ‘allamtahumā ‘Пришли те двое, которых ты обучал’, *букв.* «Пришли два-такие-что: ты-обучал-их».

(62) араб. lā yanṭiqu man fī famihi mā'un 'Не может говорить тот, у кого во рту вода', *букв.* «Не говорит»+man («кто», но в данной конструкции «тот, что»)+«во рту-его вода».

Бессубстантивные предложения с эллипсисом

Нормальным здесь является случай, когда субстантивное местоимение, представляющее в поверхностной структуре глубинные C_1 и C_2, допускает как синтаксическую функцию (падеж) глубинного C_1, так и синтаксическую функцию (падеж) глубинного C_2; ср. выше, § 6. Примеры, где это не так, ниже отмечены особо.

В отличие от других групп относительных предложений, для данной группы распределение по типам носит в значительной степени условный характер: большинство фраз, вообще говоря, можно было бы получить из глубинной структуры и другими наборами преобразований; см. об этом ниже.

Классический тип

⟨ эллипсис—1, КОТОРЫЙ ⟩

(63) *Бери, что понравится.*

(64) лат. *Age, quod agis* 'Делай то, что делаешь'.

(65) франц. *Tu peux inviter qui tu voudras.*

(66) англ. *Think about what you are doing.*

За пределами нормального случая эллипсис в классическом типе, как правило, дает нелитературные фразы, например: *Я сделал, о чем вы просили.*

Архаический тип

⟨ ЧТО, эллипсис—2, инверсия подчинения ⟩

(67) *Что понравится, бери.*

(68) лат. *Quos vult perdere, dementat* 'Кого хочет погубить, лишает разума'.

(69) франц. *Qui vivra verra.*

(70) англ. *Whoever does it will be punished.*

Эллипсис за пределами нормального случая в архаическом типе несколько более приемлем, чем в классическом, ср.: *О чем вы просили, я сделал.* Ср. также литературный пример:

(71) лат. (Овидий) *Dumque rogat, pro qua rogat, occidit* 'Но пока она (Ниоба) просит, [та,] за которую просит, погибает'.

Семитский тип

⟨ ЧТО, эллипсис—2 ⟩

(72) араб. 'amara bimā qālat 'Он приказал [сделать] то, что она сказала', *букв.* «Он-распорядился о (bi-)»+mā [«что», но в данной конструкции «то, что», ср. (62)]+«она-сказала».

Пример эллипсиса за пределами нормального случая в семитском типе составляет аттракция [ср. (39)]:

(73) греч. Sùn hoîs eîkhen ḗei pròs teîkhos 'С теми, кого имел, пошел к крепостной стене', *букв.* «С которыми имел пошел к стене»*.

В приведенных здесь примерах (кроме тех, где эллипсис выступает за пределами нормального случая) в действительности происходит нейтрализация всех трех основных типов относительного предложения. В самом деле, разница, например, между (63) и (67) сводится к переносу слова *бери*, который для типологической характеристики относительного предложения несуществен. С другой стороны, разница, например, между (66) и (72) теоретически должна состоять в том, что *what* входит в придаточное предложение (т. е. подчинено слову *doing*), а *mā* — в главное (т. е. подчинено предлогу *bi-*). Однако, как уже отмечено в § 6, в действительности в подобных фразах у слова, представляющего глубинные C_1 и C_2 (здесь *what*, *mā*), синтаксическая связь устанавливается неоднозначно: такое слово как бы одновременно подчинено двум разным словам (соответственно из главного и из придаточного предложений). Это значит, что интерпретация (66) как структуры классического типа, а (72) — как структуры семитского типа основана в сущности не на анализе самих этих фраз, а лишь на том, какой тип вообще является характерным для соответствующего языка.

* Ср. пример аттракции в русском: ... *хозяин дома, лишившийся употребления ног на службе верою и правдою и награжденный за то всем, чем выше упомянуто было* (Достоевский, «Двойник»),

§ 8. ЗАМЕЧАНИЯ О СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРИДАТОЧНЫМ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМ, НЕ СОДЕРЖАЩИХ СОЮЗНОГО СЛОВА

В настоящей статье мы не имеем возможности рассмотреть этот класс сложноподчиненных предложений достаточно подробно и ограничимся лишь некоторыми наблюдениями.

В сложноподчиненных предложениях этого класса *С*, входящее в главное предложение, всегда сохраняется, а *С*, входящее в придаточное, всегда устраняется*. Таким образом, синтаксическая связь устанавливается между элементом *С* главного предложения и всем придаточным предложением. Для установления этой связи могут служить (помимо интонации и других просодических явлений) следующие средства:

1) неизменяемое служебное слово (союз или частица);

2) постановка какого-либо члена придаточного или главного предложения в особую грамматическую форму;

3) порядок слов (это средство обычно выступает как сопутствующее, но при отсутствии обоих предыдущих средств может оказаться и единственным показателем подчинения).

Устранение *С* в придаточном предложении создает две возможности: а) либо это *С* заменяется синтаксически нейтральным** субстантивным местоимением (типа «он»); б) либо *С* устраняется без какой-либо замены. В предложениях рассматриваемого класса операция «б» часто приобретает особое значение: отсутствие *С*

* Это правило само по себе представляется довольно естественным: любые сокращения в подчиненном члене с синтаксической точки зрения проще, чем в подчиняющем (поскольку они требуют меньшей перестройки синтаксической структуры). Но, с другой стороны, оно расходится с правилом о сохранении C_1 и устранении C_2, которое действует в относительных предложениях. Это расхождение хорошо согласуется, однако, с высказанным выше (§5) предположением о том, что данная особенность относительных предложений вытекает из общих свойств местоимений. В самом деле, рассмотренные здесь сложные предложения отличаются от относительных как раз тем, что подчинение обеспечивается в них не местоимениями, а другими средствами; поэтому нет оснований ожидать, что здесь будут соблюдаться закономерности, вытекающие из свойств местоимений.

** Если *С* заменяется подчинительным местоимением, то получается обычное относительное предложение.

представляет собой уже не эллипсис, как в относительных предложениях, а необходимый признак правильной подчинительной структуры. В относительных предложениях можно восстановить такую эллиптическую структуру до полной; в значительной части определительных предложений данного класса соответствующее место не может быть заполнено без разрушения подчинительной структуры; таким образом, «незаполненная валентность» у сказуемого (или другого члена) придаточного предложения является здесь одним из средств, обеспечивающих подчинение; ср. примеры (86), (87), (91), (92).

В некоторых сложных предложениях данного класса при *С* главного предложения может выступать синтаксически нейтральное адъективное местоимение (типа «тот») — как в относительных предложениях классического типа.

В отличие от придаточных относительных, определительные придаточные других классов обычно не имеют специфической, свойственной только им, структуры. Как правило, они совпадают по структуре либо с придаточными других типов, либо с простыми определениями, выраженными именем.

Подчинение, выраженное неизменяемым служебным словом

Если определительное придаточное вводится с помощью неизменяемого служебного слова (союза или частицы), то это слово — как правило, то же, которое вводит так называемое придаточное изъяснительное (например, *Я знаю, что он болен*); довольно часто такое слово способно вводить и многие другие виды придаточных, т. е. выступает как своего рода универсальный показатель подчинения. Примером такого многофункционального показателя может служить таджикское *ки* (переданное ниже в буквальном переводе как «что»).

(74) тадж. *Китобе, ки онро ман хондам, хуб аст.* 'Книга, которую я прочел, хороша', *букв.* «Книга, что ее я прочел, хорошая есть». Здесь *С* придаточного предложения (т. е. C_2) заменено синтаксически нейтральным местоимением *онро*. Возможен также вариант (с тем же значением), где C_2 просто отсутствует:

(75) *Китобе, ки ман хондам, хуб аст.*

Заметим, что русские фразы типа *Он высказал мнение, что нужна операция, Этот материал обладает тем свойством, что его не нужно гладить* не аналогичны таджикским: здесь придаточное имеет изъяснительный, а не определительный характер. На фразу (75) очень похожи по структуре фразы (7)—(9); иная типологическая трактовка фраз (7)—(9) определяется прежде всего тем, что в русском невозможна модель (74), т. е. фразы типа **Вот дома́, что их недавно построили*; см. также пояснения после примера (9). Трактовка *что* как союза, по-видимому, возможна только в таких неправильных с точки зрения литературного русского языка фразах, как *Где эта улица, где этот дом, где эта девушка, что я влюблен?*

Среди многофункциональных показателей типа тадж. *ки* выделяются показатели, у которых функция введения придаточных определительных выступает как основная, а прочие функции — как второстепенные. Таково, например, др.-евр. 'ăšer:

(76) др.-евр. 'ăšaḥēϑ kol-bāśār 'ăšer bō rūaḥ ḥayyīm 'Истреблю всякую плоть, в которой есть дух жизни', *букв.* «Истреблю всякую-плоть» + 'ăšer + «в-ней дух жизни». Здесь C_2 заменено синтаксически нейтральным местоимением -ō (b-ō «в ней»).

(77) др.-евр. wayyāśem šām 'eϑ-hā'āδām 'ăšer yāṣār 'И он поместил там человека, которого создал', *букв.* «И-он-поместил там человека» + 'ăšer + «он создал». Здесь C_2 просто отсутствует.

Показатель 'ăšer может вводить придаточные изъяснительные, обстоятельственные и др., но чаще для этого употребляются другие служебные слова (например, kī «что» и др.); таким образом, специфическая (и самая частая) функция 'ăšer состоит именно во введении придаточных определительных. В этой своей функции 'ăšer вполне сходно с араб. 'allaδī, с тем отличием, однако, что 'ăšer неизменяемо: ср., например, (76) и (36), (77) и (38). Типологическое сходство 'ăšer с 'allaδī и другими подчинительными местоимениями семитского типа особенно ясно выступает в бессубстантивном типе, где 'ăšer ведет себя как местоимение (причем являющееся членом главного предложения). Примеры:

(78) др.-евр. kī mī yūχal ləϑaqqēn ’eϑ ’ăšer ‘iwwəϑō ‘Ибо кто может выпрямить то, что он искривил’, *букв.* «Ибо кто может выпрямить»+’eϑ (предлог, вводящий прямое дополнение)+’ăšer+«он-искривил-его». Ср. (61), (62).

(79) др.-евр. wayyōmer la’ăšer ‘al-beϑō ‘И он сказал тому, кто был над домом его (т. е. своему домоправителю)’, *букв.* «И-он-сказал»+la- (=англ. to)+ +’ăšer+«над-домом-его». Ср. (72).

Таким образом, сложные предложения со специальным неизменяемым показателем определительной связи типа ’ăšer образуют как бы переходную группу между относительными предложениями (семитского типа) и предложениями с универсальным подчинительным союзом типа тадж. *ки*; соответственно, сам такой показатель представляет собой промежуточное явление между союзным словом и союзом.

В некоторых языках показатель типа ’ăšer стоит не между главным и придаточным предложениями, а в конце придаточного предложения; по-видимому, таковы показатели определительной связи, например в шумерском и в навахо; см. указанную статью Бенвениста.

Подчинительный союз, используемый для введения определительных предложений, может вступать во взаимодействие с синтаксически нейтральными местоимениями главного или придаточного предложения. В качестве примера здесь можно взять древнеисландский язык. В этом языке придаточные определительные вводятся многофункциональным подчинительным союзом *er* (в наиболее древних текстах *es*) — обычно по модели (75), реже (74). Пример:

(80) др.-исл. *Egill átti son, er Gunnarr hét* ‘У Эгиля был сын, которого звали Гуннар’, *букв.* «Эгиль имел сына, что Гуннар звался».

Элемент *С* главного предложения может сопровождаться здесь указательным местоимением *sá* «тот». Это местоимение может ставиться перед *С*, но чаще всего оно стоит перед *er* (*es*), например:

(81) др.-исл. *á ísi vatns, þess er Vænir heitir* ‘на льду озера, которое называется Венерн’, *букв.* «на льду озера того (*þess*, родит. падеж) что Венерн называется»,

(82) др.-исл. ***konung***, ***θann er undir honum eru skattkonungar*** 'короля, которому подчинены короли-данники', *букв.* «короля того (*θann*, винит. падеж) что под ним есть короли-данники».

В таких случаях формы местоимения *sá* с ритмико-интонационной точки зрения примыкают к *er*, а не к предшествующему существительному (ср. постановку запятой); сочетание *sá es* даже сливается в *sás*. Очевидно, что если бы такое сращение осуществилось полностью, получилось бы союзное слово, в точности эквивалентное арабскому 'allaδī, т. е. сложное предложение было бы относительным предложением семитского типа. Таким образом, данная древнеисландская конструкция позволяет проследить один из возможных путей развития относительных предложений из предложений с подчинительным союзом.

Возможен и другой вариант подобного развития: объединение подчинительного союза (или частицы) с синтаксически нейтральным местоимением, входящим в придаточное, а не в главное предложение. Такое объединение произошло, например, в готском: местоимение *sa* 'тот, он' (ср. др.-исл. *sá*), заменяющее *C* придаточного предложения, объединилось с подчинительным союзом *ei* 'что, чтобы' (который в этом случае стоит не в начале придаточного, а после *sa*). Пример:

(83) гот. *wodan þana saei habaida laigaion* 'бесновавшегося который имел легион [бесов]' *букв.* «бесновавшегося того что-он (*sa* «он», *ei* «что») имел легион».

Понятно, что в результате такого слияния получается союзное слово типа *который* (именно так и переводят готское *saei*), а само сложное предложение превращается в относительное предложение классического типа. Сходное развитие можно предполагать для старославянского *иже* «который», состоящего из указательного **и* и частицы *же* (с тем отличием, однако, что *же* представляет собой не подчинительный, а противительный элемент).

Во многих языках, для которых конструкция (82) нехарактерна, она все же возможна в том частном случае, когда при *C* главного предложения стоит местоимение со значением «такой». Ср., например, в русском:

(84) *Это такой человек, что с ним можно говорить откровенно.*

Эта особенность слова *такой* объясняется тем, что оно равнозначно сочетанию *имеющий то свойство*, а слово *свойство* допускает придаточное изъяснительное (ср. выше). Таким образом, в сущности, мы имеем здесь дело не с придаточным определительным к слову *человек*, а с придаточным изъяснительным к слову *такой*. В математическом языке имеется, однако, тенденция превратить сочетание *такой что* в аналог арабского 'allaδī и вводить с его помощью собственно определительные придаточные, например:

(85) *Построим треугольник, такой что радиус вписанной в него окружности равен* а (обратить внимание на место слова *такой* и на постановку запятой).

Подчинение, выраженное особыми грамматическими формами

Особые грамматические формы, служащие для синтаксического оформления придаточного определительного, практически возможны, по-видимому, только у сказуемого придаточного предложения и (реже) у элемента *С* главного предложения. Так, сказуемое придаточного предложения в ряде языков ставится в особом наклонении. Сходный по существу прием используется при построении определительной конструкции в тюркских языках: глагол ставится здесь в форме так называемого причастия, различающей времена, но не различающей лиц и залогов (ниже эта форма в буквальном переводе условно передана деепричастием). Заметим, что сама эта определительная конструкция обычно не рассматривается в грамматиках тюркских языков как придаточное предложение (из-за ее прямого сходства с простым определением). Примеры:

(86) татар. *сез очраткан кеше* 'человек, которого вы встретили', *букв.* «вы встретивши человек»;

(87) татар. *сезне очраткан кеше* 'человек, который вас встретил', *букв.* «вас встретивши человек».

Существенным элементом структуры здесь является «незаполненная валентность»: в *сез очраткан* не хватает прямого дополнения, в *сезне очраткан* — подлежащего;

отсюда явствует, какую роль должно играть при глаголе «встретить» слово «человек».

В аккадском языке наряду с относительными предложениями (семитского типа) возможны также сложные предложения с придаточным определительным, в которых средством подчинения служит постановка элемента *C* главного предложения в так. наз. status constructus, т. е. в ту форму, которую в семитских языках принимает подчиняющий член сочетаний типа «дом отца».

(88) аккад. bīt 'ipušu 'imqut-ma 'Дом, который он построил, рухнул', *букв.* «Дом (bīt — status constructus от bītum, ср. bīt 'abīja 'дом моего отца') он-построил он-рухнул».

Заметим, что эта аккадская модель в сущности близка к арабским, например, к (38); C_1 в status constructus функционально эквивалентно сочетанию C_1+'allaδī: и то и другое показывает, что последующая синтаксическая единица определяет C_1, а без такого определения ни то, ни другое существовать не может. Различие здесь в основном в технике внешнего выражения: 'allaδī прибавляется к C_1, a status constructus есть в сущности результат вычитания из C_1 некоторой морфемы.

Подчинение, выраженное порядком слов

В ряде языков личная форма глагола, поставленная не на то место, которое закреплено за сказуемым, а на то, где нормально стоит определяющее имя (например, прилагательное), получает функцию определения, например: араб. fallāhun yanāmu 'спящий крестьянин' (подобно fallāhum γaniyyun 'богатый крестьянин'), ср. предикативную синтагму yanāmu fallāhun 'крестьянин спит'; см. также пример (1) в § 2. То же (но с противоположным порядком слов) в японском: *хон-о ёму хито* 'читающий (*ёму*) книгу (*хон-о*) человек (*хито*)', ср. *хито-ва хон-о ёму* 'человек читает книгу'.

В тех случаях, когда глагольная форма способна функционировать как самостоятельное предложение, комплекс данного типа может оказаться внешне неотличимым от последовательности двух самостоятельных предложений; таков пример (1). Ср. также:

(89) араб. hāδā kitābun 'anzalnāhu 'Это книга, которую мы ниспослали' или 'Это книга. Мы ее ниспослали'. Здесь синтаксическая роль, которую должно играть слово «книга» при 'anzalnā «мы-ниспослали», показана синтаксически нейтральным местоимением -hu;

(90) др.-евр. wəzārah haššæmeš ūβā haššāmeš wə'el məqōmō šō'ēφ zōreah hū šām 'И восходит солнце, и заходит солнце, и к месту своему спешит, где оно восходит', *букв.* «. . . и-к месту-своему спешит, восходит оно там». Здесь в аналогичной функции выступает šām «там».

В арабском языке определения, выраженные личными формами глагола, аналогичны обычным определениям даже в том, что они отражают определенность или неопределенность соответствующего существительного: примеры (1) и (89) аналогичны сочетанию fallāhun γaniyyun 'a rich peasant', а пример (37) и прочие с 'alladī — сочетанию 'alfallāhu lγaniyyu 'the rich peasant'.

Другой вариант подчинения, достигаемого порядком слов, представлен, например, в английском:

(91) англ. *Here is the boy you met*;

(92) англ. *Here is the boy you spoke about.*

Здесь существенным моментом является «незаполненная валентность» в придаточном: *you met* и *you spoke about* не могут пониматься как независимые простые предложения, поскольку в них не хватает дополнения.

§ 9. ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕНИЙ В ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Проведенный анализ позволяет выделить ряд стандартных функций, выполняемых местоимениями в структуре относительного предложения. Для двух языков, строящих такие предложения по одинаковой модели, эти функции с той степенью огрубления, которая, по-видимому, допустима в типологии, можно считать одинаковыми. Например, *который* в *Вот книга, которую я принес* и лат. *qui* в *Ecce liber, quem attuli* выполняют с типологической точки зрения одну и ту же функцию, а именно, функцию субстантивного подчинительного M_2 в структуре классического типа.

Таблица подчинительных функций*

	в классическом типе	в архаическом типе	в семитском типе
основной класс	M_2(a) (редкая функция) M_2(c)	M_1(a) —	M_1(a) —
бессубстантивный класс	M_2(c′)	M_1(c′)	M_1(c′)

* Обозначения в скобках: *a*—адъективное, *c* и *c′*—субстантивное (*c* в основном классе относительных предложений, *c′*—в бессубстантивном).

Приведем примеры местоимений, выполняющих подчинительные функции, из нескольких языков (перечни местоимений, разумеется, не претендуют на полноту). В число примеров включены также некоторые словосочетания, эквивалентные подчинительным местоимениям.

Классический тип

	M_2 (a) (редко)	M_2 (c)	M_2 (c′)
русский	*каковой*	*который, каковой, что*	*кто, что*
латынь	*qui* (сред. *quod*)	*qui* (сред. *quod*)	*quis, quid* (или *quod*)
греч.	hós	hós	hós, hó
гот.	—	*saei*	*saei, θatei*
ст.-слав.	*иже*	*иже*	*иже, еже*
др.-перс.	—	hya	hya, tya
франц.	*lequel*	*qui, que, lequel*	*qui, que*
англ.	*which*	*who, which, that*	*who, what*
нем.	*welcher*	*der, welcher*	*der, was*
венг.	—	*amely, aki, ami*	*aki, ami*

Архаический тип

	M_1 (a)	M_1 (c′)
русское просторечие	*который*	*кто, что*
др.-русск.	*чьто, которыи; къто* (редко)	*къто, чьто*
хетт.	kuiš	kuiš, kuit
др.-инд.	yas	yas, yad
хиндустани	jo	jo

Семитский тип

	M_1 (a)	M_1 (c′)
араб.	ʼallaδī	man, mā, ʼallaδī
аккад.	šu̦ (ša)	mannum, mīnum, šu (ša)
др.-исл. (см. § 8)	*sá er*	*sá er, θat er*
русские математические тексты (см. § 8)	*такой что*	—

Языки, допускающие два или три типа относительных предложений, указаны в том типе, который у них преобладает. Во всех таких языках сами местоимения, используемые в относительных предложениях (как подчинительные, так и синтаксически нейтральные), при переходе от одного типа к другому не меняются. Например, в греческом M_1 (а) архаического и семитского типов — hós.

Привлекает внимание представленное во многих языках различие между местоимениями, выполняющими функции M(c) и M(c′) в классическом типе. Это различие, например, между *Пришли гости, которых я ждал* и *Пришли те, кого я ждал*. **Пришли гости, кого я ждал* вообще невозможно; *Пришли те, которых я ждал* в принципе возможно, но лишь в качестве фразы с опущенным существительным (которое восстанавливается из предшествующего текста или из ситуации); ср. еще *Возьми то, которое я принес* (подразумевается, например: *ведро*) и *Возьми то, что я принес*. Впрочем, правила выбора между местоимениями типа *кто, что* и типа *который* не в точности одинаковы в разных языках; ср., например, (64), где выступает *quod* («которое»), а не *quid* («что»).

Таблица нейтральных функций

	в классическом типе	в архаическом типе	в семитском типе
основной класс	M_1 (a) —	M_2 (a) (редкая функция) M_2 (c)	M_2 (a) (редкая функция) M_2 (c)
бессубстантивный класс	M_1 (c′)	M_2 (c′)	M_2 (c′)

Ограничимся лишь основными примерами. Функции M_1(a) и M_1(c′) в классическом типе: русск. *тот* (*то*); лат. *is* (*id*), *ille* (*illud*) и др.; др.-инд. sa (tad); ст.-слав. *тъ* (*то*). Функции M_2(c, c′) в архаическом типе: др.-русск. *тъ*, *то*; др.-инд. sa, tad. Функции M_2(c, c′) в семитском типе: араб. ḥuwa.

Рассмотрим теперь, как совмещаются выделенные выше функции с другими возможными функциями местоимений. Для подчинительных местоимений, как показал Бенвенист, обычной сопутствующей функцией является функция присоединения простого определения (т. е. роль «связующего артикля»), например, в др.-перс. Gaumāta ḥya maguš 'Гаумата-маг' и т. п.; ср. также приведенные выше примеры безглагольных придаточных: (8), (20), (22), (27), (29). Эта функция, однако, очень близка к рассматриваемой нами подчинительной функции, поскольку в обоих случаях речь идет об определительных конструкциях. Следует рассмотреть также более отдаленные функции, не связанные с определительными конструкциями. С этой точки зрения можно разделить подчинительные местоимения на следующие группы.

Прежде всего, многие из таких местоимений совмещают подчинительную функцию с вопросительной. Таковы, например, все подчинительные местоимения в русском, древнерусском, латыни, хеттском, французском; сюда же относятся все английские подчинительные местоимения, кроме *that*, все немецкие, кроме *der*, арабские man, mā и многие другие. Таким образом, этот вид соединения функций встречается при всех трех основных типах относительных предложений. Как правило, такие местоимения способны (по крайней мере, в некоторых контекстах, например, в условных предложениях, при косвенных модальностях и т. п.) выступать также в роли неопределенных; ср. русск. *Как бы чего не вышло, А если кто спросит* ... и т. п.

Другая часть местоимений совмещает подчинительную функцию с указательной. Таковы, например, нем. *der*, англ. *that*. У Гомера местоимения с основами ho- и to- не распределены по функциям: и те и другие могут выступать как в относительной, так и в указательной функции.

Наконец, имеются подчинительные местоимения, у

которых нет (с синхронической точки зрения) никаких параллельных функций за пределами определительных конструкций. Из простых (по морфологической структуре) местоимений в эту группу попадают лишь очень немногие, например, др.-инд. yas, греч. hós (в классическом языке). Большинство местоимений этой группы — с морфологической точки зрения составные. Часто встречается комбинация «указательное местоимение (или артикль)+вопросительное местоимение», например: итал. *il quale*, франц. *lequel*, венг. *aki*, *ami* и т. д. (ср. *ki* 'кто?', *mi* 'что?' и *a*, *az* — определенный артикль); ср. также др.-инд. сочетания sa yas, asau yas, выступающие как усиленные формы yas. Другая частая комбинация — «указательное местоимение+частица или союз», например: гот. *saei*, др.-исл. *sá er*, ст.-слав. *иже* и т. д. (ср. выше, § 8).

Что касается местоимений, выступающих в относительных предложениях в нейтральных функциях, то они, как правило, имеют также дейктическую функцию. При этом для классического и архаического типов характерно использование указательных местоимений, для семитского типа — личных.

Отмеченные здесь совмещения функций носят синхронический характер. Однако для типологии, вопреки тому, что может показаться на первый взгляд, представляют интерес и некоторые элементы диахронического анализа; ср., например, проведенный Бенвенистом (в указанной статье) анализ функций *qui* в древнелатинском. Как известно, синхронический анализ нелегко полностью отграничить от диахронического (в особенности от внутренней реконструкции); наличие же у некоторого элемента в прошлом иной функции, как правило, отражается в синхронии в виде реликтовых побочных функций.

С помощью подобного диахронического анализа нередко удается выявить совмещения функций, типологически закономерные, но не обнаруженные при первоначальном синхроническом исследовании.

В частности, в отношении подчинительных местоимений такой анализ показывает, что они практически всегда связаны по функции с указательными или вопросительно-неопределенными местоимениями. Так, арабское 'allaδī с исторической точки зрения составлено из двух

указательных элементов. Как показал Бенвенист, не является первоначальным также относительное значение др.-инд. yas (греч. hós). Др.-перс. hya 'который' исторически тождественно др.-инд. сочетанию sa yas (см. выше).

Учет более простых (и поэтому, по всей вероятности, первичных) функций подчинительных местоимений позволяет охарактеризовать основные типы относительных предложений следующим образом.

В архаическом типе в подчинительной функции обычно используется вопросительно-неопределенное местоимение (вопрос о первоначальном значении индоиранского yas остается не вполне ясным). В качестве синтаксически нейтральных используются указательные или (реже) личные местоимения. Соответственно, предположительная первоначальная схема выглядит здесь примерно так: *А какой-нибудь человек провинился. А тот* (*он*) *должен быть наказан* (ср. уже отмеченную близость архаического типа к условным предложениям и его совместимость с сочинительными союзами).

В семитском типе в подчинительной функции выступает элемент с первоначальным указательным значением*. В качестве синтаксически нейтральных используются личные местоимения. Предположительная первоначальная схема здесь такова: *Поймали того* (или *the*) *человека. Он украл корову.*

Классический тип, по-видимому, с исторической точки зрения неоднороден. В тех случаях, где в подчинительной функции использовано вопросительно-неопределенное местоимение (например, в латыни, в русском), классический тип обычно является результатом трансформации имевшегося ранее архаического типа. Там, где в подчинительной функции использовано указательное местоимение (например, нем. *der*), классический тип, по-видимому, сложился самостоятельно. Предположительная первоначальная схема здесь такова: *Поймали человека* (определенность или неопределенность не фиксирована). *Тот украл корову.*

Предложенные схемы относятся к случаю, когда первоначальная структура не имела подчинительного сою-

* Бессубстантивные структуры типа (62), содержащие вопросительное местоимение, по-видимому, вторичны, а именно, они возникли из архаических структур типа (57).

за (частицы); о путях формирования относительных предложений из предложений с подчинительным союзом см. выше, § 8.

В заключение заметим следующее. Как убедительно показал (в указанной статье) Бенвенист, относительное предложение синтаксически эквивалентно прилагательному: «относительное предложение, каким бы способом оно ни прикреплялось к антецеденту (при помощи местоимения, частицы и т. д.), ведет себя как определенное «синтаксическое прилагательное», а относительное местоимение играет роль определительного «синтаксического артикля»*. Не вполне очевидно, однако, должна ли эта эквивалентность истолковываться в том смысле, что относительное предложение есть результат «синтаксического усложнения» прилагательного. Трактовка прилагательного как единицы более простой, чем предикативная синтагма (которую представляет собой относительное предложение), очень естественна для таких языков, как латынь или западноевропейские, где прилагательно (или точнее, «имя качества») в функции определения просто присоединяется к определяемому слову (*la neige blanche*), а в функции сказуемого требует связки, т. е. выступает в более сложной конструкции (*la neige est blanche*). Однако в очень многих языках мира представлено другое соотношение по сложности между предикативной и атрибутивной синтагмами с «именем качества». Можно выделить по крайней мере следующие основные случаи: а) эти синтагмы грамматически не различаются, например, др.-инд. Nalo balī 'Наль могуч' и 'могучий Наль'; б) эти синтагмы строятся разными грамматическими средствами примерно одинаковой сложности, например, тадж. *саг-и бад* 'злая (*бад*) собака (*саг*)' (*-и* — показатель атрибутивной связи), *саг бад аст* собака зла' (*аст* — глагол-связка); сюда же относятся случаи, когда данные синтагмы различаются только порядком слов; в) атрибутивная синтагма сложнее, чем предикативная, а именно, состоит из большего числа слов или требует более сложной морфологической формы «имени качества»; таково положение в многочисленных языках, где «имя качества» грамматически сближено с глаголом (а не с существительным) и где, например, 'хромой человек' можно передать лишь как

* E. Benveniste, указ. соч., с. 53—54.

что-то вроде «хромающий человек», или «человек, что хромает» или просто «человек, он хромает»; сюда же можно отнести (хотя и с некоторыми оговорками) русское противопоставление *Снег бел — белый снег, Собака зла — злая собака* (где словоформы *бел-ый, зла-я* морфологически сложнее, чем *бел, зла*).

Прилагательное-определение предстает как единица более сложная, чем предикат, также если стать на точку зрения логико-семантического анализа. Как известно, в логических языках нет самостоятельного эквивалента для прилагательных*: с логической точки зрения прилагательное представляет собой не что иное как результат своего рода свертывания отдельной предикативной единицы (а именно, такой, где соответствующий смысл выступает как предикат). Очевидно, что на лингвистическом уровне такому анализу соответствовало бы представление прилагательного как результата свертывания исходного придаточного относительного**.

Примечательно, что в некоторых индоевропейских языках специальные атрибутивные формы прилагательных развились именно по этой схеме. В частности, русские атрибутивные формы (*белый, белая, белое* и т. п.), как известно, исторически восходят к оборотам той же структуры (только с другим порядком элементов), что, например, др.-перс. kāra hya hamiçiya 'мятежная армия' *букв.* «армия которая (*или* the) мятежная». Непосредственным источником балто-славянских форм был поздний вариант этого оборота — с согласованием в падеже (ср. kāram tyam hamiçiyam 'мятежную армию', где все три слова в винит. падеже): но на более раннем этапе такого согласования не было (ср. др.-инд. Somam bhuvanasya yas patiḥ 'Сому, владыку мира', *букв.* «Сому, мира который владыка»), т. е. этот оборот представлял собой не что иное как придаточное относительное с именным сказуемым. Из этого же источника возникли и иранские определительные конструкции типа тадж. *саг-и бад.*

* См. H. Reichenbach. Elements of symbolic logic. N. Y., 1948, с. 251.

** Ср. представление в порождающей грамматике сочетания существительного с прилагательным, например, *a wise man*, как имеющего глубинную структуру, в которой оно разлагается на субъект *man* и предикат *be wise*; см., в частности, N. Chomsky. Language and Mind. N. Y., 1968, с. 25. О том, что язык без прилагательных ближе по своей структуре к логическим, см. А. К. Жолковский. Синтаксис сомали. М., 1971, с. 203.

С. А. Крылов

«РУССКОЕ ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ» А. А. ЗАЛИЗНЯКА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ РЕЦЕНЗИИ С ПОЗИЦИЙ НЕОСТРУКТУРАЛИСТСКОЙ МОРФОЛОГИИ

Дорогому Андрею Анатольевичу —
с любовью, благодарностью
и неизменным восхищением

°Книга исключительной судьбы
°столь сильно опередила свое время
°выступает в роли исходного пункта интенсивно развивающегося направления
°справедливо рассматривается как образец, и даже своего рода символ
°отличается от предшествующих и современных ему, а также от многих последующих работ ⟨...⟩ прежде всего убеждением в том, что главной целью ⟨...⟩ исследования является не просто накопление фактов, ⟨...⟩ но восстановление целостных систем.

Из одного научного комментария

0. Введение

0.0. Жанр ретро-рецензии. В 1967 г. вышла в свет книга А. А. Зализняка (далее — ААЗ) «Русское именное словоизменение» (далее — РИС)[1]. Однако почти никто из отечественных рецензентов не откликнулся на выход РИС[2]. Попробуем теперь, тридцать лет спустя, восполнить указанную лакуну и сочинить «как бы рецензию», но задним числом — ретро-рецензию, что-то наподобие аналитического комментария. Примем ретроспективную точку зрения и посмотрим, как с позиций сегодняшнего дня видится роль РИС в современной лингвистике.

0.1. Небольшое историографическое уточнение. В виде диссертации под названием «Классификация и синтез русских именных парадигм» работа РИС могла стать известной читате-

---

[1]Как и другим выпускникам ОСиПЛ, учившимся в МГУ в 1975—1980 гг., автору этих строк посчастливилось начать свое лингвистическое образование с курса «Введение в специальность», читанного ААЗ в 1975—1976 учебном году, а затем учиться у него разным лингвистическим дисциплинам в течение нескольких последовавших лет, определявших наше профессиональное становление (в 1970-е гг. — студентом, в 1980-е — вольнослушателем). Книгу РИС мы прочли вскоре в качестве «программной» книги, входившей в основную литературу по курсам общей (1976) и русской (1977) морфологии. Первое знакомство с книгой ААЗ произвело на меня незабываемое впечатление (почти столь же сильное, какое производит личность самого Андрея Анатольевича). Нет сил скрыть, что с годами чтение этой книги доставляет мне все большее и большее удовольствие — потому что РИС принадлежит к числу тех редких книг, которые с возрастом не теряют, а приобретают.

[2]Если не считать краткой заметки о ней (в разделе «Советуем познакомиться») журнала «Русский язык за рубежом» (1968, № 2, с. 56).

лям двумя годами ранее книги — в 1965 г., т. е. за 35 лет до подготовки данного переиздания. Соответственно, первые отклики на нее прозвучали уже в 1966—1967 гг. (*Апресян 1966*; *Плотникова 1966*; *Ревзин 1967*; *Редькин 1966*). Вскоре появилось несколько рецензий на РИС в зарубежной научной прессе (*Křižková 1968*; *Veyrenc 1968*; *L'Hermitte 1970*); в 1974 г. появилось краткое изложение основных идей РИС в составе обзоров по русской морфологии (*Милославский 1974*: 14—18; *Воронцова 1974*: 42—46).

В этих откликах отмечается важная роль работ ААЗ в точной формулировке таких базовых понятий морфологии, как лексема, словоформа, парадигма, грамматическое значение, граммема, грамматическая категория, грамматическая форма; в разработке методов дистрибутивного экспериментального исследования грамматических категорий — согласовательного класса, рода, одушевленности; оригинальность подхода к категории числа у pluralia tantum; эффективность контекстуального метода при выделении инвентаря падежей и убедительность аргументов в пользу признания как минимум восьмипадежной системы в русском языке; новаторство при выделении грамматических разрядов; детальность классификации словоизменительных парадигм; исчерпывающий характер классификации наборов окончаний, классов чередований, схем ударения; пионерский характер таких вводимых понятий, как «согласовательный класс», «эквивалентность парадигм», «эквивалентность акцентуации», «условное ударение»; элегантность конкретных решений, обусловленная стремлением к экономии и различительности в описании.

Считая, что все эти черты РИС уже достаточно хорошо освещены в упомянутых обзорах, остановимся лишь на некоторых важных сторонах концепции РИС, недостаточно освещенных ранее.

0.2. Несколько слов о неоструктурализме. Современная лингвистика идеологически неоднородна, тогда как излагаемый ниже взгляд, конечно, мой (а не общепринятый, не генеральный, не единственно возможный). И он соответствует моим идейным установкам, моей общелингвистической концепции. Эту концепцию (которая составляет одно из естественных продолжений структурализма), за неимением лучшего термина, условно будем называть неоструктурализмом[3]. Что такое «структурализм», или «структурная лингвистика», более или менее известно; см. *Апресян 1966*; *Ревзин 1977*; *Булыги-*

---

[3] Как принципиальный момент, важный для дальнейшего изложения, можно рассматривать следующие концептуальные формулировки И. И. Ревзина: «лишь бесконечный ряд последовательных приближений, а также параллельных описаний, отражающих данное понятие с разных сторон, может дать истинную картину, в то время как каждое отдельное описание заведомо не может совпадать с „истинным положением дела“» (*Ревзин 1977*: 53); «одновременное рассмотрение нескольких путей описания — с последующей корректировкой одного из них в свете результатов, полученных на другом пути — представляется наиболее перспективным для избежания слишком больших упрощений» (*Ревзин 1978*: 20).

на 1979; *Виноградов 1990*. А термин «неоструктурализм» не общепринят. Поэтому сделаем два пояснения.

1) Неоструктурализм примерно соответствует «современной структурной лингвистике» в смысле И. И. Ревзина (см.: *Ревзин 1977*, с. 35—72).

2) Следует отметить, что на формирование той версии неоструктурализма, которая является идейной платформой моих рассуждений (в первую очередь в области теоретической морфологии), глубокое воздействие оказала книга РИС.

1. Общие замечания

1.0. Полнота + эксплицитность = интегральность? В РИС было предложено первое полное описание именного словоизменения современного русского литературного языка. Автор строит исчерпывающую классификацию имен (существительных, прилагательных, причастий, числительных, местоимений) по типам склонения — и формулирует правила синтеза именных парадигм, т. е. правила образования всех словоформ любого склоняемого русского слова, входящего в исходный материал (около 55 тыс. слов). В РИС эта задача была не только впервые решена, но и впервые поставлена.

Эта особенность РИС весьма примечательна: большинство лингвистических работ носят эскизный характер, и намечаемые контуры исследования так и остаются «проектом» незавершенной работы. Похоже, что, кроме работ ААЗ, трудно привести пример описаний живого языка[4], в которых сколько-нибудь значительный фрагмент грамматики был бы описан целиком, и при этом между словарными данными и системой грамматических правил не оставалось бы «зазора».

Ср. тезис И. А. Мельчука: «описать словоизменение в некотором языке не может означать ничего другого, как дать механически выполнимые правила образования словоформ с заданными словоизменительными характеристиками от любых основ (или наоборот — правила извлечения таких характеристик из текстовых словоформ). Тем не менее, в „обычной“ русистике и до сих пор отсутствуют подобные описания — хотя для других языков они есть» (*Мельчук 1974*, с. 22)[5].

---

[4] Иначе обстоит дело с описаниями замкнутого корпуса текстов (ср. *Зализняк 1986)*, где требование полноты описания выполняется в своем «сильном» варианте.

[5] По мнению И. А. Мельчука, единственными работами такого рода (на 1974 г.) были *Доквадзе 1967* и *Еськова—Мельчук—Санников 1971*; мне думается, однако, что единственной «работой такого рода» была (и остается) РИС (не считая компьютерных продуктов, никогда не публиковавшихся в виде научных текстов).

Первым опытом ААЗ в жанре интегрального (как сейчас принято говорить) описания был русско-французский словарь *Зализняк 1961* — прямой предшественник РИС. Включенный туда (в виде набора «грамматических таблиц») грамматический очерк правил русского словоизменения (как именного, так и глагольного) максимально согласован с грамматической информацией, даваемой в словарных статьях.

Тезис о «строгом ограничении исследуемого материала» (с. 4)[6] плюс требование давать классификацию «в явной форме» (с. 6) есть, по сути, не что иное, как ранняя формулировка примерно того же приема описания, который позднее получит статус принципа и наименование принципа интегральности[7]. Интегральное описание — это «такое лингвистическое описание, в котором грамматика и словарь согласованы друг с другом по типам помещаемой в них информации и по формальным языкам ее записи» (*Апресян 1986*, с. 57). Требование интегральности выступает как методологический дезидерат: «очевидно, что всякое описание языка должно в идеале стремиться к интегральности, т. е. к такой картине языка, в которой грамматические правила и словарные статьи настроены друг на друга и способны к информационному взаимодействию» (*там же*).

Сюда же можно отнести словарь *Зализняк 1977*, тесно примыкающий к РИС концептуально. Примечательной особенностью этого словаря (по сравнению с другими лингвистическими сочинениями) является то, что его текст оказалось достаточно всего лишь буквально и без опечаток перенести на машиночитаемые носители, чтобы использовать его в качестве источника сведений о языке, к которым могут обращаться работающие лингвистические процессоры (и действительно, к его компьютерной версии не только могут обращаться, но и действительно на практике обращаются все автоматические лингвистические процессоры, сколько-нибудь широко эксплуатируемые пользователями).

На протяжении всей работы автор уделяет пристальное внимание неединственности решений в морфологическом описании и мотивировке выбора того решения, которое принимает он сам.

---

[6] Здесь и далее ссылка на номер страницы без указания библиографического сокращения (по умолчанию) будет означать отсылку к РИС (т. е. на издание 1967 г.).

[7] Возможны также иные понимания термина «интегральность», но в данном контексте мы сознательно ограничимся здесь формулировкой Ю. Д. Апресяна.

Типичный для ААЗ стиль рассуждения — эксплицитно поставить некоторую проблему, изложить разные логически возможные подходы к ее решению, взвесить все основные аргументы pro et contra и принять оптимальное решение — проводится в тексте РИС последовательно и во всех деталях.

1.1. Классификация и синтез. Описание русского склонения состоит из двух логических компонентов: классификации и синтеза, которые оба изложены в явной форме и при этом отдельно друг от друга (с. 4—6). В большинстве «традиционных» описаний эти компоненты, во-первых, не отделены, а во-вторых, классификация слов и правила образования форм обычно формулируются неявно. В этом, по-видимому, состоит наиболее серьезный недостаток традиционной схемы морфологического описания — так называемой модели «Слово и парадигма»: понятие «склоняться так же, как» обычно не эксплицируется. Примечательным в РИС является:

(а) наличие самого этапа классификации (в отличие от большинства работ, выполненных в рамках задач автоматической переработки текста);

(б) наличие самого этапа синтеза (в отличие от большинства работ, выполненных в русле европейской грамматической традиции);

(в) эксплицитность различения (а) и (б) (в отличие от почти всех известных мне работ);

(г) подчиненность классификации эксплицитно поставленной задаче синтеза (в отличие от большинства известных мне работ);

(д) подчиненность правил синтеза некоторой принципиальной эксплицитно заданной классификации (в отличие от правил, формулируемых ad hoc в большинстве генеративистских работ и работ по автоматическому синтезу).

Похоже, что в других областях грамматики (и лексикографии) пока что трудно указать работу, где бы такая двухаспектность была налицо и при этом была бы достигнута такая степень взаимной согласованности этих двух аспектов.

1.2. Универсальная классификация как средство вскрытия лингвистической пропорциональности. Другой замечательной чертой РИС является переход от «древовидной» классификации типов склонения к их «универсальной» классификации (с. 6—9). При универсальной классификации любой различительный признак разбивает на классы всю совокупность классифицируемых объектов. Существенно здесь то, что «универсальный

подход» дал возможность вскрыть многие нетривиальные аналогии между разными подсистемами русской морфологии. Вскрытие таких аналогий базируется на интуитивном представлении о «лингвистической пропорциональности» (с. 117), т. е. об одинаковости различий в двух парах языковых объектов.

Ниже (§ 5) принцип пропорциональности будет проиллюстрирован на нескольких примерах из РИС, показывающих, сколь нетривиальные пропорции были обнаружены и описаны ААЗ.

2. Морфология без морфемы: модель «слово — парадигма»

Весьма любопытной и примечательной является следующая (не обсуждавшаяся ранее) особенность морфологической концепции, лежащей в основе РИС, — а именно, «безморфемное» описание морфологической системы. С точки зрения структуралистской теории грамматики это весьма экзотический способ описания: в ней морфема является центральным понятием и без нее не обойтись[8]. Но в отличие от большинства структуралистских работ, так или иначе апеллирующих к выделению минимальных значимых единиц языка — «языковых знаков» (Ф. де Соссюр), «морфем» (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. Блумфилд), «монем» (А. Фрей, А. Мартине), — РИС строится иначе — в духе подхода «слово и парадигма»[9]; базовым для описания является отношение морфологической аналогии — «склоняться так же, как» (с. 15).

Нередко РИС рассматривается как образец структуралистского описания (*Булыгина 1979*, с. 338), и это действительно так, если основной чертой структурализма считать стремление к эксплицитности

---

[8] В РИС понятие морфемы сугубо периферийно: оно упоминается лишь в сносках (на с. 5, 24, 269), маргинальных с точки зрения основной линии изложения (немудрено, что оно не входит даже в предметный указатель к РИС). NB: в работе *Зализняк 1985*, представляющей собой дальнейшее развитие акцентологической (и тем самым — морфонологической) концепции автора РИС, понятие морфемы является одним из центральных, хотя при этом морфемная членимость словоформ считается заранее данной (с. 10) и не обосновывается какими-либо принципиальными критериями, апеллирующими к дефиниции морфемы. Это вполне естественно, коль скоро речь идет о закономерностях строения морфем в плане выражения, которыми и занимается морфонология.

[9] В противоположность схемам «единица — процесс» и «единица — аранжировка». О различии этих подходов см. *Hockett 1954/1957*; *Matthews 1972*; *Булыгина 1977*, с. 70—72. Книга *Anderson 1992* с характерным названием «A-morphous morphology» стремится вновь обосновать преимущества безморфемного описания.

описания[10]. Однако если считать доминирующей чертой структурализма стремление к выделению некоторого базового набора элементарных языковых единиц (ср. *Виноградов 1990*, с. 496—497) (в первую очередь — значимых единиц, т. е. морфем), то РИС оказывается в этом отношении скорее как раз антиподом структуралистского описания: это, по существу, как бы «морфология без морфем».

3. Основные единицы описания в РИС

Что же выступает вместо морфем в качестве структурных единиц грамматического описания в РИС? Нетрудно увидеть, что это, как и в доструктуралистской традиции, неэлементарные значимые единицы, из которых состоит словоформа. А именно, в плане содержания это «лексема» (с. 27—29) и «грамматическая форма» (с. 32—33), сочетание которых составляет «внутреннюю сторону словоформы», а в плане выражения это «основа» и «окончание» (с. 112—114), сочетание которых (снабженное указанием на место ударения) образует «внешнюю сторону словоформы».

В плане выражения словоформы выделяются два уровня транскрибирования, приблизительно соответствующие морфемной и (алло)морфной записям в традиции структуралистской: «условная» и «действительная» запись словоформы (с. 149—151). Аналогами (алло)морф(ов) в РИС выступают «действительная основа», «действительное окончание» и «действительное ударение»; аналогами морфем в РИС являются «условная основа», «условное окончание» и «условное ударение».

При этом подход к лексической и грамматической частям словоформы оказывается различным (см. *Крылов 1982*). Такой разный подход к лексической и грамматической частям словоформы не случаен: вообще говоря, в этом различении заложен глубокий смысл. Дело в том, что морфологию, как правило, не интересуют соотношения формы и смысла внутри лексической части словоформы[11], тогда как со-

---

[10] Структурализм попытался «дать ясную формулировку приемам и принципам анализа, определить сферу их применения, связанные с ними ограничения и степень точности ожидаемых результатов. Структурное языкознание отличается от доструктурного, в частности, своей „сознательностью“» (*Арутюнова 1963*, с. 172).

[11] «Как правило» — т. е. отвлекаясь от явлений супплетивизма и омонимии, по определению нерегулярных. И то и другое — исключение из правила, а не правило. Морфология занимается супплетивизмом потому, что он исключителен (именно поэтому Т. В. Булыгина говорит о невозможности такой дисциплины, как «супплетивология», — см. *Булыгина 1977*, с. 213), тогда как в лексикологии понятие супплетивизма неупотребительно. Ведь фор-

отношения формы и смысла внутри грамматической части словоформы составляют как раз основной предмет морфологии (см. *Булыгина—Крылов 1990*, с. 313). Можно предположить, что взаимно однозначное соотношение между лексемами и основами — скорее норма (нарушаемая лишь в резко исключительных случаях — при супплетивизме и омонимии), тогда как взаимно однозначное соотношение между грамматическими формами и окончаниями (для языков флективного строя) — скорее исключение.

4. Условная vs. действительная запись

Основная схема описания в РИС — это модель «слово — парадигма». Однако некоторые по сути структуралистские принципы накладываются на эту схему уже самим ААЗ. Прежде всего, как «внешняя», так и «внутренняя» сторона словоформы подвергаются расщеплению на два слоя, которые можно назвать «интраморфологический» и «экстраморфологический»[12].

Интраморфологические уровни имеют дело непосредственно с означаемым и означающим языкового знака; на них и означающее, и означаемое предстают в «инвариантном» виде, очищенном от разного рода контекстных модификаций. При описании в н е ш н е й стороны словоформы интраморфологическое описание абстрагируется от тех черт внешнего облика словоформы, которые автоматически навязываются контекстом.

Например, две действительные основы в паре словоформ типа *звезда* и *звёзды, стрело́к* и *стрелки́* записываются в виде одной и той же условной основы (типа *зв'озд, стрел**к*); тем самым все позиционные чередования устраняются (и как бы исчезают).

В порядке, подчиненном главной задаче книги, условная запись (вкупе с условным ударением) позволяет уменьшить число выделяемых деклинационных (и акцентуационных) классов.

Интересной особенностью такого подхода оказывается то, что конструируемый при таком подходе инвентарь символов оказывается во многом сходен с инвентарем фонологических единиц более древнего

мально-смысловые отношения в лексике супплетивны (т. е. нерегулярны) по природе, т. е. лексикология по сути — это и есть «супплетивология». Р е г у л я р н ы е же формально-смысловые отношения в лексике изучаются словообразованием (а не лексикологией).

[12] Такой терминологии в РИС нет, однако она оказывается удобным инструментом для вскрытия научной логики морфологического описания в РИС. Можно сопоставить различие «интра-»/«экстра-» с такими антиномиями классического структурализма, как «инвариант»/«вариант» (Р. Якобсон), «форма»/«субстанция» (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев), «Х-эма»/«алло-Х» (Ч. Хоккет).

состояния описываемого языка, получаемым в результате применения метода «внутренней реконструкции»[13]. В РИС такое представление называется «условным» видом словоформы — в отличие от «действительного» вида, отражающего также контекстно обусловленные характеристики означающего. Если бы речь шла об устной форме языка, то «условную» запись можно было бы отождествить с «мор(фо)фонемным» или «мор(фо)фонологическим» представлением (à la *Чурганова 1973*; *Ворт 1975*; *Булыгина 1977*), а «действительную» запись — с «фонемной» («фонологической») или с фонетической транскрипцией.

Однако в РИС предметом описания является **письменная** форма языка. Значит, с точки зрения неоструктурализма, действительная запись (т. е. акцентуированная орфографическая) фактически отражает уровень «графем», а символы «условной» записи должны быть фактически отождествлены с единицами особого уровня. Этот уровень можно было бы назвать «морфографемным», а его единицы — «морфографемами»[14]. Таким образом, под морфографемой можно понимать класс графем, занимающих одну и ту же позицию в морфеме и дополнительно распределенных относительно контекста действия заданного набора автоматических правил чередования. Впрочем, фактически набор морфографем русского языка весьма близок к набору его морфофонем[15]. Поэтому бóльшая часть описания

---

[13] Из предшественников такого подхода ААЗ упоминает Л. Блумфилда, Р. О. Якобсона, М. Халле. Но именно работы РИС, *Зализняк 1985*, *Зализняк 1986* подтверждают важный неоструктуралистский тезис о том, что «противопоставление двух аспектов рассмотрения языка — синхронического и диахронического — постепенно сменяется ‹...› их взаимным обогащением» (*Иванов 1976*, с. 439).

Распространение такого подхода на сферу компаративистики порой приводит некоторых современных авторов к практически полному отождествлению таких понятий, как «морфонология» и «внутренняя реконструкция»; такая терминологическая неточность, однако, несет в себе глубокий смысл.

[14] Термин «морфографемика» применяется при описании халха-монгольского языка в *Street 1963* для обозначения примерно таких правил, которые ААЗ называет правилами «перехода от условного вида словоформ к действительному» (с. 258—261). О понятии графемы см. *Зализняк 1983*.

[15] Именно поэтому «условный вид» словоформы в РИС, как отмечает сам ААЗ, сближается с «морфофонематической транскрипцией» Р. И. Аванесова (с. 246—249), хотя ААЗ указывает и на несовпадения между ними. Так, в морфографемной записи не отражены «слабые» позиции, содержащие единицы типа «гиперфонем» (в смысле Московской фонологической школы). В ней все слабые позиции являются «соотносительными», а не «изолированными» (в терминологии Ю. С. Маслова, см. *Маслов 1975/1987*). Поэтому в словах *бара́н*, *стака́н* в предударной позиции представлена морфографема ***а***, а в словах *соба́ка*, *рестора́н* — морфографема ***о***.

русской морфографемики в РИС допускает почти тождественную переформулировку в терминах морфофонемики[16].

Хотя сам ААЗ настойчиво подчеркивает чисто вспомогательный характер своей «условной записи» (с. 48), ставящей весьма скромные цели, однако в результате конструирования системы символов «условной записи» и принципов их употребления ему удалось фактически обнаружить некоторый реальный (т. е. лингвистически содержательный) объект — особый уровень существования языка, который я бы рискнул назвать морфографемным. Отношение этого уровня к графемному — такое же, как отношение морфофонемного уровня к фонемному.

С точки зрения неоструктуралистской морфонологии, экспоненты (означающие) морфем состоят из морфофонем (не просто являющихся конструктами описания, но и претендующими на моделирование некоторого уровня существования языка). Термины «условный» и «действительный» удобны для практического разъяснения методов лингвистического описания, однако в онтологическом плане принципиальной разницы между единицами более поверхностными и более глубинными нет. С точки зрения неоструктурализма, «условная запись» в РИС — это не что иное, как «морфографемная запись»[17]. Она

---

[16] Позднее примерно те же принципы легли в основу построения «морфонологической записи» (или «исходной записи») в *Поливанова 1976*. Основная разница состоит в том, что А. К. Поливановой исходная запись нужна для описания основообразовательных, а не словоизменительных механизмов. Поэтому ее инвентарь исходных морфонологических символов (обозначающих морфонемы) оказывается несколько более «глубинным».

Ограничение условной записи в РИС только задачами описания словоизменения приводит к тому, что не только условная запись отдельной словоформы не совпадает с ее морфонологической транскрипцией, но и сам инвентарь символов условной записи оказывается не столь богатым, сколь инвентарь русских морфонем. Однако это нельзя считать недостатком РИС, так как дальнейшая разработка данной проблемы (см. *Поливанова 1976*) позволила продемонстрировать разницу между морфонологическими механизмами словоизменения и основообразования.

[17] Соответственно, «условное ударение» можно было бы считать своего рода супрасегментной морфографемой, а действительное ударение — супрасегментной графемой. По-видимому, плюсы, минусы, стрелки и символ D, применяемые для описания русского ударения в *Зализняк 1985*, с. 35—37, должны трактоваться также не просто как удобные «конструкты» описания, а как запись своего рода супрасегментных морфофонем (хотя и здесь автор с обычной для него скромностью не претендует на реконструкцию каких-либо «реальных» сущностей, относящихся к глубинному, т. е. морфофонемному, уровню языка).

столь же реальна (т. е. «лингвистически содержательна»[18]), как запись орфографическая[19], но, в отличие от последней, не является наблюдаемой.

Итак, отношение, лежащее в основе противопоставления «условный» vs. «действительный» (РИС), аналогично отношению между членами таких пар понятий, как «морфографемный» vs. «графемный» = «морфофонемный» vs. «фонемный».

Однако различие между условной записью в РИС и морфофонемным уровнем (в неоструктуралистском понимании) проводится по четырем независимым друг от друга параметрам:

(а) условная запись не претендует на то, чтобы отражать какой-либо особый уровень языковой «реальности» (хотя фактически, ду-

[18] Морфографема «реальна» (или «лингвистически содержательна») ровно в том смысле, что отражает объективно (т. е. до и независимо от лингвиста) существующую общность определенных характеристик, свойственных речевым отрезкам письменного текста, в морфографемную транскрипцию которых лингвист записывает ту или иную морфографему-конструкт (символ морфографемы), и не свойственных тем речевым отрезкам письменного текста, в морфографемной транскрипции которых данная морфографема не фиксируется.

[19] Если под «условным» понимать 'реально не наблюдаемый', то «условной» надо было бы признать любую запись словоформы в виде сочетания адреса определенной лексемы в словаре с указанием грамматической формы, в которой стоит эта лексема. Но столь же условными следовало бы считать такие понятия, как 'синтаксическая связь' (с. 62), 'предмет' и 'состояние предмета' (с. 38), 'единичность' и 'множественность' (с. 55): все они могут рассматриваться как самоочевидные лишь при принятии гипотезы формально-семантического изоморфизма или «симметричности» языкового знака (например, «единичность» и «множественность» в условиях родовой вещественной или коллективной референции может скрывать за собой вовсе не «реальную» единичность и множественность, а всего лишь словарный факт сингулярной vs. плюральной ориентированности данного существительного, см. *Поливанова 1983*). Однако в этой сфере (так сказать, применительно к плану содержания) термин «условный» в РИС не применяется вообще, т. е. «условной» может быть лишь запись означающего. Кстати, если понимать «условный» как «ненаблюдаемый», то фонемную транскрипцию (при любом понимании фонемы) придется также считать «условной», так как фонемы не наблюдаемы. В отличие от фонем, графемы наблюдаемы, так как в обществе принята некоторая (обычно не оспариваемая) орфографическая норма: «орфографическая запись отличается от всех прочих видов письменной записи прежде всего тем, что она общепринята» (с. 9); «существенно также то, что ввиду своей социальной значимости орфографическая запись имеет сравнительно чёткую и общеобязательную регламентацию» (с. 10); именно это свойство и имеет в виду ААЗ, называя орфографическую запись «действительной».

мается, все-таки отражает! — но избранная автором в РИС риторическая фигура скромности заставляет автора не говорить об этом ни слова), тогда как морфонологическая запись претендует на отражение особого морфофонемного уровня;

(б) условная запись строится для описания письменной и устной формы языка одновременно[20], а морфонологическая ориентирована лишь на устную форму, в отличие от морфографемной, ориентированной на письменную форму;

(в) условная запись устраняет лишь те автоматические чередования, без описания которых невозможно описать словоизменение, тогда как морфонологическая запись устраняет также и те автоматические чередования, без описания которых возможно описание словоизменения, но невозможно описание словообразования (основообразования);

(г) в условной записи акцентологическая информация о словоформе («условное ударение») дана отдельно от сегментного состава основ («условной основы») и окончаний («условное окончание»), тогда как в морфонологической различаются сегментные и супрасегментные морфофонемы, входящие в запись как корневых, так и служебных морфем[21].

---

[20] NB: не *просто* для письменной, а именно *одновременно* для письменной и устной. Именно поэтому адъективное окончание род. ед. *-ого* записывается как *-ово*, а затем при переходе к действительному виду происходит «орфографическая замена» *-ово* → *-ого*. (Кстати, в этом состоит единственное различие между «условной записью» в РИС и морфографемной записью (хотя практически эта мелкая разница почти несущественна).) Заметим, что последовательное применение принципа двойной ориентации условной записи должно было бы привести к введению не только упомянутой «орфографической замены», но и других замен (также являющихся продуктом логической инверсии орфоэпических правил), типа *дэльт* → *дельт, модэл* → *модел, фонэм* → *фонем, што* → *что, конешно* → *конечно, сердешный* → *сердечный*. См. об этом *Журинский 1983*.

[21] Примерами супрасегментных морфофонем (естественно, не подводимых ААЗ под это понятие, так как такого термина у него нет) могут служить сущности, которые стоят за акцентными характеристиками, образующими «основную маркировку» морфемы (*Зализняк 1985*: 35—37), а именно «левоударность» (←), «правоударность» (→), «самоударность» (↓), «доминантность» (D) и «недоминантность». Термин «супрасегментная морфонема», или «суперсегментная морфонема», взят из книги *Чурганова 1973*: 39, где под понятие «суперсегментной морфонемы» подводятся «акцентные контуры». Этот термин мотивированно вводится по аналогии с такими понятиями, как его фонологический коррелят — «суперсегментные фонемы или просодемы» (*Чурганова 1973*: 22) (для русского языка это, напр., ударение) и противопо-

5. Эталонное vs. неэталонное грамматическое значение

Одно из центральных понятий в РИС — понятие эталона, т. е. некоторой искусственной таблицы грамматических форм, служащей для сопоставления парадигм разного внутреннего устройства (с. 134—137). Таблица склонения каждой конкретной лексемы как бы «погружается» в эталонную, и образ ее в этой эталонной таблице определяет значения основных классификационных признаков, различающих типы склонения.

Так, тип склонения слов типа *два, три, четыре* приблизительно теми же чертами отличается от типа склонения слов типа *пять, шесть, семь,* которыми склонение слов типа *ночь* во множественном числе отличается от склонения слов типа *ночь* в единственном числе. Однако числительным не свойственна категория числа в традиционном смысле слова. Поэтому, чтобы вскрыть соответствующую аналогию, ААЗ вводит особый признак «морфологическое число», который у словоформ числительных первого типа принимает значение «множественное», а у словоформ числительных второго типа — «единственное» (с. 136—138). По сути дела, ААЗ обнаружил, что количественные числительные разбиваются на два деклинационных подтипа, которые я бы предложил назвать «сингулярным» и «плюральным» склонением (типом склонения). У слов других грамматических разрядов морфологическое число не фиксировано. Таким образом, создается некий «посредник» для сопоставления субстантивных (двухчисловых) парадигм с бесчисловыми (каковыми характеризуются числительные, местоимения и кванторные слова).

Оказывается возможным установить следующую нетривиальную пропорцию. Склонение слов типа *пóчесть* в единственном числе примерно так же отличается от склонения слов типа *пять,* как склонение слов типа *пóчесть* во множественном числе отличается от склонения слов типа *четыре,* хотя слова типа *четыре* и слова типа *пять* по числу не изменяются. Для иллюстрации пропорционального отношения между числовыми субпарадигмами (в смысле *Зализняк 1985,* с. 14) существительных (каждая из которых репрезентирует особую номинатему [в смысле *Зализняк 1973*]) и соответствующими парадигмами числительных изобразим эту пропорцию в виде таблицы, где для наглядности использованы репрезентативные словоформы, показывающие это соотношение наиболее ярко:

лагающийся ему термин «сегментная морфонема» (*Чурганова 1973*: 39). Суперсегментными морфонемами следует считать т. н. «валентности», используемые при описании «парадигматических акцентных систем» (*Дыбо 2000*: 10—14).

	(Sg)	Sg
N.A.	*пят=ь*	*ноч=ь*
G.L.D.	*пят=и*	*ноч=и*
In	*пят=ью*	*ноч=ью*

	(Pl)	Pl
L	*дв=ух*	*ноч=ах*
D	*дв=ум*	*ноч=ам*
In	*дв=умя*	*ноч=ами*

Другой классификационный признак — «морфологический класс», складывающийся из двух пересекающихся признаков — «морфологический род» (в смысле *Откупщикова—Фитиалов 1964*) и «морфологическая одушевленность» (с. 139). Морфологический род — это «характеристика парадигмы, показывающая, для существительных какого рода характерен набор окончаний данной парадигмы» (с. 147). Выделяются три морфологических рода — мужской, женский и средний. К мужскому морфологическому роду относятся, например, слова *стол, дождь, бой, аннáлы, джýнгли, щи, сброк* (морфологически неодушевленные) и *слон, муравéй, вожáтый, он* (морфологически одушевленные). К женскому морфологическому роду относятся слова типа *стенá, ночь, столóвая, нóжницы, двáдцать* (морфологически неодушевленные) и *сиротá, судьé, мальчи́шка, я, себé* (морфологически одушевленные). К среднему морфологическому роду относятся слова типа *окнó, и́мя, доми́шко, доми́ще, ворóта, сто, три́ста, что, шоссé* (морфологически неодушевленные) и *лицó, живóтное, подмастéрье, волчи́ще, онó* (морфологически одушевленные). У прилагательных и числительных морфологический род не фиксирован.

Путем введения понятий морфологического рода удалось, с одной стороны, зафиксировать нетривиальную устойчивую корреляцию между родом и типом склонения, а с другой — провести между этими двумя понятиями четкое различие. Поэтому понятие морфологического рода является чрезвычайно полезным не только практически, но и теоретически.

«В морфологическом описании существительных оно требуется даже чаще, чем понятие рода. В самом деле, например, слова *акýла, балери́на* и т. п. и *мужчи́на, воевóда* и т. п. с морфологической точки зрения совершенно одинаковы; поэтому при описании они всегда образуют единую рубрику, обозначаемую, естественно, как „существительные женского морф. рода“. Что же касается различия между этими словами по роду, то оно с морфологической точки зрения несущественно ‹...› и может просто никак не отмечаться. ‹...› Именно отсутствием понятия морфологического рода (а вследствие этого и час-

тым смешением рода и морфологического рода) объясняются многие некорректные формулировки традиционных описаний» (с. 147).

То же, mutatis mutandis, касается и морфологической одушевленности.

Каноническое соответствие между родом и морфологическим родом нарушается лишь в четырех группах существительных:

«1. Все изменяемые существительные мужского, а также так называемого общего рода на *-а*, *-я* относятся к женскому морф. роду, например: одушевленные мужского рода — *юноша, мужчи́на, слуга́, парни́шка, зайчи́шка, купчи́на, бычи́на*, одушевленные общего рода — *сирота́, кале́ка, ханжа́, уро́дина, молодчи́на*, неодушевленные мужского рода — *доми́на, мости́на, куси́на*.

2. Все изменяемые существительные мужского рода на *-о* и *-е* относятся к среднему морф. роду, например: одушевленные — *подмасте́рье, воронко́, волчи́ще, челове́чище*; неодушевленные — *городи́шко, доми́шко, голоси́ще, доми́ще*.

3. Все существительные парного рода относятся к мужскому (например, *часы́, джу́нгли*), женскому (например, *но́жницы, брю́ки*) или среднему (например, *воро́та, дрова́*) морф. роду.

4. Все неизменяемые существительные мужского и женского родов относятся к среднему морф. роду, например: *буржуа́, атташе́, мада́м*. (Здесь, однако, морф. род носит явно условный характер.)» (с. 148)[22].

---

[22] Несклоняемые существительные ААЗ относит к среднему морфологическому роду. Это решение, по-видимому, мотивированное соображениями «механической универсализации» (с. 8—9) и никак не повлиявшее на нотацию (а значит, и трактовку) несклоняемых слов в «Грамматическом словаре», не кажется оптимальным. Альтернативой здесь могло бы быть следующее:

либо включить в число морфологических родов также «нулевой»;

либо, отступая от принципа универсальной классификации, не приписывать словам «нулевого» типа склонения (ср. нотацию «0» в «Грамматическом словаре») вообще никакого морфологического рода (считая, что на множестве несклоняемых слов этот признак просто не определен);

либо, наконец, не приписывать этим словам вообще никакого типа склонения (в соответствии с буквальным значением термина «несклоняемый»).

Логически возможно также еще более экстремистское «формалистическое» решение в духе фортунатовской «формально-грамматической» школы (точнее, ее радикальных представителей — таких, как М. Н. Петерсон) — а именно, относить «несклоняемые существительные» не к существительным, а к «бесформенным» словам. Впрочем, следует признать, что в этом последнем случае они не попали бы в исходный материал РИС и, более того, не должны были бы включаться в предмет «словоизменения». Недостатком такой трактовки является полный отрыв морфологической классификации слов от описания их синтаксических свойств.

Каноническое соответствие между одушевленностью и морфологической одушевленностью нарушается лишь у слов *он, онó, онú*: эти слова всегда являются морфологически одушевленными независимо от согласования (с. 149), так как их винительный падеж всегда совпадает с родительным, а не с именительным[23].

Феномен расхождения между синтаксическими и морфологическими характеристиками лексемы был известен с давних пор (хотя бы авторам описательных грамматик греческого, латинского, санскрита и т. п.), однако до появления работ ААЗ не предпринималось попыток соответствующего эксплицитного уточнения концептуально-терминологического аппарата, которое бы позволяло описывать одновременно и корреляции между морфологией и синтаксисом, и расхождения между ними.

Понятия морфологического числа, морфологического рода и морфологической одушевленности позволяют «сравнивать парадигмы разного внутреннего устройства» (с. 134) путем соотнесения их с эталоном склонения, т. е. таблицей, в которой учтены, кроме падежа, также противопоставления по роду, числу и одушевленности, независимо от того, определены ли эти признаки на данной лексеме или нет.

Таким образом устанавливается «посредник» для сравнения субстантивных, адъективных, местоименных и нумеративных парадигм (хотя они и имеют разное строение).

Внимательный анализ, осуществленный ААЗ, обнаруживает нетривиальное сходство различий в «морф. роде» у существительных типа *стол* (мужской морф. род), *судья́* (женский морф. род) и *доми́шко* (средний морф. род) с различиями между склонением числительных типа *сóрок* (мужской морф. род), типа *двáдцать* (женский морф. род) и типа *сто, три́ста* (средний морф. род) (см. с. 138—145). «Посредником» для сравнения служит различительный признак «морф. род», принимающий у этих слов значения «мужской», «женский» и «средний» соответственно.

Далее, ААЗ обнаружил тот нетривиальный (и как бы не замечавшийся ранее) факт, что различия между главным и второстепенным склонениями в женском морфологическом роде («основной» тип *кáрта* vs. «побочный» тип *тень*) пропорциональны аналогичным

[23] Вследствие «механической универсализации» к морфологически неодушевленным относятся все несклоняемые существительные; но в «Грамматическом словаре» никаких следов от такой трактовки не остается. Ср. выше то же о морфологическом роде (в предыдущей сноске).

различиям в мужском («основной» тип *завóд* vs. «уникальный» тип *путь*) и среднем («основной» тип *чýвство* vs. «нерегулярный» тип *врéмя*) морфологическом роде (с. 218—221). Для этого вводится различительный признак «тип склонения», который в вышеуказанных случаях принимает значения «I субстантивное» (для «главного» типа) и «II субстантивное» (для противопоставленного ему «второстепенного») и охватывает все три морфологических рода. Между тем в традиционных описаниях русской морфологии соответствующее различение проводилось лишь для женского морфологического рода, а в других морфологических родах либо игнорировалось, либо описывалось в терминах различия между «правилами» и «исключениями из правил».

6. Первичные vs. вторичные словоформы

Другой механизм морфологического описания, разработанный ААЗ, служит посредником при сравнении склонения слов с регулярной морфологической омонимией разных грамматических форм и склонения слов без такой омонимии. Это противопоставление «вторичных» словоформ «первичным» (с. 133).

У ААЗ «вторичные» словоформы задаются экстенсионально (по сути дела, перечнем их типов). Однако в принципе этому понятию можно дать некоторое содержательное (интенсиональное) определение, хотя это определение оказывается менее конструктивным и даже слегка психологизованным. А именно, вторичной можно считать такую словоформу, которую удобно описывать не непосредственно, а через отсылку к другим. Так, вторичными можно считать: словоформы вин. п., омонимичные им. (*гóрод*) или род. п. (*мужикá*); словоформы ед. ч., омонимичные соответствующим словоформам мн. ч. (у существительных pluralia tantum, например, *очки́*), и т. п. Таким образом, переход от внутренней стороны такой словоформы к ее внешней стороне состоит из двух этапов: сначала строится «первичная» словоформа, а затем на основании «первичной» словоформы строится «вторичная».

Лингвистическая ценность предложенного ААЗ различия — в том, что оно позволяет разграничить два существенно различных класса явлений, традиционно подводимых под слишком широкое понятие морфологической (грамматической) омонимии. Первый класс случаев — это морфолого-синтаксическая неоднозначность (омонимия целых словоформ без омонимии флексий); к ней относятся все случаи однозвучности первичной и вторичной словоформы. Второй класс случаев — это собственно парадигматическая омонимия (омонимия словоформ, вызванная омонимией флексий). Но флек-

сия в РИС (как и вообще в схеме «слово — парадигма») не является двусторонней сущностью (в том смысле, что она не описывается как имеющая какое-либо означаемое); поэтому и понятие омонимии в некотором смысле к ней неприменимо. Для последовательного различения этих двух классов неоднозначности следовало бы выйти за рамки подхода «слово — парадигма». Фактически проведенное в РИС различение двух типов омонимии можно рассматривать как первый шаг в направлении посильной элиминации самого понятия морфологической омонимии. Более радикальное движение в этом направлении предложено ниже, в разделе 10, где вводится понятие морфограммемы.

Противопоставление первичных словоформ вторичным, уместное и оправданное в РИС как удобный практический прием (ср. выше предложенное «гносеологическое» определение через понятие 'удобства описания'), остается, однако, онтологически немотивированным. С неоструктуралистской точки зрения, здесь следовало бы в первую очередь решить вопрос о том, к какому языковому уровню относятся первичные, а к какому — вторичные словоформы. Так как условную запись получают только первичные словоформы, то мы вообще не можем ответить на вопрос, каково поэлементное соотнесение компонентов внутренней и внешней сторон словоформы друг с другом. Разумеется, в выбранной ААЗ схеме описания («слово — парадигма») поэлементное соотнесение не является необходимым.

Однако в задачи неоструктуралистской морфологии входят не только классификация и синтез парадигм, но и другие разделы — в том числе, выделение и классификация морфем[24].

---

[24] Для неоструктурализма при выборе подхода вообще не стоит вопроса «или — или» (т. е. какой из трех подходов, по Хоккету, следует выбрать), так как предполагается, что эпистемологическая разница между этими подходами обусловлена не просто субъективным предпочтением исследователя, но также и тем, какие именно объективно наличествующие в языке отношения («аспекты» или «стороны» языка) лингвист пытается описывать. А это означает, что «хорошее» или «оптимальное» описание вообще не может быть сведено к одному из упомянутых трех типов, а включает их все в качестве своих составных частей. Таким образом, бóльшая полнота описания достигается не путем отказа от подхода «слово — парадигма» (представленного в РИС) в пользу подхода «единица — процесс» или «единица — аранжировка», но и не путем отказа от понятия морфемы (как это декларируют сторонники «безморфемной морфологии» типа Андерсона), а путем включения описаний того и другого типа в рамки некоторого интегрального описания. С точки зрения такого интегрального описания все предшествующие должны оказываться не столько неверными, сколько неполными (по определению). Само же интегральное описание является более полным (по срав-

Поэтому с позиций неоструктуралистской морфологии описание по схеме «слово — парадигма» в принципе не может считаться полным. Точнее, оно может оказаться относительно полным в рамках выбранной схемы («слово — парадигма»), однако, чтобы считаться еще более полным, оно должно быть достроено в направлении «морфемики»[25]. Соответственно, если описание, использующее вторичные словоформы в смысле РИС, будет включаться в неоструктуралистское как его составная часть, то вопрос об отнесении и первичных, и вторичных словоформ к какому-то определенному уровню и об означающем и означаемом вторичных словоформ встанет со всей остротой.

7. РИС и морфемика: направление концептуальной достройки

Исходя из принципов неоструктуралистской морфологии, можно было бы наложить на схему «слово — парадигма» также схемы «единица — аранжировка» и «единица — процесс» и попытаться переинтерпретировать рассуждения ААЗ о русской морфологии в терминах иной концептуальной системы — так сказать, «морфемики» или, точнее, «морфологии, включающей морфемику»[26], в противоположность морфологии «безморфемной».

Так, можно предполагать морфемную членимость большинства субстантивных окончаний мн. ч., содержащих *-а-*, и адъективных окончаний мн. ч., содержащих *-ы-*. О том, что суффикс *-а-* является показателем мн. ч. в субстантивных парадигмах, а *-ы-* (*-и-*) — в адъективных, ААЗ писал еще в 1967 г. (см. *Зализняк 1967b*; *Zalizniak 1970*). С исторической точки зрения здесь представлен результат аналогической унификации и сопутствующего ей переразложения флексий[27].

нению с описаниями-предшественниками, вошедшими в него на правах составных частей), но сама его полнота относительна: ведь по отношению к будущим описаниям, абсорбирующим данное, оно само должно будет считаться по определению неполным. И так ad infinitum (см. выше § 0.1, примечание, цитату из книги *Ревзин 1977*, с. 25).

[25] Самые известные попытки совместить некоторые элементы концепции РИС с элементами морфемики представлены в академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 г., а также в работах *Милославский 1981a, b*. Определенное влияние идей РИС (скрещенных с идеями морфемики) сказалось также на описаниях русской морфологии, выполненных в русле теории «Смысл ⇔ Текст»: ср., напр., *Еськова—Мельчук—Санников 1971*; *Еськова—Большаков—Бидер 1978*.

[26] Неоструктуралистская морфология — лишь одна из морфологических теорий, включающих морфемику; сама она опирается на ряд предшествующих работ, таких, как *Блумфилд 1968*; *Matthews 1972*; *Маслов 1975/1987*; *1978*; *1979*; *Мельчук 1975*; *Булыгина 1977*; *Mel'čuk 1982*; *Кузнецова 1986*.

[27] Исторические аспекты «*а*-экспансии» оживленно обсуждались в русистике последних десятилетий; см., например, *Andersen 1969*; *Марков 1974*;

Соответственно, с неоструктуралистской точки зрения можно говорить о двухморфемности большинства деклинационных окончаний мн. ч. Это, однако, не означает, что в падежных показателях мн. ч. нет синтетосемии[28]. Синтетосемия (в результате падежно-числовой кумуляции как минимум еще праиндоевропейских времен) в них есть, но одновременно с ней есть и некоторая избыточность морфологической сигнализации, особенно в косвенных падежах. Таким образом, число в русском склонении выражается плеонастически — одновременно и агглютинативно (суффиксами *-а-* и *-ы-*), и флективно (кумулятивными окончаниями *-х, -м, -ми*). В связи с этим представляется исключительно точным выбранный ААЗ (*Зализняк 1967b*: 2332) для характеристики русского склонения термин «полуагглютинативная система».

Членение словоформы на основу и флексию в РИС задается экстенсионально (списком) при помощи определенного алгоритма. Однако этот алгоритм не опирается ни на какие общие представления о том, что такое основа и окончание: фактически границы этих понятий не подлежат обсуждению и принимаются как данные. Между тем с точки зрения морфемики здесь обнаруживаются явления, допускающие разное истолкование.

Так, основа, вообще говоря, не есть морфологически элементарная единица и может состоять из нескольких морфем, даже если эта основа и не является словообразовательно производной. Тем самым речь идет вовсе не о многоморфемности основ производных слов, как это может показаться на первый взгляд (эта проблематика не входит в словоизменение![29]), а о проблемах, имеющих самое непосредственное касательство именно к словоизменительной парадигматике.

Шульга 1988; *Хабургаев 1990*; *Живов 1993* и др.; М. В. Шульга считает, что впервые на это явление обратил внимание еще И. В. Ягич.

[28] Термин понимается в смысле *Маслов 1975/1987*: 296/235 и *Булыгина—Крылов 1990c*.

[29] А иногда таки входит. В некоторых нетрадиционных грамматических теориях основу (в том числе производную) и окончание (в том числе комплексное) именуют морфемами. Это делается либо на том основании, что предметом описания является не словообразование, а словоизменение, либо на том основании, что описание ориентировано на задачи автоматического морфологического синтеза или анализа (и потому подобные терминологические сдвиги, по мнению авторов, допустимы), либо без специальной мотивировки. Так, например, в работе *Еськова—Мельчук—Санников 1971* основы таких слов, как *волч-ий=∅, лег-к-о-мысл-ен-н=ый, жен-ат=ый, истор-и-ч-еск=ий, мам-ин=∅, раз-говор-ч-ив=ый*, почему-то названы морфемами, хотя в соответствии с традиционной концепцией морфемы как минимального знака (в основных чертах принимаемой, в частности, в *Мельчук 1975* и в неост-

С точки зрения неоструктурализма наличие любых «чередований в условной основе» (с. 235—246) означает, что морфемный состав основ в разных подпарадигмах — разный. Следовательно, здесь налицо, помимо «общей формообразовательной основы», также несколько (обычно не более двух) парциальных формообразовательных основ (в смысле *Маслов 1975/1987*, с. 147), характерных для разных групп форм: ср. такие основы, как *козл-ён(о)к-* и *козл-ят-*. В частности, парциальная основа (если отвлечься от случаев полного супплетивизма) включает, помимо общей формообразовательной основы, также избыточные суффиксальные (*неб-'ес-а*) или симульфиксальные (*у-*$\frac{ш}{х}$*-и*) элементы. Избыточные показатели подразделяются (не вполне строго) на «пустые» и «плеонастические». Перечисление всех таких случаев должно стать предметом отдельного описания. Но это описание уже будет выходить за рамки подхода «слово — парадигма».

Примеры плеонастических агглютинативных показателей ед. и мн. числа — ступени чередований класса I (с. 237—238); атрибутивности/предикативности — ступени чередования класса VI (с. 239—240); им. п. ед. ч. — первая ступень класса II (с. 238); род. п. мн. ч. — вторая ступень класса III (с. 238—239); предикативности муж. ед. — вторая ступень класса VII (с. 240); им. ед. муж. — первая ступень классов XIII (с. 241—242), XIX (с. 242) и XX (с. 243); им. парн. — вторая ступень класса XIV (с. 242); род. — первая ступень класса XVI (с. 242) и вторая ступень класса XVIII (с. 242); твор. — вторая ступень чередований класса XVII (с. 242), третья ступень класса XIX (с. 242) и четвертая ступень класса XX (с. 243); дат. — третья ступень класса XX (с. 243). Ступени остальных чередований можно трактовать как избыточные «пустые» маркеры, имеющие «формально-структурную» функцию (в смысле *Маслов 1975/1987*; *Маслов 1978*), т. е. сигнализирующие о сцеплении определенного класса лексем с определенным классом граммем.

Из этого следует типологический вывод, согласно которому в русском языке есть некоторые элементы агглютинации, которые парадоксальным образом вырастают из некоторых нерегулярных чередований в составе основ или из бывших суффиксов (с собирательным или, наоборот, сингулятивным значением). Так, суффиксы *-ин-* (*татар-ин*) и *-иц-* (*кур-иц-а*) — агглютинативные маркеры ед. ч.; суффиксы — *-'*j-* (*брат-'*j-а*), *-ов-* (*хозяj-ов-а*), *-'ес-* (*чуд-'ес-а*) — агглю-

---

руктурализме) все эти основы морфологически неэлементарны, т. е. содержат по нескольку морфем.

тинативные маркеры мн. ч. Симульфикс *к/ч* (в *очи*), *х/ш* (в *уши*), *∅/'* (в *колени, соседи, черти*) — агглютинативный маркер мн. ч. (о понятии симульфикса см. *Маслов 1975/1987*). Трактовка таких отношений просто как супплетивных (*Реформатский 1967*: 311—313) несколько огрубляет реальную картину, ибо супплетивизм здесь не полный[30] (как в *человек — люди*), а лишь частичный[31] (затрагивающий лишь суффиксальную часть основы, а не корень), и именно поэтому возможно выделение избыточных агглютинативных маркеров грамматического числа[32].

[30] Под полным супплетивизмом имеется в виду «супплетивизм корней» (в смысле *Реформатский 1967*, с. 311—312). Различение полного и частичного супплетивизма фактически предлагалось в *Булыгина—Крылов 1990b*, где употреблены термины «чисто супплетивное склонение» vs. «частично супплетивное склонение».

[31] Под частичным супплетивизмом имеется в виду «супплетивизм основ» (в смысле *Реформатский 1967*, с. 312—313), не сопровождающийся «супплетивизмом корней». И. А. Мельчук не без оснований критикует употребление термина «супплетивизм» применительно к этому случаю (*Мельчук 1972*: 409), однако элегантная трактовка «супплетивизма» и «нормальности» как градуированных, количественных понятий, допускающих «большую или меньшую степень» нормальности и (квази)супплетивизма, развиваемая в *Мельчук 1972*: 403—407 и полностью созвучная неоструктуралистским методологическим принципам, должна допускать некоторую степень супплетивности в примерах типа *кум — кумовья* и подобных. Ведь «нормальное» соотношение словоформ одной лексемы есть тождество основ, а их различие следует считать ненормальным. Там, где «различие по смыслу между А и В нормально, а различие по форме между ними не нормально» (*Мельчук 1972*: 405), имеет место супплетивизм. Отношение между словоформами, имеющими разные парциальные основы, является нормальным по смыслу и ненормальным по форме (так как во флективном языке «нормально» именно отсутствие агглютинативных показателей числа). Но это и означает, что в таких случаях перед нами супплетивизм, хотя и не 100%, а частичный. Иначе говоря: принявши, что «супплетивизм может быть более или менее сильным» (*там же*: 407), следует признать, что «супплетивизм основ» также существует, а именно, здесь перед нами именно «менее сильный» супплетивизм, тогда как при супплетивизме корней — «более сильный». Заметим, что трактовка Реформатского фактически поддержана в работе Т. В. Булыгиной, где, правда, для оценки пар типа *колено — колени* и т. п. употребляется не термин «супплетивизм», а более осторожные термины «нерегулярность» или «уникальность» (*Булыгина 1977*: 152, 212). Однако супплетивизм в этой работе как раз и трактуется как нечто противоположное регулярности (*Булыгина 1977*: 139—140), так что по существу трактовка Т. В. Булыгиной вполне созвучна трактовке А. А. Реформатского.

[32] Трактовка отрезков *-ов-ej-* (в *сын-ов-ь-я*), *-ес-* (в *неб-ес-а*) как показателей мн. ч., а отрезков *-ин-* (в *болгар-ин*), *-н-* (в *суд-н-о*) — как показателей ед. ч., выдвигалась В. Н. Сидоровым в книге *Аванесов—Сидоров 1945*, с. 92—97.

8. Экстраморфологический vs. интраморфологический слой внутренней стороны словоформы

До сих пор о том, что такое «экстра-» и «интра-», упоминалось лишь применительно к «формальному» аспекту морфологии, т. е. к «внешней» стороне словоформы. Однако зеркально симметричная картина получится, если мы применим это противопоставление к «внутренней» стороне словоформы. А именно, оказывается, что «экстра-» применительно к внутренней стороне означает как раз «более глубинный», а «интра-» — «более поверхностный» уровень представления. В РИС на экстраморфологическом уровне внутренней стороны словоформы находятся граммемы и лексемы. В качестве конструктивного аналога лексемы, по сути дела, выступает попросту адрес этой лексемы в словаре. В качестве конструктивного аналога граммемы — результат применения мысленной «процедуры выделения» граммем к представительному, принципиально открытому корпусу речевых фактов, т. е. к множеству речевых произведений, снабженных оценками грамматической правильности и смысловой эквивалентности, даваемыми носителями языка.

На первый взгляд кажется, что никакого подобия различению интра- и экстраморфологического представления внутренней стороны словоформы в РИС вовсе нет[33]. В действительности такое различение есть, однако проведено оно настолько нетривиальным способом, что даже может остаться незамеченным.

Рискну предположить, что условным (интраморфологическим) представлением «внутренней» словоформы следует считать сочетание адреса лексемы[34] в словаре либо с ее «эталонным грамматическим значением» (если перед нами первичная словоформа), либо с «эталонным грамматическим значением» той первичной словоформы, из которой она тождественно выводится (если перед нами вторичная словоформа). «Действительным» же представлением следует считать

[33] Может возникнуть даже такой вопрос: а не являются ли граммемы и лексемы как раз единицами интраморфологическими — в отличие от «частных значений граммем» и «лексико-семантических вариантов» лексем, которые как раз и являются экстраморфологическими? Ответ на него — отрицательный: ведь никаких правил перехода от частных значений граммем к граммемам и от значений лексем к лексемам в РИС вообще не описывается. Значит, либо противопоставление экстра- и интраморфологических единиц «внутренней стороны» в РИС отсутствует, либо оно присутствует, но не в той области, в которой мы его пытались найти поначалу.

[34] Или, в иных случаях, ее варианта (фонетического либо морфологического).

сочетание адреса лексемы в словаре с ее грамматической формой (словоизменительным грамматическим значением данной лексемы).

Практически это означает, что эталонное грамматическое значение репрезентанта данной словоформы[35] выступает в качестве единицы особого уровня представления, хотя в явном виде это в РИС не декларируется. Есть ли в языке такой уровень, единицы которого соответствуют «эталонному грамматическому значению»? Декларируемое в РИС ограничение задач описания исключительно аспектом «слово — парадигма» позволяет оставить этот важный вопрос открытым. А выход за рамки данного аспекта заставляет дать на него эксплицитный ответ. Неоструктурализм дает на него ответ положительный: т. е., признавая наличие обнаруженных ААЗ связей между эталонным и «обыкновенным» грамматическим значением, а также между «первичными» и соответствующими им «вторичными» словоформами, неоструктуралистская морфология пытается отразить эти связи на особом уровне представления словоформы.

9. Специфика неоструктуралистской схемы описания флективной морфологии: морфограммема и морфокатегория

Ниже будет введено несколько понятий, составляющих характерную особенность неоструктуралистского подхода к описанию морфологии языков флективного строя. Изложение ведется в плане сопоставления этих понятий с их наиболее близкими соответствиями в концептуальном аппарате РИС, послужившем главной теоретической базой при выработке этих понятий.

9.1. Морфограммема vs. граммема. Наряду с граммемами в морфологическом описании целесообразно использовать также морфограммемы — единицы, по степени глубинности занимающие промежуточное положение между граммемами и флексиями. Десигнатами флексий, с точки зрения неоструктуралистской морфологии, являются, строго говоря, не граммемы или их сочетания, а морфограммемы и их сочетания[36]. Получается, что у флексий есть

[35] Под репрезентантом словоформы будем понимать либо ее самое (для первичных словоформ), либо ту первичную словоформу, из которой она тождественно выводится (для вторичных словоформ).

[36] Учет буквального значения флексий и тем самым такого фактора, как «внутренняя форма» словоформы (а также и лексемы), оказывается эффективным не только в тех сферах, которые затронуты ниже, но и в некоторых других. В первую очередь это касается классификации частей речи. Элегантное решение проблемы частей речи в духе несколько осовремененного (нео-)фортунатовского формализма на основе учета именно внутренней

как «переносное», так и «буквальное» значение. Буквальные значения флексий состоят из морфограммем, а переносные (состоящие из граммем) в таком случае естественно описывать как их контекстные варианты[37], подобно тому, как фразеологически связанные значения слов в составе фразеологизмов описываются на базе внутренней формы словосочетания, состоящей из буквальных значений слов, входящих в этот фразеологизм.

Морфограммема — это результат абстракции отождествления над множеством сходно выражаемых граммем. Введение этого понятия позволяет минимизировать число случаев, описываемых с помощью понятия морфологической омонимии словоформ. Содержательно такое решение мотивировано тем, что значительная часть этих случаев не воспринимается как случайность; между тем омонимия, как правило, всегда «случайна», в отличие от синкретизма граммем в некоторых клетках парадигмы. Можно предположить, что эта разница в синхронном восприятии двух указанных классов явлений есть более или менее прямое отражение различия в историческом происхождении этих явлений. «Настоящая» морфологическая омонимия (то есть омонимия флексий) возникает преимущественно как результат действия определенных звуковых законов, обусловливающих независимое фонетическое развитие словоформ, тогда как морфологический синкретизм есть в первую очередь результат действия разнообразных аналогических процессов унификации парадигм[38].

Таким образом, описание идет по трехчленной схеме. При анализе эта схема имеет вид:

флексия	⇒	морфопадеж	⇒	падеж
флексия	⇒	морфород	⇒	род
флексия	⇒	морфочисло	⇒	число

грамматической формы слов предложено в статье *Поливанова 1990*: слова *запятáя, мостовáя* признаются адъективами в ж. р.; *прохóжий* — адъективом в м. р.; *крáйне, теплó, хорошó* — адъективом в кр. ф. ср. р., слова *бегóм, шáгом* — субстантивом в тв. п., *мóлча* — деепричастной формой глагола и так далее. Неоструктуралистская концепция морфограммем содержательно приходит в значительной степени к тем же выводам (и прибегает к сходным мотивировкам), хотя в слегка иной терминологической упаковке.

[37] Как известно, граммемы («общие грамматические значения»), в свою очередь, тоже имеют контекстные варианты в виде так называемых «частных грамматических значений». Но эта проблематика выходит за рамки (формальной) морфологии и уводит в область грамматической семантики. Об инвариантах в грамматике см. *Гак 1986*; *Перцов 2001*.

[38] Ср. попытку исследования таких процессов с функциональной (телеологической) точки зрения в *Трубецкой 1937/1987*; *Якобсон 1957/1985*.

При синтезе, соответственно:

падеж	⇒ морфопадеж	⇒ флексия
род	⇒ морфород	⇒ флексия
число	⇒ морфочисло	⇒ флексия

9.2. Морфокатегория vs. грамматическая категория. Морфокатегория состоит из морфограммем — отчасти подобно тому, как грамматическая категория состоит из граммем. Формально говоря, морфограммемы, входящие в одну морфокатегорию, даже характеризуются свойством «однородности» (с. 23), или теоретико-множественной взаимоисключительности, в том смысле, что любая конкретная словоформа содержит в своей внутренней стороне не более одной морфограммемы любой отдельной грамматической морфокатегории. На этом, однако, сходство между однородностью граммем и однородностью морфограммем заканчивается. Дело в том, что между морфокатегорией и категорией есть два существенных отличия. А именно:

(а) Однородность граммем одной категории (в языках флективного строя[39]) базируется на их семантической комплементарности в том смысле, что «значения» разных граммем содержательно несовместимы друг с другом. Между тем морфограммемы, составляющие одну морфокатегорию, в общем случае вовсе не обязаны обладать свойством семантической комплементарности. Так, морфограммема 'родительно-винительный морфопадеж', выраженная в сегменте *мужа*, находится в гиперонимическом отношении к морфограммеме 'винительный падеж', выраженной в сегменте *жену*, т. е. выступает в качестве более широкого понятия, семантически включающего более узкое. Поэтому свойство однородности у морфограммем одной морфокатегории носит чисто формальный характер.

(б) морфограммемы, составляющие одну классифицирующую морфокатегорию, могут быть разными у разных словоформ одной лексемы; т. е. на множестве словоформ одной лексемы классифицирующая морфокатегория может, вообще говоря, принимать разные значения. Так, категория морфорода у лексемы *стол* принимает значение мужского морфорода в форме *стол*, но мужеско-среднего — в *стола*. Более того, иногда (в порядке исключения) она принимает не просто разные, но даже прямо конфликтующие значения (так, в словоформе *путём* выражен 'мужеско-средний морфород', а в словоформе *пути* — 'женский'; в сегменте *яблоки* выражен 'женско-мужской' морфород, а в сегменте *яблок* — 'женско-средний').

---

[39] Ср. *Булыгина — Крылов 1990с* с лит.

9.3. Морфограммема vs. эталонное грамматическое значение. Эти же два свойства отличают морфограммемы от элементов, входящих в так называемое «эталонное грамматическое значение» (с. 145). Кроме того, эталонное грамматическое значение имеется только у первичных словоформ, а морфокатегории покрывают все множество словоформ — как первичные, так и вторичные словоформы.

9.4. Морфокатегория vs. различительные признаки парадигм. В некоторых отношениях классифицирующие морфокатегории весьма близки к «различительным признакам» парадигм, названия которых включают эпитет «морфологический»: т. е., иными словами, морфород во многом близок к морфологическому роду, а морфочисло — к морфологическому числу. Однако различительные признаки в РИС

(а') обладают свойством комплементарности;

(б') принимают одно и то же значение у словоформ одной лексемы.

Между тем классифицирующие морфокатегории упомянутыми свойствами, вообще говоря, не обязаны обладать и во флективных языках обычно не обладают.

9.5. Морфород vs. род. Морфород — это результат абстракции отождествления над множеством словоформ, сходным образом флективно выражающим отнесение предмета к одному из крупных таксономических классов предметов, образуемых различиями живого — неживого, своего — чужого, мужского — женского и т. п. (в частности, классов, уподобляемых прототипическим ядерным подклассам на основании грамматической метафоры).

Полного соответствия между морфородом и деклинационным классом нет, так как, например, словоформы *стен-ой* и *двер'-ю* относятся к одному морфороду, но к разным деклинационным классам. В этом отношении морфород, как правило, весьма близок к морфологическому роду по ААЗ, однако здесь имеются и определенные расхождения. А именно:

(а) Морфологический род свойствен только существительным, числительным и местоимениям, а морфород — также и прилагательным (т. е. в этом отношении он скорее соответствует «эталонному грамматическому роду»).

(б) Морфологический род всегда характеризует лексему в целом, и, соответственно, «эталонный» грамматический род характеризует субстантивную или местоименную лексему в целом, а морфород мо-

жет быть разным у разных словоформ одной лексемы: например, сегменты *стол, столов* относятся к мужскому морфороду; сегменты *стола, столу, столом* — к мужеско-среднему морфороду; сегменты *столе, столы, столам, столами, столах* — к мужеско-средне-женскому или «общему» морфороду, хотя, впрочем, эти сигналы морфорода содержательно не конфликтуют друг с другом. В отличие от рода и от морфологического рода, морфород обычно представляет собой, вообще говоря, переменную (относительно лексемы) величину, значение которой зависит (в отличие от значения эталонного грамматического рода!) от степени выраженности деклинационных различий в различных клетках парадигмы (ср. *Дурново 1922/1971*). В истории русского языка последнего тысячелетия интенсивно шел процесс слияния и полного исчезновения морфородов в большинстве клеток плюральных субпарадигм[40].

(в) Морфологический род и эталонный грамматический род у существительных и местоимений в пределах одной лексемы постоянен (см. выше пункт (б)), а морфород не только может варьироваться по законам синкретизма в пределах одной парадигмы (как это отмечено в пункте (б)), но в исключительных случаях морфород одной или нескольких словоформ внутри одной парадигмы может также конфликтовать с морфородом большинства словоформ этой парадигмы. А именно, это бывает тогда, когда эта словоформа имеет «нестандартное условное окончание» (с. 221—234), заимствованное «из другого морфологического рода» (с. 222). Например, словоформа *гусята* выражает средний морфород, а *гусят* — женско-средний морфород, хотя лексема *гусёнок* относится к мужскому морфологическому роду.

9.6. Морфочисло vs. число. К одному морфочислу относятся числа, выражаемые одинаково в пределах данной лексемы. Например, одно и то же морфочисло — множественное — представлено в сочетаниях *одни сани* и *многие сани*.

Таким образом, формулировка традиционной грамматики, согласно которой «существительные pluralia tantum имеют только множественное число», соответствует неоструктуралистской формулировке, согласно которой они «имеют только множественное морфочисло». Несмотря на отсутствие морфологической оппозиции по числу у pluralia tantum, их «внутренняя форма» достаточно прозрачна: она сигнализирует коннотацию множественности. Неоструктуралистская

---

[40] См. об этом *Кузнецов 1959; Марков 1974; Шульга 1988; Крысько 1994.*

формулировка позволяет отразить такую специфику «внутренней формы» соответствующих словоформ.

Отождествить морфочисло с «эталонным грамматическим числом» не всегда возможно, так как эталонное число приписывается лишь «первичным» словоформам, а морфочисло — любым словоформам. В частности, субстантивным сегментам в составе сочетаний *большое пальто* и *большие пальто* приписывается одно и то же морфочисло — «общее» (morphonumerus communis).

Введение понятия морфочисла само по себе не означает автоматического вытеснения понятия числа (в том смысле, в котором оно предложено в РИС). Однако попытка совместить понятие морфочисла с понятийным аппаратом РИС, не приводя к логическим противоречиям в теории, вынуждает к отличной от принятой в РИС трактовке фактов. Так, количество случаев, подводимых (в соответствии с концепцией РИС) под понятие омонимии чисел, в такой трактовке минимизируется практически до нуля. Иначе говоря, омонимии морфочисел в русском языке вообще нет, если не считать кумулятивной омонимии, представленной парами типа *лошади*$_{\text{ед}}$ vs. *лошади*$_{\text{мн}}$, *пути*$_{\text{ед}}$ vs. *пути*$_{\text{мн}}$, *солдат*$_{\text{ед}}$ vs. *солдат*$_{\text{мн}}$, *помидор*$_{\text{ед}}$ vs. *помидор*$_{\text{мн счетн}}$).

Словоформы, в явном виде (флективно) выражающие принадлежность к тому или иному «морфологическому числу», относятся и к соответствующему «морфочислу»: например, словоформа *четырём* выражает множественное морфочисло, а словоформа *пятью* — единственное морфочисло. Однако отождествить морфочисло с «морфологическим числом» не удается, так как морфологическое число присуще лишь словоформам числительных и местоимений, а морфочисло — также и словоформам других разрядов. Кроме того, в парадигме некоторых собирательных числительных (*двое, трое, четверо, пятеро*) и местоименных числительных (*столько, сколько, несколько, много, немного*) представлено нестандартное условное окончание И. мн. *-о*, заимствованное из другого числа; поэтому соответствующие словоформы (И. мн.) выражают единственное морфочисло, хотя морфологическое число у этих лексем — множественное, и, таким образом, «эталонное» грамматическое число будет также множественным — даже в словоформах И. мн. Приведенный пример показывает, что морфочисло, вообще говоря, может быть разным у словоформ одной лексемы даже в том случае, если она имеет некоторое фиксированное морфологическое число (хотя такие случаи носят характер исключений).

9.7. Морфопадеж vs. падеж. К одному морфопадежу относятся падежи, выражаемые одинаково в пределах данной родо-числовой подпарадигмы. Иначе говоря, морфопадеж — это результат

применения процедуры выделения падежа, полученный исходя из максимально расчленённых правил управления[41].

Соотношение между падежом и морфопадежом может быть охарактеризовано следующим образом. Морфопадеж некоторой отдельной словоформы есть обобщенный ярлык для всех клеток парадигмы данной лексемы, в которых может фигурировать окончание нашей словоформы и которые при этом не отличаются от данной словоформы значениями морфограммем морфорода и морфочисла. Морфопадеж приписывается словоформам на основании сопоставления, проводимого в рамках одной лексемы и, более того, в рамках одной номинатемы.

Морфопадеж может состоять либо из ровно одного падежа (обычно так обстоит дело в агглютинативных языках) — тогда это монофункциональный морфопадеж[42], например, в русском языке творительный морфопадеж (*столом, стеной* и т. п.), либо из нескольких падежей, тогда это гиперпадеж, или полифункциональный морфопадеж. Например, сегмент *стол* выражает именительно-винительный морфопадеж, сегмент *стене* — дательно-предложно-местный морфопадеж; здесь перед нами гиперпадежи. Однако не все случаи падежной неоднозначности устраняются таким образом: так, сегмент *двери* омонимичен и скрывает за собой два разных морфопадежа — именительно-винительный (при прочтении во мн. ч.) и родительно-дательно-предложный (при прочтении в ед. ч.), таким образом, неоднозначность возможна и на уровне морфопадежей.

Термины типа «именительно-винительный падеж» или «родительно-винительный падеж» широко распространены в славистике, но на метаязыке неоструктуралистской морфологии в таких случаях следовало бы говорить не о падежах, а о морфопадежах; только при этом условии употребление дефисных эпитетов типа «родительно-винительный» будет терминологически корректным.

---

[41] Правило управления является расчленённым, если оно требует постановки существительных разных деклинационных подклассов в разных словоизменительных формах (*Зализняк* 1973, с. 77—78).

[42] С точки зрения телеологической интерпретации языковой эволюции интересен вопрос, почему одни морфопадежи остаются монофункциональными, а другие превращаются в гиперпадежи; ср. исследование причин такого феномена, как монофункциональность творительного морфопадежа в славянских языках, проведенное Н. С. Трубецким (*Трубецкой 1937/1987*: 217). Характеризуя общее направление эволюции славянского склонения, Трубецкой усматривает в нём общую для славянских языков тенденцию — «стремление избежать совпадения» (творительного падежа с другими). Однако в настоящей статье мы не будем касаться интригующего вопроса о причинах и тем более целях эволюции деклинационных систем, ограничившись чисто констатирующими сухими формулировками.

Идея морфопадежа в значительной степени восходит к концепции морфологического синкретизма, развитой Р. О. Якобсоном. В терминологии Якобсона можно говорить о «пятипадежной», «четырехпадежной», «трехпадежной» и «двухпадежной» системе (*Якобсон 1958/1985*, с. 184—186), имея в виду классификацию именно деклинационных типов слов, а не собственно падежную систему. В неоструктуралистской терминологии речь здесь может идти именно о морфопадежах — причем полифункциональных, т. е. о гиперпадежах. Так, те морфологические сущности, которые Якобсон называет «прямой падеж», «косвенный падеж», «определенный падеж», «неопределенный падеж», «объемный падеж», «необъемный падеж», соответствуют морфопадежам (конкретнее, гиперпадежам) в предложенном понимании.

Хотя морфопадежи более прямо соответствуют флексиям, чем падежи, однако между флексиями и морфопадежами также нет изоморфизма. А именно, при омосемии флексии разных деклинационных разрядов (например, *стен-ой* и *лошад'-ю*) выражают один и тот же морфопадеж. Если учесть, что означаемое флексии содержит также морфород и морфочисло, то к фактам, препятствующим отождествлению морфопадежей с флексиями, следует относить явления кумулятивного выражения морфопадежа, морфорода и морфочисла. Флексии *-ом* (*Александр-ом*) и *-ой* (*Александр-ой*) выражают один и тот же морфопадеж, но не омосемичны, так как их десигнаты различаются на морфограммему морфорода: *-ом* выражает мужеско-средний морфород, а *-ой* — женский морфород; именно на этом различии нередко базируется феномен «субкатегориальной» конверсии — конверсии внутри одной части речи (ср. *маркиз* vs. *маркиза*). С другой стороны, возможна омонимия флексий, выражающих разные морфопадежи и одновременно разные морфороды: так, флексия дательного морфопадежа мужеско-среднего морфорода *-у* (*стол-у, дел-у*) омонимична флексии винительного морфопадежа женского морфорода *-у* (*стен-у, жен-у*), но такая омонимия разрешима в пределах собственно морфологического анализа, если она не сопровождается одновременной лексической омонимией (*вин*^{1}*-у* vs. *вин*^{2}*-у*) или конверсией (*супруг*^{1}*-у* vs. *супруг*^{2}*-у, маркиз*^{1}*-у* vs. *маркиз*^{2}*-у*).

9.8. Морфологическая одушевленность и морфограммемы. Любопытно, что на морфограммемном уровне представления высказывания нет никакого прямого аналога ни одушевленности, ни морфологической одушевленности. Это связано с тем, что про одушевленность и про морфологическую одушевленность какой бы то ни было словоформы, взятой в отрыве от контекста (и данной нам либо как «сегмент» в смысле РИС, либо как «лексически значимый сегмент» в понимании А. В. Гладкого, см. *Гладкий 1973а*, с. 30; *Гладкий 1973b*, с. 315), вообще нельзя судить на основании ее

флексии. Это означает, что морфограммем «(морфо)одушевленности» и «(морфо)неодушевленности» в русском языке, по-видимому, просто нет[43]. Соответствующие граммемы выражаются определенными комбинациями морфограммем других морфокатегорий — а именно, морфорода, морфопадежа и морфочисла. В терминологии, заимствованной из падежной теории ААЗ (*Зализняк 1973*), можно было бы сказать, что категория одушевленности и различительный признак морфологической одушевленности являются в русском языке «морфологически несамостоятельными»; в терминах неоструктуралистской морфологии здесь можно говорить о стопроцентной степени морфологического паразитизма граммемы одушевленности[44].

10. Грамматические разряды в РИС

В РИС выделено пять грамматических разрядов: «расширенный адъективный» (≈ прилагательные, имеющие предикативную форму), «простой адъективный» (≈ прилагательные, не имеющие предикативной формы), «субстантивный» (существительные), «согласуемо-бесчисловой» (согласуемые числительные и местоимения) и «несогласуемо-бесчисловой» (несогласуемые числительные и местоимения).

Если для простоты пренебречь различиями между расширенным и простым адъективным разрядом, то соотношение между выделенными ААЗ разрядами можно схематически представить в виде таб-

[43] Сказанное верно лишь в том смысле, что на уровне морфограммем не получается построить ближайший прямой морфемный аналог одушевленности (как согласовательной категории) и морфологической одушевленности (как тесно скоррелированного с нею различительного морфологического признака парадигм). Однако косвенный аналог неодушевленности все-таки есть: это средний морфород. Можно увидеть определенную одностороннюю статистическую корреляцию между средним морфородом и неодушевленностью, трактуемой во всех ее аспектах: семантическом (ответ на вопрос «что?», а не «кто?»), синтаксическом (наличие граммемы неодушевленности в смысле РИС) и морфологическом (различительный признак морфологической одушевленности в смысле РИС принимает значение неодушевленности). А именно: с вероятностью, достаточно близкой к единице, произвольная встреченная в тексте словоформа среднего морфорода является и неодушевленной (во всех трех аспектах). Обратное неверно, так что корреляция носит односторонний характер.

[44] Может быть, именно полный морфологический паразитизм граммемы одушевленности и является основным (или даже единственным) реальным (хотя и не декларируемым) фактором, заставляющим А. В. Бондарко отказывать признаку одушевленности-неодушевленности в праве называться «морфологической категорией» (*Бондарко 1976*, с. 184—189), хотя признаку рода в этом праве не отказано.

лицы (такая таблица отражает пропорциональность различий между прилагательными и существительными различиям между согласуемыми и несогласуемыми бесчисловыми именами):

		категория числа словоизменительна	
		да	нет
категория рода	да	прилагательные	согласуемо-бесчисловые имена
словоизменительна	нет	существительные	несогласуемо-бесчисловые имена

Как отмечает ААЗ, одно из проявлений «объяснительной силы» описания[45] — его предсказательная способность по отношению к словам, не входящим в «исходный материал» (с. 14).

11. Расширенная система падежей

Замечательной чертой РИС было строгое доказательство того, почему целесообразно при описании русской падежной системы не ограничиваться шестью падежами, но вводить в описание (вслед за Н. Н. Дурново и Р. О. Якобсоном) также:

(а) II родительный (= частичный падеж = партитив): *немного* ***мёду***;

(б) II предложный (местный падеж = локатив): ***в снегу*** (в отличие от I предложого падежа: ***в снеге***);

(в) счётную форму (аднумератив): *два* ***часа́*** (в отличие от генитива: *в течение* ***ча́са***).

Доказательство ААЗ базируется на строгой процедуре выделения падежа по А. Н. Колмогорову и В. А. Успенскому (с. 36—42).

С неоструктуралистской точки зрения логически возможно ещё одно решение указанных трёх проблем, при котором и падежная система продолжает оставаться шестичленной (в традиционном духе), и процедура выделения падежей не претерпевает никаких модификаций. Достаточно лишь несколько более дробно расщепить некоторые ‘предметы’[46] на два разных ‘предмета’. А именно, для русских

---

[45] Нет нужды специально оговаривать, что термин «объяснительная сила» понимается здесь в соответствии с отечественной (а не американской) традицией.

[46] Понятие ‘предмета’ (в смысле *Успенский 1957*) соответствует внутренней стороне «номинатемы» (в смысле *Зализняк 1973*).

существительных можно постулировать наличие трёх дополнительных словоизменительных категорий:

(а) «квантификации вещества»[47] с бинарным привативным[48] противопоставлением 'нейтральности'/'парциальности'; тогда в словосочетаниях *недостаток* **чая** и *недостаток* **чаю** будет представлена одна и та же граммема категории падежа — 'генитив', но две разных граммемы категории «квантификации» — 'нейтральность' (*недостаток* **чая**) vs. 'парциальность' (*недостаток* **чаю**);

(б) «ипостаси» с бинарным эквиполентным противопоставлением 'идеальности' ('психичности')/'материальности' ('физичности'); тогда в словосочетаниях *художники ищут чего-то в* **снеге** и *воробьи ищут чего-то в* **снегу** будет представлена одна и та же граммема категории падежа — «локатив», но две разных граммемы категории «ипостаси» — 'идеальность' (*художники ищут чего-то в* **снеге**) vs. 'материальность' (*воробьи ищут чего-то в* **снегу**);

(в) «статуса» с бинарным привативным[49] противопоставлением 'свободного, или нейтрального, статуса' 'связанному статусу' ('аднумеративности'); тогда в словосочетаниях *два* **часа́** и *в течение* **ча́са** будет представлена одна и та же граммема категории падежа — 'генитив', но две разных граммемы категории «статуса» — 'свободный статус' (*в течение* **ча́са**) vs. 'аднумеративность//связанный статус' (*два* **часа́**).

Недостатком такого описания следует считать введение в описание новых грамматических категорий с их (конечно, новыми) граммемами, а достоинством — упрощение правил согласования слов-атрибутов (падежная система которых признаётся тоже шестичленной) и минимизация падежной омонимии у словоформ типа *воды́* (единая словоформа генитива, а не пара омонимов: на множестве лексем женского типа склонения категория «квантификации» не определена) и *водé* (омонимическая пара, а не тройка: на множестве словоформ женского типа склонения категория «ипостаси» также не определена)[50].

---

[47] «Вещественная квантификация» составляет частный случай категории мензуратива (в смысле *Мельчук 1998*: *95*), а 'парциальность' — разновидность 'диминутива' (в смысле *т а м ж е*: *95*).

[48] Привативность оппозиции здесь проявляется в факультативности употребления позитивного члена. О проблеме обязательности/факультативности в грамматике см. *Перцов 2001*: 69—90.

[49] Привативность оппозиции здесь проявляется в малоупотребительности позитивного члена.

[50] Следует признать, что трактовка аднумератива не как падежной граммемы, а как граммемы категории статуса не упрощает описания, но и не слишком усложняет его; во всяком случае, она является логически возможной.

12. Род существительных vs. пол: фамилии и слова общего рода как особый грамматический разряд?

С неоструктуралистской точки зрения, целесообразно применить принцип предсказательной способности (см. выше п. 10) также и в классификации грамматических разрядов. В частности, например, следовало бы признать бо́льшую объяснительную силу такой классификации, которая не ограничивается именами нарицательными, а включает также имена собственные. При описании «внешней стороны» словоизменения (т. е. словоизменительной морфонологии) ААЗ так и поступает: ср., например, правила установления морфологического рода топонимов (с. 144—145), схем ударения фамилий (с. 157), типа склонения фамилий и личных имен (с. 215—217) и др.

С неоструктуралистской точки зрения, целесообразно иногда выходить за пределы исходного материала и при описании «внутренней стороны» словоформ. Тогда вопрос о грамматических категориях русских имен должен был бы решаться несколько иначе. А именно, для фамилий следовало бы предусматривать словоизменительную категорию пола, состоящую из граммем «мужской» и «женский», включающих номинативный элемент значения «пол», сопряженный с синтаксическим элементом значения «род». Трактовка пола именно как словоизменительной категории фамилий находит себе поддержку и в практике антропонимической лексикографии[51]: в любых словарях фамилий пары типа *Ильин* (муж.) — *Ильина* (жен.) принято относить к одной и той же лексеме. Принятие такой трактовки для фамилий, естественно, влечет за собой комплекс дискуссионных вопросов, связанных с определением статуса категории пола у нарицательных существительных и у местоимений. Например:

(а) Не является ли категория пола словоизменительной для существительных типа *сирота*? Если является (что прямо следует из традиционно принятого в лексикографической практике признания членов пар типа *сирота*$_{\text{муж}}$ vs. *сирота*$_{\text{жен}}$ представителями одной лексемы), то перед нами отдельный грамматический разряд «полоизменительных» или, если угодно, «генофлектирующих» существительных, к которым относятся как фамилии, так и существительные «общего рода»[52].

---

[51] Ссылка на словарную практику сама по себе не есть внутритеоретический аргумент для построения теории грамматики. Однако использование такого аргумента полностью созвучно внутренней логике РИС, где, по собственному признанию автора, именно традиционная лексикографическая практика является основой для практического решения вопроса об отождествлении и различении лексем.

[52] Таким образом, появляется еще одна логически возможная трактовка слов общего рода, не рассматривавшаяся в РИС.

(б) Не относятся ли тогда к «генофлектирующим» вообще все существительные, входящие в пары типа «имя лица — имя лица женского пола» типа *хомскианец — хомскианка* (трактуемые обычно как словообразовательные)? *Вопрос слишком сложен для обсуждения* его здесь.

(в) Не относятся ли к «генофлектирующим» вообще все одушевленные существительные (в таком случае придется значительную их часть описывать как masculina tantum, feminina tantum, члены супплетивных пар, члены семантически нерегулярных пар и т. п.)? Этот вопрос также требует отдельного обсуждения [53].

Для признания некоторого значения грамматическим необходима его обязательность и регулярность для некоторого класса словоформ. А обязательность, как и регулярность, «вообще говоря, зависит от того, какой класс словоформ рассматривается нами как выделенный» (с. 25). В. М. Алпатов на этом основании считает, что «фактически мы можем любой элемент значения объявить обязательным и регулярным, подобрав подходящий класс» [54] (*Алпатов 1979*, с. 36).

---

[53] Применительно к французскому языку трактовка рода как словоизменительной категории одушевленных существительных обосновывается в *Гак 1986*, с. 79—86. Применительно к литовскому языку подобная трактовка не отвергается принципиально, а признается в принципе допустимой, хотя и не оптимальной (по аналогии с трактовкой числа) в статье *Булыгина 1970*, с. 32—33.

[54] К сказанному В. М. Алпатовым можно, впрочем, добавить и прямо противоположное соображение, а именно: чем больше круг описываемых фактов, тем больше свидетельств в пользу трактовки некоторой традиционной «словоизменительной» категории в качестве «классифицирующей». Так, учет фактов, свидетельствующих о том, что двучисловые русские названия съедобных плодов делятся на сингулярно-ориентированные (типа *свёкла* или *репа*) и плюрально-ориентированные (типа *огурцы*), предпринятый в *Поливанова 1983*, вполне достаточен для выдвижения гипотезы, согласно которой употребление соответствующих словоформ в «генерическом» референциальном статусе есть словообразовательный факт, так как выбор формального средства для выражения такого референциального статуса зависит от того, является ли существительное сингулярно- или плюрально-ориентированным. А если так, то и числовые соотношения в «неарифметических» контекстах суть отношения словообразовательные. В РИС признается (правда, очень осторожно), что возможна трактовка мн. ч. у некоторых двучисловых существительных в функции обозначения 'пары' (*сапоги, уши*) или 'ансамбля' (*волосы* = 'шевелюра') как словообразовательного средства (с. 61). Но та же ситуация наблюдается и со словами других семантических типов. Так, множественное число таких двучисловых слов, как *огурцы, баклажаны*, или единственное число таких двучисловых слов, как *репа, свёкла*, также носит не столько словоизменительный, сколько словообразовательный ха-

Между тем кажется интуитивно очевидным, что выделенный класс должен быть либо весьма многочислен, либо (если уж он немногочислен) большинство его членов должны быть весьма употребительны в речи (например, если это класс местоимений). Исходя из этого следовало бы признать такие классы, как одушевленные существительные, имена лиц, фамилии, вполне мощными классами слов, заставляющими предположить в них особый грамматический разряд.

13. Согласование и согласовательные категории

Одно из важнейших достижений ААЗ в РИС — это глубоко продуманная теория согласования и согласовательных грамматических категорий (с. 62—88)[55]. Если сопоставить ее с неоструктуралистской концепцией согласования, то выявляются следующие расхождения, заслуживающие внимания.

Согласование в РИС трактуется как морфологическая зависимость слова-атрибута (т. е. прилагательного или числительного) от предметного слова, причем о наличии согласования в некотором языке можно говорить в том случае, если эта зависимость имеет место при «атрибутивной связи» (с. 64). Из этого следует, что, например, в соответствии с концепцией РИС, в английском языке нет (внесловоизменительного) согласования по роду, так как связь анафорических местоимений he, she, it, they со своими антецедентами является не атрибутивной, а анафорической. Более того, исходя из этой концепции, следовало бы признать, что в английском языке вообще нет согласования (в том числе и между подлежащим и сказуемым). Ведь зависимость лица и числа сказуемого от лица и числа подлежащего выражает не атрибутивную, а предикативную связь, а при атрибутивной связи выбор граммем у слова-атрибута вообще не контролируется его синтаксическим хозяином.

С неоструктуралистской точки зрения согласование может быть и в таком языке, где атрибутивная связь не оформляется в слове-атрибуте: например, в языках, где глагольное сказуемое включает показа-

---

рактер. И то и другое — операторы образования собирательной лексемы с вещественным (недискретным) значением. Только у сингулярно-ориентированных существительных собирательный дериват совпадает с их ед. ч., а у плюрально-ориентированных — с их мн. ч. (в чем как раз и состоит их «числовая ориентированность» в смысле А. К. Поливановой).

[55] Новизна подхода ААЗ к выделению согласовательных классов была отмечена уже авторами первых откликов на его концепцию (впервые сформулированную в статье 1964 г.). См., например, *Апресян 1966*, с. 162—165; *Плотникова 1966*, с. 125—126; *Ревзин 1967*, с. 90, 141, 161—162, 167.

тели лица, числа или рода подлежащего, можно также усматривать согласование. Согласование в широком смысле есть и в английском языке, где выбор местоимения 3-го лица зависит от числа, одушевленности и пола антецедента.

Независимо от понятия согласования в РИС вводится понятие согласовательной связи, охватывающей не только атрибутивную, но и любую другую «связь (...) между существительным и словом-атрибутом, при которой выбор сегмента слова-атрибута зависит от выбора существительного и (или) от грамматической формы, в которой оно стоит» (с. 69).

Из этой формулировки следует, в частности, что такие связи, как связь между *его* и *весь* в примере *я вижу его весь* (с. 81) или между *его* и *всего* в примере *я вижу его всего* (там же), не являются согласовательными, так как местоимения-существительные не являются разновидностью существительных[56]. А если так, то и само понятие согласовательного класса (в его буквальном виде) к местоимениям-существительным неприменимо.

В отличие от РИС, в неоструктуралистской грамматике понятия согласования и согласовательной связи трактуются как синонимичные.

С точки зрения неоструктурализма, понятие согласования несколько шире, чем аналогичное понятие в РИС[57]. Так, применительно к русскому языку оно охватывает не только (а) согласование прилагательного или числительного, но также (б) согласование глагола с подлежащим (в роде и числе); (в) согласование анафорического местоимения со своим антецедентом (в роде и числе). Заметим, что в

[56] Это означает, что для того, чтобы применить понятие согласовательного класса к «местоимениям-существительным», недостаточно всего лишь «заменить в определении II (§ 2.16) слово „существительное" на „местоимение-существительное"» (с. 80), как предлагает ААЗ, так как это определение (с. 70) базируется на понятии согласовательной связи. Следовательно, необходимо также в определении согласовательной связи в § 2.16 (с. 69) заменить термин «существительное» на «предметное слово». Возможно, для большей общности определения II следовало бы и в нем также заменить термин «существительное» на «предметное слово».

[57] Приведенное замечание ни в коем случае не следует понимать как упрек по адресу автора РИС за то, что в РИС не описывается согласование глагола и анафорического местоимения (такой упрек был бы нелепостью). Речь идет всего лишь о том, что понятию согласования в РИС дана более узкая дефиниция, чем та, которая требуется для охвата понятием согласования указанных двух явлений.

более поздних работах ААЗ о согласовании (*Зализняк 1976a, Зализняк 1976b*) трактовка согласования шире: она охватывает и случаи типа (а), и случаи типа (б). Проблема трактовки случаев типа (в) остается не совсем решенной. Исходя из формулировки, по которой согласование имеет место «во фразе» (а не «в тексте»), дефиниция 1976 г. охватывает согласование относительных (а также возвратных) местоимений с их антецедентами (это же следует из приводимых примеров на согласование слова *который*). Однако как быть с местоимениями 3-го лица (которые нередко бывают связаны с данным словом не «во фразе», а «в тексте») исходя из этих определений, не вполне ясно[58].

При неоструктуралистской трактовке согласования отнесение слов типа *он, она, оно, они* к «несогласуемо-бесчисловому разряду» (с. 81, 98) представляется нежелательным. Правда, определенную трудность здесь представляет соотнесение с лексикографической традицией, разбивающей множество местоименных словоформ 3-го лица на 4 лексемы. Именно на эту традицию опирается РИС. Однако не исключена возможность так определить понятие согласования, чтобы выбор местоименных лексем в зависимости от класса и числа антецедента по определению оказывался бы разновидностью согласования. Что же касается разбиения множества местоименных словоформ третьего лица на 4 разных лексемы, то его можно либо при-

[58] Заслуживает внимания оригинальная трактовка согласования в рамках теории «Смысл ⇔ Текст», предложенная недавно И. А. Мельчуком. Согласно этой концепции, согласование (имплицитно) подразделяется на два разных понятия, первое из которых несколько шире второго: «согласование (в смысле Определения 4)» (*Мельчук 1993*, с. 49) (определение этого понятия дается в *там же*, с. 31) и «согласование (в широком смысле)» (*там же*, с. 30) (этому понятию дефиниция не дается вообще, но по контексту можно предположить, что имеется в виду некоторое понятие, в дефиницию которого не входит «Условие 1», т. е. условие «словоформа w_1 не является местоимением-заместителем, замещающим некоторое вхождение w_2 в E»). Морфологическую зависимость анафорических местоимений от их антецедентов, которая, понятным образом, не подходит под первое (узкое) понятие, но подходит под второе (широкое), И. А. Мельчук предлагает называть конгруэнтностью. При этом термин «согласование» употребляется то в узком смысле (например, когда говорится о «различиях между согласованием и конгруэнтностью»; см. *там же*, с. 49—50), то в широком смысле (например, когда говорится, что конгруэнтность есть «частный случай согласования»; см. *там же*, с. 30—31, 50). Второе (широкое) понятие согласования по объему приблизительно совпадает с понятием согласования в неоструктуралистской грамматике, однако понятию «конгруэнтности» (в трактовке И. А. Мельчука) здесь соответствует не «конгруэнтность», а «анафорическое согласование».

знать лексикографической условностью[59] и не учитывать его при решении вопроса о тождестве слова (тогда слово *он* оказывается столь же единым и имеющим столь же богатую парадигму, как слово *который*), либо включить в определение согласовательной связи такую ее разновидность, при которой от выбора существительного может зависеть не только выбор словоформы подчиненного слова, но и выбор самого подчиненного слова из небольшого числа морфолого-синтаксических синонимов, дополнительно распределенных относительно выбора предметного слова (контроллера, антецедента) и его формы. В принципе здесь возможны (непротиворечивы) обе трактовки[60].

14. Анафорические местоимения как особый грамматический разряд?

Неоструктуралистская трактовка согласования в некоторых отношениях сложнее, чем концепция согласования в РИС. Однако она позволяет дать более естественное объяснение некоторым фактам, традиционно описываемым с помощью понятия согласования.

Так, большое значение для всей теории согласовательных грамматических категорий, разработанной в РИС, имеют диагностические контексты, включающие анафорическую связь слова *который* со своим антецедентом (коррелятом) в главном предложении (с. 71—72). Эта связь вполне убедительно трактуется как «согласовательная» (*там же*).

Заметим, однако, что эта трактовка опирается на молчаливое признание слова *который* прилагательным: иначе во фразах, служащих диагностическими контекстами, не выполнялось бы определение согласовательной связи (с. 69).

Из определений, данных на с. 97 и 98, следует, что про любое слово на *-ый* «известно, является ли оно существительным или прилагательным (или ни тем, ни другим)» (с. 97).

---

[59] Такое решение, между прочим, принимается в Грамматике 1970 и Русской грамматике 1980 (*Плотникова 1980*, с. 532), хотя при этом в Грамматике 1970 родовые формы местоимений *он, она, оно, они* почему-то признаются (вслед за РИС) «несогласуемыми» (*Плотникова 1970*, с. 231).

[60] Хотя логические последствия их для концептуально-терминологического аппарата описания будут, возможно, неодинаковы. Трактовка, при которой категория рода у местоимений признается словоизменительной, кажется более предпочтительной в том отношении, что она не требует внесения изменений в определение понятия согласования, и это удобство достигается сравнительно небольшой ценой — отказом от традиционной лексикографической трактовки четырех местоименных словоформ. Достигаемая стройность грамматической концепции, по-видимому, окупает эту затрату.

А теперь зададимся вопросом: откуда грамматист вообще получает сведения о том, что *который* — это прилагательное?

Сведения о частеречной принадлежности слова могут быть теоретически получены из следующих типов источников:

(а) некоторый «заранее известный» толковый словарь с определенной системой грамматических помет. Однако в имеющихся словарях слово *который* трактуется не как прилагательное, а как относительное местоимение;

(б) семантико-синтаксическая интуиция грамматиста. Однако в современной теории относительного предложения, существенный вклад в которую принадлежит ААЗ, местоимение *который* не без основания трактуется как предметное слово (местоимение-существительное), а не как слово-атрибут (местоимение-прилагательное) (*Зализняк—Падучева 1979*). Лишь в «архаическом типе» относительного предложения (*Зализняк—Падучева 1975*, с. 69—70) вроде просторечных *Который осел убежал, того мы любили* или *Которого осла мы любили, тот убежал* местоимение *который* может трактоваться как слово-атрибут[61], однако, во-первых, предметом РИС является литературная норма, а во-вторых, в диагностических контекстах все равно представлены именно примеры на субстантивное употребление слова *который*;

(в) этимологическая интуиция грамматиста. Но с таким же успехом этимолог может трактовать слова *он, она, оно, они* как слова-атрибуты — на основании их этимологии[62] и т. п.; этимологическая интуиция, вообще говоря, может завести нас далеко;

(г) морфологическая интуиция грамматиста: 'раз слово *который* изменяется по родам, то, значит, оно представляет собой слово-атрибут'. Но, идя по такому пути, мы совершаем логический круг. О соответствующей «серьезной логической трудности» пишет и ААЗ:

> Принимая указанное разделение имен как заранее известное, мы занимаемся ниже выделением грамматических категорий внутри каждого класса. Между тем, как хорошо известно, само это разделение фактически опирается сразу на несколько признаков слова (семантических, морфологических и синтаксических), т. е., в частности, уже как-то учитывает наличие определенных грамматических категорий в каждом из классов. Иначе говоря, изображая это разделение как первичное, а выделение грамматических категорий как вторичное,

---

[61] В русском языке существует, впрочем, и атрибутивное *который*, но оно употребляется не как относительное, а как вопросительное (*Который час?*) или как эмфатическое (*Который раз я спрашиваю!*).

[62] Ср. также *оный* (книжн., арх.), выглядящее как полная форма от *он*.

мы идем на сознательное упрощение. В действительности в процессе познания поиск наиболее адекватного разделения слов на классы и наиболее адекватного набора грамматических категорий внутри классов идет одновременно, причем критерием успеха служит только адекватность полученной общей картины (с. 36).

Любопытно, что по внутренней форме (отражающей происхождение слов) оба этих местоименных существительных оказываются субстантивированными местоименными прилагательными. По деклинационному типу первое из них относится к адъективному[63] склонению, а второе — к местоименному. Наконец, с точки зрения внутреннего устройства парадигмы (т. е. по набору словоизменительных грамматических категорий) оба этих слова, по-видимому, следовало бы отнести к «анафорическому» (или, иначе, «квазиадъективному») разряду. «Анафорический» разряд (выделяемый при неоструктуралистской трактовке местоимений *он* и *который*, а также, возможно, местоимения *себя*) отличается от «простого адъективного» разряда лишь тем, что категория падежа у анафорических местоимений (в отличие от прилагательных) является не согласуемой, а управляемой категорией (наподобие субстантивного падежа), хотя и одноименной адъективному падежу. Вместе с тем анафорический разряд отличается и от «субстантивного» разряда: ведь анафорическим местоимениям (подобно тому, как словам-атрибутам[64]) свойственны следующие (отнюдь не субстантивные!) черты:

(а) согласовательный класс (род + одушевленность) является словоизменительной (а не классифицирующей) категорией (притом согласуемой, а не только контролирующей согласование сказуемого)[65];

---

[63] Это и есть, видимо, главная причина соблазна увидеть в слове *который* прилагательное или местоименное прилагательное. Однако в рамках концепции РИС такой аргумент был бы несостоятелен: не считается же, например, слово *запятая* прилагательным на основании его принадлежности к адъективному деклинационному типу!

[64] NB: при неофортунатовском формальном подходе местоимение *он* действительно трактуется как адъектив (см.: *Поливанова 1990*: 53), несмотря на очевидную синтаксическую близость к существительному, именно на основании того, что категория рода является для этой лексемы переменной величиной.

[65] Следует отметить, что неоструктуралистское понятие «контролирующей» грамматической категории охватывает такие вводимые в РИС понятия, как «род» (с. 22), «синтаксическая неодушевлённость» (с. 22), «синтаксическое число» (с. 22), «подчиняющий падеж» (с. 23). Таким образом, попытка строить теорию морфологических категорий вообще без учёта контролирующих категорий (соответствующие признаки при таком подходе предла-

(б) число является согласуемой (а не «номинативной» и не только контролирующей согласование сказуемого) категорией.

Набор словоизменительных грамматических категорий (если принять вышеизложенные неоструктуралистские аргументы) у анафорических местоимений — тот же, что у прилагательных, однако падеж при этом носит рекционный, а не согласовательный характер.

Исходя из этих соображений представляется естественным трактовать *который* и *он* единообразно — а именно, как предметные слова; конкретнее, как местоименные существительные «анафорического» (или «квазиадъективного») грамматического разряда. А при определении согласования целесообразно учитывать такую его разновидность, как согласование анафорических местоимений с антецедентами. Одновременное принятие этих двух принципов позволяет естественным образом разрешить все вышеперечисленные трудности.

15. Заключение

°основы этого учения стали уже непременной составной частью...

°сохраняет, таким образом, свое значение исходного пункта важного направления современных ⟨...⟩ исследований, и вместе с тем выдающегося образца научного мышления вообще.

Из того же научного комментария

В заключение отметим, что хотя все приведенные в эпиграфах цитаты взяты из статьи Андрея Анатольевича Зализняка о первой книге Ф. де Соссюра — «Мемуаре» (*Зализняк 1977b*)[66], мне представ-

---

гается включать в так наз. признаки синтактики, см. *Мельчук 1998*: 352), равно как и попытка полностью редуцировать понятие грамматических категорий к понятию словоизменительных категорий ценой полного отказа от анализа проблематики классифицирующих категорий (ср. *Мельчук 1997*: 247—251), представляется малопродуктивной; во всяком случае, такое кардинальное решение нуждается в хоть какой-нибудь мотивировке, а в тексте опубликованных частей русского перевода работы И. А. Мельчука «Курс общей морфологии» такой мотивировки пока что не появилось.

[66] В эпиграфах процитированы с. 289, 299, 301.

ляется, что они удивительно удачно подходят и к первой монографии самого Андрея Анатольевича, свой аналитический комментарий к которой я попытался предложить здесь[67].

---

[67] Приступая к приятной обязанности высказывания благодарностей, первым долгом я бы хотел выразить признательность своему отцу, Александру Львовичу Крылову (со слов которого я впервые узнал и о книге РИС, и о её авторе): около 25 лет назад он подсказал мне замысел настоящей статьи, делясь со мною (устно) своими свежими впечатлениями от книги (увиденной глазами математика) и научными комментариями к ней. Все предварительные версии настоящей статьи были внимательно прочтены и исключительно подробно отрецензированы А. К. Поливановой. При обсуждении важнейших концептуальных моментов ею были найдены важные для меня решения и получены формулировки, принятые мною целиком и вошедшие в статью иногда дословно. Некоторыми проясняющими формулировками, также включенными в текст дословно, я обязан А. С. Касьяну. Кроме того, статья была прочтена также следующими моими коллегами: В. М. Алпатовым, А. В. Гладким, Н. А. Еськовой, И. Б. Иткиным, А. И. Коваль, В. А. Плунгяном, О. Г. Ревзиной, В. З. Санниковым, Я. Г. Тестельцом, М. В. Шульгой. Они взяли на себя труд высказать по моему тексту ряд ценных критических замечаний, которые я в меру своих сил постарался учесть. Существенную помощь при работе над статьей мне оказало также содержательное обсуждение затронутых проблем с В. И. Беликовым, С. Г. Болотовым, †Т. В. Булыгиной, В. А. Виноградовым, А. В. Дыбо, В. А. Дыбо, А. Е. Кибриком, Е. В. Красильниковой, †В. Г. Чургановой, С. Е. Яхонтовым, а также консультации по некоторым библиографическим деталям, полученные от Т. А. Ганиевой и А. В. Тер-Аванесовой. При макетировании статьи автору оказал неоценимую помощь В. Ф. Борун. Принося искреннюю благодарность всем указанным лицам, за недостатки статьи я, разумеется, несу ответственность сам.

Литература[68]

*** Рец.: РИС // Русский язык за рубежом, 1968, № 2, с. 56.

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. — 236 с.

Алпатов В. М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. — 149 с.

Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. — 302 с.

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ, 1986, № 2, с. 57—70.

Арутюнова Н. Д. О структурных и традиционных методах в грамматике // НДВШ. Филологические науки, 1963, № 4, с. 164—175.

Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. — 607 с.

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, ЛО, 1976. — 255 с.

Булыгина Т. В. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке (в его письменной форме) // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1970, с. 7—70.

Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. — 287 с.

Булыгина Т. В. Структурная лингвистика // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 337—339.

Булыгина Т. В., Крылов С. А. Морфология // ЛЭС. М., 1990a, с. 313.

Булыгина Т. В., Крылов С. А. Склонение // ЛЭС. М., 1990b, с. 456—457.

---

[68] В библиографии использованы следующие сокращения: БСЭ = Большая советская энциклопедия, 3-е изд.; ВЯ = Вопросы языкознания; ГРВЛ = Главная редакция восточной литературы; ГРФМЛ = Главная редакция физико-математической литературы; ЛО = Ленинградское отделение; ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990; НДВШ = Научные доклады высшей школы; НТИ = Научно-техническая информация; Обзор 1974 = Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966—1969 гг. Морфология. М.: ИРЯ АН СССР, 1974; Основы 1966 = Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1966; ПГЭПЛ = Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике: Предварительные публикации; ЯРК = Языки русской культуры; BSLP = Bulletin de la société de linguistique de Paris; WSA = Wiener Slawistischer Almanach.

Булыгина Т. В., Крылов С. А. Флективность // ЛЭС. М., 1990с, с. 552—553.

Виноградов В. А. Структурная лингвистика // ЛЭС. М., 1990, с. 496—497.

Воронцова В. Л. Ударение. 1, § § 1—14, 16—21 // Обзор 1974, с. 39—59, 61—74.

Ворт Д. С. О роли абстрактных единиц в русской морфонологии // Развитие современного русского языка 1972. Словобразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975, с. 53—68.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М.: Высшая школа, 1986. — 312 с.

Гладкий А. В. К формальному определению рода и падежа существительного // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973a, с. 24—53.

Гладкий А. В. Формальные грамматики и языки. М.: Наука, ГРФМЛ, 1973b, 368 с.

Гладкий А. В., Мельчук И. А. Элементы математической лингвистики. М.: Наука, 1969. — 192 с.

Доквадзе Е. А. Синтез русских именных форм // Труды Вычислительного Центра АН Грузинской ССР, 1967, т. 7, № 1, с. 165—189.

Дурново Н. Н. О склонении в современном великорусском литературном языке // ВЯ, 1971, № 4, с. 90—104.

Дыбо В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Том I. М.: ЯРК, 2000. — 736 с.

Еськова Н. А., Большаков И. А., Бидер И. Г. Формальная модель русской морфологии. Часть I—II // ПГЭПЛ, вып. 111—112. М., 1978. — 48+59 с.

Еськова Н. А., Мельчук И. А., Санников В. З. Формальная модель русской морфологии. Часть I. Формообразование существительных и прилагательных // ПГЭПЛ. М., 1971. — 71 с.

Живов В. М. Унификация склонения существительных в косвенных падежах мн. числа в памятниках XVII в.: характер вариативности и обусловливающие ее факторы // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993, с. 93—110.

Журинский А. Н. [Решения задач] 10 и 11 // Лингвистические задачи. М.: Просвещение, 1983, с. 77—78.

Зализняк А. А. Краткий русско-французский учебный словарь. Около 10 000 слов. С приложением очерка русского словоизменения и сведений по русской фонетике. М.: ГИС, 1961. — 632 с.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967a. — 370 с. (См. также наст. изд. С. 1—370.)

Зализняк А. А. О показателях множественного числа в русском склонении // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70-th birthday. The Hague — Paris, Mouton, 1967b, p. 2328—2332. (См. также наст. изд. С. 545—549.)

Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973, с. 53—88. (См. также наст. изд. С. 613—657.)

Зализняк А. А. Согласование // БСЭ, т. 24, кн. 1, 1976a, с. 67.

Зализняк А. А. Согласовательный класс // БСЭ, т. 24, кн. 1, 1976a, с. 68.

Зализняк А. А. Грамматический словарь. М.: Русский язык, 1977a. — 880 с.

Зализняк А. А. О «Мемуаре» Ф. де Соссюра // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977b, с. 289—301.

Зализняк А. А. О понятии графемы // Balcanica. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1983, с. 134—152. (См. также наст. изд. С. 559—576.)

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. — 428 с.

Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М.: Наука, 1986, с. 89—219.

Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975, с. 51—102. (См. также наст. изд. С. 658—698.)

Зализняк А. А., Падучева Е. В. Синтаксические свойства местоимения *который* // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979, с. 289—329.

Иванов Вяч. Вс. Синхрония // БСЭ, т. 23, 1976, с. 438—439.

Крылов С. А. Некоторые уточнения к определениям понятий словоформы и лексемы // Семиотика и информатика, вып. 19. М., 1982, с. 118—136.

Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М.: Lyceum, 1994. — 224 с.

Кузнецова А. И. Предисловие // *Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф.* Словарь морфем русского языка. М., 1986.

Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М.: Высшая школа, 1974. — 144 с.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. — 327 с.; 2-е изд., М., 1987. — 272 с.

Маслов Ю. С. К семантической типологии морфем // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М.: Наука, 1978, с. 5—18.

Маслов Ю. С. О типологии чередований // Звуковой строй языка. М.: Наука, 1979, с. 195—201.

Мельчук И. А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972, с. 396—438.

Мельчук И. А. Часть 1 // Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966—1969 гг. Русский язык в исследованиях по автоматическому переводу. М.: ИРЯ АН СССР, 1974, с. 15—55.

Мельчук И. А. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии // Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975, с. 5—51.

Мельчук И. А. Согласование, управление, конгруэнтность // ВЯ, 1993, № 5, с. 16—58.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том I. Введение. Часть первая: слово. М.: ЯРК — WSA. М. — Вена, 1997.— 401 с.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: морфологические значения. М.: ЯРК — WSA. М. — Вена, 1998.— 544 с.

Милославский И. Г. Морфология. Глава 1, §§ 1—9 // Обзор 1974, с. 13—20.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981a. — 248 с.

Милославский И. Г. Морфология // Современный русский литературный язык. М., 1981b.

Откупщикова М. И., Фитиалов С. Я. Система морфологического синтеза для русского языка // НТИ, 1964, № 1.

Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: ЯРК, 2001. — 280 с.

Плотникова В. А. Построение раздела «Морфология» // Основы 1966, с. 92—127.

Плотникова В. А. Местоимение-существительное // Русская грамматика, т. 1. М.: Наука, 1980, с. 531—539.

Плотникова В. А. Местоимение-существительное // Грамматика современнного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.

Поливанова А. К. Морфонология русского субстантивного основообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 26 с.

Поливанова А. К. Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1981. М., 1983, с. 130—145.

Поливанова А. К. Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка (Сб. ст. к 60-летию проф. В. А. Успенского). М., 1990, с. 41—69.

Ревзин И. И. Метод моделирования и типология славянских языков. М.: Наука, 1967. — 299 с.

Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. М.: Наука, 1977. — 263 с.

Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. — 287 с.

Редькин В. А. Построение раздела «морфонология» // Основы 1966, с. 7—49.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. 4-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1967. — 542 с.

Трубецкой Н. С. Мысли о словацком склонении // *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987, с. 210—218.

Успенский В. А. К определению падежа по А. Н. Колмогорову // Бюллетень Объединения по машинному переводу, 1957, № 5, с. 11—18.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. — 296 с.

Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 1973. — 239 с.

Шульга М. В. Развитие морфологической системы имени в русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1988. — 38 с.

Якобсон Р. Морфологические наблюдения над славянским склонением // *Якобсон Р.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985, с. 176—197.

Andersen H. The Peripheral Plural Desinences in East Slavic // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1969, vol. XII.

Anderson St. R. A-morphous morphology. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1992. — XIV+434 pp.

Hockett Ch. Two models of grammatical description // Word, 1954, vol. 10, pp. 210—231. — Reprinted in: *Joos M.* (ed.) Readings in linguistics. The development of descriptive linguistics in America since 1925. 2-nd edition. N.Y.: American Council of Learned Societies, 1958, pp. 386—399.

Křižková H. Rev.: РИС // Československá rusistika, Praha 1968, № 2, s. 111—114.

L'Hermitte R. Rev.: РИС // BSLP, 1970, t. 65, fasc. 2, p. 102—103.

Matthews P. H. Inflectional Morphology. Cambr., 1972.

Mel'čuk I. A. Towards a language of linguistics. München: Wilhelm Fink, 1982. — 160 S.

Street J. C. Khalkha Structure. Bloomington, 1963.

Veyrenc J. Rev.: РИС // BSLP, 1968, t. 63, fasc. 2, p. 165.

Zalizniak A. À propos de la division des désinences nominales russes en parties significatives // *Greimas A. J.* et al. (eds.) Sign. Language. Culture. The Hague — Paris: Mouton, 1970, p. 153—155. (Janua linguarum. Studia memoriae Nicolai Van Wijk dedicata. Edenda cura C. H. van Schooneveld. Indiana Univ. Series maior. 1.)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1. Русское именное словоизменение. — Печатается по изд.: М.: Наука, 1967.

2. Акцентная система современного русского литературного языка // *А. А. Зализняк.* От праславянской акцентуации к русской / Отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 1985. С. 8–112.
3. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики: Сб. статей / Под общ. ред. В. А. Звегинцева. Вып. 8. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 71–119.
4. О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных // Славянское и балканское языкознание: Просодия. М.: Наука, 1989. С. 148–164.
5. О показателях множественного числа в русском склонении // To Honour Roman Jakobson: Essays on the occasion of his seventieth birthday. The Hague; Paris: Mouton, 1967. P. 2328–2332.
6. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Le mot, les mots, les bons mots = Word, words, witty words. Hommage à Igor Mel'čuck à l'occasion de son soixantième anniversaire. Les presses de l'Université de Montréal, 1992. P. 295–303.
7. О понятии графемы // Balcanica: Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С. 134–152.
8. Древнерусская графика со смешением *ъ–о* и *ь–е*. — Статья написана для сборника в честь В. Н. Сидорова (в печати).
9. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 53–88.
10. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975. С. 51–102. (В соавт. с Е. В. Падучевой.)

Научное издание

Андрей Анатольевич Зализняк

«РУССКОЕ ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ» С ПРИЛОЖЕНИЕМ ИЗБРАННЫХ РАБОТ ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Издатель А. Кошелев

Оформление серии Ю. Саевича

В подготовке оригинал-макета участвовали:
М. Толстая, А. Федосеев, А. Охотин
Корректор М. Толстая

Подписано в печать 16.07.2002. Формат 60×90 $^1/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. печ. л. 61,275. Заказ № 6712

Издательство «Языки славянской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6–105; № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ **http://www.lrc-mik.narod.ru**

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

*

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ» ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

В. М. Алпатов. История лингвистических учений. 368 с. 2001.

Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. I–II.
Т. I. 480 с. 1995.
Т. II. 768 с. 1995.

Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. 914 с. 1998.

И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. 464 с. 1996.

А. В. Бондарко. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. 736 с. 2002.

Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. 816 с. 2000.

В. А. Дыбо. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. I. 736 с. 2000.

А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 720 с. 1995.

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. 226 с. 2000.

С. Д. Кацнельсон. Категории языка и мышления: Из научного наследия. 864 с. 2001.

И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. I–IV.
Т. I. 416 с. 1997.
Т. II. 544 с. 1998.
Т. III. 368 с. 2000.
Т. IV. 584 с. 2001.

И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл⇔Текст». 2-е изд., доп. 368 с. 1999.

И. А. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл⇔Текст». 684 с. 1995.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. акад. Ю. Д. Апресяна.
Вып. 1. 552 с. 1997.
Вып. 2. 488 с. 2000.

Е. В. Падучева. Семантические исследования. 464 с. 1995.

Н. В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. 280 с. 2001.

А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 544 с. 2001.

Русский язык в научном освещении. №№ 1–2. 2001. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык в научном освещении. № 1(3). 2002. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык конца XX столетия (1985–1995): Сб. ст. 480 с. 2000.

Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. 648 с. 2001.

Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). 896 с. 2002.

В. Н. Телия. Русская фразеология. 288 с. 1996.

Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. 640 с. 2000.

И. Б. Шатуновский. Семантика предложения и нереферентные слова. 400 с. 1997.

Д. Н. Шмелев. Избранные труды по русскому языку. 888 с. 2002.

Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. 496 с. 2001.

Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. 384 с. 2001.

В «МАЛОЙ СЕРИИ» ВЫШЛИ КНИГИ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

Вежбицкая Анна. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. 288 с. 2001.

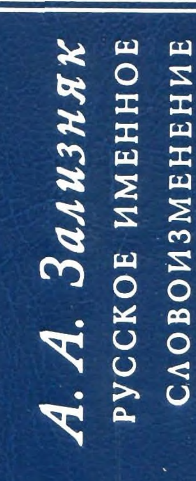
Основные положения, развиваемые в книге, заключаются в том, что разные языки существенно разнятся в отношении своего словарного состава и эти различия отражают различия ядерных ценностей соответствующих культурных общностей. Автор показывает, что всякая культура может быть исследована, подвергнута сопоставительному анализу и описана при помощи «ключевых слов» языка, обслуживающего данную культуру. Теоретическим фундаментом такого анализа может служить «естественный семантический метаязык», который реконструируется на основе широких сопоставительно-языковых исследований.

Вежбицкая Анна. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. 288 с. 2001.

Сборник включает ряд статей, посвященных различным аспектам взаимодействия языка и культуры. В них рассматриваются проблемы концептуализации эмоций в различных языках, вопрос о том, как присущие той или иной культуре ценностные установки влияют на использование языка носителями данной культуры, а также делается попытка экспликации смысла учения Иисуса, выраженного в евангельских притчах. Показано, как концепты, специфичные для отдельных языков и культур, могут быть описаны на основе ограниченного набора семантических элементов, составляющих «Естественный Семантический Метаязык».

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. 224 с. 2002.

*В книге рассматриваются ключевые идеи русской языковой картины мира, т. е. совокупность представлений об устройстве мира, которые говорящими на русском языке воспринимаются как сами собою разумеющиеся. Делается попытка выявить связь этих представлений с некоторыми специфическими особенностями русской культуры. В частности, рассматривается семантика ряда трудно переводимых русских слов (*простор, попрекнуть, вдруг, заодно *и т. п.), обсуждается вопрос о том, каков образ человека в русской языковой картине мира, как в ней представлены время и пространство, какие бытовые представления и общие жизненные установки в неявном виде закодированы в значении русских слов, в чем заключаются особенности задаваемых русским языком этических представлений.*


А. А. Зализняк
РУССКОЕ ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ